

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ЕЖЕГОДНИК
РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА
ПУШКИНСКОГО ДОМА

на **2021** год

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2021

УДК 82.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Е36

Редакционная коллегия:

В. Е. Багно, чл.-корр. РАН, *А. В. Лавров*, академик РАН, *С. И. Николаев*, академик РАН, *М. М. Павлова*, д. ф. н., *Н. В. Семенова*, к. ф. н., *Н. Н. Скотов*, чл.-корр. РАН, *Т. С. Царькова*, д. ф. н., *Ю. М. Чихалова*

Ответственный редактор:

Т. С. Царькова

Секретари редакционной коллегии:

Н. В. Семенова, *Ю. М. Чихалова*

Рецензенты:

О. Л. Фетисенко, д. ф. н., *А. М. Грачева*, д. ф. н.

Е36 Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2021 год / ИРЛИ РАН;
отв. ред. *Т. С. Царькова*. — СПб.: Росток, 2021. — 672 с., ил.

В «Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома» на 2021 год входят материалы широкого временного периода: от дискуссий об истоках древнерусской письменности, дневника первой четверти XIX века до информации о поступлениях в архивные фонды документов XXI века. Все они впервые вводятся в научный оборот и, несомненно, послужат источником фундаментом для многопрофильных гуманитарных исследований.

Книга открывается юбилейной статьей о гимназическом журнале подростков «Лентовец», авторами которого были и младшие члены семьи Л. Н. Андреева — его сын, будущий известный поэт и прозаик Вадим, и племянники Леонид и Лев. Обширный биографический комментарий к этой статье, базирующийся на архивных изысканиях, имеет высокую самостоятельную ценность.

В других статьях и сообщениях первого отдела сборника поднимаются исторические проблемы музейно-архивного дела, театральной жизни 1910-х годов, участия сотрудников Института литературы в политически окрашенной критике и публицистике предвоенных 1930-х годов.

Второй отдел книги — «Публикации» — включает эго-материалы: дневники, воспоминания, написанные на основе дневниковых записей, письма конца XIX—XX вв. В дневнике штабс-капитана Измайловского полка М. Н. Семенова за 1823 г. отразился армейский, а также дворянский столичный и приусадебный быт, настроения русской гвардии в конце царствования Александра I и преддверия восстания декабристов. Продолжающаяся публикация масштабного путевого очерка И. А. Гриневской «Путешествие в Края Солнца» (1911—1914) знакомит читателя с носителями идей и исторических позм и опытом знакомства притательницы с основами восточных религиозных верований. Завершающие главы воспоминаний В. В. Зошенко о последних годах и минутах жизни М. М. Зошенко трагически освещают положение семьи, сложные супружеские, дружеские и профессиональные отношения, сопровождавшие уход любимого народом писателя. Дневниковые записи Т. Г. Гнедич контрастно передают атмосферу Ленинграда, только что освобожденного от блокады, и Москвы 1944 года, почти послевоенной. Но в обоих городах литературная жизнь не замирала ни на день, несмотря на тяжелейшие бытовые и психологические условия выживания. Публикуемые скрупулезно прокомментированные переписки П. М. Бицилли и В. В. Вейдле, письма О. Ф. Берггольд к Ю. П. Герману и фрагмент обширного дневника Б. Ф. Егорова по-своему демонстрируют притяжения и противостояния литературных позиций в разные исторические эпохи России и русского Зарубежья.

Последний отдел традиционно содержит информацию о фондах, прошедших за год научно-техническую обработку, и новых архивных поступлениях в Пушкинский Дом.

Издание адресовано филологам, историкам, архивистам, преподавателям и студентам, всем, интересующимся русской культурой и судьбами ее создателей.

- © Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 2021
- © ООО «Издательство “Росток”», макет, 2021

ISBN 978-5-94668-336-4

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF RUSSIAN LITERATURE
(PUSHKIN HOUSE)

YEAR BOOK
OF THE MANUSCRIPT
DEPARTMENT
OF PUSHKIN HOUSE

for 2021

SAINT-PETERSBURG
2021

Editorial Board:

*V. E. Bagno, Y. M. Chihalova, A. V. Lavrov, S. I. Nikolaev, M. M. Pavlova, N. N. Scatov,
N. V. Semenova, T. S. Tsar'kova*

Editor-in-Chief

T. S. Tsar'kova

Reviewers:

O. L. Fetisenko, A. M. Gracheva

Е36 Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2021 год / ИРЛИ РАН;
отв. ред. Т. С. Царькова. — СПб.: Росток, 2021. — 672 с., ил.

The Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for 2021 includes materials from a wide time period: from discussions about the origins of ancient Russian writing, a diary of the first quarter of the XIX century to information about receipts to archival collections of documents of the XXI century. All of them are being introduced into scientific use for the first time and will undoubtedly serve as a source Foundation for multidisciplinary humanitarian research.

The book opens with an anniversary article about the high school magazine of teenagers “Lentovets”, whose authors were the younger members of the family of L. N. Andreev — his son, the future famous poet and prose writer Vadim, and nephews Leonid and Lev. The extensive biographical commentary on this article, based on archival research, is of high independent value.

Other articles and reports of the first section of the collection raise historical issues of Museum and archive work, theatrical life in the 1910s, and the participation of the Institute of literature staff in politically tinged criticism and journalism of the pre-war 1930s.

The second section of the book — “Publications” — includes ego materials: diaries, memoirs written on the basis of diary entries, letters of the late XIX—XX centuries. The diary of the staff captain of the Izmailovo regiment M. N. Semenov for 1823 reflected the army, as well as the nobility of the capital and household life, the mood of the Russian guard at the end of the reign of Alexander I and on the eve of the Decembrist uprising. Continuing publication of a large-scale travel essay by I. A. Grinevskaya’s “Journey to the Land of the Sun” (1911—1914) introduces readers to the carriers of the ideas of her historical poems and the writer’s experience with the basics of Eastern religious beliefs. The final chapters of V. V. Zoshchenko’s memoirs about the last years and minutes of M. M. Zoshchenko’s life tragically highlight the situation of the family, difficult marital, friendly and professional relations that accompanied the departure of the writer beloved by the people. The diary entries of T. G. Gnedich contrast the atmosphere of Leningrad, just released from the blockade, and Moscow in 1944, almost post-war. But in both cities, literary life did not stop for a day, despite the most difficult domestic and psychological conditions of survival. The scrupulously commented correspondence of P. M. Bicilli and V. V. Weidle, O. F. Bergholz’s letters to Y. P. Herman, and fragment of B. F. Egorov’s extensive diary demonstrate the attraction and opposition of literary positions in different historical epochs of Russia and the Russian Abroad in their own way.

The last section traditionally contains information about the funds that have passed scientific and technical processing during the year, and new archival receipts to the Pushkin House.

I. СТАТЬИ, СООБЩЕНИЯ

К 150-летию со дня рождения Леонида Андреева

**ЖУРНАЛ «ЛЕНТОВЕЦЬ» И ЕГО АВТОРЫ.
СТИХОТВОРЕНИЯ ЛЕОНИДА ЛИПАВСКОГО**

*(Вступительная статья, подготовка текста
и комментарии Ю. М. Валиевой)*

Аннотация: В статье впервые публикуются два стихотворения Леонида Липавского из рукописного журнала «Лентовець» 1917 г. петроградской гимназии В. К. Иванова, учрежденной Л. Д. Лентовской, из собрания РО ИРЛИ. Это самые ранние из известных на сегодня немногочисленных лирических стихотворений философа обэриутского круга Л. С. Липавского, дебютировавшего в литературе именно поэзией. На основе архивных источников раскрываются имена всех участников этого выпуска: авторов текстов, иллюстраторов и редакторов, приводятся биографические сведения о них периода обучения в школе.

Ключевые слова: Л. С. Липавский, стихи, архивный материал, публикация, биографика, школьный рукописный журнал.

Abstract: This article contains first-time publication of two earliest Leonid Lipavskiy's poems from the handwritten school journal «Lentovets» of year 1917, that was issued at V. K. Ivanov's Petrograd gymnasium, established by L. D. Lentovskaya (this volume of the journal is part of the Department of Manuscripts's collection of Russian Literature Institute (Pushkin House)). These are the earliest of currently known few lyrical poems written by the philosopher L. S. Lipavskiy. It was poetry that Lipavskiy made his writing debut with. The archive materials on the gymnasium reveal the names of the participants of this volume: the authors of the texts, the illustrators, the editors. The article also contains the biographical information on them during their stay at the gymnasium.

Keywords: Leonid Lipavskiy, poetry, publication, biography, handwritten school journal.

Журнал «Лентовець» был впервые кратко аннотирован в обзорной статье А. Л. Дмитренко о фонде В. С. Алексеева в РО ИРЛИ (Р. 1, оп. 1, № 364),¹ в составе которого он хранится.

Этот уникальный экземпляр рукописного журнала «клуба 5-го кл. гимназии В. К. Иванова, учрежд. Л. Д. Лентовской», 1917 год, № 4,

¹ Из поэтического архива В. С. Алексеева (1903–1942) / публ. А. Л. Дмитренко // Ежегодник Пушкинского Дома на 1997 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 419.

представляет несомненный историко-литературный интерес: как составом участников, на тот момент учеников одного класса, так и опубликованными здесь произведениями, в числе которых два ранее неизвестных юношеских стихотворения Леонида Липавского.

В верхней части обложки,² выполненной из покрытого серой бумагой картона, заставка с названием журнала: оно написано на декоративной ленте, расположенной между двумя парусниками с желтыми парусами, под кормою которых кипит белая пена. В середине композиции, над буквой «о» в слове «Лентовець», изображено восходящее солнце.

В центре обложки цветной рисунок: седовласый звездочет в очках читает при свече книгу; на его одежде и головном уборе звезды и полумесяцы.

Год и номер выпуска указаны между заставкой и рисунком, друг под другом.

Страницы из плотной белой бумаги, не нумерованы; материал размещен с обеих сторон листов.³ Тексты всех авторов переписаны одной рукой. Имена авторов стихотворений помещены над текстами, рассказов и очерков — после текстов.

В подготовке этого номера приняли участие: Леонид Липавский, соавтор его юношеских сочинений Владимир Алексеев, трое «представителей» семьи писателя Леонида Николаевича Андреева (его сын Вадим, племянники Леонид и Лев), а также Александр Бартковский, Владимир Петропавловский, Сергей Шейнман(н),⁴ Василий Трясов, Альберт Энгельбрехт, Андрей Андреев. Семь из этих 10 имен приведены в «Содержании», имена трех иллюстраторов имеются только в подписях под рисунками.

Все выше названные авторы в 1917—1918 учебном году были учениками одного класса, но их возраст различался: от 12 (Л. Липавский) до 16 лет (Энгельбрехт, Трясов, А. Андреев). В социальном плане состав авторов (сыновья врачей, присяжного поверенного, преподавателя университета, архитектора, писателя (помощника присяжного поверенного), журналиста, генерал-майора, крестьянина) вполне соответствовал демократическому характеру учебного заведения.⁵ Заметим, что только четверо участников этого номера (Алексеев, Липавский,

² Размер обложки: 365 × 260 мм.

³ Общее количество листов, включая обложку: 12, в том числе: л. 1 об. — фронтиспис; л. 2 — титульный; л. 2 об. — «От Редакции»; л. 3—10 об. — основной раздел; л. 11 — «Содержание»; л. 12 (оборот задней обложки) — иллюстрация.

⁴ Написание фамилии Сергея, а также его ближайших родственников в ряде документов различается: Шейнман/Шейнманн. В журнале «Лентовець»: «С. Шейнмань». Далее в нашем тексте для единообразия, за исключением цитат, его фамилия приводится в соответствии с библиографией его научных работ: «Шейнманн».

⁵ По своей профессиональной принадлежности из 10 человек: 8 — православные, 1 — лютеранин, 1 — иудей.

Шейнманн, Леонид Андреев) продолжили свое обучение в гимназии им. Л. Д. Лентовской и окончили полный курс.

Время подготовки рассматриваемого номера 4-го номера «Лентовца», очевидно, приходится на период с начала школьных занятий в сентябре до середины октября 1917 г. Крайними датами могут служить: 31 авг. (зачисление в гимназию А. Бартковского и 24 окт. (последний день посещения школы Вадимом Андреевым).

Выпуски № 1—3 за 1917 г. были подготовлены, скорее всего, зимой или весной предыдущего учебного года; подтверждение тому, что журнал тогда уже существовал, и сведения о его структуре даны в предисловии («Отъ редакціи»):

«Редакціонная Комиссія возлагаєть всѣ надежды на то, что въ этомъ году участіе въ журналѣ приметъ весь классъ. Такъ какъ одни ученики предпочитаютъ научныя статьи, а другіе литературныя произведенія, то и были созданы два отдѣла: научный и литературный. Теперь имѣя ввиду увлеченіе многихъ учениковъ политикой, Редакція создала еще одинъ отдѣлъ — политическій. Но какъ и въ прошломъ году, — главнымъ отдѣломъ долженъ быть литературный, иначе журналъ пріобрѣтетъ хотя бы нѣкоторую партійность, что не согласуется съ постановленіемъ Клуба о внѣпартійности, какъ его, такъ и журнала.

Во избѣжанія переполненія журнала политическими статьями, Редакціонная Комиссія постановила въ отдѣльномъ №, болѣе одной статьи такого характера не помѣщать.

Въ политическій отдѣлъ принимаются статьи всѣхъ направленій, ибо, какъ было сказано, — журналъ безпартіенъ.

Редакціонная Комиссія». ⁶

Свидетельством тому, что в гимназии вопросы политики было не обойти, являются не только известные воспоминания Вадима Андреева о вовлеченности учеников в обсуждение событий дек. 1916 г. — окт. 1917 г. («Создавались литературные кружки — в этом году половина нашего четвертого класса начала писать. Но в кружках не столько говорили о стихах, сколько о хитрости и бездарности Протопопова, о войне, об убийстве Распутина. Политическая лихорадка впервые в жизни охватила всех нас...»⁷), но и школьные документы (протоколы педсоветов, совещаний классных наставников, собраний родительского комитета и др.). Так, в протоколе общего собрания родителей от 15 нояб. 1917 г. записано: «Высказывается предложение, чтобы в младших классах преподаватели не вели разговоры на политические темы, но оно находит возражение: от политики, как от жизни, детей уберечь

⁶ РО ИРЛИ, Р. I, оп. 1, № 337, л. 2 об. Цит. с сохранением орфографии и пунктуации оригинала.

⁷ Андреев В. Л. Детство. М.: Сов. писатель, 1963. С. 167.

нельзя, а потому беседы о стремлениях партий к правде и справедливости могут понизить страстность и указать на трудность партийной борьбы. Указывается на опасность стремления изолировать школу от политики, которое может привести к тому, что политика станет запретным плодом, и дети уйдут в подполье».⁸

Однако предуведомление редакторов о создании в журнале, помимо литературного и научного, политического отдела, не нашло выражения в рубрикации оглавления 4-го номера, все литературные тексты были перечислены общим списком. Но отдельных рубрик удостоились «Иллюстраторы» и «Редакторы»:

Содержание № 4-го

Отъ Редакціи

*** Стихотворение В. Андреева

Расколъ Русской Церкви. В. Алексѣевъ

*** Стихотворение Л. Липавскаго

Епишка. Разсказъ Бартковскаго

У моря. Стихотворение. В. Андреева

Угличъ. В. Алексѣева

Полетъ. Стихотв. Л. Липавскаго

Прибой. Стихотв. В. Алексѣева

Редакторы:

Шейнманъ С.

Андреевъ В.

Алексѣевъ В.

Петропавловскій В.

Ил<л>юстраторы:

Трясовъ В.

Энгельбрехтъ А.

С содержательной точки зрения, материал этого выпуска в большей степени — литературно-художественный. К научным статьям с натяжкой можно отнести разве что сочинение В. Алексева «Расколъ Русской Церкви». Политическая же составляющая представлена главным образом поэтическими произведениями: открывающим журнал стихотворением Вад. Андреева «Вънецъ на голову Христа...»,⁹ в образном строе которого ошутима риторика сентябрьских публицистических статей Л. Н. Андреева¹⁰ (стихотворение содержит посвящение ему),

⁸ ЦГИА СПб., ф. 141, оп. 1. № 164, л. 101. Школьные документы приводятся нами по новой орфографии.

⁹ Стихотворение приведено в комментарии к публикации: Из поэтического архива В. С. Алексева (1903—1942). С. 429.

¹⁰ *Андреев Леонид*: 1) Во имя революции // Русская воля. 1917. 17 сент. № 221. С. 2—3; 2) Вопрос // Там же. 10 окт. № 240. С. 2; *Б. н.* Дни великого испытания // Там же. 1 окт. № 233. С. 2; *Б. н.* Погибающая Россия // Там же. 12 окт. № 242. С. 2.

и вольнолюбивой лирикой В. Алексеева («Прибой»), Вад. Андреева («У моря»), Л. Липавского («Полетъ»).

Отметим, что на «андреевскую ноту» настраивают и выше упомянутое изображение астронома на обложке, и рисунок на фронтисписе (силуэт лица на фоне языков пламени в полукруглом окне за решеткой).¹¹

Литературный отдел

«...живой, способный мальчик. Начитан. С большим вкусом к гуманитарному знанию. Самолюбив, высокое мнение о себе»¹² — так охарактеризован классным руководителем Вадим Андреев — старший сын писателя Л. Н. Андреева и Александры Михайловны Андреевой (урожд. Велигорской).

В журнале Вадим Андреев был представлен двумя стихотворениями («Вънецъ на голову Христа...» (посв. Л. А-ву) и «У моря»), входил он и в редакционную коллегию.

Периоду обучения в гимназии им. Л. Д. Лентовской В. Андреевым уделено значительное место в повести «Детство» (хотя об издании журнала он не упоминает): «Спасением от одиночества была гимназия Лентовской. <...> Здесь я встретил настоящих живых людей <...>, нашел настоящую дружбу, которая создается только между тринадцатилетними подростками, почувствовал радость настоящей жизни».¹³

Вадим Андреев поступил в гимназию им. Лентовской в 1915 г. в 3-й класс. Согласно приемной ведомости, на вступительных экзаменах 19 авг. 1915 г. он получил следующие общие оценки (по некоторым предметам экзамен был и в устной, и в письменной форме): «хорошо» — по Закону Божиему, арифметике, географии, естествоведению; «удовлетворительно» — по русскому языку, истории, французскому и немецкому языкам.¹⁴

К документам В. Андреева приложено свидетельство о его обучении в 1913—1914 гг. в гимназии К. Мая, выданное 12 авг. 1914 г.:

«Предъявитель сего, бывший ученик третьего (III) класса С-Петербургской Гимназии К. Мая, Вадим Леонидович Андреев, сын помощника присяжного поверенного, вероисповедания православного, родившийся 25 декабря 1902 (второго) года, находился в этом заведении с сентября 1913 (тринадцатого) года по август 1914 (четырнадцатого), был отличного поведения и в 1913—1914 учебном году, при переходе из второго (II) класса в третий (III), показал следующие успехи:

¹¹ Эти образы могли быть вдохновлены пьесой Л. Андреева «К звездам» (1905). Ближайшая по времени постановка — июль 1917 г., Малаховский театр под Москвой.

¹² ЦГИА СПб., ф. 141, оп. 1, № 193, л. 1 об.—2.

¹³ Андреев В. Л. Детство. С. 134.

¹⁴ ЦГИА СПб., ф. 141, оп. 1, № 177, л. 234.

в Законе Божиим — четыре (4)
в Русском языке — три (3),
Математике — четыре (4),
Истории — пять (5)
Географии — пять (5)
Природоведении — пять (5)
Французском языке — три (3)
Немецком — четыре (4)
Рисовании — три (3)

<...>

Выбыл он из III (третьего класса) С-Петербургской Гимназии К. Мая по прошению отца.¹⁵

В этом же документе указывалось <sic!>, что «До поступления в Гимназию К. Мая означенный Вадим Леонидович Андреев обучался в Гимназии Л. Д. Лентовской в С.-Петербурге».¹⁶

Обратим внимание на то, что литературная деятельность отца в школьных документах не фигурировала. Вадим записан «сыном помощника присяжного поверенного» не только в приведенном выше свидетельстве из гимназии К. Мая, но и в бумагах «Лентовки» (экзаменационных ведомостях, сведениях об успехах учащихся за 1916—1917 учебный год).¹⁷

Прошение о приеме Вадима Андреева в «Петроградскую гимназию В. К. Иванова, учрежденн<ую> Л. Д. Лентовской» было подано неким

---

¹⁵ ЦГИА СПб., ф. 141, оп. 1, № 177, л. 235. Здесь и далее заполненные в свидетельстве графы выделены нами подчеркиванием. — Ю. В.

На обороте:

«Права его В. Л. Андреева, как окончившего курс второго (II) класса, изложены ниже сего в пункте I-м.

В удостоверение всего вышеизложенного дано ему Андрееву Вадиму Леонидовичу, сие свидетельство за надлежащею подписью и с приложением казенной печати.

г. С.-Петербург Август 12 дня 1914 года

Директор (Подпись)

Члены Педагогического Совета (Подписи)».

¹⁶ ЦГИА СПб., ф. 141, оп. 1, № 177, л. 235. О том, что он ранее уже учился в гимназии Лентовской, в книге «Детство» В. Л. Андреев не упоминает. Скорее всего, этот первый период обучения в «Лентовке» относится к весне 1913 г., после переезда к М. А. и Е. А. Рейснерам. Отметим и то, что в документах гимназии не нашли отражения запечатленные в повести эпизоды непродолжительного посещения Вадимом московской гимназии Поливанова осенью 1914 г. и его дальнейшее домашнее обучение (на Черной речке).

¹⁷ ЦГИА СПб., ф. 141, оп. 1, № 187, л. 27 об. Возможно, эти документы заполнялись на основе сведений из метрики. Так, в Выписи из метрической книги, выданной причтом Московской Николаевской, на Новом Ваганькове, церкви, о родителях и воспитанниках Вадима (родившегося 25 декабря 1902 года, крещенного 9 января 1903 года) сказано:

Романом Адамовичем Яблонским,¹⁸ который называет Вадима своим «воспитанником».

«Прошу принять в III класс моего воспитанника Вадима Леонидовича Андреева, православного вероисповедания, родившегося в 1902 году 25 (двадцать пятого) декабря, обучавшегося в гимназии Мая».¹⁹

Прошение датировано днем вступительных экзаменов — 19 авг. 1915 г. Адрес, указанный Р. Яблонским: ул. Офицерская, д. 36, кв. 61, тел.: 460-97.

В отзывах учителей об успехах Вадима за 4-й класс подчеркивается его начитанность,²⁰ одаренность, но и самолюбие²¹ («крайне самолюбивый, способный мальчик. Самомнение самое большое во всем классе» («русский язык»);²² «Оч[<]ень» интересный и способный ученик.

«Помощник присяжного поверенного округа Московской Судебной Палаты Леонид Николаевич Андреев и законная жена его Александра Михайловна, оба православные.

Восприемники:

Коллежский советник Михаил Михайлович Велигорский и жена землемера Анастасия Николаевна Андреева» (ЦГИА СПб., ф. 141, оп. 1, № 177, л. 237—238).

¹⁸ Полагаю, что это лицо: *Яблонский Роман-Станислав-Дионисий Адамович* — род. 15 сент. 1893 г., римско-католического вероисповедания, сын дворянина Ломжинской губ., инженера-механика, инженера путей сообщения, надворного советника Адама Романовича Яблонского, состоявшего начальником участка пути Бердянской ветви Екатеринославской железной дороги, и дворянки Ковенской губ. Виктории Иосифовны (урожд. Сороко). Жил он в Петербурге на Офицерской ул., д. 36, кв. 1 (позже в кв. 61). Очевидно, что Роман Яблонский и его мать представлены в повести В. Л. Андреева «Детство» под вымышленной фамилией Грушевеньских. По всей видимости, Р. Яблонский был учителем Вадима зимой — в начале весны 1913 г. В феврале-марте 1913 г. Яблонский, на тот момент студент 2-го курса естественного отделения физико-математического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета, для поправки здоровья жил за городом: ст. Териоки, Финляндский ж. д., Ваммельсуу, дача Леонида Андреева.

¹⁹ ЦГИА СПб., ф. 141, оп. 1, № 177, л. 232.

²⁰ По воспоминаниям Вадима Леонидовича, он пересказывал своему соседу по комнате «у пани Грушевеньской» «содержание романов Тургенева, почти всех вещей Достоевского, Гончарова и Гоголя» (*Андреев В. Л. Детство*. С. 160). Среди гимназистов «Лентовки» имела хождение и нелегальная литература; так, по свидетельству В. Андреева, когда он вместе с отцом ездил летом 1916 г. в Москву, то взял с собой в дорогу сборник нелегальных песен, содержащий «Интернационал», «Марсельезу», «Варшавянку» (Там же. С. 138).

²¹ Ср. с дневниковыми записями Л. Н. Андреева от 3 июня 1918 г.: «Мучает меня Вадим своим характером. В нем есть чистое золото, но золото это в грязи <...>. Грубость и дикое самомнение, баронский тон и жесты, твердая память даже о мнимых правах и частое забывание долга. Откуда это? Много читает, много и я с ним говорю, и как будто нет иных влияний, а вот поди — дует в какую-то щель, просачивается из какой-то всероссийской глубины» (Леонид Андреев. S.O.S.: Дневник (1914—1919); Письма (1917—1919); Статьи и интервью (1919); Воспоминания современников (1918—1919) / вступ. ст., сост. и примеч. Р. Дэвиса и Б. Хеллмана. М.: СПб.: Atheneum, Феникс, 1994. С. 105).

²² ЦГИА СПб., ф. 141, оп. 1, № 193, л. 15 об.—16.

Хорошо переводит, но несерьезно относится к делу» («немецкий язык»).²³ В 1916—1917 учебном году Вадим пропустил много занятий,²⁴ в 1-й четверти аттестован не был, тем не менее, во 2-й четверти получил по русскому языку (устно и письменно) — «5». В 5-й класс Определением педагогического совета он был переведен, но с обязательной работой по немецкому и французскому языкам и ручному труду.²⁵

Время подготовки журнала приходится на первые месяц-полтора занятий в 5-м классе. Среди других школьных событий, одновременных этому, — репетиции гоголевского «Ревизора», в котором Вадиму была доверена роль Хлестакова: «Вероятно, для того, чтобы вернуть нас в круг наших интересов, преподаватель русского языка <Л. Георг. — Ю. В.>, прекрасный знаток своего предмета и большой театрал, решил поставить зимою целиком, без купюр, “Ревизора”». ²⁶ Немаловажным представляется нам тот факт, что для Вадима это был период столь долгожданного сближения с отцом и переселения в квартиру Л. Н. Андреева (наб. р. Мойки, д. 1).²⁷ Обсуждал ли Вадим с отцом содержание «Лентовца», мы сведениями не обладаем. После 24 окт. 1917 г. Вадим гимназию не посещал (Л. Н. Андреев с семьей уехал из Петрограда в Ваммельсуу), и на этом его учеба в «Лентовке», очевидно, завершилась.²⁸

²³ ЦГИА СПб., ф. 141, оп. 1, № 193, л. 55 об.—56.

²⁴ Осенью 1916 г. Вадим болел скарлатиной. В школьных документах имеется на маленьком листке бумаги «удостоверение от 11 ноября 1916 г.» о проведенной в квартире, где он жил (Минский пер., угол ул. Офицерской, д. 1/36, кв. № 1), дезинфекции после скарлатины (л. 233). В своих воспоминаниях В. Л. Андреев, возможно, в силу абберации памяти, относит свою болезнь к осени 1915 г. (*Андреев В. Л.* Детство. С. 134). В этой же повести он рассказывает, что на пасхальные каникулы 1917 г. один отправился в дом на Черной речке, там заболел и больше до конца учебного года в гимназию не возвращался (Там же. С. 182).

²⁵ ЦГИА СПб., ф. 141, оп. 1, № 187, л. 27 об.

²⁶ *Андреев В. Л.* Детство. С. 193. Позднее в гимназическом спектакле роль Хлестакова исполнял А. Введенский (*Кобринский А. А., Мейлах М. Б.* Введенский и Блок: материалы к поэтической предыстории ОБЭРИУ // Блоковский сборник X: А. Блок и русский символизм: проблемы текста и жанра. Тарту, 1990. С. 73. (Учен. зап. Тарт. гос. ун-та; вып. 881)). В 1920 г. этот спектакль, по всей видимости, был представлен не один раз. На заседании Комиссии классных наставников 3 февраля 1920 г. был «Заслушан доклад <...> по организации концерта вечером 14 февр. <ко Дню школы. — Ю. В.> <...> Постановлено вместо пьесы «Плоды просвещения» поставить пьесу «Ревизор» (ЦГА СПб., ф. 3102, оп. 1, № 172, л. 1). Спектакль был также показан в июне того же года.

²⁷ «С того времени, как я поселился на Мойке, собственно говоря, и началась моя близость с отцом, медленно переходившая в дружбу, оборвавшуюся только с его смертью» (*Андреев В. Л.* Детство. С. 189).

²⁸ Согласно п. 7 протокола заседания Педагогического совета от 29 апреля 1918 г., Вадим Андреев, Лев и Леонид Андреевы были «уволены за невзнос платы» (ЦГА СПб., ф. 3102, оп. 1, № 165, л. 17). В то же время в этом же протоколе их имена есть в списке тех, кому назначены «поверочные испытания для перехода в следующие классы» (Там же, л. 18 об.). В сведениях об успеваемости каждого из них за

Владимир Алексеев, сын философа Сергея Алексеевича Алексеева (псевд. Аскольдов) и Елизаветы Михайловны Алексеевой (урожд. Голдобина),²⁹ родился 10 янв. 1903 г., учился в гимназии им. Л. Д. Лентовской с 1911 г. Прошение о его приеме в старший подготовительный класс классического отделения гимназии было подано отцом 16 авг. 1911 г.³⁰ Спустя два дня Владимир держал вступительные экзамены, но оказался «слабоват» по математике и русскому языку и был принят только в младший подготовительный класс.

Заметим, что из школьных дисциплин письменный русский язык оставался для В. Алексеева камнем преткновения и в дальнейшие годы,³¹ что, возможно, было связано с особенностью его мышления, подмеченной преподававшим у них географию и естествознание Н. Н. Золотавиным: «Алексеев — Понимание гораздо выше, чем способности изложения».³² Сходное суждение об ученике высказывает классный наставник <Л. Георг>: «Знает больше, чем может это прояснить...»³³ и добавляет: «Имеет исключительно философский склад ума».³⁴ Как преподаватель русского языка Георг констатирует: «...в письменных работах всегда озабочен ошибками, а потому чрезмерно лаконичен».³⁵

1917—1918 учебный год записано: «уволен по прошению». Дата стоит та же: 29 апреля 1918 г. (ЦГА СПб., ф. 3102, оп. 1, № 179, л. 13 об.). В сведениях за первое полугодие 1917—1918 учебного года (таблица) в графах Вадима, Льва и Леонида Андреевых стоят прочерки (ЦГА СПб., ф. 3102, оп. 1, № 187, л. 1 об.—2). См. также сн. 162.

²⁹ Поскольку подробный биографический очерк о В. С. Алексееве и его семье и основные сведения о его учебе в «Лентовке» даны в указанной выше работе А. Дмитренко (Из поэтического архива В. С. Алексеева (1903—1942) / публ. А. Л. Дмитренко. С. 403—430), мы остановимся здесь только на некоторых деталях, имеющих отношение к теме настоящей статьи. О судьбе С. А. Алексеева (Аскольдова) см.: *Аскольдов С. А. Письма к А. А. Золотареву* / вступ. заметка и примеч. А. А. Сергеева; подгот. текста А. И. Добкина // *Минувшее*. Paris, 1990. Вып. 9. С. 352—379; *Аскольдов С. А. Из писем к родным (1927—1941)* / публ. А. Сергеева // *Минувшее*. М.; СПб.: Atheneum: Феникс, 1992. С. 292—331.

³⁰ ЦГИА СПб., ф. 141, оп. 1, № 93, л. 163. В прошении указан домашний адрес: ул. Кронверкская, д. 21, кв. 22.

³¹ Определением педагогического совета В. Алексеев был переведен в 5 класс с обязательной работой по русскому письменному (ЦГИА СПб., ф. 141, оп. 1, № 187, л. 36).

³² Там же, № 193, л. 48.

³³ Там же, л. 2.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же, л. 16. Интересный отзыв Л. Георга приводит А. Л. Дмитренко: «О<чень> оригинальн<ое> суш<ество>. В развитии его не все представляется нормальн<ым>. Андр<ей> Белый, Достоевский, Толстой, соврем<енная> литерат<ура> — вот круг его интересов. Сам — поэт. Недурные стихи. Наряду с этим поразительная безалаберность в школьных занятиях. Ревностн<ый> посетитель “Костра”, где предполагает читать о лирике Вл. Соловьева, — и в то же время феноменально безграмотный человек. К системат<ическому> труду неспособен. Перенес тяжелые

Владимир Алексеев выступил в журнале с тремя произведениями: стихотворением «Прибой» и двумя сочинениями в прозе («Угличъ» и «Расколь Русской Церкви»), жанр которых автором не указан. Сочинению о расколе (с подзаголовком «Глава I. Русская Церковь до Никона») предшествует эффектная черно-белая заставка, выполненная В. Трясовым, — «два всадника с копьями наготове скачут навстречу друг к другу»;³⁶ после окончания текста помещен «силуэт Исаакиевского собора» — черно-белый рисунок А. Энгельбрехта. Сочинению В. Алексеева предпослан план: «Старые русские книги. Отличие русских книг от греческих. Исправление книг и их исправители. Отношение царя. Влияние греков. Малограмотность священников. Бездействие патриархов»;³⁷ по сути же эта работа является пересказом соответствующих глав учебника по истории.³⁸ Рассказ «Угличъ» более самостоятелен: написанный в жанре путевого очерка («...Солнце уже начинало садиться, когда пароход подошел к пристани. Кремль был особенно хорош при таком освещении. Между тем пароход причалил. Я сошел и стал подниматься в гору»³⁹), он передает личные впечатления автора от посещения города,⁴⁰ осмотра его исторических памятников, в том числе возвращенного из Тобольска «ссылного» колокола,⁴¹ церковной архитектуры:

болезни, сухорук. "Интеллигент"» (Из поэтического архива В. С. Алексеева (1903—1942) / публ. А. Л. Дмитренко. С. 420).

³⁶ Техническое описание рисунков приводится в разделе «Иллюстраторы».

³⁷ РО ИРЛИ, Р. I, оп. 1, № 364, л. 3 об. Здесь и далее цитаты из прозаических произведений В. Алексеева приводятся по новой орфографии.

³⁸ См., например: Кубалов Б. Систематический курс русской истории. Ч. II. Курс V класса. Одесса, [1916].

На педагогическом совете 29 сент. 1916 г. «Гуманитарная комиссия, разработав ряд методических вопросов, связанных с ведением письменных работ по русскому яз<ыку>, предложила Педагогическому Совету: 1) признать русские сочинения в старших классах очень важным средством для выработки в учениках привычки и вкуса к литературному творчеству и для развития способности излагать свои мысли на родном языке, 2) предоставить ученикам больше свободы в выборе тем для сочинений, позволяя им по соглашению с преподавателями представлять вместо сочинений на обычные литературные темы рефераты по разным школьным предметам и 3) признать желательным ввести в старших классах двух- или трехчасовые сочинения, занимая для этого часы, предназначенные для других предметов по соглашению с соответствующими преподавателями» (ЦГИА СПб., ф. 141, оп. 1, № 184, л. 7 об).

³⁹ РО ИРЛИ, Р. I, оп. 1, № 364, л. 8 об.

⁴⁰ Детали поездки В. Алексеева в Углич (год, состав участников) нам пока уточнить не удалось. Экскурсия учащих «Лентовки» в Углич упоминается в одном из отчетов школы о летней практике, относящемся к более позднему времени.

⁴¹ В. Алексеев наверняка был знаком с известным очерком М. И. Пыляева «Исторические колокола», повествующим, в том числе, о судьбе на тот момент еще не возвращенного ссылного «Углицкого карноухого» колокола, «в который били <...> в набат по случаю умерщвления царевича Дмитрия. Борис Годунов сослал изблители одушевленных в Пельым, а неодушевленного, с отсечением уха, в Тобольск

«...Я увидел не шестиэтажные закоптелые махины-дома, и не грязные фабричные трубы, а цепь старинных русских колоколен, которые встречаются в верхнем течении Волги. Они живописно раскинулись на холмах по берегу реки. В самом центре желтый собор, налево маленький домик с крошечными окнами и крыльцом, как в старинных боярских домах — это был дворец царевича Димитрия. Еще левее красная церковь на Крови, затем ров, за рвом тянется ряд старых церквей и монастырей. Все эти церкви построены триста-четырееста лет тому назад, новых же церквей нет совершенно. <...>

Во дворце царевича Димитрия находится музей, здесь собраны вещи и относящиеся, и не относящиеся к царевичу. Самый интересный предмет из всех вещей, находящихся там — “Угличский ссыльный колокол”. Он был сослан в наказание за то, что в него звонили при убийстве царевича, в г. Тобольск, но несколько лет тому назад угличанам удалось, благодаря усиленным просьбам, вернуть его...

Когда я вышел из музея, был уже вечер. На фоне голубого неба причудливо выделялись очертанья маковок и смутный блеск крестов при свете вошедшего месяца...»⁴²

На развороте с текстом рассказа имеются две иллюстрации: фигурно вырезанный цветной рисунок А. Андреева («древнерусский город на берегу реки») и черно-белый рисунок А. Энгельбрехта («летающая сова»).

Нельзя исключить, что оба эти сочинения В. Алексеева имели отношение не только к школьным занятиям по истории, которые вел А. Ю. Якубовский,⁴³ применявший в преподавании экскурсионный метод, но и к реформируемому в это время курсу Закона Божия, для чтения которого в гимназию был приглашен отец В. Алексеева С. А. Алексеев.

Весной 1917 г., в преддверии нового учебного года, «вопрос о положении курса Закона Божия» рассматривался в гимназии комиссией классных наставников, а затем на педсовете: «Признавая единогласно прежнее преподавание Закона Божия совершенно недопустимым, как с педагогической точки зрения, так и с точки зрения свободы совести семьи и учащихся, члены комиссии разошлись в оценках значения содержания Ветхого и Нового Завета для религиозного воспитания. Большинство комиссии признавало возможным включить содержание этих книг в курс истории соответствующих периодов и находило это

в 1595 г.» (Пыляев М. И. Исторические колокола // Исторический вестник. 1890. Кн. 10. С. 195).

⁴² РО ИРЛИ, Р. I, оп. 1, № 364, л. 8 об.—9.

⁴³ А. Ю. Якубовский служил в гимназии им. Л. Д. Лентовской с 1913 г., он преподавал историю, социологию и политические учения. См. о нем: *Валиева Ю. Об источниках книги Л. Липавского «Немые свидетели» // Сборник матицэ српскэ за славику. Нови Сад, 2018. № 94. С. 105—120.*

достаточным для ознакомления учащихся с основами христианского и древнееврейского вероучений; выделение же этого материала в особый курс большинство считало посягательством на права семьи в деле религиозного воспитания детей, так как изложение учителем в классе рассказов священного писания неизбежно будет субъективным — окрашенным тем или другим чувством и потому может явиться насилием над религиозными убеждениями детей или их родителей».⁴⁴

С. А. Алексеев, на тот момент приват-доцент Петербургского университета, был приглашен правлением гимназии с сент. 1917 г. для преподавания Закона Божия в 7-м и 8-м классах;⁴⁵ во 2-м полугодии 1917—1918 учебном году ему были поручены занятия по этому предмету в 5-м и 6-м классах.⁴⁶

В то же время на заседании педагогического совета от 29 янв. 1918 г. говорилось о необходимости пересмотреть вопрос о преподавании Закона Божия «в смысле признания необязательным его изучение».⁴⁷ Спустя неделю было постановлено: «Освобождать от посещения уроков Закона Божия учеников всех классов по соглашению с родителями. Причем разрешение дается по заявлениям самих учеников, если они достигли 15-летнего возраста; по заявлениям родителей, если учащиеся моложе».⁴⁸ Решение о том, что «гимназия им. Л. Д. Лентовской должна быть светской, причем это относится не только к урокам Зак<она> Божия, но и ко всем возможным <нрзб> обрядовой стороны религии в школе»,⁴⁹ было принято на педсовете 28 сентября 1918 г.

---

⁴⁴ ЦГИА СПб., ф. 141, оп. 1, № 184, л. 34. Из протокола заседания педагогического совета 2 мая 1917 г.

⁴⁵ Там же, л. 41. Из протокола заседания педагогического совета 4 октября 1917 г.

⁴⁶ ЦГА СПб., ф. 3102, оп. 1, № 165, л. 3. Из протокола заседания педагогического совета Общественной гимназии имени Л. Д. Лентовской 29 января 1918 г.

В 1918/1919 учебном году С. А. Алексеев вел в гимназии уроки психологии и библиотечного дела, заведовал школьной библиотекой (*Дмитренко А. Л., Сажин В. Н.* Краткая история «чинарей»). Материалы подготовленного С. А. Алексеевым сборника «Октябрьская революция» (сост. С. А. Алексеев; с примеч. А. И. Усагина. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926), вышедшего в серии «Революция и Гражданская война в описаниях белогвардейцев», были использованы Л. Липавским при написании книги для детей «Немые свидетели: из революционного прошлого Ленинграда» (М.; Л.: Гос. изд-во, 1927). См.: *Валиева Ю.* Об источниках книги Л. Липавского «Немые свидетели». С. 105—120.

⁴⁷ ЦГА СПб., ф. 3102, оп. 1, № 165, л. 4.

⁴⁸ Там же, л. 5 об. Из протокола заседания педагогического совета Общественной гимназии имени Л. Д. Лентовской 7 февраля 1918 г.

⁴⁹ Там же, л. 24 об. Перед принятием этого решения был «заслушан декрет Комиссариата, запрещающий Закон Божий в школе, и постановление Московского Съезда Всероссийского Учительского Союза, признающего необходимым сохранение Закона Божия, как предмета, который может быть обязательным для школы, должен быть обязательным для учеников» (Там же.) На этом же заседании рассматривался вопрос о переходе на новую орфографию: «Заслушан декрет о новой ор-

Единственное произведение, оставшееся в журнале неподписанным, — рассказ «Епишка», его автор указан только в «Содержании» — «Бартковский», при этом, в отличие от других, одной фамилией без инициала.

По всей видимости, речь идет об учившемся в 1917–1918 гг. в 5-м классе Александре Бартковском, сыне художника-архитектора Григория Степановича Бартковского.⁵⁰

Александр Бартковский родился 29 авг. 1903 г., поступил в гимназию Лентовской несколькими месяцами позже Леонида Липавского: он был зачислен в 5-й класс 31 авг. 1917 г. по свидетельству гимназии Н. В. Дмитриева (бывш. С. А. Столбцова).⁵¹

Из прошения отца, поданного 1 июня того же года, известно, что на тот момент семья жила на Петроградской стороне, улица Милосердия, д. 12, кв. 48. Леонид Георг дал такую характеристику новому ученику: «...скромный, корректный. При внешней возмужалости, порой наивен, но одарен. Прекрасное приобретение для школы».⁵²

Предки Александра по отцу были православными священниками из Херсонской епархии, Тираспольского уезда: прадед, Павел Бартковский, — служил в Николаевской церкви селения Николаевка; дед, Стефан Павлович Бартковский, был дьяконом этой же церкви, затем священником Вознесенской церкви г. Григориополя. Отец родился 30 янв. 1866 г. в Николаевке, учиться архитектурному делу начал в Одесской рисовальной школе с общеобразовательным при ней училищем, а после завершения ее курса в 1894 г. продолжил специальное образование на архитектурном отделении Императорской Академии художеств в Петербурге, затем в Высшем художественном училище при Академии. В 1901 г. Григорий Стефанович окончил его по мастерской Л. Н. Бенуа и был «за отличные познания в искусстве и науках, доказанные им во время пребывания в архитектурном отделении Училища, удостоен звания Художника-Архитектора, с присвоенным оному <...> правом на чин X класса при поступлении на государственную службу и с предоставлением производить постройки»,⁵³ а также приобрел «право на ношение серебряного академического знака».⁵⁴

Согласно копии свидетельства Херсонской духовной консистории, сохранившегося в документах Академии художеств, Григорий Барт-

фографии, прину<дитель>но вводящий ее во всех классах. Педагогический Совет признал желательным держаться старой <орфографии>; ввести новую орфографию как обязательную для учеников в младших классах, в старших же классах только усиленно ее пропагандировать» (Там же).

⁵⁰ Мать — Елизавета Александровна. Сестра — Надежда, 1907 г. р.

⁵¹ ЦГА СПб., ф. 3102, оп. 1, № 177, л. 141. Гимназия Н. В. Дмитриева с правами правительственных гимназий, бывш. С. А. Столбцова (Невский пр., 102).

⁵² ЦГА СПб., ф. 3102, оп. 1, № 187, л. 3 об.—4.

⁵³ РГИА, ф. 789, оп. 12, № 11, л. 15.

⁵⁴ Там же, л. 14.

ковский принадлежал «по рождению к званию потомственного почетного гражданина»⁵⁵ и мог «пользоваться всеми правами, сему званию присвоенными».⁵⁶ В 1904 г. Г. С. Бартковский получил назначение на место городского архитектора в г. Омске при Городской думе⁵⁷ и в Петербург вернулся только в 1911 г. Процитируем его «Curriculum vitae» от октября 1914 г.:

«...Строительную деятельностью занимаюсь с 1897 года: сначала в качестве десятника, а затем в лице помощника работал у Петроградских архитекторов.

С 1904 года самостоятельно. Занимался частной практикой в Сибири, где приходилось исполнять обязанности епархиального архитектора по постройке церквей,⁵⁸ затем городского архитектора и наконец военного архитектора по постройке казарм вплоть до 1911 года. Для воспитания детей должен был переселиться в Петроград, где в настоящее время состою причисленным, еще с 1911 (одиннадцатого) года по Министерству Народного Просвещения и откомандирован в распоряжение Строительного Комитета для проверки технической сметы. В прошлом году и нынешнем производил постройку 6-ти этажного дома, принадлежащего профессору архитектуры Л. Н. Бенуа,⁵⁹ ныне же

---

⁵⁵ РГИА, ф. 789, оп. 12, № 11, л. 5 об.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же, л. 22. Из прошения Г. С. Бартковского в Императорскую Академию художеств от 1 июня 1904 г. известно, что он получил назначение на место городского архитектора в начале апреля, но не мог сразу выехать в Омск из-за бюрократических проволочек с высылкой Санкт-Петербургским градоначальником сведений о его политической благонадежности. Боясь потерять эту должность, Бартковский просил содействия в этом вопросе вице-президента Академии.

О деятельности Г. С. Бартковского в Омске в 1904—1914 гг. известно следующее: «Занимал должность гор. архитектора (1907). Гл. техник по постройке воинских зданий в Омске. Автор проекта расширения здания гор. думы с помещениями для общественной б-ки им. А. С. Пушкина (1905, осуществлен в 1907). Производитель работ на строительстве здания Управления Омской ж. д. (1914). Принимал заказы на проекты церквей и иконостасов» (*Лебедева Н. И.* Бартковский Г. С. // Энциклопедия города Омска: в 3 т. Т. 3. Кн. 1: Омск в лицах. Омск: ЛЕО, 2011. С. 89). Краткие сведения о Г. С. Бартковском даны также в кн.: *Поэзия знакомого ландшафта: Омская архитектура конца XVIII—XX в.* Омск, 2000. С. 224.

О его проекте Омской Библиотеки им. А. С. Пушкина см.: *Гуменюк Алла*: 1) Малоизвестный ученик Бенуа // Иртыш. 1992. № 2. С. 272—274; 2) Русский стиль в архитектуре Омска второй половины XIX — начала XX в.: столичные интерпретации и местная специфика // *Известия Алтайского гос. университета.* 2009. № 2. С. 118—125.

⁵⁸ «Архитектор-художник Г. С. Бартковский, построивший в Тобольской епархии около 30 церквей, принимает заказы по составлению проектов церквей во всевозможных стилях и по преимуществу в древнерусском и византийском. Условия письменно. Адрес: Омск, Артиллерийская ул., дом Мясникова» (Омские епархиальные ведомости. 1909. 1 окт. № 19. С. 52).

⁵⁹ Большой пр. В. О., д. 57.

заканчиваю постройку по расширению Петроградского Металлического Завода, каковую веду по собственному моему проекту».⁶⁰

Из отметок в его паспорте следует, что в марте 1914 г. он уезжал на несколько месяцев в Омск, что было, по всей видимости, связано с его работой на строительстве здания Управления Омской железной дороги.⁶¹ Летом 1915 и 1916 гг. семья выезжала на дачу в Куоккалу (отметка куоккаловского полицейского, участок Териокского дачного района).

В июле 1917 г. Г. С. Бартковский служил архитектором особых поручений Петроградской городской управы, исполнял обязанности архитектора X участка Частновладельческого строительства.

В стенах «Лентовки» Александр Бартковский пробыл всего один год, он был переведен в 6-й класс, но 2 окт. 1918 г. «уволен по прошению».⁶²

В том же месяце (октябрь 1918 г.) Г. С. Бартковский подал заявление в Украинское генеральное консульство в Петрограде о своем желании выйти из подданства Российской Федеративной Советской Республики. Дальнейшая его судьба и его семьи нам неизвестна.

Рассказ Александра Бартковского «Епишка» написан в духе рождественских повестей. Сюжет его следующий: в сибирском селе Мотыгино⁶³ живет юродивый Епишка, одевается в женское платье, называет себя Аграфеной Дмитриевной, играет на скрипке на сельских праздниках. На одно Рождество он отправился славить Христа в соседнюю деревню Бельскую, на обратном пути его застигла снежная буря, он сбился с пути и замерз насмерть, занесенный снегом. Умирая, он не выпустил из рук скрипку, своего единственного друга.

В рассказе Бартковского обращают на себя внимание детали этнографического характера: среди жителей селений Мотыгино и Бельская, расположенных на берегу реки Верхней Тунгузки, в Енисейском крае, было немало ссыльных⁶⁴ («Это был человек высокого роста

---

⁶⁰ ЦГИА СПб., ф. 513, оп. 163, № 159, л. 2–3.

⁶¹ Лебедева Н. И. Бартковский Г. С. С. 89.

⁶² ЦГА СПб., ф. 3102, оп. 1, № 179, л. 14.

⁶³ Приведем одно из описаний селения Мотыгино (дер. Мотыгинская) по источникам XIX в.: деревня «Мотыгинская стоит на правой стороне Верхней Тунгузки, при реке Рыбной, в 30 верстах от дер. Кокуйской. Число домов — 38. Жителей: муж. — 114, жен. — 117» (*Кривошапкин М. Ф.* Енисейский округ и его жизнь. СПб., 1865. С. 139); «В этой деревне есть кабак, лавочная торговля и нечто вроде резиденции золотопромышленников, а также и хлеботорговцев, особенно с 1857 г., когда, по случаю страшной дороговизны в Енисейске, стали скупать в южную тайгу хлеб, приплавляемый по Ангаре из Иркутска» (Там же).

⁶⁴ История с. Мотыгино в советское время тоже была связана с судьбами многих бывших заключенных. В контексте статьи достойно упоминания, что летом 1945 г. в этом поселке была расположена база Ангарской геологической экспедиции Красноярского управления, в которой работал брат редактора «Лентовца» Сергея Шейнманна Юрий, репрессированный в 1938 г. и незадолго до этого освободившийся из Норильлага («...они подшучивали, что географически широта Мо-

с остриженной головой»; «О прошлом Епишки никто ничего определенного не знал, а сам Епишка никому не рассказывал о себе»). Можно только предположить, что с этими местами была как-то связана деятельность отца, Григория Стефановича.

В иллюстрациях к рассказу «Епишка» сочетаются петербургский мотив «стихии» и рождественские мотивы («спящая в лесу сиротка»); сельский и городской пейзаж. Перед текстом помещена цветная иллюстрация А. Андреева — зимний пейзаж со стогом сена. В самом тексте три иллюстрации А. Энгельбрехта: черно-белые рисунки — «Пара, идущая по улице», «Силуэт Медного всадника» и цветной рисунок «Девочка, спящая в сугробе под елкой».

Иллюстраторы

Об иллюстрациях в журнале нужно сказать особо. Очевидно, что образцом для учеников была книжная графика «Мира искусства» (Л. С. Бакста, И. Я. Билибина, М. В. Добужинского, Е. Е. Лансере, Г. И. Нарбута, К. А. Сомова и др.) и европейского модерна. Страницы «Лентовца» украшают черно-белые виньетки с изображением античных увитых растениями колонн, стел, погребальных урн, гирлянд, венков, грифонов; черно-белые и цветные заставки, рамки с использованием орнамента, а также отдельные рисунки, в большинстве своем пейзажи (сельские и городские виды, морские бухты). Иллюстрации наклеены на страницы с текстом, самостоятельных названий не имеют. Подписи авторов стоят на самом рисунке и/или на полях под рисунком, некоторые подписи даны по новой орфографии (без буквы «ъ» в конце слова) и, возможно, сделаны позднее, для атрибуции иллюстраций.⁶⁵

В «Содержании» журнала иллюстраторами номера названы В. Трясов и А. Энгельбрехт. Их одаренность в изящных искусствах была отмечена преподававшим в гимназии им. Л. Д. Лентовской рисование Павлом Николаевичем Андреевым,⁶⁶ братом Л. Н. Андреева.

тыгина самая для них подходящая — 58-10» (Шейнманн Ю. М. Перед самим собой / сост. Г. Ю. Гаген-Торн. М.: Возвращение, 2013. С. 234).

⁶⁵ 3 иллюстрации не подписаны: 1. Фронтиспис: Черный силуэт лица на фоне языков пламени в полукруглом окне за решеткой. 90 × 64 мм. Цв.; 2. В разделе «Отъ редакции» (л. 2 об., над текстом): Ваза между двумя грифонами (виньетка). 50 × 130 мм. Ч/б.; 3. В разделе «Отъ редакции» (л. 2 об., под текстом): Венок между двумя рыбами (?). 45 × 127 мм. Ч/б.

⁶⁶ *Андреев Павел Николаевич* (псевд. Н. Рогожин; 1878—1923) — художник, преподаватель; автор рассказов и киносценариев. Оставил мемуары о брате: *Андреев Л. Н. Воспоминания о Леониде Андрееве // Литературная мысль. Л.: Мысль, 1925. Вып. III. С. 140—207.* Выпускник Московского Строгановского центрального училища технического рисования. Участник артели художников-керамистов «Мурава». В гимназии им. Л. Д. Лентовской служил с апреля 1912 г. Согласно документам Канцелярии попечителя Санкт-Петербургского учебного округа от дек. 1913 г.,

Василий Трясов, сын генерал-майора Павла Игнатьевича Трясова⁶⁷ от второго брака, родился 7 марта 1901 г. Он поступил в гимназию Л. Д. Лентовской в 1913 г., во 2-й класс, по свидетельству; до этого учился в Херсонской гимназии. Василий, младший из 10 детей⁶⁸ Трясо-

П. Н. Андреев преподавал здесь рисование, чистописание, лепку, ручной труд (ЦГИА СПб., ф. 139, оп. 1, № 13751, л. 2). По сведениям на 1918 г., он вел в школе им. Л. Д. Лентовской уроки рисования, ручного труда и заведовал хозяйством. В анкете преподавателя от 5 июля 1919 г. П. Н. Андреев указал, что вообще «учительствует» с 1903 г.; в школе им. Лентовской имеет нагрузку 40 уроков, в том числе 25 уроков предметных, а также выполняет хозяйственные обязанности по школе и является классным наставником; помимо этого служит в детской колонии им. Луначарского (на Каменном острове) (ЦГА СПб., ф. 3102, оп. 1, № 208, л. 86). См. о нем: *Андреев Леонид*. Письма к Павлу Николаевичу и Анне Ивановне Андреевым / публ. Л. Н. Ивановой и Л. Н. Кен // Русская литература. 2003. № 1. С. 148—185; *Кен Л. Н., Рогов Л. Э.* Жизнь Леонида Андреева, рассказанная им самим и его современниками. СПб.: КОСТА, 2010. С. 359; Золотой век художественных объединений в России и СССР / сост. Д. Я. Северюхин, О. Л. Лейкинд. СПб.: Изд-во Чернышева, 1992. С. 138.

⁶⁷ *Трясов Павел Игнатьевич* (1849—1918) — генерал-майор, кавалер орденов: Св. Станислава 3 и 2 ст. и Св. Анны 2 и 3 ст., Св. Владимира 4 ст. с надписью «за 35 лет службы»; награжден медалями: серебряной в память царствования императора Александра III и светлобронзовой в память Отечественной войны 1812 года.

П. И. Трясов происходит из солдатских детей Архангельской губернии. Православного вероисповедания. Согласно его послужному списку, он «окончил курс в Архангельской военно-начальной школе и в Гельсингфорском пехотном юнкерском училище по 1 разряду. Вступив в службу воспитатником Архангельской военно-начальной школы в Интендантское управление финляндского военного Округа писарем III (третьего) разряда. 13 (тринадцатого) мая 1866 года» (ЦГИА СПб., ф. 160, оп. 1, № 1, л. 21). П. И. Трясов в течение многих лет состоял в должности воинского начальника: Вельский уездный воинский начальник (назначен 13 марта 1899 г.), Константиноградский уездный воинский начальник (назначен 23 дек. 1901 г.), Прилуцкий уездный воинский начальник (назначен 12 апр. 1906 г.), Херсонский уездный воинский начальник (назначен 25 февр. 1908 г.). Он также являлся начальником Херсонского местного лазарета с 25 апр. 1908 г. по 25 окт. 1910 г. «Высочайшим приказом, состоявшимся в 13 день декабря 1912 уволен от службы по возрастному цензу генерал-майором, с мундиром и назначением пенсии: из Государственного казначейства по одной тысяче двести сорок девять рублей (1249 руб.) и эмеритальной кассы военно-сухопутного ведомства восемьсот шестьдесят три рубля (863 руб.) в год» (Там же, л. 23 об.).

Генерал-майор в отставке П. И. Трясов умер в Петрограде 10 сент. 1918 г.

П. И. Трясов является автором пособия для новобранцев: Сборник советов и наставлений молодым людям, подлежащим отбытию воинской повинности, и правила, которым должны придерживаться новобранцы, принятые на службу до прибытия в часть / сост. Херсон. уезд. воин. нач. полк. Трясов. 5-е изд. Херсон: тип. губ. правл., 1912; и др. издания.

См. о нем: Юбилейное историческое и художественное издание в память 300—летия царствования державного Дома Романовых. М.: изд. М. С. Гугеля, 1913. С. 206. Здесь же помещен его фотопортрет.

⁶⁸ Дети генерала П. И. Трясова от первого брака: Анфия (род. 3 дек. 1880 г.), Владимир (род. 15 июля 1882 г.), Николай (род. 29 марта 1884 г.), Наталия (род.

ва, появился на свет, когда отцу было 52 года. По отзывам учителей, он был болезненным, школьная учеба плохо ему давалась. В «Лентовке» он два года сидел в 3-м классе, с трудом был переведен в 5-й класс. По результатам первого полугодия 1917—1918 учебного года классный наставник отмечал, что Василий не успевает по латинскому языку, математике, истории, географии и французскому языку.⁶⁹ В янв. 1918 г. «Родителям ученика Трясова постановлено указать на его тяжелое учебное положение».⁷⁰ Годовые экзамены Трясов сдать не смог, был оставлен на второй год, а 2 октября 1918 г. «уволен по прошению».⁷¹

Необходимо добавить, что незадолго до этого, 10 сентября того же года, умер его отец, генерал-майор П. И. Трясов.

Талант Василия Трясова был в рисовании, что отмечено в отзыве о нем Л. Георга: «Вял и сонен. От природы он был таков, а теперь на нем сказыва^ются результаты перенес^{ен}ной болезни. Как изв^{ест}ит кл^{асс}ный наст^{ав}ник V кл^{асса}, у него большой вкус к изящ^{ным} искусствам и талант графика».⁷²

Художественной одаренностью он пошел в свою сестру Анфию Павловну (1880—1938) — старшую из детей генерала Трясова (от первого брака). К слову, поступлением Василия в гимназию им. Л. Д. Лентовской занималась именно она. Из ее прошения в Совет гимназии от 20 авг. 1913 г. о приеме брата⁷³ и с просьбой уменьшить установленную плату за его обучение известно, что на ее попечении были и две младшие сестры, учившиеся в частной гимназии М. Д. Могилянской (где некоторое время Анфия преподавала).

В «Юбилейном историческом и художественном издании в память 300-летия царствования державного Дома Романовых», в статье о П. И. Трясове, Анфия Павловна названа первой женщиной-архитектором.⁷⁴ Она обучалась в Ревельской женской гимназии, затем в Санкт-Петербургском Александровском институте, где окончила педагогические классы со званием «наставницы детей». Художественное

---

25 авг. 1888 г.), Андрей (род. 11 окт. 1889 г.), Мария (род. 21 июля 1891 г.), Анастасия (род. 25 окт. 1893 г.). От второго брака: Варвара (род. 4 дек. 1897 г.), Ксения (род. 17 янв. 1899 г.), Василий (род. 7 марта 1901 г.) (ЦГИА СПб., ф. 160, оп. 1, № 1, л. 24). Имя второй жены П. И. Трясова — Евдокия Васильевна Трясова.

⁶⁹ ЦГА СПб., ф. 3102, оп. 1, № 187, л. 1 об.—2, 2 об.

⁷⁰ Протокол № 244 заседания педагогического совета Общественной гимназии имени Л. Д. Лентовской 19 янв. 1918 г. // Там же, № 165, л. 2.

⁷¹ Сведения об успеваемости учащихся гимназии за 1917—1918 учебный год // Там же, № 179, л. 18.

⁷² Там же, № 187, л. 8.

⁷³ ЦГИА СПб., ф. 141, оп. 1, № 136, л. 44—44 об. Интересно, что в прошении о приеме брата в гимназию Анфия Павловна вместо даты его рождения указала его возраст описательно: «10—11 лет» (Там же. Л. 44), хотя на тот момент ему должно было быть 12 лет.

⁷⁴ Юбилейное историческое и художественное издание в память 300-летия царствования державного Дома Романовых. М.: изд. М. С. Гугеля, 1913. С. 206.

образование она получила за границей: в Промышленной школе рисования и Школе искусства в Дрездене (1900), Школе промышленных наук и искусств La Martiniere в Лионе (по отделу рисования и изящного рукоделия) (1901), а также прошла курс «тонкого дамского белья и курс цветоделия» в женской профессионально-хозяйственной городской школе в Париже (1902). С 1902 г. Анфия Трясова служила наставницей на Профессиональных курсах Ксенинского института, где вела уроки рисования, композиции, занятия по изящному рукоделию, цветоделию. Кроме того, некоторое время учительствовала в Василеостровской новой школе.

А. П. Трясова входила в секцию акварелистов Общества поощрения художеств, была участницей выставок этого объединения;⁷⁵ являлась членом Правления Ленинградского общества архитекторов.⁷⁶

Василием Трясовым в журнале выполнены 6 иллюстраций:⁷⁷

1. В разделе «В. Андреевъ. Вѣнецъ на голову Христа...»: Две вазы, увитые растениями, между ними колонна (виньетка).⁷⁸ Ч/б. 53 × 83 мм; 2. В разделе «В. Алексѣевъ. Расколъ Русской Церкви»: Два всадника с копьями, скачущие друг к другу (заставка).⁷⁹ Ч/б. 68 × 217 мм; 3. В разделе «Л. Липавскій. Мы встрѣтились лѣтомъ...»: Летний пейзаж с избами.⁸⁰ Цв. 80 × 108 мм; 4. В разделе «В. Андреевъ. У моря»: Урна и два дерева (виньетка).⁸¹ Ч/б. 50 × 83 мм; 5. В разделе «В. Алексѣевъ. Прибой»: Пейзаж с березой.⁸² Цв. 80 × 128 мм; 6. В разделе «В. Алексѣевъ. Прибой»: Венок между двух колонн (виньетка).⁸³ Ч/б. 47 × 70 мм.

⁷⁵ Известно, что А. П. Трясова участвовала в выставке картин этой секции, открытой 3 марта 1929 г. в Ленинграде в залах Общества поощрения художеств. О секции акварелистов Общества поощрения художеств см.: Золотой век художественных объединений в России и СССР (1820—1932). С. 183.

⁷⁶ В Списке членов нового правления Ленинградского общества архитекторов (Л. О. А.), избранного 6 окт. 1925 г., А. П. Трясова названа «активным кандидатом» (ЦГА СПб., ф. 1001, оп. 6, № 173, л. 223). В 1926 г. она секретарь правления Общества; в 1927 г. — член правления. В период с 1 янв. по 1 апр. 1926 г. в Л. О. А. ею был прочитан доклад «Архитектурные памятники гор. Кириллова» (Там же, л. 263). В Ленинграде А. П. Трясова преподавала на Архитектурных курсах Л. О. А. и в других специальных учебных заведениях. На фотографии июня 1937 г. она («старейшая женщина-архитектор») запечатлена в президиуме собрания ленинградских архитекторов (ЦГАКФФД СПб., гр 81194). Выполненный ею «Конкурсный проект крематория в Ленинграде» (первая премия) и репродукция ее картины «Кирилло-Белозерский монастырь. Белозерская башня» (масло) приведены в «Ежегоднике Ленинградского отделения Союза советских архитекторов. 1934—1936 <Изоматериал>: альбом» (Б. м.: Ленинградское отделение Союза советских архитекторов, 1940. Вып. 1—2/15—16. С. 344—345). Здесь же помещен ее фотопортрет.

⁷⁷ В рисунках В. Трясова ощутимо влияние книжной графики М. Добужинского, И. Билибина, К. Сомова.

⁷⁸ РО ИРЛИ, Р. I, оп. 1, № 364, л. 3. Под текстом.

⁷⁹ Там же, л. 3 об. Над текстом.

⁸⁰ Там же, л. 5. Над текстом.

⁸¹ Там же, л. 8. Под текстом.

⁸² Там же, л. 10. Над текстом.

⁸³ Там же, л. 10 об. Под текстом.

Иллюстрации В. Трясова имеют следующие подписи:

№ 1, 6: на рисунке — «В. Т.», на полях под рисунком — «В. Трясовъ».

№ 2 (обрезана буквой «п» по нижнему краю): под рисунком — «В. Трясовъ».

№ 3: на рисунке — «В. Трясовъ»

№ 4: на рисунке — «В. Т.», на полях под рисунком — «В. Трясов» (без «ъ» на конце слова).

№ 5: на рисунке — «В. Твъ», на полях под рисунком — «В. Трясовъ».

Альберт Энгельбрехт (Albert Engelbrecht), из семьи лютеран Юлиуса Теодора Энгельбрехта (мещанина г. Нарва) и Марии Елизаветы, урожд. Коммесон, родился в Петербурге 27 окт. 1901 г.⁸⁴ Семья жила на Выборгской стороне (Безбородкинский пр., д. 17/2, кв. 159). Из прошения отца известно, что Альберт обучался в 23-м Выборгском с 5 классами начальном училище. Для поступления в гимназию Лен-товской он держал экзамены по русскому и математике и был принят по постановлению педагогического совета в первый класс.⁸⁵ По характеру «сдержанный, молчаливый, иногда малозаметный», «ровного склада», он радовал учителей своими успехами в географии и естествознании, французском языке: («содержательный и работающий ученик»⁸⁶). Классный наставник тоже высказывался о нем благожелательно: «Способности и развитие выше среднего»,⁸⁷ при этом отмечал: «Хороший товарищ, но дружит только с демократической частью класса».⁸⁸

Энгельбрехт учился на бесплатной вакансии как малоимущий («недостаточный») ученик. В апр. 1917 г. педагогическим советом школы было «постановлено присвоить 10-и бесплатным вакансиям наименования в честь выдающихся русских борцов за гражданскую свободу»,⁸⁹ и Энгельбрехт получил вакансию имени Н. Г. Чернышевского.

Из кратких заметок о нем педагогов можно заключить, что Альберт проявлял интерес к политике, но в силу особенностей своей натуры не терял голову, хотя его «флегматичность» учителями истолковывалась по-разному:

Из отзыва учителя географии: «Мешает флегматичность характера»,⁹⁰ «...не отвлекается ли текущими событиями?»⁹¹

⁸⁴ Выпись из списка рожденных и крещенных в приходе Св. Иоанна в столице С.-Петербурга // ЦГИА СПб., ф. 141, оп. 1, № 136, л. 104.

⁸⁵ Там же, л. 103.

⁸⁶ Там же, № 193, л. 53 об.—54.

⁸⁷ Там же, л. 8.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Там же, № 184, л. 29.

⁹⁰ ЦГА СПб., ф. 3102, оп. 1, № 187, л. 36 об.

⁹¹ Там же, л. 37.

Преподаватель по французскому языку В. Ф. Будкевич: «Несмотря на увлечение общественно-политической жизнью, занимается хорошо. Способности к языку хорошие».⁹²

Русский язык, скорее всего, не был для Энгельбрехта родным, что давало о себе знать на письме. В своих отзывах Леонид Георг в целом хвалит этого ученика («пишет содержательные сочинения»,⁹³ «излагает недурно»⁹⁴), но и указывает на недочеты стиля: «*Нерусские обороты в сочинениях. Должен практиковаться.*»⁹⁵ В письменных работах погрешности против литературной речи».⁹⁶

Павел Николаевич Андреев называет Энгельбрехта в числе лучших по своему предмету учеников (по способности и успехам к техническим работам).

А. Энгельбрехтом выполнены для журнала 9 иллюстраций: 1. На обложке: Звездочет перед раскрытой книгой. Цв. 60 × 92 мм; 2. В разделе «В. Андреевъ. Вѣнецъ на голову Христа...»: Зимний пейзаж с двумя деревьями на переднем плане.⁹⁷ Ч/б. 35 × 119 мм; 3. В разделе «В. Алексѣевъ. Расколъ Русской Церкви»: Силуэт Исаакиевского собора.⁹⁸ Ч/б. 73 × 76 мм; 4. В разделе «<А. Бартковскій>. Епишка»: Пара (мужчина и женщина), идущие по улице.⁹⁹ Ч/б. 65 × 50 мм; 5. В разделе «<А. Бартковскій>. Епишка»: Силуэт Медного Всадника.¹⁰⁰ Ч/б. 100 × 79 мм; 6. В разделе «<А. Бартковскій>. Епишка»: Ребенок, спящий в сугробе под елкой.¹⁰¹ Цв. 125 × 90 мм. 7. В разделе «В. Андреевъ. У моря»: Пристань, лодки, парусник.¹⁰² Ч/б. 82 × 216 мм; 8. В разделе «В. Алексѣевъ. Угличъ»: Летящая сова.¹⁰³ Ч/б. 46 × 105 мм; 9. На отдельной странице: Морская бухта с парусником на фоне гор.¹⁰⁴ Ч/б. 155 × 226 мм.

Иллюстрации А. Энгельбрехта подписаны:

№ 1, 6: на полях под рисунком — «А. Энгельбрехт» (без «ъ» на конце слова).

№ 2, 3, 4, 8, 9: на рисунке, в правом нижнем углу, — «А. Э.»; на полях под рисунком — «А. Энгельбрехтъ».

№ 5: на рисунке, в правом нижнем углу, — «А. Э.»; на полях под рисунком — «А. Энгельбрехт» (без «ъ» на конце слова);

№ 7: на полях под рисунком: «А. Энгельбрехтъ».

---

⁹² Там же, л. 51.

⁹³ ЦГИА СПб., ф. 141, оп. 1, № 193, л. 22.

⁹⁴ ЦГА СПб., ф. 3102, оп. 1, № 187, л. 9.

⁹⁵ Зачеркнутые в оригинале предложения выделены нами курсивом.

⁹⁶ ЦГА СПб., ф. 3102, оп. 1, № 187, л. 8 об.

⁹⁷ РО ИРЛИ, Р. I, оп. 1, № 364, л. 3. Над текстом.

⁹⁸ Там же, л. 4 об. Под текстом.

⁹⁹ Там же, л. 6. Внутри текста.

¹⁰⁰ Там же, л. 7. Внутри текста.

¹⁰¹ Там же, л. 7 об. Внутри текста.

¹⁰² Там же, л. 8. Над текстом.

¹⁰³ Там же, л. 9. Под текстом.

¹⁰⁴ Там же, л. 12.

Помимо В. Трясова и А. Энгельбрехта в художественном оформлении журнала участвовали и другие авторы, под иллюстрациями есть подписи: «Л. Андреев» («Л. А.»), «Леонидъ Андреевъ», «А. Андреев».

В сведениях об учениках 5 класса за 1917—1918 гг. с фамилией Андреев, кроме Вадима Андреева, имеются еще три имени: Леонид, Лев и Андрей. Интересно, что первые двое тоже имеют отношение к семье писателя Леонида Николаевича Андреева, это дети его сестры, Риммы Николаевны Андреевой,¹⁰⁵ от гражданского брака с журналистом Аркадием Павловичем Алексеевским.¹⁰⁶ Старший, Лев («Левка»), появившийся на свет 29 сент. 1902 г., был крестником Павла Николаевича Андреева. Леонид («Люська»), родившийся 27 окт. (?)¹⁰⁷ 1903 г., — крестник Леонида Николаевича.

Лев и Леонид Андреевы учились в гимназии Лентовской с 1911 г. Бланк прошения о принятии сыновей в старший приготовительный класс классического отделения гимназии заполнен матерью, Р. Н. Андреевой; она указывает, что до этого дети обучались дома, и сообщает их местожительство — Каменноостровский пр., д. 63, кв. 15.¹⁰⁸

---

¹⁰⁵ Андреева Римма Николаевна (1881—1941) хранила архив Андреевых, оставила воспоминания об их семье. В 1924 г. Р. Н. Андреева обратилась в Пушкинский Дом с предложением создать в квартире Л. Н. Андреева, на наб. р. Мойки, д. 1, где она проживала, его литературный музей (по финансовым причинам не осуществлено); передала в Пушкинский Дом часть архива Л. Н. Андреева, участвовала в организации выставки его памяти в сент. 1924 г. В окт. 1926 — ноябре 1929 г. она состояла внештатным научным сотрудником Пушкинского Дома. Подробнее о ней см.: Пушкинский Дом: материалы к истории, 1905—2005. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 78, 156, 391; Кен Л. Н., Рогов Л. Э. Жизнь Леонида Андреева, рассказанная им самим и его современниками. С. 360—361; Затуловская Л. Д. Воспоминания Р. Н. Андреевой: место семьи в жизни и творчестве Леонида Андреева (по материалам фондов ОГЛМТ) // Творчество Леонида Андреева: современный взгляд: материалы международной научной конференции, посвященной 140-летию со дня рождения писателя (27—29 сент. 2011 г.). Орел: ПФ «Картуш», 2011. С. 140—147.

¹⁰⁶ Поскольку брак Р. Н. Андреевой и А. П. Алексеевского был гражданским, Лев и Леонид носили фамилию матери. В просмотренных нами их школьных, студенческих и служебных документах за 1920-е гг., а также в «списках налогоплательщиков» за 1923—1927 гг. они записаны «Андреевыми». Тем не менее в ряде публикаций и в названиях архивных дел они указаны под двойной фамилией или фамилией по отцу («Л. А. Андреев-Алексеевский», «Л. А. Алексеевский»).

¹⁰⁷ В школьных документах Леонида Аркадьевича, вероятно по ошибке, дата его рождения указана по-разному: «27 сентября» (на бланке прошения о принятии сына в школу), «23 сентября» (в экзаменационном листе) (ЦГИА СПб., ф. 141, оп. 1, № 93, л. 120, 122).

¹⁰⁸ Там же, л. 117, 120. Согласно адресно-справочной книге «Весь Петербург» на 1911 г., в этом доме тогда жил второй муж Риммы Николаевны — архитектор Андрей Андреевич Оль (1883—1958). Их венчание состоялось 7 нояб. 1912 г. в Петербурге, в церкви Спаса Преображения л.-гв. Гренадерского полка (ЦГА СПб., ф. Р—809, оп. 10, № 22, л. 2). После заключения брака она носила фамилию Оль. В августе 1923 г. их брак был расторгнут (истцом выступил муж), в судебном реше-

Лев и Леонид экзаменовались 18 авг. 1911 г. (в тот же день, что и Владимир Алексеев), лучшие успехи по Закону Божиему и математике показал младший, Леонид. Оба брата были приняты в подготовительный класс.¹⁰⁹ В третьем классе также оба были оставлены на второй год¹¹⁰ и осенью 1915 г. держали экзамены.¹¹¹ (В тот же год в 3-й класс поступил Вадим Андреев, так они оказались в одном классе и затем продолжали учиться вместе вплоть до осени 1917 г.)

Совместное их участие в издании школьного журнала, конечно, не случайность. Вадим Андреев сдружился со своими двоюродными братьями на даче отца в Ваммельсуу («на Черной речке»): «У нас подолгу жила сыновья тети Риммы, мои сверстники Лев и Леонид»;¹¹² «Особенно веселым и радостным бывало для меня то время, когда у нас гостили сыновья тети Риммы».¹¹³

Из школьных отчетов за 1916—1917 учебный год (4-й класс) ясно, что Леонид учителям хлопот не доставлял и был ими привечаем: «Способности выше средних, поведение отличное, трудолюбивый» («Закон Божий»);¹¹⁴ «Прекрасный ученик. Жаль, что пропускает» («Математика»);¹¹⁵ «В классе спокоен и внимателен» («География и естествознание»);¹¹⁶ «Удивительно милый мальчик» («Немецкий язык»);¹¹⁷ «Хорошая, чуткая душа» (классный руководитель);¹¹⁸ «...тих и мил, но так мало себя проявляет в классе, что забываешь о нем» («Французский язык»);¹¹⁹

Лев примерным поведением и прилежанием не отличался: «На уроках шаловлив, болтлив»;¹²⁰ «Милый мальчик, но легкомыслен, поверхностен в высокой степени»;¹²¹ «...очень сумбурный мальчик, все еще не успел развиться до уровня 4-го класса; наклонен к забавам; даже невольно ему в голову лезут самые неожиданные представления по чи-

---

нии в том числе записано: «Жене ОЛЬ, Римме Николаевне оставить фамилию мужа ОЛЬ» (Там же, л. 8). Но Римма Николаевна с этим определением была не согласна и, по ее заявлению, 5 сент. того же года народный суд постановил: «гр. Оль впредь именоваться девичьей фамилией “Андреева”» (Там же, л. 10).

¹⁰⁹ ЦГИА СПб., ф. 141, оп. 1, № 93, л. 119, 122.

¹¹⁰ Там же, № 187, л. 27 об.—28.

¹¹¹ Экзамены в 3-й класс братья сдавали 10 сент. 1915 г., в их ведомостях стоят одинаковые отметки: «хорошо» по Закону Божиему, по остальным предметам (русскому языку, арифметике, географии, истории, французскому, немецкому языкам, естествоведению) — «удовлетворительно» (Там же, № 93, л. 118, 121).

¹¹² *Андреев В. Л.* Детство. С. 44.

¹¹³ Там же. С. 45.

¹¹⁴ ЦГИА СПб., ф. 141, оп. 1, № 193, л. 9 об.

¹¹⁵ Там же, л. 32.

¹¹⁶ Там же, л. 47 об.—48.

¹¹⁷ Там же, л. 55 об.—56.

¹¹⁸ Там же, л. 2.

¹¹⁹ Там же, л. 63 об.—64.

¹²⁰ Там же, л. 1 об.—2.

¹²¹ Там же, л. 63 об.—64.

стой ассоциации; к сосредоточенности способность очень мала. Знания разрознены — обрывками. <...> Ассоциативное мышление приводит его иногда почти к выходкам».¹²² Только в отзыве Л. В. Георга прозвучала, хотя и с некоторой оговоркой, похвала в его адрес: «... способный, возможно даже, что одаренный мальчик, но ленив <?> и плутоватый».¹²³

Совпадают же заметки классного наставника о братьях Андреевых только в одном: и Леонид, и Лев были «любимы классом».

Судя по мемуарным и эпистолярным источникам, Лев верховодил в играх, обладал вольнолюбивым характером.¹²⁴

В 1916—1917 учебном году братья Андреевы много пропускали, но Леониду удавалось нагнать, а Льву для перевода в 5-й класс педагогический совет определил «поверочное испытание по русскому языку», а также «обязательн<ую> работ<у> по алгебре, немец<кому> и французс<кому> яз<ыкам>».¹²⁵

На заседании педагогического совета 4 окт. 1917 г. был разрешен отпуск ученикам, чьи семьи уезжали из Петрограда в связи с продовольственными затруднениями. 15 нояб. 1917 г. Львом Андреевым были получены метрические выписи за себя и за брата. По воспоминаниям Леонида: «В конце 1917 года мама с семьей решила ехать в слободу Мстёру Владимирской губернии, где тогда жила В. Е. Беклемишева с матерью и сыном. <...> Перед своим отъездом из Финляндии мы последние дни провели на даче Л. Андреева».¹²⁶

Л. Н. Андреев (обменивавшийся письмами с племянниками с их детского возраста)¹²⁷ в письмах к Льву за февраль-март 1918 г. сообщает новости о событиях на Черной речке («После твоего отъезда было так...»¹²⁸). В письме от 15 (28) февр. упоминаются: наступление холодов, приезд с фронта Андрея Николаевича Андреева,¹²⁹ на Рождество —

¹²² ЦГИА СПб., ф. 141, оп. 1, № 193, л. 47 об. — 48.

¹²³ Там же, л. 15 об. — 16.

¹²⁴ Леонид Аркадьевич вспоминает одну из их с Вадимом и Львом игр на Черной речке: под руководством последнего они втроем построили из подручного материала домик. Когда же учитель Вадима соорудил рядом свой, «образцовый», — Лев его сокрушил. См.: *Андреев-Алексеевский Л. А.* На даче у Леонида Андреева: (Из воспоминаний) // Андреевский сборник: исследования и материалы. Курск, 1975. С. 248. (Науч. труды / Курск. гос. пед. ин-т; т. 37 (130)).

¹²⁵ ЦГИА СПб., ф. 141, оп. 1, № 187, л. 27 об.

¹²⁶ *Андреев-Алексеевский Л. А.* На даче у Леонида Андреева. С. 253.

¹²⁷ См., например, знаменитое «двойное» письмо Л. Н. Андреева 1914 г., адресованное одновременно Льву и Леониду Аркадьевичам Андреевым («Милый мой Лёвочка и Милый мой Люсенька!..»): *Андреев Леонид.* Письма / вступ. ст. и примеч. К. И. Чуковского // *Русский современник.* 1924. № 4. С. 138—139. Первому предназначалась четная строка этого письма, второму — нечетная. К сожалению, чередование строк в этой публикации не полностью выдержано.

¹²⁸ Письма Леонида Андреева к Льву Алексеевскому / публ. Л. А. Иезуитовой // *Русская литература.* 1990. № 3. С. 152.

¹²⁹ «...Приехал Андрюша на 8 дней и были холода. Андрюша уехал и опять приехал через две недели, и были собачьи холода. Прожил он в деревне месяца полтора...» (Там же. С. 152).

Павла Николаевича. Датой приезда брата Андрея в письмо к С. С. Голоушеву писатель называет 8 ноября,¹³⁰ следовательно, племянники уехали с Черной речки еще до этого.¹³¹ В марте Л. Н. Андреев делился своими мыслями с матерью: «Левка нравится мне все больше. Здоровый, очень неглупый, душевный и чистый мальчугашка. И очень неглупый! Его письма просто прелесть <...> Много читает, хорошо учится (все пятерки!) и плохо спит от литературных мыслей <...> Мне очень хочется усыновить этого Левку!»¹³²

С 18 сент. 1920 г. по 1 июля 1921 г. Леонид снова состоял учащимся «Лентовки» (на тот момент «10 советской Единой трудовой школы имени Л. Д. Лентовской Петроградского района») и «окончил курс I и II ступени».¹³³ 12 авг. 1921 г., через день после получения удостоверения в этом, он подал заявление о зачислении его в Петроградский университет слушателем двухнедельного курса «предварительных лекций» на математическое отделение физико-математического факультета.¹³⁴ В 1922 г. по направлению Профсоюза рабочих-строителей Леонид Аркадьевич стал студентом инженерно-строительного факультета Петроградского Политехнического института имени М. И. Калинина.¹³⁵

¹³⁰ Леонид Андреев. «S.O.S». С. 201. Письмо от <13> нояб. <1917> г.

¹³¹ Леониду Аркадьевичу запомнился вечер накануне их отъезда с дачи в город. Дядя зашел к нему в комнату, а он в это время читал «Преступление и наказание».

¹³² Леонид Андреев. «S.O.S». С. 240. Письмо от 30 марта <1918 г.>. В этом же письме упоминается, что получил «От Левки большое и хорошее письмо от конца Февраля...» (Там же. С. 240). Орфография — автора.

¹³³ Из копии удостоверения, сохранившейся в его студенческом деле (ЦГА СПб., ф. 7240, оп. 5, № 136, л. 2).

¹³⁴ Приведем его заявление:

«Директору Петроградского университета
от Леонида Аркадьевича Андреева
от 12 августа 1921 г.

Заявление

Ввиду моего желания продолжить свое образование на физико-математическом факультете Петроградского университета, прошу Вас зачислить меня студентом вышеупомянутого факультета на математическое отделение. Не зная степени трудности программных занятий по отношению к моим познаниям, прошу допустить меня к слушанию двухнедельных предварительных лекций; и в случае моего желания прослушать курс до конца, помимо обязательных зачетов курса, подвергнуть меня вступительному коллоквиуму на общих основаниях.

В случае же недостаточности моих знаний сравнительно с программой первого курса, я прошу вашего разрешения поступить, после проверочных слушаний предварительных 2х недельных лекций, на подготовительные курсы» (ЦГА СПб., ф. 7240, оп. 5, № 136, л. 1. От руки, на листе в клетку).

¹³⁵ В ноябре <?> 1924 г. Леонид Аркадьевич Андреев был отчислен из Института решением «проверочной комиссии», как «академически неуспевающ<ий>», а материально обеспечен<ый>. Такая формулировка дана в ответе Института от 6 дек. 1924 г. на запрос электростанции «Красный Октябрь», на строительство которой Л. А. Андреев устраивался на работу (ЦГА СПб., ф. Р—3121, оп. 2, № 143, л. 31,

Лев Аркадьевич, скорее всего, в школу им. Лентовской больше не возвращался,¹³⁶ в июне 1920 г. он поступил на службу на 1-ую Государственную Ленинградскую электрическую станцию (Обводный канал, д. 76), где проработал до 14 мая 1921 г. «подручным слесарем» и «регулирующим».¹³⁷

Подпись «Л. Андреев» (без буквы «ъ» на конце слова, с инициалом вместо полного имени) стоит на полях под следующими иллюстрация-

---

32, 33). В 1922—1927 гг. его местожительство такое же, как и у брата: наб. р. Мойки, д. 1, кв. 12. В «списке налогоплательщиков» от сент. 1927 г. Леонид Аркадьевич — «служащий-чертежник» на Центральной экскавационной базе (ЦГА СПб., ф. 1963, оп. 180, № 4156, л. 8 об.—9). Г. Н. Павлова указывает, что Л. А. Андреев «окончил 4 курса Ленинградского института гражданских инженеров, работал в проектных организациях, занимаясь проектированием гидроэлектростанций. Большую часть жизни он прожил в Ленинграде» (Два письма, три имени: письма Д. Л. Андреева к Л. А. Андрееву / публ. и вступ. заметка Г. Павловой // Звезда. 2006. № 11. С. 217).

В марте 1947 г. Л. А. Андреев, на тот момент старший инженер Государственного союзного проектного института № 11, был арестован и «Приговором Судебной Коллегии по уголовным делам Ленинградского городского суда от 19 декабря 1947 г. осужден к шести годам лишения свободы» (Архивная справка УФСБ России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области от 13 авг. 2020 г.).

Леонид Аркадьевич содействовал изучению жизни и творчества Л. Н. Андреева (см.: Вокруг Леонида Андреева: Из архива Л. Н. Афонина в собрании Орловского государственного литературного музея И. С. Тургенева. Сообщение О. В. Вологиной // Леонид Андреев: материалы и исследования. М.: Наследие, 2000. С. 166—174). Умер в 1974 г.

¹³⁶ В списке выпускников гимназии 1920 г. Льва Андреева нет.

¹³⁷ ЦГА СПб., ф. 1316, оп. 6, № 84, л. 1, 6. О причинах увольнения в «личной» карточке Льва Аркадьевича Андреева записано: «Выбыл 14 мая 1921 г. за переходом в Морской транспорт» (Там же, л. 9). В «списках налогоплательщиков» на второе полугодие 1924 / 1925 б. г. Лев Аркадьевич Андреев значится «механиком» в Больнице доктора Гааза (ЦГА СПб., ф. 1963, оп. 180, № 5544, л. 5 об.—6). В аналогичном документе (наб. р. Мойки, д. 1, кв. 12) от сентября 1927 г. — рабочим-слесарем на Центральной экскавационной базе. Здесь же «служащим-чертежником» работает брат Леонид (ЦГА СПб., ф. 1963, оп. 180, № 4156, л. 8 об.—9).

В дальнейшем Лев Аркадьевич посвятил себя морю. Работал механиком на судах Ленинградского торгового порта, Северного морского пароходства и др. Награжден медалью «За победу над Германией».

Благодарю Ричарда Дэвиса, в письме от 25 марта 2020 г. поделившегося со мной фрагментом из письма к нему А. С. Вагина от 10 июня 1984 г.: «По домашним воспоминаниям знаю, что Лев был очень умелым человеком: мог шить себе костюм и даже обувь, не боялся никакого труда, был очень выносливым».

В конце 1940-х гг. он был репрессирован. «По приговору линейного суда Мурманского бассейна от 15 нояб. 1948 г. и последующему судебному решению по обвинению в проведении антисоветской агитации по ст. 58-10, ч. 1 УК РСФСР Андреев Л. А. осужден к заключению в ИТЛ сроком на 5 лет с поражением в правах на 3 года...» (Архивная справка УФСБ России по Мурманской области от 28 авг. 2020 г.). На момент ареста он служил старшим механиком на пароходе «Володарский» Мурманского морского пароходства. Реабилитирован в 1992 г. Л. А. Андреев умер 21 янв. 1950 г. в заключении.

ми: 1. На титульном листе: Три кошки.¹³⁸ Ч/б. 90 × 122 мм; 2. В разделе «Л. Липавский. Мы встретились летом...»: Ваза (виньетка).¹³⁹ Ч/б. 52 × 45 мм; 3. Раздел «Содержание»: Гирлянда (виньетка).¹⁴⁰ Ч/б. 57 × 132 мм; 4. Раздел «Содержание»: Такса.¹⁴¹ Ч/б. 53 × 53 мм; 5. На задней обложке: Ваза, драпированная тканью (виньетка). Ч/б. 55 × 50 мм. При этом на самих иллюстрациях, кроме № 1, имеются инициалы «Л. А.».

Таким образом, расположение подписей иллюстраций Л. Андреева: № 1: под рисунком на полях — «Л. Андреев».

№ 2: инициалы «Л. А.» вписаны в рисунок; под рисунком на полях — «Л. Андреев».

№ 3: инициалы «Л. А.» вписаны в рисунок; под рисунком на полях — «Л. Андреев».

№ 4: на рисунке слева внизу — «Л. А.»; под рисунком на полях — «Л. Андреев».

№ 5: на рисунке справа внизу — «Л. А.»; под рисунком на полях — «Л. Андреев».

Подпись «Леонидъ Андреевъ» дана на одной иллюстрации — слева внизу на цветной рамке (310 × 175 мм), окружающей стихотворение Л. Липавского «Полетъ».¹⁴² Здесь же, правее, поставлена подпись «Л. Андреев» (без «ъ» на конце слова). Нельзя исключить, что последняя сделана позднее, при атрибуции рисунку.

Оба ли брата принимали участие в подготовке журнала или только Леонид, установить вряд ли возможно, поскольку подпись «Л. Андреев», с инициалом вместо полного имени, допускает двойную расшифровку.

В связи с темой иллюстраций заслуживает упоминания тот факт, что у оставшихся на Черной речке Леонида Николаевича и Вадима Андреева поздняя осень 1917 г. и начало зимы 1918 г. прошли под знаком живописи. В письме к Льву от 15 (28) февр. 1918 г. Леонид Николаевич сообщает, что он «ни разу никуда не выезжал и рисовал: день рисовал, вечер рисовал и ночь рисовал...»¹⁴³ Вадим же, перечисляя свои литературные предпочтения той осени, сообщает: «Прочитав все, что у нас было по истории живописи на русском языке, я принялся за не-

---

¹³⁸ РО ИРЛИ, Р. I, оп. 1, № 364, л. 2. Рисунок напоминает известное изображение из журн. *Simplicissimus*.

¹³⁹ Там же, л. 5. Под текстом.

¹⁴⁰ Там же, л. 11. Над текстом.

¹⁴¹ Там же. Внизу страницы, слева на полях.

¹⁴² Там же, л. 9 об.

¹⁴³ Письма Леонида Андреева к Льву Алексеевскому. С. 152. Об Андрееве-художнике см.: Художники народов СССР: биобиблиографический словарь: в 6 т. / отв. ред. Т. Н. Горина, гл. сост. и библиограф О. Э. Вольценбург и др. М.: Искусство, 1970. Т. 1. С. 141.

мецкие монографии об отдельных художниках — в отцовской библиотеке ими был полон целый шкаф».¹⁴⁴

Наши сведения о пятом иллюстраторе «Лентовца», Андрее Андрееве, ограничиваются школьными документами: «сын крестьянина, православного вероисповедования», родился 22 июня 1901 г. Андрей был зачислен в 1-й класс гимназии по экзаменам 17 мая 1912 г. Вступительные испытания он одолел не сразу, «Закон Божий» пришлось пересдавать. До «Лентовки», как говорится в прошении отца, обучался «в городской школе».¹⁴⁵

По записям учителей, Андрей был замкнутым, ни с кем из одноклассников не был дружен, в академических дисциплинах не преуспел, в 3-м классе был оставлен на второй год. Мнения учителей о его способностях резки и нелюдимы («...способности самые посредственные. Кромешно ленив»;¹⁴⁶ «...норовит спрятаться на задней парте от глаз учителя, чтобы ничего не делать на уроке. Угрюмый, замкнутый»¹⁴⁷ и т. п.); по итогам за 4-й класс он удостоился единственного положительного отзыва — преподавателя по Закону Божию: «...поведение оч^{ень} хорошее».¹⁴⁸ В 5-й класс он был переведен, когда новый учебный год уже начался, после поверочных испытаний по немецкому языку и обязательных работ по русскому письменному, латинскому, алгебре, французскому и ручному труду.

На педсовете 25 октября было решено «в связи с тревожным положением на улицах Петрограда (восстание большевиков) отменить учебные занятия в гимназии до субботы 28-го октября».¹⁴⁹ Видимо, после октября А. Андреев школу посещать перестал.

В протоколе заседания педсовета от 19 янв. 1918 г. значится: «Заслушан доклад А. Ю. Якубовского о 5-м классе. <...> поставить на вид ученику Андр. Андрееву его опасное учебное положение и предупредить его о необходимости аккуратно работать и посещать уроки».¹⁵⁰ В первом полугодии он не был аттестован, Педсоветом было постановлено: «Предупредить родителей ученика Андреева Андр., что если сын их не начнет аккуратно посещать гимназию, то будет считаться вышедшим из школы».¹⁵¹

¹⁴⁴ Андреев В. Л. Детство. С. 206. Временем зарождения своего интереса к данной теме Вадим Леонидович называет пасхальные каникулы весны 1917 г.: «Целые дни я читал — в то время я впервые увлекся историей живописи» (Там же. С. 182).

¹⁴⁵ ЦГИА СПб., ф. 141, оп. 1, № 98, л. 66. В экзаменационной же ведомости записано: «обучался дома» (Там же, л. 68). На тот момент семья жила по адресу: «Б. Посадская, д. 24, кв. 8».

¹⁴⁶ ЦГИА СПб., ф. 141, оп. 1, № 193, л. 15 об.—16.

¹⁴⁷ Там же, л. 32.

¹⁴⁸ Там же, л. 10.

¹⁴⁹ Там же, № 184, л. 43.

¹⁵⁰ ЦГА СПб., ф. 3102, оп. 1, № 165, л. 2.

¹⁵¹ Там же, № 187, л. 1. Графа «Постановления Педагогического совета» из таблицы успеваемости 5-го класса за первое полугодие 1917—1918 учебного года.

Отец Андрея, Василий Григорьевич Андреев, входил в родительский комитет, но повлиять на ситуацию не мог, и тот был «уволен по прошению» 29 апр. 1918 г.¹⁵²

Подпись «А. Андреев» (без буквы «ъ» на конце слова) сопровождается 2 иллюстрациями: 1. В разделе «<А.> Бартковский. Епишка»: Зимний пейзаж со стогом сена.¹⁵³ Цв. 115 × 185 мм; 2. В разделе «В. Алексѣевъ. Угличъ»: Древнерусский город на берегу реки.¹⁵⁴ Цв. 60 × 77 мм.

Расположение подписей:

№ 1: На рисунке и под рисунком на полях — «А. Андреев».

№ 2: Под рисунком на полях — «А. Андреев».

Редакторы

Из всех участников «Лентовца» двое — С. Шейнманн и В. Петропавловский — выступили только его редакторами. Важно отметить, что и тот, и другой были выходцами из семей, вовлеченных в политическую жизнь.

Сергей Шейнманн¹⁵⁵ родился в Киеве 11 марта 1903 г., поступил в 4-й класс гимназии им. Лентовской 26 августа 1916 г., по экзамену. В первый же учебный год он блеснул своими знаниями, покориw классного наставника «горячностью и жаром»,¹⁵⁶ с которыми занимался, благодарством своей натуры: «Умный, способный, развитой мальчик. <...> Развиты общественные жилки <...> Класс в нем приобрел очень ценного ученика, а клуб деятельного и содержательного члена»;¹⁵⁷ «...добрый, благородный, одаренный вкусом, но болезненно воспри-

---

¹⁵² Там же, № 179, л. 13. В других школьных документах формулировка о причине отчисления Андрея Андреева отличается: «Уволены за невзнос платы ученики <...> 5 кл. Андреев Вад., Андреев Анд., Андреевы Лев и Леонид» (Протокол заседания педсовета от 29 апр. 1918 г. // Там же, № 165, л. 17).

¹⁵³ РО ИРЛИ, Р. I, оп. 1, № 364, л. 5 об. Над текстом.

¹⁵⁴ Там же, л. 8 об. В начале текста, слева на полях. Иллюстрация фигурно вырезана.

¹⁵⁵ Шейнманн Сергей Михайлович (1903—1987 (1986?)) — геофизик, специалист по электроразведке. Доктор технических наук. Автор монографии «Современные физические основы теории электроразведки» (Л.: Недра, 1969. 224 с.). Неоднократно подвергался репрессиям (в 1923—1926, 1931, 1942, 1949—1954 гг.). Согласно архивной справке УФСБ России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области от 13 авг. 2020 г.: «Заключением Прокуратуры Ленинградской области от 28 апреля 1989 г. Шейнманн С. М. реабилитирован».

См. о нем: Шейнманн Б. С., Попов А. А. Шейнманн Сергей Михайлович // Репрессированные геологи / гл. ред. В. П. Орлов; отв. ред. Л. П. Беляков, Е. М. Заблочкий. М.; СПб., 1999. С. 342; Хомизури Г. П. Террор против геологов и горняков в СССР (1917—1988). Москва; Ереван, 2006—2019. С. 62, 172, 180, 1251; Прейгерзон Г. И. Дневник воспоминаний бывшего лагерника (1949—1955). М.: Возвращение; Иерусалим: Филобиблон; 2005. С. 244, 246.

¹⁵⁶ ЦГИА СПб., ф. 141, оп. 1, № 193, л. 7.

¹⁵⁷ Там же.

нимают трудные стороны школьной жизни».¹⁵⁸ По результатам за 4-й класс Сергей был отличником по географии, естествознанию, немецкому языку; по остальным предметам (за исключением латыни и ручного труда) — хорошистом. Возможно, в силу своего слабого здоровья и тонкой психической организации («Излишняя чувствительность со срывами»¹⁵⁹), на следующий год удержать первенство в классе он не смог («Вообще не так ярко, как в прошлом году, нет той жадности к учению, теряет в лучах Липавского»¹⁶⁰).

Сергей и его старший брат Юрий (Георгий),¹⁶¹ поступивший в «Лентовку» в тот же год, — сыновья Михаила Владимировича Шейманна (род. 5 ноября 1871 г., в Петербурге)¹⁶² и Лидии Эммануиловны (урожд. Равицкой, род. 17 февр. 1874 г.). Отец и дети — православного, мать — англиканского вероисповедания. Согласно метрической выписи из Киево-Лукиановской Феодоровской церкви Сергей был крещен 6 марта 1905 г.

Ранние годы братьев Шейманнов прошли в Киеве, где служил отец, присяжный поверенный. В 1907 г. Михаил Владимирович, привлеченный по так называемому «дисциплинарному делу о присяжных

¹⁵⁸ ЦГИА СПб., ф. 141, оп. 1, № 193, л. 21.

¹⁵⁹ Там же, л. 69.

¹⁶⁰ ЦГА СПб., ф. 3102, оп. 1, № 187, л. 9.

¹⁶¹ *Шейманн Юрий Михайлович* (1901–1974) — геолог. Доктор геолого-минералогических наук. В 1916–1918 гг. обучался в школе им. Л. Д. Лентовской; в 1918–1921 гг. — студент физико-математического факультета Петроградского университета; одновременно с этим в 1920–1921 гг. занимался на Тибетском отделении Института Живых восточных языков; в 1921 г. из Университета перевелся в Горный институт, образование в котором завершил в 1927 г. Дважды репрессирован. См. о нем: *Шейманн Ю. М. Автобиография* // Юрий Михайлович Шейманн: жизнь, отданная науке. М.: ОИФЗ РАН, 2001. Т. 1. С. 213–214; Памяти Ю. М. Шейманна [Некролог] // Геотектоника. 1974. № 3. С. 109–111; *Шейманн Г. Ю.* Шейманн Юрий Михайлович // Репрессированные геологи. С. 342–343; *Соколова Ю. Ф.* Краткая научная биография Юрия Михайловича Шейманна // Юрий Михайлович Шейманн: жизнь, отданная науке. Т. 1. С. 5–21; *Гаген-Торн Г. Ю.* Книга об отце, о Сибири и немножко о себе // Там же. С. 38–103. Воспоминания Ю. М. Шейманна о детстве и юности, в том числе периоде обучения в гимназии им. Лентовской, опубл.: *Шейманн Ю. М.* Перед самим собой / сост. Г. Ю. Гаген-Торн. М.: Возвращение, 2013. 336 С. См. также примеч. 64.

¹⁶² *Шейман(н) Михаил Владимирович (Моисеевич)* — сын киевского купца 1-й гильдии Моисея Шеймана и Розалии Шейман (урожд. Греймер). В 1889 г. окончил частную гимназию доктора Видемана и был принят на физико-математический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета («сверх установленной для евреев нормы»), где слушал лекции сначала на отделении естественных наук, затем на математическом отделении. В 1891 г. принял св. крещение по обряду православной церкви в Братском храме во имя Покрова Пресвятой Богородицы (на Боровой ул.). В августе 1892 г. перешел на юридический факультет, где обучался до 1896 г. В течение следующих 2 лет занимался в Парижском и Мюнхенском университетах. В сословии присяжных поверенных состоял с 1898 г. (ЦГА СПб., ф. 7240, оп. 2, № 3956).

поверенных и их помощниках, пытавшихся в октябре 1905 г. прекратить занятия в Киевском окружном суде»,¹⁶³ был вынужден покинуть Киев, и семья вслед за ним переехала в Баку.¹⁶⁴ В воспоминаниях Юрия об этом периоде упоминается, что отец брал их с собой на нефтяные промыслы, а также на длительные пешие прогулки в горы. Увлеченные наблюдением над дикой природой, чтением Р. Киплинга, А. Брема, В. В. Лункевича, Э. Сетона-Томпсона, Ф. Нансена, Жюль Верна, они

---

¹⁶³ См.: Дисциплинарное дело о присяжных поверенных и их помощниках, пытавшихся в октябре 1905 г. прекратить занятия в Киевском окружном суде. Киев, 1907. 53 с. Согласно «Заключению Распорядительного Комитета Киевской Консультации присяжных поверенных...» по этому делу, в Киеве в октябре 1905 г. движение за всеобщую политическую забастовку «достигло своего апогея. <...> Хотя суд оставался наружно спокойным, но разрастающаяся волна общественного движения стала понемногу проникать и в стены этого учреждения. С одной стороны, многие свидетельствуют о приподнятом нервном настроении в стенах суда, а с другой — извне — все настойчивее становится требование народных собраний и митингов о присоединении суда ко всеобщей забастовке. Требования эти в судебных стенах вызывают столкновения различных течений. Одни находят, что суд при всех политических бурях должен оставаться бесстрастным, а другие верят — что гражданский долг суда, который общество считает хранителем освободительных заветов шестидесятых годов, присоединить свой голос к голосу страны, требующей прав человека» (Там же. С. 27—28). Распорядительный Комитет, не находивший «оснований для возбуждения дисциплинарного производства», придерживался мнения, что «попытка прекратить занятия в Киевском Окружном Суде 14 октября 1905 года, произведенная группой присяжных поверенных и их помощников, имела целью ограждение суда от печальных последствий столкновений, могущих возникнуть при вторжении народной толпы, постановившей на митинге о присоединении суда к политической забастовке...» (Там же. С. 30). Тем не менее, участники событий в Киевском окружном суде понесли дисциплинарное наказание. М. В. Шейнман был назван в числе «более виновных» (Там же. С. 34). На тот момент он состоял присяжным поверенным Округа Московской, а не Киевской Судебной палаты и на этом основании заявил «отвод о неподсудности настоящего о нем дела Киевскому Окружному Суду» (Там же. С. 17, 33). Однако последний оставил это «без уважения» и Определением 25 нояб. 1906 г. постановил в отношении М. В. Шейнмана «лишить права отправлять обязанности поверенного в течение полугода» (Там же. С. 34). Определением же Киевской Судебной Палаты от 31 марта 1907 г. слушание его дела было отложено (Там же. С. 44). В «Отчете Совета присяжных поверенных округа Московской судебной палаты за 1907—1908 год» (М., 1908) указано, что М. В. Шейнман исключен из ее списков в «дисциплинарном порядке» (С. 5). См. также: Сборник определений соединенного присутствия Общего Собрания Первого и Кассационных Департаментов (1902—1912 гг.) и Высшего Дисциплинарного присутствия (1885—1912 гг.) Правительствующего Сената. СПб., 1913. С. 197—201. По словам Ю. М. Шейнманна, отец «после 11-месячной тюрьмы был сослан в Баку с лишением всех прав» (*Шейнманн Ю. М.* Перед самим собой. С. 10).

¹⁶⁴ М. В. Шейнманн служил в Бакинском Нефтяном обществе, затем в «Русском т-ве “Нефть”». Он заведовал Бакинской конторой; с 1914 по 1918 г. был секретарем Правления и заведующим административно-юридическим отделом (ЦГА СПб., ф. Р—1366, оп. 4, л. 1).

устроили у себя «террариум» (ящерицы-агамы, аймецис, gekоны, черепаха, степной удав, лягушки, тушканчики), «все своего лова или вымененное на пойманное нами».¹⁶⁵ И Юрий, и Сергей были одарены музыкально, в мать (окончившую Парижскую консерваторию по классу вокала), и занимались в Баку музыкой с дирижером М. И. Черняховским.¹⁶⁶

В 1916 г., после снятия с Михаила Владимировича ограничений, Шейнманны приехали в Петроград. Они поселились в доме 19 на наб. реки Карповки, а в октябре 1917 г. переехали в собственное жилье, на ул. Бассейную (ныне ул. Некрасова), д. 58, кв. 64, где отец приобрел квартиру.¹⁶⁷

Для Сергея обучение в «Лентовке», по всей видимости, было первым гимназическим опытом (по словам брата, в Баку он учился дома¹⁶⁸). Заметим, что отец деятельно включился в школьную жизнь сыновей: он был избран председателем общего собрания родителей учащихся,¹⁶⁹ а на заседании Педсовета 4 окт. 1917 г. — председателем родительского комитета.¹⁷⁰

Интересно, что класс Юрия тоже выпускал свой журнал, он печатался на ротаторе: «Многое в гимназии было новым: издание на рота-

---

¹⁶⁵ Шейнманн Ю. М. Перед самим собой. С. 21.

¹⁶⁶ Черняховский Марк Исаевич — музыкант, дирижер, педагог. В Баку с 1903 г. Руководил симфоническим оркестром; преподавал в частной школе «Группы учителей музыки», в Музыкальных классах (с 1916 г. — Музыкальным училище) при Бакинском отделении Русского музыкального общества, в Народной консерватории, затем — Азербайджанской гос. консерватории. «При первом появлении г. Черняховского в Баку <...> наш оркестр в его руках стал неузнаваем <...> Симфонические вечера привлекают всегда такую массу публики, что многие вынуждены слушать всю программу стоя <...>. Чудное исполнение самых сложных партитур под руководством г. Черняховского сразу обратило на себя внимание наших музыкальных критиков и всей бакинской публики; репертуар освежился интересными новинками, из коих многие оркестру приходится по требованию публики часто биссировать» (Извлечения из рецензий о концертах дирижера симфонического оркестра М. И. Черняховского. Баку, 1913. Без нумерации страниц). См. о нем также: Дильбазова М. Х. Из музыкального прошлого Баку (вторая половина XIX — нач. XX в.). Баку: Ишыг, 1985. С. 91—97.

¹⁶⁷ Их квартира была «на пятом этаже с окнами жилых комнат в сторону Мальцевского рынка. Окна кухни, столовой, комнаты для прислуги выходили в типичный питерский двор-колодец...» (Шейнманн Ю. М. Перед самим собой. С. 38).

¹⁶⁸ По воспоминаниям Юрия, отец «считал гимназию вредной» (Там же. С. 21). С Сергеем дома занимался учитель А. Т. Ярыгин, он же готовил Юрия к поступлению в бакинскую гимназию: «Типичный русский интеллигент-неудачник, университет, много думавший и читавший, вероятно, в свое время пьющий, мучающийся неразрешимыми вопросами, он очень сошелся с отцом, стал неотъемлемым от семьи человеком. Иногда он с нами ездил по Кавказу, всегда бывал у нас. Следом за нами переехал в Питер. <...> Когда я потом читал Хулио Хуренито, то всегда Алексея Спиридоновича представлял в виде Алексея Тарасовича» (Там же. С. 33).

¹⁶⁹ ЦГИА СПб., ф. 141, оп. 1, № 164, л. 71.

¹⁷⁰ Там же, № 184, л. 41.

торе нашего журнала, вольные темы для классных и домашних сочинений. <...> Помню, что после отпечатывания очередного № журнала мы с Розенбергом садились по очереди на лежащий ротатор и, вертя ручку, катались на нем».¹⁷¹

Нельзя исключить, что и «Лентовец» предполагалось размножать на ротаторе. Помогал ли старший брат в подготовке журнала, у нас сведений нет, но зиму 1917—1918 гг. он называет временем своего «сближения с Сергеем» («Чудили. Одно время увлекались передачей мыслей и с успехом внушали друг другу через стену геометрические фигуры. Бросили, потому что сильно уставали»¹⁷²).

Весной 1919 г. Сергей, его родители и брат оформили паспорта для выезда за границу. В опросных листах старших членов семьи записано, что они едут для лечения и предполагают посетить Швецию, Норвегию, Данию.¹⁷³ В графе, имеются ли за границей родственники, Лидия Эммануиловна указала, что во Флоренции живет ее мать, Юлия Савельевна Равицкая.¹⁷⁴ На тот момент М. В. Шейнманн служил в Главном нефтяном комитете;¹⁷⁵ Юрий был студентом Петроградского университета.

Стоит упомянуть, что Сергей был вхож в университетскую компанию старшего брата, в том числе в кружок «Снарк», образовавшийся в 1919—1920 гг. в студенческом общежитии («Кажется этой зимой появился у нас кружок — “Снарк” (в честь яхты Джека Лондона). На нем по очереди рассказывали самое новое в близких нам науках или читали вслух то “Двенадцать”, то Гофмана, Эдду, песнь песней и мало ли что еще. Часто после серьезного доклада делался шуточный содоклад»¹⁷⁶). К этому же периоду относятся посещения Юрием и его дру-

---

¹⁷¹ Шейнманн Ю. М. Перед самим собой. С. 39. Юрий упоминает, что кроме школьных занятий он посещал естественнонаучный кружок, который вел у себя дома их классный наставник Н. Н. Золотавин.

¹⁷² Шейнманн Ю. М. Перед самим собой. С. 46.

¹⁷³ ЦГА СПб., ф. 80, оп. 22, № 4164, л. 4. Заграничные паспорта испрашивались Шейнманнами на срок 6 месяцев. Из внутренней переписки работников Иностранного стола Петроградского губернского отдела и Народного комиссариата по иностранным делам следует, что было решено выписать М. В. Шейнманну с семьей паспорта «в срочном порядке без соблюдения формальностей, без указания границы, причем срок действия паспорта указать месячный» (Там же, л. 2). Возможно, к этому периоду относится следующая запись Юрия: «Исчезает еда, нет топлива. Семья ютится в кухне и бывшей комнате прислуги. Отец болен — тиф, за ним воспаление легких. Или это было в следующую зиму?» (Шейнманн Ю. М. Перед самим собой. С. 53—54).

¹⁷⁴ ЦГА СПб., ф. 80, оп. 22, № 4165, л. 6.

¹⁷⁵ По словам Ю. М. Шейнманна, отец с 1925 г., после смерти матери, был представителем Главнефти в Австрии, потом на Рейне. Затем в Париже. Вернулся в 1932 г. и вышел на пенсию (см.: Шейнманн Ю. М. Перед самим собой. С. 10).

¹⁷⁶ Там же. С. 61. Участниками этого кружка, по воспоминаниям Ю. Шейнманна и его первой жены Н. И. Гаген-Торн, кроме них, были: Ида Варшавская и ее младший брат гимназист Лев, Аля Лунц (А. М. Лунц), Аля (Грациелла Джоновна) Го-

зьями Н. Гумилева.¹⁷⁷ В связи с «андреевской темой» этого выпуска журнала «Лентовець» стоит упомянуть, что Ю. Шейнманн, рассказывая об университетской жизни 1918–1919 гг., сравнивает одного из студентов, председателя Совета старост, с персонажем Л. Н. Андреева: «косоворотка с пояском-шнуром, борода и зачесанные назад волосы, открытый взгляд и добрая улыбка. Такие были студенты в пьесах Л. Андреева».¹⁷⁸

Сергей Шейнманн окончил школу в 1920 г. (одновременно с Л. Липавским и В. Алексеевым) и в тот же год поступил на математическое отделение физико-математического факультета Первого Петроградского университета. Последние записи в его университетском деле относятся к февралю-марту 1923 г., в конце марта того же года он забрал свой матрикюл. В мае 1923 г. был арестован по «делу о студенческом соцблоке» и приговорен к 3 годам ссылки.¹⁷⁹

Владимир («Валя») Петропавловский (род. 15 июля 1902 г., православного вероисповедания) поступил в 3-й класс гимназии в авг. 1915 г. (экзаменовался в тот же день, что и Вадим Андреев). Предыдущий школьный год он «пропустил», занимался дома, а в 1913–1914 учебном году обучался в Семиклассном Коммерческом училище Первого товарищества преподавателей в Петрограде, где окончил 2-й класс.¹⁸⁰

вард, Кука и Лиля Дорфманы, Зинаида Ливицкая, Евгений Айзенштадт, Вячеслав Михайлов, Сеня Малятский, Анатолий Розенблюм и его младший брат Зайка, Вениамин Каверин (тогда Зильбер), Юрий и Лидия Тыняновы, Шкловский. Подробнее см.: Там же. С. 61–63, 65–66. По всей видимости, речь идет все-таки о зиме 1920–1921 гг., так как В. Каверин приехал в Петроград осенью 1920 г.

¹⁷⁷ «Его стихи принесла нам Ида Варшавская. Но когда встал незаметный человек и нараспев стал читать “Набегала тень, догорал камин”, стало нехорошо. Барышни таяли. И все-таки он производил сильное впечатление. Но такие встречи скорее расхолаживали, чем помогали полюбить стихи. А стихами занимались много. За Блоком и Гумилевым пришел, сначала в шутку, потом по-настоящему, Маяковский» (*Шейнманн Ю. М. Перед самим собой.* С. 64). В более развернутом рассказе на эту же тему упоминаются два эпизода: первый отнесен к зиме 1918–1919 или 1919–1920 гг. («Гумилев читал где-то недалеко от Университета, в чьей-то квартире. Было человек 20–30, гл<авным> обр<азом> студенты» (*Шейнманн Ю. М. <Воспоминания о Н. С. Гумилеве> // Жизнь Николая Гумилева: воспоминания современников / сост. Ю. В. Зобнин, В. П. Петрановский, А. К. Станюкович. Л.: Изд-во Международного фонда истории науки, 1991. С. 208*)); второй – к концу весны – началу лета 1920 г. («...мы были приглашены на именины второй жены поэта (Анны Энгельгардт). Дело происходило <...> в его квартире недалеко от Таврического сада» (Там же)). В обоих случаях на чтения Гумилева их позвала сестра Н. Оцуца Надя. Ходил ли вместе с ними Сергей, не сообщается. См.: Там же. С. 208–209. Ср. воспоминания В. Алексеева о посещении им с друзьями Н. Гумилева: Из поэтического архива В. С. Алексеева (1903–1942) / публ. А. Л. Дмитренко. С. 424–425.

¹⁷⁸ *Шейнманн Ю. Перед самим собой.* С. 52.

¹⁷⁹ С. Шейнманн был «выслан на Украину, работал на строительстве Днепротгэса» (*Шейнманн Б. С., Попов А. А. Шейнманн Сергей Михайлович.* С. 342).

¹⁸⁰ ЦГИА СПб., ф. 141, оп. 1, № 177, л. 160, 163.

На приемных испытаниях в гимназию он получил «4» по Закону Божьему, арифметике, географии, естествоведению.¹⁸¹ По языкам и истории отметки были ниже. Одновременно в 4-й класс «Лентовки» поступил его брат Дмитрий,¹⁸² а на следующий год — их старший брат Орест.¹⁸³

Их отец, врач Александр Орестович Петропавловский,¹⁸⁴ был революционером со стажем: один из организаторов «Ветровской» демон-

---

¹⁸¹ Там же, л. 161.

¹⁸² *Петропавловский Дмитрий Александрович* род. 18 янв. 1901 г. В 1915 г. он поступил в гимназию им. Лентовской по экзамену в 4-й класс (став одноклассником Я. Друскина). До этого, как и Владимир, учился в Семиклассном Коммерческом училище Первого товарищества преподавателей в Петрограде (1913—1914 учебный год) и дома (Там же, л. 157).

¹⁸³ *Петропавловский Орест Александрович* род. 7 июня 1899 г. С 1909 по 1913 г. он учился в Семиклассном Коммерческом училище Первого товарищества преподавателей в Петрограде (выбыл в июле 1915 г.); с января по август 1916 г. — в гимназии доктора медицины Н. П. Шеповальникова. В ноябре 1916 г. поступил в 6-й класс гимназии им. Лентовской. По результатам учебного года он был переведен в 7-й класс, но с условием поверочных испытаний по русскому, латинскому, немецкому языкам и географии (ЦГИА СПб., ф. 141, оп. 1, № 187, л. 21). В силу перенесенного в переходном возрасте нервного заболевания, учеба давалась ему тяжело, в сент. 1917 г. мать обратилась с прошением в Педсовет гимназии и к попечителю Петроградского учебного округа о переводе Ореста в 7-й класс без сдачи латинского и немецкого языков (Там же, № 199, л. 143—147). В сведениях о его успеваемости за первое полугодие 1917—1918 учебного года: «“2” — по истории, французскому языку, филос. проп<едевтике>», при этом «пропущено уроков — 161». За второе полугодие он не был аттестован (ЦГА СПб., ф. 3102, оп. 1, № 179, л. 6 об.). В студенческой анкете 1-го Петроградского университета Орест Петропавловский указал, что он вступил в партию 8 марта 1917 г., «принимал участие в Октябрьском перевороте», «организовывал Советы и Ревкомы в Сибири» (ЦГА СПб., ф. 7240, оп. 4, № 1241, л. 13 об.). В февр. 1918 г. в составе специального отряда Петроградской организации ССРМ он был на Гдовском участке фронта. С дек. 1918 г. — на восточном фронте, служил в пехоте политработником. Демобилизовавшись в нояб. 1920 г., Орест поступил на экономическое отделение факультета общественных наук Петроградского университета (командирован Центральным комитетом РКСМ), в дек. 1925 г. был «исключен из числа студентов как не окончивший курс к моменту закрытия отделения» (Там же, л. 1). В 1960-е гг. доцент Ленинградского института инженеров железнодорожного транспорта (ЛИИЖТ) им. акад. В. Н. Образцова. Воспоминания О. Петропавловского о выступлениях В. И. Ленина на Финляндском вокзале 3 апр. 1917 г., в здании Морского кадетского корпуса 21 и 27 мая 1917 г., а также об организации в Петрограде молодежных отрядов в февр. 1918 г. опубли. в многотиражной газете ЛИИЖТа: *Петропавловский О.*: 1) В боях мужала комсомолия // Наш путь. 1966. 26 февр. № 7 (1010) С. 2; 2) Яркий образ вождя // Там же. 23 апр. № 15 (1018). С. 2.

¹⁸⁴ *Петропавловский Александр Орестович* (24 мая (ст. ст.) 1875 г. — 10 февр. 1935 г.) — врач, партийный работник. Родился в с. Павлове Горбатовского уезда Нижегородской губ. «Из семьи учителя Народного училища» (из Автобиографии), «сын губернского секретаря» (из метрической выписи старшего сына, Ореста). Член РСДРП с 1907 г., подвергался репрессиям за революционную деятельность.

страции 4 марта 1897 г. на Казанской площади в Петербурге, участник «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», с 1907 г. — член РСДРП. Приведу фрагмент из его автобиографии: «Будучи учеником старших классов гимназии, я начал интересоваться революционным движением. <...> В бытность студентом Петербургского университета работал в кружках нелегальной Кассы Взаимопомощи студентов университета, был избран представителем кружка в Представительское собрание, где входил в социал-демократическую фракцию. В 1896—97 учебном году был избран в члены Правления Кассы и состоял секретарем Правления. В марте месяце 1897 года по поручению Представительского собрания был организатором “Ветровской” демонстрации <...>. С осени 1896 года до осени 1899 года <...> был работником по технике и выполнял работу по печатанию на мимиографе летучих листов и других изданий “Союза борьбы за освобождение рабочего класса” и отчетов нелегального общества “Красного Креста помощи политическим заключенным”. Был организатором и членом Петербургского землячества среди студентов различных учебных заведений и членом Союзного Совета землячеств, существовавшего одно время в г. Петербурге. <...> работал в Петербургской организации РСДРП в качестве пропагандиста и по организации клуба».¹⁸⁵

По воспоминанию Ореста Петропавловского, отец в период службы думским врачом Нарвской части устроил у них дома явочную квартиру, «где <...> под видом больных собирались рабочие-большевики представители профсоюзов, заводов и фабрик Нарвско-Петергофского района, завода “Треугольник”, конфетной фабрики, железнодорожники».¹⁸⁶ Общественные приоритеты отца, его авторитет — определили устремления Ореста, а вслед за ним и младших братьев. Атмосфера политического подполья, в которой проходила жизнь их семьи, сказалась, однако, и на их здоровье.

Получил образование сначала в Петербурге (в 6-й классической гимназии (1885—1894), на естественном отделении физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета (1894—1899)), затем в Юрьевском университете, медицинский факультет которого окончил в 1902 г., получив звание врача. С 1903 по 1906 г. находился на военной службе. После демобилизации служил по специальности в Петербурге, в том числе с февр. 1910 г. городским думским врачом Нарвской части. Во время Первой мировой войны был в германском плену. После возвращения в Петроград Петропавловский служил на ответственных должностях, совмещая медицинскую и партийную работу. В 1925 г. был направлен Агитотделом Ленинградского Губкома ВКП(б) заведовать кафедрой социально-экономических дисциплин Государственного института физического образования им. П. Ф. Лесгафта. В начале 1930-х гг. был на руководящей работе (заведовал кафедрой ленинизма в Ленинградском электромеханическом комбинате (ЛЭМУКе, он же ЛИИЖТ)), преподавал общественно-политические дисциплины в вузах Ленинграда.

¹⁸⁵ ЦГАИПД СПб., ф. Р—1728, № 225746/1, л. 2.

¹⁸⁶ ЦГАИПД СПб., ф. 4000, оп. 18, № 103, л. 14. В документах гимназии их местом жительства указан адрес: Лермонтовский пр., д. 55, кв. 15.

Прошения о приеме сыновей в гимназию им. Лентовской было подано их матерью, Софьей Николаевной Петропавловской.¹⁸⁷ Отец же находился тогда в германском лагере военнопленных: с началом Первой мировой войны он был мобилизован, но уже в конце августа 1914 г. 310-й полевой подвижный госпиталь, в котором он служил старшим ординатором, попал в плен в Восточной Пруссии, и он вернулся в Петроград только в январе 1918 г.

Софью Николаевну в сентябре 1915 г. выбрали от 4-го класса (вместе с отцом братьев Друскиных) в родительский комитет.

По всей видимости, для Владимира «школьные интересы» ограничиваются двумя первыми годами пребывания в «Лентовке». «Умный, развитой, серьезный, сосредоточенный ученик. <...> Очень развиты общественные жилки. <...> Авторитет в классе заметно растет. На товарищей имеет прекрасное влияние»,¹⁸⁸ — пишет о нем классный наставник, отмечая его интерес в 1916—1917 учебном году к русскому языку, истории, географии, естествознанию.¹⁸⁹

По словам Ореста, брат «учился <...> легко, обладал хорошей памятью...»,¹⁹⁰ был «постоянный староста класса, участник и организатор кружков, собраний».¹⁹¹

В следующем учебном году ситуация изменилась. Первым из братьев оставил учебу Орест («...спустя несколько дней после <...> Февральской революции я, со своим товарищем по гимназии на Петроградской стороне, <...> направились в Петроградский райком РСДРП(б) предлагать свои услуги»,¹⁹² а в марте вступил в партию), а за ним и Владимир.

В таблице, фиксирующей успехи учеников за первое полугодие 1917—1918 учебного года, в графе В. Петропавловского стоит прочерк, он не был аттестован ни по одному из предметов.¹⁹³ Хотя на педсовете 25 окт. 1917 г. (sic!) при распределении учрежденных в гимназии «меж-

---

¹⁸⁷ *Петропавловская* (урожд. *Шукина*) *Софья Николаевна* (р. 1873) — педагог, партийный работник. Член ВКП(б) с 1919 г. Помимо основного образования, окончила курсы лекарских помощниц, работала фельдшером. В послереволюционные годы занималась партийной работой; была на ответственных должностях, в том числе служила в Петрограде зам. заведующего по охране здоровья Губздравотдела (1920—1922). В 1922—1924 гг. — политический лектор на Фабрике им. Халтурина. В 1924—1935 гг. преподавала обществоведение в школе (ЦГАИПД СПб., ф. Р—9088, оп. 1, № 3588, л. 1—2).

¹⁸⁸ ЦГИА СПб., ф. 141, оп. 1, № 193, л. 6.

¹⁸⁹ Там же, л. 6.

¹⁹⁰ *Петропавловский* О. А. Первый комиссар допризывной подготовки г. Петрограда Володя Петропавловский // ЦГАИПД СПб., ф. 4000, оп. 18, № 103, л. 15.

¹⁹¹ Там же.

¹⁹² *Петропавловский* О. А. Тревожная молодость. Беспокойная юность моя... (Страницы пережитого) // Там же, л. 5. По словам автора, они распространяли газету «Правда» и др. литературу на фабриках, заводах, а также в цирке «Модерн» на Кронверкском проспекте, где тогда проходили митинги и собрания.

¹⁹³ ЦГА СПб., ф. 3102, оп. 1, № 187, л. 1 об.—2.

ду недостаточными учениками бесплатны<x> вакансии<y> и стипендия «учительского союза» («каждому в половинном размере»)¹⁹⁴

Леонид Георг констатировал: «По устн<ому> русск<ому> затрудняюсь судить, так как он слишком много пропустил. Прошу ему отметить, что ошибок у него быв<ает> все же много в письм<енных> работах», но при этом признал: «Развитой и способный. Влияние громадное. Поведение порой митинговое, но никогда не бывает недоразумений. Оч<ень> хороший человек».¹⁹⁵ Преподаватель французского языка В. Ф. Будкевич прозорливо заметила: «Беда его увлечение политикой, не говоря уж об остальном. Оно губительно для его здоровья».¹⁹⁶

С возвращением отца из плена занятия в гимназии для братьев Петропавловских, видимо, потеряли всякий смысл. Они были «уволены по прошению» 2 окт. 1918 г.¹⁹⁷ За месяц до этого Владимир был принят в партию.¹⁹⁸ Оресту на тот момент было уже 19 лет, вскоре он был мобилизован. Сведения о дальнейших (они же последние) двух годах жизни Владимира (секретаря Петроградского райкома ССРМ, участника 1-го Всероссийского съезда союзов рабочей и крестьянской молодежи, члена ЦК РКСМ, комиссара разведывательно-заставного отряда особого назначения) известны из очерка о нем Ореста.¹⁹⁹ С мая 1920 г. В. Петропавловский возглавлял военный отдел РКСМ.²⁰⁰

¹⁹⁴ ЦГИА СПб., ф. 141, оп. 1, № 184, л. 43.

¹⁹⁵ Из отзыва Л. В. Георга о занятиях учеников 5-го класса по русскому языку за 1917—1918 учебного года // ЦГА СПб., ф. 3102, оп. 1, № 187, л. 8.

¹⁹⁶ Там же, л. 50. По воспоминаниям Ореста, Володя «стал кашлять кровью и страдал тяжелыми нервными припадками» (*Петропавловский О. А. Тревожная молодость. Беспокойная юность моя... (Страницы пережитого)* // ЦГАИПД СПб., ф. 4000, оп. 18, № 103, л. 16).

¹⁹⁷ ЦГА СПб., ф. 3102, оп. 1, № 179, л. 6 об., 11 об., 17 об. В сведениях об итогах 1917—1918 учебного года В. Петропавловского, в графе «Определение Педагогического Совета», записано: «Поверочные испытания по всем предметам» (Там же, л. 17 об.). Скорее всего, В. Петропавловский, а также иллюстраторы «Лентовца» Трясов и Энгельбрехт не были переведены в 6-й класс. В определении Педсовета от 2 окт. 1918 г.: «Увольняются <...> по прошению <...> из пятого класса Петропавловский, Трясов, <...> Энгельбрехт...» (ЦГА СПб., ф. 3102, оп. 1, № 165, л. 29 об.). Владимир и Дмитрий Петропавловские получили метрические свидетельства 7 февр. 1919 г. (ЦГИА СПб., ф. 141, оп. 1, № 177, л. 157, 160).

¹⁹⁸ В регистрационной карточке Владимир указал, что вступил в партию в сент. 1918 г. на общем собрании членов партии Петербургского района (ЦГАИПД СПб., ф. 1728, оп. 1, № 488593, л. 1). В левом верхнем углу карточки помета: «Партийный билет № 500812 выдан 9 сент. 1920 г.» (Там же).

¹⁹⁹ *Петропавловский О. А. Первый комиссар допризывной подготовки г. Петрограда Володя Петропавловский* // ЦГАИПД СПб., ф. 4000, оп. 18, № 103, л. 14—22. Авторизованная машинопись. 19 февр. 1973 г. В этом же фонде отложился «Биографический очерк Владимира Александровича Петропавловского (1901—1920)» И. Иванова (Там же, оп. 12, № 26, 4 л. Б. д.), имеющий мифологизированный характер. Дата рождения в заголовке указана неверно.

²⁰⁰ ЦГАИПД СПб., ф. 1728, оп. 1, № 488593, л. 2.

Осенью 1920 г., когда Липавский, Алексеев, Шейнманн, получив удостоверения об окончании школы, стали первокурсниками, Владимира Петропавловского уже не было в живых: он погиб 28 окт. того же года «от случайного выстрела из “кольта” во время военных занятий».²⁰¹ Гроб с его телом был установлен для прощания 31 окт. в Георгиевском зале Зимнего Дворца (тогда — Дворца искусств).²⁰²

Леонид Липавский в «Лентовце»

Леонид Липавский, сын доктора медицины С. М. Липавского,²⁰³ поступил в гимназию им. Л. Д. Лентовской весной 1917 г. (из авторов журнала позже него пришел только А. Бартковский). Прощение было подано матерью, Розой Самсоновной Липавской, 18 апреля.

«Желая дать образование во вверенной Вам гимназии моему сыну Леониду Сауловичу Липавскому иудейского вероисповедания, родив-

²⁰¹ ЦГАИПД СПб., ф. 4000, оп. 12, № 26, л. 4.

²⁰² В некрологе, опубликованном в журнале «Юный пролетарий», говорилось: «Бессмысленно, нелепо погиб один из выдающихся наших работников. Не хочется верить, что больше не придется видеть и разговаривать с этим дивным юношей, такой большой душевной и физической красоты. <...> он не хотел, не переносил опеки и оживленно, увлекательно спорил со своими друзьями, отстаивая свое мнение. <...> Сколько удали, молодечества было в этом горевшем революционным огнем юноше в тот момент, когда, затянувшись в истрепанную кожаную тужурку с ремнями через плечо и револьвером сбоку, он скакал на чистокровке перед полком молодежи, комиссаром которого он состоял и организатором которого он был. Так значительно, так солидно, с достоинством он держался. Чувствовалось, что это не напускное...» (Павловский П. Юноша коммунистических зорь: Памяти Вали Петропавловского // Юный пролетарий. 1920. № 11 (40). С. 6—7). На обложке этого номера была помещена фотография В. Петропавловского. «Красная газета» сообщила: «Петербургский комитет Российского коммунистического союза молодежи извещает, что похороны тов. Вл. Петропавловского состоятся в воскресенье, 31 окт. Вынос тела в 11 ½ час. утра из Георгиевского зала Дворца Искусств (б. Зимний). Районы собираются у райкомов и идут к 11 час. на пл. Урицкого» (Красная газета (утр. вып.). 1920. 30 окт. № 244. С. 4). По свидетельству О. А. Петропавловского, Владимир похоронен на Новодевичьем кладбище.

²⁰³ Липавский Савелий (Саул, Шоул, Шаул) Михайлович (Менахимович, Минахимович) (1871—1933) — врач, специалист по болезням кожи и мочеполовых органов. Его родители: екатеринославский купеческий сын Менахим Арон Лейбов Липавский и Бина. С. М. Липавский окончил Екатеринославскую гимназию, затем обучался на медицинском факультете Императорского Харьковского университета. В 1901 г. С. М. Липавский защитил в Санкт-Петербурге диссертацию «К вопросу о воспалении червеобразного отростка» и был удостоен звания «доктор медицины» (конференцией Военно-медицинской академии от 19 мая 1901 г.). Он вел прием пациентов на дому и в частных лечебницах Петербурга М. Я. Ауслендера (Вознесенский пр., 27) и Б. М. Кальмейера (Большой пр. П. С., 100). В 1910—1917 гг. С. М. Липавский служил врачом в Петроградском Воздвиженском высшем начальном училище. Во время Первой мировой войны, с янв. 1915 г., совмещал службу в училище с работой в лазарете № 229 для больных и раненых воинов (дом Ф. и Н. Я. Колобовых на Большом пр. П. С., д. 18).

шесюмю 2 февраля 1904 года, прошу подвергнуть его надлежащему испытанию и медицинскому освидетельствованию и поместить в тот класс, в который он по своим познаниям и возрасту может поступить, при сем сообщаю, что он приготавлился к поступлению в пятый класс и до сего времени обучался в Ларинской Гимназии в 4-м классе».²⁰⁴

Липавские жили недалеко от гимназии, в собственном 6-этажном каменном доме на углу Большого проспекта П. С. и Гатчинской ул., постройки 1912–1914 гг.²⁰⁵ Здесь же Савелий Михайлович вел прием пациентов.

В первый же школьный год Леонид Липавский стал одним лучших учеников класса. Отзывы о его успехах по литературе и истории были более чем лестные. По свидетельству А. Ю. Якубовского, Леонид «на уроках тонко, умело дает истор<ический> комментарий читаемым памятникам, деятельный член общеклас<сных> бесед и истор<ического> кружка»,²⁰⁶ Л. Георг видел в нем психологически тонкую натуру, человека сложной душевной организации: «мальчика-философа», не по годам эрудированного, нервного,²⁰⁷ одаренного к поэзии, склонного к самоанализу. О 14–15-летнем юноше он пишет: «...он одарен к поэзии»; «От эрудиции не по летам он уже устает, у него теперь просыпается интерес к самой жизни».²⁰⁸

В начале 1920 г. на педсовете было решено расширить школу в полупансион и открыть при ней интернат. В связи с тем, что преподавателей для работы вечером не хватало, на свободные должности пригласили бывших учеников и родителей. В мае 1920 г., когда Леониду до завершения обучения оставалось около двух месяцев, делопроизводителем в школьную канцелярию поступила его мать. На тот момент ей было 45 лет. Из краткой записки руководства школы в РОНО известно, что Роза Самсоновна окончила Екатеринославскую женскую гимна-

---

²⁰⁴ ЦГА СПб., ф. 3102, оп. 1, № 176, л. 169. Заполненная форма. Леонид учился в подготовительном классе Ларинской гимназии с янв. 1913 г., сдал вступительные экзамены по русскому языку и математике. До этого начальную подготовку к поступлению в гимназию он проходил в Реальном училище В. П. Кузминой. Подробные сведения о школьном обучении Л. Липавского содержатся в статье: *Дмитренко А. Л., Сажин В. Н.* Краткая история «чинарей» // «...Сборище друзей, оставленных судьбою»: А. Введенский, Л. Липавский, Я. Друскин, Д. Хармс, Н. Олейников: «чинари» в текстах, документах и исследованиях: в 2 т. / сост. В. Н. Сажин. М.: Ладомир, 2000. Т. 1. С. 5–45.

²⁰⁵ Адрес: Большой пр. П. С., д. 39, кв. 3.

²⁰⁶ *Дмитренко А. Л., Сажин В. Н.* Краткая история «чинарей». С. 11.

²⁰⁷ Замеченные учителем «нервность» и «усталость» были, возможно, следствием не только юношеского романтизма, но и непростых семейных обстоятельств: за несколько лет до этого у отца появилась вторая семья. Официально же родители (возможно, из практических соображений) не были разведены (приведенное выше прошение о приеме сына в гимназию написано от лица «жены доктора медицины»).

²⁰⁸ *Дмитренко А. Л., Сажин В. Н.* Краткая история «чинарей». С. 12.

зию, училась на Высших женских курсах (но без уточнения, каких именно). До поступления в школу им. Л. Д. Лентовской она служила около двух лет счетчицей в Музыкальном отделе Компроса. С осени того же года Р. С. Липавскую назначили «запасным руководителем вечерней школы с сохранением ее канцелярской должности», она присутствует на педсоветах, ведет протоколы и находится в курсе всех школьных событий. Роза Самсоновна тоже проводила занятия, правда, какие именно, сведений не осталось.

Через год после окончания школы Л. Липавский дебютировал как поэт. Его «Диалогическая поэма», написанная в драматической форме, была напечатана во II книге «Альманаха Цеха поэтов» осенью 1921 г. Несмотря на внимание рецензентов,²⁰⁹ эта публикация оказалась мало удачной: в оглавлении сборника в его фамилии была допущена опечатка («Липовский»), что привело к путанице, некоторые критики автором поэмы посчитали другого литератора.²¹⁰

На следующий год, в III книге «Альманаха Цеха поэтов» (Пг., 1922), был опубликован цикл Л. Липавского из двух стихотворений «Солнце запало в чужие страны...» и «Слушай тягу, да!». В центральных образах цикла — «выдолбленная лодка», летящая «Там, в лесах араукарий, / Там, где Рак проводит красный тропик...», в которой мертвый покидает страну, и уплывающий поезд, «железно-сегментный змей», — прочитывалось посвящение памяти Гумилева и Блока. Этот цикл был перепечатан в берлинском издании «Цеха поэтов» (1923).

Этим прижизненные публикации лирики Липавского исчерпываются. Из юношеских поэтических опытов Л. Липавского до недавнего времени было известно о пяти стихотворениях 1920 г. («Что можем мы: только любить и томиться...», «Мы сойдем на синий берег...», «Жизнь протуманится...», «Пули певучие меть...», «Всегда безбрежна синяя вода...»),²¹¹ совместном с А. Введенским и В. Алексеевым стихот-

---

²⁰⁹ *Поэт. Поэзия изломов (О творчестве «цеховых» поэтов) // Жизнь искусства. 1921. 25 окт. № 814. С. 4; Луц Л. [Рец.: Цех Поэтов № 1-ый и 2-ой; Георгий Иванов «Сады»; Н. Гумилев «Огненный Столп»] // «Книжный угол». Критика — библиография — хроника. Пг., 1922. № 8. С. 51. Фрагмент «Диалогической поэмы» был процитирован в рецензии А. Свентицкого «Болезнь русской поэзии» (Вестник литературы. 1921. № 11 (35). С. 8).*

²¹⁰ *Г. К. Альманах цеха поэтов. Книга II. П. 1921. Стр. 88 // Библиографические листы Русского Библиологического общества. 1922. Лист II. С. 21; С. с. Альманах цеха поэтов. Книга вторая. Пг., 1921 г. стр. 87 // Начало: лит.-худож., науч.-попул. и публицист. альманах. 1922. № 2—3. С. 163. Подробнее см.: Валиева Ю. М. Кто он — Л. С. Савельев?: (О псевдониме Л. С. Липавского и его литературном однофамильце) // Русская литература. 2019. № 1. С. 146.*

²¹¹ Стихи Л. Липавского, вместе со стихами А. Введенского и В. Алексеева, были отправлены в янв. 1921 г. А. Блоку. Ответ поэта не сохранился. На полученном письме помета: «Ничего не нравится, интереснее Алексеев» (Александр Блок. Переписка: аннотированный каталог / под. ред. В. Н. Орлова. Вып. 2: Письма к А. Блоку. М., 1979. С.149). См. подробнее: *Кобринский А. А., Мейлах М. Б.* Введенский и Блок:

ворении «Мы с тобой по аллеям гуляем...» (1920—1921?),²¹² а также о несохранившейся коллективной поэме тех же авторов «Бык Бу(д)ды». Таким образом, дошедшее до наших дней поэтическое наследие Л. Липавского ограничивается неполным десятком текстов.

В № 4 журнала «Лентовець» помещены два стихотворения Л. Липавского: «Мы встрѣтились лѣтомъ...» и «Полетъ». Впервые публикуемые в настоящем издании, эти тексты представляют несомненный интерес как сами по себе, приоткрывая литературные предпочтения 13-летнего Липавского, так и в общем контексте «андреевского» выпуска.

Оба стихотворения переписаны одной рукой — тем же почерком, что и все остальные материалы журнала. Каждое стихотворение размещено на отдельной странице; иллюстрации выполнены Василием Трясовым, Леонидом Андреевым и, возможно, Львом Андреевым.

Орфография и пунктуация приводятся согласно оригиналу.

Стихотворения Леонида Липавского из журнала «Лентовець»

***¹

Мы встрѣтились лѣтомъ
Подъ солнцемъ горячимъ,
У синяго, синяго моря;
Насъ солнце ласкало,
Намъ море шептало:
«Растаетъ, развѣется горе.»
Подъ тѣнью магнолій,
Подъ тѣнью платана,
У шелково нѣжной мимозы,
Мечтамъ отдавались
И плыли предъ нами
Счастливыя, тихіе грезы.

¹ РО ИРЛИ, Р. I, оп. 1, № 364, л. 5. Справа над текстом надписано: «Стихотворение Л. Липавского». На странице со стихотворением две иллюстрации (без названия): над текстом цветной рисунок В. Трясова (летний пейзаж с избами). Под текстом: ч/б виньетка Л. Андреева (ваза).

Текст без деления на строфы. Каждая из 12 строк начинается с заглавной буквы. Амф 223223223223.

материалы к поэтической предыстории ОБЭРИУ. С. 72—81. Фрагмент стихотворения Л. Липавского «Всегда безбрежна синяя вода...» приведен А. Герасимовой: *Введенский А. И. Всё / сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. А. Герасимовой. М.: ОГИ, 2010. С. 273.*

²¹² Опул. М. Мейлахом: *Введенский А. И. Полн. собр. произведений. Т. 2. С. 125.*

Нельзя исключить, что стихотворение было написано по заданию с определенной формальной установкой. Ср.: тем же метром (Амф 4343434343), с использованием анафора, синтаксического параллелизма, лексических повторов написано стихотворение Вадима Андреева «У моря».

Полеть²

Авіаторъ дерзкій и могучій
Управлялъ желѣзною рукой;
Онъ пронзилъ при блескѣ молній тучи,
Снѣжныхъ горъ онъ нарушилъ покой.

Онъ летѣлъ божественно-прекрасный
И безумно онъ стремился ввысь;
Ликъ его холодный и безстрашный,
Только огоньки въ глазахъ зажглись.

² РО ИРЛИ, Р. I, оп. 1, № 364, л. 9 об. Имя автора «Л. Липавскій» дано справа под стихотворением.

Стихотворение из двух строф; каждая строка начинается с большой буквы. Страница со стихотворением оформлена Леонидом (Аркадьевичем) Андреевым. Текст размещен в цветной рамке, стилизованной под средневековую книжную графику: в верхней ее части заставка — два змея, с открытыми пастьями, друг против друга; в нижней — животный орнамент. В контексте «андреевского» выпуска стихотворение прочитывается аллюзией на рассказ Л. Н. Андреева «Полет» (первое название — «Надсмертное») впервые опублик.: *Андреев Л.* Надсмертное: <Рассказ> // Современный мир. 2-е изд. 1914. № 1 (январь). С. 1—18. Другие его издания, предшествовавшие этому номеру «Лентовца»: *Андреев Л.* 1) Надсмертное. Возврат: Два рассказа. Berlin: J. Ladyschnikov, <1914>. 52 с.; 2) Собрание сочинений. Т. XVI: Полет. Рассказы и пьесы. М.: Т-во «Книгоиздательство писателей в Москве», 1916. С. 5—26; Собрание сочинений. 2-е изд. Т. XVI: Полет. Рассказы. М.: Т-во «Книгоиздательство писателей в Москве», 1917. С. 5—25.

2-я строфа (эпитеты «божественно-прекрасный», «ликъ его холодный») содержит реминисценции стихотворения Н. Гумилева «Орел» (1909).

Библиографический список

1. *Андреев Леонид.* Письма к Павлу Николаевичу и Анне Ивановне Андреевым / публ. Л. Н. Ивановой и Л. Н. Кен // Русская литература. 2003. № 1. С. 148—185.
2. *Андреев-Алексеевский Л. А.* На даче у Леонида Андреева: (Из воспоминаний) // Андреевский сборник: исследования и материалы. Курск, 1975. С. 243—254. (Науч. труды / Курск. гос. пед. ин-т; т. 37 (130)).
3. Из поэтического архива В. С. Алексеева (1903—1942) / публ. А. Л. Дмитриенко // Ежегодник Пушкинского Дома на 1997 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 403—430.
4. *Кен Л. Н., Рогов Л. Э.* Жизнь Леонида Андреева, рассказанная им самим и его современниками. СПб.: КОСТА, 2010. 432 с.
5. Письма Леонида Андреева к Льву Алексеевскому / публ. Л. А. Иезуитовой // Русская литература. 1990. № 3. С. 151—157.

С. В. Березкина

КОММЕНТАРИИ К СТИХАМ С. П. ШЕВЫРЕВА ПО ЕГО ПИСЬМАМ К М. П. ПОГОДИНУ

Аннотация: Статья предлагает комментарий к трем стихотворениям С. П. Шевырева, написанным в 1829–1831 г. в Италии («На Голгофе слышен стон...», «Стены Рима», «Камень Данта (В альбом В. Д. П.)»). В статье на основании писем Шевырева к Погодину, а также его рукописей и писем к другим адресатам раскрывается творческая история этих стихотворений, связанная с его ближайшим окружением и изучением Рима.

Ключевые слова: биография и творчество С. П. Шевырева, стихотворения и замыслы 1829–1832 гг., цикл стихов о Риме, собор Св. Петра.

Abstract: The article suggests a commentary on three poems by S. P. Shevyrev written in 1829–1831 in Italy (“On Golgotha a moan is heard...”, “The Walls of Rome”, “The stone of Dante (In the album of V. D. P.)”). Based on Shevyrev’s letters to Pogodin, as well as his manuscripts and letters to other recipients, the article reveals the creative history of these poems related to his immediate environment and the study of Rome.

Keywords: biography and creativity of S. P. Shevyrev, poems and plans of 1829–1832, Roman verse cycle, St. Peter’s Cathedral.

Современные исследователи проявляют большой интерес к творческому наследию С. П. Шевырева (1806–1864), филолога, критика, публициста, поэта и переводчика, вводя в научный оборот по его письмам всё новые и новые тексты, в том числе стихотворные. Слабой стороной этих публикаций является комментарий, поскольку в нем порой «хромает» и датировка, и характеристика источников стихотворения, и его история. В настоящий момент существуют три издания стихотворений Шевырева с ценным, содержательным комментаторским отделом,¹ из которых два вышли еще в советское время и поэтому не могли не отражать предрешенных относительно позиции поэта как

---

¹ *Шевырев С. П.* Стихотворения / вступ. ст., ред. и примеч. М. И. Аронсона. Л.: Сов. писатель, 1939. (Б-ка поэта. Большая сер.); Поэты 1820–1830-х годов: в 2 т. / биогр. справки, сост., подготовка текста и примеч. В. С. Киселева-Сергенина; общая ред. Л. Я. Гинзбург. Л.: Сов. писатель, 1972. Т. 2. С. 131–203, 693–705. (Б-ка поэта. Большая сер.); *Вишневецкий И. Г.* Италия и Россия 1829–1833, 1837 и 1843 годов в стихах и стихотворных переводах Степана Шевырѣва // Русско-итальянский ар-

приверженца «официальной народности». Отношение к наследию Шевырева в современной филологической науке находится на этапе пересмотра его репутации и достижений,² в том числе поэтических. Углубленная комментаторская работа, основанная на источниках, повышает статус любого автора, поскольку комментатору более чем кому-либо известно, что и в наследии выдающихся русских поэтов, наряду с шедеврами, были и есть стихи слабые как со стороны художественности, так и идеи, в них воплощенной. К художественному тексту любого уровня должны быть приложимы равные усилия по восполнению истории его создания.

В настоящей статье предложены комментарии к стихам Шевырева, основанные на его письмах 1829—1832 гг. к Погдину из Италии. Этот многостраничный конволют, хранящийся в Рукописном отделе Пушкинского Дома (ф. 26, № 14), цитировали многие исследователи, начиная с М. И. Аронсона, первого комментатора стихов Шевырева. К сожалению, эти письма не были опубликованы полностью, поэтому их и ныне приходится использовать в отрывках тем филологам, которые прибегают к чтению этого богатого источника разнообразных сведений историко-литературного характера.

1.

В 1982 г. В. В. Кожинным было опубликовано неоконченное стихотворение Шевырева «На Голгофе слышен стон...» с самым лаконичным комментарием, определяющим его замысел как аллегорию долголетней истории сооружения собора Св. Петра в Риме.³ Стихотворение было напечатано по недатированному письму Шевырева из Рима к Н. М. Рожалину (обозначен в нем как «Н.»). Приводим текст стихотворения со сверкой по этому автографу и выделением квадратными скобками начального фрагмента, вычеркнутого в нем:

[На Голгофе слышен стон
Умирающего Бога...
Мир содрогся... ад ликует...
Тухнет солнце... потемнела
Риза неба... Звезды, месяц

хив = Archivio russo-italiano / Сост. Дж. Джулиано, А. Шишкин. Salerno: Edizioni Culturali internazionali, 2020. [Vol.] 11. P. 7—101. (Collana di Europa Orientalis; Vol. 34).

² Ярким свидетельством этого является начало издания Полного собрания литературно-критических трудов С. П. Шевырева, первый том которого вышел в С.-Петербурге в 2019 г. и включает в себя его статьи 1823—1830 гг. (том подготовлен А. Н. Николюкиным, А. М. Ранчинным, М. А. Бирюковой, И. В. Логвиновой, Н. В. Цветковой).

³ Поэты тютчевской плеяды / сост. и вступ. ст. В. В. Кожинова; примеч. Е. Кузнецовой. М., 1982. С. 302—303, 388.

Не восходят... Пусто... мрачно...
 И земля — могила Бога —
 Бездна тьмы и тишины...
 Совершилось... Он воскрес.
 От могилы до небес
 Возблистали Этны света.
 Как эфир, в лучи одета
 Обновленная земля.
 На юдольные поля]⁴
 Хоры ангелов несутся...
 Звучно песни раздаются...
 Зазвенел глухой орган,
 Арфа, гусли и тимпан...
 Голоса гремят, кимвалы,⁵
 Лиры, трубы и металлы...
 От земных и горних стран
 Льется звуков океан,
 И восторг им правит стройно...
 Движет волны беспокойно...
 И как буря бездну вод,
 По земле его мятет.
 Недра шумно сотрясися
 Звуком тронутой земли:
 Камни с корня сорвались,
 Горы двинулись, пошли...

 Голоса гремят, кимвалы,
 Арфы, гусли и металлы,
 И под их высокий лад
 Млаты бодрые стучат.
 То теснятся в ровной строй
 Колокольным хороводом,
 То покорным гнутся сводом
 Под всемогущую рукой.⁶

Предпоследнее четверостишие этого текста известно и в другой редакции, приведенной в письме Шевырева к Погдину от 20 июня (н. с.) 1830 г., где была дана развернутая характеристика всего замысла: «Еще завязывается Песня о строении храма Св. Петра: Микель Анджело рассказывает сохудожникам и ученикам историю оного; тут-то я вам его объясню. Вот содержание: слышен стон на Голгофе... воскрес Спаситель... звучат арфы, гусли, органы... на их звуки идут камни, скалы, горы... стекаются в массы... встал форум... строятся в колоннаду... и да увенчается здание, оторвался пантеон...⁷ и пошел, пошел на колоннады — и встал на храме и осенился крестом... Вот 4 стиха:

⁴ Юдольные поля, т. е. исполненные житейских забот, горести, страданий.

⁵ Тимпан, кимвалы — древние музыкальные (ударные) инструменты.

⁶ РГАЛИ, ф. 563, оп. 1, № 21, л. 2.

⁷ Имеется в виду бронза Пантеона, использованная при строительстве собора.

Голоса гремят, тимпаны,
Арфы, гусли и органы.
И под их высокий лад
Млаты бодрые стучат.

Тут будут и Рафаэль, и Форнарина, и последний работник и ученик М<икель> Анджело. — Чудные вещи! Надо начитать Библию. Форма — как “Das Lied von der Glocke”, но более драматическая». ⁸

Упомянутая в письме «Das Lied von der Glocke» — это «Песнь о колоколе» (1799) Ф. Шиллера, отрывок из которой перевел Шевырев и опубликовал в 1828 г. ⁹ Стихотворение Шиллера, большое по объему, представляет монолог-размышление литейного мастера о разных сторонах жизни семейной и приходской, связанных с церковным колоколом. В конце монолога говорится о жизни общественной, и в качестве одного из ее эпизодов изображается кровавый городской бунт — именно этот отрывок и был переведен Шевыревым. ¹⁰

О горе, грады просвещенны!
На вас ужасная из кар,
Когда обнимет ваши стены
Народной вольности пожар.
Звучит мятеж с высоких башен,
И мирный звук колоколов
Стенает, глух, тяжел и страшен,
Как гул карающих громов.

В 1859 г. свою речь в честь 100-летнего юбилея немецкого поэта Шевырев закончил словами именно об этом его стихотворении, заключив ее тремя последними стихами «Песни» в своем переводе: «... сладко думать, что основной звук Шиллеровой песни не умолкнет никогда, что она будет раздаваться и, хотя по временам, соединять людей и в семье, и в обществе, и в государстве, и во всем человечестве, как он соединяет теперь многие просвещенные города Европы в празднике воспоминания о великом поэте! Основной звук этой песни выражен в имени колокола — и им заключу я мое слово в память Шиллера: “Согласие будь именем его: Чтоб благовест по небу бесконечный Сзывал людей в союз любви сердечный!”». ¹¹

⁸ РО ИРЛИ, ф. 26, № 14, л. 117.

⁹ Венюк граций: альманах на 1829 год. М., [1828]. С. 138—139, загл.: «Отрывок из Шиллеровой “Песни о колоколе”», подпись: С. Ш.

¹⁰ См.: Шиллер Ф. Собр. соч. в переводе русских писателей: в 4 т. СПб., 1901. Т. 1. С. 443—447; Данилевский Р. Ю. Фридрих Шиллер и Россия. СПб.: Пушкинский Дом, 2013. С. 198.

¹¹ Шевырев С. П. Речь в память о Шиллере, сказанная в заседании московского Общества любителей российской словесности, 10 ноября / 29 октября. [М., 1859]. С. 20.

Как же Шевырев хотел использовать шиллеровскую «Песнь о колоколе» в своем итальянском стихотворении, о котором поспешил написать и Рожалину, и Погодину? Форма шиллеровской «Песни» ориентировала поэта на дробный, многоэпизодный рассказ о строительстве собора, но, как задумал автор, «более драматический», что, по видимому, предполагало монолог не одного повествователя, а многих из числа тех, кто в нем участвовал (Микеланджело, Рафаэль, почему-то Форнарина и проч.). Замысел получался очень сложным, и Шевырев написал о нем Погодину в письме от 13 дек. (н. с.) 1830 — 1 янв. (н. с.) 1831 г.: «Получив добрые известия от родных, я целую неделю, всякий день, ходил благодарить и молиться к Св. Петру. Какие чудные минуты проводил я там! Раз было чуть не начал *Песни о строении*, но сил не достало, а собрал много новых мыслей. Коль хочешь измерить бесконечность души человеческой, ходи по этому храму: чем более ходишь, тем душа в тебе больше, шире, выше. Мик<ель> Анджело скажет у меня пиластрам и сводам: “Просторней, шире становитесь: ведь здесь Богу жить”. — Войдешь в готический храм: он задавит тебя своим мраком, своею мнимую огромностью — упадешь, почувствуешь унижение. Войдешь в храм Петра — и он не поразит тебя: кажется, весь тотчас вместится в душу, но потом ходи, ходи по нем <так!>, и начнет развиваться, и душа мало-помалу растет, растет, растет с ним вместе, и целое небо ее наполнит, и нисколько не страшно это небо: его не испугаешься, как бездны, как моря; нет, величие не пугает, когда не внезапно раскрывается. Только так легко, так свободно. <...> Мне хотелось бы очень сделать ему описание подробное».¹²

По письмам Шевырева к Погодину можно заключить, что попытки работы его над большим стихотворением о строительстве собора Св. Петра продолжались на протяжении лета-осени 1830 г. Это произведение должно было стать итоговым и отразить то, что вобрал в себя Шевырев, стараясь понять жизнь Вечного города. Он приехал в Рим 15 июня 1829 г. вместе с семейством кн. З. А. Волконской в качестве педагога ее сына. Первая же поездка Шевырева на следующее утро была в собор Св. Петра,¹³ который с этого дня, вплоть до отъезда осенью 1831 г., оставался центром его жизни — научно-познавательной, художественной, наконец, религиозной.

Жизнь Вечного города обеспечивалась огромностью его историко-культурного вклада и религиозных заслуг, воплощавшихся в грандиозном величии собора Св. Петра. О восхищении и любви, с которыми Шевырев относился к этому храму, сохранилось множество записей в его дневниках, в том числе подробных описаний всего сооружения и его внутреннего убранства. С собором Св. Петра Шевырев связывал

¹² РО ИРЛИ, ф. 26, № 14, л. 135 об.

¹³ *Шевырев С. П.* Итальянские впечатления / вступ. ст., подгот. текста, сост. и примеч. М. И. Медового. СПб.: Акад. проект, 2006. С. 61.

и какую-то часть своей религиозной жизни в Риме. 18 (30) окт. 1829 г. он писал матери Е. С. Шевыревой в преддверии ее дня рождения: «...хочу побеседовать с Вами и для этого пойду в храм Св. Петра. Хотя он освящен не нашею религией, но в этом храме все народы могут молиться: он так исполнен блаженства».¹⁴ При этом в письмах из Италии к ней же Шевырев посылал и уверения в том, что он, несмотря на свое пребывание в католической стране, говееет по русскому обычаю и причащается, вместе со всем домом кн. З. А. Волконской, в православной церкви.¹⁵ В день своего отъезда из Рима 13 нояб. 1831 г. Шевырев ходил прощаться с собором.¹⁶ Результаты своих изучений собора, в том числе и ночных,¹⁷ восхищенный Шевырев намеревался воплотить в стихотворении «На Голгофе слышен стон...».

2.

Стихи Шевырева о Риме 1829—1831 гг. составили цикл, в котором поэт вновь и вновь писал о красоте античного мира, оставившего столь красноречивые для чувства и ума руины — например, «Стены Рима» (1829):

Великой буквою мне зрится всяк обломок;
В нем речи прерванной ишу следов!..
Здесь всё таинственно, и каждый камень громок
ОтзЫвами отгрянувших веков.¹⁸

22 дек. (н. с.) 1829 г. Шевырев написал Погодину: «Теперь у меня пошла Муза подбирать впечатления римские и вообще италийские, и всё льются стихи»; в том же письме он назвал Рим «предметом неистощимым».¹⁹ Это оправдалось в создании Шевыревым стихотворений «Стансы Риму», «К Риму», «Тибр» (все — 1829), «Римский форум», «Ода Горация последняя», «Чтение Данта» (все — 1830), «Камень Данта» (1831). Тема Рима была затронута Шевыревым и в посланиях к кн. З. А. Волконской и кн. Е. П. Гагариной («К Риму древнему взывает...», «Вняв мольбе Москвы державной...», «В альбом...», 1829—1830). Современные черты Рима в этих стихах, с его запустением и нищетой, были для Шевырева признаками лишь временного упадка под чужеземным владычеством.

¹⁴ РНБ, ф. 850, № 99, л. 8.

¹⁵ ОР РНБ, ф. 250, № 99, л. 20 об. — письмо к Е. С. Шевыревой от 9 марта (н. с.?) 1830 г.

¹⁶ *Шевырев С. П.* Итальянские впечатления. С. 334, 586—587.

¹⁷ В письме к матери от 26 нояб. (6 дек.) 1829 г. Шевырев сообщал о своих ночных посещениях собора Св. Петра, которые много способствовали в его изучении (РНБ, ф. 250, № 99, л. 9 об.).

¹⁸ *Шевырев С. П.* Стихотворения. С. 81.

¹⁹ РО ИРЛИ, ф. 26, № 14, л. 74—74 об., 75.

Стихотворение «Стены Рима» было написано Шевыревым 18—19 нояб. 1829 г. Сохранились три автографа стихотворения,²⁰ из которых один был сообщен поэтом Погодину в письме от 22 марта (н. с.?) 1830 г. Получив стихотворение, Погодин написал Шевыреву 15 мая 1830 г.: «“Стены Рима” внушают благоговение».²¹ Из писем к нему и дневниковых записей Шевырева проясняются обстоятельства создания стихотворения, написанного под впечатлением лекции-экскурсии о «стенах Римских» итальянского археолога, топографа и реставратора Антонио Нибби (1792—1839). 19 нояб. 1829 г. Шевырев оставил о ней запись в своем дневнике: «Эти стены, построенные несколькими веками, показывают модели строения всякого времени. <...> На этих стенах видны следы всех столетий...»²² Имя Нибби часто звучит на страницах писем Шевырева к Погодину — от 27 окт. (н. с.) 1829 г., 9—17 дек. (н. с.?) 1830 г. («...теперь знаю порядочно топографию Рима: когда читаю Ливия, вижу места событий»)²³ и др. Шевырев постоянно ссылался в своем дневнике на него, касаясь разных сторон истории Рима. Общение с Нибби в 1829—1830 гг. было очень содержательным, и Шевырев не преминул упомянуть о нем в автобиографии 1855 г.²⁴ По словам Ф. И. Буслаева, «знаменитый Нибби <...> с обширною ученостью соединял промысел услужливого чичерона <так!> и богатым людям показывал за деньги Рим как обыкновенный проводник».²⁵

3.

7 апр. 1831 г. Шевыревым было написано стихотворение «Камень Данта (В альбом В. Д. П.)», напечатанное затем в 1833 г. на страницах альманаха «Альциона».²⁶ Оно сохранилось в трех автографах, особен-

²⁰ ОР РНБ, ф. 850, № 14, л. 95 об., среди записей под датой «Ноя<бря> 18» (см.: *Шевырев С. П.* Итальянские впечатления. С. 123); РО ИРЛИ, ф. 26, № 14, л. 96, письмо Шевырева к Погодину от 22 марта (н. с.?) 1830 г., на внутренней стороне конверта; РГАЛИ, ф. 563, оп. 1, № 4, л. 37 (см.: *Вишневецкий И. Г.* Италия и Россия 1829—1833, 1837 и 1843 годов... С. 68).

²¹ Русский архив. 1882. № 6. С. 149; автограф: ОР РНБ, ф. 850, № 444, л. 38 об.

²² *Шевырев С. П.* Итальянские впечатления. С. 123—124, 558.

²³ РО ИРЛИ, ф. 26, № 14, л. 58 об., 132 об.

²⁴ Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Московского университета <...> составленный трудами профессоров и преподавателей, занимавших кафедры в 1854 году, и расположенный по азбучному порядку: в 2 ч. М., 1855. Ч. 2. С. 608. См. также: *Шевырев С. П.* Взгляд русского на современное образование Европы // Москвитянин. 1841. № 1. С. 226.

²⁵ *Буслаев Ф. И.* Мои досуги: в 2 ч. М., 1886. Ч. 1. С. 76. О знакомстве Нибби с многими русскими, посещавшими Рим, см.: *Мусатова Т. Л.* Новая книга о Гоголе в Риме: Мир писателя, «духовно-дипломатические дела», эстетика, поиски социального служения (1837—1848). М.: «Пробел-2000», 2017. Т. 1. По указ.

²⁶ Альциона: альманах на 1833 год. СПб., 1833. С. 86—87, загл.: «Камень Данта (В альбом В. Д. П.)». Бар. Е. Ф. Розен намеревался опубликовать стихи в «Альцио-

ности которых содержат важные для комментария сведения.²⁷ Комментаторам, однако, не удалось раскрыть имя того, чьи инициалы стоят в подзаголовке стихотворения, хотя его содержательная сторона (главным образом, второй пространной строфы) получила некоторое объяснение в примечании М. И. Аронсона.²⁸

Адресат стихотворения — Владимир Дмитриевич Павей (Паве, Pavé, 1811—1870-е), воспитанник княгини З. А. Волконской, который рос вместе с ее сыном князем Александром Никитичем Волконским (1811—1878). Павей получил фамилию от французского *ravé*, поскольку был подобран княгиней в Лондоне на *мостовой*. В Риме Шевырев учил русскому языку обоих молодых людей. В дальнейшем Павей служил при папском дворе, однако сведения о его службе разноречивы: камергер (эту должность могли занимать представители только знатных родов), папская гвардия, телохранитель в благородной страже понтифика, наконец, русскоязычный переводчик для епископов.²⁹ Начиная с 1840-х гг. Павей неоднократно приезжал в Россию как главный управляющий в имениях, перешедших от кн. Волконской к ее сыну (в 1830-х гг., после приезда из Италии, за ее имениями присматривал Шевырев). Павей был предан Волконской и поддерживал ее в разного рода внутрисемейных конфликтах. Княгиня приняла католичество в 1832—1833 гг., католиками стали и Павей, и сестра ее М. А. Власова — в отличие от мужа и сына. В донесении 1839 г. И. А. Потемкина, посланника при Римском и Тосканском дворах, которое было написано по требованию императора в связи с началом дела о переходе Волконской в католичество, говорилось: «Владимир Павей — английский подданный протестантского происхождения, и который еще несколько раз переменил свои вероисповедания»³⁰ (т. е. из англиканства в православие и затем из православия в католичество). Летом 1839 г., когда Шевырев оставил свою жену Софью Борисовну в Риме, она жила в доме Волконской и серьезно не поладила с Павеем, о котором оставила

не» на 1832 г., но пьеса «не поместилась» в альманахах (РНБ, ф. 850, № 474, л. 5, письмо от 16 дек. 1832 г.).

²⁷ Автографы: 1) РО ИРЛИ, ф. 26, № 14, л. 157, письмо от 21 апр. (н. с.) 1831 г., загл.: «В альбом В. П.», дата: «Апреля 7. Рим»; 2) РГАЛИ, ф. 563, оп. 1, № 4, л. 42 об., загл.: «Камень Данта-Гвичиоли (В альбом Влад<ими>ру)» (см.: *Вишневецкий И. Г.* Италия и Россия 1829—1833, 1837 и 1843 годов... С. 86); 3) РГАЛИ, ф. 172, оп. 1, № 497, л. 5, загл.: «Камень Данта, Г.....», дата: «Апреля 7. 1831. Рим».

²⁸ *Шевырев С. П.* Стихотворения. С. 230—231.

²⁹ См. о нем: *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: в 14 т. М.; Л., 1952. Т. 11. По указ.; *Лямина Е. Э., Самовер Н. В.* «Бедный Жозеф»: Жизнь и смерть Иосифа Виельгорского: опыт биографии человека 1830-х годов. М.: Языки рус. культуры, 1999. С. 432; *Шевырев С. П.* Итальянские впечатления. По указ.; *Gasperowicz W.* Zinaida Volkonskaja: Materiali inediti dagli archivi italiani // Roma / Russia: Materiali e studi = Рим / Россия: Материалы и исследования. Roma, 2012. P. 20.

³⁰ *Вибе И. Н.* Донос и власть: судебное дело о переходе в католичество З. А. Волконской (1839—1840 гг.) // Клио. 2009. № 1 (44). С. 119.

много записей в своем дневнике, свидетельствующих, что княгиня постоянно в нем нуждалась.³¹ Переписка Шевырева с ним продолжалась с 1829 по 1851 г.³²

Стихотворение, записанное в альбом Павея, называется «Камень Данта» — он находится во Флоренции и имеет итальянскую надпись «Sasso di Dante»):

На площади столичной незамечен,
Ничтожный камень в прахе возлежал:
Его прохожий, хладен и беспечен,
Презрительной стопою попирал.

<...>

И дрожь берет надменного педанта,
Когда на нем читает: *Камень Дантал!*

Вторая строфа стихотворения посвящена «красавице полуденных краев» графине Терезе Гвиччиоли (1800—1877), ставшей знаменитостью благодаря любви к ней Байрона (в стихотворении поэт назван «орлом земных певцов»):

Он к ней на грудь с своих небес летал,
От горнего полета утомленный,
И луч певца над нею воссиял, —
И юноша, лучом тем ослепленный,
В ней полюбил не цвет, не красоту,
Но грешную Байронову мечту.³³

С графиней Гвиччиоли Шевырев познакомился в 1830 г. в Риме на балу, о чем написал Погодину в письме от 13 февр. (н. с.?) 1830 г., начав с Байрона: «...в этом у него предурной вкус. Она рыжая, шея очень белая, но вообще более дурна, чем хороша. Говорят, ума необыкновенного».³⁴ Через год, посылая «Камень Данта», Шевырев писал уже иначе: «Прочел последние 3 тома записок Байрона — и как это приятно! Внизу читаю о его любви к гр. Гвиччиоли, а из верхнего этажа слышу ее звуки. Она живет над нами, — и я всегда засыпаю под ее голос: играет и поет до полночи и, кажется, живет музыкой. Пиеса к ней относится, но я надеюсь ее прославить лично, ибо она очень интересна. Локоны волшебные — и сравнение им готово. Не думай, чтоб я влюбился. Нет, я очень живу скромно».³⁵ Два этих образа — камень с именем

³¹ Горохов А. А., Ноздренко М. О. Дневник Софьи Борисовны Шевыревой. Ч. 1 // Историческое образование. 2014. № 4. С. 177—191; Русские в Риме: дневник Софьи Борисовны Шевыревой / подгот. текста, вступ. ст. и коммент. А. А. Горохова, пер. М. О. Шадской // Русская политология. 2018. № 1 (6). С. 159—177.

³² ОР РНБ, ф. 850, № 420.

³³ Шевырев С. П. Стихотворения. С. 147.

³⁴ Там же. С. 230.

³⁵ РО ИРЛИ, ф. 26, № 14, л. 157.

Данте и «незаметная краса» избранницы Байрона — соединяют мысль Шевырев об особой, вечной, печати, лежащей на всем, что отмечено прикосновением к жизни великого поэта.³⁶

Библиографический список

1. *Gasperowicz W.* Zinaida Volkonskaja: Materiali inediti dagli archivi italiani // Roma / Russia: Materiali e studi = Рим / Россия: Материалы и исследования. Roma, 2012.
2. Альциона: альманах на 1833 год, СПб., 1833.
3. Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Московского университета <...> составленный трудами профессоров и преподавателей, занимавших кафедры в 1854 году, и расположенный по азбучному порядку: в 2 ч. М., 1855.
4. *Буслаев Ф. И.* Мои досуги: в 2 ч. М., 1886.
5. Венок граций: альманах на 1829 год. М., [1828].
6. *Вибе И. Н.* Донос и власть: судебное дело о переходе в католичество З. А. Волконской (1839—1840 гг.) // Клио. 2009. № 1 (44). С. 117—121.
7. *Вишневецкий И. Г.* Италия и Россия 1829—1833, 1837 и 1843 годов в стихах и стихотворных переводах Степана Шевырѣва // Русско-итальянский архив = Archivio russo-italiano / Сост. Дж. Джулиано, А. Шишкин. Salerno: Edizioni Culturali internazionali, 2020. [Vol.] 11. P. 7—101. (Collana di Europa Orientalis; Vol. 34).
8. *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: в 14 т. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1952. Т. 11.
9. *Горохов А. А., Ноздренко М. О.* Дневник Софьи Борисовны Шевыревой. Ч. 1 // Историческое образование. 2014. № 4. С. 177—191.
10. *Данилевский Р. Ю.* Фридрих Шиллер и Россия. СПб.: Пушкинский Дом, 2013.
11. *Лямина Е. Э., Самовер Н. В.* «Бедный Жозеф»: Жизнь и смерть Иосифа Виельгорского: Опыт биографии человека 1830-х годов. М.: Языки рус. культуры, 1999.
12. *Мусатова Т. Л.* Новая книга о Гоголе в Риме: Мир писателя, «духовно-дипломатические дела», эстетика, поиски социального служения (1837—1848). М.: «Пробел-2000», 2017. Т. 1.
13. Поэты 1820—1830-х годов: в 2 т. / биогр. справки, сост., подготовка текста и примеч. В. С. Киселева-Сергенина; общ. ред. Л. Я. Гинзбург. Л.: Сов. писатель, 1972. Т. 2. С. 131—203, 693—705. (Б-ка поэта. Большая сер.).
14. Поэты тютчевской плеяды / сост. и вступ. ст. В. В. Кожина; примеч. Е. Кузнецовой. М.: Сов. Россия, 1982.
15. Русские в Риме: дневник Софьи Борисовны Шевыревой / подгот. текста, вступ. ст. и коммент. А. А. Горохова, пер. М. О. Шадской // Русская политография. 2018. № 1 (6). С. 159—177.
16. *Шевырев С. П.* Итальянские впечатления / вступ. ст., подгот. текста, сост. и примеч. М. И. Медового. СПб.: Акад. проект, 2006.

---

³⁶ О чтении записок Байрона см. записи в дневнике Шевырева за апрель 1831 г.: *Шевырев С. П.* Итальянские впечатления. С. 247—250.

17. *Шевырев С. П.* Полн. собр. лит.-крит. трудов: в 7 т. СПб.: Росток, 2019. Т. 1: 1823—1830.
18. *Шевырев С. П.* Стихотворения / вступ. ст., ред. и примеч. М. И. Аронсона. Л.: Сов. писатель, 1939. (Б-ка поэта. Большая сер.).
19. *Шевырев С. П.* Взгляд русского на современное образование Европы // Москвитянин. 1841. Ч. 1. № 1. С. 219—296.
20. *Шевырев С. П.* Речь в память о Шиллере, сказанная в заседании московского Общества любителей российской словесности, 10 ноября / 29 октября. [М., 1859].
21. *Шиллер Ф.* Собр. соч. в переводе русских писателей: в 4 т. СПб., 1901. Т. 1.

Е. Р. Обатнина

**ОБЕЗЬЯНИЙ ЦАРЬ, П. Е. ЩЕГОЛЕВ,
И АРХИВНО-МУЗЕЙНОЕ ДЕЛО РСФСР
(из материалов собрания М. С. Лесмана)**

Аннотация: В статье рассмотрен сюжет, связанный с образованием Советского музейного и архивного дела, героями которого стали писатель А. М. Ремизов и П. Е. Щеголев, а предметом исследования — эпистолярный документ из коллекции М. С. Лесмана. Письмо Ремизова, адресованное Щеголеву летом 1918 г., анализируется как артефакт, раскрывающий особенности художественного мышления писателя, и ценный историко-литературный источник. Автор статьи вписала этот документ в парадигму ремизовских сочинений эпистолярного жанра, созданных в коннотации с поэтикой Обезьяньей Великой и Вольной Палаты, и обнаружила в коллекции М. С. Лесмана прецедент первого случая самоидентификации Ремизова с его экстравагантным героем Обезьяньим царем.

Ключевые слова: эпистолярное наследие А. М. Ремизова, деятельность П. Е. Щеголева, Архивное дело РСФСР, Музей революции, авторская самоидентификация, коллекция М. С. Лесмана.

Abstract: The plot of the article is related to the state formation of the system of Soviet museums and archives. The main characters of the study — the writers A. Remizov and P. Schegolev. The the object of the study is an epistolary document belong to M. Lesman's collection. Remizov's letter addressed to Shchegolev in the summer of 1918 is described as an artifact, revealing the peculiarities of the writer's creative thinking, as well as a historical and literary source of undeniable value. The author of the article introduce this document into the paradigm of Remizov's epistolary genre was created in connotation with the poetics of the Monkey of the Great and Free Chambers and detect the precedent of the first case of self-identification of the writer with the Monkey King, which was born as a literary hero in 1908.

Keywords: epistolary heritage of A. M. Remizov, activity of P. E. Schegolev, Archive of RSFSR, Museum of Revolution, author's self-identification, collection of M. S. Lesman.

В значительной части коллекции М. С. Лесмана, образовавшей в Рукописном отделе Пушкинского Дома личный фонд известного собирателя, среди материалов, связанных с именем А. М. Ремизова, особого внимания заслуживают два автографа, содержание которых выдает

«метонимическое присутствие»¹ одного из самых экстравагантных литературных персонажей в истории русской книжности — Обезьяньего царя. «Его величество царь обезьяний, Обезьян Великий — Валах — Тантарарах — Тарандаруфа Асыка Первый» впервые появился как «действующее лицо» в пьесе «Трагедия о Иуде принце Искаротском», опубликованной в 1909 г. и сыгранной единственный раз на сцене московского театра В. Ф. Коммиссаржевской в феврале 1916 г. под названием «Проклятый принц».² В истории же русской культуры XX в. этому колоритному герою Ремизова принадлежит роль тайного предводителя многочисленного и в то же время фантомного литературно-художественного объединения «Обезьянья Великая и Вольная Палата».³

В собрании Лесмана эпистолярный Ремизова представлен скромным количеством писем,⁴ которое лишь подтверждает народную мудрость о ценности сущностей. «Мал золотник да дорог» можно сказать о единственном письме, адресованном Павлу Елисеевичу Щеголеву 20 июня 1918 г., прежде всего потому, что послание представляет собой «осколок» значительного корпуса корреспонденции писателя, отложившейся в личном фонде известного ученого-филолога и историка революционно-освободительного движения, находящемся на хранении РО ИРЛИ.⁵ Вместе с тем экземпляр из коллекции Лесмана является не только выпавшим звеном из многолетней переписки, но и безусловным эпистолярным «уником». В культурологическом аспекте ремизовский автограф — искусный артефакт, который включает в себе квинтэссенцию индивидуального эпистолярного стиля, сочетающего мастерское владение разнообразными приемами речевой и графической стилизации, а также игровую мифологию «тайного» общества. В содержательном плане текст письма обнаруживает неизвестный сюжет, который вносит дополнительные сведения в историю отношений корреспондентов и, отчасти, в историю образований известных архивных фондов и музеев РСФСР.

---

¹ Введение в научный оборот термина см.: *Якобсон Р.* Заметки о прозе поэта Пастернака // *Якобсон Р.* Работы по поэтике / сост. и общ. ред. М. Л. Гаспарова. М., 1987. С. 324–338.

² Подробнее историю текста и постановки см. в наших комментариях к тому: *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 12: Русалия. СПб., 2016. С. 775–800.

³ Исследование культурного феномена игры см.: *Обатнина Е.* Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А. М. Ремизова в лицах и документах. СПб., 2001.: далее: *Обатнина, 2001.*

⁴ Кроме одного письма Щеголеву, которому посвящена настоящая статья, лекция содержит письмо В. К. Каратыгину от 14 дек. 2014 г. См.: Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана: Аннотированный каталог. Публикации / сост. М. С. Лесман, Н. Г. Князева, Н. Г. Захаренко, Д. П. Архипова, А. Х. Горфункель, Р. П. Дмитриева, Т. Р. Руди. М., 1989. С. 313; далее: *Лесман, 1989.*

⁵ *Ремизов А. М.* Письма П. Е. Щеголеву (1902–1921) — РО ИРЛИ, ф. 627, оп. 4, № 1479–1610. 223 л.

Начальнику Архивы Федеративной
Российской республики
доктору русской словесности⁶
Князю обезьянью <sic!>⁷ и кавалеру обезьяньего знака
I ст<епени> с хвостом и лапою
Павлу Елисеевичу
Щеголеву

Прошение

Пишет мне Иван Сергеев Рукавишников, что в Новгороде Нижнем хлопочут по устройству нового большого музея. Составляют систематический каталог отдела Русской Старины. И хотелось бы, чтобы мы приняли участие. Посылает от Ниж<егородского> Сов<ета> Раб<очих> и Крест<ьянских> Деп<утатов> разрешение о въезде и проживании в Н<ижнем> Новгороде.

Проехать на летние теплые месяцы в Нижний, позаняться музейным делом нам это очень с руки.

Павел Елисеевич,
причислите нас к Архиве и командировку
дайте в Нижний для устройства музея
да жалованье положите какое, а то пропадешь.

Серафима Павловна, действительный член С<анкт>-петербургского Археологического института,⁸ а я член общ<еств>а Возрождения художественной Руси и нижегородской ученой архивной комиссии.⁹

Ускорьте дело наше, Павел Елисеевич, поговорите с Рязановым,
ч<то>б<ы> нам на Ивана Купалу (по с<тарому >/ ст<илию>
быть на месте.¹⁰

Надо и билеты заблаговременно выправить и взять удостоверения обратные
да и по дому распорядиться

---

⁶ Подразумевается ученая степень «почетного доктора русской словесности», которая была утверждена Советом Юрьевского университета по представлению историко-филологического факультета 8 декабря 1917 г. Диплом от 26 января 1918 г. хранится в РО ИМЛИ (ф. 28, оп. 1, д. 3, л. 1–2).

⁷ Аналогичное написание сохранено в обезьяньей грамоте Щеголева (РО ИРЛИ, Р I, оп. 3, № 126, л. 9; опубл.: *Обатнина*, 2001. С. 14–15).

⁸ С. П. Ремизова-Довгелло училась в институте в 1909–1912 гг. О дипломе см.: *Грачева А. М.* «Я, последний книгописец...»: и Россия сквозь грани писем Алексея Ремизова // *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 13: Россия в письменах. СПб.: Росток, 2017. С. 718.

⁹ Речь идет о Нижегородской губернской архивной комиссии, учрежденной 13 апреля 1884 г. Деятельность комиссии началась в 1887 г. Документ о привлечении Ремизова в состав Комиссии не обнаружен.

¹⁰ Пожелания писателя приурочены к его дню рождения 6 июля (24 июня по ст. ст.).

Обезьянья палата

В<асильевский> О<стров> 14 л<иния> 31

кв. 48

20
1 VI 1918 г.

Алексей Ремизов

<печать>¹¹

В изданном Каталоге коллекции Лесмана письмо Ремизова Щеголеву аннотировано как «шуточное, в виде грамоты “Обезьяньей Палаты”». ¹² Причисление во владельческой атрибуции этого, отнюдь не шуточного, а экстренного и делового по содержанию эпистолярного текста к игровому локусу ремизовского творчества, несомненно, опиралось на уточнение «исходящего» адреса (В. О. 14 л., 31, кв. 48), по которому проживал писатель в 1917–1920 гг. Письмо Щеголеву не единственный документ в наследии Ремизова, подтверждающий факт отождествления Палаты с местом жительства писателя. В одном из альбомов Ремизова, собранном им по материалам личного архива в 1950 г., сохранились фотографии 1920-го г., на которых запечатлены реликвии обезьяньего «ордена», находившиеся в квартире на 14-й линии. Главной достопримечательностью кабинета писателя в это время стало «иконописное» изображение Верховного правителя обезьян Асыки Первого. Поясняя одну из фотографий, Ремизов оставил подпись: «Есть Асычий нерукотворенный образ — на стене написан в рост человек / Петербург / В. О. 14 л. 31/33 кв. 48 / на самом верху д<о-ма> Семенова-Тянь-Шанского¹³ / Окружение малиновое с желтым / Петербург / 1917–1920». ¹⁴

Ремизовская игра актуализировалась в военные годы как отражение настроений интеллигенции, предчувствующей приближение катастрофических потрясений в многовековом государственном устройстве. Между тем, импульсом для ремизовской шутки, которая, вероятнее всего, имела спонтанный характер, послужило долгожданное событие в его творческой жизни. В самом начале 1916 г. в Москве начались репетиции постановки «Трагедии о Иуде...», так и не пробившейся на театральные подмостки со времени публикации в 1909 г. Писатель был в предвкушении премьеры, и мотив награждения тайными обезьяньими знаками, заимствованный из пьесы, в ситуации повседневной российской жизни, неуклонно погружающейся в революционный кризис,

¹¹ Текст прошения написан на кальке черной и красной тушью. Публикуется в соответствии с правилами современной орфографии.

¹² Лесман, 1989. С. 326.

¹³ Семенов-Тянь-Шанский Дмитрий Петрович (1852–1917) — сын известного ученого-географа П. П. Семенова-Тянь-Шанского, живший в этом же доме с семьей. По документам владелицей этого доходного дома являлась его жена Евгения Михайловна Семенова-Тянь-Шанская.

¹⁴ РО ИРЛИ, ф. 256, оп. 1, № 54, л. 13.

получил новое осмысление и применение. Идея знаков и грамот поддерживала фантазию, в сатирической форме противопоставившую российскому самодержавию новый государственный аппарат, в котором руководящие посты были распределены между близкими друзьями писателя, назначенными «сенаторами» закрепленных за ними ведомств.¹⁵ Щеголев среди друзей Ремизова стал первым обладателем тайного обезьяньего знака. Несомненно, рисуя картонный «орден» для старинного друга, он держал в памяти реплику одного из героев своей пьесы, сказанную в адрес Обезьяньего царя: «Что за дурацкие причуды: навязать носить эти обезьяньи знаки. Да с таким сокровищем на шее, если не прикрываться, никуда и носа не покажешь. Всякий тебя на смех подымет».¹⁶

Геральдическая символика щеголевской «награды» представляет собой «арабеску» на тему, которую герои пьесы заменяли различными скабрёзными намеками, поддержанными сценическими приемами. В центре рисунка было явлено изображение фаллоса-дракона, а по бокам располагались его графические эвфемизмы в виде хвостов.¹⁷ Такой отличительный «тайный» знак получал дешифровку сразу в нескольких семиотических областях, отвечающих веселому нраву и научным интересам Щеголева — в диапазоне от дружеских союзов, связанных с именем А. С. Пушкина, сакральной мифологии, до тайных государственных заговоров. Не случайно документ о даровании «обезьяньего знака I степени», датированный 30 декабря (12 января по новому стилю) 1916 г., содержал пояснение о мотивах награждения — «за труды на оборону Отечества», и утверждал персональные атрибуты отличия — «с хвостом и лапою».¹⁸ С этого знака, которым косвенно была отмечена деятельность Щеголева в журнале «Отечество» (Пг., 1914—1915) и, вероятно, выход его книги «Дуэль и смерть Пушкина: Исследование и материалы» (Пг., 1916), — начинается формирование эстетики наградных документов Обезвельволпала. Уже 26 января 1917 г. последовало «повышение»: Щеголев был удостоен Обезьяньей грамоты как «сенатор Заячьего ведомства».¹⁹ Первый в истории Обезвельволпала шуточный документ, заверенный оригинальными автографами

¹⁵ Ср. запись в дневнике сенатора «заячьего ведомства» от 5 марта 1917: «К концу апреля написать и отправить Корнею Ивановичу Чуковскому для “Нивы” (Улица Гоголя, 22) 300 строк о Ремизове про Обезьянье ведомство» (*Пришвин М. М. Дневники: 1914—1917 / подгот. Л. А. Рязановой, Я. З. Гришиной; коммент. Я. З. Гришиной, В. Ю. Гришина. СПб. 2007. С. 381*).

¹⁶ *Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 12: Русалия. С. 79.*

¹⁷ РО ИРЛИ, ф. 627, оп. 4, № 1479—1619, л. 216; опубл.: *Обатнина, 2001*; раздел «Коллекция».

¹⁸ РО ИРЛИ, ф. 627, оп. 4, № 1479—1619, л. 217; опубл.: Там же.

¹⁹ Выдумка «Заячьего ведомства» изначально принадлежала М. М. Пришвину, которое он учредил «внутри Министерства Торговли и Промышленности», где, по его собственным словам, он «служил, укрываясь от войны, делопроизводителем отдела “Военного Времени”» (*Пришвин М. М. Дневники: 1914—1917. С. 381*).

членов, вошедших в первый состав Палаты, представляет собой раритет, на котором запечатлелось единственное в галерее автопортретов Ремизова его изображение в короне, косвенно подтверждающее самоидентификацию писателя с Обезьяньим царем. Согласно этой жалованной наградной бумаге, в перечне заслуг называлась, очевидно, основная причина — «за начал литературный», по которой Щеголев удостоился звания «старейшины».²⁰

Постепенно обезьяньий «табель о рангах» вошел в литературный быт. В переписке с писателем его корреспонденты, посвященные в «тайное» общество, подписывались соответственно своему обезьяньему «чину».²¹ Таким образом, игровая мифология довольно скоро потеряла сугубо шуточные коннотации и стала прямым подтверждением союза целой группы литераторов,²² в эпистолярном наследии которых документы, окруженные мифологической оболочкой и атрибутикой Обезвельволпала, нередко являются ценным источником для детализации биографии как создателя общества, так и представителей его дружеского окружения. Прежде чем раскрыть связь между первыми обезьяньими наградами Щеголева и письмом Ремизова 1918 года, обратимся к раннему периоду взаимоотношений двух корреспондентов, который уже получил подробное описание в ремизоведческих исследованиях.²³

Павел Елисеевич Щеголев в течение всей истории дружбы, начавшейся в 1901 г. в условиях вологодской политической ссылки, безоговорочно почитался Ремизовым как «крестный», способствовавший формированию его литературной личности.²⁴ Известно, что с первых университетских лет Щеголев заявил о себе как одаренный филолог,

²⁰ РО ИРЛИ, Р I, оп. 3, № 126, л. 9; опубли.: *Обатнина*, 2001, С. 14–16.

²¹ Ср. в частности: Андрей Белый и А. М. Ремизов: Переписка / вступ. статья, публ. и коммент. А. В. Лаврова // Александр Блок: Исследования и материалы / отв. ред. Н. Ю. Грякалова. СПб., 2011. С. 500–501.

²² См. список старейшин, кавалеров и кандидатов в кавалеры Обезьяньего ведомства в списке подписей на обезьяньей грамоте Щеголева (*Обатнина Е.*, 2001. С. 14–15).

²³ См.: Письма А. М. Ремизова к П. Е. Щеголеву. Ч. I. Вологда. (1902–1903) / публ. А. М. Грачевой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб., 1999. С. 121–177; Академик Павел Елисеевич Щеголев, 1901–1903 / публ. Е. Р. Обатниной // Там же. С. 178–193; *Грачева А. М.* Алексей Ремизов и древнерусская культура / РАН. ИРЛИ (Пушкинский Дом). СПб., 2000. С. 30–35; Письма А. М. Ремизова к П. Е. Щеголеву. Ч. 2. Одесса. Херсон. Одесса. Киев (1903–1904) / публ. А. М. Грачевой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. СПб., 2002. С. 153–205.

²⁴ Ср. некролог Щеголеву: «...помяну старого товарища и моего литературного “крестного” (воистину “крестного”!) помогшего мне положить начал в моей трудной “словесной” работе, читая публично еще никогда не напечатанные произведения никому неизвестного автора и стараясь устроить их в печати...» (*Ремизов А. П. Е. Щеголев, 1877–1931 // Последние новости. 1931. 29 янв. № 3599. С. 3*; См. также: *Ремизов А. Встречи: Петербургский буерак. Париж, 1981. С. 267*).

под руководством А. Н. Веселовского занимавшийся исследованием отреченных памятников русской письменности. Другой сферой приложения научного познания стала для него работа с архивными источниками. Даже в условиях гласного надзора полиции в Полтаве, он добился возможности работать с материалами семейного архива Гоголей-Яновских, по документам которого в журналах «Исторический вестник» и «Литературный вестник» за 1902 г. появились его три статьи, посвященные биографии классика. Согласно воспоминаниям Ремизова, в компании вологодских друзей-ссылных Щеголеву за эрудицию и страсть к научной работе прочили превосходную карьеру и прозвали «академиком».²⁵ Его яркая личность и литературные интересы во многом повлияли на основные направления творческого развития будущего писателя. Именно отчисленный студент Санкт-Петербургского университета в судьбе своего московского ровесника, до ареста увлекавшегося биологией и философией,²⁶ сыграл роль проводника в неизвестные ранее сферы, такие как история неканонической книжности и архивистика, ставшие впоследствии маркерами его творческого кредо. Результаты самостоятельного погружения в научную литературу и древнерусские тексты-источники стали очевидными уже в 1907 г., после выхода книжечки «Лимонарь сиречь: Луг духовный» (СПб.: Оры), открывшей Ремизову двери не только в большую литературу, но и в мир ученых-медиевистов.²⁷ Начиная с 1910 г., архивные изыскания, позволившие молодому писателю познакомиться с семейной перепиской известных представителей русской дворянской культуры, становятся неотъемлемым предметом его творческой работы. Со временем он скопирует в архивах А. А. Рачинской, Д. В. Философова, в родовом архиве его жены Ремизовой-Довгелло обширный корпус документов эпистолярной культуры дворянских родов XVIII—XIX вв. Особое значение писатель придавал образцам русской бытовой письменности простого народа. Так, возникла коллекция, охватывающая документы XIII—XX вв., начало которой было положено в России и продолжено в эмиграции.²⁸

²⁵ Ср.: «Между прочим, вологжане из почтения называли его не иначе, как “академик Щеголев”, некоторые же, как С. Л. Сегаль, хозяин часового магазина, гармонист и неистощимый остролов, прибавляли для еще пушшего веса “почетный”, а Константин Лукич, обер из Золотого Якоря, еще и “потомственный”, что звучало совсем по-лесковски: “высоко-обер-преподобие”» (*Ремизов А. М. Собр. соч.* в 10 т. М., 2001. Т. 8: Подстриженными глазами. Иверень. С. 243).

²⁶ Подробнее см. во вступ. статье А. М. Грачевой к публикации: Письма А. М. Ремизова к П. Е. Щеголеву. Ч. I. Вологда. (1902–1903). С. 123.

²⁷ Исследование взаимосвязей писателя с представителями научной школы см.: *Грачева А. М. Алексей Ремизов и древнерусская культура.* С. 70–100.

²⁸ Материалы этих коллекций вошли в книги Ремизова «Россия в письменах» и «В розовом блеске». Подробнее см. в комментариях к томам: *Ремизов А. М. Собр. соч.* Т. 13: Россия в письменах. С. 739–797; 908–917; *Ремизов А. М. Собр. соч.* Т. 15: В розовом блеске. СПб., 2019. С. 811–824.

В конце 1940-х гг. Ремизов, вспоминая свою вологодскую ссылку, а именно 1902 год, использовал прозвища, которыми наделял своего товарища, соответственно масштабу его таланта и деятельности: «П. Е. Щеголев не был еще “Архивным фондом”, а всего только “почетный академик”». ²⁹ В этой короткой фразе подразумевались вехи научной деятельности Щеголева — в 1902 году потенциального академика, а в 1918 г. — управляющего I Петроградским отделением VII секции Единого государственного архивного фонда РСФСР (ЕГАФ) ³⁰ и Петроградским историко-революционным архивом», ³¹ который через два года был объединен с Московским историко-революционным отделением и образовал фундамент для Государственного архива РСФСР, ныне Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ).

Именно эта причастность Щеголева к ЕГАФ стала основанием для письма Ремизова, написанного 20 мая 1918 г. Отметим, что несмотря на очевидную корреляцию с атрибутикой Обезвельволпала, ради точности, более правомерно атрибутировать документ из коллекции Лесмана так, как поименовал его сам автор, а именно «Прошение» — офи-

---

²⁹ Ремизов А. М. «Пруд» // Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 14: Звезда надзвездная. СПб., 2018. С. 240. Невнимательное прочтение этой фразы положило начало цепочке исследовательских ошибок, касающихся авторитета Щеголева среди вологодских друзей-ссылных. Вместо распространенного прозвища «академик» (см. примеч. 25) в научной и научно-популярной литературе ему последовательно стали приписывать образованное по синекдохическому принципу «звание», которое могло родиться только в языковой ситуации советского времени и было дано Ремизовым — «Архивные фонды». Источником этой утвердившейся небрежности к содержанию авторского текста, игнорирующей оборот «не был еще... а всего только», стала статья исследователя-ремизоведа Ю. В. Розанова «Литературная жизнь вологодской политической ссылки начала XX века», в которой, в частности, находим утверждение: «...ссылный революционер Щеголев, естественно, не мог регулярно и подолгу работать в столичных хранилищах. Но проблемы не было. Ремизов вспоминает, что его товарищу постоянно присылали из Петербурга или Москвы тюки и ящики с архивными материалами. Таким образом, в Вологде побывала, например, переписка Гоголя. С этим, конечно, связано и вологодское прозвище Щеголева — Архивный Фонд. Велика его роль в историческом и историко-литературном образовании товарищей» (Вологда. Историко-краеведческий альманах. 1994. Вып. 1. (<https://www.booksite.ru/fulltext/1vo/log/da/15.htm>; дата обращения: 01.04.20). Весь пассаж отражает игру воображения исследователя, нарисовавшего картину хлестаковского размаха. Эта же «натяжка» возникла и в книге биографа О. Д. Волкогоновой — автора книги «Бердяев» в серии «Жизнь замечательных людей» (М.: Молодая гвардия, 2010. С. 222); ошибку также повторила автор научных работ, посвященных вологодскому периоду творчества Ремизова, Н. С. Жернова в статье «Мужской образ в северных текстах А. М. Ремизова» (Рябининские чтения — 2019. Петрозаводск, 2019. С. 509—511).

³⁰ В архиве Щеголева сохранился пропуск на его имя, выданный Государственным Архивным Фондом РСФСР, предоставляющий право входа в помещение архива I Петроградского отделения VII секции (РО ИРЛИ, ф. 627, оп. 5, № 33).

³¹ См.: История Государственного архива Российской Федерации: Документы. Статьи. Воспоминания / отв. ред. С. В. Мироненко. М., 2010. С. 34, 571.

циальное ходатайство, стилизованное под древнерусские письменные документы (грамоты) с элементами авторской мифологии Обезьянней Великой и Вольной палаты. Текст документа заключает в себе реалистическое содержание, однако его оформление приближено к некому условному историческому образу древнерусской челобитной времен Царя Алексея Михайловича, поскольку именно исторические реалии XVII века стали основными источниками для стилистического формирования делопроизводства Обезвельволпала и теневого образа «канцеляриста» Ремизова.³² Письмо, написанное на тонкой кальке, напоминает пергаменные рукописи. По своей графике текст ориентирован на древнерусские рукописные источники: смысловые отрезки начинаются с выделенной красной тушью буквы — так называемой буквицы. Некоторые обороты («Пишет мне Иван Сергеев Рукавишников»; стилистически сближаются с оборотами челобитных и сохраняют особенности древнерусской грамматики («причислите нас к Архиве...»).

Таким образом, все содержание документа поддерживает тему «русской старины», ради которой податель «Прошения» вознамерился в условиях гражданской войны, когда въезд в города осуществлялся под контролем советской власти, без промедлений держать путь из Петрограда в Нижний Новгород. Графическое оформление и стилистические обороты, создающие семиотическую проекцию на образцы древнерусского делопроизводства, в ремизовской «челобитной» дополнены красной сургучной печатью в конце текста и на конверте с указанием домашнего адреса Щеголева на Большой Дворянской, 10. Описание этого оттиска находим в очерке «Печати: Резь всяческая» (1917), в котором Ремизов рассказывает о коллекции печатей, эмблемы и кодовые надписи на которых он «прочитал», как «письмена», характеризующие их владельцев и сферу применения в бытовой культуре. Один из этих сфрагистических «носителей» информации, как теперь без сомнения мы можем утверждать, принадлежал Ремизову:

«Печать безымянная, а говорит она мне больше всех.

В треугольнике крест, пылающее сердце и якорь

— в с ѣ х м о е б л а ж е н с т в о —

Это отпечаток нежной женской руки и души жестокой <...>»³³

Эмблемная композиция конкретной печати в контексте «Прошения», адресованного Щеголеву, полностью дезавуируется, оставаясь лишь функциональной сигнатурой, скрепляющей важность содержания и подлинность авторской подписи. Однако привлечение к оформлению «Прошения» старинной печати, придает всему документу особенную археологическую ценность. Совокупность внешних стилистических приемов, используемых Ремизовым в его спонтанном, судя по содержанию, письме раскрывает образ художественного мышления

³² Очертания этой проблемы намечены нами в кн.: *Обатнина Е., 2001. С. 118—119.*

³³ *Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 13: Россия в письменах. С. 132.*

писателя, который стремился к образованию коннотативных сцеплений между содержательным планом и декоративным оформлением текста, создавая артефакты — вещественные памятники творческой мысли.

«Прошение» из коллекции Лесмана открывает жанр челобитных, получивший в биографии Ремизова развитие в нескольких «перлах» деловой переписки писателя, стиль которой в условиях власти большевиков был намерено разыгран в диспозиции «хозяева и холопы». Сохранилось несколько подобных обращений. Например, от 24 ноября 1919 г., адресованное —

Заведующей петроградским отделом театров
и зрелищ Марии Федоровне Андреевой
Валенковое прошение

По несчастному обстоятельству прошу о валенках. Стыть и стужа побирают все семь шкурков моих, а пуще того ноги околели.³⁴

В Отдел снабжения Петрокоммуны 26 янв. 1921 также было подано «Прошение о ботинках и калошах», впоследствии украсившее коллекцию Л. А. Глезера.³⁵ В дневнике писателя обнаружен замысел еще одного, относящегося к началу зимы 1919 г.:

Думал: подам прошение Совет<у> Народ<ных> Комис<саров> расстрелять меня как запаршивевшую собаку — все равно, ни толку от меня, ни пользы. Все мое время уходит на добычу, а венец дел — один раз в неделю пообедать. Ничего не пишу. Только старое, старое, старое, чтобы только к<ак>-н<и>б<удь> прожить.³⁶

Ремизовское «Прошение» Щеголеву, хотя и связано с тяготами постреволюционной жизни, является редким по тем временам свидетельством оптимистического настроения писателя на ближайшее будущее: когда появилась возможность практического приложения собственных творческих интересов, связанных с изучением архивов и русской бытовой культуры, а также случай — скрыться из Петрограда в провинцию, где, как могло казаться на расстоянии, жизнь была безопаснее, — чтобы переждать большевистский режим, в устойчивость которого не хотелось верить. В архиве Ремизова действительно сохранилось письмо Ивана Сергеевича Рукавишников (1877—1930), с которым писатель в 1915—1916 гг. сотрудничал, пытаясь организовать и издать различные сборники, так и не дошедшие до печатного станка.³⁷

³⁴ РГАЛИ, ф. 420, № 87, на «Прошении» сохранилась виза М. Ф. Андреевой: «Убедительно прошу удовлетворить».

³⁵ См.: Глезер Л. А. Записки букиниста. М., 1989. С. 225—227.

³⁶ Ремизов А. М. Собр. соч.: В 10 т. М., 2000. Т. 5: Взвихренная Русь. С. 505.

³⁷ История этих несостоявшихся изданий частично отражена в переписке: РО ИРЛИ, ф. 256, оп. 3. № 175.

15 июня 1918 г. Рукавишников писал:

Дорогой Алексей Михайлович,

Ожидаем Вас в Нижнем. Кроме понятного желания Вас видеть есть надежда на Вашу помощь.

Дело в том, что мы тут хлопочем по устройству нового большого музея. Очень бы хотелось, чтобы Вы приложили руку к составлению систематического каталога отдела Русской старины: ткани, дерево, глина и пр. Хотелось бы поскорее и хотелось бы, чтобы Вы успели принять участие в расстановке коллекции.³⁸

Нашлось среди документов личного фонда Ремизова и упомянутое удостоверение на бланке Отдела Гражданского Управления при Нижегородском Совете Рабочих и Крестьянских Депутатов, зарегистрированное в тот же день — 15 июня, когда Рукавишников отправил свое письмо Ремизову. Удостоверение предоставляло разрешение «гражданам Алексею Михайловичу и Серафиме Павловне Ремизовым на въезд и проживание в городе Н.-Новгороде».³⁹ Сроки пребывания не оговаривались.

Иван Сергеевич Рукавишников вместе со своим братом, скульптором Митрофаном Сергеевичем (1887—1946), являлись наследниками одной из богатых купеческих семей Нижнего. Дом Рукавишниковых на Верхне-Волжской набережной, называемый в городе «палаццо на Откосе», после революции подлежал реквизиции и в соответствии с постановлением Исполкома Нижегородского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов от 26 (13) февраля 1918 г. предназначался под «Народный художественный музей». Характерно, что братья Рукавишниковы приняли самое деятельное участие в организации музея⁴⁰ и создали экспертный Совет, в который и был приглашен Ремизов с супругой.

Таким образом, писатель в день получения письма из Нижнего обратился к Щеголеву, вошедшему в административный аппарат музейно-архивного чиновничества новой власти, с просьбой содействовать его командировке. Однако тональность челом бьющего просителя в этом письме явно перебивается модальностью, более присущей теневой фигуре обезьяньего мифа, царю Асыке. Обезьяний царь определенно не только дает распоряжения относительно жалования, но даже поручает Щеголеву согласовать свое дело с другим советским руководителем — с Давидом Борисовичем Рязановым (1870—1938), который

³⁸ РО ИРЛИ, ф. 256, оп. 3. № 175, л. 27—28.

³⁹ РО ИРЛИ, ф. 256, оп. 2, № 1, л. 17.

⁴⁰ Подробнее см.: Уткина Н. А. Строительство Нижегородского художественного и исторического музея в 1918—1924 гг. // Музей — Памятник — Наследие. 2018. № 2 (4). С. 8—9.

в 1918—1920 гг. исполнял обязанности заведующего Главным управлением архивным делом при Наркомпросе РСФСР. У нас нет документальных подтверждений, какова была реакция Щеголева. Но надо понимать, что основания Ремизова для такой командировки не могли быть поставлены под сомнение. К этому времени Ремизов в кругу литераторов и архивистов заслужил авторитет знатока как иконописных, так и легендарных сюжетов памятников русской ветхозаветной и новозаветной русской письменности, а его супруга С. П. Ремизова-Довгелло являлась дипломированным палеографом, выпускницей Петербургского Археологического института.⁴¹

Поездка в Нижний Новгород так и не состоялась. Обозревая ситуацию вокруг музея, сложившуюся летом 1918 г., можно лишь сказать, что Ремизовы были спасены от самых необратимых последствий этой командировки. Р. Л. Розенталь, — молодой заведующий музеем, в августе 1919 г. принявший фонды, созданные братьями Рукавишниковыми, недавний выпускник Санкт-Петербургского историко-филологического факультета, впоследствии известный искусствовед, вспоминал о деятельности учредителей музея, граничащей с авантюризмом и некомпетентностью: «Два брата Рукавишниковых, Иван Сергеевич (плодовитый писатель-декадент, по легкости поэтического творчества и графоман, а также стойкости в пристрастии к алкоголю следовавший за Бальмонтом) и Митрофан Сергеевич — Митроша (скульптор, учившийся в Италии, умело высекавший из мрамора слащавые портретные бюсты, что обеспечило ему возможность пристроиться в дальнейшем при Институте Маркса—Энгельса—Ленина) возглавили некий художественный совет. Совет ведал музеями и охраной памятников. В совет — это я точно помню — входили учитель рисования Гейне, архитектор Валериан Андреевич Волошинов, наверно, также начинающий художник Федор Семенович Богородский, видный руководитель народными художественными промыслами, художник Александр Нилович Дурново, вероятно, и старый художник — педагог Ликин. Этот художественный совет за какие-то вольности и провинности (не политические, а бытовые) вызвал неудовольствие губисполкома. Иван Сергеевич уехал в Москву, где его жена стала комиссаром по делам цирка и пользовалась доверием Луначарского».⁴² Как установили историки Нижнего Новгорода, довольно скоро члены комиссии по организации музея оказались в поле зрения местной Чека. По ордерам борьбы с контрреволюцией осенью была арестована Н. С. Рукавишникова — жена

---

⁴¹ См. примеч. 9.

⁴² *Розенталь Л. В.* К истории Нижегородского художественного музея / публ. Ю. Г. Галая // Нижегородский музей. 2015. № 8. С. 6. Нина Сергеевна Рукавишникова возглавила образованное в 1922 г. из секции Наркомпроса Центральное управление государственными цирками.

И. С. Рукавишникова. Преследования заставили бывших владельцев «палаццо на Откосе» бросить родовое гнездо и переехать в Москву.⁴³

Ремизов, едва пережив петроградскую зиму 1918/1919 гг., готовился к отъезду из России. С этого времени часть его личного архива вливается в архивные фонды Отдела рукописей национализированной Императорской публичной библиотеки. В 1920 году он передал в Отдел Рукописей часть обработанного им архива домашней переписки представителей рода Философовых.⁴⁴ Тогда же Публичная библиотека купила у писателя несколько рукописных книг. Это были пергаменные Служебники XIV века и рукописный сборник XVII в., о чем имеется запись в реестре книг, находящемся в отделе архивных документов.⁴⁵

За десять дней до своего побега за границу (25 июля 1921 г.) Ремизов отправил Щеголеву очередное «деловое» письмо, по своим принципам художественности аналогичное попавшему в коллекцию Лесмана. В это время Щеголев как историк революционного движения занимается созданием Государственного музея революции, учрежденного 19 октября 1919 г. Если текст письма 1918 г., в соответствии с изложенной Ремизовым проблемой, содержал в себе проекцию на исторические документы «русской старины», то последнее «обращение» в их переписке длинную в 19 лет было принципиально написано на «новоязе» революционного времени, содержащем неслыханные в прежние времена аббревиатуры:

В музей революции

Голове, нарядчику и уставщику музрев

Павлу Елисеевичу Щеголеву

старей<шему> кн<язю> обез<ьяньим> и кавал<еру>

обез<ьяньего> зн<ака> с хвост<ом> и удобез<ьяньим>

пер<вой> степ<ени>.

В музрев прощу принять о И. П. Каляеве, икону Воскресения и московск<ую-?> декабрь <19>05 г.

Алексей Ремизов

Воспоминания о И. П. Каляеве

и о цветах пасхальных

и о стихах —

⁴³ См.: Уткина Н. А. Строительство Нижегородского художественного и исторического музея в 1918—1924 гг. С. 11.

⁴⁴ Архивные материалы рода Философовых в обработке Ремизова, сохранявшиеся в его парижском архиве, составили опись 2 (104 ед. хр) в личном фонде писателя в РГАЛИ (ф. 420). См. также о работе Ремизова над семейным архивом Философовых: Переписка А. М. Ремизова и Д. В. Философова / публ. Е. Р. Обатиной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2002 год. СПб., 2006. С. 369—371, а также коммент. к изд.: Собр. соч. Т. 13: Россия в письменах (см. примеч. 28).

⁴⁵ ОР РНБ, ф. 2, оп. 2, № 94, л. 69 об.

память вологодскую
напишу как только очеловечусь
Алексей Ремизов <монограмма>
<«собственнохвостная» подпись Царя Асыки>.
Петербург 25 VII 1921⁴⁶

И на этот раз Ремизов в своем эпистолярном искусстве выдержал канон соответствия формы и содержания. В личном архиве писателя собрался ценный материал, касающийся узников Шлиссельбургской крепости, и прежде всего И. П. Каляева, с которым в 1902–1903 гг. Ремизова связывали дружеские отношения, а также совместный опыт первых литературных работ и публикаций в ярославской газете «Северный край».⁴⁷ Как непосредственный участник революционного движения, бывший ссыльный, писатель, таким образом, стремился внести свой вклад в музейные фонды, желая сохранить на скрижалях памяти отнюдь не образ непреклонного революционера, но интеллигента, в политической ссылке начавшего свой литературный путь, не пересекавшийся более с политикой.

В 1921 г. обезьяний росчерк Царя Асыки, поставленный в конце письма, был уже привычной резолюцией в официальной и личной переписке канцеляриста с членами Палаты.⁴⁸ Мифология «тайного» общества требовала соблюдения иерархии. «Верховный властитель всех обезьян и всех, кто к ним присоединился» был едва ли не божеством, незримо присутствуя в деятельности общества: «о нем никто ничего не знает, и его никто никогда не видел».⁴⁹ Материальным подтверждением существования Асыки Первого служила лишь его зигзагообразная «подпись» на обезьяньих грамотах, сделанная размашистым росчерком хвоста, разнообразные варианты которой появились на документах, скрепленных канцеляристом, не ранее 1920 года.

Между тем, лишь благодаря собранию автографов М. С. Лесмана обнаружилось единственное в своем роде документальное подтверждение «явления» Обезьяньего царя. Среди коллекции дарственных надписей, собранных Лесманом, оказался авантитул сборника Юрия Верховского «Разные стихотворения», выпущенного московским издательством «Скорпион» в 1908 году и подписанный автором для А. В. Тырковой в ноябре. Неизвестно, при каких обстоятельствах под лапидарной адресацией оказалась подпись рукой Ремизова: «Выдать

⁴⁶ РО ИРЛИ, ф. 627, оп. 4, № 1479–1610, л. 225.

⁴⁷ См. о нем: *Ремизов А. М.* Собр. соч. в 10 т. Т. 8: Подстриженными глазами. Иверень. С. 441–442

⁴⁸ В 1919 г. впервые был опубликован «Манифест» Обезьяньего царя (Записки мечтателей. 1919. № 1. С. 142–143, в разделе «Тулумбас»).

⁴⁹ Цит. по тексту «Конституции» Обезвельволпала: *Ремизов А. М.* Собр. соч.: В 10 т. Т. 5: Взвихренная Русь. С. 207.

Ариадне Владимировне Тырковой / А. Вергежскому⁵⁰ / разрешаю. Обезьяний Царь».⁵¹ В 1908 г. Ремизов уже подготовил к печати свою «Трагедию о Иуде принце Искаротском» и после августовского приезда в Москву, где в играх с маленькой племянницей возникла идея тайного знака «для ношения»,⁵² уже успел добавить в пьесу мотив «обезьяньих» наград. В ноябре, когда Обезьяний царь оставил свою «резолюцию» на авантитуле поэтического сборника Верховского, триумфальный выход мифического героя уже готовился на сцене театра В. Ф. Коммиссаржевской, а публикация «Трагедии о Иуде...» по обещаниям журнала «Золотое Руно» ожидалась в первом номере 1909 года. Однако уже в декабре возникли цензурные препятствия, которые разрушили все надежды.⁵³ Так, еще до официального вхождения в историю русской литературы XX века Обезьяний царь, не подчиняясь правилам и законам официальной истории, стал «действующим лицом» литературного быта русского модернизма.

Библиографический список

1. Академик Павел Елисеевич Щеголев, 1901–1903 / публ. Е. Р. Обатниной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 178–193.
2. Андрей Белый и А. М. Ремизов: Переписка / вступ. статья, публ. и коммент. А. В. Лаврова // Александр Блок: Исследования и материалы / отв. Ред. Н. Ю. Грякалова. СПб.: «Пушкинский Дом», 2011.
3. *Глезер Л. А.* Записки букиниста. М.: Книга, 1989.
4. *Грачева А. М.* Алексей Ремизов и древнерусская культура / РАН. ИРЛИ (Пушкинский Дом). СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 333 С. (Studiolum Slavicorum Monumenta; Т. 19).
5. История Государственного архива Российской Федерации: Документы. Статьи. Воспоминания / отв. ред. С. В. Мироненко. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.
6. Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана: Аннотированный каталог. Публикации. М: Книга, 1989.
7. *Обатнина Е.* Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А. М. Ремизова в лицах и документах. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2001. 384 с.
8. Переписка А. М. Ремизова и Д. В. Философова / публ. Е. Р. Обатниной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2002 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 369–371

⁵⁰ *Тыркова А. В.* (в замуж. Берман, Вильямс; лит. псевдоним: А. Вергежский; 1969–1962) — писатель. общественный деятель.

⁵¹ РО ИРЛИ, ф. 840 (в обработке). См. также: *Лесман, 1989*. С. 381.

⁵² См. об этом: *Ремизов А.* Кукха. Розановы письма / изд. подгот. Е. Р. Обатниной. СПб., 2011 (Литературные памятники). С. 39–40; . На вечерней заре. Письма А. М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло. 1908 год / Вступ. статья, подгот. текста и коммент. Е. Р. Обатниной // Русская литература. 2014. № 3. 2014. С. 142–185.

⁵³ См. примеч. 2.

9. Письма А. М. Ремизова к П. Е. Щеголеву. Ч. 2. Одесса. Херсон. Одесса. Киев (1903–1904) / публ. А. М. Грачевой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 153–205.
10. Письма А. М. Ремизова к П. Е. Щеголеву. Ч. I. Вологда. (1902–1903) / публ. А. М. Грачевой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 121–177.
11. *Пришвин М. М.* Дневники: 1914–1917 / Подгот. Л. А. Рязановой, Я. З. Гришиной; коммент. Я. З. Гришиной, В. Ю. Гришина. СПб.: Росток, 2007. 607 с.
12. *Ремизов А.* Встречи: Петербургский буерак. Париж: LEV, 1981.
13. *Ремизов А. М.* Собр. соч. в 10 т. М.: Русская книга, 2001. Т. 8: Подстриженными глазами. Иверень.
14. *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 12: Русалия. СПб.: Росток, 2016.
15. *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 13: Россия в письменах. СПб.: Росток, 2017.
16. *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т.14: Звезда надзвездная. СПб., 2018.
17. *Розанов Ю. В.* Литературная жизнь вологодской политической ссылки начала XX века // Вологда. Историко-краеведческий альманах. 1994. Вып. 1. (<https://www.booksite.ru/fulltext/1vo/log/da/15.htm>)
18. *Розенталь Л. В.* К истории Нижегородского художественного музея / публ. Ю. Г. Галая // Нижегородский музей. 2015. № 8. С. 6–11.
19. *Уткина Н. А.* Строительство Нижегородского художественного и исторического музея в 1918–1924 гг. // Музей – Памятник – Наследие. 2018. № 2 (4). С. 5–15.
20. *Якобсон Р.* Работы по поэтике / сост. и общ. ред. М. Л. Гаспарова. М.: Прогресс, 1987.

Л. Г. Агамалян

**МАТЕРИАЛЫ В. Я. АДАРЮКОВА
В РУКОПИСНОМ ОТДЕЛЕ
И ЛИТЕРАТУРНОМ МУЗЕЕ ИРЛИ**

Аннотация: Статья посвящена хранящимся в Институте русской литературы Российской академии наук материалам Владимира Яковлевича Адарюкова — выдающегося русского историка искусства, библиографа, музейного работника, архивиста, коллекционера. На основе исследования документов, хранящихся в фондах Рукописного отдела и Литературного музея ИРЛИ РАН, а также информации о материалах из Российского государственного архива литературы и искусства и Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина в статье прослеживается деятельность В. Я. Адарюкова в ее связи с Пушкинским Домом.

Автору статьи удалось выявить ряд документов в РО и Литературном музее ИРЛИ, не введенных пока в научный оборот. Это изобразительные материалы ко второму и третьему томам «Словаря русских литографированных портретов», рукопись которых была утрачена, и картотека «Изображения русских писателей в их окружении, а также иллюстрации к их произведениям» — один из последних, неосуществленных замыслов Адарюкова. Выявленные материалы могут дать направление дальнейшим исследованиям в разных областях истории искусства, в том числе и в русской иконографии.

Ключевые слова: русский литографированный портрет, иконография русских писателей, библиография, рукописи, музейное собрание.

Abstract: The article is devoted to the materials stored in the Institute of Russian literature of the Russian Academy of Sciences is devoted to the materials of Vladimir Yakovlevich Adaryukov, an outstanding Russian art historian, bibliographer, Museum worker, archivist, and collector. Based on research in the collections of the Manuscript Department and the Literary Museum of the IRLI RAS, as well as information about materials from the Russian state archive of literature and arts and the Pushkin State Museum of fine arts, the article traces the activities of V. Ya. Adaryukov in its connection with the Pushkin House.

The author of the article managed to identify a number of documents in the RO and the IRLI Literary Museum that have not yet been introduced into scientific circulation. These are the visual materials for the second and third volumes of the “*Dictionary of Russian lithographed portraits*”, the manuscript of which was lost, and the card file “*Images of Russian writers in their surroundings, as well as illustrations of their works*” — one of the last, unfulfilled plans of Adaryukov. The identified materi-

als can give direction to further research in various areas of art history, including Russian iconography.

Keywords: Russian lithographed portrait, iconography of Russian writers, bibliography, manuscripts, museum collection.

1

Владимир Яковлевич Адарюков (07(19).12.1863, Курск — 04.07.1932, Москва) — выдающийся российский историк искусства, библиограф и библиофил, музейный работник, литературовед, архивист, коллекционер.

Родившийся в Курске в помещичьей дворянской семье, в 1884 г. он закончил Константиновское военное училище в Петербурге, по окончании которого был определен в лейб-гвардии Кексгольмский императора Австрийского полк, расквартированный в Варшаве. Одновременно в течение четырех лет Адарюков как вольнослушатель посещал историко-филологический факультет Варшавского университета, где изучал историю искусств. В 1891 г. он был прикомандирован к третьему Военно-Александровскому училищу в Москве, где выполнял обязанности репетитора и библиотекаря. В 1896 г. перешел на гражданскую службу по Удельному ведомству, где его непосредственным начальником стал Дмитрий Васильевич Ульянинский,¹ «совершенно исключительный, по определению самого Адарюкова, библиограф и библиофил».² Их знакомство во многом определило библиофильские и собирательские интересы Адарюкова, его увлечение иконографией. В 1901 г. он переехал в Петербург. К этому времени он уже пользовался известностью в мире коллекционеров и библиофилов. В журнале «Антикар» в 1903 г. им были опубликованы «Указатель книг, журналов и статей по истории декабризма» и «Указатель книг, журналов, статей и газетных заметок о русском театре», отмеченные положительными рецензиями. В 1908 г. в чине статского советника он вышел в отставку и в 1909 г. поступил на службу в Эрмитаж, что было «всегда венцом его желаний».³ С 1909 г. Адарюков становится внештатным инвентаризатором и помощником хранителя, а затем помощником заведующего отделением гравюр и рисунков. Инвентаризация эрмитажного собрания эстампов в значительной степени сделала возможной создание одной из самых известных его работ — «Добавлений к Подробному словарю русских гравированных портретов Д. А. Ровинского», опубликованных в шести номерах журн. «Старые годы» за 1910 г. и вышедших отдельным выпуском в 1911 г.

Время службы в Эрмитаже совпадает с активной деятельностью Адарюкова в «Кружке русских изящных изданий» и публикациями

¹ Ульянинский Дмитрий Васильевич (1861—1918) — библиограф, библиофил.

² Адарюков В. Я. В мире книг и гравюр: воспоминания. М.: б. и., 1926. С. 11.

³ Там же. С. 13.

в журнале «Старые годы», «самая мысль об основании которого возникла в Кружке»⁴ и в издании которого его участники в 1907—1916 гг. принимали участие. В своих воспоминаниях Адарюков уделяет много внимания этому замечательному объединению, в частности подробному аннотированию выставок, устраивавшихся Кружком. Список его публикаций к 1919 г. составляют 44 названия.⁵ В Эрмитаже Адарюков увлекся литографией и начал коллекционировать литографированные портреты, а также включающие их книги и брошюры.

Весной 1918 г. он переходит на службу в Отделение гравюр и рисунков Русского музея научным сотрудником и помощником хранителя.⁶ Причины его ухода из Эрмитажа остаются невыясненными.

В 1920 г. Адарюков возвратился в Москву. Перед отъездом он продал свою коллекцию портретов и книг Публичной библиотеке. В своих «Воспоминаниях» он пишет: «При переезде нечего было и думать о перевозе всей библиотеки, и приходилось расставаться с милыми и дорогими моему сердцу друзьями, которых я с такой любовью собирал в течение 25 лет. Я предложил Публичной библиотеке приобрести 5000 томов моей библиотеки, за исключением небольшого отдела по искусству. Той же библиотеке я предложил приобрести и мое собрание литографированных портретов. В течение двух недель комиссия в составе хранителей Публичной библиотеки Философова⁷ и Лавровского⁸ и антикварного торговца Шилова⁹ оценивала мою библиотеку. Невозможно передать того, что я пережил за это положительно мучительное время, я чувствовал, что теряю самое близкое, дорогое, то, что составляло цель моей жизни в течение четверти века. В тот злосчастный день, когда начали увозить от меня моих дорогих друзей, я ушел из дому на целый день, я положительно не мог присут-

---

⁴ Там же. С. 28.

⁵ При поступлении в Русский музей Адарюков представил список опубликованных работ. Еще один подобный список хранится в Пушкинском Доме в архиве Венгерова (РО ИРЛИ, ф. 377, оп. 7, № 45). Библиография Адарюкова на 1919 г. включала 43 опубликованные и одну работу «Портреты Н. И. Новикова», находившуюся в печати.

⁶ В РГАЛИ хранится составленный Адарюковым «Журнал работ по Русскому музею». Черновые наброски (РГАЛИ, ф. 689, оп. 1, № 46, 18 л. Б. д.).

⁷ *Философов Дмитрий Владимирович* (1872—1940) — публицист, художественный и литературный критик, религиозно-общественный и политический деятель. В 1918—1919 гг. работал в Публичной библиотеке в отделениях «Россика», Полиграфии, Рукописей. Вместе с В. К. Лавровским принимал участие в оценке коллекции В. Я. Адарюкова.

⁸ *Лавровский Виктор Константинович* (1891—1838?) — коллекционер, библиофил, в 1917—1920 гг. работал в Публичной библиотеке.

⁹ *Шилов Федор Григорьевич* (1879—1962) — библиофил, книговед, библиограф, издатель, антиквар. В 1918—1919 гг. работал в Центральном комитете государственных библиотек (ЦКГБ): занимался оценкой книжных коллекций П. В. Губара, В. Я. Адарюкова и др.

ствовать при этих похоронах. Единственным утешением было то, что мои книги, собранные с такой любовью, попали в лучшее книгохранилище, а не расплылись, подобно многим и многим частновладельческим собраниям. Мне обещали, что моя библиотека будет стоять отдельно и носить мое имя, но я не имел сил справиться, состоялось ли это».

Рассказ о переходе своей коллекции в собственность Публичной библиотеки Адарюков заканчивает так: «В “Библиотечном обозрении. Книга первая. СПб., 1919 г.”, изданном Публичной библиотекой, вместо обычного отчета было напечатано: “В числе наиболее интересных приобретений надлежит отметить: собрание русских литографированных портретов В. Я. Адарюкова, обнимающее собою, вместе с относящимися к нему иного рода эстампами, около 6000 листов. Сюда входит, между прочим, редкая сюита 44 портретов офицеров кавалергардского полка, 50-х гг., коллекция портретов декабристов в литографиях, оригинальных рисунках и фотографиях (из собрания П. А. Ефремова¹⁰), много портретов неизвестных лиц и инкунабулы русской литографии”». «Конечно, — завершает он свой рассказ и в то же время свои воспоминания, — это слишком краткая и общая характеристика моего собрания, являющегося, бесспорно, одним из наиболее полных и интересных собраний русских литографированных портретов».¹¹

В Москве Адарюков как известнейший специалист по эстампам был приглашен на работу в Румянцевский музей (с 1924 г., после слияния его художественной части с Музеем изящных искусств, Гос. Музей изящных искусств, с 1937 г. — Гос. музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина — ГМИИ), где стал заведующим Отделом русской гравюры (Гравюрным кабинетом). Под его руководством в ГМИИ в 1920-х гг. коллекционировалась, инвентаризировалась и систематизировалась русская гравюра, были созданы новые собрания: экслибриса и журнальной ксилографии XIX в., составлялся словарь современных гравюров, обрабатывались архивы Д. А. Ровинского и С. П. Виноградова.

В 1920 г. по инициативе Адарюкова в Москве было основано «Русское общество друзей книги» (РОДК), прямое продолжение петербургского «Кружка любителей русских изящных изданий», активным членом и библиотекарем которого Адарюков состоял, служба в Эрмитаже. На первом же заседании нового библиофильского объединения, просуществовавшего до 1930 г., Адарюков был избран его председателем.

---

¹⁰ *Ефремов Петр Александрович* (1830–1907) — библиограф, редактор, издатель, литературовед, библиофил; составил исключительно ценную библиотеку по русской литературе и истории объемом приблизительно 24 000 томов. Помимо книг она содержала гравюры, литографии, портреты, рисунки и т. д. В 1909 г. после смерти П. А. Ефремова его наследники распродали библиотеку. Часть ее купила Академия наук для вновь открытого Пушкинского Дома.

¹¹ *Адарюков В. Я.* В мире книг... С. 58.

лем. К нему обращена поэтическая шутка А. А. Сидорова с признанием авторитета коллеги:

Хвала тебе, Адарюков,
Наш первый восприемник!
Тебе не страшен бег веков,
Ровинского преемник,
Увесистого словаря
Достойный продолжатель!
Тебе — бессмертия заря,
Наш славный председатель.¹²

В различных художественных и искусствоведческих учреждениях Москвы он вел активную научную, научно-педагогическую и научно-организационную работу: профессор ВХУТЕМАСа (вел курс истории книги), действительный член Государственной Академии художественных наук (ГАХН с 1922 г.), председатель графической секции, член президиума библиографического отдела; организатор архива Госиздата, с 1922 г. член «Комиссии по изучению иллюстрированных изданий», член Комиссии по искусству.

Оставленные современниками воспоминания немногочисленны, отрывочны, «с неизбежными ошибками памяти» (П. Н. Берков) и подчас противоречат друг другу. Один из основателей РОДК А. А. Сидоров писал: «Был В. Я. Адарюков, который по годам мог быть мне отцом, моим личным откровенным другом, моим «председателем» по РОДК, моим сослуживцем по кабинету гравюр <...>. Адарюкова я искренне любил и ценил за его дружелюбность и открытость, ясную память и нескрытый критический ум».¹³ Сотрудница Румянцевского музея, работавшая с Адарюковым в Гравюрном кабинете, М. З. Холодовская вспоминала: «Это был большой знаток русской гравюры, но не ученый-исследователь, а, скорее, человек коллекционерско-знаточеского склада, с феноменальной памятью и стремительной работоспособностью, что подчас влекло за собой ошибки и некоторую бессистемность в работе. Бывший военный, типичный светский человек, очень приятный в обществе, блестящий и остроумный рассказчик, приветливый, доброжелательный, но в сущности своей, пожалуй, довольно холодный».¹⁴ В то же время замечательный русский гравер И. Н. Павлов

¹² Цит. по статье: *Миролюбова Г. А.* Коллекционер и исследователь русской литографии XIX века В. Я. Адарюков // Труды Государственного Эрмитажа. [Т.] LXXXV: Люди и книги: к 255-летию Научной библиотеки Государственного Эрмитажа. СПб., 2017. С. 221.

¹³ *Сидоров Алексей Алексеевич (1891–1978)* — искусствовед, заведующий Гравюрным кабинетом Музея изящных искусств, библиофил, коллекционер, один из основателей РОДК, ученый секретарь правления РОДК, его поэтический летописец. См. его воспоминания: *Сидоров А.* Московские книголюбцы // Альманах библиофила. М.: Книга, 1977. Вып. 4. С. 71–72.

¹⁴ *Холодовская М. З.* О гравюрном кабинете // Книга в пространстве культуры. М.: РГБ, 2010. Вып. 1 (6). С. 6–24. (Прил. к журн. «Библиотековедение»).

вспоминал: «Мы, художники, очень беспечны по части хранения и учета своих работ. Многие из того, что нами делается, нередко совсем пропадает как материал для истории искусства.<...> Владимир Яковлевич Адарюков <...> бескорыстно любил искусство и художников, следил за всем, что мы делаем, собирал библиографические сведения, отзывы печати, коллекционировал наши работы. <...> Владимир Яковлевич был очень скромным тружеником, человеком исключительно деликатным и тактичным. Библиографы вообще народ обязательный, и Адарюков в этом смысле выражал полностью свои профессиональные черты. <...> Карманы его всегда были наполнены разными записками, а рука только и ждала, чтобы, при встрече, вынуть записную книжку и протокольно успеть занести хотя бы самые главные сведения о художнике».¹⁵ Выразительную портретную зарисовку Адарюкова оставил в своих воспоминаниях о РОДК один из его руководителей С. Г. Кара-Мурза¹⁶, состоявший с Адарюковым в дружеских отношениях. Их встреча состоялась в сентябре 1921 г. «Он оказался еще довольно бодрым мужчиной лет 60 с лихо закрученными кверху усами, брови его также были закручены вверх, параллельно усам, что делало его немного похожим на Мефистофеля. Правда, он уже начинал как будто сутулиться, и голова его склонялась немного на правый бок. <...> Бывший помещик... бывший варшавский гусар, искусствовед, библиограф и музейный деятель, был типичным петербуржцем... С первого же дня нашего знакомства у нас с Владимиром Яковлевичем установились самые теплые, дружественные отношения, ничем не омраченные до самой его смерти <...> Он был настоящий джентльмен, в лучшем смысле слова, чуждый зависти и недоброжелательства, ни о ком не отзывался дурно, никогда не злословил».¹⁷

В 1929 г. РОДК был издан подготовленный Н. Н. Орловым¹⁸ «Список печатных трудов В. Я. Адарюкова», а в 1932 г., после смерти исследователя, «Дополнения к списку печатных трудов В. Я. Адарюкова». За свою жизнь он опубликовал более 200 трудов. Наиболее известные, кроме уже названных: «Очерки по истории литографии в России» (журн. «Аполлон». 1912. Янв., весь номер), «Словарь русских литографированных портретов» (совместно с Н. А. Обольяниновым) (СПб., 1916. Т. 1); «Русский книжный знак» (М., 1922), «Указатель гравированных и литографированных портретов А. С. Пушкина» (М., 1926),

¹⁵ Павлов И. Н. Моя жизнь и встречи. М.: Искусство, 1949. С. 275–276.

¹⁶ Кара-Мурза Сергей Георгиевич (1878–1956) — театральный критик, впоследствии известный театровед.

¹⁷ Цит. по: Берков П. Н. История советского библиофильства (1917–1967). М.: Книга, 1971. С. 116.

¹⁸ Орлов Николай Николаевич (1898–1965) — библиограф, библиофил, член РОДК, Русского библиографического общества (РБО), автор более 170 работ по библиографии, книговедению и экслибрисоведению.

коллективный труд «Книга в России» (М., 1925, редактор и автор раздела «Книга гражданской печати в XVIII в.») и др.

Оценить значение деятельности В. Я. Адарюкова во многом еще предстоит. Объем его неопубликованного наследия, разнообразие затронутых тем ждут терпеливого и заинтересованного исследователя. Значительная часть его научного и эпистолярного наследия осталась в рукописях и хранится во многих архивных, музейных и библиотечных фондах. Основная часть архива сосредоточена в РГАЛИ, куда поступила из Государственного литературного музея¹⁹ (сегодня — ГМИРЛИ им. В. И. Даля). Диапазон его интересов огромен: архивные описи включают статьи об известных граверах и литографах, об отдельных периодических изданиях, о видах гравирования и об истории гравюры вообще, материалы для библиографии по видам гравирования, по истории книги и книгопечатания, о книгоиздателях и коллекционерах, о подмосковных усадьбах, книжных знаках, библиотеках и проч., и проч. В 1917—1920 гг. он подготовил фундаментальный словарь русских литографов с полным описанием их работ, составленный по образцу «Подробного словаря русских граверов XVI—XIX вв.» Д. Ровинского. К сожалению, этот труд остался неопубликованным.

Известный историк искусства, долгое время работавший с Адарюковым в Музее изящных искусств, А. Д. Чегодаев²⁰ писал: «Он был редкостным знатоком не только старой русской гравюры, но и разных “вспомогательных дисциплин” — геральдики, сфрагистики и пр., истории костюма, воинского обмундирования и множества других мелких фактов человеческого существования».²¹ Эти знания, безусловно, были необходимы ему при атрибуции портретов неизвестных лиц — занятии, которым Адарюков был страстно увлечен.²² Одной из главных тем его исследований стала иконография. Его труды в этой области получили высокую оценку. «В. Я. Адарюков, — отмечал Н. Н. Орлов, — принадлежал к школе Д. А. Ровинского и является, может быть, наи-

---

¹⁹ После смерти В. Я. Адарюкова значительная часть его архива была приобретена Центральным музеем художественной литературы, критики и публицистики (с 1934 г. — ГЛМ).

²⁰ *Чегодаев Андрей Дмитриевич* (1905—1994) — историк искусства, критик, музейный работник, педагог, коллекционер. В 1929—1932 гг. — ученый секретарь Музея изящных искусств, в 1932—1938 гг. — старший научный сотрудник в Гравюрном кабинете, возглавлявший отдел советской графики.

²¹ *Чегодаев А. Д.* Моя жизнь и люди, которых я знал: воспоминания. М.: Захаров, 2006. С. 68.

²² В 1915 г. совместно с Н. А. Оболяниновым он подготовил и опубликовал небольшой альбом «Русские литографические портреты неизвестных лиц», включавший 24 портрета. 300 экземпляров книжки были розданы лицам, интересующимся русской иконографией, в результате чего половина портретов была определена. «Мне всегда хотелось устроить выставку “портретов неизвестных лиц”, — вспоминал Адарюков, — и мне кажется, что такая выставка могла бы дать хорошие результаты в смысле определения многих портретов» (*Адарюков В. Я.* В мире книг... С. 22).

более настоящим и прямым его наследником и продолжателем».²³ Как и Ровинский, он избрал предметом коллекционирования, которое он считал необходимой базой для своей научной деятельности, портреты — гравированные, литографированные; одним из первых стал собирать вырезки из иллюстрированных каталогов, газет, журналов и др. периодики. В 1921 г. в Москве при Историческом музее начала работать комиссия по изучению русских иллюстрированных изданий, членом которой стал и Адарюков. Поэтический летописец РОДК Алексей Алексеевич Сидоров к пятилетнему юбилею общества издал шуточную поэму «Новый отрывок из Дома сумасшедших А. Ф. Воейкова. 1920—V—1925» (М., 1925), так характеризуя Адарюкова:

Друг забав старозаветных
К информации готов
В море вырезок портретных
Потонул Адарюков.²⁴

Всю жизнь он составлял различные тематические картотеки: в его архиве в РГАЛИ хранится более 100 000 карточек.

2

Связь Адарюкова с Пушкинским Домом и его сотрудниками, хранящиеся в его фондах материалы до настоящего времени не были предметом отдельного исследования. Аннотированный указатель «Личные фонды Рукописного отдела Пушкинского Дома» (СПб., 1999) содержит лишь два документа, пришедшие из разных источников:

1. В. Я. Адарюков. Письмо к А. Ф. Кони. 1919. 10 мая, ф. 134 (А. Ф. Кони), № 16.
2. В. Я. Адарюков. Список печатных работ, составленный им самим. 1903—1919. 44 названия. Автограф. <1919>, ф. 377 (С. А. Венгерова), оп. 7, № 45.

В изданный в 2018 г. указатель «Художники, скульпторы, архитекторы, искусствоведы и коллекционеры XVIII—XX веков в фондах и коллекциях Рукописного отдела Пушкинского Дома. Творческие и биографические материалы» попали лишь 2 письма Адарюкова:

1. № 6774. Письмо к Н. Н. Врангелю. 13 окт. Б. г.
2. № 28724. Письмо к А. Ф. Онегину. 1913 г. 21 дек.

Между тем, в РО ИРЛИ хранятся 11 писем Адарюкова к М. А. Цявловскому и 25 писем к Б. Л. Модзалевскому.

Письма к Цявловскому датируются 1921—1932 гг.²⁵ В основном это ответные письма: в них Адарюков выступает консультантом ученого

²³ Орлов Н. Н. Список печатных трудов В. Я. Адарюкова: библиографическое описание. М.: РОДК, 1929. С. 3.

²⁴ Берков П. Н. Очерки советского библиофильства. С. 128.

²⁵ РО ИРЛИ, ф. 387, № 62.

и библиографом. Письма содержат краткие или развернутые справки о портретах, отдельных эстампах, граверах, библиографические данные редких изданий, предложения обмена, благодарности за присланные экслибрисы и их развернутое комментирование, отзывы о книгах и проч.

Письма к Борису Львовичу Модзалевскому²⁶ носят иной характер. Они охватывают 15 лет. Первое из сохранившихся писем датировано ноябрем 1912 г. Письма 1915–1916 гг. содержат просьбы сообщить «краткие биографические сведения, <...> главным образом даты рождения и смерти» о перечисляемых лицах. «Ввиду общепризнанных Ваших энциклопедических знаний решаюсь вновь обратиться к Вам», — пишет Адарюков 30 сент. 1916 г. Информация была необходима ему для работы над «Словарем русских литографированных портретов» — самым известным, капитальным его трудом (1916. Т. 1, совместно с Н. А. Обольяниновым, под ред. С. П. Виноградова). Словарь был удостоен высшей премии Главнауки (1924), рецензенты отмечали его выдающуюся научную ценность, которую он не утратил по сей день.

«Словарь» был задуман по образцу и в продолжение «Подробного словаря русских гравированных портретов» Д. А. Ровинского и должен был включать 4 тома. В основу «Словаря» были положены литографированные портреты из личного собрания автора, насчитывавшего, как уже отмечалось, около 6000 листов (самое полное собрание такого рода в России), а также портреты из 56 частных и музейных собраний того времени.²⁷ Весь словарь должен был включать в себя более 15 тысяч изображений, располагавшихся в «азбучном порядке». В первый том вошли более 3000 портретов 1126 персон с фамилиями на буквы А–Д с приложением 160 фототипических воспроизведений. Многие листы, не несущие на себе подписи автора или имени изображенного, печатавшиеся «в ограниченном количестве экземпляров не для продажи, а для раздачи близким и знакомым»,²⁸ авторы сумели атрибутировать. «Для выполнения этого грандиозного труда, взявшего у меня в общей сложности более восьми лет упорной работы, я начал с того, что описал все портреты, находившиеся как в музеях, так и в собраниях коллекционеров Петербурга»,²⁹ — вспоминал Адарюков, перечисляя имена коллекционеров, предоставивших ему свои собрания. Среди последних значится и имя Б. Л. Модзалевского. Но помимо описания, необходимо было дать хотя бы самую короткую справку об изображенном лице, подчас «ничем решительно не замеча-

²⁶ РО ИРЛИ, ф. 184, оп. 3, № 7.

²⁷ Эту цифру Адарюков называет в письме к Б. Л. Модзалевскому от 16 окт. 1917 г. (РО ИРЛИ, ф. 184, оп. 3, № 7, л. 26 об.).

²⁸ Адарюков В. Я. Предисловие // Словарь русских литографированных портретов. Т. I. С. IV.

²⁹ Адарюков В. Я. В мире книг... С. 42.

тельном, биографии которого, конечно, нигде нельзя найти».³⁰ Именно за такими справками и обращается он к Б. Л. Модзалевскому, со студенческих лет составлявшему из разных источников картотеку «Personalia», носившую биобиблиографический характер.³¹ В предисловии к первому тому «Словаря» Адарюков приносит благодарность тем, кто оказал «содействие сообщением биографических и генеалогических сведений» об изображенных лицах: Б. Л. Модзалевскому, А. А. Сиверсу и Д. В. Ульянинскому.

В 1916 г. вышел в свет первый том. Последующие три тома «Словаря», высланные по почте в Москву для издания в Главмузей, в 1920-е гг. были бесследно потеряны. Издательство предложило Адарюкову восстановить рукопись. Однако «всех черновиков», как вспоминал он в 1926 г., у него не сохранилось, не было в живых ни Оболянинова, ни Виноградова, вместе с которыми были закончены первые два тома. Переезд в Москву, новая служба в ГМИИ и прочих учреждениях не оставляли времени для работы в других музеях и не позволяли сосредоточиться на такой кропотливой, требующей большого напряжения ума и памяти работе. Все же, по-видимому, исследователь не мог смириться с этой утратой. По мнению научного сотрудника Государственного Эрмитажа, ведущего специалиста по изучению русской литографии Г. А. Миролюбовой, им была предпринята попытка восстановить материалы утраченных томов³² и даже частично дополнить. В фонде Адарюкова в РГАЛИ хранится картотека под общим названием «Словарь русских литографированных портретов», составленный Адарюковым В. Я. (ф. 689, оп. 1, ед. хр. 108–133. Разделы на буквы Е–Я). Она включает 4282 описания на карточках. Однако фототипий, исполненных уже до выхода первого тома в 1916 г., в РГАЛИ нет. В своих воспоминаниях Адарюков писал: «К счастью, все фототипии для остальных томов сохранились, так как они хранились в одном из музеев Москвы».³³ Эта информация встречается в некоторых публикациях, однако, по-видимому, просто переносится из воспоминаний исследователя, без указаний на местонахождение фототипий.

В 1928 г., после смерти Бориса Львовича Модзалевского, в Литературный музей Пушкинского Дома поступают изобразительные материалы из его наследия. В том же 1928 г. Лев Борисович Модзалевский передает в Литературный музей 540 фототипий литографированных портретов (ПД-553/И-49101/1-540). Запись в книге поступлений, сделанная рукою заведующего музеем М. Д. Беляева,³⁴ содержит важное,

³⁰ Адарюков В. Я. В мире книг... С. 42.

³¹ Была приобретена Пушкинским Домом в 1928 г.

³² Миролюбова Г. А. Коллекционер и исследователь русской литографии 19 века В. Я. Адарюков. С. 226.

³³ Адарюков В. Я. В мире книг... С. 50.

³⁴ Беляев Михаил Дмитриевич (1884–1955) — литературовед, искусствовед, теоретик и практик музейного дела, создатель и первый хранитель музея-квартиры

выведенное крупными буквами примечание — «**УНИКИ!!!**». Подобные примечания не характерны для официальных учетных документов, каковой является главная инвентарная книга музея. Ясно, что эмоции вызваны пониманием исключительной ценности и редкости поступления. Это — материалы к «Словарю русских литографированных портретов». Портреты на А—Д вошли в первый том словаря. Остальные — на Е—Я — предназначались для второго и третьего томов.

На некоторых фототипиях под изображением — карандашные надписи рукою Б. Л. Модзалевского. С большой долей вероятности можно предположить, что фототипии сначала были получены Б. Л. Модзалевским во время работы Адарюкова над словарем, т. е. во время пребывания его в Петербурге, когда общение было наиболее тесным.³⁵ Возможно и другое: в 1926 г., во время написания воспоминаний, Адарюков просто забыл, куда передал фототипии и назвал их местонахождением «один из музеев Москвы». Конечно, это область предположений. Тем не менее — «**УНИКИ**» — 540 фототипий для «Словаря русских литографированных портретов» — оказались в Пушкинском Доме.

Поле деятельности Адарюкова и Б. Л. Модзалевского было общим: музейная работа, выставочная деятельность, интерес к иконографии, в частности, к иконографии А. С. Пушкина, страсть собирательства... Адарюков внимательно следит за «ростом» Пушкинского Дома: «...по печатным сведениям, конечно, — пишет он Б. Л. Модзалевскому 16 марта 1926 г., — я знаю, как много Вы там всего собрали!»³⁶ Он неоднократно предлагает Модзалевскому к приобретению для Пушкинского Дома уникальные предметы. Так, в 1921 г. при посредстве Адарюкова был приобретен портрет Екатерины Николаевны Ушаковой, а также экземпляр поэмы «Полтава» с дарительной надписью поэта: «Екатерине Николаевне Ушаковой от Пушкина 1 апр. 1829».³⁷ История этого приобретения прослеживается в трех письмах Адарюкова. 14 янв.

А. С. Пушкина в Петербурге. С 1921 по 1929 г. — ученый хранитель и заведующий Литературным музеем Пушкинского Дома РАН.

³⁵ Начало их знакомства можно отнести к 1911 г. В ноябрьской книжке журнала «Старые годы» за 1912 г. Адарюковым была помещена рецензия на книгу «Сорок семь литографированных портретов членов Российской академии / с ист. справкой Б. Л. Модзалевского» (СПб.: изд. Имп. Акад наук, 1911). В 1912 г. оба исследователя участвуют в подготовке грандиозной выставки «Ломоносов и елизаветинское время»: Модзалевский как секретарь выставочного комитета и организатор нескольких отделов выставки, Адарюков «принял на себя устройство отдела гравюры» и составил его каталог.

³⁶ РО ИРЛИ, ф. 184, оп. 3, № 7, л. 43.

³⁷ Портрет Ек. Н. Ушаковой сегодня хранится во Всероссийском музее А. С. Пушкина; первое издание «Полтавы» с автографом А. С. Пушкина — в РО ИРЛИ (ф. 244, оп. 1, № 753).

1921 г. он, отвечая на вопросы Модзалевского, сообщает: «...портрет Е. Н. Ушаковой — масляный, она представлена очень молодой и красивой, именно 1827—30-х гг. Портрет, как я писал, имеет размером в высоту 1 ар<шин> и заключен в простую и приличную раму, сохранность портрета превосходная. Если не ошибаюсь, портрет этот никогда не был воспроизведен. В. В. Ушаков, как я уже сообщал, говорит, что портрет этот не был ни на одной выставке. В. В. Ушаков уехал из Москвы <...>, а так как время возвращения его неизвестно, то мы, по моему предложению, решили с ним так: передать портрет на место его службы Начальнику Канцелярии Отдела по делам музеев и охраны памятников искусства и старины С. А. Дединову, которого уполномочить получить деньги и передать портрет и книгу, т. к. Ушаков приехать в СПб не может. Отдел охраны — Мертвый пер. № 9, попросите М. Л. Гофмана туда прямо обратиться, я предупрежу С. А. Дединова».³⁸ «Только что узнал, — пишет он 27 января 1921 г., — адрес Василия Васильевича Ушакова и спешу сообщить Вам его: Мглин Гомельской губ. Почтовый ящик № 14. Я сообщил ему по этому адресу о согласии Пушкинского Дома на покупку портрета Ушаковой и поэмы “Полтава” за назначенную им цену. Хотя должен сказать, что есть частные лица, которые дают бóльшую цену, и одно из них — собиратель первых изданий наших писателей, осталось на меня в претензии <...>, но само собой разумеется, что и портрету и книге место именно в Пушкинском Доме, а не у частного лица».³⁹ «В Третьяковской Галерее и в Румянцевском музее, — замечает он письме от 11 марта 1921 г., — на меня напали, что я продал портрет Ушаковой Пушкинскому Дому, а не им, притом так дешево <...>. Но кому же владеть этим портретом, как не Пушкинскому Дому?»⁴⁰

В 1925 г. при посредстве Адарюкова у Сергея Петровича Бартенева⁴¹ были приобретены материалы, «доставшиеся ему от отца» — знаменитого издателя журнала «Русский архив» Петра Ивановича Бартенева, в том числе 4 автографа А. С. Пушкина, 58 писем В. А. Жуковского, бумаги декабриста А. Ф. фон дер Бриггена, автографы стихотворений К. С. Аксакова, А. С. Хомякова, А. А. Фета, А. И. Одоевского (тетрадь 19 л.) и др. Всего 126 единиц.⁴² «Конечно, — пишет Адарюков Модзалевскому в январе 1925 г., — в первую очередь я решил предложить Пушкинскому Дому, и до получения ответа от Вас, никому предлагать не буду».⁴³

³⁸ РО ИРЛИ, ф. 184, оп. 3, № 7, л. 30.

³⁹ Там же, л. 31—31 об.

⁴⁰ Там же, л. 33 об.

⁴¹ *Бартенов Сергей Петрович* (1863—1930) — сын П. И. Бартенева, пианист, педагог, музыковед. Энтузиаст-исследователь московских древностей, автор монографии «Московский Кремль в старину и теперь», мемуарист.

⁴² Запись в книге поступлений № 244.

⁴³ РО ИРЛИ, ф. 184, оп. 3, № 7, л. 40—40 об.

В письме от 24 апреля 1926 г. он сообщает: «Здесь продаются 96 неопубликованных писем И. С. Тургенева к Фету за 400 руб., о чем Вам спешу сообщить».⁴⁴

В начале 1920-х гг. Адарюков занят работой «Портреты А. С. Пушкина». В письме к Б. Л. Модзалевскому от 20 декабря 1921 г. он сообщает, что сделанный им на эту тему доклад в РОДК⁴⁵ понравился и он получил предложение об его издании. С этого началось длительное увлечение Адарюкова пушкинской темой. Как всегда, очень обстоятельным и педантичным исследователем, им были учтены «по-видимому все» печатные материалы.⁴⁶ Однако письма к Б. Л. Модзалевскому 1921—1927 гг. наполнены вопросами самого различного содержания, очень профессиональными, требующими точных ответов, и свидетельствуют о том, что в этой сфере старший ученый хранитель Пушкинского Дома был для Адарюкова авторитетнейшим экспертом. В 1926 г. выходит в свет составленный им «Указатель гравированных и литографированных портретов А. С. Пушкина» (450 номеров). Однако замысел Адарюкова, по-видимому, был шире. Вопросы, заданные Модзалевскому, касаются не только печатной графики, но и живописи, и рисунка... Тема эта не оставляла Адарюкова до последних дней. В письмах к М. А. Цявловскому в январе-феврале 1931 г. он сообщает о предложении П. Е. Щеголева в 1930 г. дать для «Путеводителя по Пушкину» две статьи: «Портреты Пушкина» и «Иллюстрации к произведениям Пушкина». Обе статьи были Адарюковым отосланы⁴⁷, но напечатаны не были. Надеясь на помощь Цявловского, он предлагает для публикации полную обстоятельную статью с описанием **всех портретов** Пушкина, включив в нее и «Указатель гравированных и литографированных портретов А. С. Пушкина».⁴⁸ Следы этой работы — в фонде Адарюкова в РГАЛИ, где хранятся стенограмма его доклада «Пушкин и художники» и рукопись статьи «О Пушкине в искусстве».⁴⁹ В апр. 1926 г. Адарюков посылает в Ленинград для продажи первые 15 экз. своего «Указателя», сообщая в письме к Борису Львовичу, что ему, Пушкинскому Дому и А. А. Сиверсу будут отосланы именные экземпляры. Сегодня в библиотеке Пушкинского Дома хранятся именные экземпляры Б. Л. Модзалевского и П. Н. Сакулина.

Последнее письмо Адарюкова к Б. Л. Модзалевскому датируется 26 дек. 1927 г. В нем он сообщает о состоявшемся в РОДК заседании, посвященном П. И. Бартеневу, и о возможности Пушкинскому Дому

---

⁴⁴ Там же, л. 44 об.

⁴⁵ Стенограмма его доклада «Пушкин и художники» хранится в РГАЛИ в фонде редакции сборников «Литературное наследство» (РГАЛИ, ф. 603, оп. 6, № 87, 65 л.).

⁴⁶ РО ИРЛИ, ф. 184, оп. 3, № 7, л. 39 об.

⁴⁷ Письма от 30 янв. 1931 г. и 11 февр. 1931 г.

⁴⁸ РО ИРЛИ, ф. 387, № 62, л. 17—18, 20—21.

⁴⁹ РГАЛИ, ф. 689, оп. 1, № 69, 90 л.

получить от С. П. Бартенева дневник отца: «Я думаю, что С<ергей> П<етрович> был бы не прочь так или иначе передать дневник Пушкинскому Дому. С<ергей> П<етрович> мне говорил, что до сих пор никто его отцом не интересовался и только Обществу Друзей Книги первый раз о нем вспомнило».⁵⁰ Эта передача не состоялась, скорее всего, вследствие тяжелой болезни Б. Л. Модзалевского и невозможности заняться переговорами с С. П. Бартеневым. 3 апр. 1928 г. Б. Л. Модзалевский скончался.

В 1928 г. РОДК издало брошюру «Памяти Бориса Львовича Модзалевского. 1874—1928», включающую библиографию его трудов. В РГАЛИ хранится автограф статьи Адарюкова «Борис Львович Модзалевский».⁵¹ Возможно, очерк предназначался для названной брошюры.

3

Недавно нами были обнаружены новые, неизвестные пока автографы В. Я. Адарюкова. Это нарезанные из тонкой линованной бумаги карточки с написанными на них чернилами названиями портретов писателей и иллюстраций к их произведениям. Картотека сопровождается двумя документами. Первый — собственноручное письмо Адарюкова. Приводим его полностью.

Многоуважаемый Борис Иванович

Приношу Вам глубокую благодарность за любезную присылку моих книжек. Посылаю еще 1480 карточек, с высланными ранее всего составит 5580. Не откажите поручить кому-нибудь проверить, могут оказаться случайные дублиеты, которые конечно подлежат исключению. В указанную цифру не вошли ссылочные карточки, не подлежащие конечно оплате.

Что касается оплаты, то первую получку я просил бы выслать мне к 20-му августа, т. е. ко времени возвращения моего из отпуска.

При сем прилагаю лист 1-й списка просмотренных мною изданий.

Прошу простить за беспокойство и принять уверения в уважении и готовности к услугам.

P. S. Среди высланных карточек Вы можете усмотреть, что в нашем музее имеются старинные фотографии писателей (Герцен, Майков, Мей, Фет и др.), которые могли бы быть обменены нашим музеем, для которого они, откровенно говоря, не нужны, на дублиеты ваших литографированных и гравированных портретов. В. Адарюков.

---

⁵⁰ РО ИРЛИ, ф. 184, оп. 3, № 7, л. 47. В настоящее время рукопись Дневника хранится в РГАЛИ. Опубликовано И. А. Смирновой в журнале «Исторический архив» (2000, № 1. С. 147—199; № 3. С. 170—206; № 4. С. 181—199; «Тайники чужой души». Дневник П. И. Бартенева. 1854—1858 гг.).

⁵¹ РГАЛИ, ф. 689, оп. 1, № 66, 5 л. Б. д.

Письмо не имеет даты. Но с большой долей вероятности его можно датировать летом 1929 г. Адресат — Борис Иванович Коплан⁵², который был в это время ученым секретарем Пушкинского Дома. Упоминаемый «наш музей» — это Государственный Музей изящных искусств, куда в 1924 г. перевели собрание гравюр расформированного Румянцевского музея. Здесь Адарюков заведовал Гравюрным кабинетом, в то время «переживавшим свой золотой век».⁵³

К письму прилагается «Список иллюстрированных изданий и книг, просмотренных В. Я. Адарюковым для составления им картотеки по иконографии русских писателей и иллюстраций к их произведениям».⁵⁴ Он включает 247 названий (автограф). По-видимому, не получив ответа, в январе 1930 г. Адарюков пишет Павлу Никитичу Сакулину, только что избранному директором Пушкинского Дома, сетуя на молчание хранителей и на задержку оплаты проделанного труда. Приводим текст письма (РО ИРЛИ, ф. 272, оп. 2, № 18):

Глубокоуважаемый Павел Никитич.

Прошу принять мои сердечные поздравления с назначением Вас директором Пушкинского Дома и извинения с тем, что я отнимаю у Вас дорогое время личным моим делом, но к этому вынуждают меня исключительные обстоятельства, в которых я нахожусь.

Дело заключается в том, что еще в мае 1929 г. Пушкинский Дом предложил мне составление карточного каталога «Изображений русских писателей в их окружении, а также иллюстраций к их произведениям и т. д». с уплатой из научно-операционных кредитов Пушкинского Дома по пять копеек за карточку (Отношение 7 мая 1929 г. за № 511).

Во исполнение означенного поручения мною в мае и августе было представлено 5400 карточек (только портреты и виды местностей и т. п.) и за все это время было выслано только 50 рублей.

В данное время у меня окончено описание иллюстраций к произведениям русских писателей (масло, рисунок, гравюры, литографии и фотомеханика), но я не решаюсь их высылать, т. к. Пушкинский Дом на все мои обращения к его хранителям, ничего не отвечает. Настоящее мое обращение к Вам, глубокоуважаемый Павел Никитич, я делаю в полной надежде, что Вы войдете в мое положение, тем более тягостное, что и ЦЕКУБУ задержи-

---

⁵² *Коплан Борис Иванович* (1898—1942; по др. сведениям 9 дек. 1941) — историк литературы, поэт. С 15 авг. 1919 г. по 22 нояб. 1929 г. являлся сотрудником Пушкинского Дома, совмещая обязанности ученого хранителя Рукописного отдела и ученого секретаря. Главная область научных интересов — русская литература XVIII в. В 1930-е гг. наряду с Г. А. Гуковским и П. Н. Берковым являлся крупнейшим специалистом по русской литературе XVIII в., причем именно в области источниковедения и библиографии.

⁵³ *Павлов И. Н. Моя жизнь и встречи. С. 277.*

⁵⁴ Огромную картотеку, отражающую книги и статьи по русскому искусству (76 580 записей), которую Адарюков вел с 1924 по 1931 г., приобрела Третьяковская галерея.

вает вот уже 4-й месяц выдачу академического обеспечения (в виду пересмотра), и я сижу без денег и даже без дров.

Убедительно прошу сделать распоряжение о высылке хотя бы части причитающейся мне суммы.

Музей изящных искусств. Волхонка, 12. Москва. 3.01.1930.

Автор статьи об Адарюкове О. С. Острой, перечисляя незаконченные работы исследователя, сообщает: «В 1930 г. Адарюков передал в ИРЛИ свыше 1300 карточек по иконографии русских писателей (ОР ГМИИ, ф. 22, оп. 1, д. 205, л. 1)». ⁵⁵ Еще одно упоминание этого замысла находим в статье В. Лукомского, открывающей издание «Памяти Владимира Яковлевича Адарюкова»: перечисляя «ценнейшие труды, не опубликованные по тем или иным случайным причинам», автор называет и «картотеку “портретов русских писателей в их окружении”, 5400 карточек (1929)». ⁵⁶

Интерес Адарюкова к изучению иконографии русских писателей и иллюстрированию их сочинений оформился давно. Кроме «Указателя гравированных и литографированных портретов А. С. Пушкина» в разное время им были подготовлены «Описание портретов М. М. Сперанского», иконография И. С. Тургенева и перечень иллюстраций к его произведениям ⁵⁷ (судьба двух этих работ осталась автору неизвестна), «Портреты Новикова» (1919, не издана, рукопись в РГАЛИ), работы об иллюстрациях к М. Ю. Лермонтову и Л. Н. Толстому ⁵⁸ (ОР ГМИИ, ф. 22, оп. 1, д. 7, 6). В 1935 г. была издана работа «Иллюстрированный Некрасов». ⁵⁹ Считая регистрацию иконографического материала важным государственным делом, Адарюков предлагал организовать специальный иконографический институт. ⁶⁰

Идея создания иконографии русских писателей витала в воздухе и была подхвачена Государственным литературным музеем (в то время Центральным музеем художественной литературы, критики и публицистики), куда после смерти Адарюкова поступила значительная часть его архива. Но этот замысел носил уже только просветительский, а не научный характер. В конце 1930-х — начале 1940-х гг. издательством

---

⁵⁵ Острой О. С. В. Я. Адарюков // Адарюков В. Я. В мире книг и гравюр: Приложение к факсимильному изданию. М.: Книга, 1984. С. 84.

⁵⁶ Лукомский В. Владимир Яковлевич Адарюков (1863—1932) // Памяти Владимира Яковлевича Адарюкова (1863—1932). Л.: изд. Секции библиофилов и экслибристов Сев.-зап. отд. ВОФ, 1932. С. 7.

⁵⁷ Адарюков В. Я. В мире книг... С. 42.

⁵⁸ Выдержки из последней вошли в путеводитель по юбилейной выставке Толстого. См.: Адарюков В. Я. Л. Н. Толстой в гравюре и литографии // Краткий путеводитель по юбилейной выставке в ознаменование 100-летия со дня рождения Л. Н. Толстого. М., 1928. С. 24—30.

⁵⁹ Опубликовано в сб. «Звенья». М.; Л. 1935. Вып. V. С. 342—366.

⁶⁰ Жизнь искусства. 1919. 27—28 сент. Цит. по: Острой О. С. В. Я. Адарюков. С. 84.

«Учпедгиз» был выпущен ряд альбомов, предназначенных для учителей средней школы: А. С. Пушкин (1837), Н. А. Некрасов (1938), М. Е. Салтыков-Щедрин (1939), М. Ю. Лермонтов (1941) «в портретах и иллюстрациях». Составителем выступил Э. Ф. Голлербах, при участии ученых-сотрудников Пушкинского Дома В. Е. Евгеньева-Максимова и В. А. Мануйлова. Серия получила продолжение в 1950-е — 1960-е гг. уже с подзаголовком «в портретах, иллюстрациях и документах». Но даже с учетом сказанного, проект «Изображений русских писателей в их окружении, а также иллюстраций к их произведениям и т. д.» носил весьма амбициозный характер. Масштабы задуманного были беспрецедентны и продиктованы особым направлением деятельности Пушкинского Дома. Мы не знаем, кем было подписано указанное отношение, найти его в архивах пока не удалось. Вполне вероятно, что проект создания такого каталога был инициирован М. Д. Беляевым при поддержке Б. И. Коплана. Беляев был знаком с Адарюковым, их связывал интерес к иконографии писателей, в частности, к иконографии Пушкина.

В Санкт-Петербургском филиале архива РАН сохранилась переписка Пушкинского Дома по финансовым вопросам, в том числе ежегодные заявки на оплату работ по организации музейной деятельности.⁶¹ В деле (л. 138) находится «Смета расходов Пушкинского Дома на научное оборудование в июле 1929 г. и задолженность на 1 августа с. г.». Подписана ученым секретарем Б. Копланом. Среди намеченного к приобретению: научные материалы от В. Я. Адарюкова. На л. 145 читаем: «Задолженность Пушкинского Дома на 1 июня 1929 г.: “Адарюкову за библиографические карточки — 35 руб.”». Такая же задолженность указана и на 1 мая, и на 1 июля 1929 г., но без указания суммы.

Однако влиять на ситуацию Б. И. Коплан, как и М. Д. Беляев, уже не мог. В конце лета 1929 г. началась кампания по «пересмотру личного состава» подразделений Академии наук, набирало обороты так называемое «академическое дело». По решению правительственной комиссии по проверке аппарата АН СССР 22 нояб. 1929 г. Коплан был уволен, а 1 дек. 1929 г. арестован и в 1931 г. выслан в Ульяновск. 14 ноября по обвинению в «незаконном хранении архивных документов» был уволен и арестован и М. Д. Беляев. Судя по письму к Сакулину, задолженность Адарюкову в янв. 1930 г. не была погашена. Работа была прекращена. В июле 1932 г. умер Адарюков, а в сент. 1932 г. — Сакулин.

Сохранившаяся в Литературном музее Пушкинского Дома картотека, судя по всему, — лишь часть высланных Адарюковым карточек. Она включает портреты и иллюстрации к фамилиям на буквы А—К. На карточке, как правило, указаны: фамилия, имя или инициалы писателя; фамилия художника (гравера, фотографа), для гравюры часто ука-

⁶¹ ПФА РАН, ф. 150, оп. 1, т. 1, д. 146. Открыто 1 янв. 1929 г. Смета расходов Пушкинского Дома и переписка по финансовым вопросам. 197 л.

зан оригинал; материал и (или) техника, в которой исполнен портрет; место воспроизведения портрета; местонахождение, иногда происхождение портрета. Особенный интерес представляют указания на частные собрания, что сегодня особенно важно для определения провенанса музейного предмета.

Для сбора материалов Адарюков пользовался доступом ко многим музейным и частным собраниям, собственными, накопленными за годы разносторонней деятельности знаниями (в том числе собственными картотеками), а также обширнейшим корпусом печатных источников. Прилагающийся к картотеке незавершенный «Список иллюстрированных изданий и книг, просмотренных В. Я. Адарюковым для составления им картотеки по иконографии русских писателей и иллюстраций к их произведениям» (247 названий) включает самые разнообразные издания. Это словари и энциклопедии, каталоги выставок, музеев и собраний, путеводители и указатели, фундаментальные исследования по русской литературе, монографии о художниках, отдельные издания сочинений, издания мемуаров и биографий писателей, альбомы, журналы, газеты и проч., и проч. За длинную творческую жизнь Адарюковым был издан и подготовлен к изданию целый ряд библиографических указателей по разным темам, «свидетельствующих, насколько серьезным и общественно-чутким библиографом был их автор».⁶² «Список» Пушкинского Дома сам по себе представляет интерес для библиографов, а также для искусствоведов, исследователей истории русского портрета, включая очень редкие и полузабытые издания.

Очевидно, полученные материалы были переданы Б. И. Копланом в Литературный музей. С картотекой, по-видимому, работали: хранители уточняли лаконичную информацию Адарюкова, вводили дополнительные карточки, заполненные по принятой в музее схеме описания. Даты изданий с публикацией портрета на некоторых карточках — до 1940 г. — указывают на то, что картотеку пытались продолжать. На некоторых карточках Адарюкова помета карандашом: «В Музее нет». К сожалению, этому замыслу исследователя, как и многим другим, не суждено было осуществиться в полной мере.

В «Добавлениях и исправлениях» к словарю Д. А. Ровинского Адарюков писал: «Нет предела в максимальной полноте почти любого исследования. Неизбежность дополнений и поправок преследует почти каждого из нас».⁶³ Вся его деятельность — непрекращающийся путь к совершенствованию написанного и поиск новых, не исследованных еще тем в истории русской иконографии и русской гравюры и литографии.

---

⁶² *Вольценбург О. Э.* В. Я. Адарюков как библиограф // Памяти Владимира Яковлевича Адарюкова. С. 8.

⁶³ *Адарюков В. Я.* Добавления и исправления к «Подробному словарю русских гравированных портретов Д. А. Ровинского» // Старые годы. 1910. Янв. С. 8.

Библиографический список

1. *Адарюков В. Я.* Добавления и исправления к «Подробному словарю русских гравированных портретов Д. А. Ровинского. Спб. 1889 г.». [СПб.]: изд. журн. «Старые годы», 1911. 89 с.
2. *Адарюков В. Я., Оболянинов Н. А.* Словарь русских литографированных портретов / составлено при участии и под ред. С. П. Виноградова. М., 1916. Т. 1: А—Д. X, 324 с.
3. *Адарюков В. Я.* Указатель гравированных и литографированных портретов А. С. Пушкина. М.: Мосполиграф, 1926. 35 с.
4. *Адарюков В.* *В мире книг и гравюр*: воспоминания. М.: б. и., 1926. Факсимильное издание. М.: Книга, 1984. 60 с.
5. *Берков П. Н.* История советского библиофильства (1917—1967). М.: Книга, 1971. 256 с.
6. *Миролюбова Г. А.* Коллекционер и исследователь русской литографии XIX века В. Я. Адарюков // Труды Государственного Эрмитажа. [Т.] LXXXV: Люди и книги: к 255-летию Научной библиотеки Государственного Эрмитажа. СПб., 2017. С. 208—226.
7. *Орлов Н. Н.* Список печатных трудов В. Я. Адарюкова: библиографическое описание. М.: РОДК, 1929. 31 с.
8. *Острой О. С.* Владимир Яковлевич Адарюков // *Адарюков В. Я.* В мире книг и гравюр: Приложение к факсимильному изданию. М.: Книга, 1984. С. 80—89.
9. *Павлов И. Н.* Моя жизнь и встречи. М.: Искусство, 1949. 347 с.
10. Памяти Владимира Яковлевича Адарюкова (1863—1932). Л.: изд. Секции библиофилов и экслибристов Сев.-зап. отд. ВОФ, 1932. 14 с.
11. *Сидоров А.* Московские книголюбы // Альманах библиофила. М.: Книга, 1977. Вып. 4. С. 71—72.
12. *Холодовская М. З.* О гравюрном кабинете // Книга в пространстве культуры. М.: РГБ, 2010. Вып. 1 (6). С. 6—24. (Прил. к журн. «Библиотековедение»).
13. *Чегодаев А. Д.* Моя жизнь и люди, которых я знал. М.: Захаров, 2006. 366 с.

М. В. Родюкова

**К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВАХ
ДРЕВНЕРУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ
(по материалам архива Н. А. Константинова)**

Аннотация: Статья отражает научную деятельность историка и слависта Н. А. Константинова (1896–1973). Оказавшись в непростой жизненной ситуации и будучи почти ослепшим, он продолжал изучение основ и структуры древнеславянской и древнерусской письменности, монограмм, загадочных знаков, надписей на разных предметах и др. При этом базой для его работ послужили сравнительные таблицы, составленные ученым с опорой на собранные им же артефакты. Выдвинутая им концепция о существовании среди славянских народов дохристианской письменности вовлекла Константинова в научную полемику с учеными кирилло-мефодиевской традиции.

Настоящая статья написана на основе материалов, впервые вводимых в научный оборот и хранящихся в Рукописном отделе ИРЛИ в ф. 733 (архив Н. А. Константинова). Источниковая база фонда — коллекция сравнительных таблиц Константинова — может быть использована учеными в дальнейших исследованиях.

Ключевые слова: архив, гипотеза, древнерусское письмо, коллекция, концепция, монограммы, полемика, публикации, сравнительные таблицы.

Abstract: The article presents an overview of the research conducted by N. A. Konstantinov (1896–1973) an historian and a Slavist. Having found himself in a state of hardship and nearly blind, he continued his studies of the foundation and patterns of the Old Slavonic and Old Russian writing, monograms, mysterious signs, inscriptions on various objects, etc. Comparative tables he compiled using the collected artifacts served as a basic for his works. His hypothesis of a pre-Christian Slavic writing system engaged Konstantinov into a polemic with the scholars of the Cyril-Methodius school of thought.

The article is based on the materials prepared for the from the Manuscript Division of the Russian Academy of Sciences' Institute of Russian Literature (archive 733, N. A. Konstantinov). The primary sources (i. e., the collection of comparative tables) can be used for further research.

Keywords: archive, hypothesis, Old Russian writing system, collection, framework, monograms, polemic, publications, comparative tables.

Константинов (Кельбер)¹ Николай Августович (1896–1973) родился в семье титулярного советника Августа Константиновича Кель-

¹ Константинов Николай Августович первоначально носил фамилию отца — Кельбер. В 1920-х гг. его фамилия стала писаться с присоединением материнской —

бера (1859—?) и Александры Васильевны (урожд. Константиновой). Его брат Сергей Августович Кельбер служил фельдьегерем в Фельдьегерском корпусе. О других родственниках сведений обнаружить не удалось. Семья проживала в Петербурге на Кавалергардской улице, д. 20. В 1905—1914 гг. Н. А. Константинов обучался в Седьмой Санкт-Петербургской гимназии и окончил восьмиклассный курс. В 1914 г. он поступил в Императорский Петроградский университет на историко-филологический факультет. Однако в связи с зачислением в марте 1915 г. юнкером в Павловское военное училище был уволен из университета. Окончил 3-й курс училища по сокращенной программе ввиду военного времени. Был произведен сначала в прапорщики, затем в штабс-капитаны, потом служил младшим офицером роты и командиром роты. Согласно анкете, участия в Октябрьском перевороте не принимал, так как был ранен и лежал в Петроградском госпитале. В июле 1918 г. добровольно вступил в ряды Красной армии. С 1919 по 1922 г. служил на различных командных должностях (в основном комбатов) в стрелковых полках и дивизии.²

В декабре 1922 г. Константинов поступил в Ярославский государственный университет на правовое отделение факультета общественных наук, а с 1923 по 1924 г. обучался на педагогическом факультете того же университета на словесно-историческом отделении (ф. 733. Личные документы). С 1922 по 1925 г. исполнял обязанности школьно-театрального инструктора в учебных заведениях Ярославля. В сентябре 1925 г. был назначен на должность заведующего Ярославским губернским Домом работников просвещения (ф. 733. Личные документы). В 1930—1940-х гг. руководил театральными коллективами художественной самодеятельности домов культуры Всеволожского района Ленинградской области, Красногвардейского района Ленинграда (ф. 733. Личные документы). Был участником обороны Ленинграда, награжден медалью «За оборону Ленинграда» в 1944 г. В этом же году его зачислили преподавателем специального цикла в Ленинградское художественное училище. В 1953 г. был освобожден от работы в связи с ликвидацией должности, но позднее его восстановили на прежнее место. Параллельно с преподаванием в училище Константинов прослушал двухгодичный курс лекций вечернего Университета литературы и искусства (1947—1949), организованного Городским лекционным бюро Ленинградского горисполкома совместно с Домом искусств им. К. С. Станиславского. В 1948 г. он окончил двухгодичный курс вечернего Университета марксизма-ленинизма при Ленинградском горкоме ВКП(б) по отделению работников искусств (ф. 733. Трудовая книжка). В связи с ухудшением состояния здоровья (по зрению) с 1952 г. состо-

---

Кельбер-Константинов. В дальнейшем, из политических соображений, оставил только — Константинов.

² РО ИРЛИ, ф. 733. Личные документы. Фонд находится в научно-технической обработке; далее ссылки на документы из фонда даются в скобках в тексте статьи.

ял членом Всесоюзного общества слепых (ВОС). В 1957–1965 гг. работал на Учебно-производственном комбинате Ленинградского отделения ВОС. В 1965 г. прошел освидетельствование ВТЭК и был признан инвалидом первой группы (ф. 733. Трудовая книжка). Скончался Константинов в 1973 г. в Ленинграде, похоронен на Северном кладбище.³

После смерти Н. А. Константинова знакомые А. А. Бойко и С. А. Баталов передали его архив в Рукописный отдел ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (пост. 1973 г., № 73).⁴ В процессе архивной разборки был обнаружен комплекс материалов, отражающий многолетний интерес Н. А. Константинова к истории Северного Причерноморья и, в частности, к истории древнерусской письменности и ее основ. Сюда вошли: статьи и монография «Загадочная графика»; коллекция таблиц с монограммами, «загадочными знаками», надписями на разных предметах и т. д.; отзывы ученых на его работы; письма Н. А. Константинова к разным ученым; переписка с писателем Л. В. Успенским;⁵ письма академиков Б. А. Ларина,⁶ Д. С. Лихачева, ученых-лингвистов, этнографов, историков, археологов, музееведов Ю. В. Кнорозова,⁷ С. Я. Лурье,⁸ А. П. Манцевич,⁹ Ю. В. Откупщикова,¹⁰ В. П. Пожидаева,¹¹ Б. А. Шляева¹² и др.; переписка Н. А. Константинова с редакциями и издательствами газет и журналов. Среди них: «Вопросы языкознания», «Вопросы истории», «Вестник истории мировой культуры», «Вестник древней истории», «Наука и жизнь», «Учительская газета», «Литературная газета», «Молодая гвардия», «Просвещение» и др. Он вел также переписку с Институтом языкознания АН СССР; Сектором древнерусской литературы ИРЛИ (Пушкинский Дом) АН СССР; Ленинградским

---

³ РО ИРЛИ. Дело фонда 733.

⁴ Там же.

⁵ *Успенский Лев Васильевич* (1900–1978) — писатель, лингвист, филолог, публицист, журналист.

⁶ *Ларин Борис Александрович* (1893–1964) — лингвист, член-корреспондент АН УССР, академик АН Литовской ССР, заслуженный деятель науки РСФСР, специалист по истории русского языка, социолингвистике, санскриту и др.

⁷ *Кнорозов Юрий Валентинович* (1922–1999) — историк, этнограф, лингвист, эпиграфист, переводчик, основатель советской школы майянистики, дешифровщик письменности майя.

⁸ *Лурье Соломон Яковлевич* (1891–1964) — филолог-эллинист, историк античности и науки, д. и. н., д. ф. н., профессор.

⁹ *Манцевич Анастасия Петровна* (1899–1982) — ученый-археолог, к. и. н., крупный специалист в области Северного Причерноморья, скифской, фракийской и античной культуры.

¹⁰ *Откупщиков Юрий Владимирович* (1924–2010) — филолог, лингвист, д. ф. н., профессор.

¹¹ *Пожидаев Василий Павлович* (1875–1965) — этнограф, ведущий специалист по истории и этнографии народов Северного Кавказа.

¹² *Шляев Борис Александрович* (1900–1962) — краевед, сотрудник Темрюкского историко-археологического музея, собиратель материалов по истории Таманского полуострова.

отделением Всесоюзного управления по охране авторских прав и др. (ф. 733).

По-видимому, еще в 1930-х гг. Константинов начал изучать «следы древнейшего русского письма в Восточной Европе». Его интересовала дешифровка черноморских и древнерусских «загадочных знаков», расшифровка таких же знаков в Приднестровье и Поволжье.

На основании длительного исследования структуры письма, монограмм, вышеупомянутых «загадочных знаков», надписей на разных предметах он пришел к выводу, что «на древнерусское письмо еще до Кирилла и Мефодия большое влияние оказала греко-кипрская грамматика» (ф. 733. Из письма Н. А. Константинова к Л. В. Успенскому. <1968>).

Цель настоящей статьи — привлечь внимание к материалам, в которых нашла отражение полемика между Н. А. Константиновым и его оппонентами об основах происхождения древнерусского письма.

Его первые работы по данной тематике были написаны в 1950-х гг. К их числу относились статьи: «К вопросу о происхождении славянского письма» (1953); «Несколько замечаний о работах Е. М. Эпштейн и Э. И. Соломоник» (1953); «Следы древнейшего русского письма в Восточной Европе» (1956); «Начало дешифровки черноморских и древнерусских загадочных знаков» (1950-е); «Древнейшее русское письмо» (1957). «Тайнопись стольника Бярятинского» (1950-е).¹³

В 1960-х гг. он продолжил свои исследования. Появились статьи: «Неудачная критика одной “Невской” статьи» (1964); «О некоторых рецензиях и рецензентах» (1966) и др. В своих статьях он хотел донести основную концепцию о существовании у восточных славян письма на бытовом уровне еще задолго до принятия христианства; при этом попытки опубликовать их с этой концепцией часто терпели неудачу. Некоторые ученые разделяли убеждение, высказанное академиком С. П. Обнорским,¹⁴ который считал, что письмо пришло на Русь из Болгарии вместе с распространением христианства.

Одним из основных источников сведений о развернувшейся научной полемике является письмо Константинова к писателю Л. В. Успенскому. Письмо Успенского, судя по содержанию, было ответом на первое, не сохранившееся письмо Константинова. Письмо написано, предположительно, в 1968 г. (оно не датировано, дата установлена по письму Л. В. Успенского). Здесь он подробно рассказывает всю историю этого вопроса, начиная с 1950-х гг., когда одним из первых отзывов на его работы появился отклик академика Б. А. Рыбакова¹⁵ в газете

¹³ Тайнопись стольника Бярятинского // Наука и жизнь. 1972. № 10. С. 118—119. Остальные вышеназванные статьи не опубликованы.

¹⁴ *Обнорский Сергей Петрович* (1888—1962) — филолог, лингвист, профессор кафедры русского языка и литературы Томского государственного университета, академик АН СССР.

¹⁵ *Рыбаков Борис Александрович* (1908—2001) — археолог, исследователь славянской культуры и истории Древней Руси, академик АН СССР, РАН (с 1991 г.).

«Крымская правда» от 21 мая 1952 г. В статье, по словам Н. А. Константинова, рецензент «издевательски» писал: «В работах Н. А. Константинова неверно и излишне поспешно рассматривается вопрос о происхождении славянского письма. Автор подобрал несколько внешних совпадений между знаками славянского глаголического алфавита и так называемыми “загадочными знаками” Причерноморья первых веков н. э. и объявил, что им открыты истоки самобытного славянского алфавита. При существующем сейчас состоянии источников выводы Н. А. Константинова висят в воздухе. Автору необходимо серьезно и систематически заняться собиранием знаков, их датировкой и раскрытием их смысла, а не увлекаться случайными совпадениями» (ф. 733. Письмо Н. А. Константинова к Л. В. Успенскому).

Каковы же были последствия для научной репутации Константинова после опубликования статьи Б. А. Рыбакова? Об этом ученый пишет Успенскому: «Тезисы статьи были разосланы в институты и библиотеки. С этих пор отношение к новой концепции резко изменилось: ее стали считать чем-то вроде «перпетуум-мобиле», заметки о ней отказывались печатать. В отзывах появились резко отрицательные выпады. Автора обвинили в реминисценции пресловутой теории родственных связей славян со скифами, вульгаризируя его сообщение о сходстве черноморских и глаголических знаков, а объяснение этого сходства как происхождения от одного первоисточника — кипрского письма объявили признанием несостоятельности первой информации и заменой ее новой концепцией» (ф. 733).

Жесткая полемика между сторонниками и оппонентами Константинова на многие годы усложнила его научную деятельность. Однако была и поддержка со стороны академической науки, о чем он сообщал все в том же письме:

«Глубокоуважаемый Лев Васильевич!

Я был изумлен и восхищен, получив Ваш отзыв: в нем наряду с трезвой критикой недостатков (например, в правильном указании на излишнее злоупотребление научной терминологией) чувствуется и желание помочь, и доброжелательная оценка рациональных и полезных для общества наблюдений! А мне, как никогда прежде, нужна помощь именно теперь, когда я почти потерял зрение и, если бы не сочувствие добрых людей, не мог бы даже узнать, что мне пишут и что обо мне думают. С одной стороны я располагаю огромным материалом на несколько тысяч собранных за 30 лет и логично дешифрованных монограмм, знаков и кратких пометок с именами, прозвищами, названиями, иногда довольно длинными (например, Никтополион,¹⁶ Филадельфия,¹⁷ Филиппополь¹⁸ и т. п.). При этом в При-

¹⁶ Вероятно, речь идет о христианском мученике, воине Никтополионе Севастийском (ум. около 320 г. н. э.), пострадавшем в Севастии (город в Турции, центр провинции Сивас) в гонение императора Лициния.

¹⁷ Перевод с греческого — «любящая Дельфы».

¹⁸ Филиппополь — ныне город Пловдив (Болгария).

черноморье чаще всего открываются имена и названия греческие и скифо-сарматские, в Болгарии — греческие и славянские, а в русских землях — греческие и русские. Система же письма, структура, грамматика и транскрипция монограмм — везде одна и та же — греко-кипрская. К тому же, положительные отзывы академиков: И. И. Мещанинова,¹⁹ Б. А. Ларина, В. В. Струве,²⁰ И. И. Толстого²¹ одобряюще действуют на сознание, и начинается публикация наблюдений <...>» (ф. 733).

Коллекция, о которой упоминается в цитируемом письме, представляет собой сравнительные таблицы с графами на глаголице, кириллице, греко-кипрском алфавите, включающие монограммы, «загадочные знаки», имена, названия предметов, городов и т. д., которых насчитывалось несколько тысяч. Некоторые таблицы представлены в виде фотоснимков и к ним составлены комментарии. Коллекция послужила источниковой базой его статей и дала материал для разработки основной концепции.

Таблицы были составлены Константиновым и некоторыми другими лицами, которые оказывали ему помощь. Так, например, большое участие в этом деле принимал краевед, сотрудник Темрюкского историко-археологического музея Б. А. Шляев. Они познакомились в Керчи в 1951 г. и продолжали общение в дальнейшем (ф. 773. Письмо Б. А. Шляева к Н. А. Константинову от 27 дек. 1957 г.).

Успенский в письме от 4 сент. 1968 г. очень доброжелательно отнесся к концепции Н. А. Константинова и счел позицию ученого, выраженную в работе «Тайнопись стольника Барятинского», вполне доказательной. «Ваша работа, — писал Успенский, — которую я в конспективном виде прочел, весьма заинтересовала меня. Должен сразу заявить, что тема ее лежит за пределами моей довольно узкой компетенции: я не слишком силен в палеографии, слабо подкован в истории письменности вообще, не чувствую себя в силах с должной осведомленностью судить о «критских письменах». Таким образом, из меня может получиться довольно слабый судья по существу Вашего труда. Тем не менее, мне, лично, он очень импонирует. Ваши аргументы кажутся мне доказательными, факты, собранные Вами, заставляют меня видеть за ними весьма интересное открытие, составляющее Вам честь. Случилось так, что отзыв И. И. Толстого, приложенный Вами в рукописи, попал мне на глаза уже после того, как я прочел ее и вынес свое мнение. Я был искренне обрадован тем, что Толстой не разошелся со мной (вернее, что я не разошелся с Толстым) в положительной оценке

¹⁹ Мещанинов Иван Иванович (1883—1967) — лингвист, археолог, академик АН СССР, член Императорского Православного Палестинского общества.

²⁰ Струве Василий Васильевич (1889—1965) — историк-востоковед, египтолог, академик АН СССР, член Императорского Православного Палестинского общества.

²¹ Толстой Иван Иванович (1880—1954) — филолог, педагог, специалист по древнегреческой литературе и языку, академик АН СССР.

сделанного Вами». Успенский рекомендовал обратиться к ученым «несравненно более крупного масштаба и порядка», нежели он сам, и в частности, к таким специалистам, как академик Д. С. Лихачев, профессор ЛГУ Н. А. Мещерский.²² Далее он пишет: «Моей поддержки для Вашей работы будет маловато, и надо обеспечить Ваше выступление, так сказать, артиллерией из резерва Главного командования. Отзыв И. И. Толстого показывает, что такое обеспечение получить можно. Давайте, озаботимся его созданием» (ф. 733).

Академик И. И. Толстой еще в 1951 г. в письме в редакцию неуказанной газеты (предположительно речь идет о газете «Смена») поддержал «большое научное открытие» Константинова:

«Горячо рекомендую для напечатания в Вашей уважаемой газете статью Николая Августовича Константинова, в которой автор сообщает читателю о своем большом научном открытии, связанном с очень важным вопросом о происхождении, так называемой, “глаголицы”, древнего славянского алфавита. Вопрос этот имеет широко-общественное значение и, как таковой, заслуживает гласности путем прессы. Тов. Константинов, открытие которого мне хорошо известно, на редкость добросовестный научный работник, изыскания которого заслуживают всяческого поощрения, важно также закрепить за ним приоритет его блестящего открытия» (ф. 733. Письмо И. И. Толстого в редакцию газеты «Смена» (?) от 9 апр. 1951 г.). В конце письма имеется подпись заведующего канцелярией Ленинградского административно-хозяйственного управления (ЛАХУ) АН СССР, удостоверяющая подпись академика И. И. Толстого с еще одной датой — от 17 июля 1958 г. Константинову понадобилось это письмо как рекомендация для более поздних публикаций его работ (ф. 733. Письмо Н. А. Константинова в издательство «Просвещение»; б. д.). Вероятно, в письме И. И. Толстого речь идет о статье «Новые данные о происхождении русской письменности», опубликованной в газете «Смена» 25 апр. 1951 г. Был положительным и отзыв в письме И. И. Толстого от 14 дек. 1951 г. в редакцию журнала «Знание — сила»:

«Горячо рекомендую для напечатания, в Вашем уважаемом журнале, статью Н. А. Константинова “Происхождение русского письма”. Автору, работавшему в плане узкой специальности над археологическим материалом скифо-сарматской культуры, удалось сделать чрезвычайно важное для истории русской письменности открытие: он открыл черты несомненного сходства между алфавитом глаголицы и теми загадочными знаками, которые читаются на скифских и сарматских эпиграфических памятниках Северного Причерноморья. Сходство, подмеченное т. Константиновым, так разительно, что отрицать его нет никакой возможности. Отсюда, наука

---

²² *Мещерский Никита Александрович* (1906–1987) — филолог, профессор ЛГУ, специалист по истории русского литературного языка, древнеславянской письменности, древнерусской литературе.

вправе сделать ряд важных выводов и предположений, относительно этнической родины глаголического письма. Обратить внимание, на ценное, сделанное Н. А. Константиновым, наблюдение не только специалистов, но и широкой советской общественности, такова цель предлагаемой Редакции Вашего журнала статьи о происхождении русского письма» (ф. 733).

Вернемся к уже цитированному письму Константинова к Успенскому в связи с тем, что в нем упомянута ситуация, возникшая у исследователя с Д. С. Лихачевым: «Д. С. Лихачев положительно отозвался о новой концепции лет 10 тому назад, но после поездки в Москву, видимо, изменил свое мнение, а сотрудник Института русской литературы т. Тимофеева²³ объяснила, что у них нет данных ни за, ни против Кипра, почему они и воздерживаются от публикации» (ф. 733).

Становится понятно, о чем идет речь, из письма Д. С. Лихачева от 15 нояб. 1954 г. к Константинову, в котором академик приглашал его на доклад Г. Ф. Турчанинова²⁴ в Институт истории материальной культуры АН СССР, посвященный надписям, недавно обнаруженным и подтверждающим гипотезу Константинова. Он просил прислать записку о материалах, собранных Константиновым, чтобы, присоединив к ней мнение Сектора древнерусской литературы ИРЛИ и мнение В. В. Струве о необходимости издать эти материалы, везти их в Москву к академику В. В. Виноградову²⁵ и постараться добиться решения о публикации. Однако в конце письма он сделал приписку: «Правда, за успех не ручаюсь» (ф. 733).

Подтверждая свою поддержку концепции Н. А. Константинова, И. И. Толстой в январе 1954 г. пишет отзыв на его статью «Черноморские загадочные знаки и глаголица»:

«Н. А. Константинову удалось неопровержимо, как мне кажется, установить очень близкое сходство ряда черноморских загадочных знаков с иными из букв глаголицы. Упомянутые черноморские знаки встречаются как на утвари, так и на костюмах местного (не греческого) населения эпохи античности, равно как и на боспорских (пантикапейских и танаисских) каменных плитах, на которых вырезаны греческие надписи I, II и III веков н. э., неоднократно бывали предметом внимания множества русских и зарубежных ученых нашего и минувшего столетий, но никому из них не бросались в глаза наблюдения, сделанные Н. А. Константиновым. Я был едва ли не первым из числа советских филологов, кому тов. Константинов сообщил о своем открытии. Проверив более тщательно предложенные Кон-

---

²³ Тимофеева Вера Васильевна (1915–2003) — старший научный сотрудник Сектора советской литературы ИРЛИ, член Ученого совета, член редколлегии журнала «Русская литература», д. ф. н.

²⁴ Турчанинов Георгий Федорович (1902–1989) — лингвист, историк, д. ф. н., специалист по древней письменности народов Кавказа.

²⁵ Виноградов Виктор Владимирович (1895–1969) — лингвист-русист, литературовед, д. ф. н., академик АН СССР, основоположник крупнейшей научной школы в языкознании.

стантиновым сопоставления, я убедился, что он прав и что сходство некоторых знаков с буквами глаголицы, во множестве случаев, действительно, не подлежат сомнению. Тогда я всемерно поддержал его исследовательские начинания, постарался поставить его доклад и в Институте материальной культуры, и дополнительно направил его доклад к отдельным специалистам в целях консультации и проверки его выводов. Основное, сделанное им наблюдение, — разительное сходство ряда черноморских знаков с иными из буквенных форм глаголической азбуки — оригинально, принадлежит всецело ему, Н. А. Константинову, научно чрезвычайно ценно, и, конечно подлежит обнаружению как открывающее, несомненно, новые горизонты и могущее, думается, заинтересовать и других филологов-славистов. Поэтому я решаюсь ходатайствовать перед Редакционным комитетом «Ученых Записок» филфака ЛГУ о принятии статьи Константинова к напечатанию» (ф. 733).

В этом же году в защиту Н. А. Константинова выступил коллектив студентов и преподавателей ЛГУ. Письмо подписали 33 человека, в том числе академик Б. А. Ларин. В письме от 28 декабря в редакцию журнала «Вопросы языкознания» они пишут:

«Уважаемая редакция!

1-го ноября этого года в Секторе древнерусской литературы Института русской литературы в Ленинграде Н. А. Константиновым был прочитан доклад о происхождении глаголического письма, где он пытается обосновать свою точку зрения относительно происхождения глаголицы на основании знаков кипрского силлабария.²⁶ Доклад вызвал оживленные прения, что показывает важность поставленной проблемы.

Историк Н. А. Константинов последние 10 лет тщательно изучал материалы по указанной теме и в результате этого собрал ценные факты, которые требуют дальнейшего изучения. Однако, ввиду слабого здоровья, Н. А. Константинов не в состоянии продолжать работу.

Необходимо, чтобы вопрос, поднятый Константиновым, нашел свою дальнейшую разработку у других советских ученых, а его материалы были сохранены и опубликованы.

Поэтому мы, студенты и преподаватели Ленинградского университета, хотели бы, чтоб на страницах вашего журнала были опубликованы работы Н. А. Константинова и его материалы привлекли внимание соответствующих научных организаций и их специалистов» (ф. 733).²⁷

---

²⁶ Классический кипрский силлабарий — последний реликт эгейских слоговых систем. Использовался как греками, так и догреческим населением Кипра. Кипрское письмо этого типа известно в двух вариантах — классическом и пифийском (в районе Пифоса в западной части острова). Пифийское письмо, в отличие от классического, было правосторонним (→>). В III в. оба варианта вытесняются греческим алфавитом. Кипрский слоговый алфавит происходит от кипро-минойского. <https://www.garshin.ru/linguistics/scripts/cretan/cyprian/>. (Дата обращения: 20.05.2020).

²⁷ РО ИРЛИ, ф. 733. Письмо студентов и преподавателей филологического факультета ЛГУ от 28 дек. 1954 г. в редакцию журнала (название не указано) в защиту

В ответном письме редколлегии журнала «Вопросы языкознания» Н. А. Константинову от 31 янв. 1955 г. (не обнаружено) сообщалось: «...определение сферы распространения букв кипрского силлабария в качестве разного рода знаков и меток непосредственного интереса для нашего журнала, как лингвистического, не представляет» (ф. 733. Из письма Н. А. Константинова директору издательства «Наука» А. М. Самсонову от февр. 1966 г.).

Н. А. Константинов, ссылаясь на мнение журнала, с горечью пишет: «В результате такого отношения, несмотря на поддержку нескольких академиков (Н. С. Державина²⁸, И. И. Мещанинова, В. В. Струве, И. И. Толстого, Б. А. Ларина и др.) кипрская гипотеза упорно замалчивается или опровергается с негодными аргументами и тем самым более 16 лет в этом вопросе поддерживаются давно устаревшие и бесплодные взгляды» (ф. 733. Письмо Н. А. Константинова А. М. Самсонову).

Наиболее значимая поддержка исходила от академика Б. А. Ларина. Его Константинов называл своим «незабвенным учителем и благожелательным другом» (ф. 733. Письмо Н. А. Константинова Л. В. Успенскому от 2 авг. 1968 г.). Защищая концепцию Константинова, Ларин в письме от 12 апр. 1951 г. в редакцию неуказанной газеты писал: «Работа Николая Августовича Константинова о происхождении глаголического алфавита представляет большой научный интерес и вскрывает ошибочность господствовавшего до недавних пор взгляда о зарубежном происхождении русского письма, о первенстве болгарской “кириллицы”. Считаю своим долгом нашей прессы осведомить о замечательной находке в исследованиях Н. А. Константинова широкие круги советской интеллигенции» (ф. 733).

В письме в редакцию журнала «Нева» от 30 марта 1962 г. Б. А. Ларин отмечал: «Статья Н. А. Константинова “Расшифровка древних надписей” должна привлечь внимание широких кругов к одному из важных вопросов истории нашей культуры: к вопросу о начатках письменности в Причерноморье. Связь Киевской Руси с Византией широко изучена, но связи более ранних племенных формаций на нашей южной территории с эллинскими колониями, с населением Малой Азии, о Кипра и других центров древней Средиземноморской культуры — мало изучены. Н. А. Константинов предлагает свой вклад в исследование этих проблем. Его долготлетние кропотливые разыскания приносят свои плоды <...>. Он рекомендовал к публикации эту статью в журнале «Нева» (ф. 733). По инициативе Б. А. Ларина и с его помощью в «Вестнике ЛГУ», была опубликована статья Константинова «Черноморские загадочные знаки и глаголица» (Л., 1957). Об этом Ларин и сообщал в своем письме к другу от 10 янв. 1958 г. и просил прислать

концепции Н. А. Константинова. Текст доклада, о котором идет речь, не обнаружен.

²⁸ *Державин Николай Севастьянович* (1877–1953) — филолог-славист, историк, академик АН СССР, специалист по болгароведению.

ему несколько оттисков статьи, так как «весь тираж уже распродан» (ф. 733).

Московские ученые также поддерживали исследователя. Так, сотрудник Государственного исторического музея, историк, археолог Е. П. Подъяпольская в отзыве 1968 г. одобрила статью «Тайнопись стольника Бярятинского»: «Статья Н. А. Константинова очень интересна и, несомненно, имеет право быть напечатанной. Она интересна и постановкой большого вопроса о роли и влиянии греко-кипрской графики на русскую письменность, и наблюдениями автора о следах греко-кипрской графики на сохранившихся памятниках материальной культуры и письменности (приднепровские клады, памятники Болгарии, книги в Сербии). Свои размышления о важнейшем вопросе из истории русской культуры, а именно: возникновения письменности на Руси, Н. А. Константинов связал с загадочной тайнописью стольника Бярятинского, которую специалист М. Н. Сперанский²⁹ считал не поддающейся расшифровке (1929 г.), но которую раскрыл неизвестный советский исследователь. В этой тайнописи свыше 409 знаков являются кипрскими, что свидетельствует о живучести следов архаического письма <...>» (ф. 733).

Последнее утверждение Подъяпольской разделял и доктор исторических наук Ю. В. Кнорозов в отзыве о вышеназванной статье в 1971 г.: «Рассматриваемая статья посвящена вопросу о распространении кипрского слогового алфавита в Причерноморье и далее, вплоть до русской тайнописи. Автором собран и обобщен обширный материал, в том числе составлены таблицы с сопоставлением знаков <...> Статья представляет большой интерес и, несомненно, заслуживает опубликования <...>» (ф. 733).

Положительные отзывы Б. А. Ларина, И. И. Толстого, Ю. В. Кнорозова, Е. П. Подъяпольской и др. на работы Н. А. Константинова ободряюще действовали на автора. Однако «противодействующие силы» в лице академика Рыбакова и его сторонников были очень сильны. Константинов с горечью отмечает, что «<...> вся эта полемика не стоила бы большого внимания, если защита концепций почти 100-летней давности не продолжалась 30 лет; если бы ее не поддерживали такие ученые, как Б. А. Рыбаков, Э. И. Соломоник,³⁰ Д. Б. Шелов,³¹ В. А. Истрин,³² А. С. Львов;³³ если бы ее не пропагандировали в массо-

---

²⁹ *Сперанский Михаил Нестерович* (1863–1938) – филолог, фольклорист, византист; профессор Московского университета, академик Императорской Санкт-Петербургской академии наук, Российской академии наук.

³⁰ *Соломоник Элла Исаковна* (1917–2005) – историк древнего мира, эпиграфист, исследователь античных государств Северного Крыма.

³¹ *Шелов Дмитрий Борисович* (1919–1993) – археолог, историк, д. и. н., профессор.

³² *Истрин Виктор Александрович* (1906–1967) – литературовед, д. ф. н., профессор.

³³ *Львов Андрей Степанович* (1905–1976) – лингвист, филолог, д. ф. н.

вой литературе, на лекциях и семинарах, если за нее не присуждали ученых званий и т. д. Вольно или невольно ошибки в кипрском вопросе помогают ученым-расистам повторять миф о позднем вступлении славян на путь культурного развития, об отсутствии письма в древней Руси до принятия христианства, о неведении, о фактах находки и дешифровки кипрских слоговых надписей в Египте, Нубии и других культурных центрах, фактах, давно известных за рубежом» (ф. 733).

Критикуя концепцию Б. А. Рыбакова в статье «Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв.», опубликованной в «Советской археологии» в 1940 г., Константинов отмечает: «<...> Это фантастическое истолкование прекрасно читающихся кипрских знаков и монограмм объясняется незнанием греческого диалектного письма и не критическим усвоением предположений ученых XIX столетия — В. А. Городцова³⁴ и В. Н. Юргевича³⁵ о сарматском происхождении некоторых причерноморских и славянских древностей» (ф. 733).

К огорчению Константинова, ряд издательств научных журналов и редакции газет под разными предлогами отказывали в публикации его статей. Так, редакция «Курортной газеты» от 8 янв. 1960 г. сообщила о непринятии рукописи без объяснения причин: «Ваша рецензия «Загадки Причерноморья», к сожалению, для «Курортной газеты» не подходит. Рукопись можем вернуть» (ф. 733. Письмо редакции «Курортной газеты» Н. А. Константинову). Газета «Крымская правда» от 3 февр. 1960 г. также отклонила публикацию другой рецензии Константинова с неубедительной аргументацией: «Мы получили и ознакомились с Вашей рецензией на книгу Э. Соломоник “Сарматские знаки Северного Причерноморья”. К сожалению, напечатать ее из-за загруженности газеты не представляется возможности» (ф. 733. Письмо редакции газеты Н. А. Константинову). В отзыве на рецензию автор не указан. Аноним обвинил Константинова в том, что рецензия, «претенциозно озаглавленная “Загадки Причерноморья”, дает абсолютно неверную оценку книги Э. И. Соломоник», говорит о его «невежестве в области античной археологии» и считает, что эта рецензия служит образцом «столь же невежественной, сколь беспринципной и развязной критики, направленной против ценной книги серьезного ученого» (ф. 733). По мнению автора отзыва, рецензия Константинова не соответствует ни журналу «Советская археология», ни журналу «Вестник древней истории», так как «не имеет ничего общего с наукой», и может

---

³⁴ *Городцов Василий Алексеевич* (1860—1945) — археолог, профессор, заслуженный деятель науки; на основе многолетних раскопок памятников материальной культуры им написаны обобщающие труды по археологии России начиная с эпохи палеолита и кончая Средневековьем.

³⁵ *Юргевич Владислав Норбертович* (1818—1898) — археолог, историк, филолог, эллинист и латинист, преподаватель, научный писатель; внес большой вклад в изучение и сохранение памятников Крыма.

«подойти по профилю только журналу “Крокодил”» (ф. 733). Отрицательным был также отзыв редакции журнала «Вопросы языкознания» от 27 янв. 1955 г. на статью Константинова «Начало дешифровки черноморских и древнерусских загадочных знаков». Анонимный автор отметил, что «по тем вопросам, которые связаны с происхождением славянской письменности, статья не представляет существенных и обоснованных данных и соображений» и «приводимые данные не имеют доказательной силы» (ф. 733). Статья Н. А. Константинова «Следы древнейшего русского письма в Восточной Европе» (4 янв. 1957 г.) тоже получила отрицательный отзыв (ф. 733).

В 1960-х гг., заручившись поддержкой академика Б. А. Ларина, Константинов пытался опубликовать монографию «Загадочная графика», над которой работал 30 лет. Обращает на себя внимание тот факт, что в предисловии к работе и в ее заключении говорится о неком историке Иванове, бумаги которого якобы было поручено разбирать Константинову какой-то комиссией. Об Иванове Константинов пишет: «Он производил впечатление человека замкнутого и мало общительного. Соседи говорили, что он ежедневно ездил в библиотеку, собирал какие-то материалы и время от времени куда-то исчезал. Его отлучки продолжались по месяцу и более. Вернувшись домой, он говорил, что побывал на раскопках и изучал фонды какого-то музея. Однажды он не вернулся из поездки, и никто не мог сказать, где он. Родных у него не было, и, по прошествии положенного срока, комнату, в которой он жил, открыли. Комиссия бегло осмотрела скромную обстановку и предложила мне ознакомиться с бумагами». Биография этого загадочного Иванова странным образом похожа на биографию самого Константинова. И, как нам представляется, здесь имеет место сознательная мистификация. Далее Константинов сообщал: «В академических кругах относились к этой работе по-разному: одни — сочувственно, другие — враждебно, третьи — с безразличным спокойствием, а в общем — не достаточно внимательно. По-видимому, потеряв надежду на издание в научных журналах, Иванов начал популярное изложение своих открытий, предназначая их для молодого поколения. Насколько это было в моих силах, я обработал черновики его рукописей. Кое-что пришлось сократить, а некоторые главы даже выпустить ввиду сложности рассматриваемых вопросов». Создается впечатление, что монографию Константинов предполагал опубликовать под псевдонимом — «Иванов».

Монография состоит из 129 глав, представляющих собой самостоятельные очерки. Она содержит изложение концепции Константинова о происхождении и значении так называемых «загадочных знаков» Северного Причерноморья скифо-сарматского времени. Ученый много лет занимался изучением этих знаков, а так как его попытки объяснить расшифровку и дать их толкование не принимались некоторыми

учеными, он хотел в научно-популярной форме изложить свое видение широкому читателю.

В письме Н. А. Константинова (оно не датировано, вероятно, написано в первой половине 1960-х гг.), адресованном в издательство «Просвещение», предлагалась к ознакомлению и изданию его монография «Загадочная графика». Из этого письма становится понятно, что он работал над этой темой 30 лет и пользовался консультациями академиков Б. А. Ларина, И. И. Мещанинова, В. В. Струве, И. И. Толстого. Важно подчеркнуть, что академик Ларин был намерен издать эту работу под своей редакцией и со своими комментариями. Однако после возвращения из командировки в Индию Ларин тяжело заболел и умер в марте 1964 г. «Болезнь и смерть Б. А. Ларина лишили меня доброжелательного и компетентного редактора», — сетовал Константинов. Он также надеялся: «Если в издательстве найдется компетентный ученый, согласный заменить покойного Б. А. Ларина, я перешлю Вам полный экземпляр рукописи, которая нуждается в некоторых дополнениях и поправках, накопившихся за последние годы. Пока что посылаю первые главы и оглавление всех последующих глав. Лично я сам уже не могу дополнить рукопись и даже хлопотать об ее издании потому, что потерял зрение после тяжелой операции, и вся надежда на нового редактора. Письменные отзывы в засвидетельствованных копиях с рекомендациями Б. А. Ларина, В. В. Струве, И. И. Толстого могу выслать Вам по первому требованию <...>» (ф. 733. Письмо Н. А. Константинова в издательство «Просвещение»; б. д.).

После того как в издательстве «Просвещение» Константинов, по видимому, не нашел поддержки в публикации монографии, он, не теряя надежды, обратился в издательство «Наука». В ответ в корректной форме издательство сообщило автору о результате: «Очень хотели помочь Вам в издании книги “Загадочная графика”, но, к сожалению, несмотря на многие попытки, сделать этого не смогли. Издательство “Наука” не выпускает книг подобного рода, а научно-популярная серия Академии наук, профилю которой Ваша рукопись отвечает по форме изложения, избегает дискуссионных материалов. Вместе с рукописью посылаем Вам отзыв на нее кандидата исторических наук Д. Б. Шелова, из которого Вы, возможно, сможете извлечь некоторые практические советы» (ф. 733. Письмо изд. «Наука» Н. А. Константинову от 13 апр. 1966 г.).

Большое влияние на это решение оказал отзыв историка, археолога, сотрудника Института истории материальной культуры АН СССР Д. Б. Шелова, который пишет: «Главным является несостоятельность и недоказуемость основной концепции автора <...> Увлеченный своей идеей, Константинов выбирает из массы фактов, оставляя в стороне факты, противоречивые его концепции. Даже в том случае, если бы Н. А. Константинов оказался в какой-то мере прав в своих предположениях, их

все равно нельзя доказывать так, как делает автор. И тем более невозможно все эти головокружительные гипотезы, не получившие никакого признания в науке, обрушивать на голову широкого читателя в качестве новейших научных открытий и призывать читателя, как это делает автор в конце книги. По указанным причинам рукопись Н. А. Константинова ни в ее теперешнем виде, ни в каком-нибудь переработанном варианте не может быть напечатана в серии научно-популярной литературы» (ф. 733. Отзыв Б. Д. Шелова).

Вероятно, именно этот отзыв окончательно повлиял на судьбу монографии Константинова «Загадочная графика». Попытка разыскать ее в печатном виде не увенчалась успехом. Рукопись в виде машинописи с авторскими и, вероятно, редакторскими пометами хранится в Рукописном отделе ИРЛИ.

Однако Н. А. Константинову все-таки удалось опубликовать несколько статей по данной проблеме в газетах, журналах и других изданиях.³⁶ Вероятно, основная проблема Н. А. Константинова заключалась в том, что к его работам некоторые ученые относились как к трудам ученого-любителя, прозрачно намекая, что он не является специалистом в этой области. Так, в письме издательства «Наука» от 24 сент. 1964 г. отмечается: «Издательство “Наука”, как Вы знаете, печатает работы сотрудников академических институтов и в основном монографические» (ф. 733).

В 1968 г. в газету «Смена» Константиновым была направлена небольшая заметка «По следам старых статей», чтобы «сделать последнюю попытку информации молодежи о многочисленных дешифровках». В ответ он получил заключение литсотрудника отдела пропаганды: «Вопрос, поднятый в Вашей короткой заметке, требует более обстоятельного разговора. Если потребуется, мы закажем статью специалисту» (ф. 733. Из письма Н. А. Константинова Л. В. Успенскому).

В заключении резюмируем, что, несмотря на поддержку ряда авторитетных ученых, Константинову не удалось продвинуть свою концепцию. Однако в настоящее время у исследователя «загадочных знаков» появился сторонник его концепции доктор философских наук, профессор В. А. Чудинов. Он известен как автор историко-филологических работ, в которых утверждает: «Кирилл нашел уже существующую кириллицу, которая тогда называлась “русскими письменами”, и это прямо-таки убийственное свидетельство о существовании докирилловского письма у русских! Так что Кириллу незачем было изобретать славянскую письменность, она уже существовала до него! Как видим,

---

³⁶ См.: Новые данные о происхождении русской письменности // Смена. 1951. 25 апр. № 97; История русской азбуки // Знание — сила. 1953. № 1; О начале русской письменности // Нева. 1957. № 7; Начало расшифровки загадочных знаков Приднепровья // Вестник Ленинградского университета. 1963. № 14, Серия «История языка и литературы». Вып. 3; Тайнопись стольника Барятинского // Наука и жизнь. 1972. № 10.

наше предположение о том, что до Кирилла существовало не только светское, но и христианское письмо, данным свидетельством подтверждается <...>

Кирилл создал все-таки кириллицу как христианскую письменность. Более того: кириллица оказалась довольно поздней редакцией имевшегося у славян письма, которое именно потому и было неудобно для Византии, что представляло собой, с одной стороны, письмо языческое, а с другой — не передавало тонкостей письма православного. Следовательно, Кирилл создал письмо христианское, убавив, насколько возможно, негреческие (лунные, несвятые, сопряженные с язычеством) знаки <...> А это значит, что докирилловская азбука не просто существовала у славян в каком-то слабо структурированном виде, но вообще была существенным элементом их культуры. Тем самым не должно возникнуть впечатления, что я негативно отношусь к деятельности Кирилла как славянского просветителя. Вовсе нет. Кирилл действительно явился редактором существующей азбуки, чем легализовал славянскую письменность в глазах византийской церкви, он переводил священные книги на славянский язык, он распространял церковный вариант письменности среди своих славянских последователей, и в этом качестве он вполне достоин уважения. Отрицается мной лишь один момент: изобретение им азбуки. Азбуку он не изобрел <...>, приспособил для переводов с греческого языка, и именно в этом смысле его можно считать великим славянским просветителем». ³⁷ Отметим, впрочем, что и работы В. А. Чудинова, претендующие на открытия в области эпиграфики и палеографии, не признаются академической наукой, а историки причисляют его концепцию к жанру «фолк-хистори».

Таким образом, настоящая статья обращает внимание современной гуманитарной науки на биографию и исследовательские интересы историка и слависта Н. А. Константинова. Оказавшись в непростой жизненной ситуации и будучи почти ослепшим, он продолжал изучение основ и структуры древнеславянской и древнерусской письменности, монограмм, загадочных знаков, надписей на разных предметах и др. При этом базой для его работ послужили сравнительные таблицы, составленные ученым с опорой на собранные им же артефакты.

Исследователь пришел к выводу, что на древнерусское письмо еще до Кирилла и Мефодия большое влияние оказала греко-кипрская грамматика. Выдвинутая им концепция о существовании среди славянских народов дохристианской письменности вовлекла Константинова в научную полемику с учеными кирилло-мефодиевской традиции.

---

³⁷ Чудинов Валерий Алексеевич (р. 1942) — доктор философских наук, профессор, директор Института древнеславянской и древнеевразийской цивилизации общественной организации «РАЕН» (с 2005 г.). См.: Чудинов В. А. Загадки славянской письменности: Что создали Кирилл и Мефодий? // <https://www.klex.ru> (дата обращения: 14.05.2020); proza.ru/diary/maxsingulin/2013-03-10 (дата обращения: 28.05.2020).

Часть научной общественности поддержала концепцию Константинова, считая, что его изыскание имеет ценность для науки и «подлежит обнародованию, как открывающее, несомненно, новые горизонты и могущее <...> заинтересовать филологов-славистов» (ф. 733. Отзыв И. И. Толстого, янв. 1954 г.) и историков. Несмотря на противоборство с официальной концепцией, Константинову удалось издать ряд работ.

Настоящая статья написана на основе материалов, впервые вводимых в научный оборот, хранящихся в Рукописном отделе ИРЛИ в ф. 733 (архив Н. А. Константинова). Источниковая база фонда — коллекция сравнительных таблиц Константинова — может быть использована учеными в дальнейших исследованиях.

Библиографический список

1. *Истрин В. А.* 1100 лет славянской азбуки. М.: Наука, 1988. 192 с.
2. *Константинов Н. А.* Новые данные о происхождении русской письменности // Смена. 1951. 25 апр. № 97.
3. *Константинов Н. А.* Скифо-сарматские знаки на памятниках Причерноморья // Крым. Симферополь, 1951. № 7. С. 245–255.
4. *Константинов Н. А.* История русской азбуки // Знание — сила. 1953. № 1. С. 1–6.
5. *Константинов Н. А.* О начале русской письменности // Нева. 1957. № 7. С. 178–182.
6. *Константинов Н. А.* Черноморские загадочные знаки и глаголица // Вестник ЛГУ. 1957. № 197. Серия «История языка и литературы». Вып. 23. С. 110–146.
7. *Константинов Н. А.* Начало расшифровки загадочных знаков Приднестровья // Вестник ЛГУ. 1963. № 14. Серия «История языка и литературы». Вып. 3. С. 107–109.
8. *Константинов Н. А.* Тайнопись стольника Бярятинского // Наука и жизнь. 1972. № 10. С. 118–119.
9. *Уханова Е. В.* У истоков славянской письменности. М.: Муравей, 1998. 240 с.
10. *Чудинов В. А.* Загадки славянской письменности: Что создали Кирилл и Мефодий? // <https://www.klex.ru> (дата обращения: 14.05.2020); proza.ru > [diary/maxsimgulin/2013-03-10](http://diary.maxsimgulin/2013-03-10) (дата обращения: 28.05.2020).

С. В. Денисенко

**МАТЕРИАЛЫ К СПЕКТАКЛЮ
«КРАСНЫЙ КАБАЧОК» (1911)
Ю. Д. БЕЛЯЕВА — ВС. Э. МЕЙЕРХОЛЬДА —
А. Я. ГОЛОВИНА — М. А. КУЗМИНА**

Аннотация: В настоящей статье рассматриваются материалы, связанные с постановкой спектакля «Красный кабачок» Ю. Д. Беляева (1911). Постановка В. Э. Мейерхольда, практически не привлекавшая до сегодняшнего дня внимания исследователей, являлась знаковой для истории российского театра и искусства Серебряного века. Материалы из фонда Ю. Д. Беляева в ИРЛИ — лишь небольшой, но значимый фрагмент в целостной картине мейерхольдовского спектакля, которая складывается из материалов нескольких архивов.

Ключевые слова: Красный кабачок, театральная условность, Мейерхольд, рукопись, архивы.

Abstract: This article examines materials related to the production of the play «Red Zucchini» by Y. D. Belyaev (1911). The production of V. E. Meyerhold, which has practically not attracted the attention of researchers to this day, was significant for the history of Russian theater and art of the Silver Age. Materials from Y. D. Belyaev's collection at IRLI are only a small, but significant fragment in the integral picture of Meyerhold's performance, which is made up of materials from several archive.

Keywords: Red zucchini, theatrical convention, Meyerhold, manuscript, archives.

В Рукописном отделе ИРЛИ в фонде № 24 Юрия Дмитриевича Беляева (1876—1917) — театрального критика и драматурга — хранятся материалы, связанные с постановкой его пьесы «Красный кабачок» в 1911 г. в Александринском театре. Архив Беляева поступил в Пушкинский Дом 29 янв. 1917 г.¹ от брата автора, Михаила Дмитриевича Беляева (1884—1955) — будущего заведующего Литературным музеем ИРЛИ.

Пьеса «Красный кабачок» была поставлена в Александринском театре Вс. Э. Мейерхольдом (1874—1940) в марте 1911 г.² Декорации

¹ Эта дата зафиксирована в «Деле фонда № 24 Беляева Ю. Д.» (л. 3 об.).

² Подготовительные режиссерские материалы к спектаклю хранятся в Российском государственном архиве литературы и искусства, ф. 988 (В. Э. Мейерхольд),

и эскизы костюмов создал А. Я. Головин (1863—1930), музыку написал М. А. Кузмин (1872—1936). Пьеса была опубликована в том же 1911 г.³

В фонде Ю. Д. Беляева хранится черновой автограф пьесы (№ 164), который можно предположительно датировать 1910 г. Это начало пьесы (л. 1—25) и наброски фрагментов (л. 26—33). Рукопись на отдельных листах, вложенных в лист почтовой бумаги «Hôtel de France Renault», на котором авторским карандашом перечислены действующие лица.

Пьеса была принята к постановке на сцене Императорских театров в сент. 1910 г. Разрешение театральной цензуры было получено 18 сент.⁴ Но с этой датой вступают в противоречие документы, хранящиеся в фонде. Отношением Дирекции Императорских театров от 11 окт. за № 394 Ю. Д. Беляев был извещен о неодобрении пьесы к постановке. И только в Отношении от 11 нояб. за № 467, при рассмотрении пьесы вторично, автору выражают одобрение «ввиду сделанных Вами изменений» (№ 222, л. 1—2):

Директор Императорских театров В. А. Теляковский записал в своем дневнике 21 сент. 1910 г.: «В 5 часов у меня был Беляев и читал свою новую пьесу “Красный кабачок” в присутствии Котляревского, Мейерхольда, Петровского, Озаровского, Дарского и Головина. На всех пьеса произвела хорошее впечатление, и я принял ее к постановке. Ставить будет Мейерхольд и играть в ней роль Мюнхгаузена,⁵ декорацию взялся написать Головин».⁶ В ежедневнике Беляева помета о чтении «Красного кабачка» относится к 23 сентября 1910 г. (№ 156 (1), л. 73 об.).

Среди сохранившихся в фонде Беляева документов — счет за перепечатку пьесы в 3 экз. от А. Шполянской от 9 февр. 1911 г. на сумму 6 руб. 40 коп. (№ 228; скорее всего, это экземпляры для издательства и книжной цензуры).⁷

оп. 1, № 77. Это планировка, монтировка, режиссерские заметки и проект распределения ролей. В этом же фонде хранятся письма Беляева к Мейерхольду (№ 1163). Подробнее об этом см.: *Гайдук В. Л.* «Прекрасная фрау Ложь!» («Красный кабачок» Вс. Э. Мейерхольда) // Все обманы мира: Ложь в литературе и искусстве: сб. статей. СПб.; Тверь, 2019. С. 201—209. (Неканоническая эстетика; вып. 6).

³ *Беляев Ю. Д.* Красный кабачок: Фантастическая история: в 1 д. СПб.: М. Г. Корнфельд, 1911. В Отделе рукописей и редкой книги Санкт-Петербургской государственной театральной библиотеки (далее: ОРиРК СПбГТб) хранятся машинописные экземпляры пьесы: рабочий (I.7.7.83/Б 447) и цензурный (44940), с незначительной правкой автора. Разночтения печатного текста с текстом экземпляра театральной цензуры приведены в переиздании пьесы (см.: *Беляев Ю. Д.* Красный кабачок / публ. С. В. Денисенко // Все обманы мира. С. 224—263).

⁴ См: ОРиРК СПбГТб, № 44 940 (надпись на л. 1).

⁵ Роль Мюнхгаузена в результате досталась актеру Г. Г. Ге.

⁶ *Теляковский В. А.* Дневники Директора Императорских театров. 1909—1913. СПб., 2016. С. 227.

⁷ Пьеса получила цензурное разрешение от барона Дризена 24 февраля 1911 г. (№ 2520). См.: *Беляев Ю. Д.* Красный кабачок: Фантастическая история... С. 1.

Постановка, как и сама пьеса, казалась «однодневкой», без претензий на репертуарность — состоялось всего семь представлений.⁸ Но эта незатейливая «однодневка» сыграла значимую роль в искусстве Серебряного века. Спектакль «Красный кабачок» оказался одним из первых «пробных камней» экспериментатора-режиссера Мейерхольда на академической сцене. И потому среди театральной публики он вызвал бурю эмоций, едва ли не на грани скандала.

Мейерхольд начал службу в Александринском театре осенью 1908 г. До «Красного кабачка» им было поставлено здесь только два спектакля. Теория «условного театра», осуществляемая режиссером на практике (в частности, в театре В. Ф. Коммиссаржевской) вызывала негодующие и крайне нелицеприятные нападки театральных деятелей. Появление же этого «enfant terrible» на академической сцене окончательно возмутило критиков.

В фонде Ю. Д. Беляева хранятся газетные вырезки, связанные с постановкой (№ 215). Одна из них — под названием «Александринские актеры о “мейерхольдовщине”».⁹ Критик под псевдонимом «Театрал» с негодованием писал: «...Александринский театр сделался ареной цирковых фокусов. Мейерхольд выработал какую-то “звуковую систему” и пригласил хор Архангельского для того, чтобы подражать вою ветра. <...> Всюду за кулисами только и говорят теперь о чудачествах Мейерхольда и комп. и о том, что Александринский театр превратился в какую-то “интермедию”...» Далее рецензент приводил мнения актеров Александринского театра. Актер В. П. Долматов рассказывал: «...не понимаю, зачем нужно изображать вой ветра посредством такого мудреного способа, как хор, когда для этого существует специальная механика. Пусть поставят граммофон, и он даст полную иллюзию. Главное заблуждение режиссеров-модернистов состоит в том, что они основывают всю постановку на декорациях и мелочах. Реальные подробности иногда совершенно неуместны. Храм — это храм, куда люди приходят

---

⁸ Спектакли в Санкт-Петербурге, в Александринском театре: 23, 25 и 28 марта, 1, 14, 20 и 27 апр. 1911 г. (см.: История русского драматического театра: в 7 т. М., 1987. Т. 7. С. 470: Репертуарная сводка). Для сравнения: пьеса Беляева «Дама из Торжка» (1911) давалась 22 раза в Москве в 1912—1914 гг. (Там же. С. 458), «Путаница, или 1840 год» (1905) — 21 раз в Москве в 1910—1911 гг. (Там же. С. 487).

⁹ Это газетная вырезка без даты и наименования газеты, идентифицировать ее не удалось. Уничжительный термин «мейерхольдовщина» впервые печатно применил А. В. Луначарский в 1908 г. (именно перед началом работы Мейерхольда на сценах Императорских театров, после его увольнения в середине сезона В. Ф. Коммиссаржевской) (см.: Луначарский А. Книга о «новом театре» // Образование. 1908. № 4. С. 35). Этот термин подхватил критик И. Осипов (А. И. Осипович), который иронично предполагал, что теперь «мейерхольдовщина» «должна стать основной темой для нападков на дирекцию императорских театров», и называл Мейерхольда «бездарностью, которая профанирует Александринский театр» (Осипов И. Александринский театр: «У царских врат» К. Гамсуна в постановке В. Э. Мейерхольда // Обзорение театров. 1908. 3 окт.).

молиться, и всякие лишние эффекты только рассеивают настроение молящихся». Актер Р. Б. Аполлонский был не менее эмоционален и «академичен»: «Я не видел репетиции “Красного кабачка”, и знаю только, что Мейерхольд заставляет хор подражать завыванию ветра. Вы интересуетесь моим мнением: я отказываюсь в это верить! Не понимаю, зачем нужно прибегать к содействию хора, когда есть столько испытанных, прекрасных способов производить этот эффект. Всякие “барабаны” и прочие приборы дают всё, что нужно в этом направлении».¹⁰

Второй газетной вырезкой в архиве Беляева представлено противоположное мнение. Это статья Э. А. Старка (выступавшего под псевдонимом «Зигфрид»). Критик пишет о большом успехе «Красного кабачка» и отзываясь с большой симпатией об авторе пьесы: «Волшебник отдергивает таинственную завесу и приглашает на одну только минутку заглянуть в XVIII век... <...> Ему пришел на помощь художник Головин и со свойственной ему декоративной виртуозностью создал исполненный тонкого настроения подвал в Красном кабачке, где по каменным серым стенам с низко нависшим сводом, с единственным круглым оконцем, так причудливо играли тени, где так таинственно обрисовывались предметы, озаренные блеском свечей да веселым огнем жженки, где таким рельефным контрастом являлись колоритные костюмы...». И дальше автор рецензии проговаривается о том, что можно считать знаком Серебряного века: об «оторванности от современности», о том, что автор «чрезвычайно удачно выдержал беспритязательный шутиливый тон пьесы, проведя через него отчетливую ноту жуткости»: «...реальное естественно смешалось с таинственным: сейчас смешно, а в следующую минуту как-то весь настораживаешься; получилось впечатление острое и крайне своеобразное, какое давно уже не приходилось испытывать в драматическом театре. Словом, “Красный

---

¹⁰ Вскоре «Театралу» ответил критик под псевдонимом «Импр<ессарио>»: «Постановка Мейерхольда стильна, дает настроение. Никаких чудачеств и уродств нет. Даже вой непогоды за сценой, — о чем так много писалось в газетах (чего только газеты не пишут!), совпадает с фантастикой пьесы. А кто это воет — статисты или специальная машинка, в сущности, не все ли равно... <...> Успех был, вызывали автора, вызывали исполнителей» (*Импр.* [Без заглавия] // Театр и искусство. 1911. № 13 (27 марта). С. 267). Ср. с мнением современной исследовательницы: «Вьюга была важным компонентом спектакля, его сквозной темой. Если бы Мейерхольд позволил использовать звукоподражательные машины для имитации звука вьюги, как того хотели критики, то получился бы звук максимально приближенный к звуку настоящей вьюги, но Мейерхольду важно было дать фоном не саму вьюгу, а “как бы вьюгу”, именно с этой задачей отлично справился хор» (*Гайдук В. Л.* «Прекрасная фрау Ложь!» («Красный кабачок» Вс. Э. Мейерхольда). С. 208—209). Хор певчих А. А. Архангельского, созданный в 1880 г., будет участвовать потом и в очень дорогом легендарном мейерхольдовском «Маскараде» в Александринском театре в 1917 г.

кабачок” — это настоящее произведение искусства для настоящего театра, и оно открывает перед нами блестящие перспективы». ¹¹

Музыка к «Красному кабачку» была заказана М. А. Кузмину. Это была третья успешная совместная работа Кузмина и Мейерхольда (после «Балаганчика» (1906) и «Шута Тантриса» (1910)). В сохранившемся письме Кузмина к Мейерхольду от 25 февр. 1911 г. читаем: «Хор в партитуре написан для мужских голосов. Но теперь я переделал для смешанных. *Очень немного* человек нужно (если с голосами), а то будет крикливо, 3 или 4 женщины и 3 мужчины (1 дискант (или 2), два альты, 2 тенора и 1 (или 2) баса). Пусть не ревут; и вообще оркестр вьюги подалее, а органчик поближе к сцене». ¹² Мейерхольд в монтажке спектакля отмечает: «Действие пьесы идет на фоне завывания вьюги, которая повсеместно образует гармонический аккорд, производимый с помощью оркестра и хора». ¹³

В фонде Ю. Д. Беляева хранится автограф клавира к спектаклю с дарственными надписями Кузмина Беляеву карандашом на обложке: «Дорогому автору Юрию Дмитриевичу Беляеву скромный сотрудник М. Кузмин 1911. / Подслушавшему наши мечты, как барон, Ю. Д. Беляеву М. Кузмин. 1911» (№ 166, л. 1). Здесь же по центру листа надпись чернилами: «Музыка к “Красному Кабачку” Юр. Беляева М. Кузмина 1911». Автограф на нотной бумаге из двойных листов (260 × 185 мм), вложенных друг в друга. Здесь нотные записи (чернилами) трех вариантов одной и той же мелодии «для вьюги» (л. 2–4) и мелодии для «органчика» (л. 4 об. — 5 об.), с пометами красным и графитным карандашом. Мелодии «вьюги» I и III — в тональности Соль-минор, II — До-минор (размер 3/4). Мелодия для «органчика» («Charmant Ballerone») написана в тональности Фа-мажор (размер 2/4).

Судя по автографу оркестровки, сделанной Кузминым в янв. 1911 г., ¹⁴ и пометам в нем, в спектакле участвовали четыре мужских голоса (два тенора, два баса) и несколько музыкальных инструментов (3 скрипки, кларнет, флейта, арфа, фортепиано, фисгармония; С. 2). Тональности и размеры — те же, что и в клавири. В партитуре — аналогичные клавиру три темы «для вьюги» (вторая тема (С. 6–8), без хора, зачеркнута карандашом и, видимо, не исполнялась в спектакле).

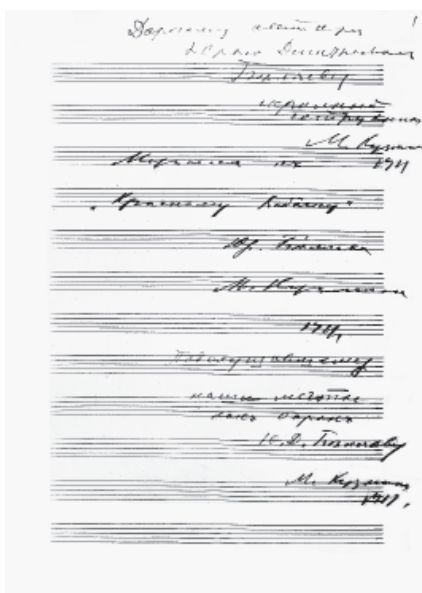
---

¹¹ *Зигфрид* [Старк Э. А.]. Эскизы // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 25 марта. № 68.

¹² Переписка М. А. Кузмина и В. Э. Мейерхольда, 1906–1933 / публ. и примеч. П. В. Дмитриева // Минувшее: ист. альманах. М.; СПб., 1996. Вып. 20. С. 364.

¹³ Цит. по: *Гайдук В. Л.* «Прекрасная фрау Ложь!» («Красный кабачок» В. Э. Мейерхольда). С. 208.

¹⁴ См.: ЦМБ. ИЗК89/х.п.о К.к (инв. 8103): музыка к пьесе Ю. Д. Беляева «Красный кабачок»; датировка автора: «1911 год, январь. М. Кузмин» (С. 16). Благодарим за любезно предоставленные сведения о партитуре Павла Вячеславовича Дмитриева.

М. А. Кузмин. Титульный лист клавира музыки к «Красному кабачку» с дарственной надписью Ю. Д. Беляеву. РО ИРЛИ, ф. 24, № 166, л. 1.

М. А. Кузмин. Лист клавира музыки к «Красному кабачку» («I. Для вьюги»). РО ИРЛИ, ф. 24, № 166, л. 2).

М. А. Кузмин. Лист клавира музыки к «Красному кабачку» («2. Для вьюги»).
РО ИРЛИ, ф. 24, № 166, л. 3.

М. А. Кузмин. Лист клавира музыки к «Красному кабачку» («3. Для вьюги»).
РО ИРЛИ, ф. 24, № 166, л. 4.

М. А. Кузмин. Лист клавира музыки к «Красному кабачку» («Органчик»).
РО ИРЛИ, ф. 24, № 166, л. 5.

М. А. Кузмин. Лист клавира музыки к «Красному кабачку» («Органчик»).
РО ИРЛИ, ф. 24, № 166, л. 5 об.

В первой теме прописана мелодия для хора, в третьей, судя по карандашным пометам, — партия фисгармонии отдана хору. Мелодия для «органчика» (тема с двумя вариациями; С. 13–15) исполнялась арфой, фортепиано и одной скрипкой (С. 14) и флейтой, фортепиано и скрипками (С. 14–15).

Как писал один из зрителей спектакля, за сценой «слышна вьюга, завывание ветра красиво сливается со звуками старинного вальса, имитирующего музыку табакерки. Под эти звуки, точно в искусственной шкатулке с музыкой, пляшут молодые актрисы, напоминая искусственные, а не живые фигурки».¹⁵

Единственный рисунок к «Красному кабачку» в фонде Ю. Д. Беляева — карандашный набросок А. Я. Головина на плотном листе почтовой бумаги серого цвета «Grand Hôtel d'Europe» (210 × 135 мм), с пометой рукою Беляева: «Набросок А. Я. Головина» (№ 165). Все остальные художественные материалы сосредоточены в других архивах.¹⁶

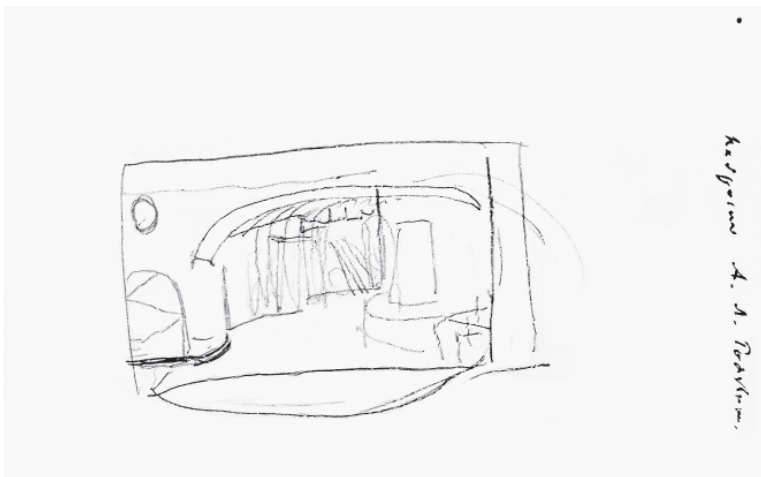
В рисунке художник следует указаниям режиссера, схематично нарисовавшего сцену на листах монтировки спектакля.¹⁷ На основе этого наброска будет сделан цветной эскиз, неоднократно впоследствии опубликованный (хранящийся в ГЦТМ им. А. А. Бахрушина). Как отмечено В. Л. Гайдук, «конструкция, которая была предложена Головиным, представляла собой резную деревянную коробку, целью которой было уменьшение пространства сцены Александринского театра. С одной стороны, Мейерхольду необходимо было создать на большой сцене Александринского театра камерное пространство подвала, с другой стороны, конструкция и расстановка мебели на сцене формировала треугольную композицию, вынуждая актеров играть на просцениуме. <...> В “Красном кабачке”, так же как и в других постановках, Головин создает систему опускных занавесов. На эскизе декорации

---

¹⁵ *Арабажин К.* Впечатления сезона. Александринский театр // Ежегодник Императорских театров. 1911. Вып. 3. С. 162.

¹⁶ Эскизы костюмов и бутафории хранятся в ОРиРК СПбГТб (ЭФ/Г61): («Красный кабачок»: эскизы мужских костюмов, причесок, бутафории / А. Я. Головин; драматург Ю. Д. Беляев, режиссер В. Э. Мейерхольд; Александринский театр (1911)). Эскизы костюмов и эскиз декорации — в Государственном центральном театральном музее им. А. А. Бахрушина. Они были приобретены в 1915 г. Бахрушиным (см. подробнее об этом: *Дмитриева А., Липатова М.* Театральное наследие Головина и Бахрушина // Третьяковская галерея. 2014. № 3. С. 122–127). Часть эскизов опубликована на сайте ГЦТМ им. А. А. Бахрушина: Спектакль «Красный кабачок» // Государственный Центральный музей им. А. А. Бахрушина. Коллекция-online. [Электронный ресурс]. М., 2019. URL: <http://collection.gctm.ru:9000/items?sa-performance=194695> (дата обращения: 29.07.2019).

¹⁷ См.: РГАЛИ, ф. 998, оп. 1, № 77, л. 3. Помета Мейерхольда: «NB. А. Я. Головину о лежанке (ближе к середине)». См. там же схему сцены с пометой режиссера: «По рисункам художника» (л. 7).

А. Я. Головин. Набросок эскиза к спектаклю (карандаш).
РО ИРЛИ, ф. 24, № 165.

видны несколько рядов занавеса, но, к сожалению, никаких упоминаний об использовании занавесов в спектакле найти не удалось».¹⁸

Постановка «Красного кабачка», практически не привлекавшая до сегодняшнего дня внимания исследователей, как нам представляется, являлась знаковой для истории российского театра и искусства Серебряного века.¹⁹ Материалы из фонда Ю. Д. Беляева в ИРЛИ — лишь небольшой, но значимый фрагмент в целостной картине этой мейерхольдовской постановки, которая складывается из материалов нескольких архивов.

Библиографический список

1. Беляев Ю. Д. Красный кабачок: фантастическая история: в 1 д. СПб.: М. Г. Корнфельд, 1911. 44 с.
2. Гайдук В. Л. «Прекрасная фрау Ложь!» («Красный кабачок» Вс. Э. Мейерхольда) // Все обманы мира: ложь в литературе и искусстве: сб. статей. СПб.; Тверь: Альфа-Пресс, 2019. С. 201—209. (Неканоническая эстетика; вып. 6).
3. История русского драматического театра: в 7 т. М.: Искусство, 1987. Т. 7. 585 с.
4. Теляковский В. А. Дневники Директора Императорских театров, 1909—1913. СПб.: Артист. Режиссер. Театр, 2016. 544 с.

¹⁸ Гайдук В. Л. «Прекрасная фрау Ложь!» («Красный кабачок» Вс. Э. Мейерхольда). С. 207—208.

¹⁹ Подробнее об этом см.: Денисенко С. В. Барон Мюнхгаузен на русской сцене: «Красный кабачок» (1911) // Все обманы мира. С. 210—222.

А. В. Сысоева

НАУЧНАЯ БАЗА ОБОРОННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: ПУШКИНОДОМСКИЙ ВКЛАД В ЖУРНАЛ «ЗАЛП»*

Аннотация: Широкие возможности и институализирующая роль ЛБО ЛОКАФ проявились в том, что вокруг него собирались разные силы, в том числе научные кадры Ленинграда, что нашло отражение в наполнении материалом печатного органа объединения, журнала «Залп». Благодаря участию в издании пушкинодомцев, в нем были опубликованы обзоры новинок оборонной литературы, хроники литературной жизни, статьи для начинающих писателей, историко-литературные работы, текстологические изыскания и публикации архивных документов. Этот комплекс трудов создавал базу для работы по формированию советской оборонной литературы, включая ее в более широкий контекст литературы, служившей военным целям в России и крупных западных странах наиболее вероятного противника.

Ключевые слова: журнал «Залп», Институт русской литературы (Пушкинский Дом), Ленинградско-Балтийское отделение Литературного объединения Красной армии и флота (ЛБО ЛОКАФ), Оборонная комиссия Союза советских писателей, оборонная литература.

Abstract: Wide resources and institutionalizing role of the LBB LARAN manifested itself in the fact that different forces were gathered, including academic personnel of Leningrad, which was evidenced in the publications in journal «Zalp». The cooperation with the researches of Pushkin House gave the journal reviews of defense literature, chronicles of literary life, articles for novice authors, historical and literary works, textual researches and publications of archival documents. These features created a basis for the formation of Soviet defense literature, included it in the wider literary context that served military purposes – in Russia and Western countries of the potential enemy.

Keywords: journal «Zalp», Institute of Russian Literature (Pushkin House), Literary Association of the Red Army and Navy (Leningrad Baltic Branch; LBB LARAN), the Defense Commission of the Union of Soviet Writers, Soviet defense fiction.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00549 А «Канон советской оборонной литературы: состав, определяющие черты, локальные вариации (Ленинград и Москва)». Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 20-012-00549 A «The Canon of Soviet Defense Literature: Content, Key Characteristics, Local Varieties (Leningrad and Moscow)».

В 1931 г. Ленинградского-Балтийское отделение Литературного объединения Красной армии и флота (ЛБО ЛОКАФ) начало выпускать литературно-художественный и критический журнал «Залп». Целью организации, заявленной в ее уставе, была «пропаганда в художественной форме задач обороны страны».¹ Теоретики объединения использовали термин «оборонная литература», который, вслед за уставом, ставил перед писателями государственные задачи. Журнал «Залп» специализировался на оборонной литературе. После расформирования объединения издание перешло в ведомство Ленинградского оргкомитета Союза советских писателей. Еще до проведения первого съезда Союза, в октябре 1933 г., журнал вышел в свет как орган массового литературного движения Красной армии и флота, тем самым перейдя из сферы влияния литературных организаций в ведение политических управлений армии и флота, а также расширив аудиторию и потенциальный круг авторов (из журнала, объединявшего в первую очередь ленинградских писателей, он должен был стать всесоюзным). 1934 г. оказался последним годом выпуска издания, с 1935 г. новым органом массового литературного движения в Красной армии и флоте стал издававшийся в Москве журнал «Красноармеец и краснофлотец» (такое решение было мотивировано «отрывом журнала от всеармейского центра»)². Тематика «Залпа» не менялась все годы его существования.

Широкие возможности и институализирующая роль ЛБО ЛОКАФ, а затем Оборонной комиссии, стремившихся сделать всю советскую литературу оборонной,³ проявлялись в том, что вокруг них собирались разные силы. Так, в наполнении журнала «Залп» материалом нашло отражение то, что с изданием сотрудничали научные кадры Ленинграда. В большинстве случаев к участию в журнале привлекали сотрудников Института новой русской литературы (с 1932 г. — Институт русской литературы) АН СССР, Института литературы и языка Ленинградского отделения Коммунистической академии (ЛИЯ ЛОКА), Государственной публичной библиотеки. Один и тот же автор мог работать во всех перечисленных организациях в разные периоды времени, так что разграничивать участие этих организаций не всегда воз-

---

¹ ОР ИМЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 135, л. 1.

² Б. н. Четыре года «Залпа» // Залп. 1934. № 12. С. 7.

³ Так, например, Н. Г. Свиринов в статье «ЛОКАФ — на линию огня», написанной в янв. 1931 г., утверждал: «Война поставит каждого писателя в строй, потребует от каждого исполнения его гражданского долга <...> сейчас каждое произведение, — хотя бы оно касалось вопросов мирного строительства, — должно быть пронизано идеей угрожающей нам военной опасности <...> должно мобилизовать внимание советской общественности на задачах обороны СССР, воспитывать такие психические навыки, которые нужны будут нашему бойцу в предстоящей войне» (Свиринов Н. ЛОКАФ — на линию огня // Свиринов Н. Литература и война. [Л., 1931]. С. 25, 36–37).

можно. В данной статье остановимся именно на пушкинодомском вкладе в журнал.

Публикации художественных текстов и очерков на военные темы сопровождалась рецепцией советских оборонных произведений (литературных, живописных, киноискусства), рассмотрением истории военной и оборонной тем в литературе.

Основным теоретиком отделения, регулярно публиковавшимся на страницах журнала и выпустившим две книги статей о вопросах обороны в литературе, был ответственный секретарь ЛБО ЛОКАФ и редактор журнала «Залп» (в первый год издания журнала — ответственный редактор) Н. Г. Свириин. В 1936 г. он был назначен ученым секретарем Института русской литературы, был избран членом Пушкинской комиссии и членом редакционного совета по академическому изданию Полного собрания сочинений А. С. Пушкина.⁴ Широкий круг его интересов замечен по публиковавшимся статьям. В 1931 г. он давал в журнал работы о проблемах и задачах критики оборонной литературы, о современных оборонных текстах и о том, какой должна быть оборонная литература; в 1932 г. вышла в свет его статья о военной теме в русской литературе XIX в. (речь шла о Л. Н. Толстом, А. С. Пушкине и М. Ю. Лермонтове); к теме русской поэзии XIX в. он обратился в 1933 г., споря с опубликованной ранее в журнале работой Б. М. Эйхенбаума; наконец, в 1934 г. была выпущена его статья «Пушкин и колониальная политика царизма» в рубрике «История буржуазно-дворянской литературы».⁵ О смещении интересов от современной оборонной литературы к Пушкину Свириин писал ответственному редактору журнала А. М. Дмитриеву, причем он строил амбициозные планы по преодолению устоявшихся в пушкиноведении традиций («Чтобы прихлопнуть старых мудаков-пушкинистов, как ты выражаешься, надо преодолеть груды, горы, Монбланы литературы»⁶).

Свириин имел связи в пушкинодомской среде (так, в первый же год существования журнала он выступил в группе по изучению военных проблем с докладом «Красная армия в современной литературе»⁷), но именно в период публикации статей в журнале еще не был сотрудни-

---

⁴ См. подробнее: Пушкинский Дом: материалы к истории, 1905—2005 / под ред. Н. Н. Скатова, Т. С. Царьковой, А. А. Горелова, В. А. Котельникова, Т. И. Краснородько, Л. В. Харевич. СПб., 2005. С. 519.

⁵ Свириин Н. 1) Основные теоретические проблемы ЛОКАФ // Залп. 1931. № 2. С. 46—52; 2) От деклараций — к действительной перестройке // Залп. 1931. № 4. С. 36—40; 3) Мечом и пером // Залп. 1932. № 10. С. 53—64; 4) Любопытная история поэзии (по поводу статьи Б. Эйхенбаума) // Залп. 1933. № 7—8. С. 55—61; 5) Пушкин и колониальная политика царизма // Залп. 1934. № 4. С. 32—34; и др.

⁶ РО ИРЛИ, ф. 715, оп. 1, ед. хр. 91, л. 21.

⁷ Б. п. Хроника работы Института новой русской литературы (ИНЛИ) за январь—июль 1931 г. // Литература. Л., 1931. <Вып.> 1: Труды Института новой русской литературы Академии наук СССР / под ред. А. В. Луначарского. С. 197.

ком Института. Еще восемь авторов журнала, наполнявших критический отдел и писавших рецензии, были сотрудниками ИРЛИ, но не в период функционирования журнала. Это К. С. Анисимова, Б. А. Бялик, А. В. Западов, С. А. Малахов, П. Н. Медведев, Д. Е. Тамарченко, И. С. Эвентов, Б. М. Эйхенбаум. В начале 1930-х гг. штат Института постоянно менялся, часто происходило оформление на короткий срок. Так что еще трое авторов (Г. Е. Горбачев, М. Г. Майзель и К. И. Ровда) работали в Пушкинском Доме в период 1931–1934 гг., но годы публикации их статей не пришлось на годы официального трудоустройства в Институте. Даже если говорить только о тех, кто в год публикации статьи в журнале был сотрудником ИРЛИ, можно отметить широкую вовлеченность пушкинодомцев в работу военного художественного издания — 10 сотрудников публиковались в журнале «Залп».⁸

А. Л. Дымшиц в основном давал в журнал рецензии на недавно выпущенные произведения оборонной литературы, составил зарубежную хронику и обзор второго периодического издания оборонной тематики, московского журнала «Знамя».⁹ Рецензии на современную оборонную литературу составлял также М. А. Панченко.¹⁰ Т. И. Немчинова, помимо обзоров оборонной литературы, публиковала свои наблюдения о художественных текстах в военных газетах, в том числе в годы Гражданской войны, а также, обратившись к истории женских образов в литературе о Гражданской войне, призывала создавать новые произведения об участницах войны.¹¹ Е. Э. Юновская в 1934 г. писала хроники «За рубежом» (вариант названия — «Зарубежная хро-

---

⁸ Поиск производился по изданию «Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905–2005» (СПб., 2005). В то же время появлялись указания на авторов журнала — сотрудников института, не перечисленных в этом издании. Так, Н. Я. Морачевский назван сотрудником ИНЛИ в сборнике «Литература. 1. Труды Института новой русской литературы АН СССР» (Л., 1931). Вероятно, сотрудником он был назван ошибочно, — в 1930–1934 гг. он был аспирантом Института. В список сотрудников в данной статье он не вошел. Таким образом, 10 человек — минимальное число, внештатные сотрудники и аспиранты могут значительно расширить список.

⁹ Дымшиц А. 1) Л. Никулин. «Записки спутника» // Залп. 1932. № 9. С. 78–79; 2) Борзаковский А. «Половецкие воеводы» // Залп. 1932. № 10. С. 78–79; 3) Хроника зарубежной литературы // Залп. 1933. № 2–3. С. 77–78; 4) О двух коммунистических журналах в Германии // Залп. 1933. № 5. С. 77–78; 5) «Die Linkskurve» мобилизует революционных писателей // Там же. С. 79–80; 6) Еще раз о «моральном разоружении» // Залп. 1933. № 6. С. 79–80; 7) Обзор журнала «Нью Мэссиз» // Залп. 1933. № 7–8. С. 77–78; 8) По страницам журнала «Знамя» // Залп. 1933. № 10. С. 65–69; 9) За рубежом // Залп. 1933. № 11. С. 79–80; 10) Роман Н. Москвина «Маска» // Залп. 1933. № 12. С. 51–52.

¹⁰ Панченко М. 1) Шагают миллионы // Залп. 1933. № 12. С. 49–50; 2) «Окопы» М. Тардова // Там же. С. 50.

¹¹ Немчинова Т. 1) Творческая работа газеты «Красный Балтийский флот» в годы гражданской войны // Залп. 1933. № 2–3. С. 43–47; 2) Массовая работа «Красной Звезды» ЛВО и «Красного Балтийского флота» // Залп. 1933. № 9.

ника») о событиях литературной жизни западных стран (обычно о Германии, Франции и Англии), а впервые в журнале ее работа появилась в 1931 г. — она перевела произведение А. Барбюса.¹²

Н. Л. Степанов, начавший публиковаться в журнале в последний год его издания, составлял критические разборы современной оборонной литературы и писал для появившейся в 1933 г. рубрики «В помощь начинающему писателю». Последняя его работа «Чему учиться у Некрасова», хотя и относилась к рубрике «Литературное наследство», тоже посвящена вопросам литературной учебы.¹³ Через 32 года он издал монографию «Некрасов и советская поэзия».

О. В. Цехновицер сотрудничал с журналом весь период его существования. Его работы выходили за рамки обзоров: он рассматривал советскую литературу военной и оборонной тематики с точки зрения отображения в ней определенных тем (партизанского движения и японской интервенции), а также анализировал пропагандистские художественные тексты периода Первой мировой войны.¹⁴ Цехновицер выявлял ошибки и недостатки в пропаганде царской России. Подобные статьи создавали теоретическую базу для работы с авторами советской оборонной литературы.

Некоторые публикации были тесно связаны с устными докладами авторов, их работы обсуждались и вне печатного издания. Первая статья А. Д. Камегулова в журнале представляет собой доклад о творчестве Д. Фурманова, прочитанный в Пушкинском Доме в 1931 г. (до его трудоустройства в 1932 г.), последняя — доклад в ЛИЯ ЛОКА, посвященный литературе о Гражданской войне. Кроме разбора художественных текстов он обращался к анализу критических и историко-литературных работ (дал статью «Троцкизм в литературоведении»).¹⁵

С. 70—73; 3) Клинки и люди // Залп. 1933. № 10. С. 70—73; 4) Женщина — участница гражданской войны в художественной литературе // Залп. 1934. № 3. С. 32.

¹² Барбюс А. Те, которые не покорились (пер. с фр. Е. Юновской) // Залп. 1931. № 8. С. 3—8; Юновская Е. 1) За рубежом // Залп. 1934. № 3. С. 37—38; 2) За рубежом // Залп. 1934. № 4. С. 39; 3) За рубежом // Залп. 1934. № 5. С. 38—39; 4) За рубежная хроника // Залп. 1934. № 6. С. 38.

¹³ Степанов Н. 1) Разбор рассказа Либермана «Поэт» // Залп. 1934. № 2. С. 10—13; 2) Техника новеллы // Залп. 1934. № 4. С. 26—29; 3) О языке оборонной поэзии // Залп. 1934. № 6. С. 20—23; 4) Чему учиться у Некрасова // Залп. 1934. № 10. С. 24—26.

¹⁴ Цехновицер О. 1) Партизанское движение в художественной литературе // Залп. 1931. № 7. С. 45—49; 2) Японская интервенция 1918—22 гг. в советской художественной литературе // Залп. 1932. № 6. С. 51—56; 3) Как обманывали солдат (массовая лубочно-патриотичная литература 1914—16 гг.) // Залп. 1934. № 7. С. 26—28.

¹⁵ Камегулов А. 1) Творчество Дмитрия Фурманова // Залп. 1931. № 6. С. 49—55; 2) Троцкизм в литературоведении (об историко-литературных и критических работах Г. Горбачева) // Залп. 1932. № 3. С. 40—49; № 4. С. 34—43; 3) Историческая проverka // Залп. 1932. № 9. С. 46—56; № 10. С. 65—71.

Статья была направлена против трудов еще одного сотрудника ИРЛИ Г. Е. Горбачева, работавшего в Институте в 1930—1931 гг. Poleмика имела продолжение на критическом совещании ЛБО ЛОКАФ 8—9 июня 1932 г. С. М. Тарасенков выступил с обвинениями самого Камегулова в троцкизме в связи с этой же статьей «Троцкизм в литературоведении». Была собрана комиссия для разбора работы Камегулова и отклика Тарасенкова, комиссия приняла сторону Камегулова. Тарасенков написал в бюро ячейки ВКП(б) при ИРЛИ РАН, хотел опубликовать в журнале свое выступление на критическом совещании и заявление с ответом комиссии. Резолюция ответственного редактора А. М. Дмитриева по поводу заявления была резкой («Заявление это печатать незачем. Журнал не дискуссионный клуб для выступлений по пяти раз с глупостями»).¹⁶ Статья была вскоре опубликована, однако ее подача вряд ли устроила автора.¹⁷ Публикацию предввряла заметка избранной на совещании комиссии под названием «История одной фальсификации»,¹⁸ а сама публикация доклада С. М. Тарасенкова объяснялась «необходимостью дать читателю возможность ознакомиться с самим подлинником фальсификации».¹⁹ Г. Е. Горбачев и А. Д. Камегулов были расстреляны в 1937 г. по приговору о принадлежности к «троцкистско-зиновьевской оппозиции».²⁰

Единственная работа М. К. Клемана в журнале носит историко-литературный характер и попадает в область его научных интересов, она была посвящена французскому переводу «Записок охотника» И. С. Тургенева.²¹ В то же время статья вписалась в тематику журнала, благодаря тому что в фокусе внимания автора оказалось использование этого перевода противником во время Крымской кампании в целях военной пропаганды: Россия была представлена страдающей под гнетом тирана-императора, от которого ее необходимо освободить.

Форму научного, а не критического текста предпочел и В. М. Абрамкин. Он опубликовал стихотворения непрофессиональных поэтов периода Первой мировой войны, снабдив их справочным аппаратом — вступительной статьей и примечаниями, а также исследовал цензурную историю книги А. С. Новикова-Прибоя «Безумцы и бесплодные жертвы», использованной при написании романа «Цусима».²²

---

¹⁶ Заявление С. М. Тарасенкова в бюро ячейки ВКП(б) ИРЛИ АН СССР // РО ИРЛИ, ф. 499, ед. хр. 157, л. 1 об.

¹⁷ Тарасенков С. Непреодоленные ошибки // Залп. 1932. № 8. С. 69—72.

¹⁸ Мессер Р., Еселев Н., Осипов Н. История одной фальсификации // Там же. С. 64—68.

¹⁹ Там же. С. 69.

²⁰ Пушкинский Дом: Материалы к истории. С. 427, 452.

²¹ Клеман М. «Записки охотника» и Севастопольская кампания // Залп. 1932. № 10. С. 72—74.

²² Абрамкин В. 1) Война и большевистская поэзия // Залп. 1933. № 2—3. С. 67—73; 2) Цензурная история «Цусимы» // Залп. 1933. № 6. С. 60—62.

Т. К. Ухмылова была связана с Пушкинским Домом еще до появления журнала: она с 1929 г. училась в аспирантуре Института, а затем была принята в штат, с 1932 по 1933 г. исполняла обязанности заместителя заведующего Рукописным отделом. Она же 3 июля 1933 г. приняла опись фонда 499 (журнала «Залп»). Ухмылова опубликовала в издании три работы: о современном фольклоре, Демьяне Бедном и о переписке М. Горького с писателями в годы войны.²³ Последняя статья, изданная в период, когда Ухмылова работала в Публичной библиотеке, отражает изменение научных интересов автора. В 1936 г. она была вновь принята в ИРЛИ в Горьковскую группу.²⁴

Таким образом, сотрудничество пушкинородцев дало журналу, помимо обзоров новинок оборонной литературы и хроник литературной жизни, учебные материалы для начинающих писателей, историко-литературные работы, текстологические изыскания и публикации произведений. Так журнал, подконтрольный политическому управлению армии, изначально ориентированный в первую очередь на красноармейцев и краснофлотцев, получил научно-популярное наполнение и базу для работы по формированию советской оборонной литературы.

Влияние было взаимным. По инициативе ЛБО ЛОКАФ в Институте была организована группа по изучению военных проблем, основной задачей которой было составление библиографии. За первую половину 1931 г. группой была составлена библиография произведений на военные темы, опубликованных в журналах в 1912–1914 гг.²⁵ Группа проработала в Пушкинском Доме недолго. Вопрос о ее переносе в ЛИЯ ЛОКА обсуждался на заседании секретариата ЛБО ЛОКАФ уже 12 апр. 1931 г. Вопрос о переносе был решен на Президиуме 15 мая 1931 г., при этом ЛБО ЛОКАФ высказал пожелание, чтобы были завершены работы по библиографированию военной художественной литературы 1914–1918 гг. Америки, Англии, Германии, России, Франции. В журнале библиографическая работа нашла отражение в регулярно помещавшихся отзывах или кратких аннотациях на новинки оборонной литературы, в публикации списка, составленного сотрудником Государственной публичной библиотеки М. А. Брискманом.²⁶

В первой половине 1930-х гг. в Пушкинском Доме начали выходить сериальные издания; некоторые из них, трансформировавшись, до-

---

²³ Ухмылова Т. 1) Сатира Демьяна Бедного в эпоху мировой войны // Залп. 1931. № 8. С. 59–62; 2) Октябрь в устной поэзии // Залп. 1932. № 11–12. С. 76–81; 3) М. Горький и революционные писатели в годы войны // Залп. 1934. № 7. С. 24–25.

²⁴ Пушкинский Дом: Материалы к истории. С. 533.

²⁵ Б. п. Хроника работы Института новой русской литературы (ИНЛИ) за январь–июль 1931 г. С. 196.

²⁶ Красная армия в реконструктивный период: библиография художественной и очерковой литературы / сост. М. Брискман // Залп. 1932. № 11–12. С. 106–112.

шли до наших дней. Выпуск сборника «Литература» (год издания — 1931), в котором были помещены доклады, статьи, публикация биографических и творческих документов о литературе разных эпох, а также хроника научной жизни Института, можно считать первой попыткой создать журнал в ИРЛИ.²⁷ Два автора этого издания публиковали свои статьи в журнале «Залп» (Г. Е. Горбачев и Т. К. Ухмылова). В 1932 г. вышел первый том «Трудов комиссии по древнерусской литературе», в 1934 г. — первый том «Трудов Отдела древнерусской литературы». В 1935 г. был издан первый сборник «XVIII век» (его автор Л. В. Пумпянский опубликовал в «Залпе» статью «Пацифизм в иностранной художественной литературе»²⁸). В 1932 г. была предпринята первая попытка запуска серии «Литературный архив».²⁹

В 1933 г. редакция журнала «Залп» решила дополнить художественный и критический материал публикацией архивных документов. В плане критического отдела эта рубрика издания значилась как «Литературный архив». Был составлен план на первое полугодие 1933 г., публикации предполагались в каждом номере:

- «№ 1. Леонид Андреев — Письма к брату.
- № 2. Куприн о Красной армии.
- № 3. “Записки кавалериста” Гумилева.
- № 4. Статьи и письма В. Маяковского.
- № 5. Поэзия Октября. Неопубл. стихи.
- № 6. Интимный дневник З. Гиппиус».³⁰

Учитывая необходимость работы с архивными документами и тесные связи журнала с ИРЛИ, очень вероятно, что предполагалось широко привлекать сотрудников Института к этой работе. Однако планы были реализованы только частично. В первом номере журнала в рубрике «Военно-литературный архив» действительно вышла публикация писем Л. Андреева к брату во время Первой мировой войны. Документы сопровождалась вступительной статьей «Леонид Андреев в эпоху империалистической войны» и примечаниями. Материалы хранятся в ИРЛИ, опубликовала их аспирантка Института Н. А. Любович.³¹ В дальнейшем в работе по реализации плана рубрики возникли сложности. Первый вариант статьи о Куприне, выполненный писате-

---

²⁷ Галаган Г. Я. Журнал «Русская литература» // Пушкинский Дом: материалы к истории. С. 382.

²⁸ Пумпянский Л. Пацифизм в иностранной художественной литературе // Залп. 1931. № 4. С. 41—46; № 5. С. 53—56.

²⁹ Из литературного наследия Ф. М. Решетникова / ред., вступ. ст. и примеч. И. И. Векслера. Л., 1932. (Литературный архив; вып. 1).

³⁰ РО ИРЛИ, ф. 499, оп. 1, ед. хр. 158.

³¹ Леонид Андреев в эпоху империалистической войны / предисл. и примеч. Н. Любович // Залп. 1933. № 1. С. 65—74.

лем и журналистом Ф. С. Князевым, был отклонен.³² Подготовку публикации полемических статей А. Куприна и В. Березова поручили сотрудникам ИРЛИ А. Л. Дымшицу и Е. Э. Юновской. Были написаны вступительная статья и примечания, однако публикация не состоялась.³³ В 1933 г. еще один раз в журнале была помещена архивная рубрика под названием «Литархив». Представленная в ней публикация одного письма А. С. Новикова-Прибоя М. Горькому с кратким вступлением от редакции, в котором упоминалось, что «письмо доставлено в редакцию» сотрудницей ИРЛИ Т. К. Ухмыловой, не отвечала списку запланированных тем.³⁴ Больше архивные документы в журнале не публиковались. Однако само возникновение такого замысла и частичная его реализация говорят о заявке журнала на изучение истории вопроса.

Вклад пушкинодомцев в «литературно-художественный и критический иллюстрированный журнал»³⁵ обогатил его содержание. Историко-литературные и текстологические изыскания, публикации архивных материалов, научно-популярные статьи позволили встроить формирующуюся советскую оборонную литературу в более широкий исторический контекст литературы, служившей военным целям в России и крупных западных странах наиболее вероятного противника.

Библиографический список

1. *Абрамкин В.* Цензурная история «Цусимы» // Залп. 1933. № 6. С. 60–62.
2. *Б. п.* Хроника работы Института новой русской литературы (ИНЛИ) за январь–июль 1931 г. // Литература. Л., 1931. <Вып.> 1: Труды Института новой русской литературы Академии наук СССР / под ред. А. В. Луначарского. С. 195–200.
3. *Клеман М.* «Записки охотника» и Севастопольская кампания // Залп. 1932. № 10. С. 72–74.
4. Пушкинский Дом: материалы к истории, 1905–2005 / под ред. Н. Н. Скатова, Т. С. Царьковой, А. А. Горелова, В. А. Котельникова, Т. И. Краснобородько, Л. В. Харевич. СПб., 2005. 600 с.

---

³² Работа Ф. С. Князева хранится в фонде журнала «Залп»: РО ИРЛИ, ф. 499, оп. 1, ед. хр. 114.

³³ Работа А. Л. Дымшица и Е. Э. Юновской хранится в фонде журнала «Залп»: РО ИРЛИ, ф. 499, оп. 1, ед. хр. 116. В первом полугодии 1933 г. одним из авторов «Залпа», Г. Е. Горбачевым, была опубликована в журнале «Звезда» тенденциозная статья «Святая семейка» (*Горбачев Г.* Святая семейка // Звезда. 1933. № 4. С. 175–190). В статье использовались материалы дневника Гиппиус, входившего в публикационные планы журнала «Залп». Благодарю за сообщение о статье М. М. Павлову.

³⁴ Письмо А. С. Новикова-Прибоя к М. Горькому от 5/XI 1911 г. // Залп. 1933. № 6. С. 59.

³⁵ Характеристика на обложке журнала. Например: Залп. 1931. № 1.

5. *Свирин Н.* ЛОКАФ — на линию огня // Свирин Н. Литература и война. [Л., 1931]. С. 23—39.
6. *Свирин Н.* Мечом и пером // Залп. 1932. № 10. С. 53—64.
7. *Цехновицер О.* Как обманывали солдат (массовая лубочно-патриотичная литература 1914—16 гг.) // Залп. 1934. № 7. С. 26—28.
8. *Цехновицер О.* Партизанское движение в художественной литературе // Залп. 1931. № 7. С. 45—49.

II. ПУБЛИКАЦИИ

ДНЕВНИК М. Н. СЕМЕНОВА

*(Вступительная статья, подготовка текста и комментарии
А. Ю. Заднепровской и М. А. Семенова-Тян-Шанского)*

Аннотация: Первая публикация дневника измайловского офицера, штабс-капитана М. Н. Семенова за 1823 год. В дневнике отразились быт и настроения русской гвардии в конце царствования Александра I. Среди персонажей, появляющихся на его страницах, — несколько будущих декабристов, в частности, А. С. Гангеблов, М. Д. Лаппа и И. И. Богданович; упоминаются также Рылеев, Н. Бестужев, братья Беляевы, Лорер, Нарышкин, Панов и др. Дневник содержит интересные свидетельства об отношениях офицеров полка с его шефом великим князем Николаем Павловичем и о быте и настроениях рядовых солдат, а также материал к истории телесных и уголовных наказаний в русской гвардии. Многие страницы посвящены быту русского столичного и усадебного дворянства. В комментариях использованы записные книжки Николая Павловича.

Ключевые слова: русская гвардия, эпоха Александра I, декабристы, телесные и уголовные наказания, быт столичного и усадебного дворянства.

Abstract: The first publication of the diary of an Izmailovo officer, staff captain M. N. Semenov for 1823. The diary reflects the life and mood of the Russian guard at the end of the reign of Alexander I. Among the characters appearing on its pages are several future Decembrists, in particular, A. S. Gangeblov, M. D. Lappa and I. I. Bogdanovich; Ryleev, N. Bestuzhev, the Belyaev brothers, Lorer, Naryshkin, Panov, and others are also mentioned. The diary contains interesting evidence about the relationship of the regiment's officers with its chief, Grand Duke Nikolai Pavlovich, and about the life and moods of ordinary soldiers, as well as material for the history of corporal and criminal punishments in the Russian guard. Many pages are devoted to the life of the Russian capital and manor nobility. The comments used notebooks of Nikolai Pavlovich.

Keywords: Russian Royal Guard, The time of Alexandre I, decembrists, corporal and capital punishment in Russian Army, life of Russian gentry.

После смерти в 1914 г. П. П. Семенова-Тян-Шанского на чердаке его дома на Васильевском острове его сын Валерий обнаружил, среди других старых бумаг, дневник его дяди, штабс-капитана Измайловского полка Михаила Николаевича Семенова. Начавшаяся вскоре война и революция надолго отодвинули изучение этого любопытного документа, относящегося еще к 1823 г. Уезжая в 1920 г. в эмиграцию в Фин-

ляндию, Валерий Петрович оставил дневник своему брату Андрею, который и передал его в 1924 г. в Пушкинский Дом. Обработкой дневника начал заниматься в 1920-е гг. еще один внучатый племянник М. Н. Семенова К. Я. Грот, написавший в эти годы биографические очерки о двух его братьях — Петре и Василии, но по разным причинам эта работа не была доведена до конца. Интерес к дневнику был связан с тем, что в нем отразились быт и настроения в русской гвардии накануне событий 14 декабря 1825 г. Среди персонажей, появляющихся на его страницах, — несколько будущих декабристов, в частности А. С. Гангеблов, М. Д. Лаппа и «трагический герой» 14 декабря капитан И. И. Богданович, покончивший с собой в день восстания после неудавшейся попытки предотвратить присягу Измайловского полка Николаю. В дневнике упомянуты также Рылеев, Н. Бестужев, Беляев, Лорер, Нарышкин, братья Пановы. К настоящему времени биографические и бытовые реалии, связанные с дневником, изучены достаточно подробно; это позволило при комментировании дневника свести воедино различные источники, получив таким образом более подробную и многомерную картину.

Михаил Николаевич Семенов родился в 1798 г. и умер в 1859 г.¹ Он был четвертым сыном Н. П. Семенова, рязанского помещика и отставного секунд-майора, ветерана войн Екатерининского времени. Старший брат М. Н. Семенова Петр после двух лет учебы в Московском университетском пансионе поступил прапорщиком в лейб-гвардии Измайловский полк. Он был человеком разнообразных талантов, его стихотворные пародии и пьесы пользовались в 1810-е и 1820-е гг. широкой известностью. В полку он получил прозвище Орфея. (После его отставки это прозвище перешло к служившему в том же полку Михаилу Николаевичу.) Петр Николаевич прошел войну 1812 г. и кампанию 1813—1814 гг., был при Бородине и Кульме, за отличие в Бородинской битве был награжден золотой шпагой с надписью «За храбрость», после битвы при Бауцене попал в плен к французам, в 1814 г. бежал из плена и вместе с русской армией вошел в Париж. С 1816 г. Петр Николаевич участвовал в ранних преддекабристских обществах, Союзе Спасения и затем Союзе Благоденствия.² В начале 1820 г. он тяжело заболел,

¹ В статье К. Я. Грота названа другая дата — 1866 г., попавшая в некоторые публикации и справочные материалы. Эта дата ошибочна, о чем свидетельствует надгробный камень М. Н. Семенова, сохранившийся на разоренном кладбище в его бывшем имении и недавно найденный краеведом и историком А. А. Богдановым. Составители пользуются случаем поблагодарить А. А. Богданова за помощь при составлении комментарий и предоставление некоторых архивных материалов.

² Запись о нем в «Алфавите декабристов» сообщает по этому поводу:

«Семенов. Служивший в л.-гв. Измайловском полку (известный по сочинению оперы “Жидовской корчмы”). Был членом Союза Благоденствия, но уклонился и не участвовал в тайных обществах, возникших с 1821 г.

Высочайше повелено оставить без внимания» (Алфавит членам бывших злоумышленных тайных обществ и лицам, прикосновенным к делу, произведенному

долго лечился на Кавказских водах и в Измайловский полк больше не вернулся. С 1822 г. он женился и поселился в деревне. Либеральные устремления его юности продолжились в 1820-е гг. в широкой благотворительной деятельности в его имении, направленной на улучшение быта крепостных крестьян. «Высокие гуманные чувства П. Н. представились в полном свете во время холеры 1830 г., когда он добровольно заменил местного предводителя дворянства и своими разумными и энергичными мерами остановил развитие болезни в двух уездах Рязанской губернии».³

Второй из братьев Семеновых, Александр, служивший в Кексгольмском полку, также был при Бородине, где получил тяжелое ранение и умер в начале 1813 г. Два младших брата — Николай и Михаил, по возрасту уже не участвовавшие в Отечественной войне, начали службу в том же Измайловском полку в 1815 г. Последний из братьев, Василий, в 1814 г. поступил в Царскосельский лицейский пансион, а затем в Царскосельский лицей (2-й выпуск, 1820 г.) и из лицея вышел в лейб-гвардии Павловский полк. Его попытки перевестись в Измайловский полк к братьям оказались неудачными, и в 1824 г. он оставил военную службу.⁴

В Петербурге в круг общения братьев Семеновых входили родные: сестра их матери Марии Петровны первая русская поэтесса Анна Петровна Бунина и ее брат моряк Иван Петрович Бунин, пользовавшийся широкой известностью в петербургском обществе. Интересные мему-

---

высочайше учрежденною 17-го декабря 1825-го года Следственною комиссиею. Составлен 1827-го года // Декабристы: биографический справочник / подгот. С. В. Мироненко, под ред. М. В. Нечкиной. М., 1988).

К. Я. Грот предполагает в цитированной ниже статье (см. примеч. 3), что П. Н. Семенов не получил при отставке чина полковника вследствие того, что его участие в Союзе Благоденствия было известно командованию полка или самому императору Александру I. Это предположение маловероятно — из простого анализа «Адрес-календаря на 1821 г.», в котором офицеры гвардейских полков перечислены по старшинству производства в предыдущий чин, видно, что П. Н. Семенов находился накануне отставки в нижней части списка капитанов, т. е. не был в числе первых кандидатов на производство в полковники.

³ См.: Грот К. Я. Петр Николаевич Семенов (1791—1832): к столетию со дня смерти: Поэт, пародист и драматург, друг народа / вступ. ст. и публ. П. В. Ильина // Пушкин и его современники: сб. научных трудов. СПб., 2005. Вып. 4 (43). С. 5—62.

⁴ Семенов Василий Николаевич (1801—1863) — младший брат Михаила Николаевича, лицеист II курса (1814—1820), прапорщик Павловского полка. С осени 1824 г. в отставке, чиновник Министерства народного просвещения, с июля 1830 г. по апр. 1836 г. цензор Петербургского цензурного комитета, литератор, член совета Главного управления Закавказского края с 1842 г., управляющий учебной частью в Закавказском крае с 1847 г., попечитель Закавказского учебного округа (1848—1852), член Учебного комитета Главного управления военно-учебных заведений при Главном штабе Его Императорского Величества (1854—1863), тайный советник. См. о нем биографическую статью: Грот К. Я. Василий Николаевич Семенов, литератор и цензор // Пушкин и его современники. Л., 1928. Вып. 27. С. 155—191.

арные свидетельства о них оставил дед Анны Ахматовой Эразм Стогов, связанный с Буниными дальним свойством. В середине 1810-х гг. Стогов по протекции Ивана Петровича Бунина был принят в Морской корпус. Его воспоминания о братьях Семеновых относятся ко второй половине 1810-х гг. (В конце 1817 г. он уже закончил учение в Морском Корпусе и был послан на Камчатку.)

«Анна Петровна Бунина привезла меня в Петербург, брала на праздники из корпуса, ласкала меня, возила с собою в высшее общество, и тем хотела усвоить дикому мальчику — общественные приличия.

Иван Петрович определил меня в корпус, тоже брал к себе по праздникам, его ходатайство доставило мне возможность попасть в Камчатку — оба благодетельствовали мне. Семеновы были родными племянниками Анны Петровны и Ивана Петровича Буниных, которых и я звал теткой и дядей, а поэтому Семеновы звали меня братом. — Семеновых было пять братьев: Петр, Николай, Михаил, Василий и Александр Николаевичи, последнего знаю по рассказам, он, помнится, убит под Бородиным. — Об Александре вспоминали Бунины как о талантливом, он сам нарисовал свой портрет, — весьма похожий; — Петра Николаевича я видал то у Анны Петровны Буниной, то у И. П. Бунина. — П. Н. Семенов был всегда шегольски одет в форму обер-офицера, был очень красивый мужчина, роста вершков девяти, черные очень густые, кудрявые волосы, довольно широкое с тонкими чертами, энергическое, подвижное лицо с острым носом, замечательно широкая грудь, мускулистый, правильно сложенный — наружность богатыря-красавца, приятный голос, говорил очень скоро — будто торопился. — Он старший брат. Петр Николаевич казался мне очень солидным по сравнению с братьями. Говорили, что он был в милости цесаревича Константина Павловича. П. Н. Семенов вообще был ласков, а к тетке особенно внимателен. Его я скоро потерял из виду. Ходили по рукам его шаловливые сочинения, но содержания не помню — могу сказать, не политические, а молодые. Второй брат Николай и третий Михаил служили в Измайловском полку, с этими я часто виделся, бывало, гвардейцы частенько смеялись над моряком-гардемарином, частенько подхватывали классные мои выражения, но тетка всегда защищала меня. — Помню, я сказал: можно постепенно приобрести остойчивость характера. — Гвардейцы разразились хохотом над постепенной остойчивостью. Тетка принялась доказывать разумность и правильность выражения идеи и довела до того, что гвардейцы и не рады были; она ловко и кстати пожелала им приобрести остойчивость характера. Николай и Михаил жили в одном доме с дядей. Николай очень хорошо играл на флейте, мы иногда слушали приятную игру его. Семеновы были тамбовские помещики, получали из дома содержание до 30 тысяч, но никогда не было у них денег, — долги и все в долг. Раз я приехал из Кронштадта, привез скопленных после похода во Францию 100 рублей. — Узнали Семеновы, обрадовались, отняли деньги, сшили мне что я желал рублей на 250, да подарили духов, помады, курительного табаку — взяли все в долг, деньги им были дороги».⁵

---

⁵ Стогов Э. И. П. Н. Семенов и А. П. Бунина // Русская Старина. 1879. Т. 24. С. 49—51.

Еще одно мемуарное свидетельство о братьях Семеновых, относящееся уже к началу 1820-х гг., принадлежит А. С. Гангелову. В 1821 г. он был выпущен из камер-пажей в Измайловский полк. Хронологически его рассказ начинается с весны 1822 г., т. е. меньше, чем за год до периода, охваченного дневником Михаила Николаевича. Мы приводим этот рассказ с небольшими сокращениями:

«Когда Ламсдорф и я явились к полковому командиру Измайловского полка, то нас разместили по разным ротам, причем я присоединился к артели братьев Бутовских.⁶ Вообще мы не могли нахвалиться любезным приемом со стороны общества офицеров.

Весной 1822 г. полк был отправлен в поход в Виленский край.

Вообще походом я скучал. Я не находил удовлетворения моим склонностям в нашей артели, где думали только о том, чтобы хорошо поесть; время проводили или в праздности, или в пошлой болтовне. Это все бы еще ничего, так как я не знал о составе других офицерских артелей и не мог делать сравнений; но я не мог хладнокровно смотреть, как старший Бутовский, Алексей, третирует своего брата Петра, моего соученика по Ришельевскому институту; а между тем Петр был человек смиренный, богобоязливый и рабски покорный своему брату. Раз как-то, из-за какого-то пустяка, и то совершенно напрасно, он набросился на Петра. Я не вытерпел, за него вступился, наговорил Алексею таких вещей, которые для его самолюбия не могли быть лестны, и мы с ним рассорились. На другой день я отправился в Сенно⁷ и перепросился в другую роту, в артель двух братьев Семеновых, Михаила и Николая, а с тем вместе и Ивана Ивановича Богдановича. Этот последний давно уже зазывал меня в свой кружок. Прямо из Сенно я приехал к ним. Самый уже прием со стороны моих новых товарищей меня обворожил; а затем, на первых же порах, я увидел себя в совсем другой сфере: золотая умеренность, открытость обращения, прелесть любопытных и живых бесед; к тому ж книги, краски, музыка, конечно, насколько это было возможно в походе; словом, в этом приюте я нашел все, чего алкал, на что откликнулись мои инстинкты. С тем вместе я видел, что все трое мои новые товарищи меня полюбили, и я полюбил их от всей души. Весь остальной поход до Вильны был для меня приятнейшей прогулкой. Михаил Николаевич, даром что несколькими годами моложе своего брата, обладал характером вполне установившимся; от своих правил он не отступал ни на шаг и не позволял себе увлекаться в какая-нибудь крайности. К самому себе он был особенно строг. Нередко он, дружески надо мною подшучивая, замечал мне, что я еще “не выкяпитился”, что я моложе моих лет. О людях своей роты он заботился, как о своих детях. При тех же добрых началах, брат его Николай был другой человек. Смотрел он на вещи поверхностно. К тому же весь запас мышления он ограничил с одной стороны веком Людовика XIV, с другой — Вольтером и Руссо. Он особенно любил Буало, знал наизусть его *Art Poétique*, его *Le Lutrin* и несколько сатир. В Петербурге у него оставалась библиотека, в которой первое место занимали полные сочинения названных писателей. Несмотря на такую замкнутость его воззрений,

⁶ О капитане А. П. Бутовском см. ниже примеч. 60.

⁷ Сенно — город Могилевской губернии, где располагался штаб полка.

я много обязан Николаю Николаевичу: до сближения с ним, произведения чисто-литературные — романы, poésies и т. п. я считал слишком достаточными для моего умственного обихода; он же открыл мне новый мир, мир деятельности мысли.

Простояв в Вильне восемь месяцев, гвардия выступила в обратный путь. Поход этот мы совершали чрез Остзейский край, и ко времени Петергофских празднеств вся гвардия стянулась к Петергофу, где, простояв несколько дней, стала расходиться по своим квартирам, но не в прежнем порядке: до похода, полки в полном своем составе помещались каждый в своих Петербургских казармах; по возвращении же из похода, в Петербург вступали только по два батальона, а третий расквартировывался по окрестным местам; через полгода его сменял другой батальон, а затем в свою очередь и третий. Мера эта, как говорили, принята была с гигиенической целью: солдату таким образом предоставлялось периодически пользоваться сельским воздухом и отдыхом от трудов гарнизонной службы, что при тогдашней двадцатипятилетней службе было большим облегчением. Вследствие этого нового порядка наш (третий) батальон из-под Петергофа прямо перешел на «загородное расположение», при чем наша рота (М. Н. Семенова) заняла деревню Витину.

В Витину Семенов перевез из города свое фортепиано, его брат Николай прислал мне книгу; и мы зажили недурно, несмотря на то что нас окружала страшная глушь».⁸

Для А. С. Гангблова пребывание в Витино стало своего рода инициацией, под влиянием чтения Руссо и разговоров с еще одним членом их офицерской артели — подпоручиком М. Д. Лаппа. Именно Лаппа и принял несколько позже Гангблова в Северное общество. В мемуарах Гангблова он фигурирует под именем Зета.

«У себя, в Витине, обмениваться мыслями мне было не с кем, так как мой сожитель был человек вполне положительный: он далеко не одобрял моих бредней и, что хуже, над ними подтрунивал, повторяя прежнее на мой счет замечание, что я еще не выкипятился, что мне нужно еще поприглядеться к свету. Чем далее я встречал противоречий со стороны Семенова, тем больше, несмотря на мое глубокое к нему уважение, я находил в нем неподготовленности и, наконец, неспособности к обсуждению таких отвлеченностей. Зет, нередко навешавший нас, особливо в начале загородной стоянки, оказался более податливым на толки о предмете, меня занимавшем, но когда между нами разговор начинал склоняться в эту сторону, то оба они, Зет и Семенов, видимо старались его заминать. Однажды Зет мне сказал: “И охота вам заводить с Михайлом Николаевичем речь о подобных вещах! Разве вы не видите, что он этого не любит?”».⁹

Круг чтения самого Михаила Николаевича, как он отразился на страницах дневника, несмотря на его нелюбовь к «отвлеченностям»,

⁸ Воспоминания декабриста Александра Семеновича Гангблова. М.: Унив. тип., 1888. С. 20—22, 29.

⁹ Там же. С. 30—31.

достаточно обширен — мы находим в нем французских классиков XVIII в., «Историю кавалера Фоблаза» Луве де Кувре, но также Байрона и Ламартина, а из русских авторов, кроме Фонвизина и Державина, знаменитый 9-й том Истории Карамзина. Вместе с тем для него был характерен глубокий консерватизм. Запись от 9 сентября упоминает его спор с одним из полковых приятелей кн. Кропоткиным «на щет обязанностей русского дворянина противу Государя и отечества, по законам нашим, кои честь и благородство заставляет выполнять; мнение мое не мог он отвергнуть, как ни старался». Этот консерватизм отнюдь не равнялся сервильности, вопросы чести всегда остаются у Михаила Николаевича на первом плане. В этой связи интересно отметить инцидент с шефом полка великим князем Николаем Павловичем, отразившийся в записях дневника от 18 и 19 июня:

«Придя домой, лег было спать, но не успел; ибо пришли Лаппа и Андреев и сказали мне, что великий князь сказал последнему: вас поставим с солдатами в шеренгу, это меня раздосадовало, мы долго толковали, какие бы меры применить противу таких грубостей, я подал мнение свое, как поступить в случае сем двояко, первое, идти к полковникам и просить довести до сведения великого князя, что мы обижаемся, другое, ехать Андрееву к корпусному командиру. Вечером у нас перебивало много народу, много было разных толков и сидели часу до 2-го ночи, все судили, как лучше поступить. Старшие хотели это всячески замять. Я сам, видя невозможность делать что-нибудь прежнему методю нашею, избирал средства гораздо скромнее и более разумнее.

Вечером у Батуриновых положено было всем идти просить генерала вместе ротным командирам, дабы он довел до сведения его высочества, что мы все оскорблены его словами.

После целое утро прошло в ходьбе из номера в номер. Генерал, еще прежде нежели полковники были у него, докладывал сам по себе великому князю, он перетолковал свои слова и кончил тем, что он хотел поставить Андреева в шеренгу офицерскую, и что не остерегся с офицерами потому, что приезжает на ученье не так как начальник, а так как отец».

Конфликт с великим князем был потенциально взрывоопасным, так как он был далеко не первым происшествием такого рода — наиболее известным из них была так называемая «Норовская история» 1822 г.,¹⁰ когда ответом на аналогичное оскорбление со стороны Николая Павловича стала коллективная отставка офицеров Егерского полка — все офицеры-измайловцы эту историю хорошо знали. В данном случае великий князь предпочел избежать скандала и уступить (как в итоге, после вмешательства командующего 1 Гвардейской дивизии И. Ф. Паскевича, ему пришлось поступить и во время «Норовской истории» — при этом позже эта история тяжело отразилась на судьбе самого В. С. Норова, замешанного в событиях 14 декабря).

---

¹⁰ См. о ней ниже примеч. 172.

«Отеческое отношение» Михаила Николаевича к своим солдатам, о котором пишет Гангеблов, в полной мере отразилось на страницах его дневника — в духе времени оно простирается от заботы об их быте и здоровье до неизбежных телесных наказаний. Отметим характерный эпизод в записи дневника от 29 апреля:

«В 8 часов отправился в роту с тем, чтобы побить Деникина, который хоть и невинно был побит фельдфебелем, но все таки нагрубил ему. Фельдфебелю я дал у себя в комнате 100 палок и обещал в первый раз, когда он подерется, разжаловать; но и Деникину не надлежало спускать; но как я приметил недовольствие целой роты, то искусно спросил у фельдфебеля, хочет ли он простить ему, и тот простил».

Для того же Деникина Михаил Николаевич испрашивает затем разрешение на женитьбу у командира батальона и собирает сведения о его невесте. Серьезность и внимательность Михаила Николаевича контрастирует с гораздо более легкомысленным отношением других офицеров, о котором пишет Гангеблов:

«Одни ротные командиры серьезно службой были заняты, а младший офицер, коль скоро он отбыл три или четыре учения в неделю да отстоял в карауле, то считал себя совершенно свободным: никогда не заглядывал в ротную казарму и даже лично не знал своей части солдат. Нам очень не понравилось, когда, на последнем инспекторском смотре, начальник штаба Нейгардт, желая изведать радивость молодых офицеров к своему делу, приказал называть по имени солдат своих взводов; ни одному из нас не удалось назвать более десяти человек с праваго фланга».¹¹

Эпизод с «недовольствием целой роты» кажется тем более важным, что он служит свидетельством подспудного брожения в солдатской среде, прорвавшегося наружу во время «Семеновского бунта» 1820 г., за три года до событий, описанных в дневнике, или в виде немотивированного убийства капитана Егерского полка унтер-офицером его роты в начале 1825 г., т. е. спустя два года.¹² Отношения с «нижними чинами», как они отразились в Дневнике, включают еще один важный и трагический эпизод. В записях от 13 и 14 ноября читаем:

«По утру встал в 8 часов и одевшись отправился в комиссию военного суда, учрежденную над рядовым третьей роты за жалобу в ордонансгауз. — Суд проводили в квартире презуса Воропанова, и велено было оный кончить в 24 часа, потому и назначили другое собрание — в час пополудни. Возвратясь домой, в 10 часов занялся своими делами, играл немного на фортепьяно, потом в час был недолго у Штакельберга и отправился опять в суд. По допросу, подсудимому зделанному, оказалось, что много виноваты фельдфебель и капитан, а так как приказано нам было судить в 24 часа,

¹¹ Воспоминания декабриста Александра Семеновича Гангеблова. С. 35–36.

¹² Об этом брожении пишет в своих воспоминаниях А. С. Гангеблов (см. ниже примеч. 124).

т. е. осудить, мы не делали следствий, а основывались на следственном рапорте, присудили его лишить живота, за отлучение от роты после зори и во время дежурства.

По утру встал в 8 часов ровно и пошел в комиссию военного суда для окончательного решения дела и суд свой подписал к 9 часам, было несколько споров и мы кой как зделали дело, то есть сколько скорость позволяла».

Обрамляющие записи об игре на фортепиано и уходе за знакомой Михаила Николаевича Добровольской как бы банализируют эту невероятную историю — речь идет о вынесении смертного приговора без соблюдения следственной процедуры и на основе начальственного предписания покончить дело в 24 часа, как если бы речь шла о событиях военного времени, — при этом формальным основанием приговора служит отсутствие обвиняемого во время зори. Комментатору неизвестны другие свидетельства этого рода. Если приговоры к практически смертельному телесному наказанию в практике Александровского времени нередки, формальный смертный приговор в мирное время кажется беспрецедентным. Между тем автор дневника к этому эпизоду больше не возвращается и, как кажется, считает его вполне заурядным.

От событий 14 декабря Дневник отделяют всего два года; на его страницах мы находим вперемешку будущих активных участников восстания и участников его подавления. Никто из них — и менее всего сам Михаил Николаевич — еще не знает этого, не подозревает о той резкой черте, которая разделит их судьбы. При составлении комментариев мы старались всюду, где это было возможно, выделить этот второй план.

Вероятно, нет смысла подробно пересказывать множество мелких эпизодов, отразившихся на страницах дневника. Одной из очень полезных находок при его комментировании оказались изданные недавно полностью с прекрасными комментариями «Записные книжки» великого князя Николая Павловича.¹³ Записи великого князя почти полностью лишены оттенков и подробностей — и тем не менее, прочитанные параллельно с теми страницами Дневника, на которых речь идет о тех же событиях, — высочайших учениях, дворцовых караулах и пр., они добавляют к ним как бы новое измерение. Иногда интересный акцент создается как раз отсутствием у Николая Павловича параллельной записи. Под 12 ноября в дневнике читаем:

«Поехал на ученье, где был генерал, в дворцовом манеже делали приемы развода, мои ходили порядочно. Под конец приехал Великий князь,

---

¹³ Записные книжки великого князя Николая Павловича, 1822—1825 / под ред. М. Я. Сидоровой, М. Н. Силаевой. М.: Полит. энциклопедия, 2013. Далее ссылки приводятся на это издания с указанием названия «Записные книжки великого князя Николая Павловича» и номера страницы.

я ему первый попался, он подозвал к себе, спросил ласково, здоров ли, потом сказал: я доволен, благодарю тебя за твое усердие и старание, рота твоя удивительно поправилась, я твоею службою весьма доволен; на сие отвечал я, что всеми силами готов стараться исполнить свою обязанность и служить. Государь Великий князь прибавил: я в этом совершенно уверен и, поверь, всегда был уверен, после сего обнял меня под мышку и поцеловал. Хоть я никогда не ишу отличной ласки, ибо знаю, что она не может доставить всегда прочного одинакового счастья, но признаюсь, ласка сия была мне крайне приятна и тем более, что подойдя к роте увидел я, как это людям было приятно, следовательно, они меня любят, — не любя начальника, поощрение ему принимают они хладнокровно».

Великий князь под той же датой записывает лаконично:

«Поехал в дворцовый экзерциргауз, репетировал развод с 3-м батальоном Измайловского, хорошо».¹⁴

Единственное прямое упоминание Михаила Николаевича в «Записных книжках» великого князя в записи от 11 января 1824 г. немного выпадает из временных рамок дневника и создает для него как бы завершающий аккорд:

«Холодный ветер, полградуса мороза, прибыл в Ропшу в 9, Мартынов, Симанский, капитаны, чай, ординарцы, видел унтер-офицеров и ефрейторов 4-й роты 3 батальона Измайловского, довольно хорошо, за исключением тех, что из 9 роты, посадил Семенова под арест, закончил учение в 1 1/2, чувствую себя нехорошо, лег, голова болит».¹⁵

Военная карьера Михаила Николаевича в Измайловском полку развивалась первоначально довольно успешно. Его краткий послужной список (из дела о дворянстве) гласит:

«В службу вступил подпрапорщиком 1815 года марта 1 лейб-гвардии в Измайловский полк, и в оном портупей-прапорщиком 1817 марта 6, прапорщиком того ж года августа 9, подпоручиком 1819 февраля 27, поручиком 1820 мая 22, штабс-капитаном 1823 января 6, капитаном 1825 января 1. В походах, штрафах и под судом не был. Холост. К повышению аттестован достойным».¹⁶

В 1823 г. он был командиром 3 роты Измайловского полка, опережая по службе и в чинах старшего брата Николая (по контрасту с братом Николай имел в полку прозвище Морфей). Военная карьера обоих братьев оборвалась вскоре после 14 декабря 1825 г. Николай подал в отставку уже 7 января 1826 г. Михаил Николаевич получил длительный отпуск по болезни осенью того же года и затем в течение несколь-

¹⁴ Записные книжки великого князя Николая Павловича. С. 303.

¹⁵ Там же. С. 339.

¹⁶ Государственный архив Рязанской области, ф. 98, оп. 10, д. 22.

ких месяцев 1827 г. Указ о его отставке подписан главнокомандующим 1-й армией, генерал-фельдмаршалом Остен-Сакеном:

«...1827 года декабря 31 день по высочайшему Его Императорского Величества приказу уволен от службы за болезнью полковником и с мундиром».¹⁷

Мы не имеем никаких сведений о какой-либо серьезной болезни Михаила Николаевича; скорее всего, эта болезнь была лишь предлогом для прошения об отставке, последовавшей всего за несколько месяцев до начала Русско-турецкой войны, в которой Измайловский полк принял активное участие. Хотя в числе знакомых и сослуживцев Михаила Николаевича (в том числе входивших в его офицерскую артель, т. е. деливших с ним кров и стол) было несколько участников восстания 14 декабря, сам он никак не был замешан в декабрьских событиях. Правдоподобная гипотеза о причине его отставки связана с его отношениями с полковником Л. А. Симанским, бывшим в 1823—1825 гг. командиром батальона Измайловского полка. Дневниковые записи 1823 г. фиксируют обострение отношений между Михаилом Николаевичем и Симанским, М. Н. даже пробовал жаловаться на него командиру полка генералу Мартынову. Между тем Симанский пользовался расположением шефа полка великого князя Николая Павловича. 14 марта 1825 г., после того как генерал Мартынов был назначен командующим 3 Гвардейской дивизией, Симанский стал командиром Измайловского полка. Утром 14 декабря 1825 г. полк присягнул Николаю и Симанский вывел его на площадь в поддержку новому императору. Николай оценил эту преданность и на следующий день удостоил Симанского звания флигель-адъютанта; в мае 1826 г. Симанский был произведен в генерал-майоры. Можно предположить, что в этих обстоятельствах Михаил Николаевич оценивал дальнейшие перспективы своей карьеры не слишком высоко. Все же обстоятельства его отставки сложились для него относительно благоприятно — он был уволен с производством в следующий чин полковника (4 годами ранее его брат Петр Николаевич, боевой офицер, не получил при отставке чина полковника, несмотря на хлопоты родных). Другой вероятной причиной стали проблемы, связанные с разделом отцовского имения, находившегося в это время в нераздельном управлении старшего брата.

Отставка в 29 лет делит жизнь Михаила Николаевича на две практически равные части; при этом все, что мы знаем о его жизни в качестве помещика и сельского хозяина, находится в довольно резком контрасте со свидетельствами его юношеского дневника. Щеголеватый гвардейский офицер в красном колете превратился в патриархального помещика. Как пишет в своих воспоминаниях племянник Михаила Николаевича П. П. Семенов-Тянь-Шанский,

---

¹⁷ Там же.

«<Михаил Николаевич> не признавал никакой специальности в своих крепостных. По его теории, каждый по его приказанию должен был быть на все способен. Поэтому иметь для себя повара он считал баловством, которое он допускал только для одних барынь. Сам же он говорил, что повар ему ни на что не нужен, потому что он, вставая по утру очень рано, отправлял на кухню первого встречного мальчика из пасущих скотину и заказывал ему обед. На ответ мальчика, что кушанья он готовить не умеет, он выкрикивал грозно: “Как ты смеешь мне грубить? Ступай сейчас на кухню и готовь суп, пирожки и котлеты”. Мальчик отправлялся на кухню, находил жившую там судомойку и приготавливал под ее руководством всё требуемое, а помещик за обедом выхвалял приготовленные кушанья, говоря: “Вот и пирожки, точно настоящие!” Действительно, пирожки имели очень отдаленное сходство с настоящими. Тот же помещик не признавал никакой специальности и в посуде. Всякая посуда, которую били обыкновенно в большом количестве, исполняла всевозможное назначение в разные времена дня. Костюмы его соответствовали также его убеждениям. На зимнюю одежду употреблялось им сукно его собственной фабрики, летняя же делалась из какой-то материи, покупаемой им по дешевой цене для заворачивания сукна. Из этой материи приготавливалась не только полная пара, но даже и фуражка, и гордился тем, что весь его летний костюм обходился ему в 35 копеек, так как работа производилась первыми встречными крепостными по наряду и была даровая. Все это не было с его стороны скупостью, так как он не жалел денег ни на воспитание детей, ни на содержание своей семьи».¹⁸

Увлечение музыкой, чтение Ламартина, переводы с французского — все осталось в прошлом. Получив от отца при разделе имение Подосинки, 900 десятин и 99 душ крепостных, Михаил Николаевич пустился затем в различные обороты, позволившие ему первоначально удвоить и утроить его состояние. В 1843 г. ему принадлежало 1900 десятин и 283 ревизских души. Секрет этих оборотов был, впрочем, не слишком сложен и основывался, главным образом, на использовании для получения оборотных средств залога и перезалога его имений. В 1830 г. Михаил Николаевич женился на совсем юной 15-летней княжне А. А. Волконской; ее мать княгиня М. А. Волконская владела в соседней Тамбовской губернии обширным поместьем, но ее дела к тому времени уже были сильно запутаны. Княгиня рассчитывала с помощью энергичного зятя справиться с этими затруднениями, но в итоге ее имение было полностью промотано и остатки его в начале 1850-х гг., после смерти княгини и ее младших сыновей, были проданы за долги.

Дела самого Михаила Николаевича некоторое время шли довольно успешно. В 1843 г. он написал «Руководство к управлению имением», изданное пятью годами позже в Москве.¹⁹ Имение его считалось в эти

¹⁸ Семенов-Тянь-Шанский П. П. Мемуары. Т. 1: Детство и юность, 1827—1855. М.: Кучково поле, 2019. С. 233—234.

¹⁹ Руководство к управлению имением, селом Архангельским Раненбургского уезда Рязанской губернии, <сочинение> Полковника Семенова. М.: Унив. тип., 1848.

годы образцовым, помимо полевого хозяйства он занимался разведением мериносовых овец и построил в имении суконную фабрику. В 1840-е гг. на ней работало 19 человек крепостных, выпускалось до 60 полотен в год на сумму более 5000 р. Михаил Николаевич пользовался в эти годы уважением и авторитетом среди соседей-помещиков.

«Он долго служил посредником полюбовного размежевания и славился искусством улаживать несогласия между сторонами настолько, что к нему даже нарочно ездили за этим. Он был небольшого роста, чрезвычайно живой, юркий человек, охотник поговорить и умевший говорить, очень предприимчивый и любитель всего нового. Он славился своим хозяйством, которое начал с относительно небольших средств и значительно увеличил. При этом он вносил в него много нового, что впоследствии заимствовалось другими. Так, ему первому приписывают введение в Раненбургском уезде посевов озимой пшеницы и ячменя (на продажу); а сады и парк его были известны даже за пределами уезда».²⁰

Дальнейшие обороты Михаила Николаевича, к сожалению, оказались уже неудачными и разорительными. Ко времени его смерти в сентябре 1859 г. имения находились в залоге в Московском опекуном совете, а сумма казенных и частных долгов достигала 117 760 р. серебром.²¹ Вследствие разлада в семье Михаила Николаевича его жена жила с ним в разъезде с начала 1850-х гг.; после смерти мужа ее имущественное положение оказалось весьма стесненным, почти бедственным.

В середине 1840-х гг. Михаил Николаевич стал опекуном своих племянников, детей своего старшего брата Петра Николаевича, умершего еще в 1832 г. Младший из них, Петр Петрович Семенов, получил впоследствии всемирную известность как выдающийся географ, исследователь Средней Азии и как один из видных деятелей эпохи освобождения крестьян. Непростые отношения Михаила Николаевича с племянником были осложнены его твердым решением отказаться от военной и чиновничьей карьеры и всецело посвятить себя научным занятиям. 18-летнему юноше пришлось вытерпеть по этому поводу много упреков. В дополнение к этому пример Петра Петровича действовал и на его двоюродных братьев, сыновей Михаила Николаевича. Оба они вместо военной и гражданской службы выбрали занятия наукой — старший Николай был в середине 1850-х гг. хранителем Ботанического музея при Московском университете, а младший Александр стал химиком, приват-доцентом того же университета. Отношения обоих молодых людей с отцом оказались непоправимо испорченными.

---

²⁰ Волконский Н. С. Условия помещичьего хозяйства при крепостном праве // Труды Рязанской ученой архивной комиссии. Рязань, 1897. Т. XII, вып. 3. С. 126.

²¹ Дело по прошении вдовы полковника Анны Александровны Семеновой об утверждении духовного завещания на имение мужа ее // Рязанский исторический архив, ф. 637, оп. 105, д. 2.

Воспоминания о службе в Измайловском полку остались для стареющего и запутавшегося в семейных и хозяйственных делах Михаила Николаевича, возможно, единственным светлым пятном. Верность старой полковой дружбе — симпатичная черта, и к чести Михаила Николаевича нужно сказать, что он оставался ей верен и в отношении старых друзей, пострадавших после 14 декабря. А. С. Гангблов пишет в своих воспоминаниях:

«Когда я был освобожден из крепости, Семеновых я уже в полку не застал и с тех пор не имел о них сведений, за исключением лишь того, что они жили в своем имении в Раненбургском уезде. Отозваться к ним я не решился из опасения потревожить их моим письмом, так как в то время на прикосновенных к делу декабристов смотрели как на зачумленных. Но с 1846 г. между мной и Михаилом Николаевичем переписка началась, и переписка самая душевная, и деятельно продолжалась более десяти лет; последнее его ко мне письмо помечено от августа 1856 г. Впоследствии я случайно узнал, что он около этого времени умер. А вот и еще знак приязни ко мне Семеновых: из них Василий Николаевич, возвращаясь с женой в Петербург из Грузии, где он служил, сделал большой объезд на Верхнеднепровск, чтоб со мной видиться, но не застал меня дома: я был в то время на Кавказских водах».²²

Иногда кажется, что поздние письма Михаила Николаевича с их раздражением и несправедливыми упреками и страницы юношеского дневника написаны разными людьми. Из человеколюбия правильнее опустить занавес и оставить в памяти читателя образ наивного молодого человека, заботящегося о делах службы, думающего о моральном совершенствовании, играющего на фортепианах, обучающего грамоте крестьянских ребятишек, целующегося с девками, мечтающего о женьтибе, у которого все еще впереди.

Составители пользуются случаем поблагодарить краеведа и историка А. А. Богданова (Музей-усадьба П. П. Семенова-Тян-Шанского «Рязанка», Липецкая обл.) за помощь при составлении комментариев и предоставление некоторых архивных материалов.

Дневник М. Н. Семенова печатается по рукописи, хранящейся в Рукописном отделе Пушкинского Дома (Ф. Р 1. Оп. 25. Д. 32. Л. 1—89). Подготовка рукописи к публикации проделана совместно А. Ю. Заднепровской и автором настоящего предисловия. Текст публикуется по современной орфографии с сохранением многочисленных архаизмов и особенностей орфографии и синтаксиса автора. Пунктуация (в значительной степени отсутствующая в исходном тексте) приближена к современным нормам.

М. А. Семенов-Тян-Шанский

---

²² Воспоминания декабриста Александра Семеновича Гангблова. М.: Унив. тип., 1888. С. 41—42.

Дневник 1823-го года гвардии штабс-капитана (позже полковника) Михаила Николаевича Семенова, использованный для его биографического очерка в 1926 г. Константином Яковлевичем Гротом и принесенный в дар Пушкинскому Дому внучатым племянником автора дневника Андреем Петровичем Семеновым-Тянь-Шанским 28 мая 1926 г.

Андрей Семенов-Тянь-Шанский.²³

1823 ГОД

1 Января. Понедельник

По утру встав по обыкновению напился чаю, потом ходил к Генералу¹ поздравить его с новым годом, он сего дня болен и принимал рвотное, недолго я у него побыл и возвратившись домой — сидел у Кобяковых,² обедал там же и весь вечер пробыл дома. Первый день нового года провел не совсем весело, дела нашего отъезда и Васинькиного³ отпуска плохо идут. Вечером думал настроить фортепиано; но бросил и лег спать. Сего дня по утру был у обедни, певчие наши отлично пели.

2 Января. Вторник

Рано Николай⁴ отправился к Миллеру⁵ просить денег и Васинька к Казначееву⁶ хлопотать о своем отпуске, а я поехал в Гостиный двор, купил сукна на рейтузы, отдал Грибанову шить и взял от него свой мундир. Обедать отправился к Замятину,⁷ который просил меня через Николая, коему обещал искать денег У Замятина пробыл до 6 часов. После того отправился к Зиновьеву⁸ просить дать мне обещанные 300 руб<лей>. Мне сказали, что он у отца⁹ на верху, я послал доложить о себе; но мне пришли с ответом, что его нет дома; с душевным прискорбием возвратился я домой, досадуя на обман товарища, которого уважал, и лег спать не очень весел; ибо со стороны Васиньки ничего не решено, а со стороны денег надежда на одного Миллера; но только еще надежда.

3 Января. Среда

Довольно рано встал, т. е. в 6 часов. Гангеблов¹⁰ отправился на инспекторский смотр, который назначен нашей бригаде корпусным Уваровым,¹¹ и который по причине великой стужи был сделан в шинелях. Одевшись, отправился я на квартиру Кобяковых к братьям, ибо у меня очень холодно. Брат Васинька возвратился от Казначеева с полным отказом, смотр очень рано кончился, корпусный командир прекрасно смотрел, опрашивал людей, разговаривал с ними, расспрашивал, как зовут начальников, и тому подобное. Бумаги оставил смотреть Желту-

---

²³ Дарительная надпись на обложке Дневника. Упомянутая в ней рукопись неопубликованной статьи К. Я. Грота «Дневник измайловского офицера М. Н. Семенова» находится в РГАЛИ (Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 75).

хину.¹² К обеду Николай принес от Миллера 500 руб<лей>, все гривенниками. После обеда отправился к брату Бехтееву,¹³ где провел с ним и с Николаем Плаутиным¹⁴ весьма приятно часа два времени. Возвращаясь домой, заехал к Зиновьеву, который мне приказал сказать, что непременно будет дома, и обманул. Это меня крайне раздосадовало; я не знал, что делать, где взять денег. Братья поехали к купцу, где учился Николашка, тот обещал поискать. Итак часов в 10 я лег спать, проведя день благополучно. Был у Ханьковых,¹⁵ но их не было дома.

4 Января. Четверг

По утру рано встал и отправился хлопотать по своим делам. Зашел к Шванвичу¹⁶ и сделал с ним расчет, я ему доказал, что он должен Васильчикову¹⁷ 14 руб<лей>. От него пошел к Яновским,¹⁸ отсюда делал разные покупки в Гостином дворе, и все сие весьма удачно. Возвратился назад домой, ничего не проездил на извозчике, все ходил пешком, несмотря на мороз 22 град<уса>. Пришел к Кобяковым к обеду, где мы складывались и посылали в трактир. Вечером отправился к Ханьковым вместе с Николаем, нашел там Неболсиных, которых дочь мне весьма понравилась, я однако не строил куров. Перед ужином попросил Ханькова сделать мне милость ссудить деньгами, и он выпросил у матери, у которой не много денег. Во время ужина говорил с Катериной Петровной с полчаса довольно откровенно. Возвратился домой в Мемсина карете. Перед вечером ходил просить денег у Генерала, он надоумил меня идти к Екатерине Петровне, сам же отказал, уверяя, что точно не имел денег, обошелся со мной отменно ласково.

5 Января. Пятница

С утра до 9 часов вечера провел дома в хлопотах, устраивал свои дела, благодаря бога, очень порядочно, поутру побранился немного с Николаем. Ездил к Грибанову за рейтузами, потом получил от Ханькова 500 рублей. Пообедав, стал укладываться, заходил к Богдановичу.¹⁹ Напившись чаю, отправился в путь. Богданович и старший Кобяков проводили нас до заставы. В 9½ выехали мы из города, через полтора часа прибыли благополучно в Царское Село. В половине 2-го часа прибыли в Гатчину, потом в Выру в 5 часов. Эти две станции ехали парой, от этого очень тихо, а так как мороз был отменно велик, то решились брать третью лошадь. От Гатчины до Выры потерял саблю.

6 Января. Суббота

В 7 часов прибыли мы в <нрзб>. Так как еще было рано, мы не пили тут чай, а отправились до Долговки, куда прибыли часа в два, я как-то придавил часы, но на станции пошли, мороз весьма был велик по утру

в Долговке мы пили чай, потом отправились до Луги, ехали полтора часа, потом, взяв почтовых, поехали проселочной дорогой до Павловичей — куда прибыли в час по полудни, еще не обедали, и мы до обеда успели переодеться. Я заплатил нашему вояжу кончиком носа. Нас отменно ласково приняли. Васинька и Ханьков скоро после нас приехали. После обеда мне очень хотелось спать. Вечером сели играть в вист, и это меня разгуляло. В 9 часов с большим удовольствием лег спать.

7 Генваря. Воскресенье

С утра все нарядились и в 11 часов отправились в церковь. Мы с Николаем как шаферы дядюшки Ивана Петровича²⁰ отправились вперед. Васинька был шафером Александры Петровны.²¹ Мы приехали в полобедни, и так как в церкви очень было холодно, мы пошли к попу в избу. Потом встречали невесту, подъехавшую к концу обедни. Потом началось венчание и продолжалось довольно долго. Мы были в одних мундирах и порядочно продрогли — возвратился я домой прежде всех. Обед у нас был продолжительный, здоровье разносили мы с Николаем. После обеда пришла музыка Пруссаго полка, Берхман²² был тут, и жена его была мать посаженная у невесты. Вечером танцевали, я переряжался в женское платье. В 9 часов ужинали в 10 легли спать. Берхманы уехали. Сего дня я провел день благополучно.

8 Генваря. Понедельник

Я первый в доме проснулся в 7 часов, встал же в 9 часов. Молодые поехали в Лугу к Берхману: я не поехал по причине холода и целое утро настраивал фортепьяно, потом до обеда провел время в разговорах. В три часа обедали, после того написал я письмо к тетушке, играл на фортепьянах, потом вечером занимался своими делами. После чаю играл на фортепьянах и пели все кто во что горазд. Ужинали рано, потом в 10 часов легли спать.

9 Генваря. Вторник

Встали в 5 часов для провожанья наших Петербургских — Ханькова и Васиньку, напились кофию, проводили их в 7 часов и легли опять спать до 9 часов. После того завтракали и от скуки сели играть в бостон, в чем и провели время до обеда. К обеду приехал Роткирх — урод. Лет сорока, без ног и рук родившейся, у него нет совсем кистей руки и культишки в четверть аршина величины, ноги состоят из одних ступней — на коих по три пальца, сими пальцами производит он всякого рода работы, пишет, он знает три языка и довольно образован. После обеда я немного соснул. После чаю у нас был общий разговор о религии и Волтере. После ужина легли спать.

10 Января. Среда

Встал в 6 часов собрался в дорогу, наши встали очень поздно, лошадей привели в 8 часов, я с досады уже хотел нанять и уехать один. В 10 часов позавтракав мы отправились в путь в ужасный холод. Проехав 24 версты, в деревне графа Воронцова переменяли лошадей, в час с четвертью отправились далее к Нову городу через поселения. Проехав 20 верст, остановились сменить лошадей, но не достали и так, пообедав, отправились далее. Проехав 5 верст, хотели сменить в поселении,²³ но ни под каким видом не получили лошадей, должны были отправиться шести верст вперед в ротный штаб, где адресовались к штабс-капитану Рачинскому, но без успеха — и так принуждены были нанять вольных в поселении и напившись чаю отправились. Что я мог заметить на щет поселения, то в оных гораздо более свободы, нежели я полагал; на станцию М<...> 25 верст приехали в 10 с половиной часов, взяли почтовых и в Сушню прибыли в половине 2 часа, проехав 19 верст.

11 Января. Четверг

20 верст до Новгорода спал и приехав вперед всех в 3 часа в Новгород, переменял лошадей и отправился в Черницы прямой дорогою, куда и приехал в $\frac{3}{4}$ 6 часа утра. Тут видался с известным Аладьиным,²⁴ который столь много делал различных описаний, и фальшивых, и справедливых. Напившись чаю, отправились мы через станцию Зайцово прямо в Город Крестцы, не переменяв лошадей, куда и прибыли в двенадцатом часу, долго дожидались дядюшку, ибо я все ехал в перед и заготовлял лошадей. Тут много ждали и я зделался крайне нездоров головою болью от гемороя. Из Крестцов, где я очень долго пробыл против желания для обеда, поехал прямо мимо Рахина в Яжелбицы, где мы пили чай. Выехав оттуда, на 5 версте сломались сани мои, и я, оставшись в деревне, должен был дожидаться, пока переменят оные на станции. Остановившись в одной избе, узнал я, что хозяйка оной сестра нашего барабанщика, и я обещал на возвратном пути заехать к ним за письмом. Между тем сидел с хорошенькой ее дочкой. С Валдая приехал в 11 часов и тотчас отправились далее. Стужа сего дня была гораздо сильнее вчерашней.

12 Января. Пятница

В Едрово приехали в половине 2-го, потом в Хотилово в 4 с половиной часа утра, в Вышний Волочок в 8 часов, тут пили чай; промешкали порядочно и в Выдробовск не могли поспеть раньше часу, а в 4 часа прибыли в Торжок, где обедали и хорошо, и недолго. Так как тетушка не приехала к дороге, то они решились остановиться на дороге ночевать, а меня отправить прямо в Москву, дабы я успел приготовить ло-

шадей и все устроить, и так, отправившись один, прибыл в Медное в 8 с половиной, где у зрителя прекрасные дочери. В Тверь приехал в 12 часов, наши меня тут догнали и остановились ночевать, я напился с ними чаю и отправился далее. Сегодня стужа была порядочная, я уже не имею нужды бодрствовать ночью, по той причине, что не нужно побуждать извозчиков к скорой езде, сами лошади скачут.

13 Января. Суббота

В три часа прибыл в Городню, не мешкал ничего и в 5 часов приехал в Завидово, а в 8 часов в Клин, где насилу отогрелся чаем, ибо эта ночь была самая холодная и мороз вероятно превышал 30 градусов. В 11 часов прибыл в Подсолнечную гору и в час в Грязи, где взяв хороших лошадей, в Москву приехал в 3 часа с отмороженными ногами и носом, во всю дорогу платил на пару прогоны до последней станции. Намерение мое было просить, чтобы не прописывали подорожной, но на сие застава не согласилась, и так я еще заехал в ордонанс-гауз, оттуда проехал в Загоскую, по условию с дядюшкой остановился у Андроникова монастыря на постоялом дворе, нанял тотчас лошадей поставить в разгон в 24 часа и по 50 руб<лей> на тройку с вычетом за каждый просроченный час по 5 руб<лей> с тройки, напившись чаю ходил к Смоленскому, где дядюшка хотел стать, но не застал его и лег спать благополучно.

14 Января. Воскресенье

В 2 часа по полуночи приехали наши в Москву и въехали ко мне на постоянный двор, тут мы пили чай и в 5 часов выехали из Москвы, в Бронницы приехали в 11 часов, тут обедали и промешкали за починкою экипажей до половины 2-го часа. Из Бронниц в Коломну прибыли в 7 часов, напившись чаю, отправились в 9 в Алпатеёво, в 12 часов туда прибыли; ночь была отменно холодная и мы тут пили опять чай. Сего дня тетушка чувствовали себя худо от дороги, и мы решили так, чтобы с Рязани нам двоим отправиться вперед, а дядюшке остаться отдыхать.

15 Января. Понедельник

В 6 с половиной часов прибыли в Рязань, где расчелся я с дядюшкой и с извозчиками, у последних вычел по 5 руб<лей> с тройки, потом отправился на почту, переменял лошадей, напился чаю и в 9 часов отправился до Гребнева, в 11 часов сменили там лошадей — в 11 часов, потом в Суйск приехали в час с половиною, где обедали — русские щи и кусок мяса с холоду были для нас славным обедом. В 3 часа пополудни были в Пехлеце и в 5 часов в Рязске, где взяли почтовых лошадей до Урусова, около Петелина довольно долго ездили; ибо я и сам призван был дороги. Приехали домой в 10 часов вечера, нашли всех за ужином, у нас был Борис Карлович.²⁵ Нечего описывать, рады нам были, до вто-

рого часа все с нами просидели, а мы с Петром²⁶ проговорили до третьего. Сестру²⁷ нашли нездоровую и весьма беременную.

16 Генваря. Вторник

Поутру встали в 8 часов, принарядились и ездили после чаю к Дмитрию Максимовичу²⁸ трое братьев поздравлять больную Наталию Яковлевну²⁹ с именинником.³⁰ К обеду приехали к нам Загряжские³¹ с двумя сыновьями и дочерью, Шеншин,³² дядюшка Федор Федорович,³³ Ракитины,³⁴ Дмитрий Максимович, и перед обедом дядюшка с тетушкой прибыли из общего нашего вояжа. Обед кончился в 6 часов, после того мы вечер провели в разговорах в 10 часов отужинали, а в 12 легли спать, ибо заговорились, также был у нас командир Артиллерийской роты капитан Житов и предводитель дворянства Палибин.³⁵

17 Генваря. Среда

Утро было беспорядочное от тесноты, когда все оделись, я пошел писать письмо дядюшке Петру Петровичу. Написав оное, пошли петь ораторию. После завтрака все наши гости разъехались по домам. Мы остались своею семьей, обедали. Вечером приехал к нам Дмитрий Максимович с Лизаветою Петровной и ужинали у нас. После этого мы легли спать вместе с Борисом Карловичем в 10 часов вечера.

18 Генваря. Четверг

По утру в 8 часов собрались к чаю. Братец Борис Карлович в 9 уехал в Москву; а мы после него поехали сначала к Федору Федоровичу вдвоем с Николаем. Потом к Ракитиным, оттуда к Зверинским. Возвратились домой к обеду.

Сестрица Лизавета Петровна у нас обедала. После обеда играл на фортепьянах, разговаривал с батюшкой и с матушкой о своей службе и о их хозяйстве, которое точно приходит в упадок и наносит родителям не мало прискорбия; ибо братнин характер совсем не сходен с характером их. Легли мы спать в 10 часов. Перед чаем был в бане почти холодной.

19 Генваря. Пятница

Встал ранее всех в доме, оделся и писал письмо к Гангеблову. В 12 часов отправились мы к Дмитрию Максимовичу не смотря на метель, и там обедали, во все время смеялись надо мной, за обедом Дмитрий Максимович меня тронул за живое, хотя я промолчал, он сказал, что я буду естественный пьяница, потому что не пью вина, и с тоном негодования. Возвратясь домой, напились чаю, провели время в беседовании до самого ужина и в 9 часов легли спать.

20 Января. Суббота

По утру рано встал и до чаю еще написал письмо к Богдановичу и Гангеблову, после того напившись чаю отправились все мужчины к Ракитиным, а дамы распостудившись остались все дома и батюшка не здоровый поехал с нами. У Ракитиных я все возился с детьми, которые мне очень полюбились. После обеда тотчас поехали мы домой. Дядюшка Федор Федорович с Ильей остался у Ракитиных. Возвратясь домой нашли Дмитрия Максимовича, а Лизавета Петровна с утра к нам приехала, они уехали еще до ужина, а я весь вечер просидел у матушки в комнате и разговаривал с ней о домашних делах и так был тронут, что жалел об отпуске своем, в 11 часов лег спать, проведя день не весело.

21 Января. Воскресенье

Встал очень рано, по утру занялся письмами и своими делами. В 7 часов приехала Лизавета Петровна и напившись чаю отправились с матушкой и братьями к Месершмидту³⁶ в Кочуры, где я с Лизаветой Петровной окрестили Александра новорожденного их сына. Там познакомился с Кологривым, после обеда тотчас отправились домой, туда наше путешествие было трудно за страшными сугробами, а на обратном пути ночью при сильном дожде на силу доехали. Батюшку нашел нездорового, и он оттого не был у Месер Шмидта. Братец Дмитрий Максимович и Заремба доктор у нас ужинали и остались ночевать — вечером отправляя денег в Петербург, сделал свой счет и из тысячи рублей у меня не осталось и пятидесяти рублей. В 11 часов лег спать в детской один проведя порядочно день, ибо я расположен был быть веселым; но всякие неудовольствия меня расстроили.

22 Января. Понедельник

По утру рано встал оделся и занялся своими делами. Дмитрий Максимович и Заремба рано уехали; а сестрица Лизавета Петровна осталась, до чая я все с ней разговаривал, после онаго рисовал узор, батюшка чувствовал себя не хорошо. После обеда приехал Егор Иванович и у нас зделался точной лазарет, все на лекарствах. Вечером дурачились, пели ораторию. До ужина сестрица Лизавета Петровна уехала с мужем, который к вечеру за ней приехал. После ужина все разошлись спать в 11 часов.

23 Января. Вторник

По утру встал в 8 часов, так как на дворе другой день оттепель и дождь, то в дому зделалось чрезвычайно жарко и все встали ранее обыкновенного, в 8 часов напильсь чаю и дядюшка с тетушкой отправились в степь;³⁷ после их отъезда Петр Николаевич занемог и его рвало. К обеду приехала Прасковья Петровна³⁸ и Катинька и скоро уехала,

опасаясь дороги. До самого вечера я чертил бумагу канвовую. Вечером играли в бостон я, сестра и Егор Иванович. В 9 часов ужинали и в 10 легли спать. Я провел день весьма хорошо и доволен собой.

24 Генваря. Среда

Поутру встал довольно рано и до обеда метил рубашки. После оно-го провел время в разговорах на шет службы и на шет выгоды оной, мои мысли на сей предмет весьма согласны с батюшкиными. Вечером вспоминали о покойнике Михайле Васильевиче.³⁹ Ужинали довольно рано и я лег спать в 10 часов проведя день благополучно. Месер Шмидт после чая от нас уехал.

25 Генваря. Четверг

Встал не рано и до чаю раскладывал пасьянс, до обеда просидел за узорами. Варвара Дмитриевна уехала поутру на богомолье, а Лизавета Петровна и Николай Афанасьевич у нас обедали. После обеда играл трио в бостон. Вечером пили чай у матушки в комнате и я все рисовал узоры. Легли спать в 11 часов проведя приятно день.

26 Генваря. Пятница

Встал в обыкновенное время и напившись чаю с Николаем отправились к Ракитиным; ибо Дарья Афанасьевна⁴⁰ приехала и прислала за мною лошадей. Там побыли короткое время и возвратились рано домой. У меня очень болела голова и я перед обедом не много уснул. Мы ожидали Павлова Алексея Александровича и Шеншиных к обеду, они приехали в 3 часа мы в четыре сели обедать. Вечер прошел в разговорах и в 11 часов мы легли спать, Варвара Дмитриевна возвратилась домой. Я лег спать в большой гостиной. Сегодня день прошел благополучно, не совсем доволен собой.

27 Генваря. Суббота

Встал я очень рано, нарядился весьма парадно для Николаева рожденья.⁴¹ Дамы и все наши собрались уже в 10 часов. Тут вскоре приехала Лизавета Петровна и Ракитины и обедали у нас. После обеда гости скоро уехали, остались опять Павловы и Шеншины и более ничего не делали, как разговаривали, это мне наскучивало и я часто уходил в другую комнату мотать нитки. В 11 часов легли мы спать и я еще часа два не гасил свечку, ибо читал.

28 Генваря. Воскресенье

Наши гости в 10 часов позавтракали и разъехались; я тот час после них написал маленькие письмеца к Васиньке и Гангеблову, потом перед обедом отправился пешком к Зверинским,⁴² у них пробыл с четверть часа и возвратился домой. После обеда немного уснул, брат

с женою обедал у своей матушки; а когда они возвратились, поехали мы к Ракитным, где и пробыли до шести часов вечера. Возвратились домой к чаю и отужинав в 11 часов легли спать.

29 Января. Понедельник

По утру встал в обыкновенное время, напившись чаю отправился гулять и доходил до села, потом возвратился, стал склеивать бумагу, тут приехали Ракитины и Зверинские, у нас обедали. После обеда брат Петр Николаевич прочел две комедии Фон Визина, гости после сего разъехались; а я пошел в баню. После чаю Степан привез письма с почты, в коих уведомляли меня наши о производстве моем в чин штабс капитана 6 января. Это меня порадовало и я вечером резвился, Петр Николаевич читал Инвалид. В 11 часов лег спать, проведя день благополучно.

30 Января. Вторник

Поутру рано встал, починивал свою шкатулку, после чаю сел было рисовать, да бросил и все время провел в разговорах, просил батюшку с матушкой о двух свадьбах, моей кормилицы дочери, которая мне крестница, и <нрзб>, на первую согласился батюшка. Брат с женою дома не обедали, ездили к своей матушке. После обеда я много резвился и врал, а после чаю писал письма к Лаппе,⁴³ Гангеблову и брату. Вечером резвились и довольно рано легли спать, во время ужина я пел и играл на фортепьянах.

31 Января. Среда

По утру напившись чаю собрались было в 10 часов ехать в степь, оделись по дорожному, но сестра зделалась нездоровою желудком, и так с батюшкой решили, выставив лошадей, отправиться завтра до свету. Весь этот день я вязал чулок, вечером у нас был молебен, батюшка себя чувствовал худо перед ужином; но разговорившись с нами, успокоился. Брат с женою отправились в Денисовку⁴⁴ ночевать.

1 Февраля. Четверг

В четыре часа встал и в пять отправились в путь. До Раненбурга доехали довольно скоро, т. е в 11 часов были там, остановились на постоялом дворе, я пил чай и закусывал, в час по полудни отправились в Доброе, куда и прибыли в 5 часов вечера. Долго искали квартиры, наконец стали в маленьких комнатах, эту станцию я ехал у батюшки на облучке. Сперва напился чаю, потом я играл с сестрою в бостон, в 8 часов ужинали и в 9 легли кой как спать.

2 Февраля. Пятница

Встали в 3 часа утра, в четыре выехали из Доброго и прибыли в Большую Семеновку⁴⁵ в 7 часов, где пили чай, кормили лошадей

и в 11 часов отправились до Елизаветина,⁴⁶ куда прибыли в 2 часа, нашли там дядюшку Петра Петровича⁴⁷ с тетушками и Абазинскими,⁴⁸ нам были весьма рады; только не могло быть полного веселья потому что Петинька маленький сынок Бориса Карловича⁴⁹ отчаянно болен. Вечером приехал и Борис Карлович из Москвы, с дороги я сидел за ужином как сонный, в 12 часов легли спать.

3 Февраля. Суббота

Встал в 8 часов, нарядился по лучше для именин Анны Григорьевны,⁵⁰ кроме артиллерийского подполковника графа Шамборина⁵¹ и его жены никого гостей не было, до обеда играл в вист и очень худо, потому что хотел спать. После обеда уснул не много. Вечером у нас была оратория дядюшкина и потом Петр брат говорил галиматью, представлял пьяного, и время прошло весьма приятно. Петиньке сего дня лучше гораздо; отужинав в 11 часов, лег я спать.

4 Февраля. Воскресенье

Встали по обыкновенному в 7 часов, после чаю дядюшка Петр Петрович со своими уехал домой и после обеда за ним последовали дядюшка Иван Петрович и Дмитрий Максимович. До обеда я ничего не делал, а после онаго играл в бостон. Вечер провели в разговорах и в 11 часов легли спать.

5 Февраля. Понедельник

По утру встали в 6 часов напился чаю, потом позавтракали и отправились в 8 часов к Барановым за 40 верст, ехали весьма скоро, погода была прекрасная, я сидел на облучке батюшкиной повозки. В 12 часов приехали на место. Через час сели за обед, во время коего я заметил, что в стеклянные двери смотрела премилинькая девочка и делала мне разного рода жесты. В 4 часа отправились мы в Марфино,⁵² приехали уже вечером, нашли тут Варвару Анатольевну⁵³ с детьми и все время провели в разговорах и в 11 часов легли спать.

6 Февраля. Вторник

Встали по обыкновенному, собрались все в одно место к чаю. После онаго дядюшка Иван Петрович с женою и Николай отправились к Николаю Анатольевичу⁵⁴ с визитом, пробыли не более четверти часа, они обещали быть обедать к дядюшке; но приезд из Москвы Ивана Александровича⁵⁵ с учителем их остановил и они были вечером. После обеда я играл в карты. В час приехали Задловские. И так проведя время приятно после ужина, в 10 часов легли спать. У дядюшки взят из дворовых редкой мальчик 5 лет — Ефимка.

7 Февраля. Среда

По ранее встал, выхолился и оделся по параднее; ибо сего дня день съезда гостей. После позднего чаю сел я играть в карты и играл до самого обеда, не смотря на то, что приезжали Барановы, Ладыгины, Баишев с Селивановым и Безсоновы девицы. По утру была репетиция оратории с оркестром весьма дрянным. После обеда скоро начали танцевать, и я принужден был до поту лица выплясывать. — Более всех мне понравилась жена Нестерова молодая 16 лет барынька, которая мне доводится правнучатная сестра. Вечер кончили разного рода пениями и поужинав всякой разбрелся по углам в 2 часа по полуночи.

8 Февраля. Четверг

Встали по ранее, оделись и напившись чаю в 10 часов отправились все мужчины к Павловым. Дядюшка и все согласились одеться в мундиры для того будто, что едут к усманскому предводителю. Коль скоро дядюшка надел свой мундир, ему пришла фантазия завещать оный тому из приказных в Воронеже, кто объявит или покажет более всех плутом. Зделали духовную по форме и много хохотали. Дядюшка Иван Петрович остался один с барынями. Тут пришла мысль брату Петру зделать молодым встречу какую нибудь, для оной все выворотили платье и взяли в руки разные вздоры и с разными припевами встречали молодых. Батюшка даже был в сей процессии, много смеялись, после обеда вскоре шла оратория — с оркестром и двумя роялями. Вечер провели в танцах, во время коих брат переоделся женщиной и так дурачился, что всех заставлял хохотать до упаду. Я более танцевал с Нестеровой и ей покуртизанил довольно удачно, но конечно без всякого намерения. После ужина в 12 часов возвратились домой. Провели день отменно весело и приятно.

9 Февраля. Пятница

Встали в 7 часов, напились чаю и отправились сперва к Терпигореву⁵⁶ за 15 верст одни мужчины, от Терпигорева к Селиванову и потом обедать к Б...теву, и батюшка с нами. Таким манером зделали в один конец 35 верст. Посидев часа три или четыре, возвратились вечером уже домой, напились чаю, я весь вечер дремал, только перед ужином разгулялся от спора, который завели начет продовольствия войск в походе по России. После ужина в 11 часов легли спать.

10 Февраля. Суббота

Встали рано и в 9 часов напившись чаю отправились из Марфина. Николай Анатольевич и Павлов приезжали нас провожать, и так распротясь поехали мы в Никольское к дядюшке Николаю Николаевичу Лодыгину.⁵⁷ Приехали к обеду — я не был в претензии, потому что там живут Нестеровы. После обеда вскоре уехали и в 8 часов вечера были

в Елизаветине, так как я ехал на облучке, меня весь вечер клонил сон и я лег спать после ужина в 11 часов с большим удовольствием.

11 Февраля. Воскресенье

После чаю батюшка с братом ездили в Петровку,⁵⁸ а мы провели время в пустых занятиях. После обеда отпустили к венцу Катерину, бывшую тетушки Анны Петровны фрейлину, которой уже 37 лет. После сего расположились было играть в карты, как вдруг приехала Болговская с двумя девицами дочерью и племянницей, обе порядочные собой; для препровождения времени я подсел к ним и весь вечер занимал их разговорами, между тем все посматривал на хорошенькую девку Авдотью, которая служит у тетушки и которую удалось мне поцеловать два раза. Ужинали мы довольно поздно и не прежде 12 часов легли спать.

12 Февраля. Понедельник

После чаю в 9 часов простились с Елизаветиным и отправились в путь до Урусова. Тут были выставлены лошади, это за 85 верст, мы тут обедали и отправились до Ратчины верст 30, прибыли туда еще к вечеру, я ехал на блучке. Вечером от скуки играл в карты и в 8 часов легли спать.

13 Февраля. Вторник

В 12 часов поднялись и прибыли к утру в Зыково 10 верст за Раненбург; ехали в санях, тут мы пили чай и я опять играл с сестрою в бостон, в 10 часов отправились далее, я на блучке, и в 12 часов приехали в Дуроломовку⁵⁹ к Наталье Яковлевне, у ней обедали и от нее рано отправились домой. Тут пришла почта и заняла нас. В Инвалиде уже есть мое производство. Васинька пишет о кончине капитана Бутовского⁶⁰ и о расположении Ханьковых к нему — также уведомляет, что Аничков поступает во флот. Сие заняло нас до 10 часов и тут мы легли спать проведя время не весело.

14 Февраля. Среда

По утру встал не рано и напившись чаю принялись писать письмо к Государю и Ермолову для Варвары Дмитриевны или лучше сказать переписывать письмо, сочиненное Петром. Перед обедом ходил Петру для компании на гумно. И все после обеда писал письма, ибо испортил. Мы в 10 часов ужинали и легли спать. Я провел благополучно день и доволен собою.

15 Февраля. Четверг

Встал в 7 часов, оделся по параднее и напившись чаю отправился к Наталье Яковлевне с братьями, а оттуда с родителями к Загряжским

обедать. Приехали туда в 12 часов. За обедом пили мое здоровье ради нового чина. После обеда приехали Писемские⁶¹ и расселись играть в карты, меня посадили с дамами и я проиграл 16 рублей в 16 робертов, играя по 5 рублей роберт. Ужинали мы в 11 часов. После того легли спать не мешкая.

16 Февраля. Пятница

В 7 часов уже был одет и в 9 все собрались к завтраку, после коего поехали мы кроме батюшки все к Шеншину. Дорогою мы сидели трое, сестра и я с Николаем, и во все время рассуждали и мыслями своими мне сестра очень понравилась, она судит по моему хорошо. У Шеншина рано пообедали и возвратились домой уже вечером, заезжали в Дуроломовку. Там пили чай. Шеншин живет очень порядочно и у него дом точно петербургская дача, оттого холоден и не очень покоен. Дома мы рано поужинали и скоро легли спать.

17 Февраля. Суббота

По утру пили чай в 8 часов и проводили в 10 Варвару Дмитриевну, она поехала в Москву и оттуда отправится в Нижегородскую губернию на житье к своему деверю. После того ездил к дядюшке Федору Федоровичу, пробыл у него часа два и получил 100 руб<лей> долгу Амплеева.⁶² Возвратившись домой, нашел у нас Лизавету Петровну, остаток дня рисовал узоры и читал le triomphe de l'Evangile.⁶³

К вечеру поднялась метель и так сделалось холодно, что мы все забились в одну комнатку.

18 Февраля. Воскресенье

По утру рано встал, выбрился, принарядился и напившись чаю отправилась к Ознобишиной,⁶⁴ которой сын Юрий приехал в отпуск, Матушка, Лизавета Петровна, Николай и я. Дорога была несносна по причине сугробов. Приехав туда, никого не нашли дома, одна старушка Катерина Алексеевна, просидели там слишком два часа и не дождавсь возвратились домой в 5-м часу не обедав. Вечер провели в разговорах. Прасковью Петровну нашли у себя. В 10 часов отужинали и после еще часа полтора сидели так, что легли спать не ранее полуночи.

19 Февраля. Понедельник

В 8 часов встал по той причине, что поздно лег и не спокойно спал ночь. После чаю занялся своими делами. Сестра Катинька⁶⁵ заезжала к нам и поехала к Ознобишиным. После того сел рисовать узоры и занялся оными до самого вечера. Тут принесли с почты письма. Гангелов уведомляет меня о своем решении на щет Асьет, что меня не очень

порадовало. После чаю стал брат читать Инвалид и газеты; после ужина мы еще разговаривали про службу и в 11 часов я лег спать, проведя день благополучно.

20 Февраля. Вторник

Напившись чаю сел рисовать узоры в чем и провел время до 11 часов. Тут поехали мы к Катиньке, ибо ее сего дня рождение, там нашли Ильиных.⁶⁶ — Я все время играл в карты, сперва в вист, а потом в бостон. Окончив игру в 3 часа после обеда, возвратились домой с Лизаветой Петровной и успели до чаю сыграть пулю в троём. После того сидели и разговаривали до 10 часов, а в 11 я лег спать.

21 Февраля. Среда

По утру до чаю рисовал узоры, после одного разговаривал с родителями про наши дела, потом графил бумагу для канвы до самого вечера. Тут Петр брат читал стихи Державина, а я обрубливал и замечал платки, и в сем занятии просидели мы до 10 часов. После ужина еще сидели час и разговаривали, и так время прошло очень приятно и весь день проведен отменно весело. Слушая Державина стихи, я неоднократно думал, что нет у нас подобного ему поэта. Никто ныне не в состоянии так хорошо писать и с таким жаром прославлять свое отечество и так любить его, дух изменился. В 11 часов лег спать.

22 Февраля. Четверг

Встал в 7 часов. Напившись чаю, сел графить бумагу, в чем и провел время до 11 часов. Тут поехал с сестрой в Дуроломовку, где обедали, к обеду же явился там и Месер Шмидт. После играли в бостон до 5 часов. Возвратясь домой, я пошел в баню, пришед из оной напился чаю и раскладывал пасьянс, а брат Петр читал Державина, и так просидели до 12 часов и я лег спать с большим удовольствием, проведя благополучно день.

23 Февраля. Пятница

Поутру встав в 6 часов дографил канвовую бумагу, после того поехал с Николаем к Ракитиным, где нашли Липунова с дочерью⁶⁷ и просили на завтра к себе. У Ракитиных побыли часа два, ходили по хозяйству. — Возвратясь домой — долго не ехали к Дмитрию Максимовичу и это меня сердило; а Николай брат нарочно не хотел ехать с Петром в повозке, а сел в мои сани, чтобы я не уехал прежде и чтоб чрез сие сделать мне неудовольствие. У Дмитрия Максимовича обедали и побыли часов пять, возвратились домой, служил дядюшка Иван Петрович всеношну и ужинали в 11 часов. Я так хотел спать, что тот час после ужина ушел спать.

24 Февраля. Суббота

Встал рано, оделся по парадному для именин дядюшки Ивана Петровича, напившись чаю отправились прогуливаться версты за полторы по полю. К обеду приехали к нам Ракитины с Алексеем Афанасьевичем⁶⁸ а также Липуновы и дядюшка Федор Федорович. После обеда приехала Ознобишина. — По утру тоже приехал граф Шамборин и Дмитрий Максимович. Вечером играли не много в фанты и танцевали. В 11 часов ужинали и в 12 легли спать.

25 Февраля. Воскресенье

Ночь не совсем покойно спал и встал не рано. — После чаю уехала от нас Ознобишина и мы сели играть в бостон я, Граф, тетушка и Софья Филиповна. Бостон наш был самый веселый — и мы его кончили уже вечером. После чаю я играл на фортепьянах, которые дядюшка Петр Петрович очень исправил. В 10 часов отужинали и я лег в 11, проведя день благополучно.

26 Февраля. Понедельник

Встав в обыкновенное время, напились чаю и проводили Графа, потом пошли гулять с Петром и Николаем, только не далеко. К обеду приехала сестра Катинька и Прасковья Петровна, блины зделали то, что все после обеда дремали. Вечером принесли с почты письма. Гангеблов пишет о переводе к нам в полк инженерного полковника Ганжевича⁶⁹ с назначением командиром 1-го батальона. — В Инвалиде нашли отставку Протасьева⁷⁰ капитана полковником и с мундиром и Ханькова капитаном. Вечером в 10 часов отужинали и в 11 легли спать.

27 Февраля. Вторник

Встали довольно рано, напились чаю и после того все были в суете, собирали дядюшку Ивана Петровича в дорогу, в 10 часов позавтракали и потом проводили их. Дмитрий Максимович с женою поехал с ними до Москвы, а я отправил своего мальчика Кириюшку. Дядюшка Петр Петрович и матушка поплакали, а я занялся своими делами до обеда. После оного графил бумагу для нот, кои писал в продолжение целого вечера. Зверинский провел у нас день. Петр Николаевич брат уехал в Рязск. В 10 часов мы поужинали и в 11 я лег спать, проведя день благополучно.

28 Февраля. Среда

Встал по обыкновению и все утро писал ноты. Брат Петр к обеду возвратился, и мы вместе отправились к Наталье Яковлевне, куда вчера уехала Александра Петровна. После обеда все наши туда же приеха-

ли, я ходил на верх точить и работал до поту лица. Напившись чаю все мы возвратились домой. Вечер провели в общих разговорах и в 11 легли спать. — Брат Петр был в Рязском собрании, где было человек 200 несмотря на тесноту в маленьком доме, хотелось бы и мне посмотреть, что такое за собрание может быть в уездном городе.

1 Марта. Четверг

По утру встал в обыкновенное время, напившись чаю принялся рисовать узоры, в чем и провел время до обеда, после оного до вечера занимался также узором. После чаю играл в шимель с дядюшкой и матушкой и с прочими. В 11 часов после ужина лег спать, проведя день благополучно.

2 Марта. Пятница

Встал в обыкновенное время, до 10 часов рисовал узор, потом все собрались к Ракитиным, ибо сего дня рождение Машиньки моей крестницы. Приехав туда отобедали и после того играли в шимель до 5 часов, когда уже начало смеркаться, мы возвратились домой — Пили дома чай и весь вечер играли в своей семье по копейке в шимель — Перед ужином играл я на фортепьянах.

3 Марта. Суббота

Встали довольно рано, напившись чаю в 9 часов отправились к Загряжским, заезжали к Наталье Яковлевне, где оставили сестру. К Загряжским приехали рано. Я успел сыграть 6 робертов в вист до обеда, нашу партию составил дядюшка и две девицы, и я остался в выигрыше рубль. После обеда спустя полтора часа мы собрались домой. Дмитрий Иванович Никулин адъютант генерала Королькова⁷¹ в отпуску и был у Загряжских. — На силу мы дотащились домой по скверной дороге. Приехав, напились чаю, и когда вся семья собралась, до самого ужина играли в шимель. В 11 часов после ужина легли спать.

4 Марта. Воскресенье

Встали по обыкновенному, напившись чаю, принялся за узор для матушки и к 11 часам его окончил. Тут приехали к нам Ракитины и гости их Ляпуновы. Дарья Афанасьевна, сестрица и я составили партию в бостон, а прочие в шимель и кончили игру свою еще до обеда. После онаго согласились ехать смотреть кулачный бой на Лапином мосту. Дамы возвратились домой, а мужчины отправились к Федору Федоровичу а оттуда все вместе на бой — там почти никого не нашли, отчего все скоро уехали, кроме дядюшки и нас троих. К ночи успели мы сравить бой, который принял порядочный, и мне в оном досталось по боку, я как то не нарочно подвернулся. Я тут представил себе, что и греческие игры вероятно не лучше этих были; ибо многие с онаго пошли

с окровавленной рожей. Приехав домой — напившись чаю, играли в шимель. Вечер не так весело провели; ибо батюшка был скучен. Мужики отказываются вести хлеб в Москву по причине распутицы. В 12 часов после ужина, в коем и я сверх обыкновения участвовал, легли все спать

5 Марта. Понедельник поста

Поутру после чаю сел я писать, потом рисовал узоры. Перед обедом батюшка собрал нас и прочел духовное завещание, по которому он все имение отдавал в распоряжение матушки. После того предложил брату Петру выделиться; а брат просил отдать ему в управление всё, и к сему последнему я придержался, тут пошли толки, и мне так от того сделалось грустно, что я не мог выдержать и убежал в другую комнату. — После того я переписал завещание сие. После обеда я играл на фортепьянах и пел, написал к Васиньке письмо, а вечером приехал Месер Шмидт и мы играли в шимель и в 11 часов легли спать.

6 Марта. Вторник

Поутру встали рано, скоро приехали Зверинские, напившись чаю мы еще поиграли в шимель, после чего дядюшка Петр Петрович, сей почтеннейший и лучший родной, отправился к себе в Марфино. Я сел писать Митюху Валдайского⁷² и за оным провел все время до вечера, тут ходил в баню, вечером получили почту, Васинька уведомляет, что третий батальон возвратился в Петербург, что Литвинов⁷³ и Окулов⁷⁴ произведены в капитаны и что надобно ему может быть ехать с батальоном жить в Гостилицы. — В 10 часов после ужина легли спать.

7 Марта. Среда

Встал пообыкновенному, выбрился и после чаю сел писать Митюху, в чем и провел время до самого обеда. У нас был общий разговор или прение, должно ли отцу генералу искать дорогу для детей своих и полезна ли та дорога для детей. — Батюшка и я с Николаем были против этого. После обеда я начертил лист канвовой бумаги и после чаю дописал Митюху. У нас перед ужином опять был разговор о службе. Николай обвинял меня; а все оправдывали. В 10 часов легли мы спать.

8 Марта. Четверг

По утру напившись чаю занялся своими делами. После того ездил к Федору Федоровичу подавать ему совет, как поступить с Амплеем, который просится в армию от того, что его обошли. Возвратясь домой, много играл на фортепьянах. После обеда писал и рисовал Николаев узор, вечером после чаю играли в шимель и легли спать в 11 часов, проведя день благополучно.

9 Марта. Пятница

Напившись чаю, играл на фортепьянах, после того в 10 часов отправившись с Петром к Наталье Яковлевне, где пробыли часа полтора и возвратились к обеду домой. После обеда посадила меня сестрица рисовать канвовый узор, за которым провел я время до вечера. Вечером же после чаю играли в шимель и в 11 часов легли спать.

10 Марта. Суббота

До чаю ходил с Петром на случку лошадей, после чего до 11 часов рисовал узор, потом поехали к Ракитиным, брат Петр, Николай и я — побоялись ехать ложками и отправились в объезд. У Ракитиных обедали, потом часа три сидели так. Петр читал драмму Коцебу Бедность и благородство души.⁷⁵ Возвратясь домой, докончил я свой узор. Вечер провели не очень весело, я играл на фортепьянах, потом говорили о службе и легли спать в 10 часов. Целый день болело у меня горло.

11 Марта. Воскресенье

Встал довольно рано после чаю поехал с матушкой к обедне, приехали к началу и пробыли там с час, возвратясь домой. До обеда играл на фортепьянах и читал. После обеда спал часа два, Иван Антонович приехал и я проснулся. После того до самого вечера провели в разговорах о службе. После чаю сели играть в шимель и до 11 часов легли спать. День прошел очень приятно.

12 Марта. Понедельник

По утру напившись чаю играл на фортепьянах, читал Генриаду,⁷⁶ раскладывая пасьянс и в сем упражнении провел целый день. Вечером играли в шимель и легли спать в 11 часов. Поутру также я переписал для Варвары Дмитриевны письмо к Государю и день провел весело.

13 Марта. Вторник

Встал не рано, напившись чаю сел читать, потом играл на фортепьянах. Стали говорить о выделе Петру части, батюшка сильно встревожился, заплакал, что меня сильно тронуло, таким образом провели мы время до обеда, после онаго матушке сделалась сильная истерика и продолжалась с полчаса, и так у нас весь день прошел в разговорах и весьма не приятных, потому что не можно предвидеть совершенного спокойствия ни для родителей, ни для брата.

14 Марта. Среда

По утру выбрился и одевшись сел переписывать бумаги нужные по делам нашим с Марфой Дмитриевной, в чем и провел время до обеда и после обеда. Вечером играли в шимель и в 11 часов сели ужинать. Между делом часто я вступал в разговоры касающиеся до выдела части

брату Петру. Я теперь ясно вижу, что сестра несколько причиною неладицы и потом идейные предположения брата, однако не мог думать, чтобы в мнении их <меня> считали эгоистом, кажется они меня таким полагают; но я сим не огорчаюсь и молчу, зная, что дела могут доказывать, а не слова.

15 Марта. Четверг

Поутру напившись чаю, дописал бумаги к обеду приехала Прасковья Петровна, и мы все были веселы. После обеда я раскладывал паянс и играл на фортепьянах. Вечером опять начали шимель и продолжали до 11 часов тут мы легли спать. Сего дня приходила наша осинниковская⁷⁷ баба и показала нам письмо от сына служащего в конно-пионерах, и я имею намерение перевести его к себе.

16 Марта. Пятница

После чаю отправились мы верхами с Николаем к Зверинским, потом к Ракитиным, оттуда к Федору Федоровичу, от которого еще получил в уплату 50 руб<лей>, потом заехал домой переменить штаны, которые лопнули. После того ездили к Наталье Яковлевне, везде простились и возвратились домой к обеду. После онаго я раскладывал паянс разговаривали о службе, вечером играли в шимель до 10 часов тут ужинали и после сидели еще с час.

17 Марта. Суббота

Поутру выбрился, после чаю укладывался и все имущество наше спрятал в чемодан. Приехал Иван Антонович, в 10 часов Николай Афанасьевич, сели играть в шимель и так провели время почти до сумерек. Тут Николай Афанасьевич уехал, и напившись чаю мы с Иваном Антоновичем были в бане. Придя оттуда опять зашел спор о братниной отставке. После ужина еще с полчаса сидели и легли спать в 11 часов.

18 Марта. Воскресенье

Встал с солнцем и привел свои дела в порядок, напились чаю рано, после того батюшка пожаловал нам всем по 500 руб<лей> и на дорогу Николаю и мне 300. И так целый день провели мы в разговорах. После обеда служили молебен. Вечером приехал Месер Шмидт, и мы так заняли батюшку, что он все время разговаривал и был весел. В 12 часов я велел по тихоньку запрягать лошадей и как скоро месяц взошел, так собрались в путь и батюшка не успел раздуматься. Брат Петр поехал с нами до Рязска.

19 Марта. Понедельник

К свету приехали мы в Дедково за 20 верст, где были выставлены лошади, перепрягли и отправились 30 верст до Рязска, куда прибыли

в 11 часов, остановились у почтмейстера. Покуда хозяин занимался делами, а брат ездил в присутствие, мы с Николаем сидели вдвоем. Потом при<шел> Адъютант генерала Павленки⁷⁸ Неболсин и дал нам письмо для доставления в Москве. После обеда, просидев часа три, простились мы с братом и отправились в путь, наняв здаточную до Москвы за 20 рублей. Первую станцию 30 верст ехали часов пять и приехали пить чай в Пехлец, оттуда выехали в 10 часов и еще ночью переправлялись через Проню, где уже она находилась в весьма худом положении и довольно опасна.

20 Марта. Вторник

В час пополудни прибыли в Суйск, оттуда выехали в час и в 6 часов прибыли в Гребенево, где переменяв лошадей и напившись чаю отправились до Рязани и ехали отменно долго, в половине второго въехали в город и встретили Павла Норова,⁷⁹ который нам очень обрадовался. Мы поехали прямо к нему и с ним отдали вначале я и брат подорожную. Но так как <он> долго мешкал, я пошел сам в канцелярию гражданского губернатора, там встретился с Васинькой дядюшкиным, он помог мне переменить подорожную, которую дали было до Петербурга. Возвратясь к себе, напился чаю и лег в 9 часов спать, ибо нет возможности ехать ночью и ни один ямщик не берется, а на почте лошадей не дали. Тут у Норова был один помещик Казначеев, с которым я познакомился.

21 Марта. Среда

Встал рано, нанял лошадей до Москвы за 40 руб<лей> поставить в двое суток, и напившись чаю простились с Норовым и отправились в путь в 7 часов, пробыли в дороге 9 часов и приехали кормить в Зарайск; хоть снегу было мало, но зимняя повозка, в которой мы ехали, была гораздо способнее для дороги. В Зарайске пробыли часа три и не хотели спать и раскладывать. Обед мой был каша и горох. В 7 часов выехали из Зарайска, ночь была темная и дождь шел порядочный, так что мы насилу дотащились до Городни 22 версты, куда прибыли часов в 12 ночи.

22 Марта. Четверг

Напившись чаю мы легли спать и со светом отправились в путь до Коломны. Прямой дорогой тут 18 верст, но мы, опасаясь подмочить чемодан от большой воды, поехали в объезд. Так как лошади очень измучились, то я почти всю станцию шел пешком. Приехав к Оке, нашли одну только стершиися нары?, по которым благополучно переправились. Залив, сделавшийся очень водным, принуждены были переезжать в брод не смотря на глубину воды. Выехав из Оки благополучно

и проехав версты две, повязли в канаве так, что час бились и на силу вытащили повозку, а сами все перемочились. В Коломню прибыли в 11 часов, переменяли платье, напились чаю и в 12 часов отправились на свежих лошадях. От Коломни снегу почти совсем не было, мы переезжали две речки на поромах, одну в Коломне, другую в Перканове и прибыли ночевать за 38 верст в 7 часов вечера. Напившись чаю, легли спать.

23 Марта. Пятница

Извозчик наш проспал, и мы не прежде выехали как со светом и в 10 часов прибыли к Боровицкому перевозу через Москву реку. Паром был заслан льдом, и мы должны были ждать 3 часа, пока онный высвободили и поставили на новое место. В это время я ходил на большую гору на берегу реки, откуда вид удивительный. При перевозе вынужденным нашли побить одного мужика, ибо завести передок для безопасности было необходимо. Приехав в Островцы, остановились кормить часа на два, пили чай, написали письмо к родителям и отдали смотрителю для доставления чрез почту, которая придет сего дня. После того выбрился и отправились в путь, в Москву прибыли в 7 часов и в 8 часов остановились у князя, который принял нас весьма ласково. Он один был дома, и не дождавшись княгини мы легли спать в 10 часов.

24 Марта. Суббота

Рано встал, поехал в Ряды, купил шляпу с султаном и перчатки за 28 руб<лей> и потом проехал к коменданту, сказали, что он принимает в 10 часов, и так я возвратился домой и к означенному времени снова явился, там виделся с майором Ступишиным,⁸⁰ бывшим в Финляндском полку. — От коменданта проехал к Лобковым, не долго пробыл и был принят очень ласково, потом был у сестре Лизавете Петровне,⁸¹ где я видел Анночку, она отменно похорошела. Сестрица познакомила меня с теткой своей Сунгуровой и сказала мне, что опекун Варвары Павловны умер, она в ужасном горе и едва ли удастся мне ее видеть.⁸² Оттуда возвратился домой — остался дома, хозяева очень меня ласкают. Вечером был у Николая Норова,⁸³ который мне очень обрадовался, у него сидели часа три, потом заехал с Николаем к Загряжскому, откуда возвратившись домой пробыл тут остаток вечера и лег спать в 11 часов.

25 Марта. Воскресенье

По утру напившись чаю ходил к Пушкину.⁸⁴ Он и не вышел к нам. Оттуда проехал к Лизавете Петровне и сказал, что не пойду с ней к обеде, потом к Эдельзону, а оттуда к Вознесенью, где приход Варвары Павловны, туда съезжается вся Москва и певчие пели очень порядоч-

но. Обедня продолжалась долго, кого хотел видеть, конечно не видел, а ежели и видел, то не мог знать.

Из Церкви проехал к Лобковым, Марию Дмитриевну нашел в слезах, оттого что она не надеется получить на всю семью деньги, боясь, что оные остановят кредиторы. Я не мог ее успокоить, уверяя что страх ее пустой. От нее возвратились мы домой и поехали обедать к Сунгуровой — где сын ее очень нас обласкал. Мы приехали часа за полтора до обеда и после еще с час пробыли. Оттуда приехали домой, где и остались весь день, ибо вечером шел дождь. У князя были гости. Приехала Марья Дмитриевна, и уже успокоившись. Я сыграл 10 робертов в вист и проиграл 12 рублей. В 11 часов лег спать.

26 Марта. Понедельник

Поутру рано отправился к Лобковой,⁸⁵ где дожидался ее друга дома гвардии поручика Евреинова, потом вместе с ним отправился к Маглуху и после долгих хлопот по милости Евреинова передача вышла? бы зделана. После того поехал я к Л. А. Павловой. Она очень ласково меня приняла. Там нашел и Минихову, оттуда ездил знакомиться к Пелагее Ивановне Бехтеевой,⁸⁶ другой тетушке, которая довольно сухо меня приняла. Обедал у Лобковой, после обеда ездил к Кологривым, потом к Никулину, оттуда к Быкову, потом к Норову и возвратясь к Никулину, просидел там до 11 часов и возвратился домой. Утром простился с Лизаветой Петровной и ее теткой.

27 Марта. Вторник

По утру в 6 часов встал и в 7 отправился к Михайлову, оттуда в ордонанс гауз после того объездил родных своих, взял подорожную и возвратился домой в 12 часов. Ездил к Пушкину, потом пообедав писал письмо к родителям. После того собрались мы в путь и напившись чаю отправились из Москвы. Первую станцию ехали почти всю шагом по ужасной грязи и прибыли на станцию черные от грязи в час пополуночи.

28 Марта. Среда

В 7 часов утра прибыли в Подсолнечную гору где и пили чай — во время дороги я немного уснул, оттого мы ехали тихо. В 12 часов приехали в Клин. Все утро шел дождь и мы так вымокли, что принуждены были сушиться, в то же время опять пили чай. Из Клину поехали довольно скоро, только на середине дороги сломился шкворень, мы немного простояли и прибыли в 4 часа в Завидово, дождь и снег беспокоил нас. В Завидово пообедали хорошо и дешево, оттуда благополучно прибыли в Городню в 10 часов вечера по скверной дороге, так как в Твери через Волгу ночью перевоза нет, то мы остались ночевать часа на два в Городне. От Завидова до Городни на перевоз через Шошну прождали более часу.

29 Марта. Четверг

В 6 часов прибыли в Тверь, ехали очень тихо, оставив экипаж по сторону реки, переправились с багажом на лодке и взяв лошадей на станции, где кроме збитню ничего не нашли, отправились далее, в Медном в 10 часов пили чай. Тут дорога пошла лучше, переправясь Тверцу в Медном, прибыли в 4 часа в Торжок, где хорошо пообедали. На перевозе съехались с одним майором ревельского пехотного полка. В 10 часов в Выдробовске пил чай. Тут опять не доехав станции переправились через Тверцу. В 2 часа ночи прибыли в Вышний Волочок вместе с майором Шахматовым Ступишина роднею.

30 Марта. Пятница

Полутру до солнца отправились в путь и прибыли в 6 часов в Хотилово где пили чай, и в 10 часов в Едрово, а в 3 часа пополудни в Валдай, где обедали довольно плохо, сверх чаяния дорога пошла лучше и езда пошла успешнее. От Хотилова до Едрова я ехал наблучке, а майор с Николаем в нашей телеге. Из Валдая в Яжелбицы также довольно скоро ехали и не доезжая станции остановились в избе у сестры нашего барабанщика, в том намерении чтобы взять письмо, но оно не было готово. Извозчики наши взяли нас поставить к 12 часам в Крестцы прямо, но несмотря на все усилия мы не прежде туда приехали как в час пополудни.

31 Марта. Суббота

В Зайцово прибыли мы в 5 часов, оттуда в 9 часов в Бронницах пили чай, выехав оттуда переправлялись через реку Мсту и в час пополудни прибыли в Новгород, где в последний раз обедали с нашим майором. Выехав из Новгорода ехали по камню несносную станцию до Подберезья. Дорогою выскакивала чека и у нас отвязался мешок, который поселенный солдат поднял и спрятал под мост, чтобы его у него не видели. К щастию чека нас остановила и извозчик видел, как солдат выскочил из под мосту. Однако это задержало нас в дороге, ибо <ямщик>, не зная что потерянное найдено, проехал далеко назад к Новгороду и спрашивал проезжающих. В 7 часов прибыли мы пить чай в Подберезье. Потом в 11 часов уехали в Спасскую Полисть, где уже кончилась каменная мостовая и пошло шоссе.

1 Апреля. Воскресенье

В 2 часа прибыли в Чудово оттуда в 5 часов в Померанию. В Тосне в 9 часов пили чай, смотритель предлагал нам лошадей до Петербурга, но частно, но мы отказали, от Померании до Тосны шел беспрестанный снег с ужасным ветром. Из Тосны в Ижору приехали мы довольно скоро. В 12-м часу выехали и в Петербург прибыли в 2 часа; во всю дорогу ветер не давал нам покою, деревья некоторые по дороге им были сломаны. Прямо въехали к Гангеблову, Васиньки не было дома, он

стоял в карауле по роте, сейчас нашли офицера и мы пошли повидать товарищей, так что до 9 часов успели всех повидать, и напившись чаю я уснул крепким сном.

2 Апреля. Понедельник

По утру рано явились к Мартынову,⁸⁷ потом ездил к великому князю, который очень ласково нас принял. Мартынов опасается послать нас в пятницу в первое отделение, боясь, что мы испортим ученье, однако Симанский⁸⁸ разъуверил его. После обеда перешли мы на новую свою квартиру в 51-й номер, где прежде жил Козленков. После обеда употреблено было на устройство, так как мы рано встали, то напившись чаю ходили в баню и легли спать в 10 часов.

3 Апреля. Вторник

Поутру в 9 часов напившись чаю отправился в 10 часов с Норовым в роту и принял оную на законном основании, подписал рапорт и поверял еще денег — Норов задолжал у себя рублей 700. В 11 часов поехал в дворцовый экзерциргауз на ученье нашего батальона. Генерал не очень был доволен ученьем и много кричал на мою роту. — Мы возвратились домой в 3 часа и нашли Загряжского у нас. Также дядюшка вскоре приехал к нам. После обеда ходил я к Гарновскому⁸⁹ и напившись чаю у Кобяковых в 10 часов лег спать.

4 Апреля. Среда

Встал в 7 часов, принял фельдфебеля, напился чаю, явился генералу дежурным по полку. В 11 часов отправился батальон на ученье, я поехал на оное в дворцовый экзерциргауз. Великий князь был очень доволен ученьем.⁹⁰ Я возвращался с батальоном и был свидетелем, как одна карета, поворачивая из переулка на Мойку, упала, стекла перебились и вынули оттуда мужчину. Возвратившись в 3 часа, пообедал — в 5 пошел в дежурную комнату, где поверял артельщиков, потом до 8 спал, к 9 часам был у Мартынова, его не застал и напившись чаю у Козловых,⁹¹ отправился ночевать в дежурную комнату.

5 Апреля. Четверг

В 8 часов пришел из дежурной комнаты. Напившись чаю, в 10 часов пошел на осмирядное ученье, которое было очень порядочно. После обеда пришли к нам кой кто из офицеров. Вечером ездил по магазинам за шарфом и придав 13 руб<лей> к старому, купил славный новый форменный. Напившись чаю, лег спать в 11 часов.

6 Апреля. Пятница

В 6 часов напившись чаю оделся и в $\frac{3}{4}$ 8-го часа, осмотрев роту, отправился с стрелковым взводом за знаменем. Придя к Аничкову дворцу,

командовал все как следует, но люди плохо сделали. Прибыв в экзерциргауз, нашли уже там батальон, сделали при мне развод.⁹² После того в 10 часов при Государе было ученье довольно плохое как по офицерскому, так и по солдатскому делу.⁹³ Николай сделал самую важную ошибку, дурно командовал. Генерал зашел ко мне в главный караул отменно сердитый, и мы узнали что по смене караула брат арестуется на трое суток с содержанием на гаубтвахте. — Пообедав в 3 часа мы недолго играли в карты. Со мною в карауле товарищами были Зиновьев, Плаутин⁹⁴ и Морского Экипажа Беляев⁹⁵ У зори был Симанский — Весь почти день сидел с нами брат Васинька. В 11 часов отвел я часового к Государю и потом заснул на диване.

7 Апреля. Суббота

В 4 ½ часа встал к зоре и после этого весьма мало спал. В 7 часов напились чаю, в 8 ходил с Симанским рапортовать коменданту, который удостоил меня своим разговором.⁹⁶ В 12 часов сменился, возвращаясь домой, сей час набралось к нам куча офицеров на щет Николая, которому вскоре после прихода с караула прислали князя Кропоткина⁹⁷ для препровождения его на гаубтвахту и его посадили на Сенной в 8 часу вечера. После обеда я ходил с Гангбловым в Гостинный двор, купил сукна и возвращаясь домой, напившись чаю, лег спать в 11 часов.

8 Апреля. Воскресенье

Встал в 6 часов, напившись чаю, отправился в половине 9-го в Зимний дворец в совершенном параде для представления Государю. Так как еще рано было, то я ходил по Эрмитажу и видел несравненную картину внутреннего храма, где совершенно видна живая натура. В 10 часов Государь нам всем сделал по поклону и с иными сказал по несколько слов. Возвращаясь домой с графом Ламздорфом,⁹⁸ я был у Николая. После того ездил к Храповицкому⁹⁹ и на конную продавать лошадь, но без успеха. Возвратясь домой после обеда немного было заснул, но меня разбудили офицеры и я не мог лечь спать прежде как после чаю в 11 <часов>, хоть сон сильно меня беспокоил.

9 Апреля. Понедельник

По утру в 6 часов встал, в 8 был у Симанского, от 9 до 12 учил первую и вторую шеренги, потом ходил на осмирядное учение, после онаго был у Генерала с вестовыми. Пообедав опять ходил в роту осматривал фускаут, потом у Кобяковых пил чай, оттуда прошел к Николаю, после зори ушел от него домой, в 10 часов лег спать. Сего дня решился Симанский сказать Генералу, что мы не переделываем кутас,¹⁰⁰ так как его отдать в полковом приказе.

10 Апреля. Вторник

В 6 ½ часов утра отправился напившись чаю в Михайловский манеж с ротою на ученье, где учил две роты, и свою и 8-ю. Симанский

очень сего дня кричал на Плаутина. Мы ротные командиры соглашаемся идти жаловаться на Симанского генералу. Возвратясь с ученья, занялся я щетами и своими делами до 2-х часов, тут отправился к Кропоткину обедать. У него было довольно офицерства и время неприметно провели до 8 часов. Возвратясь домой я занялся своими делами до 10 часов и лег спать. Сего дня в 3 ч<аса> выпустили Николая из-под ареста.

11 Апреля. Среда

Поутру, напившись чаю, отправился в 8 часов с Батуриным¹⁰¹ к великому князю, с вестовым там дожидались с полчаса. Вестовые были очень хорошо одеты и вообще порядочные. Возвратясь домой, отправился на одно очное ученье в роту. В 12 часов кончил учить заднюю шеренгу. Утром у нас были офицеры и мы обедали в 3 часа. После обеда Васиеньку потребовали к генералу и он остался под арестом на трое суток в полку, за то, что не поверял рапортов. К чаю приехали к нам двое павловских Окуловых¹⁰² и собралось много наших, сидели долго. В 12 часов я лег спать на диване, потому что гости наши засиделись и я не мог лечь спать в своей комнате, когда все ушли, я перешел к себе.

12 Апреля. Четверг

Встал по обыкновению в 6 часов, в 10 отправился в роту смотреть новые приемы и нашел, что они идут довольно плохо, велел в шинелях после обеда повторить их. В час отправился с Николаем на Выборжскую сторону, через Неву переправились порядочно и по ту сторону немного шел ладожский лед. Дядюшку не застали дома, просидели часа два, поцеремонились сказать, что мы не обедали, возвращаясь домой, встретили дядюшку, который сказал нам, что по Неве много льду, и так мы поспешили к переправе. До половины реки лавировали между льдинами. Зашли к арестанту нашему в Павловский полк, оттуда возвратились домой в 6 часов. Не могли достать обеда и довольствовались тем, что пили сперва дома, потом у Кобяковых чай. Возвратясь к себе в 10 часов, написал письмо к родителям и в 11 лег спать, проведя день благополучно. Не очень доволен собой.

13 Апреля. Пятница

В пять часов батальон отправился в манеж дворцовый на ученье, я же отправился на Юдина¹⁰³ дрожках прямо. Ученье было довольно скучное по милости Симанского, который надоедает своими длинными толкованиями. В 10 часов возвратились домой. Я напившись чаю пошел являться к генералу, оттуда в дежурную комнату. В 12 часов был на ученье первого батальона, полковник их ничего не знает, ни службы, ни обращения с офицерами. Обедал дома, после отдыхал в дежурной комнате. Вечером ходил пить дома чай и рапортовать генералу, потом дежурил с прапорщиками Миллером и Заварихиным, до 12 ча-

сов разговаривал с ними, потом лег на диване спать. Позволил молодым людям идти домой, но последний остался дежурить.

14 Апреля. Суббота

В 5 часов пришел домой и уснул еще часа полтора, после того, напившись чаю, выходил к разводу второго отделения, ибо был главным рундом,¹⁰⁴ в манеж не ходил, Симанский позволил мне не быть. В 11 часов отправил брат Василий Норову билет в лотерею Головинского имени,¹⁰⁵ оттуда ездил в Гостиный Двор за разными покупками, в первый раз на лошади, которую выменял у Храповицкого за свою гнедую, также и в первый раз с Киренского. Домой возвратился обедал у нас Зиновьев, который стоит в карауле на полковом дворе. Вечером ходил я ко всенощной в церкви Державина; Зиновьев провел у нас целый день и досидел до 11 часов, тут лег я спать, проведя благополучно время.

15 Апреля. Воскресенье

По утру, напившись чаю, ходил к обедне в полковую церковь, оттуда заходил в роту. — Возвратясь домой нашел у нас Штакельберга,¹⁰⁶ который и сидел с нами часа два. Я делал портфейль для ротных бумаг. После обеда был у Державина у вечерни и потом у всенощной. Придя домой пошел с Афросимовым¹⁰⁷ к Кобяковым, где провел целый вечер. Васинька приехал с дежурства и показывал, какой Бистром¹⁰⁸ отдал ему выговор в приказе и словесно грозил выслать в армию тем же чином. Это меня крайне огорчило; ибо в положении его трудно что-либо предпринимать. Лег спать в 11 часов.

16 Апреля. Понедельник

Напившись чаю занимался своими делами, потом ездил к обедне. В 10 часов возвратился домой. — Услышал от Васиньки, что он был в полку и что ходил к полковнику с объяснением, что мне не понравилось. Обедали мы поздно, после того сидели дома, в 6 часов был у всенощной. Вечером пил чай у Кобяковых и возвратясь домой лег спать в 11 часов.

17 Апреля. Вторник

Напившись чаю, поутру рано отправился к Лейтту, отнес ему 400 рублей от дядюшки. Возвратясь домой, отправился к обедне. После оной был в роте, отправил вестового и ординарца к дивизионному командиру. Обедали мы довольно поздно, после того ходил к генералу. Он нам дал Протасьева квартиру, в которой я с завтрашнего дня буду устраиваться. В 6 часа пошел я к вечерне. Увиделся с Кутузовым¹⁰⁹ и вместе с ним возвратился домой пить чай — он пробыл у нас часа два, и в 10 часов я лег спать, проведя день благополучно.

18 Апреля. Среда

Поутру заставил ротных столяров отделять квартиру. После чаю отправился к разводу, выпрося у Штакельберга дрожек. Морской Экипаж вступал в караул по первому отделению, корпусный командир был у развода. После одного приехал прямо к обедне. Пришел домой занялся своими делами до обеда. Хотел было переноситься вечером; но квартира не была готова. В 6 часов отправился ко всеобщей в семинарию.¹¹⁰ Вечером заходил к Афросимову и графу Ламздорфу, который не очень здоров, пил чай дома, у нас довольно собралось офицеров и пришел московский Новиков, сидели до 12 часов, я взял у Громова¹¹¹ книжку для вечерних правил, которую прочел в намерении завтра исповедаться и приобщиться. В 12 часов лег спать.

19 Апреля. Четверг

Ночь провел нехорошо, оттого и передумал приобщаться сегодня и отложил до субботы, встал в 8 часов напившись чаю, после, когда возвратился Николай брат приобщившись, стал перебираться на новое жилище. Потом ходил к обедне. Обедали мы в 8 часов на новосельи, к вечеру отделили комнату Гангблова и Николая, и мы совершенно водворились в 60-м и 61-м номерах. В 7 часов пошли ко всеобщей и были в полковой церкви у вечерни. В семинарии была тьма народа и отменно душно, все время стоял я возле Рахманова матери,¹¹² которую оберегал от тесноты в куче народа. Возвратясь домой, напился чаю и легли спать в 11 часов. Я выбрал себе комнату особенную, которую уступал Гангблову, но он не согласился, говоря, что дорого стоит отделать ее, иначе же жить в ней не хочет.

20 Апреля. Пятница

День сегодня был прекрасный. Напившись чаю, я привел все у себя в порядок, отправился в роту смотреть мундиры и амуницию, потом в полковую церковь к часам и оттуда пришел домой, занялся своими делами по хозяйству и поутру написал письмо к родителям и послал им список офицеров. В два часа был у вечерни в одном мундире и иззяб. Пришел домой, немного поел. После того пришел к нам Юдин и сидел часа два. В 7 часов отправились мы, Кобяков и брат Васинька в баню и возвратясь в 9 часу, напился чаю. После того я читал вечером правила и лег спать в 11 часов.

21 Апреля. Суббота

В два часа проснулся и нетерпеливо дожидался благовеста к заутренне. В три часа встал, почище оделся и отправился в церковь, исповедался, после заутрени пошел в моленную церковь слушать правила и раннюю обедню, за которой сподобился приобщиться святых таин, в 7 часов возвратился домой и переодевшись пошел являться дежур-

ным к генералу, оттуда на офицерский двор на ученье. Пришед домой, напился чаю и занялся своими делами. Потом ходил к обедне и был в роте, побывав прежде часа два в дежурной комнате, где и соснул часа два, возвратясь домой обедал. После того погода не много ходил на переключку в роту, в 9 часов рапортовал генералу и напившись чаю в 10 часов лег спать у себя дома, скинув мундир.

22 Апреля. Воскресенье пасхи

В 12 часов пошел к заутрене в полковую церковь. Шел такой сильный дождь, что грязь зделалась непомерная. Отслушав обедню, возвратился домой, переоделся в белые панталоны и отправился в 4 часа к генералу разгавливаться. Он нам дал порядочный завтрак. После того ходил в роту христосоваться и разгавливаться в роту. Пришед домой, лег спать и проспал до 8 часов. Тут встал и собрался к разводу нашего полка, но оный был зделан без церемоний в 11 часов. В 12 поехал я с Васинькой на Выборжскую сторону к дядюшке, у него обедал и сидел до половины пятого, потом поехал во дворец к вечерне, дорогою распряглась лошадь и я оттого не поспел к началу вечерни. — От выхода я возвратился домой и посидев часа три лег спать в 9 часов, проведя день благополучно.

23 Апреля. Понедельник

В 8 часов встал, собрался было в 11 к выходу, но выехав за ворота увидел, что лошадь хромает, и возвратился назад. Сего дня узнал, что на место министра финансов Гурьева¹¹³ министром зделан Канкрин,¹¹⁴ а у первого остался в веденьи один кабинет, на место министра юстиции князя Лобанова-Ростовского¹¹⁵ зделан министром Сперанский.¹¹⁶ Сегодня в приказе о переводе нашего полковника Грузинского царевича Ильи¹¹⁷ в Московский пехотный полк и полковника Мандерштерна¹¹⁸ в лейб-гвардии Павловский полк. Также на место их поступили лейб-гвардии Московского полковник Веселовский¹¹⁹ и Преображенского из капитанов произведенный Девитте.¹²⁰ До обеда я клеил для ротных бумаг ящик, обедали мы в 3 часа, после того я было расположился у себя писать, но от печки столько пошло дыму, что мы все принуждены были идти к Козловым, там пили чай, возвратясь домой в 9 часов, я выбрился и напившись вторично чаю, лег спать в 10 часов.

24 Апреля. Вторник

В семь часов принял вестовых, напившись чаю, в 8 часов отправился с Козловым в Аничковский дворец поздравить Николая Павловича, там увидел Девитте, который не хотел мне поклониться, выжидая от меня прежде поклона, я также ему не кланялся и мы обошлись как незнакомые. Великий князь со всеми христосовался, спросил у нас про

брата.¹²¹ После того мы возвратились домой и тотчас отправился в роту и нашел отделенного Маргусова пьяного и посадил его под арест в намерении сменить с отделения.¹²² До обеда клеил ящик, который и кончил, после одного читал, писал. В 11 часов ходил гулять по полку, ибо первый день сегодня погода была хорошая, потом играл на фортепьянах.

25 Апреля. Среда

По утру, напившись чаю, занялся разными делами, потом играл на фортепьянах. Перед обедом ходил к Симанскому просить унтера офицера хорошего поведения, чтобы сделать его отделенным, он мне назначил из 8-й роты Григорьева. После обеда читал, потом ходил на гулянье, где видел много народа, между прочими Матрену, которая было отправилась за мною домой, но я ей сказал, чтобы она не шла далее за мною, и оттого она меня оставила. Возвратясь домой, читал и потом в 10 часов, напившись чаю, лег спать не очень доволен собой.

26 Апреля. Четверг

Встал в 8 часов, напившись чаю, поехал на своей лошади к разводу, откуда заехал к Петру Норову на Сенную, где он под арестом. Приехав домой, занялся своими делами. Перед обедом был у Симанского. После одного пришли к нам кой кто из офицеров, играли мы по безделице в вист, потом я писал и читал, в 10 часов пил чай, а в 11 лег спать, проведя день благополучно.

27 Апреля. Пятница

Поутру, напившись чаю, в 8 часов читал, занимался своими делами, также написал письма к родителям и к дядюшке Петру Петровичу. После обеда играли тут в вист. В 8 часов отправился с Лаппо и Кобяковым гулять, ходили долго по полку, потом, возвратясь домой, играл на фортепьянах в 10 часов пил чай и в 11 лег спать, проведя день благополучно.

28 Апреля. Суббота

Поутру у нас было ученье на офицерском дворе по полубатальонно, в 8 часов ходили по шереножно церемониальным маршем. После одного я у себя дома читал, играл на фортепьянах, в 3 часа пообедали, а в 5 я отправился не смотря на дождь на Литейную искать, где живет Фекла, всю исходил вдоль и поперек и не нашел ропшинской красавицы. Дорогою у Семеновских казарм нашел обиталище Витинской¹²³ Пелагеи, встретя ее на улице у своего дома. Возвратился домой поздно и напившись чаю, лег спать, проведя день благополучно. Не доволен собою. Сего дня побил фелдфебеля.

29 Апреля. Воскресенье

Напившись чаю, по утру отправился к обедне в полковую церковь и крайне был удивлен, когда священник, не доходя еще херувимской, кончил обедню. Из церкви прошел в роту, оттуда домой, где занимался переписыванием Митюхи для Василия Николаевича. Вечером погода была весьма плохая, следовательно, последний день гулянья под качелями не был очень приятен. В 8 часов отправился в роту с тем, чтобы побить Деникина, который хоть и невинно был побит фельдфебелем, но все таки нагрубил ему. Фельдфебелю я дал у себя в комнате 100 папок и обещал в первый раз когда он подерется, разжаловать; но и Деникину не надлежало спускать; но как я заметил недовольствие целой роты, то искусно спросил у фельдфебеля, хочет ли он простить ему, и тот простил.¹²⁴ Возвратясь домой, напился чаю. У нас был кой кто из офицеров. В 11 часов лег благополучно спать.

30 Апреля. Понедельник

В 8 часов ходил являться дежурным к генералу, он меня не принял, после того все отправились в караул в 10 часов, а я пошел сидеть в дежурную комнату, там нашел Конно-пионерного офицера, посидел с ним, потом немного писал Митюху. Плаутин был также дежурным со мною. В 2 часа ушел домой и пробыл дома до 6 часов по полудни, потом, обойдя казармы, сидел в дежурной комнате до 8 часов и писал Митюху, к 9 часам рапортовал генералу; после чего в 10 часов пошел ночевать в дежурную комнату, где до 12 часов пионерный офицер сидел со мною.

1 Маия. Вторник

В три часа возвратился к себе и до 7 спал дома, потом оделся, напился чаю и отправился к Плаутину, взял его с собою в Аничковский дворец, где показывали вестовых Его высочеству, там с час дожидались. Ординарец был Михайлов и нехорошо явился. Вестовым Терентьевым великий князь был очень доволен. Возвратясь домой, переписывал Митюху. После обеда часов до 5 сидел дома, потом отправился гулять по полку. Заходил к подпрапорщику Языкову,¹²⁵ от него прошел в Семеновский полк, к чаю возвратился домой. Напился чаю дома. К нам пришло много офицеров и сидели до 12, мне очень захотелось и не дождавшись их уходу, лег спать, проведя день благополучно. Не доволен собой.

2 Маия. Среда

По утру в 8 часов напился чаю потом отправился к разводу Московского полка. Государь вывел батальон на площадь и учил часа два, чего я никогда не видал. Офицеры знали свое дело порядочно, а солдаты не совсем, а государь благодарил офицеров и людей, последним дал по

чарке вина. От развода проехал прямо в роту, где осмотрел все и велел везде вычистить. Нейдгарт¹²⁶ обходил все казармы, и я сидел в оных до 4 часов, у меня в роте не был. Пришел домой, обедали, потом я пошел было переписывать Митюху, но недолго писал, пришел Харламов и мы засели из шалости в вист и играли до 11 часов. Вечером собралось довольно офицеров и я лег не прежде 12 часов, проведя день благополучно.

3 Мая. Четверг

По утру напившись чаю отправился на ученье полубатальонное на офицерском дворе после оного писал Митюху до обеда. Потом сидели у нас Норовы и до 6 часов мы беседовали. Тут я оделся в новый мундир и поехал с Васинькой к Яновскому где собралось много девиц — и затеяли танцы. Я только для свидания с дядюшкой поехал, но должен был танцевать. Тетушка и дядюшка недолго пробыли и за светло уехали, а я остался до 11 часов плесать. Мне понравилась одна девица Добровольская, но кажется, что я не успел ей понравиться, потому что она дать мне слово не хотела, а пошла с Николаем и оставила меня в дураках. Возвратясь домой пешком, лег спать в 11 часов проведя день благополучно.

4 Мая. Пятница

В 8 часов утра напившись чаю пошел на батальонный пример парада на офицерском дворе, во время которого Симанский меня чрезвычайно развеселил, так как и всех офицеров, так как назначено было 2 часа учиться, а мы учились 3 ½. Во ученье я побил одного солдата за то, что оправлялся, а другого посадил под арест за то же самое, Георгиевского кавалера. Пришел домой, играл довольно долго на фортепьянах. Вчера слышал я у Яновского, как играла девица Трут, отличная музыкантша. После обеда собрались у нас офицеры и мы резвились как маленькие. В 6 часов поехал я с Штакельбергом в Гостиный двор, купил у Лопатникова сукна в долг и ходили по другим лавкам. Возвратясь домой, нашел я также у нас много офицеров и напившись чаю в 11 часов лег спать, проведя день благополучно и доволен собой.

5 Мая. Суббота

По утру напившись чаю отправились мы на ученье на Семеновское парадное место, где генерал учил нас и не долее как часа два, а после того смотрел и моею и 3-й ротую остался не доволен. Прямо с ученья отправился я к дядюшке на Выборгскую сторону, заехал в Гофшпитали проводить своих больных. К дядюшке прибыл в 2 часа и нашли их за обедом, после с ними ходил по саду и пробыл до 6 часов. Тут отправились мы вместе с дядюшкой на нашу сторону, я завез его в Экономическое общество, а сам, возвратясь домой, напился чаю кой с кем из товарищей и лег спать в 10 часов.

6 Мая. Воскресенье

По утру напившись чаю, отправились к обедне. После того выпросил у графа Ламздорфа лошадь и в первый раз ездил верхом в манеже, где учил меня вахмистр конно-пионерного эскадрона. Пришед домой, с аппетитом пообедал. Собралось у нас вечером офицерство и мы просидели часов до 11, пили вместе чай и я лег спать в 12, проведя благополучно день.

7 Мая. Понедельник

К семи часам проснулся и отправился в роту, посмотрел что в ней делается, и уж на людей пригоняли шинели и вся рота была в строю. [В 9 часов] Возвратясь домой напился чаю, оделся, в 9 отправились на учење на Семеновское парадное место, в 10 часов приехал великий князь, учил нас с полтора часа, потом третий батальон учился еще час за штраф¹²⁷ и потом был еще пример развода в 12 часов кончилось учење и я прямо отправился на Выборгскую сторону к дядюшке, у него обедали Яновский, Блажиевский,¹²⁸ Ростовцев и Сульменев,¹²⁹ после обеда играл в бостон и выиграл по грошу вчетвером слишком 3 руб. возвратился домой в 10 часов и к несказанной радости нашел письмо от родителей в котором уведомляют что сестра родила сына в самое светлое воскресенье в 6 часов по полудни,¹³⁰ в 12 часов лег спать напившись чаю.

8 Мая. Вторник

В 6 часов встал напившись чаю отправился в 8 часов с разводом в дворцовый Экзерцизгауз где Депрерадович¹³¹ зделал развод, я был главным рундом. От развода заехал к Штремеру снимать мерку на мундир, оттуда я поехал к Замятину, в почтамской лопнул хомут и я принужден был идти пешком, Замятина не застал дома, прошел к Симанову, он спал, возвратился домой ездил на Штакельберговой лошади в манеже часа два, возвратясь домой, пообедал, в 6 часов отправился с Штакельбергом гулять верхом, были у Богдановича, возвратились домой в 8 часов, напившись чаю хотел было лечь спать, но пришли к нам Батурин и Новиков, и я не спал до 2-х часов, разговаривали. Сего дня я не совсем доволен собою.

9 Мая. Среда

В 8 часов ходил являться дежурным к Генералу, но он меня не принял, в 9 часов пришел Богданович, в 10 отправился в полковую церковь к обедне, потом служил в роте молебен по случаю ротного праздника, после того сидел часа два в дежурной комнате, к обеду пришел домой; в 5 часов сел за фортепьяно и играл часов до 7, после того занимался своими делами, потом ходил рапортовать к генералу, напившись чаю дома, отправился спать в дежурную комнату.

10 Маия. Четверг

В три часа утра разбудил меня Плаутин, который по ошибке приехал рано на ученье, и я с ним пошел домой и спал еще до 6 часов, напившись в 8 часов отправились мы на Семеновское парадное место, где Мартынов делал пример парада, я очень был доволен своею ротой. Возвратясь домой, заходил в ротные казармы, потом до обеда писал Митюху. После обеда просидел у нас Богданович и Бакрон и довольно офицеров пили у нас чай, так что я приятно провел время до 11 часов, написал письмо к родителям и лег спать, проведя день благополучно.

11 Маия. Пятница

По утру в пять часов встал оделся в щиблеты и в 6 часов отправился на Семеновской парадное место, где был бригаде пример парада.¹³² Его высочество был не очень доволен моими стариками, и нас учили еще лишний час не смотря на то, что великий князь благодарил. Возвратясь домой, напился чаю и лег спать до обеда. После онаго кончил Митюху переписывать, занялся своими делами и отправился гулять. Потом пил чай у Лаппы, в 10 часов лег спать.

12 Маия. Суббота

По утру встал в 6 часов и отправился в 7 на пример парада в присутствии корпусного командира нашей бригады, тут было все порядочно и великий князь благодарил.¹³³ Я возвратился домой довольно весел, перед обедом не много отдохнул, после обеда занимался своими делами и читал, в 11 часов лег спать, проведя день благополучно. Ходил вечером гулять за Нарвскую заставу.

13 Маия. Воскресенье

Напившись чаю в 7 часов, в 9 отправился к обедне; оттуда возвратясь домой, занимался до обеда чтением, после обеда до 6 часов сидел у себя кое с кем из офицеров, потом поехал с Николаем в Салтыкова сады, там не нашли никого и отправились к триумфальным воротам и в Екатерингоф в намерении встретить ропшинскую Феклу, которая живет где то там, мне Лаппа сказывал. Не видав ничего, возвратились опять в Салтыков сад на короткое время и в 8 часов приехали домой. Я увидел издали идущую Феклу и не входя домой отправился следом за нею даже за Аларчин мост, где она поворотила в Посникова дом и тут сказала мне, что живет у Глена на даче, за Нарвскими воротами и что сама придет в воскресенье. Я тому не совершенно поверил и возвратился домой, напившись чаю, лег спать в 11 часов, проведя день благополучно.

14 Маия. Понедельник

В 5 часов встал, в 6 попивши чаю был в роте, в половине 11-го вышел полк в совершенной чистоте, дождь хотя накрапывал, но нас по-

вели по Семеновскому полку, однако воротили от Владимирской; ибо парад был отказан, нас порядочно намочило; возвратясь домой, я занимался своими щотами; после обеда были у нас кой кто офицеры, перед чаем в 8 часов не смотря на ливный дождь отправился я на дрожках к Глену на дачу, отыскал ее, однако Феклы не видел, возвращаясь домой, несколько раз сам перепрягал лошадей; ибо Кирюшка не умел запречь оной. В 10 часов лег спать, проведя день благополучно.

15 Маия. Вторник

По утру в 6 часов был уже в роте, заставляя при себе каждого ефрейтора одеть по одному солдату, дабы каждый таким порядком мог осмотреть всякого своего десятка солдата, потом возвратясь домой напился чаю в половине 8-го отправились на учение, и нашим батальоном Мартынов был не доволен и оставил его учить не смотря на несносный жар. Мы все были сим крайне не довольны. Симанский оставил было мою роту, отпустя домой прочие, но я сказал ему, что лучше люди будут учиться после обеда, нежели по утру в жар и так долго, и так мы очень скоро кончились, возвратясь домой до обеда, спал, после того в 6 часов отправился пешком гулять к Глену на дачу, никого там не видал и отправился к Аларчину мосту, увидев на балконе Логинова, зашел к нему на минуту, потом, возвращаясь домой, встретил Феклу и шел с нею довольно долго, позвал с собою, она сказала что некогда и обещала придти в воскресенье. Оттуда пришел домой, напившись чаю, лег спать в 11 часов в превеликой усталости.

16 Маия. Среда

По утру напившись чаю занялся своими делами до 10 часов, потом отправились с Васинькой к Павлову, его не застали дома и поехали на Выборгскую сторону к дядюшке, у него обедали и пробыли до 7 часов вечера, пили чай; Тетушка Анна Петровна приехала и представлялась Государыне сегодня. Мы провели время довольно весело. Там был Яновский, брат Николай и Амплей Бунин. Приехав домой — нашли у себя кой кого офицеров и вечером довольно долго еще сидели и читали Ла Мартина. В 11 часов я лег спать, проведя день благополучно.

17 Маия. Четверг

По утру в 5 часов встал, оделся идти в парад, но оный отложили еще на три часа, и так я опять раздевался и занимался своими делами, в половине 9-го был в роте, в 9 часов пошли мы на царицын луг, где Государя дожидались не более часу, потом проходили взводами и колоннами церемониальным маршем. Государь был доволен парадом, дал по рублю, по фунту и по чарке — мы возвратились домой в 4 часа, в 5 обедали, и потом я не много уснул, вечером писал и в 10 часов лег спать, проведя день благополучно.

18 Маия. Пятница

По утру встал в 6 часов, напившись чаю стал собирать Васиньку в дорогу, ибо он сего дня отправляется в Гостилицы с своим батальоном на житье, и так у меня все утро прошло в щетах. В три часа мы обедали и в 5 брат отправился, проводя его я был у Богдановича, на минуту возвратясь домой переводил до 11 часов и тут лег спать, проведя день благополучно, не доволен собой.

19 Маия. Суббота

По утру, напившись чаю, начал было я заниматься переводом, но меня от сего оторвали, пришли сказать, что я наряжен за место Норова дежурным, и так я пошел к Генералу, у него просился в Гостилицы, но он мне отказал, придя домой, занимался опять переводом, вечером у нас были кой кто из офицеров, в 9 часов рапортовал Мартынову, после того Языков¹³⁴ пришел меня просить завтра дежурить за Шванвича, я согласился и лег спать в 11 часов недоволен собой. У Башуцкого¹³⁵ переделывают комнаты, и он переехал ко мне на несколько ночей ночевать. Сего дня весь корпус ездил поздравлять Витгенштейна¹³⁶ с приездом.

20 Маия. Воскресенье

В 7 часов встал напившись чаю отправился к обедне оттуда в роту, после заходил к Кропоткину, возвратясь домой до обеда переводил, обедали в 4 часа, ибо у нас сего дня новый товарищ 3-й роты. После того занимался также переводом до 9 часов, напившись чаю ходил к Генералу рапортовать и потом несколько раз с донесениями, ибо два солдата ему попались пьяными. После того долго сидел у Ламздорфа играл на фортепьяно в 12 часов лег спать доволен собой. Сего дня переведен наш капитан Глазенап¹³⁷ в Переяславский полк подполковником.

21 Маия. Понедельник

Напившись поутру чаю отправился на почту и получил письмо от родителей и при оном 250 рублей денег, оттуда заехал к Яновскому проведывать о Митюхе, после был у Штремера, а оттуда у Сипужина. Приехав домой настроил фортепьяно, потом писал до прихода Новикова, который у нас обедал. После с ним долго сидел и только стал опять переводить, приехал павловской Окулов, потом Языков подпрапорщик, и так я все бросил, напившись чаю, в 9 часов отправился за заставу к Глену на дачу, заходил к Храповицкому на минуту, домой пришел в 11 часов, занялся своими делами и в 12 лег, проведя день благополучно.

22 Маия. Вторник

В 5 часов встал, отправился на учение на парадное место, где был Симанский и тотчас свел наши три роты (ибо знаменная была на парадном месте) и зделал учение не более двух часов — Возвратясь домой, напился чаю (*зачеркнуто*: отправился с Батуриным в Гостиный двор купил сукна для него, потом зашел и еще кой куда).

Возвратились домой в 12 часов, тут я хлопотал и устраивал все для обеда нашего; ибо сего дня у нас и тетушка, и дядюшка в гостях. В 3 часа они приехали, отообедали, после мы отправились в 6 часов в беседу Общества любителей словесности.¹³⁸ Ростовцев¹³⁹ достал мне билет — чтение продолжалось часа три и можно сказать, что я большего ожидал. Рылеева¹⁴⁰ стихи были самая лучшая пиеса. Читали все худо, кроме Греча,¹⁴¹ Измайлова,¹⁴² Бестужева Морского.¹⁴³ Возвратясь домой, мы пили чай с нашими гостями, в 11 часов они уехали, а мы с Замятиным и кой с кем из офицеров сидели до 12. Тут легли спать, проведя день благополучно.

23 Маия. Среда

Поутру встал в 5 часов и отправился на ученье. Возвратясь домой в восемь часов пил чай. Потом ездил с Батуриным покупать сукно, потом еще кой куда. После, приехав домой, лег спать и спал до обеда. В 5 часов по полудни отправился к Замятину и от него с ним вместе на Выборжскую сторону к дядюшке, там пили чай и нашли кой кого гостей. Возвращаясь домой, ходили в Летних садах. У меня к вечеру разболелась голова и лег спать в 12 часов, проведя день благополучно. Тетушка¹⁴⁴ объявила нам, что едет в Ревель.

24 Маия. Четверг

Поутру в 5 часов отправился на учение ротное, которое и кончил в 7. Люди свое дело делали хорошо. Возвратясь домой, напился чаю и лег спать, встал в 12 часов и занялся щетами, после обеда ездил с Козловым получать сукно, потом отправились с Штакельбергом и Гангбловым на Среднюю рогатку, где гуляли и ели молоко, потом были в Чесменском Дворце. Приехали домой, в 10 часов напильсь чаю и в 11 лег спать, проведя благополучно и приятно день.

25 Маия. Пятница

Поутру в 5 часов делал ротное учение часа полтора и был также доволен, потом возвратясь домой написал письма к родителям и Бланкам. После того, напившись чаю, был у Генерала с вестовыми, возвратясь от него, отправился на почту отдавать письма, потом был в гостином дворе, купил сукно, приехав домой, лег спать, часа два спал. Потом занялся своими делами, в 3 часа обедал, читал La Martine. После обе-

да отправился вечером гулять к Глену на дачу и возвратился домой в 10 часов, напившись чаю, лег спать, проведя день благополучно.

26 Маия. Суббота

Поутру в 6 часов отправился со взводом за знамен в Аничковский дворец, оттуда в дворцовый Экзерцизгауз, где был пример развода, после того Башуцкой развел на площади развод, и я вступил во дворец в караул, со мною Гангеблов и Башуцкий. Когда все разошлись, мы стали читать, потом спали до 12 часов; обедал у нас Егор Кобяков и просидел до 8 часов, в 9 часов был Симанский; а в 11 я заснул; каждый раз в продолжение караула ровнял сам ружья.

27 Маия. Воскресенье

Встал в 5 часов, в 7 напился чаю, в 8 приехали Симанский и Беклешов¹⁴⁵ и толковали мы о супружестве, потом пошли рапортовать коменданту. Оттуда возвратясь, скоро пришла смена. Я доехал домой с Харламовым. — Дома сидел целый день, до обеда ничего не делал, после обеда переводил, вечером ездил со Штакельбергом по дачам и читали Лорда Бейрона; возвратился домой поздно и напившись чаю в 11 часов лег спать, проведя порядочно день, но не доволен собой.

28 Маия. Понедельник

В 7 часов встал в 9 ходил являться к генералу; ибо был дежурным, и возвратясь оттуда сел переводить, в сем занятии провел можно сказать целый день, кроме часу после обеда, когда у нас сидели кое кто, вечером генерал не принимал, и так я переводил, не много напился чаю и лег спать в 11 часов.

29 Маия. Вторник

По утру встал в 9 часов, и ходил на парадное место полковое, где час учил роту, возвратясь домой попил чаю, ездил к портному и за эполетами, пришел Штакельберг и сказал мне от имени генерала, что ежели мы хотим ехать в Ропшу, чтобы ехали сего дня и пробыли до субботы, а иначе он непустит; ибо Его высочество будет делать ученье в субботу. И так я стал хлопотать об лошадях, решил ехать на паре Штакельберговой в телеге, а мне свою отправить вечером с дрожками прямо в Ропшу. В 5 часов по полудни выехали и в половине 9-го прибыли благополучно к Богдановичу, у него пили чай, и потом долго разговаривали, легли спать в 11 часов.

30 Маия. Среда

Встал часу в 8-м. Насильно напоили меня чаем, и я отправился в 9-м часу в Новую деревню к Васиньке. Не смотря что туда только 10 верст, я не прежде отыскал брата, как в 11 часов. Лошадь беспрестанно останавливалась, закидывалась и не хотела идти; я ее бил; но

все ничего не мог сделать, не доезжая версты 3, она не приняла в гору и начала брыкаться, изорвала зброю, и я от нетерпения отправился пешком. У брата тотчас выбрился и умылся; пришли Окуловы, посидев с ними не долго, я лег не много уснул, потом обедали у Окуловых, которые только что живут розно с Васинькой, но артель держат вместе. — После обеда пошли мы в Гостилицы за ½ версты в сад Разумовского,¹⁴⁶ который расположился на прекраснейшем месте, хотя не в большом присмотре, но чрезвычайно мне нравится. Возвратясь домой, ходили мы по деревне, которая также приятно расположена и вдоль оной овраг, покрытый зеленью. Вечером пил чай с нами поручик Карчевский¹⁴⁷ и прапорщик Ельчанинов,¹⁴⁸ с которыми я познакомился. В 10 часов легли спать.

31 Маия. Четверг

Встал в 7 часов, напившись чаю пошел к обедне, возвратясь оттуда, со многими Павловскими офицерами зашел к Карчевскому, ротному командиру братнинуму, от него пошел слушать молебен, который был на чистом воздухе по случаю ротного праздника. После молебна в шешлаше, сделанном из березок, мы завтракали, потом отправились опять к Карчевскому, я не долго у него побыл и поехал на чухонской ратьке в Витино. Там остановился у Егора. Пошел к Ессенам,¹⁴⁹ они укладывались и собирались совсем в Ропшу, и я их проводил. Коль скоро ребятишки меня увидели, все сбежались, потом и старые пришли смотреть на меня. У Матвея я просидел с час. Фекла угощала сливками, пришла Марья с своим ребенком, которого без нас уже родила. К вечеру возвратился я к Карчевскому, простившись с Витиным. Тут пели песельники и играли в городки все офицеры, и полковник также, кончилось тем, что зачали качать и не прежде разошлись как в 11 часов. Были там полковник Ступаков,¹⁵⁰ капитан Горяинов,¹⁵¹ поручик Верещагин,¹⁵² барон Зальца,¹⁵³ подпоручик Стахийев,¹⁵⁴ прапорщик Ельчанинов и лекарь Енохин.¹⁵⁵ Горяинов пошел с нами ужинать к Окулову, тут пришел и Карчевский, и мы ходили в хороводах до 2-го часа утра; я волочился за Федосьей — Окуловых хозяйина дочерью, которая лучше всех девок в деревне, она ко мне благосклонна была, как кажется; но я не хотел ничего показывать; ибо сам Окулов в нее влюблен. — Придя домой лег спать и разбирал, какая редкость у них обхождение батальонного командира с офицерами и у нас. — У них он есть совершенно приятель офицерам и не смотря на то, что пишет выговоры, любим офицерами, которых сам дружески любит.

1 Июня. Пятница

В восемь часов встал и не пив чаю отправился с Васинькою на своих дрожках в Ропшу; там нашли Богдановича с бароном за чаем в саду, у них напильсь, и посидев не долго, отправился я к Лалаевым,¹⁵⁶ не застал никого дома, погулял в саду и возвратившись домой не много

здремал. После того мы обедали в троем с Васинькой и Богдановичем и пошли гулять по Михайловской слободе, я ходил волочиться за девками, там есть Дуняша, которая работает на фабрике, отменно хороша собой. В 5 часов по полудни барон повез меня на свой паре в Петербург, дорогою лошадь расковалась и мы останавливались ковать, приехали домой в 10 часов. Так как завтра рано ученье, я тотчас после чаю лег спать. Васинька приехал из Ропши на моей лошадке во 2-м часу и ехал не долее нас.

2 Июня. Суббота

В часы утра встал, пошел на ученье на семеновское парадное место, где вся бригада была выведена для общаго осмирядного ученья. При первой перемене дирекции генерал разбесился и раскричался на меня, стыдно капитан, мне стало очень досадно, но я молчал, после того, он сделал мне выговор, который меня ни мало не рассердил в сравнении с его криком. Возвратясь с ученья, я ходил к Симанскому просить его новости до сведения генерала, что ежели он не хочет принять в уважение то, что слова стыдно капитану меня оскорбляют и строже всякого выговора и штрафа, то я постараюсь переменить службу, что я ни мало не обижаюсь, ни кого в это дело не мешаю, держу его в секрете, но быть равнодушным не могу, потому, что и прапорщиком того не слышал. Возвратясь домой, пил чай. Потом часу до 2-го занялся с артельщиками рашетом, после спал до 5 часов. Тут мы обедали. В 7 часов ходил в роту, высек Захарова за то, что он нашел вещи и хотел их притаить. — Возвратясь домой, переводил, в 9 часов пили чай, я много играл на фортепьянах и в 11 часов лег спать.

3 Июня. Воскресенье

Встал в 7 часов, выбрился, напился чаю и оделся к разводу 3-го отделения, к коему наряжен главным рундом. После того Симанский звал меня к себе чтобы поговорить со мною на щет вчерашнего; ибо он не знает, как сказать генералу, в каком смысле, я повторил ему мои слова и после долгого разговора возвратился домой и пошел с Юдиным к обедне. После того переводил, пообедав лег спать часа на два. Потом опять занимался переводом, после чаю играл на фортепьянах, потом приведя все дела свои в порядок лег спать в половине 1-го часа, проведя благополучно день и весьма доволен собою.

4 Июня. Понедельник

Встал поутру в 7 часов, напившись чаю, пошел в роту очищать место для людей 2-го батальона. Симанский прислал требовать меня к себе, я тот час отправился к нему. — Он стал мне говорить, что объяснился за меня с Генералом, который принял мое мнение и сказал,

что сказанное им мне истинно было от того, что ему больно было, что я служа всегда так хорошо мог сделать подобную ошибку, и так после долговременного разговора я возвратился домой весел. После обеда я занимался переводом, потом напившись чаю лег спать в 11 часов, проведя благополучно день и доволен собою.

5 Июня. Вторник

В 3 часа утра отправился на ученье, с час делал пример в роте, потом генерал делал пример церковного парада и отделениями заставил нас ходить лишний час, и так наше ученье кончилось в 7 часов. Придя домой, напился чаю и лег спать, проспал два часа слишком. После обеда поехал с Васинькой в Гостиный двор, купил для него сукна на рейтузы в долг и потом покупал разные мелочи, не смотря на мозоли возвратился домой пешком. Занялся щотами, потом напившись чаю в 11 часов лег спать, проведя благополучно день и доволен собою. — После обеда ездил верхом.

6 Июня. Среда

По утру встал в 7 часов, приняв фелдфебеля, клеил для роты картонные коробочки, после того пришли к нам офицеры и Кропоткин сам вызвался и дал мне 200 рублей на три месяца, потом приехал брат Васинька и сказал, что Красовский¹⁵⁷ обещал пропустить Митюху и приказал приехать во вторник. — Это меня не очень порадовало и я не мог ничем заниматься. После обеда в 5 часов пошел на прием парада в присутствии Его высочества. Оный был не совсем хорош и продолжался три часа,¹⁵⁸ возвратясь домой, я занялся своими делами, здал Гангеблову держать артель. В 8 часов брат Васинька отправился в Гостилицы, и я после того ездил на обсерваторию по пустому и в 11 часов лег спать.

7 Июня. Четверг

По утру напившись чаю отправился с Гессе¹⁵⁹ в Гостиный двор покупать сукно для офицеров на рейтузы, только у Лапатникова хорошего не нашел, оттуда заезжал еще делать кой какие покупки, я дал задатку за сани, возвратясь домой, до обеда занимался разными делами, после обеда в четыре часа отправился делать маленькое ученье людям в шинелях, в 6 полк вывели на ученье примера церковного парада, оный был лучше вчерашнего, но не совсем хорош, в 6 часов великий князь был в роте Его высочества, заставлял нас ходить по отделениям с ротою и уехал скоро.¹⁶⁰ После вечернего ученья мы собрались с Батуриным Дмитрием на обсерваторию, что на Васильевском острове; но уже все спали и путешествие наше было тщетное, возвратились домой в 11 часов, и я лег спать.

8 Июня. Пятница

По утру в 5 часов были на приеме парада, который кончили благополучно и он точно был порядочен, после того я напившись чаю написал маленькое письмо к родителям и лег спать, до 3 часов по полудни проспал и потом пообедав не много занялся переводом; а после в 7 часов отправился с Ламсдорфом, Кобяковым и Лаппою на лодке в Тентелеву деревню, был у Завадского на даче и в первые от роду видел обезьяну. Возвратились мы домой в 12 часов, мне очень понравилось грести и я один все трудился на возвратном пути. Напившись чаю у Кобяковых, лег спать в большой усталости. Сего дня получили письмо от родителей.

9 Июня. Суббота

По утру в 8 часов у нас был прием парада в присутствии Его высочества, он был очень доволен и скоро оный кончил.¹⁶¹ Возвратясь домой и напившись чаю, лег я спать часа на два. Пришел Богданович и мы <оставили> его у себя обедать. Бехтеев у нас остановился, приехав из Стрельны. — После обеда ездил я в Гостинный двор. Перед чаем ходил гулять с Кобяковым. Вечер ничего не делал и лег спать в 12 часов не совсем доволен собою.

10 Июня. Воскресенье

По утру встал в 8 часов, выбрился, напившись чаю, и в 9 часов одевшись ходил являться к генералу, потом пошел в казармы выводить роту; но тут парад нам отказали за дождем, который скоро потом кончился; мы были накануне приглашены во дворец к обеду и обед с этим отказали. Великий князь собрал три гренадерских роты, прочел рескрипт, пожалованный Государем на серебряные георгиевские трубы, которые мы получили за 12 год.¹⁶² После того я был у обедни, где все смотрели на Перевошикову, одну хорошенькую даму, которую некогда видел у Посникова; не успел возвратиться от обедни домой, как приехал великий князь в полк и сперва пошел ко мне в роту, потом обходил всю казарму, и я без пристрастия могу сказать, что нигде не было такого порядку, как у меня. Великий князь со мною очень был ласков. В 3 часа я дома обедал, потом спал до 6, после отправился в роту, собрал песельников, они величали меня и других бывших со мною офицеров. — В 8 часов на углу казармы играла музыка, только весьма мало, не смотря, что великий князь нарочно ее приказал для удовольствия солдат. В 9 часов пошел я рапортовать генералу и случайно завелась у нас материя и мы часа 2 с ним проговорили партикулярно на счет службы, я не мог довольно надивиться благородным суждениям его и тем более, что он часто делает во преки оного. Разговор сей сделал на меня большое впечатление; ибо человек, который благородно судит, должен благородно чувствовать. Возвратясь домой, напился чаю, в 12

отправился спать в дежурную комнату. Сего дня праздник мне стоил 35 руб<лей> на роту, 25 фельд<фебелям>, 5 песельникам.

11 Июня. Понедельник

В шесть часов возвратился домой из дежурной комнаты, в 7 часов принимал фелдфебеля, потом напившись чаю отправился сперва к обедне потом заходил в роту. Возвратясь домой, лег спать и спал до обеда. Граф Ламсдорф пришел обедать к нам и мы условились ехать вместе в Летний сад, не смотря на ужасный ветер и пыль. В 6 часов отправились, погода утихла, гуляющих была тьма и мы до 9 часов с лишком ходили, между прочими видел я Перевошикову, и мне кажется, что она заметила уж, что мне нравится. Из старых знакомых своих я почти никого не видал. Напившись дома чаю, в 12 часов лег спать, проведя день благополучно.

12 Июня. Вторник

В 5 часов встал, был в роте, вывел оную на офицерский двор, где был пример развода, потом, когда батальон ушел, я как свободный человек разделся и напился чаю. В 10 часов отправился с Языковым вместе. Был у Красовского, он совершенно отказал процензоровать Митюху и возвратил назад, оттуда проехал я к Алексею Александровичу,¹⁶³ он писал письма, следовательно я минуту у него пробыл. Возвратясь домой разделся и спал до обеда, обедали рано, после того я настроил фортепяно мастерски и еще занялся переводом и зделал оногo целый урок до 8 часов, тут отправился и гулял до 9. Потом напившись чаю занимался музыкою, наконец долго писал и лег в 12 часов по полуночи проведя благополучно день и весьма доволен собою.

13 Июня. Среда

По утру в 7 часов принял фелдфебеля, располагал идти в роту, ибо ожидали прибытия Государя в юнкерскую школу;¹⁶⁴ но когда стал одеваться, то они уже возвращались домой. — Утро целое сидел дома, занимался не много переводом, потом в 2 часа мы обедали и я тотчас после обеда отправился в гости к дядюшке, который только что возвратился из Луги; у него пробыл до 9-го часа, потом отправился домой. Заезжал в канцелярию Милорадовича и отдал от дядюшки письмо. Дома напившись чаю играл на фортепянах, потом лег спать проведя день благополучно и доволен.

14 Июня. Четверг

В три часа назначено у нас было ученье по ротно; но так как все шел дождь оное отменялось несколько раз и переменялось так что с трех до 9 часов записки беспрерывно писались от офицера к офицеру по Гороховскому, я встал по обыкновению в 4-м часу пришел фелдфебель

а в 8 часов напился чаю: в 10 часов было у нас осмирядное ученье люди в шинелях, оное продолжалось час весьма порядочно, после того, возвратясь домой поехал в адмиралтейскую коллегию хлопотать Василию Васильевичу¹⁶⁵ об деньгах и выхлопотал оных 227 руб<лей> оттуда ездил в Сенат припечатывать часть духовного завещания покойного Лобкова;¹⁶⁶ но ничего не мог зделать; ибо не имел никаких для сего необходимых актовых бумаг; а <нрзб> газеты тут печатают не иначе как по формальному прошению на бумаге. Возвратясь домой, после обеда спал, потом писал письмо родителям преогромное, в 8 часов отправился с Богдановичем и Кобяковым кататься в лодке, объехали Екатерингоф и возвратились в 11 часов; напившись чаю у Кобякова, я стал у себя дома дописывать письма, написал к дядюшке Петру Петровичу и лег спать в час по полуночи, проведя благополучно день и весьма доволен собою.

15 Июня. Пятница

В 3 часа встал и отправился с ротою на парадное место, где ученье было порядочное; но я крепко был раздосадован; ибо у нас полковники ни чего не знают ровно, Симанский стыдил меня, что я не читаю устава, и казалось, что то, в чем мне делал выговор, верно знал по уставу, ан вышло, что прав я, а не он. Напившись чаю, в 9 часов лег спать и уснул до 12, тут ездил в коллегию за деньгами, но ответ не получил, а получу в понедельник. После обеда лег в 4 часа спать и спал до семи, после ходил гулять в 8 часов и в 10-м был дома, занялся своими делами, после того играл на фортепьянах часу до 2-го, сочинил кадрили довольно порядочную, как кажется. Сего дня разыгрался Воротынец в лотерею.¹⁶⁷

16 Июня. Суббота

Встал в 5 часов, стал переводить, потом играл на фортепьянах, потом принял фельдфебеля и отправился выводить роту к разводу третьего отделения. Симанский дежурил по караулам. Возвратясь домой, напился чаю и утро все пробыл за фортепьянами и переводом. В 12 часов отправился в Адмиралтейский музей, где и сошелся с дядюшкой, как условился. В музее много любопытного и особливо корабельные модели прекрасны, потом птицы и разные украшения диких. Оттуда поехал к дядюшке с ними на лодке. У них обедал, после приехал туда Яновский тоже обедать. Я заходил на Выборгский взезд к Зиновьеву. После обеда ходил в сухопутную гошпиталь смотрел больных, был у лекаря, отпросил Гуткова из гошпиталя на один день похоронить дочь, которая умерла сегодня. В 7 часов поехал от дядюшки, был в артиллерийском гошпитале, возвратясь домой напился чаю и лег спать, проведя день благополучно и очень доволен собой.

17 Июня. Воскресенье

Поутру после чаю ходил к обедне, после того был в роте, возвратился домой часу в первом, занялся до обеда и после одного переводом, в 8 часов отправился с Богдановичем, Ламздорфом и под<прапорщиком> Языковым кататься на Гессевой лодке в Екатерингоф, там не долго гуляли, главное потому что Богдановичу видимо не хотелось. Так как на возвратном пути ехали мы маленькими канавами, где очень мелко, то на силу добрались до места и пили дома чай часов в 11, в 12 часов лег спать, проведя благополучно день.

18 Июня. Понедельник

В 4 часа утра началось у нас ученье перед великим князем полковое и с порохом. Наш и 2-й батальон учился хорошо; первый же худо.¹⁶⁸ — Я побранился во фронте с Симанским за то, что он ничего не видя кричал на меня за собственную свою ошибку, возвратясь домой, напившись чаю отправился просить у него извинений, дабы показать, что я чувствую, ежели сделаю по службе не должное, то говорю с ним во фронте. Придя домой, лег было спать, но не успел; ибо пришли Лаппа и Андреев¹⁶⁹ и сказали мне, что великий князь сказал последнему: вас поставим с солдатами в шеренгу, это меня раздосадовало, мы долго толковали, какие бы меры применить противу таких грубостей, я подал мнение свое, как поступить в случае сем двояко, первое, идти к полковникам и просить довести до сведения великого князя, что мы обижаемся, другое, ехать Андрееву к корпусному командиру.¹⁷⁰ После того перед обедом ездил на почту, получил письмо от родителей и 200 руб<лей> для Васиньки. Оттуда заезжал в адмиралтейскую коллегию и получил за Василья Васильевича 227 руб<лей> перционов.¹⁷¹ Возвратясь домой, пообедал и лег не много уснул, после того переводил. Вечером у нас перебивало много народу, много было разных толков и сидели часу до 2-го ночи, все судили, как лучше поступить. Старшие хотели это всячески замять. Я сам, видя невозможность делать чтонибудь прежнюю метоюю нашу, избирал средства гораздо скромнее и благоразумнее.¹⁷²

19 Июня. Вторник

По утру был назначен у нас инспекторской смотр, но отсрочен был до 4 часов по полудни. Еще накануне приготовил я все к смотру. Утро целое ходил по офицерам и потом занимался переводами. После обеда пошли на смотр, который продолжался до 8 часов вечера. Дивизионный командир осматривал ружья и опрашивал людей, — потом у генерала поверял деньги. В моей роте все нашел исправным. На смотре Зиновьев и Лаппа крайне меня раздосадовали своими заключениями на щет суждений моих в тех мерах, кои принимали против вчерашней обиды Андреева. Вечером у Батуриновых положено было всем идти

просить генерала вместе ротным командирам, дабы он довел до сведения его высочества, что мы все оскорблены его словами, но наперед надлежало нам зайти сказать батальонным командирам о предприятии нашем. — После чаю в 11 часов лег спать очень огорченный.

20 Июня. Среда

По утру делал ротное ученье от 6 до 8 часов на парадном месте, после, напившись чаю, пошли втроем Юдин, я и брат к Симанскому, Литвинов был арестован на сутки домашним арестом за то, что у него одно ружье на смотре вспыхнуло. — Симанский сам вызвался идти к генералу с нашею претензией, потом я был у Ганжевича и сказал ему, что мы согласились довести до сведения о нашем оскорблении — и что будет ли он в том участником, не трудно было согласиться ему на то, что и нам ничего не стоило. — После целое утро прошло в ходьбе из номера в номер. Генерал, еще прежде нежели полковники были у него, докладывал сам по себе великому князю, он перетолковал свои слова и кончил тем, что он хотел поставить Андреева в шеренгу офицерскую, и что не остерегся с офицерами потому, что приезжает на ученье не так как начальник, а так как отец. — Обедал у Зиновьева, где было человек 15 офицеров, потом на семеновском парадном месте было бригадное осмирядное ученье, коим великий князь был отменно доволен.¹⁷³ — Возвратясь домой, пили чай и Ганжевич был у нас, потом были у Норова и лег спать, проведя день благополучно.

21 Июня. Четверг

В 7 часов принял фельдфебеля, который донес мне, что у жены рядового Загашкова нашлись краденые башмаки, я велел мужу ее за нее строго взыскать. Быв наряжен рундом, находился при разводе, который был без церемоний по причине сильного дождя. Возвратясь домой пил чай, пришел ко мне статский чиновник Фомичев просить, чтобы я простил жену солдата, которая ему двоюродная племянница, и ручался, что она не способна к воровству, я принял в уверение просьбу его и призвав мужа велел ему самому разобрать поступок жены и поступить с ней по благоусмотрению своему. Утро все сидел у нас Бутовский¹⁷⁴ и говорил о любви своей к Д. Обедал у нас Плаутин. После обеда я настроил фортепьяно, потом занимался своими делами, вечером пришел Штакельберг и Батурин и мы просидели вместе до 11 часов, тут лег спать, проведя порядочно день и доволен собою.

22 Июня. Пятница

По утру напившись чаю отправился в роту посмотреть ребятишек солдатских, ибо они стали много умирать, и нашел, что там корь, приводил туда Госовского¹⁷⁵ и взяли свои меры. Возвратясь домой, переводил, потом мы читали Бюффона, ибо не мог писать, болела голова, по-

том перед обедом уснул с час. Граф Ламздорф обедал у нас, после того были кой кто офицеры, Амплей Федорович приходил прощаться и Ростовцев — 2-ой¹⁷⁶ пил чай. — Вечер весь занимался я составлением шитья для старого мундира, которое мне Зыков делает за 30 рублей. Лег спать в 12 часов, проведя день благополучно и доволен собой.

23 Июня. Суббота

По утру, напившись чаю, переводил, потом отправился в Гостиный двор и по разным лавкам. Возвратился домой к обеду и после оного занимался своими делами и переводом. В 8 часов отправился гулять по полку и ко всенощной был в роте, потом пришел домой — напился чаю, лег спать в 12 часов не очень доволен собой, проведя день благополучно.

24 Июня. Воскресенье

По утру явился дежурным, потом возвратился домой, напившись чаю отправился к обедне, оттуда в роту. — Обедал дома и у нас был граф Ламздорф. — Потом после обеда засели играть в вист по 5 руб<лей> я, Норов Василий, Ламздорф и Гангеблов, я выиграл 10 рублей. В 9 часов ходил рапортовать генералу, у него сидел часа два, разговаривал о разных предметах с генеральшею; возвратясь домой, напился чаю и потом пошел ночевать в дежурную комнату.

25 Июня. Понедельник

По утру в 7 часов пришел домой и лег опять спать до той поры, когда фельдфебель пришел ко мне. В Субботу дали мне 8 человек из Лейб Гвардии Егерского полка, и сего дня были у меня они в мундирах, все весьма годные. — Напившись чаю, сел я играть на фортепьянах и таким образом провел время до обеда; после оного был удивлен приездом Степана Петровича Львова. В 5 часов ездил с Малютиным¹⁷⁷ закупать кой что к лагерю, приехал домой, в 8 часов сел играть по принуждению 10 руб<лей> роберт в вист В. Норов, Штакельберг и Гессе и выиграл 16 рублей. После чаю сидел у нас долго Ганжевич и мы легли спать в 12 часов.

26 Июня. Вторник

В 6 часов оделся и напился чаю, отправился на пример развода на офицерский двор. После того в 8 часов был у развода. Заходил в главный караул, потом был у Павловых и там сошелся с Алек<сеем> Бехтевым, оттуда приехал домой и лег спать, после обеда занимался своими делами. Вечером сидел у меня Богданович до 11 часов и Норов, пили вместе чай и я лег спать в 11 часов, проведя благополучно день и не доволен собой.

27 Июня. Среда

Встал в обыкновенное время, напившись чаю стал собираться к Лагерю, потом ходил в роту и сделал некоторые распоряжения для выступления. Черноглазов прислал солдата в денщики и я ходил для этого к генералу, потом отправился в Гостиный двор и по разным местам для закупок возвратясь домой отобедал написал письма к родителям и дядюшке Петру Петровичу, который просил прислать ему деньги, взятые из Адмиралтейства, и при письме я ему оные отправил, для сего ездил на почту. Потом остальное время употребил на зборы, так что до 12 часов был беспрестанно в хлопотах, тут отправил людей с повозками и одевшись к походу лег спать. Малютин, который идет с нами в артели в лагере, переехал сего дня к нам.

28 Июня. Четверг

В три часа утра встал и пошел в роту, оттуда с полком в лагерь. Великий князь во все время шел с нами.¹⁷⁸ — У Красного кабачка сделали привал, тут арестовали К<нзя> Кропоткина за широкие рейтузы, потом отойдя шесть верст опять был привал, после того шли мы еще версты 2 по дороге к Красному селу и у деревни Горелова своротили в право, и отойдя версты четыре остановились на квартиры в деревне Пихоры; придя с перехода напились чаю и легли спать, коль скоро мы прибыли на место, пошел дождь, утром все была ясная погода до 2-го часа по полудни. — В 8 часов мы обедали и в 10 опять легли спать; ибо назначено было осмирядное ученье всей дивизии. Дождь усиливался более и более и поднялся ветер. Весь переход сделал пешком.

29 июня. Пятница

Так как ученье было отказано, я встал в 7 часов, в 9 часов, когда Малютин приехал с караула, пили мы чай, после того читал я устав для лагерной службы, потом ходил к Плаутиным. Погода разгулялась не много, по причине сильного ветра, придя домой занимался своими делами. Потом пришли к нам многие из офицеров Болтин¹⁷⁹ у нас обедал. Я зговорился с Юдиным ехать в Ропшу и для того пошел к нему в 4 часа, в 6 отправились на ярмонку, нашли Лалаевых у Егора и там кучу девок, после пили чай у Лалаева, опять были на ярмонке не смотря на дождь и возвратились в 10 часов ужинать к Лалаевым и в 11 поехали домой. Я ехал с Бутовским, ибо у него крытая повозка; а шел сильный дождь. Лег спать по полуночи. После того принесли приказ, которым приглашаются от Его Высочества офицеры иметь в ранцах приборы для завтрака в половине маневров.

30 Июня. Суббота

В 5 часов напились чаю и потом пошли на маневры за три версты в право к деревне Роголово, в 8 часов маневры начинались, с нашей

стороны была вся наша дивизия, Московский полк, лейб гренадерский — саперы, кавалерия, все кроме конных Егерей и гусар, артиллерии большая часть. Мы сперва взяли деревню в которой стоит наш штаб полковой, потом взяли Красное село в 12 часов, тут мы оставили войска отдыхать. Великий князь дал людям по чарке вина, офицерам же привезли завтрак¹⁸⁰ увидя, как все жадно бросились на оный, как наши так и Егеря, я ушел в избу и там завтракал сливки и яйца. В 4 часа начались опять маневры, брали фабрикантскую слободу, тут ударил на нас чрезвычайно сильный дождь; но который не воспрепятствовал нашим маневрам, мы взяли лагерь и прогнали неприятеля к Дудорофской горе в болото. В 7 часов бой умолк и мы возвратились домой в 9 часов. Тотчас напились чаю и потом не много поужинав лег я спать. Сего дня маневрировали мы во все время по колено в воде, так что ноги ни минуты не были сухи, коим наш маневр не совсем мне понравился, ибо у Красного села войска совершенно были стеснены на нашей стороне и часть оных находившихся в передней линии не могла действовать.

1 Июля. Воскресенье

Встал по утру в 7 часов, напившись чаю, занимался своими делами, потом стал переводить. Перед обедом не много уснул. После обеда провели в разговорах. Погода была ненастная и никуда не лезя было выйти. После чаю пришли к нам кой кто из офицеров, вечером сказали, что завтра мы идем прямо с маневров в лагерь, и так зделав свои распоряжения, лег я спать в 11 часов, проведя день благополучно.

2 Июля. Понедельник

По утру погода разгулялась; напившись чаю в 4 часа, в 5 собрали батальон и отправились на маневры. На силу могли достать подвод под ротные тяжести, все чухонцы, которые с вечера согласились, по утру просили дорого, я схватил двух и пошел с ротою, это так их испугало, что немедленно ехали запрягать. Маневр сего дня был такой, как и вчера, только гораздо порядочнее. Сперва взяли деревню, потом Красное село. При последнем действии трое кавалеристов утопили было лошадей в болоте, по которому мы шли во все время. Перед Красным селом наш батальон крикнул ура не смотря на запрещение по слову Литвинова, который после отперся, и когда я стал утверждать, явился Плаутин, который тоже видел, то Литвинов было меня разругал и у нас кончилось крупной сшибкой. На большом привале отправился я в Павловский полк к Васиньке и привел его к нам. Это было в 12 часов. Великий князь опять делал завтрак офицерам. До четырех часов пополудни все офицеры, и наши и преображенские, отдыхали вместе на сене. Потом опять начали маневр, брали высоту лагеря и с горы <с> нашей стороны действовали 24 орудия в то время, когда пехота спускалась вниз. —

В 7 часов вечера вступили мы в лагерь, который был повален, и после зори поставили палатки. Великий князь дал людям по чарке, а Государь по 2 руб<ля> по фунту и по чарке. В 11 часов легли спать, проведя день благополучно. Гангеблов и Малютин приехали прямо в лагерь, а на маневрах не были.

3 Июля. Вторник

По утру в 8 часов встал, в 10 был развод, после одного пил чай, потом занялся улучшением своей палатки. Вчера спать крайне приятно было, когда люди принесли палатки, унтер офицеры и солдаты бросились сами человек 20 ставить мою, тогда как я ни слова не говорил. Обедал в 3 часа. По утру уехал великий князь с Государем осматривать поселение и возвратились не прежде 10 ч<асов>. После обеда в 7 часов отправился верхом на Дудорову гору, брат Николай, Кобяков и Малютин пошли пешком, и так как они устали, то попеременно меня сменяли и садились на лошадь. В 8 часов возвратились мы домой, в 9 часов была зоря, потом напились мы чаю и в 11 часов я лег спать, проведя день благополучно.

4 Июля. Среда

По утру в 8 часов встал, в 10 часов сделали развод — потом я возвратясь домой опять целое утро хлопотал около своей палатки. Обедал в 3 часа, потом отправился в 4 часа по полудни верхом в Тайцы, имение Демидова¹⁸¹ за 7 верст я, Кобяков 2-й, Плаутин 2-й¹⁸² и Гудима.¹⁸³ Там ходили по саду и не могли обойти его всего, однако часа полтора гуляли и возвратились к зоре домой. После оной пили чай и я лег спать в 11 часов, проведя благополучно день.

5 Июля. Четверг

До развода было у нас знаменное ученье и на оном все офицеры, которое продолжалось часа полтора, после того принесли мне повестку на 150 руб<лей>, так как была оказия, я записал к Васиньке коротенькое письмецо и также письмо к родителям. Напившись чаю был у развода. После одного утро отдыхал; обедали в 3 часа, — я не много занялся своими делами. После обеда было у нас полковое осмирядное ученье весьма хорошее; ибо наш батальон не делал ни одной ошибки. Возвратясь с оного напились чаю и после были у зори, тут стали офицеры играть в бар, я не много посмотрел и пошел спать в 11 часов, благополучно окончив день.

6 Июля. Пятница

По утру в 4 часа встал и в 5 делал ротное ученье, окончив оное в 7-м, генерал позвал меня к себе пить чай и я с час сидел с ним, потом пришел домой, еще пил чай, перед разводом являлся генералу дежурным,

по повестке отправился в Преображенский полк, там являлся к дежурному по лагерю полковнику Микулину¹⁸⁴ и Дивизионному командиру.¹⁸⁵ Возвратясь домой не много отдохнул, перед обедом, ходил за цепь и нашел на сенокосе крестьянок, с которыми разговаривал долго; обедал в 3 часа. После обеда я так же отдыхал; ибо было чрезвычайно жарко. Вечером ходил по офицерам в 8 часов был с рапортом у Микулина, потом у генерала, перед зорею напились чаю; а после одного отправился на батальон открывать неприятеля в ночную экспедицию, маневрировать. Дивизионный командир был с нами, и мы ходили к Дудоровой горе версты за три. Там у нас была пальба застрельщиками и эта картина мне очень понравилась. Возвратились домой в час по полуночи и я лег спать, проведя день благополучно, не доволен собой.

7 Июля. Суббота

Спал полуодевшись, в 8 часов встал и напившись чаю отправился к разводу, был при смене заднего караула. От развода, возвратясь домой, уснул не более часа, потом гулял за цепью и опять видел поселянок. Возвратясь домой, обедали мы в 2 часа; ибо в четыре назначено дивизии осмирядное ученье за Красным селом, так как поднялась буря и дождь, то ученье наше было отменено на полтора часа, потом ходили мы верст 5 за Красное село и возвратились домой в 10 часов. Я очень устал и напившись чаю лег спать.

8 Июля. Воскресенье

Встал в 8 часов, так как развод назначен в 9, я проворно выбрился, напился чаю, оделся. Дивизионный командир был у нас на реданте.¹⁸⁶ Возвратясь домой, выстригся, вычистился и потом занялся своими делами и так до обеда провел я время. — После того пришел Богданович к нам обедать, тут получили мы чрез послание Васиньки два письма от родителей, и при одном из них 150 руб<лей> для Николая. Васинька пишет, что дядюшке Государь пожаловал 2 тыс<ячи> рублей а тетушке 3. — После обеда нашло к нам офицеров и дурачились с девками, которые под видом с земленикой ходят промышлять в лагерь. Перед вечером не долго уснул, потом ходил смотреть, как одеты солдаты. Оттуда прошел к музыке нашей, которая играла по нотам много бесподобных штук. После зори напился чаю и лег спать в 10 часов, не доволен собою.

9 Июля. Понедельник

В 3 часа встал и в 4 отправился на дивизионное ученье, коего третьего дня был пример в 8 рядов — возвратился с одного в 9 часов, напившись чаю, легли спать и я проспал до 12 часов, тут встал, играл на флейте, занялся своими делами. Сего дня на ученье у нас было в полку только половина офицеров, у нас в батальоне кроме меня всеми дивизи-

зионами командовали подпоручики. Перед обедом был кой у кого из офицеров, потом у себя дома переводил и так провел время до 8 часов вечера, тут оделся, пошел слушать музыку. Уваров был сего дня у зори — в 9 часов напился чаю и я лег спать, проведя благополучно день и доволен собою. — Видя, что я много потерял того уважения, которым пользовался прежде в полку от офицеров, которых главная часть уже вышла, я не могу иному приписать, как собственной перемене моего обращения, болтливости и шутливости, которые совершенно не идут к моему характеру и делают его уродливым и вводят меня в смущенное состояние, которое способно всегда отдалить уважение, я решил вынуждать себя вести по прежнему, не шутить ни с кем, не спорить ни с кем; а говорить редко и о таких предметах, которые у кого во вкусе, льстить самолюбию каждого без подлости и быть ко всякому ласковым, для сего нахожу необходимым несколько отдалиться от товарищей, чтобы мне не так трудно было переменить себя, твердость и терпение могут отвечать за добрый успех благого предприятия.

10 Июля. Вторник

В три часа утра отправился на ученье, такое же как и вчера было, только в присутствии командующего корпусом,¹⁸⁷ наша бригада делала порядочно свое дело. После ученья виделся с Бехтеевым. Возвратились мы домой в 10 часов, напившись чаю, лег я спать и проспал до 2 часов, потом встав занялся своими делами до обеда. После обеда сел переводить, в 8 часов оделся и пошел по офицерам, к 9 часам приехал великий князь и обошелся со мною очень вежливо и ласково, после зори, напившись чаю, сидели и разговаривали до 11 часов. Лебедев¹⁸⁸ был у нас, потом я лег спать, проведя день благополучно.

11 Июля. Среда

По утру напившись чаю пошел к примеру развода перед генеральскую палатку, потом к разводу, который был позднее нежели в других полках; ибо дожидались великого князя. Он много делал замечаний и сердился, я и так уже был огорчен новостью, что мы идем в Ропшу прямо из лагерей и сперва будем в Петергофе для занятий караулов во время праздника; а это еще более меня встревожило, и ко всему в добавок Шванвич старший¹⁸⁹ мне сказал хотя не умыслом, но оскорбительную вещь, как будто на тот щет, что я хотел выслуживаться у великого князя. Придя домой напился чаю и все утро был не свой после обеда, было у нас назначено осмирядное ученье бригады, я перед оным не много уснул, а после оног подошел к Шванвичу и с ним объяснился, он принял это с чувством и сказал, что ежели сие для меня оскорбительно, то он не умышленно делал мне неприятности и просит извинения; я сим крайне был утешен и остаток дня провел весело, был у зори, потом напившись чаю в 10 часов, лег спать, проведя благополучно день.

12 Июля. Четверг

В три часа утра встал, в четыре пошел на ученье, перед оным великий князь подходил к моей роте и сказал мне, чтобы я сделал у себя ремни так, как в Семеновском полку. — Ученье было порядочно, по крайней мере моя рота все хорошо делала. Возвратясь домой, напился чаю, написал письмо к родителям, потом к Васиньке, лег спать и проспал до 3 часов, тут занялся своими делами, в четыре обедали. — Потом услышали, что Государь завтра намерен посмотреть всю нашу дивизию по батальонно перед палатками. Это всех очень встревожило, ибо к тому не готовились. Вечером не можно было успеть даже рашету порядочного сделать по причине удивительного дождя,¹⁹⁰ во время которого просидел в палатке у Штакельберга вместе с полковниками Веселовским и Девитте, из коих с первым имел горячий разговор на щет службы. — Возвратился домой в 11 часов и лег спать не пивши чаю.

13 Июля. Пятница

По утру в 5 часов встал и проворно напившись чаю, оделся для ученья, погода к утру совершенно разгулялась. Великий князь как только выехал, то нашел, что рота моя весьма хорошо выделилась смотря по погоде, и благодарил. — В 6 часов началось ученье без Государя и очень хорошо. Потом в присутствии Его величества сделали одну деплояду и ходили батальон вперед тихим шагом отлично хорошо. Государь во все время хвалил. Придя с ученья, в 10 часов был развод, и Император приехал к нашему главному караулу.¹⁹¹ Тут услышали мы, что первый батальон идет в Петергоф на праздник, а что мы отправимся 20-го в Ропшу. Все сие так меня утешило, что я не хотел отдыхать, не смотря на усталость и головную боль, которую почувствовал на ученьи. После обеда уснул часа два и во время сна кровь во мне остановилась; к вечеру был в голове уже лад, зоря у нас была без церемоний. Великий князь сам выбирал людей для петергофского праздника, — от нас прикомандировали двух офицеров к первому батальону для праздника, Гангелова и Лаппу.¹⁹² Напившись чаю я лег спать в 11 часов, проведя благополучно день.

14 Июля. Суббота

По утру в 7 часов встал, напившись чаю, отправился ходить по полку, потом был у развода, во время которого слышал как корпусной командир бранился с дивизионным перед лагерем. — Возвратясь домой ходил за линейку, встретил там женщину на сенокосе, стал с нею говорить и потом стал играть с нею, хватал за груди, она от меня ушла, и я возвращаясь слышал, как муж ее колотил за это и трухнул за себя, хотя ни в чем виноват не был. — Придя домой, уснул до обеда, потом занялся своими делами. После этого вывел роты к рашету для ученья, назначенного в 5 часов, но так как пошел сильный дождь, отложил ве-

ликий князь до 7 часов;¹⁹³ дождь перестал на полчаса и ученье после продолжилось не долее, зори не было за дождем и сильной грозой. В 9 часов напильсь мы чаю в 10 лег спать проведя день благополучно.

15 Июля. Воскресенье

Встал в 7 часов, напившись чаю, отправился к разводу, возвратясь с оного, заходил кой к кому из офицеров, потом отправился верхом в Тайцы, потом долго ходил по саду и возвратился домой в 4 часа, — тут пообедал, пришел к нам Ростовцев и сказал, что уже есть приказ о том, что вторые батальоны идут в Ропшу, а не третьи, я посылал узнавать в дивизионное дежурство, и это вышло справедливо. После того был я кой у кого из офицеров — придя домой, заставил идти своих песельников по прозьбе Кобякова, и многим из офицеров песельники мои понравились. — Потом напильсь мы чаю. Зоря была без церемоний и я лег спать в 11 часов, проведя день порядочно, не совсем доволен собой.

16 Июля. Понедельник

Встал в 5 часов, отправился в 6 часов на ученье батальонное, которое было делано перед палатками. Тут узнал я от Николая, что получено от родителей письмо, в котором пишут, что дело Николаево у Коревых идет порядочно, и что Лизавета Петровна уведомляет из Москвы о выигрывшем билете в лотерею, в котором сестре Александре Петровне приходится в 250, но это еще не верно. — Симанский на ученье вывел меня совершенно из терпения тем, что не зная службы вздумал еще уверять меня, что я не командовал того, что все слышали, пришел домой разбешонный, напильсь чаю и сказался больным, не пошел к разводу. — Отдохнув, занялся своими делами. — После обеда пошел сильный дождь и потому зоря у нас была без церемоний. В 9 часов напильсь чаю, а в 10 я лег спать, проведя день благополучно.

17 Июля. Вторник

По утру в 5 часов встал, оделся и так как чувствовал боль в горле, то отпросился от ученья. После оного, напившись чаю, явился великому князю дежурным, потом был у Егерского развода, там была великая княгиня¹⁹⁴ и Депрерадович,¹⁹⁵ и я ему также явился, тут сказали нам, что будет Государь в лагере, и я тщетно его дожидался. Обедал у Генерала, после того ходил по офицерам, в 9 часов был у зори, потом, напившись чаю, не раздевшись лег спать, проведя день благополучно.

18 Июля. Среда

В 2 часа утра встал и оделся в штиблеты и новый мундир. Напившись чаю, в 3 часа отправился на линейное ученье в присутствии Государя. Батальон в перед ходили мы не удачно по причине сильной воды.

Возвратясь домой, напился вторично чаю и в 12 часов лег спать. Спал до 3-х. Тут пообедал и пошел ходить по офицерам. Узнал, что Государь сказал про мой дивизион, что он сбился с ноги, и это меня очень раздосадовало. В 7 часов ездил с Кожевниковым¹⁹⁶ на Дудорову гору приехал к зоре, которая была с церемониею, после оной лег спать, чувствуя, что опять геморрой на груди стал меня беспокоить. Первый батальон после ученья отправился в Петергоф.

19 Июля. Четверг

Напившись чаю, ходил смотреть лошадь, потом был у развода, сегодня чувствую себя еще хуже вчерашнего. В 12 часов стал писать письмо к родителям, в 2 часа мы обедали. Потом ходил гулять за лагерем, возвратясь домой, занялся своими делами, потом не много уснул, в 7 часов встал и ходил по лагерю, потом в 8 напился чаю и велели укладывать повозки. До 12 часов ходил по палаткам с офицерами и между прочими разговорами бранили Симанского не зная, что он слушает, и тогда перестали, когда он подошел к нам.

20 Июля. Пятница

В 12 часов <нрзб> мы простились с офицерами 2-го батальона, и в половине первого отправились в Петербург 3-й, 2-й батальоны под предводительством Его высочества Михаила Павловича. На переходе вышла неприятная история. Черноглазов¹⁹⁷ и Дюклу¹⁹⁸ разругались как нельзя более и при Егерских офицерах и потом обратили в шутку, Дюклу начал браниться, но Черноглазов первый струсил, как дошло до серьезного. На Красном Кабачке был привал два часа, и во все это время я спал. В 9 часов прибыли в Петербург, я из всего перехода шел пешком верст 10. Мы нашли у себя Бехтеева, а Василий Николаевич дежурит 7 раз без очереди за опоздание. Напившись чаю, легли спать, я спал до 12 часов, потом занялся приведением в порядок своих вещей. В 5 часов обедали. Потом я играл на фортепьянах и писал ноты. Получили письмо от родителей, из которого можно заметить, что они не очень веселы. К чаю собрался у меня кой кто офицеры. Васинька приехал также и подарил мне легавого щенка. До 11 часов мы сидели и разговаривали, потом легли спать.

21 Июля. Суббота

Встал в 6 часов, когда Кропоткин, приехавший из Ропши, разбудил меня, потом я отправился в баню и пробыл там до 9 часов. Когда все собрались, напился мы чаю, после того я ходил в роту, посек двух солдат и Кирюшку, всех не много. Возвратясь домой, долго играл на фортепьянах, после обеда настроил оные и занимался делами. Потом не много уснул; приехали к Васиньке Окулов и Жадовский,¹⁹⁹ и мы пошли в сумасшедший дом еще кой кто из наших офицеров. Там нам

ничего не показали, ибо уже было поздно, прошли на волынский двор так же по пустому, возвратились домой, пили чай, посидели до 11 часов. Тут я лег спать.

22 Июля. Воскресенье

Напившись по утру чаю, играл на фортепьянах и читал, в 10 часов пошел к обедне, потом заходил в роту, придя домой читал Бюфона, после того ходил к меньшому Окулову,²⁰⁰ который стоит у нас на полковом карауле, привел его к себе. Черноглазов был у нас и никто слова с ним не говорил. — Окулов у нас обедал, когда он пошел к себе в караульную, я оделся и отправился пешком к тетушке Анне Петровне, которая живет на Невском проспекте в квартире Ахвердовой.²⁰¹ — Там сидел до 8 часов. Придя домой, опять зазвал Окулова и сидели вместе до 11 часов — и я лег спать, проведя благополучно день.

23 Июля. Понедельник

По утру встал в обыкновенное время, напившись чаю, играл на фортепьянах, потом читал перед обедом. После оного оделся и отправился на Выборгскую сторону к дядюшке. По дороге заезжал по тетушкиной комиссии в серебряные ряды. У дядюшки пили чай и там встретили одного кадетского офицера с женою и свояченицею. Гангеблов и брат также туда приехали, и мы просидели до 11 часов, возвратясь домой, я лег спать, проведя день благополучно.

24 Июля. Вторник

По утру, напившись чаю, занялся расходом Василья Николаевича, и потом у нас общие были рашеты, в чем прошло целое утро. — Перед обедом получил я письмо от дядюшки Петра Петровича через сиротку Шубина, которого послал к нам для определения в Морской корпус. После обеда я с этим ребенком ездил в Морской корпус к Сульменеву, и Шубин будет помещен к первому числу Августа. Возвратясь домой, отправился с Васинькой по полку для приискания дядюшке квартиры, — и проходил до 10 часов. Тут, напившись чаю, лег спать, проведя день благополучно.

25 Июля. Среда

По утру встал в 4 часа, выбрился, напился чаю и в 6 часов был на приеме развода, потом отправился с Гренадерским взводом за знаменем, в 8 часов был развод на Дворцовой набережной. После того я сменил во дворце Преображенского Г<рафа> Толстова,²⁰² со мною в карауле были Болтин и Похвиснев,²⁰³ мы довольно хорошо провели время. В 9 часов был у зори Симанский; а перед тем заходили к нам Окуловы. В карауле я стоял по всею исправностию, всегда сам ровнял ружья и отпускал на часы.

26 Июля. Четверг

В три часа утра бил зорю, в 6 часов перестал спать, проведя ночь весьма дурно, по причине тягости в голове. В 7 часов пили чай, в 8 часов сменились, я был у Коменданта и приносил жалобу на неисправность истопников и придворной команды. Возвратясь домой, до обеда ничего не делал, после же оно пошел с Васинькой по серебрянникам и по лавкам для различных комиссий, возвратился в 9 часов и напившись чаю лег спать, проведя благополучно день, только не совсем чувствовал себя хорошо.

27 Июля. Пятница

По утру, напившись чаю, отправил почту, писал к батюшке и дядюшке Петру Петровичу. Потом ездил к тетушке, оттуда на конную, домой приехал в 3 часа, нашел у себя много гостей — и уже отобедали, я спросил себе тарелку щей и потом хотел было отдохнуть; но не успел, ибо к вечеру набралась куча офицеров и между прочими приехал к Васиньке Л<ейб>. гренадерского <полка> Панов мальчик,²⁰⁴ присланный Козловым, долго у нас сидели они, в ночь отправлялись в отпуск двое старших²⁰⁵ по причине опасной болезни отца и едут за 120 верст на 19 дней. — До 12 часов у нас был рынок, а тут лег я спать, проведя день благополучно. Вечером был в роте для наказания Архипа Иванова и Удотова.

28 Июля. Суббота

По утру, напившись чаю, проводил Козловых, запечатал их квартиру; потом, напившись чаю, занялся своими делами. В 10 часов ездил на почту за деньгами, кои прислал Федор Федорович для Амплеля при письме, где просит подождать остального до зимы. — Потом приехал дядюшка и мы пошли в полк смотреть квартиры, из коих ни одна не понравилась, что мне отчасти было досадно. Возвратясь домой, пообедал, потом настроил фортепяно. После переводил, не много читал Бюфона, в 9 часов пили чай, в 10 я лег спать, проведя благополучно день и доволен собою.

29 Июля. Воскресенье

По утру рано встал, выбрился и занялся своими делами. После чаю ходил к обедне, был в роте, возвратясь домой — ходил по офицерам; после обеда стал переводить dernières campagnes de Turenne,²⁰⁶ и в этом занятии провел до 7 часов, тут читал Бюфона, вечером собралось к нам довольно офицеров, пили чай, и я лег спать в 11 часов, проведя благополучно день не доволен собою.

30 Июля. Понедельник

В шесть часов был в роте на ученьи до 7 с половиной, потом возвратился домой, — напился чаю и сел за перевод, в чем и провел время

до 11 часов, потом пошел с маленьким Шубиным в Морской корпус и там его оставил в роте, возвратясь домой вскоре обедал, и я стал переводить и много бы перевел, когда бы офицерство не помешало, пили у нас чай, и я в 10 часов лег спать. Васиньку Бистром посадил под арест, и он на Сенной площади за то, что не был на ученьи сего утра; а ему не дали знать, что сведут батальоны.

31 Июля. Вторник

Встал в 4 часа, оделся и пошел на ученье. Мартынов делал полку пример парада, который продолжался часа два, моя рота очень хорошо ходила и особенную пред всеми получила благодарность, чего с нею никогда не случалось. Возвратясь домой, напился чаю и отправился в казармы ожидать приезда Дивизионнаго командира для осмотра оных, тут зделалось мне дурно от гемороя, который ложится на грудь и не дает вздохнуть, однако скоро стало лучше, когда же возвратился домой и хотел отдохнуть, то так сильно стал меня мучить, что я встал и начал по горнице плясать, играть в мячик, чтобы вспотеть, и действительно, это меня облегчило. После обеда сидя не много вздремнул, потом принялся за переводы. Вечером собралась у нас большая компания офицерства и я лег спать в 10 часов. Сего дня офицеры первого батальона дают обед полковнику Девитте, который временно ими командовал.

1 Августа. Среда

Встал в 5 часов, одевшись в летние панталоны отправился на ученье, т. е. пример парада в присутствии его высочества, моя рота ходила порядочно.²⁰⁷ После ученья полк отправился в караул, я занялся переводом, потом отдохнул с час. — После обеда в 6 часов отправились мы своей семьей гулять по полку и возвратились домой к 9, напились чаю, тут был у нас Горянинов лекарь²⁰⁸ и в 11 часов я лег спать, проведя день благополучно — Сего дня в первый раз зажигаются в городе фонари нынешним летом.

2 Августа. Четверг

По утру в 7 часов встал, выбрился и одевшись отправился к Мартынову с вестовым, сперва он заметил мне, что я худо хожу, это говорит великий князь, потом замечал разные маленькие погрешности в вестовых, возвратясь домой, я переводил до обеда и после оного до 6 часов по полудни, тут оделся и пошел к Андреевым с Васинькой; разговорились про квартиры, они ищут переменить, и я вызвался показать им. Сама хозяйка с дочерью пошла со мною сперва в дом Тоболиных, но там уже квартира занята, оттуда в 7-ю роту, и квартира им понравилась. Придя опять к ним, я не долго просидел и пошел домой, где напившись чаю лег спать, проведя день благополучно.

3 Августа. Пятница

По утру, встав в 4 часа, в 5 был с ротою на парадном месте, там мы стояли до 6, велено было произвести ученье по шереножно, но Симанский не приезжал. Генерал учил нас часа полтора. Возвратясь с ученья, написал письмо к Федору Федоровичу о деньгах и к родителям, потом до обеда переводил. После оноу уснул часа полтора и сел опять за перевод. После делал ружьем, клеил переплет и занимался своими делами, потом почитав лег спать, проведя благополучно день.

4 Августа. Суббота

По утру напившись чаю читал Бюфона, потом потом сел переводить и до обеда окончил назначенный урок, в 2 часа обедали, потом читал Дмитриева басни, делал ружьем, в 5 часов отправился сидеть в другую комнату, где все офицеры собрались для того, чтобы согласиться, как поступить с Черноглазовым, Дюклу и Аксаковым,²⁰⁹ и решились, чтобы выписать их из полку, и о сем дали знать Генералу через Батурина адъютанта; я почти ничего не говорил; ибо собрание было отменно шумным. В 6 часов пошел на пример парада на наше парадное место, моею ротою Генерал был очень доволен, на ученье вышла история у Симанского с 2-ым Плаутиным, где оба были не правы, возвратившись домой, мы еще долго о сем толковали, а Плаутина посадили на 3-е суток под арест. Напившись чаю, лег спать в 11 часов, проведя благополучно день, не совсем доволен собой.

5 Августа. Воскресенье

Встал в 7 часов, выбрился — занялся настраиванием фортепьян, потом был у обедни, где певчие очень хорошо пели и особливо дискант. Оттуда прошел в роту, занялся хозяйственными распоряжениями. Я так распорядился, что никогда никаких вычетов не буду делать с солдат, кроме мундирных денег. Возвратясь домой, еще до обеда кончил свой урок перевода. Ламздорф у нас обедал, потом нашло много офицеров. После я занялся фортификацией, вечером был подпрапорщик Языков — я хлопочу, чтоб его отставили от школы²¹⁰ и не знаю, удастся ли? После чаю сидели до 10 часов, тут занялся я своими делами и лег спать, проведя благополучно день.

6 Августа. Понедельник

Встал в 6 часов и одевшись отправился к великому князю, заезжал за Михайлой Плаутиным, да он не поехал, у великого князя был в саду и в беседках, в 8 часов приехал он из Павловска и принимал вестовых, моими был отменно доволен, особливо одеждою, я ему сказал, что у меня вся передняя шеренга здав приняла амуницию. Возвратясь домой, сперва распряглась у меня лошадь, потом был на Сенной у арестованного Плаутина, и ехав оттуда на мосту изорвал Кирюшка повод. До-

ма напился чаю и отправился к обедне, оттуда заходил в роту, после того дома сел переводить, около обеда у нас было множество народа, однако все сие не воспрепятствовало мне кончить урок к 7 часам, после чего я ходил по полку, потом, напившись чаю, занялся еще разными делами и лег спать в 11 часов, не очень доволен собой.

7 Августа. Вторник

По утру в 3 часа встал, в 4 отправился для принятия парада на Семёновский плац, великий князь смотрел нас и учил не более трех четвертей часа, был всем доволен и отпустил домой.²¹¹ Напившись чаю, я лег спать; встал в 12 часов сел за перевод и занимался до самого обеда. Тут пришел содержащийся под арестом Симборский.²¹² После того отдохнул с час и окончил положенный перевод, вечером, напившись чаю, играл на фортепьянах. Сего дня чувствую себя не очень здоровым, целый день мучает икота от слабости желудка. Лег спать в 11 часов.

8 Августа. Среда

По утру встал в 4 часа, выбрился, потом ходил в роту смотреть, как одеваются люди, возвратясь оттуда, оделся и в 6 часов вывел роту на проспект в досаде, что не так хорошо были одеты, как я ожидал. Парад продолжался до часу, сперва отдали честь Государю, потом Государыне; проходили взводами и колоннами, парадом Государь был очень доволен. Великий князь посадил Плаутина Петра под арест за трубку и написал ужаснейший приказ.²¹³ — Возвратились мы домой в два часа, я не хорошо очень себя чувствовал и почти не обедав лег спать и спал до 6 часов — Потом занялся переводом немного. Вечером рано лег спать.

9 Августа. Четверг

По утру в 6 часов встал, в 8 явился дежурным Генералу, потом пошел в дежурную комнату, брат Васинька по утру отправился в деревню квартирьером и мы простились с ним. Из дежурной комнаты я уходил только обедать, да потом вечером к Генералу рапортовать. Чай пил я у Кобыковых. Так как наши завтра в карауле, то дежурных офицеров сменили подпрапорщики, и я разсердился на Заворыкина и побранил его за то, что он не хотел идти дежурить. Вечером побил сторожа за разные неисправности. День целый занимался переводом спал в дежурной комнате.

10 Августа. Пятница

В 8 часов был у примере развода на Гарновском дворе, после оделся и ходил рапортовать Генералу, потом отправился к разводу не много рано и от того зашел в Эрмитаж. К разводу не взначай заехал великий князь, шумел на 7 роту, водил ее перед сменю по двору взад

и вперед, обещал Юдина на гаубтвахту; но посадил только на сутки домашним арестом, и все сердце, я думаю, произошло от того, что комендант не позволил пройти лишний раз церемониальным маршем.²¹⁴ Мою ротую однако был больше всех доволен. Возвратясь домой, я почти весь день ничего не делал, вечером ходил гулять, где встретил Николаеву любовницу, рано лег спать, проведя день не совсем хорошо.

11 Августа. Суббота

Как встал, так напился чаю и потом сел за перевод. Пришли с караула наши и сказали, что Симанский ездил по караулам и замечал солдат неисправных. В час он назначил всем таковым собраться в 3-ю Гренадерскую роту, я сам намерен был идти, да и он еще прислал просить туда, там дал всем неисправным по 10 лозанов. Павлову моему 5 рублей, часовому его караула рубль и прочим по чарке. Вообще моею ротую был доволен и отдал о сем в приказе, я внутренне сему смеялся. Обедали мы новою артелию, как соглашались, человек 10 офицеров, держать вместе стол на нашей квартире. После обеда переводил, играл на фортепьянах. Вечером довольно поздно лег спать. Горянинов пил у нас чай.

12 Августа. Воскресенье

По утру рано встал и тот час сел за перевод, в чем и провел время до самого обеда, после одного настроил фортепьяно и опять переводил до 7 часов вечера. Тут отправился гулять по полку, возвратясь домой еще переводил после чаю, так что почти весь день провел в сем занятии, ибо также по утру настроил фортепьяно.

13 Августа. Понедельник

По утру встал в 6 часов, играл на фортепьянах, потом напившись чаю ходил по Гарновскому, в 12 часов отправился на Выборгскую сторону к дядюшке, не доехал пол версты, распряглась лошадь, и я пришел пешком, застал тут и тетушку Анну Петровну всех за обедом, после одного мы остались в троим и до 7 часов играли в карты; напившись чаю, в 8 я отправился домой; заехал на Сенную к Плаутину, домой же приехал в 10 часов, в 11 лег спать, проведя благополучно день.

14 Августа. Вторник

Напившись чаю, играл на фортепьянах, потом в 10 часов отправился к Генералу проситься в Ропшу и сказать об том, что я не буду класть в артель из рабочих денег. Мартынов звал меня к себе обедать. От него пошел я к Калинкину мосту, на квартиру, нанятую дядюшкой; и за него зделал распоряжения; потом был в роте, после того обедал у Генерала. Потом в 5 часов ходил к инженерному подполковнику и подрядил для людей работу. Весь вечер просидел у него, с коим еду вместе завтра,

потом ходил к Симанскому, возвратясь домой, занимался своими делами, писал письмо к родителям и поздно лег спать.

15 Августа. Среда

По утру в 3 часа отдал приказания фельдфебелю и отправился с Гессе в Ропшу в 4 часа, во всю дорогу мы разговаривали довольно весело. Проехав Разбегаево шли не много пешком, в 8 часов прибыли в Михайловское к Окулову, у него нашли Плаутина и Зиновьева, — которые собрались на охоту, я заметил, что Окулову мой приезд не понравился, что мне было досадно. Выбравшись отправился я к обедне, оттуда пешком в Липицы к Богдановичу, не застал его и пошел в Михайловское, где сошелся с ним и пошли к нему в Липицы. В 2 часа отправился к Бутовскому обедать, где был и Лебедев. Просидели часов до четырех, потом возвратясь домой долго вечером разговаривали и напившись чаю легли спать.

16 Августа. Четверг

Ночь я не крепко спал и по утру рано ходил гулять очень долго, потом когда встал Богданович мы напились чаю и перед обедом пошли ходить по полю. После того я принялся стряпать яблочный пирог своими руками и он был довольно удачен. После обеда не долго мы сидели вместе, в 5 часов отправился я в Глухово к Эссенам, где нашел Лебедева, играли в свайку, потом пили чай, досидев до сумерек поехал в Витино, — у Матвея остановился и нашел там поручика Пучкова Кирасирского, брата Катерины Наумовой; с ним посидел с часа два и потом лег спать в снях, где отменно прозяб, и перешел в избу; ночь была отменно холодная.

17 Августа. Пятница

В 5 часов утра встал и собрался ехать в Муховицы к Васиньке; но Пучков не пустил меня без чаю. До Муховиц 15 верст по проселочной дороге ехал довольно скоро, но только ужасно меня растрясло. Приехав к брату, застал у них еще утренний чай и кой кого из офицеров, старший Окулов²¹⁵ в Петербурге. Уснул не долго перед обедом, после одного ходил по саду и разговаривали долго с Горяиновым, который стоит в этой деревне. — Напившись чаю в 9 часов, в 10 легли спать.

18 Августа. Суббота

По утру встал по обыкновению рано, прохаживался и напившись чаю в 7 часов отправился на Селецкую мызу к Завадскому, ехал шагом довольно долго и приехал туда в 9 часов. В 10 обедали, тут приехал наш Эссен, с которым мы условились съехаться. После ходили в саду я еще после Эссена оставался часа три, говорили про дела дядюшки и Янов-

ского, потом в 5 часов отправился домой, никого дома не застал; ибо они отправились к Кусовым,²¹⁶ где куртизанит Василий Николаевич Эмминой.²¹⁷ Так как они возвратились домой в 12 часов, то сперва читал Лорда Бейрона Манфред, а потом лег спать. Когда же они приехали, мы пили чай. Сего дня не так доволен собой.

19 Августа. Воскресенье

По утру встал также рано, выбрился и напившись чаю хотел ехать по близости к обедне; но так как наши опять собрались обедать у Кусовых, то мне и неоставалось ничего делать; я отправился в Дятлицы, где обедни уже не застал; ибо ехал 10 верст, там остановился у Тимохина, но он уехал скоро в Ропшу и там обедал у князя Шаховского и просидел с ним до четырех часов вечера. — После того возвратился домой, ни кого опять не было; и так долго читал театр Детуша²¹⁸ и лег спать в 9 часов.

20 Августа. Понедельник

По утру встал рано и долго лежал в постеле и читал, после чаю приехал старший Окулов, потом пришел Горяинов, перед обедом я читал и раскладывал пасьянс, потом опять пришел Горяинов и мы очень разговорились. В 6 часов я собрался ехать, напился чаю; но меня принудили остаться усиленными просьбами, и так я расположился тут еще ночевать. До 10 часов сидели вместе и разговаривали, потом легли спать. Ужасная буря дождя поднялась к вечеру.

21 Августа. Вторник

В 5 часов встал, потом, напившись чаю, в 7 часов выехал из Муховиц, заехал на минуту в Витино, в 10 часов прибыл в Глухово к Эссенам, дождь как нарочно, но в это время переставал; тут я обедал, потом играл в вист и проиграл 50 копеек в 9 робертов, играя на 5 рублей роберт, после того, напившись чаю, уже в 7 часов отправился в Липицы, не доехал версты четыре, прохватил меня дождь, и я уже в 8 часов приехал пить чай к Богдановичу, мы с ним еще час посидели, потом легли спать.

22 Августа. Среда

По утру рано встал, отправился в ригу на молотьбу, к Кореевым, там есть славная баба, за которою Богданович в туне волочитя. Пробыв там часа полтора, пришел пить чай, потом долго разговаривали, во 2-м часу обедали и потом пошли к Бутовскому, где я дожидался дрожек, и в четыре часа, простясь с деревнею, отправился в Петербург, ехал часов 5 с половиною; ибо было довольно грязно сначала, и я на одной лошадке вдвоем 40 верст почти. Приехав домой, напился чаю, прочел письмо от родителей и лег спать, проведя день благополучно.

23 Августа. Четверг

Встал часов в 6, напившись чаю, занялся устройством в своей комнате, потом своими делами и переводом, в 2 часа стали собираться офицеры к обеду и в 3 мы артелью обедали, после я играл на фортепьянах, вечером ходил навестить Улиску, который лечится на вольнском дворе, он мне очень обрадовался и не хотел отойти прочь, все визжал — возвратясь домой, заходил я в роту, посадил Маркова под арест. Пил чай у себя с Шванвичем, Штакельбергом и Болтиным, потом играл на фортепьянах и в 10 часов лег спать, проведя день благополучно, не доволен собой.

24 Августа. Пятница

Встал в 7 часов, занялся своими делами, потом, напившись чаю, сел сначала переводить урок свой, потом считать выработанные моей ротой деньги, коих и нашлось 1200 рублей. Обедал у нас Симборской. После я ходил в роту в намерении наказать Маркова, но он совсем не был виноват, — и так похозяйничав не много, возвратился я домой; и долго играл на фортепьянах. Потом пришли кое кто из офицеров, пили у нас чай. Потом я переписывал перевод и занимался до 11 часов. Тут лег спать, проведя благополучно день и доволен собою. Сего дня написал письмо предлинное в деревню и из деревни также получил письмо.

25 Августа. Суббота

Поутру до чаю переписал вчерашний перевод, потом играл на фортепьянах, так как время подошло идти на пример развода, я оделся и долго дождался в бездействии, наконец ученье его было отказано и я воспользовался тем, что был одет, и отправился с Кропоткиным сперва к Улиске на вольнский двор, потом к Плаутину. К обеду возвратился домой. После одного приехал брат Васинька. Николая сего дня генеральша позвала обедать через Штакельберга, не смотря на <то>, что Мартынов не оставался дома. Я перевел свой урок, потом сел линовать для матушки бумагу, стало темно, мне дали первую часть, и я прочел оную в слух часа в 3. Между тем временем напился чаю и в 12 часов лег спать, проведя благополучно день.

26 Августа. Воскресенье

Поутру встал в 7 часов выбрился, напился чаю и одевшись отправился сперва на пример развода на офицерский двор, потом в манеж с батальоном; ибо сего дня рундом по 1-м отделению, у развода был один Башуцкий, после одного заходил на главный караул, там завтракал, потом домой возвратился на Норовской лошади, которую хочу купить. Приехав домой, переоделся и с Кропоткиным отправился на конную, тут продал он свою лошадь и купил мою за 75 рублей. После

того обедал у себя, а потом не много отдохнув пошел походить, я был у Малютина, оттуда домой и занялся переводом и немного фортепьянами, лег спать в 11 часов проведя день благополучно.

27 Августа. Понедельник

По утру рано встал, настроил фортепьяно, потом сел переводить, тут оделся было идти к генералу, да он уехал, окончил перевод, пошел я являться к Мартынову дежурным за Николая, который за меня дежурил, генерал пригласил к себе обедать. По утру же ходил в роту и наказал одного солдата, которого Симанский заметил. После того графил бумагу, обедал у генерала, и у него были несколько человек гостей, вечер сидел у Лаптева, в 9 часов ходил рапортовать, а в 10 лег спать в дежурной комнате, не доволен собой. Слышал я сего дня, как третьего дни актриса французского театра разбранилась с публикой ее осви-ставшей; сперва ушла и опустили занавес, потом продолжила играть.

28 Августа. Вторник

По утру встал в 6 часов, пришел домой. Напился чаю, оделся, сел было за перевод, но Штакельберг пришел звать с собою в Гостинный двор, и так я одевшись в мундир отправились с ним пешком по Фонтанке, исходили гостиной двор купили что нужно и потом возвратились домой к самому обеду; встретился я в лавках с Лалаева племянницей. После ходил с Васинькой в сумасшедший дом; но только по двум сараям, видели много сумасшедших разного рода, но более всех тронула меня одна девушка Кузьмина лет 16, преприятная собой — и так больна, что не может встать с постели. Возвратясь домой, пили чай, потом долго разговаривали, у нас сидели кой кто из офицеров — и я лег спать в 12 часов, проведя благополучно день.

29 Августа. Среда

По утру, напившись чаю, занялся своими расчетами, и нашлось, что мне нужно будет бездну денег прожить нынешний год. Перед обедом занимался я переводом, после одного не много уснул, потом пришли Граф Ламздорф и Лаппа и мы сели читать Фоблаза,²¹⁹ я прочел одну часть. Вечером Васинька уехал; напившись чаю долго сидели и разговаривали, потом пришел Новиков и я не прежде лег спать как в 12 часов, проведя благополучно день.

30 Августа. Четверг

Поутру встал, выбрился и напившись чаю отправился к разводу на Норовской лошади; ибо никого из офицеров не нашел товарища, недо-ехав до площади возвратился домой, ибо опоздал. — После того отпра-вился с Головиным в невский монастырь, там пришлось мне стать воз-ле Перевошиковой и я почти во всю обедню занимался и она изредка

взглядывала как кажется на меня. У обедни была Государыня. Митрополит служил со всею церемониею.²²⁰ Съезд был большою, а народу ужасная толпа и по Невскому проспекту все окна заставлены любопытствующими. Государыня в золотой карете и с конвоем лейб гусар, у монастыря преображенский караул. — Возвратясь домой, пообедал, потом немного уснул, отправился на вечер вместе с Николаем к Блажиевскому, там была Добровольская, стали танцевать и я с ней почти все время был вместе и разговаривал, она очень мила и мне нравится; со мною была она весьма ласкова, не так, как прошлый раз. У Блажиевского прочел в Инвалиде, что мне продлевается отпуск на 6 недель, и это конечно по ошибке довольно странной. В 12 часов я возвратился домой доволен сегодняшним днем и занят не много предметами моего волокитства в день сей.

31 Августа. Пятница

Поутру, напившись чаю, являлся Мартынову дежурным с Шванвичем и Лаппою, он нас всех пригласил обедать, возвратясь от него, провел утро довольно беспорядочно, написал письмецо к родителям; обедал у Генерала, и там было довольно весело, после в 5 часов отправился на свадьбу моего унтер офицера Марчугова и был у него посаженным отцем, меня весьма тронуло положение солдатское, а еще более жен их, в городе некоторый род образования получивших. Пришел домой, играл на фортепьянах и пел, потом ходил рапортовать Мартынову, у него сидел с пол часа и напившись дома чаю занялся своими делами и лег спать в дежурной комнате в 11 часов.

1 Сентября. Суббота

Поутру рано пришел домой, умывшись занялся проверкою ротных денег, потом напившись чаю немного переводил и играл на фортепьянах, потом пришел Плаутин и сказывал, какие глупости говорил ему Симанский, это весьма меня разбесило, обедали мы в 3 часа, после того отправился я в Гостиный двор, купил сукна в долг и возвращаясь домой, заходил к Улиске, которого нашел больного. Языков мне сопутствовал из охоты. Напившись чаю, я переводил и лег спать в 11 часов, проведя благополучно день.

2 Сентября. Воскресенье

По утру встал довольно поздно, выбрился и напившись чаю занялся не много переводом, потом был у обедни, оттуда придя домой, до обеда почти переводил, не смотря на то, что люди беспрестанно мешали; обедало нас только пятеро. После того я опять переводил, после спал часа полтора, встав, ходил в роту опрашивать людей и дал добрую нотацию сигнаlistsу Провоторову за жалобу на фельдфебеля, напившись чаю, сидел с офицерами, потом не много переводил и лег спать

в 11 часов, проведя благополучно день, но не доволен собою. Сего дня сделал я распоряжение на щет своего образа жизни. Каждый день уроком читать, писать и заниматься музыкой и во весь день не развлекаться до вечера, разве ходить по делам. Вечер же посвящать обществу, ежели не у себя дома, так отправиться куданибудь.

3 Сентября. Понедельник

По утру встал в 6 часов и сел переводить, потом читал Бюфона, напившись чаю, пошел выводить роту к разводу, когда Симанский прошел по фрунту, ушли мы с Николаем на квартиру дядюшкину; а оттуда пришли на сахарный завод, где осмотрели все заведение, потом были у Замятина, когда возвратились домой, то пошли к Симанскому, пришедшему за нами, он начал выговаривать за то, что мы ушли, я хладнокровно отбрил его, сказав, что на это никакого приказа не было, чтобы капитанам следовать за разводом, следовательно, наша воля была делать то, что мы хотели. После сего я окончил свой перевод. Пообедав читал по немецки и играл на фортепьянах, в 6 часов отправился с Замятиным и Николаем в Гостиный двор, как условились, погода была отличная, возвратясь домой, пил чай у Кропоткина и в 10 часов лег спать, проведя благополучно день, доволен собою.

4 Сентября. Вторник

Поутру встал в 7 часов, читал, потом напившись чаю сел переводить, в 11 часов ходил в Гостиный двор и заказал переделать хомуты свои за 26 рублей, возвратясь домой в 2 часа, занялся опять переводом. После обеда долго долго сидели и разговаривали о разных предметах, потом оконча перевод свой отправился смотреть свою собаку и нашел, что она очень больна, оттуда прошел в роту, возвратясь домой, был в бане и пил чай. В 10 часов тут еще сидел полтора часа с своими и Новиковым и потом лег спать, проведя день благополучно и весьма доволен собой. — Другой день погода стоит удивительная.

5 Сентября. Среда

Поутру встал в 7 часов, выбрился, напившись чаю, переводил, читал Бюфона и по немецки, все утро пробыл дома и к обеду окончил все свои дневные занятия. За столом был у нас пружестоккой спор на щет денег между офицерами, я говорил, что не надобно смотреть на его обстоятельства ежели же раз решили выгнать его, чему я противился, когда были прежде о сем толки. — В 4 часа сели мы с Лаппою за музыку; а в 6 часов отправились с Николаем к Павловым, не застали их дома, потом от них прошли к к Галямину,²²¹ тот уехал в Москву, и таким образом зделав прогулку в прекраснейшую погоду возвратились домой, я дома играл на фортепьянах, пришел Языков, напильсь чаю и в 11 часов я лег спать, проведя благополучно день и весьма доволен собою.

6 Сентября. Четверг

Поутру в 7 часов сел за работу, перевод мне был крайне труден; ибо от гемороя голова была весьма тяжела, однако весь урок свой кончил до обеда, после одного отправился стрелять на Семеновское парадное место в цель с 30 человеками, нам ошибкой попалась московская мишень, я застал 3-ю роту, в оную стрелявшую, и потому стал тоже делать. Фридлин стал у меня спрашивать. Я же думаю, что нашей <ошибки> совсем не было, свалив все на Мартынова. Возвратясь домой, пошел к Шванвичам, поймали Батурина и повели туда же. Там пили чай и я разбил чашку, и возвратясь домой в 11 часов лег спать, проведя благополучно, хотя не удачно день сей.

7 Сентября. Пятница

Поутру встал в 7 часов, напился чаю и отправился на Семеновское парадное место стрелять в цель, с солдатами. В 10 часов возвратился домой, был у Генерала своего и простился с ним; ибо он в 3 часа после обеда уехал в отпуск на 2 месяца, написал письмо к родителям и послал в оном окуратный щет моего прожитка. Потом переводил. После обеда читал и кончил все положительно к 6 часам. Тут играл на фортепьянах, после ходил по Гарновскому, у Кобяковых пил чай и в 10 часов лег спать, не доволен собою.

8 Сентября. Суббота

Поутру встал в 8 часов. Фельдфебель привел мне солдата 6-й роты, который показывал, что у него пропали 7 рублей, так как ни на кого подозрения не было, то они и просили свести целый покой к вору, я нарочно позволил им, дабы узнать, что из того будет; но каково ж суеверие, солдат, который украл деньги, побежал к ней наперед, отдал 5 рублей и просил не сказывать, что она и исполнила, и сколько фельдфебель ее ни просил, ни как не сказала. В обед я переводил и довольно много сделал. После одного играл на фортепьянах и опять переводил; так перед вечером у меня сделалась дурна голова, что я решил против желания идти гулять и отправился к Триумфальным воротам к вору, но не застал ее дома. Сказали, что она будет у себя завтра поутру. — Вечер был удивительный. Николай ходил со мной. — Тотчас по возвращении нашем пришел старший Ростовцев,²²² сидел у нас долго и пил чай, в 11 часов я лег спать, проведя день благополучно, получили из деревни письмо. Почту возвратили из Петровки.

9 Сентября. Воскресенье

Встал в 8 часов, напившись чаю пошел являться дежурным Воропанову,²²³ но опоздал; пока он ездил к разводу, решил я побывать за Нарвскими воротами у вору, которая сказала мне, что через несколько дней придет и откроет мне всех воров; из речей ее мог я по-

нять, что она была шпион полиции, весьма тонкий, полезный, по моему мнению, гораздо благороднейший нежели шпионы перескачки. — Возвратясь домой, был я у обедни, потом ходил к Воропанову и явился. До обеда переводил и после до 6 часов занимался тем же, читал. Тут отправились с Николаем гулять по полку, заходил к Андреевым, не застал их дома, был у Башуцкого и того не нашел. Вечером пил чай у Кобяковых и потом до 11 часов проговорил с князем Кропоткиным на счет обязанностей русского дворянина противу Государя и отечества, по законам нашим, кои честь и благородство заставляет выполнять; мнение мое не мог он отвергнуть, как ни старался. После сего пошел спать в дежурную комнату.

10 Сентября. Понедельник

По утру в 7 часов пришел домой, настроил фортепяно, напившись чаю, собирався все на ученье, которое было отказано за дождем, после того занялся ращетами с Гангебловым, который здал мне расход наш домашний; а оставил себе один столовый. До обеда я ничего почти не делал. После оногo уснул часа два, вечером много переводил. Новиков пил у нас чай и не много читали вместе. Я лег спать в 12 часов, проведя благополучно день.

11 Сентября. Вторник

Встал в 6 часов, напившись чаю, оделся и отправился в роту, которую привел на офицерский двор, где зделали пример развода и я с стрелками отправился за знаменем. Пришел на площадь наш батальон за час. Развод был в 10, после оногo вступил я в караул и скоро очень остались мы одни, перед обедом заходил к нам Норов Василий и Офросимов, обедал, и до 5 часов сидел Новиков, потом мы между собою время провели приятно в разговорах, я, Плаутин и Гудимов. Симанский был у зори и приехал к самому времени, вероятно, опасаясь, что его положение будет неприятно; ибо никто с ним слова не скажет. Цельный день по обыкновению я ровнял ружья — и ночью также заснул в 11 часов, проведя приятно день.

12 Сентября. Среда

В 5 часов бил зорю, потом еще спал до 7, тут напились чаю. В 9 часов приехал Симанский, пошли к коменданту, оттуда пришед, стал делать ращет к смете и очень сконфузился, долго не умев оный устроить. — В 10 часов сменил меня Ланевский 3-й.²²⁴ Возвратился домой, сидел Языков и говорили о Дюклу, которого многие желают уже оставить в полку. В час лег спать. После обеда тот час отправился к Новикову и с ним пошел в толкучий рынок, одевшись похуже и в фуражке, искать книг; но тщетно ходили. Возвратясь домой, я переводил до чаю и после оногo лег спать в 11 часов, проведя благополучно день, к вечеру заболела у меня голова.

13 Сентября. Четверг

Проснулся в 6 часов, встал, в 7 выбрился, оделся, сел за перевод, напившись чаю, отправился в Павловской полк узнать об отпуске брата, заходил в гостиный двор смотреть хомуты, пришел домой довольно поздно и до обеда переводил. Бехтеев у нас обедал, и я тотчас после отправился стрелять с солдатами, заходил провеживать своего Улиску. — Придя домой, пошел опять к Миллеру, его не застал дома, и тут уже разделся и никуда не ходил, до 9 часов сидел у нас Башуцкий, играли мы на фортепьянах. Потом я переводом занимался до 11 часов и лег спать, проведя благополучно день, очень доволен собой.

14 Сентября. Пятница

Встав в 7 часов, принялся писать письмо к родителям, после того, напившись чаю, оделся и отправился к обедне к Николе Морскому, где видел Перевошикову. Возвращаясь домой, заходил к Харламову, который бедный не здоров, придя домой, занялся переводом до обеда и немного фортепьянами. Тот час после онаго пошел к ворожее, которая обещала мне сказать солдата, эта женщина крайне меня удивляет, она кажется весьма честных правил; придя в Гарновский уже назад, сидел у Норовых, где под конец завел со всеми спор, что ежели раз решили выгнать Дюклу, то надлежало поддерживать мнение общее сие.²²⁵ После сего кончил у себя сегоденный перевод и играл на фортепьянах, в 11 часов лег спать, проведя благополучно день. Сего дня получили письмо от родителей, где пишут много на счет Николая.

15 Сентября. Суббота

Напившись чаю, отправился к разводу по случаю коронации государя Императора,²²⁶ оттуда заходил в Эрмитаж, там хотел видеться с Довом,²²⁷ но его не было. Возвращаясь домой, был у Николы Морского; но обедни там не было. Приехав к себе, тотчас занялся переводом до обеда, потом играл на фортепьянах, пришел Англичанин и так мне было лень, что я ни за что не принимался, в 6 часов отправился гулять по парадному месту, заходил в роту. Придя домой, окончил перевод, напился чаю и в 10 часов лег спать, проведя благополучно день.

16 Сентября. Воскресенье

По утру выбрился, оделся и напившись чаю отправился в церковь к Николе, там видел Перевошикову, и много наших офицеров. Возвратился домой, сел за перевод, в чем и провел время до обеда, тотчас после онаго пошел к ворожее; но от нее ничего не узнав, возвратился в 6 часов. Николай подал мне записку от дядюшки, в которой просит он нас к Блажеевскому на вечер, я туда отправился один, брат поленился, в малом числе гостей нашел я там Добровольскую, сперва играли

в фанты, потом танцевали, и я по большей части с Ольгою Фроловной, наконец танцевали котильон, я разговорился с ней и как мог заметить, это ей не было противно, для фигуры в танце надо было кольцо, я взял у ней супир и потом узнав, что он подарен ей Яновскою, сказал из шутки, что той и отдам его, она ни слова на сие не ответила, кольцо не требовала, и так оно осталось у меня, и по всему я видел, что она хотела, чтобы я имел оное, в разговорах рассказывала она мне про себя много, и так вечер провел приятно, возвратясь домой в 11 часов, посидел еще с Николаем и в 12 лег спать, проведя благополучно день и доволен собою.

17 Сентября. Понедельник

По утру напившись чаю играл на фортепьянах и не много переводил, в 2 часа отправился стрелять в цель с ротою, не смотря на сильный дождь, выстрелил все пули и к 4 часам возвратился домой; тут пообедав один, оделся и отправился с Николаем к Яновским, где было много девиц, и между ними Дальковы дочери, старшая пела превосходно; маленькая танцевала. Добровольская явно давала мне преимущество пред всеми и заметно занималась мною; Мачиха ее, которую я просил на польский, заставила меня танцевать с собою попури, в котором мне дала руку, и я не знал к чему сие приписать. — Вечер кончился в исходе перваго часа по полуночи, когда пришли мы и никого не было, Яновская спросила меня, не нашел ли я кольцо, которое Добровольская потеряла, я сказал, что нет, потом просила ей отдать книги, которых я обещал привезти Добровольской, я извинился перед сей последней и сказал, что завтра пришло; а она на сие промолвила, чтоб через Яновскую, которая к ней оные доставит. Возвратясь домой в 2 часа, лег спать, проведя благополучно и весело день и танцевав до того, что мундир был даже мокор.

18 Сентября. Вторник

Встал в 8 часов, в 9 был у Воропанова; ибо был дежурным, просил о женитьбе солдата моего Деникина, потом в 11 часов отправился стрелять в цель, и стреляли до 2-х с 50 человеками, оттуда заходил на во-лынский двор, Улиска мой очень болен. Возвратясь домой и пообедав, сел тотчас читать *conte de morale par Demoustier*,²²⁸ который купил для того, чтобы послать Добровольской, и читая делал замечания, т. е. писал в философии мои мысли и в страстных местах делал крестики; это крайне приятно, что я мог дать ей такую книгу, которая разнеживая ея чувства к любви, могло внести и вселить в ней правила добродетели; она пол года вышла из института, и первая любовь, ко мне, растрогав ея, найдет опору в благопристойности и благочестии, и следовательно может быть не только что приятна, но даже и полезна ей. В 9 часов напился чаю, в 12 лег спать в дежурной комнате.

19 Сентября. Среда

По утру в 7 часов встал; разбудили меня с вестовыми. Пришли из дому меня звать пить чай, после того собрались мы в дежурную комнату по общему согласию, дабы толковать о участии Дюклу, выдумали некоторые, что можно ему позволить служить с нами и говорить по тех пор, пока он не сыщет себе место, большая часть на сие не согласилась, и таким образом я собрал все голоса, и утвердился на том, чтобы Дюклу до Декабря остался, но не служил бы с нами. Возвратясь домой, посидев не много пошел к разводу 3-го отделения, был главным рундом и Симанский продолжил его 1 ½ часа, после пришел ко мне Колмовской Василий Васильевич, для рекомендации невесты Деникина, которая была у него кормилицей, — и кажется для того, чтоб познакомиться со мною; ибо тут же звал к себе. Перед обедом были мы на новосельи у Дядюшки и там видели, как проходили похороны умершего управляющего министерством внутренних дел Кампенгаузена.²²⁹ Не давно также умер славный музыкант Штейбельт,²³⁰ сочинитель Ромео и Юлии. Придя домой пообедал, часа два уснул и потом отправился к Миллеру в 6 часов. Он сам заговорил о деньгах, я попросил его отдать мне 450 рублей. От него прошел к Харламову сыну, он потащил меня к отцу, и я пробыл там до 10 часов. Старик большой красобай и весьма не дурак. Придя домой, напился чаю и занялся своими делами, поиграв на фортепьянах, и лег спать в час пополудни, проведя благополучно день и доволен собою.

20 Сентября. Четверг

Встал в 8 часов, настроил фортепьяно, потом напившись чаю, отправился стрелять в цель на Семеновское парадное место из солдатских ружей пулями, из 21 выстрела раз дал пудель, 5 раз близко сердца, а 13 раз около оного, 2 раза в доску. — Возвратясь домой, ходил к Колмовскому отдать визит, не застал его дома, после заходил в корпус подпрапорщиков к Языкову. Потом в три часа, пообедав, переводил и уснул часа полтора, в 6 часов отправился в театр, где давали оперу отец и дочь,²³¹ и я не быв так долго в оном увидел, как наша сцена упала, опера отец и дочь весьма интересна, хотя и имеет погрешности, музыка очень хороша; но кроме Самойлова²³² и даже Семеновской²³³ — все играли скверно. Самойлов, хотя и потерял голос, но играл сумасшедшего отца не сравненно; возвратясь домой, напился чаю и лег спать в 12 часов.

21 Сентября. Пятница

Встал в 8 часов, напившись чаю, написал письма к родителям, в 10 часов отправился стрелять на семеновское парадное место с ротою, оттуда заходил в роту, потом возвратился домой, играл на фортепьянах до 3 часов. Тут отправился к князю Кропоткину на именинный

обед, у него было человек 15 офицеров, просидел до 7 часов и пошел к Дядюшке, от коего возвратился домой в 10 часов, играл на фортепьянах не много и в 11 часов лег спать, проведя благополучно день.

22 Сентября. Суббота

Встал в 7 часов, играл на фортепьянах, напившись чаю, не много переводил, потом опять занимался музыкою. По утру ходил с Николаем искать квартиры, которую мы намерены нанять, ежели дадут нам квартирные деньги, и нашли одну возле моей роты. — Пообедав в три часа, отправился на Семеновское парадное место, Шипов²³⁴ занял мишень и помешал мне стрелять, так что я домой возвратился не прежде как в 7 часов и стрелял почти ночью, однако люди свое дело делали порядочно. Вечер сидели мы вместе несколько офицеров, и в 12 часов лег спать, проведя день благополучно, но не доволен собой.

23 Сентября. Воскресенье

В 8 часов встал, играл на фортепьянах, в 10 часов, отправился к обедне в Никольскую церковь, смотрел на Перевошикову, оттуда прошел к дядюшке, где был и Яновский. Почти перед обедом возвратился домой и опять играл на фортепьянах, учил 1-й Фильдов концерт.²³⁵ В сем занятии провел весь остаток дня. Вечером переводил, потом опять играл, в 9 часов пил чай, а в 10 лег спать, проведя благополучно день.

24 Сентября. Понедельник

Поутру встал в 6 часов, играл на фортепьянах, потом напившись чаю отправились с Гангбловым и Николаем смотреть квартиру, она показалась не поместительной, и мы пошли поискать других, но нигде лучше не нашли, оттуда прошел я к Миллеру, его не застал дома и возвратился домой в 12 часов, до обеда переводил, потом до шести часов стрелял с ротой в цель. Придя к себе, до 9 часов занимался переводом, после того напившись чаю лег спать в 10 часов, проведя благополучно день.

25 Сентября. Вторник

По утру встал в 7 часов, до чаю занимался переводом, потом играл на фортепьянах. В 9 часов отправился к Миллеру за деньгами, он обещал дать мне оных завтра вечером. От него пошел я стрелять на парадное место, придя домой услышал, что история за Дюклу опять заваривается, ибо он отрапортовался. Был после обеда я дома, Самарин у нас обедал. После того в 6 часов ездил к тетушке Александре Петровне на новой лошади, которую сего дня купил у Норова за 200 рублей. Возвратясь домой, ходил в баню. Потом напившись чаю в 10 часов, до 12 провели в разговорах.

26 Сентября. Среда

По утру напившись чаю отправился к Долгополову,²³⁶ говорил с ним на счет Дюклу и видя, что он уже составил себе такое мнение, чтобы во что ни стало служить с Дюклу, который уже явился в полк, счел за лучшее пожертвовать самолюбием и предложил сам собраться капитанам и решить, чтобы Дюклу оставили до 15 декабря, а после уже капитанам первым хлопотать о его изгнании, и прежде всего каждому дать в том честное слово офицерам своих рот. В 11 часов был у нас пример развода, моя рота ходила порядочно, возвратясь домой, играл на фортепьянах. После обеда провел довольно беспорядочно вечер, сидел у нас Миллер. В 7 часов напились чаю и в 10 я лег спать, проведя благополучно день, не совсем доволен собою.

27 Сентября. Четверг

По утру в 7 часов встал, был по службе у Симанского, потом, проводя батальон к разводу, пошел являться Воропанову дежурным. Простился с Батуриным 2-м и Норовыми, которые поехали в отпуск. Потом поехал в Павловской полк узнавать об отпуске брата, который еще не вышел, оттуда к Павловым на минуту, потом к разводу, где был Храповицкий. От разводу проехал к Яновским, застал дома одну Надежду Николавну. Тот час пришла Добровольская; сказывала мне, что ходила в прошлой развод нашего полка на площадь. Яновская хотела мне дать почувствовать, что мною интересуются, но я показывал будто не догадываюсь; потом взял переписать ноты для Яновской, которые верно будут у Добровольской, и так, приехав домой, принялся за работу и целый день до 12 часов все писал и графил ноты, по отвычке все портил, обедал с нами Офросимов, вечер сидел до 12 часов Кобяков. Тут я отправился спать в дежурную комнату.

28 Сентября. Пятница

По утру в семь часов встал и пришед домой принялся переписывать ноты, к 10 часам кончил, потом напившись чаю написал письмо к Родителям и пошел ходить по Гарновскому дому, в чем прошло время до 2-х часов, тут немного занимался своими делами, пришел Никандр Иванович Филатов²³⁷ и у нас обедал, осмотрев вестовых к великому князю, отправился я по разным мастеровым, коих в полтора часа объездил. Вечер пошел провести у дядюшки, возвратясь домой, в 10 часов лег спать, проведя благополучно день.

29 Октября (описка). Суббота

Встал в 8 часов, потом напившись чаю занялся своими делами, играл на фортепьянах, в 3 часа пообедал и отправился к Яновским, где видел Добровольскую, она возвратила мне мои книги, там сидел я часа два, после поехал к Павловым, застал дома одного Алексея Алексан-

дровича, у него пил чай, и возвратился домой в 9 часов, до 12 часов сидело у нас несколько офицеров, разговаривали про военные действия, после чего я лег спать, проведя благополучно день.

30 Сентября. Воскресенье

Встал в 7 часов и до 9 настраивал фортепьяно и никак не мог сладить. — После чаю отправился к обедне в Никольскую церковь, оттуда заходил к Харламову, был на съезде двора, хотел жаловаться на хомутчика, но полицейской офицер не сделал никакого удовлетворения, а только разбесил меня. После обеда не много уснул, потом отправился в 6 часов к Блажиевским, заехал к частному приставу, хотел жаловаться, но не застал его дома; у Блажиевского пробыл до 10 часов, там была Добровольская, играли в фанты и немного танцевали. Возвратясь домой, нашел Васиньку и мы проговорили до 3-го часу ночи, тут я лег спать, проведя благополучно день.

1 Октября. Понедельник

Встал в 7 часов, настроил фортепьяно, потом напившись чаю занялся своими делами, после того не много переводил, играл на фортепьянах. Ходил к Симанскому оправдать унтер офицера Ложникова, поверил артельные книжки. В 2 часа отправился к дядюшке обедать, там видел Билинсгаузена, который ходил кругом света.²³⁸ После обеда играл в бостон не много, в 6 часов поехал к Павловым, там сидел около двух часов, возвратясь домой, напился чаю и лег спать в 11 часов, проведя благополучно день.

2 Октября. Вторник

Встал в 8 часов, напившись чаю, отправился на ученье первого отделения, на коем провел до 9 часов, возвратясь домой, пообедал, потом занялся — рассматривали вместе всех французских лучших актеров изображения. В 7 часов отправился к Калиновскому, у него пробыл до 9 часов, после того играл на фортепьянах; у нас проводили вечер многие офицеры, и я лег спать в 11 часов, проведя благополучно день и доволен собою.

3 Октября. Среда

Встал в 8 часов, выбрился, потом напившись чаю отправился в роту, где учил шесть десятков, оттуда прошел в магазины смотреть, как принимают муку; но не застал уже приемки; возвратясь домой, написал к Богданову письмо, после ходил к часному приставу в намерении заставить купца принести мне хомуты, которые отданы ему передельывать, но пристава не было дома, и так я должен был поступить вопреки моей настойчивости. После обеда сидел у Ламздорфа с полчаса, потом играл долго на фортепьянах Крамера школу,²³⁹ в 7 часов ездил к тетуш-

ке Александре Петровне, а дядюшка в Кронштате. Возвратясь домой, в 10 часов напился чаю и потом играл еще долго на фортепьянах и почитав не много лег спать в 12 часов, проведя благополучно день и весьма доволен собою.

4 Октября. Четверг

По утру встал в 8 часов, приняв фельдфебеля и напившись чаю, играл на фортепьянах, потом в 11 часов отправился в залу инженерного училища, где Его высочество показывал нам унтер офицеров и ефрейторов, разными учебными шагами марширующих. Возвратясь домой в 2 часа не много читал. После обеда отправился к Филатовым на петербургскую сторону, заезжал к Яновскому, никого не застал дома. У Филатовых я просидел до 10 часов, возвратился домой, в 11 часов лег спать, проведя благополучно день.

5 Октября. Пятница

По утру встал в 7 часов, напившись чаю отправился в роту, где опрашивал людей, потом вывел людей на офицерский двор, где Симанский по обыкновению делал развод. Возвратясь домой, играл на фортепьянах, читал Бейрона и занимался переводом. После обеда отправился к Яновским, где виделся с Семеном Семеновичем Завадским, вечер там были Генделиусовы,²⁴⁰ пришла Олинька²⁴¹ и мы играли в карты, после того Олинька мне гадала, эта девочка и не скрывает привязанности своей ко мне. В 8 часов поехал я к дядюшке, где нашел кой кого мушин, в 10 часов возвратился от него домой, тут занимались мы чтением разных стихов и я лег спать в 11 часов, проведя благополучно день.

6 Октября. Суббота

Поутру в 8 часов встал напившись чаю играл на фортепьянах до 10 часов. Тут отправился в дежурную комнату, где были со мною два пионерных офицера. В полдень был я в роте и наказал двух солдат за то, что они были в венерической и не сказались. — В три часа пообедал дома и опять пошел в дежурную комнату, где читал Бейрона до 7 часов вечера, тут пришел домой, играл на фортепьянах. После чаю проговорил с братьями до 12 часов ночи и тут отправился ночевать в дежурную комнату. Великий князь опять уехал на 10 дней в Гатчину.

7 Октября. Воскресенье

По утру встав в 7 часов пришел домой из дежурной комнаты, выбрился, напился чаю, и потом, поиграв на фортепьянах, отправился к обедне к Николе Морскому, там видел Перевошикову и так же одну молодую девицу, которая мне показалась очень милинькою, я вышел проводить за семейством ея из церкви и увидел, что она села в рабо-

гатый экипаж, это подало мне повод думать, что девица сия хорошей фамилии и расположило идти в будущее воскресенье и приготовится разведать о ней хорошенько. Оттуда прошел к тетушке Анне Петровне, потом к дядюшке, к обеду возвратился домой, где до вечера занялся переписыванием романа, потом вечером читал с Николаем Дюкло,²⁴² что и заняло время до 12 часов, тут я лег спать, проведя благополучно день и весьма доволен собой. Васинька видался с Яновской и слышал от нее, что Олиньку очень бранили за последний вечер, где она меня видела, чему я порадовался, ибо сие полезно в ея лета.

8 Октября. Понедельник

Поутру встал в 8 часов, напившись чаю пошел в роту на ученье, пробыл на оном до 12 часов, потом возвратясь домой не смотря на дождь поехал к Симанскому проститься, но он уже уехал из Петербурга — оттуда проехал в Гостиный двор еще кой куда к мастеровым, возвратился к обеду, после оного читал Бейрона, захотелось мне спать и я пошел посидеть у Гессе. Вечером читал опять с Николаем роман Дюкло, где нашел мысли совершенно сходные с моими в объяснении обращения благородно мыслящей женщины с своим любовником. После того играл на фортепьянах и лег спать в 11 часов, проведя благополучно день и весьма доволен собою.

9 Октября. Вторник

Поутру встал в 7 часов, напившись чаю играл не много на фортепьянах, потом был в роте на ученье до 12 часов, где был весьма доволен, возвратясь домой занимался музыкою и чтением. После обеда вскоре отправился к Яновским, где был концерт, играл много Бем,²⁴³ концерт Крамера играл на фортепьянах К. Салтыков слепой, Далока пела. Там была Добровольская Олинька, которая во все время глаз с меня не спускала — я там пробыл до 10 часов и возвратясь домой напился чаю и лег спать в 12 часов, проведя благополучно день и весьма доволен собой.

10 Октября. Среда

Встал в обыкновенное время, напившись чаю играл на фортепьянах, потом отправился на осьмирядное ученье, где пробыл до 12 часов, возвратясь домой, играл на фортепьянах до обеда, после оного вскоре отправился сперва к дядюшке, у которого пробыл с пол часа, оттуда к Блажиевским, где почти ни кого сначала не было, а потом пришла Добровольская и мы играли в фанты и потом танцевали, тут успел я много поговорить с Олинькой — и аллегориею она мне сказала, что меня любит, кончился вечер резвостями, и я пришел домой в 12 часов, где напившись чаю сидел с Николаем и лег спать в час, проведя благополучно день.

11 Октября. Четверг

По утру напившись чаю пошел в роту учить переднюю шеренгу седьмого взвода и пробыл в роте до 12 часов, возвратясь домой, до обеда играл на фортепьянах, после одного не много уснул, в 5 часов поехал с Васинькою к тетушке Анне Петровне и у нее сидел часа два, потом был у дядюшки, но там не приняли, ибо тетушка мучится родить. Возвратясь домой, отправился в баню, в 10 часов пришел к себе пил чай; и у нас были кой кто из офицеров, в 11 часов лег спать, проведя благополучно день.

12 Октября. Пятница

В два часа ночи разбудил меня присланный от дядюшки Варлам с приказанием убедительно просить меня не мешкая приехать. Тотчас я оделся, побежал на конюшню заседлывать лошадь и поскакал, нашел дядюшку в слезах; ибо тетушка уже другие сутки страдает и дело идет очень худо, тут пробыл я у дядюшки до 8 часов, измучился, глядя на тревогу и беспокойство его, приехав домой, переоделся и с дядюшкиной комиссией отправился к Джунковскому,²⁴⁴ после того дома напилсь чаю и поиграв на фортепьянах в 11 часов пошел на пример развода, который не долго продолжался. После одного отправился к дядюшке, где пробыл до 6 часов, все еще не было конца тетушкиным страданиям. Пришла другая тетушка, и своим неучастием так разсердила меня, что я ушел домой; не успели мы сесть за чай, как прислали сказать, что бог даровал нам сестру Анну. — Загряжской сидел у нас вечер, в 10 часов сел я писать письмо к родителям и в 11 часов лег спать, проведя благополучно день.

13 октября. Суббота

Встал в 7 часов, напившись чаю, оделся и отправился с вместе с Васинькою, его оставил в дивизионной комиссии; откуда он отправился в Москву, а сам поехал к разводу, ибо был главным рундом, развод Паскевич делал в 10 часов. После одного был я на минуту у Яновского и сказал о дядюшкиной новости, к которому оттуда проехал, возвратясь домой — до обеда спал, после одного сидел у Гессе, потом занимался своими делами, играл на фортепьянах, разговаривал с Малютиным и напившись чаю, лег спать в 11 часов, проведя благополучно день.

14 Октября. Воскресенье

Поутру встал в 7 часов, выбрился, Николашка разсердил меня так, что я его побил, потом разбранил фельдфебеля за вестового. После того напившись чаю играл на фортепьянах. В 10 часов поехал к обедне в церковь Николы Морского, там никого не видел, приехал к дядюшке. Возвратился домой, до обеда играл на фортепьянах, после одного отправился к Гессе и читал 9-ю часть истории Карамзина,²⁴⁵ пил там чай,

играл на фортепьянах, пришел к себе прочел с Николаем Трагедию Кребильона *Atrée et Thyeste*²⁴⁶ и лег спать в 12 часов, проведя благополучно день и доволен собою.

15 Октября. Понедельник

Встал в 7 часов, напившись чаю ходил к Воропанову являться дежурным, потом был в роте и учил переднюю шеренгу 6-го взвода. Возвратясь домой, играл на фортепьянах, потом занимался щетами до обеда, после оного, не много посидев с Языковым, пошел к Кропоткину, возвратясь от него после чаю, настроил фортепьяно и в 10 часов ходил к Лаппе, в 11 часов отправился ночевать в дежурную комнату, проведя благополучно день.

16 Октября. Вторник

По утру напившись чаю был у Гессе, потом поехал в ломбард взносить за дядюшкины вещи проценты, чего сделать не мог, потому что там по вторникам сего не делают. Возвратясь домой не много играл на фортепьянах и сидел у Гангеблова, скучал между нескольких офицеров, перед обедом часа на полтора заснул. После оного выбрился и отправился сперва к дядюшке, потом к Яновскому в надежде попасть на концерт, но ошибся в рацете. Там однако сидел до 8 часов, видел Олинку. Придя домой, напился чаю, у нас был Харламов и я в 11 часов лег спать, проведя не так весело день.

17 Октября. Среда

По утру напившись чаю играл на фортепьянах и сел переводить, у нас назначено было осмирядное ученье, но оное отказали. Перед обедом ездил в ломбард взносить проценты за дядюшкины вещи, пришел к Заикину²⁴⁷ в лавку, поговорил о тетушкиных сочинениях,²⁴⁸ которые не берут даже по 5 рублей экзмпляр с меню на книги. — Возвратясь оттуда, обедал у Андреевых, где было собрано нашего и московского полка офицерство, отца и матери их тут не было, в 6 часов пришел домой и поехал к Блажиевским, где сверх чаяния нашел Добровольскую, хотел испробовать ее, показал ревность, и она очень мило мне отвечала. В 11 часов возвратился домой и в 12 часов лег спать, проведя благополучно день.

18 Октября. Четверг

По утру напившись чаю играл на фортепьянах, в 10 часов поехал к дядюшке, он мне дал комиссию свести 14 000 на почту, что я и исполнил, торопился на осмирядное ученье, но оно было отказано. До обеда играл на фортепьянах, после оног сидел у Гессе и занимался тем же, потом в 6 часов отправился ко Львову,²⁴⁹ где было много наших офицеров, я сел играть в вист с Гангебловым, Ламздорфом и Кожевниковым;

под конец игры поссорился с Ламздорфом, который от проигрыша стал выходить из себя и начал на меня кричать, я сам был разгорячен; но видя, что он безумствует, замолчал. После ужина в 12 часов отправились мы домой с разными шалостями, во всю дорогу резвились; ибо компания была многолюдна. В час лег спать, проведя день порядочно и доволен собою.

19 Октября. Пятница

По утру напившись чаю писал письма, потом отправился на ученье в роту, там пробыл часа два и возвратясь домой сел переводить, в чем и провел время до обеда, после одного пошел к Похвисневу, в 6 часов приехал к нам Константин Филатов, сидел до 10 часов, напились вместе чаю, а когда он уехал, я занимался чтением фортепьянной школы и лег спать в 12 часов, проведя благополучно день. Сего дня отправил письма к родителям, к Ракитиным и к Дядюшке Петру Петровичу.

20 Октября. Суббота

По утру напившись чаю играл на фортепьянах, потом занимался переводом до 2-х часов, после чего пообедал и отправился на ученье, которое делал Симанский у меня в роте, в 5 часов возвратился домой; читал не много, пока закладывали лошадь, потом поехал к Грибанову за шинелью, меня измочило дождем, отсюда я проехал к дядюшке, у коего сидел до 9 часов, приехав домой, напился чаю, у нас сидел старший Плаутин и потом пришел Ростовцев. В 11 часов лег я спать, проведя благополучно день. Кобяковы отправились сего дня в отпуск.

21 Октября. Воскресенье

Встал в 7 часов, напившись чаю, отправился выводить роту к разводу, после того занялся до обеда своими делами, тут отправился в церковь Николы Морского, куда приехала Перевозишкова, она была прошла меня; но увидя, сей час повернула и стала напротив, вскоре после приехала другая разряженная дама, уже пожилая, и во всю обедню глаз с меня не спускала. Когда молебствие кончилось, пошел я к Яновскому. Дочь его стала мне говорить о середе, что я с нею не танцевал, и из разговоров ее ясно можно было видеть, что она мною занимается; а я к ней чувствую отвращение, скоро пришла Олинька, которая была очень мила, но только бледна, она сидела с пол часа, пока пришли за ней, и говорила так умно и скромно, не похоже на прежнее. — Возвратясь домой, обедали в 3 часа мы двое и Офросимов, после того я часа полтора уснул, потом переводил до 10 часов. Николай ездил к Блажиевским, меня Яновская звала; но я отказался, и Олиньки там не было. В 11 часов напились чаю и в час я лег спать, проведя благополучно день.

22 Октября. Понедельник

По утру напившись чаю являлся к Воропанову; ибо был дежурным, после того играл на фортепьянах, ходил на съезжую выхлопывать сапоги, которые унесли в бане у моего унтер офицера. Придя домой, опять играл на фортепьянах, был у Козловых и оттуда пошел в роту, сидел также в дежурной комнате, дожидаясь, что Воропанов придет на ученье Ефрейторов; после обедал, просил Языкова за себя подежурить и отправился с Гангебловым делать для него закупки в дорогу. Возвратясь домой, настроил фортепьяно, потом, напившись чаю, поговорил с Ростовцевым и Харламовым и отправился спать в дежурную комнату, проведя благополучно день и доволен собою.

23 Октября. Вторник

Напившись чаю, ходил к Симанскому отпроситься от ученья, после того был на почте и заходил к Яновским. Возвратясь домой, оделся как можно лучше и пошел к дядюшке на крестины, где обедало человек 15 его гостей, крестил Блажиевский с Головниной,²⁵⁰ а по нездоровью оной с сестрою ея Лутковской, довольно милой из себя девицей. До шести часов пробыл я там, после поехал на концерт к Яновскому, где провел весьма неприятно время, потому что Добровольская, не знаю по какому поводу, была со мною очень суха. Возвратился домой в 11 часов и лег в 12 часов весьма скучен.

24 Октября. Среда

По утру, напившись чаю, играл не много на фортепьянах, потом, приняв фельдфебеля, пошел в роту, где наказал несколько солдат, одного за то, что пришел с караула не трезвым, другого за то что, не сделал мне фронта, а одного за венерическую, о которой не сказал, и одного шестой роты за многия пакости. После сего смотрел Ефрейторов, потом ходил домой переодеваться и возвратился в 8-ую роту, где Его высочество смотрел, Ефрейторов моих нашел лучшими в батальоне, домой пришли мы в два часа. Пообедав, я играл не много на фортепьянах, потом уснул часа на полтора, поехал к Блажиевским, там почти никого не было, но я нарочно резвился и просидел до 10 часов, возвратясь домой, напился чаю и лег в 12, проведя благополучно день.

25 Октября. Четверг

Напившись чаю, играл на фортепьянах, потом отправился в роту на ученье, сделал ращет караулу, потом, не смотря на дождь, ходил не много церемониальным маршем. Возвратясь домой, был у Симанского. Всем офицерам назначено было быть с представлением у Принца Вильгельма пруссаго;²⁵¹ я не ездил, потому что делал ученье. После того отправился к Яновским, говорил с Надеждой Николавной, и она дала мне почувствовать, что Добровольская ко мне не равнодушна, Ни-

колай Максимович помешал дальнейшим объяснениям, от них проехал я в 9-ю линию на Васильевский остров, где узнавал, какова поведением девка, за которую сватается мой солдат Емельянов. — Возвращаясь домой, в самых воротах сломался шкворень, и щастливо возжи не были запутаны, а то мне бы могло быть худо. После обеда сидел у нас Юдин, в 6 часов не смотря на ужасную погоду был я у дядюшки, от коего пришел домой в 9 часов и в 11 часов лег спать, проведя благополучно день.

26 Октября. Пятница

В семь часов встал и в 8 отправился на учење в конно пионерский манеж, где Симанский учил роту и крайне меня раздосадовал своими глупостями. Пришед домой напился чаю, потом написал письмо к родителям, занялся своим устройством, зделал каталог нотам своим. После обеда играли в вист до 6 часов, тут я выбрился, оделся и поехал с Николаем к Ахвердовым, где пробыл до 10 часов, возвратясь домой, напился чаю и лег спать в 12, проведя благополучно день.

27 Октября. Суббота

Напившись чаю, занялся своими делами и потом в 10 часов делал пример, как входить в сошки. В 11 поехал на учење в дворцовый экзерциргауз, где был пример развода. Оттуда проехал в Гостиный двор, искал мех для Ахвердовой обшить капот, нашел оный и отправился к ней, оттуда опять в Гостиный двор и потом домой, пообедав, уснул часа полтора, после того писал ноты, напившись чаю, играл на фортепьянах и лег спать в 12 часов, проведя день благополучно; но не доволен собою.

28 Октября. Воскресенье

Напившись чаю, являлся дежурным, потом, возвратясь домой, занялся своими делами, играл на фортепьянах, переводом, заклеивал батюшкин портрет, приходил Васильчиков. После обеда сели играть в вист и проиграли до 7 часов вечера, после того отправился я в дежурную комнату, там пробыл до 9-го часа, ходил в роту на переключку, возвратясь домой, напился чаю, походил по Гарновскому дому и в 12 часов лег спать в дежурной комнате, не очень хорошо проведя день.

29 Октября. Понедельник

В 5 часов утра пришел домой, выбрился, напился чаю, ездил к Симанскому и в роту, где нашел, что люди очень хорошо были одеты, потом в ½ 8-го отправился за знамен в аничковской дворец с Гренадерами. В одну ночь выпал такой снег, что все сего дня ездили на санях. На

примере развода был великий князь, и кроме 8-й роты был доволен всеми и нас троих благодарил²⁵² в 10 часов Паскевич сделал развод; <на> ученьи никого не было и я сменил Семеновского Штабс капитана Падейского,²⁵³ со мною были в карауле Батуцкий и Плаутин. Перед обедом я уснул, после оного разболелась у меня очень голова, во весь день сам ходил ровнять ружья; так же и во всю ночь. Симанского у зори не было; в 10 часов я уснул, — головная боль стала меньше, и я очень был рад, что развод свалился с плеч.

30 Октября. Вторник

Поутру встав в 7 часов к зоре и после того напившись чаю, оделся почище, в 9 часов отправился рапортовать к коменданту. В 10 часов сменил меня Егерской Батурин,²⁵⁴ при смене там никого не было. Возвратясь домой, вскоре принужден был идти к тетушке, которая уговорила меня ехать обедать с нею к Ахвердовой, что я и сделал, там видел Мордвинову меньшую, которая мне очень понравилась. После обеда скоро уехал домой и потом в концерт к Яновскому, где была и Добровольская, и довольно со мной благосклонна, сверх того было довольно девиц, в 10 часов возвратился домой и в 11 часов лег спать, проведя благополучно день.

31 Октября. Среда

По утру в 8 часов встал и принял фельдфебеля и сделал такое распоряжение, чтобы унтер офицеры и ефрейторы сами учили новый шаг,²⁵⁵ на что им дал неделю. — После чаю хотел было заняться по серьезнее, как пришли печники поправлять печь, и так у меня нагадили сажей, что целое утро должен был очищать и обметать, перед обедом занялся я не много своими делами. — Пообедав, выбрился и отправился сперва к Яновским, там посидел час, потом к Блажиевским, и так как не было Добровольской, то возвратился домой в 7 часов, напившись чаю, сели с Лаппою и Гангебловым в вист и проиграли часов до 2-х, тут я лег спать, проведя благополучно день, не доволен собою.

1 Ноября. Четверг

Напившись чаю, играл на фортепьянах, потом отправился в роту смотреть ранцы, там наказал одного солдата за то, что он мертвецки был пьян вчера вечером. Возвратясь домой, разобрал фортепьяно и после того отправился на осмирядное ученье; придя домой, пообедал и приведя у себя все в порядок, поехал к дядюшке, у него пробыл часа полтора, потом был в бане, из оной прошел в роту, взял солдата, дал ему штоф и велел идти в провиантскую команду, что стоит в Барщева доме, там взять вина, сам остался у ворот, через 10 минут вино было принесено, и так я отправился к фельдфебелю этой команды, показал

ему продавца и обещал пожаловаться своему начальству. Оттуда я пришел домой и напившись чаю лег спать, проведя благополучно день и доволен собою.

2 Ноября. Пятница

По утру, напившись чаю, занялся своими делами до 11 часов, тут приехал в полк великий князь, и я пошел в роту, написав письма к родителям. У нас было назначено 8-рядное учение, но его отказали; в роте у меня произошла сшибка с Симанским, возвратясь домой, я играл на фортепьянах, потом, пообедав, отправился к тому мастеру, что мне делает сани, и потом к Гинцу, у котораго сидел с час, волочился за его дочкой и щупал ее кой где. Возвратясь домой, играл на фортепьянах и занимался разными делами, лег спать в 12 часов, проведя благополучно день и доволен собою. Вот опять уже два дни, как я оставил курить табак, что делал месяца два.

3 Ноября. Суббота

По утру, напившись чаю, занялся своими делами, играл на фортепьянах, потом переводил, в 10 часов пошел в роту на ученье третьяго разряда, возвратясь оттуда, переоделся и отправился на 8-рядное ученье. На оном крупно посорился с Симанским, просил у него перевести меня в другой батальон, пришел по приезде Генерала говорить ему; ибо нет никакого способа командовать ротою у такого начальника. — Обедал у нас Васильчиков, после обеда я с пол часа уснул, потом ездил к Гинцу, там волочился за его дочкою, был у Скосырева за кутасами, возвратясь домой, играл с Гангебловым и Лаппою в вист часу до 1-го и выиграл около 13 рублей, после сего лег спать, проведя день в большом неудовольствии от утренней истории.

4 Ноября. Воскресенье

По утру, напившись чаю, играл на фортепьянах, потом отправился в Никольскую церковь к обедне, оттуда пошел видеться с Шверином и оставил его на половине дороги, отправился к Яновским, где просидел часа два с лишним, говорил с Надеждой Николаевной и зделал ей маленькую декларацию, так как напернице, и она мне ответила за свою подругу, которая также пробыла тут с час до сего разговора. — Возвратясь домой, после обеда отправился к дядюшке, где была Ахвердова на минуту, и там пробыл до 10 часов, играли в четвером в бостон по денежке. Придя домой, лег спать в 12 часов, проведя день благополучно.

5 ноября. Понедельник

Напившись чаю, с час время разговаривал с Гангебловым на щет наших Государей, и утверждал что Петр Первой, зделал от части много

вреда, переменяя из предубеждения нравы русские на нравы иностранцев, и что никогда не надобно искоренять усиленно предубеждение целому народу общий; ибо это значит потрясти свободу каждого в особенности и действительно сделать несчастье более для тех, кои по твердости правил своих и характера всегда будут сопротивляться властям, кои благоразумными мерами может пользоваться от столь высокой добродетели, обратя оную на другие предметы, я нахожу что Александр заслуживает себе славу в потомстве или большую, по крайней мере равную славы Петровой. После разговора сего пошел я на ученье унтер офицеров и Ефрейторов, которым дал свободу самим выучить маршировать по новой методе, — и нашел их весьма порядочными, кроме Еремкова и Короткина, и приказал дать им по чарке вина. В 2 часа полковник делал в роте ученье. В три пришел домой, обедал у нас Башуцкий и Кропоткин, до 5 часов Башуцкий играл на фортепьянах, после того оделся я в новый мундир и поехал к Николаю Семеновичу Мордвинову,²⁵⁶ тетушка²⁵⁷ была там и меня представила, вечер провел я весьма приятно в общих разговорах, семейство Мордвиновых прекрасное, они меня приняли довольно ласково. Пробыв там до 10 часов, я не видал как прошло время; возвратясь домой, играл на фортепьянах и лег спать в 12 часов, проведя благополучно день и очень доволен собою.

6 Ноября. Вторник

По утру, напившись чаю, пошел к выводу рот для караула 3-его отделения, после того в 10 часов пошел на ученье ефрейторов, возвратясь домой, хотел не много уснуть, ибо рано встал, но меня разбудили вестовые, с которыми ходил к Воропанову. Придя домой, стали обедать, Протасьев с нами. После обеда почитал часа полтора, потом велел я заложить свои сани, которые сегодня привезли, и отправился с Гангбловым в главную гаубтвахту, там посидел минут десять, отправился к Яновским и пробыл до 10 часов, возвратясь домой пешком, напился чаю, написал письмецо и лег спать в 12 часов, проведя благополучно день.

7 Ноября. Среда

По утру, напившись чаю, играл на фортепьянах, потом в 10 часов оделся — являться дежурным к Генералу, который приехал вчера вечером, но он еще не приехал от великого князя, и так я пошел в дежурную комнату, оттуда ходил в 8-ую роту, где полковник смотрел Ефрейторов, потом в 2 часа был у генерала и отпросился уже вечером ехать со двора, после обеда не много уснул, в 6 часов отправился к дядюшке, у него напился чаю и отправился с ним вместе к Блажиевскому, там не было Добровольской; я немного танцевал, и более с меньшею Трутовой. В 10 часов возвратился домой, нашел у себя кой кого из офицеров, просидел еще час дома и пошел спать в дежурную комнату.

8 Ноября. Четверг

По утру в 8 часов пришел домой, напившись чаю, проводил Гангелова в отпуск, после того настроил фортепьяно, в 10 часов пошел к обедне в полковую церковь, потом заходил в роту. По возвращении домой — приехали к нам Окуловы, потом пришли кой кто из офицеров; в 2 часа поехали мы к дядюшке, от него ходил я к тетушке, где видел Ахвердовых, у дядюшки обедали Яновский и Блажиевский и тетушка, после обеда играл я в бостон, тут приехали Яновский и Блажиевский, вечером был у нас преживой разговор на щет женщин, который продолжался до 10 часов, после оного разошлись по домам и я лег спать в 11 часов, проведя благополучно день и доволен собою.

9 Ноября. Пятница

Напившись чаю, отправился, написав письмо к родителям, на почту; ибо надлежало переслать вексель, после того приехал в роту на одиночное ученье, где Полковник²⁵⁸ зделал мне выговор за то, что я не с утра в роте, а пришел после него. — В 12 часов пришел домой, в час по ошибке пошел на ученье, которое полковник назначил моей и 8-й роте в пионерском манеже в 2 часа; для чего в сие время вторично прибыл в манеж, ученье было прескверное; ибо люди как кажется нарочно делали скверно. — Я на них прикрикнул, пошло лучше, но всё таки плохо, и я, признаться, крайне огорчился тем, что полковник может довести нас до крайних неприятностей. После ученья заходил в роту и говорил людям почти со слезами, которых не мог удержать, и когда пошел из роты видел, как люди метались мне отворять двери. Тут обедали мы и Павловской старший Окулов с нами, после был Юдин и уговаривались, как завтра идти к Генералу. Потом до чаю уснул часа два, после того играл на фортепьянах и просидел до 11 часов, тут лег спать, проведя благополучно день.

10 Ноября. Суббота

Встал в 6 часов, выбрился, занялся своими делами и переводом, потом в 8 часов отправился в Аничковской дворец, где Его высочество принимал моих вестовых и был ими доволен, и сказал, что находит вообще что 9-я рота делает большия успехи в сравнении с прочими ротами. Оттуда проехал с Плаутиным на Щукин двор, потом к нему, возвратясь домой, переоделся и пошел на ученье в роте, зделал пример развода перваго отделения; Симанский же по всем ротам кроме моей сам ходил и делал не померные глупости, ращитывал людей на десятки, бил сборы, запирал людей по покоям и приказывал по барабану выбегать. Обедал я дома и почти целый день сидел у нас Юдин, соглашались вечером идти к Генералу доложить ему, что у нас в батальоне делается. — В 6 часов пришел Литвинов, потом мы пошли к нему, я еще в первый раз познакомился с его женой, от него в четвером пошли

к Генералу, говорили с ним откровенно и рассказали все формально, что имели ему сообщить, это его крайне удивило; ибо он не ожидал стольких глупостей — от Симанского, принял нас впрочем дружески и обещал стараться все устроить сколь возможно, просил не говорить ни кому, что мы ходили; ибо запрещено принимать им всякого рода жалобы. От генерала пошли мы пить чай к Литвинову, у него жонка премилая, в 8 часов пришли домой, а в 9 сели Юдин, Ростовцев, Лаппа и я по 5 рублей в вист, и я выиграл 11 рублей — кончили игру в час ночи, и я лег спать, проведя благополучно и довольно щастливо день.

11 Ноября. Воскресенье

Встал в 8 часов, занявшись своими делами, напился чаю, потом расщитывал роту по десяткам, в 10 часов пошел к обедне в Никольскую церковь. — Возвратясь домой, занимался своими делами до 2-х часов, тут оделся в новый мундир и отправился к Мордвиновым, у них просидел до 6 часов вечера и не так было весело, как прошлый раз, — были кой кто гости. От Мордвиновых заехал на короткое время к дядюшке, потом приехав домой ходил по Гарновскому и напившись чаю лег спать в 10 часов, проведя благополучно день, не совсем доволен собою.

12 Ноября. Понедельник

По утру встал в 7 часов, занялся с фельдфебелем, потом своими делами, ходил к Симанскому отпроситься, чтобы не ходить во фронте; ибо в разводе первого отделения участвовать не буду. Симанский совершенно переменял обхождение. Отпустил, оттуда заходил на минуту к Литвинову и Штакельбергу, потом отправился в роту. — В половине 11 поехал на почту получить деньги, присланные батюшкой Анютке дядюшки Ивана Петровича, оттуда заехал к Яновскому, и Надежда Николавна требовала, чтобы я возвратил ей кольцо, данное Добровольской мне, чего я не сделал, а обещался сам отдать. После того поехал на учење, где был генерал, в дворцовом манеже делали примеры развода, мои ходили порядочно. Под конец приехал Великий князь, я ему первый попался, он подозвал к себе, спросил ласково, здоров ли, потом сказал: я доволен, благодарю тебя за твое усердие и старание, рота твоя удивительно поправилась, я твоею службою весьма доволен; на сие отвечал я, что всеми силами готов стараться исполнить свою обязанность и служить. Государь Великий князь прибавил: я в этом совершенно уверен и, поверь, всегда был уверен, после сего обнял меня под мышку и поцеловал. Хоть я никогда не ищу отличной ласки, ибо знаю, что она не может доставить всегда прочного одинакового щастья, но признаюсь, ласка сия была мне крайне приятна и тем более, что подойдя к роте увидел я, как это людям было приятно, следовательно, они меня любят, — а не любя начальника, поощрение ему принимают они

хладнокровно.²⁵⁹ Приехав домой, пообедал, после того пошел к дядюшке, был у тетушки Анны Петровны, слушал длинные ее жалобы и молчал, оттуда опять прошел к дядюшке и пробыл у него почти до 11 часов. Возвратясь домой, нашел у нас Загоскиных Василья и Алексея²⁶⁰ и просидел с ними до часу, тут лег спать, проведя день благополучно и доволен собою.

13 Ноября. Вторник

По утру встал в 8 часов и одевшись отправился в комиссию военного суда, учрежденную над рядовым третьей роты за жалобу в ордонанстауз. — Суд проводили в квартире презуса Воропанова,²⁶¹ и велено было оный кончить в 24 часа, потому и назначили другое собрание — в час пополудни. Возвратясь домой, в 10 часов занялся своими делами, играл немного на фортепьяно, потом в час был недолго у Штакельберга и отправился опять в суд. По допросу, подсудимому зделанному, оказалось, что много виноваты фельдфебель и капитан, а так как приказано нам было судить в 24 часа, т. е. осудить, мы не делали следствий, а основывались на следственном рапорте Симанского, присудили его лишить живота, за отлучение от роты после зори и во время дежурства. — Придя домой, в четыре часа пообедал и после того оделся и отправился к Яновскому, приехал рано, нашел Надежду Николаевну нездоровую; она объявила мне, что Добровольская требовала кольцо обратно, потому что ей сказали, будто бы я его показывал; я в том оправдался, и она мне сказала, что кольцо можно оставить у меня. У Яновского пробыл до 11 часов, слушал музыку и провел время довольно весело. Добровольская со мною была поласковой; но все гораздо хуже прежнего. В 12 часов возвратился я домой и лег спать, проведя благополучно день.

14 Ноября. Среда

По утру встал в 8 часов ровно и пошел в комиссию военного суда для окончательного решения дела и суд свой подписал к 9 часам, было несколько споров и мы кой как зделали дело, то есть сколько скорость позволяла. — Гене<рал?> в суде было не много разгорячился и стал мне говорить дерзости, но я ему напомнил, что мы в суде. В 9 часов перехватил не много холодного чаю, отправился я с Воропановым к разводу первого отделения нашего батальона; нашли уже там великого князя; разводом был он доволен и тут объявил нам, что мы идем в Ропшу 20 числа на смену 2-х батальонов.²⁶² — Возвратясь домой, лег спать и проспал до обеда, тут призвал к себе солдата Меркула Григорьева и бранил его за неосторожное слово, сказанное им в роте. — После обеда занялся своими делами, в гости поехал к дядюшке, от него к Блажиевскому, там были Долоки, Добровольской не было, с меньшою Долокою я много танцевал и вообще со всеми более обыкновенного. В 12 часов возвратился домой и напившись чая лег спать, проведя

благополучно день. В приказе сегодня сказано, что мы идем 18 числа, то есть в воскресенье, и пробудем до 1-го апреля, с 1 апреля по 1 августа 2-й батальон, с 1 августа по 1 декабря — первый, и эта очередь пойдет на всегда.

15 Ноября. Четверг

Встал рано, являлся дежурным, потом написав у себя письма к родителям и Гангеблову, пошел в роту делать распоряжения свои — потом, возвратясь домой, ходил к Симанскому. После обеда немного уснул, в пять часов отпросился у генерала отлучиться от полку, оставя брата дежурить переводом, и отправился к Мордвиновым, у них были кое кто и я провел время весьма приятно. Наталья Николаевна²⁶³ мне очень нравится и я очень жалею, что не могу надеяться на счастье когда либо жить с нею вместе. Придя домой напился чаю в 10 часов. Плаутин сидел с нами до 12 часов. Я играл на фортепьянах и пошел спать в дежурную комнату.

16 Ноября. Пятница

По утру, напившись чаю, занялся своими делами. В 10 часов был в роте, наказал Вокулина за то, что прошел не в ногу в разводе. После этого поехал я к тетушке, она учила меня, как понравиться Мордвиновым, говорила, что Наталья Николаевна все собиралась со мною разговаривать, но по застенчивости не могла. От тетушки поехал к дядюшке, потом на почту, оттуда к Яновскому, куда пришла Олинька, только кажется я ее не интересую. В 2 часа поехал по лавкам, возвратился домой в 4, перемерз, тут все уже собрались обедать и мы в последний раз обедали артелью. После того я немного уснул вечером. Делал щеты. У нас сидели много офицеров до 11 часов, тут я лег спать, проведя день благополучно, но недоволен собой.

17 Ноября. Суббота

По утру напившись чаю собрал все вещи к отправлению, в 11 часов поехал к Яновскому, там не было Добровольской, потому что она немного посорилась с Надеждой Николаевной, я препоручил Яновской объяснить Олиньке, что я ее люблю, при первом удобном случае. После того поехал к Мордвинову сыну²⁶⁴ с ним проститься, а оттуда я поехал к тетушке, где был Федор Николаевич Глинка;²⁶⁵ обедал я у дядюшки. Александра Петровна очень нездорова лихорадкой, от того я скоро ушел, заходил к тетушке вторично, она мне рассказала, может быть и несправедливо, как Наталья Николаевна Мордвинова собиралась со мною завести разговор, как жалела о нашем походе и как осуждала, что нас посылают по деревням, где может терпеть наша нравственность. Придя домой в 5 часов пополудни, я до 2 ночи устраивался со своим имуществом, солдаты сделали мне в полтора часа ящик для фортепьяно, и я в 12 часов отправил свои пожитки в Витино. После

этого лег спать одетый у себя на диване шинель в головах и уснул крепко, ибо усталость меня приготовила к доброму сну. День провел благополучно, в 8 часов ходил в роту на переключку.

18 Ноября. Воскресенье

В 6 часов встали и отправились в путь напившись кое как чаю, за заставу проводили нас офицеры нашего батальона, а там остались только Юдин, Николай и Плаутин 1-й, который был оставлен, но по болезни Литвинова послан стать в Ропшу. У Красносельска мы сделали привал, Симанский поил нас кофеем, которого я однако не пил, после того стали мы на квартиры за две версты от Стрельны в монастырском имени, переход все ехали мы на санях за батальоном, придя на место, поехали к Бехтееву, но не застав его дома, остановились в трактире, где была премиленькая хозяйская дочь. Мы обедали с Симанским в пятером, там съехались с Рамбургом. В 5 часов поехали мы на свою квартиру, спали до 8, потом попивши чаю опять легли спать в 11 часов. В избе так было жарко, что я спал на полу.

19 Ноября. Понедельник

В 5 часов встали и пошли в поход. Целую ночь шел сильный дождь и зделалось так скользко, что люди едва могли идти и беспрестанно падали. К свету дотащились мы до Разбегаева, где сделали небольшой привал, и пошли до Ропши. Сегодня переход делали по ротам, от Разбегаева дорога так зделалась скверна, лед и камень, что лошадь моя худо кованая не могла нас вести и я шесть верст сделал пешком. В Ропше распустил людей по квартирам; а сам отправился к Николаю, который стал у Егора. Напились чаю, тут я немного уснул, потом пообедали, Лебедев с нами, и отправились все вместе к Юдину, потом к Симанскому, где настроил фортепяно, оттуда прошел к Лалаеву, после возвратился домой. В 8 часов напились чаю и отправились Юдин и Похвиснев с нами же на посиделки, где я все время сидел возле Феклы, целовал ее, и она обещала в воскресенье назначить мне свидание. Оттуда пришли мы в 11 часов и легли спать, проведя день благополучно.

20 Ноября. Вторник

Ночь спал не так покойно, потому что по полу, на котором я спал, ужасно несло холодом. В 7 часов напился чаю, написал письмо к родителям и отправился в Витино в большом беспокойстве от скверной дороге; опасаясь испортить лошадь и сани, решили ехать проселками до Волосова, где на минуту останавливался, ехал я изрядно потом до Волосова и наконец в первом часу прибыл к себе на квартиру в избу Дмитрия, которую я нашел весьма неблагообразною, напившись чаю, принялся все очищать и к 5 часам устроил себе что-нибудь по порядочнее, тут играл на фортепьянах, потом раскладывал пасьянс, занимался сво-

ими делами. После чего читал историю Карамзина до чаю и после того играл на фортепьянах, тем и кончил день в 10 часов, проведя благополучно день, довольно приятно сверх всякого сомнения и доволен собою.

21 Ноября. Среда

Ночь спал не очень покойно, встал в 7 часов, выбрился, напился чаю и позвал солдат и начал отделявать квартиру, в чем и провел время почти целый день, с четырех часов до шести мыли у меня избу, потом я настраивал фортепьяно. Московского полка 6 рота стала на ночлег в деревне, и я ходил на минуту к Лореру²⁶⁶ капитану оной, в 10 часов напился чаю, раскладывал пасьянс и в 11 часов лег спать, проведя благополучно день — не совсем доволен собой.

22 Ноября. Четверг

По утру напившись чаю играл на фортепьянах, потом зачал я обклеивать у себя избу бумагою, в чем и провел время до шести часов по полудни. По утру послал я по прозьбе мужика Василья Антонова прежнего хозяина моего письма к Лебедеву, в котором просил его прислать какое нибудь лекарство для больного Антонова. Лебедев сам приехал после обеда и мы вместе провели вечер, читали, я играл на фортепьянах и в 11 часов лег спать на полатах, проведя благополучно день и доволен собою.

23 Ноября. Пятница

Поутру напившись чаю принялся опять обклеивать избу и с большим трудом мог оклеить потолок, в 2 часа мы отобедали и отправились на ратке в Ропшу на моей лошади. Погода была прескверная, снег шел пресильный при большом ветре. Я был в холодной шинели и весь замерз, приехав к Николаю, нашел у него Плаутину. После чаю в 7 часов отправились с Лебедевым на посиделки, никого там не нашли и я скоро возвратился домой. Долго разговаривал с Николаем, потом читал стихи *Mort de Socrate par La Martine*²⁶⁷ и нашел, что они очень хороши за исключением начала, которое показалось мне отменно сухо. В 11 часов лег спать, проведя благополучно день и доволен собою.

24 Ноября. Суббота

Напившись чаю, выбрился и отправился в 10 часов к Плаутину в Липицы. Прежде чего читали вместе с Николаем *Les Romans de Voltaire* и рассуждали втроем с Лебедевым о разсудке, о душе и о вере, Лебедев совершенно имеет одинаковый образ мыслей со мною. У Плаутина были мы недолго. Приехав от него, читали странный приказ Симанского, в котором он требует, чтобы ефрейтор и унтер офицеры два дня через двое суток учились в Ропше, что и составит мне надобно двое

суток жить в Витино, двое в Ропше, это меня раздосадовало крайне. Обедать поехали мы к Лалаеву, ибо Катерина Матвеевна²⁶⁸ имьянница. Целый после обеда играл в бостон и проиграл 10 рублей, а под конец вечера в шимель проиграл 40 коп. В 12 часов возвратился домой и лег спать, проведя день благополучно, но не совсем приятно по милости распоряжений Симанского.

25 Ноября. Воскресенье

По утру в 7 часов напился чаю и отправился к себе в Витино; завтракал в Глухово, осматривали там расположенное отделение. Приехав домой, крайне удивился, что квартира моя опустела, хозяева ушли из маленькой избушки в баню. Я призвал к себе Дмитрия, побранил его, сделал свои распоряжения, приказал сделать печку в маленькой избушке; обедал в 8 часов. Потом после обеда читал, делал сторы к окошку и в 10 часов лег спать, проведя благополучно день.

26 Ноября. Понедельник

Поутру напившись чаю довольно рано оделся и отправился к Завадскому,²⁶⁹ заехал в Антоши, где стал десяток моей роты, нашел крестьян столь бедных, что решил вывести назад людей оттуда. У Завадского нашел Адлерберга²⁷⁰ и Аничкова московского полка.²⁷¹ Обедали по обыкновению в 10 часов. После того еще сидели там до трех часов, и мы так сладили опять с Семеном Семеновичем, что он прислать обещал кирпичу для строения печи и дал печника. Возвратясь домой, лег спать, проведя день благополучно, не очень доволен собой.

27 Ноября. Вторник

По утру, напившись чаю, отправился на ученье третьего разряда первого отделения и побил Ананьева за оправление и непослушание. Возвратясь домой, заставлял мальчишку сына моего хозяина читать. Перед обедом читал историю Карамзина. После одного оклеивал окна и настраивал фортепяно, вечером, напившись чаю, отправился сидеть к Матвею в избу, пробыл там до часу, после того девки пришли оттуда ко мне, играл для них на фортепянах и в 2 часа лег спать, проведя благополучно день и недоволен собою.

28 Ноября. Среда

По утру мне очень не хотелось вставать, однако я выбрился еще при огне, напившись чаю отправился на ученье во втором отделении, потом учил мальчишек грамоте, после того до обеда читал Карамзина Историю и сам готовил себе кушанье, после обеда лег спать и уснул часа на два, потом опять занялся с мальчишками, играл на фортепянах, читал, в 9 часов хотел отправиться к Матвею сидеть, но ко мне пришли все бабы наши и Матвеевы и Пелагея, пили чай и сидели до

4 часов по полуночи, у Матвея остановился на ночлег какой то ямбургский винной смотритель поляк и приходил также ко мне. — С девками много врал всякого вздора и с Феклюю и Пелагеею играл и шуupal их. — Лег спать в 4 часа, проведя благополучно день и доволен собою.

29 Ноября. Четверг

Поутру встал в 6 часов, напился чаю, отправился в Ропшу, куда прибыл к свету. На дороге встретил Лалаева и Плаутина, поехавших на охоту. Напившись чаю, у Николая нашел Гудима, пришедшего с георгиевскими кавалерами, читал я письма от родителей и тетушки Анны Петровны,²⁷² после того был у Симанского, отпросил не водить людей в Ропшу на учение каждые четыре дни, а только в 8 дней раз. Придя домой, уснул часа полтора, затем ходил в манеж учить ефрейторов. После учения пообедал и лег спать, в 5 часов встал и пошли мы к Юдину, у него напиться чаю и отправились по поседкам; но нигде не были долгого времени, потому что кучера и харчевники нам помешали, возвратясь домой, еще с час поболтали и я лег спать в 11 часов, проведя день благополучно и доволен собою.

30 Ноября. Пятница

Поутру в 8 часов напился чаю и в 9 отправился на ученье Ефрейторов, в 10 Симанский приехал учить и продержал нас в зале до половины 3-го. Ефрейторами моими был доволен. — Возвратясь оттуда, заходил я к своим больным, после того обедал вместе с Лебедевым, а Николай с Юдиным ушли к Плаутину. После обеда отправился я в Витино, тотчас по приезде напился чаю, дал приказание фельдфебелю и в 6 часов пошел к Матвею на поседки, там пробыл до 2-х часов по полуночи, беседовал с хозяйками своими — придя домой, лег спать и заснул как убитый.

1 Декабря. Суббота

Встал поздно и напившись чаю смотрел отделенных унтер-офицеров, как они ходят новыми шагами, дал им подробные правила и отпустил домой. Сергея Андреева посадил под арест за то, что обвинил его в беспорядке идущего с командою и за то, что у Красноперова в Кипени пропало ружье. Красноперову приказал купить ружье, сидеть сутки под арестом и служить без ружья впредь до приказания. После того поверял артельные книжки, учил мальчишек грамоте, и так время подошло к обеду, после коего сидел все у печки и растапливал оную долго; ибо сырые дрова медленно горят, после того был в бане. Придя из оной, напился чаю и занялся своими делами, играл на фортепьянах и лег спать в 11 часов, проведя благополучно день, не совсем доволен собой.

2 Декабря. Воскресенье

Встал в 7 часов, выбрился, напился чаю, оделся и отправился в Дятлицы к обедне. Проехав кусты, должен был ехать с версту целиком, так что лошадь насилу могла выдраться. Перед обедней заходил к попу, после, возвращаясь домой, посадил с собою одну из хозяек Авдотью. До обеда учил ребятишек и писал письма к родителям, после одного читал Карамзина 9-й том и кончил. К вечеру собрались песельники и пели довольно долго, я им дал по два стакана вина. Вечером опять писал письмо свое в ответ на требование батюшки дать совет ему на щет управления именем; я совершенно отказался от давания советов, а уверял, что для меня все равно, ибо оно истинно так и есть, между прочим описывал чувства свои и о брате мысли, после чаю много играл на фортепьянах и пел. В 10 часов пришли ко мне Марья и Авдотья сидеть, а в 12 Фекла и Степанида; Марья просилась перейти за переднюю отгородку и там ночевать, но я не согласился; кажется, что она ко мне не равнодушна, теперь уже начала целоваться со мной, когда никого нет. Мы сидели до 3 часов, я раскладывал пасьянс, а они болтали. Тут лег спать, проведя день благополучно.

3 Декабря. Понедельник

Проспал до 9 часов, приняв фельдфебеля, напился чаю, потом учил мальчишек грамоте, после того занялся своими делами, в 12 часов отправился в Ропшу, в намерении проехать в Петербург. Приехал прямо к Симанскому — отпросился в Петербург до пятницы, в которую моим ефрейторам назначено ученье. Оттуда прошел к Николаю, который объявил, что мы все обедаем у Плаутина, когда все офицерство собралось, мы отправились все вместе в Липицы, кто пешком, кто на мужицких дровнишках. У Плаутина я уснул не много после обеда. Потом напившись чаю возвратился домой, отдал нужные приказания в роту и в 10 часов лег спать, проведя благополучно день.

4 Декабря. Вторник

В три часа утра мы поднялись и напившись чаю в четыре отправились на одной моей лошади в Петербург втроем я, Николай и Кирюшка. Дорогою все филозофствовали, говорили о семейных наших делах, и так приятно прошло время, что неприметным образом доехали до Стрельны, не хотев утрудить лошадь, я остановился в монастырской деревне у Морозова кормить, пробыл два часа, с час уснул и потом поехали далее, в Петербург прибыли ровно в 11 часов, пристали у Малютина сейчас нам сказали новости, что о Беклешове и Блохине²⁷³ было в приказе, они уволены в отставку, Козлов Николай выходит к Татищеву²⁷⁴ в адъютанты. В 12 часов я отправился к тетушке Анне Петровне и с нею просидел до двух, она мне рассказывала о страсти Глинкиной к Наталье Николаевне, которая его терпеть не может. После того по-

шли мы обедать к тетушке Александре Петровне, там все обедали — в 5 часов отправился я опять в Гарновский, оделся в мундир и в 7 часов поехал к Яновскому, где был дядюшка и Александра Петровна скоро приехала. Сперва слушали музыку, которая нынешний раз была отличная, было много народа. Добровольская из коса на меня поглядывала, но я не знаю чему и приписать, кокетству или привязанности, только я был совершенно скучен и сонный; после танцевала Добровольская очень мало со мною, когда же все разъехались, она долго со мною разговаривала; но как кажется, все ее слова суть кокетство, а на деле только старается манить меня, чтобы чаще у себя видеть; ибо <не> любит меня, как кажется. В час возвратился я ночевать к Языкову и как убитый заснул проведя день и так и сяк.

5 Декабря. Среда

Миропомазание принцессы Шарлотты.²⁷⁵ Встал в 8 часов, напившись чаю еще немного уснул, потом в скуку шатался по Гарновскому; ибо никого из офицеров не было дома, все поехали во дворец на церемонию, одни Эсенны были у себя, <из> Оренбургской вчера возвратились из отпуска. В три часа пополудни наконец приехал Мартынов, я у него побывал и отправился потом к дядюшке, они уж отобедали, мы после с Николаем поели. Вечером приехал Лалаев, и напившись чаю, в 7 часов поехал я к Блажиевским в надежде видеть Олиньку; но обманувшись в расчете, увидел глупость свою и решился оставить дурачества, играли вечером в фанты, и я был довольно весел и забавлялся до 10 часов, под конец приехал Николай и мы возвратились домой от дядюшки в 11 часов и я лег спать, проведя благополучно день и доволен собой.

6 Декабря. Четверг

Обручение Вел. князя Михаила. Поутру напившись чаю, ездил поздравлять Яновского с именинами, его не видал, а посидел у Надежды Николаевны, видел на минутку Добровольскую, обошелся с нею холодно, объявил Надежде, что уже не буду больше дурачиться, и уехал через пол часа, зделал закупки и возвратился к дядюшке, тут написал письма, потом был у тетушке Анне Петровне, в 2 часа мы обедали, я получил от Гангеблова деньги и письмо. В четыре часа выехали мы от дядюшки в Ропшу и трусцой ехали до Стрельны, несмотря на сильный ветер, который выводил из терпения, особенно Николая брата. На четвертый час заходили к Морозову. Проехав Стрельну, за четыре версты пересели на почтовых, возвращавшихся на станцию, и поехали довольно скоро, но моя лошадь ни мало не отставала и приехала в одно с нами время и не очень устала. Тут напились мы чаю с Николаем и тотчас легли спать, в дороге всего мы были четыре часа с четвертью.

7 Декабря. Пятница

Поутру в 7 часов встали, я так озяб ночью на полу, с которого ужасно дует, что ушел в другую комнату на печку. Напившись чаю, отправились на мызу, получили письмо от родителей, где особого ничего не пишут. Заходил в залу смотреть Ефрейторов и нашел, что они плохи, сказал о том Симанскому, он не пошел сам смотреть, а позволил мне с ними заняться, и действительно я занимался до 3 часов — тут возвратился к Николаю, пообедал и отправился в свое Витино, заехал в Кипень за воткою и вином, приехал домой в 5 часов, напившись чаю, немного настраивал фортепяны, потом хозяйка пришла сидеть со мною, Марья с мужем перешли ко мне в избу жить. Я просидел до часу по полуночи и лег спать не очень доволен собою.

8 Декабря. Суббота

По утру, напившись чаю, настраивал фортепяны, потом пошел на учење Ефрейторов 1-й очереди 1-го и 4-го отделений, учил их часа два и был доволен. Возвратясь домой, наконец уладил фортепяна свои, потом учил Ваньку писать. После обеда немного уснул, потом учил писать Листратку и читал с обоими, оконча это отправился в баню. Ильин солдат, у меня прошлого года живший, мне все приготовил в оной как нельзя лучше. Придя из бани, напился чаю, занялся щетами, потом своими делами до 10 часов вечера. После того поиграл на фортепянах, занялся своими делами и лег спать в 11 часов, проведя благополучно день и весьма доволен собою.

9 Декабря. Воскресенье

Встал довольно рано, выбрился, напившись чаю ходил перед роту, читал приказ Паскевича, выбирал круглые усы, потом играл на фортепянах, потом переводил перед обедом, сам варил себе кашу, после обеда пришли песельники и пели у моей квартиры с пол часа, потом учил ребятишек писать и читать, после переводил, в 4 часа пришли ко мне сидеть хозяйки, я напился чаю с ними, потом играл и пел, в час лег спать, проведя благополучно день и доволен собою.

10 Декабря. Понедельник

Встал в 9 часу, напившись чаю, отправился на учење второй половины ефрейторов первой очереди, нашел их весьма порядочными, после того, возвратясь домой, учил ребятишек грамоте. После обеда ездил в Глухово и все нашел там исправно, приехав домой, не много уснул, в 5 часов сел переводить. Тут собрались ко мне бабы сидеть с прялками, я читал Дюкло, после играл на фортепянах и кончил вечер в 2 ½ часа, проведя благополучно день и доволен собою.

11 Декабря. Вторник

Встал в 9 часов, напившись чаю, отправился на ученье ефрейторов 2-й очереди и нашел их порядочными, возвратясь с ученья тотчас поехал в Переярово осматривать 3 отделение — там пробыл с час, покуда завертывали оглоблю у моих саней и пока успел я обойти тамошний <нрзб 1 слово>, или ригу и уехал. Приехав домой, сел переводить, потом обедал. После уснул часа полтора, вечером учил ребятишек грамоте, настроил фортепьяно, остаток времени до 2 часов ночи сидели со мной Авдогья и Марья, сия последняя час от часу более мне нравится, и вероятно она из кокетства старается меня прельщать. Сегодня провел время благополучно и доволен собою.

12 Декабря. Среда

По утру, напившись чаю, устраивал и вычищал свою квартиру; в одиннадцать часов поехал в Жуковцы осматривать 2 отделение и возвратился домой в час, тут стал читать Дюкло, потом не много уснул, пошел к хозяевам и дождался званых гостей не прежде, как в 4 часа, приехали ко мне Литвинов, Юдин, Лалаев, брат и Лебедев, после обеда собирали мы поседки, и потом напившись чаю гости мои уехали. Все они удивлялись красоте моей хозяйки Марьи. Вечер опять сидел я с бабами до 2 часов. Марья кажется ко мне очень расположена, теперь охотно и много целуется. Написав коротенькое письмецо к родителям, лег я спать, проведя благополучно день.

13 Декабря. Четверг

Встал поздно, напившись чаю, пошел на ученье второй половины ефрейторов 2-й очереди, возвратясь домой — учил мальчишек, потом сидел все около печки и растапливал ее. После обеда уснул часа на два, потом опять учил ребятишек, занимался своими делами. Напившись чаю, сел с бабами своими, но за ними скоро прислала свекровь и я также не долго сидел и лег спать сперва на полати, потом перешел на постель и заснул в 11 часов, проведя благополучно день и доволен собой.

14 Декабря. Пятница

По утру, напившись чаю, часов в шесть оделся и перед светом поехал в Ропшу, хотел проехать прямо на Волосово, но так занесло дорогу, что я два раза попадал в сугроб выше брюха лошади, и так, объехав целиком деревни, поехал большой дорогой, к брату приехал очень рано, он еще был за чаем, тут прочел полученное письмо от родителей и от тетушки, где она уведомляет меня, что Государь присылал у ней спрашивать, от чего она едет в деревню, и вероятно дадут на то денег.²⁷⁶ В 9 часов пошел я к Симанскому, там услышал новости, что Уварову дана Андреевская лента, великим князьям владимирские и многим награждения. К нам переведены два капитана полковниками из москов-

ского полка Нарышкин²⁷⁷ из Финлянского Щербинский,²⁷⁸ Воропанов назначен командовать первым батальоном, а Веселовский — вторым. — Наши Блохин и Беклешов уж недели с полторы как в отставке. Произведено в полные генералы человек 18. Побывав у Симанского, отправились мы вместе на ученье ефрейторов 7-ой роты, они как кажется <ни> лучше ни хуже моих; там пробыли часа три, возвратясь, позавтракали, и потом я пошел к Николаю обедать и от него тотчас, пообедав, отправился домой. До часа играл на фортепьянах, после шил Матренке девочке платье, а бабы сидели, и лег спать в час по полуночи, проведя благополучно день.

15 Декабря. Суббота

Встал часу в 9, напившись чаю, отправился на учение первой половины первой очереди ефрейторов. Пробыл на оном три часа и был доволен оным. Возвратясь домой учил ребятишек грамоте до обеда. После оногo уселся шить платье Матренке и в сем занятии провел время до 11 часов вечера, только во время чаю отдохнул, тут занялся своими делами и лег спать в 12 часов, проведя благополучно день.

16 Декабря. Воскресенье

Поутру выбрился, напился чаю и в 10 часов отправился к Завадскому, дорога до него не очень хороша, весьма много ухабов. По обыкновению, тот час как я приехал, сели за стол, это было в 11 часов, после обеда я настроил фортепьяно, посидел у них еще часа полтора и напившись чаю возвратился домой, был уже вечер, сперва посидел я у хозяев в избе, потом учил ребятишек грамоте, в 8 часов пил чай, тут пришли ко мне сидеть Марья и Федосья. Я сначала шил Матренкино платье, а потом ничего не делал, разговаривал с бабами и лег спать в 4 часа — проведя благополучно день.

17 Декабря. Понедельник

Встал в 9 часов, напившись чаю, пошел на учебу второй половины первой очереди ефрейторов и был ими весьма доволен, возвратясь домой, учил ребятишек грамоте, потом читал Дюккло; после обеда лег спать часа на два, потом опять занялся с ребятишками, показывал им немного арифметики, читал опять Дюккло, играл на фортепьянах. Вечер по обыкновению сидели у меня хозяйки, приходила в гости Фекла, часа полтора пробыла у меня. В 12 часов я лег спать, проведя благополучно день, но не доволен собою.

18 Декабря. Вторник

Встал в 9 часов, напившись чаю, отправился на ученье первой половины второй очереди ефрейторов и был ими не доволен. — Возвратясь домой, принялся за обучение ребятишек. После обеда уснул с час

времени, поучив ребятишек, ходил к хозяйкам, думал, что они придут сидеть ко мне; но обманулся, они легли спать в 7 часов, поиграв немного на фортепьянах, я соскучился и напившись чаю пошел к Матвею в избу, там пробыл до 12 часов и возвращаясь домой лег спать, проведя благополучно день, но не доволен собою.

19 Декабря. Среда

Поутру встал в 7 часов, напившись чаю, отправились в Ропшу с Окулиной, Матвеевой женою, которую повез дергать зуб. Приехав к Николаю, посидел у него не долго, читал письма от родителей одно и другое от тетушки ко мне; Николая нашел больного сильною простудою. В 10 часов отправился на мызу к Юдину и к Симанскому, от них на ученье унтер офицеров и ефрейторов своих первой очереди всей, был ими весьма доволен. К трем часам явился к Симанскому обедать, у него были Юдин, Литвинов и Плаутин, много кое о чем говорили, и я в 6 часов возвратился к Николаю. Лебедев уехал в Петербург, и там мы просидели вдвоем, напившись чаю, написал я три письма к родителям, к Гангблову и к тетушке. — И после того в 11 часов лег спать, проведя благополучно день, доволен собою.

20 Декабря. Четверг

По утру в 9 часов встал, напившись чаю, отправился в 10 на ученье в присутствии Симанского, который учил часа три и был совершенно доволен моими ефрейторами, благодарил их два раза, на каждом шагу удивлялся и решительно сказал, что они делают свое дело лучше всех рот. Возвратясь оттуда к Николаю, вскоре стали обедать, он слава Богу сегодня поправился. Во время обеда пришли Юдин, Литвинов и Лалаев, у коего я был по утру и познакомился с двумя его братьями, конными егерями. В четыре часа поехал домой в Витино, сперва учил писать Листратку, играл на фортепьянах, занялся своими делами, сидел вечер с хозяйками, под конец осталась одна Марья и в час я лег спать.

21 Декабря. Пятница

Поутру встал в 8 часов, напившись чаю, пошел на учение ефрейторов второй половины второй очереди, не совершенно был ими доволен. Возвратясь домой, учил ребятишек писать, потом плотно пообедал и лег немного отдохнуть; а проспал 2 часа. Занявшись ребятишками, так зделался болен головою, что ни за что не мог приняться. Напившись чаю, пошел ходить по улице и тем прогнал свою боль. Придя домой, играл довольно на фортепьянах, тут пришли ко мне девки Матвеевы, а мои хозяйки уже давно со мной сидели, я нынче без церемоний лег спать, когда мне захотелось, т. е. в 12 часов, оне мне не дали более получаса уснуть и разбудили, настоящим образом я лег спать в постели уже в 2 часа по полуночи, проведя благополучно день и доволен собою.

22 Декабря. Суббота

Поутру встал в 9 часов, напившись чаю занимался своими делами и отправился на учење первой половины второй очереди, которое было порядочно, но не продолжительно по причине мороза в 8 градусов. Возвратясь домой в 11 часов, отправился я гулять за 3 версты по касневской дороге, возвратясь в деревню, был у Григория и у Ермолая в избе и пришел домой в час по полудни, заставил Ваньку писать и Листратку читать, потом сел обедать посную селянку и печеную брюкву, после обеда посидел в избе у хозяев, учил Ваньку грамоте, потом ходил в баню, в шесть часов пил чай, после заставил Листратку писать. Наконец сел за фортепяно и долго играл до 10 часов, тут поужинав сухарями лег спать, проведя благополучно день и весьма доволен собою.

23 Декабря. Воскресенье

Поутру напившись чаю и выбрившись, устроил кое какие домашние дела и отправился в Ропшу, я полагал лучше проехать прямо на Волосово, отправился за деревню, нашел след по целику, поехал оным прямо в лес, не смотря на большую трудность для лошади ехать, — след водил нас несколько по лесу и наконец по самой трудной дороге опять мы выехали под Витино; пробившись часа полтора по сугробам, два раза падали, шли в иных местах пешком, мороз же был градусов 16, следовательно, мы порядком прозябли, когда приехали в Ропшу. Утро целое убеждал я Лебедева, который объявил всем, что женится на Олинке бляди и берет 55 000 приданого, не было ни одного опровержения, которого я бы не представил для убеждения его в оставлении сего намерения; но под конец к величайшему моему удовольствию узнал, что это была шутка, со всеми сыгранная. Обедал с нами Плаутин, после мы долго разговаривали и вечером отправились к Лалаевым играть в Шимель, до 12 часов я ничего не сделал, поужинав возвратился домой и лег спать, проведя благополучно день.

24 Декабря. Понедельник

По утру еще со светом разбудили нас с мытьем полов. Напившись чаю, я отправился к себе в Витино, противный ветер заморозил было у меня Кирюшку; но стужа сего дня в половину менее вчерашней, доходившей до 20 градусов. Приехав домой, смотрел выправившихся 3 разряда, потом сшитые новые краги и так провел все утро, во втором часу лег спать и проспал часа полтора. Потом поел не много посного крестьянского кушанья и пошел опять сидеть к хозяйкам в избу; ибо у меня так угарно, что бабы мыли пол и совсем от угара ошалели. Почитав не долго с Листраткой — играл у себя на фортепянах, занялся своими делами и потом так у меня сделалась дурна голова, что я стал опасаться удара, так все в глазах туманилось тошно и ноги подкашиваются, долго ходил я по комнате, но не получая облегчения, пошел на

воздух и тер голову снегом. Потом лег спать в 10 часов, проведя день не приятно.

25 Декабря. Вторник

Встал в 4 часа, стал читать, потом напившись чаю отправился в Дятлицы к обедне пешком. Придя туда, зашел к священнику, у него нашел одного управителя, который рассказывал, что ехав не задолго до меня по той же дороге, гнал штук до 15 волков, которые однако на него не бросились. Отслушав обедню, возвратился пешком домой, тут посидев немного пообедал и одевшись в мундир, отправился в Ропшу к Лалаевым, по дороге встретил на опушке леса двух волков, из коих один долго на меня смотрел и поворотил в лес. У Лалаевых играли целый вечер в Шимель и я проиграл 340 коп. Поужинав в 12 часов, пошли домой и я лег спать в часу по полуночи, проведя день благополучно.

26 Декабря. Среда

Встал в 8 часов и напившись чаю собрался ехать домой — только стал себя чувствовать опять очень худо, опять голова стала вертеться и тошнота зделалась, тут я советовался с Лебедевым, взял серного цвету и поехал домой, несмотря на усиленные просьбы Николая, которого болезнь моя точно огорчила. Дорогою с версту проехал мигом. Приехав домой, нашел у себя попа, он славил мне Христа. После этого я оделся и потом до вечера рубил дрова. Целый вечер сидели у меня хозяева, играли в карты, и я лег спать в час, проведя день благополучно.

27 Декабря. Четверг

Встал в 9 часов, напившись чаю занялся своими делами, потом стал колоть дрова, после того играл на фортепьянах. Пообедав довольно рано, отправился в Ропшу, приехал туда так рано, что Николай и Плаутин только что вышли из обеда. Посидел немного, прочитал письма, из коих одно от родителей было для меня самое грустное, батюшка пишет, что нездоров и огорчен братниным долгом, о коем ему сказали. Письмо сие для меня особенно ласково. Потом отправился к Симанскому узнать, какие делать приготовления к Крещенскому параду. Возвращаясь домой, привез с собою встретившихся со мною всех фабрикантских красавиц — переряженных. С ними тут дурачились мы с час, потом, напившись чаю, читал Фоблаза и лег спать в 10 часов, проведя благополучно день.

28 Декабря. Пятница

По утру встал довольно поздно и отправился на учење ефрейторов второй очереди. Учил их довольно долго и не совсем был ими доволен. К обеду возвратился домой, наших еще не было, они играли у Хоцкого

на билиарте, когда Плаутин приехал, мы отправились также туда; но скоро возвратились обедать. После обеда пришли переряженные девочки среднего возраста, пели песни и сидели часа полтора; а потом нашли с низу Егоровы и Г<нрзб> гости, шумели по матерну, плясали и забавляли нас сначала, пока не надоели. После того мы пили чай и разговаривали, конец вечера часа два спорили с Лебедевым, я доказывал неудобства нынешнего воинского одояния; а он говорил противное, и так разошлись часов в 12 и я тотчас лег спать, проведя благополучно день. Сегодня с Лебедевым был товарищ его, драгунского полка лекарь Соловьев.²⁷⁹

29 Декабря. Суббота

Встал поутру довольно рано, напившись чаю отправился на учение ефрейторов в присутствии Симанского, которого нашел не совсем здорового, ученьем я своим был не совсем доволен и после побранил солдат, возвратясь домой, не много отдохнул и поехал с Николаем обедать к Плаутину, тут приехал ко мне фельдфебель и сказал, что один из солдат Афанасьев подозревается бабою в <?> грехе с коровою и что из того делается история. Хотя я располагал отправиться в Петербург, но дело такого рода переменило мое намерение, и я решился уехать в Витино. Во время обеда пришло несколько переряженных девочек, я одну порядочно пощупал и потом, когда эти гости ушли, стали мы читать Фоблаза и я прочел в слух одну часть. После того возвратились мы домой, где я еще почитал, пока товарищи мои ездили на мызу, и лег спать в 11 часов, проведя день порядочно.

30 Декабря. Воскресенье

Поутру довольно рано встал, напился чаю и отправился к себе в Витино, приехав тотчас занялся службою и разбором вчера мне доложенного дела, и по моему мнению кажется, что на солдата подозрение справедливое; но так как доказательств никаких нет, то я и уверил бабу, что она могла ошибиться, солдата призывал к себе и ничего особенного ни от него не узнал, ни сказал сам ему. После того выбрился, умылся, перед обедом играл на фортепьянах, потом рубил дрова и не много гулял, вечер занимался своими делами — читал по немецки, переводил, играл еще на фортепьянах, потом лег спать в 11 часов, проведя благополучно день и доволен собою.

31 Декабря. Понедельник

По утру напившись чаю в 9 часов играл на фортепьянах, после того собралась рота, я ее опросил, прочел приказ корпусного и дивизионного командира и потом смотрел краги и амуницию. Когда сие окончил, учил ребятишек читать, потом поверял ротные суммы, в чем и прошло время до обеда. После оногo, посидев с полчаса у хозяев, принялся ру-

бить дрова, потом учил мальчишек читать. Вечером после чаю пришли девки, лили олово и играли в карты, Фимка, Елена, Настасья и Степашка. В 12 часов лег спать, проведя благополучно день, но не доволен собою.²⁸⁰

---

¹ Генерал — командир полка П. П. Мартынов (см. о нем примеч. 87).

² В Измайловском полку служили два брата Кобяковы; старший *Егор Андреевич (Кобяков 1-й)*: 1804—1846), в службе с 1820 г., прапорщик Измайловского полка, в 1822 г. подпоручик, в 1826 г. поручик, командир роты. Его младший брат *Аркадий Андреевич (Кобяков 2-й)*, поручик, был казначеем полка. В лицевом списке офицеров полка на 1830 г. числится и 3-й брат *Иван Андреевич (Кобяков 3-й)*.

³ *Васинька* — Василий Николаевич Семенов.

⁴ Николай — *Семенов Николай Николаевич (1794—1875)*, старший брат Михаила Николаевича, поручик, затем штабс-капитан Измайловского полка, служил в 3-й роте под командованием брата, в отставке с 9 янв. 1826 г., в 1830-е гг. директор Рязанской гимназии, позже минский вице-губернатор (1848—1851), вятский гражданский губернатор (1851—1857), действительный статский советник.

⁵ *Миллер Константин Петрович* — прапорщик (в 1825 г. подпоручик) Измайловского полка. По данным «Алфавита членам бывших злоумышленных тайных обществ и лицам, прикосновенным к делу», «взят был под арест, потому что 14-го декабря находился не при своем батальоне, расположенном вне столицы, а жил с позволения начальства здесь вместе с родственником своим Фоком. По изысканию оказался неприкосновенным ни к тайному обществу, ни к мятежу. Сохранен на гауптвахте Петровской площади.

По высочайшему повелению, вследствие доклада Комиссии, 10-го января освобожден» (Алфавит Боровкова. С. 284).

⁶ *Казначеев Александр Иванович (1788—1880)* — с 1818 г. полковник л.-гв. Павловского полка, в котором служил В. Н. Семенов.

⁷ Возможно, имеется в виду *Замятин (Замятнин) Алексей Михайлович (1801—1885)*, после смерти родителей воспитывавшийся вместе со своей двоюродной сестрой *Бланк (в замуж. Семеновой) Александрой Петровной* в семье ее матери Н. Я. Бланк; в это время он служил в Петербурге в Коллегии иностранных дел.

⁸ *Зиновьев Николай Васильевич (1801—1882)* — в службе с 1818 г., прапорщик Измайловского полка, поручик (1823), полковник (1833), адъютант герцога Лейхтенбергского (1839), генерал-майор (1843). Михаил Николаевич поддерживал дружеские отношения с Зиновьевым вплоть до своей смерти и неоднократно навещал его в Петербурге. Его завещание, составленное в 1858 г., упоминает крупную посуду, данную ему Зиновьевым.

⁹ Отец Н. В. Зиновьева — *Зиновьев Василий Николаевич (1755—1827)*, сенатор, тайный советник и камергер.

¹⁰ *Гангелов Александр Семенович (1801—1891)* происходил из дворянской семьи грузинского происхождения. Воспитывался сначала в Одесском институте под покровительством герцога Ришелье (1811—1813), затем в Пажеском корпусе (1813—1821), откуда был выпущен прапорщиком в Измайловский полк. В 1825 г. — поручик того же полка. Член Петербургской ячейки Южного общества (с апр. 1825 г.). Арестован 23 дек. 1825 г. в Петергофе, сначала заключен в Кронштадтскую крепость, затем в Петропавловскую крепость. 11 июня 1826 г. высочайше повелено, продержав еще четыре месяца в крепости, выписать тем же чином в один из гарни-

зонных полков. Переведен во Владикавказский гарнизонный полк. Участник Русско-персидской и Русско-турецкой войн 1826–1829 гг.

¹¹ *Уваров Федор Петрович* (1769–1824) — генерал-адъютант, член Государственного совета, командующий Гвардейским корпусом (1821).

¹² *Желтухин Петр Федорович* (1778–1829) — генерал-майор, начальник штаба гвардейского корпуса (1821).

¹³ *Бехтеевы* — родня Семеновых: Аграфена Дмитриевна Бехтеева (по мужу Семенова) — мать Николая Петровича Семенова, родная бабушка М. Н., ее брат Алексей Дмитриевич Бехтеев — его двоюродный дед. Речь идет, вероятно, об одном из его внуков, троюродном брате М. Н.

¹⁴ *Плаутин Николай Федорович* (1794–1866) — участник Отечественной войны 1812 г., штаб-ротмистр л.-гв. Конного полка (1822), адъютант генерала Ф. П. Уварова, впоследствии генерал-адъютант (1849), генерал от кавалерии (1856), член Государственного совета (с 1862 г.), военный реформатор (1856–1862); кавалер всех российских орденов.

¹⁵ *Ханьковы* — семья адмирала П. И. Ханькова, умершего в 1813 г. Его сын *Петр Петрович Ханьков* (1798 — после 1840), в службе с 1815 г., в 1822–1823 гг. штабс-капитан Измайловского полка, полковой адъютант, в отставке с чином капитана в февр. 1823 г.; его сестра *Анна Петровна* (1800 — после 1867), фрейлина (1822).

¹⁶ *Шванвич Дмитрий Николаевич* (1799–1852) — с 1818 г. прапорщик Измайловского полка, штабс-капитан (1823), капитан (1825), с 1826 г. командир батальона л.-гв. Финляндского полка.

¹⁷ Вероятно, речь идет о кн. *Илларионе Илларионовиче Васильчикове* (1805–1862), сыне генерала кн. И. В. Васильчикова; в это время он был еще подпрапорщиком.

¹⁸ *Яновские* — семья *Николая Максимовича Яновского* (ок. 1764 или 1767–1826), писателя, переводчика, начальника Первого отделения Почтового департамента. Яновский входил в круг общения И. П. и А. П. Бунинных.

¹⁹ *Богданович Иван Иванович* (ок. 1800–15 дек. 1825) — штабс-капитан, в 1825 г. произведен в капитаны, командир 2-й гренадерской роты Измайловского полка. Был принят в Северное общество, участвовал в подготовке восстания 14 декабря 1825 г., агитировал солдат своей роты оставаться верными Константину. После того, как полк принял присягу Николаю Павловичу, в тот же день покончил с собой. Входил в одну артель с М. Н. и Н. Н. Семеновыми и А. С. Гангбловым. В своих мемуарах А. С. Гангблов, очевидно, намеренно преуменьшает степень вовлеченности Богдановича в заговор декабристов. Он пишет: «И. И. Богданович, при отличных свойствах души, отличался болезненно, можно сказать, впечатлительностью. Этот недостаток в нем выражался крайнею неровностью в расположении духа: то он бывал приветлив, уступчив, говорлив и предавался самой задушевной веселости; то, без видимой причины, мрачно углублялся в самого себя, во всех видел недоброжелателей, подозревал против себя какие-то замыслы. Такое непостоянство характера Богдановича не могло не отразиться и на моих с ним отношениях: то мы были в дружбе, то во “вражде” и, бывало, подолгу между собою не говорили. С другой стороны, для Богдановича весь мир заключался в его служебных обязанностях. Он отдавался им, не заглядывая по сторонам. Это его погубило впоследствии. Четырнадцатого Декабря, при чтении последнего манифеста, когда произнесено было имя Николая как императора, Богданович прервал чтеца и возгласил “Константина”. Но Богданович не принадлежал к политическому тайному обществу; он не знал и знать не хотел никаких незаконных направлений. Он никогда ничего не читал, хотя и обладал умом живым и логичным; но те клочки образо-

вания, которые он вынес из Пажеского корпуса, он, как только надел эполеты, закинул par dessus les moulins. Если б Богданович знал, что те, которые под предлогом законности заручили его на сторону Константина против Николая, в сущности не хотели ни того, ни другого, он не попал бы в западню. Он увидел, что дал промах; но увидел только тогда уже, как его вспышку назвали изменой. Нетрудно угадать, что за тем последовало: совесть подняла бурю в его сознании, а его мнительность довершила остальное. Утром 15 Декабря, когда распустили полк, простоявший всю ночь в ружье, наготове, Богданович пришел к себе на квартиру и тотчас услап куда-то своего Федора. Когда тот вернулся, то нашел уже лишь бездыханный труп своего господина, на полу, в луже крови...» (Воспоминания декабриста Александра Семеновича Гангелова. С. 22–24)

²⁰ *Бунин Иван Петрович* (1773–1858) — во флоте с 1788 г., попал в плен к шведам, был определен королем Густавом III в Упсальский университет, где и окончил свое образование. Выпущен мичманом из морского корпуса, капитан-лейтенант (1807). Уволен в чине капитана 2-го ранга. Основал Кронштадтское благородное собрание, семь лет избирался его старшиною.

²¹ *Юрьева Александра Петровна* (1796–1832) — жена И. П. Бунина.

²² *Берхман Александр Петрович* (1785–1849) — в службе с 1802 г., участник кампании 1805–1807 гг., Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813–1814 гг., с 1816 г. полковник, командир Гренадерского короля Прусского полка; командовал этим полком семь лет, причем довел его до блестящего состояния. Произведенный 30 авг. 1823 г. в генерал-майоры, он 23 янв. следующего года был назначен командиром бригады, сначала в 12-й пехотной дивизии, а затем во 2-м пехотном корпусе. Его жена — *Мария Сергеевна* (1786–1850).

²³ Имеются в виду новгородские военные поселения.

²⁴ *Аладьин Егор Васильевич* (1796–1860) — издатель, писатель, поэт и переводчик.

²⁵ *Бланк Борис Карлович* (1769–1826) — младший сын архитектора К. И. Бланка, стихотворец sentimentalного направления, переводчик, драматург. Его жена Анна Григорьевна, рожд. Усова — племянница Анны Петровны и Ивана Петровича Буниных и Марии Петровны Семеновой (дочь их ст. сестры Варвары Петровны). Старший брат Б. К. Бланка Бланк Петр Карлович (1758–1811) — отец Александры Петровны Семеновой, жены П. Н. Семенова.

²⁶ Петр — П. Н. Семенов.

²⁷ *Семенова* (урожд. *Бланк*) *Александра Петровна* (1801–1847) — его жена. Позже в том же году она родила сына Николая.

²⁸ *Бунин Дмитрий Максимович* — троюродный брат М. Н. Семенова, отставной моряк, капитан-лейтенант, и его жена *Елизавета Петровна* (урожд. *Бланк*; 1795–1864) — старшая сестра Александры Петровны Семеновой. П. П. Семенов-Тянь-Шанский пишет о них в своих воспоминаниях: «Дмитрий Максимович Бунин любил порядок и дисциплину в своем доме, развел кругом него сад, славившийся своими фруктовыми деревьями, и был по тому времени помещиком лучшего типа, соединившим строгость и энергию с замечательной душевной добротой. Жена его, сестра моей матери, была очень добрая женщина, но с немалой долей психопатии. Сначала муж, горячо ее любивший, баловал ее, угождая всем ее прихотям, и при неудержимой ее склонности к выездам и поездкам сопровождал ее повсюду, но потом состояние его здоровья, пострадавшего от полученных им в морских битвах ран, сделало его совершенным домоседом, требовавшим ухода за собою и попечения» (*Семенов-Тянь-Шанский П. П.* Мемуары. Т. 1: Детство и юность, 1827–1855. М., 2019. С. 93).

²⁹ *Бланк* (урожд. *Евреинова*) *Наталья Яковлевна* (1779—1848) — мать Александры Петровны Семеновы и Елизаветы Петровны Буниной. В это время она жила у зятя.

³⁰ 16 января ст. ст. — день поклонения честным веригам святого апостола Петра. В этот день отмечались именины П. Н. Семенова.

³¹ Вероятно, речь идет о семействе майора *Андрея Ивановича Загрязского*, его имение С. Богородицкое, Заградчина тож Раненбургского у. располагалось в 15 верстах от имения Семеновых.

³² *Шеншин Владимир Никанорович* (1789—1858) — генерал-майор. После отставки — директор Александровского строительного института в Москве, камергер. Шеншину принадлежало имение Никольское, Бярятинское тож Раненбургского у. Рязанской губ., в 25 верстах от С. Урусово.

³³ *Бунин Федор Федорович* — двоюродный брат А. П. и И. П. Буниных и Марии Петровны Семеновы. П. П. Семенов-Тянь-Шанский пишет о нем и его сыновьях Илье и Амплее: «Старик Федор Федорович Бунин был двоюродный брат моей бабушки; жил он в старой хорошей усадьбе, в которой старинный сад также спускался к реке Ранове, рядом с садом Крапоткиных. Жил он широко, открыто, славился не только тем, что съедал один за завтраком целого молочного поросенка под хреном, но и своими подвигами на любимой им охоте; он так увлекался ею и в особенности травлею зайцев, что про него рассказывали, будто, когда мой дядя Николай Николаевич Семенов приехал к нему из нашей усадьбы поздравить его с рождением внука, то он, только что возвратившись с охоты и забыв об этом событии, отвечал на поздравление: “А ты слышал, да ведь какой большой, здоровый, рыло все в пуху, уши так и торчат. Сейчас велю принести показать”. Вместо новорожденного был внесен заяц, которого Бунин только что затравил.

У старика было два сына, которые в эпоху, мною описываемую, послужив в армейских кавалерийских полках, уже женились, вышли в отставку и жили — один при нем, а другой — в выделенном ему имении верстах в пятнадцати. Последний, полковник Илья Федорович, служил в уланском полку, стоявшем в Тверской губернии; там уланским офицерам очень часто случалось бывать на балах и пировать в доме соседнего зажиточного помещика, у которого были две молоденькие дочери. Один раз офицеры, оставшись одни после продолжительного ужина, условились между собою, чтобы каждый из них написал на записочке, что кому следует предпринять в жизни. Записочки завернули, перемешали, и каждый взял одну из них. Илье Федоровичу Бунину вышел довольно счастливый жребий: он должен был жениться на одной из дочерей гостеприимного помещика. Но не так счастливы были другие. Один должен был выйти немедленно в отставку, а другой застрелиться, что они и исполнили. Жена Ильи Федоровича оказалась доброй, хорошей и даже образованной женщиной, но она не всегда была в силах сдерживать “уланские” порывы своего мужа. Урусовская усадьба, по смерти старого Федора Федоровича, досталась другому его сыну, Амплее, семейство которого, после его кончины, обеднев, рассыпалось: дети ушли на службу, а вдова в монастырь, заброшенная усадьба разрушилась, старый сад, спускавшийся к Ранове, одичал и постепенно уничтожался» (*Семенов-Тянь-Шанский П. П.* Мемуары. Т. 1. С. 88).

³⁴ *Ракитин Николай Афанасьевич* и его жена *Екатерина Васильевна* (урожд. *Булнина*) — дочь *Василия Петровича Бунина*, брата Марии Петровны и Ивана Петровича Буниных и Марии Петровны Семеновы. Им принадлежало соседнее с Урусово имение Давлетьево. П. П. Семенов-Тянь-Шанский подробно описывает семью Ракитиных в своих воспоминаниях.

³⁵ Подпоручик *Палибин Николай Игнатьевич* (1777—?) — предводитель дворянства Раненбургского уезда.

³⁶ *Мессеримидт Егор Иванович* — старший лекарь Скопинского лазарета, коллежский ассесор. Поступил на русскую военную службу в Варшавский военный госпиталь ординатором в 1815 г.; по прошению уволен в 1820 г. Во время эпидемии холеры в Рязанской губ. в 1830 г. исполнял должность уездного врача в г. Данкове. Присягнул на подданство России в ноябре 1832 г. В 1844 г. внесен в III ч. Дворянской родословной книги Рязанской губ.

³⁷ Поездкой в степь традиционно называлось посещение родственных имений в безлесной Тамбовской губернии.

³⁸ Вероятно, речь идет о тетке М. Н. — *Семеновой* (по мужу *Милоновой*) *Прасковье Петровне*, сестре Николая Петровича Семенова, матери поэта Михаила Васильевича Милонова.

³⁹ *Милонов Михаил Васильевич* (1792—1821) — поэт, двоюродный брат М. Н. Семенова.

⁴⁰ *Дарья Афанасьевна* — сестра Николая Афанасьевича Ракитина.

⁴¹ Николай Николаевич Семенов родился 27 января 1796 г.

⁴² *Зверинские* — соседи Семеновых. *Зверинский Василий Иванович* (1800—1834) — прапорщик 2-й Гренадерской артиллерийской бригады; женат на *Белелюбской Прасковье Петровне*, которой принадлежало сельцо Зеркала Данковского у. в 1,5 верстах от усадьбы Семеновых. О семье Зверинских П. П. Семенов-Тянь-Шанский пишет в своих воспоминаниях: «Ближайшей нашей соседкою была мелкопоместная помещица, Прасковья Петровна Зверинская. Зверинские владели 17 душами и 70 десятинами земли. Крепостные Зверинских, как и у большинства мелкопоместных дворян, были на положении дворовых, т. е. безземельных батраков, обрабатывавших общие помещиков с крепостными поля, урожаи с которых шли одинаково на продовольствие помещичьих и крепостных семей, а все избытки продавались в пользу помещиков. В своих полевых работах эти крепостные находились в полном распоряжении помещиков и исполняли также все обязанности дворовых в их усадьбе. Низкий домик Прасковьи Петровны был снабжен двумя крыльцами, передним и девичьим, и покрыт соломою, к нашему всегдашнему удивлению, так как мы были убеждены, что соломою кроют только избы, а что барские дома должны быть покрыты железом или по крайней мере тесом. Но и в этом маленьком домике барский простор выражался в том, что кроме жилых комнат была и зала (или столовая) и гостиная. Полы были некрашенные, доски с широкими между ними щелями были настланы так, что двигались под ногами, и на некоторых из них мы, к своему удовольствию, могли качаться. Навстречу нам выходила приветливая старушка, которая, не будучи нашей родственницею, была непременно членом нашей семьи. Что бы ни случилось необыкновенного в нашем доме, радостного или печального, причем необходимость вызывала немедленную посылку лошадей и экипажа за кем-нибудь в село, соседнюю усадьбу или город, второй экипаж посылался непременно за Прасковьей Петровной, и она приезжала немедленно во всякое время дня и во всякую погоду, а бабушка объясняла ей в подробности события, бывшие причиною ее вызова. Одетая всегда в черное с белыми разводами ситцевое платье, в своем кисейном чепце с крупными фалборами, она садилась на всегда готовое для нее кресло против бабушки и начинала вязать свой чулок. Умное, но очень некрасивое, покрытое сильными следами оспы лицо ее выражало, с одной стороны, живое участие в случившемся, а с другой — неизменное спокойствие: по всей вероятности это ее свойство и было причиною того благотворного влияния, которое она имела на всех окружающих и в особенности на живую и пылкую по своему характеру бабушку.

Дома и в домашних привычках Прасковья Петровна Зверинская напоминала некоторые черты Гоголевской Коробочки, но при ближайшем знакомстве с нею про-

являлась в ней живая человеческая душа. Втихомолку, без всяких фраз и внешних проявлений, делила она горе и радости нашей семьи» (*Семенов-Тянь-Шанский П. П. Мемуары. Т. 1. С. 97*).

⁴³ *Лаппа Михаил Демьянович (Иосиф Матей-Михаил) (1798–1840)* – декабрист, подпоручик л.-гв. Измайловского полка. Был принят в Северное общество декабристов. После провала плана срыва присяги Николаю Павловичу добровольно явился под арест. Верховным уголовным судом по делу декабристов разжалован в рядовые. Направлен на Кавказ. Участвовал в военных действиях Русско-персидской и Русско-турецкой войн. Именно Лаппа принял в Северное общество А. С. Гангблова (в его записках он фигурирует как Зет).

⁴⁴ Денисовка – имение Д. М. Бунина.

⁴⁵ Большая Семеновка – имение Замятиных Липецкого у. Тамбовской губ.

⁴⁶ Елизаветино – имение Б. К. Бланка, женатого на Анне Григорьевне Усовой.

⁴⁷ *Бунин Петр Петрович* – брат И. П. Бунина и М. П. Семеновой, отставной поручик. П. П. Семенов-Тянь-Шанский пишет о нем в своих воспоминаниях: «Из Елизаветино мы всегда отправлялись “обыденкой”, с остановкой и кормлением лошадей на постоялом дворе на пол-дороге, в с. Марфино Усманского уезда, где нас ожидала другая группа родных. Сады, разведенные вокруг двух близких одна от другой и родственных нам усадеб, были невелики и очень непривлекательны, реки не было, но пруды были довольно обширны. Дома одноэтажные, невысокие, не имели ни малейшего притязания на красоту, но были довольно просторны, так как они разрастались сообразно с потребностями увеличивавшихся семейств. В одной из этих усадеб жил родной брат моей бабушки, высокий старик Петр Петрович Бунин с совершенно белыми волосами. Нам, детям, он внушал большую любовь своею всегда остроумной веселостью и большой изобретательностью в выделывании для нас интересных игрушек и в выдумывании всяких забав и вообще своим теплым отношением к нам, детям. Своих детей у него не было, но, по уговору со своей престарелой женою, которую он чрезвычайно любил, он взял на воспитание ее племянницу Вельяминову, которая в описываемое время уже была давно замужем за необыкновенно честным, правдивым и добрым моряком Абазинским, сделавшимся другом моего отца» (*Семенов-Тянь-Шанский П. П. Мемуары. Т. 1. С. 125–126*).

⁴⁸ *Абазинский Василий Васильевич* – отставной капитан 2-го ранга (1817), помещик села Марфино Усманского у. Тамбовской губ.

⁴⁹ *Бланк Петр Борисович (1821–1886)* – впоследствии публицист, земский деятель, почетный гражданин Липецка.

⁵⁰ *Бланк (урожд. Усова) Анна Григорьевна (1792–1857)* – жена Б. К. Бланка.

⁵¹ Вероятно, речь идет о *Шамборанте Викторе Ивановиче*, французском эмигранте, приехавшем в Россию вместе с отцом в 1793 г. *В. И. Шамборант (Мари-Жозеф-Виктор-Никола де Шамборан; 1784–1861)* – офицер Инженерного корпуса и артиллерийских бригад, участник Наполеоновских войн, Отечественной войны 1812 г., заграничных походов, в отставке в 1848 г. с чином генерал-майора, кавалер орденов Георгия 4 ст. (1813), Анны 2 ст. (1814), Станислава 2 ст., Владимира 4 ст. с бантом (1812). Принят в российское подданство с женой и детьми в 1831 г.; определением Правительствующего Сената от 21 дек. 1849 г. ему было дозволено с нисходящим потомством пользоваться в Российской империи графским титулом Французского королевства. Ему или его жене (урожд. фон Буссе) принадлежало имение в с. Княжья Байгора Усманского у. Тамбовской губ.

⁵² В с. Марфино (Усманского у. Тамбовской губ.) находились усадьбы двух родственников Семеновых семей – Н. А. Бунина и П. П. Бунина.

⁵³ *Бунина (в замуж. Павлова) Варвара Анатольевна*.

⁵⁴ *Бунин Николай Анатольевич* (1783—1857) — отставной мичман, либеральный помещик, общественный деятель, публицист, был одним из первых помещиков, которые использовали новейшие сельскохозяйственные орудия и прогрессивную технологию земледелия. Его имение Марфино было одним из образцовых имений России. С 1819 по 1823 г. предводитель дворянства Усманского у.

⁵⁵ *И. А. Павлов* — муж Варвары Анатольевны.

⁵⁶ *Терпигорев Николай Николаевич* (1778—1827) — отставной подпоручик, помещик с. Никольского Усманского у., женат на *Буниной Александре Максимовне* (1785—1836), дочери совладельца Марфина *Бунина Максима Дмитриевича*.

⁵⁷ *Н. Н. Лодыгин* (1783—?) — флота лейтенант, был двоюродным братом Марии Петровны Семеновой, сыном брата ее матери, урожд. Лодыгиной.

⁵⁸ Петровка, имение в Тамбовской губ., принадлежавшее отцу А. П. Семеновой П. К. Бланку. После его смерти Петровка перешла в наследство его дочерям Александре Петровне и Елизавете Петровне Буниной, позже продавшей свою долю младшей сестре. П. П. Семенов-Тянь-Шанский пишет в своих воспоминаниях: «В Петровке не было даже и барского дома, а был только небольшой флигель, предназначенный для редких приездов моего деда и после многочисленных реставраций уцелевший до моего времени. Усадебное место, на котором только с 1812 г. начали наскоро разводить небольшой сад с цветниками, спускалось к широкой запруде речки Лукавки; в версте от дома направо протекала красивая и широкая, богатая рыбою река Матыра (приток р. Воронежа), а налево расстился прекрасный дубовый лес, получивший название Петровского парка у соседних помещиков нашей безлесной местности, приезжавших сюда на пикники. В этом-то поместье и поселилась моя бабушка с детьми на время Отечественной войны, как бы на биваке, еще не зная, какая участь ожидает впоследствии ее семью» (*Семенов-Тянь-Шанский П. П.* Мемуары. Т. 1. С. 76).

⁵⁹ Дуроломовка — другое название Денисовки, имения Д. М. Бунина.

⁶⁰ *Бутовский Алексей Петрович* (1794—1823) — в службе с 1812 г., подпрапорщик Измайловского полка, участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813—1814 гг., капитан (1822).

⁶¹ Майорша *Писемская Авдотья Ивановна* — на тот момент вдова, владелица имения в с. Лебяжье (Лихоревщина) Раненбургского у., соседка Ознобишиных.

⁶² *Амплей Федорович Бунин* — сын Федора Федоровича Бунина.

⁶³ *D'Olivades, comte de Pilo. Triomphe de l'Evangile, ou mémoires d'un homme du monde, revenu des erreurs du philosophisme moderne; traduit de l'espagnol par J. F. A. Buynand des Echelles. Seconde édition. Lyon, 1821.*

⁶⁴ *Ознобишина Екатерина Ивановна* — вдова *Ознобишина Матвея Петровича* (1753—до 1816), бывшего предводителя дворянства Ряжского у., и ее сын *Ознобишин Юрий Матвеевич* (1803—1852) — поручик л.-гв. Конного полка, впоследствии генерал-майор, командир Сумского гусарского полка. Ознобишины владели несколькими имениями в Раненбургском у., их усадьба находилась в с. Новопокровское, Ивановское тож в 20 верстах от С. Урусова.

⁶⁵ *Катинька* — двоюродная сестра М. Н. Екатерина Васильевна Ракитина (рожд. Бунина), жена Н. А. Ракитина, выросшая в семье Семеновых.

⁶⁶ *Ильин Наркис Николаевич* (1786—?), владелец имения Красная Слободка Данковского у. в 4 верстах от усадьбы Семеновых, отставной подпоручик, судья в Ефремовском уездном суде, и его жена *Антонида Ивановна* (урожд. *Насель*).

⁶⁷ *Ляпунов Николай Амплеевич* (1770—?) — коллежский ассессор, женат на *Ракичиной Марии Афанасьевне*. Их дочь — *Варвара Николаевна* (1808—?).

⁶⁸ Т. е. *Ракитин Николай Афанасьевич* с женой и братом.

⁶⁹ *Ганжевич Валентин Михайлович* (1792—1823) — в службе с 1800 г. в инженерных частях, участник кампании 1805—1807 гг., Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813—1814 гг.; в 1822 г. полковник л.-гв. Саперного батальона.

⁷⁰ *Протасьев Николай Александрович* — капитан Измайловского полка, участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813—1814 гг., в отставке с чином полковника.

⁷¹ *Корольков Николай Васильевич* — генерал-майор (1819), убит в 1828 г. под Ахалцихом.

⁷² Пьеса П. Н. Семенова «Митюха Валдайский» (пародия на трагедию Озерова «Дмитрий Донской») написана в 1808—1810 гг. и была представлена на солдатском театре Измайловского полка; в 1810-е и 1820-е гг. она имела хождение в списках.

⁷³ *Литвинов Александр Наркизович* (1796—1839) — в службе с 1814 г., прапорщик Измайловского полка; капитан (1823), полковник (1828), с 1838 г. в отставке.

⁷⁴ *Окулов Александр Павлович* (1796—1835) — в службе с 1812 г., участник заграничных походов 1813—1814 гг., в 1822 г. капитан Измайловского полка, в 1824 г. полковник Финляндского полка. Младший брат А. П. Окулова *Николай* (1797 или 1798—1871) — лейтенант, командир 4 роты Гвардейского экипажа. 14 дек. 1825 г. находился со своими матросами на стороне восставших полков на Сенатской площади. По решению суда разжалован в рядовые. В 1827 г. отправлен на Кавказ.

⁷⁵ Бедность и благородство души: комедия в трех действиях Г. Коцебу [Фон Коцебу Август Фридрих Фердинанд]. Орел: в губернской типографии, 1817.

⁷⁶ Поэма Вольтера (1728).

⁷⁷ Деревня Осинники, или Подосинники, была выкуплена отцом М. Н. Семенова у И. П. Бунина и предназначалась им в долю сына. Позже, получив по разделу свою долю имения, М. Н. Семенов построил в Подосинниках усадебный дом и церковь.

⁷⁸ *Павленков Емельян Осипович* (1782—1865) — генерал-майор (1819), командир 1-й бригады 20-й пехотной дивизии с 1819 г., командир 2-й бригады 6-й дивизии с 1821 г., в отставке с 1826 г.

⁷⁹ *Норов Павел Дмитриевич* (1802—?) принадлежал к родственной Семеновым семье рязанских Норовых; его отец *Норов Дмитрий Михайлович* был женат на *Ракичиной Анне Афанасьевне*, сестре Ракитина Николая Афанасьевича (см. о нем выше). Павел Норов из Пажеского корпуса поступил портупей-прапорщиком в 1-й Карабинерный полк в 1813 г.; произведен в подпоручики в 1816 г., в поручики — в 1817 г., в штабс-капитаны — в 1818 г.; в 1819 г. переведен в Каргопольский Драгунский полк; уволен по домашним обстоятельствам капитаном с мундиром в марте 1824 г. Участвовал в заграничном походе 1813—1814 гг. Братья Павла Норова Михаил, Петр и Василий служили в Измайловском полку; их родство с московской и саратовской ветвью семьи Норовых — сыновьями Сергея Александровича Норова Василием Сергеевичем и Дмитрием Сергеевичем, служившими в л.-гв. Егерском полку, точно не прослеживается. Василий Сергеевич Норов в результате конфликта с вел. кн. Николаем Павловичем (так называемая «Виленская, или норовская история», см. о ней ниже примеч. 172) был в 1822 г. переведен в армейский полк, и в 1823 г. его в Петербурге не было. Далее в дневнике М. Н. Семенова упоминаются братья Павла Норова Петр (Норов 1-й, поручик, в 1830 г. полковник) и Василий (Норов 2-й, поручик, в 1830 г. капитан).

⁸⁰ *Ступишин Петр Николаевич*, участник войны 1812 г., в 1815 г. поручик Финляндского полка.

⁸¹ Бунина (урожд. Бланк) *Елизавета Петровна* — сестра жены П. Н. Семенова; *Сунгурова* (урожд. *Евреинова*, в первом браке *Карцева*) *Елена Яковлевна* — сестра ее матери.

⁸² 18-летняя *Ваксель Варвара Павловна* была полной сиротой (ее отец умер в 1818 г., а мать — в 1809 г.). Семья Ваксель связана свойством с Бланками, к которым принадлежала *Елизавета Петровна*.

⁸³ *Норов Николай Дмитриевич* (1792 — ранее 1838) — старший из братьев Норовых; в службу вступил из пажей в прапорщики в 1-й Егерский полк в конце 1812 г.; переведен в л.-гв. Павловский полк (1813); пожалован в подпоручики (1814); в поручики (1817); переведен в л.-гв. Измайловский полк (1819); отставлен штабс-капитаном в декабре 1820 г.

⁸⁴ Возможно, речь идет о В. А. Мусине-Пушкине, штабс-капитане Измайловского полка. Граф Мусин-Пушкин *Владимир Алексеевич* (1798—1854), сын историка и коллекционера графа А. И. Мусина-Пушкина, служил в Измайловском полку с 1817 г.; адъютант генерала от инфантерии Ф. В. Остен-Сакена. В августе 1825 г. В. А. Мусин-Пушкин стал членом Северного Общества; арестован 2 января 1826 г. в Могилеве, после 7-месячного заключения в Петропавловской крепости переведен в армейский пехотный полк.

⁸⁵ *Лобкова Мария Дмитриевна* — вдова И. Ф. Лобкова. О И. Ф. Лобкове и его завещании см. примеч. 162.

⁸⁶ *Бехтеевы* — семья бабушки М. Н. Семенова, *Семеновой* (урожд. *Бехтеевой*) *Аграфены Дмитриевны*, матери Семенова Николая Петровича. После смерти отца его сестра *Прасковья Петровна* воспитывалась в семье Бехтеевых в Задонске.

⁸⁷ *Мартынов Павел Петрович* (1782—1838) — в военной службе с 1800 г., прапорщик Измайловского полка, участник кампании 1805—1807 гг., Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813—1814 гг., генерал-майор (1820), командир Измайловского полка (1821). В 1808 г. П. Н. Семенов, в то время 17-летний подпрапорщик Измайловского полка, написал на него известную пародию державинской оды:

РОТНЫЙ КОМАНДИР (КАПИТАН МАРТЫНОВ)

О ты! пространством необширный,
Живый в движеньи деплояд*,
Источник страха роты смирной,
Без крыльев — дланями крылат!
Известный службою единой,
Стоящий фронта пред серединой,
Веленьем чьим колен не гнут;
Чей крик двор ротный наполняет,
Десница зубы сокрушает,
Кого Мартыновым зовут!

Вскричать, чтоб всяк дрожал как стебель,
Сочесть ряды, поверить взвод,
Хотя бы мог лихой фельдфебель,
Но кто — «в бок — прямо» изречет!
Не может рекрут на ученых
В твои проникнуть наставленья

* Déployade — развертывание строя во время учений.

Без побудительных причин.
Лишь к службе мысль вознестъ дерзает,
В ходьбе и стойке исчезает
Как бывший в настоящем чин.

Порядок службы современной
Во всех уставах ты съискал
И в роте прежде распущенной
Ты все устройство основал.
В себе всю службу заключая,
Из службы службу составляя,
Ты сам в устав — уставу дан.
Ты движешь роту грозным словом,
Ты содержишь ее под кровом,
Был, есть и будешь капитан.

Ты в роте всем распоряжаешь,
Учить и не учить велишь,
Ее покоем раздвигаешь
И по желанию вертишь;
Как молнии небо раздирают,
Так темпы по рядам сгорают;
Как маятника верен бой
С движеньем стрелки репетичной
В часах механики отличной,
Так верен шаг их пред тобой.

Им слов командных миллионы
Из громких уст твоих текут,
Твои по ним творят законы
И взводы как стена идут.
Во всяких ломках и движеньях,
В рядах, шеренгах, отделеньях,
Или поставленные в строй
Большой, средней, малой меры
Перед тобою гренადеры
Стоят как лес перед травой.

Как лес! Ничтожество в сравненьи
С тобою рота вся твоя;
Но что же третье отделенье
И что перед тобою я?
Во всем пространстве дивизионном,
Умножа роту баталионом,
Стократ других полков и то,
Когда сравню с тобой чинами,
Подметки будут под ногами,
А унтер пред тобой ничто!

Ничто! но ты во мне сияешь,
Ходьбою став со мною в ряд;

Во мне себя изображаешь,
Как в светлой пуговке парад.
Ничто! но я иду в знаменах
И нет волнения в баталионах
И нет во фронте пестроты,
Моя нога верна быть чаёт,
В строю никто не рассуждает:
Я здесь, конечно здесь и ты.

Ты здесь! Мне тишина вещает,
Внутри сердца страх гласит мне то,
Солдат дыханье прерывает;
Ты здесь! и я уж не ничто:
Частица роты я знаменной
Поставлен, мнится мне, в почтенной
Средине списков ротных строй,
Где кончил писарь рапортичку,
Фельдфебель начал перекличку,
Связуя офицерство мной.

Я связь для всех тому причастных,
Средина я и пустота,
Между всех гласных и безгласных
Я офицерская черта.
Под ранцем плотью издыхаю,
Умом полком повелеваю,
Я вождь, я дрянь, ничто и все!
Я в роте существо чудесно!
Что я такое — неизвестно,
Конечно я ни то, ни се!

Я твой подпрапор нечестивый,
Твоей премудрости болван,
Источник взысков справедливый,
Начальник мой и капитан!
Тебе по службе нужно было,
Чтоб чаще под арест ходило
Дворянство для солдат в пример:
Чтоб я по форме одевался,
Отнюдь в театрах не казался,
Доколь не буду офицер.

О капитан, мой благодетель,
Виновник благ моих и зла,
Арестов и похвал содетель,
Я слаб воспеть твои дела.
Но если славословить должно,
Подпрапорщику невозможно
Тебя ничем иным почтить,
Как тем, чтобы служить стараться,

С ноги во фронте не сбиваться
И век во фраке не ходить.

1808 г.

Оду эту знали в то время наизусть все офицеры полка, включая самого капитана Мартынова (см.: *Грот Я. К. Об авторе «Митюхи Валдайского» // Труды Я. К. Грота. Т. 3: Очерки из истории русской литературы / под ред. К. Я. Грота. СПб., 1901. С. 431*).

⁸⁸ *Симанский Лука Александрович* (1791–1828) — в службе с 1807 г., участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813–1814 гг., полковник (1817), командир 3 батальона, в который входила рота Михаила Николаевича. С марта 1825 г. командир Измайловского полка. Флигель-адъютант (15 дек. 1825 г.), генерал-майор (20 мая 1826 г.), командир 3-й бригады 10-й пехотной дивизии. Убит 18 сент. 1828 г. при неудачной атаке турецкой позиции у Куртепа.

⁸⁹ Гарновский дом — офицерские казармы Измайловского и л.-гв. Егерского полков на набережной Фонтанки у Измайловского моста, бывш. дом полковника М. А. Гарновского, ниже упоминается и Гарновский двор перед казармой.

⁹⁰ Вел. кн. Николай Павлович записывает в своей записной книжке под 4 апр. 1823 г.: «...Оттуда в дворцовый манеж, учил 3-й батальон Измайловского полка, хорошо» (Записные книжки великого князя Николая Павловича. С. 215).

⁹¹ В Измайловском полку служили три брата *Козловы*. *Николай Павлович* (Козлов 1-й), в 1823 г. подпоручик, в дек. 1823 г. был назначен адъютантом графа А. И. Татищева. *Александр Павлович* (Козлов 2-й) в 1823 г. произведен из прапорщиков в подпоручики. *Степан Павлович* (Козлов 3-й) в лицевом списке полка на 1824 г. числится прапорщиком.

⁹² Развод караулов производился ежедневно перед началом несения службы и включал смотр личного состава, определение порядка рассылки на посты во дворцах и в городе, смену караула и передачу пароля.

⁹³ Вел. кн. Николай Павлович записывает под 6 апр. 1823 г.: «...Отправился с Удомом* в городской коляске в дворцовый экзерциргауз, повторял развод 3-й батальона Измайловского, ждал, Ангел**, учение и развод сносно, *фунт и чарка*, не благодарил офицеров, поднялся, говорил, ждал, говорил с Мартыновым» (Записные книжки великого князя Николая Павловича. С. 215).

* *Удам Никита Иванович* (1804–1826) — молодой адъютант великого князя (из камер-пажей), прапорщик Егерского полка. В тексте «Записных книжек» (вероятно, вследствие писарской ошибки при копировании французского оригинала) он всюду назван Удомом.

** Ангел (Ange) — так в Записных книжках Николая Павловича систематически называется император Александр I.

⁹⁴ *Плаутин Михаил Федорович* (1799–1874) — в службе с 1819 г., прапорщик Измайловского полка; поручик (1823), штабс-капитан (1827). Участвовал в Русско-турецкой войне 1827–1828 гг., отличился при штурме Варны. Генерал-майор (1840, вышел в отставку в том же году).

⁹⁵ Один из братьев *Беляевых* — старший *Александр* или младший *Петр Петрович*. Оба брата были мичманами Гвардейского экипажа, участвовали в восстании 14 декабря, осуждены по IV разряду на 12 лет каторги.

⁹⁶ Петербургским комендантом был генерал-лейтенант *Башуцкий Павел Яковлевич* (1771–1836) — бывший командир Измайловского полка (1808–1811), отец А. П. Башуцкого. «За полное усердие и преданность», обнаруженные во время бунта 14 декабря 1825 г., Башуцкий 15 дек. пожалован в генерал-адъютанты. В 1826 г. был назначен в Верховный уголовный суд по делу декабристов. 6 дек. 1826 г. на-

значен сенатором; 25 июня 1828 г. произведен в генералы от инфантерии; 11 июня 1832 г. назначен членом генерал-аудиториата и 6 дек. 1833 г. уволен в отставку от должности Санкт-петербургского коменданта с награждением орденом св. Владимира 1-й степени «за неутомимые труды, примерную деятельность и усердие, с которыми в продолжение 30 лет исправлял все обязанности должности Санкт-Петербургского коменданта».

⁹⁷ *Кропоткин Дмитрий Петрович* (1801—1837), князь — в службе с 1822 г., прапорщик Измайловского полка, в 1825 г. перешел в армию с производством в поручики, с 1828 г. в отставке.

⁹⁸ *Ламздорф Федор Матвеевич* (1800—1855) — сын *Ламздорфа Матвея Ивановича*, воспитателя вел. кн. Николая и Михаила; с 1817 г. граф, в 1830 г. флигель-адъютант.

⁹⁹ *Храповицкий Петр Алексеевич* (1798 — после 1847) — в службе с 1812 г., портупей- прапорщик Измайловского полка, участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813—1814 гг., в 1822 г. капитан, с 1824 г. полковник л.-гв. Финляндского полка.

¹⁰⁰ Кутасы — украшение в виде шнура с кистью на кивере.

¹⁰¹ *Батурин Петр Иванович* (1803 — после 1832) — в службе с 1819 г., прапорщик Измайловского полка, с 1821 г. подпоручик, адъютант батальона, с 1823 г. — поручик, полковой адъютант, в 1825 г. — штабс-капитан, в 1830 г. капитан, флигель-адъютант. В полку служил также его брат Дмитрий (Батурин 2-й).

¹⁰² *Окуловы Михаил Николаевич* (Окулов 1-й) и *Александр Николаевич* (Окулов 2-й) — подпоручики Павловского полка.

¹⁰³ *Юдин Федор Михайлович* (1796—1841) — с 1820 г. поручик Измайловского полка, капитан (1824), полковник (1826), в отставке с 1837 г.

¹⁰⁴ Рунд — офицер, назначаемый в помощь дежурному по караулам.

¹⁰⁵ Речь идет о знаменитой лотерее, в которой разыгрывалось наследство графа Н. Н. Головина (1756—1821); граф оставил колоссальные долги, вследствие которых наследники отказались принять его имение, дабы не платить долги, которыми оно было обременено. Правительство целый год печатало в «Сенатских ведомостях» объявление о лотерее, в которой разыгрывалась недвижимость графа Головина. Наконец в 1823 г. победителями были объявлены пятеро жителей Одессы, которые за 200 000 рублей уступили свои права Министерству уделов. В ноябре 1821 г. А. П. Бунина писала Михаилу Николаевичу: «Вы все три брата очень счастливы на лотерее; почему я советую вам взять на знаменитую Головинскую, каждый брат на свое имя и еще один билет на все семейство. Ей, ей, можно порисковать! Присылайте деньги; авось Провидение в окошко подаст с надписью: *на доброе употребление и полезные дела*» (Из писем Анны Петровны Буниной к племяннику ее М. Н. Семенову / публ. К. Я. Грота // Русский Архив. 1908. т. 126. С. 529).

¹⁰⁶ *Штакельберг Осип Евстафьевич* (1803—?), барон — в службе с 1819 г., прапорщик Измайловского полка, поручик (1822), с 1823 г. адъютант П. П. Мартынова.

¹⁰⁷ *Афросимов (Офросимов) Михаил Александрович* (1797—1868) — в службе с 1814 г., подпрапорщик Измайловского полка, капитан (1823), в 1825 г. полковник с переводом в Егерский полк.

¹⁰⁸ *Бистром Адам Иванович* (1770—1828) — генерал-майор (1812), с 1815 г. командир л.-гв. Павловского полка, командир 2-й бригады 2-й гвардейской пехотной дивизии (1819).

¹⁰⁹ *Кутузов Николай Иванович* (1790—1849) — в службе с 1814 г., подпрапорщик Измайловского полка, с 1822 г. в отставке, с 1823 г. вновь на военной службе,

поручик л.-гв. Егерского полка, в 1826 г. проходил по делу декабристов, отпущен с оправдательным аттестатом.

¹¹⁰ Речь идет о домово́й церкви в здании бывшей армейской семинарии (на углу Царскосельского пр. и 3-й Роты); семинария была упразднена в 1819 г., но название церкви, очевидно, еще некоторое время бытовало.

¹¹¹ Полковой священник протоиерей *Громов Петр Антонович*.

¹¹² *Рахманов Николай Федорович* был поручиком Измайловского полка.

¹¹³ *Гурьев Дмитрий Александрович* (1758–1825), граф (1819) – министр финансов (1810–1823), управляющий Императорским кабинетом.

¹¹⁴ *Канкрин Егор Францевич* (1774–1845), граф (1829) – генерал от инфантерии.

¹¹⁵ *Лобанов-Ростовский Дмитрий Владимирович* (1758–1838), князь – генерал от инфантерии, с 1815 г. министр юстиции, в 1826 г. обер-прокурор в Верховном уголовном суде над декабристами.

¹¹⁶ *Сперанский Михаил Михайлович* (1774–1839); слух о его назначении неоснователен – кн. Лобанов-Ростовский оставался министром юстиции до 1827 г.

¹¹⁷ *Грузинский Илья Георгиевич* (1790–1854) – грузинский князь из царской династии Багратионов, в том же году после перевода из Измайловского полка вышел в отставку.

¹¹⁸ *Мандерштерн Август Егорович* (1791–1846) – в службе с 1807 г., участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813–1814 гг., с 1816 г. поручик л.-гв. Егерского полка, в 1822 г. капитан, в 1823 г. произведен в полковники с переводом в Измайловский полк, генерал-майор (1831), генерал-лейтенант (1844).

¹¹⁹ *Веселовский Константин Семенович* (1791–1835) – участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813–1814 гг., полковник (1821), генерал-майор (1829). Рассказ о нем во время отступления Русской армии от Смоленска в 1812 г. находим в «Записках старого финляндца» Ф. Растковского: «У нас был в полку подпоручик Константин Семенович Веселовский. Он был помещиком Смоленской губернии, и имение его было недалеко от города. Помню, что проходя через это имение, Веселовский сказал солдатам: “Берите, ребята, все, что мне принадлежит, чтобы не достало неприятелю, да и дома-то не оставляйте”. Мало тут поживились наши солдаты, а как тронулись, так дом нашего славного Константина Семеновича, родное его пепелище, охватило пламя, и долго еще мы оглядывались, со злостью любуясь, как пламя все уничтожало» (*Растковский Ф.* Об Отечественной войне: из воспоминаний старого финляндца. СПб.: [ген.-майор Зыков], 1876. С. 111).

¹²⁰ *Девитте (Витт) Павел Яковлевич* (1796–1864) – в службе с 1811 г., участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813–1814 гг., штабс-капитан (1819), капитан (1821), с 1823 г. полковник Измайловского полка, батальонный командир (1824), после 14 декабря 1825 г. произведен во флигель-адъютанты. Впоследствии генерал-лейтенант, командир 1-й гренадерской дивизии.

¹²¹ Вел. кн. Николай Павлович записывает в своей записной книжке под 24 апр. 1823 г.: «Встал в 8 ½. Чмокать с Измайловскими, ординарцы, чмокать с Измайловскими офицерами, к детям» (Записные книжки великого князя Николая Павловича. С. 224).

¹²² Пьянство солдат в казарме в это время превратилось в довольно серьезную проблему. А. С. Гангелов в своих воспоминаниях пишет: «Государь Александр Павлович каждый день делал прогулки то пешком, то в дрожках или санках, всегда один одинешенек (если не считать его кучера Ильи). На этих прогулках Государю случалось встречать солдата в нетрезвом виде. Такой беспорядок не оставался,

конечно, без замечаний начальству. Начальство, изыскивая средства, которые поставили бы солдат в невозможность шататься по городу пьяными, возымело несчастную мысль завести кабаки по полкам, по одному в каждой ротной артели. На первый взгляд, ничего придумать лучше было нельзя: солдат не пойдет пить в городской кабак уже и потому, что в артели вино продавалось дешевле; да и напиwаться ему у себя дома было свободнее; а охмелеет, из казармы его не выпустят. Цель начальства, стало быть, достигнута. Но каковы же оказались последствия этой меры! Солдаты, ничем не стесняемые, сходились на выпивки целыми сборищами, а где сборище — там и толки, особливо “под чаркою”. Понятно, о чем охотнее всего толковали эти, подогретые винными парами, грубые, недовольные умы, затронутые к тому же прежними примерами открытого протеста. Вот главная причина того, что расшатанная дисциплина дошла до своевольства» (Воспоминания декабриста Александра Семеновича Гангбллова. С. 16—17).

¹²³ Витино — деревня в окрестностях Ропши, одно из мест загородной дислокации Измайловского полка.

¹²⁴ Интересно сопоставить этот эпизод с наблюдениями А. С. Гангбллова, относящимися к тому же времени: «Вскоре нам стало заметно, что полк далеко неспокоен: солдаты хотя и исполняли требования дисциплины, но покорялись ей с нескрываемым пренебрежением и на офицеров смотрели свысока, насмешливо. Для нас, новичков, такое положение не совсем было понятно; но нельзя было не заметить озабоченности, особливо ротных командиров: случались такие выходки со стороны подчиненных, которые ясно указывали на сознание этими последними своей силы. Для примера расскажу один такой случай. До выступления в поход оставалось лишь несколько дней; ни учений, ни разводов с церемонией не делалось: разводы производились по домашнему, т. е. прямо из казармы по караулам. Однажды наш батальон, долженствовавший в тот день занять караулы, был выстроен вдоль бокового фасада Гарновского дома и стоял вольно в ожидании своего полковника; а мы, офицеры, сойдясь шагах в двадцати перед фрунтом, весело разговаривали. Показался со стороны казарм высокого роста старый гренадер первого батальона, в шинели и фуражке. Вместо того, чтобы обойти стороною, он направился на интервал между нами и фрунтом батальона, и когда с нами поровнялся, то обратился к батальону и громко скомандовал: Смирно! Батальон смолк и стал “смирно”, как бы по команде своего полковника. “Здорово, ребята!” — крикнул гренадер. “Здравия желаем!” — грянул батальон, и вслед затем по всему строю раздался хохот. Гренадер повернулся и пошел своей дорогой, как ни в чем не бывало, — и никто из офицеров, даром что все они были сильно поражены такою дерзостью, никто из них не тронулся с места, чтоб остановить наглеца. Видно, начальство потеряло почву под собой» (Воспоминания декабриста Александра Семеновича Гангбллова. С. 14—15).

Гангблов связывает это брожение в солдатской среде с последствиями Семеновского бунта 1820 г. Одним из наиболее резких свидетельств этого брожения стало убийство весной 1825 г. капитана Лейб-егерского полка Батурина унтер-офицером его роты. (В воспоминаниях Гангбллова этот эпизод ошибочно упомянут в ряду событий 1822 г.)

¹²⁵ *Языков Иван Александрович* — в 1823 г. подпрапорщик Измайловского полка.

¹²⁶ *Нейдгардт Александр Иванович* (1784—1845) — генерал-майор (1818), с 1823 г. начальник штаба Гвардейского корпуса.

¹²⁷ Вел. кн. Николай Павлович записывает в своей записной книжке под 7 мая 1823 г.: «Выехал со Стрекаловым в городской коляске на Семеновский плац, пропустил парадом 1-й и 3-й батальоны Измайловского и егерей, 1-й батальон хорошо, 3-й плохо» (Записные книжки великого князя Николая Павловича. С. 229).

¹²⁸ Вероятно, действительный статский советник *Блажиевский Александр Максимович* (1764–1829).

¹²⁹ *Сульменев Иван Саввич* (1770–1851) — полный адмирал русского флота. Командовал флотилиями военных кораблей при штурме Данцига. Осуществлял руководство морскими картографическими работами вдоль побережья присоединенной к России Финляндии. Воспитывал младшего брата жены, будущего основателя Русского географического общества и президента Российской Академии наук Ф. П. Литке.

¹³⁰ Речь идет о рождении *Семенова Николая Петровича* (1823–1904), старшего сына П. Н. Семенова и племянника М. Н. Семенова.

¹³¹ *Депрерадович Николай Иванович* (1767–1843) — генерал-адъютант (1819), командир л.-гв. Кавалергардского полка (1803–1823).

¹³² Вел. кн. Николай Павлович записывает в своей записной книжке под 11 мая 1823 г.: «Встал в 6½. Флам,* выехал с ним в городской коляске на Семеновскую площадь, на Роланде, пропустил парадом всю бригаду, измайловцы хорошо, саперы довольно хорошо, егеря посредственно (Записные книжки великого князя Николая Павловича. С. 231).

* Флам — *Адлерберг Эдуард (Владимир) Федорович* — с 1817 г. в чине полковника адъютант вел. кн. Николая Павловича.

¹³³ Вел. кн. Николай Павлович записывает в своей записной книжке под 12 мая 1823 г.: «Встал в 7½. Один в в городской коляске поехал на Семеновский плац, на Роланда, расставил бригаду, ждал, Паскевич, Уф,* дефиле взводными колоннами, измайловцы хорошо, егеря сносно, саперы хорошо, дефиле поотделенно открытыми рядами, перед Паскевичем, хорошо» (Записные книжки великого князя Николая Павловича, С. 231–232).

* Уф — Ф. П. Уваров (см. примеч. 11), как командующий Гвардейским корпусом, был начальником великого князя, относившегося к нему с некоторой неприязнью; отсюда ироническое обозначение Уварова в записных книжках великого князя.

¹³⁴ *Языков Дмитрий Сергеевич* — штабс-капитан Измайловского полка.

¹³⁵ *Башуцкий Александр Павлович* (1801–1876) — в 1822 г. прапорщик Измайловского полка, адъютант М. А. Милорадовича.

¹³⁶ *Витгенштейн Петр Христианович* (1868–1843), граф — генерал от кавалерии, главнокомандующий 2-й армией.

¹³⁷ *Глазенап Александр Григорьевич* (1793–1876) — в службе с 1810 г., прапорщик л.-гв. Семеновского полка, участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813–1814 гг., капитан (1816), с 1821 г. в Измайловском полку.

¹³⁸ Вольное общество любителей словесности, наук и художеств собиралось в Михайловском замке под председательством А. Е. Измайлова.

¹³⁹ Вероятно, речь идет о младшем из братьев Ростовцевых, Якове Ивановиче. Я. И. Ростовцев известен своими литературными увлечениями; в 1820-х гг. он напечатал несколько пьес в журналах и трагедию «Персей» (1823); отрывки из его трагедии «Дмитрий Пожарский» читали в дружеских собраниях с участием В. Н. Семенова, А. П. Башуцкого и А. С. Гангеблова осенью 1825 г.

¹⁴⁰ *Рылеев Кондратий Федорович* (1795–1826) — поэт, общественный деятель, декабрист, один из пяти казненных руководителей восстания 1825 г.

¹⁴¹ *Греч Николай Иванович* (1787–1867) — писатель, издатель, редактор, журналист, активный деятель Вольного общества любителей российской словесности в 1818–1823 гг.

¹⁴² *Измайлов Александр Ефимович* (1779–1831) — издатель и публицист. В 1822–1824 гг. председатель Вольного общества любителей словесности, наук и художеств.

¹⁴³ *Бестужев Николай Александрович* (1791–1855) — капитан-лейтенант, декабрист. 14 дек. вывел на Сенатскую площадь Гвардейский морской экипаж. Осужден по II разряду, приговорен к пожизненной каторге. С 1821 г. Бестужев был членом Вольного общества любителей словесности.

¹⁴⁴ Тетушка — А. П. Бунина.

¹⁴⁵ *Беклешов Платон Николаевич* (1792–1861) — в службе с 1811 г., прапорщик л.-гв. Литовского полка, участник Отечественной войны 1812 г. и зарубежных походов 1813–1814 гг., в конце 1822 г. полковник с переводом в Измайловский полк, в 1823 г. в отставке с мундиром.

¹⁴⁶ Имение Гостилицы было подарено Алексею Разумовскому императрицей Елизаветой Петровной; в 1823 г. его владельцем был племянник А. Г. Разумовского П. К. Разумовский.

¹⁴⁷ *Карчевский Викентий Станиславович* — поручик Павловского полка.

¹⁴⁸ *Ельчанинов Николай Матвеевич* — прапорщик Павловского полка.

¹⁴⁹ В Измайловском полку служили два графа фон Эссена. Эссен 1-й, Александр Петрович (1802–1828), в 1828 г. командир 1-й роты, героически погиб при штурме Варны в ходе русско-турецкой войны; сын оренбургского военного губернатора Петра Кирилловича Эссена (1772–1844), в службе с 1818 г., штабс-капитан Измайловского полка, адъютант при своем отце. Записные книжки вел. кн. Николая Павловича фиксируют его присутствие в Петербурге в 1822 и 1824 гг. Эссен 2-й, Александр Карлович, в лицевом списке полка на 1825 г. в чине штабс-капитана.

¹⁵⁰ *Ступаков Иван Романович* — полковник Павловского полка.

¹⁵¹ *Горяинов Алексей Алексеевич* — участник Отечественной войны 1812 г., награжден золотой шпагой с надписью «За храбрость», капитан Павловского полка, ротный командир.

¹⁵² *Вережагин Лев Николаевич* (1791 — после 1855) — в службе с 1813 г., прапорщик л.-гв. Павловского полка, поручик (1821).

¹⁵³ Вероятно, барон *Зальца Николай Антонович*; в службе с 1817 г., в начале 1820-х гг. служил в гвардейской пехоте, впоследствии генерал-майор (1847), командир Литовского полка (1855).

¹⁵⁴ Нечеткое чтение; вероятно, *Стахийев Александр Александрович*, подпоручик Павловского полка.

¹⁵⁵ *Енохин Иван Васильевич* — младший лекарь Павловского полка.

¹⁵⁶ Семья *Матвея Степановича Лалаева* — управляющего императорскими мызами в Ропше и Кипени (с 1809 по 1825 г.). Лалаевы были дружны с А. П. и И. П. Буниными.

¹⁵⁷ *Красовский Александр Иванович* (1776–1857) — цензор.

¹⁵⁸ Вел. кн. Николай Павлович записывает в своей записной книжке под 6 июня 1823 г.: «...выехал с Фламом в городской коляске в Измайловский полк, повторял церковный парад, 3 батальонов Измайловцев, батальона саперов и эскадрона пионеров, повзводно хорошо, поотделенно плохо» (Записные книжки великого князя Николая Павловича. С. 241).

¹⁵⁹ *Гессе Павел Иванович* (1801–1880), не кончив курса Московского университета, вступил в 1817 г. на военную службу подпрапорщиком в л.-гв. Измайловский полк; произведен из портупей-прапорщиков в прапорщики (1820), в подпоручики (1821) и в поручики — 6 янв. 1823 г. Вышел в отставку в 1829 г. в чине капитана.

¹⁶⁰ Вел. кн. Николай Павлович записывает в своей записной книжке под 7 июня 1823 г.: «Встал в 5, выехал с Фламом в городской коляске на Измайловский плац, учил конных пионеров, отменно, оттуда в Измайловскую роту смотреть новые формы, приказывал офицерам маршировать поотделенно, уехал к себе» (Записные книжки великого князя Николая Павловича. С. 241).

¹⁶¹ Вел. кн. Николай Павлович записывает в своей записной книжке под 9 июня 1823 г.: «...встал в 5 ½, выехал с Фламом в дрошках в две лошади в Измайловский полк, репетиция парада трех батальонов измайловцев и батальона саперов, очень хорошо» (Там же. С. 241).

¹⁶² 10 июня, Троицын день — полковой праздник Измайловского полка. Вел. кн. Николай Павлович записывает в своей записной книжке: «Встал в 6 ч., работал, оделся в полную форму Измайловского, выехал с Фламом в городской коляске в полк, дождь, ждал, Паскевич, ждал в дежурной комнате, фельдъегерь с запиской от Дибича об отмене и другой пакет с *грамотой* полку от Ангела касательно георгиевских труб, иду во двор моей роты, собираю там офицеров и три гренадерские роты и читаю им *грамоту, ура*, уехал на Каменный остров, Ангел в церкви, иду туда, обедня и благодарственный молебен, вернулся с ним к нему, говорил, вернулся в полк, затем обошел казармы» (Там же. С. 242).

¹⁶³ Алексей Александрович Павлов.

¹⁶⁴ Речь идет о Школе гвардейских подпрапорщиков, учрежденной Александром I в мае 1823 г. по инициативе вел. кн. Николая Павловича; школа располагалась первоначально в казармах л.-гв. Измайловского полка.

¹⁶⁵ Речь идет о В. В. Абазинском (см. примеч. 48).

¹⁶⁶ *Лобков Иван Федорович* (? — 1819) был женат первым браком на племяннице и воспитаннице М. П. Семеновой. В приданое она получила несколько имений в Рязанской и Тамбовской губ. По завещанию Лобкова тамбовские имения оставались в пожизненном владении его второй жены, а затем переходили к братьям Семеновым. В 1822 г. вдова Лобкова отказалась от этих имений, обремененных долгами покойного мужа. Одно из имений было продано, а второе осталось во владении М. Н. Семенова и его братьев (позже по разделу это имение перешло к Н. Н. Семенову).

¹⁶⁷ Имение Воротынец — один из главных лотов в Головинской лотерее (см. примеч. 102).

¹⁶⁸ Вел. кн. Николай Павлович записывает в своей записной книжке под 18 июня 1823 г.: «Прибыл в 2 часа, лег, встал в 4, Удом, отправился с ним в городской коляске на Измайловский плац, учил полк, 2-й и 3-й батальоны хорошо, 1-й плохо» (Записные книжки великого князя Николая Павловича. С. 245—246).

¹⁶⁹ *Андреев Дмитрий Николаевич* (1804—?) — в 1822 г. прапорщик Измайловского полка, в 1826 г. поручик.

¹⁷⁰ Корпусной командир — Ф. П. Уваров.

¹⁷¹ См. примеч. 48, 165.

¹⁷² Конфликт офицеров Измайловского полка с вел. кн. Николаем Павловичем был уже не первым происшествием такого рода. О более раннем конфликте, относящемся к лету 1821 г., рассказывает в своих воспоминаниях А. С. Гангелов (в это время он состоял камер-пажом при вел. кн. Александре Федоровне): «Императрица Мария Федоровна и великая княгиня проводили лето в Павловске, в этом счастливом уголке, где все красовалось изяществом и тонким вкусом, где все дышало веселием, довольством и полнейшим спокойствием под обаянием царственной хозяйки. Но перед концом сезона общее счастье это было неожиданно нарушено вестями из столицы: приехал оттуда великий князь Николай Павлович, и все забегало, засуетилось. Сам великий князь, видимо сильно озабоченный, то и дело быстрыми шагами переходил по верхней галлерее, со своей и своей супруги половины, на половину императрицы. Государыня не показывалась из своих покоев и говорили, что она в слезах. Первое, что дошло до нас о причине этого переполоха, был слух, что Измайловский полк взбунтовался. Новость эта не могла не быть поразительною после так еще недавнего бунта Семеновского полка. Вскоре однакож узна-

ли, что первый слух дошел в преувеличенном виде: одни лишь офицеры названного полка заявили себя недовольными и стали, все поочередно, подавать в отставку. Впоследствии, когда я был уже офицером этого полка, про эту историю мне рассказывали так. Великий князь Николай Павлович производил репетицию “развода”. Он остался очень недоволен маршировкой офицеров и, садясь в дрожки по окончании ученья, сказал полковому командиру ген. Мартынову: “людей распустите, а у гг. Офицеров уравнийте шаг”. Мартынов так и сделал: батальон отпустил в казармы, а офицеров, расставив на взводный дистанции, стал водить взад и вперед. Офицеры обиделись. Прямо с ученья они собрались в дежурной комнате и, после недолгих прений по поводу кукольной, как они выражались, комедии, мысль о выходе всех из службы единодушно была принята, и тут же брошен жребий, кому начинать и в каком порядке следовать в осуществлении этой мысли. Два первые прошения об отставке были поданы в тот же день. Надо заметить, что Государь в это время находился за границей. Подано уже было три пары таких прошений, а четвертая готова была сделать то же, как полковой командир пригласил с себе общество офицеров и, сквозь слезы, торжественно пред ними извинился, сказав, что он не совсем понял приказание великаго князя» (Воспоминания декабриста Александра Семеновича Гангбелова. С. 11—13).

К марту следующего 1822 г. относится так называемая «норовская история» — конфликт великого князя с капитаном В. С. Норовым, ротным командиром л.-гв. Егерского полка, дислоцированного в это время в Вильне. Обстоятельства этого конфликта описаны самим Николаем Павловичем в письме к И. Ф. Паскевичу: «Был развод Л.-Гв. Егерскому полку роты 2-й карабинерной и 4-й егерской, я был ими вовсе недоволен, ибо не нашел исправным то, что должно ротным командирам привести в порядок в два те месяца, кои роты провели в деревне. Объяснив сие сильно, но без всякого пристрастия батальонному командиру Толмачеву, сделал выговор и ротным командирам, капитану Норову карабинерной роты и Мандерштерну, приказав на месте то, что упущено было, и прибавя, что ежели в скором времени не будет исправлено то, что должно, принужден буду отнять у обоих роты. После развода, призвав всех трех к себе, повторил я все сеи замечания, прибавив, что тем более сеи упущения в моих глазах не простительны, что оба были всегда отличными ротными командирами. По утру на другой день полковник Толмачев пришел ко мне и объявил, что капитан Норов просится в армию. Спросив о причине, получил в ответ от Толмачева, что Норов считает себя обиженным тем, что я ему выговаривал и обещал отнять роту. Сие показалось мне весьма странным, подумав немного, отвечал я Толмачеву, чтоб он остерег Норова, что если подаст просьбу, не дождавшись случая показать мне роту в порядке, лишит меня возможности аттестовать его к чину; и что притом и со всякой стороны подобная поспешность совершенно не уместна; ибо я могу ее взять за личную дерзость ко мне. На другой день поутру полковник Толмачев принес мне просьбу Норова в армию по домашним обстоятельствам с прибавкой, что он готов выйти *хотя и капитаном*. Я принял ее и оставил у себя до приезда Головина, но между тем господа офицеры почти все поутру собрались к Толмачеву с требованием, чтоб я отдал *сатисфакцию Норову*. Вы посудите, сколь я терплю от сего несчастного приключения; одно меня утешает, что не виноват ни в чем...» (цит. по: *Шербатов А. П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. СПб., 1888. Т. 1. С. 361).

Замешательство Николая Павловича связано с тем, что протест офицеров Егерского полка принял коллективный характер и, безусловно, с их невозможным требованием *сатисфакции*. А. С. Челищев, в то время штабс-капитан Егерского полка, вспоминает: «Великий князь Николай Павлович, командир 2-й Гвардейской пехотной бригады, на одном из разводов остался очень недоволен ротой Норова и сделал

ему очень резкий выговор. Я не присутствовал на этом смотре и не слышал слов Великого князя; только на другой день я узнал, что Норов, оскорбленный словами Великого князя, решился подать прошение о переводе в армию. В отставку можно было подавать только от сентября до января. Это взволновало всех уважавших его товарищей, и мы по зрелому размышлению незрелых и очень либеральных наших молодых голов решились последовать его примеру. Человек около 20 из нас согласился по очереди подавать по две просьбы в день, через каждые два дня, о переводе в армию, что шесть из нас и успели сделать, бросив жребий — кому начинать. По прибытии бывшего тогда в кратковременном отпуску командира полка генерала Головина все дело было прекращено арестованием нас, подавших просьбы, а через две недели переводом в армию, — меня соответствующим, а прочих пятерых и Норова — теми же чинами» (цит. по: История Лейб-гвардии Егерского полка за сто лет, 1796—1896. СПб., 1896. Т. 2. Приложение IV А к гл. VII. С. 74.).

По совету И. Ф. Паскевича вел. кн. Николай Павлович срочно выехал в Петербург для личного доклада Александру I. После этого последовал приказ от 20 марта 1822 г.: «Капитан Норов, получив выговор за неисправность по вверенной ему роте, вместо того, чтоб принять оный с должным чувством, осмелился настоятельно требовать себе перевода в армию, во что вовлек и нескольких своих товарищей. За такой непопозволенный поступок капитан Норов, выписывается тем же чином в 18-й Егерский полк, с содержанием под арестом 6-ти месяцев» (Там же, Приложение IV А к гл. VII. С. 79). Тем не менее, Александр, как можно предполагать, остался недоволен поведением брата. Через год, в сентябре 1823 г. Норов получил «всемиловнейшее прощение», был переведен в гвардейский полк и произведен в подполковники; в марте 1825 г. вышел в отставку и поселился в Москве. Спустя еще год эта история тяжело отразилась на его судьбе — не участвовавший в восстании 14 декабря Норов был арестован в Москве, помещен в Петропавловскую крепость и осужден Верховным уголовным судом по второму разряду. Отбывал заключение в Выборгской и Шлиссельбургской крепости, с октября 1827 г. переведен в Бобруйскую тюрьму «в крепостные арестанты без означения срока». В Бобруйске Норов пробыл около восьми лет, после чего переведен рядовым на Кавказ.

¹⁷³ Вел. кн. Николай Павлович записывает в своей записной книжке под 20 июня 1823 г.: «...поехал с Нейдгардтом в городской коляске на Семеновскую площадь, сел на Леди Кисс, *осмирядное* бригады, очень хорошо, <...> благодарил, моя лошадь пугается егерей и сбивает с ног младшего офицера, перелом, зажат между Эгерсом* и лошадью, ушел пешком с Фламом» (Записные книжки великого князя Николая Павловича. С. 247).

* *Эгерс Федор* — берейтер Придворной Конюшенной конторы.

¹⁷⁴ *Бутовский Данила Петрович* (1797 — после 1826) — в службе с 1818 г., прапорщик Измайловского полка, штабс-капитан (1823), капитан (1825).

¹⁷⁵ *Гассовский Константин Андреевич* — штаб-лекарь 3-го батальона Измайловского полка.

¹⁷⁶ В л.-гв. Егерском полку, квартировавшем вместе с Измайловским полком, служили четыре брата *Ростовцевы* — *Илья Иванович* (1797—1828, в 1824 г. капитан), *Василий Иванович* (1798—1858, в 1824 г. штабс-капитан), *Александр Иванович* (подпоручик) и *Яков Иванович* (1803—1860, в 1824 г. прапорщик); *Ростовцев 2-й* — *Василий Иванович*. В. И. Ростовцев участвовал в составе Егерского полка в Русско-турецкой войне 1828—1829 гг., за отличие при взятии Варшавы в 1831 г. награжден орденом св. Георгия IV степени.

¹⁷⁷ *Малютин Михаил Петрович* (1803 — после 1849) — в службе с 1811 г., подпрапорщик Измайловского полка, прапорщик (1823), подпоручик (1825); привлечен по делу декабристов, в 1826 г. переведен в армейский пехотный полк.

¹⁷⁸ Вел. кн. Николай Павлович записывает в своей записной книжке под 28 июня 1823 г.: «Встал в 3, Флам, Кавелин, выехал на Роланде со знаменами в Измайловский полк, принял знамена, пешком в Красный Кабак, повстречал Михаила с его бригадой, уходит, привал, вафли и кофе, посадил Кропоткина под арест за <нрзб>, прекрасная погода, поехал дальше, жара, второй привал, поехал дальше, в Горелках повернул на Шундорово, дождь, марш без остановок, холодно, сел на Матильду, прибыл в Шундорово, содержатель трактира плохо меня принял» (Записные книжки великого князя Николая Павловича. С. 250).

¹⁷⁹ *Болтин Иван Александрович* — 1820 г. прапорщик Измайловского полка, поручик (1823).

¹⁸⁰ Вел. кн. Николай Павлович записывает в своей записной книжке под 30 июня 1823 г.: «Встал в 6, Мартынов, мои, идем брать знамена, холодно, сыро, выехал на Роланде в 6 ½ в Роголово, встреча войск, командование 1-й гвардейской дивизии, расставил, Паскевич, Ангел, хорошая погода, маневр к Красному Селу, хорошо, Ангел доволен приглашает нас к обеду, уезжает, короткое перемирие, кормлю офицеров моей бригады. <...> Рекогносцировка местности, к себе, отдохнул, поехал на Орвиле в бригаду, взятие оружия и марш, на встречу, маневр, через Фабрикантскую к главному лагерю» (Записные книжки великого князя Николая Павловича. С. 250—251).

¹⁸¹ Имение Тайцы принадлежало в XVIII в. *Демидову Александру Григорьевичу*, в 1820 г. им владел его сын *Григорий Александрович* (1767—1827).

¹⁸² *Плаутин Петр Федорович* (1802—1852) — в 1823 г. прапорщик Измайловского полка.

¹⁸³ *Гудимов Иван Павлович* — прапорщик Измайловского полка (в 1825 г. подпоручик).

¹⁸⁴ *Микулин Василий Яковлевич* (1792—1841) — в службе с 1811 г., участник Отечественной войны и заграничных походов, с 1820 г. полковник л.-гв. Преображенского полка.

¹⁸⁵ Командир 1-й Гвардейской дивизии генерал-лейтенант *Паскевич Иван Федорович* (1782—1856) — генерал-адъютант (1824), член Верховного суда над декабристами (1826), главнокомандующий войсками в войне с Персией (1826), генерал от инфантерии (1826).

¹⁸⁶ Редант (*фр. redente, зубец*) — редут, полевое укрепление.

¹⁸⁷ Командующий Гвардейским корпусом генерал от кавалерии Ф. П. Уваров.

¹⁸⁸ *Лебедев Александр Васильевич* — лекарь Измайловского полка.

¹⁸⁹ *Шванвич Сергей Николаевич* (1796 — после 1852) — в службе с 1815 г., прапорщик Измайловского полка (1819), поручик (1823), штабс-капитан (1826), в 1832 г. переведен в армейский драгунский полк, в отставке с 1842 г.

¹⁹⁰ В записной книжке вел. кн. Николая Павловича под 12 июля 1823 г. отмечено: «...страшная гроза, жуткий ливень, вернулся в дрошках к себе на квартиру. <...> Дождь и гроза со всех сторон, настоящее наводнение, <...> молния ударила совсем рядом с Вольером, <...> пожар от молнии в стороне Роголово» (Записные книжки великого князя Николая Павловича. С. 256).

¹⁹¹ Вел. кн. Николай Павлович записывает под 13 июля 1823 г.: «Разбудила гроза и дождь в 1 ½, снова заснул, встал в 5 ½, сел на Матильду, учение побатальное всей дивизии, учил 1-й батальон Измайловского, Ангел прибывает и объезжает все батальоны, доволен 1-м и 3-м Измайловского и 3-м егерей, затем развод, спешился, подходит к большому караулу Измайловского, уезжает» (Там же. С. 256).

¹⁹² Вел. кн. Николай Павлович записал: «Отобрал людей для Петергофа из 1-го батальона егерей. <...> подготовил людей из 1-го батальона Измайловского, ушел к себе» (Там же. С. 257).

¹⁹³ В записной книжке вел. кн. Николая Павловича под 14 июля 1823 г. зафиксировано: «...ураган, очень сильная гроза, ужасный дождь, ливень, чай, учил по батальонно Измайловский, 1-й и 2-й хорошо, ливень, очень сильная гроза до 9 ½, <...> уехал с Мартыновым в дорожной коляске в Павловское, страшная гроза, ужасный дождь, темная ночь, проезжая через Царское село, видел, как ударила молния и в деревне загорелось» (Там же. С. 257).

¹⁹⁴ Великая княгиня Александра Федоровна.

¹⁹⁵ *Депрерадович Николай Иванович* (1767–1843) — генерал-адъютант (1819), командир л.-гв. Кавалергардского полка, генерал от кавалерии (1826).

¹⁹⁶ *Кожевников Нил Павлович* (1804–1837) — в службе с 1820 г., подпрапорщик Измайловского полка, прапорщик (1822), подпоручик (1824); осужден по делу декабристов к лишению чинов и дворянства, определен рядовым в дальний гарнизон. Отправлен из Петропавловской крепости в Оренбургский гарнизонный полк, высочайшим указом повелено перевести в полевые полки Кавказского корпуса до отличной выслуги, зачислен в Тифлисский пехотный полк в 1827 г., унтер-офицер (1828), переведен в 42-й егерский полк (1828), прапорщик с назначением в Грузинский 8-й линейный батальон (1833).

¹⁹⁷ *Черноглазов Александр Григорьевич* — подпоручик Измайловского полка.

¹⁹⁸ *Дюклу Алексей Николаевич* — в 1822 г. подпоручик Измайловского полка, адъютант батальона, в 1824 г. поручик, в 1825 г. адъютант при генерал-адъютанте А. А. Закревском.

¹⁹⁹ Вероятно, *Жадовский Никита Иванович* (1791 — после 1838) — ротмистр, командир эскадрона л.-гв. Конного полка.

²⁰⁰ Окулов 2-й — подпоручик Павловского полка.

²⁰¹ *Ахвердова* (урожд. *Меллер*) *Екатерина Борисовна* (1772–1852) — вдова генерал-лейтенанта *Ахвердова Николая Исаевича* (1755–1817), преподававшего великим князьям Николаю и Михаилу русскую словесность, историю, географию и статистику. А. П. Бунина пользовалась покровительством Н. И. Ахвердова и жила в его семье еще в 1800-е гг.

²⁰² *Толстой Николай Матвеевич* (1802–1879) — в службе с 1817 г., с 1821 г. поручик л.-гв. Преображенского полка. Внук М. И. Кутузова; принадлежал к нетитулованной ветви рода Толстых.

²⁰³ *Похвиснев Владимир Павлович* — прапорщик, затем подпоручик Измайловского полка.

²⁰⁴ 19-летний *Панов Николай Алексеевич* (1803–1850) — поручик л.-гв. Гренадерского полка, декабрист, участник восстания 14 декабря, осужден по I разряду, приговорен к смертной казни, а по конфирмации — к вечным каторжным работам.

²⁰⁵ Речь идет о братьях Козловых (см. примеч. 88).

²⁰⁶ Имеется в виду книга французского военного историка и топографа Жана де Борена (Jean de Beaurain) «Histoire des quatre dernières campagnes du maréchal de Turenne» <История четырех последних кампаний маршала Тюренна> (Paris, 1782).

²⁰⁷ Вел. кн. Николай Павлович записывает под 1 авг. 1823 г.: «...поехал в дорожной коляске на Измайловский плац, на Роланда, пропустил смотром 1-й и 3-й батальоны, посредственно» (Записные книжки великого князя Николая Павловича. С. 265).

²⁰⁸ *Горянинов Павел Федорович* — полковой лекарь.

²⁰⁹ *Аксаков Николай Тимофеевич* (1797–1882) — младший брат писателя С. Т. Аксакова, в службе с 1817 г., прапорщик Измайловского полка, в 1821 г. в чине поручика адъютант И. Ф. Паскевича, с 1824 г. в отставке.

²¹⁰ Имеется в виду Школа гвардейских подпрапорщиков (см. примеч. 164).

²¹¹ Вел. кн. Николай Павлович записывает под 7 авг. 1823 г.: «Встал в 4 ½, поехал с Кавелиным в дорожной коляске на Семеновский плац, на Роланда, повторял развод сначала Измайловского, хорошо, затем егерей, довольно хорошо» (Записные книжки великого князя Николая Павловича. С. 268).

²¹² Вероятно, *Симборский Валентин Михайлович* — поручик Финляндского полка; в гвардии служил также его старший брат *Симборский Андрей Михайлович* (1792—1868) — в 1823 г. капитан 1-й Гвардейской артиллерийской бригады, полковник (1824).

²¹³ В записной книжке вел. кн. Николай Павлович под 8 авг. 1823 г. отмечено: «Встал в 6 ½, в полную генеральскую форму <...>, выехал с Измайловскими знаменами, прошли перед Михайловским замком и через Летний сад на Царицын луг, расставил, ждал, Ангел обходит ряды, затем ждали Императриц, моя жена и Саша, на караул, затем дефиле взводными колоннами, Ангел очень доволен, весел и милостив, отвез знамена тем же путем, за курение посадил Плаутина на 3 недели в кордегардию» (Записные книжки великого князя Николая Павловича. С. 268—269).

Строгость наказания объясняется категорическим запретом курения в военно-учебных заведениях; однако курение на службе в армии не было формально запрещено. Официальный запрет на курение в публичных местах был отменен только в 1865 г.

²¹⁴ Вел. кн. Николай Павлович записывает под 10 авг. 1823 г.: «Развод 3-го батальона Измайловского, очень плохо, смена караула, жалкое зрелище» (Там же. С. 269).

²¹⁵ *Окулов Михаил Николаевич* (Окулов 1-й) — подпоручик Павловского полка.

²¹⁶ Кусовы — семья матери братьев Ростовцевых.

²¹⁷ Речь идет об *Эминой Вере Николаевне* (1807—1888). Впоследствии (в 1829 г.) она вышла замуж за Я. И. Ростовцева, близкого друга Василия Николаевича.

²¹⁸ Речь идет о французском драматурге и актере *Destouches Philippe Nericault* (1680—1754).

²¹⁹ Роман Жана-Батиста Лувэ де Кувре «*Les Amours du chevalier de Faublas*» (1787—1790); вероятно, М. Н. Семенов читал новое издание этого романа, появившееся в Париже в 1821 и 1822 гг.

²²⁰ Престольный праздник св. Александра Невского и день тезоименитства императора Александра I.

²²¹ Вероятно, речь идет о *Галямине Валерьяне Емельяновиче*; в 1823 г. он был в чине подполковника помощником директора училища военных топографов. В конце 1825 г. был арестован по делу декабристов. Следствием было установлено, что членом декабристских обществ не был, но накануне восстания общался с некоторыми декабристами и сжег письмо А. О. Корниловича к родным, оставленное ему после восстания. Освобожден 24 февр. 1826 г. и переведен в Петровский пехотный полк, находившийся в Финляндии. Впоследствии полковник Генерального Штаба (1830). Уволен от военной службы для определения в гражданскую в 1832 г.

²²² *Ростовцев Илья Иванович* (1797—1828) — в 1824 г. капитан, затем полковник Егерского полка, член Союза Благоденствия. Высочайше повелено оставить без внимания. Переведен в л.-гв. Финляндский полк в январе 1826 г. Убит в сражении с турками под Кюстенджи.

²²³ *Воропанов Николай Фаддеевич* (1785—1829) — в службе с 1803 г., участник кампании 1805—1807 гг., Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813—1814 гг., полковник (1820), командир батальона Измайловского полка, генерал-майор (1824), генерал-адъютант (1825).

²²⁴ Ланевский 3-й — *Ланевский-Волк Михаил Владимирович* (1799—1843), штабс-капитан Егерского полка. В 1836 г. получил чин генерал-майора с назначением на должность командира 1-й бригады 1-й гренадерской дивизии.

²²⁵ Из послужного списка Дюклу видно, что он остался в полку и успешно продолжил карьеру; другой участник инцидента 20 июля, Черноглазов, не числится в Измайловском полку начиная с 1825 г. Третий участник, Н. Т. Аксаков, также вышел в отставку в 1824 г.

²²⁶ 15 сентября — день коронации Александра I (1801).

²²⁷ Английский художник *Daw George* (1781—1829) работал в Петербурге в 1818—1828 гг., приглашен к российскому двору для создания галереи 1812 г.

²²⁸ *Cours De Morale*, par Charles-Albert Demoustier. 1804.

²²⁹ *Камменаузен Балтазар Балтазарович* (1772—1823), барон — член Государственного совета, сенатор (1811), государственный контролер, управляющий Министерством внутренних дел (1823). В начале августа 1823 г., находясь на своей даче, упал с лошади, получил тяжелую травму и спустя всего месяц скончался.

²³⁰ *Штейбельт Даниэль Готлиб* (1765—1823) — немецкий пианист и композитор. С 1809 г. жил в Санкт-Петербурге. Некоторое время возглавлял Императорскую оперу. Его наиболее известная опера «Ромео и Джульетта» поставлена в Париже в 1793 г.

²³¹ Опера итальянского композитора Ф. Паэра «Агнеса, или Отец и дочь» (1809) приобрела известность в России после постановки ее в 1822 г. на петербургской сцене. Для русской сцены либретто было переделано И. Свечинским, написавшим часть текста в стихах (Отец и дочь: опера в 3-х действиях с хорами, музыка г-на Пера. СПб., 1823).

²³² *Самойлов Василий Михайлович* (1782—1839) — драматический и оперный артист Императорских театров.

²³³ *Семенова Нимфодора Семеновна* (по афишам Семенова-младшая; 1788 или 1787—1876) — артистка оперной труппы Императорских театров.

²³⁴ *Шипов Александр Павлович* (1800—1878) — поручик Преображенского полка.

²³⁵ *Фильд Джон* (1782—1837) — ирландский композитор и пианист, живший в России. М. И. Глинка, в юности бравший у него уроки, вспоминает, что разучивал его 1-й концерт в 1820 г.

²³⁶ *Долгополов Федор Иванович* (1798—1860) — в службе с 1812 г., подпрапорщик Измайловского полка, участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813—1814 гг., штабс-капитан (1821), в отставке с 1825 г. сенатор, действительный статский советник (1839).

²³⁷ *Филатов Никандр Иванович* (1790—1863) — флота лейтенант, участник двух кругосветных плаваний под командованием В. М. Головина, в 1821 г. командовал бригам «Аякс». В 1824 г. был награжден орденом Св. Георгия 4-го класса за участие в 18 морских кампаниях. В отставке с 1829 г. с чином капитана 2-го ранга. Принадлежал к кругу друзей И. П. Бунина. См.: *Попов Н. С.* Никандр Иванович Филатов — спутник капитана В. М. Головина в кругосветных путешествиях // *Материалы XXXIV Крашенинниковских чтений / Министерство культуры Камчатского края, Камчатская краевая научная библиотека им. С. П. Крашенинникова. — Петропавловск-Камчатский: Информационно-издательский центр Камчатской областной научной библиотеки, 2017.*

²³⁸ *Беллинсгаузен Фаддей Фаддеевич* (1778—1852) — начальник кругосветной антарктической экспедиции (1819—1821), капитан-командор (1822), контр-адмирал (1826).

²³⁹ *Краммер Джон Батист* (1771–1858) — немецкий и английский пианист и композитор, друг Гайдна и Бетховена, автор фортепианных этюдов для начинающих пианистов.

²⁴⁰ Семья штаб-лекаря надворного советника И. А. Генделиуса.

²⁴¹ Оленька — О. Ф. Добровольская.

²⁴² *Duclos Charles Pinot* (1704–1772) — писатель и историк, член Французской академии (1747). Наибольшей известностью пользовался его роман «Confessions du comte de ***» (1741).

²⁴³ *Бём Франц* (1788–1846) — скрипач и педагог, преподавал в Петербургском театральном училище. В течение 30 лет устраивал в Петербурге камерные собрания, пропагандируя главным образом квартеты Бетховена. Выступал как солист в Петербурге и Москве.

²⁴⁴ *Джунковский Степан Семенович* (1762–1839) — действительный статский советник, директор Департамента государственного хозяйства и публичных зданий Министерства внутренних дел (1821).

²⁴⁵ IX том «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина (1821), посвященный царствованию Иоанна Грозного.

²⁴⁶ «Агрей и Фиест» (1707) — трагедия Кребильона (*Crebillon Prosper Jolyot de*, 1674–1762).

²⁴⁷ *Заикин Иван Иванович* (?–1834) или *Заикин Алексей Иванович* (1793–1831) — петербургские книгопродавцы и издатели.

²⁴⁸ Речь идет о трехтомном «Собрании стихотворений Анны Буниной», изданном в 1819–1821 гг. Императорской Российской Академией.

²⁴⁹ *Львов Илья Федорович* (1797–1841) — в службе с 1820 г., поручик Измайловского полка (1822).

²⁵⁰ *Головнина* (урожд. *Лутковская*) *Евдокия Степановна* (1795–1880) — жена контр-адмирала В. М. Головнина.

²⁵¹ *Вильгельм Фридрих Людвиг* (1797–1888) — второй сын прусского короля Фридриха Вильгельма III, брат вел. кн. Александры Федоровны, впоследствии Вильгельм I, король Пруссии (1861) и германский император (1871). Вильгельм находился с визитом в России с сентября 1823 г.

²⁵² Вел. кн. Николай Павлович записывает под 29 окт. 1823 г.: «Поехал с Удомом в одноконных санях к Паскевичу, потом пешком в экзерциргауз, релетировал развод 3-го батальона Измайловского, сносно, ждал, Паскевич, развод, посредственно» (Записные книжки великого князя Николая Павловича. С. 297).

²⁵³ *Падейский Семен Федорович* — штабс-капитан, ротный командир Семеновского полка.

²⁵⁴ *Батулин Федор Герасимович* (1798–1825) — в службе с 1814 г., в 1822 г. штабс-капитан л.-гв. Егерского полка, с 1824 г. капитан. В марте 1825 г. Батулин был убит унтер-офицером Егерского полка Соловьевым, который бросился на него с ножом.

²⁵⁵ Вероятно, речь идет о так называемом «желтухинском шаге»; в 1822 г. по распоряжению Главного Штаба на основе записки генерал-майора С. Ф. Желтухина было рекомендовано вводить новый «тихий учебный шаг в три темпа» для лучшего прохождения колонн во время смотров. Это нововведение вызвало много споров. Начальник штаба 2-й армии П. Д. Киселев писал дежурному генералу Главного штаба А. А. Закревскому: «Этот желтухинский шаг оказался настолько трудным, что поглотил все время и все силы войск» (Записные книжки великого князя Николая Павловича. С. 687).

²⁵⁶ *Мордвинов Николай Семенович* (1755–1845) — флотоводец и государственный деятель, адмирал (1797), морской министр (1802), председатель Департамента

гражданских и духовных дел Государственного совета (1822), председатель Вольно-экономического общества. Как член Верховного уголовного суда в 1826 г. отказался подписать смертный приговор декабристам.

²⁵⁷ Как предполагает К. Я. Грот, А. П. Бунина познакомилась с Н. С. Мордвиновым (еще в начале века) через своего брата Ивана Петровича. В 1811 г. она посвятила ему свою поэму «Фаэтон». В 1820-е гг. она была домашним человеком в семье Мордвиновых и посещала их почти ежедневно.

²⁵⁸ Полковник — Л. А. Симанский.

²⁵⁹ Вел. кн. Николай Павлович записывает под 12 нояб. 1823 г.: «Поехал в дворцовый экзерциргауз, репетировал развод с 3-м батальоном Измайловского, хорошо, с 1-м Измайловского, очень хорошо» (Записные книжки великого князя Николая Павловича. С. 303).

²⁶⁰ *Загоскины Василий Николаевич и Алексей Николаевич* — младшие братья писателя М. Н. Загоскина.

²⁶¹ Презус — председатель «Военно-Судной Комиссии по законам Екатерины 2-ой». По уставу Комиссия состояла из пяти человек: презуса, трех аудиторов и секретаря.

²⁶² В записной книжке под 14 нояб. 1823 г. вел. кн. Николай Павлович отметил: «Поехал в одноконных санях в дворцовый экзерциргауз, велел маршировать линиями 3-му батальону Измайловского, хорошо, ждал, говорил с Чичериным, Паскевич, развод, очень хорошо, смена караула» (Записные книжки великого князя Николая Павловича. С. 303—304).

²⁶³ *Мордвинова Наталья Николаевна* (1794—1882) — младшая дочь адмирала Н. С. Мордвинова, позже замужем за А. Н. Львовым (1825). Оставила воспоминания об отце: *Мордвинова Н. Н.* Воспоминания об адмирале Николае Семеновиче Мордвинове и о семействе его: записки его дочери // Записки русских женщин XVIII — первой половины XIX века. М., 1990. С. 389—448.

²⁶⁴ *Мордвинов Александр Николаевич* (1799—1858) — младший сын адмирала Н. С. Мордвинова, художник-любитель.

²⁶⁵ *Глинка Федор Николаевич* (1786—1880) — поэт, публицист, прозаик, автор «Писем русского офицера» (1808, 1815—1816); в 1815—1819 гг. служил в Измайловском полку, в 1819—1825 гг. правитель канцелярии при Санкт-петербургском генерал-губернаторе М. А. Милорадовиче. Один из основателей Союза Благоденствия. После ареста в марте 1826 г. содержался в Петропавловской крепости. В июне 1826 г. освобожден, исключен из военной службы и сослан в Петрозаводск.

²⁶⁶ *Лорер Николай Иванович* (1794—1873) — штабс-капитан, ротный командир Московского полка. В марте 1824 г. переведен в Вятский пехотный полк, где командиром был П. И. Пестель. Член Северного и Южного тайных обществ. Арестован в Тульчине 23 дек. 1825 г. Осужден по IV разряду; по конфирмации приговорен в каторжную работу на 15 лет и к пожизненной ссылке на поселение с лишением чинов и дворянства.

²⁶⁷ Стихотворение Ламартина «Смерть Сократа» было впервые напечатано в сент. 1823 г. Накануне, 22 нояб., Ф. Н. Глинка читал это стихотворение на вечере у Н. С. Мордвинова, о чем упоминает тетушка А. П. Бунина в письме к М. Н. Семёнову от 26 нояб.

²⁶⁸ Катерина Матвеевна — дочь М. С. Лалаева.

²⁶⁹ *Завадский Семен Семенович* — знакомый Н. М. Яновского (см. выше запись от 5 окт.).

²⁷⁰ Адлерберг 2-й, *Адлерберг Максим Федорович* (1795—1871) — в 1823 г. капитан, ротный командир Московского полка, младший брат адъютанта великого князя Николая Павловича.

²⁷¹ Аничков-2-й, *Аничков Иван Васильевич* — штабс-капитан, ротный командир Московского полка.

²⁷² Эти письма Анны Петровны (от 21 и 26 нояб.) опубликованы К. Я. Гротом (*Русский Архив*. 1908. Т. 126. С. 531—534).

²⁷³ *Блохин Иван Алексеевич* — в 1822 г. поручик Измайловского полка, в отставке в декабре 1823 г.

²⁷⁴ *Татищев Александр Иванович* (1763—1833), граф (1826) — генерал от инфантерии (1823), военный министр.

²⁷⁵ 5 дек. 1823 г. в Большой церкви Зимнего дворца был совершен обряд миропомазания невесты вел. кн. Михаила Павловича 16-летней принцессы Шарлотты Вюртембергской; она приняла православие с именем Елены Павловны.

²⁷⁶ Письмо Анны Петровны от 10 дек. 1823 г. опубликовано К. Я. Гротом (*Русский Архив*. 1908. Т. 46. С. 533—534).

²⁷⁷ *Нарышкин Михаил Михайлович* (1798—1863) — в службе с 1815 г., с 1817 г. поручик л.-гв. Московского полка, капитан (1822); в 1823 г. полковник Измайловского полка. Член Союза Благоденствия (1818) и Северного тайного общества. Осужден по делу декабристов к 12 годам каторги.

²⁷⁸ *Щербинский Василий Федорович* (1785—1859) — участник Отечественной войны 1812 г., капитан, с 1823 г. полковник Измайловского полка, генерал-майор (1835).

²⁷⁹ *Соловьев Николай Степанович* — младший лекарь лейб.-гв. Драгунского полка.

²⁸⁰ Единственное прямое упоминание М. Н. Семенова в «Записных книжках» вел. кн. Николая Павловича немного выпадает из временных рамок «Дневника» — оно относится к 11 янв. 1824 г., когда 3-я рота измайловцев по-прежнему находилась в окрестностях Ропши. В этот день Николай Павлович посетил Ропшу с инспекционным визитом. «Поехал с Удомом в дорожных санях в 7¼ в Ропшу, в Стрельне, <...> холодный ветер, полградуса мороза, прибыл в Ропшу в 9, Мартынов, Симанский, капитаны, чай, ординарцы, видел унтер-офицеров и ефрейторов 4-й роты 3 батальона Измайловского, довольно хорошо, за исключением тех, что из 9 роты, посадил Семенова под арест, закончил учение в 1½, чувствую себя нехорошо, лег, голова болит, встал, обедал с Мартыновым, Симанским, тремя капитанами, Удомом, Сазоновым*» (Записные книжки великого князя Николая Павловича. С. 339).

* *Н. Г. Сазонов* (1782—1834) — генерал-майор, начальник инженеров Гвардейского корпуса.

Библиографический список

1. Воспоминания декабриста Александра Семеновича Гангеблова. М.: Унив. тип., 1888. [6], 282 с.
2. *Семенов-Тянь-Шанский П. П.* Мемуары. Т. 1: Детство и юность, 1827—1855. М.: Кучково поле, 2019. 560 с.
3. Записные книжки великого князя Николая Павловича, 1822—1825 / под ред. М. Я. Сидоровой, М. Н. Силаевой. М.: Полит. энциклопедия, 2013. 904 с.

И. А. ГРИНЕВСКАЯ
ПУТЕШЕСТВИЕ В КРАЯ СОЛНЦА
(О ВИДЕННОМ, СЛЫШАННОМ И ИСПЫТАННОМ)

(Продолжение)

*(Вступительная статья, подготовка текста
и комментарии Е. А. Митник)*

Аннотация: Настоящая публикация — продолжение очерка И. А. Гриневской (1864—1944) «Путешествие в Края Солнца» <1911—1914>; также впервые обнародованы отрывки из ее произведения «История моих Восточных поэм». Эти путевые заметки дают представление о том жизненном и творческом опыте, который обрела писательница, побывав в Турции, Греции, Египте и Палестине, познакомившись с носителями идей ее религиозно-исторических поэм. Здесь описываются встречи И. Гриневской с Абдул-Баха, главой веры Бахаи.

Ключевые слова: И. А. Гриневская, «Путешествие в Края Солнца», Баб, Баха-Улла (Бахаулла), Абдул-Баха (Абдул-Баха), бабиды-бехаиды (бахаи), спутник Гриневской в поездке на Восток Мирза Алекпер Мамедханлы (Мирза Али Акбар Нахджавани), Л. Н. Толстой, персы.

Abstract: This publication is a continuation of the essay by I. A. Grinevskaia (1864—1944) «Journey to the Lands of the Sun» <1911—1914>; excerpts from her work «The History of My Oriental Poems» are also first published. These travel notes convey something of the life and creative experience that the writer had gained, having been in Turkey, Greece, Egypt and Palestine, having become acquainted with the bearers of the ideas of her religious and historical poems. It also contains I. Grinevskaia's description of her meetings with 'Abdu'l-Bahá, the head of the Bahá'í Faith.

Keywords: I. A. Grinevskaia, «Journey to the Lands of the Sun», Báb, Bahá'u'lláh, 'Abdu'l-Bahá, Bábís-Bahá'ís, Grinevskaia's companion in her trip to the East Mirza Alakbar Mammadkhanli (Mírzá 'Alí-Akbar-i-Nakhjavání), Lev N. Tolstoy, Persians.

Настоящая публикация — продолжение очерковой книги И. А. Гриневской (1864—1944) «Путешествие в Края Солнца» <1911—1914> (главы XI—XIII). В этой части своего повествования значительное место автор посвящает Абдул-Баха — вождю веры Бахаи, по приглашению которого она и совершила поездку на Восток. В качестве преамбулы приведем отрывки из неопубликованных мемуаров писательницы, хранящихся в Рукописном отделе ИРЛИ.

«В 1910 г. лишь повеяло весной — я наняла дачу подальше от Петербурга, на станции Тарховка, и когда наступили теплые дни, поселилась в ней, никому не сказав о моем местопребывании, кроме двух лиц, а именно — Е. П. Вейнбергу¹ и А. М. Абрасу.

Абрас был одним из восторженных ценителей “Баба”, человек, владевший несколькими иностранными языками, вообще очень сведущий человек. Перед отъездом я сказала ему, где я намерена писать трагедию “Беха-Улла”, и просила его приехать.

Принялась за работу тотчас, как поселилась на этой даче <...>.

<...> Но вот что меня огорчало, приводило в отчаяние: я уже жила на даче две недели, просмотрела материал для новой поэмы — но еще передо мной не ожили лица, не слышались их речи...

Приехал однажды Ал. Мих. Абрас, и я ему передаю свое отчаяние и говорю: мне не удастся написать, ничего не удастся. А он на это: “Что не удастся? Вам все отлично удастся, и отлично напишете. Вы увидите”. К вечеру он уехал, а перед отъездом с силой полной убежденности опять повторил то же самое.

И что же? После его отъезда точно открылась какая-то заслонка в моем мозгу и предо мною появились живые лица, с их думами, мечтами. Как в кинематографе, передвигались сцены за сценой, картина за картиной, полились речи, речи... без конца.

И создалась трагедия “Беха-Улла”.

Вот я закончила вчерне трагедию <...>. Но как только сам Беха-Улла и все его окружение предстали перед моим духовным взором, оформление всего невидимого, как бы видимое, пошло еще легче, чем оформление драмы “Баб” и бабидов.

Когда я кончила свой большой труд, я из моей Тарховки, из моей кукольной дачки-вышки поехала в Сестрорецк к моим друзьям, к семье д<окто>ра Клячко, недавно построившего себе дачу в этом курорте.² Всеведущая печать, узнавшая скрытое мною место моего жительства, неведомым для меня путем, узнала об окончании мной новой трагедии и сообщила об этом своим читателям...

Когда я приехала в Сестрорецк, я вкратце передала д<окто>ру Клячко содержание новой трагедии, вешавшей также об объединении народов и разрешении распрей между ними в мировых судах, а не на полях битв.³

---

¹ *Вейнберг Евгений Петрович* (1862–1920-е) — гражданский инженер; сотрудник «Всемирной иллюстрации» (1895), псевдоним: В. (см.: *Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: в 4 т. М., 1960. Т. 4. С. 98.) «...Евг<ений> Пет<рович> Вейнберг, сын поэта Вейнберга, который всякий раз, когда, прочитав ему тот или другой очерк, я спрашивала его, куда бы можно было поместить подобную вещь, неизменно отвечал: в “Вестник Европы”. Он влиял на меня и здравыми взглядами, любовью к простоте и правде. Мое отвращение к манерности, вычурности, фальши и приторности находило в нем всегда поддержку. Ему я обязана развитием музыкального вкуса» (цит. по: *Изабелла Аркадьевна Гриневская // Фидлер Ф. Ф.* Первые литературные шаги: автобиографии современных русских писателей. М., 1911. С. 247).

² *Клячко Лев Моисеевич* (1855–1913) — знаменитый врач-терапевт; дача Клячко (1908) — памятник архитектуры.

³ С Российской империей связано появление первой в мире организованной общины бахаи за пределами Ирана, «ставшей во многих отношениях прообразом

Он был в высшей степени восхищен этой идеей и сказал: “Вы увидите, это так и будет, Белочка” (так он и жена его называли меня). Меня очень ободрили слова этого “большого человека”, как о нем на днях (октябрь 1936 г.) отозвался его товарищ проф<ессор> Колпакчи.⁴

К моему великому сожалению, этот мой истинный друг умер, не дожил до первых признаков порядка вещей, о которых говорится в моей трагедии, до Лиги наций, которая, я верю, станет необходимым и желанным учреждением для всех народов, без исключения.

На прогулках в Сестрорецке <...> все мои знакомые спрашивали меня: “Что это за трагедию вы сочинили?” Многим была известна моя поэма “Баб” по книге и даже по представлению в театре Л<итературно>-Х<удо-жественного> О<бщест>ва. Я им сказала: “Соберитесь в одно место, я вам скажу всем зараз, а каждому отдельно трудно”. При этом жена д<окто>ра Клячко, Александра Исааковна, добавляла: обратитесь ко мне, я расскажу, где и когда состоится сообщение.

Она же, мой добрый, дорогой друг, отыскала небольшой зал, выходящий на пляж, и назначила день. А я в это время написала доклад о трагедии с предисловием, который я и прочла собравшимся. Чтение, конечно, было мной назначено бесплатное. Но, как оказалось, никто бесплатно не согласился слушать. Все вносили, без моего ведома, устроительнице плату, превышавшую обычную даже для моих публичных лекций. Один из слушателей, человек весьма занятой, письмом послал устроительнице 100 рублей “на цветы докладчице”. Собралась для того времени хорошая сумма — в 700 рублей, чрезвычайно выручившая меня, так как все время, пока я отдалась трагедии, я ничего не могла делать, если не упомянуть о переводе одного романа, сочинения моей знакомой, дочери одного финансиста, написанного на французском языке. Должна была и это сделать, что в высшей степени мешало обдумывать мой труд — я должна была это сделать,

---

будущих общин приверженцев этой религии повсеместно. Община эта возникла в Ашхабаде <...> достигла высокого уровня социального и культурного развития. К 1918 году было закончено возведение первого в мире храма бахаи — Дома Поклонения». Юлий Аркадьевич Иоаннесян, работая в Архиве РАН в Санкт-Петербурге, обнаружил в материалах барона Виктора Романовича Розена рукопись «истории мученической гибели в Ашхабаде Хаджи Мухаммада Ризы Исфакхани, принадлежавшего к местной общине бахаи». Событие это произошло 8 сент. 1889 г. и описано его очевидцем — Абуль Фазлем Гульпайгани. «В истории зарождавшейся новой религии бахаи это событие сыграло немаловажную роль. Впервые не только была проявлена справедливость к ее последователям — лица, совершившие против них преступления, понесли суровое наказание, — но и на юридическом уровне был удостоверен независимый по отношению к исламу характер вероучения бахаи. Широкою известностью событие получило еще и потому, что с ходатайством о смягчении приговора к подсудимым выступили сами местные бахаи» (цит. по: Иоаннесян Ю. А. История мученичества Хаджи Мухаммада Ризы Исфакхани в Ашхабаде [Эл. ресурс]. URL: http://www.orientalstudies.ru/rus/images/pdf/PPV_2009_1-10_2_ioannesyan.pdf).

⁴ Видимо, *Колпакчи Григорий Иванович* (1886–1973) — русско-французский философ и египтолог, полиглот, доктор философии, профессор отделения египтологии *École pratique des hautes études* в Сорбоннском университете.

во-первых, потому, что обещала, во-вторых, нужны были проклятые деньги! <...>

Когда в газетах появились известия о моей трагедии — я получила письмо от моего корреспондента из Баку,⁵ с просьбой сообщить ему ее содержание. Я послала ему два-три отрывка.

Настала осень. Вернувшись в Петербург, я получила от Ораторского Общества приглашение прочесть доклад о моей трагедии, которая чрезвычайно всех заинтересовала, хотя была еще в рукописи.

На моем докладе было много известных общественных деятелей, между прочим, известный юрист Н. А. Оппель,⁶ выступивший по этому поводу с блестящей речью. Он, между прочим, сказал, что помимо всечеловеческих идей этой “исключительной” трагедии, я открыла глаза всем на истинное магометанство, которое большинство знало лишь под символом меча, и что трагедия эта является еще большим подтверждением этого знания, открытого в поэме “Баб”. Присутствующие с большим одобрением отнеслись к выступлению Оппеля <...>. Словом, автор “Беха-Уллы” был засыпан охепками “роз”...

Через некоторое время после моего выступления, я возвращаюсь домой с вечера у Н. А. Оппеля, в семье которого я бывала <...> нахожу телеграмму от моего бакинского корреспондента, Мамедханлы, просившего в свое время послать ему содержание моей новой трагедии. В телеграмме этой он сообщает: “Абдул-Беха разрешает нам ехать к нему” и прибавляет: “Согласны, деньги вышлю”.

Абдул-Беха — сын Беха-Уллы, в то время — вождь бегаидов, находился, как я узнала потом, в Александрии. Надо же такое совпадение — получить телеграмму с приглашением от сына Беха-Уллы по возвращении с вечера, в доме оратора, так восхвалявшего мою трагедию “Беха-Улла”.

<...> Я выехала из Петербурга 7 декабря 1910 года⁷ и вернулась в февраль 1911 года.

Мое путешествие, сборы к нему и свидание с восточным мудрецом, этим миролюбцем в ряду первых миролюбцев нашего недавнего прошлого, описаны в моих воспоминаниях о “Путешествии в Края Солнца” (о виденном, слышанном и испытанном). Из-за войны <19>14 года воспоминания эти, которые составили бы книгу в 10 печатных листов (или более), остались неизданными.

<...> Вот каковы были последствия моей поэмы “Баб” — при выходе в свет этого труда, разорившего меня материально, но давшего мне необычайные, незабываемые впечатления.

<...> По возвращении из путешествия в Петербург, на мое извещение Абдул-Беха о моем благополучном приезде домой, я получила от великого

---

⁵ *Мирза Алекпер Мамедханлы (Мирза Али Акбар Нахджавани) (1865–1920).*

⁶ *Опель Николай Андреевич (1874–1942)* сделал карьеру юриста, будучи присяжным поверенным. Революция разметала всю их семью, он скончался далеко от родных и был похоронен близ станицы Котляревской (Кабардино-Балкарская АССР).

⁷ В «Путешествии в Края Солнца» И. Гриневская пишет, что прибыла из Петербурга в Одессу 4 дек. 1910 г., откуда они со спутником отплыли на пароходе 9 дек.

мудреца письмо,⁸ переведенное на русский язык Мамедханлы,⁹ моим товарищем по “Путешествию”.

<...> Я сказала выше, что поэма моя разорила меня материально, так как, занятая этим трудом, я не могла работать над прибыльными произведениями, но зато она привлекла ко мне благородные сердца среди писателей, ученых, людей других профессий и людей разных рангов и состояний.

Между людьми благороднейших сердец, привлеченных ко мне моей поэмой, был <...> просвещенный критик¹⁰ и его брат. Не забуду этих проникнутых высокими идеями людей до конца моей жизни.

Познакомившись по переводу Гальперин¹¹ с моей книгой, Леон Блюм пишет директору Одеона Антуану¹² письмо, в котором говорит о своем намерении послать ему мою поэму.

Ответ Антуана Леону Блюму, в котором он просит его прислать пьесу, был мне прислан критиком со следующим письмом от Леона Блюма, в котором он пишет:

“Спешу послать Вам письмо Антуана, которое я только что получил. Я тотчас же пошлю ему манускрипт, который Вы пожелали мне доверить, и я питаю надежду, что это дело получит желаемое Вами решение.

Не сомневайтесь, chère Madame, что я пушу в ход всю мою возможность служить произведению такой могучей оригинальности и такой роскошной поэзии. Надо, чтобы Ваш «Баб» был известен французской публике. И я буду горд, если сумею по мере сил моих способствовать большему успеху, который заслуживает Ваше сочинение”¹³ (перевод с французского).

---

⁸ См.: Абдул-Беха Аббас, вождь бегаидов, сын Беха-Уллы. Письма (5) перс. яз. // РО ИРЛИ, ф. 55, оп. 2, № 244, л. 4.

⁹ См.: Там же, л. 9—9 об. Письмо Абдул-Баха заканчивается такими словами: «Надеюсь, что непрестанно будешь прилагать ты усилия на благо всех населяющих этот мир и послужишь существенным образом роду человеческому, претерпевая на сей стезе любые тяготы и невзгоды, овладеешь успешно такими нравственными качествами (душевными свойствами), поведением и речением, чтобы стать сияющей свечей в сообществе людей. А<бдул-Беха> А<ббас.> При посредстве досточтимого Мирзы Али Акбара Нахджавани. Дочь Царства высшего Изабелла Гриневская, да пребудет на ней Слава Бога Преславная!» (здесь: перевод с перс. языка Ю. А. Иоаннесяна).

¹⁰ Блюм (*Blum*) Андре Леон (1872—1950) — французский политический и государственный деятель, премьер-министр Франции (1936—1937, 1938), премьер-министр Временного правительства Франции (дек. 1946 — янв. 1947), исполнял обязанности главы государства; старший брат балетного импресарио Рене Блюма (1878—1942), основавшего совместно с полковником де Базилем (*Василием Григорьевичем Воскресенским*, 1888—1951) в 1932 г. труппу «Русский балет Монте-Карло» (*Les Ballets Russes de Monte Carlo*).

¹¹ Гальперин-Каминская (урожд. Гинцбург) Нина Ильинична (?—1925) — переводчица художественной прозы на французский язык.

¹² Антуан (*Antoine*) Андре (1858—1943) — французский режиссер театра и кино, теоретик театра; крупнейший представитель «театрального натурализма», создатель и руководитель «Свободного театра» и «Театра Антуана», воспитатель плеяды талантливых актеров. В 1906—1914 гг. руководил в Париже театром «Одеон».

¹³ Антуан в ответ на письмо Блюма пишет, что ждет присылки пьесы. — *Примеч. И. Гриневской*.

Такое признание со стороны француза, гордого своей национальностью вообще и своей великой литературой особенно, — это уже успех, который может наполнить сердце до краев чувством самого высокого удовлетворения, оживляющего, воскрешающего. <...> вскоре в Comedia появилась заметка следующего рода:

Le Babisme à Paris
COMEDIA 28 Juillet 1912

Il est question de monter l'hiver prochain sur une grande scène parisienne, l'adaptation d'une pièce russe dont la représentation à Saint-Pétersbourg a eu un grand retentissement. Cette oeuvre, qui a pour auteur M-me Isabelle Grinewsky et pour sujet le Babisme, la religion nouvelle, exprime dans la langue la plus noble, les aspirations d'un grand poète vers un idéalisme encore méconnu.

<Перевод:>

<Бабизм в Париже
«COMEDIA» 28 июля 1912 г.>

Говорят о постановке будущей зимою на одной из больших сцен Парижа во французском переводе русской пьесы, представление которой в Петербурге вызвало большой шум. Это произведение, автором которого является Изабелла Гриневская, имеющее сюжетом бабизм (новую религию), выражает благороднейшим языком стремление большого поэта к идеализму, еще не признанному людьми на земле.¹⁴

Однако этим блестящим замыслом не суждено было осуществиться при жизни И. А. Гриневской:

«Вернувшись из Парижа домой, занялась печатанием поэмы “Беха-Улла”, заботами о существовании и наконец составлением записок о моем “Путешествии в Края Солнца”, законченных весной 1914 г., появлению которых в печати помешала грозная злосчастная война этого 14-го года.

Из-за “грозы военной непогоды”, когда требовались воинственные песни, прервались и переговоры о постановке “Беха-Уллы”, этой антимилитаристской пьесы, вышедшей из печати в 1912 году».¹⁵

«Путешествие в Края Солнца» печатается по машинописи с авторской правкой (РО ИРЛИ, ф. 55, оп. 1, № 10). Текст очерка приводится в соответствии с современными нормами орфографии, с сохранением отдельных грамматических и пунктуационных особенностей оригинала. Трудно читаемые слова, сокращения и предполагаемые пропуски восстановлены в угловых скобках.

Приносим глубокую благодарность Ю. А. Иоаннесяну, С. Ю. Митнику, сотрудникам Рукописного отдела Пушкинского Дома и общине бахаи — за всемерную помощь.

---

¹⁴ Гриневская И. История моих Восточных поэм. Часть 1 // РО ИРЛИ, ф. 55, оп. 1, № 13, л. 39–44. Публикуется впервые.

¹⁵ Гриневская И. История моих Восточных поэм, л. 44. Публикуется впервые.

И. А. Гриневская
Путешествие в Края Солнца
(о виденном, слышанном и испытанном)
(Продолжение)

Глава XI

Отель в Рамлэ, где я поселилась. — Я «у себя». — Принципиальный спор о патриотизме в связи с моей поэмой. — Я проявляю мой характер. — Второй день в Рамлэ. — Наподобие Ливингстона¹ нахожу дикарей. — Обед в отеле. — Новые бехаиды-ханы. — Я впервые в собрании бехаидов. — Необходимость быть умной. — Читаю стихи из «Баба».

Прекрасный отель этот весь белый, выходящий фасадом с широкой террасой на главную улицу городка, принадлежит греку. Сюда именно в сезоне, т. е. летом, съезжаются богатые люди из Александрии и других смежных городов, а также европейцы. Близость моря, которое видно из окон этого отеля с противоположной стороны, делает его в летние жаркие дни незаменимым для богатых людей местопребыванием. В то время, когда я очутилась в Рамлэ, в отеле было всего несколько человек приезжих.

Негр в белых панталонах, в куртке с белым передником и красной феске на черных, казавшихся войлочными волосах, все утра мыл и чистил этот отель, блиставший безукоризненной чистотой. Мне отвели большую, просторную, белую, светлую комнату. У стены кровать под белым тюлевым пологом от москитов, у одной из стен зеркальный шкаф, у другой — большой мраморный умывальник, посреди комнаты стол, покрытый хорошей ковровой скатертью, вокруг него стулья. Окно и балконные двери завешаны драпри.

После длинного пути я, наконец, очутилась относительно «у себя» — в этой белой комнате. Я, наконец, одна. Мне казалось сном все, что со мною происходило.

Разве это не сон? Я написала когда-то пьесу «Баб», исключительно с целью выразить мои мечты и грезы и напомнить людям о заветах божественных учителей Востока, среди коих был Тот, кто умер на кресте... И что же? — Я оказалась провозвестницей учения, последователи которого живут, и я нахожусь в гостях у их вождя!

Тут на время вернусь к предметам моего спора с моим спутником на пароходе. Спор этот не переставал меня волновать и отравлял мой отдых. Мирза Али Акбер не соглашался принципиально только с третьим актом, где я изображаю патриотические чувства Беха-Уллы.

Он находил, что чувства патриотизма, будто, противны учению пророка, проповедующего объединение всех народов в одну семью.²

— Именно это чувство является главными причинами раздора между людьми, — доказывал он.

— Но ведь в мире нет понятия, нет вещи, нет чувства, которые не могли бы стать предметом раздора. Ведь и любовь вообще, любовь к женщине, любовь к Богу даже часто становится на самом деле предметом раздора, ведь это известно! Значит, не надо вообще любить. Надо проповедовать против раздора, а не против любви. Вот нож. Потому что им можно порезать себя, не значит, что надо вывести из употребления эту утварь. Солнце иногда убивает жатву, если нет дождя, однако нельзя без солнца и т. д.

Наконец, нельзя выйти из своей шкуры. Любовь к родине естественна, как любовь к себе, к матери, к ребенку. Ведь я люблю свою мать, а не вашу. Я могу сочувствовать вашей, любить ее, когда узнаю, т. е. когда ее свойства проникнут в мою душу. Жалеть могу тоже всех сквозь себя; могу почувствовать чужие страдания, как свои. Однако, если вашему телу больно — вы стонете... если моему телу больно — я стону, хотя я могла бы боль всех принять на себя. Уколите мой палец — я чувствую укол, не чувствую, когда уколут ваш палец. Я могу лишь сочувствовать вашей боли так живо, как чувствую мою.

Этот свод небесный, под которым я родилась, эта земля, ближние виды, лица, которые я видела впервые, язык, который я слышала, книги, из которых я впервые получила свет, — это продолжение моей кожи — это моя родина. Любить ее так же естественно, как любить свою мать или ребенка, — это не заслуга даже, это естественная потребность, которую нельзя вытравить и которая, расширяясь, переходит в любовь ко всему человечеству. Мне не надо, чтобы моя кожа стала бесчувственной к уколу, для того чтобы понять ваши страдания от укола и почувствовать их. Напротив. Я должна чувствовать свою боль, чтобы понять и почувствовать боль ближнего, каким может стать и дальний, и тот, который мне неведом. Именно любовь к родине сливается с любовью к миру, и это я изобразила в 3-м акте «Беха-Уллы»:

О, родина, и здесь — в стенах Багдада —
Я слышать мог твой благостный привет.
Молюсь за благо я твое, молюсь за счастье...
Чтоб в счастья лучах могла ты утопать.
Из мира целого ненастье
И тучи надобно прогнать.
Ты мира часть, что тонет в бедах,
Ты мира часть, что плачет век во мгле, —
О, родина, тебе, рыдающей земле,
Я жизнь отдам, чтобы в победах
Над горестью подняться вы могли...

Это естественный путь духа от центра, от себя к периферии. Наконец, моя идея не только не противоречит учению Беха-Уллы, но, наоборот, является развитием и пояснением его завета.

Он сказал, что «любовью к родине не надо гордиться. Она связана с нами, как мать с плодом». И это изречение я поставила впереди. Ина-

че он бы сказал, что любовь к родине не нужна. Он же заметил, что этой любовью «гордиться не надо», ибо это естественно, ибо «мы свя-заны с родиной, как мать с плодом». Можно гордиться любовью к ми-ру, ибо эта любовь является полетом более могучего духа из горнила любви к родине.³

Вот почему не вычеркну этих мест ни за что.

Беха-Улла говорит в моей трагедии:

О, родина, в твоём постылом сыне
Душа летит к тебе. И кажешься ты мне
Прекрасной и в огне
Пустынь, и в рощах ароматных,
Зеленых кипарисов статных,
И тисов, миндалей...
Прекрасна ты в цветах твоих полей.
Прекрасен для меня привет твоей улыбки
И гроз твоих прекрасен гнев.
Пой, родина! Мне сладок твой напев.
Так звуки все чарующи и гибки,
Как тростники под ласкою ветров,
И грустны так. Нет слов,
Чтоб выразить очарованье
Их для души моей. — Когда ты запоешь —
(Обращается он к певцу)
Тоска по родине, как нож,
Вонзится в сердце мне.

Нет надобности для любви ко всем отказаться от национальной личности, от которой и нельзя отказаться, ибо она слагается из совокупности физических особенностей природы страны и исторических событий жизни народа, которых ведь в прошлом нельзя изменить, как бы вы ни старались приноровиться в настоящем к другим культурам других стран. Все равно положение страны по отношению к солнцу изменить нельзя. Изменить нельзя и хода рек и положения морей. Все эти особенности отражаются в мировоззрении, и в наружности, и в одежде. Но эти особенности не могут мешать любить друг друга. Вот мы с вами. Мы не похожи лицом. У вас продолговатый нос, у меня вздернутый, у вас более черное лицо, чем у меня, я меньше вас ростом, наша речь разная и т. д. Однако мы едем теперь в одно место и из разных концов России, не зная друг друга, шли к одной духовной цели. Как планеты вращаются вокруг солнца, сохраняя и свои пути, по кото-рым они вращаются, так и народы могут, сохраняя свои физиономии и задачи, вращаться вокруг солнца любви.

В моей трагедии, на стр. 125, Беха-Улла говорит:

Вкруг солнца несутся в просторе светила,
Что рассеяны дланью Творца.
Ими правят две мощные, вечные силы —
Одна сила влечет без конца

Мириады планет, нам светящих, к слиянию,
Увлекает другая их прочь.
И планеты волшебным и тихим сияньем
Озаряют нам черную ночь,
Все несясь, все кружась по путям неизменным
Вкруг светила горячего дня.
Пусть народы пути свои в строе вселенной,
Как светила на небе храня,
Как светила пусть кружатся дружески вечно
Вкруг солнца вселенской любви.
Ах, любовь лишь вечна, а все здесь быстротечно,
Как и жизнь быстротечна в крови!

И поэтому я, скажу вам, не изменю этих мест. Я отрицаю и положения Толстого против патриотизма. Он этими положениями отринул многих от идеи мира и любви, ибо эти положения противостественны. Каждый человек рождается в лоне собственной матери, и нельзя свою мать принести в жертву чужой, хотя бы и более прекрасной и достойной. Но если я действительно люблю свою мать, я чту всякую мать и самую эту любовь у другого.

Вот как говорит Беха-Улла на стр. 176 в трагедии:

Придите, христиане,
Евреи, мусульмане,
Придите все, кому
Приюта нет на свете.
Отца небесного все дети,
Придите все. Всех вас приму.
Придите все ко мне, храня одежды,
Обычаи свои, свои надежды.
Вас, как отец, к груди моей прижму.
Придите все сквозь холод и сквозь тьму,
Не осмею я ваших упований
И лика вашего, сыны, не осмею,
Не осмею речей, не осмею страданий, —
Такими, как вы есть, вас всех я люблюю.
Взаимною любовью вас связуя,
Вам больше силы дам...
Придите все ко мне, вас всех я уврачую.
Придите все ко мне, утешу вас. Я к вам,
Народы, все, объятя простираю,
И с песнями любви, что к нам летят из рая,
Иду навстречу к вам...

И опять я сыпала слова и сравнения и доводила моего спутника до головной боли; мое упорство доводило его до отчаянья. Но... в Рамле он однажды пришел ко мне и сказал, что Абдул-Беха по другому поводу высказался в моем духе. Следовательно, и 3-й акт получил санкцию от Абдул-Беха...

А на пароходе моя песня из «Бега-Уллы» «Люблю мою родину» уже была переписана многими, а также слова, предшествовавшие ей, и вместе с любовью к родине заседалась любовь и ко всему миру...

Вот эта песня:

Я люблю мою родину, страстно люблю,
Я молюсь за нее наяву и во сне,
Наяву и во сне, когда крепко я сплю,
Моя родина грезится мне.

Я люблю мою родину, страстно люблю,
Там и небо синей, звезд волшебнее свет.
Коль увижу корабль, я скажу кораблю:
Отвези от меня ей привет.

Ей поведаю сам, как по ней я скорблю.
Сам войду на корабль, проскользну между рей,
И ветрилам скажу, закричу я рулю:
Меня к родине мчите скорей!

Еще один повод к спорам. Первый акт моей трагедии «Баб» не соответствует истории.

— Я это знаю, но он соответствует правде художественной. В нем показано, как от любви земной и личной великие духом переходят к любви божественной, к любви ко всему человечеству.

Кроме того, первый акт именно такой, какой он есть — открывает дверь к сердцам европейских слушателей и готовит к восприятию тех идей, которые я излагаю в «Баб», готовит к пониманию Востока вообще и Персии в частности, которую у нас, по крайней мере, представляли себе чуть ли не как страну дикарей.

Прошел первый день в Рамлэ, в Африке, в этой загадочной части света, где рядом с величайшей из культур, где-то в глубине открытой впоследствии Ливингстоном, жили люди на первой ступени цивилизации, в первобытной простоте, близкой к природе, о которой, впрочем, мечтали и утонченные мыслители Жан-Жак Руссо во Франции и Толстой — у нас.

На другой день я встала рано, проснулась под белым тюлевым пологом и долго лежала в постели, припоминая все случившееся со мною, обозревая последнюю сказку моей жизни, превратившуюся в какую-то странную феерию... Вставши, я принялась записывать то, что я рассказываю. Одевшись, я вышла из гостиницы по направлению к морю. Оказалось — спутник тоже куда-то ушел.

Море тихо плескалось, как будто бы никогда на нем не вздымались волны, точно оно не жилось под лазурным балдахином неба.

На обратном пути, в одной из боковых улиц, недалеко от гостиницы, построенной со всеми утонченностями европейских требований, я увидела два простых шалаша, обнесенных пальмовой оградой. Я вошла во дворик. Из одного шалаша вышли две женщины-арабки с татуировкой над губой. Одна постарше, другая помоложе. Это были две

бедуинки, с браслетами на ногах, полуголые, завернутые в обычные тряпки, живописности которых напрасно стараются подражать теперь наши модницы. Я глядела на женщин с любопытством, а они с тем же любопытством смотрели на меня.

Женщины скрылись, когда из другого шалаша вышли два бедуина, два красавца, два царя пустыни, с белоснежными платками на голове, ниспадающими на спину. Плахты эти придерживаются свитым из каких-то темных веревок кругом, охватывающим всю голову.⁴ Бронзовые лица, сверкающие глаза и белые зубы. Мужчины красивее и живописнее женщин. Постояв мгновение перед ними, я ушла.

Мой спутник, которого я уже застала дома, сказал мне, что в гостиницу приходил Абдул-Беха, чтобы сделать мне визит, но ему сказали, что я сплю. Очень огорчилась этому обстоятельству. На вопрос спутника, где я была, — я рассказала ему, что я навестила доброе море, принесшее меня сюда, а также рассказала ему о моем открытии наподобие ливингстонского, о том, что я наткнулась на шалаш бедуинов.

— На Востоке женщины не должны пускаться в поиски новых открытий, — заметил он мне с улыбкой, желая этим сказать, что я не должна уходить одна.

К первому часу — обед, внизу в просторной, блестящей белоснежными скатертями и серебром, столовой.

В столовой из обедавших были мы двое, а за соседним столом два перса. В Рамлэ еще не начался сезон, и только этим объясняется малочисленность гостей. Лакеи в европейских платьях, по-европейски держали блюда одной рукой, а другую закинув за спину, ловко подавали кушанья.

Мой спутник, указав на сидевших за соседним столом персов, сказал: «Вот с этими я должен был ехать сюда, но они не хотели Вас ждать в Одессе, и потому они раньше меня прибыли сюда на 20 дней. Это два брата, два хана, путешествующие инкогнито». Я взглянула на них. Оба очень высокие. Один из них, старший, лет 50, болезненный, тонкий, несколько согбенный. Лицо его и вся фигура напоминает фигуры персов на старинных горельефах. Второй, младший, столь же высокий, но довольно полный и цветущий, с круглым румяным лицом. Оба были в черном с черными персидскими шапочками на головах.

Мирза Али Акбер, мой спутник, познакомил нас. Они сказали несколько любезных слов, на которые я ответила, что я рада с ними познакомиться, — и мы уселись за своими столиками.

После обеда — мне хотелось бы пойти обозреть Рамлэ, но Мирза Али Акбер сказал, что нельзя уйти из гостиницы, ибо может быть голец от Абдул-Беха. Я пошла к себе строчить...

К четверем часам мой спутник зашел ко мне и объявил, что в гостиницу пришли новые бегаиды, которые хотя бы познакомиться со мной. Я сошла вниз. Вдоль стен сидело несколько человек: все персы из Асхабада,⁵ из Бухары, из Индии, один из Шираза, говоривший по-англий-

ски, немолодой и небольшого роста человек. Он приехал из Лондона, где он был в то время, когда некий лектор читал лекцию о бехаизме. Были тут в тюрбанах, в фесках, черных и красных, в халатах и в разного цвета лабадэ.

Я рассматривала все эти чуждые мне лица, которых я бы никогда не встретила, если бы волею неба я не написала мои две поэмы. Вот старый изможденный бухарец, тип мученика времен христианства, а вот его молодой сын. Вот его товарищ по пилигримству, тоже из Бухары, с белым грубым тюрбаном на голове, с загорелым лицом, с грубыми, суровыми чертами. Встретясь с этим человеком в глухом месте — испугаешься, подумаешь: вот грабитель и насильник, а он на все собранные тяжким трудом деньги отправился на поклонение к сыну Беха-Уллы, к тому, кто среди раздора и вражды говорит о любви и милосердии. Вот бледный, красивый перс, приехавший из Индии. Тут же были два хана в черных длинных архалуках⁶ и черных фесках. На руке у младшего висят четки, которые он все время перебирает. Вот еще очень молодой человек-перс, прибывший с этими ханами, видными сановниками. Вот еще несколько лиц, среди которых выделялся молодой человек, с умным и милым лицом, из Асхабада. Все эти представители мусульманского мира, приехавшие в Рамлэ, чтобы поклониться вождю, мудрецу, несущему в мир заветы пророков любви давнего и недавнего прошлого, — смотрели на меня ласковыми глазами, как на свою сестру и, видимо, находя все хорошим в той, которая изображала святых для них лиц. Они говорили между собой на непонятном для меня языке. В речах их для меня только известны были слова «хейли хуб» — очень хорошо, поминутно звучавшие в их устах, но души этих людей, светившиеся в их взорах, в звуках голосов, в эту минуту мне были и понятны и близки.

Начал разговор Мирза Али Акбер, очевидно, рассказывавший присутствовавшим о цели моего путешествия... «Хейли хуб», «хейли хуб», — говорили они и повторяли одобрительно:

— Вот сидим теперь с гяуркой. До Баба этого не могло бы случиться. Гяуры считались нечистыми, — сказал старший хан. — Теперь мы сидим с вами, — сказал он мне, — как братья с сестрой. Это ли не истинная цивилизация, к которой стремятся лучшие умы Европы?

Речь эту переводил мне Мирза Али Акбер.

Мне было интересно слышать эти речи, служившие как бы подтверждением моего представления о персах, как о людях высокой культуры, в противоположность обычным распространенным среди обывателей мнениям о них, как о дикарях. Единственно, что меня тяготило — это необходимость «быть умной», что-нибудь сказать «импонирующее» самой. Я знаю, спутник мой считал это необходимым, и необходимость эту я понимала сама. Не следовало спускаться знамени писателя из России, да еще женщины. Но вот это-то мне и было трудно, ибо совершенно не умею ходить на ходулях и предпочитаю молчать

и слушать. Но я знала, что ведь и пришедшим было бы интересно что-нибудь услышать от писательницы из России.

— Если не считать великих наших мечтателей, великих людей, то обычно наша пресловутая цивилизация блещет только снаружи, — сказала я в надежде, что мой драгоман при переводе пустит и отсебятину в восточном духе, которая удовлетворит собрание.

— Подобно персидской конституции, — заметил асхабадец, Мирза-Мунир Набилов (Набили).

Затем меня просили прочесть что-нибудь из «Баба». Но я, увы, знаю наизусть только 6 строчек, и то эти строчки не того характера, которые следовало бы прочесть в этом собрании.

Я прочла отрывок из монолога Хуррет,⁷ из 1-го акта, в котором она говорит Бабу на последнем свидании:

Хотела б я греметь, как буря,
И вдруг умолкнуть пред тобой,
Носиться тучей по лазури
И пасть к ногам твоим росой.
Хотела б быть я вольной птицей
И сплесть мой рок с твоей судьбой,
Хотела б властной быть царицей
И стать навек твоей рабой.

Мирза Али Акбер перевел их очень плавно и звучно на персидский язык.

— Это настоящая восточная поэзия, — сказал асхабадец.

— Это Гафиз,⁸ — заметил любезно и преувеличенно младший хан.

Собрание это состоялось, как я понимаю, по распоряжению Абдул-Беха, который пригласил всех нас к ужину. С тактом высших умов, он хотел, чтобы я за его столом чувствовала себя уже среди знакомых. Это я понимаю теперь, после того, как я постигла характер этого необыкновенно тонкого человека, всю деликатность души этого мудреца.

Глава XII

Мы приглашены к Абдул-Беха. — Я в эндеруне. — 8-летняя девочка в роли драгомана. — Обмен приветствиями в эндеруне. — Как одеты женщины-бегаидки. — Представление о русских. — Теория и практика отношений бегаидов к своим женщинам. — Я за многолюдным столом Абдул-Беха среди мужчин-бегаидов. — Я показываю свою осведомленность в политике. — Что из этого вышло. — Конец вечера. — На другое утро. — Воспоминание о проведенном вечере. — «Мечтала я в детские годы».

Приближался час, когда надо было отправиться к Абдул-Беха, и жившие в другой гостинице ушли. Мирза Али Акбер и ханы с их про-

вожатыми и я через некоторое время отправились по улицам Рамлэ пешком. Был декабрь месяц, а здесь казался июль. Теплынь и тишина, зелень и цветы. Над нарядным городком сходили короткие сумерки.

Мы в передней Абдул-Беха. Мужчины вошли в комнату, а я по знаку Мирзы Али Акбера осталась в передней. Меня ввели в эндерун. В комнате, в которой я уже была, я увидела сразу несколько поколений женщин: бабушек, дочерей и внучек. Женщины встретили меня ласково, как будто они только меня и ждали. Драгоманом служила очаровательная девочка, блондинка с черными чудными глазами, которая передала мне речь старших на французском языке. «Vous avez éclairé notre demeure».

— Вы озарили наше жилище, — сказала девочка, важно сидя на стуле, — это значит, что они очень рады вас видеть среди нас. — Cela veut dire qu'elles sont bien contentes de vous voir chez nous, — пояснял драгоман.

Я тоже нашла несколько фраз в моем европейском диксионере светского обихода.

Я взглянула на висевший передо мною портрет чарующей красоты молодого человека.

— C'est notre seigneur (Это наш господин), — заметила девочка, как бы на мой молчаливый вопрос.

В моей трагедии «Беха-Улла» Абдул-Беха фигурирует в молчаливой, но важной роли, в еще более молодом возрасте, чем тот, в котором он изображен на портрете.

Как женщины одеты? Я должна вас разочаровать. И помину нет о балетных юбочках. Нет и шаровар и прочих принадлежностей костюмов, на которые мы любуемся в иллюстрациях к восточным рассказам. Платья обыкновенного европейского образца, в стиле одежды горожанок среднего состояния захолустной провинции. Старые — в платках, более молодые — со спущенными по плечам косами.

Вошла красивая женщина 22 лет в бархатном платье покроя «реформ»,⁹ со спущенными черными косами, с большими кольцами в ушах. Это была жена грациозного старого Хаджи, привезшего нас из Александрии, — хозяйина квартиры. Звали ее Мехрангиз, что значит — чаровница.

— Все ли так красивы в России, в вашей холодной и дикой стране, как вы? — говорит любезно мать этой красивой женщины.

— Я далеко не обладаю той красотой, которая отличает других женщин у нас, — похвастала я. — И наша страна холодная только зимою и вовсе не дикая, как и Персия.*

Это их очень удивило.

---

* Я привела этот не заслуженный мною комплимент, чтобы показать тон и манеру восточной женщины, далекой, как видите, от дикарки, живущей в нашем представлении о ней. — *Примеч. И. Гриневской.*

Очевидно, им рассказывали, что у нас ходят в звериных шкурах, как самоеды, с понятием о которых в умах этих милых персиянок-бехаидок спуталось понятие о жителях всей России вообще.

Когда я ехала сюда, уже написав пьесу «Беха-Улла», я думала, что среди бехаидов уже успели установиться другие нравы под влиянием заветов Баба, требовавшего освобождения женщины от затворничества и чадры. Это обстоятельство было причиной моих колебаний в сценах бытового характера. В первом наброске у меня женщины вместе с мужчинами. Но под наитием, которого не могу объяснить, я исключила женщин из собрания. Все же я думала, что женщины-бехаидки открыто показываются мужчинам. Тут же я увидела, что практика жизни потребовала от бехаидов подчинения общим мусульманским нравам; женщины-бехаидки отделены вполне от мужчин, как и в среде старого мусульманства женщины, кажется, с 12-летнего возраста, выходят не иначе, как под чадрой. Когда я спросила у жены Хаджи, в каком виде они появляются на улице, она ответила: «Наш господин велит нам закрываться». Так сильна власть прошлого в этих солнечных странах, оно захватывает течение жизни в своих мощных объятиях. Перед ним слова немощны и слабы, и только сила веков может мало-помалу рвануть его цепкие пальцы. Бехаидские женщины отличаются от женщин старого мусульманства тем, что под влиянием свободолобивых идей бехаизма в них сильно возбуждено сознание своей личности, своих прав на жизнь, «наравне с мужчиной», как это было и во времена Магомета... Они чувствуют всю тяжесть гнета затворничества, тем более что они находятся в частом общении с европейками. Но об этом после.

Меня позвали к ужину. Я вошла в большую комнату, где был накрыт стол. Вокруг стулья. На столе были наставлены блюда: плов, всякая зелень, апельсины и в хрустальных кувшинах чистая вода. У персов все блюда подаются зараз. В моей пьесе «Беха-Улла» трапеза изображена на ковре. Но пьеса моя относится к тому времени, когда Европа не столь явно ворвалась в жизнь бехаидов, как теперь. Тогда вся внешняя жизнь бехаидов имела общемусульманский уклад.

Когда я вошла, все мужчины уже сидели за столом, только не было Абдул-Беха. Его место не было занято, а также не было занято место Хаджи. При моем появлении все встали, как это в обычае у персов. При появлении нового лица все поднимаются с мест, хотя бы это был молодой человек. Таково уважение к человеческой личности. Меня посадили возле места вождя. Все сели, тихо шептались и ожидали его выхода.

Вот шумно открывается дверь и высокий статный Хаджи возвещает, что идет Абдул-Беха. Все встали. Абдул-Беха берет меня за руку и сажает меня на свое место, а сам сел на мое. Посадить гостя на свое место — значит оказать ему большой почет.

Признаюсь, я не оказалась здесь на высоте моего положения. Я чувствовала себя очень маленькой и неловкой с высоты председательского места.

Как я сказала, все блюда с кушаньями стояли на столе. Абдул-Беха ловкими и быстрыми движениями накладывал плов, приправы из баклажанов, мяса, бобов на тарелки, которые разносил араб Хосров. Он же наливал всем в стаканы воду, заменявшую наше шампанское. Абдул-Беха, приглашая гостя сесть, добродушно улыбался, причем задавал то тому, то другому вопросы, завязывая беседу. В то время, о котором я пишу, происходили тревожные события в Персии. Кто-то говорил о них.

Я сочла нужным вмешаться в разговор и спросила с серьезностью интервьюера: «Удержится ли новый курс на вашей родине?»

На это Абдул-Беха ответил: «Будет еще много волнений, но в конце концов конституция утвердится, ибо самодержавие пережило свой век. Должна воцариться справедливость, которой, впрочем, нигде нет, даже в Америке. Например, 10% сбор с дохода податей, разложенных на всех, нельзя сказать, чтобы это было справедливо. Для бедняка эти 10% в сто раз больше значат, чем для богача.

Я сказала: «Не могут ли воспользоваться государства Европы неурядицами в Персии, чтобы захватить ее?»

Абдул-Беха добродушно улыбнулся. Они бы это сделали, но вот то, что не умеет делать Персия — государства Европы делают за нее, следя друг за другом. Как только одно государство хочет захватить нашу страну, другое уже появляется на страже и не позволяет этого делать...

Разговор продолжается...

Я просила Мирзу Али Акбер<a> переводить мне только то, что особенно для меня интересно. Скажите, что я прошу не стесняться моим присутствием, мне приятно слышать звуки голосов собравшихся. И не зная смысла речей, сами звуки их мне кажутся чудесной мелодией. Если я не понимаю слов, я угадываю по этой мелодии их смысл.

Говорили главным образом, кроме Абдул-Беха, Мирза Али Акбер и ханы, остальные больше молчали, слушали и набожно взглядывали на любимого вождя.

После ужина Абдул-Беха поднялся и ушел к себе, а мы перешли в следующую комнату, в гостиную, где пили кофе. Вечер кончился тем, что отец Мехрангиз — Хаджи Сеид Али Язди трогательным голосом спел бехаидский гимн. Все с умилением слушали его. Грациозный Хаджи закрыл глаза, старший хан еще более согнул свой стан и скорбно опустил голову. Мирза Али Акбер возвел глаза к небу и молитвенно сложил руки. Мне вспомнились трапезы наших интеллигентов, даже высшего порядка. У нас они кончаются иначе. А как — известно...

Все разошлись. Для меня послали за фаэтоном, так как у меня еще болела нога: болезнь эта значительно испортила мне прелесть путешествия.

Я пошла попрощаться с женщинами, которые уже столпились у дверей, прячась одна за другой из ее половинок от взоров мужчин. Провожал нас отец Мехрангиз, Хаджи Сеид Али Язди, только что певший бегаидскую молитву. Он недурно говорил со мной по-итальянски.

На другой день, 25 декабря по ст<арому> ст<илию>, утром, записывая впечатления вчерашнего дня, я пишу:

К Абдулу-Бега.

З д е с ь.

23 декабря.

Мечтала я в детские годы,
О крае таком я мечтала,
Чтоб берег волна целовала,
Чтобы в тьме и грозе непогоды
Скала под ударами вала
На небо спокойно взирала...
Мечтала я в детские годы.
Мечтала я в детские годы,
О саде таком я мечтала,
Чтоб пальма с сосною взрастала
Под неба лазурные своды,
Чтоб розы на мхи бы роняла
Рос чистых, как слезы, кристаллы —
Мечтала я в детские годы.
О том, что я в детские годы
С тоскою безумной мечтала,
О чем я мечтать уж устала
Под тяжестью горя, невзгоды, —
Откинул ты тьмы покрывало! —
Узрела, о чем я мечтала,
В далекие детские годы.

Стихотворение это из «российской скромности» я не отдавала великому хозяину, и он до сих пор не знает о его существовании. Печатаю его теперь потому лишь, что оно передает мое настроение и рисует среду бегаидов такой, какой она мне представлялась, а ведь иной и не могу себе ее представить, как сквозь призму моего духа. Кто интересуется движением бегаизма в Персии, весьма знаменательным даже для характеристики нашей эпохи, ибо оно открывает нам горизонты будущего, для тех, быть может, представит интерес и это мое стихотворение.

Глава XIII

Абдул-Беха делает мне визит. — Что говорил Абдул-Беха хозяину отеля. — Разговор о кровопролитии в Персии. — Хань о сверженном шахе Мамед-Али. — Абдул-Беха покидает отель. — Опять трапеза у Абдул-Беха. — Опять я в эндеруне и опять мой драгоман 8-летняя девочка. — Мне поют бегаидстскую молитву. — Бухарцы, индеец, персы и другие за столом Абдул-Беха в бируни¹⁰ (на мужской половине), куда я пережожу. — Как завершаются вечера у бегаидов. — Улицы Рамлэ ночью на обратном пути от Абдул-Беха.

Мне говорят: «В 3 часа в отель прибудет Абдул-Беха».

В приемной отеля опять собрались все бегаиды. Когда меня позвали вниз — все были уж в сборе. Когда я вошла, старый вождь пошел мне навстречу.

— Я пришел для Вас, — передает мне от его имени Мирза Али Акбер. — И тут Абдул-Беха повторил опять сказанное им мне в утро нашего первого свидания: «Было много женщин за последнее столетие: богатых, знатных, ученых, но в истории останется имя лишь тех из них, которые отдавались святым делам, как Хурет. Посвятите себя впредь делам духа во имя Всеблагого Бога. Все низменное проходит, все вечное остается незыблемо», — сказал он. Он опять усадил меня возле себя, и все снова уселись вдоль стен.

Подали чай. Вошел хозяин отеля, худошавый, среднего роста, грек. Абдул-Беха любезно и благодушно с ним поздоровался и спросил, очевидно, что нового или что хорошего, ибо хозяин поклонился, как бы поблагодарил, и потом, выпрямившись, прислонился к дверям, заложив одну руку за спину, другую в карман. Меня удивила эта поза перед старым мудрецом, о котором и хозяин, и дочь его, очень милая девушка, в разговоре со мной отзывались в восторженных выражениях, как о великом сердце и уме... Ни один мусульманин не будет так стоять даже просто перед стариком, тем более перед уважаемым человеком. Тут же, как нарочно, явился Хаджи, что-то принес Абдул-Беха, какую-то забытую им дома вещь. Он подал ему с поклоном и направился к своему месту спиной, как это делали и все окружавшие его бегаиды по отношению к боготворимому ими старцу.

Что говорит Абдул-Беха греку? — спросила я Мирзу Али Акбера.

— Он говорит: «Мы стараемся уничтожить оружие, но ваши греки хотят их приобретать все больше и больше... Один грек пригласил меня к себе, и я вижу — на стене у него развешано разное оружие, целое собрание оружия. Я ему сказал: вместо всех этих смертоносных вещей, которые вы сберегаете, вы бы лучше сберегли мир, спокойствие, солидарность, любовь и т<ому> п<одобные> вещи...»

После этих слов, которые и тогда показались мне важными, прошло около трех лет. После войны на Балканах христиан с турками, я поняла теперь, что значили эти слова, сказанные Абдул-Беха не то-

ном поучения, а как бы шутя и благодушно. Теперь я поняла, почему молодые греки, маменькины сынки, которых я встретила на пароходе, были отосланы родителями в Америку будто продавать «шкурки». Я теперь поняла, почему греки покупали, собирали оружие. Если бы они сберегли, вместо оружия, мир и кротость, и спокойствие, и прочее, как советовал Абдул-Беха, не было бы и того, что я прочла сегодня, 18 июня 1913 г., в газетах: «Сербо-греко-болгарская война началась!» Не было бы этого позорного пятна на знамени славян, греков и вообще христиан.

Говорили и о кровопролитии в Персии; оно волновало, очевидно, и этих кротко подчиняющихся судьбе сынов этой страны. Говорил старший хан о шахе Мамед-Али. Приведу его необычное мнение о бывшем монархе. Он сказал о нем: «Мамед-Али — умный человек: что он высказывал в совете суждения такие, которым все удивлялись, принимал самые мудрые решения, но стоило кому-нибудь из слуг вызвать его из совета, как он возвращался с другими идеями, очевидно, внушенными его приближенными вне стен совета. Таким образом, нельзя было знать, что можно ждать от него. Хан сказал, что Тегеран взяли не революционеры, а английские дипломаты. Что шах так унизил свое достоинство, что муллы перед ним сидели, когда он стоял.

Дальше мне пришлось слышать отзывы о бывшем шахе из уст другого сановника. Мнение его о шахе я приведу в своем месте.

Абдул-Беха вскоре поднялся с места и, попрощавшись, направился к выходу. Все пошли за ним. Сходя с лестницы, он сделал знак, чтобы за ним далее не следовали. Лишь молодому персу, провожатому ханов, он дал какой-то сверток, который тот понес за ним, следуя на некотором расстоянии. Я, как и другие, долго смотрели на удалявшегося Абдул-Беха.

В белой чалме, коричневом лабаде,¹¹ из-под которой <так!> виднелась белая камис, этот небольшого роста человек, своей красивой важной походкой и всем своим явлением мог производить внушительное впечатление даже на всякого встречного незнакомца. Сейчас чувствовался в этом персе человек, привыкший властвовать. И он властвовал. Среди окружавших его не было человека, для которого малейшее слово Абдул-Беха не было бы законом. По мановению его руки многие пошли бы на смерть; первый мой спутник Мирза Али Акбер пренебрег бы всякой смертельной опасностью, чтобы исполнить малейшее желание этого вождя. Еще долго виднелась коричневая лабаде с широкими рукавами, белая чалма с развевавшимися из-под нее длинными волосами. Долго мы видели молодого человека, мерно и набожно шествовавшего за учителем, пока оба не скрылись за поворотом.

Опять мы приглашены на ужин. Опять мы идем по узким чистым улицам, окаймленным оградами садов из пальм, причудливых кактусов и апельсиновых деревьев. Луна ярко освещала высокие фигуры двух благородных ханов в живописных аба¹² верблюжьего цвета, кото-

рые они надели на себя для тепла. Этим детям солнца было холодно, хотя стояли чисто июльские дни нашего севера, когда мы задыхаемся от жары. Опять визит <к> женщинам. Опять мне служила драгоманом младшая сестра жены Хаджи, 8-летняя Ауя, очаровательный ангелочек с пепельными волосами и черными глазами, с длинными, загнутыми на концах ресницами. Опять она важно села против меня, и когда я спросила, что говорит ее мама, она ответила: «Вы явились, как луч солнца зимою».

Я просила, чтобы мне спели молитву. Тетка жены Хаджи, Мараса, молодая девушка, худошавая, высокая, с бледным лицом, на котором божественным пламенем горели темные глаза, осененные густыми ресницами, — начала петь какую-то молитву. Никогда не забуду этого голоса и никогда не забуду выражения лица этой девушки. Это был разговор скорбящей души с Богом, покорная жалоба, смиренная тоска, воспоминание о ком-то, кто страдал, горячая мольба.

В начале музыкальной фразы она закрывала лучистые глаза, а в конце она открывала их. Эта девушка была так своеобразно красива в эти минуты! Я жалею, что не владею резцом, чтобы высечь из желтого мрамора этот тип христианской великомученицы былых времен, живым олицетворением которой казалась мне эта персиянка. Милая девушка!

По моей просьбе она спела мне еще молитву. Она пела молитву, сочиненную Абдул-Беха; причем ее малолетние племянницы: Шурангиз, Малакута и Ауя, подтягивали ей. Незабвенное впечатление.

Опять вошел статный Хаджи. С религиозным трепетом он снова произнес «Абдул-Беха» и жестом пригласил меня в мужскую половину дома, в так называемый «бируни».

Все встрепенулись, и я под влиянием общего настроения вскочила и поспешно вышла, даже не кивнула милым женщинам, окружавшим меня, жадно ловившим и мои речи, как я их слова, и поживавшим меня глазами.

Были опять Хаджи, Мирза Язди Афнан, индеец¹³ Тамардюн иль Молк. Уже два года путешествует он вдаль от своей родины, где его ждут, по его словам, старая мать и молодая жена. «Ун вью мер и жун фам».¹⁴ Сказал он мне это на ломанном французском языке с персидским произношением.

Хаджи сел в конце стола. Мне опять предложили председательское место. Опять Абдул-Беха угощал своих гостей материальной и духовной пищей. Он говорил, видно, много и вдохновенно, судя по выражению лиц, с каким его слушали.

Не худо ли вам в нашем обществе, обратился также хозяин ко мне. Я ответила к общему удовольствию по-персидски: «Хейли хуб». «Я бывала на роскошных богатых пирах ученых, — продолжала я, — немного запинаясь, уже по-русски, — я бывала на пирах и знатных и богатых

людей, но в таком обществе, в обществе людей, которых воодушевляет только любовь, — мне приходится бывать впервые, и эти трапезы я не забуду никогда».

Мирза Али Акбер перевел эти несколько слов по-персидски.

— Вот смотрите, все люди прибыли сюда из разных стран. Это люди разных религий. Не политические, не экономические, не национальные цели привели их сюда, — а только божественные, — сказал Абдул-Беха.

Сейчас после ужина Абдул-Беха удалился к себе. Мы перешли в другую комнату, где подали кофе, и тут Хаджи опять всем подал флакон розовой воды и духов. Потом прибывший из Индии вынул книгу, сочинение Беха-Уллы, которая была завернута в шелковый платок, и, поцеловав ее, стал читать нараспев. Вот что он читал, как я узнала от Мирзы Али Акбера:

«Между двумя проповедниками шел спор. Один говорит, что Бог всеобъемлющ, всевышен, непостижим, не возвышается и не понижается, а пророки от него получают вдохновение. Другой говорит, что те люди, которых называют пророками, — части воплощения Бога. Беха-Улла на это ответил: понимаете и так, и так. Оба ваши суждения правильны, но если из-за этого вы сделаете спор, то никто из вас не будет от меня, ибо пророки являются для мира и любви, а не раздора».¹⁵

Как странны мне теперь казались укутанные мглой улицы под лившим дождем... Где мы теперь? В Иерусалиме, в дни жизни Христа, или в Риме, в дни гонения на Его последователей? В каком это я была собрании? Идеи не новы, но нов восторг, с каким они принимались, так нов, как новое раннее утро. Я передала уже этот восторг в «Бабе» и «Беха-Улле»; но все же меня он удивлял и восхищал, когда я увидела его своими глазами и слышала моими ушами. И это среди нашей эпохи, которую называют материалистической. Как нелепы эти клички, которыми обзывают эпохи! В каждой эпохе — тысячи эпох. «Как, в наше время, когда порнография?.. когда оперетки... когда фарс... и т<ак> д<але>е?» Оставьте, «в наше время» еще существуют первые христиане... И их распинают — только другим способом.¹⁶

---

¹ *Ливингстон (Livingstone) Давид* (1813—1873) — английский исследователь Африки.

² Ср.: «Патриотизм — чувство относительное: любовь к своей стране, сочетающаяся с ненавистью к другим странам, — несовершенная любовь! Даже соотечественники вступают в распри. <...> Изливайте свет беспредельной любви на каждого, кого встретите на пути своем, — либо в своей стране, либо среди своего народа, либо среди членов вашей политической партии — независимо от их цвета кожи, национальности или политической принадлежности. Небо поможет вам, когда вы станете собирать разбросанные по всему миру народы под сень шатра всемогущего единства» (Абдул-Баха. Цит. по: *Раскрывая наше духовное предназначение...* СПб., 2002. С. 153, 154).

³ Ср: «Не тот должен гордиться, кто любит свою страну, а тот, кто любит весь мир. Земля — единая страна, и человечество — ее граждане» (*Бахаулла*. Крупицы из Писаний. М., 2009. С. 170).

⁴ Куфия (платок, арафатка, шмаг, гутра, хата) — неотъемлемая часть мужского гардероба в арабских странах.

⁵ Асхабад (до 1919 г.), Полторацк (до 1927 г.) — Ашхабад (Ашгабат), с 1924 г. столица Туркмении. В Туркестане, входившем тогда в состав Российской империи, возникла и успешно развивалась одна из первых и самых известных за пределами Персии общин бахаи. «В 1902 году Абдул-Баха дал указание воздвигнуть в Ашхабаде Дом Поклонения. Еще в 80-е годы XIX века Хаджи Мирза Мухаммад Таки, двоюродный брат Баба <...> приобрел участок земли, на котором Бахаулла просил воздвигнуть Дом Поклонения. Проект здания выбрал Абдул-Баха, само же строительство проходило под руководством Устада Али Акбара Йезди и русского архитектора Волкова. А. Д. Калмыков, русский чиновник, находившийся в то время в Ашхабаде, описывает в своих воспоминаниях, как он представил Хаджи Мирзу Мухаммада Таки генералу Д. И. Суботичу, тогдашнему военному начальнику Закаспийской области, который согласился заложить камень в основание Дома Поклонения. Калмыков пишет: “Это была впечатляющая церемония — признание Россией независимого характера религии Баби в то время, когда в Персии зверски убивают сотни бабидов”» (цит. по: *Аккерман Н., Хассел Г.* Вера Бахаи в России (исторический очерк) // *Эсслемент Дж. Э.* Бахаулла и Новая Эра. М., 2008. С. 278—279).

⁶ Архалук — мужская и женская распашная одежда у народов Востока.

⁷ В поэме И. Гриневской «Баб» встречается двоякое написание имени этой героини: *Хуррет* и *Хурет*, прототипом которой послужила Куррат ал-Айн (Тахира) — одна из «восемнадцати Букв Живого», первых учеников Баба; талантливая поэтесса. Баб упомянул о ней, как «о той, кого Уста Могущества и Славы называли Тахира (Чистая)» (цит. по: *Набиль*. Вестники Рассвета: повествование о ранних днях Откровения Бахаи: в 2 т. М., 2005. Т. I. С. 93). А вот что сказал о ней Абдул-Баха: «Она сбросила чадру, вопреки давнему обычаю персиянок, и, хотя считалось невежливым разговаривать с мужчинами, эта отважная женщина вступала в дискуссии с учнейшими мужами и на всяком собрании побеждала их. Персидское правительство заключало ее в тюрьму; ее забрасывали камнями на улицах, предавали анафеме, высылали из города в город, угрожали смертью, но никогда она не теряла решимости бороться за освобождение своих сестер. С величайшим героизмом она переносила преследования и страдания <...>. Она заявила министру Персии <...>: “Вы можете убить меня <...> но вы не можете остановить освобождение женщин”. <...> Жизнь Куррат ал-Айн трагически оборвалась: ее привели в сад и удушили. В тот день она нарядилась в лучшие одежды, словно готовилась к свадебному пиру. С таким благородством и мужеством пожертвовала она своей жизнью, поразив и приведя в трепет тех, кто увидел ее» (цит. по: *Эсслемент Дж. Э.* Бахаулла и Новая Эра. С. 144—145).

⁸ Гафиз — *Хафиз* (наст. имя — *Шамседдин Мохаммед*) — знаменитый персидский поэт (ок. 1325—1389 или 1390).

⁹ «Платье покроя “реформ”» (*фр.* robe reforme — платье «реформ») — *свободное платье, не требующее корсета*.

¹⁰ В большинстве случаев И. Гриневская «бирун» исправила на «бируни» (*перс.*), однако кое-где оставила это слово без изменений.

¹¹ Лабаде, лаббадэ (*перс.*) — вид мужской длинной одежды.

¹² Аба (*араб.*) — мужская распашная одежда у народов Ближнего Востока, длинный плащ из верблюжьей шерсти, с отверстиями для рук.

¹³ Как следует из дальнейшего текста, имеется в виду «индиец», а не «индеец».

¹⁴ «Une vieille mère et une jeune femme l'attendent» — «Старая мать и молодая жена» (*фр.*).

¹⁵ Ср.: «Каждому Пророку, Коего Всемогущий и Несравненный Создатель решил послать народам земли, было вверено Послание, и Ему поручалось действовать в соответствии с требованиями века, в коем Он являлся. Бог посылает Своих Пророков людям с двойной целью: во-первых, дабы вызволить детей человеческих из тьмы невежества и направить их к свету подлинного понимания; вторых — обеспечить человечеству мир и покой и подать все средства, коими они могут быть установлены. <...> Пророки и Посланные Божии явлены с единственной целью — направить человечество на прямую Стезю Истины. Главное предназначение Их откровения — просветить людей, дабы в час смерти могли они в совершенной чистоте, святости и в полном отрешении вознестись к престолу Всевышнего. Свет, излучаемый сими душами, есть причина развития мира и процветания его народов. Они подобны закваске, на коей всходит мир бытия; они — животворящая сила, чрез кою являются искусства и чудеса мира. Благодаря им облака изливают свою благодать на людей и земля рождает плоды свои. У всего должна быть причина, побудительная сила и животворящая основа. Сии души — символы отрешения — приносили и будут приносить великую животворную силу в мир бытия. Мир иной столь же отличен от сего мира, сколь сей мир непохож на окружение ребенка, пребывающего в утробе матери. Достигнув Божиего Присутствия, душа обретает образ, наиболее подобающий ее бессмертию и достойный ее небесной обители. Такое бытие есть бытие обусловленное, а не абсолютное, ибо первому предшествует причина, в то время как последнее независимо от нее. Абсолютное бытие принадлежит лишь Богу <...>» (Бахаулла. Цит. по: Раскрывая наше духовное предназначение... С. 158, 236–237).

¹⁶ Продолжение следует.

Библиографический список

1. Бахаулла. Крупицы из Писаний / пер. с англ. 2-е изд. испр. М.: ЦРО «Община последователей веры Бахаи в России», 2009. 256 с.
2. *Гриневская И.* Баб: драматическая поэма из истории Персии: в 5 д. и 6 карт. СПб.: т-во худож. печати, 1903. 148 с.
3. *Гриневская И.* Баб: драматическая поэма из истории Персии: в 5 д. и 6 карт. 2-е изд. Пг.: тип. Акад. о-ва изд. дела «Копейка», 1916. 168 с.
4. *Гриневская И.* Беха-Улла (Блеск Божий): поэма-трагедия в стихах (из истории религиозных движений в Персии): в 5 д. и 6 карт., с эпилогом. СПб.: тип. И. Г. Брауде, 1912. 184 с.
5. *Гриневская И. А.* Путешествие в Края Солнца (о виденном, слышанном и испытанном) [главы I–VI] / публ. Е. А. Митник // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2016 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. С. 434–491.
6. *Гриневская И. А.* Путешествие в Края Солнца (о виденном, слышанном и испытанном) (продолжение) [главы VII–VIII] / публ. Е. А. Митник // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2018–2019 годы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2019. С. 271–287.
7. *Гриневская И. А.* Путешествие в Края Солнца (о виденном, слышанном и испытанном) (продолжение) [главы IX–X] / вступ. ст., подгот. текста

и коммент. Е. А. Митник // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинско-го Дома на 2020 г. СПб.: Росток, 2020. С. 387–404.

8. *Иоаннесян Ю. А.* История мученичества Хаджи Мухаммада Ризы Исфահани в Ашхабаде. URL: http://www.orientalstudies.ru/rus/images/pdf/PPV_2009_1-10_2_ioannesyan.pdf).
9. *Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: в 4 т. М.: изд-во Книжной палаты, 1960. Т. 4. 558 с.
10. *Набиль.* Вестники Рассвета: повествование о ранних днях Откровения Бахаи: в 2 т. / пер. с англ. М.: Единение, 2005. Т. 1. 284 с.
11. Раскрывая наше духовное предназначение... / Духовное Собрание Бахаи России. СПб.: Единение, 2002. 280 с.
12. *Фидлер Ф. Ф.* Первые литературные шаги: автобиографии современных русских писателей. М.: изд. Т-ва И. Д. Сытина, 1911. 268 с.
13. *Эсслемент Дж. Э.* Бахаулла и Новая Эра / пер. с англ. М.: Единение, 2008. 296 с.

ПЕРЕПИСКА П. М. БИЦИЛЛИ И В. В. ВЕЙДЛЕ

*(Вступительная статья, подготовка текста
и комментарии Манфреда Шрубды)*

Аннотация: Воспроизводится неопубликованная переписка Петра Бицилли и Владимира Вейдле 1933–1937 гг., отложившаяся в Рукописном отделе Пушкинского Дома (Санкт-Петербург) и в Бахметьевском архиве (Нью-Йорк). Во вступительной статье рассматриваются личные отношения обоих ученых на основе их высказываний друг о друге в рецензиях и в переписке с третьими лицами. Публикуемые письма вносят новые штрихи к творческой биографии П. М. Бицилли и В. В. Вейдле, подтверждая сложившийся на основе взаимных печатных отзывов общий образ большой интеллектуальной близости.

Ключевые слова: П. М. Бицилли; В. В. Вейдле; русская эмиграция первой волны; литературная критика; история культуры.

Abstract: Reproduction of the unpublished correspondence of Petr Bitsilli and Vladimir Veidle from 1933 to 1937, kept in the Manuscript department of the Pushkin House (Saint Petersburg) and in the Bakhmeteff Archive (New York). The introductory article discusses the personal relationship of both scholars on the basis of their comments about each other in book reviews and in the letters of both of them addressed to other people. The letters published below add new particulars to the creative biography of P. M. Bitsilli and V. V. Veidle; they confirm the general picture of a great intellectual proximity which arises on the basis of their reciprocal assessments in printed sources.

Keywords: Petr Bitsilli; Vladimir Veidle; Russian emigration of the first wave; literary criticism; culture history.

Петр Михайлович Бицилли (1879–1953) и Владимир Васильевич Вейдле (1895–1979) принадлежат безо всякого преувеличения к наиболее выдающимся представителям культуры и науки русской эмиграции первой волны. На общем фоне, и так достаточно богатом талантами, они выделяются энциклопедичностью знаний и многосторонностью научных и писательских интересов.

Несмотря на принадлежность к разным поколениям – Бицилли был на 16 лет старше Вейдле, – интеллектуальные профили обоих ученых достаточно схожи. Оба были профессиональными историками с уклоном в историю культуры (Бицилли – больше в историю идей, Вейдле – в историю искусства). В эмиграции, где они оказались в первой половине 1920-х гг. (Бицилли в 1920 г., Вейдле в 1924 г.), оба сни-

скали известность как плодovитые литературоведы и литературные критики, публикуя статьи, эссе и рецензии на схожие зачастую темы, в частности, о русской и европейской литературе, о философии истории и искусства, о проблемах современной русской и европейской культуры.

Следует отметить, что Бицилли и Вейдле печатались в 1920—1930-е гг. большей частью в одних и тех же парижских периодических изданиях. В их числе: «Современные записки», «Числа», «Встречи», «Русские записки». Особо интенсивным было сотрудничество обоих авторов в «Современных записках», где за Вейдле числится с 1927 по 1940 год всего 49 публикаций (17 статей и 32 рецензии), между тем как Бицилли опубликовал с 1925 по 1940 год 106 текстов (32 статьи и 74 рецензии).

Бицилли и Вейдле вполне осознавали свою интеллектуальную близость; они ценили друг друга, интересовались работами друг друга, откликаясь на них как в печати, так и в частной переписке с третьими лицами.

Вейдле внимательно следил за работами Бицилли, считая его «одним из лучших наших историков»,¹ как он пишет в своей рецензии на книгу Бицилли «Место Ренессанса в истории культуры» 1933 г. Он опубликовал в 1926—1933 гг. рецензии на четыре книги Бицилли, а несколько десятилетий спустя посвятил ему мемуарный очерк.²

Первый, наиболее развернутый из печатных откликов Вейдле о книгах Бицилли опубликован в парижской газете «Дни» и посвящен «Этюдам о русской поэзии» (1926). Оценка, которую Вейдле дает книге, в целом очень положительная, как явствует из первых слов рецензии: «Книга П. М. Бицилли — мы сразу чувствуем потребность сказать, что она жива, талантлива, интересна <...>». Данный отзыв — плод внимательного прочтения книги; рецензент не ограничивается одними похвалами и пересказом содержания, вступая в спор с некоторыми положениями книги. К ее недочетам принадлежат, согласно Вейдле, некоторые стиховедческие высказывания Бицилли: «Вопросы стихотворной техники автору как будто немного чужды. С понятием силлабического стиха произошло полное недоразумение: можно говорить о переходе Блока и Ахматовой к чисто тоническому, а не к чисто силлабическому стиху; стих, о котором здесь идет речь (так называемый паузник), отличается именно неравенством числа слогов (от одного до трех между ударениями), т. е. противоречит принципу силлабизма». Общую оценку книги содержит заключительный пассаж: «Эти возра-

¹ Вейдле В. <Рец. на кн.:> Бицилли П. М. Место Ренессанса в истории культуры. София: Печатница «Графика», 1933. (Годишник на Софийския Университет, Историко-филологически факултет. Т. 29. Ч. 1) // Современные записки. 1933. № 53. С. 457.

² См.: Вейдле В. О тех, кого уже нет: № 35. Мочульский и Бицилли // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1977. 20 марта.

жения не хотят ничего умалить; они только подтверждают нашу радость. Везде в “Этюдах о русской поэзии” перед нами человек, которого мы понимаем, с которым у нас и в самом деле есть что поделить и о чем спорить. Только так, как он говорит о своем предмете, о нем вообще и можно говорить. С ним и самое несогласие для нас будет обогащающим и плодотворным».³

Работы Бицилли получали неизменно высокие оценки в откликах Вейдле. Рецензия на первую часть составленной Бицилли «Хрестоматии по истории русской литературы» (1931) завершается словами: «Вообще же говоря, выбор так удачен, что книга может послужить далеко не одним учащимся и учащим, но и людям, давно уже вышедшим из школьного возраста, которым тоже не мешает время от времени погрузиться в созерцание того, быть может и немногого, но очень драгоценного, что завещано русской литературе древним ее периодом».⁴

В рецензии на вторую часть «Хрестоматии» (1932) Вейдле подчеркивает продуманность критериев отбора включенного в обе книги материала — «принципов, столь выгодно отличающих хрестоматию П. М. Бицилли от тех, что были у нас до сих пор в ходу».⁵

Последним трудом Бицилли, на который откликнулся Вейдле, была монография «Место Ренессанса в истории культуры» 1933 года. Наряду с указанной выше рецензией в «Современных записках», вторым отзывом Вейдле о данной книге был длинный пассаж в статье-подвале «Вечная Италия», опубликованной в парижской газете «Последние новости». В статье Вейдле не только комментирует, но и развивает положения книги Бицилли. Приведем начало соответствующего пассажа: «Возрождение есть прежде всего чисто итальянское явление, — это с особой ясностью и силой показано в только что вышедшей замечательной книге П. М. Бицилли, несомненно лучшей и наиболее самостоятельной работе из имеющихся в этой области на русском языке. Думаю, основные мысли этой книги не будут искажены, если их продолжить, сказав, что в основе своей Возрождение есть рождение и развитие итальянской национальной культуры».⁶

Вейдле собирался опубликовать в «Современных записках» также отзыв о «Краткой истории русской литературы» Бицилли (1934), как явствует из его письма к В. В. Рудневу от 5 сентября 1934 г.: «Может

---

³ Вейдле В. <Рец. на кн.:> Бицилли П. М. Этюды о русской поэзии. Прага: Пламя, 1926 // Дни (Париж). 1926. 21 янв. № 918. С. 4.

⁴ Вейдле В. Русская хрестоматия П. М. Бицилли <рец. на кн.: Хрестоматия по истории русской литературы / сост. П. М. Бицилли. София: Рос. Зем.-гор. к-т, 1931. Ч. 1. Народная словесность и литература допетровского времени> // Возрождение. 1931. 10 сент. № 2291. С. 4.

⁵ Вейдле В. <Рец. на кн.:> Хрестоматия по истории русской литературы / сост. П. М. Бицилли. Париж: Родина и родная речь, 1932. Ч. 2: XVIII-й век // Современные записки 1932. № 50. С. 465.

⁶ Вейдле В. Вечная Италия // Последние новости. 1933. 3 окт. № 4577. С. 4.

быть, нужна рецензия на книгу Бицилли о русск<ой> литер<атуре> XIX века?»⁷ Отклик был, однако, уже заказан К. В. Мочульскому; рецензия появилась в ближайшем номере, вышедшем в январе 1935 г.⁸ Показательно, что Бицилли, не дождавшись рецензии на свою книгу, в письме к Рудневу от 18 нояб. 1934 г. предлагал именно Вейдле как возможного или желательного рецензента: «Огорчило меня то, что на мое собственное произведение так и не было у Вас рецензии. Не написал ли бы Вейдле? Я ему экземпляр послал давно».⁹

Бицилли, в свою очередь, отрецензировал в 1937 г. первую книжную публикацию Вейдле.¹⁰ О высокой оценке книги и автора свидетельствует начальный пассаж рецензии: «Эта книга русского ученого посвящена проблеме умирания искусства в наши дни. Автор исследует ее, опираясь на огромный материал, всесторонне и с редкой проникновенностью. Особенно тонки и оригинальны наблюдения над эволюцией “героя” в современном романе, в связи с этим — остроумнейший анализ того нынешнего писательского метода, который автор зовет “механизацией бессознательного”; весьма убедительно показана также связь этого метода в литературе с аналогичными приемами творчества в музыке и в изобразительном искусстве».¹¹ Примечательно, что собственно о книге Вейдле говорится лишь в первом из двух обширных абзацев рецензии; второй абзац, более длинный, представляет собой вызванные книгой размышления Бицилли о заданных Вейдле проблемах «умирания искусства» и «кризиса сознания».

О том, что Бицилли высоко ценил работы Вейдле, свидетельствуют многочисленные пассажи в письмах Бицилли к редактору «Современных записок» Вадиму Рудневу. Так, Бицилли писал Рудневу 7 июня 1933 г. по поводу статьи Вейдле «Борьба с историей» в № 52: «Небеллетристический отдел — серенький, за исключением статьи Вейдле, очень глубоко продуманной и тонкой».¹²

В письме Бицилли к Рудневу от 18 окт. 1933 г. упоминаются статьи в № 53, в частности «Чистая поэзия» Вейдле: «Очень мне понравились статьи Вейдле, Адамовича и в особенности Степуна».¹³

⁷ «Не думайте, что я забыл “Современные записки”»: В. В. Вейдле / публ., вступ. ст. и примеч. О. А. Коростелева // «Современные записки» (Париж, 1920–1940): из архива редакции / под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. М., 2013. Т. 3. С. 22.

⁸ См.: Современные записки. 1935. № 57. С. 467–468.

⁹ «“Современные записки” все ближе и ближе подходят к тому, чего я лично хотел от них»: П. М. Бицилли / публ. и примеч. М. А. Бирмана и М. Шрубы; вступ. ст. М. А. Бирмана // «Современные записки» (Париж, 1920–1940): из архива редакции / под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. М., 2012. Т. 2. С. 549.

¹⁰ См.: *Бицилли П.* <Рец. на кн.:> Weidlé W. W. Les abeilles d’Aristée: essai sur le destin actuel des lettres et des arts. Paris: Desclée de Brouwer, 1936 // Современные записки. 1937. № 64. С. 471–473.

¹¹ Там же. С. 471.

¹² «Современные записки» (Париж, 1920–1940): из архива редакции. Т. 2. С. 521.

¹³ Там же. С. 527–528.

4 июля 1935 г. Бицилли писал Рудневу о публикациях в № 58 (в частности, подразумевая статью Вейдле «Механизация бессознательного»): «Адамович, Вейдле, Гессен, Федотов. Для меня они объединяются в том, что это — *живые души*, люди, которые, каждый по-своему, чутко-восприимчивы к современности, охвачены переживанием ее трагической сущности и не боятся идти в самую глубь ее проблематики».¹⁴

В письме Бицилли к Рудневу от 11 марта 1936 г. с откликом на № 60 «Современных записок» сообщается: «Превосходна статья Вейдле» (речь идет о статье «Границы Европы»)¹⁵

В письме Бицилли к Рудневу от 3 авг. 1936 г. (по поводу статьи М. Н. Шварца «Освальд Шпенглер» в № 61) Вейдле назван в числе «мастеров» историософской публицистики: «Шпенглер, при всех его крайностях, натяжках, насилованиях историч<еской> истины, все же был гениальный человек — и хотелось бы, чтобы статья, трактующая об одной из основных тем его, была написана кем-ниб<удь> из мастеров по этой части (Степун, Федотов, Вейдле). Статья же *Шварца — бледна и скучновата*».¹⁶

Схожее высказывание находим в письме Бицилли к Рудневу от 28 сент. 1936 г., где Вейдле назван как один из желательных авторов номера, приуроченного к пушкинскому юбилею: «хорошие статьи могли бы дать Горлин, Вейдле, Адамович <...>».¹⁷ Редакция последовала совету Бицилли; в очередную книгу «Современных записок» с юбилейными пушкинскими материалами вошла, в частности, и статья Вейдле.¹⁸

В письме от 14 дек. 1936 г. Бицилли сообщал Рудневу по поводу статьи Вейдле «Мысли о Достоевском», опубликованной в № 62 журнала: «В своей статье о Достоевском Вейдле на редкость оригинально развил основное положение Мережковского о характере творчества Дост<оевского> и, для меня, по крайней мере, открыл у него многое, чего раньше я сам не сумел там увидеть».¹⁹

Впрочем, изредка встречаются и высказывания критические. В письме Бицилли к Рудневу от 19 июля 1935 г. есть следующие слова: «Признаю, что Вейдле подчас бывает тяжеловесен, — как Вы отметили, — а к тому же нередко повторяется».²⁰

---

¹⁴ «Современные записки» (Париж, 1920—1940): из архива редакции. Т. 2. С. 560.

¹⁵ Там же. С. 571.

¹⁶ Там же. С. 583.

¹⁷ Там же. С. 591.

¹⁸ См.: Вейдле В. В. Пушкин и Европа // Современные записки. 1937. № 63. С. 220—231.

¹⁹ «Современные записки» (Париж, 1920—1940): из архива редакции. Т. 2. С. 596.

²⁰ Там же. С. 563.

О статье Вейдле «Тютчев и Россия», опубликованной в «Русских записках» (1939. Июнь. № 18) Бицилли писал секретарю журнала М. В. Вишняку 15 июля 1939 г.: «Статья Вейдле довольно интересна, но не свободна от некоторых *puerilités*.²¹ В особенности там, где в доказательство, что у Тютчева “душа” была “русская”, он приводит то, что, хотя Тютчев дважды был женат на немках, но любовница его была русская».²²

Бицилли познакомился лично с Вейдле в августе 1931 г. во время своей поездки в Париж.²³ Два года спустя после личной встречи между обоими учеными завязалась осенью 1933 г. недолговечная переписка. Вейдле и Бицилли обменялись тремя письмами в октябре-ноябре 1933 г.; затем последовали в ноябре 1936 — феврале 1937 г. еще три послания.

Переписка Бицилли и Вейдле подтверждает ту картину, которая создалась на основе их высказываний друг о друге в печатных выступлениях и в частной переписке с третьими лицами. В каждом из имеющихся писем легко найти слова, свидетельствующие о большом взаимном уважении и об интеллектуальной близости обоих ученых. Характерно, что Вейдле упоминает в своем первом письме к Бицилли от 10 окт. 1933 г. об их личном знакомстве в авг. 1931 г. в Париже: «Надеюсь, что Вы опять скоро соберетесь в Париж и что удастся опять побеседовать с Вами, — хотя бы у того же Поннарди, где я часто вспоминаю Вас».

Поводом для первоначального обмена письмами осенью 1933 г. послужила присылка новой книги Бицилли «Место Ренессанса в истории культуры» (София, 1933). Вейдле отблагодарил письмом, сообщив о двух своих откликах о книге — в «Последних новостях» и в «Современных записках».

В своем ответном письме от 27 окт. 1933 г. Бицилли, в частности, интересовался литературой о современной музыке.

Вейдле ответил Бицилли 23 нояб. 1933 г. письмом, в котором указывает чуть ли не десяток названий книг на занимавшую старшего коллегу тему. На этом переписка временно обрывается.

Три года спустя переписку возобновляет Бицилли. Толчком служит на этот раз новая книга Вейдле «*Les abeilles d'Aristée*» 1936 года. Бицилли благодарит автора в письме от 10 нояб. 1936 г. за посланную ему книгу и заявляет о своем намерении написать рецензию на нее.

В ответном письме от 3 дек. 1936 г. Вейдле, в частности, сообщает о своем намерении опубликовать книгу о культурном единстве Евро-

²¹ юношеских незрелостей (*фр.*).

²² «Современные записки» (Париж, 1920—1940): из архива редакции. Т. 2. С. 634.

²³ См.: *Бирман М. А. П. М. Бицилли (1879—1953). Жизнь и творчество.* М., 2018. С. 302.

пы, упоминая о том, «что и тут опять будут многочисленные параллели к таким статьям Вашим, как “U.S.E.” или “Нация и язык”».

Корреспонденция ученых обрывается окончательно на длинном послании Бицилли от 12 февр. 1937 г. в ответ на письмо Вейдле: «Меня очень заинтересовало то, что Вы пишете мне, что готовите книгу о единстве Европы. Это как раз та тема, вокруг да около которой я хожу уже несколько лет и которой, от времени до времени, решаюсь посвящать мои университетские курсы. Здесь целый клубок сложнейших проблем». Затем Бицилли перечисляет четыре тематические группы, интересующие его в связи с вопросом о «единстве Европы», снабжая их детальными объяснениями: во-первых, «*факторы* европейск<ого> единства»; во-вторых, «*еврейство* как носитель *европеизма*»; в-третьих, «*ритмика* “Европы”»; в-четвертых, «кочевание “Европы”, постоянное перемещение ее центра». Письмо лишний раз демонстрирует интеллектуальную синтонию между Бицилли и Вейдле, плодотворность их диалога на расстоянии.

Бицилли завершает свое письмо чрезвычайно любопытным сообщением: «На каком языке Вы выпустите Вашу книгу? Догадываюсь, что на французском, т. к. русское зарубежное книгопечатание, как видно, уже погребено. Да и читателей нет. Впрочем, кажется, что и во Франции на книгу спрос все уменьшается. Уже давно я получил заказ от Baldensperger: дать очерк истории русской литературы до-пушкинского периода — для его издания (коллективного) ист<ории> всемирной литературы. Рукопись послал больше года тому назад, и сразу же получил гонорар; но о самом издании с тех пор — ни слуху ни духу».

Упомянутый в письме Ф. Бальденспержер (Fernand Baldensperger; 1871—1958) — это известный французский историк литературы и литературовед-компаративист. В фонде Бицилли Пушкинского Дома сохранились три письма Ф. Бальденспержера за 1934—1935 гг., связанные с данным книжным проектом.²⁴ Особый интерес пассажи заключается в том, что подобного коллективного издания под редакцией французского ученого никогда не выходило.²⁵

Анализ содержания писем Бальденспержера к Бицилли²⁶ позволяет до некоторой степени реконструировать общий характер и некоторые детали оставшейся неопубликованной и не разысканной пока рукописи.

---

²⁴ См.: *Герашко Л. В., Кудрявцев В. Б.* Фонд профессора П. М. Бицилли в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005—2006 годы. СПб., 2009. С. 67.

²⁵ См.: *Галчева Т., Голубович И. В.* «Краткая история русской литературы. Часть I-ая. До Пушкина»? П. М. Бицилли. Источники и предположения // Маршрути на книжовно общуване между източните и южните славяни (XI—XX век): Международна научна конференция, 21—22 ноември 2019 г., София / съставители и редактори: А. Милтенова, И. Калиганов. София, 2020. С. 385—394.

²⁶ РО ИРЛИ, ф. 804, оп. 1, № 69.

Переписка сохранилась в неполном объеме. Первое из писем, отложившихся в фонде Бицилли Пушкинского Дома, датировано 22 дек. 1934 г.; между тем, из второго письма Бальденспержера от 23 мая 1935 г. явствует, что Бицилли согласился принять участие в проекте коллективной истории литературы примерно весной 1934 г. («около года тому назад»):

Mon cher Collège,

C'est dans quatre mois que je dois me rembarquer pour les Etats-Unis: *l'Histoire universelle des littératures* pour laquelle vous avez bien voulu, il y a environ un an, m'accorder une collaboration précieuse, devra avant cette date avoir son premier volume prêt pour l'impression (jusqu'à la fin du XIe siècle de notre ère); et il va de soi que, votre juste remarque du 18 décembre étant donnée, cet aperçu concernant la «préhistoire» slave ne peut qu'annoncer le développement médiéval.

Дорогой коллега,

Через четыре месяца я должен снова погрузиться на судно в Соединенные Штаты: *Всеобщая история литературы*, для которой Вы около года тому назад пожелали дать мне согласие на бесценное сотрудничество, должна до этой даты увидеть первый том готовым к печати (вплоть до конца XI века нашей эры): и само собой разумеется, что, принимая во внимание Ваше справедливое замечание <в письме> от 18 декабря, это обозрение, относящееся к славянской «предыстории», может лишь предвещать средневековое развитие.

Задуманное издание должно было иметь популярно-научный характер, как подчеркивал Бальденспержер в письме к Бицилли от 22 дек. 1934 г.: «обращено к интеллигентой публике *не-специалистов*» («s'adressant à un public intelligent de *non spécialistes*»). К данному письму был приложен план славяно-русской части издания, которое французский редактор-издатель задумал в виде трехтомника. Для первого тома Бицилли была заказана глава о «первобытных славянских литературах от истоков до конца XI века (без польской, чешской, сербской)» («Littératures slaves primitives des origines à la fin du XIe siècle (sans le polonais, le tchèque, le serbe)»); статья должна была иметь объемом «от 200 до 300 машинописных строк по 55—60 букв» («Environ 200 à 300 lignes de 55—60 lettres dact<ylographiques> à la ligne»), т. е. вплоть до 18000 знаков.

Для второго и третьего томов предусматривались две статьи Бицилли о «русской литературе от начала XII века примерно до 1810 года» («Littérature russe du début du XIIe siècle aux environs de 1810»). Следует отметить, что Бальденспержер задумал структуру очерка, заказанного им Бицилли, по схеме развития словесности в Западной Европе (в первую очередь, во Франции), явно не подходящей для процессов, которые происходили в Древней Руси и в России. Так, для главы о русской литературе во втором томе предусматривалось подразделение на пе-

риоды «пробуждения национальных языков» («L'éveil des idiomes nationaux»), «гуманизма и Реформации» («Humanisme et Réforme»), «барокко и классицизма» («Baroque et Classicisme»), наконец, «века Просвещения» («L'âge des "lumières"»), т. е., в сущности, позднего Средневековья, XVI, XVII и XVIII столетий в западноевропейских литературах. Для третьего тома Бицилли должен был сочинить главу, охватывающую период с 1775 до примерно 1810 года («Le chapitre allant de 1775 environ à 1810 sera attribué au tome III»).

Бальденспержер назначил и для этих двух статей желательный размер: «Около 800 строк для первых четырех подразделений, около 300 строк (55–60 букв) для последнего» («800 lignes environ pour les 4 premières subdivisions, 300 lignes environ (55–60 lettres) pour la dernière»). Таким образом, объем заказанного Бицилли очерка для второго тома был до 48 000 знаков, для третьего тома — до 18 000 знаков. Как срок для сдачи первой части Бальденспержер указал 15 мая 1935 г., а для второй и для третьей части — 15 окт. 1935 г. Указывался также размер гонорара: «Один франк за строку во всяком случае» («Un franc la ligne en tout cas»); напомним: Бицилли сообщал впоследствии Вейдле, что «сразу же получил гонорар».

Открыткой от 11 июня 1935 г. Бальденспержер подтвердил «получение Вашей интересной первой главы» («bonne réception de votre intéressant chapitre I»). Четвертое и последнее письмо французского ученого, сохранившееся в фондах Пушкинского Дома, датировано 7 авг. 1935 г.; в нем говорится о второй части очерка о древнерусской литературе, которую Бицилли в промежутке успел сочинить и отправить в Париж. Вот начало данного письма:

Mon cher Collègue

Aussitôt reçu, aussitôt lu, avec grand intérêt et plaisir: et je ne vous dis rien de l'admiration que j'éprouve pour votre français, auquel il faut si peu de retouches, et de ce que m'apprennent vos vues sur le *slavon* et le *russe* contrastés, etc.

Дорогой коллега

Как только получил, сразу же прочел, с большим интересом и удовольствием: и не говорю Вам ничего о том восхищении, которое испытываю по отношению к Вашему французскому, почти не нуждающемуся в поправках, а также о том, чему меня научили Ваши воззрения о *славянском* и *русском*, противопоставленным друг другу, и т. д.

В письме упоминаются, в частности, имена двух авторов, которым Бицилли, очевидно, отвел место в своем очерке и о которых Бальденспержер просит дополнительную информацию:

P. 14. Pourrait-on avoir quelques lignes de citation à l'appui de la véhémence et de l'exaltation, ou de la tendresse et de la religiosité, de la *Vie d'Abbakum*?

Р. 15. N'y avait-il pas à alléguer, à propos des *Souvenirs* de Dolgorukova <sic!>, quelques témoignages précis des ces contes, de ces chants religieux populaires qui continuaient à courir?

Стр. 14. Можно ли получить цитату в несколько строк в подкрепление неистовства и экзальтации, или нежности и религиозности, из *Жития* Аввакума?

Стр. 15. Нельзя ли привести, относительно *Воспоминаний* Долгоруковой <так!>, нескольких точных свидетельств для этих рассказов, для этих распространенных религиозных песен, которые продолжали быть в ходу?

Странное на первый взгляд сближение «Жития» Аввакума и созданных в 1760-е гг. «Записок» кн. Натальи Борисовны Долгорукой (1714—1771)²⁷ объясняется тем, что П. М. Бицилли считал оба произведения «шедеврами» («Meisterwerke»), поставив их в один ряд в статье 1934 г.²⁸

Итак, можно лишь надеяться, что в каком-то французском или американском архиве сохранилась неопубликованная, достаточно обширная рукопись популярно-научного «очерка истории русской литературы до-пушкинского периода» созданного Бицилли в 1935 г. на французском языке. Стоит ли подчеркивать, что ознакомиться с систематическими соображениями Бицилли о древнерусской литературе и о русской литературе XVIII — начала XIX века было бы очень даже любопытно.

Поиски подобной рукописи следовало бы провести для начала в США. Бальденспержер преподавал в 1935—1940 гг. в Гарвардском университете в Кембридже, затем в 1940—1945 гг. в University of California, Los Angeles (UCLA). В архивах обоих университетов сохранились личные фонды ученого.²⁹ В архиве Гарвардского университета находятся, по-видимому, и связанные с данным проектом письма Бицилли.

---

²⁷ См.: Своеручные записки княгини Натальи Борисовны Долгорукой. М., 1913 (Памятники древней письменности; № 182); *Долгорукая Н. Б. Своеручные записки = Dolgorukaja N. B. Das Journal. Nachdruck der Ausgabe Petersburg 1913 mit Zeugnissen zur Wirkungsgeschichte des Textes / hrsg. und eingeleitet von A. Schmücker. München, 1972 (Slavische Propyläen; Bd. 112).*

²⁸ «In der neuesten und trotz ihrer Kürze sehr vollständigen Übersicht der russischen Literaturgeschichte von Sakulin werden solche Meisterwerke, wie das Leben des Protopopen Avvakum oder die Erinnerungen der Fürstin N. B. Dolgorukowa <sic!>, mit keinem Worte erwähnt» (*Bicilli P. Die "Haus"-Literatur und der Ursprung der klassischen Literatur in Russland // Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven. 1934. Bd. 10. S. 382*).

²⁹ В Гарварде имеются «Papers of Philippe-Julius Fernand Baldensperger, ca. 1935 — ca. 1940» (шифр хранения: HUG 4190 и др.); см.: <https://hollis.harvard.edu>; поиск: Baldensperger. В архиве UCLA есть «Fernand Baldensperger papers, 1904—1945»; опись коллекции доступна онлайн; см.: <https://oac.cdlib.org/findaid/ark:/13030/tf8w1008j0/>.

Письма В. В. Вейдле к П. М. Бицилли воспроизводятся по оригиналам, хранящимся в фонде Бицилли в Пушкинском Доме (РО ИРЛИ, ф. 804, оп. 1, № 74). Печатаемые ниже письма П. М. Бицилли к В. В. Вейдле отложились в фонде Вейдле в Бахметьевском архиве (Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book and Manuscript Library, Columbia University, New York. Vladimir Veidle Papers. Box 1).³⁰

1. В. В. Вейдле — П. М. Бицилли
Париж. 10 октября 1933 г.

28, rue de la Tourelle
Boulogne s<ur> S<eine>
10 X 33

Глубокоуважаемый и дорогой Петр Михайлович, разрешите, хотя и с большим опозданием, от души Вас поблагодарить за присылку прекрасной Вашей книги об итальянском Возрождении.¹ Прилагаемая статья отчасти ею внушена и поэтому, может быть, будет Вам интересна.² В ближайшей книге «Современных» Записок» должна появиться моя рецензия на Вашу книгу;³ там я решаюсь с Вами полемизировать немного, но лишь по частному вопросу,⁴ в общем же книга Ваша показалась мне очень убедительной,⁵ проникающей вглубь и во многих отношениях весьма новой, несмотря на скромные слова Вашего предисловия.⁶

Еще раз, большое спасибо. Надеюсь, что Вы опять скоро соберетесь в Париж и что удастся опять побеседовать с Вами, — хотя бы у того же Поннарди, где я часто вспоминаю Вас.

Желаю Вам от души всего хорошего.

Искренне Ваш

В. Вейдле

---

¹ *Бицилли П. М.* Место Ренессанса в истории культуры. София: Печатница «Графика», 1933 (Годишник на Софийския Университет, Историко-филологически факултет. Т. 29. Ч. 1).

² См.: *Вейдле В.* Вечная Италия // Последние новости. 1933. 3 окт. № 4577. С. 4. В статье комментируются и развиваются положения книги Бицилли: «Возрождение есть прежде всего чисто итальянское явление, — это с особой ясностью и силой показано в только что вышедшей замечательной книге П. М. Бицилли <в статье по-

³⁰ Благодарю куратора Бахметьевского архива Татьяну Чеботареву (Tanya Chebotarev) за предоставление писем П. М. Бицилли и за содействие данной публикации.

мещена сноска с выходными данными книги. — М. III.>), несомненно лучшей и наиболее самостоятельной работе из имеющихся в этой области на русском языке. Думаю, основные мысли этой книги не будут искажены, если их продолжить, сказав, что в основе своей Возрождение есть рождение и развитие итальянской национальной культуры. Средневековья в целостно-культурном смысле в Италии никогда не было. Все формы северной средневековой культуры (готическое искусство, например, или рыцарский роман) здесь перековывались на новый лад, резко противоречащий исконному их духу. В XI, XII веках, когда началось духовное пробуждение Италии, оно направилось сразу в совсем другую сторону, нежели параллельный духовный подъем в за-альпийских странах. Те черты, о которых все время шла речь, стали проявляться очень рано, и история итальянской культуры тех веков есть история постепенного их раскрытия. Вытекает из них и весь идейный мир, расцветший в XV и XVI веках, анализу которого, главным образом, и посвящена книга П. М. Бицилли; <...> Со времен Буркгардта величайшим подвигом итальянского Возрождения считалось “открытие” живой человеческой личности, но П. М. Бицилли весьма справедливо указывает на то, что личность эта всегда воспринимается в Италии как остановившаяся, нашедшая предел, лишенная развития; в развитии, в становлении изображают ее Сервантес и Шекспир, а совсем не Пётрарка, не Боккаччо, не Макиавелли, не Ариосто».

³ Рецензия Вейдле на книгу Бицилли появилась в № 53 «Современных записок» за 1933 год (С. 457—459).

⁴ Ср.: «...единственная слабая сторона его работы заключается в недооценке той эпохи итальянской культуры, что пришла на смену классическому периоду Возрождения. В истории искусства (да и литературы) эпоха эта связывается с понятием стиля барокко <...>. Кроме в своей недавней книге (“История Италии в эпоху барокко”) все еще защищает старую точку зрения на это время, как на время упадка и разложения. П. М. Бицилли напрасно следует за ним; взгляды эти давно поколеблены в истории литературы и в истории искусства» (Там же. С. 458—459).

⁵ Отклик Вейдле на книгу Бицилли заключается словами о том, что рецензент «не в силах перечислить бесспорные и трудно исчерпаемые достоинства» (Там же. С. 459). Ср. также в письме Вейдле к Рудневу от 30 авг. 1933 г.: «спасибо за книгу Бицилли; я ее прочел; она очень интересна. Могу, если хотите, написать к субботе рецензию на нее (страницы 1½ отвести на это нужно, по-моему)» («Современные записки» (Париж, 1920—1940): из архива редакции. Т. 3. С. 20).

⁶ Ср. заключительные слова предисловия: «Я не думаю, чтобы в моих характеристиках отдельных представителей Ренессанса было что-либо существенно новое, и сомневаюсь, чтобы при данном состоянии науки было вообще возможно добиваться чего-либо в этом направлении. Но можно и должно попытаться взглянуть по-новому на связи между отдельными представителями Ренессанса, для того чтобы этим путем прийти к формуле последнего. Это и составляет предмет настоящего этюда» (цит. по изд.: Бицилли П. М. Место Ренессанса в истории культуры / сост., предисл. и коммент. Б. С. Кагановича. СПб., 1996. С. 6).

2. П. М. Бицилли — В. В. Вейдле

София. 27 октября 1933 г.

27.X. София IV Мусала 16.¹

Дорогой Владимир Васильевич, лишь на днях обнаружил в Уни-
верситете Ваше письмо, — как раз когда подумывал о том, чтобы
написать Вам — спросить Ваших советов и указаний по одному вопро-

су, о к<о>т<о>ром скажу сейчас. Статью Вашу в «П<оследних> Н<овостях>»² прочел, конечно, давно, т. к. я регулярно читаю «П<оследние> Нов<ости>». И эта статья и рецензия в «С<овременных> Зап<исках>»³ меня очень порадовали: большое удовольствие прочесть отзыв, написанный en pleine connaissance de cause,⁴ особенно в посл<еднее> время, когда ряды людей способных понимать читаемое все более редуют. Читал Ваши статьи, замечаю, что мы с Вами имеем немало общих интересов и часто встречаемся в подходах к различным вопросам. Вот это и дало мне мысль обратиться к Вам с просьбой кое в чем помочь мне. Я сейчас читаю курс по истории европ<ейской> культуры 19—20 вв.,⁵ и в этой связи для меня важно просветить себя насчет эволюции соврем<енной> музыки. Музыкальная-то литература мне знакома неплохо, но все же должен сказать, что музыка для меня — величайшая из загадок. Я никак не могу понять, напр<имер>, в чем секрет той необходимости, какую я с полнейшей несомненностью чувствую в развитии каждой сонаты Моцарта. И чем совершеннее музыкальное произведение, тем оно загадочнее. Взял я Combarieu,⁶ «Ист<орию> музыки» Einstein'a⁷ — все не то. Есть замечательная книга Лосева — о диалектике музыки,⁸ — но он пишет так, что понять его — величайшая трудность. Очень прошу Вас, если знаете что-ниб<удь> по этой части, — порекомендуйте мне.

Посылаю Вам отгиск моей статьи из «Сов<ременных> зап<исок>», очищенный от корректорских «эмендаций».⁹

Да, еще вопрос: не знаете ли Вы адреса художника Ларионова?

О многом хотелось бы побеседовать с Вами лично. Но увы! пути в Париж мне заказаны. У нас здесь жесточайший кризис — отнюдь не экономический — всего вдоволь и все дешево, а финансовый, валютный, — если только можно назвать кризисом состояние хроническое и обещающее продлиться in saecula saeculorum.¹⁰

Жму Вашу руку.

Искренно преданный

М. Бицилли

---

¹ Сохранился конверт. Адрес получателя: «Monsieur le professeur W. Weidlé, 28 rue de la Tourelle, Boulogne s<ur> Seine (Paris), France»; адрес отправителя: «P. Bizilli, Sofia IV, Musala 16»; почтовый штампель: «Boulogne, Seine, 1 XI 1933».

² См. примеч. 2 к п. 1.

³ См. примеч. 3 к п. 1.

⁴ с полным знанием дела (*фр.*).

⁵ В зимнем семестре учебного 1933—1934 года Бицилли читал, в частности, курс лекций на тему «Европейская культура новейшего времени»; продолжение курса в последующем летнем семестре носило заглавие «Европейская культура второй половины XIX в.». См.: *Петкова Г.* Профессор Петр Бицилли в Софийском университете: археологические фрагменты // Петр Бицилли: диалог на перекрестке культур: монография <sic!> в действительности: сб. ст.> / под ред. Р. Мниха. Siedlce, 2017. С. 83. (Opuscula Slavica Sedlensis; т. 14).

⁶ См.: *Combarieu J. Histoire de la musique des origines au debut du XXe siècle*. Paris: Colin, 1913—1919. Vol. 1—3. *Combarieu Jules* (1859—1916) — французский музыковед.

⁷ См.: *Einstein A. Geschichte der Musik*. Leipzig: Teubner, 1927. *Einstein Alfred* (1880—1952) — немецкий музыковед.

⁸ См.: *Лосев А. Музыка как предмет логики*. М., 1927.

⁹ Речь идет о статье: *Бицилли П. М. Трагедия русской культуры // Современные записки*. 1933. № 53. С. 297—309. О нежелательных корректорских вмешательствах, исказивших смысл статьи, говорится в письме Бицилли к В. В. Рудневу от 18 окт. 1933 г.: «В статье П. Бицилли мне очень не понравилась одна фраза на стр. 301: “*Более того есть читатели способные читать у нее...*”. Во-перв<ых>, выходит, что я приписал Лаппо-Данилевской роман Бебутовой, а во-вторых, и вся эта фраза звучит как-то по-бебутовски. Но эта фраза автору не принадлежит. Вспоминная же текст рукописи, прихожу к мысли, что ошибкой наборщика или корректора объяснить ее, по чисто техническим соображениям, никак невозможно. Я вспоминаю, что еще в Одессе, когда я печатал мою книгу о средневековой культуре, пришлось мне немало повоевать с корректором, который неск<олько> раз покушался поправлять не только набор, но и самую рукопись. Не было ли чего-либо подобного и в настоящем случае?» («Современные записки» (Париж, 1920—1940): из архива редакции. Т. 2. С. 528).

¹⁰ на веки веков (*лат.*).

З. В. В. Вейдле — П. М. Бицилли

Париж. 23 ноября 1933 г.

28, rue de la Tourelle
Boulogne s<ur> S<eine>
23 XI 33

Дорогой Петр Михайлович,
простите, ради Бога, что так долго не отвечал на Ваше письмо: все откладывал, страшно был занят все это время.

Спасибо Вам за оттиск прекрасной Вашей статьи, которую с удовольствием прочел в «Совр<еменных> Записках».¹ Адреса Ларионова я не знаю и пока не мог узнать; как-то почти нет у нас с ним общих знакомых. Если узнаю, сейчас же Вам сообщу. По вопросу о музыке хотел бы я очень быть Вам полезным, но, кажется, и это будет затруднительно.

Дело в том, что я не знаю в этой области никакой *решающей* книги, какими мне кажутся, например, для пластических искусств книги Вёльфлина,² особенно «*Renaissance und Barock*»³ и «*Kunstgeschichtliche Grundbegriffe*».⁴ Перечислю Вам поэтому лишь кое-что, в чем — в разные времена — я нашел для себя пищу. В свое время я был страстным вагнерианцем, но все же большое впечатление на меня произвела односторонняя, но весьма острая книга Вагнеровского врага Hanslick'a «*Vom Musikalisch-Schönen*».⁵ Приблизительно в том же направлении интересна книга музыкальных статей Вольфинга (брата Метнера); не помню ее заглавия, она вышла в «*Musagete*» году в 1913-ом.⁶ Не так давно прочел я с пользой для себя книгу Paul'я Bekker'a, озаглавлен-

ную во франц<узском> переводе «La Musique. Les transformations des formes musicales depuis l'antiquité jusqu'à nos jours» (Payot, 1929).⁷ Больше же всего советую Вам прочесть страницы о музыке в *замечательной* книге Broder'a Christiansen'a «Die Kunst» (Felsen-Verlag, Buchenbach i Br<eisgau>, 1930)⁸ (не смешивать с его же «Философией искусства», имеющейся на русск<ом> языке⁹). В книге этой есть указания на другие работы о музыке. Незабываемые страницы о мелодии есть в «Essai sur les données immédiates de la conscience» Бергсона.¹⁰ — Вот и все существенное, что сейчас припоминаю. Вероятно, многое из этого Вы и сами знаете.

Жаль, что нельзя рассчитывать скоро Вас увидеть в Париже. Всегда рад буду получить вести о Вас.

Жму Вашу руку. Искренне Ваш

В. Вейдле

Р. С. В качестве Handbuch'a по истор<ии> музыки я пользовался обычно Adler'ом.¹¹ Теперь выходит новая коллективн<ая> история музыки в изд<ательстве> Athenaion,¹² аналогичную <так!> такому же обширному труду по литературе под ред<акцией> Вальцеля¹³ и по искусству Бургера — Бринкмана.¹⁴

---

¹ См. примеч. 9 к п. 2.

² Вёльфлин Генрих (Heinrich Wölfflin; 1864—1945) — швейцарский искусствовед, историк и теоретик искусства.

³ Впервые: Wölfflin H. Renaissance und Barock. Eine Untersuchung über Wesen und Entstehung des Barockstils in Italien. München: Ackermann, 1888. Книга многократно переиздавалась; переведена на русский язык: Вельфлин Г. Ренессанс и барокко / пер. с нем. Е. Лундберга. СПб.: Грядущий день, 1913.

⁴ Впервые: Wölfflin H. Kunstgeschichtliche Grundbegriffe: Das Problem der Stilentwicklung in der neueren Kunst. München: Bruckmann, 1915. Книга многократно переиздавалась; переведена на русский язык: Вельфлин Г. Основные понятия истории искусства. М.; Л.: Academia, 1930.

⁵ Впервые: Hanslick E. Vom Musikalisch-Schönen. Ein Beitrag zur Revision der Ästhetik der Tonkunst. Leipzig: Rudolph Weigel, 1854. Hanslick Eduard (1825—1904) — австрийский музыковед, музыкальный критик.

⁶ См.: Вольфинг <Метнер Э. К.>. Модернизм и музыка: статьи критические и полемические, 1907—1911. М.: Мусарет, 1912. Метнер Эмилий Карлович (1872—1936), литературный и музыкальный критик; брат композитора Метнера Николая Карловича (1881—1951).

⁷ См.: Bekker P. La Musique. Les transformations des formes musicales depuis l'antiquité jusqu'à nos jours / traduit de l'allemand par M. Cohn; preface de M. L. Chevaillier. Paris: Payot, 1929. Ср.: Bekker P. Musikgeschichte als Geschichte der musikalischen Formwandlungen. Stuttgart <et al.>: Deutsche Verlags-Anstalt, 1926. Bekker Paul (1882—1937) — немецкий музыковед, музыкальный критик.

⁸ См.: Christiansen B. Die Kunst. Buchenbach i. Br.: Felsen-Verlag, 1930. Christiansen Broder (1869—1958) — немецкий философ.

⁹ См.: Христиансен Б. Философия искусства / пер. Г. П. Федотова; под ред. Е. В. Аничкова. СПб.: Шиповник, 1911. Перевод книги: Christiansen B. Philosophie der Kunst. Hanau: Clauss und Feddersen, 1909.

¹⁰ См.: Bergson H. Essai sur les données immédiates de la conscience. Paris: Félix Alcan, 1889. Русский перевод «Опыта о непосредственных данных сознания» опубликован во втором томе издания: Бергсон А. Собр. соч.: в 5 т. СПб.: М. И. Семенов, 1913—1914.

¹¹ См.: Handbuch der Musikgeschichte / hrsg. von G. Adler. Frankfurt am Main: Frankfurter Verlags-Anstalt, 1924; Handbuch der Musikgeschichte / hrsg. von G. Adler; Zweite, vollständig durchgesehene und stark ergänzte Auflage. Berlin: Hesse, 1930. Bd. 1—2. Adler Guido (1855—1941) — австрийский музыковед.

¹² См.: Handbuch der Musikwissenschaft / hrsg. von E. Bücken in Verbindung mit H. Besseler <u. a.>. Wildpark-Potsdam: Akademische Verlagsgesellschaft Athenaion, 1927—1934. Bd. <1—10>.

¹³ См.: Handbuch der Literaturwissenschaft / hrsg. von O. Walzel. Berlin-Neubabelsberg <u. a.>: Akademische Verlagsgesellschaft Athenaion, 1923—1931. Bd. <1—25>. Walzel Oskar (1864—1944) — австрийский литературовед, историк литературы.

¹⁴ См.: Handbuch der Kunstwissenschaft / hrsg. von F. Burger; Fortgeführt von A. E. Brinkmann. Berlin-Neubabelsberg <u. a.>: Akademische Verlagsgesellschaft Athenaion, 1913—1920. Bd. <1—28>.

4. П. М. Бицилли — В. В. Вейдле

София. 10 ноября 1936 г.

10 XI 36. Sofia IV, Verbica, 2.

Дорогой Владимир Васильевич, В. В. Руднев переслал мне Вашу книгу.¹ Большое Вам спасибо за нее. Я прочел ее с живейшим интересом и к тому же с чувством самоудовлетворения, т. к. нашел в ней множество мест, где Вы говорите то, что и мне самому приходит нередко в голову. Особенно меня порадовало одно совпадение, а именно там, где Вы упоминаете о Баратынском. Я как раз недавно прочел здесь публичную лекцию о нем как о «пророке» нашего времени.² Руднев предложил дать мне рецензию на Вашу книгу. Это меня очень обрадовало. Я запросил его тотчас же, нужно ли это для очередной книги «С<о>временных» Зап<исок>».³ Он до сих пор не ответил мне: предполагаю, что теперь уже поздно и что придется отложить ее для следующего №; очередной №, по-видимому, уже скоро выйдет в свет.⁴ Разрешите задать Вам один вопрос — для самопроверки: Вы говорите, что «страной святых чудес» назвал Европу Достоевский? Я почему-то воображал, что это — из стихотворения кого-то из славянофилов (Хомяков?) и что Достоевский только подхватил и пустил в ход эту формулу.⁵ Так это или нет? О некоторых Ваших мнениях хотелось бы лично обменяться с Вами мыслями и даже поспорить. Путем переписки это всегда очень трудно. Я очень завидую Вам в том, что Вы, как видно, располагаете всем, что нужно Вам для работы. К нам сюда доходит лишь очень немного из того, что печатается во всех европейских странах. Исключение — Франция: здесь имеется Institut français, библиотека которого освежается очень исправно, по крайней мере туда выписывают все, что я рекомендую. Всего хуже у нас обстоит дело с английской литературой. Просто — ничего нет.

Жму Вашу руку и шлю Вам мой дружеский привет.

Ваш М. Бицилли

¹ Речь идет о книге: *Weidlé W. W. Les abeilles d'Aristée: essai sur le destin actuel des lettres et des arts*. Paris: Desclée de Brouwer, 1936. Ср. в письме Вейдле к Рудневу от 22 окт. 1936 г.: «Еще прилагаю два экз. моей книги — один Вам, а другой прошу послать Бицилли (я потерял его адрес) и написать ему, чтобы он дал рецензию в “Совр<еменных> зап<исках>”, если Вы согласны с этим моим пожеланием» («Современные записки» (Париж, 1920—1940): из архива редакции. Т. 3. С. 30).

² В соответствующем справочнике подобная лекция Бицилли не отмечена; см.: Хроника культурной и литературной жизни русской эмиграции в Болгарии (1919—1940) / сост. Г. Петкова // Русские в Болгарии 1877—2007 гг. Пловдив, 2010. С. 221—314 (то же: <http://gusmir.cl.bas.bg/guskie v bg/hronika.pdf>); ср. также: Хроника литературной жизни русского зарубежья. Болгария (1919—1940) / сост.: Г. Петкова // Литературоведческий журнал. 2003. № 17. С. 372—455. М. А. Бирман сообщает со ссылкой на частное письмо В. Ю. Макарова (знакового Бицилли) 1997 г., что в середине 1930-х гг. Бицилли подготовил или зачитал публичную лекцию на тему «Пушкин и Баратынский»; см.: *Бирман М. А. П. М. Бицилли (1879—1953). Жизнь и творчество*. С. 184.

³ Ср. в письме Вейдле к Рудневу от 18 нояб. 1936 г.: «От Бицилли я получил письмо, где он сообщает, что готов написать о моей книге для “Совр<еменных> зап<исок>”, но предполагает это сделать к следующ<ему> номеру, так как Вы ему не указали, что он успел бы это сделать еще и для ближайшего» («Современные записки» (Париж, 1920—1940): из архива редакции. Т. 3. С. 30—31).

⁴ Рецензия Бицилли на книгу Вейдле появилась лишь в № 64 «Современных записок», поступившем в продажу в конце сентября 1937 г. (см.: Отзывы критики на «Современные записки» (Париж, 1920—1940): материалы к библиографии / сост. О. Коростелев при участии М. Шрубы // Вокруг редакционного архива «Современных записок» (Париж, 1920—1940): сб. статей и материалов / под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. М., 2010. С. 507).

⁵ Выражение встречается в начале стихотворения А. С. Хомякова «Мечта» (1834): «О грустно, грустно мне! Ложится тьма густая / На дальнем Западе, стране святых чудес».

5. В. В. Вейдле — П. М. Бицилли

Париж. 3 декабря 1936 г.

26, rue Poussin
Paris, 16^e
3 XII 36

Дорогой Петр Михайлович,

я Вам не сразу ответил на Ваше милое письмо, потому что надеялся (со слов Рудневу) прочесть Вашу рецензию в только что вышедшей книге «Совр<еменных> Записок», но в последнюю минуту ее все же отложили на следующий раз (очевидно, ее вытеснила заметка Керенского о книге Жида).¹

Насчет «страны святых чудес»: Вы совершенно правы: это слова Хомякова, Достоевским приводимые в кавычках.² На эту ошибку ука-

зал мне еще Бердяев, когда соответствующий кусок моей книги печатался в «Пути»;³ я забыл ее исправить во французском ее тексте.

Как жаль, что у Вас нет возможности чаще приезжать в Париж! Я бы с такой радостью побеседовал с Вами на темы моей книги и на многие другие. В Вашем общем сочувствии многому, что я в моей книге говорю, я не сомневаюсь, потому что усердно Вас читаю, и как раз поэтому критика Ваша (и даже полное несогласие в частных пунктах) может быть особенно полезной и плодотворной для меня. Ходы мыслей наших часто совпадали и в прошлом и я всегда этому очень радовался. С Боратынским совпадение получилось удивительное, потому что и я, представьте, еще года два тому назад собирался читать о нем доклад, как о пророке нашего времени. Пророчественность его, впрочем, так несомненна, что только люди совершенно не умеющие мыслить исторически могут не замечать или отрицать ее.

Теперь я готовлю книжку о единстве Европы (культурном, конечно); статья «Границы Европы» была отрывком из нее.⁴ Думаю, что и тут опять будут многочисленные параллели к таким статьям Вашим, как «U.S.E.»⁵ или «Нация и язык».⁶ Надеюсь, что аналогии такого рода Вас не раздражают; ведь возникают они вполне естественно и непреднамеренно. Есть для меня что-то символическое в том, что в тот самый год, когда Вы выпустили Вашу диссертацию о Салимбене,⁷ я писал на ту же тему зачетное сочинение. Времена эти давно прошли и сочинение было скверное, но тот факт, что vom Hause aus⁸ мы оба — историки, отчасти обусловил, должно быть, сходство тех позиций, с которых мы взираем на современный мир.

Получать путные книжки мне удается здесь главным образом благодаря работе во франц<узском> журнале «Le Mois»,⁹ где я пишу об иностранных литературах.¹⁰ Все же и мне многого не хватает, особенно немецкого; с Англией у меня больше связей, я там много бывал последние годы, вот и книга моя выйдет по-английски (должно быть к весне).¹¹

Может быть, Вы все-таки соберетесь и приедете опять к нам, в Париж? Это было бы очень хорошо. Этой весной я, быть может, поеду ненадолго во Флоренцию погостить к Н. П. Оттокару.¹² В Париже я меняю квартиру и мой адрес с 15 XII будет 43, rue François Gérard, Paris, 16e.

Спасибо Вам за письмо и — заранее — за рецензию.

Жму Вашу руку.

Сердечно Вам преданный

В. Вейдле

¹ См.: Керенский А. Ф. <Рец. на кн.:> Gide A. Retour de l'U.R.S.S. Paris: Gallimard, 1936 // Современные записки. 1936. № 62. С. 454—457.

² Выражение цитируется Достоевским в «Зимних заметках о летних впечатлениях» (1863), где осмысливается его первое путешествие по Европе: «Пусть не раз-

гляжу ничего подробно, — думал я, — зато я всё видел, везде побывал; зато из всего виденного составится что-нибудь целое, какая-нибудь общая панорама. Вся “страна святых чудес” представится мне разом, с птичьего полета, как земля обетованная с горы в перспективе» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1973. Т. 5. С. 46–47).

³ Ср.: «Разве не нужно было вернуть Европе данное ей Хомяковым имя “страны святых чудес”?» (*Вейдле В.* Возрождение чудесного // Путь: Орган русской религиозной мысли (Париж). 1935. № 48. С. 41).

⁴ См.: *Вейдле В.* Границы Европы // Современные записки. 1936. № 60. С. 304–318. Статья «Границы Европы» вошла впоследствии в книгу Вейдле «Задача России» (Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1956).

⁵ См.: *Бицилли П.* U.S.E.? // Современные записки. 1931. № 45. С. 362–388.

⁶ См.: *Бицилли П.* Нация и язык // Там же. 1929. № 40. С. 403–426.

⁷ См.: *Бицилли П. М.* Салимбене: (Очерки итальянской жизни XIII века). Одесса, 1916. (Зап. Имп. Новорос. ун-та Ист.-филол. фак-та; вып. 12).

⁸ Немецкий фразеологизм со значением: изначально, исходно.

⁹ *Le Mois: synthèse de l'activité mondiale.* Paris, 1931–1956/57. № 1–127.

¹⁰ Публикации Вейдле в журнале «Le Mois» 1930-х гг. указаны в справочнике: *Livak L.* Russian emigrés in the intellectual and literary life of interwar France: A bibliographical essay. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2010. P. 410–413.

¹¹ Никаких книг Вейдле на английском языке в 1930-е гг. не выходило. Речь идет, вероятно, о переводе книги 1936 г. «Les abeilles d'Aristée», вышедшем однако лишь после Второй мировой войны; см.: *Weidlé W.* The dilemma of the arts / transl. by M. Jarrett-Kerr. London: SCM Press, 1948.

¹² *Оттокар Николай Петрович* (1884–1957) — историк-медиевист; профессор Пермского университета; выехал в начале 1920-х гг. в Италию в научную командировку; с 1925 г. профессор Флорентийского университета. См.: *Гардзонио С.* Оттокар // Русское присутствие в Италии в первой половине XX века: энциклопедия / ред.-сост. А. Д'Амелия, Д. Рицци. М., 2019. С. 496–497. Вейдле дружил с Оттокаром еще со времен учебы в Петербургском университете; см.: *Вейдле В.* Почетный гражданин Флоренции (Н. П. Оттокар) // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1971. 17 июля.

6. П. М. Бицилли — В. В. Вейдле София. 12 февраля 1937 г.

12 II 37. София IV. Върбица, 2.

Дорогой Владимир Васильевич, давно уже получил я от Вас письмо и давно собирался по поводу его обменяться с Вами мыслями — и все откладывал из-за разных отвлекавших меня работ и житейских мелочей. Меня очень заинтересовало то, что Вы пишете мне, что готовите книгу о единстве Европы.¹ Это как раз та тема, вокруг да около которой я хожу уже несколько лет и которой, от времени до времени, решаюсь посвящать мои университетские курсы. Здесь целый клубок сложнейших проблем. Прежде всего — *факторы* европейск<ого> единства. До чего они разнообразны, различны по происхождению и т<ак> ск<а>зать> «случайны». Например: в связи с этой темой я постарался прочесть все, что здесь мог достать, из вышедших в посл<еднее> время книг по «философии истории»: если не ошибаюсь, нигде не отмечена

роль феодально-династического начала, приведшего к образованию международной, так сказать, аристократии, — что особенно характерно для Габсбургской империи, этой — в течение веков — Европы в миниатюре, где образовался правящий слой, состоявший из своего рода метисов. В среднем, австрийский «барон» был помесью немца — итальянца — француза — испанца — чеха — венгерца — серба, а с XIX в. и еврея. Поделюсь с Вами одним наблюдением. Я заметил, что книги на немецк<ом> яз<ыке>, печатанные в Вене, несравненно легче читаются, нежели те, которые издаются в собственно Германии: структура речи куда проще и ближе к французской, итальянской или славянской. Конечно, «кровное» начало тут ни при чем: все дело в культурных воздействиях. Далее: *еврейство* как носитель *европеизма*. Этот фактор исследуется ведь только под искажающим углом зрения — антисемитами. Еще один вопрос: *ритмика* «Европы». В наше время немало вышло книг, посвященных *законам* истории, определяющим ее ритм (Fr. Cornelius,² Alf. Weber,³ и др.), существует целая литература по вопросу о роли смены поколений; в связи с этим прослеживается параллельно ход истории древн<его> мира, восточных народов, американских, «Европы» — и обычно в тени остается самый существенный вопрос: ведь никакая другая история не знает таких коренных, глубоких, «нутряных» изменений, как европейская. С этой точки зрения особенно ценны были для меня две книги американского историка философии *Randall*, «Our changing civilization»⁴ и «The Making of the modern mind»,⁵ п<отому> ч<то> он как раз к этой проблеме подходит, и именно так, как надо. Очень интересно было бы знать, как эту европейскую проблематику исследует А. Тоунбее.⁶ О его книге я знаю только по Вашей статье⁷ и по статье L. Febvre'a в «R<evue> de Metaphysique».⁸ Но она задумана, как видно, в столь грандиозном масштабе, что вряд ли я доживу до времени, когда все ее томы будут выпущены.⁹ Затем — еще одна, побочная, тема: интересно было бы проследить кочевание «Европы», постоянное перемещение ее центра — причем, кажется мне, можно было бы засвидетельствовать, что «центр» этот, парадоксальным образом, стремился устроиться чаще всего на европейской «периферии» и вне поля зрения собственно «европейских», т. е. западно-европ<ейских> народов, — и именно тех, которыми всего более занимаются историки «Европы». В XIX в. — от Пушкина и до Толстого включительно «Европой» была прежде всего Россия, но кто в официальной, казенной по сеньбосовски¹⁰ понимаемой Европе знает об этом? В настоящее время «Европа» это, м. б., Скандинавия, Швейцария, Голландия, Америка.

На каком языке Вы выпустите Вашу книгу? Догадываюсь, что на французском, т. к. русское зарубежное книгопечатание, как видно, уже погибло. Да и читателей нет. Впрочем, кажется, что и во Франции на книгу спрос все уменьшается. Уже давно я получил заказ от Baldensper-

ger:¹¹ дать очерк истории русской литературы до-пушкинского периода — для его издания (коллективного) ист<ории> всемирной литературы.¹² Рукопись послал больше года тому назад, и сразу же получил гонорар; но о самом издании с тех пор — ни слуху ни духу.

Очень меня соблазняет то, что летом, по случаю выставки,¹³ можно отправиться в Париж по экстра-удешевленному тарифу. Но — и при этих условиях, знаю наперед, денег на поездку мне раздобыть не удастся.

Жму Вашу руку и шлю Вам мой искренний привет. Очень о многом хотелось бы побеседовать с Вами. Переписываться куда труднее.

Ваш П. Бицилли

---

¹ См. примеч. 4 к п. 5.

² См.: *Cornelius F. Die Weltgeschichte und ihr Rhythmus*. München: Reinhardt, 1925. Cornelius Friedrich (1893–1967) — немецкий историк.

³ См.: *Weber A. Kulturgeschichte als Kulturosoziologie*. Leiden: Sijthoff, 1935. *Weber Alfred* (1868–1958) — немецкий эконом и социолог; младший брат Макса Вебера.

⁴ См.: *Randall J. H. Our changing civilization. How science and the machine are reconstructing modern life*. New York: Frederick Stokes, 1929.

⁵ См.: *Randall J. H. The making of the modern mind. A survey of the intellectual background of the present age*. Boston: Houghton Mifflin, 1926. *Randall Jr. John Herman* (1899–1980) — американский философ, историк философии.

⁶ *Тойнби Арнольд Джозеф* (Arnold Joseph Toynbee; 1889–1975) — британский историк, философ истории; автор монументального труда «A study of history» («Исследование истории») в 12 томах (1934–1961).

⁷ Имеется в виду статья Вейдле «Границы Европы» (Современные записки. 1936. № 60. С. 304–318). Тойнби упоминается на С. 312–315. Вейдле говорит о книге Тойнби как о «самой замечательной работе по феноменологии культуры, какая была написана после Шпенглера (вышло три тома, обещаны еще десять)» (Там же. С. 312).

⁸ См.: *Febvre L. De Spengler a Toynbee. Quelques philosophies opportunistes de l'histoire // Revue de Métaphysique et de Morale*. 1936. Т. 43. № 4. P. 573–602.

⁹ Ко времени написания письма вышли первые три тома; см.: *Toynbee A. J. A study of history*. London <et al.>: Oxford University Press, 1934. Vol. 1–3. Тома 4–12 появились в 1939–1961 гг.

¹⁰ Имеется в виду французский историк *Шарль Сеньобос* (*Seignobos Charles*; 1854–1942). Истории Европы посвящены, в частности, следующие его труды: *Seignobos Ch. Histoire politique de l'Europe contemporaine. Évolution des partis et des formes politiques 1814–1914*. 7e éd. entièrement refondue et considérablement augmentée. Paris: Armand Colin, 1924–1926. Т. 1–2 (первое издание вышло в 1897 г.); *Seignobos Ch. Histoire de l'Europe*. Paris: Editions de Cluny, 1934.

¹¹ *Бальденспержер Фернан* (*Baldensperger Fernand*; 1871–1958) — французский историк литературы, литературовед-компаративист. В фонде Бицилли Пушкинского Дома сохранились три письма Бальденспержера за 1934–1935 гг.

¹² Подобного издания не появилось.

¹³ Речь о Всемирной выставке, прошедшей в Париже с 25 мая по 25 ноября 1937 г.

Библиографический список

1. *Бирман М. А.* П. М. Бицилли (1879–1953). Жизнь и творчество. М.: Водолей, 2018. 444 с.
2. *Герашко Л. В., Кудрявцев В. Б.* Фонд профессора П. М. Бицилли в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005–2006 годы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. С. 57–222.
3. «Не думайте, что я забыл “Современные записки”»: В. В. Вейdle / публ., вступ. ст. и примеч. О. А. Коростелева // «Современные записки» (Париж, 1920–1940): из архива редакции / под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. М.: Новое лит. обозрение, 2013. Т. 3. С. 9–36.
4. «“Современные записки” все ближе и ближе подходят к тому, чего я лично хотел от них»: П. М. Бицилли / публ. и примеч. М. А. Бирмана и М. Шрубы; вступ. ст. М. А. Бирмана // «Современные записки» (Париж, 1920–1940): Из архива редакции / под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. М.: Новое лит. обозрение, 2012. Т. 2. С. 479–646.

Т. Г. ГНЕДИЧ
ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ 1944 г.

*(Вступительная статья, подготовка текста
и комментарии Е. В. Виноградовой)*

Аннотация: Впервые публикуются дневниковые записи поэта и переводчицы Т. Г. Гнедич, которая пережила ленинградскую блокаду от начала до конца. Записи велись с апреля по июнь 1944 г. и содержат не только подробный рассказ о работе и душевном состоянии поэта в данный период времени, но и воспоминания Гнедич о своем детстве и попытке семьи Гнедич эмигрировать из России в 1920 г. В дневнике описывается поездка Т. Гнедич в Москву вместе с англичанином Леонардом Уинкоттом в связи с изданием в странах-союзниках СССР антологии советских поэтов на английском языке, в переводах Гнедич и Уинкотта. Большое внимание уделено размышлениям переводчицы о своих отношениях с Уинкоттом и переживаниям из-за невозможности найти с ним, помимо деловых отношений, истинную дружбу и духовное понимание. Записи перемежаются со стихотворениями Т. Г. Гнедич, написанными в разное время.

Ключевые слова: война, блокада Ленинграда, детство, биография, стихотворения, Т. Гнедич, Л. Уинкотт, личные и творческие отношения.

Abstract: The diary entries of the poet and translator T. G. Gnedich are published for the first time. She survived the siege of Leningrad from the beginning to its end on January 27, 1944. The records were kept from April to June 1944 and contain not only a detailed account of the work and state of mind of the poet in this period of time, but also Gnedich's memories of his childhood and the attempt of the Gnedich family to emigrate from Russia in 1920. The diary describes the trip of T. Gnedich to Moscow with the Englishman Leonard Wincott in connection with the publication in the countries-allies of the USSR of an anthology of Soviet poets in English, translated by Gnedich and Wincott. Much attention is paid to the translator's reflections on her relationship with Wincott and her feelings about the inability to find true friendship and spiritual understanding with Him, in addition to business relations. The recordings are interspersed with poems by T. G. Gnedich written at different times.

Keywords: war, siege of Leningrad, childhood, biography, poetry, T. Gnedich, L. Wincott, personal relations, creative interactions.

В Рукописном отделе Пушкинского Дома, в архиве Татьяны Григорьевны Гнедич, сохранился важный документ блокадного времени: справка Правления Ленинградского отделения Союза советских писа-

телей от 1 нояб. 1943 г. Данная справка свидетельствовала о том, что Правление «поручает переводчице тов. Гнедич Т. Г. работу по переводу произведений ленинградских поэтов на иностранные языки. Просим писательнице тов. Гнедич оказывать содействие в порученной ей работе».¹ Этот документ, с одной стороны, спас переводчицу от голода и нужды, а с другой — стал отправной точкой на ее пути к гибели — к аресту и заключению.

Перед самым началом войны и блокады Ленинграда Татьяна Григорьевна работала доцентом факультета иностранных языков Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена, преподавала английский язык и факультативно — литературу. Когда начались бомбежки, из дома на Каменноостровском проспекте вместе с матерью, Анной Михайловной Гнедич, они переехали на Крестовский остров, Татьяна была призвана военным переводчиком в 7-й отдел политуправления Ленинградского фронта, позднее — в Штаб партизанского движения. После прорыва блокады в 1943 г. она вернулась к преподавательской деятельности, работала и. о. декана факультета иностранных языков в своем институте. В это же время Т. Г. Гнедич вступила в Союз советских писателей и переводила стихотворения советских поэтов на английский язык для издания в странах-союзницах и для трансляции этих переводов по радио. Руководителем ее и консультантом в этом деле был назначен Леонард Уинкотт,² в прошлом матрос английского флота. Работа с ним положила начало ее новым душевным переживаниям, новым профессиональным и творческим успехам, однако вызвала подозрения властей и в конце концов перечеркнула карьеру обоих переводчиков.

Переводов было сделано очень много: «Пулковский меридиан» Веры Инбер, стихотворения Анны Ахматовой, Александра Прокофьева, Николая Тихонова, гимн Советского Союза. Этот материал сохранился в архиве Т. Г. Гнедич.³ Но антология так и не была издана, а Татьяна Григорьевна в конце 1944 г. и Уинкотт в начале 1945 г. были арестованы и 10 лет своей жизни провели в заключении.

Мы не знаем точно, что явилось причиной ареста — донос ли, неправильное поведение обоих или политика властей по отношению к ярким, талантливым людям. Софья Островская, знакомая Т. Г. Гнедич

---

¹ РО ИРЛИ, ф. 810, оп. 1, № 109.

² *Уинкотт Леонард* (1907–1983) — английский моряк, коммунист, бежавший в СССР. Арестован 24 апр. 1945 г., в февр. 1946 г. военным трибуналом НКВД приговорен по 58-й статье к лишению свободы сроком на 10 лет; реабилитирован в 1956 г. До войны жил в Ленинграде, в 1943 г. вступил в Союз писателей СССР, пережил блокаду. После освобождения из заключения остался в СССР, жил в Москве, был восстановлен в Союзе писателей. Два раза снимался в кино на «Мосфильме». См. упоминания о нем: *Островская С. К. Дневник / вступ. ст. и коммент.* Т. С. Поздняковой. М., 2013. С. 689–690.

³ РО ИРЛИ, ф. 810, оп. 1, № 55.

(которую Татьяна Григорьевна долгое время считала своей близкой подругой), цинично писала в дневнике в 1943 г.: «Холодный и умный Уинкотт делает карьеру на переводческом таланте Татьяны Гнедич: она прекрасно перевела английскими стихами антологию ленинградских поэтов для Англии и США. Под ее переводами стоят подписи: Гнедич и Уинкотт. В Англии такая книга будет, конечно, называться книгой Уинкотта, Wincott's Book. Предстоящие большие гонорары и будущее пополам».⁴ Вполне вероятно, что подобные слова были и в доносе, но в чем? — это еще предстоит исследовать. Сама Татьяна Григорьевна через много лет говорила о причине своего ареста некоторым друзьям и ученикам, но всем по-разному. Скорее всего, она по каким-то личным причинам не хотела говорить правду. Возможно, приподнять завесу над этой тайной нам поможет ее небольшой дневник.

Свои дневниковые записи Татьяна Григорьевна писать в апреле 1944 г. На вопрос: «почему не раньше? почему не во время блокады, а после ее снятия?» — есть только один возможный ответ: блокада осталась в ее стихах. Все, что она видела, все ее горе, ужас и одиночество отразились в десятках стихотворений, многие из которых остались неопубликованными. К весне 1942 г. Т. Г. Гнедич потеряла всех самых близких своих ленинградцев: ее мать, Анна Михайловна, умерла от голода в конце марта 1942 г., любимая подруга Варвара Наумова⁵ умерла в декабре 1941 г. Аксель, любимый человек (в своем дневнике она все время словно сравнивает его с Уинкоттом), был арестован в 1941 г. и пропал навсегда.⁶ Тамара Хмельницкая, близкий друг Татьяны Гнедич во время войны, названная ею своей «серапионовой сестрой», вспоминала о том, как во время блокады в общежитии, устроенном в готической гостиной Дома писателя, Татьяна Григорьевна занималась английским языком и читала стихи английских поэтов таким же одиноким женщинам, как она сама.⁷ Возможно, это общение тоже помогло ей выжить.

---

⁴ *Островская С. К.* Дневник. С. 269. *Островская Софья Казимировна* (1902—1983) — переводчица, мемуаристка.

⁵ *Наумова Варвара Николаевна* (1907—1941) — поэт, переводчица с английского языка, сотрудник Института народов Севера.

⁶ Теперь мы точно знаем, что это *Аксель Бекман* (1907—1941), гидробиолог, друг Льва Гумилева, арестованный по одному делу с ним (см.: *Аксененко Е. М.* Т. Г. Гнедич и В. А. Рождественский. Переписка (1943—1944 гг.) // Верили в победу свято: материалы о Великой Отечественной войне в собраниях Пушкинского Дома. СПб., 2015. С. 39). Однако в архиве Гнедич сохранились материалы, помеченные «Витберг» (переводы с немецкого и на немецкий язык). Г. С. Усова в своей книге о Гнедич «И Байрона в соавторы возьму...» (СПб., 2013) также упоминает фамилию Витберг, которую называла Татьяна Григорьевна. Благодаря атрибуции фотографий из архива Гнедич нами установлено, что упоминаемый ею Аксель — Аксель Бекман.

⁷ *Хмельницкая Т. Ю.* Т. Г. Гнедич в дни блокады // *Гнедич Т. Г.* Страницы плена и страницы славы / сост. Г. С. Усова. СПб., 2008. С. 321—323.

Аксель Бекман. <1930-е гг.>. Публикуется впервые

Но — несмотря на поддержку друзей, на дополнительный паек, на окончание блокады, — Татьяна Григорьевна решила покончить счеты с жизнью.⁸ «Вчера мною принято некое безумное или, может быть, наоборот, — разумное решение», — написала она в начале дневника, обращаясь к С. К. Островской. Видимо, Островская дала ей совет писать воспоминания, надеясь увести Гнедич от самоубийства, увлечь написанием истории своей семьи, углубиться в прошлое. И это в какой-то степени удалось: Татьяна Григорьевна не только написала о том, что приходилось долго скрывать, — о попытке эмиграции семьи после революции, но и продолжила свои дневниковые записи во время деловой поездки в Москву с Л. Уинкоттом. В связи с этим заметно четкое раз-

---

⁸ О своем состоянии, близком к самоубийству, Гнедич писала В. А. Рождественскому в конце 1942 г., и он дал ей мудрый совет: успокоиться и как можно больше писать стихов (см.: Аксененко Е. М. Т. Г. Гнедич и В. А. Рождественский, С. 44–46).

деление дневника на две части: первая часть написана чернилами в небольших тетрадях (одна самодельная, другая похожа на аспирантскую книжку, с графами «движение рукописи» и «посещение консультанта»), аккуратно, без поправок. Эти записи посвящены воспоминаниям детства, и писались они за столом. В них чувствуется радость, любовь к жизни, несмотря на происходящее вокруг. Вторая часть записей — о поездке в Москву — на обрывках бумаги, обертках, писались они то чернилами, то карандашом. Вероятно, Татьяна Григорьевна носила в кармане карандаш и кусочки бумаги, чтобы сразу записать то, что взволновало, не забыть. Разобрать эти записи было трудно. Здесь настроение совсем другое. Многое — и то, что видится за окном поезда, и происходящее в Москве, и веселое настроение Уинкотта — вызывает душевные муки и желание умереть. «Let me die»,⁹ — повторяет она слова из поэмы А. Теннисона «Элейн». И спрашивает себя, когда что-то радует: «Может быть — жить?» Помогают жить ей и знакомые, которые «вытаскивают» ее из депрессии: семья врача Рейтца, Андриевские — знакомые ее родителей, поселившиеся в их квартире в Москве, и давняя знакомая семьи Гнедич, Валентина Павловна Байер.

Дневниковые записи Т. Г. Гнедич раскрывают новые сведения для изучения ее биографии: мы узнаем, что ее мать была москвичкой, что Татьяна Григорьевна с родителями гостила в Москве «у дедушки и бабушки», и, судя по тому, как хорошо она знает московские улицы, довольно долго. Мы не знаем, в каком конкретно учреждении служил отец Гнедич, тайный советник, известно только, что по ведомству Министерства просвещения (по записям Гнедич в анкетах 1960-х гг.). Однако писательница вспоминает, что мать иногда называли «генеральшей». Можно предположить, что до революции семья жила зимой в Москве, а весной уезжала в родовое гнездо отца в Полтавской губернии.

Во второй части дневника подробно описывается «другая» Москва — после приезда с Уинкоттом: послевоенный город, уже неродной; родным стал Ленинград. Здесь, в Москве, нужно ходить по инстанциям, доказывать чиновникам необходимость и ценность своей работы, кланяться, широко улыбаться, как Уинкотт, ждать у кабинетов. Татьяна Григорьевна сравнивает Москву, где «никто ничего не знает», где хлеб продается в ларьке на улице, с Ленинградом, в котором едва теплится жизнь после бомбежек и голода. У нее такое ощущение, что «в Москве и бомбежек-то не было». Она скучает по Ленинграду, тоскует по Акселю, но все-таки отмечает: «Поправиться, конечно, я не поправилась. Даже, может, в некоторых точках я еще и утвердилась. Но то обстоятельство, что я была в Москве, — для меня хорошо. Это — факт». Записи заканчиваются набросками новых стихотворений, сочиненных, вероятно, в поезде: «На станции Любань» и «Когда билет до Ленинграда...», в обоих — жалость и любовь к своему городу.

⁹ Позвольте мне умереть! (англ.)

Текст дневниковых записей Т. Г. Гнедич воспроизводится по ее автографу,¹⁰ в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации. В угловых скобках раскрываются недописанные слова или содержатся пояснения публикатора.

Эпиграф:

Я часто думаю: не поставить ли лучше
Точку пули в своем конце?

В. Маяковский¹

15/IV-44

Вчера мною принято некое безумное — или, может быть, — наоборот: единственно разумное решение. Последствия его результатов будут или спасительны или губительны — посему — начинаю «сии записки» в целях подведения итогов.

Вы просите записать материалы, так или иначе связанные с моей биографией. Я полагаю, лучше всего начинать в самого начала: о детстве.

Я уже не раз говорила Вам, что помнить себя я начинаю где-то в возрасте 3—4 лет, когда мы были еще в г. Туле. Но, если быть честной, я не уверена, что именно я помню: мысленную иллюстрацию к рассказам или действительно факты. В Туле я помню два очень туманных эпизода: зимнюю прогулку в очень заснеженном скверике — вероятно, в сочельник, т. к. запах елки, хвойный, праздничный и немножко сказочный, явно есть в этом воспоминании. Помню, что я — или кто-то, кого я смутно видела в зеркале — вероятно, это была все-таки я — была в белой меховой шапочке-ушанке, и уши были белые и спущены были на уши. И помню контур изгороди около заснеженного скверика.²

16/IV-44.

Н. В. Толстая читала мне сегодня стихи Пастернака — особенно замечательны строки о славе:

«Но старость это Рим, который
Взамен турусов и колес —
Не читки требует с актера,
А полной гибели всерьез...»³

Это хорошо. Теперь продолжаю.

В Туле я еще помню очень смутно приезд О. Г. Пантелеевой, двоюродной сестры отца. Ее помню только в тумане, контурно — кажется, она была в чем-то синем. А на полу, на коврик — лазил ребенок.

Первым предметом, остановившим мое внимание, была, видимо, большая керосиновая лампа, ибо я помню ее особо и отдельно от все-

---

¹⁰ РО ИРЛИ, ф. 810, оп. 1, № 85.

го. Она была белая, матовая, с бронзовыми лапками. И кроме лампы — помню ряд стульев вдоль стены. Кажется, тульские воспоминания этим обрываются.

Потом — с 1909 по 1911 год мы жили в Симферополе, т. е. с 3 до 5 лет. Воспоминания о Симферополе у меня тоже очень отрывочные: помню большой сад, террасу с колоннами. Помню маму перед большим зеркалом и портниху, примеряющую ей платье. Помню окно в узенькой комнате, — окно это выходило на улицу, и я часто сидела на столике из-под швейной машины и смотрела из окна, считая проходивших. К этому времени относится первое сочиненное мною двустишие:

Кто проедет, кто пройдет?
Кто к подъезду повернет?..

Для 5-ти лет это удовлетворительно. В Симферополе возникает память о маме, которая носит меня на руках и поет.

Я буду писать отрывочно, т. к. многое нужно успеть. Одна из очень важных записей — это «Харакс»...⁴

.....
21 (25?) января 1920 «они» уезжали. Было прежде всего странно уезжать среди зимы. Всё еще было на привычных местах: большая, всегда немного пустынная квартира Павла Ивановича была, как обычно, очень светлой и зимней. На привычных местах стояла мебель, пальмы, рояль. Только в кабинете (последнее время это была наша спальня) было неудобно и «предотъездно» — стояли сундуки бабушкины кованые, горбатые сундуки, были наспех сложены предназначенные к укладке вещи. Кукол — моих с детства, с Москвы знакомых и привычных кукол, тоже укладывали в сундуки. Особенно живо я помню почему-то — Верочку, красивую куклу — блондинку с настоящими ресницами и очень черными глазами, ее заворачивали в какую-то материю, чтобы не разбилась... А я уж больше ее никогда и не увидела.

Очень странно и неприятно выглядела в гостиную давно разобранная, но еще очень свежая сосна, срубленная на даче и в тот год служившая елкой. Ее почему-то не унесли, и она так и стояла среди комнаты, расправив крепкие ветки, похожие на канделябры. И тут же стояли ящики с украшениями. Их было много. Большинство украшений я помнила с давних пор — с самого далекого, «золотого» детства. Картонажи «зима» и «лето» — ватные пейзажики на бомбоньерках... Козлик, везущий тележку с цветами. Чухонка с кувшином. Красная шапочка с наклеенным лицом в алом капоре, ангелы в блестках — ясноглазые детские лица на фоне сиреневого и розового желатина и фольговых лучей. Большой белый ангел, неуклюжий и очень снежный, с ватной лентой в руках. Меня уже в очень раннем детстве шокировала излишняя ватность этого ангела — как-то он был «по комплекции» похож не то на извозчика, не то на дворника! И только приклеенное блестящее

светлое лицо напоминало о том, что это — ангел, просто зимний, теплый ангел, потому и такой закутанный...

Потом была панорама — поклонение волхвов — с прекрасными лицами пастухов и царей, с чудным золотым блеском Вифлеемской звезды в маленьком окошке над яслями... Была любимая хлопושка с маками и другая, с большим красным раком... Был картонный ангел в розовых одеждах с большими крыльями, летящий в сиянье из фольги и желатина. Были замечательные павлины с раскрытыми хвостами, деды морозы — белые, голубые, тоже укутанные в вату, много было картонажей. И все они были теперь уложены в ящики, а ящики все-таки не были унесены на чердак, как обычно, ибо чердак как место хранения уже как бы перестал существовать, ибо даже самая квартира уже как бы собиралась куда-то, и эта собирающаяся куда-то квартира — и своя и не своя — особенно четко запомнилась. Вероятно, навеки...

День отъезда настал. Холодный норд-ост. Сильный мороз. Светлое пустое утро. Сплошные сборы. Последнее «посидение» в кабинете спальни. Слезы мамы. Слезы на лице, полном отчаянной и скорбной решимости. У отца — покорное и неуверенное выражение в светло-голубых глазах. Какая-то робость и боль.

И потом сразу: порт. Холодный ветер. Погрузка на большой шумный, тревожный пароход, и — сразу — ярко-голубое небо и медленно удаляющиеся берега Одессы — города моего сознательного детства. Берега желтовато-голубые, освещенные морозным утрен<ним> солнцем.

И — конец дому как понятию, связанному с давно знакомыми вещами, безделушками, с вещами, которые помнят о далеком детстве, конец дому как понятию об устроенности быта — традиционной, давней, спокойной. 25-го января 1920 г. приказом Верховного Совета Господа Бога — мне суждено было вместо дома иметь комнаты — комнаты с чужой мебелью или с печальными остатками своей.⁵

Пароход был большой и, как сказано, тревожный: на палубе стояли гробы — с умершими от сыпного тифа казаками: их везли на родину, в Новороссийск. Гробы стояли один на другом, и около гробов, а местами и на гробах, сидели живые казаки, с погонами на плечах, с пьяной тоской в усталых обветренных лицах.

По очень крутой лестнице вниз — можно было спуститься в узенький коридор, повернув направо по гладкой, выкрашенной масляной краской стенке, можно было попасть в узенькие двери — одна дверь прямо, в нее упирался коридорчик, другая справа, в маленькую каюту. В каюте были мы. Каюта была только на две койки: нижнюю и верхнюю. Мама лежала на верхней. Лицо у нее было все то же: слезы, не скатывающиеся по щекам, а какие-то остановившиеся слезы — и решимость.

А смазливая девчоночка с пышной косой и очень красивыми глазами сидела внизу, на чемоданчике против двери, и смотрела в коридор,

а по коридору взад и вперед шмыгали гардемарины: они-то и помещались за той дверью, в которую упирался коридорчик. Гардемарины носились как угорелые, обмениваясь наигранно-грубоватыми шуточками и остротами. Трех из них девчонка, сидевшая на чемодане, запомнила: один — с завязанным глазом — очень стройный, но с бледным испитым лицом именовался «Христенко». Он особенно ловко бежал по лестнице (это было слышно, т. к. каблуки его даже не стучали по ступенькам, а как бы только цеплялись за них), по коридорчику он тоже носился стремительно, и георгиевские ленточки его бескозырки бойко развевались по плечам...

Второй именовался Сережей. Это был замечательно красивый, очень молодой мальчик лет 18-ти — с безошибочно белогвардейским благородством немного насмешливого фарфорового лица. У него были прекрасные круглые карие глаза и немного оттопыренные губы. Он курил трубку и, вероятно, считал это свойство наиболее мужским из своих достижений.

Третий откликнулся на имя Митя. Это был очень типичный мальчик-гардемарин: стройный, черненький, с юношеской свежестью простого и довольно красивого лица. Он был, пожалуй, больше всех похож на гимназиста, на «не-взрослого». Вероятно, поэтому девчонка, сидевшая на чемодане, думала о нем меньше. Но «Христенко» и Сережа ее занимали. Настолько занимали, что и они, несмотря на явную молодость девчонки — ей только что исполнилось 13! — мимоходом поглядывали в сторону маленькой каюты. И однажды Сережа сказал Христенко что-то несурзное, и оба очень нахально расхохотались. А мама велела закрыть дверь в коридор. И дверь закрыли. Правда, ненадолго, т. к. каюта была около топки и при закрытой двери духота становилась невыносимой.

Во всяком случае того, что дверь закрыли, было немного жаль, но подтвердило запретность — и оттенило ее. Когда дверь пришлось открыть снова — у меня при каждом стуке каблуков по лестничному трапу начинало стучать сердце. Христенко и Сережа все-таки поглядывали справа, но уже молча. Впрочем, Сережа раз все-таки сделал какое-то необычное лицо: не то подмигнул, не то состроил гримасу, и мне было от этого и стыдно, и страшно, а в глубине души появилась очень тайная и совершенно запретная мысль: вот если бы попасть в тюрьму вместе с ними! Чтобы папа и мама были где-то в полной безопасности и ничего не знали обо мне, а я чтобы попала — в тюрьму. В сырой и темный подвал. И чтобы знать, что на утро будут дикие пытки — как у Кочубея в пушкинской «Полтаве» — и что нужно умереть на плахе в страшных страданиях — и они тоже умрут, эти красивые, ловкие и дерзкие мальчишки с озорными глазами... и тогда можно было бы... что? Я точно не знала... и, главное, — не задумывалась. Главное было в том, что я была бы с ними — и притом одна, и — накануне смерти, а папа и мама не

волновались бы обо мне, ибо в своем невероятном благоденствии они ничего не знали бы — и я была бы за них спокойна...

Да не смутится при этой откровенной исповеди дух великого Фрейда! Увы — без Фрейда мне сейчас совершенно ясно, что в сублимированной форме эта многообещающая девчонка мечтала, если уж быть совершенно беспощадным аналитиком, — о том, чтобы родители оказались... «в месте злчном, в месте покойном»,⁶ а ей, этой самой девчонке, предоставлена была бы ранняя свобода действий.

Правда — эта расшифровка — результат жесткого анализа. Мечта, как таковая, была абсолютно абстрактной и абсолютно неприменимой к жизни. Если бы конкретно произошло желаемое, т. е. если бы вдруг я действительно потеряла тогда отца и мать — это было бы для меня столь огромным горем, что безусловно мне было бы не до стройности гардемарина Христенко и не до нахальной улыбки его приятеля.

И вот сейчас, скептически глядя на себя из моего нового бытия, я беспощадно спрашиваю свою судьбу: ну а если бы — силой магического сцепления причин и следствий — безотчетно желаемое сбылось? Если бы тогда эта скорбно-решительная генеральша со слезами в остановившемся взгляде и этот встревоженно-беспомощный барин — ну, например, заразились бы сыпным тифом — случай весьма реальный и очень модный! — и, действительно, хорошенькая 13-ти летняя девчонка осталась бы одна со своими 300-ми тысячами? Выжила бы она? И как выжила бы? Или тогда еще более дикая, еще более нелепая и, главное, несомненно ранняя гибель закончила бы сию биографию? Или — наоборот? Ранняя самостоятельность укрепила бы органически сильное и вывела бы на какой-то более прямой, более верный путь? Вероятнее всего, все-таки — гибель.

Не следует все-таки забывать, что героиня сей не вполне боккачьевой новеллы была очень наивна, очень неприспособленна, очень избалована огромной тревожной заботой и любовью, окружавшей ее с малых лет. Она была уже талантлива и уже знала это. Упрямое сознание своей «пред-избранности» уже точно обозначалось в ее психике. Стихи она уже почитала своим основным делом и писала их хорошо.

Для подтверждения привожу несколько стихотворений этого периода. У меня случайно сохранился альбом, в который тщательно переписывались все мои произведения — и даже нумеровались. Под каждым стихотворением стоит идиотически-чарская подпись с росчерком: «Тьяна». Уже с 16-летнего возраста мне это злополучное «Тьяна» представлялось безусловным синонимом слова «Дура»!!⁷

Но об этом после. Сейчас я нарочно выпишу несколько стихотворений с точным указанием обстоятельств их сочинения. Под номером «326» (NB! Нумерация идет от самого первого произведения, т. е. от 6-ти лет!) — итак — под номером «326» значится стихотворение «Пташка». Оно начато еще в Одессе, в день отъезда.

«Расскажи ты мне, пташка небесная, —
Ты летишь ли из сказочных стран,
Где ласкает скалы неизвестные
Голубой-голубой океан?
Где с небес лучезарным сиянием
Улыбается солнечный луч,
Где под осени хладным дыханием
Не скрывалось солнце между туч...»

После многих расспросов она пташка отвечает:

Я лечу не от юга палящего,
Я лечу из отчизны моей,
от простора родного, манящего
беспредельно широких степей...

и, заключая сильно-белогвардейскую декларацию касаясь того, что

...богатства Руси поразвеяны.
Вековые сады сожжены, —

решительная пташка вещает белоэмигрантским гласом:

«В край, где солнца лучами омытая
Никогда не скрывалась весна,
Я лечу, потому что забывтая
Не воскреснет родная страна...»

Каковы бы ни были идеологические качества приведенного стихотворения — его формальные совершенства — для автора 12-ти лет — бесспорны!

А вот под № 327 — еще более «историческое» произведение. Оно сочинено именно в уже описанной каюте на пароходе «Саратов», который угрюмо шел от Одессы до Крыма битых трое суток — 21, 22 и 23 января! Наглядевшись на красивые лица бегавших мимо каюты мальчишек, юная поэтесса писала:

Тихо плещет море ясное,
Ветер волнами шумит,
Жизнь счастливая, прекрасная
В дали синие манит.
В те загадочно-далекие,
Что раскинулись кругом —
Беспредельные, широкие
В ясном блеске голубом.
В юном сердце больше жалости,
Нет для злости места там —
С чистым чувством первой младости
Я прощу своим врагам.
Всех, чей путь — страданье вечное,
Я жалеть готова вновь,

В сердце — вера бесконечная,
На душе — сама любовь!

Поистине — тут остается лишь воскликнуть: «какова!» Только что был мрак патриотической мировой скорби, а тут уже и «прощенье врагам», и «жизнь счастливая, прекрасная» и, главное, бессознательная, но весьма явная склонность к романтическим приключениям.

Косвенно это стихотворение несомненно посвящено мальчишкам-гардемаринам, бегавшим мимо нашей каюты. И, что особенно плохо, — посвящено не кому-нибудь, а именно им, всем трем, особенно запомнившимся мне до сих пор.

Впрочем, нужно отметить в свои оправдание: жизнерадостные стихи занимают в этот период сравнительно мало места. Большинство — пронизаны «мировой скорбью». Лейтмотив — тоска по родине. Северный пейзаж отождествляется с мыслью о Родине. Море — как символ — с мыслью о любви. Отсюда стихотворение № 330:

Летели мы: кругом сияли волны,
Едва-едва качались корабли.
И берега, таинственности полны,
В лазурной мгле терялися вдали...

Летели мы — смеялся свод небесный
Сверкающей стихии голубой,
Простор неизмеримый, неизвестный
Куда-то вдаль манил и звал с собой.
Младая жизнь улыбкой чаровала,
Как свод небес, ясна и широка,
И лишь одно блестящий день смущало:
Мне было жаль родного уголка...

«Родной уголок» — это дача на Среднем Фонтане.⁸ Маленький уютный дом, который я любила со всей горячностью «последней собственнической страсти». Этот дом тоже оставался где-то на туманных берегах. Большой сад, цветы, любимые дорожки, любимые деревья — все это я тоже больше никогда не увидела. В 1921 году, вернувшись в Одессу, мы нашли сад вырубленным, дом изуродованным — опять комплекс прямого попадания...

Противоречивые чувства — взрослой, точнее, старческой тоски — и очень юной, очень восторженной и доверчивой страсти к жизни — вот что составляло сущность внутреннего мира девчонки с красивыми и, вероятно, многообещающими глазами, на которую искоса, вправо — поглядывали гардемарины. Этой сущности они, несомненно, никак не предполагали и поэтому не имели никакого представления о подлинном облике означенной девчонки. Да они и не задумывались на такую тему. Вряд ли Христенко или этот самый Сережа — если они сейчас где-нибудь есть — то им уже за 40! — вряд ли они даже вспом-

нили бы этот эпизод, который входит в биографию... «значительного русского поэта» — вот — доля женщины!

А в отроческом творчестве этого поэта образ моря именно из-за гардемаринов с парохода «Саратов» прошел настойчиво и четко, переплетаясь с мотивами ранней, еще очень чистой лирической эротики:

В февральском стихотворении № 331, называемом «Романс», написано:

«Там, у берега песчаного,
Где манит, ласкает взор
Моря синего, туманного
Неразгаданный простор.
Где встают валы, гонимые
Перелетным ветерком,
Мы ладью не удержируем,
Быстрокрылую найдем.
И по морю по безбрежному
Полетим на парусах,
Словно чайки белоснежные
На сверкающих крылах:
В даль родную, бесконечную,
Что сулит приволье нам —
Вверит молодость беспечную
И судьбу свою волнам!
<...>

И наконец, одно из коронных номеров моего «тринадцатилетнего дарования» (№ 377):

Луна, луна,	Туман ночной
Богиня дум,	Из звезд лучей
Тиха, ясна,	Творца рукой
Сияешь ты.	На ней надет!
Своим лучом	Не слышишь ты:
Ласкаешь ум	В тиши ночной
И будишь в нем	Полна мечты,
Мои мечты.	Шумит волна.
И брежу я	И берег спит
Под шум волны —	В мечте молодой,
Мечта моя	То говорит
Красы полна:	Моя весна!
В живой волне.	Венец на ней
В лучах луны	Из звезд ночных
Явилась мне	Небес огней —
Моя весна.	Светла, ясна
Гляди — зовет	В короне той,
Краса очей:	Ясней других,
То — небосвод,	Полна красой,
То — лунный свет.	Блестит луна.

Это последнее стихотворение покойная мама цитировала еще в <19>38—39 г. каждый раз, когда случалось ей любоваться лунной ночью. Я так и слышу ее голос — немного насмешливый, но как будто она не хотела самой себе до конца признаться в том, до какой степени гордится мною. Так и слышу ее голос: «Луна, луна — богиня дум!» (далее цитировала обычно я, особенно строчки: «Гляди — зовет Краса очей: То — небосвод, То — лунный свет» и т. д.).

Опять-таки — обращаюсь к благосклонному читателю! Приходится признать, что, учитывая возраст автора, стихотворение действительно совершенно. В нем все изобличает подлинное мастерство: удачно выбранный ритм, точная инструментовка каданса волн, неподвижность образа луны в самом развитии описательных метафор, оригинальное чередование рифм. С удивлением смотрю я сейчас на этого автора: что должны были чувствовать мои родители! Удивительно ли, что в безмерной любви своей ко мне они делали все, что могли, чтобы сохранить меня в жизни, чтобы донести до какой-то большой и гордой высоты это казавшееся им священным — пламя! А ветер был отчаянный! И все-таки — вот мне 36 лет — и я накануне настоящей славы. И — я пишу эти записки потому, что собираюсь лишать себя жизни и хочу, из простой дружеской любезности, оставить милому другу Корчаку⁹ зафиксированными на бумаге наши полуночные Тригорские беседы — бывшие и не бывшие.

И вот, написав эти строки, я останавливаююсь и думаю: а имею ли я право задуть эту свечку, которую с таким трудом, с такой болью веры пронесли эти два огромно любивших меня человека? Не их ли естество я убиваю, занося на себя руку? Имею ли я право уничтожить в себе то, что даже не совсем принадлежит мне? их волю к жизни? их веру? их боль?

На этом я обрываю очень ценные рассуждения с тем, чтобы вернуться к оставленной теме...

Итак — каюта была узкой и душной щелью. В ней пахло паром и масляной краской. Но было чисто. «Гнедичи», впрочем, смертельно боялись насекомых, о которых были наслышаны. И — курьез сказать! — внешний облик паразита, называемого вошью, был этим дворянам еще неведом. Посему мы с ужасом приглядывались к каким-то белесоватым муравьям, которые ползали по карнизу — вероятно, кочуя от кухни к столовой. Что это были за муравьи, я, не будучи специалистом по этому вопросу, решить не берусь. Но помню я очень живо и точно: они были очень мелкие и, главное, прозрачно белые — какие-то альбиносы. Мне даже теперь мерещится, что у них были красные глаза и лапки! Но на простое массово-популярное существо, с обликом которого мне пришлось лично познакомиться дважды — в году 1922-м и в году 1941-м, — на это обычное, общеизвестное творенье странные муравьи с парохода «Саратов» не походили ни в коей мере. А мы испугались их, как символа смерти! Я помню, как, увидев на краю карни-

за это белесое существо, я замерла от страха и показала его маме — и она с ужасом оглядела муравья и бумажечкой сняла его с карниза — вероятно, взять и убить его рукой Гнедичи не решались из опасения, что оно может укусить именно за берущую его руку!

Сие есть сказано: «sancta simplicitas»!* или точнее, голубая кровь и «nobless оближет»!..**

В промежутки между сном и бессмысленным бездельем я с отцом выходила на палубу. Ярко светило холодное солнце. Море было иссиня-голубое, очень блестящее. На палубе было так тесно от гробов, сундуков, узлов и людей, что долго там оставаться было невозможно. Спускались обратно — и опять молча сидела я на чемодане и мечтала о героической эротике... Факт есть факт. Что уж врать перед решительной минутой!

А потом вечером мы пошли в столовую, где было много нарядных и сверкающих брильянтами женщин и сверкающих погонами офицеров. И мне запомнилась четкая фигура молодой дочери киевского губернатора Чернявской. Она подошла к длинному столу и остановилась. Она была вся в черном, и от этого очень резко выделялось ее холодное, очень белое гордо-печальное лицо. И ее манера — чуть надменная, слабый наклон гордо поднятой головы, и холодные сине-серые глаза — долго потом казались мне образцом для всяческого подражания! И я порою, появляясь где-нибудь с моим отцом, становилась в позу, которая внутренне казалась мне зеркальным отражением этой женщины... В стихах, однако, это обстоятельство никак не отражено: абсолютная нормальность моей психики всегда была непререкаема — объектом моего восторга мог быть и женский образ, но объектом моего волнения — никогда!

К этим воспоминаниям сводятся мои впечатления от длительного переезда на пароходе «Саратов».

Мне довольно смутно вспоминается выгрузка в Севастополе: одно только знаю, что я в последний раз мельком оглянулась на подававшего какие-то чемоданы Сережу, по трапу пробежал Митя. А Христенко я уж не видела. На этом романтическая встреча с ними оборвалась навеки. В ЧК мы вместе не попали. Казнят нас, как видно, — порознь!

В Севастополе началась новая жизнь: встревоженный город был переполнен беженцами. Какая-то безалаберность, какая-то беспомощность заполняла его улицы. И над этой встревоженной безалаберной беспомощностью как гром среди ясного неба ударило известие: Одесса пала. От этого известия город как будто покачнулся: куда-то рванулись люди — и замерли в ожидании: что делать? куда бежать? как бежать?

Гостиницы были переполнены — людьми и, главное, вшами.

---

* Святая простота (*лат.*).

** От «noblesse oblige» — положение обязывает (*фр.*).

Безопаснее всего было за огромные деньги нанять комнату в частном доме. Так и было сделано. Комнату наняли у какого-то мещанчика-торгаша. Он и его жена были внешне любезны, но в глазах была насмешка и враждебное осуждение. Я хорошо помню его лицо: он был худощавый, остроносый парень с какой-то, мне казалось, неприятной пристальностью в глазах и улыбке. В сущности он просто-напросто был пробольшевистски настроен, если употреблять белогвардейский термин. Я чувствовала это интуитивно и страдала. У них в углу жил почти из милости старик чиновник. Строгий и скорбный — тоже беженец! Почему и от кого он собственно бежал, сам он не понимал толком. Факт тот, что при нем было только около 2-х тысяч наличными деньгами, сумма, от которой оставалось уже около 400 рублей. Впереди был голод и унижение нищеты. Он о чем-то шептался с моим отцом и, кажется, получил некоторое вспомоществование. А хозяин поглядывал на него с нескрываемым пренебрежением — вероятно, он стеснялся чужих людей и только потому ограничивался только ухмылочкой. Каково пришлось этому старику потом — не хочется и думать. Во всяком случае, он простался с нами скорбно и сурово. Поцеловал у мамы руку и очень потряс руки отца. А хозяева проводили нас как будто и очень любезно, но все с той же нехорошей «второй улыбкой» на лицах.

Мне от этой комнаты осталось воспоминание нагромождения чужих вещей — уродливые вазы, дешевые этажерки, плохонькие аляповатые картины в широких рамах — сытая самодовольная пестрота мещанского благополучия.

Но — тут еще надо упомянуть, что уезжали мы от них дважды, ибо в первый раз пришлось вернуться. Дело было так: мы еще не могли решить, как ехать дальше, морем или сушей. Большая трудность заключалась в том, что народу в Севастополе было так много, что не было никакой возможности скоро выбраться каким бы то ни было способом. Первая мысль была ехать морем — маленьким пароходиком, именуемым «Харакс».

В Севастопольском порту в январе 1920 года делалось нечто невообразимое: сотни судов стояли у пристаней, одно к другому, рядами по 4—5 штук. Для того чтобы попасть на более далеко стоящее судно, приходилось переправляться через два-три, стоявших ближе к берегу. «Харакс» стоял не то третьим, не то четвертым. Особенно трудно было переправляться на его палубу с палубы какой-то низкой баржи. Палубы были соединены узкой доской с веревочными перилами с одной стороны. Доска гнулась и, казалось, ёрзала. Под доской, между баржей и «Хараксом», чернела мутная, сальная, белесоватая от нефти вода. И вот по этой жердочке мы переправлялись: носильщики с вещами, отец, мама — лицо у нее было все такое же, остановившиеся слезы и решимость...

А потом оказалось, что «Харакс» не пойдет и что надо отгружаться обратно на берег. Это и было проделано, и эта пляшущая над мутной бездной доска запомнилась мне, как символ.

В моей жизни было много «Хараксов». И Крестовский — милый, чудный дом мой, где я мечтала создать уголок тихой и светлой жизни, — и Крестовский оказался «Хараксом», да еще каким — «обер-Хараксом», можно сказать!

А самое страшное было то, что доска лежала не ровно, а покато, т. к. палуба «Харакса» была значительно выше...

16/IV-44. Итак, мы вернулись. Я помню чувство досады и почти стыда при этом возвращении. Помню недоброжелательную любезность хозяев и почти испуганные запавшие черные глаза старика. Через несколько дней мы уехали вторично и окончательно — на мажаре, через Яйлу, через Байдарские ворота...¹⁰

28/V.44

(27) (dialogue)

— А где жил этот патриарх? У нас?

— Нет, в Москве — он ведь и умер в Москве!

— Нет! Он не в Москве умер, он умер в каком-то городе «бозе».

27/V-44

Мне всегда казалось, что мученицы остаются невредимы в огне костров и в ужасах пыток, что дикие звери не трогают их только потому, что Сатана полагает это неподобающим моменту. Не Бог спасает праведников, а Сатана их не трогает. И не трогает из прекраснодушия. Ведь Сатана чрезвычайно прекраснодушен... Только это мало кто замечает.

28/V — разговор с А. М.¹¹ — честь может «приневолить жить» как носителя традиции — выгодно и лестно. Но?!

1/VI-44 (сон).

Квадратная комната. Окно — тройное. Смутное сознание: нужно пронести портфель, вылезть в окно по лестнице вниз. Этаж — неизвестен. А в портфеле — голова. Твердая мысль: сделать нужно. Комната мало заставлена: на середине — стол. В первый раз — подхожу к окну. Но что-то мешает — и возвращаюсь (где-то шучу: голова-то протухнет!). Во второй раз — решительно подхожу к окну. Портьера колышется, т. к. окно за нею — открыто. Отодвинув портьеру, вижу сумерки белой ночи. К окну снаружи приставлена лестница — вниз. Этаж около пятого. Состояние категорической решимости. Вдруг оглядываюсь, ощутив чей-то взгляд. Состояние краткого, но абсолютного ужаса — за столом сидит человек — седой, с бородкой. Пристально смотрит и говорит: — А ну — вернитесь. — И добавляет: — Откройте портфель. (Пробуждение в холодном поту!)

1/VI-44.

Ежели не помнишь четко сюжета пьесы, носящей имя, общеизвестное по античной мифологии (например, «Андромаха»),¹² смотришь в La Rousse. Вместо пояснения получаешь цитату:

«Pour quoi sont ce serpents, qui sifflent sur vos têtes»,* поему предлагается во всех аналогичных случаях символически применять эту фразу.

8.VI (из разговоров с А. М.) ...Хулиганство — пессимистический вариант смелости.

...Уметь позволять себя любить очень трудно — это свойство принцев... Но В. А. не принц, а боится, чтобы его не приняли за принца. В том-то и дело, что он не совсем принц: придворному ведь особенно конфузно, если его принимают за принца...¹³

I should like to meet the man — just for the sake of not giving him my hand. I should answered him with one single word: the title.**

— Да... ренегатство хорошо оплачивается. Только вот куда — проделал.

— Но ведь неизвестно, как стоили по тому времени 30 серебряников.

11/VI — 44 (на оккупированной территории)

— Как нарекаете младенца?

— Валькерей, батюшка, Валькерей!

I wander has anyone composed a good answer to R-s prayer?***

17/VI — 44

Раннее утро. Я проснулась, вероятно, потому, что прекратилось мерное, с детства привычное укачивание бегущих колес. Проснулась. Посмотрела в окно. Против окон плотной стеной стоит встречный состав. В купе очень чисто и уютно — через голову всех десятилетий вспоминается именно детство, и только детство. Прислушиваюсь к тому, как вдоль составов ходят железнодорожники, что-то поправляя и подвинчивая с характерным железным лязганьем. За окном слышен разговор какой-то гражданки, расспрашивающей железнодорожника, где стоит нужный ей состав, — она выражается «вагон». Железнодорожник отвечает ей охотно, но хмуро.

Вспоминаю вчерашний день — как эпоху.

15-ое, вечер.

Крестовский.

---

* «Для кого эти змеи, которые шипят на ваших головах» (фр.).

** Я хотела бы встретить этого мужчину — просто ради того, чтобы не подавать ему руки. Я ответила бы ему одним-единственным словом: титул (англ.).

*** Я думаю, кто-нибудь внял мольбе Р-с? (англ.)

Прекрасная скорбь знакомого сада, морозящий весенний дождь над густыми кладбищенскими лопухами, кусты сирени вокруг развалин и скорбное лицо С<офьи> К<азимировны>.

Утро. Маникюр и Ант<онина> М<ихайловна>, увидевшая меня «через окно».

Дом Писателя. Ожидание Розалии.¹⁴ Кофе, как на станции. Inquisitive look. I wander — what is the experiment going on?*

Затем — прощанья в Д<оме> п<исателя> С. К., звонок о... платье!! «Легкая истерика». Валерочка,¹⁵ провожающая меня до Писателей, дабы я «не сбежала». Необычное состояние «выбирания себе подарка» — оскорбительность которого умеряется тем обстоятельством, что рядом тут же «выбирают подарки» и Нат<алья> Вас<ильевна>, и Берггольц, и Левоневский...¹⁶

Кофе и С. К.

Записываемые октавы и «тостовая папиросо». Стишки. Звонок Кс<ении> Ник<олаевны>¹⁷ и ее милое явление. Карты Le Normand,¹⁸ которые ложатся до курьеза точно: у Кс<ении> Ник<олаевны> «джентльмен, которого съели мыши», у некоей особы — какая-то хитроумная комбинация змеи, кольца и гроба! У С. К. — тревога за какую-то «собаку», сиречь — друга...

Фраза Кс<ении> Ник<олаевны>: — Ну, ребята, пора идти...

Быстрые сборы.

Улица.

Неосторожно и, все-таки, встревожено веселое настроение С. К.: ее песенки и шутки — и... взрыв на Знаменской площади.¹⁹

По правде говоря, я сама не ожидала, что так случится. Я не знала, что я могу так так закричать и такие слова. Мне самое себя стало страшно. И свистки милиционеров, преследовавшие нас, пока мы переходили площадь, свистки, предназначенные для урегулирования стихийных инстинктов пешеходов, казались мне почти зловецами.

Перронные билеты.

— Вы не сердитесь, пан Корчак!?

— Нет.

Кс<ения> Ник<олаевна> уверенным шагом ведет к поезду. Наш вагон — последний. У вагона стоит W.²⁰ и его супруга. У нее очень «ательешный», очень приглаженный вид и очень печальное лицо — особенно глаза. Милые разговоры. (Кстати — выясняется, что купе — разные.) Диалог:

— We'll arrange it. You'll see.

— Why — it's rather all the same for me: I'll read something — I have got my "Faustus" with me...

— You shall not read your Faustus...

---

* Любопытный взгляд. Я пытаюсь понять — что за эксперимент продолжается? (англ.)

— Well? At any case I shall not stir, to arrange anything — do it yourself.
— Of course I will...*

Прерываю на минуту.

(Ушел стоявший рядом состав. Он проходил, пока я записывала «диалог № 1». Перед окном вдруг открылось светлое заревое небо и привычная с детства перспектива — много путей и несколько поодаль — монотонная вереница товарных вагонов.)

Можно продолжить.

Снова — стоянье у вагона. Вдруг — Машенька.²¹ Ее милое лицо и редиска в «Известиях».

Объявление о посадке.

Стоя у окна, продолжаем разговор. Кстати, очень подчеркнуто общаю о разных купе. Т. к. я искренна, то женщина верит мне интуитивно. Радуюсь за нее.

У С. К. задумчивое лицо.

Какое хорошее лицо!

Какие хорошие лица у любящих меня людей!

Это очень хорошо. Очень.

Поезд как-то сразу начинает двигаться — на перроне публика машет руками. Mrs. W. почти готова заплакать. Она очень любит мужа. Я уважаю в ней женщину-рабыню — это заставляет снять шапку (перед нею, разумеется).

<26>/VI

я ему это сказала, а он ответил: — Don't be wicked! **

Через несколько минут поезд уже в полях пригорода.

Прохладный ветер бьет в лицо. Стучат колеса. Широко расступается горизонт.

Я передаю разговорчик на Знаменской. Принято молча. Я добавляю:

— Although — Englishmen are — to some extent.

— Thank you! That's what I have been thinking about... ***

Появляется проводник — женщина с тихим, приветливо-русским лицом. Выражает «огорчение» по поводу разных купе. Следует краткий разговор с нею моего талантливого спутника — и он перетаскивает в свое купе мой чемодан!

Господи! Какая романтика, — сказали бы дамы типа Ширвиндт-Татики! ²² Да будет их восторженности — земля пухом!

Поезд идет.

---

* — Мы это устроим. Вы увидите. — Это скорее безразлично для меня: я что-нибудь читаю — я взяла с собой «Фауста»... — Вы не будете читать Вашего «Фауста»... — Да? Ни в коем случае не буду мешать что-то устраивать — делайте это сами. — Конечно, я буду... (англ.)

** — Не будьте злой! (англ.)

*** — Хотя англичане в какой-то степени сохранились. — Спасибо! Это то, что и я подумал... (англ.)

Пока незаметна исковерканность земли: буйная весенняя зелень маскирует все — пышно и сочно залила трава все, что тут было. Попадают выгоревшие внутри кирпичные строения. Но деревянные все целы. Стоим у окна.

— I hope we'll see an "Arish" cemetery... (говорит Джафар²³) — the larger it is — the better.*

Реплики нет.

Начинает — после сильной паузы — говорить о том, когда по его соображениям мы подойдем к линии бывшего фронта. Указывает на ломаные носилки — у полотна.

Приносят чай — на аккуратном подносе в привычных с детства «вагонных» стаканах.

После чаю — опять стоим у окна. Начинается линия фронта.

Поезд идет по новопроложенному пути, — рядом — разбитый путь, изуродованный труп пути!

Это первое «страшное».

Через каждый метр — воронка от мины, снаряда или воздушной бомбы. Шпалы разбросаны, как кубики в детской, как-то особенно раздраженно, словно рукой раскапризничавшегося ребенка. Заржавевшие рельсы кое-где уже сложены, но во многих местах остались на месте прежнего пути. От воздушных бомб большие кратероподобные воронки. Их очень много. Воронками усеяно и поле — поближе к железнодорожному полотну. А несколько подалее — целы тоже деревянные дома, только окна все заколочены фанерой. Хозяев нигде нет. (Опять прерываю запись. Слышно пыхтение локомотива. Слева появляется паровоз и мелькает длинный состав товарных вагонов. Стал — на втором от нас пути.)

Продолжаю — о вчерашнем дне.

Поезд наш идет очень тихо — как будто с опаской. Он должен бы — если писать о нем сказку — озираться на труп пути — рядом.

W. говорит о том, что рядом в купе — хорошенькая блондинка. Я говорю: Vale!

— You mustn't be so very sisterly. I don't appreciate it! NB 1955²⁴

— I like one thing about you: your being laflily mischievous to women.**

Улыбается самодовольно. Добавляю:

— 'tis a future you have in common with A.***

— Ah! — улыбается, прикидывая, какую политику применить, — и добавляет: — Don't allow yourself to become reminiseing — it works on your mood. I am afraid you won't translate.****

* — Надеюсь, мы увидим немецкое кладбище... чем больше, тем лучше (англ.).

** — До свиданья! (лат.) — Вы не должны быть такой сестрой. Я не ценю этого! — Мне нравится в Вас одно: Ваше озорное отношение к женщинам (англ.).

*** — У Вас с А <кселем> общее будущее (англ.).

**** — Не позволяйте себе предаваться воспоминаниям — это влияет на ваше настроение. Боюсь, вы не станете переводить (англ.).

Я упорствую и поему говорю:

— I should like you both to be acquainted — you might have pardoned each other your mutual defects.

— I have nothing to pardon <now> to be pardoned for I hate the Germans not because they are Germans, but because they fight with us.

— I might paraphrase it — I love not because they are fighting with us! God forbid. But only for the fact of their being.

— We've got nice dialogues, dear!

— Worth being written down?

— For one gorgeous cooking building.*

Поезд идет. Вдали блеснула вода — речка. Мостик, по которому проходит наш поезд, поскрипывает от тяжести состава.

— Look there!**

— Да — look!

Параллельно нашему мостику — обрушившиеся в речку заржавевшие обломки — скривлены тяжелые железные балки, земля на берегу поднята дыбом.

Поезд идет.

Ветер свежее.

Сгущаются сумерки.

Где-то вдали — слышны одиночные выстрелы.

— What is that? — спрашиваю.

— I really don't know — perhaps some "putegh-arians".***

(Какая у него иной раз острая память на реплику — точнее, для реплики очень Past-factum. Это вот действительно — напоминает Акс<еля>.)

Поезд идет. Мелколесье сравнительно уцелело. Недалеко от полотна стоит очень высокая и весенняя береза — чистый контур ее четко рисуется на почти ночном еще, ингерманландском небе.

Соседка говорит: — Береза какая: вот не судьба! — и все в ее фразе совершенно понятно.

Темнеет.

Поезд замедляет ход, минуя что-то вроде станции: деревянные дома у самого полотна — опять-таки целы, но вместо вокзала четыре симметрично торчащих трубы и груды мусору.

---

* — Я бы хотела, чтобы вы были знакомы — вы могли бы простить друг другу ваши взаимные недостатки. — Мне нечего прощать <сейчас>, чтобы быть прощенным, ибо я ненавижу немцев не потому, что они немцы, а потому, что они воюют с нами. — Я могла бы перефразировать — я не люблю не потому, что они сражаются с нами! Упаси бог. Но только за сам факт их существования. — У нас хороший разговор, дорогая! — Стоит того, чтобы записали? — Для хорошей столовой (англ.).

** — Смотрите туда! (англ.)

*** — Что это? — Я не знаю, возможно, несколько «арийских путей» (англ.).

Несколько дальше — у полотна опять деревянный дом, и в окне его — впервые — тихий, приветливый огонек. Мир! В человеках благоволение! (А может быть — жить?)

Посидела у окна — поля и мелколесье. Воронок не видно. Все спят. Решила сделать то же, проснулась около 9.

Вышла к окну в коридор. Железнодорожник, именуемый Григорий Павлович, — очень славно болтает о ленинградской эпопее; стоим с ним у открытого окна. Очень тепло. Слабый ветер. Молодой, но довольно густой лес подходит к самой дороге. Говорят, что сейчас будет Тихвин. W. спрашивает:

— When one arth will they give us tea?*

(поясняю, что в Тихвине будет горячее молоко)

— Good god! Milk is for me something like Voitinsky! Or rather Grusdev.

— I wander what kind of victuals am I?

— Good god! Dear — banana<!>**

Отхожу от окна. На столике в купе зажигается лампа. В купе очень чисто — именно так, как было в детстве, когда поезд шел из Москвы на Харьков. Куда он идет сейчас? ...

Напротив славный железнодорожник и сравнительно молодая женщина, которая едет в Рыбинск за 6-ти летним сыном и старушкой матерью. Она не видела ребенка с 1941 года.

Железнодорожник подзывает нас к окну в коридоре:

— Смотрите — вот где был ад!

Поезд идет над речкой, в нескольких метрах еще один взорванный мост. Этот страшнее: он рухнул в воду, как обломки уэльсовского марсианина, — как-то ничком, цепляясь в последней агонии за берег. Взрыв был, вероятно, огромной силы: еще на расстоянии нескольких десятков метров ж. д. путь вздыблен, как будто вывернут: шпалы стоят перпендикулярно, устремляясь к небу. Зрелище их немного напоминает Царскосельский собор. Вокруг пути — песчаные косогоры, исковерканные деревья, берег сильно обрушен. Грозным виденьем мост проходит мимо.

Поезд идет.

«Джентльмены» покидают нас, предоставляя нам улечься. Через неск<олько> минут стук в дверь. Является W. и готовится лезть наверх — снимает только ботинки и ставит рядом с моими — напеваает:

When our boots stand by side

It some ho-tel!***

---

* — Когда на остановке нам дадут чай? (англ.)

** — Слава богу! Молоко для меня все равно что Войтинский! Или вернее, Груздев. — Я воображаю, каким видом провизии являюсь я? — Боже мой! Банан, дорогая! (англ.)

*** Когда наши ботинки стоят рядом, это почти гостиница! (англ.)

Джентльмен ставит эксперимент. И не понимает нескольких простых принципов — впрочем, может быть, и понимает!

Умолившись поудобнее, замираю под монотонный звук бегущих колес. На столике лампа под оранжевым абажуром. За окном почти совсем темно. Впереди — почти целый день пути... и Москва. Вероятно, последняя мысль перед сном была «что же — посмотрим».

Вот — я уже успела изложить весь вчерашний день — а мы все стоим. По полотну под окнами ходят — военные, железнодорожники, какой-то седой штатский в ослепительно белой рубашке.

Под вагоном временами толчки и лязганье. Небо облачное. Левитановские тучи. По коридору уже ходят, а наши все спят. Пока поезд стоит, придется почитать — «Faust»-а — все-таки.

W. спит — тихо. Даже дыханья не слышно. Читать «Faust»-а мне все-таки не судьба: только что достала его — поезд пошел.

Теперь уже от окна не оторваться (опять стоим — пишу). Отъехали не более двух километров — вероятно, станция была «Волховстрой» — почти сразу после станции хороший ж. д. мост через реку, перехваченную плотиной. Путь цел. Вокруг пути целы все дома. Только в поле неподалеку от речки воронки авиабомб. Стоим. Ну — я за «Faust»-а.

Поезд стоит. Над нами — шум самолета. Нашего, конечно. Однако жутковато.

Вероятно, здесь самая земля помнит другой шум — и этот ее страх — передается человеку.

18/VI-44

Действительно, то был Волховстрой. Сейчас мы в Тихвине — поезд маневрирует. Мы выпили по стакану горячего молока, уничтожив при этом бутерброды с салом. Затем пошли вдоль поезда. Очень тепло. Утро беспримерное — голубое небо и солнце. Бегают мальчишки, ныряющие под составы. Бродят старушки, клянча «хлебца». Но старухи не дистрофические отнюдь.

Идем вдоль поезда, курим, говорим по-английски.

— We look like famous people,* — говорит он.

— I'm evidently an ally and you something like a partizan. That's all right.

— You have to use the word "all right" more often than you demind you — it is the word which gives every Russian person a firm assurance that the speech is distinctly English.**

Сейчас он где-то бродит, а я сижу в купе и стерегу вещи. За окном поля и мелколесье. Состав движется толчками.

---

* — Мы выглядим как известные люди! (англ.)

** Я, очевидно, союзник, а Вы что-то вроде партизана. Все в порядке. — Вы должны употреблять слово «все хорошо» чаще, чем вы это делаете, — это слово, которое дает каждому русскому человеку твердую уверенность в том, что речь явно английская (англ.).

Григ<орий> Павл<ович> рассказывал, что недалеко от Волхов-строя немцы нападали на «стрелу» еще в апреле. Следы бомбежки пути действительно еще свежи.

14.30

Совершенно мирный пейзаж: войны здесь не было — кругом почти непрерывный лес. Поезд по 20—30 минут стоит на станциях. Молоко 20 рублей литр. Букеты ландышей — 3 рубля штука. Ничего достопримечательного. Над большой равниной российской лежит спокойная усталость от войны, бомб, шума, но усталость именно спокойная, азиатская. Равнина спит в густой и пышной зелени.

Все такое же точно, как было в 1913 или даже в 1915 году. И почти такое, как было в 1812. Это называется — «Скифы» Александра Блока.²⁵

19/VI-44. Утро.

Сегодня — Москва.

Поезд идет уже по Окт<ябрьской> ж. д. Смутно знакомые, почти дачные места.

19/VI-44 утро на Лаврушинском.

9 часов утра. Пью чай одна в русско-ларинской комнатке деревянного домика, по странной распланировке Москвы стоящего на углу против огромного каменного строения.

Вчера — маячит в памяти: усталость первых часов. Контур Новодевичьего. Чудесные лица Райтцев,²⁶ Валентина Павловна...²⁷ Сейчас все последует по порядку.

Поезд прибыл точно вовремя. Мило простились с нашим попутчиком, у вагона «shake-hands»* с проводниками, которым за час до того аккуратно в «книге похвал» дам «tir». Проводники (точнее — проводницы) не то чтобы тронуты, но как бы «радостно удивлены» — иностранки, мол, — вот они какие!

W. держится джентльменом. Он хороший товарищ и, наверно, «excellent lover»,** но последнее на данном этапе из моей биографии выключается.

«Nie Männerliebe

Soll deir Herz berühren!

Mit sünd'ger Flammen eitler Erdenlust...»***

Вокзал. Мне сразу вспоминается 1940 г., когда я была в Москве в майские дни: первое ощущение, как я сейчас страшно и абсолютно свободна. Как вольна распорядиться собой! Vale!

Жду, пока он сдает на хранение пакет книг. Стою у дверей камеры. В двух шагах налево — два бойких мальчишки — чистильщика сапог, один из них — айсор²⁸ — зывает приехавших:

* «рукопожатие» (англ.).

** «замечательный любовник» (англ.).

*** «Твое сердце никогда не познает мужской любви! С грешным огнем земных радостей...» (нем.) — Ф. Шиллер. Орлеанская дева.

— Товарищ лейтенант! Почиститься! А ну, почиститься! (NB 1955)
— Товарищ майор! А ну — почищу!
— Товарищ капитан! А ну-ка почистим ваши сапоги! В городе па-
трули!

— Товарищ лейтенант! Дайте-ка ваши сапоги подправлю... etc.

Вариации просто изумительны и, главное — «с психологическим подходом». Только один — лейтенант с лицом туповато-гордым, но безусловно «марсианским», точнее всего — с лицом марсианца-украинца — понят не вполне точно: он подошел, резким движением поставил сапог на ящик — и резко оборвал балагурство: — Чисть как следует! Верх оботри от пыли! Ваксу с пылью растираешь? Ыых! Учить вас всех!..

Мальчишка почтительно «заробел» и чистил сапоги воина минут на 5 дольше положенного...

После довольно долгого ожидания W. является с пакетом книг, который придется отвезти по назначению, т. к. на хранение берут лишь под паспорт сдающего и так же — выдают. Во избежание сей канители отправляемся на Гоголевский бульвар отдать пакет и поставить на время вещи.

Метро поражает по сравнению с 1940-м годом — уродливым смятением и явным беспорядком. Только поезда точны. Публика мечется, толкается... Москвичи одеты в общей массе — плохо. По улицам ходят в таком виде, в каком даже не всякого гостя можно принимать.

От усталости кажется, что чудовищно длинны лестницы...

Выбираемся на свет божий на Арбатской площади. Быстро находим все желаемое: дверь нам, впрочем, видя наши чемоданы, открывают с опаской.

Квартира жены писателя Сотникова²⁹ — в неважном виде: пыльно, душно, похоже на купе. Оставив чемоданы рыженькому мальчику, для которого привезен пакет с книгами, отправляемся на поиски Лаврушинского. Точные указания получаем от милиционера-регулирующего — хорошенькой, очень юной девушки, которой мой спутник показывает весь блеск своей «magic smile».* Отправляемся к трамвайной остановке. Народу множество. Небрежность и даже неряшливость костюмов — заметнее, чем в Ленинграде. Женщин со знаками отличия нет. Посему «заряются» на мою медаль.³⁰ Особенно старушки — смотрят, как на образок.

Любопытная психика русского народа: молится на медаль и через медаль — на то, за что она дана...

По Большой Ордынке идем бог весть как долго, спрашивая многих относительно переулка, именуемого «Лаврушинский». Разговор по душам — по этому поводу...

Как брата я приемлю его лучше всего. Так и надо.

---

* магической улыбки (англ.).

Наконец Лаврушинский найден. Найден и домик — маленький, уютно-деревянный.

Все устроено — передаю письмо Евы Вас<ильевны>³¹ ее соседке, тихой седой даме, немножко напоминающей классную.

Простившись, отправляемся на грядущее местопребывание W. Это безумно далеко. Я устала, и мне безысходно грустно. Тем более, что он, св.<нрзб>, мне в этот момент явственно нравится... Из последних сил подхожу к дому и категорически отказываюсь войти. (Это квартира сестры of his wife*). Сажусь на ступенечку и доедаю хлеб, как ленинградский дистрофик. Выбегает W.

— Come! Come! Dear — why are you sitting there — good God! Why do you eat in the street** — Вы же ленинградец, — (добавляет нарочно по-русски, ибо около нас остановилось несколько глазающих ребят).

Иду за ним — через силу. Меня очень ласково встречает его belle soeur.*** Я сажусь на стул, пока она бежит, приготавливая чай, — и меня охватывает полное отчаяние от сознания абсолютной бессмысленности всего происходящего. Говорю об этом — и не могу пересилить выступающих на глаза слез. W. спокоен, как и полагается экспериментатору. Называет меня «dear» (что меня в данный момент, кажется, расстраивает еще больше). NB 1955.

Она приносит чай, и я делаю вид, что пудрюсь. Морда в порядке. Всё. «Пия» чай, понемногу утихаю окончательно.

— You must be calmer, dear,**** — говорит мой «предприниматель».

Мне объясняют, как попасть на Усачеву ул., т. е. к доктору Райцу. Выходим вместе. Простившись, я, уже совсем успокоенная его напутствием «If you're a fighter — you must know how to clutch your teeth»,***** иду — в неизвестность № 1 — к Райцам.

Плутаю долго. Указывают мне путь очень охотно — я ведь тоже знаю «magic spell».6* Наконец какая-то сестра милосердия, идущая именно к Усачеву, 62, берется все точно мне пояснить. Идем рядом. Говорит она много — о своей работе, антисем<итизме?> бойцов. Идем мимо пустой, специфически московской зелени, окруж<ающей> дерев<янные> домики. Так выглядели дачи, на которых в молодости еще до замужества жила с бабушкой и дедушкой моя мама. Счастье мертвых. NB 1955

Синяя Птица...³²

Подхожу к дому — большой, серый, клинкообразный. После небольшого % блуждания нахожу нужное мне: комн. № 419 в этом подъезде — 4-й этаж, — сообщает какой-то юноша.

* его жены (англ.).

** — Заходите, заходите! Дорогая, почему вы сидите здесь — боже мой! Почему вы едите на улице? (англ.)

*** свояченица (фр.).

**** — Вы должны быть спокойнее, дорогая (англ.).

***** «Если вы боец, вы должны знать, как стиснуть зубы» (англ.).

6* «магическое заклинание» (англ.).

Поднявшись на 4-й этаж, иду по коридору и уже издали вижу, что из двери, которая по счету должна быть № 419, выходит чуть сгорбленная дама. Я окликаю: Нат<алья> Исидоровна!³³

Когда она оглядывается — говорю: я от С<офьи> К<азимировны>, Г<недич> моя фамилия. Лицо ее освещается — тихо и чудесно. У нее действительно замечательное лицо: абсолютно преданное.

Она торопливо «докладывает» о моем приходе — и я вхожу.

Мне навстречу протягивает руки прекрасный старик с безысходно задумчивым и замечательно гуманным лицом. Какое странное лицо! К нему сразу чувствуешь абсолютное доверие — «Под твою милость прибегаю».

Много и долго разговариваем о Л<енингра>де, о С<офье> К<азимировне>, об Ив<ане> Ад<амовиче>,³⁴ расставаясь — уговор встретиться в среду.

Я ухожу умиротворенной.

(Г<устав> В<ладимирович> собирается «поставить» опыты анализа моей особы.)

Дальнейший маршрут — Лёвшинский, т. е. так называем<ый> «Николенька».³⁵

Великолепен московский облик Лёвшинского — много одноэтажных домиков. Тихо. Тенисто.

Ошибочно поворачиваю — по улице, которая называлась Поварской. Вдруг почти полностью узнаю здание клиники, где лежала мама, высокий забор, зелень, высокие цельные окна.

По этой улице мы ходили гулять с Анютой Баистой — красавицей-украинкой — моей няней.

Швейцар этой клиники — Соломковский молодой Петр был отчаянно влюблен в Анюту, а она отвечала упрямо: — За москаля не пойду... — и через 2 года умерла от чахотки после неудачной любви — но со своим — с «украинцем».

Возвращаюсь на Лёвшинский. Старухи во дворе очень словоохотливы со мною, особенно их трогает медаль — да и облик мой, вероятно, симпатичен.

Оказывается (мне это сообщает управхоз), проф. Попов болен и уехал в санаторию. Сын его жив, но инвалид Отеч<ественной> войны. Жена приезжает время от времени.

Ухожу — размышляя о том, что «жизнь проходит мимо, и жизнь неповторима...» Сколько истины в протеньких словах!

Теперь — Тверская, В<алентина> П<авловна>.

Интересно открыть дверь и спросить (уже наведя предварит<ельные> справки и наверно зная ответ):

— Здесь живет В<алентина> П<авловна> Б<айер>?

После довольно долгого разговора она идет провожать меня.

Бледные сумерки.

Я еще раз обращаю внимание на то, что Москва только сейчас снова обретает для меня облик. До сих пор я была встревоженно одинока в любом городе, в котором не было мамы.

Какая странная, холодная, жестокая свобода!
Nec Rhodus, hic salta!*

19/VI вечер.

Опять сижу одна в комнате, странно напоминающей комнату Веры Генрисовны.³⁶ Какой сегодня был «business day!»** Даже удивительно.

Аккуратно записываю.

W. пришел в начале 11-го. Я уже была готова и только вела разговоры с хозяйкой — милой, тихой и немного меланхолической дамой.

Явился этот беспокойный и великолепно деловой «брат по случаю», и пошли мы опять — в большую жизнь.

Прежде всего — в Дом писателя. Доехали быстро — трамваем. Дом большой, широкий, «Ларинский» — уже за это одно W. не нравится.

«Too combinsicallly built. No comfort!»***

В секретариате официально заверяют командировки — и только. В секретариате Поликарпова — очень милая девушка, перед которой W. — опять-таки — «displays his magic smiles»**** Через нее получаем все нужные телефоны. Тем временем является Вера Инбер.³⁷ Очень мила. Это, вероятно, еще добавляет к силе «magic smiles», т. к. секретарша становится вовсе любезна и даже вызывает для нас двух китов — Мих<аила> Яковл<евича> Аплетина и Викт<ора> Юл<ьевича> Розенцвейга,³⁸ которого Инбер, однако, называет «Юлий Викторович».

Отбываем — в Иностр<анный> Сектор Союза.

Метро (от привычки оно кажется менее беспорядочным).

Эскалаторы.

С насмешливой настойчивостью W. обучает меня.

— Step calmly, please!

— Step from it, please!*****

Но «джентльмен» — по-прежнему. Странный братец мой.

Аплетин за 7-ю замками — но мы попадаем к нему довольно легко — ибо есть пропуск.

Нас встречает полноватый среднего роста «русачок».

Излагаем все происходящее.

Он легко смекает ситуацию. Начинает «наверчивать» телефоны, а нам тем временем показывает чудесные издания: «Soviet calendar»^{6*}

---

* Здесь Родос, здесь и прыгай! (лат.).

** «деловой день» (англ.).

*** «Слишком комбинированно построено. Нет покоя!» (англ.)

**** «показывает магические улыбки» (англ.).

***** — Ступайте спокойно, пожалуйста! — Ступайте отсюда, пожалуйста! (англ.)

^{6*} «Советский календарь» (англ.)

1944 — в виде откидн<ого> календаря с фотогр<афиями> «к юбилеям» и с пояснениями: тут и Пушкин, и Репин, и Суворов... Самая замечательная книга «The days of War»,³⁹ в которой собрано 300 ст<ихотворений> 150 авторов, пишущих против гитлеризма. Пока они с Уинкоттом говорят о делах, я спешно переписываю несколько стихотворений.

Говорим долго, дружески. W. немного «переигрывает», но в меру положенного... Отправляется ко «второй инстанции», т. Касрадзе.⁴⁰

Опять метро и проклятый эскалатор...

Опять пропуска — и «последний крик моды» — автоматический лифт. Несколько минут ожидания «у кабинета». Перед нами — опять «вершитель судеб» — умный грузин с чуть седой шапкой курчавых волос. Он деловит — предложения его ясны и конкретны: антология нужна. Нужна к 24 января... Нужно притом организовать филиал переводчиков при Ленингр<адском> С<оюзе> п<исателей> — назначит одного из нас. W. слабо, но для меня явственно выражает признаки сияния. Выходим из кабинета Касрадзе в 3.30 и отправляемся на Б<ольшую> Грузинскую — к Розенцвейгу.

При спуске вниз <W.> изъясляет сильное желание употребить автоматический лифт. Из врожденного робства — подчиняюсь. Лифт движется беспрерывно. Нужно уметь — в нужный момент войти и в нужный момент — ступить на площадку. Придерживая за локоть, говорит почти строго:

— Step out! Step out! Calm!*

Б<ольшая> Грузинская длинна — идем долго. W. немного суеверен, и число «17», № дома, ему не нравится, поэтому он задумчив...

Розенцвейг — высокий стройный еврей с очень хорошими глазами — встречает нас хорошо, но говорит о том, что Cohan — профессор Калифорн<ийского> унив<ерситета>,⁴¹ что бороться с этим обстоятельством трудно.

W. задумчив. Я вижу, что цифра 17 скребется в его мозгу. Поэтому вожу в действие мою артиллерию, говорю прямо:

— Sans? My proposal is to be discarded? Would it be absolutely correct just to show the foreigners our being so dubious about Soviet specialists? Mind you — I am not a person of no importance. I am the manager of the Chair of English phil<ology>. — So the fact of my knowing English seems to be recognized — 'tis not the case which might be — namely some poor old lady — widow of some tsarist general — meaning to make translations — with the view that “the soviet people don't know anything”.

Is it politically wise to be so very much enthusiastic about everything that comes from abroad — even to the extent of committing direct faults against our own people: mind you I am the manager of the Chair and the member of the Soviet writers' Union. **

---

* — Выходите! Спокойно! (англ.)

** — Нет? Мое предложение должно быть отвергнуто? Не корректнее было бы просто показать иностранцев, которые заставляют нас сомневаться относительно

Шах! Противник поколеблен. W. внимательно насторожен.

Роз<енцвейг>, однако, пытается защищаться. Он утвержд<ает> с полным, казалось бы, правом, что стихотворный перевод на чужой язык должен получиться качественно спорным.

— Кто переведил с русского на иностранный язык, будучи русским?

— Да хотя бы Белосельский-Белозерский, переводивший Сумарокова!⁴² — и кроме того, я хочу возразить следующее:

Если бы я, даже при всех моих «козырных картах», взяла на себя безумную задачу создать при Союзе писателей кружок стихотв<орных> переводчиков на англ<ийский> яз<ык> и, составив такой кружок из моих собств<енных> студентов, принялась бы тренировать их на ремесленников-стихотворцев, Ваше замечание уничтожило бы такую затею прямой наводкой. Но — приходится быть несколько самоуверенней — допустите, хотя я и не люблю саморекламы — допустите, что перед Вами «unique cas»* — я знаю англ<ийский> язык с детства, а тов<арищ> W. — просто англичанин. Допустите, что наша совместная работа даст результаты совершенно особого качества...

Шах.

У W. чуть-чуть искрятся глаза. Но улыбки еще нет...

— Так, слушайте, — говорит Р., — ведь мы еще не договорились. Я полагаю, что вы правы: действительно нам предстоит конкуренция — почему не попробовать вступить в конкуренцию. Если дело обстоит так — мы можем выиграть — и честь этого будет большая...

И — он переходит к делу. Будет заключен договор.

Пока — письма-предложения. И послание к Прок<офьеву>⁴³ с просьбой точно отобрать стихи, входящие в сборник, обсудить их на общем собрании, утвердить в Обкоме партии.

Проведение операции поручается фактически — нам.

W. начинает улыбаться.

Розенцвейг все больше оживляется. Бацилла моей стратегии начинает действовать. Он уже прикидывает и коммерческие результаты, развивает мысли о том, что нам следовало бы перебраться в Москву, что именно работая непосредственно при ВОКСе, мы были бы полноценно использованы и, кроме того, полноценно развивали бы свои «исключительно редкие возможности» и т. д. ...

W. предлагает писать «дневник о блокаде Ленинграда».

советских специалистов? Имейте в виду, я не такая уж неизвестная персона. Я веду кафедру английской филологии. Итак, факт моего знания английского языка, кажется, признан — это не тот случай, который мог бы быть, а именно: какая-то бедная старушка-вдова какого-то царского генерала, намеревающаяся делать переводы, думая, что «советский народ ничего не знает».

Политически разумно так восторженно относиться ко всему, что приходит из-за границы — вплоть до совершения прямых проступков против собственного народа: имейте в виду, я веду кафедру и член Союза Советских писателей (англ.).

* «уникальный случай» (фр.).

Теперь уже сиять начинает сам Розенцвейг — он окончательно сообразил, что сотрудничество с нами ему абсолютно выгодно.

Мы прощаемся — «друзьями». Он даже дважды жмет руки нам — каждый раз подавая руку первой мне.

Приглашает прийти почитать спец. литературу. Записывает мое пожелание — увидеть лит<ерату>ру о Ленинграде — англо-амер<иканских> писателей и поэтов.

Выходим. Спускаемся по лестнице. На последнем пролете W. говорит почти с гордостью:

— You have won it, my dear!*

Обсуждая обстоятельства боя — отправляемся к его belle sœur — пообедать.

За обедом перевожу «Blitzkrieg» Гордона де Ла Клэр.⁴⁴ W. дразнит меня, изобретая самые невероятные англо-американские прозвища для немцев.

В 8 ч. — отправляемся в Радиокomitee. Я начинаю злиться, ибо в глубине души ощущаю, что ничего не выйдет.

Так и есть.

Ждем некоего Шапиро⁴⁵ — около часа — затем его секретарша... извиняется и просит прийти в следующий раз.

С удовольствием отмечаю бешенство на физиономии W.

— Let him wait! now!**

День окончен. В сумерки возвращаюсь в деревянный домик. Как равно-пуст и равно-близок мне сейчас любой город...

20/VI. Опять утро. Дописала вчерашнее. Через час явится W.

21/VI

Вчерашний день пошел на посещение International Literature,⁴⁶ где нас встретила со строгой приветливостью Елена Дмитриевна Стасова⁴⁷ — московский экземпляр М. С.⁴⁸ — отдали несколько стихотворений. Далее — были в Гослитиздате. Далее — обедали в Доме писателя, где встретили Шишову.⁴⁹ Далее — были вечером в Радиокomitee, где одержали еще одну победу.

«Наступление наших войск продолжается!»: весь вечер переписывала стихи из сборника «Poetry in War Time».⁵⁰

21/VI. Сегодня с утра отпра<вились> опять в Int<ernational> Lit<eratur>. В метро встретили Е. Д. Стасову (какие манеры — властные и четкие!).

Переписывала из «Days of War». Затем — к Розенцвейгу.

— If you say — you'll make a poet of me. I'll try to make an Englishman of you!..

— Do you think worth while?

---

* — Вы победили, дорогая! (англ.)

** — Позвольте его ждать! Сейчас! (англ.)

— Rather!*

Розенцв<ейг> мил. Пригласил некую американку — рыженькую синеглазую женщину — она повела было наступление, придираясь к некоторым словам — но тут вошла в действие артиллерия Win-cott-а — и его улыбка.

Затем — обед в Д<оме> п<исателя>. Затем — «Whim»** пойти на Новинский. Как странно видеть дома своего детства!

Вот тут была церковь — «розовая», как я ее называла, — с синими куполами.

Теперь — обычно-коробочная — школа.

Вот полуразрушенный особняк Гагариных... а вон — Девятинский.

Дом — наш дом...

«Whim» найти Андриевских. И вдруг — ласковая встреча.

Жизнь моя! Почему так странно и великолепно-косо ложатся твои блистательные пути!

Таня Андриевская⁵¹ — та самая «Таня в штанах» — провозжает меня до трамвая.

Ловлю себя на мысли: вот-то расскажу маме... И — не в комплимент Вам, пан Корчак, — вспоминаю, что расскажу Вам...

Трамвай Б., пересадка с некоей дамой с мальчиком, именующим себя Андрей Николаевич.

Опять — Райцы. Чудесные.

Какое у него спокойное, спокойное лицо! Какая сила Знания о Незнаемом!

Как уговорено — бегу в Радиокомитет. Его нет. И не было. Тревога — NB — явная тревога — не женщины — нет — товарища.

«Nie Männer liebe sold eir Herzberühren!
Mit sünd'ger Flammen eitler Erdenlust...»***

...Шерхан... Шерхан...⁵²

Shall I say I love you? rather not
Shall I say I don't — I rather waver
Ask the fate about this dubions favour
Casting lots about my dubions lot...

Shall I say I trust you? rather not..
Shall I say I don't — I shall deny it
Stern and strong is our friendship's knot
Hardly any hand might now untic it.⁵³

22/VI-44

Товарища ли?

---

* — Если вы скажете, то сделаете из меня поэта. А я попытаюсь сделать из вас англичанина! — Как вы думаете, стоит ли это делать? — Пожалуй! (*англ.*)

** «Каприз» (*англ.*).

*** Перевод см. в сноске на с. 348.

Сегодня утром он сильно опоздал, по причине чего я вышла на угол — как бы вроде что навстречу.

Шли пешком через мост. Он сияет и напевает английские песенки. Заявляет мельком:

— I'm now quite English again!..

These days that we've been together...*

Какие слова он говорит — разбойник! Как легко было бы поверить в этот прекрасный монтаж дружбы.

Дружбы... в дружбу его я, пожалуй, все-таки даже верю.

Выходя из метро, встречаем Тихонова.⁵⁴ Это удача! Тихонов сверкает узенькой, но длинной нашивкой орденских ленточек. Просто — дружелюбен. Дает телефон. Завтра — встреча с ним. W., в свою очередь, сверкает зубами: — It's marvellous!**

...Идем от метро к Радиокомитету. Спрашивает как бы мельком:

— Why did you go to the corner? Should I come quicker for that?

— O no! merely because I was anxious. I just thought that if anything happens to you I would give up all fight for ever. Practically — I fight to win... for you...***

Записав, вижу, что сказала больше, чем обычно следует. Но это мой стиль.

В Радио — ряд полезных соглашений: в частности, относительно того, что читать будет он сам.

Передача в Лондон. Тренировка в субботу.

Затем — обед в Доме писателей.

Выходим из Дома писателей, перед глазами кинореклама «Старая мельница».⁵⁵

— Have you seen it?

— No.

— tis the same author who staged the three pigs! Don't you know it?

— Well, of course...****

(И мы отправляемся в московское кино...)

Билеты, оказывается, продают за углом, в кассе, — я жду, а он, как полагается, бегом — в кассу и обратно. Мне безысходно грустно.

Идем в кино. Вообще-то говоря, мы уже с ним не раз бывали в кино, а мне именно этот раз показался первым.

Показываю<т> журнал — Крым!⁵⁶ Грохот «катюш», трупы... ребята-зрители хохочут, ибо трупы «смешно лежат».

---

* — Теперь я снова настоящий англичанин!.. Все эти дни, что мы были вместе... (англ.)

** — Удивительно! (англ.)

*** — Почему вы пошли на угол? Должен ли я поторопиться? — О нет! просто я волновалась. Я просто подумала, что, если с вами что-нибудь случится, я бы навсегда отказалась от борьбы. Практически — я борюсь за победу ... для вас.. (англ.)

**** — Вы это видели? — Нет. — Это тот самый автор, который поставил трех поросят! Вы это не знаете? — Да, конечно... (англ.)

Братец мой Шерхан сидит безучастно — боковой взгляд — на меня. Мельница — следует чудесный, по-английски лукавый и по-английски очаровательно нелепый рассказик о том, как на старой мельнице «жили-были» разные зверята, лягушки, совы, летучие мыши, чудесный оркестр — хор лягушек.

Выходим из кино. Отправляемся к нему на Плющиху, ибо «master» желает поупражняться в чтении стихов (для радио).

Мне грустно.

После Плющихи иду к Андриевским: плутаю до бешенства по кривым переулочкам, никак не могу найти дорогу к виднеющейся вдали церкви. Люди, живущие в домах тут же, ничего не знают. Вообще слово «не знаю!» — это кратчайшая и, вероятно, точнейшая формула московского мироощущения.

После Андриевских — под проливным дождем, с огромной тоской на сердце иду — только для того, чтобы истерзать себя до предела — к В<алентине> П<авловне> .

Кружится голова. Темнеет. Дождь. Плутаю по каким-то дворам и лестницам — опять-таки, вероятно, больше всего для того, чтобы замочить себя.

Наконец нахожу квартиру, на минуту — захожу. Конечно, поздно. Когда все ушли. Оказывается, меня ждали «слушатели», в том числе — супруг В. П.

Она провожает меня до улицы. Моросит дождь. На тротуарах лужи (в Москве даже на главных улицах плохие тротуары: асфальт, истину глаголет W., «длья виду»).

Освещение улиц довольно хорошее — горят фонари, правда, реже, чем прежде. Затемнения в окнах нет или почти нет. Движение большое. Попадаю в лужи, чертыхаюсь, иду. Добираюсь до дому к часу. Как не нужно! Как совсем не нужно жить...

23/VI.

Сегодня я должна бы уехать, а вот — сижу еще в обожаемой столице. Завтра только будут закончены все дела.

Сегодня были только у Розенцвейга. Наблюдала, как побывавшая в Ленинграде москвичка (какой-то сотр<удник> ВОКСа) треплет небылицы.

— Невский цел, да — только Невский и цел! Но трамваи все ходят!..
...Завтра масса дела...

Москва выглядит все-таки очень своеобразно: витрины значительно — уже хотя бы потому, что везде цельные стекла.

В одной из аптек на Тверской — забавная панорама: доктор Айболит, и слониха тащит к нему слоненка. А на скамеечке сидят в унылых позах медведь, коза и собака.

Очень хорошо. Воображаю, как любят это окно ребята!

На улицах продают мороженое — 35 р. штука!

На улицах много нищих в жутких лохмотьях, контингент: старики, женщины с детьми.

Сегодня, проезжая на трамвае мимо зоосада, видела наконец, кажется, единственный на всю Москву разрушенный бомбой дом.

Посмотрела на вывороченные железные балки, на привычный четкий контур пустых окон, и — просто «повеяло чем-то родным». Я начинаю явственно скучать по Ленинграду — именно не по любимым людям, а просто по самому городу, по его спокойствию, по его марсовой строгости — поистине — самый марсианский город в России... Потому-то!!

Только сейчас мне окончательно раскрылся смысл этого «незабываемого» произведения...

В Москве никто ничего не помнит, не знает, не соображает. Могу себе предст<авить>, что такое артобстрел в этом городе! Нечего сказать. И сразу вспоминаются — ровные шеренги прекрасного моего Питера —

«Спокоен четкий контур
Бесстрастных колоннад».⁵⁷

Да — поистине. Разгадка ведь именно в этом: Се — город боевой, — сказал о нем царь, который сам любил называть себя «Питер».

24/VI

Утром отправилась [к W. на Плющиху, оттуда] в Радиокomiteт. Пришла рано, сидела на скамеечке на бульваре. Он нашел в Радиокomiteте знакомых, его старый приятель — корреспондент <Daily Worker>. Записывали декламацию Прокофьева, Тихонова, Берггольц и Инбер. Он сперва волновался, но потом читал очень хорошо и уверенно.

Сияет.

Идем к Касрадзе.

Удача и там.

К<асрадзе> пишет послание Маханову по поводу нашего назначения (NB — в проекте письма упомянута только моя фамилия. Вношу исправление...)

Отпр<авляемся> на вокзал — легко находим т. наз. Александрова — легче, чем я ожидала! Дело опять-таки сделано.

В Дом писателя отпр<авляемся> на метро.

— Are you pleased, brother tiger?

— Very, sister snake!*

(Хорош диалог!)

Шерхан, Шерхан...

Стоя в метро, ожидая поезда, говорит:

---

* — Вы довольны, брат тигр? — Очень, сестрица змея! (англ.)

— I must make your English absolutely perfect. I shall make an English woman of you.*

Слушаю — молча.

Мне грустно.

Как жестоко и страшно играют со мной высоко ценящие меня и даже, быть может, — искренно хорошо относящиеся ко мне негодяи моей жизни.

Vale! Vale!**

В вагоне метро сижу молча. Боль. Какая настоящая, какая жестокая боль. Мысленно повторяю слова «Elain» Теннисона:⁵⁸

Now tell me your last words and let me die...***

Let me die!

В Доме писателя сидим за одним столиком с В. Инбер, каковую интервьюируем для радио. Она польщена и мила. W. ловко говорит ей приятности, отмечая, что ее стихи нельзя читать трагически, если знаешь ее лично:

«Когда помнит ваша бодрая улыбка!»

Она довольна.

Охотно и много болтает о себе.

После Д<ома> писателя идем к нему — составить «препроводилки» к материалу.

Он весел и притворяется «хозяином»: — Copy it!

— Rewrite it, please.****

Я отвечаю:

— Ready master, — и добавляю: — Really you make me feel melancholically sarcastical about myself...

— You mustn't, dear! I never wish to tease you or to insult you — I help you to get your real due — that's all.*****

Шерхан. Brother tiger. (NB 1955)

После отпр<авляюсь> к Райцам. Он показывает медали: Potvin, Ева, девочка с розами, вакханка — и ставит опыты. Парабола, треугольник, жестокость не порок... Уговариваемся, что я явлюсь еще завтра — в воскресенье — пойти на кладбище Новодевичьего. На вопрос «добродетель» говорю: «дурацкий колпак», на вопрос «сила» — «змея».

---

* — Я должен сделать ваш английский абсолютно идеальным. Я сделаю из вас англичанку (англ.).

** Здесь: прощай! (лат.)

*** Теперь скажите мне ваши прежние слова и позвольте мне умереть... (англ.)

**** — Скопируйте это! — Перепишите, пожалуйста! (англ.)

***** — Готова, мастер. Действительно, вы заставляете меня чувствовать себя меланхолично — саркастичной по отношению к себе... — Вы не должны, дорогая! Я никогда не желаю дразнить вас или оскорблять — я помогаю вам получить по заслугам — вот и все (англ.).

На вопрос «отвлечение» — Иван Адамович. На вопрос «справедливость» — «меч».⁵⁹

Возвращаюсь довольно рано.

25/VI-44 — воскр<есень>.

Была утром на Донской у Катеваны.⁶⁰ Застала и ее — красивая синеглазая грузинка. Она почти со слезами слушала мой рассказ о Ленингр<аде> и о С<офье> К<азимировне>. На обратном пути купила хлеб в «уличном» ларьке и вату в аптеке. Вернулась «домой» и затем отпр<авилась> к Райцам.

Самое интересное в сегодн<ашнем> дне — это кладбище у Новодевичьего.⁶¹

Проходим мимо кельи Софьи, обсуждаем «matter of foctedly?», * где именно «висели» стрельцы!..

На кладбище тенисто и очень красиво. Много цветов, дорожки посыпаны песком. Хорош мрачный памятник Гоголю — черный мшистый камень. Могила Аллилуевой: белая статуя, строгое, грустное и немного надменно-мученическое лицо, вокруг голубые елки.⁶²

Сын Горького — возникающий из скалы образ задумавшегося юноши — почти «Сков<анный> Прометей».⁶³

Чудесный белый лебедь — Лоэнгрин — на могиле Собинова.

Вишневый сад вокруг могилы Станиславского.⁶⁴

«Отдел летчиков» — у монаст<ырской> стены. Над черными квадратиками урн широко распластанные тяжелые крылья самолета «М. Горький». Крылья бомбардировщика. Адская стрекоза.⁶⁵

Дальше — на черном мраморе серебр<яное> очертание цепеллина. Чем дальше на него смотришь, тем явственней его выпуклость.

Очень красиво и грозно.

26/VI

Кончается, вероятно, последний день в Москве. Все сделано. Возвращаемся с победами. Шерхан доволен.

А я?

Не знаю.

Поправиться, конечно, я не поправилась. Даже, может, в некоторых точках я еще и утвердилась. Но то обстоятельство, что я была в Москве, — для меня хорошо. Это — факт.

27/VI

Утро. Сiju на скамейке против касс пригородных поездов. Мы договорились встретиться у вокзала в 9.45. Но я пришла в 9. 45 м<инут> надо как-то провести. От вокзала меня суровым голосом попросила обратиться милиционериха.

Холодный ветер. Настроение — тоже холодное. У вокзала много солдат — они ждут отправки. Лица усталые, как у заезженных лошадей.

---

* «предмет особого внимания» (англ.).

Прошел отряд новобранцев. Вспоминается почему-то Селим.⁶⁶ Несколько дней тому назад, когда я шла к Райцам, я встретила какую-то гражданку, смутно напомнившую его <лицо?>.

Бедный Селимка — хотя и поделом, но бедный Маккавей!⁶⁷

Холодно. Ветер треплет волосы. Метет пыль. Впрочем, пыль метут также и сторожихи. (NB 1955)

Вчера была вечером у Андриевских — долго сидели, читала стишки. А они — вспоминали о том, какие у меня были игрушки. Как странно: кто-то вспоминает, что у меня был мишка Тэдди, что у меня была «игрушечная лавка» и что я гуляла с моей Шарлоттой только на центр<альной> аллее [Десятинского] Новинского бульвара. NB 1955

Ал<ександра> Ник<олаевна> Андр<иевская> — ласковое, но какое-то виноватое лицо. Как странно: у большинства умных матерей появляется в старости это выражение упрямства и виноватости.

Уходя — оглядываюсь на все окна: детской, спальни, гостиной.

Детство.

Синяя птица.

Через 10 минут отправлюсь обратно к вокзалу встречать brother tiger.

Он сказал мне вчера, что в «business» affairs я неожиданно хорошая ученица.

Холодно.

У касс толпится народ.

Пейзаж типично московский — даже отдаленно Витебского вокз<ала> не напоминает.

Вчера я попробовала «допустить», что он мне нравится, и эксперимент дал отрицательный результат. Нет — у меня уже нет чувства, точнее, уже нет прежней легкой самовозгораемости чувства.

Организм уже наполовину мертв!

Ну, дай ему боже завершить этот круг поскорее.

Смерти прошу я спокойно и уверенно.

Ибо иных путей — не дано.

Иду к вокзалу.

(в поезде)

Пришел точно — 9.45.

Отправляемся к пресловутому Александрову — он просит выйти на перрон и через минуту выносит нам ордер на получение билетов из брони... НКГБ?! После некоторого количества поисков и розысков все-таки получаем билеты в спец. очереди.

Ширхан сияет.

— You've done it very well!

Покупаем мороженое.

— Well, now tell me am I energetical?

— No — you are diplomatical, that's what you really are...*

Все устраивается как-то особенно удачно и «гладко»: хорошо в купе, хорошо идет поезд, сосед — опять железнодорожник. Николай Константинович.

Проехали Клин.

Калинин.

Отчаянное желание знать: здесь ли Муська?⁶⁸

Тихой болью горит упрямая память...

Аксель...

Brother tiger напевает англ<ийскую> песен<ку>.

Весенним блеском зажигая реки,
Сверкает неба солнечная рань,
Развалины, угрюмые калеки
Безглазые дома, куда ни глянь.
Они давно — почти что в прошлом веке —
Носили имя — станция Любань...
До минометов, танков и орудий
Здесь, говорят, спокойно жили люди.

х

Здесь даже зелень, кажется, была:
Березы, липы или, может, ели.
Два голые бескорые ствола
У станции налево — уцелели.
У черного фугасного дулла
Кустарник шевелится еле-еле.
Испуганный, он прячется в пыли,
Не смея приподняться от земли.

И только безучастная трава
Ползет по исковерканному полю.
Она одна сверкающе жива,
Жива, быть может, даже поневоле
Она неоспоримые права
Над памятью об ужасе и боли
Навстречу солнцу — смерти и весне
Провозглашает вечно и вполне.

Когда билет до Ленинграда
Проводнику спокойно сдашь,

---

* — Вы это сделали очень хорошо!.. — Так, теперь скажите мне, я энергичный? — Нет, вы дипломатичны, это точно... (англ.)

Какая тихая отрада
Вдруг озаряет отдых наш.
Ведь ленинградец-проводник
Для пассажира-ленинградца
Нашел особенный язык
Заботы, нежности и братства.

Вагон пятнадцать двадцать семь
За краткий путь до Ленинграда
Нам тоже предоставил всем
Заботы теплую отраду.
И потому с проводником
Мы, пассажиры-ленинградцы,
Хотим не словом, а стихом,
Как поцелуем, попрощаться.

Мелькают дали монотонно,
Колеса мирно говорят,
Спешат уютные вагоны,
Бегут вагоны в Ленинград.

---

¹ Слово «эпиграф» — рукой Т. Г. Гнедич. Неточная цитата из поэмы В. В. Маяковского «Флейта-позвоночник» (1915): «Все чаще думаю — не поставить ли лучше точку пули в своем конце».

² В архиве Гнедич есть ее фотография в детстве, на которой она именно такая, как пишет: в белой шапочке-ушанке (РО ИРЛИ, ф. 810, оп. 1, № 32).

³ *Крандиевская-Толстая Наталья Васильевна* (1888—1963) — писательница, поэт, мемуаристка, вторая жена писателя А. Н. Толстого; приведена строфа из стихотворения Б. Л. Пастернака «О знал бы я, что так бывает...» (1932).

⁴ «Харакс» — название одного из кораблей российского флота, на которых проходила эвакуация остатков белой армии генерала Деникина и казачества из Новороссийска в марте 1920 г.

⁵ Приказ о выселении владельцев домов в другие помещения и переходе этих домов в государственную собственность.

⁶ Слова из молитвы об умершем: «Сам, Господи, упокой душу усопшего раба Твоего <...> в месте светле, в месте злачне, в месте покойне...»

⁷ Такого альбома в архиве Гнедич нет, но сохранились тетради с ранними стихами и подписью «Тьяна» (РО ИРЛИ, ф. 810, оп. 1, № 1).

⁸ Средний Фонтан — курортный район г. Одессы, наравне с Большим и Малым Фонтанами прилегающий к морю.

⁹ Пан Корчак — так Гнедич в шутку называла С. К. Островскую, по фамилии ее матери, а Островская называла Гнедич «гусаром» (см.: *Островская С. К.* Дневник. С. 680).

¹⁰ Мажара — крымская арба, телега с решеткой из палок по бокам; Яйла — крымский горный массив в районе Алушты; Байдарские ворота — горный перевал в Крыму, через который, со стороны Байдарской долины, шла дорога от южного берега Крыма в Севастополь.

¹¹ *Оранжиреева* (урожд. *Розен*) *Антонина Михайловна* (1897—1960) — переводчица, географ-экономист, сотрудница Института материальной культуры АН СССР; осведомитель НКВД.

¹² «Андромаха» — трагедия Жана Расина (премьера в 1667 г.). Ниже в дневнике приводится цитата из монолога Ореста (действие V, явление 5).

¹³ Возможно, речь идет о поэте *Всеволоде Александровиче Рождественском* (1895—1977), с которым Т. Гнедич переписывалась в 1942—1943 гг.

¹⁴ Розалия — лицо не установлено.

¹⁵ *Рихтер Валерия Николаевна*, приемная дочь С. К. Островской.

¹⁶ *Крандиевская-Толстая Наталья Васильевна* (см. примеч. 3); *Берггольц Ольга Федоровна* (1910—1975) — поэт; *Левоневский Дмитрий Анатольевич* (1907—1988) — писатель, в 1933—1938 гг. редактор Ленинградского радиокомитета.

¹⁷ Возможно, *Шнейдер* (в замуж. *Задыхина*) *Ксения Николаевна* (1900—1971) — писательница, драматург.

¹⁸ Имеется в виду гадание с особенным раскладыванием карт Марии Ленорман (1772—1843), французской гадалки и прорицательницы, которая, по свидетельству современников, никогда не ошибалась.

¹⁹ Слово «взрыв» нужно понимать не буквально. Вероятно, имеется в виду нервный срыв Т. Г. Гнедич, когда она накричала на С. К. Островскую в связи с какой-то обидевшей ее шуткой.

²⁰ W. — Уинкотт.

²¹ Машенька — возможно, *Доброва* (урожд. *Суковнина*) *Мария Дмитриевна* (1907—1963) — певица, переводчица; во время блокады работала в госпитале санитаркой.

²² Имеется в виду *Тотвен Нина Станиславовна*, жена зубного врача С. А. Тотвена, домашнее имя которой было Татика.

²³ Джафар — злой колдун и главный визирь султана, враг Аладдина из восточной истории «Волшебная лампа Аладдина», одной из сказок «Тысячи и одной ночи». Здесь под этим именем подразумевается Уинкотт.

²⁴ На протяжении всего текста дневника, касающегося поездки в Москву, встречаются такие пометы. Это говорит о том, что Татьяна Григорьевна перечитывала данный дневник в 1955 г., вскоре после выхода из заключения, хотя не переписала его набело на машинке, как другие важные для нее документы — письма, стихотворения, воспоминания.

²⁵ Упоминается поэма А. А. Блока «Скифы» (1918), в которой Россия представляется в виде могучего, загадочного сфинкса. Глядя на спящие после боев поля, Т. Г. видит в них этого лежащего свирепого сфинкса, уставшего от тяжелых испытаний, в любую минуту готового к прыжку.

²⁶ Правильно: *Рейтц Густав Владимирович* (1876—1948), психиатр, психотерапевт, близкий друг С. К. Островской. В 1920-е гг. сотрудничал с В. П. Бехтеревым, автор работ по психологии гениальности; до революции главный врач больницы св. Николая Чудотворца в Петербурге.

²⁷ *Байер Валентина Павловна* — переводчик, библиограф, близкий друг семьи Гнедич с 1920-х гг., была в долголетней переписке с Татьяной Григорьевной.

²⁸ Ассирийцы (айсоры) — народ, представители которого возводят себя к древним ассирийцам. На самом же деле их происхождение, исторические судьбы, численность остаются предметами споров и разногласий.

²⁹ Правильно: *Сотник Юрий Вячеславович* (1914—1997) — детский писатель, драматург, постоянный автор журнала «Пионер».

³⁰ Медалью «За оборону Ленинграда» Т. Г. Гнедич была награждена в 1944 г., после снятия блокады.

³¹ Ева Васильевна — лицо не установлено.

³² Символ счастья. «Синяя птица» — спектакль Московского художественного театра, поставленный К. С. Станиславским по пьесе М. Метерлинка (премьера состоялась в 1908 г.).

³³ *Борейша-Рейтц Наталья Исидоровна* — жена Г. В. Рейтца, племянница одного из первых психиатров в Петербурге Д. П. Борейши.

³⁴ *Боричевский Иван Адамович* (1892—1942) — историк философии, профессор ЛГУ; друг С. К. Островской.

³⁵ Большой и малый Лёвшинские переулки находятся в центре Москвы в районе от Бульварного до Садового кольца, «Николенька» — храм св. Николая Чудотворца в Хамовниках (в этом же районе, на ул. Льва Толстого), одним из прихожан которого был Л. Н. Толстой.

³⁶ Вера Генрисовна — лицо не установлено.

³⁷ *Инбер Вера Михайловна* (1890—1972) — писательница, поэт, переводчица. Во время войны три года она прожила в блокадном Ленинграде, ее поэму «Пулковский меридиан» Т. Г. Гнедич перевела на английский язык.

³⁸ *Аплетин Михаил Яковлевич* (1885—1981) — писатель, общественный деятель, с 1938 г. зам. председателя Иностранной комиссии Союза писателей СССР. *Розенцвейг Виктор Юльевич* (1911—1998) — лингвист, преподаватель французского языка в ИФЛИ, занимался теорией перевода, в 1944—1948 гг. работал в ВОКСе.

³⁹ «Дни войны» (*англ.*) — сборник стихотворений на английском языке (М., 1944).

⁴⁰ *Касрадзе Климентий* — партийный деятель, член КПСС с 1914 г., автор книги «Партийная пропаганда» (1937).

⁴¹ Профессор Коган — возможно, переводчик, в проекте антологии назначенный для перевода на английский язык стихов советских поэтов.

⁴² *Белосельский-Белозерский Александр Михайлович* (1752—1809), князь — дипломат, писатель, переводчик. Переписывался с Кантом, переводил на немецкий и французский языки произведения русских писателей и свои собственные.

⁴³ *Прокофьев Александр Андреевич* (1900—1971) — поэт, журналист, ответственный секретарь Ленинградского отделения Союза советских писателей в 1945—1948 и 1955—1965 гг.

⁴⁴ Блицкриг (от нем. Blitzkrieg — молниеносная война) — теория ведения скоротечной войны, согласно которой победа достигается в короткие сроки; создана в начале XX в. Альфредом фон Шлиффеном, применена впервые во время Первой мировой войны.

⁴⁵ *Шапиро Михаил Григорьевич* (1908—1971) — кинорежиссер, сценарист; в 1941—1942 гг. служил переводчиком Политуправления Ленинградского фронта.

⁴⁶ «Интернациональная литература» — ежемесячный литературно-художественный журнал Союза писателей СССР, издавался с 1933 по 1943 г. на русском и иностранных языках; в нем печатались произведения иностранных авторов, лояльно относящихся к СССР.

⁴⁷ *Стасова Елена Дмитриевна* (1873—1966) — революционерка, деятель международного коммунистического и антифашистского движения; главный редактор журнала «Интернациональная литература» с 1938 по 1946 г.

⁴⁸ Имеется в виду *Бакиис Мария Степановна*, сотрудница Особого сектора Ленинградского обкома и горкома ВКП(б), знакомая С. К. Островской. См. о ней: *Ломагин Н. А.* Неизвестная блокада. СПб., 2004. С. 168—169.

⁴⁹ *Шишова Зинаида Константиновна* (1898—1977) — писательница, поэт. В молодости была членом одесского литературного объединения «Зеленая лампа» вместе с В. Катаевым, Ю. Олешей, Э. Багрицким. С 1940 г. — в Ленинграде. Во время блокады работала в радиокомитете, написала поэму «Блокада» (издана в 1943 г. в Москве).

⁵⁰ Сборник стихотворений английских поэтов под ред. М. Тамбимутту <1943>.

⁵¹ Андриевская Тая — лицо не установлено, однако можно предположить, что Андриевские — давние друзья и соседи семьи Гнедич; в телефонном справочнике

«Вся Москва» за 1910 г. встречается *Андриевский Александр Александрович*, дворянин, присяжный поверенный, адрес: Б. Девятинский, дом Усковых.

⁵² Шерхан — свирепый тигр, персонаж «Книги джунглей» Р. Кипплинга, коварный враг и соперник Маугли.

⁵³ «Скажу я, что люблю вас? Скорее нет. Пожалуй, я скажу: нет, не люблю...» Набросок этого стихотворения — с датой 21 июня — расположен в начале той части дневника, где описывается поездка в Москву, на чистой странице перед записями 17 июня.

⁵⁴ *Тихонов Николай Семенович* (1896—1979) — поэт, прозаик, общественный деятель; во время войны работал в Политуправлении Ленинградского фронта.

⁵⁵ «Старая мельница» — мультфильм компании Уолта Диснея (США, 1937, реж. У. Джексон).

⁵⁶ Журнал — сводка последних новостей страны, которая показывалась в кинотеатрах перед началом киносеанса в советское время. Здесь — главная новость: Крым был окончательно освобожден от фашистских войск 12 мая 1944 г. (9 мая взят Севастополь).

⁵⁷ Строки из стихотворения Т. Г. Гнедич: «...В размахе горизонта, / Как много лет назад, / Спокоен четкий контур / Бесстрастных колоннад...» (1943). Опубл.: *Гнедич Т. Г.* Страницы плена и страницы славы / сост. Г. С. Усова. СПб., 2008. С. 33.

⁵⁸ *Теннисон Альфред* (1806—1892) — английский поэт-лирик, которого хорошо знали и переводили в России. Цитата из сборника стихотворений и поэм Теннисона 1842 г.

⁵⁹ Т. Г. Гнедич описывает психологические тесты доктора Рейтца, который, как было отмечено выше, занимался так называемой психологией гениальности. В дневнике есть вложенный листок с начерченными графиками и пометами, по содержанию близкими к ответам Гнедич на вопросы врача, с датой 26 июня 1944 г. (ф. 810, оп. 1, № 85, л. 22). Расшифровка этих графиков — дело будущих исследований.

⁶⁰ Катевана — *Петропавловская Катеван Ивановна*, знакомая С. К. Островской, вдова Б. С. Петропавловского (1898—1933), известного советского военного инженера-артиллериста.

⁶¹ Новодевичье кладбище — старейшее кладбище Москвы (заложено в 1525 г.), расположенное в Хамовниках у стен Новодевичьего монастыря; келья Софьи, «Софья башня» — келья монастыря, в которой жила опальная царевна Софья Алексеевна (1657—1704), старшая сестра Петра I.

⁶² Памятник Гоголю на Новодевичьем кладбище — черный камень в виде Голгофы и крест, которые в 1952 г. были заменены чугунным бюстом Гоголя; камень был выкуплен вдовой М. А. Булгакова и поставлен на могиле мужа. Памятник *Аллилуевой Надежде Сергеевне* (1901—1932), жене И. В. Сталина, — из каррарского мрамора, работы И. Д. Шадра.

⁶³ Автор памятника из белого мрамора сыну Горького *Максиму Алексеевичу Пешкову* (1897—1934) — скульптор Вера Игнатьевна Мухина.

⁶⁴ Памятник *Станиславскому Константину Сергеевичу* (1863—1938), основателю МХАТа — беломраморная стела в виде занавеса с чайкой посередине, скульптор С. А. Щербаков. *Собинов Леонид Витальевич* (1872—1934) — оперный певец, солист Большого театра; памятник на его могиле — лебедь, лежащий на беломраморной плите, — работы В. И. Мухиной.

⁶⁵ Имеется в виду памятник-мемориал жертвам авиакатастрофы, которая произошла 18 мая 1935 г. в небе над Москвой, при которой разбился новейший самолет-гигант АНТ-20 «Максим Горький» (всего погибло 49 человек — летчики и пассажиры с детьми).

⁶⁶ *Селим* — студент исторического факультета ЛГУ, погибший в 1943 г.

⁶⁷ *Маккавей* — здесь: мученик.

⁶⁸ Речь идет о сестре Акселя Бекмана. См. письмо Гнедич к Е. Г. Эткинду от 14 сент. 1943 г.: «...В сентябре 1941 года он был на Урале. И всё. Больше ни писем. Ни косвенных сообщений. Ни даже известий о его сестре, которая жила в Твери, но после зимы 1941—1942 года тоже куда-то “потерялась”. Вот и всё...» (РО ИРЛИ, ф. 810, оп. 1, № 72).

Библиографический список

1. *Аксененко Е. М.* Т. Г. Гнедич и В. А. Рождественский. Переписка (1943—1944 гг.) // Верили в победу свято: материалы о Великой Отечественной войне в собраниях Пушкинского Дома. СПб.: изд-во Пушкинского Дома, 2015.
2. *Виноградова Е. В.* Гнедич Татьяна Григорьевна. Фонд 810 // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2017 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. С. 668—673.
3. *Гнедич Т. Г.* Этюды. Сонеты. Л.: Лениздат, 1977. 88 с.
4. *Гнедич Т. Г.* Страницы плена и страницы славы / сост. Г. С. Усова. СПб.: Genio loci, 2008. 432 с.
5. *Ломагин Н. А.* Неизвестная блокада. СПб.: ИД Нева, 2004. Кн. 1. 576 с.; Кн. 2. 480 с.
6. *Островская С. К.* Дневник / вступ. ст. и коммент. Т. С. Поздняковой. М.: Новое лит. обозрение, 2013. 760 с.
7. *Усова Г. С.* И Байрона в соавторы возьму: книга о Татьяне Григорьевне Гнедич. СПб.: ДЕАН, 2012. 240 с.

**ЗОЩЕНКО ВЕРА ВЛАДИМИРОВНА
О БОЛЕЗНИ И ЛИТЕРАТУРНОЙ РАБОТЕ
<М. М. ЗОЩЕНКО>**

Часть 6 (1957–1958)

*(Вступительная статья, подготовка текста
и комментарии Т. М. Вахитовой)*

Аннотация: Заключительные главы мемуаров супруги Михаила Зощенко, Веры Владимировны, свидетельствуют об усложнении их личных взаимоотношений, которым предшествовали годы непонимания, взаимных обид, ревности и придуманных проблем. Этому, разумеется, способствовала «идеологическая агрессия» правительства, оставившего семью Зощенко без денег и усилившего этим нервное состояние писателя. Отчаянные страницы мемуаров посвящены уникальному и конкретному описанию трагических моментов, связанных с болезнью Зощенко и последними минутами его жизни.

Ключевые слова: М. Зощенко, К. Федин, встречи, юбилей М. Горького, никотин, сложный диагноз, врачи, уход.

Abstract: Final chapters of M. M. Zoshchenko's wife memoirs testify the complication of personal relations that were preceded by years of misunderstanding, mutual resentment and jealousy. This, of course, was facilitated among many factors by the ideological aggression of the USSR government, which left the writer without any creative work and material support. Desperate pages of the memoirs are devoted to a detailed description of the tragic moments associated with M. M. Zoshchenko's illness and the last moments of his life.

Keywords: M. M. Zoshchenko, K. Fedin, meetings, anniversary of M. Gorky, nikotin, complicated diagnosis, physicians, passing away.

После публикации Ю. Томашевским в 1995 г. окончания мемуаров Веры Зощенко «Последние дни»¹ материалы об уходе Зощенко постоянно присутствовали в книгах и статьях об его творчестве.² Они на-

¹ Воспоминания о Михаиле Зощенко / сост. и подгот. текста Ю. В. Томашевско-го. СПб.: Худож. лит., 1995. С. 579–601.

² Михаил Зощенко: материалы к творческой биографии. СПб.: Наука, 1997. Кн. 1. С. 49–79; Там же. СПб., 2002. Кн. 3. С. 5–93; *Рубен Б.* Зощенко. М.: Мол. гвардия, 2006. С. 329–344; *Попов В.* Зощенко. М.: Мол. гвардия, 2015. С. 489–500 и др.

ходились рядом с письмами его друзей и знакомых, воспоминаниями о последних встречах, с размышлениями о трудной судьбе большого писателя. Но почти никогда эти тексты не рассматривались в общефилософской концепции его судьбы.

Как он смог в юности до встречи с «серапионовыми братьями» преодолеть комплекс неверия в себя, сомнения в профессиональной сфере и, в конце концов, страх перед жизнью, предъявлявшей ему свои требования, к которым молодой дворянин не был готов. Уникальная особенность его личности, несмотря на неважное здоровье, заключалась в том, что он упорно сопротивлялся давлению эпохи, меняя профессии, города, знакомых... Вероятно, в нем в молодости таилась адекватная внутренняя сила противостояния, которая проявлялась и во внешней жизни, и в домашней повседневности.

Но когда он обрел свой творческий голос, получил поддержку друзей и самого М. Горького, имеющего в 1920—1930-е гг. беспрекословный авторитет, Зоценко, вместо того чтобы радоваться славе и известности почти во всех кругах населения, начинает страдать, не находя покоя между тишиной и шумом, одинокой работой за письменным столом и выступлениями перед широкими аудиториями. Пытаясь найти компромисс между одиночеством и публичностью, он старался «уйти» в работу, снять психологическую нагрузку не только творческим усилием, но и интеллектуальным размышлением о своем состоянии, о тех внутренних процессах, которые мучают его душу и не дают спокойно жить.

В 1953 г. Евгений Шварц в «Дневнике» довольно точно охарактеризовал личность Зоценко: «Чем ближе знакомился я с Михаилом Михайловичем, тем больше уважал его, но вместе с тем все отчетливее видел в нем нечто неожиданное, даже чудаческое. Рассуждения его очень уж не походили на сочинения. В них начисто отсутствовало чувство юмора. Они отвечали строгой и суровой, и, как бы точнее сказать, болезненной стороне его существа. Точнее, были плодом борьбы с болезненной стороной его существа. <...> Михаил Михайлович боролся с простыми вещами: бессонницей своей, сердцебиением, страхом смерти. И он опыт свой охотно обобщал, любил лечить, давать советы, строить теории. Был он в этой области самоуверен. При молчаливости своей — словоохотлив. Какая-то часть его сознания тянулась к научному мышлению. И казался он мне, при всей почтительной любви моей, иногда наивным, чудаковатым в этой области. Но это шло ему. Ведь и рассказы его, в сущности, поучали, указывали, проповедовали, только создавались они куда более мощной, могучей стороной его существа. <...> Вот он с женщинами был совсем не мальчик, но муж. И его любили, и он любил. У него были романы, а не просто связи. В достаточной мере продолжительные».³

³ Шварц Е. Л. Живу беспокойно...: из дневников / сост., подгот. текста и примеч. К. Н. Кириленко. Л.: Сов. писатель, 1990. С. 288—289.

Евгений Шварц как бы обобщает свои впечатления о встречах и разговорах с Зощенко, не касаясь его трагических несчастий и идеологических претензий к нему руководства страны, начавшиеся еще во время войны в 1943 г., когда была прекращена публикация повести «Перед восходом солнца». Она рассматривалась в те времена «политически вредным и антихудожественным произведением». В его характеристике главным компонентом являются рассказы 1920-х гг., которые он противопоставляет «научным» интересам писателя и «простым» психологическим вещам личности, которые для Зощенко вовсе не являлись «простыми». Пятнадцать лет всем известный писатель находился в состоянии нервного напряжения, теряя способность спать, есть, общаться с женой, а главное — писать. Его талант под воздействием эпохи менялся, приобретал новые, но не совсем соответствующие времени черты (например, он решил написать публицистическую книгу, которую раскритиковал С. Антонов). Даже встреча с первой любовью, которой он клялся в вечной привязанности и нежности, не принесла удовлетворения и ярких воспоминаний, а бывшая возлюбленная оказалась грубой и вульгарной. Супруга называла это состояние Зощенко «распадом личности» (С. 210). Только мягкое женское внимание каким-то образом сглаживало его болезнь, равнодушие, привычку к неудачам, помогало ощутить живую жизнь. Вдохновение уже не приходило в его кабинет, но его импульсы изредка волновали его душу. Совершенно неожиданно для Зощенко сильное влияние на общественное мнение оказала похвала его прозы Константином Фединым в книге «Писатель, искусство, время» (1957): старый друг называл его классиком и выдвигал в первые ряды советской литературы. Любопытно, что сразу после этой статьи Федина пришла бумага из Москвы о том, что Союз писателей возбудил ходатайство перед Министерством финансов о назначении М. Зощенко персональной пенсии и о выдаче безвозмездного пособия (5000 руб!).

Казалось бы, что эти факты должны привести писателя к положительным выводам, возродить стремление к творчеству, к драматургии, где он, по его мнению, еще не достиг совершенства. Но было уже поздно. На праздновании в Москве девяностолетия М. Горького первая и единственная жена советского классика (Е. П. Пешкова) пригласила из Ленинграда только Зощенко и Слонимского. М. Зощенко надеялся, что эта поездка избавит его от мрачных мыслей, плена плохих настроений, улучшит состояние его здоровья. Но, к сожалению, этого не случилось. К. И. Чуковский уговорил М. Зощенко не выступать, ибо чувствовал, в каком сложном и болезненном состоянии тот находился. Возвратился он совсем «больным, беспомощным, слабым и жалким» (С. 220). М. Слонимский, который сопровождал М. Зощенко в Москву, говорил, что он даже «чувствовал себя сиделкой у тяжело больного» (С. 220). Эта поездка не принесла ему облегчения, не развеяла его грустные предчувствия.

Все эти события, как положительные, так и отрицательные, происходили на фоне сложных отношений с супругой. В небольшой квартире Зошенко постоянно звучали обидные фразы, оскорбления, упреки то по поводу денег, то из-за дам, которые постоянно навещают писателя, то из-за других бытовых вещей, которые, в принципе, не имеют никакого значения в их жизни. Воздух постоянного раздражения и отказ от врачебной помощи способствовали ухудшению состояния Зошенко.

Весной Вера Владимировна уехала на свою дачу в Сестрорецк, не без грусти оставив Зошенко одного в квартире под присмотром сына и его супруги. Когда через несколько дней она позвонила в Ленинград, то услышала странный, чужой голос своего мужа, который рассказал ей о том, что приходил врач из Литфонда, «нашел отравление никотином <...> и легкий спазм мелких сосудов мозга» (С. 223). Этот врач, как это ни странно, не сообщил супруге Зошенко о возможностях развития болезни, о сложности диагностирования и выборе способов лечения. Он даже не предложил ей отправить писателя в больницу, а рекомендовал дней через десять отправить его в Сестрорецк на дачу.

Там, на даче, и начались самые трагические и тяжелые дни жизни известного писателя Михаила Зошенко.

Вера Владимировна подробнейшим образом описывает все детали происходящего: от приема определенных лекарств, пищи до приезда знаменитых и менее знаменитых врачей и медсестер, которые пытались спасти уже умирающего писателя. Не избегает она и интимных подробностей, малейших деталей существования Михаила Михайловича, его отдельных фраз и слов, произнесенных как в сознании, так и в забытии. Отношение к супруге изменилось, он стал называть ее «Верочкой», и Вера Владимировна стала мечтать о том, как Михаил поправится, как начнется, наконец, хорошая, спокойная, счастливая жизнь. Страх и надежда постоянно сопровождали ее в это сложное время, она забыла все обиды и оскорбления.

Но Зошенко все-таки безрассудно любил и обожал больше жены своего сына, все время звал его, отдавал ему все деньги, которые были у него в наличии.

Когда он согласился ехать в Ленинград в больницу, то приехавшая за ним скорая помощь отказалась везти его, считая нетранспортабельным.

22 июля 1958 г. Михаил Михайлович Зошенко скончался в своем доме в Сестрорецке на руках своей жены в окружении родных и близких знакомых. Но остались его непревзойденные книги и воспоминания современников, в частности, и стихи Анны Ахматовой, которыми часто заканчивают свои книги литературоведы и критики:

М. З.

Словно дальнему голосу внемлю,
А вокруг ничего, никого.

В эту черную добрую землю
Вы положите тело его.
Ни гранит, ни плакучая ива
Прах легчайший не осенят,
Только ветры морские с залива,
Чтоб оплакать его, прилетят...

1958

Комарово

ЗИМА 1957—1958 гг.

Михаил сразу же стал рассказывать о своих тревогах — ни один из принятых рассказов «не пошел»: ни в «Крокодиле», ни в «Новом времени», куда так просили и так одобрили рассказ «Как я пошел воевать за Советскую власть», ни даже в «Костре» («Ленинские рассказы»). И сценарий, конечно, тоже отклонен (сценарий «Пять ошибок»).

Михаил был в очень нервном, мрачном состоянии... Ему казалось — опять начинаются «гонения».

Старалась успокоить его, говорила, что этого не может быть, что нападать на него снова не за что: и бессмысленно, и неразумно.

В это время позвонила по телефону Лера (моя племянница), и он очень разволновался и рассердился, услышав, что я позволила ей пожить в Сестрорецке. Особенно его взволновало, что она собиралась ехать туда в субботу со своими студентами; уверял, что они обязательно устроят там вечеринку, напьются и сожгут нам дачу. Ужасно горячился и волновался, потом неожиданно успокоился, сказав, что ему, в сущности, все это неважно.

Из-за этого обстоятельства два-три дня было натянуто и нехорошо, но вскоре же «конфликт» с Михаилом как-то рассосался, и неожиданно он стал каждый вечер говорить со мной о своих делах.

Беспокойство его не проходило, а тут еще новое обстоятельство его взволновало — Гершуни,¹ который просил встретиться с ним, чтобы поговорить о его работе для эстрады, не позвонил в назначенный день, и Михаил в этом увидел новое доказательство того, что на него снова «наложен запрет»... Говорил, что не перенесет третьего удара, что его хотят «уморить», что ему не дадут работы, одним словом, совершенно впадал в панику.

А я почему-то была совершенно спокойна. Говорила, что, во-первых, ему должны дать пенсию, на которую, в крайнем случае, проживем, во-вторых, можно попросить Либединского о переводах, а в-третьих, что умирать вообще не надо «назло врагам».²

А, кроме того, что не может быть никаких неприятностей, раз в Германской демократической, в Чехословакии и Болгарии только что вышли переводы его книг.

Михаил считал, что «умолчание» о нем в «Хрущевских беседах»³ с писателями о литературе, и «утверждение» «Постановления»,⁴ воспринято как сигнал против него, что этим объясняются все его последние неудачи...

Действительно, в «Литературке» и в «Ленинградской» появились статьи (Ковалева и Луговского), в которых можно было усмотреть намек на нечто в этом роде.

А я говорила, что из-за этого не стоит огорчаться, у нас так «меняется погода» и м. б. через месяц-два все опять изменится, и ветер подует в другую сторону...

Но я ошиблась, все изменилось значительно раньше: 30 ноября Михаил получил от Федина его последнюю книгу «Сборник критических статей о литературе» — «Писатель. Искусство. Время».⁵ И в этой книге прочел «хвалебную» статью о себе, с ссылками на мнение и авторитет Горького, который разом выдвигал его в ряды лучших наших писателей, в «классики»...

А на второй день пришла бумага из московского Союза с извещением о том, что Союз возбудил ходатайство перед министерством о назначении ему персональной пенсии и о выдаче ему пяти тысяч безвозмездного пособия.

И потом мы с Михаилом, кажется, целую неделю «переживали» это событие, каждый вечер он заводил разговоры на эти темы, высказывая (С. 208) различные предположения и догадки о причинах такого «поворота», с трудом веря в такое «сказочное» изменение своей судьбы. А потом начались «следствия» — предложения «Советского писателя» издать еще один однотомник, одобрение пьесы («американской»),⁶ взятой Граниным⁷ (заместитель Прокофьева в Союзе) на просмотр... Одним словом, «колесо судьбы» повернулось снова в его сторону. Кроме фединского сборника вышла еще какая-то книга, в которую были также включены «хвалебные» письма Горького о Михаиле.

В это же время Катя Русанова сообщила Михаилу и мне, что приехала из Болгарии, из эмиграции в гости к ней ее старшая сестра, Надя, которая очень хочет встретиться с нами, и Катя приглашает нас обоих на свои именины 7 декабря.

Надя была та самая «Надинька Русанова»,⁸ первая любовь Михаила, о которой он и мне рассказывал в 1917 году, и в «Перед восходом солнца» писал о том, что ее и эту любовь он не забыл до сих пор...

Я же с Надюшей, которая, правда, была старше меня года на три, даже дружила в пятом и четвертом классе гимназии, но после 4-го класса Надя, которая осталась было в этом классе на 2-ой год, перешла в частную гимназию Басман, и «пути наши разошлись».

Итак, теперь Михаил должен встретиться с Надей после 40 лет разлуки... Я отказалась идти с ним к Кате, я не хотела мешать этой их встрече, я искренно считала, что Надя как «первая любовь» имеет на

Михаила больше прав, чем я, что Надя — единственная женщина, которой я, если Михаил этого захочет, должна его «уступить».

Но вернулся Михаил совсем равнодушный и спокойный, сказал: «Катя очень милая и хорошая, а Надька меня раздражает».

Эта встреча принесла ему полное разочарование, убила его «иллюзию», и былая «любовь» умерла навсегда... И теперь я оставалась единственной «любовью» его юности.

Я, конечно, вскоре же пригласила к нам в гости Надю и Катю, и искренно была рада встрече с подружкой детских лет. Надя выглядела хорошо, была мило и «моложаво» одета. Была она, правда, несколько «шумна» и резковата в своих суждениях, капельку даже грубовата и взбалмошна.

Всякий интерес к ней у Михаила сразу пропал, и когда они приходили к нам вторично, незадолго перед отъездом Нади в Болгарию, он, ссылаясь на нездоровье, даже не вышел к чаю в мою комнату. И провожала на вокзал Надю я одна.

В это время, несмотря на «поворот колеса счастья», когда, казалось бы, должен прийти покой, как будто что-то сломилось в душе Михаила (С. 209).

После первых дней подъема наступил неожиданный, страшный упадок, который продолжался долгие месяцы... И эта зима — 1957—<19>58 года снова была «черным годом», пожалуй, самым «черным» из всех предыдущих... Это была последняя зима Михаила...

В эту зиму были по-настоящему страшные дни...

Впал он в такую хандру, в такое уныние, безразличие, равнодушие ко всему на свете, какого, пожалуй, у него не было никогда за всю жизнь.

Казалось, начался какой-то страшный «распад личности».

На вопросы — что же с ним, отвечал: «Мне плохо, очень плохо, меня ничего не интересует, мне ничего не хочется, ничего не надо». Начали мучить какие-то нервные «переходящие» боли: то межреберные, то в области живота (даже разбудил меня раз ночью, пришел якобы за чайником для грелки, хотя второй чайник был на кухне, очевидно, не хотелось быть одному). Жаловался утром, что ночью в течение четырех часов болела голова, что очень его испугало, боялся кровоизлияния, но потом успокоился, так как боль перешла на шею и плечи, то жаловался на боли в ноге: то в икре при ходьбе, то в колене — и, наконец, стала беспокоить боль в бедре.

Кроме того, возобновились «спазмы» и усилилось отвращение к еде. Иногда по утрам принимался за еду со стонами, с гримасами, чуть не со слезами...

Целыми днями лежал на постели и ничего не делал, даже не читал и не раскладывал карты, как обычно.

Раза два даже не ходил обедать к Марине, просил покормить его дома.

Начался этот упадок примерно с середины декабря...

И тогда же начались ссоры со мной, невыносимые придирки по малейшему поводу и без всякого повода.

Отчасти я все же была сама виновата — опять меня стали нервировать его ежедневные «хождения к Маришке», которые продолжались уже 11 лет, и, естественно, мне казалось, что у него возникла прочная и серьезная привязанность к этой женщине и что он никогда не оставит ее.

И мне опять зачем-то захотелось выяснить: в чем же тут дело. И я попросила его сказать откровенно, что его привязывает к Марине, почему он не может прекратить своих хождений туда каждый день.

Конечно, он от ответа уклонился, но начал раздражаться по обыкновению и кричать, что никакой любви у него к ней нет и не было и что близкие отношения давно уже прекращены... А когда я выразила по этому (С. 210) поводу сомнение, немедленно пришел в ярость, грубо обругал меня, возмущался, как я смею ему не верить, когда он дал мне «честное слово» в этом.

Потом была неприятность, в которой я не была виновата. Он весь день охал, стонал, жаловался, что чувствует себя плохо и еле собрался с силами выйти обедать... А на обеде почему-то задержался и пробыл вместо обычного часа около двух часов.

Естественно, я стала беспокоиться: не случилось ли с ним чего, не стало ли ему плохо там или на улице.

Но когда по его возвращении я воскликнула: «Что ты так долго, я уже стала беспокоиться», конечно, он моментально обрушился на меня. Кричал, что я лишаю его свободы, «связываю» его, что, значит, он лишней минуты задержаться не может, что он встретил Томашевских,⁹ с которыми разговорился, и что я вовсе не беспокоилась о нем, а просто контролирую его, так как не верю его «честному слову» и подозреваю то, чего нет.

А я действительно в данном случае только беспокоилась за него... Затем вышла такая неожиданная история. Мариэтта Шагинян прислала ему с какой-то молодой девушкой-искусствоведом¹⁰ письмо и бутылку армянского коньяку.

Перед приходом этой девушки Михаил так стонал и жаловался на свою болезнь, что когда она пришла (он в это время был на обеде), я предупредила ее, что М. М. очень болен, еле ходит, что я очень тревожусь за него...

Затем, когда Михаил явился, я ушла по делам и отсутствовала часа четыре. Вернувшись, застала еще у него эту девушку, с которой он оживленно беседовал. Когда она ушла, я заметила, что, очевидно, все его болезни воображаемые, так как стоило немного отвлечься, и он забывал о них...

Но так как я знала, что и Мариэтта, и Груздева¹¹ старались ему «подсунуть» для чего-то «молодых женщин», то это как-то «насторожило»

меня, и я, к сожалению, не смогла не добавить, что не понимаю, какой ему интерес 4 часа потерять на разговоры с девицей, которая на 10 лет моложе его сына.

Конечно, последовала «кровная обида», и он никак не мог забыть о ней.

В данном случае я, конечно, была неправа: ему действительно было интересно говорить с девушкой, которая, очевидно, высоко ценила, а, может быть, и понимала его литературу, а это, конечно, было и интересно, и радостно ему (С. 211).

А потом была неприятность из-за того, что Ларисса (Ларисса Николаевна Робинсон)¹² пригласила его на свое рождение — 25 декабря, страстно хотела, чтоб он был, а он пойти не захотел, а мне было неприятно и неловко обидеть Лариссу, и я сказала, что очень неудобно будет не пойти, потому что в «плохие дни» он бывал у нее, а когда дела повернулись в хорошую сторону, отказывается, что это ее обидит. Тут он пришел в дикую ярость, кричал, что он не подлец, что у Лариссы он вообще был раза 2, что если она о нем так думает, а она вовсе ничего не думала, то он вообще «плевать на нее хочет», что я не даю ему покоя, нервную...

Но в данном случае я, конечно, ни в чем не была виновата, я не знала, что он так отреагирует на эти мои слова, и мне действительно не хотелось обидеть Лариссу, которая, кажется, единственная из всех знакомых так чутко и внимательно отнеслась к нему еще в 1946 году, сразу после «Постановления»...

Перед Новым Годом Михаил сказал, что встречать не будет, будет лежать в постели и был очень недоволен, когда я сказала, что Валя решил встретить Новый Год с нами.

В конце концов все же к встрече Михаил встал на 15 минут.

После Нового Года он окончательно «ушел в болезнь», стал ходить «согнувшись под прямым углом», охать и стонать целыми днями и еще больше капризничать с едой.

Чтобы хоть как-нибудь его подкормить, я договорилась с Раей, бывшей нашей домработницей, что она будет раза 2 в неделю приходить готовить, но он стал говорить, что это ему не нужно, потихоньку уходил обедать наверх, но, тем не менее, прекрасно ел бульон, и печенье, и кисель, и однажды, вернувшись с обеда, вдруг неожиданно попросил: «киселька, если осталось».

Продолжались неприятности и после Нового Года...

Неожиданно вышла неприятность из-за денег. После Нового Года я осталась почти без копейки, когда второго января он получил деньги и из 900 рублей хотел дать мне на хозяйство всего 200, я напомнила, что мне не отдала долга жена Зуккау, и попросила лично для себя рублей 50. Вышла, конечно, неприятность: стал кричать, что ему неинтересно работать, что я отбираю у него все деньги, страшно возмутился, когда я спросила, на что ему нужны деньги.

Всех денег у него я, конечно, никогда «не отбирала», я даже никогда не знала, сколько он вообще зарабатывает. Очевидно, в то время он много денег давал Вале, что было, конечно, лишнее. Если б не давал, Тоська, Валина жена, скорее ушла бы от него, чему Михаил был (С. 212) бы только рад, он страшно возмущался Тоськой за ее скверное отношение к его любимому сыну.

Вообще же его отношение ко мне стало совершенно странным, дошло до того, что, когда я утром входила к нему в комнату, чтобы подать ему в постель завтрак, он вдруг хватался за нос, закрывал лицо, глаза, как будто ему неприятно меня видеть.

Наконец, я сказала ему, если я так его раздражаю, я могу уехать на время к приятельницам... На это он стал бормотать что-то невразумительное, и я так и не поняла, чего же он, в конце концов, хочет.

Все же оставить одного «на произвол судьбы» не решилась, надо было его кормить по утрам и вечерам.

Все же была надежда, что ему станет лучше, исчезнут эти «странности», что жизнь войдет, наконец, в норму.

Однако, весь январь продолжалось то же. Все те же мелкие неприятности, все те же его «взрывы» по малейшему поводу.

Одно время я чувствовала себя очень плохо физически, и я сказала полшутя-полусерьезно: «Ну вот, можешь успокоиться, умру скоро и избавлю тебя от расходов на себя».

Конечно, в ответ — скандал и крики, что он не подлец, что он никому не желает смерти, что я не имею права говорить так.

Потом был еще такой случай. Я простудилась немного и остерегалась выходить на улицу, а надо было идти в аптеку за его лекарством.

Он стал спрашивать, когда придет Дуся (уборщица). Ответила, что Дуся, возможно, не придет вовсе, но что я не так серьезно больна и смогу сходить сама в крайнем случае.

Стал кричать, неужели я его так плохо знаю, неужели он допустит, чтобы я больная выходила на улицу.

Еще была крупная неприятность, когда я сказала, что я готова забыть все плохое, что он причинил мне, что я искренно жалею его и хочу ему помочь.

Возмутился, что он мне сделал плохого, как это я смею изображать из себя «жертву», винить его в том, что он «испортил мне жизнь», в то время как я прекрасно жила, имела 2-х домработниц, ездила на юг и делала, что хотела.

«И вот по таким абсурдным, смехотворным, ничтожным поводам он нервничает, раздражается и во всем обвиняет меня, я не даю ему покоя, я “вгоняю его в болезнь”».

А как обеспечить ему этот покой, когда все во мне раздражает его. Что мне делать, не знаю».

Предлагала я ему посоветоваться с врачами, полечиться, ответ один — «Не хочу, врачи ничего не понимают, ничем мне не помогут, они (С. 213) меня только запутали».

Сестра Тоси (неудачной жены Валерия), Рита Зуева, врач и очень серьезный человек, предложила мне пригласить Михаилу профессора Случевского,¹³ психиатра, в авторитет которого она свято верила.

К сожалению, сделано это было напрасно — Случевский ничем не помог Михаилу, помешал мне пригласить к нему других врачей — невропатолога, терапевта, как я только что собиралась сделать. Визит невропатолога, Пригонникова, даже был сорван, так как он пришел в тот момент, когда у Михаила был Случевский. И в дальнейшем, ожидая помощи от Случевского, я не обращалась к этим другим врачам.

Случевский был «допущен» к Михаилу под предлогом его интереса (будто бы) к книге его «Перед восходом солнца» и завел с ним разговор об этой книге.

Но после визита Случевского Михаил говорил, что эта работа теперь не интересует его, что ему не хочется к ней возвращаться, что <она> будоражит и нервирует его... Случевский же мне сказал, что он думает, что мог бы помочь, есть у него и хорошее укрепляющее средство, могла бы помочь и психотерапия.

Однако ничего он не сделал и даже на повторный визит не явился. А потом я слышала от вдовы профессора Останкова очень плохие отзывы о нем как о враче и человеке...

Михаил же стал мне говорить, что ему нужен только полный покой, что тогда, может быть, у него появится интерес к работе и таким образом он, как-нибудь, «выкарабкается» из своего состояния...

Но я не знала, как обеспечить ему этот «покой».

Февраль не принес никаких изменений... И опять были неожиданные «неприятности из-за денег»...

Как-то в самом начале февраля вошла к нему утром: недовольное хмурое лицо. В ответ на мои вопросы о здоровье сквозь зубы цедится что-то невнятное. И опять прикрывает рукой нос и глаза, будто неприятно видеть меня...

Невольно задала вопрос: почему он такой...

Прямо на вопрос не ответил, стал говорить о деньгах, о том, что ему непонятно, почему я должна брать деньги с книжки, хотя он недавно дал мне на 0,5 месяца 500 рублей.

С трудом втолковала, что 200 рублей из этих денег дала Вале на книги...

Стал считать, куда ушли деньги за книгу в «Советском писателе»: оказалось, что он получил тысячу 70 (а мне лично дал 10).

Сказал, что ежемесячно давал Вале по тысяче рублей, когда я (С. 214) стала говорить, что так много давать не нужно, сказал, что ему приятно давать сыну. На это я ничего не возразила, только подумала, зачем же тогда жаловаться, что денег выходит так много.

Когда я спросила, сколько он платит Марине за обеды, он от ответа уклонился, сказал «пустяки»...

Мне же лично не нужны его деньги. Пусть дает лишь минимум на нашу жизнь, а остальное, кому хочет и сколько хочет.

К сожалению, меня снова стали волновать его ежедневные «уходы на обеды». «Недавно мне опять передали, что Марину считают его «второй женой». И мне снова стало казаться: «Не может быть, чтоб у него не было никакой привязанности к ней, никакого чувства: зачем же он тогда ходит туда каждый день. Не может быть, чтоб из-за “тарелки каши”».

А ходил он, действительно, из-за своего «психоневроза» с едой в расчете, что там он сможет спокойно поесть. Но как было трудно мне разобраться в этом. Правда, я больше ни о чем не спрашивала его, но в глубине души была уверена, что Марина, которая не работала, у которой поэтому даже пенсии не будет, только и ждет моей смерти, чтобы «женить» его на себе.

И когда он вдруг вечером ушел 3 ноября (будто бы в Союз), я не верила. Думала, может быть, в кино с ней. И не знала, что же мне делать: «Где же найти выход. Выхода нет».

Но об этих своих «подозрениях» я, конечно, ему ничего не сказала. А уж вечером поняла, что ошиблась. И писала: «3 февраля <19>58 ... Выход, видно, в любви, прощении и терпении. Он вернулся около 11 часов — измученный, напуганный, больной, в ресторане в Союзе опять напал на него “страх”, начались “спазмы”, поспешил уйти.

Считает, причина этому статья Федина, как ни парадоксально это — страх перед литературой, перед необходимостью снова “проявлять себя”.

К тому же будоражит психиатр с его интересом к книге “Перед восходом солнца”, с которой начались все “беды”.

Увидела его таким несчастным, охающим, напуганным, сгорбленным, как всегда дрогнуло сердце, и в душе затеплилась жалость и нежность.

И хотя он оттолкнул ее сначала, все же душа не озлобилась, и я простилась с ним нежно и ласково. Жаль его, как несчастного запуганного ребенка, который не понимает, что с ним, и только боится и страдает (С. 215).

Очень жаль, а как помочь.

Он напоминает мне утопающего, которому протягивают руку помощи, а он отталкивает ее и на глазах тонет. Как спасти его, не знаю.

Но очень его жаль, очень, очень, очень».

А потом через некоторое время он снова как-то оттолкнул меня от себя. 20 февраля я писала: «Как-то зашла к нему днем, перед его уходом на “обеды”. Стал жаловаться, что у него из-за позднего вставания остается мало времени на работу, он ничего не успевает сделать... (Работал он тогда над “норвежским переводом”).

Сказала, что у меня сегодня выделилось на занятия почти 3 часа, с 2 до 5. Ответил, что ему этого мало, ему нужно часа 4—5.

Я предложила, если уж не наладить раннего вставания, уходить позднее на обед, или, если ему не хочется отрываться от работы, попросить меня, я всегда могу за полчаса сварить ему кашу, которой, как он сам говорит, его кормит Маришка...

Обозлился, стал кричать, что я опять его “мотаю”, держу на грани скандала т. п.

Тут я не выдержала и сказала, что, в конце концов, мне совершенно безразлична его Маришка и, если он “обязан” обедать у нее, я никак не запрещаю ему этого...

Он разозлился и раскричался еще больше, а я ушла из комнаты. Он, конечно, ушел наверх...

Я успокоилась, и когда он вернулся, даже сказала ему, что я на него не сержусь... Потом зашла к нему... Стал жаловаться, что плохо ест.

Тогда я сказала: “Я тоже съела сейчас совсем немного и очень сыта, может быть, вообще в нашем возрасте надо есть мало. А что ты ел за обедом”. И опять скандал...»

Очевидно, из-за его «психоневроза» спрашивать об еде его было нельзя. «А окончательно поссорились опять из-за денег, через несколько дней он получил из Москвы большие деньги, кажется, 4 тысячи и дал мне из них 500 руб. на хозяйство, 500 на личные расходы, тысячу на книжку и 200 руб. прибавил по моей просьбе на налог (на дачу)...

А вечером я вспомнила, что обещала Вале купить ему теплую меховую шапку, так как узнала, что у него флюс, и на улице был сильный мороз, спросила, не даст ли он мне денег на покупку этой шапки... (С. 216).

И разыгрался такой скандал, поднялся такой крик, что трудно себе представить.

Опять стал обвинять меня в чем-то, в чем я никак не виновата, и, в конце концов, выкрикнул, что я “не успокоюсь до тех пор пока не вымотаю у него все деньги», и что у него есть долги, которые нужно отдавать”.

Это меня взорвало, я принесла ему его деньги, бросила их на кровать и сказала, что, в таком случае, мне они не нужны, не буду и класть на книжку, и ушла из комнаты.

Он немедленно поспешил за мной и принес деньги, я опять отнесла их ему, тогда он заявил, что сожжет их в печке. Пришлось взять, так как я была не уверена, что он этого не сделал бы. Вся эта история с деньгами была тем более странная, что он только что говорил, что дает Вале по тысяче рублей в месяц, говорил что ему приятно давать сыну, а я попросила у него деньги на шапку для того же Вали.

Очевидно, у него создался еще какой-то «психоневроз с деньгами», связанный со мной, хотя я никогда и раньше не знала, сколько денег он получает, и давал он мне деньги «по выдаче», по записке, давал, правда, всегда вполне достаточно.

Эти его несправедливые слова очень меня обидели, и с тех пор снова создалась у нас тяжелая, гнетущая атмосфера. Я как-то попробовала «разрядить» ее, завела было спокойный, доброжелательный разговор, хотела выяснить, в чем же дело, что происходит, почему он опять так отдалился от меня.

Он стал говорить, что я во всем виновата, я устроила неприятность, когда он задержался после обеда, а я только сказала, что беспокоилась за него, так как перед уходом он жаловался на плохое самочувствие. Потом я посмела сказать: «На что ему деньги».

Я уколола его, когда он 4 часа проговорил с 27-летней девицей, спросив, неужели ему так интересно разговаривать с ней, которая на 10 лет моложе его сына. Сказал, что я его «травлю»... На это я могла ему предложить только одно — разъехаться!

Ответил: «Делай, как хочешь, ты всегда поступала, как хотела!»

Когда же я сказала, что в таком случае я дам объявление об обмене квартиры, ответил, что он давно мне сказал, что ему не нужны никакие перемены, что ему ничего не надо, что он хочет только жить спокойно и «быть в безопасности» в своей комнате, что тогда он, может быть, сможет вернуться к работе.

(Да, с ним, очевидно, надо быть очень-очень осторожной!) (С. 217)

Так и не удалось мне «разрядить атмосферу»!

Пробовала обмениваться с ним мнениями по поводу писательского пленума в Москве, реагировал очень пассивно. А вечером того же дня, после того, как я напоила его чаем и дала сливок на ночь, был он опять ужасно несчастный, слабый, захотелось его приласкать, успокоить, утешить, но он холодно и досадливо оттолкнул мой порыв.

И я не могла понять, что с ним сейчас... Он не хочет объяснить, он только говорит, что ему плохо, что он плохо ест за обедом.

Но утром, как всегда, выпил кофе, съел бутерброд с ветчиной, печенье. А вечером выпил стакан чая с пирожком и неполный стакан сливок.

И мне казалось, что он преувеличивает свой «психоневроз с едой». Но думалось, нормальный ли он человек. Казалось, он на грани безумия.

Ничего ему от меня не нужно, только еда! Или это ненормальность старости. Ужасно, что я перестала быть для него женщиной! Или это только потому, что он потерял способность быть мужчиной.

Вскоре он снова показался мне таким странным, таким «ненормальным». Утром я подала ему кофе, как обычно, в постель. И на минутку присела на диван в его комнате. Спросила, будет ли он есть телячью котлету, которую вчера просил зажарить. Ответил с раздражением, отрицательно. Потом раз десять протягивал руку за пирожком и не мог взять. Очевидно, не мог начать есть при мне.

Когда я спросила, что с ним, начал раздражаться, сказал, что он с трудом ест, и не надо было его спрашивать о телятине.

Когда я ушла, он выпил кофе, съел один или два пирожка. Вскоре встал и съел поданное к этому времени яйцо всмятку с кусочком седжки.

Безусловно, у него какой-то серьезный неурядок в психике, бесспорно связанный с едой. Но как победить этот психоневроз, как помочь ему избавиться от болезни, не знаю.

Очень мучила меня мысль, что я совсем не нужна Михаилу, что он не любит, а может быть, и никогда не любил меня.

Но потом вспоминала: «Ведь говорил же когда-то, уже в “плохие” наши дни: “Я тебя люблю по-своему, ты мне нужна, я не хочу развода”» (С. 218).

А еще раньше, в <19>17-м году ведь писал же он: «Чем околдовала меня эта маленькая женщина. Все в ней пропитано женственностью... она умна как-то по-женски, эластично... Боже, как меня влечет к ней». И еще: «хотите, я для Вас сойду с картины времен средних веков, хотите, я оденусь рыцарем и с галантной улыбкой буду исполнять Ваши капризы».

А потом, когда я долго не писала ему в Архангельск: «Ушла Вера, ушла любовь, ушел солнечный зайчик на стене... Бог, сделай, чтоб мы увиделись»... Мне не дает покоя одна мысль: «Кто Вам теперь целует пальцы!» Все это он писал и говорил мне.

Да, в <19>17 году не я искала его, а он меня, и в <19>20-м не я просила его о браке и совместной жизни, а он меня!

А теперь... Что осталось от этого... Все полностью забыто и есть только вражда, недоверие и страх... И упреки, и обвинения...

Но на мои слова, что в таком случае нам лучше разъехаться, он говорит, что сам к этому не стремится, что ему не нужны перемены, но, может быть, причина этому — старость, равнодушие к жизни, болезнь.

(Да, в его душе, очевидно, тогда не было ничего, кроме мыслей о болезни и страхах. Он тогда по-прежнему занимался своими бесконечными «психоанализами», все его записные книжки были заполнены ими...)

И мне думалось: «Или у него это старческий психоз и дальше будет еще хуже».

Так прошел, «прополз» февраль...

В начале марта со мной случилось маленькое несчастье: 5 марта я отправилась в аптеку за лекарством для Михаила. Была оттепель, было скользко и сыро, и я очень боялась упасть и сломать руку...

В ближайшей аптеке, на углу улицы Желябова, нужного мне средства не оказалось, но мне хотелось во что бы то ни стало достать Михаилу это, и я решила пойти в «дальнюю аптеку», к Штабу... На Невском был сплошной лед, даже песком посыпано не было... И едва я перешла мостик через Мойку, как упала, и конечно, сломала себе руку.

Меня очень удивило, огорчило и обидело отношение ко мне Михаила после этого моего «несчастья». Он не только не выразил мне за все

это время ни капли сочувствия, ни разу не спросил, как я себя чувствую, а даже, когда я спросила, не может ли он дать мне немного денег, чтобы, по совету доктора, пригласить массажистку (С. 219), отказался, сказав, что у него нет денег. А в то же время дал Вале на подарки к именинам 300 рублей!

Все это время он говорил и думал только о своих болезнях, казался буквально «умирающим» и в своем состоянии упрекал меня, будто я его довела до этого своим «насилием», изводила «отношенческими» разговорами, мешала работать.

А я все последние месяцы вообще не говорила ему ничего для него неприятного и волнующего!

Вскоре он получил приглашение приехать в Москву на юбилей Горького. Позвонила ему невестка Горького и от имени Екатерины Павловны Пешковой,¹⁴ первой жены Горького, пригласила его на празднование девяностолетия со дня рождения Горького. Очевидно, он был в глубине души польщен этим приглашением, Надежда Алексеевна (невестка)¹⁵ позвонила лишь ему и Слонимскому,¹⁶ причем — сначала ему. Кроме того, ему интересно присутствовать на «историческом» собрании, в день рождения Горького соберутся его друзья в его квартире на Никитской, и, наконец, он надеется, что поездка в Москву оздоровит его, вырвет из плена мрачных мыслей, настроений, представлений.

Я с самого начала посоветовала ему не отказываться от приглашения и поехать со Слонимским.

«В пятницу, 28 марта, Михаил уехал в Москву. Уехал он в ужасном состоянии: с охами и ахами. И весь день перед отъездом был угрюм и нервничал, обещал, все же, прислать “открыточку”». «От Слонимского, который вернулся уже 31-го, узнала, что доехали, конечно, благополучно, что 29-го Екатерина Павловна посадила Михаила рядом с собой, что 30-го он со Слонимским был у Мариэтты и был даже весел. Остановился он у Лившица,¹⁷ обедает, очевидно, у Веры.

Но Слонимский говорил, что у него сложилось впечатление, что Михаил тяжело болен, он даже “чувствовал себя сиделкой у тяжело больного” во время их совместной поездки в поезде»...

Я очень ждала обещанной «открытки». Даже беспокоилась, что значит это молчание. (Действительно, первый раз в жизни он ничего не написал мне, видно, вправду, был очень болен.)

Приехал Михаил 5 апреля. Приехал еще более странный, какой-то напуганный. Эта поездка не принесла ему облегчения. И весь апрель прошел опять тревожно и плохо, хотя я абсолютно ничем не досаждала ему, не волновала его.

На него жалко и больно было смотреть, опять он был больной, беспомощный, слабый и жалкий. И в будущем у него — ничего, никаких перспектив (С. 220).

И помочь ничем не могу.

И к душе Михаила нет пути. Так хотелось бы быть ему нужной, помочь ему, как-то оздоровить его! И ничего не могу!

Ничего ему от меня не нужно. Только оставить его в покое. Он теперь совсем не говорит со мной. Не делится ничем, и я перестала даже спрашивать его о причине. Бесполезно. Приведет только к ссоре. Что с ним, не понимаю.

Или это — просто тяжелая душевная болезнь. И помочь, очевидно, нельзя.

Да, с Михаилом очень плохо. Я ничего не понимаю и не знаю, чего ему нужно. За что он так враждебен ко мне.

Почти каждый день он к чему-нибудь придирается ко мне. Чем-то недоволен. И всегда несправедлив. Чего он хочет от меня? Я не знаю. А я хотела бы лишь одного: подойти поближе к его душе, быть ему нужной, необходимой, близкой.

Но он всеми силами отталкивает меня от себя.

А я же так заботилась о нем эту зиму. Приглашала врачей, доставала лекарства, делала ему ванны, старалась кормить, доставала все, что он хочет.

И все это не нужно. А это нужно. Не знаю. Он совсем перестал разговаривать со мной.

А если я завожу разговор, если я хочу выяснить, понять, что происходит, в ответ я слышу крики, упреки, я извожу его разговорами, я не даю ему работать. Я применяю к нему какой-то «метод», я смотрю на него, как на крепостного, я «фальшивлю» с ним.

А последние дни он стал меня обвинять в том, что я что-то сказала его Зенькович,¹⁸ после чего она якобы изменила свое к нему отношение. А я никогда ничего подобного ей не говорила! (Последнее время, еще до отъезда в Москву, он стал вдруг ежедневно звонить Зенькович и сообщать ей о своем состоянии.)

Наконец попрекнул меня тем, что Галя — молодая девушка, искусствоведка, которая несколько раз в эту зиму заходила к нему, перестала бывать, потому что ей «показалось», что мне это неприятно. (Но разве я могла отвечать за то, что ей «показалось»).

Литературные его дела как будто начали понемногу налаживаться. В конце мая должна была выйти его книжка, снова одотомник, должна была выйти в Госиздате (С. 221).

Он собрал эту книжку еще с осени. Но выпуск ее почему-то задержался. Очевидно, в связи с той «ситуацией», которая сложилась в отношении него еще в конце октября и которая так взволновала и встревожила его тогда.

Как говорила мне потом Чалова, работавшая в Госиздате, и что она тогда, конечно, скрыла от Михаила, не желая его волновать, уже набранную было книгу раз или два снова «разбирали», выпуск ее все «висел на волоске». И лишь к весне было разрешено «свыше» все же издать ее.

Хотя Михаил и не знал обо всех этих обстоятельствах, задержка с книгой страшно его волновала, и это было одной из причин его болезненного состояния.

Волновала его, конечно, и задержка с назначением пенсии. Все это вместе взятое и подкосило его в тот год окончательно.

Вопрос с персональной пенсией к весне как будто все же был решен. Все эти благоприятные обстоятельства даже позволили ему вернуться к работе. Весной он написал небольшой скетч для Мироновой и Менакера («Не надо врать!»), который я ему тут же перепечатала.

Подошло время ехать мне в Сестрорецк. Ехать почему-то не хотелось. Было как-то тревожно оставлять одного Михаила. Боялась, что он совсем есть ничего не будет без меня.

Все-таки я покупала ему все время то ту, то другую еду, заказывала Раисе (бывшей домработнице) то, что он ест: пасху, паштет из печени, сухари с сыром, домашнюю булку... И меня очень беспокоило, как он будет питаться без меня. Он очень исхудал, настоящие «живые мощи».

Он хочет, чтобы я скорее уехала. Считает, что ему будет спокойнее одному. А чем я его беспокоила в этом году, не знаю. Все он выдумывает, все преувеличивает. Но, конечно, его все ухудшающее отношение ко мне очень меня огорчало и обижало, я расстраивалась, хотела выяснить, понять. А все выяснения, все разговоры только нервировали его. Наконец, поддаваясь его уговорам, я решила уехать, и 12-го мая, к вечеру, уехала.

Михаил как-то старался меня успокоить: говорил на прощанье, объясняя мне причину, почему он так торопит меня с отъездом:

«Тут ничего такого нет. Вот такой-то очень любит жену, но бывает иногда рад, когда она уезжает, и он остается один, и мне просто хочется побыть одному в квартире, совсем одному. Мне надоели Райка и Дуся (Раиса приходила 2 раза в неделю готовить ему, Дуся мыть полы). Они меня стесняют, раздражают. Мне хочется побыть одному» (С. 222).

И, целуя его на прощанье, я сказала: «Что ж... отдыхай без меня!». Мне очень не хотелось уезжать.

Мы договорились, что я буду звонить ему через неделю, чтобы не беспокоить его раньше.

Я приехала в понедельник поздно вечером. И я позвонила ему в следующий вторник.

Звоню, слышу странный, чужой голос. Говорит: «Я был болен, мне было очень плохо. Был Пригонников,¹⁹ нашел отравление никотином, и на почве этого отравления легкий спазм мелких сосудов мозга. У меня было затемнение сознания. Я не воспринимал речь, не узнавал людей, не понимал, что мне говорят». Ах, как все упало во мне от этих слов!

Почему же мне не дали знать? Почему меня не вызвали сразу? Ведь заболел он дня через два после моего отъезда. Как выяснилось, уже во вторник, у Груздевых, он был не вполне здоров.

Спрашиваю, кто же ухаживает за ним. Отвечает: «Приходит Дуся Слонимская.²⁰ И еду приносят. (Понимаю, Марина!) И Валя, и Тося приходят, и ему уже лучше». Я говорю, что приеду завтра же. «Нет, нет, не надо, мне нельзя волноваться, ты позвони через 2 дня, и тогда договоримся, когда я приеду».

В страшном волнении звоню Валерию, чтобы узнать, в чем дело и насколько серьезна болезнь... Ни Валерия, ни Антонины дома не застала...

Звоню Дусе Слонимской, хочу узнать, что же в самом деле находит Пригонников, ведь по словам Михаила, она вызывала его. Дуся отвечает как-то странно, она Пригонникова не видела, советует мне самой позвонить ему. Звоню, хотя был уже 12-ый час ночи.

Пригонников повторяет то же, что сказал Михаил. Спрашиваю: «Насколько серьезна болезнь, нужно ли мне срочно приезжать?» Говорю: «М. М. боится, что я буду его волновать». Пригонников отвечает тоже странно: «Да, конечно, его нельзя волновать!»

Целую ночь провела я без сна, в ужасном волнении. На другой день хотела было сразу ехать в город. Но чувствовала себя ужасно после бессонной ночи, к тому же помешал приход сына моей Ольги, пришел пилить дрова, о чем я с ним заранее уславливалась.

Наконец, дозвонилась Антонине. И та, очень смущенная, наболтала (С. 223) мне, что Валерий запретил вызывать меня и что ухаживает за ним «Маришка».²¹

Договорилась с ней, что ночью, после того, как она повидает Михаила, буду звонить ей. Но ночью подошел к телефону Валерий. На мой вопрос: «Почему же не вызвали меня сразу?» ответил, что мне делать тут нечего, что я ничем бы помочь не могла, только волновала бы отца, а ему нельзя волноваться.

На другой день, в пять часов дня, я была уже дома.

Я знала, я, конечно, знала, что встречу там Марину. И я приготовилась к этой встрече. Я знала, что буду очень спокойна, даже поблагодарю ее за хлопоты и внимание к моему мужу.

И, действительно, не успела я вынуть ключ, как дверь открылась, и я очутилась с ней лицом к лицу...

Она вспыхнула, смутилась, поздоровалась. А я очень спокойно сказала: «Валерий Михайлович не дал мне знать о болезни М. М., поэтому я не приехала раньше. Ради бога извините, что Вам доставили столько хлопот, очень Вам благодарна за Ваше внимание». И мы вошли в квартиру.

Михаил заволновался, увидев меня. Стал говорить: «Зачем ты приехала. Ведь мы договорились, что ты будешь завтра звонить!» А я совсем спокойно сказала: «Ну, а я приехала! Я так беспокоилась, 2 ночи не спала, и вот приехала!»

Потом я сказала еще несколько любезных слов Марине, осведомилась об ее сыне, чем, кажется, подкупила ее...

В это время у Михаила сидела и Тося. Марина накормила его обедом. Он хорошо поел, скушал почти целую каштрюлечку «ленивых», чему очень порадовался...

Потом Марина спросила: «Мне можно уйти<?>»

Я ответила: «Пожалуйста». И она ушла. Ушла и Тося.

Выглядел Михаил хорошо, был даже красивый. Но он был очень странный: часто отвечал невпопад, казалось, будто он плохо слышит. Или отвечает на свои мысли. Немного поволновался из-за моего приезда. Потом успокоился. Вечером я сама кормила его. Прожила я в Ленинграде пять дней.

Вызывала Пригонникова, он ничем не встревожил меня, не намекнул на серьезность положения, напротив, сказал, что Михаил может вставать, даже выходить на бульвар. А дней через 10 (через три недели после заболевания) сможет ехать в Сестрорецк (С. 224). Не прописал никакого нового лекарства, все то же «черненькое», как называл его Михаил. Мышьяк, который прописал раньше по просьбе Михаила, временно отменил... Настаивал на анализах, на которые Михаил, наконец, дал согласие...

Я задержалась до понедельника, когда приходили сестры измерить давление и взять кровь. А вечером я уехала. Уехала, потому что он торопил меня с отъездом. Он хотел, чтобы я уехала, и я, не желая его волновать, должна была это сделать.

Каждый вечер я звонила Антонине, справлялась о его здоровье, а в условленные с ним дни звонила ему.

И вот, наконец, он приехал в Сестрорецк. Это было 17 июня. Какой это был радостный день! И две недели прошли как сон.

Все было хорошо с самого начала. Ольга очень угодила ему пирожками: такой довольный, радостный, он говорил: «Я два пирожка съел!». Подарил Ольге 50 рублей. Очень ему все нравилось на даче, всем он был доволен.

«Как хорошо, как удобно мне в этом году, тут плитка, я могу себе разогреть, что хочу», — говорил он.

(В тот год я, впервые за много лет, не сдавала свои комнаты внизу, переселила туда Валю с семьей, и мы с ним снова, как прежде, были одни наверху. Он снова занимал один обе свои комнатки.)

В этом году сирень цвела особенно буйно, даже листьев не видно было за цветами. И яблони цвели, все, как одна. И он, приходя из сада на веранду, говорил: «Как пахнет!» А мне говорил: «Как ты хорошо выглядишь в этом году!»

И подолгу задерживал меня наверху разговорами. И все было так хорошо, и мы ни разу не поссорились, я чувствовала, что у него, наконец, появилось полное доверие ко мне.

И мне было радостно, и я говорила Ольге: «Вот для Михаила мне интересно и приятно все делать, заботиться о нем, двадцать раз бегать

вверх и вниз по лестнице мне ничуть не трудно, не утомительно. И никто мне не нужен, кроме него!» Все шло так хорошо!

Он начал поправляться, начал спускаться вниз, немного сидел на солнышке, заходил на веранду.

А наверху принимался за «мелкие дела»: отчистил свои китайские подсвечники от стеарина, разобрал свои вещи в письменном столе (С. 225).

Потом попросил у меня деревянных дощечек и сделал «колабашки» к окнам, чтобы окна не закрывались от ветра, причем прикрепил их веревочками и гвоздиками к стенке. Немножко посердился, когда я не сразу сообразила их устройство.

Говорил о том, что будет потихоньку работать над обработкой повести Полторацкого о Гоголе («Юность Гоголя»). А также над переделкой своей комедии «Пусть неудачник плачет», а я буду перепечатывать эти работы.

Я вызвала обойщика, тот привел в порядок его матрас, чем он в основном доволен, хотя и заметил, что матрас получился не такой мягкий, как он думал. И все шло так хорошо!

И вдруг Валя привез бумагу о том, что ему назначена, наконец, персональная пенсия республиканского значения в размере 1200 р. (120 р. по курсу последних лет) и что ему надлежит явиться за получением пенсионной книжки в Горсовет.

Известие о пенсии радостно взволновало его. Говорил со мной на эту тему. Говорил, как это хорошо, что дали, наконец, пенсию, что можно будет спокойно жить, не боясь за завтрашний день. Можно будет, когда восстановится здоровье, спокойно работать.

И мне показалось, что, действительно, вот, наконец, придет покой, мир, радость. Что он отдохнет от всех волнений, спокойно проведет лето в Сестрорецке, что воздух, покой и питание вернут ему, наконец, утерянное душевное равновесие.

На второй или третий день после получения извещения о пенсии Валерий привез ему бумажку из Сберкасы — предложение явиться за получением пенсии по такому-то адресу, «имея при себе паспорт, пенсионную книжку», и приписка карандашом в конце — «справку от домоуправления о заработке за март месяц».

Когда Валя подал ему это злосчастное извещение, и он, разорвав конверт и прочитав записку, ничего мне не сказал, у меня почему-то вдруг упало сердце. Какое-то темное предчувствие закралось в душу.

Я ничего не сказала, ничего не спросила, не знаю почему... Спустилась вниз. Вскоре и он пришел туда, сел, я так хорошо это помню, на мое место, протянул мне конверт и стал говорить о том, как взволновала его эта приписка, что, очевидно, его заработок (получение в мае денег за Госиздатовскую книжку) будет учитываться, и он будет лишен на какое-то время пенсии.

Напрасно я уверяла его, что это стандартная справка, что к персональным (С. 226) пенсионерам это не относится, что, кроме того, требуются сведения за март, то есть за месяц перед началом пенсии (пенсия была назначена с 16 апреля), очевидно, для проверки правильности назначенной пенсии (для обыкновенных пенсионеров), что не может быть такого абсурда, чтобы писателя принуждали жить на 1200 рублей, что тогда было бы бессмысленно присуждение пенсии — все напрасно, беспокойство и волнение не покидало его.

Напрасно успокаивали его и Валя, и Леля (моя подруга, которая летом жила у меня) сама пенсионерка, а затем приехавшие в воскресенье мои подруги — Тоня Василевская и Маруся Баранова (адвокат, знающая все законы), все было напрасно.

А в первый день получения этой злосчастной записки он проговорил со мной на эту тему до 3-х или 4-х часов ночи, все строил разные предположения, догадки, то успокаивал себя, то вновь начинал волноваться, и это несмотря на то, что обычно он ложился в постель уже в 10 часов, и вечернее молоко пил уже в постели, а не позднее половины 12-го я прощалась с ним и целовала его на ночь.

И вот в таком волнении прошло дней пять.

Сначала он думал сразу же ехать в Ленинград, но хорошая погода и мои уговоры удержали его до понедельника, намеченного им по приезде срока поездки в город. А ведь после болезни ему нужен был полный покой!

И я хотела дать ему немного успокоиться, отдохнуть, а затем думала обратиться в Курортную поликлинику,²² вызвать хорошего врача, посоветоваться серьезно о его состоянии.

Но в понедельник он все же собрался ехать в город. Как я отговаривала его от этого! Убеждала, что он может дать доверенность Вале, и тот привезет ему книжку, что потом он может написать заявление в сберкасса, и деньги ему будут пересылать в Сестрорецк — все напрасно!

А на мои уговоры в последний день он ответил: «Что ты не знаешь моего характера?> Разве я могу быть спокоен, пока не выясню все!» Кроме того, он говорил, ему нужно принять ванну, заплатить за коммунальные услуги... Я возражала, что последнее можно поручить Вале, платит же он за свою комнату, или, в крайнем случае, Дусе (дворничихе) — все напрасно!

Он решил ехать. С утра было жарко, поэтому он, к моему удовольствию, отложил поездку до «после обеда».

За обедом покушал рыбки, жареных судачков, две даже, по моему (С. 227) совету, взял с собой. Остальное отдал своему «Валичке».

И вот, часов около 7 или в 8-ом, мы отправились на вокзал. Шел он очень медленно, с трудом. Пройдя Полевую, остановился у сосны, отдыхал. В конце Дубковского переулка посидел на скамейке у колодца. Жаловался на слабость, говорил, как отвратительна, неприятна старость.

Вторую часть пути по Дубковскому шоссе прошел бодрее, сам удивился, решил, что все у него воображаемое, от «психики».

И я поверила этому, обрадовалась...

Подойдя к кассе, решил было взять такси. А я неосторожно возразила, стоит ли, ведь сейчас подойдет поезд, а в городе, у вокзала, и возьмет такси. В это время свободное такси наняли. Обиделся на меня: «Вот ты всегда споришь, а мне трудно будет выходить с вокзала, я не знаю, как там теперь выходят через метро, мне это сложно». Предложила ему подождать другого такси, которое вскоре же подъехало, отказался.

Перешел на платформу, вскоре подошел поезд. Сел, махнул мне в окошко. На прощанье сказал, чтоб позвонила в четверг, во вторник, среду выяснит с пенсией... Приехать обещал в понедельник — из-за ванны и платежей за квартиру и прочее...

А душа у меня болела, болела, так не хотелось, чтоб он уезжал, и так хотелось, чтоб приехал скорее! Предлагала ехать с ним, отказался: «Чем ты можешь помочь». И уехал...

Уже во вторник я говорила по телефону с Антониной, и она сообщила мне, что все в порядке, пенсию он получил и чувствует себя хорошо.

В четверг, как условились, звонила ему, голос у него был бодрый, здоровый, сказал, что все благополучно, что, правда, есть какой-то лимит для пенсии, но, в общем, все хорошо и что он приедет в понедельник, так как в воскресенье уезжают Слонимские, которых он хочет повидать. И я с нетерпением стала ждать этого понедельника...

На свободе занялась немного своим заброшенным садиком, за время пребывания Михаила в Сестрорецке я почти все время уделяла ему и разговорам с ним, он подолгу задерживал меня наверху, я даже на воздухе мало бывала (С. 228).

В субботу приехала Антонина и подтвердила, что Михаил приедет в понедельник, а может быть, Валя привезет его и завтра, в воскресенье...

В воскресенье днем подъехала машина, я так обрадовалась, думала — они! И так неприятно было разочарование — это оказался Валин приятель, Копельман,²³ с компанией — шумный, развязный, нахальный... К счастью, они скоро уехали. И тут в сердце толкнулась тревога, почему не едет Валя. Может быть, случилось что-нибудь с Михаилом. Заболел опять. И весь день у меня прошел в таком напряжении, в такой страшной тревоге ожидания. Валерий так и не приехал.

Наконец, не в силах совладать с беспокойством, позвонила Михаилу.

И вдруг слышу какой-то странный, «чужой», «замогильный» голос... Спрашиваю: «Мишенька, ну когда ты приедешь», отвечает недовольно: «Зачем звонишь?» Ведь мы условились, я же сказал, что приеду завтра, в понедельник».

Ничего не понимая, желая сгладить, говорю, что, в сущности, звоню, чтобы узнать, что с Валею, почему он не приехал. Отвечает: «Валя работал утром и вечером, к нему заходил». Прошу передать, чтоб он позвонил, когда вернется...

И вдруг Михаил говорит, что ему опять было плохо, очень плохо, а на мой, полный тревоги, вопрос — что случилось — отвечает: «Завтра поговорим, завтра скажу».

В страшной тревоге вешаю трубку. Через некоторое время звонит Валерий. Я спрашиваю: «Что с отцом?» Отвечает: «Ничего, ему лучше».

«Так что же было?» Не могу добиться толку.

Прошу переночевать у нас в квартире, не оставлять отца одного.

Вешаю трубку. Тревожная, беспокойная, бессонная ночь.

В пять часов утра я проснулась и так ясно услышала его голос, он звал меня: «Вера!» Я вскочила — никого!

И опять, без четверти девять: «Вера!»

Может быть, он звал меня там, в Ленинграде!

Ведь я же была нужна ему!

Утром не могу дождаться приезда.

Наконец, между 2—3 часами, слышу — машина!

Это было 7 июля.²⁴

Сбегаю вниз. Он идет по дорожке. Медленно. Как приговоренный (С. 229) к смерти. Свесив голову на грудь, худой, высокий от худобы, летнее пальто как на вешалке. Бросаюсь к нему. Веду наверх.

Он поднялся с трудом по лестнице, остановился у столика, так трудно было ему двигаться. И вдруг сказал: «Я умираю... У меня было кровохарканье»...

Я начала успокаивать его: «Что ты, Мишенька, ну, может быть, лопнул какой-нибудь сосудик или кровоточила десна, а ты, как всегда, испугался. Успокойся. Не надо волноваться».

Вошел в свою комнату и вдруг опять заволновался: «Портфель... Где же портфель. Ой, ну что же это!»

В это время поднялся Валя и передал ему портфель. Успокоился. Лег. Я дала ему молока, выпил. Сказал, что Марина первый раз растерялась... Стал рассказывать, что случилось с ним.

В пятницу ночью вдруг проснулся весь мокрый. Почему-то страшно перепугался. Постелил на пол красненькое одеяло и лег. Первую рубашку снял, а вторую не смог. Не было сил! И пролежал на полу до утра. А окно было открыто.

Потом стал говорить, что он страшно ослаб, что он ничего не ел целую неделю, кроме сырого яйца и помидора. Даже ту рыбку, что я дала, не съел.

Это был уже бред, так как не ел он только два последних дня. «Ты разве не ходил обедать?» — «Нет». Тоже неправда, так как вплоть до пятницы он обедал у Марины.

Потом он сообщил, что получил телеграмму от Веры, умер ее муж. Я сказала: «Ну, ведь он был старенький!» Согласился: «Да, старенький, ему было за 80 лет».

Попросила показать пенсионную книжку, сказал, что оставил ее в Ленинграде: «Такая толстенная!».

Потом я высказала предположение, что состояние его ухудшилось потому, что он бросил принимать «черненькое» (Пригонниковское) лекарство. Схватился за эту мысль... Попросил послать Валю в аптеку заказать лекарство.

Жаловался на слабость... Говорил: «В прошлом году я красил забор, пол. Теперь я бы не мог. Какой я слабый! Я не могу даже спускаться в уборную» (С. 230) Я предложила поставить горшочек ему в комнату... Отказался. Тогда я сказала, что поставлю его на чердачок... Успокоился.

В этот день в общем говорил здраво... Рассказывал, как получал пенсию, сначала предложили было ему написать какое-то обязательство, сообщать в случае большого заработка, потом сказали, что это не нужно.

Радовался пенсии, говорил, как это хорошо, что можно будет спокойно жить, что так неприятно бывало занимать деньги. Я соглашалась с ним, говорила, что этой пенсии нам вполне хватит на двоих... Он сказал: «А Валичке?» На это я, улыбнувшись заметила: «Ну, для своего “Валички” ты раз в месяц что-нибудь напишешь». Согласился. Потом сказал: «Теперь я за тебя спокоен. Умру, ты будешь получать половину моей пенсии». Я, конечно, возмутилась, зачем говорить о смерти. Не нужно мне его пенсии!

В общем, день прошел благополучно. Он успокоился. Я просила его не курить. Уверял, что курит совсем мало. Действительно, на папиросных коробках он даже записывал, сколько папирос выкурил за день. По сравнению с зимой это было в самом деле немного.

На другой день утром я спустилась вниз за молоком...

Вернулась и пришла в ужас, он сидит на чердаке на горшке и охает... И зовет меня... И чуть не плачет...

Что случилось...

Бормочет что-то...

С трудом поняла, он не успел добежать до горшка, запачкал белье, рубашку, кальсоны... «Я такой слабый, пока я стал одевать носки, ботинки, я не успел»...

Конечно, я принялась успокаивать его, говорила, что ничего страшного нет, никакой беды не случилось, сейчас я его переодену, а потом поставлю горшок под кровать, и все будет хорошо.

Подняла его, довела до постели, переодела, уложила, успокоила. Стал жаловаться на частое действие желудка: «Хожу по капельке, как кошка. Очевидно, я создал себе невроз желудка... Ах, какой я психопат».

Я всячески успокаивала его... Предложила полежать на раскладушке на балконе, был очень теплый день. С каким-то испугом отказался: «ни в коем случае, об этом не может быть и речи. Я даже встать (С. 231) не могу!»

А мне казалось, может быть, ему лучше двигаться, что лежать вредно... Я не знала, как быть...

Миша (внук) привез лекарство, решил его принимать 3 раза в день, как прописывал Пригонников. Обедал плохо. Тогда я предложила сварить ему шоколад. Обрадовался и с удовольствием выпил целую чашку, сказал: «Шоколад меня подкрепил!»

Со мной был очень хорош, чувствовалось, он доверяет мне, доволен моей заботой...

И Валя сказал: «Отец даже похвастался, а мать обо мне хорошо заботится! с такой гордостью сказал!»

Как я рада была услышать это! Наконец-то понял, наконец-то «дошло до него», наконец-то оценил!

И я мечтала, вот, вылечу его, и начнется у нас, наконец, та жизнь, о которой я всегда мечтала: спокойная, полная доверия, ласки, нежности, любви... На третий день ему стало хуже. Стал жаловаться на сильные боли в груди, в животе: «Давит!» Начал говорить односложно, путать слова.

Я испугалась, не спазм ли у него сосудов снова. Поняла, необходимо вызвать врача. Зашла посоветоваться к дочери покойной Вержбицкой, которая жила на даче напротив. Она предложила сходить за Гиляновым, старым другом Вержбицкой, которого она всегда звала, когда чувствовала себя плохо, и который жил на даче в Сестрорецке.

Около шести часов Гилянов явился. Но как сказать о нем Михаилу? Ведь он не допускает к себе врачей! Пошла на хитрость, сказала, что Максимович²⁵ (большой друг Михаила, хирург) встретил Гилянова на вокзале и, зная, что тот живет в Сестрорецке, будто бы попросил навестить Михаила и сообщить ему о состоянии его здоровья.

Не знаю, поверил ли этому Михаил, или ему было уже все равно, или, наоборот, он понял, что дело плохо, что без врачей не обойтись, что необходимо прибегнуть к их помощи, что от них надо ждать спасения.

Во всяком случае, Гилянова он принял. При упоминании о Максимовиче, оживился: «А, Анатолий Семенович... Да... Да...» Потом прибавил: «Он говорит не порошки, а пирожки... А я мало ем» (С. 232).

Когда Гилянов приступил к осмотру, он слегка запротестовал, но затем подчинился и покорно дал себя детально выслушать и выстучать. А потом спросил: «Как, доктор, протяну я еще месяц-два?» Я, конечно, возмутилась: «Что ты говоришь, Мишенька. Месяц-два. По крайней мере 10—15 лет должен прожить!». А доктор промямлил что-то неопределенное, успокаивающее.

И вот начался ужас... Мне, в саду, он сказал: «Это тяжелый сердечный больной. Здесь не только аритмия, здесь — декомпенсация и сте-

нокардия. Здесь нарушение кровообращения первого и второго круга. Потом — дистрофия. Нарушенное питание. Необходимы камфора или кардиомин для укрепления сердечной мышцы. И глюкоза для питания... И Кремлевские капли... Кроме того, огромная печень, доходит до пупка. Правда, не бугристая. Но все же..., принимая во внимание..., вот у Вержбицкой — лечили от аорты, оказался рак, возможно и тут».

С ужасом спрашиваю: «И что же делать тогда?» Пожимает плечами: «Тогда уж нечего делать! Но, повторяю, это лишь предположение. Скорее всего, просто застойная печень. Нужно устроить консилиум. Вызвать онколога, невропатолога. Хорошо бы госпитализировать. А сейчас, во всяком случае, лежать! Даже сидеть нельзя. Даже вставать на горшок нельзя. Нужно судно... Вызвать участкового, чтоб прислал сестру делать уколы и вливания».

Доктор ушел, отказавшись от гонорара. Михаила, я, конечно, успокаивала, сказала, что у него неважно с сердцем, что нужно, как сказал доктор, укрепить и попитать сердечную мышцу, нужно полежать, принимать лекарства, будут делать уколы и вливания. И через неделю, как сказал доктор, все будет хорошо...

В действительности тот сказал: «А через неделю посмотрим». Но я и сама была уверена, что лечение даст результаты, что через неделю он встанет!

А он вечером вдруг сказал, прощаясь на ночь: «Завтра надо завещание... деньги Валичке!» Как он любил сына, как он его любил! Его одного в целом мире! (С. 233).

Вечером, в тот же день 9 июля, я написала Елизавете Матвеевне, медсестре, просила ее приехать, она могла бы делать уколы и вливания. Я так надеялась на нее, я знала ее опытность и очень доверяла ей. Я думала, приедет Елизавета, наладим лечение под ее опытным присмотром, и все будет хорошо. Невестке я поручила позвонить в Литфонд и попросить прислать Пригонникова. На другой день она его привезла.

Я сказала Михаилу, что в Литфонде узнали о его болезни, и вот — прислали Пригонникова. Он не выразил удивления и покорно дал себя осмотреть. Вообще, с этих пор он как-то всецело подчинился болезни...

Пригонников согласился всецело с диагнозом Гилянова по «своей линии», в области мозговых сосудов ничего не нашел, уговаривал Михаила лечь в стационар, тот отказался наотрез.

Для нейтрализации вредного действия никотина Пригонников рекомендовал каждый час минуточку дышать кислородом. И вот я стала аккуратнейшим образом выполнять все предписания врачей: давала лекарства, ставила грелки, кормила...

Он жаловался на боли в области живота. Начались какие-то приступы, он охал, жаловался на боли, учащенное дыхание. В тот день 2 раза вызывала скорую: в 3 часа дня и в половине шестого утра. Ночью я почти не спала, на каждый шорох бежала к нему, внизу были

слышны мои поспешные шаги — «топ-топ-топ», как говорила спавшая на веранде моя подруга Тоня.

Стал называть меня «Верочкой», как я обрадовалась, как удивилась этому, непривычному для меня, ласковому обращению! (Обычно он звал меня «Верой».) И я думала, вот поправится он и сбудется, наконец, моя мечта, он будет доверять мне, начнется у нас, наконец, хорошая, спокойная, счастливая жизнь.

Но какой беспомощный, какой слабенький он был! Как доверчиво тянулся ко мне, принимая лекарство, верил, что я спасу его!

Давала я ему 2 раза в день кремлевку, вечером — «черненькое». Если я уходила на минутку вниз, звал меня: «Верочка, Верочка»... Ему хотелось, чтобы я все время была с ним.

Звонил мне из Литфонда заведующий лечебной частью, Николай Михайлович,²⁶ который всю зиму проявлял большую заботу о Михаиле. Обещал прислать для консультации онколога, предлагал поместить в Свердловку...²⁷ Звонил, по моей просьбе, Елизавете; к сожалению, та приехать не могла, работала. Из Максимилиановки²⁸ достать сестру тоже (С. 234) не удалось.

Звонила я, по совету Елизаветы, главврачу Сестрорецкой больницы, Слупскому... Тот посоветовал вызвать доктора Бессера, рекомендовал его как прекрасного сердечника.

В отношении рака я успокоилась, решила, что этого не может быть, что это, как предполагали и Гилянов, и Пригонников, просто «застойная», «серозная» печень и как только камфара и глюкоза наладят сердечную деятельность, все войдет в норму.

11-го, в пятницу, утром, только я собиралась звонить в больницу Бессеру, явился он сам, оказывается, накануне звонили из Литфонда и просили его направить к нам, так как все литфондовские терапевты находились в отпуске.

Бессер — пожилой, серьезный, внимательный, восточного типа человек. Внимательно выслушал от меня историю болезни, потом также внимательно осмотрел Михаила.

Назначил лечение — диету молочно-растительную: молоко, ягоды, овощи, фрукты, отварную рыбу, мясо — все это я ему давала уже, лекарства те же, глюкоза, кардиомин, кремлевские, и прибавил, в случае болей, промидол и, в случае бессонницы, нембутол.

Велел сделать исследования, вызвать участкового, чтобы та дала рецепты и назначила сестру для инъекций. Казалось, что ничего угрожающего он не нашел. Насчет рака печени высказался отрицательно. И мне подумалось, значит, опасности для Михаила нет.

Доктор произвел на меня хорошее впечатление, я как-то сразу почувствовала к нему доверие и успокоилась, решив, что здоровье Михаила в надежных руках.

От денег доктор решительно отказался. Сказал, что он вообще не берет денег с больных, а тем более — взять деньги с Зоценко! «Я бы

себе руки запачкал этим, я бы не смог себя уважать!». Этими словами он окончательно расположил меня в свою пользу.

А потом мне рассказали, что кто-то из дачников у молочницы очень хвалил этого доктора, говорил, что он врач превосходный, и человек прекрасный, что он, действительно не берет денег с больных — настоящий бессеребренник, хотя, как видно, нуждается.

И вот, я окончательно уверилась в докторе и совершенно успокоилась за исход болезни Михаила, так я была уверена, что этот доктор обязательно его вылечит!

В тот же день я вызвала участкового. Пришла молоденькая, хорошенькая докторша, опять осмотрела Михаила, я даже обеспокоилась (С. 235), не слишком ли мы его тревожили, выписала назначенные Бессером лекарства, обещала прислать сестру и очень меня успокоила, сказав, что ничего страшного нет.

Но около четырех часов он опять стал жаловаться на боль, в 5 сделала укол, но в половине шестого он стал опять жаловаться: «давит». Очевидно, давила огромная печень.

На другой день опять жаловался на боль, дала промидол, который подействовал через час, после чего он успокоился и заснул. Вообще этот день он больше спал... Кушал, пил молоко, шоколад, немного бульону, морс...

Беспокоился из-за люминала, который я не хотела давать, так как боялась, что он вреден для сердца, а он требовал его, жалостно просил. Курил.

В 12 часов заснул...

В 2 часа ночи пил молоко, морс... Потом спокойно спал.

В половине шестого кашлял, курил. Кушал простоквашу, пил морс...

В 6 часов, после стула, легкие боли. Дала промидол, боли сразу прошли. Успокоился. Заснул.

Я говорила: «Видишь, как хорошо, какой хороший доктор, после лекарства боли проходят, ты не волнуйся, не бойся, боли больше не будут мучить тебя».

И я так верила в это!

И он верил!

В этот день даже не вызывали скорую, и я думала, ему стало лучше! Доктор Бессер снова был днем.

И вот — воскресенье, 13-ое. Проснулся в половине 11-го, пил молоко, морс. Пил с охотой, с жадностью, даже залпом выпивал стакан молока. Боялся болей, их не было. И я радовалась и успокаивала его.

Желудок действовал нормально. После кремлевки долго спал. В 2 часа проснулся. Пил молоко, кушал ягоды, курил, просил дать мунштук, прочищалку, ватку антеникотинovou.

В 3 часа вызвала скорую, так как поликлиника не работала в воскресенье. Делала укол, вливание. Был доктор Бессер с какой-то женщиной-врачом.

В 5.30 пил молоко, ел ягоды. Курил.

После действия желудка (стул нормальный) отказался вымыть руки. Полежал. Папиросы не докурил. Выпил стакан молока. Опять попросил папиросу (С. 236).

Говорил: «Странно, странно... Что случилось. Да, я мало ем». Показала фрукты, сказал: «Все съем, положи по одной». И, действительно, съел груши, абрикосы...

Нет, он хотел жить! Неправы те, кто думает, что он хотел смерти! Он думал, беда оттого, что мало ел... И он старался есть больше...

Почему-то стал часто путать слова. Вместо одних употреблял другие, схожие по первой букве... Вместо люминала все просил «линолеум».

Я догадывалась, не поправляла его. Делала вид, что все в порядке. Отвечал не на вопросы. И это напоминало картину первой его болезни. Очевидно, все же имел место опять легкий спазм мозговых сосудов.

Дыхание было беспокойное. Немного охал. После курения — кашель. Когда я просила не курить, уверял, что он немного курит.

В 8.30 дала кремлевку. Уснул. В 9.15 пришла сестра, сделала укол кардиомином. Опять уснул.

В 10 часов схитрил, я старалась не давать ему люминал, а ему казалось, что люминал ему необходим, что без него он не будет спать и будут боли. Поэтому попросил меня уйти, сказал, что хочет в уборную. Я подала ему горшок и вышла. А он стал искать люминал и принял немного.

Потом пил шоколад.

И вдруг стал беспокоиться, охать.

Наконец, после действия желудка, уснул.

Отказался от молока и лекарства.

В половине первого ночи начался бред, ему показалось, что утро, что надо вставать, что он в городе. Говорил: «Сейчас встану. Где газета<?>» Потом выпил молоко, попросил папиросу. Курил в дремоте. Охал. Сел. Опять бред: «Я уже два раза собирался уходить, не мог. А сейчас хочется лечь». Наконец, успокоился, уснул. И проспал спокойно до половины седьмого.

14 июля. Потом проснулся, выпил молока... Я услышала, подбежала к нему. Попросил горшок. Стал охать. Просил папиросу. Курил.

Я открыла окно в соседней комнате. Показалось холодно. Я укрыла его потеплее... Просил вязаный мой платок: «Дай вязанку!»

Все же жаловался на холод, я закрыла окно (С. 237).

Потом, мне показалось, бред: «Полотенце... Я не брал».

Потом: «Иди спать».

В ту ночь я спала в его комнате на раскладушке.

Оказалось, опять беспокойство из-за люминала: «Я мало беру, а у меня много... Неужели опять взяла<?>»

А я, действительно, убрала у него из коробочки почти весь люминал. А он заметил. И помнил, что люминала привез из города много, в день отъезда ему, по его просьбе, достала Марина.

Значит, сознание и память у него не терялись, он все понимал, догадывался, что я убрала люминал, беспокоился из-за этого.

В 7.15 дала ему кремлевку, но беспокойство не проходило. Дыхание беспокойное. Оказалось, потерял люминал, который спрятал под подушку.

Стали вместе искать в постели, не нашли. Но он так волновался, что пришлось дать другую коробочку. Тогда успокоился. В 9.15 — стул. И опять беспокойство, волнение. Уснул. Но во сне плохое дыхание.

В 11 часов пил молоко. Принял люминал, правда, крошечку. Просил папиросу, курил. Съел немного ягод. Потом просил: «Оставь, дай полежу». Уснул. В час беспокойство, моча. Чтобы лишний раз не вставать с постели, я стала подавать ему «утку». Сначала отказывался, потом привык, приноровился. Просил: «Дай гуся!!» (Утку).

Выпил молока $\frac{1}{2}$ стакана. Поел ягод, 3 штуки.

И опять беспокойство.

В 2 часа пришла сестра, сделала укол (кардиомин), вливание глюкозы. Уснул, но меньше чем через час проснулся.

Вижу, лежит на животе, охает.

Эту позу он часто принимал и раньше, почти всегда перед сном, он пристраивался на постели как-то «на четвереньках», чему я всегда удивлялась. И голову опускал вниз, и я боялась, что у него будет прилив крови к мозгу. Но он уверял, что ему так лучше, легче.

И во время болезни часто просил — «на колюшки», очевидно, подразумеваемая под этим «на коленки».

Успокоился, уснул...

В половине пятого опять стал искать люминал. Беспокоился, отказывался есть, требовал лекарство — люминал.

Пришлось дать, врач сказал, что немножко можно. Проглотил несколько крупинок. Стал раздражаться, когда я хотела убрать бутылочку из-под антиникотиновой ваты, думал, что беру люминал (С. 238).

Речь невнятная, бормотанье.

Потом беспокойство из-за люминала.

Успокоила, показала, где лежит коробочка.

Наконец, успокоился, закурил, задремал.

В 5 часов приехал из Ленинграда Пригонников, и пришел Бессер, снова обследовали его.

Во время обследования: дремота, полная пассивность. После обследования — сон.

Врачи, ну что же сказали врачи.

Рака, очевидно, нет, но тяжелый сердечный больной, хорошо бы в больницу, хоть на три дня, чтобы сделать все анализы...

Предложили ему, опять отказался, сказал: «В понедельник».

Выпил молоко. От еды отказался, просил дать поспать.
Спрашивала я Бессера, стоит ли настаивать на больнице.
Отвечал как-то неуверенно.

Говорил, что у них больница переполнена, отдельной палаты предоставить нельзя, а в общей ему будет беспокойно, будет хуже, чем дома. Советовал пригласить сестру, чтобы имелась возможность делать уколы и вливания аккуратно и по мере надобности, без промедления.

Я позвонила заместительнице Слупского, просила прислать кого-нибудь. Та обещала.

И действительно, вскоре явился молодой человек с девушкой. Сказал, что он бывший фельдшер, теперь — студент медицинского института, а девушка, его жена, медсестра. Предложил свои услуги.

Я с радостью согласилась, хотя он запросил 50 рублей за 12-часовое дежурство. Я была так рада, теперь я смогу обеспечить Михаилу постоянное медицинское наблюдение, постоянную помощь, я устрою больницу на дому, все будет хорошо, он поправится!

Сговорились, они приступят к дежурствам на следующий день, им нужно было съездить в город за необходимыми вещами.

Радик (так звали молодого человека) предложил заказать в городе недостающие лекарства, купить необходимый медицинский инвентарь, шприцы, а также зайти в Литфонд и похлопотать, чтобы прислали на дом рентген, а также профессоров, специалистов-сердечников. Кроме того, Литфонд обещал выдать деньги на лечение, и мне необходимо было переслать им заявление.

Все это Радик взялся исполнить с величайшей гордостью и усердием. Я вздохнула спокойно, мне показалось, что судьба посылает мне спасение в их лице, что при их помощи Михаил быстро оправится, встанет на ноги, ведь больница сама пришла к нему — врач, фельдшер, сестра, все нужные лекарства, все будет обеспечено (С. 239).

Как я радовалась! Как была уверена в том, что спасу его! И как надеялась, что тогда придет, наконец, наше счастье!

В 9 часов я разбудила его, уговаривала поесть, отказывался. Говорил сначала: «Я много ем!» Потом: «Я мало ем, не хочу!».

Тогда я предложила: «Может быть, вызвать Марину?> Может быть, ты будешь есть».

Ответил так решительно, твердо, уверенно: «Нет, не надо! Она плохо заботилась!» И я поняла, Марина не нужна ему больше! Он понял, наконец, что ему нужна только я, его «Верочка»!

Наконец, наконец, дошло до его сознания то, что я так безуспешно старалась ему внушить все эти годы: «Я ему близкая, я ему друг, никого не надо нам больше, я сделаю для него все, что надо, я сумею позаботиться о нем!»

После его слов, после отказа от Марины, он, наконец, выпил стакан молока и поел немного ягод, потом кушал компот. Закурил.

Но курил в дремоте... Папироса выпадала из-за рта... И я боялась, не строил бы он пожар, не поджег бы свою постель. И все время, пока он курил, я сидела рядом.

Потом он попросил горшок... Потом опять курил. Наконец задремал. Я сошла вниз.

Потом вернулась к Михаилу, он попросил папиросу, сказал, что хорошо себя чувствует, живот не болел.

И вдруг сразу же стал жаловаться на боли. Просил кремлевку, грелку. Дала (по расписанию) Пригонниковское лекарство, грелку. Сразу успокоился. Дала 2 куса сахару, съел, сгрыз с охотой.

Уснул в первом ночи. Про люминал забыл, не требовал больше, может быть, подействовали слова врачей, что люминал не нужен, вреден...

15 июля. Спокойно спал до 4.15 утра следующего дня. Это был вторник, 15-ое. В 4.15 услышала шорох, вошла к нему... Оказалось, он без моей помощи слез с постели на горшок... Когда я вошла, он пил молоко, но вместо молока подлил в стакан простоквашу, заметил и сказал: «Молоко кислое».

Потом повернулся на левый бок, дыхание учащенное.

Заснул, дыхание спокойное.

Вообще же вечером или ночью, когда он беспокоился, не мог заснуть, я «усыпляла» его, делала руками «пассы» над головой и «убаюкивала». Приговаривая: «Ш... Ш... спи спокойно, спокойно, спокойно». Так убаюкивала меня в детстве мама вовремя болезни (С. 240).

И он так доверчиво закрывал глаза, успокаивался в первое время, действительно, засыпал.

Да, я всегда должна была смотреть на него, как на ребенка, как на свое дитя. Он всегда был такой беспомощный и слабый, в начале нашего знакомства я так и называла его: «Детка!»

К нему был нужен особый подход, он сам говорил об этом!

А я требовала от него того, чего он дать не мог... Требовала с него, как со здорового. И в этом моя ошибка!

В тот день, очевидно из-за простокваши, было легкое расстройство желудка, которое меня немного беспокоило, но потом все обошлось.

И мне показалось, опасности нет, все идет хорошо.

В этот же день, как раз когда явилась участковая сестра делать укол, появился и Радик с женой. Привез он нужные лекарства, шприцы, судно, даже резиновый круг, на всякий случай. Со знанием дела сделал вливание.

И казалось мне, все пойдет хорошо.

Михаил задремал.

Михаилу я объяснила, что теперь ему будет делать уколы Радик, который очень его любит и уважает как писателя, что теперь он под постоянным медицинским надзором, что все пойдет хорошо. Радик ре-

шил бороться с курением, стали прятать папиросы, говорили, что их сушит Валя.

С каким нетерпением стал он ждать Валиного приезда! Как трогательно просил дать ему покурить!

Потом Радик передел ему рубашку, но одел ее задом наперед, поэтому на спине вечно расстегивались пуговицы, и я боялась, не простудить бы его...

Ночью на дежурство устроилась Лиля, жена Радика, я поставила ей раскладушку в комнате рядом с Михаилом, а сама думала в эту ночь, наконец, отдохнуть, выспаться.

Но вскоре я поняла, что от этой глупой, беспомощной девочки толку мало, и я по-прежнему на каждый шорох и звук бежала к нему...

В среду, 16-го, все как будто, шло хорошо... Он, как будто, проникся доверием к молодежи, называл их «комсомол» и даже слушался их. Лиля говорила, что ей удалось накормить его, что он хорошо кушал. (Я в это время куда-то выходила.)

Так ли это было. Может быть, Лилька сама съела половину его фруктов и ягод. (К сожалению, как потом выяснилось, я напрасно доверилась им. Радик, в конце концов, проявил себя как настоящий «рвач» (С. 241) и «нахал».)

В этот день приезжала из Ленинграда присланная Литфондом доктор Покатинская, ассистент специалиста-сердечника, профессора Хвилицкой...

Внесла кое-какие изменения в лечение, посоветовала заменить одно лекарство другим, в частности, прописала свечи.

В истории болезни пометила: «Состояние средней тяжести». Сказала: «Ну, из такого положения можно выкарабкаться».

Это несколько смутило меня, значит, можно и не «выкарабкаться». И я даже рассердилась на нее в душе, разве можно говорить такие вещи родным, когда нет серьезной опасности. На госпитализации она не настаивала и рака не обнаружила.

В ту же среду, утром, Радик был в Литфонде и, как сам говорил, поднял там целую «бучу»: требовал, чтобы было сделано все возможное для лечения на дому.

Обещали прислать рентген, обеспечить деньгами. (Об этом, кажется, больше всего хлопотал этот подлый Радик!) Кроме того, пообещали, что в пятницу приедут сами — Николай Михайлович, зав. лечебной частью Литфонда, и привезет Прокофьева.

Когда об этом сказала Михаилу, он как-то оживился, обрадовался и, как кажется, в пятницу даже ждал этого приезда.

В четверг, 17-го, день прошел спокойно, было жарко, и Радик распорядился открыть окно у него в комнате, говоря, что необходим свежий воздух... Он жадно, но с какой грустью смотрел в окно... Я так хорошо запомнила его печальные глаза в этот миг!

Я боялась, не простудим ли мы его, но Радик уверял, что необходим свежий воздух.

В этот же день он вдруг сказал: «Как странно, как странно... Как я нелепо жил».

А я заметила: «Ну, ничего, вот теперь будешь жить “лепо”, хорошо, все будет хорошо».

А еще как-то в эти дни он вдруг заволновался и сказал мне и Вале: «Валичка, отвези меня в Ленинград, и ты, Верочка, поедешь со мной..., надо деньги». Очевидно, он хотел взять деньги с книжки. И хотел, чтоб на этот раз я сопровождала его, очевидно, и вправду не нужна ему стала Марина.

В четверг начали давать ему новые лекарства. Свечи он ставить не дал, сказал, что вставит сам, и, кажется это сделал, я нашла у него в постели пустую бумажку.

Но четверг был последний, относительно спокойный день (С. 242).

В этот день опять зашел разговор о больнице, Бессер (который приходил каждый день) находил, что больница необязательна, что ничего существенного, кроме рентгена, она не даст, но высказал одно опасение — как бы в домашних условиях не проглядеть пневмонии...

А я даже и тут подумала: «Ну, против пневмонии теперь есть пенициллин! Это не страшно!»

А ночью вдруг началось страшное... Я услышала его кашель и сразу испугалась, кашель был какой-то удушающий, нехороший. А перед этим несколько дней он совсем не кашлял. Я сразу вскочила, бросилась к нему, стала уговаривать сплевывать мокроту, давала ему полотенце, но он никак не хотел или не мог этого делать, и все время глотал ее.

И вот с пятницы, 18-го, началась беда.

После того, как никто не приехал из Союза (а он, очевидно, ждал), он стал беспокоиться, не мог лежать, просил, чтоб его посадили, сиделся, потом опять ложился.

Радик старался устроить его удобно, сажал в подушки, сделал упор для ног, надо было предотвратить отек легких, но он недолго находился в нужном положении, сползал вниз, ложился вбок, почти сползал с постели или ложился на четвереньки, на «колюшки»...

В тот день я послала первую телеграмму Мариэтте Шагинян, я думала, она сразу приедет, поднимет всех на ноги, спасет!

Действительно, сразу по получении телеграммы ее дочь позвонила мне, подробно расспросила о болезни, сказала, что Мариэтта завтра же выедет в Ленинград. Но, когда я сказала ему: «Мишенька, звонила Мариэтта, она завтра приедет», — он ответил: «Бог с ней!» (Он почему-то давно разочаровался в Мариэтте и в ее добром к нему отношении.)

19-го, в субботу, ночь была беспокойная, спал плохо, приходилось делать уколы, давать лекарства...

Раз чуть не довел до обморока самого Радика, не дал доделать укол, едва не сломал шприц в вене. Это было ужасно...

В последние дни ему, наверное, было очень больно, он все засовывал пальцы в рот. Я не понимала, в чем дело, а потом заметила на тоненьком пальчике прокус, видно, очень больно было ему... И что же болело, что мучило его. Я так и не знаю.

Я испугалась тогда, когда увидела эту крошечную ранку на безымянном пальце левой руки, сказала: «Мишенька, что ты делаешь? Ты же можешь внести инфекцию! Не надо кусать пальцы!»

Утром, в субботу 19-го, с 7—9, проделали все процедуры (С. 243).

Согласился, наконец, на уговоры Радека, обещал бросить курить и, действительно, перестал просить папиросы.

Радик, очевидно, по правилам «ухода за больными», решил сделать «туалет больного»: переодели его, обтерли одеколоном, мыться он не захотел, затем Радик стал подстригать ему ногти, а мне поручил вычищать грязь, ногти сильно загрязнились во время болезни, были такие глубокие черные полосы под ними.

И я держала в своих теплых руках его маленькие, холодные ручки. С 9—11 часов спал.

Потом дремал, стонал, звал врача, пил молоко...

Начались боли в груди...

Кашель удушливый, мокроту не сплевывал, и уговорить сплевывать было невозможно.

Приходил Бессер, вводил пенициллин.

Страшное беспокойство. Спал. Просыпался, садился, ложился. Звал врача. Успокаивался в присутствии Радика, которого принимал за доктора.

Опять беспокойство. Садился. Ложился. Беспокоили позывы на мочу. Стула не было, желудок перестал работать.

В шесть часов стал требовать врача: «Позовите Вашего профессора!» — говорил Радик. Послала Валю за ним, с трудом отыскал, привел.

До прихода Бессера Радек давал лекарства: тетрацилин, зуфелин, кордигит, витамин В в одном порошке.

Как он беспокоился, как мучился, должно быть.

Как он тянул ко мне свои руки!

«Пусть я встану! Пусть я лягу!»

«Встать!» «Лечь!»

«Подними меня, Верочка!»

«Поддержи меня, Верочка!»

«Вытащи меня, Верочка!»

«Спаси меня, Верочка!»

И я поднимала его, успокаивала, поддерживала его своим телом, и он так доверчиво прижимался ко мне! Ноги я ставила на скамеечку, клала грелку на них, а руки согревала своим дыханием.

И он клал голову мне на плечо, и мы сидели, тесно прижавшись друг к другу так, как я всегда мечтала, и это было последний раз!

Потом он стал просить: «Увези меня, Верочка, в Ленинград, в больницу».

Он так хотел жить! Он не хотел умирать!

И в тот же день он первый раз сказал: «Я умираю, Верочка!» (С. 244).

Как ужаснулась я!

«Что ты, что ты говоришь. Это невозможно. Тогда и я умру!»

В тот день я нашла письмо Елизаветы, которое куда-то засунула в суматохе. Она советовала вызвать Максимовича, сообщала его телефон в Зеленогорске.

Позвонила туда, просила передать о болезни Михаила, просьбу приехать.

Опять была страшная ночь.

На утро, в воскресенье, 20-го, явился Максимович из Литфонда с каким-то знаменитым профессором.

Максимович вынес страшный приговор: «Немедленно в больницу! Иначе мы потеряем нашего друга!»

После Максимовича обследовал приехавший профессор и врач, потом консилиум на веранде, внизу.

Решение одно — немедленно в больницу, иначе — смерть!

А когда стали звонить в Свердловку, оказалось, нужно разрешение из Горкома. А было воскресенье и никого на местах не было!

Куда только не звонили: и Николай Михайлович, и Максимович, и Радек, все напрасно.

Я снова отправила телеграммы в Москву, на этот раз, кроме Шагиных, Павловой и Федину. Федин немедленно откликнулся, но он в этот день уезжал за границу.

Вот его телеграмма:

«Уважаемая Вера Владимировна глубококому сожалению приехать не могу, сегодня уезжаю за границу Телеграфирую первому секретарю тов. Спиридонову²⁹ просьбу оказать наилучшую лечебную помощь Мише Одновременно обращаюсь Союз писателей Горячий привет Пожелания выздоровления Мише Федин».

В тот же день пришла телеграмма от Николая Михайловича: «Телефон испорчен Госпитализация Свердловку возможна завтра Столяров». (Дело в том, что к вечеру вдруг разразилась страшная гроза, ураган, ливень, и телефонная связь была прервана.)

В воскресенье у него была очень низкая температура, 34,5... И я долго грела его холодные ручки, и согрела, они стали теплыми. И температура тела поднялась.

Погода тогда стояла холодная, и, чтобы согреть комнату, чтобы ему было тепло, я поставила на стол обогреватель... А он заметил и говорил: «Убери иск!» И я прятала его под стол (С. 245).

А потом Валя топил печку... А он сначала не хотел этого... И Валя уговаривал его: «Папа, ты же любишь печку, сейчас тебе будет тепло».

В этот вечер, измученная всем пережитым, я, первый раз за все время болезни Михаила, сдала... Пришла в отчаяние. Я легла в комнате Лели, плакала в холодном, безнадежном ужасе.

Около месяца, кроме врачей (Бессер снова пришел), был Валерий с женой. Она вместе с Лилей давала ему кислород... Теперь он уже принимал его!

Наконец, я не выдержала, встала, поднялась наверх.

Кошмарная ночь!

Радик делал уколы... Тося, Ляля, Валерий давали кислород.

Вадик, муж Леры, племянницы, ездил в аптеку за кислородными подушками.

И вот его слова в промежутках между кислородом и уколами:

«Я очень устал»...

«Что случилось<?> Почему не проходит<?> Я же бросил курить!»

«Упустили... упустили...»

«Я хочу работать... Дайте мне работать!»

Потом — «Я не могу работать...»

И я успокаивала его: «Отдохнешь, поправишься, будешь работать, не волнуйся, успокойся».

В 3.50 м. ночи записала дословно, когда ему делали уколы:

«Положите меня спать скорее...

Скорей, скорей...

Не троньте меня!

Пусть я уйду... Скорей бы я ушел...

Скорей поддержи.

Туши свет.

Я устал... Устал... Не надо меня больше трогать.

Не троньте меня больше!»

Вдруг, отчетливо и ясно:

«Оставьте меня в покое.

Закройте двери...

Уйдите от меня...

Ай... Уйдите...

Уйдите... Не надо... больно... Хватит... Хватит... Не надо больше».

Да, это была страшная ночь!

И все-таки вытянули до утра!

И опять появилась надежда!

Утром я вышла в сад... Было чудесное голубое утро, я подошла (С. 246) к земляничным грядкам, о, радость! Пospела наша земляника! Он так ждал ее! Я собрала целую баночку, принесла ему, сказала: «Мишенька, это наша земляника, видишь, какая крупная! Лучше Дуниной! Кушай!»

И он посмотрел так сознательно, как будто даже улыбнулся, довольный. Я стала класть ему ягоды в рот. И он жадно и с удовольствием кушал.

А потом начался ужас...

Приехали из Свердловки. Я думала, сейчас его увезут.

И я уже решилась на это.

И Валя, пока врач (женщина) осматривала его, сказал, что надо непременно везти его в Ленинград именно сегодня, что несколько дней назад он сказал ему: «Валичка, во вторник отвезешь меня в Ленинград!» А когда Валя спросил: «Зачем, папа, тебе же здесь хорошо!» Ответил решительно: «Мне надо! К «нашим!»» И Валя сказал: «Я суеверен, надо обмануть судьбу, надо увести его сегодня, живого». И я отвечала: «Конечно, если надо, если можно, нужно везти! Может быть, там спасение».

Но тут же ждало разочарование, врач после осмотра наотрез отказалась везти: «Больной не транспортабельный... Везти сегодня нельзя. Может быть, завтра». То же подтвердил и Бессер. Валя настаивал... И фельдшер, приехавший со скорой, ругался: «Довезем... Устрою кислородную палатку. Лекарства есть!» И все же, врач не согласилась везти! Я молчала.

Но я даже договорилась с приехавшим со скорой фельдшером, что на другое утро он приедет, чтобы сменить Радика, дежурить в очередь с ним, так как тот буквально валился с ног, а от Лильки пользы не было, она оказалась даже не сестрой, а лаборанткой, совсем неопытной, к тому же глупой. Она только суетилась и путалась под ногами, мне приходилось неоднократно просить ее уйти.

Я не допускала мысли, что конец близок. И когда фельдшер просил, чтобы завтра утром ему позвонили, чтобы ему не пришлось (С. 247) приехать напрасно, я настаивала: «Приезжайте непременно, никаких изменений не может быть!»

Потом вдруг приехал рентген, и к нему ввалилась целая группа людей, стали делать снимок. Зачем?> Только мучили напрасно и волновали. И, может быть, этим еще ускорили развязку. Да к тому же чуть не устроили пожар, санитарка обернула электрическую лампочку полотенцем, которое, конечно, вспыхнуло, и ему пришлось дышать этим дымом!

Когда я поднялась наверх (я не присутствовала при снимке, так много было народу и без меня, поместиться негде), я сразу почувствовала запах паленого и в ужас пришла, когда узнала, в чем дело.

Потом приходили брать кровь. Столько волнений причинили они ему, бедняжке, в тот последний его день!

И меня отвлекли от него, если б не эти ненужные процедуры, я бы не отошла от него ни на минуту!

Потом Радик стал требовать, чтоб сварили куриный бульон, я бросилась искать курицу сначала к Дуне (жена моего «совладельца» Осипова), но Дуня посоветовала лучше обратиться к соседке Дусе, у той куры моложе. Наконец, достала куру.

Потом Радик стал кормить его обедом, крикнул с балкона: «Все съел! Несите второе!» Он так хорошо ел в этот последний день! И утром, кроме молока и ягод, съел много меда, который прислала ему Зуева, соседка, он хотел спастись, он думал, беда в том, что он мало ест, он стал есть больше!

Он бросил курить, стал есть, он не хотел умирать, он хотел жить, жить!

Но после того, как я так порадовалась тому, что он ест, когда подумала, что он спасен, началась трагическая развязка...

Подошло 6 часов понедельника, 21 июля.

Я была внизу, заказывала Ольге обед на завтра.

У него был Валя.

И Валя рассказал потом, что он сказал ему: «Достань из пиджака бумажник, деньги»... И дал ему 1000 рублей.

Потом вдруг протянул к нему руки, крепко-крепко пожал его руку, так сознательно посмотрел в глаза и сказал: «Валичка, я умираю... Прощай, мальчик!»

И после этого он уже ничего не говорил...

Начал задыхаться... (С. 248). Ему давали дышать кислородом, сменяли подушку за подушкой.

Когда я поняла, что это — конец, что началась агония, я пришла в такое отчаяние, я почти потеряла рассудок.

Я лежала у Лели, рыдала, я сходила с ума, я не имела сил подняться наверх. Не могла.

А он звал меня, принимал за меня то Тосю, то Лилю.

Говорил: «Верочка, миленькая моя», те слова, которых я так ждала от него! И я не услышала их!

Наконец, Лера привела меня в сознание, сказала: «Теть Вера, идите туда. Вы потом не простите себе, если дядя Миша умрет без Вас».

И я поднялась наверх.

Бросилась к его постели.

Он сидел высоко в подушках. Глаза были открыты, любимые черные глаза... Но различал ли он что-нибудь, уже не знаю.

Я села на скамеечку перед постелью, грела его руки, целовала их.

Я молила: «Только бы не умер, только бы не умер, не умер» — и чувствовала, моя мольба бессильна!

Потом ему стали делать уколы, я отошла, встала в ногах постели, прислонилась к теплой печке, мне было смертельно холодно, и замерла, в ужасе глядя ему в лицо.

Он часто и трудно дышал... После уколов опять кислородные подушки, их сменяли Валерий и Миша — оба стояли у его изголовья.

Тут же были Тося и Лилия.

У письменного стола Радик, в соседней комнате доктор Бессер.

Вдруг Валя крикнул: «Доктора!»

Поспешно вошел Бессер. Что-то сделал. Потом Радик стал делать укол.

Один, другой...

Крикнул: «Спирт!»

И вдруг: «Не надо!»

Я поняла — конец!

Это была смерть!

Смерть Михаила... Моего Михаила!.. Все было кончено... Навсегда!

Безвозвратно!

Было 12 часов 45 минут, начинался новый день, вторник, 22 июля 1958 года... (С. 249).

---

¹ *Гершуни Евгений Павлович* (1899—1970) — работник цирка и эстрады, режиссер, критик, заслуженный артист РСФСР. Впервые в СССР организовал музей циркового искусства в Ленинграде в 1928 г. Замечателен тем, что в начале блокады в Ленинграде создал фронтовой цирк, доставлявший много радости бойцам.

² *Либединский Юрий Николаевич* (1898—1959) — писатель. В конце 1940-х — начале 1950-х гг. занимался переводами осетинских и азербайджанских писателей.

³ По-видимому, Зошенко называл «Хрущевскими беседами» выступление Хрущева на совещании писателей в ЦК КПСС 13 мая 1957 г. См.: Источник. 2003. № 6. С. 77—90.

⁴ Постановление ЦК ВКП (б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград» было принято 14 авг. 1946 г.

⁵ Книга К. Федина «Писатель, искусство и время» вышла в Москве в 1957 г. «В этой книжке очень много хорошего: о переводе “Фауста” (Пастернак), о Зошенко, о языке. Я читал с большим удовольствием, — писал в «Дневнике» 13 янв. 1958 г. К. И. Чуковский (см.: *Чуковский К. И.* Дневник, 1930—1969. М.: Сов. писатель, 1994. С. 261). Статья о Зошенко была написана давно, еще в 1943 г., но была опубликована автором по идеологическим соображениям лишь в 1957 г. Эта статья, по мнению К. И. Чуковского и многих друзей М. Зошенко, имела большой резонанс, что способствовало возрождению достойного образа Михаила Михайловича в советской литературе. Зошенко написал большое письмо К. Федину, в заключении которого были такие слова: «Что же теперь! Нет, я, конечно, понимаю, что формально почти ничто не изменится в моей жизни. Но в душе, вероятно, произойдут перемены. И вот я не знаю, хватит ли у меня сил отказаться от того, что так привлекало меня в юности и что теперь опять, быть может, станет возможностью. А надо, чтобы хватило сил отказаться. Иначе не умру так спокойно, как я рассчитывал до этого чрезвычайного происшествия, которое ты вдруг учинил в моей жизни своей статьей обо мне.

Целую тебя, мой старый друг. Еще раз благодарю тебя за твое доброе сердце и за твой светлый разум. Твой Мих. Зошенко» (Юность. 1988. № 8. С. 83). Это письмо было написано 3 дек. 1957 г., но уже 3 февр. 1958 г., как записывает в мемуарах В. В. Зошенко: «На него опять напал “страх”, начались спазмы... Считает, причина этому, статья Федина, как ни парадоксально это страх перед литературой, перед необходимостью снова проявлять себя» (С. 215). Зошенко понимал, что он уже не может писать, как в молодости, но определить свое современное художественное видение мира он уже не мог после пятнадцатилетнего занятия не своим трудом.

⁶ «Американская пьеса» имела несколько названий («Здесь Вам будет весело» и др.). Она получила отказ от К. Симонова (в то время редактора «Нового мира»)

в публикации из-за «недостатка антиамериканизма». См. об этом: *Муромский В. П.* «...дело не в литературе, а в ситуации»: (об американской комедии М. Зощенко) // Михаил Зощенко: материалы к творческой биографии. СПб.: Наука, 2001. Кн. 2. С. 269–276; Там же опубликован один из многочисленных вариантов этой пьесы «За бархатным занавесом» (Там же. С. 277–343). Ни публикация, ни постановка этих пьес не были осуществлены.

⁷ *Гранин* (наст. фамилия *Герман*) *Даниил Александрович* (1919–2017) — писатель, эссеист. Очень ценил творчество М. Зощенко, устраивал в Союзе писателей Ленинграда вечера памяти.

⁸ *Русанова-Замысловская Надежда* — первая и сильная любовь М. Зощенко. Об их отношениях известно очень немного. Надя Русанова родилась в обеспеченной генеральской семье, отношения с М. Зощенко начались приблизительно в 1911 г. и продолжались до 1917 г., пока Надежда вместе с семьей не уехала за границу. См. об этом подробнее: «...Это — желание любить Вас»: письма М. Зощенко к Н. Русановой-Замысловской (1915–1917) / публ. О. Ю. Шилиной // Михаил Зощенко: материалы к творческой биографии. СПб.: Наука, 2002. Кн. 3. С. 94–101. Письма Зощенко носят романтический характер, ничуть не напоминая о его сатирическом и юмористическом даре: «5 февраля 16 г. (17). Я бы хотел, чтобы письмо мое пришло вечером, когда Вы одиноки, когда в комнате тени прозрачные и задумчивые, а мысли далекие и неожиданные. И чтобы не радость, а печаль была бы сейчас в Ваших глазах — тогда они непозволительно красивы, тогда более чутки мысли и тогда я радостен» (Там же. С. 98). Образ Надежды возникает и в 1943 г. в повести М. Зощенко «Перед восходом солнца», в первой части под заглавием «Я люблю». Грустный эпизод расставания заканчивается довольно твердым утверждением: «Я ее очень любил. И эта любовь не прошла до сих пор» (*Зощенко Михаил*. Перед восходом солнца. М.: Вагриус, 2004. С. 61). Но через сорок лет «былая любовь умерла навсегда», как точно заметила Вера Владимировна.

⁹ *Томашевский Борис Викторович* (1890–1957) — литературовед. *Томашевская (Медведева) Ирина Николаевна* (1902–1973) — литературовед, жена Б. В. Томашевского. Томашевские были соседями семьи М. Зощенко. Сам Б. В. Томашевский скончался в августе 1957 г., и встретить его на лестнице М. Зощенко не мог. Возможно, его жена была с кем-то из родственников, либо писатель что-то сочинил или напутал.

¹⁰ Этой девушкой была *Леонтьева Галина Константиновна* — аспирантка Института теории и истории искусств при Академии художеств. Она уже была знакома с Михаилом Зощенко и приходила к нему вместе с Юрием Нагибиным, который восхищался не только талантом писателя, но и формой его поведения. Именно о втором посещении вспоминает Вера Владимировна. Галина бывала у него в течение двух лет, не часто, но довольно регулярно. Однажды на вопрос Зощенко, почему она приходит к нему. Галина ответила, что он в ее представлении «прямой духовный наследник декабристов, и прежде всего лучшего, любимейшего мною из них — Михаила Сергеевича Лунина. Наследник по всему — по чистоте душевной, честности, негибаемой принципиальности, верности своему делу, истинно гражданской позиции. Тогда Зощенко первый и единственный раз поцеловал мою руку» (*Леонтьева Г.* Ненаписанная новелла // Воспоминания о Михаиле Зощенко. СПб., 1995. С. 543).

¹¹ *Груздева Татьяна Кирилловна* (1898–1966) — жена И. А. Груздева. Груздевы были друзьями М. Зощенко с 1920-х гг.

¹² *Робинсон Ларисса Николаевна* — подруга В. В. Зощенко, помогала их семье в сложные времена вместе с сыном.

¹³ *Случевский Измаил Федорович* (1903–1966) — известный советский психиатр. Его учителем в 1-м Ленинградском медицинском институте был профессор П. А. Останков. На мышление ученого повлияли идеи И. П. Павлова и В. М. Бехтерева. В. В. Зошенко записывает в свои мемуары: «...слышала от вдовы профессора Останкова очень плохие отзывы о нем как о враче и человеке» (С. 214).

¹⁴ *Пешкова Екатерина Павловна* (1876–1965) — первая и единственная жена М. Горького, российский обществнный деятель. Являлась одним из создателей организации, известной как Политический Красный Крест, которая занималась оказанием помощи заключенным в тюрьмах Советской России и СССР.

¹⁵ *Пешкова Надежда Алексеевна* — невестка М. Горького, жена сына Горького Максима, московская красавица, дома ее называли «Тимошей». Любопытно, что так в царской России окликали кучера. После смерти мужа и Горького все ее поклонники и друзья были арестованы.

¹⁶ *Слонимский Михаил Леонидович* (1897–1972) — писатель, отец композитора, пианиста, музыковеда Сергея Михайловича Слонимского. Дружен с М. Зошенко с 1920-х гг. Можно считать, что он был самым близким другом известного писателя.

¹⁷ *Лифшиц* (эту фамилию Вера Владимировна пишет по-другому — Лившиц) *Владимир Александрович* (1913–1973) — поэт, писатель, драматург, ученик М. Зошенко. Познакомился с ним еще до войны, а после войны подружился. Жил вместе с ним в одном доме на канале Грибоедова, пока вместе с женой не уехал в Москву. Его воспоминания о М. Зошенко опубликованы: *Лившиц В. Последняя встреча // Воспоминания о Михаиле Зошенко*. С. 569–578.

¹⁸ *Зенькович Вера Владимировна* — художник, книжный график. Когда он заболел, с разрешения супруги Зошенко приходила его навещать. Сам Зошенко часто звонил ей, рассказывая о своем здоровье. См. о ней: В. В. Зенькович — адресат писем М. М. Зошенко / публ. Б. Н. Сегаль и Т. С. Царьковой // *Ежегодник Рукописного отдела на 2018–2019 годы*. СПб.: Дмитрий Буланин, 2019. С. 535–552.

¹⁹ *Пригонников* (В. В. Зошенко эту фамилию записывает иногда как Иригонников) — врач-невропатолог из Литфонда.

²⁰ *Слонимская Дуся* (урожд. *Каплан-Ингель Ида Исаковна*; 1903–1999) — жена М. Л. Слонимского, старая знакомая М. Зошенко.

²¹ *Блейман Марина Деодоровна*, называвшая себя княжной Багратион-Мухранской, гражданская жена сотрудника сценарного отдела студии «Мосфильм» М. Ю. Блеймана, долгие годы опекала М. Зошенко: кормила его вкусными обедами, занимала тихими разговорами, играла с ним и своим сыном в карты. Когда он заболел, не оставляла его своим вниманием и по мере возможности ухаживала за ним. Лишь отъезд М. Зошенко в Сестрорецк нарушил или даже разорвал их общение.

²² Поликлиника в Сестрорецком санатории на берегу Финского залива.

²³ *Копельман* — по-видимому, родственник того Копельмана, который вместе с Гржебиным основал журнал «Шиповник» в начале XX в. См.: *Чуковский К. И. Дневник, 1930–1969*. М., 1994. С. 438.

²⁴ 7 июля 1958 г. М. М. Зошенко приехал на дачу в Сестрорецк, последнее свое пристанище на земле.

²⁵ *Максимович Анатолий Семенович* — врач-хирург, большой друг М. М. Зошенко.

²⁶ *Столяров Николай Михайлович* — заведующий лечебной частью Литфонда.

²⁷ Свердловка — больница им. Я. Свердлова, предназначалась для элиты партийных работников, которых принимали на лечение с разрешение Горкома партии. Теперь городская клиническая больница № 31 (пр. Динамо, 30).

²⁸ Максимилиановка — одно из старейших медучреждений города, функционирует с 1850 г. Теперь городская больница № 28 (ул. Декабристов, 1-3).

²⁹ *Спиридонов Иван Васильевич* — в 1954—1962 гг. первый секретарь Ленинградского горкома (затем обкома) КПСС.

Библиографический список

1. Воспоминания о Михаиле Зощенко / Сост. и подгот. текста Ю. В. Томашевского. СПб.: Худож. лит, 1994. 606 с.
2. *Корниенко Н. В.* М. Зощенко и А. Платонов // Серапионовы братья: философско-эстетические и культурно-исторические аспекты. Саратов: Орион, 2011. С. 122—140.
3. Михаил Зощенко: материалы к творческой биографии. СПб.: Наука, 1997—2002. Кн. 1—3.
4. *Попов В. Г.* Зощенко. М.: Мол. гвардия, 2015. 523 с.
5. *Рубен Б. С.* Зощенко. М.: Мол. гвардия, 2006. 354 с.
6. *Семкин А. Д.* Литература о жизни и творчестве М. М. Зощенко // Мих. Зощенко: pro et contra: личность и творчество М. М. Зощенко в перекрестке мнений. 2-е изд., испр. СПб.: изд-во РХГА, 2015. С. 1045—1081.
7. Творчество Михаила Зощенко: Новые материалы. Исследования. Библиография. СПб.: изд-во РХГА, 2015. 273 с.
8. *Федин К. А.* Писатель, искусство, время. М.: Сов. писатель, 1957. 523 с.

ДВА ПИСЬМА ОЛЬГИ БЕРГГОЛЬЦ К ЮРИЮ GERMANУ

*(Вступительная статья, подготовка текста и комментарии
Н. А. Прозоровой)*

Аннотация: Публикуемые письма О. Ф. Берггольц к Ю. П. Герману добавляют новые штрихи к непростым взаимоотношениям двух современников, чей профессиональный путь начался и окончился в Ленинграде. Несмотря на их творческие разногласия в молодости, приводившие к жесткому противостоянию литературных позиций, эпистолярные послания поэтессы, написанные в 1956 и 1966 гг., свидетельствуют о «неразделимости» судеб писателей-ровесников. В статье рассмотрена рецепция Ольгой Берггольц произведений Германа о Ф. Дзержинском.

Ключевые слова: О. Ф. Берггольц, Ю. П. Герман, история литературы советского периода, пьеса «За тюремной стеной», Ф. Э. Дзержинский.

Abstract: The published letters of O. F. Bergholz to Yu. P. German add new touches to the picture of difficult relationship between the two contemporaries, whose professional path began and ended in Leningrad. Despite the creative disagreements, leading to a tough confrontation of their literary positions in youth, the epistolary messages of Bergholz's, written in 1956 and 1966, reveal the “inseparability” of the fates of the two writers. The article considers the of Olga Bergholz's reception of German's works about F. Dzerzhinsky.

Keywords: O. F. Bergholz, Yu. P. German (Herman), history of Soviet literature, play «Behind the prison wall», F. E. Dzerzhinsky.

Публикуемые письма О. Ф. Берггольц 1956 и 1966 гг. помогают прояснить сложные взаимоотношения поэтессы с Ю. П. Германом, обычно определяемые в мемуарной литературе как дружба-вражда, и имеют значение важных эгодокументов. В текстах прочитывается мироощущение Берггольц в кризисные для нее моменты жизни (письма написаны из больницы).

Предполагаем, что у писателей, вращавшихся в одной — ленинградской — литературной среде, активного эпистолярного диалога не было. Об этом говорит заявление самой Берггольц в письме 1966 г.: «Кажется, второй раз в жизни я пишу тебе столь пространное письмо». И, похоже, что других корреспонденций писателю, уже тяжело больному и вскоре скончавшемуся, она не посылала.

Оба письма хранились в домашнем архиве Германа с пометой на конверте «Два письма Юре от Оли Берггольц», сделанной, вероятно, женой писателя — Т. А. Риттенберг. Позже они были возвращены Ольге Федоровне и в настоящее время находятся в ее архиве, в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (ф. 870).

После смерти Германа его близкий друг Л. Левин получил доступ к архиву писателя и ряд материалов использовал в своих воспоминаниях о Берггольц под названием «Жестокий расцвет»¹ и в книге «Дни нашей жизни: книга о Юрии Германе и его друзьях» (М., 1981). В этих изданиях Левин процитировал первое письмо Берггольц (1956), а второе письмо (1966), по его словам, привел полностью; однако после сверки опубликованного текста с автографом обнаружилось сделанные им купюры.² Таким образом, в настоящем издании оба письма публикуются полностью впервые.

Знакомство Ольги Федоровны с Германом, обосновавшимся в Ленинграде в 1929 г., произошло в самом начале 1930-х гг. Встречались они в Доме-коммуне писателей и инженеров (ул. Рубинштейна, д. 7), называвшемся в городском обиходе «слезой социализма», — здесь проживала Берггольц, и в писательском доме (канал Грибоедова, д. 9), где поселился Юрий Павлович. Характер общения, сложившийся между ними, отличался повышенной эмоциональностью, бурным отстаиванием собственных литературных мнений. «При всем том нельзя было не заметить, что Герман и Берггольц пристрастно и ревниво интересуются друг другом, — писал Левин, — что их яростные споры нужны обоим, что силы притяжения могущественнее сил отталкивания».³ Первое же упоминание о Германе в дневнике Берггольц подтверждает слова Левина, поскольку содержит сравнительную характеристику их творческих потенций: «Юрий Герман прославляется, — констатирует Ольга Федоровна 27 февр. 1933 г., — а я все в той же позиции на камне сажу».⁴ Предполагаем, что ревность поэтессы вызывали успех публично одобренного Горьким романа Германа «Вступление»⁵ (дважды переизданного в 1933 г.) и работа писателя по его инсценировке

¹ Левин Л. Жестокий расцвет // Вспоминая Ольгу Берггольц. Л.: Лениздат, 1979. С. 50–91.

² Ср. с публ. в наст. изд.: Левин Л. Дни нашей жизни: книга о Юрии Германе и его друзьях. М.: Сов. писатель, 1981. С. 191–193.

³ Там же. С. 187.

⁴ Берггольц О. Ф. Мой дневник. Т. 2: 1930–1941 / сост., текстол. подгот., подбор ил. Н. А. Стрижковой; вступ. ст. Т. Ю. Красовицкой, Н. А. Стрижковой; коммент. Н. А. Громовой, Н. А. Стрижковой. М.: Кучково поле, 2017. С. 192 («в той же позиции на камне сажу» — цитата из «Немецкой баллады» Козьмы Пруткова (правильно: позиции)).

⁵ См. воспоминания об этом: Герман Ю. О Горьком. О Мейерхольде // Звезда. 1962. № 5. С. 162–166.

с В. Э. Мейерхольдом,⁶ в то время как первый поэтический сборник Берггольц «Стихотворения» (Л., 1934) был тогда лишь в проекте.

Дневниковые записи Берггольц 1930-х гг. пестрят различными оценками Германа как писателя и человека, порой уничижительными, порой снисходительными, в зависимости от того, в какой стадии — «отмирания» или восстановления — находились их отношения. Многие суждения критически настроенного современника, иначе понимавшего отношения власти с литераторами, служили Ольге Федоровне посылком к рефлексии на эту тему в дневнике. Так, в записи от 16 апр. 1933 г. в контексте собственных размышлений и бесед с собратьями по перу о том, как и о чем следует писать, Берггольц ссылалась на разговор с писателем: «Надо сделать так, чтоб каждый человек был проблемой. <...> Юра Герман так же хорошо сказал, что нельзя написать роман об “овладении техникой”, об “укреплении кооперации”...»⁷ Она соглашалась с ним в том, что «у нас нельзя писать правду»,⁸ возмущалась тем, что «уши у нас забиты криками об оптимизме, что как “клевету” встречают любую попытку изобразить отрицательные, горькие стороны нашей жизни»,⁹ но с другой стороны — признавала право писателя писать обо всем, находясь лишь на партийной точке зрения. В этом в корне различались беспартийный в то время Герман и Берггольц, уже тогда неудержимо стремившаяся в партию. «Юрка говорит, что мы “отравлены официальной моралью”, — отмечала она в дневнике 11 июня 1934 г., — <...> Более зрелый организм справляется с отравлением более успешно. <...> Юра считает, что все это декретируется ЦК. Я думаю, что наши хозяева, по правде, разбираются в литературе как приеме — средне, но ничуть не декретируют всего этого. <...> Меня возмущает “живучесть” Безыменского, Жарова, Уткина и пр<очих>. Да много еще муры! А Киришон!!! Нет, или я ничего не понимаю, или, вернее, там кое в чем ошибаются. Верно и то, что орать о том, какая у нас прекрасная литература — вредно. Успехов сделано очень мало, и на 99% они условны».¹⁰ Берггольц прислушивалась к мнению писателя и о своих литературных опытах: «”Журналисты” были перечитаны Ю<рием> Г<ерманом> и Н<иколаем> М<олчановым>, и оба справедливо отметили, что рассказ не удался. Да, надо много переделать...”»¹¹

При этом внешне «прозрачно-дружеские, чисто дружеские отношения»¹² с Германом осложнялись претензиями Берггольц на нечто большее, попытками одолеть его своими женскими чарами. «Боюсь,

---

⁶ Там же. С. 166—171.

⁷ Берггольц О. Ф. Мой дневник. Т. 2: 1930—1941. С. 212—213.

⁸ Там же. С. 279.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 280.

¹¹ Там же. С. 247.

¹² Там же. С. 273.

кажется, отношение у меня к нему оформляется во что-то вроде... ну, не влюбленности, но, во всяком случае, излишней нежности, — писала она в дневнике. — Впрочем, ерунда. Просто он очень хороший, красивый мальчик... Но я его дойму!..»¹³ Не исключено, что именно интимная составляющая отношений и развела их позднее надолго. «А ведь не так, в сущности, давно, всего около двух лет назад мы были с Юркой все-таки близки, — писала поэтесса 20 февраля 1936 г. — была, хоть и уродливая, хоть и намного выдуманная влюбленность. Ведь это же мучило, волновало, казалось значительным — и что же... Осталось одно воспоминание...»¹⁴

Противостояние усилилось, когда Берггольц написала негативный отзыв о романе Германа «Наши знакомые» под названием «Жизнь, которая остановилась», опубликованный в газете «Литературный Ленинград» 17 июля 1936 г. В произведении ей понравились лишь «теплые детали», благодаря которым читатель, по мнению поэтессы, «узнавал» жизнь, хотя и не «познавал» ее. Но в целом Ольга Федоровна была неумолима: упрекала Германа в том, что его роман диспропорционален, схематичен, что перестройка героини «оказалась внешней», что «роман так закруглен, характеры героев так “завершены”, что приобрили неподвижность; ситуации так исчерпаны, что... *вот этого-то в жизни и не бывает, потому что это — схема!*»¹⁵

«Статья о “Наших знакомых” не могла не осложнить и без того “гамсуновских” отношений Берггольц и Германа, — писал Левин. — <...> Казалось бы, проще было вообще не встречаться, но <...> их преодолимо влекло друг к другу, без постоянного общения они не могли обойтись».¹⁶ Сама Берггольц понимала, что бросила вызов статьей не только Герману, но всему писательскому окружению. «Написала отрицательную статью об Юрке — а литсреда знает, что мы крутили с ним. <...> Но статья — умная, в ней есть мысль, есть эмоция, есть, наконец, партийность <...> Не боюсь никого. Вот вам. Где теперь друзья твои? Не знаю: Может быть, и не было друзей».¹⁷

К концу 1937 г., после перенесенных Ольгой Федоровной репрессий «по делу Авербаха», и позднее, после ее тюремного заключения в 1938—1939 гг., отношения с Германом стали постепенно восстанавливаться. В архиве Берггольц сохранилась его книга «Сестры: Пьеса

¹³ Берггольц О. Ф. Мой дневник. Т. 2: 1930—1941. С. 279.

¹⁴ Там же. С. 396.

¹⁵ Берггольц О. Жизнь, которая остановилась: (Обсуждаем роман Ю. Германа «Наши знакомые») // Литературный Ленинград. 1936. 17 июля. № 33. С. 2. Заметим попутно, что «Литературный Ленинград» уделял роману Германа немало внимания. Так, в предыдущем месяце была опубликована статья Ю. Исакова «Писатели о романе Юрия Германа “Наши знакомые”» (6 июня. № 26. С. 1) и пародия А. Флита «Антонинография» (30 июня. № 30. С. 4).

¹⁶ Левин Л. Дни нашей жизни. С. 190.

¹⁷ Берггольц О. Ф. Мой дневник. Т. 2: 1930—1941. С. 371.

в 3 д.» (Л.; М., 1940) с лаконичной дарительной надписью на форзаце: «Милой Оле / Ю.».¹⁸

Знаковой для двух писателей-ровесников стала встреча 8 июля 1941 г., когда Герман сидел у Берггольц всю ночь, уговаривая выехать из Ленинграда. «Ну, зачем тебе тут погибать?» — спрашивал он. И я, уже убедившись, что придется только погибнуть, — писала Берггольц в дневнике, — сказала: “Но ведь я же для чего-то жила, Юра, для чего-то была всю жизнь в комсомоле и в партии, за что-то отдала жизнь. Сейчас все подводится, проверяется...”. “А ты за что жила и жертвовала? За сплошные ошибки, за ежовщину, за невозможность писать правду, за то, что сейчас мы позорно бежим?” Позор и отчаяние охватили меня. “Да, если и за это, то и за это я отвечаю сейчас и отвечу до конца...”».¹⁹

Военные годы изменили литературный статус Берггольц: оставшись в Ленинграде, она стала музой блокадного города. С Германом, находившимся на Карельском фронте и Северном флоте в качестве военного корреспондента, личных встреч во время войны, видимо, не было. Послевоенные годы проходили для обоих писателей в русле деятельности Ленинградской писательской организации,²⁰ отношения между ними установились более ровные, и сложилась традиция совместно встречать Новый год. В новогоднюю ночь 1947 г. в гостях у Берггольц были Герман с женой, Е. Шварц, Л. Левин и А. Ахматова. Приятельница Берггольц, Е. Катерли, в письме к мужу от 1 янв. 1952 г. сообщала о новогоднем празднике, который устраивали вскладчину: «Герман стряпал два дня и настряпал столько, что им на целую неделю осталось. Чего только не было! И почки в мадере, и индейка с грецкими орехами, и какое-то таинственное “лобио” — тоже с орехами. Я уж

---

¹⁸ Цит по: *Прозорова Н. А.* Инскрипты и маргиналии в архиве О. Ф. Берггольц. Часть I. Инскрипты на книгах, журналах, оттисках // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2009–2010 годы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. С. 1065.

¹⁹ *Берггольц О.* Блокадный дневник (1941–1945) / сост., текстол. подгот. Н. А. Стрижковой, ст. Т. М. Горяевой и Н. А. Стрижковой, коммент. Н. А. Громовой и А. С. Романова. СПб.: Вита Нова, 2015. С. 15–16.

²⁰ Отметим поворотные моменты литературно-общественного процесса: Постановление Огргбюро ЦК ВКП(б) от 14 авг. 1946 г. «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» (здесь Германа изобличали в «подозрительной хвалебной» статье о творчестве Зоценко), «ленинградское дело» и связанное с ним ущемление блокадной темы в литературе, борьба с космополитизмом, Второй съезд писателей СССР, начало «оттепели». Для обоих писателей был тягостным 1949 год, когда во время «ленинградского дела» над Берггольц нависла реальная опасность ареста и когда в процессе борьбы с «безродными космополитами» повесть Германа «Подполковник медицинской службы», вызвавшая яростные нападки критики, была приостановлена в печати «по просьбе» самого автора (начало повести см.: Звезда. 1949. № 1. С. 66–109; письмо в редакцию Ю. Германа см.: Звезда. 1949. № 3. С. 207), и писатель также опасался ареста.

не говорю о салатах с крабами, о семге, икре, пирогах и пр. и пр. Народ был такой: Ольга с Макогоном, Меттер с Ксаной, Никритина с Мариенгофом... Туся Разумовская с мужем, Лев Левин, Танина подруга художница Верочка, я».²¹ Писательница Е. П. Серебровская, не входившая в близкий круг друзей Берггольц, вспоминала: «Декабрь какого-то года. Сажу снова за обедом, а спиной ко мне за соседним столиком О<льга> Ф<едоровна> с мужем Г. Макогоненко. И вдруг он спрашивает:

— Оленька, у кого встречать будем? Может, у Юры?

И она отвечает:

— Конечно, у Юры Германа.

Во мне борьба: ну как же это муж планирует взять ее в компанию, где, конечно, будет вино! Ведь она же недавно из больницы!»²²

1956 год начался для писателей с осмысления закрытого доклада Н. С. Хрущева «О культе личности и его последствиях» на XX съезде КПСС (проходил 14–25 февраля), побудившего Берггольц к публичным выступлениям, вызвавших резонанс в писательской среде. Так, на закрытом собрании партийной организации ЛО СП СССР 21 марта 1956 г. и позднее, во время речи 15 июня в Центральном Доме литераторов в Москве, она говорила о недоверии к писателям со стороны власти в целом и о необходимости отмены Постановления «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» — в частности. Кинодраматург А. Я. Каплер делился впечатлениями со своей женой, актрисой В. Г. Токарской, 17 июня 1956 г.: «В пятницу в Союзе писателей было очень интересное собрание <...> было грандиозное выступление Ольги Берггольц <так!>, которая заявила, что пора пересмотреть решение ЦК о “Большой жизни”²³ и о Зощенко с Ахматовой, т. к. это несправедливо все и сдела-

²¹ Катерли Н. «Сквозь сумрак бытия»: документальная повесть // Звезда. 2002. № 12. С. 47. Упоминаются: Макогон — Макогоненко Георгий (Юрий) Пантелеймонович (1912–1986) — третий муж Берггольц, профессор кафедры истории русской литературы Ленинградского государственного университета, доктор филологических наук, специалист по истории русской литературы XVIII в.; Меттер Израиль Моисеевич (1909–1996) — писатель, сценарист; его жена Златковская Ксения Михайловна (1917–2007) — балерина; Никритина Анна Борисовна (1900–1982) — актриса театра и кино, жена А. Мариенгофа; Мариенгоф Анатолий Борисович (1897–1962) — поэт-имажинист, драматург, мемуарист; Разумовская Софья Дмитриевна (1904–1981) — редактор Госиздата и журнала «Знамя»; упоминается ее муж — Данин (наст. фам. Плотке) Даниил Семенович (1914–2000) — критик, писатель, популяризатор науки. Левин Лев Ильич (1911–1998) — критик, драматург, мемуарист; Тая — Риттенберг Татьяна Александровна (1904–1995) — третья жена Германа, мать режиссера А. Ю. Германа, в первом браке была замужем за режиссером Н. А. Коварским; Верочка — неустановленное лицо.

²² Серебровская Е. П. Об Ольге Федоровне Берггольц: заметки / публ. Н. А. Прозоровой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 годы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 642.

²³ Речь идет о Постановлении Оргбюро ЦК ВКП(б) о кинофильме «Большая жизнь» от 4 сент. 1946 г., запретившем выпуск на экран второй серии фильма как

но по личному вкусу Сталина. То же и в музыке. До сих пор Шостаковичу отказывают в разрешении на возобновление “Леди Макбет”. Рассказ Зощенко про обезьянку, говорит Берггольц <так!>, из-за кот<орого> весь этот дикий шум, она теперь перечитала — в нем нет никакого криминала. То же и в стихах Ахматовой. Просто старику что-то не понравилось, а служающие сделали из этого крик на весь мир о подонках-писателях».²⁴ В выступлении 21 марта Берггольц открыто заявляла и о своей приязни к Герману: «Мне пришивают какую-то “группу Германа — Берггольц”, что это за “группа”?! Я дружу с Ю. Германом, писателем, который много работает и собирается вступить в партию. Что же тут плохого?»²⁵

Публичное противостояние власти давалось Ольге Федоровне нелегко, и в послевоенные годы почти регулярно заканчивалось сбоем — «погружением в вино» и больничной палатой. Так, по записям матери, М. Т. Берггольц, 16 июля 1956 г. Ольгу Федоровну отвезли больницу; после двухнедельного пребывания она стала проситься домой, но мать убеждала врачей в том, что дочери необходимо более длительное лечение.²⁶ Состояние, в котором пребывала Берггольц, передает тогда еще не опубликованное стихотворение «Обещание» («Я недругов смертью своей не утешу...», 1952), которое она привела в первом из публикуемых писем к Герману. Летом этого года писатель находился на даче (д. Александровка Выборгского района Ленинградской области). Там же отдыхал с семьей режиссер И. Е. Хейфиц, с которым в это время у писателя шла работа над сценарием фильма «Дорогой мой человек» по роману «Дело, которому ты служишь» (преьера состоялась 7 авг. 1958 г.).

Содержание первого письма, написанного из больницы — «Свердловки» (его приблизительная датировка: лето или осень 1956 г.), касается только что прочитанной Берггольц пьесы Германа «За тюремной стеной», посвященной одному из эпизодов ранней биографии Ф. Э. Дзержинского.

Образ первого чекиста, умершего от туберкулеза в 1926 г., в возрасте сорока восьми лет, появился в литературе сразу после его смерти. Тон задал Маяковский. В поэме «Хорошо!» (1927) он представил молодому поколению Дзержинского как образец для подражания.

«порочной» в идейно-политическом отношении (реж. Л. Луков, авт. сценария П. Нилин). Первая серия фильма, вышедшая в 1939 г., получила в 1941 г. Сталинскую премию II степени.

²⁴ ГЦТМ, ф. 689, № 312, л. 1–2.

²⁵ *Золотоносов М. Н.* Гадюшник: Ленинградская писательская организация: Избранные стенограммы с комментарием: (Из истории советского литературного быта 1940–1960-х годов). М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 225.

²⁶ Сведения приводятся по: *Лебединский М. Ю.* От пращуров моих // URL: <https://unotices.com/book.php?id=69487&page=29> (дата обращения: 10.12.2019).

Юноше,
обдумывающему
житье,
решающему —
скажу
с товарища
Дзержинского».

Следом за Маяковским в той же романтической проекции образ рыцаря революции представил Э. Багрицкий. В стихотворении «ТВС» (1929)²⁷ воспроизведена показательная сцена: к младшему товарищу по борьбе, страдающему чахоточной лихорадкой, приходит тень умершего Дзержинского и своей напутственной речью поднимает его с постели для продолжения общего дела. Произведение, написанное в характерной для Багрицкого натуралистической манере, популярное в творческой среде, было воспринято как руководство к действию: литераторам недвусмысленно предлагалось продолжить работу над канонизацией образа первого чекиста. Так, судя по дневнику Берггольц, в марте 1934 г. Маршак предлагал написать ей биографию Дзержинского,²⁸ но по семейным обстоятельствам она не приступила к этой работе.

Тем не менее личность профессионального революционера еще долго продолжала интересовать Берггольц, и позднее, в дневниковой записи от 16 окт. 1937 г., она цитировала «ТВС» Багрицкого с его программными строками — своеобразным манифестом работника Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем.

А век поджидает на мостовой,
Сосредоточен, как часовой.
Иди — и не бойся с ним рядом встать.
Твое одиночество веку под стать.
Оглянешься — а вокруг враги;
Руки протянешь — и нет друзей;
Но если он скажет: «Солги», — солги.
Но если он скажет: «Убей», — убей.²⁹

Комментируя текст стихотворения, Берггольц полемизировала с критиками журнала «Литературное обозрение». Она писала в днев-

²⁷ *tbc* — аббревиатура, которой принято в медицине обозначать туберкулез.

²⁸ Берггольц О. Ф. Мой дневник. Т. 2: 1930—1941. С. 261.

²⁹ Цит. по: Багрицкий Э. Стихотворения и поэмы / сост., вступ. ст. и примеч. И. Л. Волгина. М.: Правда, 1984. С. 232. Берггольц цитирует стихотворение по памяти с собственной пунктуацией (см.: Берггольц О. Ф. Мой дневник. Т. 2: 1930—1941. С. 484—485).

нике: «Возмущается “Лит<атурное> обоз<рение>” особенно тем, что строки эти вложены в уста Дзержинского. А по-моему — правильно. Здесь именно его сила веры (именно веры), его сила самоотречения, рыцарская, страстно-романтическая и в то же время — трезвая».³⁰ Показательно, что пассаж о зловещем праве нового века (читай: устроителя новой жизни) на убийство и ложь не смутил Берггольц: такова была апология образа чекиста, созданная мощной силой пропаганды. Чуткая, как барометр, к малейшему изменению политического климата поэтесса не почувствовала того, что в «романтическом» призыве содержится заявка на оправдание репрессий, в то время как анонимный автор критической статьи «О группе конструктивистов», на которую ссылалась Берггольц, счел до такой степени недопустимыми слова, вставленные Багрицким в речь Дзержинского, что даже не посчитал нужным их доказательно опровергать. «Пояснять, насколько чужда социалистическому мировоззрению и его представителю Феликсу Дзержинскому такая иезуитски-инквизиторская позиция по отношению ко всему миру, — писал критик, — нет необходимости».³¹ Читаем продолжение записи Берггольц в дневнике: «Как мне хочется написать о Дзержинском, и для юношества, и поэму. Чем больше я думаю о нем, тем пленительнее становится этот образ, наполняясь, очевидно, содержанием, усвоенным много (так в цитируемом тексте; возможно, опечатка; предполагаем: мною. — Н. П.) от жизни вместе с ростом духа, знаний... Жизнь его — подвижничество, подвиг, конечно, в особенности, если учесть то, что он был интеллигентом формации 19 века, подобен был Горькому! Оба — человеколюбцы, неистовые и гордые. Да, у Дзержинского с Горьким общего много».³² Намерения Берггольц по созданию привлекательного для юношества образа Дзержинского так и не получили своего воплощения.

В творческой биографии Германа тема «железного Феликса» появилась в тридцатые годы с подачи Горького. Можно сказать, что писатель выполнил социальный заказ сполна. Им были написаны книги «Железный Феликс» (М.; Л.: Детиздат, 1938), «Рассказы о первом чекисте» (М.; Л.: Детиздат, 1940), «Рассказы о Феликсе Дзержинском» (М.; Л., 1947), имевшие множество переизданий.³³ К изданию «Рассказы о первом чекисте» Берггольц отнеслась крайне негативно: «...Юра Г<ерман> написал беспринципную омерзительную во всех отношениях книжку о Дзержинском. Он спекулянт, он делега, нельзя так писать, и литературно это бесконечно плохо. Мне надо было сказать

³⁰ Берггольц О. Ф. Мой дневник. Т. 2: 1930—1941. С. 486.

³¹ Б. п. О группе конструктивистов // Литературное обозрение. 1937. № 18. 25 сент. С. 25 (рубрика «В помощь читателю»).

³² Берггольц О. Ф. Мой дневник. Т. 2: 1930—1941. С. 486.

³³ В конце 1930-х гг. Герман также работал над повестями о работниках уголовного розыска «Лапшин» и «Алексей Жмакин». Позднее, в 1960 г., на основе этих произведений им был написан роман «Один год».

ему это...»³⁴ Действительно, портрет Дзержинского Герман рисовал по заданному шаблону — «лед и пламень»: «лед» — в отношении к врагам, «пламень» — к друзьям. Истории о «разящем мече революции» перемежались в книге с сюжетами, в которых «железный Феликс» был представлен «отцом» чекистов, бескорыстным, добрым и заботливым товарищем. Так, вслед за рассказом о ранении Ленина под названием «Путешествие из Петербурга в Москву», который заканчивался фразой «В эти дни враги советской власти узнали, что такое красный террор»,³⁵ был помещен рассказ «Портрет», в котором Дзержинский выступал в роли покровителя искусств, проявлял терпение к труду рисующего его художника, позировал ему, заезжал за ним по утрам и после работы отвозил домой. Повествуя о человеке искусства, писатель опустился до подобострастной риторики сталинской прессы. В то время, когда в 1939 г. вышедшая из тюрьмы Берггольц, отсидевшая по сфабрикованному обвинению полгода,³⁶ ждала от властей, что «чудовищное преступление перед народом, которое было совершено в <19>35—38 гг., будет хоть как-то объяснено»,³⁷ Герман писал: «Художник взволнованно стал говорить о том, что он отлично понимает, как трудно позировать, но что трудящиеся Советского Союза любят своих вождей и что им хочется видеть портреты, видеть лица любимых людей — руководителей, вождей. <...> Роль искусства, роль живописи, портретной живописи — воспитательная роль — огромна».³⁸ Дзержинский, выслушав эти реверансы, отвечал живописцу: «Это верно. Это, конечно, очень правильно».³⁹ Не удивительно, что Берггольц диагностировала: писатель — «спекулянт» и «деляга». Показательно, что после смерти Сталина, готовя переиздание книги, Герман переработал рассказ и удалил из текста цитированный нами пассаж.⁴⁰

Следующим подходом к теме «первого чекиста» стала для Германа пьеса «За тюремной стеной». Она была задумана до войны, первоначально называлась «Феликс», и Юрий Павлович работал над ней совместно с А. П. Штейном. После войны (вероятно, в 1946 г.) соавторы предложили пьесу к публикации в «Новый мир», который в то время редактировал К. Симонов, и для постановки в Театре Ленинского комсомола, где художественным руководителем был И. Н. Берсенева. Редакция журнала пьесу понравилась, читка в театре прошла успешно, но оба проекта не состоялись. «Почему? — недоумевал Штейн. — Этого, пожалуй, не могли бы объяснить ни Берсенева, ни Симонов —

³⁴ Берггольц О. Ф. Мой дневник. Т. 2: 1930—1941. С. 607.

³⁵ Герман Ю. Рассказы о первом чекисте. С. 50.

³⁶ Арестована в ночь с 13 на 14 дек. 1938 г. по обвинению в контрреволюционной деятельности; освобождена 3 июля 1939 г.

³⁷ Берггольц О. Ф. Мой дневник. Т. 2: 1930—1941. С. 613.

³⁸ Герман Ю. Рассказы о первом чекисте. С. 53.

³⁹ Там же.

⁴⁰ См.: Герман Ю. Рассказы о Дзержинском. М.: ЛО Детгиз, 1957. С. 250—258; рассказ получил и новое название — «Два портрета».

и только вежливо и несколько смущенно улыбались нам при встрече».⁴¹ Драматурги взялись за переделку, обдумывали новое название — «В былые годы», но вскоре Штейн, по его словам, «поостыл» к этой работе, «и с пьесой вскоре все заглохло...»⁴²

На Втором съезде писателей СССР прозвучал призыв писать на историко-революционные темы. В это время портрет лидера ВЧК — *карающего* меча революции — нуждался в смягчении, в «очеловечении». Не случайно в 1956 г. были опубликованы в расширенном варианте автобиографические материалы Дзержинского, способствовавшие созданию обновленного имиджа революционера: полностью напечатан дневник и впервые обнаружены письма к сестре и к жене,⁴³ написанные в тюрьмах.

Герман штудировал автодокументы первого чекиста, опубликованные еще в довоенных изданиях.⁴⁴ Теперь, внимая призыву Второго съезда писателей, он вернулся к «железному Феликсу», условился со Штейном, что переработает пьесу сам, стал ее «полегоньку перепахивать», закончил в 1955 г.⁴⁵ и назвал «За тюремной стеной». Образ Дзержинского был дан драматургом в прежней литературной традиции, как пример для подражания: юные персонажи, гимназисты Петя и Витя, после знакомства с революционером охвачены желанием строить себя по его образцу. Драматический конфликт — бунт заключенных в пересыльной тюрьме Александровского центра под Иркутском — был взят из биографии чекиста. Молодой Феликс — двадцатипятилетний герой — возглавил восстание и одержал победу. В образе Дзержинского был сделан новый акцент: он был представлен *защитником прав* административных ссыльных, которых местные власти в нарушение закона приравнивали по положению к заключенным.

Заявленная тема тюремных беззаконий и противостояния им была актуальна для общества, выходящего из эпохи сталинских репрессий. Теперь пьеса имела шанс быть напечатанной и поставленной, в отли-

---

⁴¹ Штейн А. П. Второй антракт. М.: Искусство, 1976. С. 378.

⁴² Там же. С. 380.

⁴³ *Дзержинский Ф. Э. Дневник и письма* / предисл. С. Дзержинской. М.: Мол. гвардия, 1956. 191 с.

⁴⁴ Ранее выходили издания с сокращенным текстом дневника: *Дзержинский Ф. Э. 1) Из дневника [Варшавская цитадель, 1908 г.]* [М.]: Мол. гвардия, 1930. 48 с.; 2) *Из дневника [1908—1909 гг.]* / пер. Ф. Кон, предисл. и примеч. С. Дзержинской. М.: Мол. гвардия, 1939. 121 С. Кроме того, отрывки из дневника печатались в разное время в газетах «Правда», «Смена» (Ленинград) и журнале «Молодая гвардия». Позднее выходили переиздания дневника и писем, в которые включались воспоминания и рассказы о Дзержинском, в том числе Германа (см.: *Дзержинский Ф. Э. Дневник заключенного. Письма* [пер. с польск. М.:] Мол. гвардия, 1967. 333 с.).

⁴⁵ Герман сообщал об этом корреспонденту «Ленинградской правды» (см.: *Б. п. Вступая в новый год [интервью «Ленинградской правды»]* // Ленинградская правда. 1956. 1 янв. № 1. С. 2).

чие от послевоенной ситуации, когда Симонов и Берсенева сначала воодушевились, а затем отказались от нее без каких-либо объяснений. Ольга Берггольц, прочитавшая текст в журнальной публикации,⁴⁶ усмотрела в пьесе не иллюстрацию к биографии Дзержинского, а «современную» правду — собственный тюремный опыт. «Может быть, в этом главное, и может быть, именно потому так она — пьеса твоя, — и рванула меня за душу, — писала она драматургу. — То великое и трагическое, о чем мы пока не можем говорить,⁴⁷ — так и трепещет в твоей пьесе, которая при этом не перестает быть исторически конкретной, и не становится иллюстрацией ни к истории, ни к современности».

Невозможность говорить в полный голос о сталинском терроре всегда мучила Берггольц, а память об унижениях во время собственного заключения не была изжита ею до конца жизни. В то время, когда шел процесс возвращения узников из лагерей, когда еще совсем недавно большая часть страны делилась на заключенных и их охранников, Берггольц писала:

И я всю жизнь свою припоминала,
и всё припоминала жизнь моя
в тот год, когда со дна морей, с каналов
вдруг возвращаться начали друзья.
(«Тот год», 1955)

Драматургическая коллизия пьесы «За тюремной стеной» могла вызвать еще одну ассоциацию у Берггольц с недавним прошлым. Главные персонажи драмы — восставшие переселенцы — оказались в осадном положении: тюремное начальство покинуло пределы Александровского централа, и руками провокатора были уничтожены запасы питьевой воды. Таким образом, ссыльные, наряду с заключенными, были подвергнуты пытке жаждой. Берггольц, пережившая блокаду Ленинграда и жестокое испытание голодом, прочитывала пьесу в проекции «тюрьма — блокада», и тюремные беззакония приравнивала к фашистским зверствам. Доказательством этого предположения может служить ее запись, сохранившаяся в набросках во второй части автобиографической повести «Дневные звезды»: «Неразрывно спать тюрьму с блокадой».⁴⁸ Во второй — ненаписанной — части повести она намеревалась рассказать о сталинских репрессиях. Укажем еще одну

⁴⁶ См.: Нева. 1956. № 2. С. 85—115; отд. изд. вышло позднее: *Герман Ю.* За тюремной стеной. М.: Искусство, 1957 (подписано к печати 22. 12. 1956).

⁴⁷ Берггольц имеет в виду закрытый доклад Н. С. Хрущева «О культе личности и его последствиях». С ним знакомили писателей 7 марта 1956 г. в Ленинградском отделении СП, но беспартийных членов пригласили не всех, разделив, таким образом, писательскую организацию на «посвященных» и тех, с кем о культе Сталина не предполагалось говорить.

⁴⁸ *Берггольц О. Ф.* Встреча. Дневные звезды. Часть I. Часть II. Главы, фрагменты. Письма, дневники, заметки, планы / сост. М. Ф. Берггольц. М.: Русская книга, 2000. С. 220.

мысль-установку, которой Ольга Федоровна предполагала следовать: «Тюрьма — исток победы над фашизмом, потому что мы знали: тюрьмы — это фашизм, и мы боремся с ним, и знали, что завтра — война, и были готовы к ней».⁴⁹ Эти размышления поэтессы объясняют, почему не столько образ Дзержинского, который, впрочем, показался ей «великолепным», сколько сама тема пьесы Германа «рванула за душу» Берггольц.

Второе письмо было начато поэтессой летом 1966 г. во время отдыха в Коктебеле, а окончено в больнице в Ленинграде. Оно написано в совершенно иной тональности и представляет собой ретроспективное высказывание и ностальгию по быстро уходящей, ускользающей жизни. «Если б ты знал, как временами жжет и томит меня жизнь, как изумляет, — резче, чем в юности, — почти как в детстве, — писала она старому другу. — Вещи и события словно окружены тонким, сверкающим спектром...»

В центре письма — стихотворение Берггольц «Феодосия»,⁵⁰ отсылающее к встрече поэтессы с Германом и Левиным в феодосийском порту и их совместному отдыху в Коктебеле в 1935 г. «В Доме творчества нас, как выяснилось, ждали — вспоминал о тех днях Л. Левин, — об этом позаботилась Ольга — и уже приготовили комнату на троих. Тогда это считалось верхом комфорта.

Десять дней, проведенные нами в Коктебеле <...> слились в один нескончаемый длинный день, полный солнца, моря, беззаботного отдыха, веселого дружеского общения. <...> Настало время садиться в пыльный, душный вагон и ехать восвояси.

Ольга, еще остававшаяся в Коктебеле, провожала нас. Она шутила, пыталась улыбаться, но глаза были грустными. Герман смотрел по сторонам и молча покуривал.

Поезд тронулся. Наше лето 1935 года кончалось.

Выглянув из вагона, я еще долго видел тоненькую фигурку, одиноко стоявшую на перроне».⁵¹

Время внесло свои коррективы в отношения Берггольц с Германом. Она посвятила ему стихотворение «Феодосия» и была уверена в том, что ее друг «всё помнит»: и «теплые детали» давно ушедшего прошлого, и горестные потери тех, кто прошел «зоною пустыни».

О, если б кто-то, вставший с нами рядом,
шепнул, какие движутся года!

(«Феодосия», 1947)

---

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Впервые опубликовано под названием «Воспоминание» в томе «Избранное» (М.: Сов. писатель, 1948. С. 94—95). Затем воспроизведено с посвящением Ю. Герману в сборниках «Верность: стихи и поэмы» (Л., Сов. писатель, 1970. С. 197—198) и «Память: книга стихов» (М.: Современник, 1972. С. 141—142).

⁵¹ Левин Л. Жестокий расцвет. С. 60.

В зрелые годы поэтесса относилась к писателю и ровеснику в контексте особой — «поколенческой» — памяти.

А уж путь поколения
вот как прост —
внимательно погляди:
Позади — кресты.
Кругом — погост.
И еще кресты — впереди.⁵²

В 1967 г., когда уже ушли из жизни близкие поэтессе современники — Е. Шварц, М. Светлов, А. Ахматова, — Берггольц, по словам Левина, «расставалась со своей молодостью» на похоронах Германа в Доме писателей. «Кажется, это Ольга сказала, — писал он, — тогда у открытого гроба, что со смертью Германа Ленинград для нее опустел».⁵³ В некрологической заметке Берггольц писала: «Умер Юрий Павлович Герман. Ни в какую смерть нельзя поверить, а в смерть друга тем более. Ведь он был неотъемлемой частью моей жизни. Как же он может умереть?!»⁵⁴ Обыгрывая названия произведений В. Ф. Пановой, Ю. Н. Либединского и Германа Ольга Федоровна заканчивала: «Ты был нашим современником, нашим спутником, нашим знакомым, и ты останешься им навсегда, дорогой наш человек».⁵⁵

Тексты публикуются по автографам (РО ИРЛИ, ф. 870; фонд находится в научно-технической обработке); сокращения раскрыты в угловых скобках; подчеркнутые в тексте слова даются при печати аналогичным способом.

1

<1956>

Дорогой мой Юрка!

Только что прочитала твою пьесу — «За тюремной стеной».¹ Я знаю эпоху и ее живых людей, и даже материал (конечно, не так, как ты), на котором написана пьеса, и хочу, во-первых, сказать главное: Юрик, — это прекрасно! Читала всё от начала до конца с глубочайшим душевным волнением, и несколько раз плакала с великой отрадой. Это такая правда! И историческая, без всякой фальсификации и подделки, и человеческая, и — господи боже! — современная. Может быть, в этом главное, и может быть, именно потому так она — пьеса твоя, — и рва-

⁵² Берггольц О. Ф. Встреча. Дневные звезды. Часть I. Часть II. Главы, фрагменты. Письма, дневники, заметки, планы / сост. М. Ф. Берггольц. С. 261.

⁵³ Левин Л. Жестокий расцвет. С. 66.

⁵⁴ Берггольц О. Дорогой наш человек // Вечерний Ленинград. 1967. 17 янв. № 14. С. 3.

⁵⁵ Там же.

нула меня за душу. То великое и трагическое, о чем мы пока не можем говорить,² — так и трепещет в твоей пьесе, которая при этом не перестает быть исторически конкретной, и не становится иллюстрацией ни к истории, ни к современности.

Великолепен Дзержинский с его печально-жесткими интонациями (и это не только ремарка). И — знаешь? Хотя я знаю, откуда взял ты некоторые его реплики, — нет ощущения того, что он цитирует сам себя — страшнейшее зло пьес об известных людях.³ Он — железный Феликс⁴ — и — «се человек».⁵ Выстраданный тобой, сказала бы, образ... Мечта...

Я не могу, как говорится, благодаря размерам письма, подробно говорить о других персонажах, но какого ни возьми — один другого значимей. Вызывает у меня некие сомнения разве что бабушка⁶ (она — без определенной биографии, а отсюда и сцены с нею в 3 акте), но об этом надо говорить подробно, — если хочешь, когда увидимся, поговорим. Драматичность действия — особенно в 2-х первых актах — достигает настоящей трагедийности. Той, которую таит именно Революция.

...И вот — смотри сюда, — как член худсовета: в Александринке идет «Оптимистическая»,⁷ ставят твою трагедию о Дзержинском, предположим, ставят мою «Верность», — трагедию нашего времени,⁸ из классики — великолепный Козинцевский «Гамлет»,⁹ затем — «Заговор Фиеско»,¹⁰ — понимаешь, получается единственный в Союзе театр с определенным профилем, — театр высокой трагедии. А то ведь что получается? Был театр Островского — Малый, театр Чехова — Художеств<енный>, а теперь есть «театр А. П. Штейна», — охлопковский.¹¹ И ставит этот театр сегодня «Суд чести», — на тему «Бди!»,¹² а завтра — «Персональное дело» — на тему «Перебдрили»,¹³ — разве ж это игра? В репертуаре, при многообразии пьес, обязана быть ведущая, главная линия, — и в Александринке она может быть — наилучшая, наивысшая — трагедия. Ты согласен или нет? Если согласен — внушай это там. Сейчас мы можем настаивать на своем.

...Я так долго не говорила с тобой, так о многом хочется поговорить с тобой... Вы все испугались и побросали меня, начиная с чуткого ко всем моего Мака,¹⁴ — в этот страшный, гадкий, переломный и мучительный для меня год... Как ты знаешь, наверно, я опять в Свердловке.¹⁵ Было очень плохо, но сейчас выкручиваюсь.

...Я недругов смертью своей не утешу,
чтоб в лживых слезах

захлебнуться могли.

Не вбит еще крюк,

на котором повешусь,

не скован, не вырыт рудой из земли.

Я встану над жизнью бездонной моею,

над горем ее,

над железной тоскою.

Я знаю о многом. Я помню. Я смею.
Я тоже чего-нибудь страшного стою.¹⁶

Ну, и вот всё, Юринька, верней, немножко из того, что хотелось сказать, прочитав твою пьесу, — отличную, настоящую, большую. Еще раз спасибо тебе за нее, и низкий поклон... Ах, как я мечтаю о том, чтоб ты написал большую современную вещь, — ведь ты же весь до потрохов современный писатель, ты один из самых лучших наших современных писателей.

...Извини, что так криво написала все письмо, — я почти не умею писать без линеек. Сюда можно звонить А-5-09-11; 4 отд<еление>. Попросить меня. Обнимаю. Ольга.

---

¹ Об истории создания пьесы «За тюремной стеной» см. во вступ. ст. Пьеса шла с 1967 г. в Москве в Театре юного зрителя (реж. П. О. Хомский). В роли Дзержинского дебютировал О. В. Корнич, выпускник Высшего театрального училища Б. Щукина (см. заметку: *Голикова М.* За тюремной стеной // Советская культура. 1967. 1 июля. № 77. С. 3).

² См. примеч. 41 во вступ. ст.

³ Скорее всего, Берггольц имеет в виду опубликованные к тому времени книги о Дзержинском и автобиографические материалы, на которые опирался в своей работе Герман, вводя в пьесу высказывания чекиста в перефразированном виде. Ср.: 1. В тексте пьесы: «Мы должны быть чистыми, как снег, мы должны быть горячими, как пламя, мы должны быть крепкими, как сталь» (*Герман Ю.* За тюремной стеной. С. 46); в книге о Дзержинском: «Чекистом может быть лишь человек с холодной головой, горячим сердцем и чистыми руками» (*Зубов Н. И.* Феликс Эдмундович Дзержинский: краткая биография. М.: Госполитиздат, 1941. С. 55; высказывание приводится как прямая речь Дзержинского); 2. В тексте пьесы: «И если бы я родился еще раз, то не искал бы себе иной судьбы» (*Герман Ю.* За тюремной стеной. С. 59); запись в дневнике от 31 дек. 1908 г.: «...если бы мне предстояло начать жизнь сызнова, я начал бы ее так, как начал» (*Дзержинский Ф. Э.* Из дневника [1908—1909 гг.]. С. 60). А. П. Штейн приводит в своих воспоминаниях немало выписок, которые Герман делал из книг с биографическими сведениями о Дзержинском (см.: *Штейн А. П.* Второй антракт. С. 335—338).

⁴ «Железный Феликс» — расхожее определение характера первого чекиста; название книги Ю. Германа, выпущенной «Детиздатом» для детей младшего и среднего возраста (М.; Л., 1938).

⁵ Се человек — крылатое выражение; в буквальном переводе Ессе homo (*лат.*) — вот человек; слова Понтия Пилата об Иисусе Христе (Ин 19, 5).

⁶ В пьесе — Лизавета Никитична, бабушка гимназистов Пети и Вити Мельниковых.

⁷ «Оптимистическая трагедия» В. Вишневского была поставлена 1955 г. в Ленинградском академическом театре драмы им. А. С. Пушкина Г. А. Товстоноговым, получившим за постановку Ленинскую премию в 1958 г.

⁸ Работу над трагедией «Верность», в которой тема доверия к человеку рассматривалась на военном материале, Берггольц начала еще в 1947 г.; опубли.: Верность: трагедия. Л.: Сов. писатель, 1954. 110 с. Трагедия была поставлена в Народном театре Дворца культуры им. С. М. Кирова (1961, Ленинград), Городском драматическом театре им. А. В. Луначарского (1964, Севастополь); Брестском драматическом

русском театре им. Ленинского комсомола Белоруссии (1975); Радиотеатре (1961, Ленинград).

⁹ Трагедия Шекспира «Гамлет» была поставлена Г. М. Козинцевым в Академическом театре драмы им. А. С. Пушкина в 1954 г. (премьера состоялась 11 апреля). Позднее режиссер снял двухсерийный фильм «Гамлет» (1964). Летом 1956 г. Берггольц подписала официальный договор на создание сценария о первых коммунарах (по поэме «Первороссийск») к фильму, который, как она предполагала, будет снимать Козинцев. В. Г. Козинцева писала об этом: «Чтобы вывести О. Ф. Берггольц из тяжелого состояния, ее муж, начальник сценарного отдела “Ленфильма”, Г. П. Макогоненко (так в цитируемом тексте. — Н. П.) уговорил ее подписать договор на сценарий, обещав, что ставить будет Козинцев. Желая помочь Берггольц, Козинцев сказал ей, что предложенная тема его интересует, но не собирався снимать фильм по ее сценарию: в это время он уже думал о “Гамлете” (фильме. — Н. П.)» (Переписка Г. М. Козинцева, 1922—1973. М.: Артист. Режиссер. Театр, 1998. С. 174). Над сценарием поэтесса продолжала работать еще долго. 13 июня 1957 г., находясь на отдыхе в Малеевке, она отправила Козинцеву письмо о ходе работы (см.: Там же. С. 193—194), а в августе из Коктебеля писала Н. Б. Банк о том, что «так и не сдвинула сценарий с ленинградских позиций» (*Банк Н.* «Запоминай все это!..» // *Вспоминная Ольга Берггольц*, С. 213). В 1967 г. на экраны вышел фильм по сценарию Берггольц «Первороссияне» (реж. А. Иванов, Е. Шифферс).

¹⁰ Речь идет об исторической драме Ф. Шиллера «Заговор Фиеско в Генуе» (1783), поставленной в Ленинградском академическом театре драмы им. А. С. Пушкина в 1955 г. А. А. Музием.

¹¹ Имеется в виду Московский академический театр им. В. В. Маяковского, где актером и режиссером *Охлопковым Николаем Павловичем* (1900—1967) была поставлена в 1948 г. пьеса «Закон чести» драматурга *Штейна Александра Петровича* (1906—1993).

¹² Правильно: «Закон чести». «Суд чести» — кинематографический вариант пьесы Штейна; премьера картины состоялась в 1949 г. (реж. А. М. Роом).

¹³ Пьеса Штейна «Персональное дело» была поставлена в 1955 г. в Московском академическом театре им. В. В. Маяковского (реж. Е. И. Зотова) и в Ленинградском академическом театре драмы им. А. С. Пушкина (реж. Л. С. Вивьен).

¹⁴ Г. П. Макогоненко. См. о нем примеч. 19 к вступ. ст. Конец 1950-х гг. был периодом мучительного для Берггольц расставания с Макогоненко. Она долго не могла примириться с крахом своего «неверного военного счастья», хотя дружескому окружению поэтессы было очевидно, что Георгий Пантелеймонович уже был готов официально оформить отношения с новой семьей. Развод состоялся в 1962 г.

¹⁵ Больница в Приморском районе Ленинграда, в городском обиходе — «Свердловка» — обслуживала с 1932 по 1990 г. партийных работников и руководящий состав города. Лечение Берггольц переносила тяжело. Она жаловалась Е. Катерли, «что ее лечили самым издевательским способом — рвотой, по 15 раз в день» (*Катерли Н.* «Сквозь сумрак бытия»: документальная повесть. С. 47).

¹⁶ Стихотворение «Обещание» («...Я недругов смертью своей не утешу...»), написанное в 1952 г., впервые опубл.: *Юность*. 1964. № 11. С. 50.

2

<1966>

Мой дорогой Юрик!

Кажется, второй раз в жизни я пишу тебе столь пространное письмо (хотя постараюсь, чтоб оно не было очень уж пространным) — и пред-

Я знала: всё! Уже ни слов, ни споров,
ни милых встреч..

...И всё же будет год, —
один из нас вернется в этот город
И всё, что будет, вновь переживет.
Обдаст лицо блаженный воздух юга,
подкатит к горлу незабывтый зной,
на берегу проступит облик друга,
неистребимой радости земной.
О, если б кто-то, вставший с нами рядом,
шепнул, какие движутся годà!
Ведь лишь теперь, на эти камни глядя,
я поняла, что значит — никогда.
Что прошлого, и то на свете нет,
что нет твоих свидетелей отныне,
что к самому себе потерял след
для всех, прошедших зоною пустыни.⁸

1947 г.⁹

Кажется, у тебя нет этого стиха... А след-то к себе, кажется, — нет,
наверняка, — не потерял! Тороплюсь, сестра¹⁰ уходит, — отдать пись-
мо.

Обнимаю тебя. Целую Таню. Ольга.

---

¹ Т. А. Риттенберг. См. о ней примеч. 19 во вступ. ст.

² Имеется в виду изд.: *Файнберг Р. И.* Юрий Герман: критико-биограф. очерк. М.: Л.: Сов. писатель, 1965. 263 с. Письмо Берггольц цитируется на с. 194: «Это такая правда! ~ ни к современности».

³ Т. е. тридцать один год назад Берггольц впервые посетила Коктебель.

⁴ Речь идет о кн.: *Берггольц О.* Избранное. М.: Сов. писатель, 1948. 148 с.

⁵ Имеется в виду изд.: *Берггольц О.* Избранные произведения: в 2 т. Л.: Худож. лит., 1967 (Т. 1: стихотворения и поэмы; Т. 2: проза). Стихотворение «Феодосия» («Когда я в мертвом городе искала...») в двухтомник включено не было.

⁶ Берггольц бывала в Крыму много раз. Первый раз она отдыхала в Коктебеле — в 1935 г.; затем в 1940 г. (см. об этом: Письма С. С. Наровчатова к О. Ф. Берггольц (1940—1944); письмо О. Ф. Берггольц к С. С. Наровчатову / публ. Н. А. Прозоровой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2016 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. С. 715—740). Осенью 1944 г. она вновь побывала в Крыму (см. написанную по результатам поездки совместно с Макогоненко статью: Ленинград — Севастополь // Красный Балтийский флот. 1944. 24 нояб. № 280. С. 4). В 1947 и 1954 гг. Берггольц приезжала в Крым с Макогоненко. О пребывании в Коктебеле «в последних числах августа 1957 года» есть сведения в воспоминаниях Н. Б. Банк. Берггольц писала ей: «Я работаю в мастерской поэта Максимилиана Волошина <...> с огромными окнами, откуда — из каждого! — видно море и сказочные горы Коктебеля» (*Банк Н.* «Запоминай все это!..» С. 212). В июне 1964 г. Берггольц вновь отдыхала в Крыму — Ялте (см. ее письмо к А. Т. Твардовскому от 30 июня 1964 г. в кн.: *Вспоминая Ольгу Берггольц.* С. 568—569), а в 1966 г. — в Коктебеле.

⁷ Г. П. Макогоненко.

⁸ Графика письма приведена аутентично автографу, пунктуация приближена к современным правилам. О стихотворении «Феодосия» см. во вступ. ст.

⁹ Ср.: стихотворение «Феодосия» датировано: 1935, 1947 (*Берггольц О. Ф.* Собр. соч.: в 3 т. Л.: Худож. лит.-ра, 1989. Т. 2. С. 96).

¹⁰ *Берггольц Мария Федоровна* (1912–2003) — сестра Берггольц, хранитель и публикатор ее творческого и мемуарного наследия. По профессии — актриса.

Библиографический список

1. *Банк Н.* «Запоминай все это!..» // Вспоминая Ольгу Берггольц, Л.: Лениздат, 1979. С. 191–225.
2. *Берггольц О.* Блокадный дневник (1941–1945) / сост., текстол. подгот. Н. А. Стрижковой, ст. Т. М. Горяевой и Н. А. Стрижковой, коммент. Н. А. Громовой и А. С. Романова. СПб.: Вита Нова, 2015. 544 с.
3. *Берггольц О. Ф.* Встреча. Дневные звезды. Часть I. Часть II. Главы, фрагменты. Письма, дневники, заметки, планы / сост. М. Ф. Берггольц. М.: Русская книга, 2000. 336 с.
4. *Берггольц О.* Дорогой наш человек // Вечерний Ленинград. 1967. 17 янв. № 14. С. 3.
5. *Берггольц О. Ф.* Мой дневник. Т. 2: 1930–1941 / сост., текстол. подгот., подбор ил. Н. А. Стрижковой; вступ. ст. Т. Ю. Красовицкой, Н. А. Стрижковой; коммент. Н. А. Громовой, Н. А. Стрижковой. М.: Кучково поле, 2017. 824 с.
6. *Б. п.* О группе конструктивистов // Литературное обозрение. 1937. № 18 (25 сент.). С. 19–25.
7. *Герман Ю.* За тюремной стеной: пьеса в 3 д. М.: Искусство, 1957. 102 с.
8. *Дзержинский Ф. Э.* Дневник и письма. М.: Мол. гвардия, 1956. 191 с.
9. *Дзержинский Ф. Э.* Из дневника [1908–1909 гг.] / пер. Ф. Кон, предисл. и примеч. С. Дзержинский. М.: Мол. гвардия, 1939. 121 с.
10. *Золотоносов М. Н.* Гадюшник: Ленинградская писательская организация: избранные стенограммы с комментарием (Из истории советского литературного быта 1940–1960-х годов). М.: Новое литературное обозрение, 2013. 880 с.
11. *Зубов Н. И.* Феликс Эдмундович Дзержинский: краткая биография. [М.]: Госполитиздат, 1941. 96 с.
12. *Катерли Н.* «Сквозь сумрак бытия»: документальная повесть // Звезда. 2002. № 12. С. 6–66.
13. *Лебединский М. Ю.* От пращуров моих // URL: <https://unotices.com/book.php?id=69487&page=29> (дата обращения: 10.12.2019).
14. *Левин Л.* Дни нашей жизни: книга о Юрии Германе и его друзьях. М.: Сов. писатель, 1981. 456 с.
15. *Левин Л.* Жестокий расцвет // Вспоминая Ольгу Берггольц, Л.: Лениздат, 1979. С. 50–91.
16. Переписка Г. М. Козинцева, 1922–1973 / сост. и примеч. В. Г. Козинцевой и Я. Л. Бутовского. М.: Артист. Режиссер. Театр, 1998. 543 с.
17. *Прозорова Н. А.* Инскрипты и маргиналии в архиве О. Ф. Берггольц. Часть I. Инскрипты на книгах, журналах, оттисках // Ежегодник Руко-

писного отдела Пушкинского Дома на 2009—2010 годы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. С. 1051—1094.

18. *Серебровская Е. П.* Об Ольге Федоровне Берггольц: заметки / публ. Н. А. Прозоровой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007—2008 годы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 640—645.
19. *Файнберг Р. И.* Юрий Герман: критико-биогр. очерк. М.; Л.: Сов. писатель, 1965. 263 с.
20. *Штейн А. П.* Второй антракт. М.: Искусство, 1976. 432 с.

Б. Ф. ЕГОРОВ
ДНЕВНИК ЗА АВГУСТ – НАЧАЛО ДЕКАБРЯ
1964 ГОДА

*Вступительная статья, подготовка текста
и комментарии А. П. Дмитриева*

Аннотация: Дневниковые записи известного литературоведа Бориса Федоровича Егорова за август – начало декабря 1964 г. являют выразительную картину жизни творческой интеллигенции Ленинграда, Москвы и Тарту в переломную эпоху, когда в советском обществе изживалось наследие сталинского периода, завершалось время хрущевской «оттепели» и переоценивалась культура XIX – начала XX века. Представлены портреты видных ученых-гуманитариев, прежде всего преподавателей филологического факультета ЛГУ и сотрудников Пушкинского Дома (М. П. Алексеева, Г. А. Бялого, Б. И. Бурсова, В. Г. Базанова, П. С. Выходцева, Г. П. Макогоненко, Д. Е. Максимова, В. А. Мануйлова, А. Б. Муратова, Ю. Г. Оксмана, В. Я. Проппа, И. С. Рождественской и др.), а также Я. С. Билинкиса, С. А. Рейсера и Н. Н. Скатова; тартуских и московских семиотиков и структуралистов (Т. Я. Елизаренковой, И. Г. Кулля, Ю. М. Лотмана, З. Г. Минц, Л. Э. Мялля, Т. М. Николаевой, Е. В. Падучевой, А. М. Пятигорского, Л. Н. Столовича, А. Я. Сыркина, В. Н. Топорова, братьев Б. А. и В. А. Успенских, Т. В. Цивьян, И. А. Чернова и др.); писателей, входивших в редколлегию издательской серии «Библиотека поэта», и ее редакторов (К. К. Бухмейер, И. В. Исакович, В. Н. Орлова, А. А. Суркова, Н. С. Тихонова), А. А. Ахматовой, Н. Н. Грин (вдовы А. С. Грина), М. С. Заболоцкой (вдовы М. А. Волошина) и др. Описываемые события переносят читателя из Ленинграда в Феодосию, Судак, Коктебель, Тарту и Кязрику, на Валаам. В дневнике содержится нелицеприятная оценка цензурного и партийного вмешательства в научно-литературную деятельность и издательский процесс; изложены впечатления от театральных постановок, оперных спектаклей, кинофильмов, инструментальных концертов, книжных новинок.

Ключевые слова: Б. Ф. Егоров, серия «Библиотека поэта», кафедра истории русской литературы Ленинградского университета, партийный комитет, цензура, А. А. Ахматова, Ю. М. Лотман.

Abstract: Diary entries of the famous literary critic Boris Fedorovich Yegorov for August – beginning of December 1964 present an expressive picture of the life of the creative intelligentsia of Leningrad, Moscow, and Tartu at an epochal shift when the legacy of the Stalinist period had outlived itself in Soviet society, the time of Khrushchev's "thaw" was coming to an end, and the culture of the 19th – early 20th centuries was being reevaluated ... Portraits of prominent humanities scholars are presented, primarily members of the philological faculty of Leningrad State Uni-

versity and colleagues of the Pushkin House (M. P. Alekseev, G. A. Byaly, B. I. Bursov, V. G. Bazanov, P. S. Vykhodtsev, G. P. Makogonenko, D. E. Maksimov, V. A. Manuylov, A. B. Muratov, Yu. G. Oksman, V. Ya. Propp, I. S. Rozhdestvenskaya and others), as well as Ya. S. Bilinkis, S. A. Reiser and N. N. Skatov; Tartu and Moscow semioticians and structuralists (T. Ya. Elizarenkova, I. G. Kull, Ju. M. Lotman, Z. G. Mints, A. M. Pyatigorsky, L. N. Stolovich, A. Ya. Syrkin, V. N. Toporov, brothers B. A. and V. A. Uspensky, T. V. Tsiyyan, I. A. Chernov, etc.) ; writers who were members of the editorial board of the publishing series “The Poet’s Library” and its editors (K. K. Bukhmeyer, I. V. Isakovich, V. N. Orlov, A. A. Surkov, N. S. Tikhonov), A. A. Akhmatova, N. N. Green (widow of A. S. Green), M. S. Zabolotskaya (widow of M. A. Voloshin) and others, are presented. The events described take the reader from Leningrad to Feodosia, Sudak, Koktebel, Tartu and Kääriku, to Valaam. The diary contains an impartial assessment of censorship and party interference in scholarly and literary activities and in the publishing process; impressions of theatrical and opera performances, films, instrumental concerts, new publications.

Keywords: Boris F. Egorov, “The Poet’s Library” series, Leningrad University’s History of Russian Literature Department, Party Committee, Censorship, Anna Akhmatova, Juri M. Lotman.

Автор публикуемого дневника Борис Федорович Егоров (29.5.1926—3.10.2020) не нуждается в особом представлении и перечислении его многочисленных заслуг на научном, административно-педагогическом, издательском и просветительском поприщах. Никогда не являясь сотрудником Пушкинского Дома, он начиная с конца 1950-х гг. участвовал во многих его проектах, дружил и творчески взаимодействовал со многими его сотрудниками. Не случайно в Большом конференц-зале Института в мае 2016 г. торжественно отмечалось 90-летие маститого литературоведа, и это был настоящий праздник для всего коллектива.

Принимал он участие и в «Ежегоднике Рукописного отдела Пушкинского Дома», подготовив три большие публикации: 1) *Боткин В. П. Письма к М. А. Бакунину* // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1973 год. Л.: Наука, 1976. С. 90—103; [То же] на 1978 год. Л., 1980. С. 88—128; 2) М. А. Булгаков — «переводчик» Гоголя: (инсценировка и киносценарий «Мертвых душ», киносценарий «Ревизора») // [То же] на 1976 год. Л.: Наука, 1978. С. 57—84; 3) «...Мы сделали дружнее, мудрее, очищенные этим страданием»: дневник художника С. В. Ганкевича (январь—март 1942 г.) // [То же] на 2014 год: Блокадные дневники. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. С. 397—455 (совм. с А. П. Дмитриевым).

Незадолго до кончины Борис Федорович (далее: Б. Ф.) начал сдавать в Рукописный отдел ИРЛИ наиболее ценные личные документы и письма из своего архива. Согласно его пожеланию эту работу продолжат теперь его наследники. Архив будет упорядочен и передан на государственное хранение. Наиболее важным приобретением Пуш-

кинского Дома, на наш взгляд, в недалеком будущем станет многолетний дневник, который был начат автором 2 января 1964 г. За минувшие годы накопилось ровным счетом 122 тетради, по большей части небольших, ученических. Сам ученый с 2002 г. периодически обнаруживал фрагменты своих записей, и таких публикаций насчитывается уже более десятка. Но пока это только первые приступы к академическому воспроизведению всего этого интереснейшего документа эпохи, являющегося и уникальным опытом исповеди выдающегося человека, — опытом, отличающимся к тому же и несомненными художественными достоинствами.

Настоящей публикацией записей за август — начало декабря 1964 г. продолжается предпринятое нами в 2016 и 2020 гг. с благословения Б. Ф. последовательное обнаружение его дневника — по возможности без купюр (имеющиеся единичные лакуны были сделаны самим автором при просмотре набранного текста): *Егоров Б. Ф.* 1) Дневник за январь — начало мая 1964 года / вступ. зам., подгот. текста и примеч. А. П. Дмитриева // *Острова любви БорФеда: сборник в честь 90-летия Б. Ф. Егорова* / ред.-сост. А. П. Дмитриев и П. С. Глушаков. СПб.: Ростов, 2016. С. 1010—1041; 2) Дневник за май — начало августа 1964 года / вступ. ст., подгот. текста и коммент. А. П. Дмитриева // *Литературный архив советской эпохи*. СПб.: Ростов, 2020. Кн. 2. С. 397—456.

Кроме того, Б. Ф. предполагал републиковать дневник 1964 г. целиком в сборнике последних своих статей, который надеялся выпустить в мае 2021 г. — к своему 95-летию. (Он определил название будущей книги: «Личное и внешнее на пути к всеобщему вечному», заголовки и порядок следования разделов и включенных в них статей, просмотрел и сами тексты, внося смысловые уточнения и стилистическую правку. К величайшему сожалению, пока никак не удается профинансировать издание сборника. Но, конечно, это необходимо сделать в ближайшее время.)

В августе-декабре 1964 г. в личной, семейной, научно-педагогической жизни Б. Ф. происходят важные перемены, на которые накладываются изменения внутривосточные — после отстранения от власти Хрущева начинается идеологический откат от завоеваний «оттепели», идет зримое укрепление бюрократизма, поднимают головы сторонники сталинских методов управления наукой и культурой, что сразу отражается, например, на книгоиздании: под предлогом экономии бумаги существенно сокращается аппарат томов книжной серии «Библиотека поэта», где в тот период Б. Ф. являлся заместителем главного редактора.

Егоровы получают квартиру в новопостроенном кооперативном доме на проспекте Космонавтов, начинается переезд с семьей из Озерков — полюбившейся им «природной» ленинградской окраины. 18 августа Б. Ф. записывает: «Как-то необычно дома. Дома ли? Ведь последние деньки доживаем... Это создает ощущение зыбкости бытия,

Б. Ф. Егоров с дочерью Татьяной, тещей Т. А. Николаевой и женой С. А. Николаевой у дома в Озерках. Начало 1960-х гг. Публикуется впервые

вокзальности, неуютности»; 31 августа внутренние переживания выливаются в такие слова: «Чувство противоречиво: хочется нового, хочется городских удобств, но зато сердце сжимается: отрывается большой кусок жизни (и сколько мы в дом вложили заботы и энергии — жалко это все бросать)...»; 8 сентября размышления о смене жилья переходят уже в философскую плоскость: «Думал о противоречиях души: мы корнями уходим в землю, традиция все больше проникает в нас, и в то же время душа бьется против установившегося ритма, однообразия. Хочется менять дом, город, профессию, круг научной работы — и в то же время нас тянет назад (не хочется продавать дом, не хочется из Питера и проч.)».

Перемена местожительства внутри Ленинграда и поездка на семиотическую конференцию в Кяэрику недалеко от Тарту вызывают в душе тревожные раздумья о более серьезном жизненном переломе: совсем недавно, в 1962 г., Б. Ф. оставил уютный университетский город Тарту, где заведовал кафедрой, жил в комфортном интеллектуально-эмоциональном единении с близкими по духу семьями Лотманов, Столовичей, Габовичей, — и обосновался в Ленинграде, где его крайне недружелюбно приняли деятели партийно-административных структур ЛГУ и издательства «Советский писатель», а также недоброжелатели-за-

вистники из научно-академической среды. Впрочем, ситуацию скрашивало возобновление тесных дружеских связей с коллегами: Я. С. Билинским, Г. А. Бялым, Л. Я. Гинзбург, Д. Е. Максимовым, С. А. Рейсером, В. Е. Холшевниковым и др. Радовало и многое другое: возможность регулярно работать в богатейших архивах и библиотеках Ленинграда, посещать театры, концертные залы, филармонию, общаться со студенческой молодежью, непосредственно участвовать в важных издательских проектах. Сглаживал углы и давно налаженный прочный семейный быт — благодаря жене, ученому-химику Софии Александровне Николаевой (в дневнике: Соня), дочери Татьяне, будущему филологу, специалисту по английскому языку и литературе и переводчику, и любимой теще Татьяне Алексеевне Николаевой. Тем не менее, 27—28 октября Б. Ф. оставил в дневнике свидетельство внутреннего надлома: «Тоска. Разрыв душевный. Между женой и любовницей — подобное чувство. Было минутное: бросить Питер и уйти в Тарту!..»

Описание душевных волнений, однако, не часто находит место на страницах дневника: Б. Ф. — человек действия, не склонный к рефлексии и рефлексии. Его день настолько переполнен событиями, что порой диву даешься, как он везде поспевает! Видимо, у него это получалось потому, что он очень любил жизнь и людей. Ему интересны все, волею случая встретившиеся на его жизненном пути. И он старается оставить о них как бы «зарубку на память». Так, отдыхая с семьей в Феодосии (этим открывается наша публикация), он едет на автобусную экскурсию — и характерная запись от 2 августа: «У нас хорошая экскурсоводка — Любовь Евгеньевна Онуфриева. Разговорились — окончила филфак (отдел журналистики) Рижского университета. Судьба у нас очень бывает своеобразна — что ее занесло экскурсоводом в Феодосию?! Представила нам водителя — Ленечка такой-то, шофер экстра-класса. Про себя умолчала, но я ее тоже оценил как экстра — живая, ироничная, понимающая, тактичная — с ней было хорошо, весело, занимательно».

О том, что Б. Ф. обладает незаурядным писательским даром, упоминали рецензенты его книг, отмечали исследователи и мемуаристы. Дневник 1964 г. вполне подтверждает это умозаключение, особенно на материале словесных портретов, воссоздающих внешний облик и внутренний мир человека буквально считанными, но всегда точными и выразительными штрихами.

Приведем некоторые из них, воскрешающие черты деятелей культуры и науки недавнего прошлого. Вот, например, вдова Максимилиана Волошина *М. С. Заболоцкая* («старообрядческое что-то, крепкая, напористая, волевая, гордая, раздражающаяся многолюдством (но очевидно, и приятно ей). Начинена цитатами из Волошина. Стара, слепа, утомлена, но бодр духом...»); *В. А. Мануйлов* («...он 2 минуты не может посидеть: то подбежит к нам и что-нибудь расскажет, то бегом на галерейку, несколько минут стук-стук на машинке, затем куда-то

исчезнет на полчаса, снова подбежит — и так в течение нескольких часов!! Спит он 5 часов ежедневно (с 3—4 ночи до 9 утра), днем немного — и так летом, да и зимой часто. И — как огурчик!!»); *О. Ф. Волкова* («Хромая, болезненная, одинокая, очевидно, внутренне очень трагичная (другим девицам эта трагичность и не снилась) — она очень хороша душевно»); *А. М. Пятигорский* («Ходит гигантскими шагами по аудитории, непрерывно курит, перегибается пополам, как перочинный нож, щурит косой глаз, внешне — помесь грузина с индусом»); *В. Н. Топоров* («Внешне — топором сделан, грузный русский купчина, круглый, кругленькая борода, жеваный пиджак, руки в карманы, через час по слову — но веско и точно, — а между тем поразительная духовность и знание десятков языков, фольклоров, этнографий, литератур. На глазах появляется универсальный филолог, которых уже не рождалось лет 30»)...

Столь же впечатляют портретные зарисовки *В. Г. Базанова*, *Д. Е. Максимова*, *В. Я. Проппа*, *С. А. Рейсера*... Или вот запись от 1 декабря о польском пианисте-виртуозе: «Были с Соней на шопеновском концерте Витольда Мальцужинского (Аргентина), поляка (эмигрант?). Очень по-домашнему, камерно. И как-то быстр не по-артистически. Как есть боксеры — кинутся по удару гонга и сразу в физиономию. Так и он — еще сядил, как уже по-боксерски стремительно бросил вперед руки и ударил по клавишам. Шопена играл очень хорошо — так и нужно».

Строго и интересно оценивает *Б. Ф.* оперные спектакли («Поругание Лукреции» *Б. Бриттена*, «Пер-Гюнт» *Э. Грига*) и драматические постановки («Мамаша Кураж и ее дети» *Б. Брехта*), кинопросмотры («Кто вы, доктор Зорге?» *И. Сиампи*), концерты (солистов миланского театра «Ла Скала»), которые, несмотря на загруженность по работе и обилие творческих замыслов, регулярно посещает или смотрит по телевизору. Неумную натуру *Б. Ф.* (ему всего 38 лет!) порой переполняет взрывная энергия шептунского свойства. Придя домой после концерта Мальцужинского, он записывает в дневнике: «Каждый раз в филармонии жажду прыгнуть на большую люстру и покачаться через весь зал. Вообще мне почти всегда в тихой большой аудитории хочется отточить что-нибудь озорное, чтобы нарушить тишину».

Из мегаполиса *Егоровых* тянет на природу. 23 сентября он с женой оказывается на *Валааме* и в дневнике делится впечатлениями от монастырского архипелага в эпоху, когда в его кельях и скитах обитали инвалиды войны и туберкулезные больные: «Скалы, сосны, серая холодная волна. Север. Здесь только и можно было душу богу посвящать — холодная прозрачная пустота, тишь. Даже рев волн не нарушает этой пустоты».

Дневник *Б. Ф.* обладает особым достоинством и в том смысле, в каком мы обычно оцениваем преимущества того или иного дневника

очевидца совершавшихся когда-то событий, поскольку в нем вполне объективно, искренно и без утайки излагаются подробности происходившего. Причем в центре внимания Б. Ф. зачастую оказываются эпизоды, в свое время не подлежавшие огласке, например: убийство еврейской семьи в Свердловске, декабрьские волнения в общежитии ЛГУ из-за стычек с хамоватыми нигерийскими студентами. Для историка литературы и литературоведения дневник Б. Ф. — кладезь малоизвестных сведений о ведущих писателях эпохи и исследователях как их творчества, так и творчества их предшественников. Так, в публикуемом фрагменте дневника находим описания: знакомства Б. Ф. с Анной Ахматовой, реакции В. М. Жирмунского, А. А. Суркова, А. Т. Твардовского и Н. С. Тихонова на типографский макет тома Бориса Пастернака в Большой серии «Библиотеки поэта», докладов московских и тартуанских семиотиков и структуралистов на научной конференции в эстонском Кяэрику, бесед и споров на филфаке ЛГУ, в которых участвовали его корифеи: В. Г. Базанов, Б. И. Бурсов, Г. А. Бялый, Г. П. Макогоненко, Д. Е. Максимов, В. А. Мануйлов, В. Я. Пропп, И. М. Тронский и др.

Перемежаются сообщения о текущих событиях глубокими аналитическими обобщениями, обычно с элементами самопознания. 14 августа Б. Ф. записал: «Все противоречиво. Жажду традиций — бешусь от пошлости многих традиций <...>. Ратую за новаторство — не люблю, когда сбрасывают с парохода стариков». Однако он всегда — и в юности, и в 1964 г., и вплоть до последнего дня своей долгой и прекрасной жизни остается непоколебим в следовании своим твердым нравственным ориентирам, в своем моральном максимализме, неизменен в неуспокоенности своего сердца. 28 сентября в дневнике появляется запись: «Тяжко. Господи, до чего трагичен мир. До чего трудно видеть всякие пакости. И пора бы уж сердцу успокоиться — ан нет».

Текст печатается аутентично подлиннику, случайные описки исправлены по умолчанию. Материалы для публикации предоставлены дочерью ученого Татьяной Борисовной Миллер, которой приносим сердечную благодарность за помощь в работе и консультации.

1.VIII.

В скверике у могилы Айвазовского — старая армянская церковь,¹ с таблицей об охране и проч. — а внутри полный развал, обрушившаяся крыша и еле живые стены — всё в любую минуту развалится.

Убил еще целый час на запись в городскую библиотеку — такая очередь. В душе кувырчался миллион чертей — так я накалился за час унизительного стояния. Но ради дочери² выстоял — у нее нет уже чтива.

Воскресенье. За нами в поселок³ любезно заехал экскурсионный автобус, и мы в составе 20 бездельников отправились в дневной поход. Первая остановка — Планерское.⁴ Узнаю, что здесь В. А. Мануйлов,⁵ — мчусь к нему, бужу (8 утра, но он спал без просыпу, т. к. ночью работает). Он, как всегда, крайне доброжелателен. Договорились, что приеду к нему в среду-пятницу, чтобы посмотреть лучше Коктебель, Кара-Даг,⁶ дом Волошина и проч.

Едем. Судак. Кажется, единственное место, где строятся санатории, — это приятно. Дальше — 7 км от Судака — Новый Свет, бывшее имение кн. Голицына и его вин<ный> завод.⁷ Дорога — узкий проселок, головокружительные повороты над обрывами. Вспоминаю, что два дня назад в «Правде» заметка: автобус с туристами во Франции свалился в ущелье, и все разбились...⁸ Горы кругом — красотища... В Новом Свете — вываливаемся из автобуса, на пляж, купаться. Когда я отплыл изрядно от берега, оглянулся и ахнул — красота какая! Бухточка⁹ вся окружена красивейшими горами, особенно горой Сокол. После купанья поход по обрыву следующей скалы, Орел, в следующую бухту — Синюю (1-я была — Зеленая). В горе — громадная пещера, где кн. Голицын устроил пиршественный зал.¹⁰ Тоже красота. Затем на следующую скалу, отделяющую Синюю бухту от последней, Голубой¹¹ (кстати, самой эффектной — жаль чрезвычайно, что здесь никакого жилья для охотников,¹² — а сколько можно было бы настроить красивых пансионатов!). В отделяющей скале любопытны сквозные пещеры. Возвращение мгновенное — через можжевелевую рошу. Лазили мы по скалам, однако, 2 часа!

Еще раз купание в Новом Свете, затем обед под судацкой Генуэзской крепостью¹³ — час в очереди, пся крев,¹⁴ простояли!!

Осмотр крепости. Впечатляет отвесный обрыв после 2-й линии обороны — отступать некуда! Из Судака — в Старый Крым.¹⁵ Дорогой — песни. У нас хорошая экскурсоводка — Любовь Евген<ьевна> Онуфриева. Разговорились — окончила филфак (отдел<ение> журналистики) Рижского ун<иверсите>та. Судьба у нас очень бывает своеобразна — что ее занесло экскурсоводом в Феодосию?! Представила нам водителя — Ленечка такой-то, шофер экстра-класса. Про себя умолчала, но я ее тоже оценил как экстра — живая, ироничная, понимающая, тактичная — с ней было хорошо, весело, занимательно.

В Ст<аром> Крыму она нам показала домик Грина и Нину Николаевну.¹⁶ Ей — 70 (успела в конце Сталина отсидеть 9 лет¹⁷). Вышла на крыльцо и заученно начала рассказывать краткую биографию Грина (неловкое чувство испытываешь!). Подчеркивала, как ему было трудно при РАПП'е, как было голодно, как в 1930 г. они были вынуждены перебраться из Феодосии в Старый Крым — здесь дешевле!¹⁸

Затем — на могиле Грина. Тяжелое чувство.

Возврат домой. Целый день, 13 часов. Самая впечатляющая экскурсия в моей жизни.

5.VIII.

Небольшой передох — и снова насыщенный день. Поехали с утра в Коктебель и там целый день (хотели на такси, но — ни одной машины, поэтому на автобусе). Добрались в 10.30 утра. Сразу к В. А. Мануйлову, а он нас — в мастерскую Волошина. (Живет В<иктор> А<ндроникович> во флигельке, которых несколько при доме, — и всегда у Волошина толкся народ, иногда до 70 гостей — дом открыт был и для писателей, и художников, и планеристов — и просто хороших людей.) Несколько девиц сидят за столом и читают Волошина. В хороших переплетах — 5-томное полное собр<ание> соч<инений>, подготовленное в свое время для «Academia»¹⁹ — и, конечно, не выпущенное (между прочим, и не выпустили бы, даже и не будь закрыта «Academia»). Затем — однотомничек, подготовленный Мануйловым для Крым<ского> изд<ательст>ва и застопоренный в прошлом году в связи с событиями на культурном фронте.²⁰ Всё это, разумеется, в машинописи. Довольно сильно зачитанное. Я стал перелистывать V том и обнаружил в примечаниях вырванные страниц 26 — статья Волошина о 9 января 1905 года.²¹ Сволочи. Это ведь не базарные бабы, а люди, допущенные к культуре. К счастью, есть еще экземпляры, можно дожить.

Интересный кабинет — великолепная библиотека, особенно французская литература, любопытны всякие вещицы — индийские раковины (Врубель брал цвет Царевны-Лебедь²²), деревянные коряги — дары моря — необычайной конфигурации. И — акварели его. Много любопытных, талантливых. Слепки египетской царевны Танах (свекровь Нефертити) — как бы муза Волошина (подлинник — во Франции). Слепки посмертных масок Петра I, Пушкина, Л. Толстого, Достоевского.

Любопытная копия скульптуры (бюст) Волошина, сделанная (и сделанной) французским скульптором (кажется, Слицкий, поляк) для галереи на бульваре²³ — бюст обозначает поэта. Бюст стоит поныне. Анекдот: Волошин сидел на банкете рядом с Эйфелем²⁴ и стал ругать его башню — она его раздражала, не вписывалась в силуэт Парижа. А Эйфель ответил, что бюст поэта прямо напротив его окон, что ему очень он приятен и что он рад был познакомиться с оригиналом.

На стене — абстрактный портрет Макс. Волошина, сделанный Диего Ривера.²⁵

Вскоре пришла вдова, Мария Степановна.²⁶ Полный контраст с Ниной Николаевной Грин (и, очевидно, с Волошиным) — старообрядческое что-то, крепкая, напористая, волевая, гордая, раздражающаяся многолюдством (но очевидно, и приятно ей). Начинена цитатами из Волошина. Стара, слепа, утомлена, но бодра духом (да и физически

еще не развалина; сколько ей — лет 70?²⁷). Как-то невольно зашла речь о ее подвиге — 30 лет хранит дом-музей. Страшные рассказы! Когда Сов<етская> Армия покидала Крым, был приказ сжечь дом — уже была принесена солома. Она выбросила солому, стояла на пороге как смертник. Появился Сельвинский²⁸ и еще кто-то из комиссаров, спасали, попали под арест — но всё же дом она отстояла!

Затем немцы, варварство, какой-то солдат-пастор, пытавшийся ограбить библиотеку, — и она его — по порожкам.²⁹ Несколько раз стояла под дулом пистолета — кричала: стреляйте! — грудью вперед — и не стреляли. Однажды стала рвать цветы — офицер закричал, чтобы она не трогала, ее всю перевернуло, и она тоже под пистолетом орала: «Meine Blumen!»³⁰ — и оказывалась жива...

Через несколько часов после взятия Кокт<ебеля> у нее оказался Василевский,³¹ привез ей продуктов, спрашивал, что она желает, — она попросила, чтобы убрали подальше пушку, стоявшую рядом; Василевский сделал это...

Рассказы о Волошине, кот<орый> в Гражданскую войну прятал у себя чуть ли не весь обком, партизан и проч. По освобождении — делегация из Симферополя, благодарности, продуктовые подарки, а Волошин: за что вы меня благодарите? Я так же спасал ваших врагов!

М<ария> С<тепановна> еще более решительна и мужественна: выгоняла пьянчуг, стучавших в глухую ночь (кстати, когда-то она выгнала пришедшего пьяного Грина).

Показала нам в сокровенной комнатке самую интересную коллекцию акварелей Волошина. Очень интересны портреты Волошина, его друзьями написанные. Впечатлений масса...

Вечером ходили на Кара-Даг. Домой — на такси; очень рады, что легко добрались.

Поразителен В<иктор> Андр<оникович> — он с 1927 г. ежелетно живет у Волошина и является 1) добровольным помощником и секретарем М<арии> Степ<ановны> (письма пишет!); 2) экскурсоводом — всем показывает дом и внутренности. Это отнимает у него целые дни — всё лето, и он добровольно, бескорыстно несет этот крест.

Поразительна также его нервная непоседливость, еще хуже, чем у Пугачева,³² — он 2 минуты не может посидеть: то подбежит к нам и что-нибудь расскажет, то бегом на галерею, несколько минут стук-стук на машинке, затем куда-то исчезнет на полчаса, снова подбежит — и так в течение нескольких часов!! Спит он 5 часов ежедневно (с 3—4 ночи до 9 утра), днем немного — и так летом, да и зимой часто. И — как огурчик!!

6. VIII.

Торжественный день — после 10-дневного отдыха начинаю работать. Приступаю к вступ<ительной> статье об Ап. Григорьеве.³³

Да будет она легко писаться и да кончу я ее к отъезду!

8.VIII.

В Феодосии. Взяли билеты на вертолет (до Симферополя) и на самолет (ТУ-104) до Питера, на 17-е.

Затем еще раз — наверное, последний — побродили по городу. Типично для всех южных городов — маленькие улочки, дома гл<авным> обр<азом> во дворе, в тени, улицы в акациях.

Нашли на территории санатория Мин<истерства> обороны грот Пушкина.³⁴ Ничего особенного.

10.VIII.

Кончил Аполлона — даже не ожидал, что так быстро. А дело в том, что заново писать сейчас нет никакой возможности — устал... Устал как-то безнадежно. Поэтому скомпоновал статью из своей старой.³⁵ Слава богу, что есть старая...

Теперь буду читать вольно... Хотя я и так много прочел — всякую научную популярщину вроде «Пирамиды» Гонейма,³⁶ египетского археолога, нашедшего новую пирамиду III династии; затем — самое интересное — «Жили-были» Шкловского.³⁷ Отношение к нему, да и к книге — двойственное, но очень интересно. Талантливый он человек. Одновременно читаю Шкловского же «Л. Толстой» — серия «Жизнь зам<ечательных> людей».³⁸ Очень интересно и талантливо тоже. Анализ произведений — наименее интересная часть, а биография — превосходно.

Понедельник — через неделю в Питере.

11.VIII.

Кончил книгу Г. Соловьева «Эстетич<еские> взгляды Добролюбова».³⁹ На голову выше обычной макулатуры этого рода. Есть понимание, что Добр<олюбов> — дальше, чем Чернышевский. Чувствует структурность, системность цитат и мыслей.

И при этом часто то осторожность, то непонимание — срезание углов и замазывание противоречий, — это раздражает. Но в целом, хотя и двойственно, — хорошо.

12.VIII.

Получил письмо от С. А. Рейсера.⁴⁰ Как нарочно — отзыв, резко отрицательный, — о «Жили-были» Шкловского за ложь. Любопытно расспросить подробности.

13.VIII.

Поездка в Коктебель вместе с Новиковыми.⁴¹ Приехали — сидим на набережной, ждем просыпа Мануйлова, все как-то разошлись, кто куда, один я — и вдруг опять она, бормоча: «Мистика совершенная!» —

и ко мне. Сдавило горло, я закрыл глаза руками и процедил — «Уходи!!» Секунду постояла — ушла. Поразительно, она мне попадает в самых неожиданных местах: Ленинградский вокзал в Москве, ЦГАЛИ, в разных ленинградских уголках, а теперь еще в Крыму! Действительно, трагическая мистика. Я опять промолчал потом, но совесть грызла весь день и испортила настроение.

Мануйлов — часовую лекцию о Волошине, которую прослушали работники московского радио, а мы — присоединились.

Затем четырехчасовой поход — через перевал между Кара-Дагом и Святой горой⁴² — к биостанции.⁴³ Очень устали (км 15 по горам), очень очистительно. Красиво, как всюду в горах Восточного Крыма.

На автобусе вечером домой. Искупались — и вся усталость ушла. Совесть — не смоешь.

14.VIII.

Читал Шкловского о Толстом. Думал: большие люди типа Т<олсто>го заглушали совесть напряженным творчеством. Нам, середнякам с большой и больной совестью, остаются паллиативы, в частности научное творчество. Я бы, верно, погиб без так называемой науки. Причем интересно — чем более напряжен, взволнован, тем менее способен на серьезную проблемную работу, а хочется механической: картотека, переписывание в архивах, систематизация — это лучше поможет.

Думал еще — мои мечты, что был бы я журналистом-публицистом, не очень бы осуществились: пошлость, никчемность, ограниченность дела все равно бы давила. Выхода не было бы и здесь. А где же? Не знаю.

Все противоречиво. Жажду традиций — бешусь от пошлости многих традиций (не говорю уже о новых «традициях» — Дворцы бракосочетаний⁴⁴ и прочая неслыханная мерзость, поповщина и т. п.). Ратую за новаторство — не люблю, когда сбрасывают с парохода стариков.

15.VIII.

Прочитал Соне⁴⁵ статью об Аполлошке — понравилась. Приятно.

Думал: мещанину без совести значительно легче отгородиться от зыбкой и неприятной жизни: он отрубает административные связи и замыкается в своем мире, но когда с жизнью необычайно многочисленны духовные и нравственные связи, то очень трудно их обрубить — практически невозможно!

16.VIII.

Вчера вечером кончил Шкловского «Л. Толстой». Хотя всё как будто известно, а все равно очень тяжело. Люблю Толстого, очень понятна его боль, его метания, его безысходность. Для русской культуры он по-

сле Пушкина — второе лицо, а в смысле мирового резонанса — первый. Даже Достоевский перед ним несколько бледнеет.

Сегодня — последний вечер в Феодосии — съездили на почту, базар. Утром улетаем. Грустно.

17.VIII.

Утром, несмотря на холод, успел искупаться. Вода хороша. Последний раз уплыл в море. Грустно было. В полдень мы уже на вертолете, в 15.45 — вылетели на ТУ-104 с симферопольского аэродрома, в 18 час<ов> с минутами — в Питере. Холодно, 14°, было еще холоднее. Кончилось лето!

В самолете читал статью о кибернетике как антирелигии⁴⁶ и думал о вечности и личности.

18.VIII.

Как-то необычно дома. Дома ли? Ведь последние деньки доживаем... Это создает ощущение зыбкости бытия, вокзальности, неуютности. Иногда иллюзия временного стационара отдаляет от души эту зыбкость, но, когда встает проблема во весь рост, — снова неуютно.

Еду в город, где много дел. У Адамовны,⁴⁷ отдал ей печатать статью об Ап. Григорьеве. Она сказала, что дома нашего (кооперативного) уже три этажа⁴⁸ — жаль, не успею посмотреть, т. к. нужно уезжать в Эстонию. Там Ю. М. Лотман⁴⁹ организует летний симпозиум по семиотике,⁵⁰ нужно поехать и продлить, так сказать, лето, ибо в Питере невозможно уединиться — хотя бы в «Б<иблиотеку> поэта» нужно ходить!⁵¹

В «Б<иблиотеке> поэта». За месяц с небольшим ничего особенно, если не считать приказа нового комитета по делам печати — о сокращении вспомогательного аппарата книг (т. е. статей, комментариев и т. п.) — упоминаются Исакович⁵² и Бухмейер,⁵³ превысившие нормы (это, верно, Арон⁵⁴ им удружил, наябедничал новому начальству). Поэтому теперь велено всё сокращать до минимума, в том числе уже почти готовые книги — Плещеев,⁵⁵ например. А Ап. Григорьев (Костелянца)⁵⁶ как будто уже был на мази, заматрицирован — так всё придется ломать, перебирать — это называется экономия!!

Познакомился со Смирновым (кажется, Мих<аилом> Мих<айловичем>?),⁵⁷ новым глав<ным> редактором изд<ательств>ва. Лиса, цивилизованная, чувствует, что ни на копейку своего мнения. Сидели у него с Исакович, она докладывала о настоящем положении дел.

После «Биб<лиоте>ки» — к Яше,⁵⁸ кот<орый> обещал со мной ехать. А он, оказывается, в Москву укатил. Что же делать! Пошел в Аэрофлот — прямого самолета до Тарту нет, взял до Йыхви,⁵⁹ а там как-нибудь доберусь (жаль, что завтра, в среду — как раз выходной самолет Йыхви — Тарту).

Вечером — сборы.

В 11 утра — лечу на самолете ИЛ-14 Ленинград — Таллин. В Йых-ви — через 45 мин<ут>. Ура — оказывается, отменили выходной и через час лечу на бипланчике АН-2, который за часик все кишки растряс. Я еще ведь крепкий, и то было муторно и нельзя было читать. В 2 часа — в Тарту. На кафедру.⁶⁰ Кильк.⁶¹ Пошел по городу, в книжные магазины. Вернулся — наконец-то ЮрМих. Очень рад был его видеть. Пообедал, вскоре подали университетский автобус (а утром приехала главная масса москвичей — их увезли на заказанном⁶² «Икарусе» и день еще возили на экскурсию по Южной Эстонии). Поехали на вокзал ко второму московскому поезду. ЮрМих вышел на перрон, а я — в будке справочного бюро объявлял по радио (какая простота! У меня не спросили ни документов, ни текста, кот<орый> я буду произносить).

Но оказалось, что приехало всего трое — И. И. Ревзин с женой⁶³ и Г. А. Лескис.⁶⁴ Ну, еще мы — следовательно, пятеро плюс учебная доска и пакет мела. Не мало. Жмем в Кярику,⁶⁵ где — через час с небольшим.

Это за Отепя,⁶⁶ за озером Пюхаярв⁶⁷ — еще около 10 км, университетская спортив<ная> база. Зимой здесь отдыхал президент Финляндии Кекконен⁶⁸ (для него специально выстроили финскую баню, которая, кажется, ничем не отличается от русской — я, по крайней мере, не уловил разницы).

Очень красиво — небольшое озеро (диаметр⁶⁹ меньше километра), а вокруг — корпуса. Главное здание — столовая (зал — где вечером телевизор или кино), учебные аудитории, администрация, буфет, баня и т. п. Кругом — гостиницы и общежития.

Я поселился в 4-кроватьной комнате (в расчете на семью). Вечером народ купался, а я сидел на телефоне, вызывал Питер — и Новиковых, чтобы утром пошли к нашим и позвали их сюда. В лесах вокруг — грибы и ягоды.

Спал очень хорошо.

Утром начались занятия, вернее, доклады. Не приехал В. В. Иванов,⁷⁰ который ждал визы в Польшу на конференцию по поэтике.⁷¹ Поэтому ЮрМих попросил вводную лекцию о семиотике вообще сделать Влад<имира> Андр<еевича> Успенского.⁷² Москвич, математик (на каф<едре> мат<ематической> логики в МГУ и зав. сектором во ВНИИТИ⁷³), недавний доктор, молод (30 с небольшим), умен, личностен, любит показать себя, но при этом в большом масштабе хорош. Сделал живой доклад.

ЮрМих для него нарисовал семь пьяниц на доске, чтобы создать герб «летней школы» (кстати, оказывается, нельзя называть «симпо-

зиум», т. к. это требует какого-то особого разрешения; а «летняя школа» — в ведении университета; для большего затемнения добавлено «летняя школа по вторичным моделирующим системам» — попробуй разбери, что это такое!). По-эстонски семиотики — *semi=jotikud* — т. е. «полупьяницы», или, мешая с русскими корнями, — «семь пьяниц», что и изображено на доске.

Затем доклад Т. М. Николаевой (Москва).⁷⁴ Умна, но москвичка так и лезет из всех щелей. Это современное молодое поколение — ноль внимания к другим, занятость собой, отсутствие душевной щедрости. А при этом ведь, возможно, неплохие люди. Таковы и другие молодые москвички — Т. В. Цивьян,⁷⁵ частично — Е. В. Падучева.⁷⁶ От них резко отлична О. Ф. Волкова.⁷⁷ Хромая, болезненная, одинокая, очевидно, внутренне очень трагичная (другим девицам эта трагичность и не снилась) — она очень хороша душевно. Кстати, оказывается, она хорошо поет оруджавские, блатные и прочие соврем<енные> песни, типа Высоцкого и т. п.

Затем — ЮрМих.⁷⁸ Не ново, т. к. знаю его идеи. Хорошо.

Обед. Носится завхоз Игорь Чернов⁷⁹ — вчера он заказал 60 обедов, и половина полетела в помойку, — теперь нужно выкручиваться, кому платить. Сегодня заказано точно. Полу-самообслуживание: от каждой группы (нас — «академиков», как зовут поварахи, — около 50 чел<о-век>, занимаем большой ряд столов) выделено 3—4 человека, которые на раздаче берут посуду и еду и расставляют заранее на столе, а затем собирают грязное и моют стол: ждет следующая смена, нужно за полчаса поесть.

За три еды в день берут с души 2 рубля и кормят на убой (здесь не принято воровать).

После обеда доклад Ревзина о телепатии⁸⁰ — опыты были интересные (московская пара), но выводы мало интересны. Ревзин вообще мало интересен.

В перерыве получаю телеграмму — наши⁸¹ едут сегодня дневным автобусом, так что в 23 часа они в Тарту. Срочно мчусь.

21.VIII.

Пропустил вчера доклад Зализняка⁸² и двумя автобусами добрался до Эльвы⁸³ (где встретил Инну Мих<айлов>ну⁸⁴ с ребятами, посмотрел, как живут Лотманы на даче), а оттуда уже поездом в Тарту. 8 вечера. Ужинал и бродил по городу, никуда не пошел.

11. Автобуса нет. Полночь. Час ночи. Я уже начал волноваться. Что делать? Неужели ночь дежурить?! Становится прохладно. Начал оставивать машины, идущие с севера — не видели ли автобус из Ленинграда? Выяснил, что близ Тарту автобуса нигде нет, значит, сломался далеко.

Наконец, около двух вдруг на радость появляется автобус! Вылезает еле живые. Сломался в 53 км от Питера, простояли 3 часа, пока не

прислали новый автобус. Бежим на стоянку такси, никто не хочет ехать в Кярику, т. к. смена кончается в 2.30 ночи, а новая смена начинается в 4 часа! Приятная перспектива околачиваться до четырех утра на панели! Предлагаю идти ночевать к Александру Исааковичу (тестю)⁸⁵ — или ехать к Лотманам в Эльву — но отвергают оба варианта, готовы ждать на улице до 4-х.

Наконец, на новое счастье, нашелся человек, который сменяется в 4 утра, остается 2 часа, уговариваю его ехать, дрогнул — ура! За час подбросил нас до Кярику, надеюсь, что за второй благополучно вернулся в Тарту.

В начале четвертого бужу Игоря,⁸⁶ достаю постели, спим.

Утром голова трещит, пьем черный кофе.

Заседание началось с Пятигорского (Ал<ександ>р Моисеевич).⁸⁷ Ходит гигантскими шагами по аудитории, непрерывно курит, перегибается пополам, как перочинный нож, шурит косой глаз, внешне — помесь грузина с индусом.

Бросает идеалистические фразы, мыслит какими-то индийскими категориями, совсем не по-европейски. Своеобразно, талантливо, интересно, хотя и далеко не всё приемлешь.

Доклады Огибенина⁸⁸ и Сегала⁸⁹ — мало привлекательны.

Зато пять с плюсом — Топоров о кетском фольклоре⁹⁰ (народ Сибири). Внешне — топором сделан, грузный русский купчина, круглый, кругленькая борода, жеваный пиджак, руки в карманы, через час по слову — но веско и точно, — а между тем поразительная духовность и знание десятков языков, фольклоров, этнографий, литератур. На глазах появляется универсальный филолог, которых уже не рождалось лет 30.

Женщины мои⁹¹ лазят по лесам, собирают ягоды и грибы.

22.VIII.

Наиболее интересно — доклад Мялля о буддизме.⁹² ЮрМих страха ради опубликовал из его тезисов параграфы первый и последний (из 12-ти), так что ничего не понять.

Мальчик совсем (лет 25), глаза светятся внутренней страстью, улыбается — совсем не эстонский нац<иональный> характер образовался — оказывается, увлекся восточными языками, буддизмом и сам стал чуть ли не буддистом. Сейчас он аспирант Института Азии,⁹³ под крыльшком Пятигорского.

А смысл доклада: напрасно европейцы пытаются реконструировать первоначальный буддизм в виде системы понятий или в виде пути к усовершенствованию; истинный буддизм ни то, ни другое, а нулевой путь, где всё — ничто, нуль — нет систем, пути, понятий, категорий, нет ничего, всё нуль. ЮрМих задал потом вопрос: а «нуль» в этом плане — значим, как бы плюс (или единица)? Нет, ответил Мялля, нуль — тоже нуль, всё нуль. Знаков тоже нет в этом буддизме, а мы пользуемся

знаками, в т<ом> числе нулем, чтобы истолковать непосвященным, что такое нулевой путь, что т<акое> истинный буддизм.

Неплохой доклад Игоря Чернова,⁹⁴ хотя он мазал, волновался и курил беспрестанно.

23.VIII.

Интересный доклад Бориса Андр<еевича> Успенского.⁹⁵ В отличие от брата — робок, стеснителен, очевидно — без эгоцентризма, добр, внимателен.

Цивьян об этикете⁹⁶ — очень узко, к тому же меня раздражает ее «московскость».

ЮрМих — великолепно об игре.⁹⁷

Кульль — эстонский мат<ематический> логик — довольно нудно и очень уж математически толковал об обучении.⁹⁸ При этом неприятно рисовался.

В конце — мой доклад.⁹⁹ Решил читать. Т. к. тема — узкая, то споров не было.

24.VIII.

Я председательствую. Доклад Сыркина (Ал<ександ>р Яковл<евич>) о юморе¹⁰⁰ — не очень глубок в теоретич<еской> части, но очень интересен в индуистике.

Валентин Айзикович Зарецкий.¹⁰¹ По виду — типичный местечковый еврей: нескладен, провинциален, страшный акцент. Работает в телецентре г. Курска! А по вечерам сидит и думает о диссертации, о кибернетике! Идеи есть интересные, но есть и скучная талмудистика. Диссертацию будет защищать в Тарту,¹⁰² совещается с ЮрМихом, тот выколачивает из него эстетику, нуду, Столовича¹⁰³ и т. п.

Очень интересный доклад Г. А. Лесскиса о статистических отличиях научной и худож<ественной> прозы.¹⁰⁴

Любопытно — Падучевой о принципах отделения абзаца¹⁰⁵ (создать объективные критерии, чтобы машина могла механически отрезать абзацы).

Вечером с Таней искупался. Сносно. Пожалел, что раньше не купались по утрам, как Успенские и Топоров. Теперь буду ежедневно.

25.VIII.

Объявлен выходной день. Многие уехали в Тарту (а некоторые даже умудрились осмотреть часа за 3 Таллин!), кто — в ресторан на Пюхярве, а мы семейством (кроме Тат<ьяны> Ал<ексеев>ны¹⁰⁶) доехали до Отепя и там немного побродили, сделали покупки.

Забыл написать, что 22-го было только утреннее заседание, и после обеда мы в полном семейном составе отправились на автобусе до пансионата «Пюхярве», а оттуда пешком 8 км вдоль озера и до самого

Кярику. Удивительно красиво. Была хорошая погода. А сегодня весь день почти дождь — обидно иметь выходной.

26.VIII.

Вчера вечером бродил с Бор. Успенским, он, оказывается, 24-го вместе с Пятигорским был на приеме у Клементя,¹⁰⁷ ходатайствовали о Нурмекунде.¹⁰⁸ Это человек, знающий 59 языков, из них половину — азиатских. В молодости был в самых различных странах, плавал матросом на португальских кораблях (в ресторане, подвыпив, материла по-португальски — рассказывает Пятигорский) и т. д. В 1949 году был арестован, бежал из тюрьмы и 10 лет скрывался на хуторе, в глуши. Объявился, когда узнал об осуждении культа личности и об амнистиях, реабилитациях. Неск<олько> лет преподавал китайский и корейский языки в ТГУ на почасовых основаниях, лишь недавно включен в штат (только сейчас читает не кит<айский> и т. д., а индийские языки), организовал Восточный кабинет. Так вот, Пятигорский с Успенским хлопочут, чтобы магистерскую диссертацию Нурмекунда (о каталонском языке!) послать на отзыв московским специалистам, чтобы затем ходатайствовать в ВАК'е о кандидатской степени. Клемент обещал все сделать.

Заговорили с Успенским на темы Тарту, он как-то обмолвился — хорошо бы организовать кафедру структурной лингвистики. Меня осенило, и я предложил ему — не хочет ли возглавить эту кафедру? Оказывается, ему очень хочется!

Я тут же начал допрашивать. Выяснилось, что он работает не в прекрасном окружении, в сущности — одинок (Институт Африки¹⁰⁹), т. к. кругом мальчики МИДовского пошиба, бегающие в ЦК узнавать, какой страной Африки следует, а какой не следует заниматься, Вад Невраевы,¹¹⁰ весьма далекие от науки. Вроде ему обещают полставки в МГУ, но пока неясно. Поэтому он с радостью согласен в Тарту на полставки.

Я тут же пообещал переговорить на другой день с ЮрМихом, что и сделал сегодня утром (вчера Лотманы уезжали в Эльву и Тарту провожать Инну Мих<айлов>ну, которая, конечно, ничего лучше не придумала, как взять для трех детей — Наташа, Гриша, 4-летний Алеша¹¹¹ — билеты на ночной автобус! Поэтому Лотманы на такси доехали в час ночи до Пюхаярве, где и ночевали!).

ЮрМиху очень понравилась идея (Савватию панча шило в задницу!¹¹²), тут же принято решение просить ректора.

Доклады сегодня. Ревзин — на общую тему «Искусство и семиотика». Смысл: искусство — сложная система, поэтому не к чему ею заниматься, а лучше брать или на лингвистическом уровне, или же примитив<ные> произв<едения>, вроде детективов. Очень это чужое. А анализ детектива Агаты Кристи у Ревзина — хорошо.¹¹³

ЮрМих — о знаке в искусстве — очень хорошо, хотя я это и знал по его книге.¹¹⁴ Нужно бы ЮрМиху делать главный доклад!

Затем — чрезвычайно интересное истолкование работы Жегина¹¹⁵ Б. Успенским.¹¹⁶ Вернее — сама работа¹¹⁷ парадоксально захватывающая. Жегин — соратник Маяковского по Школе живописи, ваяния и зодчества,¹¹⁸ друг Ларионова и Гончаровой,¹¹⁹ думающий мерами XX века.

Архиинтересно — Топоров о буддийском изобразительном искусстве.¹²⁰

27.VIII.

Наш последний день в Кярику, завтра утром уезжаем.

Доклад С. Е. Генкина о киноязыке.¹²¹ Совершенная болтовня, разорванные куски, ничего перспективного. Вежливо промолчали, не желая громить гостя.

Интересный доклад Сегал — Цивьян о лимериках Э. Лира.¹²² Сочиняю тут же лимерик:

Жил-был юный ученый у Кярику,
Молоко пил и ел он сухарики,
Изучал там он знак, вешал всех он собак,
Симьотический муж из Кярику.

Интересный доклад прочел Ю. И. Левин¹²³ — не приехавшего инженера-москвича Льва Бор<исовича> Переверзева об искусстве палеолита и неолита.¹²⁴ Потом сам Левин — слишком узко, но попытка ввести формулизацию.¹²⁵

Закончился день докладом Тат<ьяны> Як<овлевны> Елизаренковой о свадебном гимне в «Ригведе».¹²⁶ Говорила свободно, не краснея, о весьма щекотливых вещах (кровь новобрачной и т. п.). Но это — ерунда, а доклад был очень интересен (аплодировали), Ел<изаренко>ва производит очень хорошее человеческое впечатление в отличие от московской женской части в целом.

Осталось мною не услышанным — завтрашние доклады Минц (антонимы),¹²⁷ Топорова (анализ стихов Рильке).¹²⁸ Жаль. Вообще жаль уезжать. Как нарочно — сегодня прекрасная теплая погода после дождливых дней. Днем ходил с Соней купаться. Рискнул, несмотря на холодную воду, переплыть озеро. Приятное и щемящее чувство одиночества среди большого озера, вдали от берегов.

28.VIII.

Сегодня вечером будет банкет в Пюхаярве — а я, увы, буду трястись в ленинградском автобусе.

Зато ЮрМих через Игоря достал две бутылки водки на вечер, и все же последний вчерашний вечер прошел не пустую.

Вначале заседали нечто вроде инициативной группы — кроме Юр-Миха и меня — Успенские, Топоров, Ревзин, И. Чернов.

Планировали том «Ученых записок», посвященный конференции. Уйма докладов — свыше 30! А выделено 10 листов. Придется просить всех по $\frac{1}{2}$ листа и — петитом печатать. А кое-что, вроде Генкина, вообще долой.

Топоров был наиболее либерален, просил печатать все (а при этом у него проскальзывала мысль о предпочтительности конкретных работ — он явно тянет к позитивизму, к отказу от обобщений, хотя сам семи пядей во лбу и никак не может обойтись без общего; следовательно, это свидетельство кризиса науки, разуверения в нынешних методах обобщения).

Затем перешли к Успенским, где жены появились¹²⁹ (а мужи некоторые — В. Успенский и Ревзин — смотрелись спать) и 2 припасенные бутылки. Пили. Пришла О. Ф. Волкова, очень хорошо пела. Интересные песни пел и Б. А. Успенский.

Потом пошли гулять с ЮрМихом (был уже час ночи). Луна, тепло, грустно, поэтично. В два — «дома». Наши, оказывается, только что загнули, т. к. сволочные физкультурники в соседней комнате до полуночи жарили фокстроты (радио), а потом еще языки чесали (на стук Соны — ноль внимания). Мне было очень больно, что я гулял, когда тут такой сволочиизм рядом и страдания.

Утром сегодня — тяжелая голова от недосыпу. Последний завтрак. Прощания. Автобусик до Отепя. Оттуда — в Тарту.

Тат<ьяна> Ал<ексеев>на сидела с вещами на автостанции, а Соня с Таней поехала к отцу на работу.¹³⁰ Я крутился между кафедрой и книжными магазинами.

В коридоре ТГУ встретил Клементя. Перекинулись словами. Спросил меня, как я. Ответил: «Тоскую по Тарту, пользуюсь каждым поводом, чтобы приехать». Интересовался Соней. Я его хвалил за Кярику. Договорился с ним, что завтра к нему придет ЮрМих в 13.30, а в 14.00 — явится вся основная группа участников.

Нужно обедать и ехать домой.

29.VIII.

Доехали вчера до Питера благополучно, в срок и без поломок. Мне как-то везет в этом смысле. На прощанье пришла Сонина мачеха — «Густа»,¹³¹ пришлось Соне знакомить ее с Тат<ьяной> Ал<ексеев>ной. Щекотливая сцена; впрочем, сразу сели в автобус.

Ал<ександ>р Ис<аакови>ч обещается в гости...¹³²

Очень обмелела Эмайги¹³³ и — особенно поразительно — Чудское озеро.

Сегодня день отдыхаю, раскладываю открытки, газеты, книги. Немного читаю.

Неожиданно появились Билинкисы.¹³⁴ Я им был очень рад. Наговорились. Ругал Яшу, что не поехал со мной. Гуляли.

Вот и конец лета. Я еду в город. Впрочем, все едем — смотреть нашу кооперативную квартиру. Сейчас там — Вавилонская башня, но будет скоро в порядке. Заканчивают последний, пятый этаж, но одновременно уже идет отделка внутри комнат. Чувство противоречиво: хочется нового, хочется городских удобств, но зато сердце сжимается: отрывается большой кусок жизни (и сколько мы в дом вложили заботы и энергии — жалко это все бросать), не говоря уже о разных неприятностях по продаже дома.

У Адамовны — взял статью об Ап. Григорьеве. Вышло 70 стр., нужно будет сокращать.

Забегал в «Биб<лиотеку> поэта». Прибыли макеты Пастернака¹³⁵ от Твардовского и Тихонова.¹³⁶ Тв<ардовск>ий — с письмом, полностью одобряющим, Тихонов — ни строчки: молчаливое согласие. Один экз<емпляр> тут же пошел Прокофьеву.¹³⁷

Отправился в ЛГУ — я ведь даже не знаю своей нагрузки, своих курсов!! В коридоре филфака встречаю лаборанток. Узнаю: 1) я должен был на работу явиться 28-го!! 2) меня в августе искал ректор.¹³⁸

Иду в деканат, объясняю опоздание: я ведь 13.VII читал лекцию англичанам — неужели не имею права на отсрочку?! Всё в порядке, пишу заявление о выходе на работу 28-го...

Затем — в ректорат. Помощник ректора обещал узнать, в чем дело, позвоню завтра. Алик Муратов,¹³⁹ — несмотря на обещания ректора — до сих пор его мурьжат и полную ставку не дали. Поймали в коридоре Реизова,¹⁴⁰ разговор как с жабой — то же отвращение. «Ничего не знаю, должно быть представление кафедры...» Короче, теперь все зависит от Базанова.¹⁴¹

Идем с Аликом в ИРЛИ, но Базановым и не пахнет. Придется завтра искать.

Устроился в вестибюль главного здания¹⁴² читать статью об Ап. Григорьеве> (не хочу на филфаке, еще дадут какие-нибудь задания — а фонд<аментальная> биб<лиоте>ка¹⁴³ — санитарный день, тысяча чертей!).

Но через час устал — был напряженный день, да и место неподходящее, все равно все 70 стр. не прочту. Еду домой. Устал.

Не чувствую лета, очень тяжелая голова. Нравственный бальзам, помазавший мои струнья в Кярику, быстро испаряется. Ох, и годик предстоит!

Вот и начало года. Господи, благослови! Пусть год будет легче прошлого...

Еду в «Биб<лиотеку> поэта». Совещание о ходе работы. Пока всё в порядке, Киселев¹⁴⁴ только на 1 день задержал Никитина¹⁴⁵ — сегодня сдаст. 2-й экз<емпляр>¹⁴⁶ Пастернака решили или Базанову, или Ямпольскому.¹⁴⁷

Звоню в ИРЛИ Базанову. Там. О Пастернаке. Не хочет читать в срок, хочет последним. Чорт с ним, отдам Ямполу. Затем — о Муратове. Говорят, что вчера у него был Муратов. — Говорили ли о ставке? — Нет, он мне ничего не сказал. — Значит, он постеснялся. — Ну, он не красная девица! (Сволочь, а!). = Тем разговор и кончился. В душе ругаю Муратова, что не сказал сам, — получается, что я больше его заинтересован в его ставке!!

Забыл еще написать¹⁴⁸ о совещании в «Сов<етском> пис<ателе>» — директор Г. Ф. Кондрашов¹⁴⁹ делал доклад о недавнем идеологическом совещании в Смольном, о докладе Толстикова.¹⁵⁰ У нас громад<ный> прогресс промышл<енный>, но в Ленинграде не уменьшается преступность. Поэтому нужны произв<едения> о раб<о-чем> классе, рев<олюционных> традициях и т. п.

Звоню ректору. Действительно искал: хотел спросить моего мнения о Покусаеве,¹⁵¹ на которого объявлен конкурс. Я ответил, что одобряю кандидатуру: Покусаев — ученый и хороший дипломат, который будет устраивать все стороны. Я спросил, как долго еще Александров пробудет. Сказал, что еще месяц-два. (Говорят о замене — проф. Кондратьев, физик.¹⁵²)

Из «Биб<лиотеки> поэта» — к Лотманам на Невский,¹⁵³ куда Зара¹⁵⁴ просила занести тексты Карамзина (ЮрМих хотел досмотреть).¹⁵⁵ Зара — вслед за мной приехала в Питер, но о приеме у ректора знает. Клемент идею встретил сочувственно, выделил на организацию лаборатории полставки — кот<орые> может занять Успенский, а остальные ставки — за счет внутренних перемещений внутри университета. Б. Успенский остался на пару дней в Тарту, чтобы всё это утрясти и явиться к ректору уже с конкретными предложениями. В квартире Лотманов — столпотворение.

В поликлинике ЛГУ. Лечу поясницу. Крестцовая невралгия. Слава богу, не почки!

В гостях у Рейсера. Он за лето подружился со Слуцким (поэтом).¹⁵⁶ Доволен. Много всяких новостей. Пару раз был у Базанова. Пили, и крупно. Откровенничал Вася: не хочет заниматься кафедрой, мечтает о Покусаеве, который его заменит.

Сегодня мое учебное начало: два занятия по поэтике и стилистике. Хочу попробовать научить (и научиться) структурно анализировать худ<ожественный> текст. Беру «12» Блока.

Нагрузка у меня чуть больше по существу по сравн<ению> с прошлым годом, но божекая: ист<ория> рус<ской> критики (год, 2 часа в неделю), введ<ение> в лит<ературу>ведение (семестр, 2 часа), 3 группы по поэтике ($3 \times 2 = 6$ час<ов> в нед<елю>) и, если будут, — спецкурс и спецсеминар.

Вечером объявился С. Г. Исаков.¹⁵⁷ Он был на Алтае (Телецкое озеро¹⁵⁸), доволен.

Сдал 5 объявлений о продаже дома. Тоже — господи, благослови!

Меня не так пугает результат, сколько сам процесс — осмотр, торг, хождение по инстанциям и т. д. ...

Перед «Биб<лиотекой> поэта» столкнулся с семейством Альтшуллер-Дрыжакова,¹⁵⁹ которые как раз направлялись ко мне. Дрыжаковой заплатили в Тарту почасовые лишь за 240 часов, а другие часов 100 — зажали, т. к. работающий человек может лишь 240 час<ов> доработать!!!

Альтшуллер подал от себя и Лотмана заявление на большую серию — «Поэты XVIII — нач. XIX вв.».¹⁶⁰

В «Биб<лиотеке> поэта» меня ждала Инна Мих<айлов>на.¹⁶¹ Просила опять повторить прошлогоднюю игру: звоню в ее дирекцию и прошу не слишком загружать внеучебными поручениями, т. к. она должна ухаживать за больным мужем. Невыносимо мне это, но по доброте душевной соглашаюсь.

Мчусь на лекцию в ЛГУ. Встречаю С. С. Деркача,¹⁶² говорю о Муратове, он обещает переговорить с Ефимовым, проректором.¹⁶³

Затем — процедуры в поликлинике (лечусь инфракрасным облучением), затем мчусь к Ямполу, кот<орый> рассказывает вкратце о том, как он перед отпуском вызвал В. С. Маслова¹⁶⁴ и трактовал ему о положении дел (не понимая, что за личность В. С. Маслов!). Тот обещал учесть замечания (держи карман!).

Мчусь на свидание с Соней, опаздываю. Страшно неловко. На такси.

Идем в гости к Леше¹⁶⁵ — у него вроде молодоженства (женился на куколке, впрочем, м<ожет> б<ыть>, и ничего для него — типа культурной офицерской жены; кто-то рассказал, что когда он пил в своей компании по поводу женитьбы, то кто-то провозгласил: «дай бог, не последняя!»). Но одновременно — и прощание, т. к. в воскресенье едет в Москву, а оттуда в Монголию — консультантом по организации курса научного коммунизма в вузах Монголии.

Монголы ерепенились долго — им не очень, видно, хочется консултантов, но наши как-то настояли, дают визу... Положение в Монголии сложное. Китайцы чуть ли не круглые сутки шпарят передачи, агитируют за себя — и против СССР, не говоря уже о брошюрах, листовках и т. д. А в среде монгольской интеллигенции еще сильно течение «Великой Монголии» — не легче китайцев! — оттяпать у нас Бурято-Монголию и Туву, у Китая — смежные области. Тяжело. Лешка законно дрейфит.

Талантливый он человек, это скрадывает его «этику». Очень остроумно рассказывал о розыгрышах (как он одному приятелю, одолжившему трешку, регулярно посылал докладные письма с вырезками из газет; и на 10-м письме тот сдался, вернул долг).

Компания — Николай Иванович¹⁶⁶ (директор Дома Ученых при Политехническом ин<ститу>те¹⁶⁷), зам<еститель> декана физ<ического> ф<акультета>, товарищ по кафедре. Они бледны по сравнению с Лешкой. Он вел разговор и всех смешил.

5.IX.

Суббота. Устал очень. 4 часа занятий. Деркач: говорил с Ефимовым, $\frac{1}{2}$ ставки на Муратова есть, важно представление кафедры, сразу будет зачислен.

После лекции целый час убил в ректорате на дело студентки-выпускницы Гейро,¹⁶⁸ которая по ошибке подписала школу в Тихвинском р<айоне> (а думала, что это в часе езды от города). Но баба, ведающая распределением (кажется, Михайлова?),¹⁶⁹ такая стерва, в глазах такая ненависть кухонной склочницы, что разговор был совершенно бесполезным.

Вечером читал Мандельштама.¹⁷⁰ Еще раз убедился в своей правоте — что М<андельшта>м мелок, ничтожен как человек, и это не могло не отразиться на его стихах. О Сталине — смело и злобно,¹⁷¹ но ведь это — из-под подворотни; Сталин — сволочь, но крупная! И другие стихи полны этой мелочностью. Хотя есть и настоящая поэзия.

Пастернак в 1000 раз крупнее. Когда он интеллигентничал и рисовался — это было неприятно (даже в «Д<окторе> Живаго»¹⁷² это проявилось — в антихристианском эгоизме героя, в индивидуализме и т. п.), но во многих последних стихах он вышел на самую высокую дорогу. «Цель творчества — самоотдача»¹⁷³ — это уже не «какое тысячелетье на дворе»¹⁷⁴ и не «выковыривал изюм из жизни — сладкой сайки».¹⁷⁵ Даже в «Вакханалии»,¹⁷⁶ где есть ребяческая свобода от норм, запрета, этики, чувствуется эта самоотдача:

Сколько надо отваги,
Чтоб играть на века,
Как играют овраги,
Как играет река,

Как играют алмазы,
Как играет вино,
Как играть до отказа
Иногда суждено.

А какое ничтожество Ник. Чуковский с своими «мемуарами» о Мандельштаме.¹⁷⁷

Забыл еще написать, что был сегодня в Гослитиздате.¹⁷⁸ В свете нового приказа Комитета кроют комментарии к последним двум томам Добролюбова.¹⁷⁹ Пришлось и мне поступиться некоторыми мелочами в 8 томе.¹⁸⁰ Когда кончится этот балаган?!

Говорят, что Гиллельсон¹⁸¹ и Мануйлов наотрез отказались сокращать «Лерм<онтова> в восп<оминаниях> современников»,¹⁸² поэтому выиграла в Москве битва. Так и надо!

6.IX.

Приводил в порядок библиотеку. Из гостей лишь Аня¹⁸³ и Новиковы, поэтому удалось поработать.

8.IX.

Утром читал «Д. Бедного» Эвентова (вступит<ельную> статью)¹⁸⁴ и сокращал болтовню.

В «Биб<лиотеке> поэта». К. К. Бухмейер, заменяющая сейчас И. В. Исакович, сообщила мне приятную новость: мне не будет зарплаты за август, т. к. я не в штате и отпуска не имею. В душе чертыхался, т. к. прошлый год такого не было, но у нас семь пятниц на неделе. Я не умру без месячного пайка, но в душе неприятное чувство обойденности.

Читал с горя «Поэты, павшие на Отеч<ественной> войне».¹⁸⁵ Есть третий сорт, а есть настоящие поэты (П. Коган,¹⁸⁶ например, — поразительна в условиях 30-х годов битва за нестандарт, за индивидуальность, за свободу от канонов любого типа).

Думал о противоречиях души: мы корнями уходим в землю, традиция все больше проникает в нас, и в то же время душа бьется против установившегося ритма, однообразия. Хочется менять дом, город, профессию, круг научной работы — и в то же время нас тянет назад (не хочется продавать дом, не хочется из Питера и проч.).

Разговор с Инной Мих<айловой> Образцовой (а перед этим — очень милый — с ее директором). ЮрМих, возможно, проточит в Тарту весь месяц — Дина¹⁸⁷ очень тяжело больна, при смерти. Очень жалко ЮрМиха. Боже, мало ему было мучений на веку.

9.IX.

Засед<ание> кафедры. Начали точно в 17.00. Базанов очень волновался, вел хорошо, без спектакля, только уж очень мужиковато (Вл<а-

дислав> Евг<еньевич>¹⁸⁸ по окончании верно заметил: «для нашей кафедры слишком мужиковат»). Да еще были оттенки балагана: ни с того, ни с сего обратился к Беркову¹⁸⁹ с вопросами — а они на ножах, поэтому Берков отвечал накаляясь.

По окончании я собрал партгруппу.¹⁹⁰ Позвал Базанова. Кадровые вопросы. Сказал во-1) о разговоре с Александровым о Покусаеве. Это было мое личное мнение. Есть ли др<угие> мнения на партгруппе? Молчание. В. Е. Холшевников: «Я слышал о Покусаеве много хорошего, знаю его как серьезного ученого. Но хотелось бы, чтобы такие вопросы решались раньше и партгруппу раньше ставили в известность».

Я: «Ник<олай> Ив<анови>ч! (Соколову)¹⁹¹ А Вы не будете возражать против Е. И. Покусаева? Что он специалист по 2-й пол<овине> XIX в.?»¹⁹²

Ответ: «Нет, Е<вграф> И<ванович> — профессор, доктор, какие тут могут быть возражения».

Базанов, накаляясь как утюг: «Б<орис> Ф<едорович>! Ведь у нас партгруппа, а вы с такой улыбочкой... Не надо уходить в прошлое. Вы, конечно, понимаете, о чем я говорю?»

Я все понимаю, понимаю, что дешевое хулиганство, но иногда хочется озорничать... Откручиваюсь дурачком, дескать, Н<иколай> И<ванович> был главный аргументатор против приема лиц по 2-й пол<овине> XIX в. ...

Н<иколай> И<ванович>: «Так то шла речь об аспирантах» (как будто я тоже аспирант! — Но я уж промолчал).

Затем — о Мануйлове, кот<орый> подал заявление об уходе на пенсию. Парадно решили, что не отпускаем.

О Муратове. Деркач вопросом в лоб вынудил Базанова сказать, что он — за полную ставку.

Потом еще полчаса говорили на разные темы. Базанов устал, все время тер лоб и закрывал глаза.

Всеобщее напряжение и скованность. Возвращались домой с В. Е. Холшевниковым, кот<орый> похвалил мое ехидство, а мне было уже не по себе от мелкоты этого ехидства, да и вообще от мелкоты всего.

10.IX.

Разные реакции. Деркач ругает меня за ехидный вопрос («Не надо толкать Базанова в объятья Соколова» — хотя он уже там давно, и ничего не изменилось бы).

А Бурсов¹⁹³ в гневе набросился — зачем вообще партгруппа? Зачем я их всех поставил в дурацкое положение с Покусаевым? Уж лучше бы молчать. Я объяснил, что все идет к Муратову, а Покусаев и Ман<уйлов> — для затравки. Не убедил!..

11.IX.

«Биб<лиотека> поэта». Тишь да гладь. Цурикова¹⁹⁴ сказ<ала>, со слов П. П. Громова,¹⁹⁵ что В. Н. Орлов¹⁹⁶ был в понедельник в городе и собирался ехать в Москву. Что же не зашел?

Кс<ения> Конст<антиновна>¹⁹⁷ была на «приеме» у М. М. Смирнова,¹⁹⁸ кот<орый> сетовал, что почти все редакторы «Биб<лиотеки> поэта» — беспартийные (оказывается, и нижняя редакция — все беспартийные!!!).

Забегал к Лотманам на Невский. Инна Мих<айловна>¹⁹⁹ подарила свою брошюрку о Рим<ском>-Корсакове.²⁰⁰ Будем читать.

Пытался забежать к Билинкисам, но, оказывается, Яша уехал (в Тулу,²⁰¹ что ли?).

В гостях у Дм<итрия> Евг<еньевича>.²⁰² Сто лет у него не был. Подавлен молчанием Лотманов — справедливо обижен (они даже на деловую просьбу не ответили: Д<митрий> Е<вгеньевич> договорился весной с Клементом, что выплата денег вдове Е. Иванова за публикацию в Блок<овском> томе²⁰³ произойдет в виде редакторских денег Дм<итрию> Евг<еньевичу> — так это же нужно повернуть!).²⁰⁴

Защита у Д<митрия> Е<вгеньевича> 1-го, в Пуш<кинском> Доме.²⁰⁵ Не хочет банкета, невыносимо ему этически — я его понял и одобрил.

Поговорили на кафедральные темы и более общие.

Читал письмо Тольятти²⁰⁶ — архиинтересный документ, но каковы будут последствия?

Приехал домой поздно — давно так не «гулял».

12.IX.

Разговор с Бурсовым и Ямпольским о кафедр<альных> делах. Ругали они доктор<скую> дисс<ертацию> А. М. Гаркави «Некрасов и цензура»²⁰⁷ за фактографию, газетные выкрики и т. п. Решили совместно — написать ему письмо с просьбой по-хорошему забрать дисс<ертацию> «для доработки». Иначе при нынешней ситуации может не пройти.

13.IX.

В гостях Рейсеры.²⁰⁸ Интересное письмо к Р<ейсе>ру от Покусаева. Тот получил только что 3-комнат<ную> квартиру, поэтому колеблется сейчас в смысле Л<енингра>да (думаю, что он уязвлен внутренне тем, что его «сверху» сажают — хотелось бы, чтобы интеллигенция сама позвала, — а она молчит; Р<ейсе>р тоже собирается ответить уклончиво: «трудно советовать, сами решайте»).

Вечером смотрели концерт артистов «Ла Скаля» <так> из зала Чайковского.²⁰⁹ Голоса хороши, но поражало жмотничество на «бис» — еле-еле повторяли партию (о новых и речи не было!). Лишь одна дева молодцом была.

Вчера вечером еще концерт артистов «Ла Скаля». ²¹⁰ Рангом выше. Во-1) хороший репертуар, во-2) на бис исполняли новые номера, в-3) ни об одном не извинялся конферансье, что у синьора NN завтра репетиция в 11 утра..., а самое главное — превосходные голоса. Особенно бурно и ярко — певица Скотто. ²¹¹ Мило улыбалась.

С утра — в ун<иверсите>те. Вечером — 1-е собр<ание> Малого филфака, ²¹² но еще не известно, будет ли Базанов. Вчера заходил на каф<ед>ру, Нина Мих<айловна> ²¹³ ему о совещании в среду, по поводу сборника «Вопросы реализма», ²¹⁴ — а он: «А достоин ли сборник выхода в свет?» Шутить изволят.

В «Биб<лиотеке> поэта». Приехал из Эстонии Орлов. Цветет. Доволен. Перекинулись новостями.

Зашел Яша. Был в Туле на толстовской конф<ерен>ции, ²¹⁵ где — маразм провинциальный с черносотенным духом. Чорт его дернул полезть в прения, где доказывал, что Григорий Мелехов приобрел в результате большой духовный опыт, а М. Кошевой — беднее духовно. ²¹⁶ Ему и дали за это! Поделом.

У них тучи нависают над Груздевым ²¹⁷ — жмут, чтобы он в отставку, а он ни с места. Парт<ийно>-гос<ударственный> контроль при Обкоме решил, что министер<ская> комиссия необъективно оценила и что Гр<уде>ва надо в шею. А он не подчиняется решению и сидит молча.

Рассказал, что статья Ардаматского в «Известиях» — об убийстве еврейской семьи в Свердловске. ²¹⁸ По этому поводу в мире уже шум. Неясно, почему не объявить в газете прямо? ²¹⁹

Собрание Малого филфака. Жуткое вступление И. С. Рождественской, ²²⁰ где меня она объявляла как «читающего интересный курс по истории революционно-демократической критики». В середине пришел Базанов, который попутно «поправлял» меня (я спросил для оживления — «что т<акое> романтика?» — и ученики очень живо трактовали, а потом заключал, противопоставив — отделив романтизм от романтики) — а Баз<анов> начал подробно о двух романтизмах, ²²¹ о двух романтиках и т. п. К чему все это?

Ученики-старшеклассники производят очень хорошее впечатление — интересуются, начитаны, будущие кандидаты в Ун<иверсите>т.

По оконч<ании> прошлись с Баз<ановым> до Биржи. ²²² Он сказ<ал>, что сегодня получил письмо от Покусаева — отказывается... Я выразил соболезнование (искреннее — в данной ситуации из всех зол Покус<аев> — меньше).

Баз<анов> намекнул, что я — «ехидный». Я отрицал — «я — скорее простецкий, и попадаю в нехорошие ситуации».

Расставались друзьями. Хотел ему сказать: «Брось, Вас<илий> Григ<орьевич>, пошли в кабак!» — но не решился.

Да — а 16-го на РИСО²²³ о сборнике он все же пойдет. Слава богу, мне не нужно.

17.IX.

Узнали, что вчера на РИСО сократили сборники: и наш, и по советской каф<ед>ре. Ловко. Чорт с ним, меня это мало волнует.

Две бабы — базар, три — ярмарка.²²⁴ Как только собираются 2—3 члена каф<ед>ры, тут же пересуды и впечатления: что-то будет!

Встретились — я, Бурсов, Холшевников.

Решили идти в партбюро говорить о «стационаре» на каф<ед>ре. Пошли тут же. К счастью, Маслов на месте. Вначале Бурсов полчаса хвастался своими заслугами и приглашениями (как его звали в МГУ, как Ларин звал его заведовать каф<ед>рой ЛГУ²²⁵ и т. д.) — очевидно, он страшно уязвлен, что не его поставили завом.²²⁶

Затем слово мне. Говорю о чехарде и волнениях в связи с неустойчивостью. Два провалившихся конкурса по кафедре — скандальная и легковесная тень на кафедру. Пора кончать. Довольно варягов, пусть Базанов поработает. Холшев<ников> подпустил, что Базанова тоже назначили без ведома партгруппы кафедры.

Маслов вертел хвостом и все время сводил разговор к тому, что очень хорошо, что Базанов у нас теперь зав, что какой он хороший и проч. Мы уныло соглашались.

Расстались улыбаясь, но в душе у всех — дерьмо. Бурсов, инициатор похода, сам плевался.

18.IX.

«Биб<лиотека> поэта». Я дочитал (неск<олько> дней штудировал) сборник «Поэты, павшие на Великой Отеч<ественной> войне». Есть — очень средне, а есть очень хорошо — Коган, Кульчицкий, Майоров, Ширман.²²⁷ У них была попытка вырваться за рамки догмы, проявить индивидуальность, свободу, нестандартность этики и стиля.

Орлов что-то очень мил, повел меня в «Лавку писателей»²²⁸ знакомить с комнатой для писателей, а не для толпы. Оказалась запертой. По дороге я его спрашивал, не слишком ли сократил последние стихи Пастернака. Оправдывался, что их всего 14 — и все они принципиально выброшены: претендуют на обобщения о нашем строе и вообще жизни:

Я один, всё тонет в фарисействе,
Жизнь прожить — не поле перейти
(«Гамлет»).

Или — Горе превратив в порок,
Мещане, оптимистов корча.²²⁹

Мда, обобщения — конечно. Но стихи гениальные! Орлов не скрывает их гениальность...

Очень устаю к концу недели. Занятия (хотя их сейчас еще у меня 4 часа лекций в неделю и 6 час<ов> практич<еских>) отнимают много времени, до сих пор еще не взялся за науку.

Вечером — по телевизору передача «Севильского цирюльника» в исполнении «Ла Скала»²³⁰ (забыл написать, что вчера вечером слушали по радио их же «Трубадура» — хорошо, особенно Манрико страстно спел свою знаменитую арию²³¹).

Впечатление двойственное. Слаб — как колода неповоротлив — Фигаро (особенно вспоминая арию в исполнении Тиита Куузика²³² или Муслима Магомаева!²³³). Ничего — Альмавива. Хороший голос у Розины, но ей уж, верно, за 30, и откормлена, что наши певицы (я думал, на Западе следят за талией, — чорта с два!).

Вне конкурса — Николай Гяуров²³⁴ в Дон Базилио. Этот болгарин заткнул за пояс итальяшек. Поразителен голос, а еще поразительнее — игра. Он сделал из традиционного умного иезуита — мелкого склочника, страшно нескладного, суетного, глупого — так эффектное роль. Народ не дурак — провожал его океанами оваций.

Воскресенье. К счастью, без гостей. Не мешали отдохнуть. Немного работали в саду — сбор яблок. Утром — телевиз<ионный> концерт 4-х артистов «Ла Скала».²³⁵ Очень средне — даже ниже, т. к. исполняли скучнейшие и нуднейшие (гл<авным> обр<азом>) арии.

Хлопали им тоже вяло и скучно (а концерт — в Кремлевском дворце — сколько тысяч-то народу!).

Вечером — концерт авторский Шостаковича в Концертном зале нашего города (тоже телевизор).²³⁶ Квintет в исп<олнении> Серебрякова²³⁷ и квартета Комитаса (армяне)²³⁸ — хорошо.

Затем Серебряков — очень хорошо — цикл миниатюр.²³⁹ Но хлопали архискупо, поразительно — очевидно, аудитория Выборгского р<айона>²⁴⁰ не квалифицированная?

Затем — любопытный цикл еврейских песен²⁴¹ в исп<олнении> трех певцов (не исполнялся 8 лет!).

Народные песни — хорошо, но, когда под конец стали воспевать еврейские колхозы,²⁴² — это чорт знает что, неслыханная проституция! Ох и гусь Шостакович при всем его таланте. Стыдно мне было очень. А народ шумел аплодисманами — поразительны вкусы!

2-е отделение — невыносимая нуда и чушь — вокальный цикл на слова великого русского поэта Долматовского²⁴³ и песни Радина, Гмырева и других революционеров в исполнении консерваторского хора.²⁴⁴ Тоска смертная и неталантливо. Перестал слушать.

21.IX.

Еще в субботу²⁴⁵ получил телеграмму от П. А. Зайончковского²⁴⁶ — приехал в Питер. Вчера безуспешно звонил и лишь сегодня дозвонился до жены.²⁴⁷ Завтра еще буду звонить.

Вечером — Рейсеры. Рвали рябину и гуляли. Рассуждения о Дем<ьяне> Бедном²⁴⁸ как сыне К. Р.²⁴⁹ Мать Демьяна — прачка в Мраморном дворце²⁵⁰ и т. д.

Приехал из Сочи Бухштаб,²⁵¹ не очень с глазами.

22.IX.

Сборы на Валаам. Вечером с Соней едем. Но с утра уже — с вещами, т. к. домой не заеду. Как и Соня. Впрочем, вещей — портфельчик, хоть и туго набитый.

«Биб<лиотека> поэта». Любопытно производственное совещание внизу с докладом Узилевского — относительно рентабельности. Оказывается, все почти книги «Сов<етского> пис<ателя>» — крайне убыточны. Особенно — поэзия. И даже самая благополуч<ная> редакция — «Биб<лиотека> поэта» — имеет много убыточных книг, особенно при гонорарных книгах и при малом тираже. Поэтому «Белорус<ские> поэты»²⁵² — 8 тыс<яч> р<ублей> убытку, «Тукай»²⁵³ — 4,5, Фет²⁵⁴ — 1000 руб<лей>. В плане буд<ущего> года станут убыточны — Заболоцкий,²⁵⁵ Исаковский,²⁵⁶ Катенин,²⁵⁷ Стих<отворная> трагедия.²⁵⁸

На чем же держится изд<ательство>во? (Все же на миллионные обороты ежегодно 80 тыс. прибыли!!) Лишь на массовых переизданиях — Гранина, Пановой, Ю. Германа²⁵⁹ и т. п.

Велено экономить на всем, особенно на гонорарах, стараться не по высшей сетке, а по средней и низшей.

По окончании — немного гулял, читал рукописи, затем — свидание с Соней и поход за Володарский мост²⁶⁰ — к пароходу на Валаам. У нас оказалась симпатичная каютка.

В 20.30 — отчалили. Вылезли на палубу и все время глазели Неву <так!>. Я ее впервые вижу в этих местах. Невская Дубровка. Орешек-Шлиссельбург. Уже поздно, идем в каюту. Холодно, но без дождя.

23.IX.

Утром проснулись на Валааме. После завтрака выкатились на берег и успели обежать мысок вокруг Красного скита,²⁶¹ где сейчас туберкулезная больница.

Собираются несметные толпы (2 теплохода!) итти <так!> на 2 экскурсии. Мы оценили обстановку и пошли сами — в монастырь.²⁶² Это в 6 км по сносной грязноватой дороге.

Валаам — выборгское Мон-герос,²⁶³ увеличенное в 100 раз. Скалы, сосны, серая холодная волна. Север. Здесь только и можно было душу богу посвящать — холодная прозрачная пустота, тишь. Даже рев волн не нарушает этой пустоты.

Монастырь огромен (верно, жили тысячи людей). Сейчас — там Дом инвалидов, встречи с которыми, конечно, радости не доставляют.

После обеда мы бродили сами опять же по Скалистому берегу,²⁶⁴ по фиордам. За день отмахали примерно 25 км. Но не устали, а лишь аппетиты разыгрались. Кормежки не хватило, докупали в буфете.

В 20.00, уже в темноте, отплытие. Покидали архипелаг, погруженный в темень. Черные сосны и скалы, черная бурная вода (ветер и дождь), и лишь два парходика-теплоходика озарены в этой стихии. Жутко и приятно. Вскоре ушли в каюту — мне еще нужно готовить лекцию к пятнице, да и спать пора — под английские джазовые мелодии.

24.IX.

Проснулись около 6 утра от топота вокруг — все просыпаются. В 6 пристали к берегу, опять же за Володарским мостом. Полседьмого выгружаемся. Хочется спать. На трамвае к центру. Начало восьмого. Кафе открывается лишь в 7.30. Соне уже надо ехать. Расстаемся. А я иду медленно к «Астории»,²⁶⁵ около 8 — там, стучу к П. А. Зайончковскому. Очень рады обоюдно. Идем завтракать. Он мне рассказывает о неутешительных событиях — Гудзия²⁶⁶ вывели из ВАК'а. Наступление подонков продолжается. Договариваемся встретиться завтра вместе с ЮрМихом, кот<орый> должен уже быть в Питере.

Иду на занятия. Ура! — группа (да и весь курс) вчера была на карточке (за Рошино,²⁶⁷ возили их на машинах) — поэтому вернулись в 9 вечера и сегодня спят. Пришло трое. Я возмущен и кипячусь, а в душе страшно рад. Господи, прости мое лицемерие!!!

Звоню — ЮрМих приехал²⁶⁸ — к нему. Перебросились новостями. Первые шаги в Тарту по организации лаборатории структурной лингвистики. Приятно. Но нужно снова в ЛГУ.

Мчусь после занятий домой — нужно готовить лекцию.

В 19.00 — заседание кафедры. Короткие вопросы, по 2 часа. Вася не способен совершенно к четкой работе. Ему хочется болтать и юродствовать. Берков его даже оборвал однажды, когда тот начал: «Был один фольклорист Худяков...»²⁶⁹ — «Знаем, кто такой Худяков», — перебил Берков. Базаныч сдержался и очень кротко перешел к следующему.

Мне пришлось читать список идейно-воспитательных мероприятий кафедры. Все гладко.

Опросил Базанова, Ямпольского, Бурсова о их мнении насчет включения в том Большой серии — М. Светлова²⁷⁰ его лирических драм (проза). Базанов — горячо поддержал, Бурсов — равнодушно поддержал, Ямпол<ьский> — горячо против.²⁷¹

К 10.30 вечера добрался до Смоляковых (Мире²⁷² день рождения), где все наши. Домой — в 12-м часу на такси.

Мощный денек — еле жив.

25.IX.

С утра лекция — сносно. Затем «Биб<лиотека> поэта». Мне звонки — Лотман, Билинчис, Рейсер, Бухштаб.

В 17.00 — свидание с ЮрМихом и П. А.<Зайончковским>. Как-то бегло, прошлись по улицам, посидели в забегаловке, без капли вина — ЮрМиху нельзя, а П. А. не любит ничего кроме водки. А жаль, П. А. стукнуло 60 лет,²⁷³ нужно бы отметить.

Проводили ЮрМиха до театра (идет на Королевский театр англичан — «Поворот винта» Бриттена²⁷⁴), еще походили. П. А. трогательно объяснялся мне в любви, целовались на прощанье. Хороший он человек, трудно ему в Москве.

26.IX.

Наконец-то немного отдышаться — лишь первые полдня в городе. Вечером отходил и разбирал бумаги.

27.IX.

Без гостей. Спокойно. Вечером и мы на английскую оперу. «Поругание Лукреции» Бриттена.²⁷⁵ Очень средне. Музыка с оттенком современности, но в целом эпигонская, под речитатив XIX века. Ни одной запоминающейся арии. И сюжет был представлен не трагедийно, а как мещанская драма. Скучновато. Англ<ийский> язык — совсем не для пения. Слишком много согласных — и трудных.

28.IX.

Днем к ЮрМиху, на прощальное свиданье. У него — Яша. Обсосали все темы за час — классическая русская интеллигенция. У Яши новость — Груздева все же сняли с зава, и теперь и. о. — Скатов.²⁷⁶ Дай бог ему не свихнуться; пока держит себя хорошо.

Говорят, Александров на пленуме Обкома покритиковал Попова (секретаря Горкома),²⁷⁷ а Толстикова зато в заключительном слове приветствовал Ал<ексandro>ва — «проявил политическую незрелость, легкомыслие» и проч. Досадно.

Партсобрание факультета. Итоги приема — на 1 курс. Разные цифры. Много всяких показателей, но нет одного — научного уровня абитуриентов. (Как на прошлом заседании каф<ед>ры выступает Оболевич²⁷⁸ — плагиатор и дурак — зам. декана по аспирантуре — что на фак<ультете> очень неблагополучно с аспирантами, почти все не кончают в срок и т. п., и в чем же главный недостаток... — внимательно слушаем — «в том, что на кафедрах нет четкого составленных планов работы аспирантов»!! Классическая бюрократия!

Кончили — на такси — в Выборгский дом культуры²⁷⁹ — Охлопковский театр,²⁸⁰ «Матушка Кураж» Брехта.²⁸¹ Опоздал, но недолго. Очень хорошо. Брехт — гений. Играли хорошо, и даже охлопковские штуч-

ки — ложный романтизм, надоевшая уже декорация в виде большой подковы (это было в «Грозе», «Иркутской истории»,²⁸² да верно и еще где-нибудь) — не сняли общего хорошего мнения.

Это как-то компенсировало досаду от театра Ковент-гарден (кстати, днем у Лотманов спорил с Инной Мих<айловой>,²⁸³ которая защищала «Лукрецию», ругала Верди за примитив и т. д. А я сказал, что мне плавать — примитив или нет, — важно, что волнует: в «Риголетто» меня волнует почти каждая мелодия, а у Бриттена лишь одна ария — вещь).

Но зато, как всё почти у Брехта, не дает катарсиса — слишком близко к жизни, чтобы ограничиться эстетическими переживаниями. Поэтому тяжелое чувство очень сильно после пьесы. Оно еще усугубило отвратное настроение, полученное на партсобрании: ко мне подсел И. П. Лапицкий²⁸⁴ (доносчик и сволочь, выгнанная после XX съезда из ЛГУ и из партии — но последнее ему удалось восстановить, затем лечился в психиатрической клинике, ходил к раввину каяться в прежнем антисемитизме и проч<ей> прелести).

— Извините, пожалуйста, вы, если не ошибаюсь, Борис Федорович?

— Да, я — Б. Ф. (с архихолодной маской).

— Очень много о вас слышал в Тарту (откуда он был в Тарту?), очень приятно познакомиться. (Я уткнулся в книгу.)

Через неск<олько> минут:

— Извините, что я вас отрываю: сейчас все еще Викт<ор> Анд<русович> парторг?

— Нет, я в этом году.

— Прекрасно, прекрасно!..

И так он меня доводил 2 часа с интервалами. Кончил тем, что еще заявится и будет просить восстановления в ЛГУ. Большой человек — иначе я бы не стал с ним разговаривать. Тяжко. Господи, до чего трагичен мир. До чего трудно видеть всякие пакости. И пора бы уж сердцу успокоиться — ан нет.

29.IX.

Думал: в современной этике самое важное — честность, поэтому даже честная подлость не так страшна, как лицемерие и половинчатость.

Сообщение Б. А. Успенского в Кярику — в москов<ской> школе провели длительную серию сочинений в одном классе: каждый писал последовательно характеристики на всех своих соклассников (в том числе — на себя); сравнили потом все 900 сочинений (30 × 30) — оказалось, что хорошее в общем мнении у учеников о тех, кто думает (и пишет) о себе то, что он действительно есть на самом деле; т. е. к откровенным сволочам отношение хорошее! Это важно и любопытно.

«Биб<лиотека> поэта». Ничего нового. Машинский прислал «Кружок Станкевича».²⁸⁵ Извиняется за «И. Егорова» в 9 № «Воплей».²⁸⁶

Купил Соне к именинам²⁸⁷ полдюжины хороших ножей-вилочек. Не хватало денег, потом докуплю до дюжины. Все равно очень довольна.

30.IX.

Именины. Только родичи плюс Рейсеры, кои преподнесли Соне царский подарок — фламандцы эрмитажные (90 превосх<одных> рисунков) чешского издания.²⁸⁸ Да, еще Аня.²⁸⁹ Хорошо посидели.

1.X.

Защита докторской («Поэзия Лермонтова») Д<митрия> Евг<еньевича> Максимова. Битковый актовый зал ИРЛИ. Оппоненты — Базанов (говорил дельно, увидел реальные слабые места; неожиданно произнес тираду против концепции ЮрМиха о руссоизме²⁹⁰ и т. д. — причем опять же ухватил слабую пята, но интонации были уж очень злобные...), Городецкий²⁹¹ (невыносимо — я не слушал, лишь краем уха, что-то мямлил против термина «лирический герой»), Гинзбург²⁹² (сволочи — женщину пустили после всех!! — слушал я тоже мало — устал, да и ораторским искусством Л<идия> Я<ковлевна> не блещет). Говорили все по часу, Д<митрий> Е<вгеньевич> тоже час! Ужас! Кончилось около 7 (начало — в 2).

Слухи о погроме со стороны Пруцкова²⁹³ не оправдались. Выступили лишь Мейлах,²⁹⁴ Берков, Бурсов. Хвалили. Берков ск<азал>, что Д<митрий> Е<вгеньевич> с 1939 г., с защиты кандидатской, уже был как доктор.

Счетная комиссия — Мейлах, Пруцков, Григорьян.²⁹⁵ Ну и компания! +18, —2. Дм<итрий> Евг<еньевич> был печален, а я ему сказал, что он еще дешево отделался. Позвал в субботу на домашний выпивон — тайный, банкета не будет.

После — разные разговоры. Мейлах приглашал в разные комиссии по новым методам литературоведения.²⁹⁶

2.X.

Купил Дм<итрию> Евг<еньевичу> подарок — собр<ание> соч<инений> (4 тома) драм Н. Полевого.²⁹⁷

«Библиотека поэта». Орлов в Москве. Узилевский «принял» меня с Исакович — добиваюсь оплаты за август. Он крутил и требовал письмен<ных> рецензий — я ему обещал хоть десять. Это очень возмутило Бухмейер — она вообще недовольна моей покладистостью, боится, что нам на шею сядут. Не могу разделять ее чувств относительно рецензий.

Вечером спецсеминар. 1-е занятие. Набралось у меня 6 человек, а м<ожет> б<ыть>, и еще будут. Это неплохо.

3.X.

После занятий целый час писал хар<актеристи>ку «на» Г. А. Бялого²⁹⁸ (говорят, недавно на Ученом совете зашел разговор: откуда это ужасное «на»; кто-то начал мудрствовать — галлицизм, от *caractéristique sur quell — quand*,²⁹⁹ а проф. Тронский:³⁰⁰ какой там галлицизм, просто от формулы «донос на ...»). Едет в Чехословакию, Братиславу, на две недели.

Затем отправились обедать вчетвером: Бялый, Бурсов, Ямпольский. Неплохо поговорили часа два на разные темы. Бурсов — главный пессимист.

Отправился на Волково кладбище, чтобы освежить — где могила Ап. Григорьева.³⁰¹ Решил 8-го (100 лет смерти) организовать панихиду на могиле. Уже в сумерках нашел могилу. Бедняга — рядом Григорович³⁰² утопает в цветах, а у Ап<оллона> — хоть бы цветочек. Я нарочно сорвал от Григоровича несколько цветков и положил на плиту. Очень грустно и в то же время — возвышенно. *Der Tod ist groß*, как сказал Рильке.³⁰³

С кладбища — на свидание с Соней — и к Дм<итрию> Евг<еньевичу>. Пришли первые. Затем — генерал на свадьбе — Анна Ахматова. Фридендеры,³⁰⁴ Л. Я. Гинзбург, Яша, Левины-Дикман,³⁰⁵ Т. Ю. Хмельницкая,³⁰⁶ Г. Шабельская,³⁰⁷ Л. А. Мандрыкина,³⁰⁸ Зара³⁰⁹ (специально приехала из Тарту ради защиты!).

Все хорошо, но Ахматова несколько сковывала гостей — не было свободы. Она тонная, но в меру — водку пила как лимонад. Смешно расспрашивала Соню, кто есть кто! Соня сама еле по именам гостей знает. Стихи читала Ахматова превосходные. Она стала последние годы значительно более гражданственной.³¹⁰

Яша поднял за Д<митрия> Е<вгеньевича>, Л. Я.<Гинзбург> — за Лину Яковлевну,³¹¹ Д<митрий> Е<вгеньевич> — за Ахматову, я — за Ап. Григорьева и всех звал на кладбище к 17.00 8-го. Разошлись около часа. Устал очень.

4.X.

Еле жив, так устал. Занятия в ЛГУ отнимают очень много времени — совсем не могу что-нибудь сделать для души. Очень тяжело от этого.

Гостей, слава богу, нет, немного занимался, немного гулял.

5.X.

С утра — сдавал кровь на анализ милой Ирине Вячеславовне,³¹² по-стыдно совал ей подарок (ужасное чувство!).

Затем — в ИРЛИ. С Левиным и Серманом³¹³ толковали о вечере памяти Ап. Григорьева. Решили бить челом по начальству. К Базанову — он милостиво согласился, при этом под маркой совместного

заседания с кафедрой рус<ской> лит<ерату>ры ЛГУ. Это более чем достаточно. Тут же позвали Городецкого и поставили его перед начальственное благословение — тому лишь оставалось мрачно согласиться. Короче — наметили 27.X, четыре доклада (я, Костелянец, Серман, Левин). Ура, ура!

Затем — у Алексеева,³¹⁴ который доволен, что получил из Бордоского ун<иверсите>та письмо — ему присудили *honoris causa* доктора, но ждет благословения на принятие и на поездку (оказывается, президиум АН СССР еще решает — согласиться ли на принятие звания!) — а присуждение, церемония — 19.X! Успеет ли?

В 15.00 — заседание партбюро. Очень неприятны начальственные нотки Маслова, очень он изменился. Неужели пойдет по линии Соколова? Массу дел нужно провести по партийной линии.

Утверждение характеристики Г. А. Бялого, куда я вынужден был вписать «политически грамотен, морально устойчив», хотя для Г<ригория> А<брамовича> больше бы подошло «политически сдержан».

6.X.

Вл<адимир> Ник<олаевич>³¹⁵ уже укатил в Пятигорск на празднование Лермонтова.³¹⁶ Поэтому без него сразу тихо в «Биб<лиотеке> поэта». Проверял сигнал Плещеева,³¹⁷ нашел две опечатки в нем<е>ском> и франц<узском> эпитафиях. Николаева,³¹⁸ чорт ее поберит, курица, ничего не понимает. Да и не видит.

В 18 час<ов> — читал структуралистскую лекцию для учащихся (Малый филфак).

7.X.

Домашний день. Лихорадочно готовил лекции к пятнице — больше ни на что не остается времени.

Соня звонила Ирине Вяч<еславов>не — говорит, у меня плохо с кровью, нужно снова лечиться. А по мне уж лучше загнуться, чем унижаться этими лечениями.

8.X.

100 лет смерти Ап. Григорьева. День — превосходный. Тепло, солнце. На могиле собрались: я с Соней, Рейсеры, Дикман-Левин, А. В. Тармарченко,³¹⁹ Серман, Герасимов,³²⁰ Николаева, Костелянец, две мои студентки (Улановская, Франкфурт³²¹). 13 человек — самое подходящее для Ап. Григорьева. И лежит он символически — и рядом с Бел<инским> и Добр<олюбовым> — и в стороне от магистральной линии-дорожки Литераторских мостков.

Завалили могилу цветами. Хорошо. Рейсер разрядил целую катушку пленки. Я прочел последнее письмо Григорьева Страхову (от 3.IX.64).³²² Затем — отрывок из мемуаров Боборыкина о похоронах.³²³

Сходили затем на могилу Блока, разошлись.

Мы с Соней — к Билинкисам (Яше — тоже сегодня юбилей³²⁴). Хорошо посидели и поговорили. Вернулись очень поздно. Смертельно устали.

9.X.

Был у Ирины Вяч<славовны> — нужно заново брать все анализы...

«Биб<лиотека> поэта». Появился В. В. Пугачев — рад ему. Он начинен новостями и текстами. Читал «Письмо Сталину» Ф. Раскольникова³²⁵ — очень хорошо и для 39 года — удивительно глубоко, а сейчас уже устарело.

Затем — спецсеминар в ЛГУ по поэзии середины XIX века. Неожиданно у меня оказалось 15 человек, даже не думал.

10.X.

Наконец-то суббота, ждал ее на этот раз как все равно окончания учебного года. Дома — гости: Женя Габович³²⁶ и Антс Халлик.³²⁷ Они — хорошие, симпатизирую им. Неск<олько> часов провели у нас.

Вечером ходили на «Зорге»,³²⁸ Любопытный фильм, а образ — удивителен. Для XX века личный героизм как будто отмирающее явление — ан нет!

11.X.

Гости — Пугачевы³²⁹ и Новиковы, всего часа на четыре. Остальное — отдышивался и занимался. Устал. Не только наука, но и подготовка лекций не идет на ум. А ведь только начало семестра!

Прочитал вступ<ительную> статью Лотмана к «Бол<ьшой> серии» Карамзина — очень хорошо, но нужно сокращать.

12.X.

Единств<енный> день — дома. Работал. Случайно — о 3 космонавтах.³³⁰ Приятно и радостно, хотя и двойственно (невольно гложет грусть — сколько еще у нас бедного и нерешенного!). Привет тебе, тезка Борис Егоров!

13.X.

«Биб<лиотека> поэта». Приехал Орлов из Пятигорска и Москвы. Тяжелая новость — Оксмана³³¹ исключили из Союза писателей на совместном заседании пленумов СССР, РСФСР и Москвы. За клеветнические сообщения за границу о положении в советской литературе.³³²

Грустно и досадно. Досадно потому, что Оксман последние годы совершенно по-глупому трепался каждому американцу, что знал и что не знал (подспудно в этом и заключается преклонение перед Западом:

каждая сволочь, ничтожество из США воспринимается как настоящее, и перед ним распахивается дверь квартиры и души; мою гордость задевает такое преклонение, оно отвратительно), — а грустно потому, что вместо серьезного разговора, где можно было бы показать ему низость, недостойность для большого ученого такой неразборчивости в «друзьях» и словах, — приняты такие сталинские меры. Поможет ли это?

Краткое совещание. Ругаем Николаеву за опечатки в Плещееве.

В 2 часа сматываюсь — ко мне Пугачевы. Посидели часик в ресторане, обсудили планы в Горьком. Но пили сладкое.

В 15.30 — заседание парткома ЛГУ — собраны руководители факультетских СНО. 2 часа потерянного времени. Сущая болтовня, чтобы поставить галочку. Понял только, что кавардак жуткий: 2 года не могут назначить университетский совет СНО!!!

14.X.

Должен бы быть свободный день. Ан нет — Лермонтовская конференция совместно с ИРЛИ, причем заседание в помещении филфака. Дм<итрий> Евг<еньевич> после защиты устал, отказался от доклада, поэтому — Мануйлов и Фридендер. Ни того, ни другого не хочу слушать — но идти нужно, вроде как заседание кафедры!

Прихожу. Столпотворение! Актальный зал полон, несут стулья, сидят и стоят всюду. Студенты, взрослые, старухи... В такой обстановке я не могу воспринимать доклада, сматываюсь...

15.X.

Узнаю, что, оказывается, Базанов после конференции собрал кафедру! Был разговор о привлечении почасовиков и на обществ<енных> началах. В том числе — Лапицкого!.. Это вызвало вой на кафедре. Базанов — на попятную. После подошел к нему Холш<евников> и сказал, что такие вещи у нас принято обсуждать на партгруппе. Базанов взъярился: «Это что — контроль?» Будут еще у нас дела!

Я попросил Деркача прослушать набросок моего выступления в понедельник на партсобрании. Одобрил.

На улице встретил Базанова. Мил. Я извинился за сматывание — не знал, что кафедра... Затем попросил его выслушать мои наброски. Явно не хочет — хотя на собрание, сказал, придет. Боюсь, не вздумал ли он по согласованию с шушерой что-нибудь отчебучить на партсобрании?

16.X.

Утром перед уходом — потрясающая новость — снят Хрущев, вместо него Брежнев и Косыгин.³³³ Некогда обдумать, лекция.

Уже в «Библиотеке» подробности. Вчера — пленум обкома. Издательским работникам — снять портреты из кабинетов

и убрать все цитаты Хрущева в книгах. Быстро! Что-то будет! Тысячи слухов.

17.X.

После лекций не поехал домой, побродил, подумал, позанимался в «Биб<лиотеке> поэта». Почитал Ап. Григорьева.

Вечером — семейный культпоход в театр. С. Прокофьев, «Любовь к трем апельсинам».³³⁴ Народу мало — это на любителя. Иногда скучновато, в целом же — хорошо. Ядовитая пародия на оперу XIX в. — то на Чайковского, то на Мусоргского, то еще на итальянцев... А как актуален король, сетующий на драму в семье и государстве. Аплодисменты и смех были реакцией.

Устал за неделю чертовски.

18.X.

На небольшой период — Рейсеры. Погуляли. Обсудили новости, сошлись во мнениях полностью.

19.X.

Полдня крутился в клинике — сосали мою кровь для определения ее пригодности, жирности и проч.

В 17 — партсобрание факультета. Народу уйма, в том числе начальство: секретарь райкома Селезнева,³³⁵ секретарь парткома ЛГУ Колесов,³³⁶ ректор Александров и ряд еще незнакомых лиц.

Информация о пленуме ЦК — перенесена на конец собрания, а в начале — ни слова о переменах — Маслов сделал доклад об идейно-воспитат<ельной> работе в свете решения Вас<или>остр<овского> райкома от 16.V.64. Кстати,³³⁷ Маслов — сука, — не говоря имен, вернул: «Необходимо сочетание эстетич<еских> категорий с политическими; и тогда далеко не все так называемые великие окажутся действительно великими». Собака.

Начальство почему-то страстно жаждало услышать мой отчет (о партгруппе кафедры) — поэтому я даже не подавал записки — а меня сразу вторым в прениях позвали на трибуну. Я спокойно и объективно перечислил все наши деяния по воспитат<ельной> работе.

После меня — Александров. Возмутитель спокойствия. Всю тишь да гладь взорвал. «Где я нахожусь?!? Страна переживает такие события, а что я слышу?! Нет никакой связи! Разве мы можем заниматься воспит<ательной> работой вне связи с этими событиями??» И пошел, и пошел! Это все перевернуло! Народ хлопал, кричал, расковался. Тщетно Селезнева, Колесов, председательствующий дуб Софронов,³³⁸ Маслов пытались остановить (глупо аргументировали: дескать, вопросы не связаны, нельзя смешивать!! Александров еще с места пустил реплику об этом — еще больше накалив атмосферу).

После этого заставили, как ни упирались, Селезневу выйти и рассказать о Пленуме. Разумеется, после было уже не до воспитания. Сыпались вопросы: «Что раньше думали?», «Есть ли гарантия, что и дальше не будет культа?» (Александров, кстати, еще раньше говорил о волнениях студентов, о демонстрации у главного здания.³³⁹)

Запомнил выступление преподавательницы с классической филологии — с болью о совести, честности, о страхе, о том, что надоела ложь и утаивание (кстати, Александров бросил: «Вы бездумно аплодировали Сталину, затем — Хрущеву». Кто-то с места спокойно: «И теперь будем аплодировать». Александров зло: «И теперь будете!!..»). Дубинная сволочь Софронов в конце грубо лягнул ее: «К чему это? Зачем орать о лжи» и т. д.

Ушел с собрания с тяжестью в душе, но и с приятностью: все же в народе много совести, честности, неприятия лжи и утайки. Многие возмущались: почему же не объявить народу прямо о случившемся?

Поразительные выступления студентов о поведении 4 нигерийцев — нахально избивают наших студентов, а наши хоть бы ответили — бояться, что обвинят и выгонят из университета. Требовали немедленного изгнания из СССР. Мое сердце колотилось от ярости и от оскорбленного достоинства. Если бы меня ударил в физиономию — не за мои грехи — а за мое белое лицо, вообще за мою русскость — негр, китаец, американец — кто угодно, — то он уже оскорбляет не меня, а мой народ, и пусть меня за это посадят в тюрьму, выгонят с работы, но я не смогу сдержаться, я отвечу. Не вижу в этом ни анархизма, ни глупого донкихотства, — это естественное чувство оскорбленного достоинства.

Долго не мог уснуть.

20.X.

Собрание в «Библиотеке поэта» с приглашением актива: Бухштаб, Гинзбург, Рейсер, Ямпольский, Серман, Гершкович,³⁴⁰ Базанов, Федоров.³⁴¹

Обсуждение комментария — что можно сократить без ущерба. Похерили единодушно мифологию, а на сведениях о сборниках и архивах разошлись. Орлов за долой, Бухштаб за сохранение, но за сплошную зашифровку аббревиатурами. Я за это. Но Орлов, Базанов против «математики».

Мало толку при таких спорах. 3 часа толклись.

Получил командировку в Тарту, на Лермонтовскую конференцию.³⁴²

21.X.

Дома. Готовил доклад для Тарту — Лермонтов в критике 60-х гг., главный обзор — Ап. Григорьев.

22.X.

Приехали из Москвы в командировку Переверзев³⁴³ и Снешко.³⁴⁴ Они 10 лет не виделись, поэтому $1/_{100\ 000}$ вероятности встречи их в Питере!! А чтобы мы трое увиделись — для этого нужно какую-то фантастическую вероятность. Засиделись до поздней поры.

Снешко ночевал у нас, поэтому с ним особенно долго. Он по-прежнему далек от современного искусства. Не понимает Шостаковича и даже почти всего Прокофьева. Из Окуджавы³⁴⁵ воспринял только иронию. (Вообще, он далек от патетики.)

Поговорили о последних событиях и вообще. Снешко был в Польше, столкнулся с капиталистически-буржуазным мышлением — и теперь стойко стоит на том, что социалист. Строй имеет много недостатков, но капиталистический — в 1000 раз хуже (власть денег — и всё!), поэтому он за социализм. Я ему рассказал о моих подобных эстонских впечатлениях, когда я впервые приехал в Эстонию.

23.X.

Утром расстались со Снешко. На аэродром. Там Яша. Затем — студентка III к<урса> Белла Улановская, которая тоже решила ехать в Тарту. Самолетом только до Йыхви. Там — на такси. В 2 дня уже на месте. Яша смешно кричал, не желая платить дорого. Жаждал автобуса.

В 18 — открытие Лермонтовской конференции. Адамс³⁴⁶ нес чепуху по-эстонски. Милая Мария Титовна Ефимова³⁴⁷ (Псков) — женский доклад о «Демоне». Вечером — у Лотмана. Наговорились.

24.X.

Утром готовил свой доклад. Затем — ЮрМих о Лермонтове с точки зрения семиотики³⁴⁸ (интересно) и Яша — о Л. Толстом (традиционно, это уже известно). Немного поспорили.

Вечером — повел компанию студентов смотреть Булгаринское имение.³⁴⁹ Живут в Тарту и не знают!

Затем — к Адамсу, который невероятно страстно (поэтому смешно) рассказывал, как летом на даче Вл. Орлов швырял деньгами — откуда столько денег? — весь вечер пытал меня Адамс — и никак не мог поверить, что я не знаю (он признался потом, что грешит на взятки! — а откуда я знаю?!). Очень удивлялся также на Юнгершу.³⁵⁰

От Адамса всей компанией, всей кафедрой + Дина Борисовна с Габом³⁵¹ — к Рейфманам³⁵² (+ еще Мар<ия> Титовна). Хорошо ели и пили, затем с молодежью гуляли по ночному Тарту.

Спали мало, т. к. еще, придя домой, с Яшей говорили. Уснули в 3-м часу.

25.X.

Утром водил Яшу и нескольких девиц к Старкопфу.³⁵³ Я всегда рад его видеть и особенно его скульптуры. Интенсивные состояния чело- века (эротика, горе) — удивительно ярко. Статика — хуже.

Доклады — с 12 (успел еще девицам показать карцер³⁵⁴).

Мой доклад — средне, мало готовился (Лерм<онтов> в оценке 60-ников). Напирал, естественно, на Ап. Григорьева.

Рейфман — небольшое сообщение: Б<елин>ский о патриотизме — идет от лерм<онтовской> «Родины».

Миц — содержат<ельный> доклад «Лерм<онтов> и Маяк<ов- ский>». Затем обед — у Рейфманов (остатки вчерашнего).

На кладбище, поклониться Машеньке Мойер.³⁵⁵

К Лотманам. У них — московская поэтесса Наташа Горбаневская.³⁵⁶ Маленькая девочка, а удивительной силы стихи. Есть красиво, а есть настоящая поэзия.

От Лотм<анов> — к Столовичу. Очень интересно об Амстердаме, где он был летом (конф<еренция> всемирная — эстетическая). Нужно было иметь столовичевско-еврейскую настырность, чтобы пробить все инстанции и получить отправку в Голландию, — целое лето, целая эпопея!

Затем — «дома» (в гостинице) читал Коран. Поздно вечером — долго гуляли с ЮрМихом по Тарту.

Яша уехал днем, я остался один в номере.

26.X.

Зашел к Лотману, простились. Грустно. Ехал утренним автобусом вместе с Беллой Улановской. Проговорили до самого Питера, поэтому дорога быстро прошла. Существо мне не очень понятное, но, видимо, честное — и очень любящее старину (обошла среднюю Россию, Север — по деревням, церквам, иконам...).

Дома — только приехал — пришел Переверзев.³⁵⁷ Просидел весь вечер. Устал я.

27–28.X.

Никуда не поехал. Отходил дома. Тоска. Разрыв душевный. Между женой и любовницей — подобное чувство. Было минутное: бросить Питер и уйти в Тарту!..

30.X.

Приятная, 50 000 чертей, новость! Узилевский (или выше), наконец, решили утереть нос Орлову и мне — послали в московский «Сов<етский> писатель» письмо, что больше не имеют возможности выплачивать на прежних³⁵⁸ основаниях (т. е. из редакторских денег — полистных) гонорары Орлову — Егорову и просят утвердить штатные

должности гл<авного> ред<актора> и зам<естителя> гл<авного> ред<актора> «Биб<лиотеки> поэта». Фактически это означает развал редакции. Орлов — не согласится в штат, я — тем более. Правда, Орлов начал строить утопии: он согласился бы, если бы предоставили ему полную автономию!! А ведь башибузуки только и думают, как бы эту автономию выколотить!!!

Решили с Орловым с 1 ноября устроить забастовку — и не ходить на работу, пока Москва не выяснит.

Наверное, это конец — чему я очень рад. Все равно не было самостоятельности: ни вообще, ни с Орловым в частности. Поэтому давно колебался — но самому бы уйти было и скандально, и неприятно — а вдруг прогадаю?!

Теперь же решится само собою!

Вечером — заседание в ИРЛИ памяти Ап. Григорьева. Мой доклад о критике, Костелянца — о поэте, Сермана — Достоев<ский> и Григорьев (очень интересно), Левина — о переводах Шекспира (тоже очень хорошо). Познакомился с О. А. Гутан³⁵⁹ — правнучкой Ап. Григорьева.

В. Г. Базанов произнес прочувствованную вступ<ительную> речь о заслугах Ап. Григорьева.

Хорошо, осталось после конф<еренции> светлое чувство, которое давно уже меня не посещало.

1.XI.

Воскресенье. Ездил с Соней и Таней посмотреть квартиру. Все уже готово, за исключением нескольких недоделок. А главное — вчера утвердили список дома, т. е. нам разрешен въезд без продажи своего дома. Это очень хорошо, спокойно переедем в течение года, а потом можно тихо продавать, не спеша...

2.XI.

Мечусь в городе, много мелких дел. Забежал в «Биб<лиотеку> поэта». Новость: Орлов говорил по телефону с Воронковым³⁶⁰ (Москва, С<оюз> П<исателей>) — и тот возмущен, что нас «отставили». Орлов поэтому просит меня (сам-то уедет до начала декабря!³⁶¹) «заходить» в «Биб<лиотеку> п<оэта>» и подписывать книги.³⁶² Чорт с ним, буду «заходить».

В 17.00 — заседание партторгов в партбюро факультета. Партком решил в этом году не проводить общеуниверситетского вечера 7 ноября — и поручить факультетам провести свои вечера. Поэтому толковали, как быть. Впервые я видел такое веселое партбюро: никто серьезно уже не относится к этому, все шутили и предлагали разные комические варианты. В конце концов сцапали Плоткина³⁶³ — будет докладывать («на 15–20 минут»), — а затем приказ ректора объявят — и всё...

Говорили много о демонстрации — бояться каких-либо выходов на площади — лозунгов, выкриков. Поэтому желательно больше придти и сплоченнее...

3.XI.

Был с Таней на «Пер-Гюнте».³⁶⁴ Страшно люблю и Грига, и «Пер-Гюнта», но раздражали типажи: старушка Гурецкая³⁶⁵ — Сольвейг, другая старушка (Юнгер) — Анитра... Да и Зарубина,³⁶⁶ милая и прочная в русской купчихе, совсем не подходит к роли Озе...

5.XI.

Торжествен<ное> заседание факультета. Плоткин превосходно преподнес полчаса на тему «Октябрь и лит<ерату>ра» — ни слова дельного и нового не сказал, а было весело и интересно. Ему очень хотелось как-то откликнуться на современность и кольнуть никитское время³⁶⁷ — но по вопросам лит<ерату>ры не решился, ограничился издевкой над орфографич<еской> реформой.³⁶⁸

7.XI.

Традиционно в городе. Вечером — у Билинкисов.

8.XI.

У нас не так много гостей, но зато целый день не позаниматься было: в 1-й половине дня — Рейсеры, во 2-й — Мира с Игорем,³⁶⁹ коих тоже пришлось занимать. А вечером — телевизор, бич праздничных вечеров...

9.XI.

Оксман прислал свою «Капитан<скую> дочку»³⁷⁰ с надписью «Времена Красовского возвратились».³⁷¹ Совсем он с ума сошел. И жалко, и раздражаешься.

10.XI.

Зашел в «Биб<лиотеку> поэта» и даже вроде провел заседание. Правда, всего часа 2. Никакого желания нет — по разным причинам. Противно, что Арон³⁷² задержал зарплату мою за октябрь, ссылаясь, что раньше уже заплатили мне больше. Похоже, что двести руб<лей> ухнули.

Противно, что по пустяковому поводу (нужно было утвердить присланную Лотманом пустяковину для Карамзина — 40 стр. какой-то идиллии в смеси стихов и прозы) — К. К. Бухмейер (которая сейчас замещает уехавшую Исакович) поспешила сказать, что обязательно нужно дождаться Вл<адимира> Ник<олаевича>³⁷³ (внутри моя гор-

дость полезла на дыбы, но я сдержался и ничего не сказал — гордость же не позволила). Из-за такого очень не хочется. Мне, верно, не суждено быть номером вторым — пропадает всякий стимул. Для моего тщеславия необходимо быть первым — тогда бы завертел и задвигал. А так мертвеют руки и ноги. Но нет решимости самому отказаться — слишком много плюсов в «Биб<лиотеке> поэта».

Вечером читал для Малого филфака структурный доклад по «Дому с мезонином»³⁷⁴ — рассиропывал насчет индивидуальности, свободы и любви. Насколько девчонки поняли, не знаю, но слушали.

13.XI.

Очень устал за этот день — т. к. утром лекция, потом усердно готовил лекцию по «Борьбе» Ап. Григорьева³⁷⁵ — для семинара, — которую читал с 3 до 5, затем — 2 часа перерыва, в которых короткое свидание с женой и дочерью, недавно пред этим кончивших урок музыки,³⁷⁶ — и в 7 вечера — доклад Г. С. Васюточкина³⁷⁷ о четырехстопном ямбе у Лермонтова. Интересно. Ему удалось доказать статистически, что доминирует форма $\cup \acute{\cup} \cup \acute{\cup} - \cup \acute{\cup}$ (т. е. пиррихий в 3 стопе) — и такой формы в 4-стоп<ном> ямбе у Лерм<онтова> (только с мужск<им> окончанием) всюду примерно около 50% (а остальные варианты, значит, — тоже около половины).

Затем рассм<отрел> распределение этой формы по длине всех поэм — распред<еление> случайное, близкое к биномиальному $\mathcal{L}$ (т. е. когда вероятность белых-черных, орла-решки).

14.XI.

Заседание кооператива. В след<ующую> субботу нам дают ключи от квартиры. На блюдечке. Как-то жутковато... Но очень хочется городских удобств.

Сегодня интересный рассказ В. Я. Проппа.³⁷⁸ У него приятель, военврач Шабунин,³⁷⁹ кот<орый> ежелетне — в Тарусе. Знаком там со всеми, в т. ч. с сестрою Цветаевой³⁸⁰ — этим летом такой случай. Какой-то молодой человек, с Украины, без копейки денег, приехал и стал обивать пороги — требуя водрузения <так!> памятника на кладбище в честь М. Цветаевой, — ибо она хотела быть похоронена на кладбище в Тарусе.

Добился, чорт возьми!.. У директора мраморной каменоломни достал громадную глыбину мрамора, как-то умудрился сделать соответствующую надпись — и даже достал в исполкоме машину, чтобы перевезти и водрузить на кладбище... Только в России такое можно — бескорыстно добиваться и добиваться — на большую ведь сумму — памятника человеку, которая только хотела быть здесь похороненной!! Только в России же возможно и уничтожение такого памятника. Узнали в райкоме, всполошились — кто, что? Молодого человека и след

простыл. Убрать памятник! Послали возницу с лошадей. Глыбу ему удалось повалить — но она разбила вдребезги телегу. Приказали разбить на мелкие кусочки памятник — что и сделали. И больно, и грустно, и смешно...

Затем В<ладимир> Я<ковлевич> интересно рассказывал о проводах Александрова в прошлый четверг на большом Ученом совете. А<лександр> Д<анилович> произнес прочувствованную речь (чувствовалось, что ему не хотелось уходить) — и затем новый ректор Кондратьев говорил свою речь — гл<авным> обр<азом>, об учебном процессе (почему-то не о науке!). Помянул гуманитарные науки (их отставание) и требовал усилить внимание к соц<иально>-экономич<еским> предметам. Посмотрим, каков он будет в конкретных делах.³⁸¹

15.XI.

У нас ни гостя. Спокойно.

16.XI.

Партсобрание факультета. Персональное дело студента Тимофеева. Дошел до 5 курса на тройках, завалил сейчас пед<агогическую> практику (в том числе стих<отворение> Пушкина о няне назвал «Ты жива, моя старушка»³⁸²). Но это мелочь: вскрылось, что постоянно лгал, шантажировал, ловчил; студенты объявляли ему бойкот (не подавали руки). Говорят еще, что он стукач. Возможно, т. к. выяснилось — деканат постоянно попустительствовал ему: без ведома кафедр разрешил ему свободное расписание (!!!), не реагировал на жалобы и на представления о выговоре. И партбюро такого подонка наказало очень мягко — выговор без занесения в личное дело!! Мы шумели (В. А. Мануйлов требовал даже изгнания из партии) — но 2-е предложение (выговор с занесением) собрало меньше голосов. Подонок держался развязно и не покалялся ни чуть-чуть!!

В заключение В. С. Маслов — поразительное сообщение: в ночь с 4 на 5-е кто-то спер праздничный №9 стенгазеты!!! Хулиганство или осознанное вредительство?

17.XI.

Забегал в «Биб<лиотеку> поэта» — как-то совершенно чужое заведение становится. Даже грустно стало. Событий нет, кроме хвалебнейшего отзыва Жирмунского³⁸³ на макет Пастернака. Полный контраст с злобным отзывом Суркова,³⁸⁴ где уничижается вступ<ительная> статья Синявского,³⁸⁵ полнота собрания — и вообще значение Пастернака ставится под сомнение (понятно — Сурков не может не видеть в Пастернаке личного врага!³⁸⁶).

В 17.00 — философский семинар в ЛГУ.

Доклад Л. В. Крутиковой³⁸⁷ «Реализм в России начала XX века». Много было абстракции и наивного, но в целом пафос верен — за переосмотр Бунина, Андреева, Куприна.

Шипение змеиное раздалось в устах Рождественской и Выходцева,³⁸⁸ которые стали ее упрекать за противопоставление социального и классового — психологическому. В том же духе, хотя и мягче, говорил «наш» Соколов.

По окончании — заседание кафедры. Вася³⁸⁹ развивал идеи в духе «40 тысяч курьеров»³⁹⁰ — встретить Октябрь 1967 года (50 лет!) разными сборниками, в том числе — «Литературное народничество».

Не желая обострять отношения с кафедрой, выдвигая Соколова в докторантуру, предложил ловкое решение — выдвинуть сразу двоих — Соколова и Деркача. Все молча съели.

На Шипке спокойно, но подспудно чувствую, что в любой момент может быть взрыв, катастрофа. Впрочем, с таким ощущением живем уже долго, пора бы и привыкнуть — да и привыкли... Человек гибок...

20.XI.

Нужно проверять кураторов.³⁹¹ Курат!³⁹² — как бы сказал эстонец. В кои-то веки собрался — проверить Холшевникова. А из группы пришло только трое студентов. Досадно. Пришлось отменить.

Меня в партбюро вызвала Н. В. Спизарская³⁹³ — и с пафосом развивала идеи — как мы будем отмечать 50-летие советской власти. Я, естественно, отвечал ей тем же.

21.XI.

Ко мне подошла Ворошилова³⁹⁴ (из партбюро) и горячо убеждала, чтобы наша кафедра включилась в соревнование за коммунистический труд. Я поинтересовался: что это значит? — Ну, например, нужно читать лекции на высоком уровне. — Но разве это не есть наша обязанность элементарная?! — Да, но часто об этом забывают. Например, студенты жалуются на Бурсова...

Я обещал переговорить с Базановым.

С утра Соня поехала на новую квартиру получать ключи... Новый этап...

22.XI.

Приехали пару дней назад брат Валерий с женой.³⁹⁵ Ничего общего — но делаем гостеприимный вид. Все это ради родителей.³⁹⁶

В гостях — Рейсеры, недолго.

23.XI.

Я с утра — на новой квартире. Масса недоделок. Чорт с ними, сами доделаем. Неуютно, тоскливо. Трудно начинать новую жизнь в такой дальней дыре. Уже есть адрес — пр. Космонавтов, 52, корп. 2, кв. 7.

В 17.00 — заседание партбюро совместно с кураторами рус<ского> отделения — чем отделение готовится отметить 50-летие сов<етской> власти. Но из кураторов пришел один я!! Продержали меня, собаки, около часу, лишь потом отпустили. Ну и порядок...

24.XI.

В «Биб<лиотеке> поэта». Ничего нового. Убежал обедать с ЮрМихом. Приятно посидели часик.

Самое интересное — в 5 часов. Совместное заседание кафедр рус<ской> и совет<ской> лит<ерату>ры. Впрягли коня и трепетную лань.³⁹⁷ Тема — «Традиции и новаторство в советской лит<ерату>ре». Доклад (больше часа!) — Выходцева. Как хорошо сказал потом Бурсов, деревообделочная фабрика. Причем и сам Выходцев выделан топором из большого куска дуба. Набор слов, жвачка, из которой торчали ржавые гвозди, — проехался в адрес молодых поэтов и т. п. Следующие от их кафедры — Наумов³⁹⁸ (дал обзор молодой поэзии; если упоминается в стихотв<орении> бульдозер и Братская ГЭС — хорошо, берега — хорошо, это русская традиция; а грусть — плохо); Рождественская (с императивными интонациями учила нас идейности — за этим же ничего не скрывается, кроме шаманского заклинания; никакого понимания, что такое идейность, формализм и т. п.; Ямпольский удивился, почему Белый³⁹⁹ — формализм; разве символизм — не идеология? — на это Рождеств<енская> ответила докторально: символисты интересовались формальными исканиями...).

От нашей кафедры — Бялый (дипломат), Ямпольский (хорошо, остро, ядовито), Бурсов (хорошо). Как остроумно заметил Холшевников, рус<ская> лит<ерату>ра оказалась за новаторство, а сов<етская> — за традиции... (а Бурсов хорошо сказал — что самая хорошая традиция рус<ской> лит<ерату>ры — новаторство).

Заключал собрание ведший его — Плоткин. Начал с мурсы, а потом разошелся, вспомнил гонения на генетиков и кибернетиков, ратовал за свободу мысли и слова против ярлыков и скороспелых окриков, даже закончил, что у нас еще есть проявления сталинизма.

Тогда вскочил красный Выходцев и заорал: «Так Вы меня сталинистом считаете?!»

Плоткин даже ахнул. Что значит — на воре шапка горит. Этот ключительный скандал как бы завершил весь балаганный характер собрания.

Да, забыл еще сказать, что Базанов у нас выступил в полной солидарности с Выходцевым. Кричал о народности без всякого применения, затем — о критиках Кочетова⁴⁰⁰ и хвалителях Вознесенского,⁴⁰¹ которые не читали ни того, ни другого.

В общем тенденция к расслоению очень заметна — ее не удержать и не скрыть.

По окончании — краткое заседание кафедры. Я сказал о разговоре с Ворошиловой о коммунистическом труде. Базанов ловко сказал, что мы, не беря конкретных обязательств, будем стараться...

25.XI.

В Пуш<кинском> Доме заседание координа<ционного> совета АН СССР по рус<ской> литературе — отчеты Лотмана (Тарту)⁴⁰² и Гуляева⁴⁰³ (Казанский ун<иверсите>т) о руководимых ими кафедрах. Гуляев вначале произвел впечатление провинциала (романтизм), а потом еще оказалось, что и сволочь. Выяснилось, что он дал задание всей кафедре заниматься романтизмом. Все якобы с энтузиазмом взялись (такое возможно или при полной безликости, или при аракчеевском режиме).

Спросили — а если кто к вам придет и захочет заниматься другой темой? — Ответил: мы или заставим его, или скажем: много есть других кафедр в Сов<етском> Союзе — почему вы хотите к нам?

Ловко!

Его за это здорово чистили, да еще за план работы на 50 лет вперед!! Поистине мы живем в краю непуганых идиотов.⁴⁰⁴

Самое мощное — заключительное слово Гуляева. Ничего не понял из критики, обиделся. (В защиту его выступили только Пруцков, Григорьян да какая-то дура из Томска.) Яша крикнул с места: А что вы подразумеваете под романтизмом? — Гуляев с металлическими нотами: Я здесь не экзамен на аттестат зрелости сдаю. Пора оставить этот интеллигентский снобизм!!

27.XI.

Уехали братцы.⁴⁰⁵ Грустно, тяжело от сознания чуждости духовной. Каждый раз, когда я общаюсь с близкими, ощущаю эту боль. Не дай бог, когда родные далеки духовно. Нет большей тяжести.

28.XI.

Нашла меня лаборантка Нина Мих<айлов>на — и шепотом, т. к. великая тайна: пришло из министерства распоряжение (секретное) — составить на случай войны учебные планы сокращенного свойства: чтобы выпустить из ун<иверсите>та студентов 3 курса — за год, 4-го — за 6 месяцев, 5-го — за 3 месяца. Нужно в связи с этим пересмотреть все планы и программы. Распоряжение на уровне гуляевских 50 лет. Если будет война — так будет ли существовать вообще Ленинградский ун<иверсите>т?!

Но Н<ина> М<ихайловна> этого не понимает и отнеслась к делу со всей серьезностью. Я ее агитировал за спокойствие и разум — и быстро составил ей все планы и программы.

Спешу домой — приехала машина — первая порция наших вещей уехала на Московскую сторону. Поехали кроме меня Соня с Таней. Кончается 7-летний этап нашей жизни в Озерках. Грустно, как всегда, расставанье с безвозвратно уходящим прошлым.

29.XI.

Спали первую ночь на новом месте. Устали с переездом и переносом — поэтому легли в 9 и в 9 встали — 12 часов!

Но мешали спать гул моторов с аэродрома⁴⁰⁶ и молнии электросварки — строят рядом дом...

К обеду вернулись «домой». Озерки как-то сразу милее, обжитее. Грустно.

Гостей нет. Впереди у меня — 3 дня домашней работы. Редчайший случай! Очень рад этому.

1.XII.

Были с Соней на шопеновском концерте Витольда Мальцужинского (Аргентина), поляка (эмигрант?).⁴⁰⁷ Очень по-домашнему, камерно. И как-то быстр не по-артистически. Как есть боксеры — кинутся по удару гонга и сразу в физиономию. Так и он — еще садился, как уже по-боксерски стремительно бросил вперед руки и ударил по клавишам. Шопена играл очень хорошо — так и нужно.

Каждый раз в филармонии жажду прыгнуть на большую люстру и покачаться через весь зал. Вообще мне почти всегда в тихой большой аудитории хочется отмочить что-нибудь озорное, чтобы нарушить тишину.

Очевидно, отсюда у меня очень часто в затихшей аудитории мысленно возникают образы — зарево, автоматные и пулеметные очереди, валяющиеся стены, паника. Я и не хочу этого, но невольно в сознании возникает. Рецидив войны? Или просто свойство противоречия и контраста?

4.XII.

С утра уехал на новую квартиру, где спокойно целый день занимался Анненковым — нужно готовить статью.⁴⁰⁸

5.XII.

Хотя и суббота, но выходной. Приехала Соня. Заниматься не пришлось — пошли в гости к Лене Штрум.⁴⁰⁹ Она уже давно стала чужим человеком, но все же история нашей юности, да и большой этап кончается в ее жизни — переезжает в Киев к своему Вовке. Оказалось, что он только что прилетел из Киева. Малосимпатичный тип. Да еще Хильда (мать)⁴¹⁰ раздражала своим хвастовством, настырностью и жмотничеством. Еще раз вспомнил свои размышления в Эстонии (по поводу не-

любви к русским): единственный способ завоевать симпатию чужой нации, среди которой живешь, — это приспособиться к нравам, нравственности, характеру этой нации. Иначе — только озлобление и ненависть. Мне всегда был чужд национализм, но диаметрально противоположные черты по отношению к моей этике мне невыносимо противны, а т. к. громадное число южных (украинских) евреев обладает именно такими свойствами, то я не могу к ним питать добрых чувств. И поэтому двойственное отношение: во-1) я знаю мещанскую узость в национализме — поэтому противен любой вид — и еврейский, и украинский, и эстонский — и тут всегда хочется стать на защиту притесняемого любым нац<ионали>змом, но, с другой стороны, понимаешь и в какой-то степени оправдываешь — и еврейский, и украинский (антисемитский), и эстонский (применительно, скажем, к русским) — у всех этих есть основания для нелюбви к чужому.

Вечером — собрание кафедры в гостях у В. Я. Проппа⁴¹¹ (разумеется, без Базанова и Николашек;⁴¹² не было Бурсова — верно, не хочет из Комарова ехать; Дм<итрия> Евг<еньевича>⁴¹³ и Мануйлова — их, верно, не позвали??). Приглашены также Еремины⁴¹⁴ — и собрание как бы памяти Игоря Петровича, и в назидание будущему: во что бы то ни стало сохранить дух кафедры. Даже Мак⁴¹⁵ хорошо себя вел, хотя и болтал и размахивал руками. В<ладимир> Я<ковлевич> разорился не на одну сотню — наставил столько бутылок армянского коньяку и водки — что даже Маку хватило.

Жуткий рассказ Мака, как он 5.XII.1941 пробирался на военной машине через Ладожское (ожидался прорыв блокады, и нужен был корреспондент от радио) — машина попала в воду, Мак вплавь, его вытащили, но при 30° морозе одежда сразу как панцирь, и он упал, прощался с жизнью. Солдаты подошли, сделали ему салазки, сломали панцирь в паху и коленях — и тогда он бежал несколько километров, — пока не подобрали его в госпиталь, на том берегу, где дали ему стакан водки и котелок каши.

Разговоры о докторской диссертации Серова (президента Ак<адемии> художеств).⁴¹⁶ Защ<ита> в Ак<адемии> худ<ожеств> — в Ленинграде. Студенты и аспиранты устроили обструкцию, а после (защита успешно, все три против!!!) написали в Москву от имени комсомольской и проф<союзной> организаций.

Затем интересный разговор о вечере в среду⁴¹⁷ — выступление перед студентами ЛГУ художника Глазунова,⁴¹⁸ кот<орый> до сих пор не член Союза художников!!! Глазунов расск<азывал>, что он был на приеме у Герасимова⁴¹⁹ и тот объяснял, что у Гл<азунова> нет московской прописки — и не могут! «Даже если бы ко мне постучался Микель-Анджело и просил принять в Союз, то я не мог бы этого сделать из-за римской прописки».

А потом, когда прописка появилась, то к нему недоверие — не социалистический реализм! Организовали было выставку в служебных

комнатах — но когда утром Глазунов шел на открытие, то увидел объявление о том, что выставки не будет — распоряжение райкома.

Спросили (в среду) о желании худ<ожни>ка, он ответил: «Три: 1) организовать Общество по охране памятников;⁴²⁰ 2) чтобы картины мои были доступны народу; 3) чтобы при жизни я получил то, что мне причитается по таланту».

В последнем есть элемент самохвальства, но в 1-м — хорошая гражданственность. Приводил документы, потрясающие все нервы, — как какой-то банный директор (проворовался на шайках) назначен директором музея и отдал для ящиков (на огурцы) 300 ценнейших икон из подвала музея.

Затем еще факт. После войны судили германского коменданта Вязьмы, взорвавшего 6 церквей, — к расстрелу. «А в год 1000-летия России⁴²¹ пред<седатель> исполкома отдал приказание взорвать церковь XII века — таких памятников было 7 — теперь осталось шесть!! Этот председатель — настоящий фашист, его нужно судить, а он до сих пор сидит на своем месте!»

Реакция студ<енческой> аудитории была соответствующая.

Разошлись в полночь.

Берта Григорьевна приглашала меня обязательно заходить в памятные дни Игоря Петровича — 18 апреля и 17 сентября.⁴²²

6.XII.

Вернулся в Озерки — уютно, домашний пейзаж: озеро, деревья, одноэтажные домики. Приятно и грустно.

7.XII.

Получил письмо от Громова (П. П.) — было договорились о его докладе на моем семинаре по поэзии середины XIX века — и теперь он по своей патологической трусости отказался, чорт его подери. Срочно, по дороге в ун<иверсите>т, заезжаю к нему, веду беседу, стыжу — ничего не помогает: дескать, отрывок, кот<ор>ый он собирался читать, оказался не понятным вне контекста всей книги. Пришлось махнуть рукой и уйти.

В Ун<иверсите>те. А здесь, оказывается, все бурлит. Я приехал на партактив, назначенный на 17 часов, а актив, оказывается, идет уже два часа, и повестка совсем новая...

Предыстория такая. Поздно вечером в ночь с 4 на 5-е в филологическом общежитии № 4 на Шевченко, 25 студент Абрамов потребовал пропуск у негра из Нигерии, у которого не оказалось его, — негр предложил пройти с ним в его комнату. Там тоже пропуска не оказалось (или негр сделал вид, что не оказалось), негр сел и стал читать. Абрамов (то ли дурак, то ли сволочь) начал моргать свет — щелкать выключателем, чтобы вывести негра. Тот спокойно читал. Абрамову при-

шлось уйти. После этого, уже во 2-м часу ночи, к комнате Абрамова пришли 2 негра и пригласили А<брамо>ва к коменданту — для разъяснения. А<брамо>в пошел. Но негры его затащили в свою комнату и начали избивать (так трягнули об стенку, что — сотрясение мозга). Крик. Сбежался народ. Общая драка. Участвовало около 15 негров и человек 8 наших. Одному из русских студентов чуть ли не выкололи глаза, другого чуть не зарезали (но он выбил нападающему два зуба). Вызвали милицию, но майор, говорят, стоял и созерцал драку, пока его тоже не помяли.

Плоды нашего лакейства: отсутствие хоть бы капли национальной гордости и достоинства, культивируемое сверху донизу, нянчание <так!> с неграми из Африки, как с балованными детьми, — это и привело этих детей к полному распоясыванию — когда они увидели, что все позволено и никто не будет вмешиваться.

5-го все общежитие — как улей. Вечером — собрание (это когда мы были у Проппа!). На собрание явился секретарь парткома Колесов, секр<етарь> Вас<иле>о<стр<овского> райкома Селезнева, Реизов, Маслов — вообще факультетских много. Студенты бушевали, начальство же — «тише, тише!». Все увидели, что у начальства тенденция не разобраться, а замазать. Впрочем, 2 негров-зачинщиков увезли в Москву. О драке уже передала Би-Би-Си.

Студенты требовали — суда не в Москве, а в Л<енингра>де — и открытого, показательного. Селезнева по глупости, чтобы утишить страсти, пообещала, что суд будет скорый и 7-го студенты всё узнают. Приняли и решили 7-го новое собрание.

И вот значит — партактив, на кот<орый> явились представители министерства, ЦК комсомола, 1-й секретарь Вас<иле>о<стровского> райкома Белин,⁴²³ не говоря уже об университетских. Опять — студенческая масса бушевала, а начальство замазывало инцидент ссылками, что эти негры — нелегалы (присланы не государством, а различными подпольными прогрессив<ными> организациями). Студенты требовали возмездия, а им говорили, что нужно учиться воспитывать негров. Вся агитация сводилась к тому, что собрания вечером в общежитии устраивать не нужно, а следует пройти по комнатам и разъяснять, разъяснять... Но накал был такой, что, как ни вертели, как ни пытались выгородить Селезневу (якобы она ничего не обещала), — ничто не помогало. Пришлось согласиться на проведение собрания в общежитии («лучше мы проведем, чем его проведут стихийно»).

Я сидел, еле сдерживаясь, чтобы не выступить и не сказать всё, что я думаю. Наверное, и многие такое чувствовали.

8.XII.

Ночь почти не спал — такое впечатление от собрания... Интересно — что там было в общежитии 7-го?

Мельком — в «Биб<лиотеку> поэта». Орлов вернулся из заграничного вояжа и уже в Москве. Звонил Б. А. Успенский, приехавший из Москвы на конференцию. Договорились о свидании.

В 18 час<ов> — спецсеминар, куда я позвал вместо Громова Н. Н. Скатова, зав<едующего> каф<едрой> Герценовского пед. института. Он молод и талантлив — очень хорошо прочитал доклад о Некрасове. После Кормана⁴²⁴ — это 2-й настоящий некрасововед, да он, пожалуй, будет и покрупнее Кормана, т. к. берет широко — этика, религия.

Затем — встреча с Успенским. Едем домой к нам. Хорошо посидели вечер. Он — хороший человек.

9.XII.

17.00 — заседание кафедры. Мура какая-то — изменение планов на вечернем отд<елении>. Я подсел к Дм<итрию> Евг<еньевичу>, и мы протрещали весь час.

Узнал, наконец, о собрании 7-го в общежитии. Оно было трудным, еще более трудным, чем 5-го — т. к. здесь уже ничего не могли обещать. Студенты приняли резолюцию — составить письмо с требованиями студентов и отправить с ним трех ходоков к Брежневу. Были и еще требования — устроить демонстрации, устроить делегации в другие ун<иверсите>ты с просьбой о поддержке и т. д. — но это не было принято.

На собрании раскол еще сильнее. Начальство в ярости — не могут усмирить. А студенты обозлились страшно: и потому, что пришли они на собрание — а там уже был «выбран» без них президиум, и что замазывали вместо реального разбора и т. д.

В эти дни и черносотенная реакция: появились лозунги в общежитии: «Niggers, go home!», листовки с призывами бить негров и за подп<исью> «Союз белых студентов».

11.XII.

В «Биб<лиотеке> поэта». Наконец появился Орлов. Он полон оптимизма — был в Москве, там всюду обещали и автономию, и деньги, — обещать на словах очень легко, конечно. Я заговорил о документальном подтверждении, он ссылается на Секретариат Союза Писателей, который будет 22—23 в Москве. Дай бог.

---

¹ Речь идет об армянской церкви Сурб Саркис (Святого Сергия), заложенной в Феодосии в 1330 г.; Айвазовский был ее прихожанином (в ней он был крещен и венчался) и благотворителем, его похоронили в церковной ограде. Реставрация храма проходила в 1965—1970 гг.

² Дочь — Егорова (в первом браке Морозова, во втором — Миллер) Татьяна Борисовна (р. 1951) — магистр образования и библиотечных наук; ныне проживает

с мужем Джеймсом Остином Миллером, доктором богословия, магистром искусств, в г. Милуоки (США).

³ В записи от 28 июля Б. Ф. пояснял: «Это — 8 км от центра Феодосии, чистый песок без камней, народу мало — гл<авным> обр<азом> дикари со своими машинами (ряды машин и палаток тянутся от самой Феодосии). Голая степь, почти ни одного дерева. Поселок Береговой, где снимаем 2 (1½) комнатухи» (Егоров Б. Ф. Дневник за май — начало августа 1964 года. С. 427).

⁴ Планерское — официальное название поселка Коктебель в 1945—1992 гг.

⁵ Мануйлов Виктор Андроникович (1903—1987) — литературовед, мемуарист и сценарист; доктор филологических наук (1967), профессор ЛГУ. Ниже в дневнике упоминают, что он жил во флигеле Дома-музея Максимилиана Волошина (ул. Морская, 43).

⁶ Кара-Даг (Карадаг) — горно-вулканический массив, у северо-восточного подножия которого находится курортный поселок Коктебель.

⁷ Князь Лев Сергеевич Голицын (1845—1915) основал завод по выпуску игристого вина в 1878 г. в приобретенном им урочище Парадиз, в 1912 г. переименованном в Новый Свет; под руководством князя было построено 3,2 км тоннелей для выдержки вин. После разрухи послереволюционного периода, с 1932 г., производство шампанского было возобновлено.

⁸ Ошибка памяти: речь идет о заметке (со ссылкой на ТАСС) под названием «Сорвался в ущелье», помещенной не в «Правде», а в «Известиях»: «ПАРИЖ, 27 июля. 20 человек было убито сегодня во время автомобильной катастрофы, сообщает агентство Франс Пресс. Французский автобус с туристами сорвался в пропасть в ущелье вблизи г. Эпиналь в Восточной Франции и разбился» (Известия. 1964. 28 июля. № 178. С. 1. (Новости из-за границы)). Отметим, что едва ли соответствующее ситуации слово «убито» (вместо ожидаемого «погибло») объясняется конфронтационной политической риторикой периода холодной войны.

⁹ Имеется в виду Зеленая бухта, другие названия — Новосветская, Судак-лиман, Ниташ, губа Чикенская.

¹⁰ Речь идет о естественном гроте высотой в 30 м, выбитом морскими волнами, ныне носящем имя Голицына. Он находится в горе Орел (Коба-Кая), представляющей собой окаменевший коралловый риф. Голицын оборудовал в нем так называемый Эстрадный зал, в стенах которого сохранились 45 ниш для хранения бутылок с вином. Летом здесь устраивались спектакли и поэтические чтения при свечах.

¹¹ Синюю (иначе: Разбойничья) и Голубую (Делилиманскую) бухты разделяет мыс Капчик (Пещерный), который своими причудливыми очертаниями напоминает гигантского ящера.

¹² Побережье всех трех бухт (Зеленой, Синей и Голубой) в 1921 г. было объявлено природным памятником местного значения, а в 1974 г. здесь был основан ботанический заказник «Новый Свет». Поэтому и жилье не строилось. Голубая бухта в рассматриваемое время была знаменита как место съемок двух популярных кинофильмов: «Человек-амфибия» (1961) и «Два плюс три» (1963).

¹³ Генуэзская крепость была возведена в Судак в XIV в. захватившими город генуэзцами на месте крепостных построек хазар или византийцев (VIII в.). Цитаделью позднее владели также половцы (XI—XIII вв.), золотоордынцы (XIII—XIV вв.) и турки (XV—XVIII вв.).

¹⁴ Пся крев (*польск.* psia krew — собачья кровь) — бранное восклицание, выражающее негодование, возмущение.

¹⁵ Старый Крым — древний город в восточной части полуострова, расцвет которого приходится на XIV век; впоследствии его кипчакское название Кырым было распространено на весь полуостров.

¹⁶ *Грин* (урожд. *Миринова*, по первому мужу *Короткова*, по третьему — *Нания*) *Нина Николаевна* (1894—1970) — жена писателя Александра Грина в 1921—1932 гг., прототип героини «Алых парусов» Ассоль. В 1960 г. основала мемориальный дом-музей А. Грина в Старом Крыму (ул. К. Либкнехта, 52).

¹⁷ Н. Н. Грин была осуждена на 10 лет лагерей за то, что работала корректором и редактором в оккупационной газете «Официальный бюллетень Старо-Крымского района», а с янв. по окт. 1942 г. заведовала районной типографией. Отбывала заключение в лагерях на Печоре, затем — в Астрахани, вышла на свободу в 1956 г. по амнистии; реабилитирована посмертно, в 1997 г. (Существенно, что она была угнана на трудовые работы в Германию, однако в 1945 г. добровольно вернулась из американской зоны оккупации в СССР.)

¹⁸ Переселение из Феодосии было связано с резким ухудшением материального состояния семьи: в 1930 г. советская цензура запретила переиздания Грина и ввела ограничение на новые книги — по одной в год.

¹⁹ «Academia» — книжное издательство Петербургского философского общества при университете, основанное в 1921 г.; в 1929 г. было перенесено в Москву, а в 1937 г. прекратило свое существование, будучи расформировано и слито с «Гослитиздатом».

²⁰ Подразумевается совещание высшего советского руководства с представителями творческой интеллигенции, состоявшееся 7—8 марта 1963 г. в Кремле, на котором Н. С. Хрущев, обращаясь к поэту Андрею Вознесенскому, заявил: «...теперь уже не оттепель и не заморозки — а морозы. Да, для таких будут самые жестокие морозы» (*Минченко Дм.* Найден подлинник речей Хрущева перед советской интеллигенцией // *Огонек*. 2002. 3 марта. № 8. С. 5). Упомянутое издание М. А. Волошина не состоялось.

²¹ Речь идет о статье М. А. Волошина «Кровавая неделя в Санкт-Петербурге: рассказ очевидца», увидевшей свет на французском языке в Париже (*L'Européen Courrier international hebdomadaire*. 1905. 26 févr. № 43. P. 14—16); см. в обратном переводе с французского: *Волошин М. А.* Собр. соч.: [в 15 т.]. М.: Эллис Лак, 2007. Т. 5. С. 494—498 (подгот. текста и коммент. А. В. Лаврова).

²² «Царевна-Лебедь» — картина М. А. Врубеля (1900), посвященная персонажу оперы Н. А. Римского-Корсакова «Сказка о царе Салтане» (по сказке Пушкина).

²³ Гипсовый бюст Волошина был создан в 1909 г. польским скульптором Эвардом Виттигом (1879—1941), учеником Огюста Родена. После отъезда Волошина из Парижа Виттиг изваял его бюст из камня, назвал его «Поэт» и установил в саду Марсова поля недалеко от Эйфелевой башни. Ныне он находится во дворе дома на бульваре Эксельманс, 66.

²⁴ *Эйфель* (фамилия при рождении — *Бёникхаузен*) *Александр Гюстав* (1832—1923) — французский инженер, специалист по проектированию металлических конструкций.

²⁵ *Ривера Диего* (1886—1957) — знаменитый мексиканский живописец-муралист. Портрет Волошина написал в 1915 г.

²⁶ *Заболоцкая Мария Степановна* (1887—1976) — медицинский работник, экскурсовод, писательница; вторая жена М. А. Волошина (официально с 1927 г.; вдова с 1932 г.).

²⁷ М. С. Заболоцкой в это время было без малого 77 лет.

²⁸ *Сельвинский Илья Львович* (1899—1968) — поэт-конструктивист, прозаик и драматург, теоретик стиха. С 1941 г. воевал на Южном фронте в звании батальонного комиссара, участвовал в обороне Крыма.

²⁹ *По порожкам* — то же, что «по ступенькам» (в значении «спустить с лестницы»).

³⁰ «Цветы мои!» (нем.)

³¹ *Василевский Александр Михайлович* (1895–1977) — полководец, маршал Советского Союза (1943), начальник Генерального штаба (1942–1945); руководил планированием и проведением многих операций, в частности — по освобождению Крыма. Советские войска овладели Коктебелем 13 апр. 1944 г.

³² *Пугачев Владимир Владимирович* (1923–1998) — доктор исторических наук (1964), профессор Горьковского университета (1965–1979), затем Саратовского экономического института (1979–1998). Его с Б. Ф. связывала многолетняя дружба.

³³ Опубликовано: *Егоров Б. Ф.* Аполлон Григорьев — литературный критик // *Григорьев Аполлон.* Литературная критика / сост., вступ. статья и примеч. Б. Ф. Егорова. М.: Худож. лит., 1967. С. 3–39.

³⁴ Грот Пушкина — небольшое каменное сооружение с колоннами для отдыха и защиты от зноя (нач. XIX в.) на территории бывшей дачи губернатора Феодосии С. М. Броневского (ныне здесь Центр медицинской реабилитации и санаторного лечения Министерства обороны России). Название гроту присвоено в связи с тем, что тут в авг. 1820 г. несколько дней отдыхал Пушкин по дороге с Кавказа в Гурзуф.

³⁵ Имеется в виду статья: *Егоров Б. Ф.* Аполлон Григорьев — критик // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1960. Вып. 98. С. 194–246; 1961. Вып. 104. С. 58–83.

³⁶ *Гонейм М. З.* Потерянная пирамида / пер. с англ. Ф. Л. Мендельсона; предисл. акад. В. В. Струве. М.: Географгиз, 1959. 120 с. *Гонейм Мухаммед Закария* (1905–1959) — египетский археолог, выдающийся египтолог.

³⁷ *Шкловский В. Б.* Жили-были: воспоминания, мемуарные записи, повести о времени: с конца XIX в. по 1962 г. М.: Сов. писатель, 1964. 482 с. *Шкловский Виктор Борисович* (1893–1984) — прозаик, литературовед, критик и киновед, сценарист.

³⁸ *Шкловский В. Б.* Лев Толстой. М.: Мол. гвардия, 1963 (вып. дан.: 1964). 864 с. (Жизнь замечательных людей; вып. 6 (363)).

³⁹ *Соловьев Г. А.* Эстетические взгляды Н. А. Добролюбова. М.: изд-во худож. лит., 1963. 288 с. *Соловьев Геннадий Арсеньевич* (1918–2003) — литературовед; с 1962 г. заведующий редакцией литературоведения и критики в Гослитиздате (с 1963 г. «Художественная литература»). Экземпляр этой книги из библиотеки Б. Ф. испещрен карандашными пометами на полях: напротив понравившихся фраз стоят знаки «+» (с. 10, 62, 64, 68, 86, 105), «+++» (с. 9), «Сильно!» (с. 17), «Ядовито и хорошо» (с. 18), «Г. А. относится к Черн<ышевскому> близко к моему отношению» (с. 23) и т. д.; о вызвавшем отторжение: «О Белинском—односторонне, совсем нет диалектики народного с сословным, на<циональ>ным и общечеловеческим» (с. 50), «Неверно» (с. 102), «Нехорошо» (с. 120), «Не точно» (с. 133), «Не так просто!» (с. 136, 160), «Неприятно, стыдно» (с. 147), «Волюнт<аризм>» (с. 154), «Фантазия» (с. 166) и др.

⁴⁰ *Рейсер Соломон Абрамович* (1905–1989) — библиограф, литературовед, текстолог, доктор филологических наук (1956); с 1931 г. работал в Публичной библиотеке, с 1946 г. — в Библиотечном институте им. Н. К. Крупской (с 2014 г. Институт культуры). В мемуарном очерке «Несколько черт к портрету С. А. Рейсера» (2005) Б. Ф. отмечал: «...из питерских друзей мужского пола С<оломон> А<брамович> был мне самым близким, я удостоился знать самые его интимные душевные глубины» (*Егоров Б. Ф.* Воспоминания-2. СПб.: Росток, 2013. С. 191). Сам Рейсер за два года до смерти, в письме к Б. Ф. от 18 дек. 1987 г., завещал ему библиотеку и рукописи, определив: «Я обращаюсь к Вам с просьбой — разобрать мои бумаги, что сочтете нужным отдать в архивы, оставить себе и т. д. <...> больше просить мне не-

кого и не хочется» (Архив Б. Ф. Егорова). В янв. 2004 г. Б. Ф. сдал 147 писем Рейсера в ОР РНБ.

⁴¹ Новиковы — троюродная сестра С. А. Николаевой (жены Б. Ф.; см. коммент. 45) *Александра Георгиевна Новикова* (1924—2018) с отцом — театральным художником *Георгием Александровичем Новиковым* (1898—1981) и матерью *Еленой Павловной Новиковой* (1899—1990), домохозяйкой.

⁴² Святая гора — высшая точка карадагского массива (576 м над уровнем моря); по преданию, на самой вершине был похоронен «азис», мусульманский святой, к могиле которого стекались больные в надежде на исцеление.

⁴³ Карадагская биостанция была основана в 1914 г. С 1963 г. она получила статус Карадагского отделения Института биологии южных морей АН УССР; ныне здесь Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Карадагская научная станция имени Т. И. Вяземского — природный заповедник АН России».

⁴⁴ Первый Дворец бракосочетания в СССР открылся в Ленинграде в ноябре 1959 г. в особняке на наб. Красного Флота (ныне Английская), д. 28. С этого времени берет начало традиция торжественной регистрации брака, — видимо, натуре Б. Ф. претил нормативный формализм как этой процедуры, так и церковного обряда (см. ниже неодобрительно о «поповщине»).

⁴⁵ Соня — жена Б. Ф. *Николаева София Александровна* (1924—2008), ученый-химик, по окончании аспирантуры химического факультета ЛГУ преподаватель Тартуского университета (1951—1958), позднее сотрудник ленинградских НИИ. Много помогала мужу в его научно-литературных работах. См. брошюру: *Егоров Б. Ф. Жизнь С. А. Николаевой* (типичное и личное). СПб.: Нестор-История, 2008. 33 с.

⁴⁶ Главы из книги Ю. Г. Антамонова и В. С. Казаковцева «Кибернетика — антирелигия» публиковались в девяти номерах журнала «Наука и религия» за 1964 г., и тогда же увидело свет отдельное издание: М.: Сов. Россия, 1964. 205 с. 28 апр. 1964 г. Б. Ф., прочитав, очевидно, 3-ю главу в апрельской книжке журнала, записал в дневнике: «Читал в “Науке и жизни” статью “Кибернетика — антирелигия”. В потоке пустых фраз есть дельные мысли, кот<орые> заставляли задуматься. Идея: бесконечность мира, неисчерпаемость его и всех связей внутри его и создают ощущение ограниченности человеческого познания, следовательно, условно можно предположить, что бог и есть это выходящее за рамки человеческого познания на данный момент. Мы будем постоянно сужать сферу владений бога, но до конца никогда не вытесним его» (*Егоров Б. Ф. Дневник за январь — начало мая 1964 года*. С. 1038).

⁴⁷ Адамовна — *Калинина Валентина Адамовна*, сотрудница машбюро НИИ «Гипроникель», выполнявшая печатные работы для Б. Ф.

⁴⁸ Пятиэтажный, панельный, семиподъездный дом на пр. Космонавтов, 52, корп. 2, куда Егоровы начали перевозить вещи в ноябре 1964 г. и где поселились в 1965 г. Проспект появился на карте города в нояб. 1962 г. в Московском районе.

⁴⁹ *Лотман Юрий Михайлович* (1922—1993) — выдающийся литературовед, культуролог и семиотик; академик АН ЭССР (1990). Ближайший друг Б. Ф. (далее в дневнике упоминается под дружеским прозвищем ЮрМих).

⁵⁰ Официально был назван: Летняя школа по вторичным моделирующим системам, проходил с 19 до 29 авг. 1964 г. в поселке Кязэрику под Тарту.

⁵¹ Б. Ф., переехав в окт. 1962 г. из Тарту в Ленинград, вскоре стал заместителем главного редактора книжной серии «Библиотека поэта», сменив в этой должности И. Г. Ямпольского, желавшего сосредоточиться на подготовке докторской диссертации. Ленинградское отделение издательства «Советский писатель», выпускавшее

серию, с 1934 г. располагалось в «Доме книги» (Невский пр., 28), с 1980-х гг. — на Литейном пр., 36 («Дом А. А. Краевского»).

⁵² *Исакович Ирина Владимировна* (1917–1999) — редактор «Библиотеки поэта» в 1960–1970-х гг.; литературной редакцией заведовала до 1968 г. 4 янв. 1964 г. Б. Ф. записал в дневнике: «Ирина Владимировна Исакович — самая близкая мне. Человечная, тяжело переживающая каждую подлость, комок нервов, болезненная, одинокая. Женщина во всем. Жалко ее» (*Егоров Б. Ф. Дневник за январь* — начало мая 1964 года. С. 1017). Очевидно, ее имя попало в приказ как заведующей редакцией, допустившей превышение объема научного аппарата в книгах, которые редактировала К. К. Бухмейер.

⁵³ *Бухмейер* (по мужу *Троицкая*) *Ксения Константиновна* (1923–2016) — литературовед, редактор серии «Библиотека поэта». Подразумеваются последние отредактированные ею тома в Большой серии «Библиотеки поэта»: Стихотворная комедия конца XVIII — начала XIX в. / вступ. ст., подгот. текста и примеч. М. О. Янковского. М.; Л.: Сов. писатель, 1964. 966 с.; Стихотворная трагедия конца XVIII — начала XIX в. / вступ. ст., подгот. текста и примеч. В. А. Бочкарева. М.; Л.: Сов. писатель, 1964. 630 с., к тому времени уже сданные в набор (соответственно, 6 июля и 11 авг.). Известный филолог Е. Г. Эткинд вспоминал: «...Ксения Бухмейер, редактор, радовавший вдумчивой добросовестностью; она сверяла стихи с их первыми публикациями — в журналах, сборниках XVIII и XIX веков, обращала внимание на небрежности и противоречия в статье и примечаниях, заставляла уточнить или изменить неловкие выражения и темные формулировки» (*Эткинд Ефим. Записки незаговорщика*. London: Overseas Publications Interchange, 1977. С. 182–183).

⁵⁴ Арон — *Узиевский Арон Натанович* (1912–1992), заведующий производством Ленинградского отделения издательства «Советский писатель».

⁵⁵ *Плещеев А. Н.* Полн. собр. стихотворений / вступ. ст., подгот. текста и примеч. М. Я. Полякова. М.; Л.: Сов. писатель, 1964. 430 с. (Б-ка поэта. Большая сер.).

⁵⁶ *Григорьев А. А.* Стихотворения и поэмы / вступ. статья, подгот. текста и примеч. Б. О. Костелянца. М.; Л.: Сов. писатель, 1966. 410 с. (Б-ка поэта. Малая сер.). *Костелянец Борис Осипович* (1912–1999) — литературный и театральный критик, литературовед; выпускник филфака ЛГУ (1937), преподаватель ЛГИТМиКа (с 1961 г.).

⁵⁷ *Смирнов Михаил Михайлович* (1909–1997) — журналист, очеркист, редактор. С осени 1944 г. работал в «Лениздате»: сначала помощником редактора в секторе художественной литературы, а с 1957 г. — заместителем главного редактора издательства. В 1964–1968 гг. Смирнов состоял главным редактором Ленинградского отделения издательства «Советский писатель» и старшим редактором Ленинградского отделения издательства «Художественная литература», затем, в 1969–1976 гг., — работал в издательстве «Аврора» временно исполняющим обязанности заместителя главного редактора и заведующим редакцией книг по Эрмитажу. См. описание его архивного фонда: *Виноградова Е. В.* Смирнов Михаил Михайлович. Фонд 856 // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2002 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 593–595.

⁵⁸ Яша — *Билинкис Яков Семенович* (1926–2001) — литературовед, выпускник филологического факультета МГУ (1950) и аспирантуры ЛГПИ им. А. И. Герцена (1953); преподавал в Тартуском университете (1953–1955), доктор филологических наук (1970), профессор ЛГПИ, близкий друг Б. Ф., в записной книжке которого указан адрес Билинкисов: наб. р. Мойки, 5, кв. 110.

⁵⁹ Йыхви — районный центр на северо-востоке Эстонии, в 130 км к северу от Тарту.

⁶⁰ Имеется в виду кафедра русской литературы Тартуского университета.

⁶¹ *Кильк Владимир Петрович* (1921–1997) — старший лаборант кафедры с 1951 г., в 1963–1973 гг. был преподавателем кафедры. 15 февр. 1964 г. Б. Ф. записал о нем в дневнике: «Талмудист, ограничен, но очень активно занимался научной работой. Однако, несчастная любовь где-то вскоре после окончания <университета> сломила его, сломала навсегда — и теперь это конченый человек, Обломов. Ничем не интересуется, кроме «Огонька» и легких романов. <...> Заставить Килька написать письмо, отпечатать отчет и т. д. — целая проблема» (*Егоров Б. Ф.* Дневник за январь — начало мая 1964 года. С. 1023).

⁶² *Это слово вписано над зачеркнутым:* платном.

⁶³ *Ревзин Исаак Иосифович* (1923–1974) — лингвист, семиотик; сотрудник Института славяноведения АН СССР и Института иностранных языков. Его жена — *Ревзина* (урожд. *Карпинская*) *Ольга Григорьевна* (р. 1939) — лингвист, участник Тартуско-московской семиотической школы, цветист, доктор филологических наук (1998), профессор кафедры русского языка филфака МГУ.

⁶⁴ *Лескис Георгий Александрович* (1917–2000) — литературовед и лингвист, кандидат филологических наук (1949); с 1964 г. сотрудник Всероссийского института научной и технической информации АН СССР.

⁶⁵ *Кярику* (Кяэрику) — поселок в волости Отепя (см. ниже) у одноименного озера (площадью 19 га и глубиной до 5,9 м), где расположена спортивная база Тартуского университета.

⁶⁶ *Отепя* — городок в Эстонии, центр волости; известен как «зимняя столица» Эстонии, международный центр зимнего спорта и туризма.

⁶⁷ *Пюхьярве* (Пюхаярве) — озеро в юго-восточной части Эстонии, у города Отепя к юго-западу от Тарту.

⁶⁸ *Кекконен Урхо Калева* (1900–1986) — президент Финляндии (1956–1981). Находясь в начале 1960-х гг. с визитом в Эстонии, он совершил поход по лесной 14-километровой трассе в Кяэрику, которая ныне из рекламных соображений называется «лыжней Кекконена».

⁶⁹ В дневнике вместо этого слова — его символическое изображение: ∅.

⁷⁰ *Иванов Вячеслав Всеволодович* (1929–2017) — литературовед, лингвист, культуролог, семиотик, переводчик; сотрудник Института славяноведения АН СССР (с 1960 г.), академик (2000). В программе конференции указывалось: «В. В. Иванов. Общие проблемы изучения экстралингвистических знаковых систем» (Программа и тезисы докладов в летней школе по вторичным моделирующим системам 19–29 авг. 1964 г. / отв. ред. Ю. Лотман. Тарту, 1964. С. 1).

⁷¹ Речь идет о международной научной конференции по теории стиха, состоявшейся в Варшаве с 24 по 29 авг. 1964 г.

⁷² *Успенский Владимир Андреевич* (1930–2018) — математик, лингвист, один из зачинателей развития кибернетики в России, доктор физико-математических наук (1964), брат Б. А. Успенского; позднее профессор, один из организаторов Отделения теоретической и прикладной лингвистики на филфаке МГУ.

⁷³ Точнее: ВИНИТИ, т. е. Всероссийский институт научной и технической информации АН СССР.

⁷⁴ *Николаева Татьяна Михайловна* (1933–2015) — лингвист, семиотик, специалист по теории языка и структурной лингвистике; сотрудник Института славяноведения АН СССР (с 1960 г.), в разные годы преподаватель МГУ и других вузов Москвы, профессор (1992), член-корреспондент РАН (2000), главный редактор журнала «Вопросы языкознания» (с 2002 г.). Прочла доклад «О возможности «синтеза через анализ» (к вопросу о минимальности описания)» (Программа и тезисы докладов в летней школе... С. 5–6).

⁷⁵ *Цивьян* (урожд. *Михайлова*) *Татьяна Владимировна* (р. 1937) — лингвист-славист, культуролог, сотрудник Института славяноведения АН СССР (с 1964 г.), профессор кафедры теории словесности Московского лингвистического университета (1993—2003); переводчик, доктор филологических наук (1992).

⁷⁶ *Падучева Елена Викторовна* (1935—2019) — лингвист; сотрудник ВИНИТИ РАН, доктор филологических наук (1984); жена А. А. Зализняка.

⁷⁷ *Волкова Октябрина Федоровна* (1926—1988) — буддолог и индолог, переводчик; сотрудник Института востоковедения АН СССР; дружила с Ю. М. Лотманом со времени учебы в ЛГУ.

⁷⁸ Доклад Ю. М. Лотмана в программе обозначен как «Вступительное слово» (Программа и тезисы докладов в летней школе... С. 3—5).

⁷⁹ *Чернов Игорь Аполлонович* (р. 1943) — литературовед, семиотик; выпускник филфака Тартуского университета (1966), кандидат филологических наук (1975), заведующий кафедрой русской литературы (1983—1986) и Отделением семиотики (1992—1997); в настоящее время отошел от научной деятельности, проживает в Финляндии.

⁸⁰ Доклад И. И. Ревзина «О возможности использования парапсихологических опытов для проверки некоторых семиотических гипотез» (Программа и тезисы докладов в летней школе... С. 6—7).

⁸¹ Б. Ф. заранее договорился, что к нему подъедут жена, дочь и теща *Николаева Татьяна Алексеевна* (1902—1986). Запрос о возможности реализации этого плана Б. Ф. послал Ю. М. Лотману еще из Феодосии 27 июля: «Семейство, узнав о моей продолжительной поездке в эстонскую Швейцарию, молит взять с собой. Поэтому советуюсь с Вами — какие сейчас прогнозы в Отепяя и окрестностях? Можно ли там снять приличную комнатушку? Пробудут они, как и я, третью декаду августа» (*Ю. М. Лотман, З. Г. Минц — Б. Ф. Егоров*. Переписка, 1954—1993 / изд. подгот. Б. Ф. Егоров и А. П. Дмитриев, при участии Т. Д. Кузовкиной, Д. Э. Кузовкина и Н. В. Поселягина. СПб.: Полиграф, 2018. С. 182).

⁸² *Зализняк Андрей Анатольевич* (1935—2017) — лингвист, специалист по теоретической и прикладной лингвистике; сотрудник Института славяноведения АН СССР (с 1960 г.), доктор филологических наук (1965) при защите кандидатской диссертации, преподаватель МГУ (1960—1982), профессор (1973), академик (1987). В программе доклад обозначен как созданный в соавторстве с его женой Е. В. Падучевой и называется «О связи языка лингвистических описаний с родным языком лингвиста» (Программа и тезисы докладов в летней школе... С. 7—9).

⁸³ Эльва — дачная местность в 17 км от Тарту и 40 км от Кяэрику. Здесь находилась дача Лотманов.

⁸⁴ *Образцова* (урожд. *Лотман*) *Инна Михайловна* (1915—1999) — композитор, музыковед, сестра Ю. М. Лотмана; жила в Ленинграде.

⁸⁵ *Николаев Александр Исаакович* (1898—1981) — отец С. А. Николаевой, тесть Б. Ф., живший в Тарту со второй женой Августой Теодоровной Инслерман.

⁸⁶ Игорь Аполлонович Чернов.

⁸⁷ *Пятигорский Александр Моисеевич* (1929—2009) — советский и британский философ, филолог, писатель, индолог, семиотик, один из основателей Тартуско-московского школы; кандидат философских наук (1962). Его тезисы в сборнике отсутствует. Вероятно, тема доклада соответствует названию его статьи в издании, выпущенном по результатам работы летней школы: «Некоторые общие замечания о мифологии с точки зрения психолога» (Труды по знаковым системам. Тарту, 1965. [Вып.] II. С. 38—48).

⁸⁸ *Огибенин Борис Леонидович* (р. 1940) — индолог и лингвист; с 1974 г. живет в Западной Европе, профессор и заведующий кафедрой санскрита Страсбургского

университета (с 1988 г.). Огибенин опубликовал тезисы двух своих докладов: «К семиотике обряда и мифа» и «Замечание о структуре мифа в “Ригведе”» (Программа и тезисы докладов в летней школе... С. 9–12, 77–82).

⁸⁹ *Сегал Дмитрий Михайлович* (р. 1938) — советский и израильский литературовед, лингвист, семиотик; сотрудник Сектора структурной типологии Института славяноведения АН СССР (1960–1973); эмигрировав в Израиль (1973), основал (1974) и возглавил Отделение славянских исследований Еврейского университета в Иерусалиме; профессор, доктор философии. Сегал опубликовал тезисы двух своих докладов: «Заметки об одном типе семиотических моделирующих систем» и «Опыт структурного описания мифа» (Там же. С. 12–14, 16–25).

⁹⁰ *Топоров Владимир Николаевич* (1928–2005) — лингвист, литературовед, семиотик, один из основателей Тартуско-московской школы; доктор филологических наук (1988), сотрудник Института славяноведения АН СССР (с 1961 г.), академик (1990). По-видимому, прочел доклад, созданный в соавторстве с В. В. Ивановым, на тему: «К описанию некоторых кетских семиотических систем» (Труды по знаковым системам. [Вып.] II. С. 116–143).

⁹¹ В письме от 23 июля 2021 г. Татьяна Миллер, дочь Бориса Федоровича, вспоминала: «Про 64 год в Кяэрику очень светлые, хорошие воспоминания. Летняя семиотическая школа, всех вкусно кормили в кафетерии. Ощущение близости к чему-то научному, светлому, от меня далекому и закрытому».

⁹² *Мяльц Линнарт Эдуардович* (1938–2010) — историк, востоковед, переводчик, общественный деятель; стажер Института народов Азии (1964–1965), по окончании аспирантуры (1969) — преподаватель Тартуского университета (до 1973 г., отстранен по политическим причинам), инженер Кабинета ориенталистики (1973–1983), заведующий лабораторией семиотики и истории (1983–1991), кандидат исторических наук (1984), председатель Организации непредставленных народов (1991–1993). Его доклад — «К реконструкции первоначального буддизма» (Программа и тезисы докладов в летней школе... С. 29).

⁹³ Точнее: Институт народов Азии АН СССР — так в 1960–1970 гг. назывался нынешний Институт востоковедения РАН.

⁹⁴ Доклад И. А. Чернова назывался, вероятно: «О структуре русских любовных заговоров» (Труды по знаковым системам. [Вып.] II. С. 159–172).

⁹⁵ *Успенский Борис Андреевич* (р. 1937) — лингвист, семиотик, историк, искусствовед; старший научный сотрудник МГУ (до 1965 г.), кандидат (1964) и доктор (1972) филологических наук; позднее профессор МГУ. Его доклад — «Предварительные замечания к персонологической классификации» (Программа и тезисы докладов в летней школе... С. 29–31). Позднее Б. А. Успенский подарил Б. Ф. свою известную книгу «Поэтика композиции» (М.: Искусство, 1970) с надписью на форзаце: «Дорогому Борису Федоровичу Егорову с сердечным приветом — в ожидании критических замечаний. Б. Успенский». Судя по пометам Б. Ф. на книге, замечаний у него не возникло.

⁹⁶ Название доклада Т. В. Цивьян — «К некоторым вопросам построения языка этикета» (Там же. С. 32).

⁹⁷ Ю. М. Лотман прочел доклад «Игра как семиотическая проблема и ее отношение к природе искусства» (Там же. С. 32–33).

⁹⁸ *Кульц Ивар Георгиевич* (1928–1989) — математик, специалист по математической логике и информатике; доцент, заведующий вычислительным центром Тартуского университета (1959–1962), участник Летних школ, член редколлегии «Трудов по знаковым системам» (1964–1983). Его доклад — «Анализ способов обучения с точки зрения семиотики» (Там же. С. 33–34).

⁹⁹ Б. Ф. прочел доклад «Гадание на картах и типология сюжетов» (Там же. С. 34–35).

¹⁰⁰ *Сыркин Александр Яковлевич* (р. 1930) — советский и израильский (с 1977 г.) индолог, филолог-санскритолог, сотрудник Института востоковедения АН (1961—1975), доктор исторических наук (1971). Его доклад — «Некоторые аспекты изучения юмора и примеры из древнеиндийской литературы» (Там же. С. 35—37).

¹⁰¹ *Зарецкий Валентин Айзикович* (1928—2009) — литературовед; по окончании Харьковского пединститута иностранных языков (1949) школьный учитель и журналист; по рекомендации А. М. Пятигорского поступил к Ю. М. Лотману в аспирантуру Тартуского университета; доцент кафедры русской литературы Стерлитамакского пединститута с 1966 г., затем профессор. По-видимому, прочел доклад «Ритм и смысл в художественных текстах» (Труды по знаковым системам. [Вып.] II. С. 64—75).

¹⁰² См.: *Зарецкий В. А.* Семантика и структура словесного художественного образа: автореферат дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1966.

¹⁰³ *Столович Леонид Наумович* (1929—2013) — философ, эстетик, в Тартуском университете преподавал с 1953 г., доктор философских наук (1965), профессор (1967), близкий друг Б. Ф.

¹⁰⁴ Название доклада Г. А. Лесскиса — «К вопросу о грамматических различиях научной и художественной прозы (на материале русской прозы 60-х гг. XIX в.)» (Труды по знаковым системам. [Вып.] II. С. 76—83).

¹⁰⁵ Доклад Е. В. Падучевой «О структуре абзаца» (Там же. С. 284—292).

¹⁰⁶ Теща Т. А. Николаева.

¹⁰⁷ *Клемент Федор Дмитриевич* (1903—1973) — физик, ректор Тартуского университета (1951—1970); сотрудник Института физики и астрономии АН ЭССР (с 1953 г.), доктор физико-математических наук (1962), академик АН ЭССР (1951).

¹⁰⁸ *Нурмекунд Пент Пезтович* (при рождении — Arthur Roosmann; 1906—1996) — лингвист-полиглот, востоковед, переводчик с 80 языков; преподавал в Тартуском университете (1941—1944); заключенный сталинских лагерей (1944—1947), после освобождения школьный учитель, затем преподаватель восточных языков (1955—1986), создатель Кабинета востоковедения Тартуского университета (1955), кандидат филологических наук (1968).

¹⁰⁹ Первоначально, с основания в 1959 г., — Институт народов Африки АН СССР.

¹¹⁰ *Вадя Невраев* — персонаж романа В. Д. Дудинцева «Не хлебом единым» (1956), «инженер, референт и журналист», молодой карьерист.

¹¹¹ Названы: племянница Ю. М. Лотмана *Образцова Наталья Юрьевна* (р. 1949), будущий филолог, и его сыновья *Григорий* (р. 1953), ставший художником, и *Алексей* (р. 1960), ныне зоолог, общественный деятель.

¹¹² *...Савватий панча шило в задницу...* — каламбур: панча шила («пять добродетелей») — пять базовых моральных заповедей, или добродетелей, в буддизме. В 1954 г. термином «панча шила» (*хинди*) было названо индийско-китайское соглашение («Пять принципов мирного сосуществования»), действовавшее до 1962 г.; ему посвящена песня о советско-индийской дружбе («Панча шила», 1956; композитор В. И. Мурадели, слова В. Г. Харитоновой). Б. Ф. комментировал (12.06.2018): «Эту формулу тартуанцы использовали каламбурно, истолковывая как “пять шил”, втыкаемых в определенную часть тела недоброжелателей». Савватий — *Смирнов Савватий Васильевич* (1929—2002) — лингвист, доктор филологических наук (1977); в 1963—1975 и 1978—1980 гг. заведующий кафедрой русского языка в Тартуском университете.

¹¹³ Название доклада И. И. Ревзина — «К семиотическому анализу детективов (на примере романов Агаты Кристи)» (Программа и тезисы докладов в летней школе... С. 38—40).

¹¹⁴ Доклад Ю. М. Лотмана — «Проблема знака в искусстве» (Там же. С. 57—58). Подразумевается его книга: *Лотман Ю. М. Лекции по структуральной поэтике*. Вып. 1: Введение, теория стиха. Тарту, 1964. (Труды по знаковым системам; [вып.] I).

¹¹⁵ *Жегин* (при рождении — *Шехтель*) *Лев Федорович* (1892—1969) — художник, теоретик искусства, сын архитектора Ф. О. Шехтеля; занимался в школе-студии К. Ф. Юона (1909—1910), в Московском училище живописи, ваяния и зодчества (1911—1919), практически не выставлялся после 1950 г., работая художником-оформителем; разработал близкое к семиотике понимание искусства как автономной структуры, не зависящей от историко-социологических мотиваций.

¹¹⁶ Доклад Б. А. Успенского — «К системе передачи изображения в русской иконописи (в свете работ Л. Ф. Жегина)» (Программа и тезисы докладов в летней школе... С. 54—57).

¹¹⁷ См.: *Жегин Л. Ф. Пространственно-временное единство живописного произведения* // Там же. С. 40—54.

¹¹⁸ Московское училище живописи, ваяния и зодчества (1865—1918) с 1896 г. имело статус высшего учебного заведения. В. В. Маяковский обучался в нем с авг. 1911 г. по февр. 1914 г.

¹¹⁹ Русские художники-авангардисты: *Ларионов Михаил Федорович* (1881—1964) и его жена *Гончарова Наталья Сергеевна* (1881—1962).

¹²⁰ Название доклада В. Н. Топорова — «Заметки о буддийском изобразительном искусстве в связи с вопросом о семиотике космологических представлений» (Труды по знаковым системам. [Вып.] II. С. 221—230).

¹²¹ *Генкин Сергей Ефимович* (1933—1998) — математик, участник правозащитного движения, жил в Москве; в 1985 г. эмигрировал в США. Его доклад — «Выражение научной информации в киноязыке» (Программа и тезисы докладов в летней школе... С. 98—99).

¹²² *Сегал Д. М., Цивьян Т. В.* Баллады и лимерики Эдварда Лира // Там же. С. 60—63. *Лир Эдвард* (1812—1888) — английский художник и поэт, автор многочисленных популярных абсурдистских лимериков (пятистиший с рифменной схемой ААВВА, композиция которых подчиняется особым строгим правилам). Потому четверостишие, которое сочинил Б. Ф., не может считаться классическим лимериком.

¹²³ *Левин Юрий Иосифович* (1935—2010) — представитель Тартуско-московской семиотической школы: математик, логик, семиотик, философ, лингвист, литературовед, кандидат физико-математических наук (1972).

¹²⁴ *Переверзев Л. Б.* О структуре художественных сообщений в искусстве первобытных народов (к проблеме генезиса художественного образа) // Программа и тезисы докладов в летней школе... С. 63—67.

¹²⁵ *Левин Ю. И.* Монтажные приемы поэтической речи // Там же. С. 82—89.

¹²⁶ *Елизаренкова Т. Я., Сыркин А. Я.* К анализу индийского свадебного гимна (Ригведа X. 85) // Там же. С. 69—77. «Ригведа» — собрание 1028 гимнов, преимущественно религиозных, памятник индийской литературы на ведийском языке. *Елизаренкова Татьяна Яковлевна* (1929—2007) — лингвист и переводчик; жена В. Н. Топорова. Работала в Институте востоковедения РАН, доктор филологических наук (1994). В 2004 г. награждена высшей наградой Индии для иностранцев — орденом «Падма Шри» — за перевод «Ригведы».

¹²⁷ *Милиц З. Г.* Антонимы в поэтическом тексте // Там же. С. 68—69. *Милиц Зара Григорьевна* (1927—1990) — литературовед, крупный специалист по изучению русского символизма, доктор филологических наук (защитила диссертацию в 1972 г., степень утверждена 1977 г.); жена Ю. М. Лотмана.

¹²⁸ *Топоров В. Н.* К анализу нескольких поэтических текстов. А. О вокалической структуре двух стихотворений Р. М. Рильке // Там же. С. 92–96. *Рильке Райнер Мария* (1875–1926) — немецкий поэт-модернист.

¹²⁹ Жена Б. А. Успенского — *Коршунова Галина Петровна* (1937–1978), преподаватель Института стран Азии и Африки при МГУ; жена В. А. Успенского — *Успенская* (урожд. *Киселевская*) *Светлана Марковна* (1930–1980), искусствовед.

¹³⁰ Т. Б. Миллер в письме от 24 июля 2021 г. так прокомментировала этот фрагмент и последующий текст: «Про работу дедушки в Тарту ничего не могу сказать. В Питере они с бабушкой работали на табачной фабрике Урицкого на Васильевском острове. Дедушка работал диспетчером, бабушка — бухгалтером. Думаю, что вначале, по приезде в Тарту, дедушка действительно где-то работал, однако я как-то сомневаюсь, чтобы он работал в Тарту в 1964 году. Но помню такой сюжет (и почти уверена, что это было именно в 1964 году, потому что это связано с нашим возвращением из Кязэрику). Когда мы прибыли в Тарту, то было довольно много времени до автобуса в Ленинград. Мы все были приглашены к тете Густе и дедушке на обед (они жили очень близко от автовокзала). Бабушка категорически отказалась. Она никогда так и не встретила с тетей Густой. Я помню, что была довольно драматическая ситуация, и мама и папа ее очень уговаривали. Но она уперлась — и ни за что! Бабушка была очень упрямой и гордой. В конце концов мы ее оставили на вокзале с вещами и пошли на обед. Может быть, папа эту ситуацию в дневнике как-то хотел смягчить? Но вполне возможно, что вдобавок к этому и была какая-то дедушкина работа. Но просто про работу я совсем не помню, а вот обед точно помню». В старой записной книжке Б. Ф. отмечено, что А. И. Николаев с женой жил в Тарту на улице Кистас, 3, кв. 1. Б. Ф. об этой встрече с тестем и его эстонской женой рассказал в письме к Ю. М. Лотману от 11 сент. 1964 г.: «...за 3 часа, кои у меня были в Тарту, полтора часа ушли на устройство свидания женщин с Ал. Исаакиевичем (впрочем, несмотря на ухищрения, без Густы не обошлось — и Соня браво знакомила с ней Тат. Ал-ну), полчаса на университетские дела и час — на кормление дам в “Выйде” <в столовой на Ратушной площади в Тарту. — А. Д.>» (*Ю. М. Лотман, З. Г. Минц — Б. Ф. Егоров. Переписка, 1954–1993. С. 183*).

¹³¹ Густа — *Инслерман Августа Теодоровна*. Б. Ф. вспоминал о ней: «Умная, хозяйственная, расчетливая, тактичная, безукоризненно вежливая, умевшая “культурным лицемерием” и другими чисто женскими способами гасить самые зародыши возникающих семейных конфликтов, она — не боюсь преувеличения — создала моему тестю счастливую старость. И — неловко говорить! — создала счастливую старость Татьяне Алексеевне, которая давно уже разлюбила мужа...» (*Егоров Б. Ф. Воспоминания-2. С. 56*).

¹³² См.: «Александр Исаакиевич потом приезжал к нам в Питер в гости. Бывает же!» (Там же. С. 56).

¹³³ Эмайги (*эст.* «Мать-река») — река, протекающая через Тарту и озеро Пюхарв и впадающая в Чудское озеро; в нижнем течении судоходна.

¹³⁴ Билинкисы — Яков Семенович и его жена *Бобровская Милица Николаевна* (1916–1998) — врач, заведующая отделением НИИ им. В. М. Бехтерева. См. дневниковую запись Б. Ф. от 3 апр. 1964 г.: «Билинкисы духовно и душевно все же самые близкие в Питере люди» (*Егоров Б. Ф. Дневник за январь — начало мая 1964 года. С. 1032*).

¹³⁵ Книга выйдет без малого через год (подписана в печать 25 мая 1965 г.): *Пастернак Борис*. Стихотворения и поэмы / вступ. ст. А. Д. Синявского; сост., подгот. текста и примеч. Л. А. Озерова. М.; Л.: Сов. писатель, 1965. 730 с. (Б-ка поэта. Большая сер.).

¹³⁶ Поэты А. Т. Твардовский и Н. С. Тихонов были членами редколлегии «Библиотеки поэта». По редакционным делам Б. Ф. неоднократно встречался с ними, приезжая в Москву. В его старой записной книжке их имена стоят рядом: «Твардовский Ал-р Триф. Б-7-42-00. Ж-240, Котельническая, 1/15, корп. ВК, кв. 125; 202-41-71; Тихонов Н. Сем. В-1-68-78. Перед<елкино>, Горького, 1; 449-60-00».

¹³⁷ *Прокофьев Александр Андреевич* (1900–1971) — поэт и журналист, тоже член редколлегии «Библиотеки поэта», в 1945–1948 и 1955–1965 гг. был ответственным секретарем Ленинградского отделения Союза писателей РСФСР. В той же записной книжке Б. Ф. указано: «Прокофьев Ал-р Андр. В-2-08-32».

¹³⁸ Ректор — *Александров Александр Данилович* (1912–1999) — выдающийся математик, физик, философ. Ректором ЛГУ был с апр. 1952 г. по окт. 1964 г. Академик АН СССР (1964). Он тепло относился к Б. Ф. и поддерживал его.

¹³⁹ *Муратов Аскольд Борисович* (1937–2005) — тургеновед, кандидат (1964) и доктор (1982) филологических наук; выпускник ЛГУ (1960), ученик Г. А. Бялого; сотрудник кафедры истории русской литературы филфака ЛГУ, доцент (с 1970 г.), профессор, заведующий кафедрой (с 1983 г.); племянник библиографа Ксении Дмитриевны Муратовой (1904–1998). Комментарий Б. Ф. (20.XI.2018): «Были большие трудности оставить его на кафедре».

¹⁴⁰ *Реизов Борис Георгиевич* (1902–1981) — литературовед и переводчик; профессор ЛГУ с 1940 г., заведующий кафедрой зарубежной литературы, декан филологического факультета (1963–1968), член-корреспондент АН СССР с 1970 г.

¹⁴¹ *Базанов Василий Григорьевич* (1911–1981) — литературовед, фольклорист; выпускник обществено-экономического факультета Горьковского государственного университета (1931); заведующий Отделом литературы Карело-Финского филиала АН СССР (1948–1952), сотрудник (с 1953 г.) и директор ИРЛИ (1965–1975); член-корреспондент АН СССР (1962). Базанов заведовал кафедрой на филфаке ЛГУ в 1964–1965 гг., до вступления в должность директора ИРЛИ.

¹⁴² Имеется в виду главный корпус ЛГУ — здание Двенадцати коллегий.

¹⁴³ Научная библиотека им. М. Горького, располагающаяся на втором этаже здания Двенадцати коллегий.

¹⁴⁴ *Киселев (Киселев-Сергенин) Владимир Сергеевич* (1928–1995) — литературовед. Б. Ф. дал ему такую характеристику в дневниковой записи от 4 янв. 1964 г.: «...редактор самый амбициозный <...> придиричивый, недалекий, но очень трудолюбивый и честный» (*Егоров Б. Ф.* Дневник за январь — начало мая 1964 года. С. 1017).

¹⁴⁵ *Никитин И. С.* Полн. собр. стихотворений / предисл. Н. И. Рыленкова, вступ. ст. и примеч. Л. А. Плоткина, подгот. текста М. И. Маловой. М.; Л.: Сов. писатель, 1965. 613 с. (Б-ка поэта. Большая сер.). Киселев редактировал этот том, который был сдан в набор 26 нояб. 1964 г.

¹⁴⁶ *Это слово вписано над зачеркнутым:* том.

¹⁴⁷ *Ямпольский Исаак Григорьевич* (1902–1992) — литературовед, профессор ЛГУ; в 1956–1968 гг. член редколлегии, а в 1956–1962 и 1968–1969 гг. — заместитель главного редактора серии «Библиотека поэта».

¹⁴⁸ Этот абзац вписан на полях — отсюда обилие сокращений в словах.

¹⁴⁹ *Кондрашов (Кондрашёв) Георгий Филимонович* (1912–1984) — директор ленинградского отделения издательства «Советский писатель» (с 1964 г.), ранее председатель Лентелерадио, секретарь Ленинградского горкома КПСС. Д. А. Гранин писал о нем: «...бывший секретарь горкома партии. Городское секретарство вошло ему в плоть и кровь» (*Гранин Д.* История создания «Блокадной книги» // Дружба народов. 2002. № 11. С. 159).

¹⁵⁰ Толстиков Василий Сергеевич (1917–2003) — первый секретарь Ленинградского обкома КПСС (1962–1970), член Бюро ЦК КПСС по РСФСР (1962–1966), посол в Китае (1970–1978) и Нидерландах (1979–1982).

¹⁵¹ Покусаев Евграф Иванович (1909–1977) — литературовед; профессор Саратовского университета, доктор филологических наук (1957). На его дочери Наталье был женат литературовед Ф. Я. Прийма — видимо, в связи с этим предполагался переезд Покусаева в Ленинград, который, однако, не состоялся. Б. Ф. был знаком с Покусаевым с середины 1950-х гг. См., например, инскрипт Покусаева на оттиске его статьи «Господа ташкентцы» Салтыкова-Щедрина» (Русская литература: труды Отдела новой русской литературы / ИРЛИ. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1957. С. 205–248): «Глубокоуважаемому Борису Федоровичу Егорову с наилучшими пожеланиями. 14/XI.<1957>. Е. Покусаев».

¹⁵² Кондратьев Кирилл Яковлевич (1920–2006) — геофизик, академик АН СССР (1984) и РАН (1991), заслуженный деятель науки и техники РСФСР. Занимал пост ректора ЛГУ в 1964–1970 гг. Автор более 1500 научных статей и 102 монографий.

¹⁵³ Адрес дома: Невский пр., д. 66.

¹⁵⁴ Зара Григорьевна Минц.

¹⁵⁵ Ю. М. Лотман готовил издание: *Карамзин Н. М.* Полн. собр. стихотворений / вступ. статья, подгот. текста и примеч. Ю. М. Лотмана. М.; Л.: Сов. писатель, 1966. 424 с. (Б-ка поэта. Большая сер.).

¹⁵⁶ Слуцкий Борис Абрамович (1919–1986) — поэт и переводчик.

¹⁵⁷ Исаков Сергей Геннадьевич (1931–2013) — литературовед, специалист по русско-эстонским культурным связям, выпускник филологического факультета Тартуского университета (1954), преподаватель кафедры русской литературы (с 1955 г.), профессор (с 1978 г.), заведующий кафедрой (1980–1992); близкий друг Б. Ф.

¹⁵⁸ Телецкое озеро расположено на северо-востоке Алтайских гор, на высоте 434 м над уровнем моря; это один из центров туризма и отдыха.

¹⁵⁹ Альтшуллер Марк Григорьевич (р. 1929) — советский и (с 1978 г.) американский пушкинист, и его жена Дрыжакова Елена Николаевна (р. 1931), герценовед, — доктор филологии, профессора Питтсбургского университета. До эмиграции оба преподавали в ЛГУ; Е. Н. Дрыжакова работала также почасовиком в ТГУ и ЛГПИ.

¹⁶⁰ Этот том удалось выпустить только спустя 7 лет: Поэты 1790–1810-х годов / вступ. статья и сост. Ю. М. Лотмана; подгот. текста М. Г. Альтшуллера; вступ. заметки, биогр. справки и примеч. М. Г. Альтшуллера и Ю. М. Лотмана. Л.: Сов. писатель, 1971. 911 с. (Б-ка поэта. Большая сер.).

¹⁶¹ Образцова Инна Михайловна. До 1969 г. она преподавала музыку в Ленинградском дворце пионеров (туда и звонил Б. Ф. по ее просьбе). Ее муж — Юрий Николаевич Образцов (1913–1987), физик-теоретик, специалист в области теории полупроводников; сотрудник Физико-технического института, затем Института полупроводников АН СССР, доктор физико-математических наук (1963).

¹⁶² Деркач Самуил Самуилович (1906–1986) — доцент кафедры истории русской литературы, заместитель декана филфака (1947–1948). В 1949 г. по ложному обвинению был репрессирован и до 1954 г. находился в лагере. 6 марта 1964 г. Б. Ф. отметил в своем дневнике: «Деркач звезд не хватает, но работяга и берет интересные проблемы (Белинский и петрашевцы)» (Егоров Б. Ф. Дневник за январь — начало мая 1964 года. С. 1028).

¹⁶³ Ефимов Геронтий Валентинович (1906–1980) — историк-китаевед, заведующий кафедрой истории стран Дальнего Востока восточного факультета ЛГУ

(1941–1980), доктор исторических наук (1956), профессор, проректор университета (1961–1965).

¹⁶⁴ *Маслов Виктор Сергеевич* (1923–2017) – некрасовед, преподаватель ЛГУ (с 1953 г.), кандидат филологических наук (1956), заместитель декана филологического факультета ЛГУ (1961–1962, 1969–1971, 1973–1975, 1979–1981), заведующий кафедрой русского языка для иностранцев (1962–1969); партийный деятель, проводник официальной политики.

¹⁶⁵ *Леша – Васильев Алексей Александрович* (1926–1977), заведующий кафедрой научного коммунизма ЛГПИ, лектор Ленинградского обкома КПСС; родственник Б. Ф. (двоюродный брат его тестя). Ему посвящен очерк: *Егоров Б. Циничный коммунист и хороший человек А. А. Васильев (1926–1977)* // Звезда. 2008. № 2. С. 179–186.

¹⁶⁶ Фамилию *Николая Ивановича* установить не удалось.

¹⁶⁷ Ленинградский Дом ученых в Лесном (основан в 1929 г., нынешнее название носит с 1946 г.).

¹⁶⁸ *Гейро Людмила Семеновна* (1941–2021) – литературовед, гончаровед-текстолог, библиограф. В 1964 г. с отличием закончила филфак ЛГУ; благодаря протекции Б. Ф. в 1966–1994 гг. работала в редакции «Библиотеки поэта»; в частности, редактировала том А. С. Хомякова, который Б. Ф. выпустил в 1969 г.; кандидат филологических наук (1981), сотрудник РНБ (1998–2002); преподаватель СПбГУ и СПбГИК. Б. Ф. был ответственным редактором подготовленного Л. С. Гейро издания: *Гончаров И. А. Обломов*. Л.: Наука, 1987. 696 с. (Лит. памятники).

¹⁶⁹ Лицо неустановленное. Среди преподавателей и сотрудников филфака ЛГУ подходящей кандидатуры с фамилией *Михайлова* не было.

¹⁷⁰ Вероятно, речь идет о первоначальном варианте тома О. Э. Мандельштама в Большой серии «Библиотеки поэта», подготовливавшемся в тот период («макет для обсуждения» редколлегии был отпечатан осенью 1967 г., и книга предполагалась выходом к лету 1968 г.), но том вышел только в 1973 г. (и аутентично переиздан в 1978 г.). По сравнению с первым вариантом произошла замена вступительной статьи Л. Я. Гинзбург, обвиненной в «аполитизме», на статью А. Л. Дымшица (на 12 с. меньше), были изъяты три стихотворения, внесены изменения в комментарии. Интересно, что том был вставлен в план издательства еще в 1956 г., а работа над ним началась в 1957 г. (сначала статью написал А. В. Македонов, но она не удовлетворила редколлегию своим уклоном в социологизм с марксистским оттенком). См.: *Егоров Б. Переписка Б. Ф. Егорова с Н. Я. Мандельштам* // Звезда. 2015. № 11. С. 223–228.

¹⁷¹ Имеется в виду стихотворение Мандельштама «Мы живем, под собою не чуя страны...» (1933). Оно, конечно, не могло быть включено в том «Библиотеки поэта», где самое позднее оригинальное произведение (не перевод) датировано 1923 г.

¹⁷² Видимо, Б. Ф. прочел роман Б. Л. Пастернака по самиздатской машинописной копии. В его старой записной книжке указан московский адрес и телефон сына поэта Евгения Борисовича.

¹⁷³ Из стихотворения Пастернака «Быть знаменитым некрасиво...» (1956).

¹⁷⁴ Вольная цитата из стихотворения «Про эти стихи» (1917). У Пастернака: «Какое, милые, у нас / Тысячелетие на дворе?»

¹⁷⁵ Начальные строки из «Вступленья» к поэме «Спекторский» (1925). В оригинале: «Привыкли выковыривать изюм / Певучестей из жизни сладкой сайки...»

¹⁷⁶ Стихотворение 1957 г. Ниже цитируются строки 97–104.

¹⁷⁷ *Чуковский Н.* Встречи с Мандельштамом // Москва. 1964. № 8. С. 143–152. Эти воспоминания отличаются некритическим использованием анекдотов о Мандельштаме, некоторые сюжеты являются плодом художественного воображения.

Чуковский Николай Корнеевич (1904–1965) — писатель, переводчик прозы и поэзии.

¹⁷⁸ Ленинградское отделение Госиздата, точнее, с 1963 г. уже переименованного в издательство «Художественная литература», располагалось в Доме книги (Невский пр., 28).

¹⁷⁹ Речь идет о наиболее авторитетном на сегодняшний день научном издании литературного наследия критика: *Добролюбов Н. А. Собр. соч.*: в 9 т. / под общ. ред. Б. И. Бурсова и др. М.: Гослитиздат, 1961–1964. Последние два тома (1964): Т. 8: Стихотворения. Проза. Дневники / подгот. текста и примеч. Б. Я. Бухштаба; ред. В. В. Жданов. 714 с.; Т. 9: Письма / подгот. текста К. Н. Григорьяна; примеч. Н. И. Тотубалина; ред. Н. И. Соколов. 699 с. — подписаны в печать, соответственно, 27 авг. и 2 нояб. 1964 г.

¹⁸⁰ В 8-м томе Б. Ф. подготовил тексты шести рецензий Добролюбова и его заметки дневникового характера (с. 379–390, 403–409, 575–596) и составил примечания к ним (с. 647, 649–651, 679–680).

¹⁸¹ *Гиллельсон Максим Исаакович* (1915–1987) — выдающийся исследователь русской литературы первой половины XIX в., доктор филологических наук (1981).

¹⁸² М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников / сост., подгот. текстов, вступ. статья, и примеч. М. И. Гиллельсона и В. А. Мануйлова. М.: Худож. лит., 1964. 583 с. (Серия лит. мемуаров).

¹⁸³ В письме ко мне от 24 июля 2021 г. Т. Б. Миллер подсказала: «Аня — это Аня Кириллочкина, мамина школьная подруга. Они очень дружили всю жизнь. Отчества ее не помню. Когда тетя Аня вышла на пенсию, то обменяла свою комнату в коммуналке на квартиру в Кишиневе. Потом связь как-то прекратилась». По записной книжке Б. Ф. выясняется отчество: Ивановна.

¹⁸⁴ *Эвентов И. С. Поэзия Демьяна Бедного // Бедный Демьян. Стихотворения и поэмы* / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. И. С. Эвентова. М.; Л.: Сов. писатель, 1965. С. 5–45. (Б-ка поэта. Большая сер.). *Эвентов Исаак Станиславович* (1910–1989) — критик, литературовед, мемуарист.

¹⁸⁵ Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне / предисл. А. А. Суркова; вступ. ст. Вл. Кардина; сост., подгот. текста, биогр. справки и примеч. Вл. Кардина и И. Е. Усок. М.; Л.: Сов. писатель, 1965. 747 с. (Б-ка поэта. Большая сер.).

¹⁸⁶ *Коган Павел Давидович* (1918–1942) — поэт романтического склада, развивавший мотивы лирики Н. С. Гумилева и Э. Г. Багрицкого. Его произведения при жизни не публиковались, а начиная с 1960-х гг. переводились на многие языки.

¹⁸⁷ Дина — *Габович* (урожд. *Дымшиц*) *Дина Борисовна* (1915–1965), создательница салона тартуской интеллигенции (1950–1960-е), близкий друг семей Ю. М. Лотмана и Б. Ф., жена тартуского математика Я. А. Габовича.

¹⁸⁸ *Холшевников Владислав Евгеньевич* (1910–2000) — литературовед, стиховед; доцент (позднее профессор) филфака ЛГУ; руководитель научной стиховедческой группы при ИРЛИ (1965).

¹⁸⁹ *Берков Павел Наумович* (1896–1969) — литературовед, книговед, специалист по русской литературе XVIII в., организатор и ученый секретарь Группы XVIII в. ИРЛИ (с 1937 г.), профессор ЛГУ (с 1938 г.), член-корреспондент АН СССР (1960).

¹⁹⁰ Б. Ф. был избран парторгом кафедры 29 апр. 1964 г., сменив на этом посту В. А. Мануйлова. См. об этом: *Егоров Б. Ф. Дневник за январь — начало мая 1964 года*. С. 1038.

¹⁹¹ *Соколов Николай Иванович* (1915–2000) — литературовед; доцент, профессор филфака ЛГУ; кандидат (1954) и доктор (1968) филологических наук; был по-

следовательно парторгом кафедры, заместителем секретаря партбюро, заместителем декана, председателем местного комитета ЛГУ, депутатом Василеостровского райсовета. Комментарий Б. Ф. (12.06.2018): «Больше известен как партийный ортодокс, распространял слухи о “несоветскости” Б. Ф. Егорова». Б. Ф. рецензировал от кафедры рукопись докторской диссертации Соколова и незадолго до кончины отдал этот свой довольно нелицеприятный отзыв в сборник, вышедший посмертно: *Егоров Б. Ф. Отзыв о докторской диссертации Н. И. Соколова «Русская литература и народничество»* (1968) // *Сагре diem*: профессору Александру Анатольевичу Карпову ко дню семидесятилетия / под ред. Е. Н. Григорьевой, Н. А. Гуськова, Н. А. Карпова, Е. М. Матвеева. СПб.: Росток, 2021. С. 402–408.

¹⁹² Соколов интриговал, противясь приему Б. Ф. на кафедру, при этом выставив аргументом тот факт, что последний — специалист по литературе второй половины XIX в., а их и так достаточно.

¹⁹³ *Бурсов Борис Иванович* (1905–1997) — литературовед, литературный критик; доктор филологических наук (1951); профессор ЛГУ (1951–1966) и ЛГПИ им. А. И. Герцена (1966–1997). 11 нояб. 1964 г. датирована дарительная надпись Бурсова на его книге «Национальное своеобразие русской литературы» (М.; Л.: Сов. писатель, 1964): «Борису Федоровичу Егорову с самыми лучшими пожеланиями. Б. Бурсов». В дневнике об этом подарке не упомянуто, поскольку в этот день Б. Ф. не сделал записи.

¹⁹⁴ *Цурикова Галина Михайловна* (1928–2009) — критик, литературовед; выпускница филологического факультета ЛГУ (1951), старший редактор издательской серии «Библиотека поэта»; в новейшее время главный редактор «Новой Библиотеки поэта».

¹⁹⁵ *Громов Павел Петрович* (1914–1982) — литературный и театралный критик, литературовед; участвовал в подготовке четырех томов для серии «Библиотека поэта»: Ап. А. Григорьева (1959), А. А. Фета (1963), К. К. Павловой (1964), А. А. Блока (1981).

¹⁹⁶ *Орлов* (наст. фамилия — *Шанцро*) *Владимир Николаевич* (1908–1985) — литературовед, сотрудник ИРЛИ в 1938–1941, 1944–1951 гг.; специалист по Серебряному веку и творчеству А. А. Блока, главный редактор серии «Библиотека поэта» (1956–1970). Б. Ф. вспоминал об Орлове: «Он был талантливым и всесторонним литературоведом <...>. Однако у нас совершенно не возникло человеческой близости, мне был очень неприятен тип советского барина, довольно бесцеремонно эксплуатирующего подчиненных, и эстета, абсолютно чуждого партийным идеалам и установкам, но цинично подделывающегося под нужный начальству дух» (*Егоров Б. Ф. Воспоминания-2*. С. 197).

¹⁹⁷ Бухмейер Ксения Константиновна.

¹⁹⁸ Смирнов Михаил Михайлович. См. о нем коммент. 57.

¹⁹⁹ И. М. Образцова. В библиотеке Б. Ф. находятся три ее книги о Римском-Корсакове и книга о Мусоргском; все — с дарительными надписями.

²⁰⁰ *Образцова И. М.* Николай Андреевич Римский-Корсаков, 1844–1908: краткий очерк жизни и творчества. Л.: Музыка, 1964. 111 с. (Сер.: Книжка для юношества). На титульном листе — дарительная надпись: «Дорогому семейству (Борису Федоровичу, Соничке и 2^м Татьянам) от автора с искренним уважением и пожеланием добра. 11/IX 64. И. М. Образцова». Две Татьяны — дочь Б. Ф. и его теща.

²⁰¹ Предположение Б. Ф. связано с тем, что в Тульском пединституте им. Л. Н. Толстого и в Ясной Поляне проводились Толстовские чтения и конференции, постоянным участником которых был Я. С. Билинкис. См. ниже запись от 15 сент.

²⁰² *Максимов Дмитрий Евгеньевич* (1904–1987) — литературовед, профессор кафедры истории русской литературы Ленинградского университета, где препода-

вал в 1945—1974 г. См.: *Егоров Б. Ф.* Д. Е. Максимов — душевно самый близкий из учителей // Дмитрий Евгеньевич Максимов в памяти друзей, коллег, учеников: К 100-летию со дня рождения. М.: Наука, 2007. С. 21—28. Он жил в известном «Доме писателей» на ул. Ленина (д. 34, кв. 60). В тот же день, 11 сент. (видимо, утром), Б. Ф. сообщал Ю. М. Лотману: «На днях видел Дм. Евг-ча, который плакался об одиночестве, сегодня иду к нему» (*Ю. М. Лотман, З. Г. Минц — Б. Ф. Егоров. Переписка, 1954—1993. С. 183*).

²⁰³ Речь идет об обширной публикации: Воспоминания и записки Евгения Иванова об Александре Блоке / публ. Э. П. Гомберг и Д. Е. Максимова, подгот. текста Э. П. Гомберг, коммент. Э. П. Гомберг и А. М. Бихтера // Блоковский сборник: труды научной конференции, посвященной изучению жизни и творчества А. А. Блока, май 1962 г. / Тарт. гос. ун-т. Тарту, 1964. С. 344—424. Авторам гонорар не полагался, поэтому и был придуман такой ход, чтоб поддержать *Иванову* (урожд. *Горбова*) *Александрю Фаддеевну* (1883—1972) — вдове *Иванова Евгения Павловича* (1879—1942), детского писателя, публициста, мемуариста; ближайшего друга Блока. Д. Е. Максимов и Б. Ф. были членами редколлегии «Блоковского сборника». Поскольку публикаций самого Б. Ф. в нем не было, он получил экземпляр из Тарту с дарительной надписью: «Дорогим Соне и Борису Федоровичу с сердечной любовью — авторы этого тома. 23.X.64. Тарту. *Зара. Ю. Лотман*».

²⁰⁴ На следующий день, 12 сент., Б. Ф. писал об этом Ю. М. Лотману: «Вчера был я у Дм. Евг., он в очень тягостном настроении, жаловался на Вас по конкрет. поводу — он договор. с Клем. об оплате его редактирования Блок. тома (помощь вдове Иванова), неск. писем Вам послал по этому поводу — а Вы до сих пор ничего не сделали. Если не для Д. Е., то для общего дела и для вдовы — проверните, пожалуйста, эту оплату!» (*Ю. М. Лотман, З. Г. Минц — Б. Ф. Егоров. Переписка, 1954—1993. С. 184*).

²⁰⁵ 1 нояб. 1964 г. Д. Е. Максимов защищал докторскую диссертацию «Поэзия Лермонтова», поскольку, как вспоминал Б. Ф., «партийные инстанции Ленинградского университета явно были недовольны работой Д. Е. над докторской диссертацией о Блоке, ему в приказном порядке не рекомендовали эту тему» (*Егоров Б. Ф. Воспоминания-2. С. 165*).

²⁰⁶ Памятная записка Пальмиро Тольятти // Правда. 1964. 10 сент. № 244. С. 3. Генеральный секретарь Итальянской компартии *Тольятти Пальмиро* (1893—1964) 11 авг. 1964 г. вместе с женой прилетел в СССР для отдыха в Крыму, при посещении пионерского лагеря «Артек» 13 авг. потерял сознание (был диагностирован инсульт) и вскоре умер в Гурзуфе. Он был обеспокоен возможным расколом в коммунистическом движении, «конфликтом с китайцами», «противодействием в деле возвращения к ленинским нормам»; неоднократно писал письма Хрущеву, хотел с ним переговорить по этим наболевшим вопросам, однако тот всячески уклонялся от встречи. Скоропостижная смерть Тольятти вызвала массу кривотолков. В итальянской газете «Унита» и журнале «Ринашита» появился текст предсмертной записки Тольятти, где он изложил свою позицию в несостоявшихся переговорах с Хрущевым. Этот неприятный для КПСС текст пришлось обнаруживать и в СССР, причем его публикация была на руку тем членам советского руководства, которые готовили смещение Хрущева: письмо продемонстрировало его беспомощность как лидера мирового коммунистического движения.

²⁰⁷ *Гаркави Александр Миронович* (1922—1980) — некрасовед, доктор филологических наук (1966), профессор Калининградского университета (1967—1980). Диссертация под названием «Борьба Н. А. Некрасова с цензурой и проблемы некрасовской текстологии» была защищена в ЛГУ в 1965 г. Ее текст опубликован

в виде книги: *Гаркави А. М. Н. А. Некрасов в борьбе с царской цензурой*. Калининград: Кн. изд-во, 1966. 303 с. (Учен. зап. / Калининградский гос. пед. ин-т; вып. 13).

²⁰⁸ Рейсеры — С. А. Рейсер и его жена *Штерн Мальвина Мироновна* (1903–1992), литературовед.

²⁰⁹ В телепрограмме передача называется: «Концерт солистов Миланского оперного театра “Ла Скала”»; шла по первой программе с 19.00 по 20.30 (Смена. 1964. 13 сент. № 218. С. 4). Концертный зал им. П. И. Чайковского (Московская филармония), открытый в 1940 г. на Тверской ул. (д. 31/4, стр. 1).

²¹⁰ В телепрограмме передача называется: «Концерт солистов Миланского оперного театра “Ла Скала”»; шла по первой программе с 19.00 по 20.50 (Правда. 1964. 14 сент. № 258. С. 4).

²¹¹ *Скотто Рената* (р. 1934) — итальянская оперная певица (сопрано), театральный режиссер. С 1954 г. выступала на сцене «Ла Скала». В 1964 г. вместе с театром «Ла Скала» Рената Скотто впервые приехала на гастроли в Москву.

²¹² Малый филфак — профориентационные курсы для старшеклассников; открыты при филологическом факультете ЛГУ в 1963 г.

²¹³ *Нина Михайловна* — лаборантка кафедры истории русской литературы (фамилия не установлена).

²¹⁴ Ранее, в записи от 19 июня 1964 г., Б. Ф. сообщил: «...мы собрали проблемный сборник “Вопросы реализма”» (*Егоров Б. Ф. Дневник за май — начало августа 1964 года*. С. 417). Однако сборник статей под таким названием в ЛГУ издан не был.

²¹⁵ Материалы этой конференции опубликованы в изд.: Толстовский сборник: тезисы докладов и сообщений к Толстовским чтениям. Тула: Тульский гос. пед. ин-т им. Л. Н. Толстого, 1964. 312 с.

²¹⁶ Прения шли о героях «Тихого Дона» М. А. Шолохова.

²¹⁷ *Груздев Александр Иванович* (1908–1981) — литературовед и педагог; доктор филологических наук (1971); заведовал кафедрой истории русской литературы в ЛГПИ в 1949–1964 гг., позже преподавал там.

²¹⁸ *Ардаматский В. Расплата* // Известия. 1964. 13 сент. № 219. С. 5. *Ардаматский Василий Иванович* (1911–1989) — журналист, киносценарист, прозаик. После публикации в 1953 г. в журнале «Крокодил» его фельетона «Пиня из Жмеринки» он в интеллигентских кругах имел стойкую репутацию антисемита.

²¹⁹ В пространной статье Ардаматского подробно описывается работа оперативников по поимке четырех преступников-уголовников 26–30 лет, отмечается, что убийство и ограбление произошли 29 января в «городе с почти миллионным населением», что жертвы были связаны, убиты, а их одноэтажный дом подожжен (сколько именно погребено людей — не сказано). Единственный намек на антисемитский характер преступления — фраза: «Найдена прикрепленная на заборе записка с угрозой убить других». Хрущев приказал засекретить дело, однако о массовом убийстве еврейской семьи вскоре сообщила британская радиостанция «Би-би-си», и стали известны имена жертв. Это были директор Шарташского рынка Арон Ахимблит и члены его семьи — жена Рива Ахимблит, 13-летний сын Марик Ахимблит, теща Сара Иткина и их родственники Фаина Черномордик и Семен Шамес, а также участковый врач Копылов, пришедший сделать укол хозяйке. На месте убийства был найден фрагмент картонной коробки с надписью «Так будет со всеми жидами!». «Би-би-си» заявила, что в СССР начались массовые еврейские погромы. См. документальный фильм «Дело о погроме» из цикла «Следствие вели...» (вып. 60), впервые показанный 2 нояб. 2007 г. по телеканалу «НТВ»: http://sledstvie-veli.ks.ua/news/vypusk_60_delo_o_pogrome_posmotret_skachat/2009-11-12-91 (дата обращения: 4 авг. 2021 г.).

²²⁰ *Рождественская Ирина Сергеевна* (1921–1997) – доцент кафедры советской литературы, кандидат филологических наук (1954), преподавала в 1950–1967 гг., работала над докторской диссертацией. Комментарий Б. Ф. (6.X.2018): «И. С. Рождественская была заместителем декана и партийной начальницей. Стерва». Ее не любили; по воспоминаниям студенток 1960-х гг., «ее отличали резкие перепады настроения», она «выглядела как типичная партийная шкрабиха: старый, мужского типа пиджак, свхваченные резинкой неаккуратные волосы, резкий с хрипотцой голос, все манеры постаревшей алексейтолстовской “Гадюки”». Но неожиданно для всех в сент. 1967 г. она отправила письмо председателю Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорному, где попросила сделать ей как «старому коммунисту» «личный подарок» к 50-летию Октября: досрочно освободить из лагеря филолога Андрея Синявского. Рождественскую уволили из ЛГУ, поместили в психиатрическую больницу (ее коллега Ф. А. Абрамов хлопотал, чтоб ее выпустили); потом она работала уборщицей в мужском общежитии (см.: *Мартынов Г., Тимофеев А.* Пришлось писателю побывать в «психушке»...: в жизни Федора Абрамова было много ситуаций, когда надо было проявить мужество; одна из них произошла в 1969 году // *Правда Севера.* 2020. 22 июля. № 28. С. 8–9). В 1970 г. В. Г. Базанов взял ее на должность старшего научно-технического сотрудника в Рукописный отдел ИРЛИ, где она работала до 1976 г. Рождественская – автор семинария по творчеству А. Н. Толстого (Л.: Учпедгиз, 1962; в соавт. с А. Г. Ходюком) и монографии «Поэзия Эдуарда Багрицкого» (Л.: Худож. лит., 1967). (*Благодарю Т. С. Царькову за консультацию.*)

²²¹ Имеется в виду известная схема социологической школы в литературоведении: романтизм революционный и реакционный.

²²² То есть Б. Ф. с В. Г. Базановым шли от филфака ЛГУ в сторону Пушкинского Дома. В здании Биржи в 1939–2013 гг. располагался Центральный военно-морской музей.

²²³ РИСО – редакционно-издательский совет.

²²⁴ Вариант поговорки «Одна женщина – баба, две бабы – базар, а три – ярмарка». См. также: «Где баба, там рынок; где две, там базар», «Где две бабы, там сходка, а где три, там содом», «Три бабы – базар, а семь – ярмарка».

²²⁵ *Ларин Борис Александрович* (1893–1964) – лингвист, член-корреспондент АН УССР (1945), академик АН Литовской ССР (1949), заслуженный деятель науки РСФСР (1957). Он был деканом филфака ЛГУ в 1954–1958, 1960–1962 гг. и тогда мог приглашать Бурсова на должность заведующего кафедрой.

²²⁶ То есть после того, как в июне 1964 г. с поста заведующего кафедрой истории русской литературы ушел фольклорист В. Я. Пропп, Б. И. Бурсов надеялся занять его место, но был назначен В. Г. Базанов.

²²⁷ Поэты-фронтовики: *Кульчицкий Михаил Валентинович* (1919–1943), *Майоров Николай Петрович* (1919–1942), *Ширман Елена Михайловна* (1908–1942).

²²⁸ Точнее: «Книжная лавка писателей» – книжный магазин-клуб, созданный в 1934 г. С 1944 г. располагается по адресу: Невский пр., 66.

²²⁹ Вольно цитируется стихотворение Б. Л. Пастернака «Перемена» (1956). В оригинале: «И горе возвели в позор, / Мещан и оптимистов корча».

²³⁰ В телепрограмме передача называется: «Россини. “Севильский цирюльник” – спектакль Миланского оперного театра “Ла Скала”»; шел по первой программе с 18.25 по 22.10 (Смена. 1964. 19 сент. № 223. С. 4).

²³¹ Речь идет или об арии трубадура Манрико «Когда пред алтарем ты поклялась моей быть вечно», или, что более вероятно, о его знаменитой кабалетте «Нет, не удастся дерзким злодеям», – обе из второй картины третьего акта оперы Джузеппе Верди «Трубадур» (1853).

²³² Куузик Тийт (наст. имя — Дитрих Янович; 1911—1990) — эстонский оперный певец (баритон), педагог, народный артист СССР (1954), лауреат двух Сталинских премий второй степени (1950, 1952).

²³³ Магомаев Муслим Магоматович (1942—2008) — азербайджанский и российский эстрадный и оперный певец (баритон), композитор, народный артист СССР (1973).

²³⁴ Гяуров Николай (1929—2004) — болгарский оперный певец (бас), народный артист НРБ (1962), в 1985 г. принял австрийское гражданство.

²³⁵ В телепрограмме передача называется: «Концерт солистов Миланского оперного театра “Ла Скала”»; шла по первой программе с 12.00 по 14.30 (Смена. 1964. 20 сент. № 224. С. 4).

²³⁶ В телепрограмме передача называется: «Открытие сезона в Ленинградском концертном зале. Авторский вечер Шостаковича»; шла по второй программе с 20.00 по 22.00 (Смена. 1964. 20 сент. № 224. С. 4).

²³⁷ Серебряков Павел Алексеевич (1909—1977) — пианист, ректор (1938—1951, 1961—1977), профессор (1939) Ленинградской консерватории, народный артист СССР (1962).

²³⁸ Квартет имени Комитаса — российско-армянский струнный квартет, основанный в 1924 г. армянскими студентами Московской консерватории, в 1932 г. назван в честь армянского композитора и дирижера *Комитаса* (наст. имя — *Согомон Кеворк Согомонян*; 1869—1935).

²³⁹ Речь идет о цикле Д. Д. Шостаковича, состоящем из 24 фортепьянных прелюдий (соч. 34).

²⁴⁰ В Выборгском районе Ленинграда находился «Ленинградский концертный зал» (нынешнее название — «Концертный зал у Финляндского»). Здание с залом на 602 места было построено по адресу: Арсенальная наб., 13/1. В 1960-х гг. каждый сезон открывался авторским концертом Шостаковича.

²⁴¹ Имеется в виду вокальный цикл для сопрано, контральто и тенора в сопровождении фортепиано под названием «Из еврейской народной поэзии» (соч. 79), созданный Д. Д. Шостаковичем в 1948 г., в разгар антисемитской кампании.

²⁴² 8 текстов Шостакович взял из фольклорного сборника: *Добрушин И. М., Юдицкий А. Д. Еврейские народные песни* / под ред. акад. Ю. М. Соколова. М.: Гослитиздат, 1947. 280 с. Песни, включенные в книгу, были собраны в конце 1930-х гг. преимущественно на территории Белоруссии. Композитор добавил еще три текста на советскую тематику.

²⁴³ Шостакович создал два вокальных цикла на слова поэта *Евгения Ароновича Долматовского* (1915—1994): 1) Четыре песни для голоса и фортепиано, соч. 86 (1950—1951): «Родина слышит», «Выручи меня», «Любит — не любит», «Колыбельная»; 2) Песни наших дней: пять романсов для баса и фортепиано, соч. 98 (1954): «День встреч», «День признаний», «День обид», «День радости», «День воспоминаний», а также положил на музыку целый ряд отдельных произведений поэта.

²⁴⁴ Речь идет о вокальном цикле Шостаковича «Десять поэм на слова революционных поэтов», для хора без сопровождения, соч. 88 (1951), открывающемся песней на стихи революционера, поэта, изобретателя *Леонида Петровича Радина* (1860—1900) «Смелей, друзья, идем вперед». В цикл входят и три песни на стихи пролетарского поэта *Алексея Михайловича Гмырёва* (1887—1911): «Казненным», «Они победили», «При встрече во время пересылки».

²⁴⁵ Упомянутая суббота пришлась на 19 сент.

²⁴⁶ *Зайончковский Петр Андреевич* (1904—1983) — историк, источниковед, археограф, библиограф; доктор исторических наук (1950), профессор МГУ (1951—

1983). Создал свою научную школу по изучению политической истории России второй половины XIX — начала XX века.

²⁴⁷ Жена П. А. Зайончковского — *Зайончковская* (урожд. *Скорнякова*) *Ираида Павловна* (1914—2002), биолог.

²⁴⁸ *Демьян Бедный* (наст. имя — *Ефим Алексеевич Придворов*; 1883—1945) — поэт, писатель, публицист и революционный общественный деятель.

²⁴⁹ Истоки этой легенды, по-видимому, связаны с некоторым покровительственным участием великого князя *Константина Константиновича* (поэтический псевдоним — *К. Р.*; 1858—1915) в судьбе Ефима Придворова-подростка. В конце 1890-х гг. он как лучший ученик Киевской военно-фельдшерской школы был представлен великому князю — в тот период инспектору-попечителю военно-учебных заведений. Позже князь разрешил ему «в порядке исключения сдать экстерном экзамены за курс гимназии в Елизаветграде и учиться дальше», что позволило будущему поэту переехать в Петербург, в 1904—1908 гг. обучаться на историко-филологическом факультете университета и заниматься литературной деятельностью (см.: *Сачков В. Н.* Бедный Демьян // *Русские писатели, 1800—1917: биограф. словарь: [в 7 т.]*. М.: Сов. энциклопедия, 1989. Т. 1. С. 195).

²⁵⁰ Великий князь Константин Константинович владел Мраморным (Константиновским) дворцом с 1911 г., унаследовав его от своей матери, великой княгини Александры Иосифовны.

²⁵¹ *Бухштаб Борис Яковлевич* (1904—1985) — текстолог, библиограф, книговед, историк литературы; с 1945 г. доцент, затем профессор кафедры библиографии Ленинградского государственного библиотечного института им. Н. К. Крупской, в 1964 г. переименованного в Ленинградский государственный институт культуры им. Н. К. Крупской.

²⁵² Белорусские поэты (XIX — начала XX в.) / предисл. и редакция переводов А. А. Прокофьева; вступ. ст., сост. и примеч. Р. И. Файнберг. М.; Л.: Сов. писатель, 1963. 462 с. (Б-ка поэта. Большая сер.).

²⁵³ *Тукай Г.* Стихотворения и поэмы / вступ. ст. И. Пехтелева; подгот. текста И. Пехтелева и С. Хакима; примеч. Р. Башкурова; ред. переводов С. Ботвинника. М.; Л.: Сов. писатель, 1963. 386 с. (Б-ка поэта. Малая сер.). *Тукай Габдулла Мухамедгарифович* (1886—1913) — татарский народный поэт, литературный критик, публицист, переводчик и общественный деятель.

²⁵⁴ *Фет А. А.* Стихотворения / вступ. ст., подгот. текста и примеч. П. П. Громова. М.; Л.: Сов. писатель, 1963. 550 с. (Б-ка поэта. Малая сер.).

²⁵⁵ *Заболоцкий Николай.* Стихотворения и поэмы / вступ. ст., подгот. текста и примеч. А. М. Туркова. М.; Л.: Сов. писатель, 1965. 503 с. (Б-ка поэта. Большая сер.). *Заболоцкий Николай Алексеевич* (1903—1958) — поэт, переводчик.

²⁵⁶ *Исаковский М. В.* Стихотворения / вступ. ст., сост. и примеч. В. С. Бахтина. М.; Л.: Сов. писатель, 1965. 510 с. (Б-ка поэта. Большая сер.). *Исаковский Михаил Васильевич* (1900—1973) — поэт, прозаик, переводчик.

²⁵⁷ *Катенин П. А.* Избранные произведения / вступ. ст., подгот. текста и примеч. Г. В. Ермаковой-Битнер. М.; Л.: Сов. писатель, 1965. 742 с. (Б-ка поэта. Большая сер.). *Катенин Павел Александрович* (1792—1853) — поэт, драматург, литературный критик, переводчик.

²⁵⁸ О томе «Стихотворная трагедия конца XVIII — начала XIX в.» см. коммент. 53.

²⁵⁹ Перечислены прозаики, драматурги, киносценаристы, популярные в рассматриваемый период: *Гранин Даниил Александрович* (наст. фамилия — Герман; 1919—2017), *Панова Вера Федоровна* (1905—1973), *Герман Юрий (Георгий) Павлович* (1910—1967).

²⁶⁰ Володарский мост через Неву, возведенный в Невском районе города в 1932—1936 гг. (обновлен в 1986—1993 гг.); назван в честь революционного деятеля В. Володарского (наст. имя — Моисей Маркович Гольдштейн; 1891—1918), убитого в районе будущего моста в 1918 г.

²⁶¹ Красный (Воскресенский) скит расположен на берегу Большой Никоновской бухты, главной гавани Валаама.

²⁶² Имеются в виду Спасо-Преображенский собор (1896) и внутреннее каре монастыря (1801).

²⁶³ *Mon repos* — мое отдохновение (*фр.*). Монрепо — скальный пейзажный парк в романтическом вкусе на берегу бухты Защитной Выборгского залива, на северной окраине Выборга. Устройство парка началось в 1770-х гг. Его расцвет приходится на 1788—1939 гг. Егоровы посетили Выборг 1 июля 1964 г. «в компании с Новиковыми и Рейсерами». См.: *Егоров Б. Ф.* Дневник за май — начало августа 1964 года. С. 421—422.

²⁶⁴ Скалистый берег — название залива на юго-западе Валаамского архипелага.

²⁶⁵ «Астория» — гостиница на ул. Герцена (ныне Большая Морская), 39. В 1929—1996 гг. находилась в ведении компании «Интурист».

²⁶⁶ *Гудзий Николай Каллиникович* (1887—1965) — литературовед и педагог, первый декан филфака МГУ (1941—1945), академик АН УССР (1945). Возглавлял Отдел древнерусской литературы в ИМЛИ (1938—1947), Отдел русской литературы (1945—1952) и Отдел украинской древней литературы (1952—1961) в Институте литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР. В последние годы Н. К. Гудзий был председателем Комиссии по истории филологических наук при Бюро Отделения литературы и языка АН СССР.

²⁶⁷ Рошино (до 1948 г. Райвола) — поселок на Карельском перешейке, в Выборгском районе Ленинградской области, в 65 км от города.

²⁶⁸ В письме от 15 сент. Ю. М. Лотман сообщал: «Я приеду на два дня 23—25 сент. в Питер — оппонировать Арзумановой...» (Ю. М. Лотман, З. Г. Минц — Б. Ф. Егоров. Переписка, 1954—1993. С. 184). *Арзуманова Маргарита Арзумановна* (р. 1933) — литературовед, ученица П. Н. Беркова; защитила кандидатскую диссертацию «Русский сентиментализм в литературно-общественной борьбе 90-х годов XVIII века».

²⁶⁹ Деятельности *Худякова Ивана Александровича* (1842—1876) В. Г. Базанов посвятил главу в своей книге «Русские революционные демократы и народознание» (Л.: Сов. писатель, 1974. С. 327—385).

²⁷⁰ *Светлов М. А.* Стихотворения и поэмы / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Е. П. Любаревой. М.; Л.: Сов. писатель, 1966. 494 с. (Б-ка поэта. Большая сер.). *Светлов Михаил Аркадьевич* (имя при рождении — *Мотл Аронович Шейнман*; 1903—1964) — поэт, драматург и журналист.

²⁷¹ В томе Светлова в «Библиотеке поэта» выделен раздел «Песни и стихи из пьес» (с. 405—430; всего 26 произведений).

²⁷² *Цаплина* (урожд. *Смолякова*) *Мира Сергеевна* (р. 1937) — двоюродная сестра Софии Александровны Николаевой, жены Б. Ф.

²⁷³ Юбилейный день рождения П. А. Зайончковского был 18 сент. 1964 г.

²⁷⁴ «Поворот винта» — опера знаменитого английского композитора, дирижера и пианиста *Бриттена Эдварда Бенджамина* (1913—1976) в двух действиях с прологом (1953). Либретто Мэри Мифанви Пайпер по одноименной мистико-психологической повести Генри Джеймса (1898). В сент. 1964 г. опера была впервые показана в Москве и Ленинграде на языке оригинала — во время гастролей «Инглиш опера труп» под управлением композитора.

²⁷⁵ «Поругание Лукреции» — камерная опера Бриттена в двух действиях (1946). Либретто Рональда Дункана по одноименной драме французского драматурга

и сценариста Андре Обе (1931), с добавлением свидетельств Тита Ливия и Овидия, а также строк из поэмы У. Шекспира «Обесчещенная Лукреция» (1593–1594).

²⁷⁶ *Скатов Николай Николаевич* (1931–2021) — литературовед, выдающийся некрасовед и пушкинист; преподаватель ЛГПИ (с 1962 г.), профессор, доктор филологических наук (1971), в 1978–1987 гг. заведующий кафедрой русской литературы; директор ИРЛИ (1987–2005), член-корреспондент РАН (1997). В дневнике Б. Ф. зафиксировал свое знакомство со Скатовым, произошедшее 6 мая 1964 г.: «У нас на каф. ЛГУ новая комиссия. Говорят, что по новому доносу Соколова в райком “о неблагополучном идейном состоянии каф-ры”. В райкоме, говорят, очень недовольны Проппом “за отрицание важности идейного руководства партии”. <...> Представитель комиссии — Ник. Ник. Скатов, преп. Герценовского ин-та, молодой, новый (из Костромы, ученик <А. И.> Ревякина по аспирантуре). Часовой почти разговор со мной. Умен, напорист. Я начал с дипломатии, не зная, что он за человек. Но он тактично перебил меня и вежливо намекнул, что о положении на каф. ему все известно — и обо мне, и о Муратове и т. д. Тогда и я все откровенно рассказывал <...> Скатов сказал, что представит райкому положит. отчет...» (*Егоров Б. Ф.* Дневник за январь — начало мая 1964 года. С. 1040). Знакомство вскоре переросло в тесные товарищеские отношения — когда в 1968 г. Б. Ф. возглавил кафедру русской литературы ЛГПИ.

²⁷⁷ *Попов Георгий Иванович* (1912–1984) — первый секретарь Ленинградского горкома КПСС в 1960–1971 гг., затем (до 1976 г.) — руководитель дипломатического агентства в Ленинграде.

²⁷⁸ *Оболевич Вячеслав Борисович* (1915–1995) — специалист по истории польской литературы; преподавал в ЛГУ в 1946–1993 гг.; доктор филологических наук (1971), профессор кафедры славянской филологии.

²⁷⁹ Выборгский Дом (ныне Дворец) культуры (ул. Комиссара Смирнова, д. 15) — здание в стиле конструктивизма (1927); архитекторы А. И. Гегелло, Д. Л. Кричевский, М. И. Китнер. Считается первым социально-культурным центром в Ленинграде.

²⁸⁰ Имеется в виду Московский театр им. Вл. Маяковского, главным режиссером которого в 1943–1966 гг. был *Николай Павлович Охлопков* (1900–1967), актер театра и кино, режиссер и педагог; народный артист СССР (1948).

²⁸¹ «Мамаша Кураж и ее дети (Хроника времен Тридцатилетней войны)» — пьеса немецкого поэта и драматурга *Бертольта Брехта* (1898–1956), написанная в 1938–1939 гг. В СССР она была впервые (в 1960 г.) поставлена в Московском театре им. Вл. Маяковского режиссером М. М. Штраухом, в главной роли выступила Ю. С. Глизер.

²⁸² Названы пьесы А. Н. Островского (1859) и А. Н. Арбузова (1959) соответственно.

²⁸³ Инна Михайловна Образцова.

²⁸⁴ *Лапицкий Игорь Петрович* (1920–1998) — кандидат филологических наук (1948), доцент кафедры истории русской литературы, где преподавал в 1948–1957 гг., был уволен по сокращению штатов. О роли И. П. Лапицкого в событиях 1948–1955 гг. см.: *Азадовский К., Егоров Б.* «Космополиты» // Новое литературное обозрение. 1999. № 2 (36). С. 83–135; *Дружинин П.* Пушкинский Дом под огнем большевистской критики // Там же. 2011. № 4 (110). С. 202–213.

²⁸⁵ *Машинский Семен Иосифович* (1914–1978) — литературовед, профессор Литературного института. Он подготовил для Большой серии «Библиотеки поэта» том «Поэты кружка Н. В. Станкевича», включавший значительную часть поэтического наследия «старшего славянофила» Константина Аксакова, сопровождаемую весьма сочувственной биографической статьей о нем. В течение нескольких меся-

цев цензоры и некоторые именитые поэты (прежде всего член редколлегии «Библиотеки поэта» А. А. Прокофьев) требовали изъять ряд славянофильских и религиозных стихотворений. В результате книга вышла с купюрами и небывало малым тиражом (10 000 экз.). Впрочем, Б. Ф. отстоял значительную часть предназначавшихся к изъятию текстов, сплав гранки в московскую цензуру и в ЦК партии и объехал с разъяснением сложившейся ситуации членов редколлегии, чтоб заручиться их поддержкой. 12 июня 1964 г. он записал в дневнике: «...пришлось вести долгую беседу с цензором, убеждая его, что стихи кружка Станкевича не представляют опасности для современной молодежи. А он мне всё нудел о религиозных и упаднических мотивах, кот<орые> могут повлиять (Господи, грош цена тогда той молодежи, которая соблазнится в религию или декаданс от плохих стихов 150-летней давности!..)» (*Егоров Б. Ф. Дневник за май – начало августа 1964 года. С. 413–414*). 27 сент. С. И. Машинский подписал экземпляр многострадальной книги ее главному защитнику: «Дорогому Борису Федоровичу Егорову, с чувством душевной признани. С. Машинский».

²⁸⁶ «Вопли» – сленговое обозначение журнала «Вопросы литературы», заведующим отделом русской литературы в котором в рассматриваемый период был С. И. Машинский. В № 9, на с. 252–253, было опубликовано сообщение Б. Ф. «Н. А. Некрасов и В. П. Боткин (Новые материалы)» за подписью «И. Егоров».

²⁸⁷ 30 сентября – день памяти мучениц Веры, Надежды, Любови и матери их Софии – всегда был праздничным в семье Егоровых; после кончины Софии Александровны Б. Ф. посещал в этот день ее могилу.

²⁸⁸ Этот альбом сохранился в домашней библиотеке Егоровых, он увеличенно-го формата, в тканевом переплете с золотым теснением и суперобложкой, на французском языке: *Splendeurs de l'Ermitage: École Flamande et Hollandaise / texte de V. F. Levinson-Lessing. Prague: Artia, 1964*. (Перевод названия: «Великолепие Эрмитажа: Фламандская и голландская школы», *фр.*) В нем 91 репродукция, наклеенная на листы альбома. Дарительная надпись отсутствует: очевидно, С. А. Рейсер не решил ее сделать на роскошном альбоме.

²⁸⁹ *Аня* – Анна Ивановна Кириллочкина.

²⁹⁰ См.: *Лотман Ю. М. 1*) Восприятие идей Руссо в русской литературе конца XVIII – начала XIX века // Тезисы конференции, посвященной 250-летию со дня рождения Ж.-Ж. Руссо: 1712–1962, 16–18 июня 1962 г. / Одесский гос. ун-т. Одесса, 1962. С. 78–80; 2) Руссо и русская культура XVIII века // Эпоха Просвещения: из истории международных связей русской литературы. Л.: Наука, 1967. С. 208–281.

²⁹¹ *Городецкий Борис Павлович* (1896–1974) – историк литературы, пушкинист, доктор филологических наук (1951); работал в ИРЛИ с 1935 по 1972 г., заместитель директора в 1941–1942 гг., старший научный сотрудник с 1966 г.

²⁹² *Гинзбург Лидия Яковлевна* (1902–1990) – литературовед, мемуаристка; доктор филологических наук (1957). Б. Ф. дружил с нею с конца 1950-х гг.

²⁹³ *Пруцков Никита Иванович* (1910–1979) – литературовед; доктор филологических наук (1951), сотрудник ИРЛИ (с 1951 г.).

²⁹⁴ *Мейлах Борис Соломонович* (1909–1987) – пушкинист, сотрудник ИРЛИ (1936–1974), доктор филологических наук (1944); профессор ЛГУ (с 1946 г.).

²⁹⁵ *Григорьян (Тер-Григорьян) Камсар Нерсесович* (1911–2004) – литературовед, сотрудник ИРЛИ (1934–1942, 1946–1991), доктор филологических наук (1953).

²⁹⁶ Б. С. Мейлах с 1963 г. возглавлял Комиссию по взаимосвязям литературы, искусства и науки при Ленинградском отделении Союза писателей СССР.

²⁹⁷ *Драматические сочинения и переводы Н. А. Полевого*. СПб.: тип. Н. Греча, 1842–1843. Ч. 1–4. *Полевой Николай Алексеевич* (1796–1846) – прозаик, драматург, литературный и театральный критик, журналист, историк и переводчик.

²⁹⁸ *Бялый Григорий* (при рождении — *Гири*) *Абрамович* (1905—1987) — литературовед; сотрудник ИРЛИ (1935—1953), преподаватель ЛГУ (с 1936 г.), доктор филологических наук (1939), профессор (с 1949 г.); учитель Б. Ф.

²⁹⁹ характеристика на кого — когда (*фр.*).

³⁰⁰ *Тронский* (до 1938 г. — *Троцкий*) *Иосиф Моисеевич* (1897—1970) — филолог-классик, индоевропеист; доктор филологических наук (1941), профессор ЛГУ, где преподавал в 1932—1955 гг. Постоянное место работы начиная с 1950 г. (с перерывом в 1952—1957 гг.) — Институт языка и мышления (с 1952 г. — Институт языкознания РАН). Его жена, профессор Мария Лазаревна Тронская, приходилась двоюродной сестрой С. А. Рейсеру, старшему другу Б. Ф.

³⁰¹ Ап. А. Григорьева похоронили на Митрофаньевском кладбище, в 1930-х гг. прах был перенесен на Литераторские мостки Волкова кладбища.

³⁰² *Григорович Дмитрий Васильевич* (1822—1899) — писатель-реалист, довольно часто издававшийся в советский период.

³⁰³ Приведена первая строка знаменитого семистишия Р. М. Рильке «Das Schlußstück» («Эпилог», 1901 или 1902); буквально: «Смерть большая» (*нем.*). Известен 21 перевод этой шедевра на русский язык, среди которых нет ни одного адекватного — по убеждению исследовавших проблему авторов статьи: *Лысенкова Е. Л., Чайковский Р. Р.* Стихотворная миниатюра как объект перевода (на материале переводов стихотворения Р. М. Рильке «Das Schlußstück» на русский язык) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2018. № 1. С. 119—126.

³⁰⁴ *Фридендер Георгий Михайлович* (1915—1995) — литературовед, достоевист; академик (с 1990 г.), с 1955 г. сотрудник ИРЛИ, и его жена *Петрунина Нина Николаевна* (1932—2018) — доктор филологических наук (1988), пушкинист, сотрудник ИРЛИ в 1956—1998 гг.

³⁰⁵ *Левин Юрий Давидович* (1920—2006) — литературовед, доктор филологических наук (1968), переводчик, член-корреспондент Британской академии (1993), сотрудник ИРЛИ в 1956—1998 гг., и его первая жена *Дикман Минна Исаевна* (1919—1989), старший редактор Ленинградского отделения издательства «Советский писатель». Б. Ф. дружил с Левиными, в его библиотеке — множество книг и отгисков статей обоих супругов с теплыми дарительными надписями.

³⁰⁶ *Хмельницкая Тамара Юрьевна* (1906—1997) — литературовед, историк антропософии; ученица В. Б. Шкловского, Ю. Н. Тынянова, Андрея Белого.

³⁰⁷ *Шабельская Галина Александровна* — литературовед, кандидат филологических наук (1964); в 1964—1966 гг. автор сценариев трех документальных фильмов о русских писателях.

³⁰⁸ *Мандрыкина Людмила Алексеевна* (1906—1988) — археограф, кандидат исторических наук (1959), сотрудник Публичной библиотеки (ныне РНБ) в 1949—1973 гг.

³⁰⁹ Минц Зара Григорьевна.

³¹⁰ По просьбе ахматоведа из Симферополя, профессора *Темненко Галины Михайловны* (1946—2018), Б. Ф. об этом эпизоде своего знакомства с Ахматовой написал отдельный мемуарный очерк: *Егоров Б. Ф.* Вечер с А. А. Ахматовой у Д. Е. Максимова (1964) // Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество / сост. и науч. ред. Г. М. Темненко. Симферополь: Крымский архив, 2010. С. 3—6. (Крымский Ахматовский науч. сб.; вып. 8).

³¹¹ *Ляховицкая Лина Яковлевна* (1903—1986) — жена Д. Е. Максимова.

³¹² *Ирина Вячеславовна* — предположительно, врач-терапевт поликлиники ЛГУ.

³¹³ *Серман Илья Захарович (Зеликович)* (1913—2010) — литературовед, педагог, мемуарист, доктор филологических наук (1969); сотрудник ИРЛИ в 1956—1976 гг.

После эмиграции в 1975 г. его дочери, писательницы Нины Ставиской, был уволен (1976) и затем вынужденно эмигрировал в Израиль.

³¹⁴ *Алексеев Михаил Павлович* (1896–1981) — литературовед-компаративист, пушкинист, академик (1958); в ИРЛИ с 1934 г.

³¹⁵ Владимир Николаевич Орлов.

³¹⁶ 15 окт. исполнилось 150 лет со дня рождения М. Ю. Лермонтова.

³¹⁷ Сигнальный экземпляр тома А. Н. Плещеева.

³¹⁸ *Николаева Лилия Андреевна* (р. 1931) — литературовед, редактор Ленинградского отделения издательства «Советский писатель».

³¹⁹ *Тамарченко* (урожд. *Эмме*) *Анна Владимировна* (1915–2015) — литературовед, театровед, профессор Театрального института в Ленинграде, жена *Тамарченко Григория Евсеевича* (1913–2000); супруги Тамарченко были изгнаны из Свердловского университета за открытую попытку бороться с официальным антисемитизмом, несколько лет были без работы; Б. Ф. сумел привлечь их в качестве почасовиков на кафедру русской литературы в Тарту. Позднее они эмигрировали в США.

³²⁰ *Герасимов Юрий Константинович* (1923–2003) — доктор искусствоведения (1977); сотрудник ИРЛИ в 1979–2003 гг., где с 1980 г. заведовал Группой по изданию сочинений А. А. Блока. После демобилизации в 1945 г. Ю. К. Герасимов поступил на славянское отделение филологического факультета ЛГУ. На третьем курсе, в янв. 1948 г., его арестовали «по ложному обвинению», после чего 9 лет он провел в заключении, работая на шахтах Воркуты (Инта) и затем на целине. После реабилитации Ю. К. Герасимов смог в 1957 г. восстановиться в ЛГУ (на русском отделении филологического факультета), который окончил в 1959 г. В 1960–1963 гг. обучался в аспирантуре у Д. Е. Максимова, а в мае 1964 г. защитил кандидатскую диссертацию «Вопросы театра и драмы в критике А. Блока».

³²¹ Студентки филфака ЛГУ *Улановская Белла (Изабелла) Юрьевна* (1943–2005), впоследствии писательница, и *Франкфурт* (в замужестве *Житкова*) *Татьяна Григорьевна* (1944–2016), позже учительница средней школы, автор рассказов и очерков.

³²² Это письмо Ап. Григорьева впервые опубликовал Б. Ф. в следующем году: Переписка Ап. Григорьева с Н. Н. Страховым // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1965. Вып. 167. С. 169–170. Следовательно, на кладбище он его прочел по списку, изготовленному в архиве.

³²³ *Боборыкин Петр Дмитриевич* (1836–1921) — прозаик, драматург, журналист, публицист, критик и историк литературы, театральный деятель, мемуарист, переводчик. Он описал похороны Григорьева дважды: кратко в мемуарах «За полвека» (1921) и подробно, в беллетризованной форме, — в главах XXX–XXXII повести «Долго ли?» (1875).

³²⁴ Я. С. Билинкису 8 окт. исполнилось 38 лет.

³²⁵ *Раскольников* (наст. фамилия — *Ильин*) *Федор Федорович* (1892–1939) — советский военный и государственный деятель, дипломат-невозвращенец. Работу над своим «Открытым письмом Сталину», в котором обличал сталинские репрессии, Раскольников завершил 17 авг. 1939 г. Опубликовано посмертно: Новая Россия. 1939. 1 окт. № 7. Как раз в 1964 г. вышла подцензурная книга: *Константинов А. П. Ф. Ф. Ильин-Раскольников. Л.: Лениздат, 1964*, где пересказу письма Сталину было уделено всего 13 строк на с. 153; поэтому очевидно, что Пугачев передал Б. Ф. машинописную копию письма (со ссылкой на «Новую Россию»), сохранившуюся в архиве Б. Ф. (7 л.). В СССР фрагменты из письма впервые увидели свет в № 26 журнала «Огонек» за 1987 год.

³²⁶ *Габович Евгений Яковлевич* (1938–2009) — кандидат математических наук (1967), диссидент-правозащитник, публицист; в 1980 г. эмигрировал в ФРГ; сын коллеги Б. Ф. по Тартускому университету Д. Б. Габович.

³²⁷ *Халлик Антс* (р. 1936) — выпускник историко-филологического факультета Тартуского университета (1963).

³²⁸ *Зорге Рихард* (1895—1944) — немецкий журналист, дипломат, резидент советской разведки в Японии (1933—1941). Имеется в виду двухсерийный фильм «Кто вы, доктор Зорге?» (1961; Франция — ФРГ — Италия — Япония) французского режиссера Ива Сиампи. Фильм успешно демонстрировался в СССР начиная с 21 сент. 1964 г. и впечатлил высшее руководство страны. 5 нояб. 1964 г. Зорге присвоили звание Героя Советского Союза.

³²⁹ В записной книжке Б. Ф. рядом со сведениями о В. В. Пугачеве указано имя Анны Васильевны — вероятно, его жены.

³³⁰ Имеется в виду экипаж первого в мире многоместного космического корабля «Восход-1», запущенного 12 окт. 1964 г. с космодрома Байконур в 7.30 утра и приземлившегося спустя 24 ч. 17 мин.: командир *Владимир Михайлович Комаров* (1927—1967), научный сотрудник *Константин Петрович Феоктистов* (1926—2009), доктор технических наук (1967), и врач *Борис Борисович Егоров* (1937—1994), доктор медицинских наук (1979).

³³¹ *Оксман Юлиан Григорьевич* (1894—1970) — литературовед, историк, пушкинист; доктор филологических наук; в 1933—1936 гг. сотрудник ИРЛИ, в 1936—1946 гг. подвергнут репрессиям; затем профессор Саратовского университета (1947—1957), сотрудник ИМЛИ (1958—1964), профессор-консультант кафедр истории СССР и истории русской литературы в Горьковском университете (1965—1968).

³³² Речь идет об анонимно опубликованной в одном из парижских журналов статье Оксмана «Доносчики и предатели среди советских писателей и ученых» (Социалистический вестник. 1963. № 5/6. С. 74—76; перепеч.: Русская литература. 2005. № 4. С. 161—163; публ. В. Д. Рака).

³³³ *Хрущев Никита Сергеевич* (1894—1971) был отстранен от власти 14 окт. на Пленуме ЦК КПСС. Возглавивший заговор *Брежнев Леонид Ильич* (1906—1982) в тот период занимал высший государственный пост — Председателя Президиума Верховного Совета СССР; поддержавший заговорщиков *Косыгин Алексей Николаевич* (1904—1980) был первым заместителем Председателя Совета министров СССР.

³³⁴ Б. Ф. с женой и дочерью посетили Ленинградский Малый театр оперы и балета (ныне Михайловский театр), где в 1964 г. состоялась премьера оперы *Прокофьева Сергея Сергеевича* (1891—1953) «Любовь к трем апельсинам» (1919), либретто по одноименной комедии Карло Гоцци (1761).

³³⁵ *Селезнева Ольга Ивановна* — секретарь Василеостровского райкома КПСС, автор брошюры «Василеостровцы в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции в Петрограде (1917 г.): материя в помощь лекторам, докладчикам, политинформаторам» (Л.: Наука, 1967. 30 с.).

³³⁶ *Колесов Николай Дмитриевич* (1925—2012) — в рассматриваемый период (1963—1995) заведующий кафедрой политической экономии ЛГУ. В 1964 г. стал доктором экономических наук, в 1965 г. — профессором. В 1963—1965 гг. избирался секретарем парткома ЛГУ.

³³⁷ Это предложение вписано позднее на полях, отсюда — вводное слово «кстати».

³³⁸ Вероятно, *Софронов Георгий Алексеевич* (1914—1995) — ассистент кафедры немецкой филологии (1956—1974). Других преподавателей и сотрудников с такой фамилии на филфаке ЛГУ не было.

³³⁹ Имеется в виду здание Двенадцати коллегий.

³⁴⁰ *Гершкович Зиновий Ильич* — кандидат филологических наук (1953), специалист по творчеству А. Д. Кантемира.

³⁴¹ *Федоров Андрей Венедиктович* (1906–1997) — филолог, переводчик, доктор филологических наук (1953), профессор ЛГУ, заведующий кафедрой немецкой филологии (1963–1979).

³⁴² Конференция, посвященная 150-летию со дня рождения Лермонтова, состоялась в Тартуском университете 23–25 окт. Б. Ф. читал доклад «Лермонтов в русской критике 1860-х гг.».

³⁴³ Комментарий Б. Ф. (15.XI.2018): «Лев Алексеевич Переверзев (1927–2010) — земляк по Старому Осколу, товарищ со студенческих лет; инженер, специалист по измерительным приборам. Стал москвичом».

³⁴⁴ Комментарий Б. Ф. (15.XI.2018): «Юрий Иванович Снешко (1925–2011) — мой товарищ ташкентских и ленинградских студенческих лет (1943–1947); после закрытия Ташкентского авиационного института в 1945 г. мы были переведены в Ленинградский институт авиационных приборов; Юрий затем окончил Московский авиационный институт; много лет преподавал в нем и в Московском физико-техническом институте, работал в г. Жуковском в НИИ по испытаниям самолетов. Кандидат технических наук, автор известных монографий; эксперт международных авиационных организаций. Скрипач, джазист».

³⁴⁵ *Окуджава Булат Шалвович* (1924–1997) — поэт, бард, прозаик и сценарист, композитор. Б. Ф. ценил его творчество.

³⁴⁶ *Адамс Вальмар Теодорович* (1899–1993) — эстонский и русский поэт, прозаик, литературовед; преподаватель, затем доцент на кафедре русской литературы Тартуского университета (1931–1974); был под арестом немецких властей (1941–1943), позже репрессирован (1951–1954).

³⁴⁷ *Ефимова Мария Титовна* (1922–1981?) — кандидат филологических наук, заведующая кафедрой литературы Псковского педагогического института, автор книги «Изучение лирики М. Ю. Лермонтова в школе» (Херсон: Херсонский обл. отд. нар. образования. Ин-т усовершенствования квалификации учителей, 1959).

³⁴⁸ Доклад Ю. М. Лотмана назывался «О некоторых структурных особенностях реализма Лермонтова».

³⁴⁹ *Булгарин Фаддей Венедиктович* (имя при рождении — *Ян Тадеуш Кишицеф*; 1789–1859) — писатель, журналист, критик и издатель. В 1928 г. он купил имение Карлово под Дерптом (Тарту) и проводил в нем каждое лето, в 1831–1837 гг. жил постоянно. В Тарту, на кладбище Раади, Булгарин и похоронен. Усадьба находится в частном владении, но по договоренности с хозяевами можно по ней совершить экскурсию.

³⁵⁰ Юнгерша — *Юнгер Елена Владимировна* (1910–1999) — одна из ведущих актрис Театра комедии (1936–1999), переводчица, мемуаристка.

³⁵¹ *Габ* — Евгений Яковлевич Габович.

³⁵² Рейфманы — *Рейфман Павел Семенович* (1923–2012) и его жена *Вольперт Лариса Ильинична* (1926–2017), литературоведы, оба (в разное время) преподавали в Псковском педагогическом институте, затем — в Тартуском университете: Рейфман с 1959 г., его жена — с 1977 г. 15 февр. 1964 г. Б. Ф. записал в дневнике о Рейфмане: «По натуре честный, но удивительно тяжелый, скучный. Занимался всякой журналистикой 3-го сорта (1860-х годов), пишет громадные и нуднейшие статьи, пересказывая содержание газет и журналов. <...> Жена его — бывшая чемпионка СССР по шахматам Лариса Вольперт — живая, легкомысленная, легкая вообще — полная противоположность. Семейный драматизм еще больше наложил отпечаток тяжести и уныния на Рейфмана» (*Егоров Б. Ф.* Дневник за январь — начало мая 1964 года. С. 1023).

³⁵³ *Старкопф Антон Гейнович* (1889–1966) — скульптор, народный художник Эстонской ССР (1964). Работал преимущественно с гранитом.

³⁵⁴ Речь идет о частично сохранившемся студенческом карцере, расположенном на чердаке главного здания Тартуского университета и устроенном в начале XIX в., когда у этого учебного заведения была собственная автономная судебная система. Студенты попадали в карцер за нарушение общественного порядка и действующих в университете правил поведения.

³⁵⁵ *Мойер* (урожд. *Протасова*) *Мария Андреевна* (1793–1823) — дочь единокровной сестры В. А. Жуковского Е. А. Протасовой; ученица Жуковского, который долгие годы добивался брака с ней. В 1817 г. она вышла замуж за декана медицинского факультета Дерптского университета И. Ф. Мойера. Мария умерла при родах. На ее могиле на кладбище Раади в Тарту установлен крест с распятием, выполненный по эскизу Жуковского, с двумя изречениями из Евангелия, которые она любила повторять при жизни: «Да не смущается сердце ваше...» (Ин 14: 1) и «Придите ко мне вси труждающиеся...» (Мф 2: 28).

³⁵⁶ *Горбаневская Наталья Евгеньевна* (1936–2013) — поэтесса, переводчица; правозащитница. В 1975 г. эмигрировала во Францию.

³⁵⁷ Лев Алексеевич Переверзев.

³⁵⁸ *Это слово вписано над зачеркнутым*: имеющихсЯ.

³⁵⁹ *Гутан* (урожд. *Красовская*) *Ольга Александровна* (1900–1990) — филолог-античник; ученица О. М. Фрейденберг; преподаватель греческого и латыни на кафедре классической филологии ЛГУ (1938–1941, 1945–1970), мемуарист. Ее отец — архитектор *Красовский Александр Федорович* (1848–1918) — был женат на внучке Ап. Григорьева *Надежде Александровне* (1875–1929). О знакомстве с О. А. Гутан 31 окт. 1964 г. Б. Ф. сообщал Лотману: «Вчера хорошо прошла Ап. Григорьевская» конференция. Познакомился с правнучкой А. Григорьевой — милая женщина...» (Ю. М. Лотман, З. Г. Минц — Б. Ф. Егоров. Переписка, 1954–1993. С. 188).

³⁶⁰ *Воронков Константин Васильевич* (1911–1984) — прозаик, драматург и сценарист; В 1960–1970 гг. был оргсекретарем и секретарем правления Союза писателей, ведал личными делами писателей.

³⁶¹ В письме к Лотману от 11 нояб. 1964 г. Б. Ф. пояснял: «Вчера уже без Орлова (он укатил в хорошей компании — Твардовский, Сурков, Полевой, Иракий — в Италию и Францию на месяц)...» (Ю. М. Лотман, З. Г. Минц — Б. Ф. Егоров. Переписка, 1954–1993. С. 189). Последними упомянуты Б. Н. Полевой и И. Л. Андроников.

³⁶² Подписывать в печать.

³⁶³ *Плоткин Лев Абрамович* (1905–1978) — литературовед, доктор филологических наук, доцент, затем профессор кафедры советской литературы филфака ЛГУ (1945–1971); в 1935–1949 гг. был сотрудником ИРЛИ.

³⁶⁴ «Пер Гюнт» — камерно-симфоническая сюита (1875), написанная норвежским композитором *Эдвардом Григом* (1843–1907) к драматической поэме (1867) *Генрика Ибсена* (1828–1906). Постановка была осуществлена в Ленинградском театре комедии.

³⁶⁵ *Гурецкая Кира Яковлевна* (1910–1993) — актриса Камерного театра под руководством А. Я. Таирова (1933–1936) и Ленинградского театра комедии (1936–1985).

³⁶⁶ *Зарубина Ирина Петровна* (1907–1976) — актриса Ленинградского театра комедии (с 1935 г.); нередко снималась в кино.

³⁶⁷ *Никитское время* — период, когда Компартию и правительство страны возглавлял Н. С. Хрущев.

³⁶⁸ В мае 1963 г. постановлением Президиума АН СССР была создана Комиссия по усовершенствованию русской орфографии (с целью ее упрощения ради повышения уровня грамотности в стране). Результаты работы Комиссии были опубли-

кованы: Предложения по усовершенствованию русской орфографии // Известия. 1964. 24 сент. № 228. С. 3—4; 25 сент. № 229. С. 3—4. Они вызвали бурную полемику. См. подробнее: *Арутюнова Е. В.* «Предложения по усовершенствованию орфографии» 1964 г. и их обсуждение в прессе: (на материале публикаций 22 сент. — 16 окт. 1964 г.) // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2015. № 5. С. 111—124.

³⁶⁹ Названы родственники С. А. Николаевой (жены Б. Ф.) — супруги Цаплины: Мира Сергеевна (см. комм. 272) и Игорь Павлович.

³⁷⁰ *Пушкин А. С.* Капитанская дочка / изд. подгот. Ю. Г. Оксман. М.: Наука, 1964. 284 с. (Лит. памятники).

³⁷¹ Полностью (на форзаце синими чернилами): «Дорогому Борису Федоровичу Егорову с дружеским приветом. 1/XI 64. Москва. Ю. Оксман. “Времена Красовского возвратились”» (Библиотека Б. Ф.). *Красовский Александр Иванович* (1776—1857) — одиозный цензор (1821—1857), жесткие и необоснованные требования которого доходили до абсурда. На него писали эпиграммы А. А. Дельвиг, П. А. Вяземский, А. С. Пушкин.

³⁷² *Арон* — Арон Натанович Узилевский.

³⁷³ Б. Ф. в конце октября получил из Тарту рукопись будущей книги: *Карамзин Н. М.* Полн. собр. стихотворений (вых. дан. см. в коммент. 155) — и 2 нояб. ответил: «Получил Вашего Карамзина — постараюсь...» (*Ю. М. Лотман, З. Г. Минц — Б. Ф. Егоров.* Переписка, 1954—1993. С. 188) — очевидно, имея в виду просьбу добавить карамзинский перевод сельской драмы Х.-Ф. Вейсе «Аркадский памятник» (см.: Там же. С. 186), которую впоследствии удалось включить в том. См.: *Карамзин Н. М.* Полн. собр. стихотворений. С. 317—356. Пока же, 11 нояб., Б. Ф. писал Лотману: «Не успел договориться с Орловым насчет включения карамзинской добавки — но уверен, что уговорю его по возвращении» (*Ю. М. Лотман, З. Г. Минц — Б. Ф. Егоров.* Переписка, 1954—1993. С. 189).

³⁷⁴ Очевидно, благодаря этой лекции возник замысел статьи Б. Ф. «Структура рассказа Чехова “Дом с мезонином”». Впервые опубликовано в сокращении: Проблемы реализма в русской и зарубежной литературе: метод и мастерство: тезисы докладов II Межвузовской научной конференции литературоведов, май 1969 г. / ред. В. В. Гура. Вологда: Вологод. гос. пед. ин-т, 1969. С. 102—103; полностью итальянски: *Ricerche semiotiche: Nuove tendenze delle scienza umane nell'URSS* / a cura Ju. M. Lotman e B. A. Uspenskij. Torino: Einaudi, 1973. P. 318—334; по-русски: В творческой лаборатории Чехова / редкол.: Л. Д. Опульская и др. М.: Наука, 1974. С. 253—269.

³⁷⁵ «Борьба» — цикл Ап. А. Григорьева из 18 стихотворений (1857).

³⁷⁶ Т. Б. Миллер пояснила в смс от 4 авг. 2021 г.: «Училась игре на фортепиано. У меня был преподаватель из консерватории. Играла хорошо, но душа не лежала. Родители очень любили музыку, брали с собой в филармонию. Из протеста я классику возненавидела. Когда мне исполнилось 14 лет, я осмелела и попросила: “Можно больше на музыку не ездить?” Остолбеневшие родители от удивления согласились. С тех пор ни разу не села за инструмент. Как раз тогда появились Битлз, и я совершенно погрузилась в их музыку и в английский язык. До сих пор классический рок — моя любимая музыка».

³⁷⁷ *Васюточкин Георгий Сергеевич* (р. 1937) — геофизик, один из разработчиков высокоточной магниторазведки, петербургский краевед, историк джаза, стиховед, поэт; сотрудник ВНИИ геофизических методов разведки, один из организаторов джаз-клуба ЛГУ (1961—1964), постоянный участник научного стиховедческого семинара при ИРЛИ (с 1965 г.).

³⁷⁸ *Пропп Владимир Яковлевич* (1895–1970) — филолог, фольклорист, этнограф; сотрудник ИРЛИ (1945–1949, 1955–1958); профессор филфака и истфака ЛГУ, и. о. заведующего кафедрой истории русской литературы (1963–1964).

³⁷⁹ *Шабунин Виктор Сергеевич* (1898–?) — военный врач, художник, писатель, мемуарист; близкий друг В. Я. Проппа. Их переписка за 1953–1970 гг. опубликована: Неизвестный В. Я. Пропп / предисл., сост. А. Н. Мартыновой; подгот. текста, коммент. А. Н. Мартыновой, Н. А. Прозоровой. СПб.: Алетейя, 2002. С. 161–288.

³⁸⁰ *Цветаева Валерия Ивановна* (1883–1966) — сводная сестра поэтессы; танцовщица, хореограф, педагог, мемуаристка. В. С. Шабунин познакомился с ней летом 1964 г. См. об этом в его письме к Проппу от 22 июля: Там же. С. 237–238.

³⁸¹ Последние три абзаца Б. Ф. воспроизвел (не вполне аутентично) в своем мемуарном очерке «Что помню о В. Я. Проппе» (Там же. С. 430).

³⁸² Точнее: «Ты жива еще, моя старушка?..» — начальная строка стихотворения С. А. Есенина «Письмо матери» (1924).

³⁸³ *Жирмунский Виктор Максимович* (1891–1971) — литературовед, преподаватель, затем профессор ЛГУ (1915–1960, с перерывами), сотрудник ИРЛИ (1934–1950), академик (1966); член редколлегии серии «Библиотека поэта».

³⁸⁴ *Сурков Алексей Александрович* (1899–1983) — поэт; главный редактор журнала «Огонек» (1945–1953) и «Краткой литературной энциклопедии» (1962–1975), член редколлегии серии «Библиотека поэта».

³⁸⁵ *Синяевский Андрей Донатович* (псевд. — *Абрам Терц*; 1925–1997) — прозаик, литературовед и критик; советский диссидент. В сент. 1965 г. был арестован вместе с Ю. М. Даниэлем по обвинению в антисоветской пропаганде и агитации и в февр. 1966 г. осужден на 7 лет колонии. В 1973 г. эмигрировал во Францию.

³⁸⁶ В сталинский период Сурков публиковал статьи, направленные против Пастернака. Например, писал о «реакционности отсталого мировоззрения» поэта, о том, что «советская литература не может мириться с его поэзией»: *Сурков Ал.* О поэзии Б. Пастернака // *Культура и жизнь.* 1947. 21 марта. № 8. С. 2.

³⁸⁷ *Крутикова (Крутикова-Абрамова) Людмила Владимировна* (1920–2017) — литературовед, критик, прозаик; кандидат филологических наук (1950), преподавала в ЛГУ в 1955–1978 гг., жена писателя Ф. А. Абрамова.

³⁸⁸ *Выходцев Петр Созонтович* (1923–1994) — литературовед, критик, публицист; сотрудник ИРЛИ (1953–1962, 1969–1986), доктор филологических наук (1962), автор 14 монографий.

³⁸⁹ *Вася* — Василий Григорьевич Базанов.

³⁹⁰ «40 тысяч курьеров» — вариант слов Хлестакова («Ревизор»; д. 3, явл. 6); в оригинале: «тридцать пять тысяч курьеров».

³⁹¹ Куратор — преподаватель, закрепленный за учебной группой с целью проводить идейно-воспитательную работу среди студентов (своеобразный аналог классного руководителя в школе).

³⁹² Игра слов: *kuḡat* — проклятие (*эст.*).

³⁹³ *Спизарская Надежда Васильевна* (1911–1990) — кандидат филологических наук (1954), старший преподаватель ЛГУ, с 1948 г. и. о. заведующего кафедрой немецкого языка, впоследствии (до 1980 г.) заведующая; с мая 1964 г. член партбюро филфака.

³⁹⁴ *Ворошилова Тереза Ивановна* (имя при рождении — *Эльмина-Терезия Иогановна*; 1920–2004) — старший преподаватель кафедры немецкого языка филфака ЛГУ; преподавала на факультете журналистики (1952–1979).

³⁹⁵ Комментарий Б. Ф. (7.X.2018): «Брат Валерий и жена Ольга Сергеевна Егорова, в девичестве Сбруянова (оба р. в 1940 г.), оба — инженеры лесного хозяйства; ныне на пенсии, живут в Старом Осколе».

³⁹⁶ Отец Б. Ф. — *Егоров Федор Иванович* (1884—1968) — художник и преподаватель рисования и черчения в школах и вузах; на пенсию вышел в 1956 г. Мать — *Егорова* (урожд. *Волкова*) *Анастасия Яковлевна* (1900—1995) — воспитательница в детских садах и домах, после замужества домохозяйка. См. о них подробнее: *Егоров Б. Ф.* Воспоминания. СПб.: Нестор-История, 2004. С. 36—69.

³⁹⁷ Реминисценция слов Мазепы из поэмы Пушкина «Полтава» (1829): «В одну телегу впрячь не можно / Коня и трепетную лань».

³⁹⁸ *Наумов Евгений Иванович* (1909—1971) — литературовед, преподавал на кафедре советской литературы филфака ЛГУ с 1947 г.; профессор, доктор филологических наук (1955), заведующий кафедрой (1953—1956).

³⁹⁹ *Андрей Белый* (наст. имя — *Борис Николаевич Бугаев*; 1880—1934) — один из ведущих деятелей русского символизма.

⁴⁰⁰ *Кочетов Всеволод Анисимович* (1912—1973) — прозаик и журналист, видный представитель литературы социалистического реализма; главный редактор «Литературной газеты» (1955—1959) и журнала «Октябрь» (1961—1973), где осуждались явления «оттепели» в области литературы и искусства.

⁴⁰¹ *Вознесенский Андрей Андреевич* (1933—2010) — поэт-шестидесятник, публицист, художник и архитектор. Уже первый его сборник — «Мозаика» (Владимир, 1960), отличающийся экстравагантностью сравнений и метафор, навлек на себя гнев властей. В марте 1963 г. на встрече с интеллигенцией в Кремле Н. С. Хрущев подверг поэта резкой критике, что дало новый стимул полемике о поэзии Вознесенского и, вместе с тем, способствовало его популярности.

⁴⁰² Ю. М. Лотман сообщал об этом в письме к Б. Ф. от 12 нояб. 1964 г.: «...я буду 25-го отчитываться в Пушдоме на комиссии у Городецкого о работе кафедры. Приходите посмотреть обряд гражданской казни» (*Ю. М. Лотман, З. Г. Минц — Б. Ф. Егоров.* Переписка, 1954—1993. С. 190); 16 нояб. снова просил: «Приходите на мой отчет в Пушдом для поддержки штанов — боюсь подвохов со стороны Базанова и С^о» (Там же. С. 191). 18 нояб. Б. Ф. ответил: «Жду Вас, приду на доклад» (Там же. С. 192).

⁴⁰³ *Гуляев Николай Александрович* (1914—1986) — литературовед, доктор филологических наук (1957), профессор (1958), заведующий кафедрой литературы историко-филологического факультета Казанского университета; в 1962—1968 гг. — декан этого факультета. В 1972—1986 гг. — декан филфака Калининского университета.

⁴⁰⁴ «Край непуганых идиотов». Самое время пугнуть» — афоризм из книги И. А. Ильфа «Записные книжки. 1925—1937», датированный 1936—1937 гг. В домашней библиотеке Б. Ф. было второе издание (М.: Сов. писатель, 1957), где на с. 174 этот афоризм был обнародован впервые.

⁴⁰⁵ По-видимому, в Ленинград к Б. Ф., помимо Валерия, приехал и второй его брат, *Егоров Александр Федорович* (1930—2011) — инженер-строитель в закрытой зоне Дивеево; на пенсии он жил в Москве.

⁴⁰⁶ В 12 км от нового дома Б. Ф. расположен аэропорт «Пулково».

⁴⁰⁷ *Мальцужинский Витольд* (1914—1977) — выдающийся польский пианист. С 1936 г. жил во Франции, где женился. Там он с началом Второй мировой войны вступил в Войско Польское, но после капитуляции Франции сбежал с женой в Португалию, а в 1940 г. переехал в Аргентину, в 1942-м — в США. После войны жил в Швейцарии. Имел гражданство Аргентины.

⁴⁰⁸ *Анненков Павел Васильевич* (1813 или 1812—1887) — литературный критик, историк литературы и мемуарист. Б. Ф. работал над статьей: *Егоров Б.* «Эстетическая» критика без лака и без дегтя (В. П. Боткин, П. В. Анненков, А. В. Дружинин) // Вопросы литературы. 1965. № 5. С. 142—160.

⁴⁰⁹ *Штрум Елена Львовна* (1923–2021) — дочь репрессированного физика-ядерщика *Льва Яковлевича Штрума* (1890–1936), который заведовал кафедрой теоретической физики Киевского университета, был учителем С. П. Королева. Он стал прототипом одного из главных героев романов Василия Гроссмана «За правое дело» и «Жизнь и судьба» (физика Виктора Штрума). Е. Л. Штрум после войны училась на химическом факультете ЛГУ, где и подружилась с С. А. Николаевой, а потом и с Б. Ф. В 1964 г. переехала в Киев, но после Чернобыльской катастрофы вернулась в Ленинград, где жила с семьей на улице Рубинштейна, а в 1993 г. эмигрировала в Германию вместе со своим вторым супругом *Владимиром Борисовичем Бляхером* (1924–2000), инженером-машиностроителем, и поселилась в Кельне. Ее сын *Александр Петрович Гультяев* (р. 1956) — биоинформатик по профессии — нашел работу в Нидерландах, где и проживает со своей семьей с 1993 г.

⁴¹⁰ *Иофан-Штрум Хильда Альбертина* (1895–1969) — уроженка Лейпцига, врач-педиатр, вторая жена Л. Я. Штрума, после ареста которого была послана, потом по доносу осуждена на 8 лет лагерей (1943–1951), а позже отбывала ссылку в Старом Осколе, на родине Б. Ф. (*Благодарю А. П. Гультяева за консультацию.*)

⁴¹¹ В. Я. Пропп жил по адресу: Московский пр., 197, кв. 126.

⁴¹² *Николашки* — шутовское прозвище двух тезок — партийных активистов, доцентов *Николая Ивановича Соколова* и *Николая Ивановича Тотубалина* (1908–1977), который только в 1959 г. вступил в ряды КПСС и в рассматриваемое время деятельно вел партийно-общественную работу.

⁴¹³ Дмитрий Евгеньевич Максимов.

⁴¹⁴ *Семья Еремина Игоря Петровича* (1904–1963), литературоведа-медиевиста, сотрудника ИРЛИ (с 1934 г.), профессора (1938), заведующего кафедрой истории русской литературы ЛГУ (1951–1963), декана факультета (1958–1960): его жена *Еремина Берта Григорьевна* (1898–1982), ученый-химик, доктор химических наук (1947), профессор ЛГУ, и дочь *Еремина Валерия Игоревна* (р. 1938), фольклорист, преподаватель филфака ЛГУ (1963–1968), сотрудник ИРЛИ (с 1968 г.), доктор филологических наук (1991).

⁴¹⁵ *Мак — Макогоненко Георгий Пантелеймонович* (1912–1986) — литературовед, заведующий кафедрой русской литературы ЛГУ (1965–1982), сотрудник ИРЛИ (1959–1976).

⁴¹⁶ *Серов Владимир Александрович* (1910–1968) — живописец, график, педагог; президент Академии художеств СССР (1962–1968), академик (1954); первый секретарь правления Союза художников РСФСР (1960–1968).

⁴¹⁷ Упомянутая среда приходилась на 2 дек. 1964 г.

⁴¹⁸ *Глазунов Илья Сергеевич* (1930–2017) — живописец, сценограф; народный художник СССР (1980). Стал известен после первой персональной выставки в Центральном Доме работников искусств в Москве (1957).

⁴¹⁹ *Герасимов Сергей Васильевич* (1885–1964) — живописец, педагог, доктор искусствоведения (1956), профессор; в 1958–1964 гг. — первый секретарь Правления Союза художников СССР. К тому времени он умер (20 апр. 1964 г.).

⁴²⁰ Наряду с писателями Л. М. Леоновым и О. В. Волковым, художниками П. Д. Коринным и Н. А. Пластовым, композитором Г. В. Свиридовым, директором Эрмитажа Б. Б. Пиотровским, академиками И. В. Петряновым-Соколовым и Б. А. Рыбаковым и дипломатом В. И. Кочемасовым, И. С. Глазунов выступил инициатором создания в июле 1965 г. Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

⁴²¹ Вероятно, здесь описка и подразумевается «год 1100-летия России», т. е. 1962-й.

⁴²² 5 (18) апр. 1904 г. И. П. Еремин родился, а 17 сент. 1963 г. его не стало.

⁴²³ А. Н. Белин — первый секретарь Василеостровского райкома КПСС.

⁴²⁴ *Корман Борис Ошерович (Осипович) (1922–1989)* — некрасовед, доктор филологических наук (1965), профессор (1967), заведующий кафедрой Борисоглебского пединститута, затем (с 1971 г.) Удмуртского университета. Б. Ф. дружил с Корманом с конца 1950-х гг. Тот надписал ему экземпляр 2-го издания своей книги «Лирика Некрасова» (Ижевск: Удмуртия, 1978): «Дорогому Борису Федоровичу дружески и с признательностью. 24/III-78 г. Б. К.».

Библиографический список

1. *Азадовский К., Егоров Б.* «Космополиты» // Новое литературное обозрение. 1999. № 2 (36). С. 83–135.
2. *Базанов В. Г.* Русские революционные демократы и народознание. Л.: Сов. писатель, 1974. 556 с.
3. *Бурсов Б.* Национальное своеобразие русской литературы. М.; Л.: Сов. писатель, 1964. 396 с.
4. *Виноградова Е. В.* Смирнов Михаил Михайлович. Фонд 856 // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2002 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 593–595.
5. *Дружинин П.* Пушкинский Дом под огнем большевистской критики // Новое литературное обозрение. 2011. № 4 (110). С. 202–213.
6. *Егоров Б. Ф.* Вечер с А. А. Ахматовой у Д. Е. Максимова (1964) // Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество / сост. и науч. ред. Г. М. Темненко. Симферополь: Крымский архив, 2010. С. 3–6. (Крымский Ахматовский науч. сб.; вып. 8).
7. *Егоров Б. Ф.* Воспоминания. СПб.: Нестор-История, 2004. 427 с.
8. *Егоров Б. Ф.* Воспоминания-2. СПб.: Росток, 2013. 384 с.
9. *Егоров Б. Ф.* Д. Е. Максимов — душевно самый близкий из учителей // Дмитрий Евгеньевич Максимов в памяти друзей, коллег, учеников: К 100-летию со дня рождения. М.: Наука, 2007. С. 21–28.
10. *Егоров Б. Ф.* Дневник за май — начало августа 1964 года / вступ. ст., подгот. текста и коммент. А. П. Дмитриева // Литературный архив советской эпохи. СПб.: Росток, 2020. Кн. 2. С. 427.
11. *Егоров Б. Ф.* Дневник за январь — начало мая 1964 года / вступ. зам., подгот. текста и примеч. А. П. Дмитриева // Острова любви БорФеда: сборник в честь 90-летия Б. Ф. Егорова / ред.-сост. А. П. Дмитриев и П. С. Глушаков. СПб.: Росток, 2016. С. 1010–1041.
12. *Егоров Б. Ф.* Жизнь С. А. Николаевой (типичное и личное). СПб.: Нестор-История, 2008. 33 с.
13. *Егоров Б. Ф.* Отзыв о докторской диссертации Н. И. Соколова «Русская литература и народничество» (1968) // Carte diem: профессору Александру Анатольевичу Карпову ко дню семидесятилетия / под ред. Е. Н. Григорьевой, Н. А. Гуськова, Н. А. Карпова, Е. М. Матвеева. СПб.: Росток, 2021. С. 402–408.
14. *Егоров Б. Ф.* Переписка Б. Ф. Егорова с Н. Я. Мандельштам // Звезда. 2015. № 11. С. 223–228.
15. *Егоров Б. Ф.* Циничный коммунист и хороший человек А. А. Васильев (1926–1977) // Звезда. 2008. № 2. С. 179–186.
16. *Ильф И. А.* Записные книжки, 1925–1937. М.: Сов. писатель, 1957. 216 с.

17. *Константинов А. П. Ф. Ф. Ильин-Раскольников*. Л.: Лениздат, 1964. 156 с.
18. *Ю. М. Лотман, З. Г. Минц – Б. Ф. Егоров*. Переписка, 1954–1993 / изд. подгот. Б. Ф. Егоров и А. П. Дмитриев, при участии Т. Д. Кузовкиной, Д. Э. Кузовкина и Н. В. Поселягина. СПб.: Полиграф, 2018. 720 с.
19. *Мартынов Г., Тимофеев А.* Пришлось писателю побывать в «психушке»...: в жизни Федора Абрамова было много ситуаций, когда надо было проявить мужество; одна из них произошла в 1969 году // *Правда Севера*. 2020. 22 июля. № 28. С. 8–9.
20. *Неизвестный В. Я. Пропп* / предисл., сост. А. Н. Мартыновой; подгот. текста, коммент. А. Н. Мартыновой, Н. А. Прозоровой. СПб. : Алетейя, 2002. 482 с.
21. [*Оксман Ю. Г.*]. Доносчики и предатели среди советских писателей и ученых // *Социалистический вестник*. Париж, 1963. № 5/6. С. 74–76; перепеч.: *Русская литература*. 2005. № 4. С. 161–163 (публ. В. Д. Рака).
22. *Эткинд Е.* Записки незаговорщика. London: Overseas Publications Interchange, 1977. 486 с.

ШУТОЧНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ О СОБАКЕ В РАБОЧИХ ТЕТРАДЯХ Т. Г. ГНЕДИЧ

(Публикация Е. В. Виноградовой)

Аннотация: В статье впервые публикуются два ранее не известных стихотворения поэта и переводчицы Т. Г. Гнедич. Рассказывается история их написания, связанная с различными событиями в ее жизни, приводятся отрывки из ее писем, хранящихся в Пушкинском Доме.

Ключевые слова: поэт, сын, семья, кошка, собака, рабочая тетрадь, стихотворения, письма, блокада Ленинграда.

Abstract: The article is the first to publish two previously unknown poems of the poet and translator T. G. Gnedich. The story of their writing associated with various events in her life is told; the fragments from her letters stored in the Pushkinsky Dom are given.

Keywords: poet, son, family, cat, dog, workbook, poems, letters, the siege of Leningrad.

В одной из анкет, которые в течение жизни часто приходилось заполнять Татьяне Григорьевне Гнедич — известной переводчице, поэту — есть ее любопытная запись в пункте «семейное положение»: «Моя семья состоит из тетушки, мужа и сына Анатолия, студента 3-го курса. Имею кошку и собаку в качестве членов семьи. 25 августа 1969».¹ Под двумя последними членами семьи подразумевались кот Фомка и собака Чалый, которого Гнедич купила в 1966 г. для сына Анатолия: он мечтал о большой служебной собаке. До этого времени собак у Татьяны Григорьевны никогда не было, но она их любила и подкармливала даже в заключении. Однако и у нее дома, и в ее стихах жили только кошки — вспомним ее пронзительное блокадное стихотворение «Кошка», в котором даже не кошка, а ее тень бродила зимним утром по квартире в поисках еды:

Время что-то медлило немножко:
Шли часы. И ночь как будто шла,
Но цепляясь — за косяк, за ножку,
За мечтанье, за узор стекла...

---

¹ РО ИРЛИ, ф. 810, оп. 1, № 80.

В середине ночи призрак — кошка
Мягко соскочила со стола.
Соскочила и пошла к окошку —
Посмотреть, как вьюга занесла...

И в густом молчанье слышно было,
Как она по комнатам бродила,
Нюхала кастрюльки и лари,
Как она заглядывала в крынки,
Двигала иссохшие корзинки
И лакала проблески зари.²

Держать дома собаку не было возможности: до войны Гнедич с матерью жили в коммунальной квартире, после войны — тюрьма, заключение, лагеря, затем скитания по съемным квартирам. Только в 1966 г., когда у писательницы появилась собственная квартира на Московской ул. в г. Пушкине, она позволила себе эту роскошь — иметь собаку, не для себя — для сына. И сразу начались небольшие проблемы. В архиве Т. Г. Гнедич в Пушкинском Доме сохранилось ее письмо в Ленинградский клуб служебного собаководства ДОСААФ:

«14-го января 1966 года мною, Гнедич Т. Г., был приобретен у Соколова О. Н. щенок восточно-европейской овчарки. Согласно инструкции, кличка щенка должна была начинаться на букву “Ч”».

Собака была названа кличкой “Чалый”. (Объяснение этого старинного совершенно русского слова можно найти в толковом словаре В. Даля.) <...> 14 февраля 1966 я получила от тов. Соколова О. Н. родословную карточку щенка и с удивлением узнала, что кличка, к которой собака уже привыкла, заменена кличкой “Чангил”. <...> Давая собаке кличку “Чалый”, я руководствовалась совершенно определенным принципом: назвать собаку простым и всем понятным хорошим русским словом. Даже кличку “Чарли” я не выбрала, т. к. считаю мещанством пристрастие к дешевой “иностранщине”, тем более странным представляется мне принять для собаки кличку, которая звучит до неузнаваемости испорченным иностранным словом. <...> На основании всего сказанного прошу в родословной карточке сделать соответствующую поправку. Т. Гнедич».³

Кличку оставили прежней, но трудностей прибавилось. О них 12 февраля 1966 г. Татьяна Григорьевна пишет стихотворение в своей рабочей тетради:

Я в том не вижу толка,
Что мы купили волка,
За 45 целковых
Купили эту тварь.

---

² Гнедич Т. Г. Этюды. Сонеты. Л.: Лениздат, 1977. С. 35. (В черновиках поэта есть вариант данного стихотворения, в котором предпоследняя строка звучит совсем по-другому: «ела мясо, двигала корзинки», — РО ИРЛИ, ф. 810, оп. 1, № 3.)

³ РО ИРЛИ, ф. 810, оп. 1, № 84.

Визжа, кусаясь, воя,
Весь дом лишив покоя,
По комнатам гуляет
Зубастый наш дикарь.
Дикарь живет в квартире,
А мы живем в сортире
И тряпкой вытираем
Плоды его трудов.
А мы, глядишь, и рады,
Что все страданья ада
Принять от этой твари
Любой из нас готов!⁴

О хулиганстве собаки Татьяна Григорьевна рассказывала и в своих письмах. Например, в письме от 11 сент. 1966 г. сыну Анатолию, находившемуся в тот момент в отъезде, она писала: «Здравствуйте, батюшка, Анатолий Григорьевич! Пишу Вам по просьбе Вашей о том, чтобы прописать, как тут дела. А дела тут плохо: Собак Ваш скучает и со скуки кушает термометры: сего дня, 11 сентября поутру найден был мною на полу опочивальни градусник, лишенный футляра, каковой в изгрызенном состоянии валялся тут же на близ расположенной половице!!! Какие божества, охраняющие четвероногих тварей, воспрепятствовали безвременной гибели Вашей Собаки — сие мне неведомо. <...> Окромя таких скуко-проявлений, оный Собак по вечерам (с 11 до часу ночи) воет и лает у дверей, за что Анастасию Дмитриевну,⁵ как Вам известно, чистейшую ярославку по группе крови, обозвали “пархатой жидовкой” <...> Не знаю уж теперь, как и быть нам, когда прибудет господарь Еткинд, Хаим Гершевич, коего уж действительно затруднительно принять за ярославца. В случае необходимости пока что тренируем Собака бросаться на антисемитов...»⁶

Несмотря на все сложности воспитания Чалого и его шалости, к нему привязалась вся семья, его полюбили, и Татьяна Григорьевна называла его в своих письмах самыми ласковыми именами: Чалуша, Чалка, Чалочка. Спустя два года, 20 июня 1968 г., в своей рабочей тетради она записала уже другое стихотворение:

Бедный милый мой пес!
Вотще ты метался и лаял,
Крепко в коленях зажат
Властным своим божеством.

⁴ РО ИРЛИ, ф. 810, оп. 1, № 9, л. 37.

⁵ *Макарова Анастасия Дмитриевна* (1904–1975) — подруга Гнедич, которую Татьяна Григорьевна называла «тетушкой». Они познакомились в заключении и после освобождения (Гнедич вышла на свободу в декабре 1954, Макарова — летом 1955 г.) поселились вместе.

⁶ РО ИРЛИ, ф. 810, оп. 1, № 123, л. 13. *Эткинд Ефим Григорьевич* (1918–1999) — переводчик, литературовед, большой друг Т. Г. Гнедич и ее семьи.

Т. Г. Гнедич с мужем Георгием Павловичем и питомцем Чалым около своего дома на ул. Васенко в Пушкине. <Начало 1970-х гг.>

Шприцем тебя уколол
Сахаров, лекарь собачий,
Дабы сбеситься не мог
Ты от великой жары!
Феб сребролучий, ответь,
Почему укололи собаку?
Цербер ведь тоже был пес,
Но его не колол Гиппократ! —
Ибо хранила его
Олимпийцев высокая дружба,
Ветеринар ни один
К нему подступиться не смог!⁷

⁷ РО ИРЛИ, ф. 810, оп. 1, № 9, л. 69.

В этом замечательном стихотворении, написанном вольным гекзамером, можно увидеть прямую отсылку к творчеству выдающегося родственника Т. Г. Гнедич, переводчика Гомера Николая Ивановича Гнедича, брат которого, Петр Иванович, приходился Татьяне Григорьевне прадедушкой. Николай Иванович тоже писал шуточные стихи, и одно из них, адресованное А. С. Пушкину на день рождения его дочери Марии, также хранится в Пушкинском Доме.⁸

В письмах Т. Г. Гнедич много трогательных «собачьих» историй. Например, в письме к Е. А. Говоровой, художнице,⁹ 9 января 1970 г. Гнедич рассказывала: «Печатаю Вам письмо, а правая рука у меня еще частично забинтована: в ночь Нового Года мой друг — Чалый — нечаянно укусил меня. Дело было так: в половине первого принесли поздравительную телеграмму, и Чалый бросился на почтальона. Мой благоверный, не подумав, бросился его оттаскивать, и он бросился на того, кто оттаскивал, т. е. на Егория.¹⁰ Вероятно, он оттаскивал слишком грубо. А я — в одно мгновение сообразила, что нельзя допустить, чтобы Чалый укусил Егория, т. к. это будет “ссора на всю жизнь”, — и... подставила свою правую руку. Если бы Вы видели, как испугался Чалый, когда понял, что нечаянно укусил меня! По ошибке! С него сразу сошла вся ярость! Он опустил уши и бросился зализовать мне руку. <...> А я только тревожилась, чтобы все поняли, как встревожен и огорчен Чалочка. И его никто не упрекнул и не наказал. Это очень хорошо получилось. А рука болела целую неделю и теперь еще один палец болит, а все прочее зажило — только шрамы остались. Анастасия Дмитриевна говорит, что это “от собачьей слюны”...»¹¹

В другом письме Говоровой у Татьяны Григорьевны Чалый — наоборот, великодушный спасатель: «Дело было так: Анатолий гулял в парке с Чалым. Вдруг этот черный зверь, от которого шарахаются пьяные “дядьки”, начал что-то осторожно разрывать в сугробе и... оторвал полузамерзшую птицу — не то щегла, не то простого воробья. Представьте себе: он умудрился своими могучими лапами отрывать так осторожно, как только почуял что-то “живое”, что ни капельки не повредил своему крошечному собрату. Анатолий принес птицу за пазухой. Мы его осторожно отогрели дыханьем. ... Теперь “оно” совсем осмелело: носится под потолком, чирикает, щебечет и “капает” сверху немножко. А его спаситель — Чалый — мирно спит на диване (его любимое место)».¹²

Все эти рукописные материалы Т. Г. Гнедич, хранящиеся в ее архиве, в очередной раз рассказывают нам, читателям, о необыкновенной,

⁸ См.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. [М.; Л.]: изд-во АН СССР, 1948. Т. 15. С. 22.

⁹ Говорова Елизавета Антоновна (1890–1974) — художник-график, сотрудница журнала «Простор» (Алма-Ата).

¹⁰ Егорий — Богданов Георгий Павлович, муж Т. Гнедич.

¹¹ РО ИРЛИ, ф. 810, оп. 1, № 131, л. 18–19.

¹² Там же, л. 15.

удивительной личности, в душе которой, несмотря на все жестокие испытания, всегда жили огромная доброта и любовь ко всему живому.

Пес Чалый умер в 1973 г., «тетушка» Анастасия Дмитриевна — в 1975-м. Уход этих нежно любимых «членов семьи» сказался на здоровье Татьяны Григорьевны, у которой и так был врожденный порок сердца и которой два раза пережито предынфарктное состояние. Если бы они были живы, возможно, и она бы не умерла 7 нояб. 1976 г. и увидела вышедший в свет в 1977 г. первый сборник своих стихов — «Этюды. Сонеты».

Библиографический список

1. *Гнедич Т. Г.* Этюды. Сонеты. Л.: Лениздат, 1977. 88 с.
2. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. [М.; Л.]: изд-во АН СССР, 1948. Т. 15. 392 с.
3. *Усова Г. С.* И Байрона в соавторы возьму: книга о Татьяне Григорьевне Гнедич. СПб.: ДЕАН, 2012. 240 с.

III. ИНФОРМАЦИЯ

**МАТЕРИАЛЫ В. П. ПОГОЖЕВА
В СОБРАНИИ М. С. ЛЕСМАНА
Фонд 840. Опись 36**

Владимир Петрович Погожев, сын инженера Министерства путей сообщения Петра Николаевича и Любови Алексеевны (урожд. Юдиной), родился 5 марта 1851 г. в посаде Гостинополье Новолодожского уезда. Начальное образование получил в Костромской гимназии, куда поступил в 1860 г. во второй класс, затем продолжил обучение в Санкт-Петербургской пятой гимназии.

В 1867 г. поступил в 1-е военное Павловское училище, где также успешно проходил обучение и в 1869 г. был произведен в подпоручики армии с прикомандированием к лейб-гвардии Семеновскому полку. При прохождении военной службы исполнял обязанности делопроизводителя и адъютанта штаба 1-й гвардейской пехотной дивизии.

В 1873 г. прослушал курс в Николаевской инженерной академии. Во время службы в полку занимался пением и участвовал в домашних спектаклях, был деятельным членом Петербургского музыкально-драматического кружка.

С 1877 по 1881 г. обучался в Военно-юридической академии, которую закончил с награждением чином штабс-капитана гвардии. Осенью 1881 г. Погожев был приглашен министром Императорского двора графом И. И. Воронцовым-Дашковым на службу в Дирекцию театров, с переименованием в гражданский чин коллежского асессора, для занятия в ближайшем будущем должности управляющего Петербургской конторой Императорских театров.

В новом качестве Погожев проявил незаурядные организаторские способности, разработал ряд утвержденных впоследствии проектов по реорганизации административной и хозяйственной части театров, встал во главе общей ревизии театрального дела и руководил работой комиссии по выработке реформы театров. Доклад Погожева об экономическом положении Дирекции Императорских театров был представлен имп. Александру III, утвержден им и послужил основанием для выделения значительных ассигнований на обновление монтажной части и необходимые строительные работы.

В 1882 г. Погожев был назначен на должность управляющего Петербургской конторой Императорских театров. По завершении рабо-

ты административно-хозяйственной комиссии он составил штат административной части и укомплектовал новые должности.

С 1884 г. по предложению Погожева было начато издание «Журнала распоряжений по театрам»,¹ как он сообщал в Автобиографии, «для неуклонного текущего услуживания хода исторической жизни театра в каждой из столиц».

В 1889 г. Погожев приступил к обработке архива Дирекции Императорских театров и привлек к участию в ней общественно-театрального деятеля и мецената, состоящего чиновником особых поручений при Дирекции, А. Е. Молчанова и помощника заведующего монтажной частью Александринского театра К. А. Петрова. В 1892 г. были изданы 4 тома «Архива Дирекции Императорских театров».² В этом же году, по желанию министра Императорского двора, Погожев составил и сдал в печать для конфиденциального издания «Экономический обзор деятельности Санкт-Петербургских театров после реформы 1882 г.».³ Он горячо подхватывал новые идеи по улучшению театральной жизни столиц, способствуя их воплощению (например, создание в обеих столицах театральных училищ по инициативе актера московского Малого театра, драматурга и педагога И. В. Самарина или публикацию «Ежегодника Императорских Театров»⁴ — первого государственного издания о театре, предложенного драматургом, историком искусства и театральным деятелем П. П. Гнедичем).

Погожев входил в комиссию по проведению торжеств в честь коронации имп. Николая II. В 1897 г. он был назначен управляющим делами Дирекции Императорских театров с передачей под его руководство московских театров и училища, также за ним были оставлены обязанности управляющего Петербургской конторой. Таким образом, служебная деятельность его распространилась помимо Петербурга и на Москву. Изучив состояние театрального дела в Москве, Погожев составил доклад и наметил основные направления преобразования мо-

---

¹ В Санкт-Петербургском государственном музее театрального и музыкального искусства хранятся «Журналы распоряжений по Императорским Московским театрам» за 1884—1890, 1904—1905 гг. и «Журналы распоряжений по Императорским Санкт-Петербургским театрам» за 1889—1917 гг. Подлинники: рукой ведущих журналы, гектограф и малотиражные печатные экземпляры. См.: Фонд рукописей и документов СПбГМТиМИ, ф. 65 (Собрание материалов по управлению Императорскими театрами), оп. 1.

² Архив Дирекции Императорских театров / сост. В. П. Погожев, А. Е. Молчанов, К. А. Петров. СПб.: изд. Дирекции Императорских театров, 1892. Вып. 1, отд. 1—3 и Азбучный указатель.

³ Погожев В. П. Экономический обзор десятилетия Императорских Санкт-Петербургских театров после реформы 1882 года. СПб.: изд. Дирекции Императорских театров, 1892. 96 с.

⁴ Ежегодник Императорских театров: изд. Дирекции Императорских театров. СПб.: тип. Санкт-Петербургских Императорских театров, 1892—1915. Т. 1—46.

сковских театров; таким образом, в новом качестве он курировал вывод из кризиса московских Императорских театров.⁵

Будучи автором проекта законодательства об Императорских театрах,⁶ и ближайшим помощником И. А. Всеволожского, возглавлявшего это ведомство, Погожев стал одним из наиболее влиятельных лиц в жизни Императорских театров на рубеже веков. В течение службы его неоднократно командировали за границу для знакомства с иностранными театрами. Он побывал в Вене, Праге, Берлине, Мюнхене, Франкфурте-на-Майне, Париже, Женеве, Милане, Венеции, Риме, Флоренции и Неаполе.

С 1900 г. Погожев постепенно отходит от административной работы в Императорских театрах, считая, что «золотой век» русского театра закончился, но по-прежнему оставался деятельным участником культурной жизни. Интересы его были разнообразны, в их число, например, входила история, в частности палеография, именно поэтому в 1904 г. он прослушал курс в Археологическом институте. В 1908 г. кавказский наместник гр. Воронцов-Дашков привлек Погожева к ознакомлению с экономическим положением Кавказа, в результате чего появился ряд статей о Кавказе, собранных и изданных им отдельной книгой.⁷ В том же году с согласия наместника Кавказа он разработал и составил проект «Статистической панорамы Кавказского края», переданный для осуществления во все области края.

По сведениям из Автобиографии, после революции Погожев в разное время и в разных учреждениях занимался статистической работой. В 1919 г. в Полтавском Отделе охраны старины и искусства «в качестве консультанта-каталогизатора, установил систему учета, классификации и регистрации предметов искусства, собранных в Полтавщине». В 1923 г. был приглашен для статистической работы в экспедицию по обследованию сначала московского, а затем ленинградского железнодорожных узлов, принимал участие в статистических работах по колонизации Северного края. В 1928–1929 гг. занимался каталогизацией в Музее путей сообщения,⁸ в 1930–1931 гг. — в библиотеке Музея города.⁹

Но эти, по-видимому, временные работы не умалили интереса Погожева к истории театра. В 1924 г. были изданы его мемуары

---

⁵ См.: Погожев В. П. Столетие организации Императорских московских театров. (Опыт исторического обзора). СПб.: тип. Глав. упр. Уделов, 1906–1908. Вып. 1. Кн. 1–3.

⁶ См.: Погожев В. П. Проект законоположений об Императорских театрах. СПб.: тип. Глав. упр. Уделов, 1900. Т. 1–3.

⁷ Погожев В. П. Кавказские очерки. СПб.: тип. Главн. упр-ния уделов, 1910. 552 с. На обложке: «За завесой тумана (Кавказские очерки)».

⁸ Ныне Центральный музей железнодорожного транспорта Российской Федерации.

⁹ Ныне Государственный музей истории Санкт-Петербурга.

о П. И. Чайковском,¹⁰ в периодике появилось несколько публикаций из театрального прошлого, а также написаны воспоминания о Д. М. Григоровиче, из истории театральной цензуры, очерк о петербургских театрах, статьи «Императорские театры» и «Авторское право» для «Энциклопедического словаря Всесоюзного театрального общества».

В 1935 г. на волне сталинской чистки после убийства С. М. Кирова Погожев был выслан из Ленинграда в село Володарка Северо-Казанской области. В ссылке он сохранил коллекцию рисунков Всеволожского и продолжал работать над воспоминаниями о жизни русского театра в 1880—1890-е гг.¹¹ По сведениям находившейся с ним в ссылке жены, Марии Михайловны Погожевой (урожд. Тауберт), скончался В. П. Погожев 12 нояб. 1935 г. от воспаления легких.¹²

Материалы из архива В. П. Погожева были переданы в Рукописный отдел ИРЛИ РАН в 1994 г. в составе первого поступления документов из собрания М. С. Лесмана его вдовой Н. Г. Князевой (см.: Кн. пост. 1994, № 20).¹³

Среди рукописных фондов Пушкинского Дома личного архива В. П. Погожева нет. В архивах других лиц Рукописного отдела хранятся несколько писем Погожева к театральным деятелям, литераторам и артистам: В. П. Буренину и А. С. Суворину (Ф. 36, оп. 2, № 362; 1884), А. Ф. Кони (Ф. 134, оп. 3, № 1324; 1907), Л. П. Майкову (Ф. 166, оп. 3, № 817; б. д.), С. И. Смирновой-Саоновой (Ф. 25, № 188; 1902); П. А. Стрепетовой (Сигн. 9278; 1886—1887), а также одно письмо к нему Н. Ф. Арбенина (наст. фам. Гильдебрандт) (Р. I, оп. 1, № 52; 1899).

---

¹⁰ Погожев В. П. Воспоминания о П. И. Чайковском // Чайковский. Воспоминания и письма / под ред. И. Глебова. Пг.: Гос. акад. Филармония, 1924. С. 13—38; Воспоминания о П. И. Чайковском / предисл. В. Протопопова. Изд. 1-е. М.: Музгиз, 1962. С. 69—132; То же. Изд. 2-е. М.: Музыка, 1973. С. 176—234; То же. Изд. 3-е. 1979. С. 177—235.

¹¹ Силуэты театрального прошлого: И. А. Всеволожский и его время / сост. А. В. Ипполитов, ред. Н. Ю. Духавина, коммент. Е. С. Молчановой. М.: Кучково поле, 2016. 240 С. <Автор не обозначен>. См. рец.: *Магин И.* Силуэты театрального прошлого // Музыкальное обозрение. 2016. № 10. С. 403—404.

¹² Помимо документов описи, в биографической справке использованы следующие материалы: *Пилюгин А. А.* Организационно-творческие проблемы Императорских театров России второй половины XIX века: реформы 1882 года. А. к. д. по ВАК РФ 17.00.01 кандидата искусствоведения. М., 2003. (Эл. ресурс: <https://www.dissercat.com/content/organizatsionno-tvorcheskie-problemy-imperatorskikh-teatrov-rossii-vtoroi-poloviny-xix-veka>; дата обращения: 30 марта 2020 г.); *Сологян А. А.* Театральная реформа 1882 г. и ее влияние на финансово-экономическое положение Императорских драматических театров России в 80—90-е гг. XIX в. // Вестник РУДН. Серия: История России. 2009. № 4. С. 137—148.

¹³ См. также: Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана: Аннотированный каталог. Публикации / М. С. Лесман, Н. Г. Князева, Н. Г. Захаренко и др. М.: Книга, 1989. С. 312.

Личные фонды В. П. Погожева имеются в архивохранилищах: РГАЛИ, ф. 833, 50 ед. хр.; 1882–1931; ГЦТМ им. А. А. Бахрушина, ф. 211, 7 ед. хр.; 1882–1920-е; НИИТМК, ф. 448, 207 ед. хр.; 1878–1939.

В результате НТО оп. 36 — «Погожев Владимир Петрович. Творческие материалы; документы к биографии и по деятельности; переписка; материалы других лиц в собрании М. С. Лесмана (1871–1989)» — сформировано 103 ед. хр., включенных в одну опись и систематизированных по четырем разделам.

Раздел 1 «Творческие материалы» содержит 7 ед. хр. за 1932–1933 гг. с автографами различных работ В. П. Погожева о деятельности Российского театрального общества, по вопросам организации и законодательства театров и другим вопросам театрального дела.

Раздел 2 «Документы к биографии и по деятельности» 1893–<1989> гг. состоит из двух подразделов.

Подраздел 2.1 «Документы к биографии» (1901–<1989>) включает три ед. хр. за 1933 г. с автобиографическими документами и пять ед. хр. за 1901–<1989> гг. с документами о фондообразователе, в том числе единицу хранения с ранней редакцией статьи «Погожев Владимир Петрович», подготовленной для издания аннотированного каталога «Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана» одним из составителей, скорее всего, Н. Г. Захаренко.

Подраздел 2.2 «Документы по деятельности» содержит три ед. хр. за 1893–1902 гг. с деловыми письмами сотрудников театров и Общества для пособия нуждающимся сценическим деятелям, адресованными Погожеву.

В раздел 3 «Переписка» вошли 64 ед. хр. за 1880–1933 гг.: одна из них — с двумя письмами В. П. Погожева к уполномоченному Ленинградского отделения Театрального общества А. А. Голубеву и актеру и режиссеру Пашковскому Донату (наст. имя Николай) Христофоровичу, остальные 63 ед. хр. — с письмами разных лиц к Погожеву — расположенные в алфавите фамилий корреспондентов.

В разделе 4 «Материалы других лиц» содержится 21 ед. хр. с материалами разных лиц за 1871–1916 гг., выстроенными по схеме личного фонда: единица хранения с документами по деятельности актрисы З. В. Холмской за 1894–1902 гг.; две ед. хр. с официальными письмами Совета Императорского русского театрального общества и министра Императорского двора гр. В. Б. Фредерикса; две ед. хр. с фотографиями актера московского Малого театра С. В. Шумского и актеров театра В. Ф. Комиссаржевской в сценических образах, а также 16 ед. хр. с письмами разных лиц к разным лицам, расположенными в алфавите корреспондентов.

Е. М. Аксененко

ВАРВАРА ВАСИЛЬЕВНА ТИМОФЕЕВА**Фонд 425**

Варвара Васильевна Тимофеева (псевдонимы О. Починковская, Анна Стацевич, В. Т—ва-Починковская, В. Тимофеева-Починковская) — писательница, мемуаристка. Родилась 30 января 1850 г. в семье офицера, дивизионного обер-аудитора. Отец Василий Тимофеевич родом из Нижегородской губернии, мать Анна Семеновна (урожд. Стацевич) — потомственная дворянка Бежецкого уезда Тверской губернии (усадьба Боловино-Починки).

Образование: Московское Усачевско-Чернявское заведение для девиц, Тверская Мариинская женская гимназия. В 1869 г. сдала экзамен при Виленском Педагогическом совете на право преподавания в качестве домашней учительницы русского языка и словесности.

Литературную деятельность начала в 1869 г. с переводов, опубликованных в журнале «Огонек» (перевод рассказа Ги де Мопассана «В семье») и газете «Виленский вестник» (перевод рассказов Чарльза Диккенса «Бал в Новой Англии» и Г. Сенкевича «Янко-музыкант»). В этой же газете началась и ее корректорская работа.

В 1872 г. Тимофеева переехала в Петербург. С 1872 по 1875 г. — корректор в типографии А. И. Траншеля (журнал «Всемирная иллюстрация») и параллельно в 1873—1874 гг. — в еженедельнике «Гражданин» (под редакцией Ф. М. Достоевского). В 1873 г. вела отдел хроники в сатирическом журнале «Искра» (редактор В. С. Курочкин). С 1876 г. перешла в типографию Э. Гоппе. С 1886 по 1911 г. Тимофеева работала в типографии М. М. Стасюлевича на должности ответственного корректора журнала «Вестник Европы».

Годы работы в типографиях имели решающее значение для всей ее последующей литературной жизни. С приобщением к писательской среде, к интеллигенции и передовым течениям общественной мысли формировалось ее мировоззрение и литературные вкусы. По своим общественным взглядам она была последовательницей А. И. Герцена, сторонницей республиканской формы правления, принадлежала к кругу революционных демократов, группировавшихся вокруг «Отечественных записок».

Занятиям литературой Тимофеева посвящала все свободное время. В 1878 г. в журнале «Слово» под псевдонимом Анна Стацевич издана повесть «Идеалистка» (была переведена на немецкий язык для газеты «Herold»), получившая разноречивые рецензии и критические заметки.

Взяв новый псевдоним «В. Т-ва—Починковская», в 1900 г. опубликовала повесть «Очерки прошлого» (в рукописи — «Выморочные»), о которой Л. Н. Толстой сочувственно отозвался: «Это одно из тех истинно художественных произведений, которые открывают в том, что давно видишь, новые невиданные и прекрасные вещи».¹ Продолжение этих очерков вышло в 1902 г. в виде повести «В шестидесяти годах», опубликованной в журнале «Новое дело».

Значительное место в литературном наследии занимают воспоминания, часто основанные на дневниковых записях, которые Тимофеева вела всю жизнь (в фонде представлены только поздние дневники). Ею описаны отдельные эпизоды из творческой жизни писателей, с которыми она общалась. В 1904 г. в журнале «Исторический вестник» были напечатаны воспоминания о Ф. М. Достоевском «Год работы с знаменитым писателем», а в 1908 г. в журнале «Минувшие годы» — о Г. И. и А. В. Успенских, с публикацией писем писателя к жене.

В 1890-е и 1900-е гг. Тимофеева была активным членом Русского женского взаимно-благотворительного общества, Философского общества при Императорском Санкт-Петербургском университете, очень любила посещать театр, оперу, музыкальные вечера. Летом 1902 г. ей удалось совершить турне по Германии и Швейцарии. О личной жизни Тимофеевой известно немного: была натурой страстной и увлекающейся, среди ее поклонников были писатель И. Ф. Красковский, князь Н. П. Долгоруков. Замужем она, по всей видимости, не была, достоверных упоминаний о муже в ее фонде не обнаружено, единственный ребенок умер в младенчестве. Ошибочные сведения о несчастливом замужестве в 1900—1902 гг. за писателем М. Г. Майковым и проживании в Калужской губернии приведены в ее биографии в издании «Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников» (М., 1964. Т. 2. С. 123) на основании писем некоей В. Тимофеевой к жене журналиста и критика П. В. Быкова, Р. И. Быковой, хранящихся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки. Тщательное изучение этих писем, сопоставление с иными источниками (перепиской этого периода) свидетельствуют, что автор писем — однофамилица В. В. Тимофеевой. Эта ошибка встречается во всех последующих упоминаниях о ней, включая и шестой том словаря «Русские писатели».²

Здесь же стоит упомянуть об еще одной неточности, идущей от издания И. Ф. Масанова «Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей»: Тимофеевой, названной *Верой* Васильевной, ошибочно приписан псевдоним «Вера Родендорф».³ Соответственно, повесть последней «За себя и за других» (Книжки недели.

¹ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М.; Л.: Гос. изд-во, 1933. Т. 72. С. 462.

² Русские писатели, 1800—1917: биографический словарь / гл. ред. Б. Ф. Егоров. СПб.: Нестор-История, 2019. Т. 6: С—Ч. С. 210.

³ Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей / ред. Б. П. Козьмин. М.: Изд-во Всесоюз. книжной палаты, 1960. Т. 4. С. 469.

1882. № 10—12) появилась в списке работ Тимофеевой.⁴ Это заблуждение легко опровергается сохранившимися в архиве списками опубликованных работ, составленными самим автором, а также наличием в фонде письма писательницы Веры Родендорф к Тимофеевой.

Переписка Тимофеевой свидетельствует о тесных связях с многочисленными членами семьи: ее младшими сестрами Ольгой и Евгенией, братом Николаем и родственниками по материнской линии.

В связи с расстроенным непрерывной работой здоровьем и ослабевшим зрением Тимофеевой с ноября 1908 г. М. М. Стасюлевич начинает хлопотать о назначении ей персональной пенсии, обращаясь в Постоянную комиссию для пособия нуждающимся ученым, литераторам и публицистам при Императорской Академии наук.⁵ Постоянной пенсии добиться не удалось. Проблемы со здоровьем и желание всецело отдаться литературе побудили ее все же оставить должность корректора «Вестника Европы», чему способствовало и известие о возможности пансионерского проживания в Колонии для престарелых литераторов имени А. С. Пушкина в селе Михайловском Опочецкого уезда Псковской губернии. В апреле 1911 г. Тимофеева узнала об этом от подруги М. Н. Стоюниной, которая, вступив в переписку с В. В. Философовым, почетным попечителем Колонии литераторов, помогла ей с оформлением необходимых документов и рекомендаций. 28 мая 1911 г. было подписано уведомление в Постоянную комиссию, что Тимофеева зачислена в число призываемых.

В Михайловском жила с июля 1911 по конец 1917 г. В 1913 г. в «Вестнике Европы» была опубликована ее статья «Памяти М. М. Стасюлевича». В 1916 г. в «Историческом вестнике» помещена повесть «У чужих алтарей». Все время проживания в Колонии Тимофеева вела дневниковые записи, которые сформировались позднее в уникальные воспоминания «Шесть лет в селе Михайловском. (Из записных тетрадей 1911—1917)».

В ноябре 1917 г. представителями новой власти были захвачены все дворянские имения в округе, Михайловское — 1 декабря (18 ноября по старому стилю). Тимофеева до середины декабря еще оставалась в здании уже бывшей Колонии для престарелых литераторов, а потом была вынуждена переселиться в соседнюю деревню Воронич. О февральских разгромах и поджогах усадеб узнали в Петрограде из письма Тимофеевой, опубликованного в газете «Наш век», куда его передала М. Н. Стоюнина. Сама писательница свидетелем разгрома и сожжения Михайловского не была, однако в ее архиве сохранилась сделанная ее рукой запись о разгроме пушкинской усадьбы со слов учительницы из деревни Зимари.⁶

⁴ Русские писатели, 1800—1917: биографический словарь. С. 210.

⁵ РО ИРЛИ, ф. 540, оп. 2, № 1417, л. 1—2.

⁶ Опубликовано: см. Кошценко И. В. Революционное Михайловское глазами В. В. Тимофеевой // Русская литература. 2017. № 3. С. 104.

В Ворониче Тимофеева жила до августа 1920 г., в связи с приглашением ее на место заведующей библиотекой-читальней им. А. С. Пушкина переехала в Святые Горы. Все это время она крайне бедствовала, выживая с помощью денежных переводов от частных лиц (в том числе сестры Евгении) и временных пособий от Комитета Литературного фонда и Академии наук. В этом же году, после переписки с Н. А. Котляревским, Тимофеева передала рукопись «Шесть лет в селе Михайловском» на хранение в Пушкинский Дом.

С июня 1920 г. писательница состояла членом союза работников просвещения Опочецкого уезда, стала одним из первых членов общества по охране «Пушкинского уголка», инициировала восстановление разоренного «домика няни» – единственной постройки, сохранившейся со времен поэта. Читала лекции, водила экскурсии к могиле Пушкина. Продолжала вести свои дневниковые записи. В газетах «Новые дни», «Псковский набат» и журнале «Вестник литературы» вышли ее статьи: «Среди памятников былых вдохновений», «Судьба и гений Пушкина», «Пушкинская годовщина». В 1922 г. по просьбе Управления народного образования ею написан путеводитель «Пушкинский уголок – прежде и теперь», который оставался неопубликованным до недавнего времени.⁷ К сожалению, работа библиотекарем в невыносимо тяжелых условиях (отсутствие пригодного помещения, отопление, света, постоянного питания) окончательно подорвала ее здоровье, а в результате несчастного случая – перелома правой руки осенью 1921 г. – она лишилась должности. Летом и осенью 1922 г. Варвара Васильевна набело переписала свои воспоминания 1918–1921 гг., находясь в Святогорской больнице (после перелома руки четыре года жила в кабинете врача – до сентября 1925 г.).

С 1923 г. Тимофеева числилась по разряду безработных (билет № 738 – не сохранился), подавала заявления в местный Отдел социального обеспечения, прошла медкомиссию в Опочке, признавшую ее инвалидность, но по разным причинам так и не получила права на поддержку ее в старости. В середине июня 1923 г. в Петрограде Тимофеева участвовала во Всероссийском совещании по вопросу о дальнейшей судьбе «Пушкинского уголка», куда была приглашена для изложения ее мнения по этому вопросу. Она принимала участие в торжествах по поводу столетия ссылки поэта в Михайловское (с 14 по 16 сентября 1924 г.), во время которых познакомилась с первым президентом Академии наук СССР А. П. Карпинским. 19 сентября 1924 г. была принята во Всероссийский союз писателей, а 29 июля 1925 г. в «Вечерней Красной газете» появилась заметка о том, что она представлена к персональной пенсии.

⁷ Тимофеева В. В. «Пушкинский уголок» прежде и теперь: Путеводитель / публ., подгот. текста, вступит. ст. и коммент. И. В. Кошценко // «...Я могу творить»: сб. ст. Сельцо Михайловское: Пушкинский заповедник, 2017. С. 174–219. (Серия «Михайловская пушкиниана»; вып. 69).

В сентябре 1925 г. престарелая писательница с помощью В. М. Никифоровского, бывшего первого директора Пушкинского заповедника, ее друга и «душеприказчика», как она сама его называла, перебралась в Ленинград.

Первоначально (до декабря 1925 г.) Тимофеева пребывала в Детскосельском санатории научных работников, а затем какое-то время жила в семье Никифоровских. В записных книжках есть ее свидетельство, что 13 мая 1926 г. ей была присвоена первая группа инвалидности (инвалид труда: корректор) и выдана пенсионная книжка за № 8071 (не сохранилась). С 1926 г. состояла в Обществе друзей государственного заповедника «Пушкинский уголок», продолжала переписываться с псковскими друзьями и коллегами по восстановлению «Пушкинского уголка». В 1929 г. совершенно ослепшая Тимофеева была помещена в дом престарелых у Смольного (ул. Домбала, д. 2/4, так называемый «дом хроников»), где и скончалась в феврале 1932 г. Похоронена на Охтинском кладбище. Могила не сохранилась.

Архив поступил в Пушкинский Дом 30 июня 1929 г. (см. Кн. пост. 1929 г., № 991). Передать сюда архив летом 1925 г. Тимофееву уредила Н. М. Гаршина, вдова писателя В. М. Гаршина. Для того, чтобы вывезти рукописи и книги из Пушкинских Гор в Ленинград, Тимофеева обратилась за помощью в Пушкинский Дом, который оплатил их доставку. С 1925—1929 гг. архив временно был оставлен у Тимофеевой. В Пушкинский Дом передан В. М. Никифоровским.

Дополнений к фонду не поступало.

Основная часть архива представляла собой россыпь. В 1930-е гг. часть материалов выборочно разобрала М. Г. Кричинская, дочь Г. И. Успенского, дружба с семейством которого связывала Тимофееву с 1890-х гг. Ею были атрибутированы лишь некоторые письма и творческие рукописи, а также была составлена предварительная опись этой части материалов, которая как единица хранения помещена в конце описи № 3 документов фонда В. В. Тимофеевой. Научно-техническая обработка фонда в соответствии с современными требованиями была проделана в 2010—2017 гг.: формирование единиц хранения, составление заголовков, систематизация материалов, составление описи. Материалы, описанные М. Г. Кричинской, были систематизированы по современным нормам. Большую часть архива составляют письма (более 450 адресатов и корреспондентов), атрибуция и систематизация которых заняла значительное время обработки, так как они находились в россыпи (например, начало или окончание письма могли быть в разных архивных коробах). Множество писем с неразборчивыми подписями требовали тщательной атрибуции, сверки почерков, датировок и т. п.

Материалы, в первую очередь творческие, представлены практически в полном объеме и в хорошей степени сохранности.

К фонду присоединены три единицы хранения: поступившая в 1920 г. рукопись В. В. Тимофеевой «Шесть лет в селе Михайловском. (Из записных тетрадей 1911–1917)» (прежний шифр — № 14487), ее письмо к В. М. Федорову-Курганову от 9 авг. 1924 г. (прежний шифр — Р. I, оп. 31, № 113) и фотопортрет В. В. Тимофеевой с дарственной надписью Сергею Алексеевичу и Елизавете Михайловне Алексеевым (прежний шифр — Р. I, оп. 1, № 375).

В процессе научно-технической обработки было установлено, что в 1930-е гг., в период предварительной обработки, из фонда № 425 были изъяты некоторые материалы и присоединены к фондам: М. Е. Салтыкова-Щедрина (письмо Тимофеевой — ф. 366, оп. 6, № 78) и Г. И. Успенского (письма Г. И. Успенского к Тимофеевой и копии писем ее рукой — ф. 313, оп. 2, № 81 и 82); для одной из выставок Литературного музея ИРЛИ в 1933 г. был взят фотопортрет Н. А. Демерта, присоединенный впоследствии к фондам музея (№ И 48423).

На основании упоминаний Тимофеевой о личной библиотеке, большую часть которой она подарила читальне им. А. С. Пушкина пос. Святые Горы, были предприняты неоднократные попытки разыскать оставшиеся книги, привезенные в Ленинград. В результате этих поисков в библиотеке ИРЛИ обнаружены книги из личной библиотеки В. В. Тимофеевой, в том числе с дарительными надписями от философов, писателей, литературоведов. Эти издания были выделены из ее архива и переданы в библиотеку для хранения, вероятнее всего, уже сотрудниками Рукописного отдела. Список этих книг составляет заключительную единицу хранения фонда В. В. Тимофеевой.

Материалы В. В. Тимофеевой имеются в разных фондах Рукописного отдела, в том числе: К. К. Арсеньева, А. Ф. Кони, М. К. Лемке, Е. А. Ляцкого, В. С. Миролубова, М. И. Писарева, М. М. Стасюлевича, Г. И. Успенского.

Дополнений к фонду не ожидается.

В результате научно-технической обработки сформировано 834 ед. хр. за 1846–1933; 2018 гг. Они включены в три описи: опись 1 «Творческие материалы; документы к биографии; документы по деятельности», опись 2 «Переписка», опись 3 «Документы родственников и других лиц».

Первый раздел *описи № 1*, включающий научные труды и творческие материалы, состоит из четырех подразделов, разделенных по жанрам:

Подраздел 1.1 включает романы и повести. Каждая жанровая группа располагается по хронологии.

В подразделе 1.2 с переводами, заметками, статьями и публикациями документы расположены в хронологическом порядке.

Подраздел 1.3 открывает речь, затем следуют доклады и лекция, выстроенные по хронологии.

В подразделе 1.4 представлены воспоминания и дневники творческого характера. Отдельным блоком выделена часть документов «Воспоминания о селе Михайловском (1911–1923)», поскольку они представляют особую ценность и являются единым хронологическим блоком в ее творческой деятельности. Материалы в каждом из подразделов расположены по хронологии.

Во втором разделе «Документы к биографии» шесть подразделов:

Подраздел 2.1 содержит автобиографии, прошения и заявления в различные учреждения, библиографию работ, материалы о зачислении Тимофеевой в Колонию им. А. С. Пушкина в с. Михайловском, ее визитные карточки. Каждая группа документов выстроена по хронологии.

В подразделе 2.2 представлены дневники с записями биографического характера, записные книжки и отдельные листы с записями изречений знаменитых людей, выписками по разным темам из различных источников. Сюда также вошли записи лекций, записи духовно-религиозного характера, псковского фольклора. Все материалы расположены в хронологическом порядке. За *** в конце подраздела помещены подборки газетных вырезок.

Подраздел 2.3 «Документы имущественно-хозяйственного и бытового характера» составляют документы по делам о продаже имения, расписки о снимаемых комнатах, разного рода уведомлений, квитанции, почтовые переводы, записи бытового характера, документы о переезде из Пушкинских Гор в Ленинград. Единицы хранения этого подраздела систематизированы по тематическому признаку. Для всех групп материалов соблюдена хронология.

Подраздел 2.4 содержит стихотворения, посвященные В. В. Тимофеевой, и отзывы о ее произведениях, расположенные в алфавите авторов.

В подразделе 2.5 «Фотографии» представлены ее портреты индивидуальные, групповые, а также видовые фотографии (2.5.1). И особо выделены в подраздел фотографии разных лиц с дарительными надписями Тимофеевой (2.5.2). Материалы расположены по хронологии.

Подраздел 2.6 «Изобразительные материалы: афиши, почтовые открытки, газетные вырезки и др.» содержит в основном тематически объединенные единицы хранения, а также ряд разнохарактерных материалов: папка с засушенными цветами, географические карты. Внутри каждой группы материалы расположены в хронологическом порядке.

Материалы третьего раздела «Документы по деятельности» систематизированы по пяти тематическим группам в зависимости от рода профессиональной или общественной деятельности, а внутри этих групп (подразделов) использован хронологический принцип.

В подраздел 3.1 «Переписка по изданию произведений В. В. Тимофеевой» входит в основном ее переписка с издательствами, редакторами, расположенная в алфавите адресатов и корреспондентов. Письма В. В. Тимофеевой представлены черновиками. За *** вынесена едини-

ца хранения с документами и перепиской по делу о выплате гонорара за публикацию ее повести «В шестидесятих годах».

Далее следуют два подраздела, связанных с ее работой корректором: 3.2 «Документы по деятельности в редакциях, издательствах, типографиях» и 3.3 «Документы по деятельности в типографии М. М. Стасюлевича и переписка», работа в которой является длительным и значительным этапом в ее профессиональной биографии. Здесь представлена деловая переписка, которую вела Тимофеева от имени типографии, и корректуры с ее правкой. Материалы расположены по хронологии, а в переписке — в алфавите адресатов и корреспондентов.

Завершают раздел подразделы 3.4 с разнообразными материалами по общественной деятельности Тимофеевой в «Пушкинском уголке» Псковской губернии и 3.5 с документами по ее деятельности в общественных организациях Петербурга/Ленинграда. В них единицы хранения сформированы в большинстве своем по тематическому признаку и расположены внутри комплексов по хронологии. В разделах также соблюдается хронологический принцип.

Опись № 2 «Переписка» состоит из двух подразделов: письма В. В. Тимофеевой к разным лицам и письма к ней. Единицы хранения выстроены в алфавите адресатов и корреспондентов. Письма В. В. Тимофеевой представлены черновиками, особые случаи оговорены. В конце описи помещены письма неустановленных лиц в порядке алфавита имен и инициалов, визитные карточки лиц, письма которых отсутствуют в фонде, а также письма из учреждений по разным вопросам в хронологическом порядке.

Большой массив документов родственников и других лиц составил *опись № 3*. Опись состоит из восьми разделов, материалы расположены по степени родства: материалы родителей Тимофеевой, ее брата Николая и сестер Ольги и Евгении, а также дяди Николая Стацевича и тети Елизаветы Стацевич. Самыми многообразными являются материалы разделов 1.3 и 1.5: научные труды Н. С. Стацевича, дневниковые записи О. В. Тимофеевой, документы об их образовании, портреты и переписка. Материалы родственников выстроены по общему принципу систематизации архивного фонда (творческие рукописи, документы к биографии, документы по деятельности, переписка по алфавиту адресатов и корреспондентов).

Основной объем документов подраздела 1.8 «Документы других лиц» систематизировался по авторскому признаку. Некоторые ед. хр. представляют собой комплекс разнородных незначительных по объему материалов одного лица, систематизированный по принципу строения личного фонда. Например, в одной ед. хр. могут быть творческие рукописи, биографические документы (фотографии), документы по деятельности или малочисленная переписка. Материалы других лиц представлены в алфавите персоналий. За *** вынесены материалы («мемории») неустановленных лиц.

И. В. Кощиченко

ГРИГОРИЙ ЯКОВЛЕВИЧ БАКЛАНОВ

Фонд 767

Григорий Яковлевич Бакланов (наст. фам. Фридман) — писатель, драматург, сценарист, редактор журнала «Знамя». Родился 11 сентября 1923 г. в Воронеже в семье служащего Якова Минаевича Фридмана (1893—1933) и зубного врача Иды Григорьевны Кантор (1892—1934). После смерти родителей воспитывался в семье сестры матери Берты Григорьевны и Давида Борисовича Зелкиндов.

В 1940 г. Г. Я. Бакланов поступил на 2ой курс Воронежского авиатехникума. Летом 1941 г. проходил практику на 18 авиационном заводе, где делались штурмовики «Ил-2». С началом Великой Отечественной войны стремился попасть на фронт.

В 1941 г. погибает брат Г. Я. Бакланова — Ю. Я. Фридман, бывший добровольцем в московском ополчении. В 1942 г. погибает двоюродный брат Ю. Д. Зелкинд. Своим братьям Бакланов посвятил повесть «Южнее главного удара».

В августе 1943 г. оканчивает 2-е Ленинградское артиллерийское училище и получает звание младшего лейтенанта. Не случайно, в большинстве повестей Бакланова действуют артиллеристы: как отмечает Л. Оборин, «артиллерийское мастерство в книгах Бакланова можно сравнить с делом машиниста в рассказах Платонова».¹

С осени 1941 г. по 1945 г. Бакланов воюет на Северо-Западном, Юго-Западном, 3^{-м} Украинском фронтах Великой Отечественной войны. В 1944 г. участвует в весеннем наступлении на Украине, в Молдавии, Румынии и Венгрии (бои за город Секешфехервар). Заканчивает войну начальником разведки артдивизиона.² Встречает Победу в Австрии: А. Ласкина в середине 1970-х гг. вспоминала, что «пять лет назад, накануне Дня Победы в “Л<итературной>Г<азете>” была воспроизведена фотография — лейтенант Григорий Бакланов и его однополчане, такие же юные, как он, сфотографировались в Австрии в сорок пятом перед расставанием».³ Австрийские фотографии Бакла-

¹ Оборин Л. О Григории Бакланове // Знамя. 2010. № 5. С. 195.

² Каурова Г. К. Бакланов // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги: биобиблиографический словарь: в 3 т. Т. 1. М., 2005. С. 154.

³ Ласкина А. Я. В подкованных пудовых сапогах // Ласкина А. Я. Остаться в памяти: Беседы и встречи. М., 1991. С. 52. Описание фотографии передает и А. Бочаров в: Бочаров А. Талант — это ответственность // Бочаров А. Г. Экзаменует жизнь. М., 1985. С. 5.

нова с сослуживцами отложились и в фонде писателя в Пушкинском Доме. В декабре 1945 г. писатель был демобилизован. Награжден орденом «Отечественной войны 1 степени» и орденом «Красной Звезды».

Начало литературной деятельности относится к 1945 г., когда Бакланов написал свой первый рассказ в Болгарии. С 1946 по 1951 г. учится в Литературном институте в семинаре К. Г. Паустовского. На третьем курсе был отправлен в командировку в Чувашию, чтобы написать очерк. В своих мемуарах Бакланов вспоминал: «Очерк напечатали на первой полосе “Литературной газеты”, я был приглашен к Симонову, главному редактору, меня ввели к нему в кабинет, я был поощрен и обласкан. И вновь командировка, на этот раз — в заволжские степи, вновь мой очерк на первой полосе».⁴ Писатель экспериментирует с деревенской прозой (повесть «В Снегирях», 1954), печатает рассказы в журналах «Октябрь», «Смена», «Огонек» (первый опубликованный рассказ — «Выговор» (Крестьянка. 1951. № 1), под фам. Фридман).

С конца 1950-х гг. Бакланов обращается к военной теме, которая станет основной в его творчестве. Наряду с Ю. В. Бондаревым, К. Д. Воробьевым, В. В. Быковым, В. А. Курочкиным и др. он был отнесен ко «второй волне» прозаиков, создававших «литературу лейтенантов». В журн. «Знамя» (1958. №1) публикуется его повесть «Южнее главного удара» — первоначальное название «Девять дней» (отд. изд. — М.: Советский писатель, 1958) — о боях под Секешфехерваром. В январе 1959 г. заканчивает повесть «Пядь земли» (Новый мир. 1959. № 5—6). В 1961 г. выходит повесть «Мертвые сраму не имут», в 1965 г. — роман «Июль 1941 года» (Знамя. 1965. № 1—2), в 1966 г. — повесть «Карпухин» (1966).

В 1970-е гг. Бакланов работает над романом «Друзья» (1975). После длительного периода «мирной» прозы о судьбе своего поколения бывших фронтовиков писатель возвращается к военной теме в повести «Навеки девятнадцатилетние» (Октябрь. 1979. № 5; Роман-газета. 1980. № 10). За последнюю он получил Государственную премию СССР.

Отдельным направлением творческой деятельности Бакланова была его работа в кино. Писатель выступил в качестве автора сценариев к фильмам «Чужая беда» (1960, реж. Я. Б. Фрид), «Горизонт» (1961, реж. И. Е. Хейфиц), «Пядь земли» (1964, реж. А. С. Смирнов⁵ и Б. Яшин), «Был месяц май» по одноименному рассказу (1970, реж. М. М. Хуциев), «Салют, Мария!» (1970, реж. И. Е. Хейфиц). С А. Н. Сокуровым написал сценарий «Разжалованный».

⁴ Бакланов Г. Я. Жизнь, подаренная дважды // Бакланов Г. Я. Собр. соч.: в 5 т. М., 2012. Т. 5. С. 114.

⁵ А. Смирнов был также режиссером телеспектакля по повести Г. Я. Бакланова «Карпухин» (1967).

Бакланов был также успешным драматургом, активно сотрудничал с Театром на Таганке и Ю. М. Любимовым. Вместе с последним была создана пьеса «Пристегните ремни» (1975). Бакланов — автор пьес «Чем люди живы» (опубл.: Театр. 1976. № 9), «Навеки девятнадцатилетние» (опубл.: Советский театр. 1985. № 2), «В городе Н» (1984), «Почем фунт лиха» (1984), «Я и мы» (опубл.: Театр. 1986. № 6) и др.

В 1980—1990-е гг. Бакланов пишет произведения «Меньший среди братьев» (1981), «И тогда приходят мародеры» (1995), «Мой генерал» (1999), мемуаристику и публицистику. В 2006 г. выходит очерк Бакланова «Кумир», полемически направленный на фигуру А. И. Солженицына.

С 1986 по 1993 г. Бакланов занимал пост главного редактора журнала «Знамя». По воспоминаниям писателя, «случилось это после VIII съезда писателей, он проходил парадно, все политбюро во главе с Горбачевым сидело в президиуме...», «закончился VIII съезд писателей, и Сергею Залыгину предложили стать редактором журнала “Новый мир”, мне — редактором “Знамени”». ⁶ С 1993 г. до начала 2000-х гг. состоял членом правления Фонда «Культурная инициатива» Дж. Сороса. ⁷

Бакланов умер 23 декабря 2009 г. в Москве.

В январе 1976 г. Дирекция Института русской литературы обратилась к Г. Я. Бакланову с предложением о создании его рукописного фонда. Переговоры с писателем вела Л. И. Кузьмина, которой Бакланов в письме предложил передать черновики повести «Мертвые сраму не имут». Первое поступление материалов состоялось в феврале 1976 г. Фонд продолжал пополняться в 1977, 1978 и 1979 гг. В ноябре 1977 г. в ИРЛИ АН СССР поступили творческие материалы к произведениям «Июль 41 года», «Южнее главного удара». В апреле 1979 г. к архиву присоединились черновые рукописи повести «Навеки девятнадцатилетние». В передаче материалов Бакланова в Пушкинский Дом принимала участие Т. С. Царькова.

Следующее значительное пополнение фонда Г. Я. Бакланова состоялось в 2016—2017 гг. Дочь писателя Александра Попофф передала в дар Пушкинскому Дому письма А. И. Солженицына, А. Н. Сокурова, И. Е. Хейфица, фотографии, на которых Г. Я. Бакланов присутствует с Д. А. Граниным, В. П. Астафьевым, А. Т. Гладилиным, Р. Рейганом и др. Были переданы в архив творческие материалы, связанные с работой писателя в кино и театре — сценарии и пьесы, афиши и программки, репертуар Театра на Таганке, пригласительные билеты на спектакли, фотографии постановок («Почем фунт лиха»). В 2018 г. в ИРЛИ РАН проводилась конференция, посвященная 95-летию со дня рожде-

⁶ Бакланов Г. Я. Путь кремнистый // Бакланов Г. Я. Входите узкими вратами. М., 1996. С. 217, 222.

⁷ О работе на посту главного редактора журн. «Знамя» и о Дж. Соросе см.: Бакланов Г. Я. Подводя итоги: главы из книги // Знамя. 1997. № 10. С. 8—63.

ния Г. Я. Бакланова.⁸ На ее открытии Александра Поповф преподнесла Пушкинскому Дому записную книжку писателя.

Научно-техническая обработка фонда осуществлялась в 2016—2020 гг. и велась в соответствии с современными требованиями: материалы были систематизированы, затем сформированы единицы хранения и составлены заголовки и опись.

Опись включает в себя шесть разделов: творческие материалы, биографические документы и документы о деятельности, переписку, материалы родственников и материалы других лиц, а также материалы на электронных носителях. В первый раздел вошли материалы к произведениям «Июль 1941 года», «Южнее главного удара», «Мертвые сраму не имут», «Навеки девятнадцатилетние». Подраздел «Рассказы» представлен машинописными вариантами произведений 1980-х гг. В подраздел «Киносценарии» (1962—1988) вошли «Пядь земли», «Разжалованный», «Открытие» и «Свет вечерний». В подраздел «Драматические произведения» включены пьесы «Твой ближний», «Чем люди живы», «Почем фунт лиха», «В городе Н», «Навеки девятнадцатилетние», «Я и мы», «Свет вечерний». В подразделе «Статьи. Публицистика» хранится вызвавший резонанс очерк «Кумир» с пометами автора. В фонде также содержатся отклики читателей на это эссе.

Раздел «Биографические документы и документы о деятельности» включает характеристики на Г. Я. Бакланова, данные ему в Литературном институте, автобиографии, удостоверения, записные книжки писателя, вырезки из газет на русском, английском, французском, немецком и финском языках о творчестве Бакланова, афиши и программки спектаклей по его пьесам и др.

Фотографии писателя и других лиц (брата Ю. Я. Фридмана, жены Э. А. Баклановой и детей М. Г. Бакланова и А. Г. Поповф; А. Т. Гладилина, И. Е. Хейфица, С. П. Залыгина и др.), фото со съемок фильма «Пядь земли», спектакля «Почем фунт лиха» и др.

Раздел «Переписка» представлен письмами И. Е. Хейфица, А. И. Солженицына, А. Н. Сокурова, У. Франсиса, Д. Братанова, Б. Гедин и др.

Архивные материалы Г. Я. Бакланова хранятся в РГАЛИ (Москва) — образован личный фонд № 3297, материалы также представлены в фондах № 613, 618, 1234, 2453, 2468, 2485; в ГЛМ (Москва), куда наследниками писателя были переданы мемориальные вещи и книги с автографами и др.; фотографии, подборка фронтовых писем и материалы, касающиеся антисемитизма, находятся в Еврейском музее и Центре толерантности (Москва). Часть материалов писателя есть в архиве Международного Мемориала в Москве.⁹

Н. В. Семенова

⁸ Валерьева (Семенова) Н. В., Царькова Т. С. Международная научная конференция «Законы войны — законы памяти» // Русская литература. 2019. № 1. С. 254—255.

⁹ Эл. ресурс: <https://grigorybaklanov.com/архивная-и-музейная-информация/> Дата доступа: 01.12.2020.

АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВНА ЛОЗАНОВА

Р. V, фонд 18

Лозанова Александра Николаевна родилась в г. Балашове Саратовской губернии 21 мая 1896 г. После окончания в 1924 г. Этнолого-лингвистического отделения Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского была оставлена для подготовки к научно-преподавательской работе на кафедре русского языка и литературы, где впоследствии работала в 1927—1930 гг. В те же годы была секретарем секции Краевой художественной литературы и языка Нижневолжского областного научного общества краеведения.

В 1930 г. переехала в Ленинград в связи с поступлением в аспирантуру Института по изучению народов СССР АН СССР (научный руководитель Н. М. Маторин). В 1935 г. Александре Николаевне была присуждена ученая степень кандидата филологических наук без защиты диссертации. В 1933—1934 гг. Лозанова была научным сотрудником Фольклорной секции (с 1934 г. — комиссии) Института антропологии, этнографии и этнологии АН СССР. В 1938 г. А. Н. Лозанову командировали в Карельский НИИ культуры (г. Петрозаводск) для заведования Сектором фольклора, в 1940 г. она вернулась на работу в Отдел фольклора ИРЛИ (бывшую Фольклорную комиссию).¹

Во время Великой Отечественной войны жила в блокадном Ленинграде и работала в военном госпитале. В 1942 г. вместе с другими сотрудниками ИРЛИ была эвакуирована в столицу Татарской АССР, работала в госпиталях Казани.²

В 1945 г. вернулась в ИРЛИ, где работала ведущим научным сотрудником Отдела фольклора, участвовала в коллективных трудах Отдела, занималась изучением исторических песен XVII—XIX вв. и фольклора советской эпохи. В 1926—1949 гг. принимала участие в фольклорных экспедициях в Саратовскую область, на Северный Кавказ и в Ленинградскую область.

А. Н. Лозанова — автор более 40 научных работ, среди которых «Народные песни о Степане Разине»,³ «Песни и сказания о Разине

¹ В 1939 г. Фольклорная комиссия, преобразованная в 1938 г. в Отдел фольклора народов СССР, была включена в состав ИРЛИ.

² После реэвакуации А. Н. Лозанова была представлена к наградам, получила медали «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в Великой Отечественной Войне 1941—1945 гг.».

³ Народные песни о Степане Разине / сост., вступ. ст., коммент. А. Н. Лозановой. Саратов, 1928.

и Пугачеве»,⁴ а также коллективные труды: «Народное творчество Карело-Финской ССР. Записи 1937–1938 гг.»,⁵ «Пугачев в Среднем Поволжье и Заволжье»,⁶ «Очерки русского народно-поэтического творчества советской эпохи»,⁷ «Русские народные песни о крестьянских войнах и восстаниях»,⁸ «Исторические песни XVII века».⁹

Александра Николаевна Лозанова скончалась 15 октября 1968 г. в Ленинграде.

О биографии А. Н. Лозановой см.: *Астахова А. М.* А. Н. Лозанова: некролог // *Русский фольклор*. Л., 1971. Т. 12. С. 321–323; Лозанова А. Н. // *Пушкинский Дом: материалы к истории, 1905–2005*. СПб., 2005. С. 472.

В ноябре 1931 г. из Фольклорной секции Института по изучению народов СССР были переданы две работы библиографического характера, написанные А. Н. Лозановой, а также экспедиционные записи, сделанные ею во время поездки на Северный Кавказ.

Научные труды А. Н. Лозановой (статьи об исторических песнях о Степане Разине, Захаре Григорьевиче Чернышеве, Емельяне Пугачеве, статьи к коллективным изданиям «Исторические песни XVII в», «Новые записи исторических песен» и др.), рецензии на них, написанные А. М. Астаховой, А. Д. Соймоновым, П. Г. Ширяевой и др., а также материалы других лиц были переданы в архив из Отдела народнопоэтического творчества ИРЛИ после смерти фондообразователя в 1968 г. в составе других материалов, точную дату этого поступления указать невозможно.

В 1930-х гг. была сформирована коллекция «Материалы экспедиции ИПИНа на Северный Кавказ» (Р. V, коллекция 18), две ранние работы А. Н. Лозановой входили в состав «Коллекции отдельных поступлений» (Р. V, коллекция 1, папка 3, № 2, 4; папка 10, № 18–21). В 2019 г. документы личного архива ученого были присоединены к коллекции 18, в состав фонда вошли также работы фондообразователя, выделенные из коллекции 1.

---

⁴ Песни и сказания о Разине и Пугачеве / вступ. ст., ред. и примеч. А. Н. Лозановой. М.; Л., 1935.

⁵ Народное творчество Карело-Финской ССР: записи 1937–1938 гг. / подгот. текстов, вступ. ст. и примеч. К. В. Чистова, под ред. А. Н. Лозановой. Петрозаводск, 1940.

⁶ Пугачев в Среднем Поволжье и Заволжье: народное творчество, отрывки из литературных произведений, исторические документы / сост. А. Н. Лозанова; под общ. ред. проф. М. Н. Мартынова. [Куйбышев], 1947.

⁷ Очерки русского народно-поэтического творчества советской эпохи / под ред. А. М. Астаховой и др. М., Л., 1952.

⁸ Русские народные песни о крестьянских войнах и восстаниях / сост. Б. М. Добровольский и А. Д. Соймонов, общ. ред. и вступ. ст. А. Н. Лозановой, муз. ред. Ф. В. Соколов. М.; Л., 1956.

⁹ Исторические песни XVII века / изд. подгот. О. Б. Алексева, Б. М. Добровольский, Л. И. Емельянов, А. Н. Лозанова и др. М.; Л., 1966.

В результате научно-технической обработки сформировано 59 единиц хранения, которые составляют одну опись и распределены по четырём разделам.

Первый раздел составляют научные труды А. Н. Лозановой и коллективные работы 1921—1966 гг., а также подготовительные материалы к ним.

В отдельный подраздел выделены подготовительные материалы к неустановленным и неопубликованным работам о фольклоре Гражданской и Великой Отечественной войн (выписки, черновые наброски и тексты фольклорных произведений разных жанров).

Второй раздел — тексты произведений устного народного поэтического творчества, записанные А. Н. Лозановой в ходе экспедиций 1926—1949 гг. в бывшем Вольском уезде Саратовской губ. (ныне Саратовская обл.), Прохладненском р-не Кабардино-Балкарской республики, Белореченском р-не Краснодарского края, Лужском и Бокситогорском р-нах Ленинградской обл.

В третий раздел вошли немногочисленные материалы о фондообразователе: отзывы и рецензии на работы А. Н. Лозановой, расположенные в алфавите авторов.

Сюда же, в связи с малым количеством документов, отнесены пригласительные билеты на вечера встреч с карельскими писателями, единственная сохранившаяся фотография Николая Николаевича Лозанова, отца фондообразователя, и детская фотография ее сына Александра, а также письмо А. Н. Лозановой, адресованное И. А. Сарайкину. Они следуют за ***.

Заключительный раздел состоит из документов научного и биографического характера, связанных с именами ленинградских ученых Н. П. Андреева, В. А. Кравчинской, В. И. Чернышева, расположенных в одном алфавитном ряду, а также документов неустановленных авторов (статья «Советская частушка», комментарий к текстам сказок, записанных в Ленинградской области, с кратким описанием сюжета и вариантов). Замыкает раздел работа об отражении разинского движения в фольклоре с приложением карты «Крестьянская война под предводительством Разина в Среднем Поволжье, сентябрь 1670 — январь 1671», составленной К. Кудряшовым.

Я. В. Нагорная

КОЛЛЕКЦИЯ РОМАНА РОБЕРТОВИЧА ГЕЛЬГАРДТА **Р. V, коллекция 291**

Роман Робертович Гельгардт родился 3 (16) сентября 1906 г. в Москве. Окончив школу, он поступил на литературный факультет Государственного института слова, а после ликвидации этого учебного заведения перешел в Тверской (ныне Калининский) государственный педагогический институт на отделение языка и литературы.

Об Р. Р. Гельгардте как собирателе практически ничего не известно. Вероятно, он был участником экспедиций 1920-х гг. в Тверскую губернию, организованных Ю. М. Соколовым. Научная деятельность Р. Р. Гельгардта началась в 1926 г. с доклада о фольклоре Тверской губернии, прочитанного в Фольклорной секции Государственной академии художественных наук. Позднее этот доклад был опубликован под названием «Очерк истории собирательских работ по фольклору Тверской губернии» в «Известиях Тверского государственного педагогического института» (1928. Вып. IV). Материалы данной коллекции, собранные в Ярославской губернии и подготовленные к изданию, были результатом той же экспедиции. Годом позднее, в 1929 г., в этом же издании вышла статья, написанная по материалам дипломной работы Р. Р. Гельгардта «К изучению языка и стиля народных рассказов Л. Н. Толстого» (вып. V).

После окончания института Роман Робертович был оставлен при кафедре русского языка. Его языковедческой работой руководил заведующий кафедрой член-корреспондент АН СССР Н. М. Каринский, фольклористической деятельностью — академик Ю. М. Соколов.

В 1930 г. Р. Р. Гельгардт вернулся в Москву и до 1936 г. был научным сотрудником первого разряда Государственного исторического музея. В то же время он исполнял обязанности заместителя директора по научной части Московского областного музея, был ученым секретарем Центрального научно-исследовательского института краеведения при Наркомпросе РСФСР, ответственным исполнителем при Президиуме Коммунистической Академии ЦИК СССР и старшим научным сотрудником Центрального комитета нового алфавита при Совете национальностей ЦИК СССР. Параллельно Р. Р. Гельгардт состоял членом Московской диалектографической комиссии, возглавляемой Н. М. Каринским.

В 1936 г. Р. Р. Гельгардт переехал в Ленинград для научной работы в Институте языка и письменности АН СССР и в течение пяти лет состоял старшим научным сотрудником этого института. В 1941 г. по приказу «О выселении из Ленинграда и области социально опасных лиц» Р. Р. Гельгардт как немец по национальности был депортирован в г. Фрунзе Киргизской ССР.

До 1944 г. он работал на кафедре русского языка Киргизского государственного педагогического института. В 1944 г. был избран заведующим кафедрой русского языка Пермского государственного педагогического института. В 1950—1960-х гг. сотрудничал с Пермским отделением Союза советских писателей, консультировал молодых авторов, рецензировал рукописи и книги уральских писателей, выступал с докладами на областных писательских конференциях.

Согласно Положению о паспортах, введенному в действие Советом народных комиссаров 10 сент. 1940 г. с инструкциями к применению, касающимся ограничений режима прописки, Р. Р. Гельгардту было запрещено проживать в крупных городах. Его многочисленные попытки снять ограничения не увенчались успехом, только в 1960-х гг. благодаря ходатайству академика В. В. Виноградова ему удалось переехать в Калинин (ныне Тверь) и устроиться работать сначала доцентом кафедры русского языка, затем профессором кафедры общего языкознания Калининского педагогического института. По инициативе Р. Р. Гельгардта с 1968 г. при институте стал работать Лингвистический кружок (первоначальное название — Калининское лингвистическое общество), в заседаниях которого участвовали многие известные филологи.

В это же время Р. Р. Гельгардт был включен в состав Научного совета по фольклору при Отделении литературы и языка АН СССР. Был участником IV Международного съезда славистов, проходившего в Москве в 1958 г. и VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук в 1964 г.

Скончался Роман Робертович Гельгардт 10 дек. 1982 г. в Твери.

Круг научных интересов Р. Р. Гельгардта был необыкновенно широк, ему принадлежит книга и около 100 статей по стилистике литературы и фольклора, орфоэпии, этимологии русского языка, истории лингвистических учений и др. Его монография «Стиль сказов Бажова»¹ является одним из первых опытов комплексного изучения произведений художественной литературы в области литературоведения, фольклористики и языкознания.

О биографии Р. Р. Гельгардта см.: *Бархударов С. Г.* Предисловие // *Гельгардт Р. Р.* Избранные статьи. Калинин, 1966. С. 3—18; *Клюев Е.* Роман Робертович Гельгардт: границы академической свободы // *Гельгардт Р. Р.* Исследование стиля художественной речи: теоретические основы. М., 2011. С. 3—15.

---

¹ *Гельгардт Р. Р.* Стиль сказов П. П. Бажова: очерки. Пермь, 1958.

Записи фольклора, сделанные Романом Робертовичем Гельгардтом, были приобретены у вдовы ученого в 1987 г.

Материалы ученого хранятся также в Государственном архиве Тверской области (ГАТО, ф. Р-1970).

В 2019 г. в Рукописном отделе ИРЛИ была сформирована «Коллекция Гельгардта Романа Робертовича (фольклор деревни Никитино Троицкой волости Ростовского уезда Ярославской губернии)», в которую вошли записи, сделанные во время комплексной экспедиции МГУ.

В результате научно-технической обработки было сформировано 6 единиц хранения, которые составляют одну опись и один раздел.

Единственный раздел описи образует неопубликованный сборник Романа Робертовича Гельгардта «Песни, обряды, сказки, приметы, заговоры и проч., записанные в д. Никитино Троицкой вол., Ростовского уезда Ярославской губ., собранные летом 1926 г.», за которым следуют единицы хранения с жанровыми подборками текстов произведений народного устно-поэтического творчества и первоначальный вариант примечаний к ним. Замыкают раздел черновые наброски к статье о диалектологических особенностях публикуемых текстов. Материалы расположены в соответствии со структурой сборника, обозначенной в «Оглавлении», подготовительные материалы к каждой части издания образуют самостоятельную единицу хранения.

Я. В. Нагорная

КОЛЛЕКЦИЯ КАЛМЫЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Р. V, коллекция 292

В коллекцию вошли материалы студенческой фольклорной практики 1976 г., организованной кафедрой русской и зарубежной литературы филологического факультета Калмыцкого государственного университета в Вёшенский (ныне Шолоховский) и Боковский районы Ростовской области, где находятся поселения донских казаков. Работа велась в станицах Вёшенская и Базки, на хуторе Плешаковский Вёшенского района, а также в станице Кургинская Боковского района.

В экспедиции 1976 г. принимали участие студенты: Н. Андреева, Л. Башта, С. М. Благова, Л. Бондаренко, Н. А. Васькина, Н. Г. Грауберг, Г. Джигалова, Л. Колесникова, Е. Курганская, Н. Малова, Д. Н. Манджикова, В. Мудрак, Н. Проценко, В. Н. Свиная, В. Терентьева, Л. Царёва, Л. Черноиванова, Г. Эрдниева. Сведений о руководителях экспедиции материалы коллекции не содержат.

Результатом обследования стали записи фольклора разных жанров: песни, романсы, краткое описание свадебного обряда, частушки, пословицы, поговорки, рассказы об обычаях казаков, мемораты о встречах с М. А. Шолоховым и его родителями, фотографии исполнителей и местных жителей. Экспедиционные материалы представлены перебеленными полевыми записями (сведения о наличии магнитофонных записей, сделанных в ходе экспедиции, отсутствуют). К записям фольклора прилагается опись материалов, составленная собирателями. Студенты, работавшие в станицах Базки (Г. Джигалова, В. Мудрак, Н. Проценко) и Вёшенская (Н. Андреева, Е. Курганская, Л. Черноиванова, В. Чуб) писали полевые дневники, которые вошли в состав коллекции.

Материалы, связанные с фольклором донских казаков, включены в другие коллекции Фольклорного собрания: Р. V, к. 64 «Песни донских казаков» (собрание А. П. Митрофанова); Р. V, к. 152 (собрание П. И. Ковешникова); Р. V, к. 239 (собрание И. Я. Рокачёва-Вёшенского); Р. V, к. 289 (коллекция Чечено-Ингушского государственного педагогического университета (фольклор терских и донских казаков)).

В Рукописный отдел Пушкинского Дома материалы Калмыцкого государственного университета поступили приблизительно в 1980-х гг. и состояли из 13 папок с записями фольклора разных жанров. Единич-

цы хранения были сформированы и систематизированы по отрядам экспедиций. Записи фольклора атрибутированы (указаны дата и место записи текстов, имена исполнителей и собирателей). Каждую единицу хранения сопровождала внутренняя опись материалов.

В результате научно-технической обработки фонда сформировано 16 единиц хранения, которые составляют одну опись и распределены по трем разделам в соответствии со схемой систематизации.

Первый раздел включает в себя единицы хранения с записями произведений устного народного поэтического творчества различных жанров. Материалы сформированы собирателями и следуют согласно имеющейся нумерации.

Заключительный раздел образуют полевые дневники экспедиции и фотографии исполнителей фольклора, материалы расположены в хронологии.

Я. В. Нагорная

КНИГИ ИЗ СОБРАНИЯ Б. Я. ФРЕЗИНСКОГО И АВТОГРАФЫ НА КНИГАХ, ПОДАРЕННЫХ И. Г. ЭРЕНБУРГУ, ОТ КОТОРЫХ ОСТАЛИСЬ ЛИШЬ ТИТУЛЬНЫЕ ЛИСТЫ И ФОРЗАЦЫ

В Ежегоднике Рукописного отдела на 2018–2019 гг. была помещена статья Б. Я. Фрезинского «И. Г. Эренбург и его ближайшее окружение в свете инскриптов на книгах, переданных в дар ИРЛИ». За истекший период от уважаемого дарителя в Рукописный отдел пришли еще два поступления из книг, в основном подаренных самому Борису Яковлевичу, с инскриптами на них. Это собрание дополняет первое поступление в Рукописный отдел и представляет собой яркую, интересную литературу в основном последнего времени. К материалам, связанным с именем И. Г. Эренбурга, следует отнести листы с инскриптами, изъятые из книг, которые, вероятно, по каким-то причинам И. Г. Эренбург не хотел хранить дома. К сожалению, не все авторы писали на титульных листах, некоторые — на форзацах, из-за чего идентифицировать книгу и однозначно установить ее библиографическое описание бывает затруднительно. Названия нескольких таких «выдранок» мы можем определить только предположительно, а в отдельных случаях — не можем. Два автографа французских писателей не поддаются расшифровке, названия книг не указаны. Часть книг Б. Я. Фрезинский подарил библиотеке и музею ИРЛИ, они не вошли в данную публикацию, но мы надеемся продолжить эту тему в дальнейшем.

Список книг публикуется в алфавитном порядке авторов и названий, но в случае, если тематически однородный материал попадает в разные места, мы его объединяем. Так, книги о М. А. Волошине и его произведения стоят на фамилию поэта; книги К. М. Азадовского и книги, вышедшие под его редакцией, также объединены; то же самое — с работами А. Ю. Арьева и М. Ю. Евсевьева.

Азадовский К. М.

Николай Клюев: путь поэта. — Л.: Сов. писатель, 1990. — 336 с.

Автограф: «Дорогому Боре Фрезинскому — дружески К. <подпись>. СПб., 13.IV.94».

Серебряный век. Имена и события: избранные работы. — СПб.: Изд-во Пушкинского Дома; Нестор-История, 2015. — 512 с., ил. — (Современная русистика; Т. 3).

Автограф: «Дорогому Борису Фрезинскому — старые изделия в новой оправе, дружески 25 февраля 2016 г. К. А.»

<Азадовский К. М., публ.>

Марк Азадовский, Юлиан Оксман: переписка, 1944–1954 / изд. подгот. К. Азадовский. — М.: Новое лит. обозрение, 1998. — 410 с.

Автограф: «Дорогому Боре Фрезинскому на добрую память от К. <подпись> СПб. 25 августа 1998 г.».

Константин Бальмонт — Ивану Шмелеву: письма и стихотворения, 1926–1936 / сост., вступ. ст., коммент. К. М. Азадовского, Г. М. Бонгард-Левина; Отд. ист-филол. наук РАН. — М.: Наука; Собрание, 2005. — 431 с., ил.

Автограф: «Дорогому Боре Фрезинскому — с неизменными чувствами. 10.02.2006. СПб. К. А.».

Клюев Н. А. Письма к Александру Блоку, 1907–1915 / публ., вводная ст. и коммент. К. М. Азадовского. — М.: Прогресс-Плеяда, 2003. — 368 с., 48 с. ил.

Автограф: «Дорогому Боре Фрезинскому — дружески. К. А. 23.04.2003».

Марина Цветаева и Райнер Мария Рильке: переписка / подгот. К. Азадовский. — 2-е изд. — СПб.: ЭГИДА, 1999. — 398 с.

Автограф: «Боре Фрезинскому — дружески. К. Азадовский. СПб., 17.12.2000».

Алексеев А. А.

Диалог с книгой / сост. и общ. ред. А. Дмитренко. — СПб.: Вита Нова, 2005. — 80 с., 115 ил.

Автограф: «Дорогому Борису Яковлевичу Фрезинскому в надежде на продолжение дружбы, и на начало совместной работы. 6 февраля 2007 г. (в день приобретения автографа Вагинова)».

Алексеева М. И.

Как жаль, что так поздно, Париж! рассказы, повести, стихи. — СПб.: Пушкинский фонд, 1999. — 496 с.

Автограф: «Борису Фрезинскому — с любовью во все времена. Магда 10/VI—99 г.».

Моченые яблоки: повести, рассказы. — М.: Сов. писатель, 1989. — 352 с.

Автограф: «Боре Фрезинскому, с которым мы вместе дожили до нынешних времен. Магда 14/III.90 г.».

Попытка вспомнить: Мемуары. — СПб.: Геликон Плюс, 2008. — 236 с.

Автограф: «Боря! Ты знаешь, какой ты для меня любимый друг. Магда 4/VI—2008 г.».

Попытка вспомнить // Знамя. — 2007. — № 9. — С. 176—192.

Автограф: «Боре с благодарностью за время, осмысленное вместе. С любовью. Магда. 26.X 07 г.».

Аллен Луи

Этюды о русской литературе: статьи / предисл. автора; оформ. худож. Т. Панкевич. — Л.: Худож. лит., 1989. — 160 с.

Автограф: «Борису Яковлевичу Фрезинскому на добрую память и в надежде на будущее сотрудничество в “Логосе” СПб 23/XI/93 Louis Allain».

Вложение: визитная карточка Луи Аллена.

Ананьич Б. В.

И. И. Толстой и петербургское общество накануне революции. — СПб.: Лики России, 2007. — 175 с., ил.

Автограф: «Дорогому Борису Яковлевичу с неизменным уважением и дружески 07 05 08 Б. Ананьич».

Ананьич Н. И.

Воспоминание о детстве. — СПб.: Лики России, 2009. — 192 с., ил.

Автограф: «Борису Яковлевичу с предписанием: “После прочтения — сжечь!”, дабы не засорять Фонд Вашей библиотеки сочинительными сочинениями “женского рукоделия”. С приветом Нина Ив. 6.11.2010 г. <подпись>».

Анциферов Н. П.

Из дум о былом: воспоминания / вступ. ст., сост., примеч. и аннотир. указ. имен А. И. Добкина. — М.: Феникс; Культурная инициатива, 1992. — 512 с., ил.

Автограф: «Милому Борису Фрезинскому с любовью в память об одной из последних встреч. 11.08.97 г. <подпись А. И. Добкина>».

Арьев А. Ю.

Жизнь Георгия Иванова: документальное повествование. — СПб.: журн. «Звезда», 2009. — 488 с., 24 с., ил.

Автограф: «Дорогому Борису Яковлевичу Фрезинскому — далеко не об Эренбурге, но с давней симпатией! Сердечно! 11 сент. 2009 СПб.».

Вложения: листки с заметками.

О речи, начатой весной // Wiener Slawistischer Almanach 2007. — Bd. 59. — S. 559—576. — (Archiv und anfang / Festschrift fur I. P. Smirnov).

Автограф: «Дорогому Борису Яковлевичу Фрезинскому — приложение к его “мозаике”. Сердечно! 16.I.2009 Арьев А.».

<Арьев А. Ю., сост.>

Георгий Иванов — Ирина Одоевцева — Роман Гуль: тройственный союз: переписка 1953—1958 годов / публ., сост., коммент. А. Ю. Арьева и С. Гуаньелли. — СПб.: Петрополис, 2010. — 632 с., ил.

Автограф: «Дорогому Борису Яковлевичу Фрезинскому — собрание мрачных глав, но сердечно! Андрей Арьев. 3.XI.2010 СПб.».

Астафьева Н. Г.

Гордость. — М.: Сов. писатель, 1961. — 110 с.

Автограф: «Борису на память о чтении стихов. 7.IV.62. с хорошими чувствами Н. Астафьева».

Ачильдиев С. И.

Постыжение Петербурга. — СПб.: НИКА, 2006. — 208 с.; ил. — (Б-ка Всемирн. клуба петербуржцев).

Автограф: «Борису Яковлевичу Фрезинскому, с самой искренней симпатией, при повороте от заочного знакомства к очному. Сергей Ачильдиев 7.05.2007 СПб.».

Ашимбаева Н. Т.

Достоевский. Контекст творчества и времени. — СПб.: Серебряный век, 2005. — 288 с.

Автограф: «Дорогому Борису Фрезинскому — очень дружески! Нат. Ашимбаева 21.09.2005».

Ашимбаева Н. Т., Бирон В. С.

Музей Достоевского в Санкт-Петербурге: путеводитель / худож. А. В. Теплов. — СПб.: Бояныч, 2002. — 112 с., ил., цв. вклейка.

Автограф: «Дорогому Боре Фрезинскому с добрыми пожеланиями и самой искренней симпатией. Нат. Ашимбаева. 24.04.03».

Багно В. Е.

Под абсурдинку—2 / предисл. Б. Аверина. — СПб.: Акад. проект, 2003. — 78 с.

Автограф: «Дорогому Борису Яковлевичу с благодарностью за поддержку».

Под абсурдинку—3 / предисл. Ж. Нива. — СПб.: Акад. проект, 2005. — 56 с.

Автограф: «Дорогому Борису Яковлевичу с искренней симпатией».

Под абсурдинку—4 / предисл. Ю. Пирютко. — СПб.: Акад. проект, 2007. — 44 с.

Автограф: «Дорогому Борису Яковлевичу на доброе чтение <подпись>».

Базилевский А. Б.

Юлиан Тувим: биобиблиографический указатель / Всесоюз. гос. б-ка иностр. лит.; сост. и авт. вступ. ст. А. Б. Базилевский. — М.: ВГБИЛ, 1989. — 208 с.

Автограф: «Борису Яковлевичу Фрезинскому с уважением — А. Б. Базилевский. 89».

Бек Т. А.

До свидания, алфавит: эссе, мемуары, беседы, стихи. — М.: Б.С.Г.-пресс, 2003. — 639 с.

Автограф: «Татьяна Бек 26.2.2004».

Облака сквозь деревья: стихи / послесл. А. Шаталова. — М.: Глагол, 1997. — 159 с.

Автограф: «Борису Фрезинскому — сердечно (с общей любовью к Б.А.С.)* *см. С. 5 и 15! Т. Б. 7.XII.98».

Белый Андрей, псевд. <Бугаев Б. Н.>

Собрание сочинений: Симфонии / сост., послесл. и коммент. А. В. Лаврова. — М.: Дмитрий Сечин, 2014. — 450 с.

Автограф: «Дорогому Борису Яковлевичу Фрезинскому с пожеланиями доброго здоровья и благополучия. Ал. Лавр<ов>. 27 XI 14 г.».

Петербург: ист. драма / подгот. текста и примеч. А. В. Лаврова; вступ. ст. А. В. Лаврова и Джона Малмстада. — М.: Прогресс-Плеяда, 2010. — 304 с., ил.

Автограф: «Дорогому Борису Яковлевичу Фрезинскому с глубоким уважением и самыми добрыми чувствам от публикатора. Ал. Лавров. СПб. 6.11.2010».

Берг Р. Л., Биневич Е. М., Тамарченко А. В.

Переписка из трех углов: эпистолярный роман. — СПб.: Алетейя, 2009. — 336 с., ил.

Автограф: «Борису Яковлевичу Фрезинскому — подлинные письма, как Вы любите. Евг. Биневич 9.10.09».

Берестов В. Д.

Улыбка: стихи, сказки / вступ. ст. А. Турчакова; рис. И. Година. — М.: Дет. лит., 1986. — 175 с., ил. — (Золотая б-ка).

Автограф: «Дорогому Борису Фрезинскому, который и так неожиданно вернул меня в мою раннюю юность. В. Берестов. 21.08.86».

Берковский В. С.

Песни / сост. В. П. Беленький. — М.: Сов. композитор, 1991. — 46 с., ноты.

Автограф: «Бореньке! Спасибо за твой труд, за книгу, за постоянное внимание к нашим песням и к нам. 7.06.92».

Сто песен Виктора Берковского: сборник песен / сост. В. Романова. — М. Аргус, 1995. — 352 с., ил., ноты. — (На книжную полку КСП).

Автограф: «Дорогой Боря! Спасибо тебе за все, что ты делаешь для нашей литературы и тем самым для каждого из нас! Люблю и сильно уважаю! 2.03.96. Виктор Берковский».

Библиотека в саду: писатели античности, средневековья и Возрождения о книге, чтении, библиофильстве / сост. В. А. Эльвова. — М.: Книга, 1985. — 255 с.

Автограф: «Дорогому Борису Яковлевичу с надеждой на соавторство = содружество. С уважением <подпись Р. М. Романовой, редактора> М.—Л. 25.11.85».

Библиофилиана: о книгах и книжниках, указатель литературы новейшего времени / собрал, составил и прокомм. В. Манукян. — 2-е изд, перераб. и доп. — М.: БиБ, 2010. — 128 с.

Автограф: «Борису Яковлевичу Фрезинскому — другу-библиофилу, три книги которого вошли в эту библиографию. В. Манукян».

Биневич Е. М.

Времена не выбирают...: прозотриптих. — СПб.: Петрополис, 2017. — 670 с.

Автограф: «Борису Фрезинскому с любовью от отлетающего Е. Биневича. 25/V-017».

Исповедь, написанная в дневную смену. — СПб.: Фонд русской поэзии, 2006. — 224 с.

Автограф: «Борису Яковлевичу — коллеге по перу и по любви к Илье Григорьевиче Эренбургу — главную книгу моей жизни. Е. Биневич. 18/IV-06».

Письма из блокады. — СПб.: Петрополис, 2009. — 158 с.

Автограф: «Борису Яковлевичу — первую часть моей прозаической трилогии. Е. Биневич 16/XII-011».

Блюм А. В.

Еврейский вопрос под советской цензурой, 1917–1991 / отв. ред. Д. А. Эльяшевич; Петерб. евр. ун-т. — СПб., 1996. — 185 с. — (Петербургская иудаика; т. 1).

Автограф: «Дорогому Борису с 13-летним опозданием, но зато от души. 22.04.09».

Как это делалось в Ленинграде: цензура в годы оттепели, застоя и перестройки, 1953–1991 гг. — СПб.: Акад. проект, 2005. — 296 с.

Автограф: «Дорогому Борису — это третья попытка “загрызть эту суку цензуру”, о чем просил Пушкин Вяземского из Кишинева (1823 г.). <подпись>. СПб. 23.02.06».

От неолита до Главлита: достопамятные и занимательные эпизоды, события и анекдоты из истории российской цензуры от Петра Великого до наших дней: собраны по литературным и архивным источникам. — СПб.: Искусство России; изд-во им. Н. И. Новикова, 2009. — 272 с.

Автограф: «Дорогому Борису: пока книжки издаются, жить все-таки можно от А. Блюма. СПб., 15.XII.09 г.».

Боровиков С. Г.

В русском жанре: из жизни читателя. — М.: Вагриус, 2003. — 301 с.
Автограф: «Дорогому Борису Фрезинскому 1-ую половину моей главной книги. С наступающим! 20 декабря 2013 <подпись>».

Двадцать два: [Струна. Опыты. Саратов]. — Саратов: Науч. книга, 2011. — 592 с.

Автограф: «Дорогому Борису Фрезинскому на память о знакомстве в “нехорошей квартире” и в знак нашей общей привязанности к И. Э. 26 ноября 2013. <подпись>».

Британишский В. Л.

Наташа: стихи. — М.: Сов. писатель, 1961. — 106 с.

Автограф: «7 апреля 1962 Ленинград <подпись>».

Буланже Даниэль

Сад Армиды = Le jardin d'Armide: новеллы / пер. с фр. под общ. ред. и с предисл. М. Яснова; послесл. М. Сальман. — СПб.: Акад. проект, 2001. — 182 с.

Автограф: «Борису Яковлевичу с глубочайшим уважением и благодарностью за все, что он делает для умножения знания и сохранения памяти об Илье Григорьевиче. Ваша — и Эренбурга — многолетняя читательница Марина Сальман. 30.11.2003».

Быков Д. Л.

Календарь-1: разговоры о главном: [эссе]. — М.: АСТ: Астрель, 2011. — 640 с.

Автограф: «Борису Яковлевичу Фрезинскому с любовью и преклонением! ДБ».

Календарь-2: споры о бесспорном: [эссе]. — М.: Астрель, 2012. — 448 с.

В Питере жить: от Дворцовой до Садовой, от Гангутской до Шпалерной: личные истории / сост. Наталия Соколовская, Елена Шубина. — М.: АСТ: Ред. Елены Шубиной, 2017. — 528 с., ил.

Автограф: «Боря! Моя “личная история” на 277 стр. Дарю ее тебе с неизменной любовью. Магда. Июнь 2017 г.».

Вагинов К. К.

Петербургские ночи / подгот. текста, послесл. и коммент. А. Л. Дмитренко. — СПб.: Гиперион, 2002. — 192 с. — (Петербургская поэтич. культура; II).

Автограф: «Дорогому Борису Яковлевичу Фрезинскому на память об авторе (комментария) — с любовью. 22 марта 2002. <подпись>>».

Ваксберг А. И.

Любовь и коварство: театральный детектив. — М.: АСТ: Русь-Олимп, 2007. — 384 с., 24 л. ил.

Автограф: «Дорогому Борису Яковлевичу Фрезинскому с благодарностью за его книги и его дружбу. Париж, 13.11.08. P. S. Вместо издательства приношу извинение за чудовищный типографский брак».

Варналис Костас

Избранное: пер. с греческого / предисл. Д. Спатиса, пер. под ред. С. Апта. — М.: ГИХЛ, 1959. — 156 с., вклейка.

Автограф: «tu grand Ecrivain et Ami Elia Erembourg avec tout mon estime. Costa Varnalis. Moscow le 18 Juillet 1959» (Ты большой писатель и друг, Илья Эренбург — со всем моим уважением Коста Варналис. Москва 18 июля 1959).

Ваш Григорий Козинцев: воспоминания / сост., ред., примеч. и доп. В. Г. Козинцевой и Я. Л. Бутовского. — М.: Артист. Режиссер. Театр, 1996. — 256 с.

Автограф: «Дорогому! Борису Яковлевичу Фрезинскому с нежностью! В. К.».

Великовский С. И.

В скрещенье лучей: групповой портрет с Полем Элюаром. — М.: Сов. писатель, 1987. — 400 с.

Автограф: «Дорогому Борису Яковлевичу в память о нашем доме. С. Великовский. 28.09.90».

Венок Карамзину: [сборник] / сост. С. О. Шмидт; Рос. Фонд культуры, О-во любителей рос. словесности. — М.: Academia, 1992 (1993). — 114 с.

Автограф: «Борису Яковлевичу Фрезинскому с добрыми пожеланиями об Авторе, наследье которого в равной мере принад-

лежит Москве и Петербургу. 11.02.95. С. Шмидт. (И с извинениями за работу издательства)».

Венок Мандельштаму: стихотворения / сост.: Е. Голубовский, С. Кобринская. — Одесса: Друк, 2001. — 160 с., ил.

Автограф: «Б. Я. Фрезинскому — с уважением Евг. Голубовский».

Вовси-Михоэлс Н.

Мой отец Соломон Михоэлс: (воспоминания о жизни и гибели). — Тель-Авив: Яков-Пресс, 1984. — 306 с., ил., вклейка.

Автограф: «Дорогим Лиле и Дане Эйдус с любовью. 7/II 75 Тала Михоэлс».

Волошин М. А.

Записные книжки / сост., предисл. и примеч. В. Купченко. — М.: Вагриус, 2000. — 176 с.

Автограф: «Борису Яковлевичу эту маленькую книжку — с большим чувством. Ваш В. Купченко. 13 янв. 2001».

Из литературного наследия / отв. ред. А. В. Лавров. — СПб.: Алетейя, 1999. — Т. 2. — 297 с.

Автограф: «Дорогому Борису Яковлевичу, новоселу и гостеприимцу в “день весны и труда”. В. Купченко. 1 мая 2000. СПб.».

Из литературного наследия / предисл. В. П. Купченко. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. — Т. 3. — 481 с., портр., 4 л. фото.

Автограф: «Боре Фрезинскому — очередной вклад в его волошиниану. Володя. 6 окт. 2003. СПб.».

Стихотворения, 1900—1910. — М.: Кн-во Гриф, 1910. — 128 с.

Автограф (на отдельном листе бумаги): «Дорогой Борис, прими эту книжку в знак искренней дружбы и глубокой признательности за Ваши заботы обо мне. 10.12.75. Я. С.».

Стихотворения. — СПб.: Азбука-классика, 2009. — 224 с.

Автограф: «Дорогому Борису Яковлевичу, милому Боре с благодарностью и неизменной симпатией. 19.06.09. Р. Хрулева».

Стихотворения и поэмы / вступ. ст. А. В. Лаврова; сост., подгот. текста В. П. Купченко и А. В. Лаврова; примеч. В. П. Купченко. — СПб.: Наука; Петерб. писатель, 1995. — 704 с., 1 л. портр., 32 л. ил. (Б-ка поэта. Большая сер.).

Автограф: «Дорогой Борис Яковлевич, это — десятая (и лучшая) книга М. А. Волошина, в подготовке которой мне довелось участвовать. Ваш В. Купченко. 27 июля 1995».

<Волошин М. А., о нем>

Купченко В. П.

Двадцать лет в доме М. А. Волошина: воспоминания, дневники, письма, 1964—1983 / подгот. текста, вступ. ст. и примеч. Р. П. Хрулевой. — Киев: Болеро, 2013. — 656 с., ил.

Автограф: «Дорогой Боря, ты был первым, кому Володя отправил эл. вариант этих воспоминаний... А после ухода Володи из жизни ты стал соучастником моих хлопот об издании книги и мудрым помощником в переговорных процессах с издателями. С неизменной симпатией, Р. Хрулева. Петербург, 26 июля 2013».

Жизнь Максимилиана Волошина: документальное повествование. — СПб.: журн. «Звезда», 2000. — 400 с.; 16 с. фото. — (Русские поэты. Жизнь и судьба).

Автограф: «Дорогой Борис Яковлевич, примите в Ваш день и на рубеже веков, в знак любви и уважения. Вл. Купченко. 13 янв. 2001. СПб.».

Киммерийские этюды: события, люди, памятники. — Феодосия: Изд. дом «Коктебель», 1998. 176 с., ил. — (Б-ка альманаха «Крымский альбом»; вып. 5).

Автограф: «Дорогой Борис Яковлевич, Вам первому дарю эту книжку (надеюсь, предпоследнюю). Ваш В. Купченко. 1 августа 1998. СПб.».

Образ поэта: Максимилиан Волошин в стихах и портретах современников / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. В. П. Купченко; послесл. и подбор портретов Д. А. Лосева. — Феодосия; М.: Коктебель, 1997. — 160 с., 1 л. портр., 8 л. ил. — (Б-ка альманаха «Крымский альбом»; вып. 2).

Автограф: «Дорогой Борис Яковлевич, примите этот очередной волошинский блин как знак искренней дружбы В. Купченко, составителя. 30 июля 1997. С.П.Б.».

Остров Коктебель. — М.: Правда, 1981. — 48 с. — (Б-ка «Огонек»; № 37).

Автограф: «Дорогому Борису Яковлевичу Фрезинскому — мои самые добрые пожелания. Дружески. В. Купченко. 3 нояб. 1997».

Странствие Максимилиана Волошина: документальное повествование. — СПб.: Logos, 1996. — 544 с., ил. — (Судьбы. Оценки. Воспоминания, XIX—XX вв.).

Автограф: «Дорогой Борис Яковлевич, так приятно чувствовать Ваше неизменное дружественное расположение! Спасибо! Ваш В. Купченко. 19 апреля 1997 г. СПб.».

Труды и дни Максимилиана Волошина: летопись жизни и творчества, 1877—1916. — СПб.: Алетейя, 2002. — 512 с.

Автограф: «Дорогому другу Боре Фрезинскому — итоговый мой труд. Володя. 28 дек. 2001. СПб.».

Труды и дни Максимилиана Волошина: летопись жизни и творчества, 1917—1932. — СПб.: Алетейя; Симферополь: Сонат, 2007. — 608 с.; [8] л. ил.

Автограф: «Милый-милый Боря, надо ли тебе говорить, как грустно, что Володя не смог подарить тебе этот том сам... С ис-

кренней симпатией и неизменной дружбой — Р. Хрулева. 24.12.2007».

Волошина М. С.

О Максе, о Коктебеле, о себе: воспоминания, письма / сост., предисл., подгот. текстов и примеч. В. Купченко. — Феодосия; М.: Коктебель, 2003. — 368 с., 32 с. ил. — (Образы былого; вып. 1).

Автограф: «Дорогому Боре — новый мой блин, испеченный в Феодосии 31 июля с. г. Твой В. Купченко. 13 авг 2003. СПб.».

Вольтская Т. А.

Цикада: Стихотворения. — СПб.: Феникс, 2002. — 150 с.

Автограф: «Борису Фрезинскому — от автора. Вольтская».

Вольфцун Л. Б.

От Корбийского скриптория до века Просвещения: из истории изучения западноевропейской культуры в России. — СПб.: Феникс, 2008. — 248 с., ил.

Автограф: «Дорогому Борису Яковлевичу Фрезинскому с самыми теплыми чувствами. Людмила Вольфцун. 3.07.2008».

Воспоминания о М. К. Азадовском / сост., предисл., примеч. И. З. Ярневского. — Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1996. — 208 с.

Автограф: «Дорогому Боре Фрезинскому от семьи Азадовских. К. А. 28.04.2004».

Гампер Г. С.

Цитаты из жизни: стихи и проза. — СПб.: Рус.-Балт. информ. центр «Блиц», 2009. — 128 с.

Автограф: «Дорогому Борису Яковлевичу с благодарностью за все хорошие слова, сказанные в нашу честь — молодых и не очень... Г.² 28.05.09».

Гандельсман В. А.

Видение: книга новых стихотворений. — СПб.: Пушкинский фонд, 2012. — 48 с.

Автограф: «Дружески от автора 2012. Только зрение и слух, их деревья эти вынынчили, а теперь, вернувшись в гулах, жизнь переназначили, носится ли белый пух, шубка греет заячья ли в тех краях, где начали, в стильных переулках. Ноябрь 2011».

Обратная лодка: стихотворения. — СПб.: Петербург — XXI век, 2005. — 285 с.

Автограф: «Дорогому Борису от В. Г. Июнь 2005».

Читающий расписание: (жизнь собственного сочинения): книга стихотворений. — СПб.: Пушкинский фонд, 2012. — 48 с., на форзаце факсимиле стихотворения «В яркости».

Автограф: «На добрую память от Володи. Авг. 2012».

Гедройц С., псевд. <Лурье С. А.>

Сорок семь ночей. — СПб.: журн. «Звезда», 2008. — 592 с.

Автограф: «Борису Яковлевичу Фрезинскому — одному из положительных героев этой книжки — от автора предисловия. 25.11.08. С. Лурье».

Гернет Г. Е., Друкарёв Е. Г.

Он умер от радости. — СПб.: Европейский Дом, 2011. — 224 с., вклейка.

Автограф: «Дорогому Борису Яковлевичу, с благодарностью за память о моей маме. Е. Друкарев. 25—VIII—11 г.».

Герштейн М. Л.

«Люблю, но разве может слово...»: стихотворения, рассказы, эссе. — СПб.; Бостон: Attractive Universe com., 2008. — 272 с.

Автограф: «Борису Яковлевичу Фрезинскому с глубоким уважением, удовольствием от общения и надеждой на встречи. 18 июня 2009. г. Ньютон. Михаил Л. Герштейн».

Четверо под одной крышей: сборник высказываний, стихов, рассказов / Ося, Аркаша, Мария, Михаил Герштейны. — Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2002. — 112 с.

Автограф: «Борису Яковлевичу Фрезинскому от авторов. Октябрь 2004 г. Бостон».

Гессен В. Ю.

Семья Вознесенских — высокая и трагическая судьба. — СПб.: Полторацк, 2013. — 114 с.

<Об А. А. и Н. А. Вознесенских>.

Автограф: «Уважаемому Борису Яковлевичу от автора с наилучшими пожеланиями. 15.12.13. <подпись>».

Голдинг У.

Свободное падение: роман / пер. с англ. М. Шерешевской и С. Сухарева. — СПб.: Азбука, 2000. — 320 с.

Автограф: «Дорогому Борису Яковлевичу Фрезинскому с благодарностью за Эренбурга. 25.09.01. М. Шерешевская».

Горбачев М. С.

Наедине с собой. — М.: Грин Стрит, 2012. — 688 с., ил.

Автограф: «На память. М. Горбачев. 21.XI.12 год».

Гордин Я. А.

Пушкин. Бродский: империя и судьба: в 2 т. — М.: Время, 2016. — Т. 1: Драма великой страны. — 576 с.; Т. 2: Тем, кто на том берегу реки. — 480 с.

Автограф: «Дорогому Борису Яковлевичу — попытку объять необъятное. Ваш Я. Гордин. 6.VI—16».

Вложение: флаер творческого вечера Я. Гордина.

Горелик П. З.

Служба и дружба: попытка воспоминаний. — СПб.: журн. «Нева», 2003. — 352 с., ил.

Автограф: «Борису Яковлевичу Фрезинскому с уважением и надеждой на сотрудничество. П. Горелик. 18.09.04».

Град срединный, град сердечный: Москва в русской поэзии: антология / сост., предисл., коммент. М. И. Синельникова. — СПб.: Лимбус Пресс; изд-во К. Тублина, 2009. — 968 с.

Автограф: «Дорогому Борису Яковлевичу Фрезинскому сердечно. М. С. 23 ноября 2017».

Графов Э. Г.

Иснасла Красная шапочка яичко. — М.: агентство «КРПА Олимп»; изд-во АСТ; изд-во «Астрель», 2004. — 336 с.

Автограф: «Писать так хорошо, брат! 15.09.05. Москва».

Привет из нашей эры: фельетоны. — М.: Сов. писатель, 1986. — 352 с.

Автограф: «Боря! Чего у нас нельзя отнять, так это того, чего у нас нельзя отнять. Аминь! 9.01.87 г.».

Слезы сквозь смех, или Побойтесь юмора. — М.: Изд. дом Междунар. ун-та в Москве, 2006. — 412 с., ил.

Автограф: «Борису, прекрасной примете Санкт-Петербурга».

Григорьев О. Е.

Шли вперед — пришли назад: избранные стихотворения / сост., предисл. М. Яснова. — СПб.: Азбука-классика, 2010. — 224 с.

Автограф: «Хоть и одолела хворь его,

Называемая пьянством,

Почитаем мы Григорьева

И читаем с постоянством.

Я, собрав его творения,

Пью за Борин день рождения.

С любовью, М. Яснов. 10.1.2010».

Громова Н. А.

Все в чужое глядят окно. — М.: Коллекция «Совершенно секретно», 2002. — 288 с., 8 л. ил. на вклейке.

Автограф: «Борису Яковлевичу Фрезинскому с огромным уважением и благодарностью за прекрасную книгу. Н. Громова. 14.06.2003 г.».

«Дальний Чистополь на Каме...»: писательская колония: Москва — Чистополь — Елабуга — Москва. — М.; Елабуга: Дом-музей Марины Цветаевой, 2005. — 240 с., ил.

Автограф: «Дорогому Борису Яковлевичу Фрезинскому с огромной симпатией от автора. 2.11.2005».

Ключ. Последняя Москва. — М.: АСТ, 2013. — 416 с. — (Проза Натальи Громовой).

Автограф: «Дорогому Борису Яковлевичу Фрезинскому, любимому и дорогомому, от автора <подпись>. 17.04.2014».

Распад: судьба советского критика в 40-е — 50-е годы. — М.: Эллис Лак, 2009. — 496 с., ил.

<Об отношениях Б. Л. Пастернака и критика А. К. Тарасенкова>.

Автограф: «Дорогому Борису Яковлевичу с пожеланиями счастья от автора. Н. Громова. 3.02.2010».

Странники войны: воспоминания детей писателей, 1941—1944 / авт.-сост. Н. Громова. — М.: Астрель, 2012. — 448 с.

Автограф: «Дорогому Борису Яковлевичу Фрезинскому, моему любимому собеседнику и другу (надеюсь) от автора-составителя. 17.12.2012. Н. Громова».

Узел. Поэты: дружбы и разрывы: (из литературного быта конца 20-х — 30-х годов). — М.: Эллис Лак, 2006. — 688 с.

Автограф: «Дорогому Борису Яковлевичу с робостью и огромной благодарностью за терпение, проявленное к моим трудам. Очень рада, что мы знакомы и дружны (смею надеяться). От автора. Н. Громова [28] 1.11.2006 <1.12!>».

Эвакуация идет... 1941—1944: писательская колония: Чистополь. Елабуга. Ташкент. Алма-Ата. — М.: Совпадение, 2008. — 447 с.

Автограф: «Дорогому Борису Яковлевичу с благодарностью за поддержку от автора. Н. Громова. 3.2.2010».

Грэхэм Л. Р., Кантор Ж.-М.

Имена бесконечности: правдивая история о религиозном мистицизме и математическом творчестве / пер. с англ. А. Ю. Вязьмина, под ред. Б. В. Останина. — СПб.: изд-во Европейского ун-та в СПб, 2011. — 230 с.

Автограф: «Loren Graham, Jean-Michel Kantor».

Грэхэм Л. Р.

Очерки истории российской и советской науки / пер. В. Герович. — М.: Янус-К, 1998. — 312 с.

Автограф: «Борису Фрезинскому от автора. Лорен Грэхэм».

Вложение: визитная карточка Лорена Р. Грэхэма.

Призрак казенного инженера: технология и падение Советского Союза. — СПб.: Европейский дом, 2000. — 186 с.

Автограф: «Борису Фрезинскому от автора. Лорен Грэхэм».

Данин Д. С.

Тринадцатая тихих записей: из неопубликованного дневника «Вокруг войны». — М.: РБП, 1995. — 7 с.

Автограф: «Борису Фрезинскому на память о нечаянной встрече в Москве. Окт. 76 <подпись>».

Дановский Л. А.

Пунктирная линия: стихи. — СПб.; [Нью-Йорк]: Абель, 1998. — 80 с.

Автограф: «Борису Яковлевичу Фрезинскому в день открытия выставки фото Эренбурга. С уважением Лев Дановский. 24.05.2001».

Рельеф: стихотворения / ред. А. Френкель, худож. Н. Куликова. — СПб.: Еврейский общинный центр, 2004. — 106 с.

Автограф: «Дорогому Борису Фрезинскому <подпись>».

Диба С. А.

Клинопись: книга стихов. — М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2008. — 47 с.

Автограф: «Уважаемому Борису Яковлевичу Фрезинскому на память о выставке “120 лет И. Г. Эренбургу” в Доме-музее Марины Цветаевой. 3.02.2011».

Дмитренко А. Л.

Стихотворения, 1990—1992. — СПб.: б. и., 1993. — 40 с. — Экземпляр № 81.

Автограф: «Дорогому Борису Яковлевичу надписываю пожелавшие страницы этой старинной книги — с уважением и благодарностью <подпись>. 24 августа 1999».

Евсевьев М. Ю.

Ключевые слова: избранные исследования об искусстве / С-Петербург. гос. ун-т, Ин-т истории, Каф. истории рус. искусства. — СПб.: Коло, 2015. — 440 с.

Автограф: «Дорогому Боре Фрезинскому 10 января 2016 г. Сердечно поздравляю с замечательным юбилеем. Желаю долгого творческого счастья и здоровья. М. Евсевьев».

Художественная жизнь Петрограда в первые послеоктябрьские годы (1917–1921 гг.): автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. — Л.: ЛГУ им. А. А. Жданова, 1978. — 17 с.

Автограф: «Борису Фрезинскому — <тире к печатному имени автора «Михаил Юрьевич Евсевьев»> с искренней симпатией и пожеланием скорее пополнить собрание дарителя собственным аналогичным опусом. Июнь 78».

<Евсевьев М. Ю., сост.>

Щедрин Аполлон. Письма в Италию к брату Сильвестру, 1825–1830 / сост., авт. редакции текстов, вступ. ст. и коммент. М. Ю. Евсевьев. СПб.: Бельведер, 1999. — 76 с.

Автограф: «Дорогому Борису Яковлевичу Фрезинскому на добрую память о былом. М. Ю. Евсевьев. 5 мая 2000 г.».

Итальянские письма и донесения Сильвестра Феодосиевича Щедрина, 1818–1830 / подгот. М. Ю. Евсевьев. — М.; СПб.: Альянс-Архео, 2014. — 760 с.

Автограф: «Дорогому Борису Фрезинскому с щемящим чувством ощущению быстротекущего времени, сердечно, с робостью и смирением на суд! 21.XI.2014 М. Ю. Евсевьев».

Переписка Сильвестра и Аполлона Щедриных: Италия — Россия. 1825–1830 / сост., авт. редакции текстов, вступ. статьи и коммент. М. Ю. Евсевьев. — СПб.: Бельведер, 2001. — 180 с.

Автограф: «Дорогому Боре Фрезинскому дружески, хотя и с опозданием. 12 марта 2006 г. М. Евсевьев».

Егоров Б. Ф.

Воспоминания-2. — СПб.: Росток, 2013. — 384 с.

Автограф: «Дорогому Борису Фрезинскому с давними добрыми чувствами. Б. Е. 12.1.2017».

Российские утопии: исторический путеводитель. — СПб.: Искусство, 2007. — 416 с.

Автограф: «Дорогому коллеге Борису Яковлевичу Фрезинскому в виде “товарообмена” — да будем и дальше творить! Б. Е. 5.II.07».

Творческая жизнь Бориса Чичибабина. — СПб.: Росток, 2016. — 192 с.

Автограф: «Дорогому тезке Фрезинскому — в хорошее Новое-дье!! 12.1.2017. Б. Е.».

Елисеев Н. Л.

Предостережение пишушим: эссе. — М.; СПб.: Лимбус Пресс, 2002. — 336 с.

Автограф: «Борису Фрезинскому — от Никиты Елисеева с великим почтением и просьбой о снисхождении. Самое лучшее здесь (по-моему) “Колбаса и Офелия”. Елисеев. 26.03.03».

Против правил: литературно-критические статьи. — СПб.: Союз писателей СПб; Геликон Плюс, 2014. — 416 с.

Автограф: «Борису Фрезинскому, благородному исследователю одного из самых моих любимых литераторов, Ильи Эренбурга, от благодарного автора. С любовью и уважением. <подпись>».

Есипов В. В.

Варлам Шаламов и его современники. — Вологда: Кн. наследие, 2007. — 270 с.

Автограф: «Уважаемому Борису Яковлевичу на память от автора. СПб, февр. 2017».

Жданов И. Ф.

Солома остановленного тленья. — М.: Моск. гос. музей Вадима Сидура, 1998. — 16 с.

Автограф: «Борису Фрезинскому. Иван Жданов. 16.05.98».

Жданов И. Ф., Шатуновский М. А.

Диалог-комментарий пятнадцати стихотворений Ивана Жданова. — М.: Б-ка журн. «Дыхание», 1997. — 88 с.

Автограф: «Борису Фрезинскому на память о выставке Ларина. Иван Жданов. 12 мая 98».

Зов Алазани: шедевры грузинской поэзии в переводах русских поэтов / под общ. ред. В. Хомерики, сост., предисл. и коммент. М. И. Синельникова. — М.: Фонд ЕРГН, 2013. — 560 с.

Автограф: «Борису Яковлевичу Фрезинскому сердечно. М. Синельников. 4 июля 2013».

Зяблова Г. Г.

Глюк в деревне Голубково: день за днем с ирландскими терьерами на фоне времени, в селе и в мире: книга для друзей и друзей собак. — СПб.: Петербург — XXI век, 2009. — 304 с., ил.

Автограф: «Борису Фрезинскому. Боря, дорогой, какое счастье, что Вы есть! Слышу Ваш голос — и мне спокойнее в тревожном мире. Хочу прочесть Вашу книгу о жизни и встречах. Долгих и светлых лет Вам! Галя Зяблова 30 мая 2009 года. Санкт-Петербург».

Строка на обелиске: документальная повесть. — Л.: Лениздат, 1989. — 207 с., ил.

Автограф: «Дорогой Боря! Что заставляет нас вращаться в эти чужие души?.. Что ищем, что найдем? Находим — друг друга, это уже — все, верно? Будьте счастливы! 14.III.90».

Иерусалимский библиофил / сост. Л. Юниверг. — Альманах I. — Иерусалим: Филобиблон, 1999. — 383 с.

Автограф: «Борису Фрезинскому в знак искренней симпатии и с благодарностью за участие в 90-м заседании Иерусалимского клуба библиофилов! <подпись Л. Юниверга> председатель ИКБ. 26.10.2000. Иерусалим».

Иоффе Г. А.

Дети Эзона, или Легенда о самостийной каменюке: «Скороходовский рабочий». — СПб., Петербург — XXI век, 2007. — 272 с., ил.

Автограф: «Борису Яковлевичу Фрезинскому с самыми добрыми пожеланиями. Гр. Иоффе. 29.11.2007 СПб.».

Казакова Р. Ф.

Стихи. — М.: Сов. Россия, 1962. — 96 с.

Автограф: «Дорогой Борис! Спасибо, что пришли. Римма Казакова. 19.02.62».

Катерли (Эфрос) Н. С.

Делай что должно, и будь что будет: статьи разных лет / сост. Е. М. Эфрос. — СПб.: Нестор-История, 2010. — 304 с.

Автограф: «Борису Фрезинскому от Нины Катерли с добрыми чувствами. Н. Катерли. 2010 г.».

Кацева Е. А.

Мой личный военный трофей: повесть о жизни / вольн. авт. пер. с нем. — М.: Радуга, 2002. — 232 с. — (Сквозь призму времени: Биографии.)

Автограф: «Дорогой Борис, спасибо Вам за уточнение в одном важном историческом факте (найдете здесь!) Будьте здоровы и благополучны! Санкт-Петербург <подпись> 15.06.03».

Квятковская М. З.

На языке души. — СПб.: Знак, 2003. — 240 с., ил.

Автограф: «Борису Фрезинскому в память о знакомстве. 31 марта 2005 г. Майя Квятковская».

Кельнер В. Е.

Очерки по истории русско-еврейского книжного дела во второй половине XIX – начале XX в. – СПб.: изд-во РНБ, 2003. – 240 с.

Автограф: «Борису Яковлевичу с пожеланием новых книг – хороших и разных. <подпись> 18.06.03. СПб.».

Клайн Э.

Московский Комитет прав человека / пер. с англ. – М.: Права человека, 2004. – 232 с. – (Публикации Музея и общественного центра им. А. Сахарова).

Автограф: «To Boris Frezinsky С уважением Edward Kline».

Клинг О. А.

Александр Блок: структура «романа в стихах»: поэма «Двенадцать»: в помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам. – М.: изд-во МГУ, 1998. – 112 с. – (Перечитывая классику).

Автограф: «Борису Яковлевичу в день знакомства в «ВЛ». 24.2.99 <б. п.>».

Ковэн П.

Слепая любовь: роман / пер. с фр. Л. Зониной; послесл. Н. Ржевской. – М.: Радуга, 1984. – 256 с.

Автограф: «Б. Я. Фрезинскому с лучшими чувствам. 26.05.84. Л. З.».

Когда жизнь так дешево стоит...: письма О. А. Толстой-Воейковой, 1931–1933 гг. / публ. и коммент. В. П. Жобер. – СПб.: Нестор-История, 2012. – 360 с., ил.

Автограф: «Борису Фрезинскому до встречи в Париже! Вероника Жобер 19/10/2012».

Козинцев Г. М.

Время трагедий / сост., примеч. В. Г. Козинцевой; предисл. А. Г. Козинцева. – М.: Плюс-Минус (Ульяновский дом печати), 2004. – 448 с. – (Мой двадцатый век).

Автограф: «Борису Яковлевичу Фрезинскому на память о Григории Михайловиче! Борис Яковлевич! Я Вас люблю! В. К.».

Колесникова (Русина) Г. А.

Зарницы: повесть. – М.: Сов. писатель, 1986. – 224 с.

Автограф: «Дорогой Боря. Надеюсь, что найдется место в твоей библиотеке для этой скромной книжки. Лето 1986 г. Г. К.».

От жизни к художественному вымыслу: образ Сибири в творчестве советских писателей. — М.: Сов. писатель, 1982. — 352 с.

Автограф: «Боре Фрезинскому на добрую память об авторе. С любовью 3/III.82 г. <подпись>».

Сергей Залыгин: творческая биография. — М.: Сов. писатель, 1969. — 256 с.

Автограф: «Книголюбу и ценителю литературы Борису Фрезинскому от автора 24/VII/69 г. <подпись>».

Вложение: записка на отдельном листке: «Дорогой Боря! К огорчению моему обнаружила, что я забыла послать Вам обещанную книгу. Получила я авторские месяца полтора тому назад. Исправляю ошибку. Прошу передать привет — маме. Наташа уехала в отпуск, я скоро уезжаю тоже. Домовничает отчасти Сережа. С приветом, Г. К.».

<Коростелев О. А., публ.>

Цветаева М. И. — Георгий Адамович: хроника противостояния / предисл., сост. и примеч. О. А. Коростелева. — М.: Дом-музей М. Цветаевой, 2000. — 188 с.

Автограф: «Борису Яковлевичу Фрезинскому с уважением и надеждой на длительное плодотворное сотрудничество. 10.10.2001. <подпись>».

Кружков Г. М.

Новые стихи. — М.: Воймега, 2008. — 80 с.

Автограф: «Борису Фрезинскому на память от автора 24.10.08».

Кузнецова И. А.

Сны-синицы: стихотворения. — М.: Независимая Газета, 2002. — 48 с.

Автограф: «Борису Фрезинскому — с самыми добрыми чувствами, на память о совместной работе на “Вопли”! Инга 13.03.2003».

Кушнер А. С.

В новом веке: стихотворения. — М.: Прогресс-Плеяда, 2006. — 336 с., ил.

Автограф: «Дорогому Борису Яковлевичу Фрезинскому в ответ на его “Эренбурга” с давней глубокой симпатией. А. Кушнер. 6/VI/2008».

Кустарник: книга новых стихов. — СПб.: Пушкинский фонд, 2002. — 88 с.

Автограф: «Дорогому Борису Яковлевичу Фрезинскому с давней глубокой симпатией, дружески. 14/XI/2002 г. А. Кушнер».

Летучая грядка: новая книга стихов. — СПб.: Петерб. писатель; БЛИЦ, 2000. — 96 с.

Автограф: «Борису Яковлевичу Фрезинскому с глубоким уважением на добрую память. А. Кушнер. 14.07.2000».

Ночной дозор: вторая книга стихов. — М.; Л.: Сов. писатель, 1966. — 124 с.

Автограф: «Дорогому Борису Фрезинскому эта, уже старая, книга. С благодарностью 4.XI.73 г.».

Первое впечатление: стихи. — М.; Л.: Сов. писатель, 1962. — 96 с.

Автограф: «Как будто бог стоял за вами. И вам подсказывал тогда. Борису. Александр Кушнер. 16/II/63 г.».

Письмо: стихи. — М., Л.: Сов. писатель, 1974. — 96 с.

Автограф: «Борису Яковлевичу Фрезинскому через 26 лет, на память, сердечно. А. Кушнер. 25 августа 2000 г.».

Приметы: третья книга стихов. — М., Л.: Сов. писатель, 1969. — 112 с.

Автограф: «Каких нам еще доказательств его роковых замешательств? Он дует то слепо, то слабо, бинтует то слева, то справа... А. Кушнер. 1/X/69 г.».

Тысячелистник: книга стихов. — СПб.: БЛИЦ, 1998. — 367 с.

Автограф: «Дорогому Борису Яковлевичу Фрезинскому — тысячелистник, вылечивший Ахилла, сердечно. Александр Кушнер. 4 ноября 1998 г.».

Лавров А. В.

Андрей Белый: разыскания и этюды. — М.: Новое лит. обозрение, 2007. — 520 с.

Автограф: «Дорогому Борису Яковлевичу Фрезинскому с сердечным приветом и самими добрым пожеланиями. Ал. Лавров. 23.10.07 г.».

Русские символисты: этюды и разыскания. — М.: Прогресс-Плеяда, 2007. — 632 с., 64 с. ил.

Автограф: «Дорогому Борису Яковлевичу Фрезинскому с глубоким уважением и самыми добрыми чувствами. Ал. Лавров. 10.04.07 г. СПб.».

Символисты и другие: статьи, разыскания, публикации. — М.: Новое лит. обозрение, 2015. — 768 с.

Автограф: «Дорогому Борису Яковлевичу Фрезинскому с глубоким почтением и пожеланиями здоровья и благополучия. Ал. Лавров. Февраль 2016».

Этюды о Блоке. — СПб.: изд-во Ивана Лимбаха, 2000. — 320 с.

Автограф: «Дорогому Борису Яковлевичу Фрезинскому с глубоким уважением в памятный день. Ал. Лавров. СПб. 24.05.2001».

Лазарев Л. И.

Живым не верится, что живы: заметки о литературе, посвященной Великой Отечественной войне. — М.: МИК, 2007. — 426 с.

Автограф: «Борису Фрезинскому, который уже давно служит мне примером — с самыми добрыми пожеланиями, чтобы все выходило в свет. Л. Лазарев. 20.XII.2007».

Записки пожилого человека: книга воспоминаний. — М.: Время, 2005. — 544 с., ил. — (Диалог).

Автограф: «Борису Фрезинскому — с глубоким уважением к тому, что вы сделали, и к тому, что Вы сделаете. Л. Лазарев. 14. I. 2005».

Константин Симонов: очерк жизни и творчества. — М.: Худож. лит., 1985. — 343 с. — (Советские писатели — герои социалистического труда).

Автограф: «Борису Фрезинскому — с самыми добрыми пожеланиями, главное, — успеха в Вашем (в нашем) деле. Л. Лазарев. P. S. Автор не несет ответственности за серию и уродскую обложку. 7.7.1986».

То, что запомнилось...: о Викторе Некрасове и Андрее Тарковском. — М.: Правда, 1990. — 48 с. — (Б-ка «Огонек»; № 17).

Автограф: «Борису Фрезинскому — с давней симпатией и самыми добрыми пожеланиями. Л. Лазарев. 7.6.1990».

Шестой этаж, или Перебирая наши даты...: книга воспоминаний. — М.: Книжный сад, 1999. — 416 с.

Автограф: «Борису Фрезинскому — товарищу по делам литературным — на добрую память. Л. Лазарев. 1.12.1999».

Лазарев Л. И., Рассадин С. Б., Сарнов Б. М.

Липовые аллеи: книга литературных пародий. — М.: АСТ; Зебра Е, 2007. — 320 с.

Автограф: «Борису Фрезинскому, который давно служит нам вдохновляющим примером. С любовью от имени триумvirата авторов. Л. Лазарев. 20 марта 2008».

Ландау Е. И.

От фактов — к обобщению: статьи о литературе. — Алма-Ата: Жазушы, 1966. — 148 с.

Автограф: «Борису Фрезинскому. Автор. 14/VI 69».

Лапин Б. М.

Подвиг: повести, рассказы. — М.: Сов. писатель, 1985. — 528 с.

Автограф: «Дорогому Боре на память о моем муже и о моем отце. Ир. Эренбург».

Лацис О. Р.

Тщательно спланированное самоубийство. — М.: Моск. школа политических исследований, 2001. — 488 с.

Автограф: «Борису Яковлевичу Фрезинскому — с уважением. Лацис. 23.09.02».

Лесс А. Л.

Непрочитанные страницы: рассказы. — М.: Сов. писатель, 1966. — 312 с.

Автограф: «Милому Боре Фрезинскому с искренней симпатией и пожеланиями всяческих радостей. Душевно. — Ал. Лесс, 1971 г. Москва».

Либединская Л. Б.

Зеленая лампа: воспоминания. — М.: Сов. писатель, 1966. — 408 с., 7 ил.

Автограф: «Милому Борису Яковлевичу на добрую память о вечере в нашей Лаврушке, с пожеланием всяческих успехов. Будьте счастливы и спасибо за Илью Григорьевича! Л. Либединская. 20 июля 1995 г.».

Лидин В. Г.

Будда. Ковчег: рассказы. — Пб.: изд-во Л. Д. Френкель, 1923. — 32 с.

Автограф: «Борису Яковлевичу Фрезинскому от дочери автора этой книги с лучшими пожеланиями. Елена Лидина. 5 мая 1995 Москва (Ул. Семашко) Б. Кисловский пер.».

Четыре времени года: рассказы, эссе. — М.: Сов. писатель, 1991. — 320 с.

Автограф: «Борису Яковлевичу Фрезинскому от дочери автора этой книги с лучшими пожеланиями. Елена Лидина. 2 февр. 1995 Москва».

Лурье Ф. Р.

Портреты и сюжеты: фотографии / текст Эрлены Лурье. — СПб.: Первый изд.-полигр. холдинг, 2015. — 320 с.

Автограф: «Борису Яковлевичу Фрезинскому с давней приятностью и уважением. 09.03.16 <подпись>».

Лурье Э. В.

Внутри сюжета: [сборник стихов]. — СПб.: Акрополь, 2000. — 144 с., ил.

Автограф: «Борису Яковлевичу на память о нашем знакомстве с уважением Лурье. 7 октября 2007».

Дальний архив: семейная история в документах, дневниках, письмах, 1922–1959. — СПб.: Нестор-История, 2007. — 548 с., ил.

Автограф: «Дорогому Борису Яковлевичу с пожеланиями здоровья и творчества на память о нас. Лурье 4 января 2008 г.».

Любимова М. Ю.

Творческое наследие Е. И. Замятина в истории культуры XX века: автореф. дисс. на соиск. уч. ст. доктора культурологии. — СПб.: изд-во РНБ, 2000. — 32 с.

Автограф: «Многоуважаемому Борису Яковлевичу — благодарная за внимание. В память о наших “героях”. 6.03.2001 г. М. Любимова».

Майзель Б. Я.

Театр и несть ему конца. — Изд. 2-е, испр. — СПб.: Нестор-История, 2010. — 252 с., ил.

Автограф: «Дорогому Борису Яковлевичу Фрезинскому в память наших давних дружеских отношений. С душевной радостью. <подпись> 23.04.2011».

Манукян В. В.

Моя Эренбургиана: библиографический указатель: (из личного собрания В. Манукяна). — СПб.: авт. изд., 2014. — 32 с.

Автограф: «Борису Фрезинскому — другу и товарищу по увлечению, которое он превратил в профессию. В. Манукян. 9.09.014 г. СПб.».

<Мартынов Л. Н., о нем>

Леонид Мартынов, 1905–2005: [сборник] / авт. композиция С. Н. Поварцова. — Омск: б. и., 2005. — 24 с.

Автограф: «Борису Фрезинскому в знак дружбы. СП. 1/VI 05».

Сын Гипербореи: книга о поэте [о Л. Н. Мартынове] / отв. ред. к. ф. н. С. Н. Поварцов. — Омск: б. и., 1997. — 160 с., 16 с. ил.

Автограф: «Борису Фрезинскому с дружеским приветом из Сибирской Гипербореи. Январь 98 СП».

Мелихов А. М.

И нет им воздаяния. — М.: изд-во «Э», 2015. — 704 с. — (Большая литература: Проза Александра Мелихова).

Автограф: «Дорогому Борису с искренней симпатией. 26.05. А. Мелихов».

Любовь-убийца: рассказы и повести. — СПб.; М.: Лимбус Пресс, изд-во К. Тублина, 2008. — 256 с.

Автограф: «Дорогому Борису Яковлевичу с очень глубоким уважением. 3.03.08. Мелихов».

Колочий треугольник: русские, европейцы, русские европейцы. — СПб.: Пушкинский фонд, 2013. — 348 с.

Автограф: «Борису Фрезинскому с искренней симпатией. 18.02.13 Мелихов».

Так говорил Сабуров: роман. — СПб.: Союз писателей СПб., 2012. — 432 с.

Автограф: «Дорогому Борису с уважением и глубокой симпатией. 9.03.12 Мелихов».

Мирзоян Б.

Армения за 20 лет независимости: размышления над статистикой на страницах газеты «Голос Армении» / ред. В. Григорян. — Ереван: авт. изд., 2011. — 360 с.

Автограф: «Дорогому Б. Фрезинскому! С благодарностью и лучшими пожеланиями. От автора. 24.05.2011 г.».

Мише Аб, псевд. <Кардаш Анатолий>

Преображения еврея. — Тель-Авив: Beit Nelly Media, 2013. — 142 с.

Автограф: «Б. Я. Фрезинскому с благодарностью за впечатление от вечера и глубоким уважением от автора, всю жизнь преклоненного перед Эренбургом. (Аб Мише = Анат. Кардаш) Иерусалим 18.4.13».

Московский клуб библиофилов: восемь заседаний: CLI—CLVIII, 2010—2011 / сост. Л. И. Чертков. — М.: МКБ, 2013. — 184 с.

Автограф: «Дорогому Борису Фрезинскому с благодарностью за участие в жизни МКБ и за выступления на заседаниях Клуба. После CLXXIII-го заседания в б-ке им. Н. А. Добролюбова. Составитель Л. Чертков. 25.02.2013».

Московский клуб библиофилов: двадцать заседаний: CLI—CLVIII, 2011—2013 / сост. Л. И. Чертков. — М.: МКБ, 2014. — 448 с.

Автограф: «Дорогому Борису Фрезинскому. На строгий суд от преданного редактора. Л. Чертков. 20.12.14».

Мостовенко Н. П.

Дневник оптимистки в интерьере утрат. — М.: Магистериум, 1995. — 368 с.

Автограф: «Борису Фрезинскому с дружеской симпатией, с памятью о нашем “вчера”, с тревогой о нашем “завтра”. <подпись>. 13.10.96. Москва, Аэропортовкая».

Музы вели в бой: деятели литературы и искусства в годы Великой Отечественной войны / сост. С. Красильщик. — М.: АПН, 1985. — 343 с., ил. — (Б-ка АПН).

Автограф: «Борису Яковлевичу Фрезинскому — с глубоким уважением и самыми добрыми пожеланиями. С. Красильщик. Ре-пино, 24.III.85».

Наппельбаум И. М.

Отдаю долги. — Л.: Сов. писатель, 1990. — 72 с.

Автограф: «Борису Фрезинскому, другу верному и старинному — хотя молодому. С самыми добрыми пожеланиями. Ида Наппельбаум. Санкт-Петербург, 1991 г.».

Вложение: вырезка с некрологом И. Наппельбаум: *Рутман М.* Угасший звук «Серебряного века» // Вечерний Петербург. 1992. 3 нояб.

Угол отражения: краткие встречи долгой жизни / предисл. В. Перца; ред. и авт. послесл. В. Н. Сажин. — СПб.: Logos, 1995. — 184 с., ил. — (Судьбы. Оценки. Воспоминания).

Автограф: «Борису Фрезинскому — давнему другу нашего дома, прекрасному чистому человеку с пожеланием успехов на литературной ниве. 05.03.1996. Е. Царенкова» <дочь И. М. Наппельбаум от первого брака>.

Я ухожу: третья книга стихов. — СПб.: б. и., 1993. — 80 с. — Экз. № 27.

Автограф: «Давнему и верному другу моей матери — Борису Фрезинскому на память о прошлом и с надеждой на будущее. Е. Царенкова». 27.04.93 Санкт-Петербург».

Нерлер П. М.

Ботанический сад: книга стихов, 1970—1987. — М.: Арт-Бизнес-Центр, 1998. — 150 с.

Автограф: «Дорогому Борису Фрезинскому <так!> — Павел Нерлер — из рук Павла Поляна. 21 мая 2004 <подпись>».

Соп аторе: этюды о Мандельштаме. — М.: Новое лит. обозрение, 2014. — 856 с., ил.

Автограф: «Дорогому Борису Фрезинскому — повивальному дедке этой книги. 19.6.2014 <подпись>».

Високосные круги: стихи 1970—2012 гг. — М.: Водолей, 2013. — 176 с.

Автограф: «Дорогому Боре — дружески, сердечно, радостно. 30.12.2015».

Осип Мандельштам в Гейдельберге. — М.: Арт-Бизнес-Центр, 1994. — Т. 3. — 78 с. — (Записки Мандельштамовского о-ва).

Автограф: «Борису Фрезинскому — нечто о беззаботной полосе мандельштамовской жизни, — с радостью. 17.X.96. <подпись>».

Стихи из книги «Ботанический сад» (1970—1987). — М.: Союз литераторов России; Линоар, 1995. — 24 с. — (Визитная карточка).

Автограф: «Дорогому Борису Фрезинскому — стихи. 17.X.96 <подпись>».

Неустроев Д. В.

«Очарованный странник» Н. С. Лескова: генезис и поэтика: автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук. — М.: тип. «11-й ФОРМАТ», 2007. — 18 с.

Автограф: «Борису Яковлевичу Фрезинскому от автора. Д. Неустроев. 06.06.2007. Москва. РГАЛИ».

Нешумова Т. Ф.

Глухой ушастью: [автобиографическая проза, стихи]. — М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2014. — 224 с., ил.

Автограф: «Дорогому Борису Яковлевичу Фрезинскому от автора на память о вечере в “Порядке слов” — с нежностью. 19.07.2014».

Обатнина Е. Р.

Алексей Ремизов: личность и творческие практики писателя. — М.: Новое лит. обозрение, 2008. — 296 с.

Автограф: «Борису Яковлевичу Фрезинскому — неистощимому “источнику” ценных сведений о Ремизове — с глубоким уважением. Лена Обатнина. 09.02.09. СПб.».

Одинцова Л. В.

Писательство как миссия: (портретные этюды из русско-советской литературы конца XX столетия). — Прага: Арт-Импульс, 2010. — 200 с.

Автограф: «Борису Яковлевичу Фрезинскому на память об Ушакове от его ученицы. Л. Одинцова. 21 марта 2011 г., Москва».

Озеров Л. А.

Аварийный запас: стихи. — М.: Правда, 1990. — 32 с.

Автограф: «Делюсь с Вами, славный Борис Яковлевич, своим аварийным запасом и благодарю за Вашу честную работу над наследием И. Г. Эренбурга. Сердечно автор. 25.01.91. Вечер Эренбург — переводчик».

Оклянский Ю. М.

Юрий Трифонов: портрет-воспоминание. — М.: Сов. Россия, 1987. — 240 с.

Автограф: «Борису Яковлевичу — эта старая книга с новым чувством в знак дружеских бесед на наши общие темы <подпись> 1995, 6/V -».

Роман с тираном. — М.: Моск. рабочий, 1994. — 183 с.

Автограф: «Борису Яковлевичу Фрезинскому — с благодарностью за помощь в работе над той книгой и с уважением к его подвижническому труду. 10.02.95. Москва. <б. п.>».

Повесть о маленьком солдате. — 2-е изд., доп. — М.: Сов. Россия, 1983. — 336 с.

Автограф: «Борису Яковлевичу эту старую книгу, но с новым чувством на память о наших разговорах об этом писателе от автора-переводчика. 10.02.95. Нина Лихова» <Н. Лихова — переводчик дневника немецкого солдата, опубли. в книге>.

Орленко А. В., Шуруп И. В.

Отражения страха. — Винница: Континент-ПРИМ, 1998. — 272 с.

Автограф: «Борису Яковлевичу с надеждой на продолжение интересного разговора о судьбах Вселенной в ближайшие миллиарды лет. 16.06.04. Винница. Андрей Орленко».

Отрадин М. В.

«На пороге как бы двойного бытия...»: о творчестве И. А. Гончарова и его современников / под науч. ред. А. А. Карпова. — СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2012. — 328 с. — (Филология и культура).

Автограф: «Дорогому Боре Фрезинскому, с которым мы из одного века и одной крови. 15.03.15. М. Отрадин».

Парин А. В.

Единорог с дамой. — М.: Аграф, 1998. — 32 с., ил.

Автограф: «Дорогому Боре мои давнишние фантазии с теплыми чувствами. Апрель 2007. СПб. <подпись>».

Избранные стихи. — М.: Книга, 1989. — 190 с.

Автограф: «Дорогому Боре в знак сердечной дружбы. <подпись>. Апрель 2007. СПб».

Интерлюдии = Interludien. Freiburg I br.: Weiher., 1991. — 99 с.

Автограф: «Дорогому Боре с теплыми добрыми чувствами на память о Мюнхене. Февраль 2007 <подпись>».

Талисман: стихи, пьесы для пения, пьеса для чтения, эссе. — М.: Аграф, 2013. — 432 с.

Автограф: «Дорогому Боре с такими сильными дружескими чувствами, что не знаю, как сказать <подпись>. Май 2013».

Хроника города Леонска: Роман. — М.: Новое лит. обозрение, 2015. — 120 с. — (Письма русского путешественника).

Автограф: «Дорогому Боре, одному из первых читателей этого текста, с самыми теплыми дружескими чувствами <подпись>. Март 2015».

Парин А. В., Бунтман С. А.

Ты и мы: беседы с пристрастием. — М.: Аграф, 2013. — 336 с.

Автограф: «Дорогому Боре с надеждой на то, что эта книжка понравится, и с теплыми дружескими чувствами <подпись А. Парина>. Январь 2014».

<Парин А. В., пер.>

Софокл. Антигона: пер. с др.-греч. Алексея Парина. — М.: Аграф, 2016. — 176 с.

Автограф: «Дорогому Боре мой юношеский перевод с любовью. <подпись>. Апрель 2016».

Влюбленный путник: западная поэзия в переводах Алексея Парина. — М.: Аграф, 2004. — 512 с.

Автограф: «Дорогому Борису Яковлевичу с самыми теплыми и дружескими чувствами и глубочайшей благодарностью за гостеприимство. А. Парин. Апрель 2004».

Петровский М. С.

Мастер и город: киевские контексты Михаила Булгакова. — Киев: Дух і Літера, 2001. — 367 с.

Автограф: «Борису Яковлевичу Фрезинскому с благоговейной почтительностью и нахальной дружественностью. Мирон Петровский. Киев, 20.VI.2004».

Поварцов С. Н.

Быть Бабелем. — Краснодар: Кубаньпечать, 2012. — 126 с., ил.

Автограф: «Дорогому Боре Фрезинскому, славному спутнику в деле архивных разысканий — в знак дружбы (и любви, конечно!). <подпись> Февраль 2012».

Причина смерти — расстрел: хроника последних дней Исаака Бабеля. — М.: Терра, 1996. — 189 с., ил.

Автограф: «Дорогой Боря! Пусть наши тропы пересекаются и впредь. Будь здоров и счастлив! Май 96 <подпись>».

Теплое течение: страницы литературного дневника / вступ. ст. В. Физикова. — Омск, 2014. — 232 с.

Автограф: «Дорогой Боря! Знай, что теплое течение моих чувств всегда направлено в твою сторону. Будь здоров! Твой СП. Август 2014».

«Претерпевший до конца спасен будет»: женские исповедальные тексты о революции и гражданской войне в России / В. П. Шелепина, Н. А. Щербачева, М. А. Сливинская, Е. И. Лакиер, А. В. Линден; сост., подгот. текстов, вступ. ст. и примеч. О. Р. Демидовой. — СПб.: Изд-во Европейского ун-та в СПб., 2013. — 262 с. — (Эпоха войн и революций; вып. 2).

Автограф: «Борису Яковлевичу Фрезинскому — искренно О. Р. Демидова. 21/III 2013 СПб.».

Пурин А. А.

Архаика / Евразия: [сборник стихов]. — СПб.: журн. «Звезда», 2005. — 144 с. — (Сочинения А. Пурина; [т.] 1).

Автограф: «Глубокоуважаемому Борису Яковлевичу Фрезинскому — с благодарностью за внимание и огромной симпатией — автор. СПб., 15.09.06».

Воспоминания о Евтерпе. — СПб.: журн. «Звезда», 1996. — 256 с. — (Urbi: лит. альманах; вып. 9).

Автограф: «Дорогому Борису Яковлевичу Фрезинскому с глубочайшим уважением и симпатией. <подпись>. СПб., 6 декабря 2006».

Долина царей: шестая книга стихов. — СПб.: журн. «Звезда», 2010. — 80 с.

Автограф: «Дорогому Борису Яковлевичу Фрезинскому от его благодарного читателя. А. Пурин. СПб., 3.11.2010».

Листья, цвет и ветка: о русской поэзии XX века — СПб.: журн. «Звезда», 2010. — 384 с.

Автограф: «Дорогому Борису Яковлевичу Фрезинскому с глубочайшей благодарностью за снисходительное внимание и помощь в издании этой книги — автор. СПб., 3.11.2010».

Новые стихотворения: (три книги стихов); *Рильке Р.-М.* Сонеты к Орфею / пер. А. Пурина. — СПб.: журн. «Звезда», 2006. — 200 с.

Автограф: «Борису Яковлевичу Фрезинскому — блистательному исследователю литературы, с глубоким уважением. <подпись> СПб., 19.09.06».

Почтовый голубь: стихотворения. — Париж; СПб.: Голубой айсберг, 2005. — 70 с.

Автограф: «Уважаемому Борису Яковлевичу Фрезинскому — эта странная, но все-таки... книжка. <подпись> СПб., 19.09.06».

Рабинович Р. И.

Такое не забывается...: из записок старого журналиста. — Екатеринбург: газ. «Штерн», 1997. — 78 с.

Автограф: «Уважаемому Б. Я. Фрезинскому от автора. 15.2.98». 2 вложения: 1) Записка: «Уважаемый Борис Яковлевич! Эта записочка — просто уведомление в отправке Вам брошюры, письма и копии моей статьи в «Штерн». Надеюсь — что на сей раз все <у> Вас пойдет в полном порядке. А дальнейшая задержка этого письма почти не имела смысла. Следом идет второе. Ваш Р. Рабинович 15.6.98».

2) Письмо: «г. Екатеринбург. Уважаемый Борис Яковлевич! Недавно (23.03.98 г.) узнал о В/публикации, посвященной Льву Натановичу Лунцу в «Звезде» (№ 12 — 97 г.). Конечно, нашел ее и внимательно прочитал. Какой же огромный труд Вы выполнили! Мой отклик на Вашу публикацию не случаен! Вероятно, после ухода из жизни Лидии Корнеевны Чуковской, я на Земле — единственный человек, который помнит ЖИВОГО Льва Натановича, общался с ним в 1918 г., дней 10 я жил в квартире

его родителей на Троицкой. Лева (он, кстати, мой двоюродный брат) был моим гидом по Петрограду. Я хорошо помню всю их квартиру, и кто из семьи занимал какую комнату.

Многokrратно я пытался установить контакт с Серапионами (писал Каверину, Тихонову, Федину), но ответа (наивный человек!) не получил. И только случайно узнал, что два варианта рукописи произведений Лунца и о Лунце оказались в Гослитархиве.

Познакомился я и с Подольским С. С., несколько писем которого я сохранил.

Когда в книжные магазины поступила книга “Вне закона” произведений Лунца и о нем самом, я пытался найти С. Слонимского (писал Ленинградскому Союзу композиторов об этом), но, как и прежде, успеха не имел.

Удалось племяннице Лунца (Марианне Девис), живущей в Англии, запросить Библиотеку Конгресса США, списаться с этой библиотекой и узнать, что за последние 25 лет никаких книг Лунца и о Лунце библиотека не получала, но имеет, кажется, текст моей статьи о Льве Натановиче, опубликованной на русском языке (с фотографией писателя) в газете “Штерн”. Эта газета регулярно издается в г. Екатеринбург.

Я понимаю, конечно, что мой текст мало поможет сдвинуть с мертвой точки труды Лунца, застрявшие в трясине Гослитархива. Но теперь, мне кажется, после Вашей публикации сложилась совсем иная возможность для возвращения Вас к первому варианту рукописи книги Лунца.

Она потребует, конечно, нового предисловия и прочей правки. Так как в моей посылаемой Вам книжечке есть краткая и моя биография, то я больше Вам о себе не пишу.

Но конечно, буду рад откликнуться на любой Ваш вопрос, касающийся Льва Натановича.

К сожалению, и письмо и книжечка в пути потерялись и вы их не получили. По этой причине посылаю письмо и книгу вторично.

Я понимаю, конечно, что они почти ничего не добавляют для Вас новое, но, полагаю, что после Вашей отличной публикации в “Звезде”, Вы располагаете достаточными материалами, чтобы еще раз возвратиться к первому варианту задуманной Серапионами книги о Лунце. Несомненно, Ваша публикация создает новую обстановку в подготовке книги. С благодарностью и глубоким уважением к Вам. Рафаил Рабинович. 11.06.98».

Райт-Ковалева Р. Я.

«*Все лучшие воспоминанья...*» / вступ. ст. З. Г. Минц // Уч. зап. Тартуск. ун-та. Вып. 184: Труды по русск. и слав. филол. Т. 9: Литературоведение = Taidvene ja slaavi filologia alait IX. — Тарту, 1966. — С. 257—287.

Автограф: «Милому Борису Яковлевичу — с большой благодарностью за признание этих “клочков” моего писательского опыта, — Рита Райт. Комарово 1982 г.».

Рахлина М. Д.

Чаша / худож.-оформитель Л. Д. Киркач. — Харьков: Фолио, 2001. — 112 с.

Автограф: «Многоуважаемому Борису Яковлевичу от подруги автора Л. Богораз. 25.02.05».

Региня Г. А., Региня Л. А.

Помню, люблю... / Гертруда Региня; Амбарная книга / Людмила Региня. — СПб.: Петербург — XXI век, 2012. — 312 с., ил.

Автограф: «Боря, дорогой! С давней дружбой! Ценю тебя как книжного профессионала, а в этой книге есть близкие тебе люди. Они и мне близки, не есть ли это родство духовное? С глубоким уважением, Людмила Региня. 9 апреля 2012 г.».

Региня Л. А.

На берегу неба. — СПб.: Чистый лист, 2005. — 87 с.

Автограф: «Дорогому Боре Фрезинскому в день рождения Гали Ябловой — с любовью Люда Региня. 14.03.2006 г.».

Резников А. <приписка: «и Бина Смехова»>

Дом Бины в Иерусалиме: поэтическое подношение Бине Смеховой / науч. ред. В. Левин // Дело вкуса. — 2007. — Дек. — 60 с.

Автограф: «С уважением — Борису Яковлевичу Фрезинскому от автора и... к нему примкнувшей Б. Смеховой <подпись>. Надемся, что Вам комфортно в нашем Доме — в Иерусалиме».

Репина И. А.

Вино Тавриды: сборник стихов. — М.: Диалог-МГУ, 1997. — 100 с., ил.

Автограф: «Борису Яковлевичу с уважением. 13 декабря 1997. С.-Петербург. И. Р.».

Рольникайте М. Г.

И все это правда. — СПб.: Золотой век, 2002. — 608 с. — (Проза петербургских писателей).

Автограф: «Дорогому Борису Яковлевичу — с самыми добрыми пожеланиями, сердечно 14.10.2002 <подпись>».

Наедине с памятью: повести. — СПб.: Союз писателей Санкт-Петербурга; журн. «Звезда», 2013. — 288 с., 26 с. вклейки.

Автограф: «Борису Яковлевичу Фрезинскому с неизменным уважением и самыми добрыми пожеланиями <подпись> 19. I. 2014».

Об этом все еще необходимо говорить // Путеводное слово: публицистика ленинградских писателей: сборник / сост. Ю. А. Помпеев. — Л.: Лениздат, 1983. — С. 136—144.

Автограф (на с. 136): «Но, увы, не очень наши старания помогают. Борису Яковлевичу Фрезинскому — дружески. 15.05.1984. М. Рольникайте».

Привычки к свету. — Л.: Сов. писатель, 1974. — 200 с.

Автограф: «Борису Яковлевичу Фрезинскому с пожеланием, чтобы и на душе было светло <подпись> 18.XI.1974».

Свадебный подарок, или На черный день: повести. — Л.: Сов. писатель, 1990. — 400 с.

Автограф: «Неутомимому Борису Фрезинскому — с искренним пожеланием, чтобы в жизни было как можно больше светлых дней и глубоким уважением. 29.X.1990 <подпись>».

Я должна рассказать. — Л.: Сов. писатель, 1976. — 560 с.

Автограф: «Борису Фрезинскому — с пожеланием рассказывать только о хорошем, встречаться только с хорошими людьми, и вообще — чтобы свет стал привычным <подпись>. 26.XII.1977».

Романова Р. М.

Александр Твардовский: страницы жизни и творчества: книга для учащихся старших классов средней школы. — М.: Просвещение, 1989. — 160 с.

Автограф: «Дорогому Борису Яковлевичу дружески. 30.05.89 <подпись>».

Вложена карточка: «Дорогой Борис Яковлевич, простите, не сообразила на Вас сэкономить 40 коп., но к отъезду Стефании дошла лишь до “3”, а Поповы попали вне очереди. О недовольствах своих сообщу лично. Всего доброго Ваша <подпись>».

Россомахин А., псевд. <Ромахин А. А.>

Кузнечики Николая Заболоцкого, собранные Андреем Россомахиным: с приложением иллюстрированной библиографии прижизненных книг Заболоцкого. — СПб.: Красный матрос, 2005. — 128 с., ил.

Автограф: «Уважаемому Борису Яковлевичу, с радостью, автор Россомахин. Февраль 2009».

Рубашкин А. И.

Прямая речь: очерки о советской писательской публицистике. — Л.: Сов. писатель, 1980. — 368 с.

Автограф: «Борису Яковлевичу Фрезинскому с уважением к его работе. Хорошего Вам. 1981, III. А. Р.».

Сажин В. Н.

Сила судьбы: документальная хроника 1861 года. — СПб.: Алетейя, 2010. — 272 с., ил.

Автограф: «Уважаемому Борису Яковлевичу с благодарностью и надеждой

<подпись> 6 ноября 2010 г. СПб.».

Самойлов Д. С., Чуковская Л. К.

Переписка, 1971—1990 / вступ. ст. А. С. Немзера, коммент. и подгот. текста Г. И. Медведевой-Самойловой, Е. Ц. Чуковской и Ж. О. Хавкиной. — М.: Новое лит. обозрение, 2004. — 302 с., ил.

Автограф: «Борису Яковлевичу Фрезинскому, который столько делает для собирания, сохранения, изучения документов по истории нашей литературы. С глубоким уважением к Вашим трудам Елена Чуковская. 14 января 2005. Москва».

Сарнов Б. М.

Бесконечный лабиринт. — М.: Московские учебники и Картоли-тография, 2005. — 733 с.

Автограф: «Дорогой Боря! Много в этой книге будет Вам знакомо. Но, надеюсь, не всё. Кроме того, мне интересно, как все это смотрится вместе. Дружески. Б. Сарнов. 28/III—2006».

Время таланта: портреты и памфлеты. — М.: Сов. писатель, 1987. — 384 с.

Автограф: «Дорогому Борису Яковлевичу Фрезинскому, с искренней симпатией и благодарностью за его титанический труд. Б. Сарнов. 28/IX—89».

Если бы Пушкин жил в наше время... — М.: Аграф, 1998. — 448 с.

Автограф: «Дорогой Боря! Эта книга очень не нова, и вообще возникла отчасти случайно. Будем к ней снисходительны. 25.II.99 <подпись>».

Если бы Пушкин... — М.: АСТ: Зебра Е, 2010. — 880 с. — (Личный архив: Письма. Мемуары. Дневники).

Автограф: «Борису Фрезинскому, которому почти все в этой книге будет знакомо. И все-таки... Дружески. Б. Сарнов. 26/II—2012».

Заложник вечности: случай Мандельштама. — М.: Аграф, 2005. — 416 с., [32] л. ил. — (Символы времени).

Автограф: «Дорогой Боря! Это не совсем та книга, которую Вы знаете, — а, может быть, совсем не та. Автору, как Вы понимаете, лучшей всегда кажется последняя. Судить об этом — Вам. Дружески. Б. Сарнов. 16/I—2005».

И где опустишь ты копыта?: статьи, очерки, фельетоны 80-х — 90-х годов. — М.: Эксмо, 2007. — 768 с. — (Диалоги о культуре).

Автограф: «Дорогой Борис! Многое в этой книге Вам, наверно, будет знакомо. Но, надеюсь, не всё. А от Вас жду всё новых и новых свершений. Дружески Б. Сарнов. 6/IX.2007».

Империя зла: невыдуманные истории. — М.: Новая газета, 2011. — 272 с. — (Вещественные доказательства).

Автограф: «Дорогой Боря! Вот Вам еще одно мое изделие, где тоже почти все будет Вам знакомо. 26.2.2012. <подпись>».

Каждому — по его вере: (о романе Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита»): в помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам. — М.: изд-во МГУ, 1997. — 96 с. — (Перечитывая классику).

Автограф: «Боре Фрезинскому дружески. В очень грустный для нас обоих день. 20.06.97 <подпись>».

Маяковский. Самоубийство. — М.: Эксмо, 2006. — 672 с., ил. — (Диалоги о культуре).

Автограф: «Дорогой Борис! При том, что всё, казалось бы, уже давно известно, я все-таки надеюсь, что кое-что в этой книге будет для Вас ново. Дружески. Б. Сарнов. 6/I.2007».

Наш советский новояз: маленькая энциклопедия реального социализма. — М.: Материк, 2002. — 600 с., ил.

Автограф: «Дорогой Боря! Эта книга, я думаю, Вас разочарует. Хотя бы потому, что многое будет тут Вам знакомо. Но — всё-таки не всё. Обнимаю Вас. Ваш Б. Сарнов. 11/III—2002».

Наш советский новояз: маленькая энциклопедия реального социализма. — М.: Эксмо, 2005. — 768 с. — (Диалоги о культуре).

Автограф: «Дорогой Борис! Нового текста здесь немного. Но не могу отказать себе в удовольствии подарить Вам такую красивую книгу. Дружески. Б. Сарнов. 28/III—2006».

Опрокинутая купель. — М.: Планета детей, 1997. — 552 с.

Автограф: «Борису Фрезинскому с давней и простой симпатией, дружески. Б. Сарнов. 25/XI—97».

Перестаньте удивляться: непридуманные истории. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Аграф, 2006. — 448 с., [16] С. ил.

Автограф: «Борису Фрезинскому с самыми добрыми пожеланиями на Новый год. Дружески. Б. Сарнов. 6/I—2007».

Перестаньте удивляться! — М.: Аграф, 1998. — 368 с.

Автограф: «Дорогой Боря! Эту книгу можно было продолжать еще долго. Но я решил поставить точку. Похоже, что это будет точка с запятой. А пока — вот то, что есть. Дружески. Б. Сарнов. 25/II—92».

По следам знакомых героев. — М.: Искусство, 1988 (1989). — 254 с., ил.

Автограф: «Борису Фрезинскому. Б. Сарнов».

Последний творческий акт: случай Мандельштама: в помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам. — М.: изд-во МГУ, 2000. — 128 с. — (Перечитывая классику).

Автограф: «Дорогой Боря! Это не совсем та книжка, которую Вы знаете. Поэтому я буду рад, если Вы ее прочтете. Дружески. 15.III.2001. Б. Сарнов».

Пришествие капитана Лебядкина: (случай Зоценко). — М.: Изд-во Пик; РИК «Культура», 1993. — 600 с.

Автограф: «Борису Фрезинскому с давней симпатией, дружески. Б. Сарнов.15.XI. 93».

Пушкин и мы: статьи разных лет. — М.: Московские учебники и Картолитография, 2006. — 352 с., ил.

Автограф: «Борису Фрезинскому дружески — с надеждой на новые его труды и свершения. Б. Сарнов. 13/VII—2007».

Случай Зоценко: пришествие капитана Лебядкина. — М.: Эксмо, 2005. — 704 с.

Автограф: «Борису Фрезинскому, от которого я слышал так много лестных слов об этой книге, что не могу не подарить ему и это ее издание. Дружески. Б. Сарнов. 12/XI—2001».

Случай Эренбурга: у времени в плену. — М.: Эксмо, 2006. — 512 с., ил.

Автограф: «Дорогой Боря! Вы сами дали мне понять, что — “Умри, Денис, лучше не напишешь!” Поэтому повторюсь: Дорогому моему Юпитеру от Платона. Дружески. Б. Сарнов. 12/XI—2006».

Случай Эренбурга. — М.: Текст, 2004. — 430 с.

Автограф: «Дорогой Боря! Если в этой книге есть что-нибудь хорошее, то многим из этого хорошего я обязан Вам. Дружески. Б. Сарнов. 11/IX—2004».

Скуки не было: первая книга воспоминаний, 1937—1953. — М.: Аграф, 2004. — 704 с., [32] С. ил.

Автограф: «Борису Фрезинскому дружески, дорогой Боря! Читайте строго, простите, если что не так. Обнимаю. Бен. 2/XII—2004».

Скуки не было: вторая книга воспоминаний. — М.: Аграф, 2006. — 704 с., [32] С. ил.

Автограф: «Дорогому Борису Фрезинскому — Юпитеру от Платона. Дружески. Б. Сарнов. 28/III—2006».

Сталин и писатели. — М.: Эксмо, 2008. — Кн. 1. — 832 с.

Автограф: «Дорогой Борис! Я все-таки тешу себя надеждой, что даже для Вас, знающего обо всем этом всё, тоже найдется в этой книге кое-что интересное. Дружески. Б. Сарнов. 29/I—2008».

Сталин и писатели. — М.: Эксмо, 2008. — Кн. 2. — 832 с.

Автограф: «Борису Фрезинскому со слабой надеждой, что найдется в этой книге хоть крупицу известной ему информации. Дружески. Б. Сарнов. 28/XI—2008».

Сталин и писатели. — М.: Эксмо, 2009. — Кн. 3. — 992 с.

Автограф: «Дорогой Боря! Я надеюсь, что и эта книга Вас не разочарует. Дружески. Б. Сарнов. 3/IV—2010».

Сталин и писатели. — М.: Эксмо, 2011. — Кн. 4. — 1184 с.

Автограф: «Дорогой Боря! Вы один из немногих, в ком я уверен, что этот читатель дочитает сей том до конца. Дружески. Б. Сарнов. 26/II—2012».

Феномен Солженицына. — М.: Эксмо, 2012. — 848 с., ил.

Автограф: «Дорогому и любимому Боре Фрезинскому, в котором я твердо рассчитываю найти единомышленника. Б. Сарнов. 22/XII—2012».

Шерлок Холмс меняет профессию. — М.: Московские учебники и Картолитография, 2007. — Кн. 1: По следам знакомых героев. — 384 с., ил.

Автограф: «Дорогой Борис! Это Вам для полноты Вашей мозаики еврейских судеб. Дружески. Б. С. 5/IX—2008».

Сарьян М. С.

Выставка произведений народного художника Армянской ССР, действительного члена Академии художеств СССР, лауреата Сталинской премии Мартироса Сергеевича Сарьяна к 75-летию со дня рождения: каталог. — М.: б. и., 1956. — 117 с., ил.

Автограф: «Дорогому, бесконечно любимому Илье Григорьевичу. М. Сарьян. 1956 13.IV».

Светлов М. А.

Стихотворения. — М.: ГИХЛ, 1959. — 191 с.

Автограф: «Борису от Михаила. 13.XII.59».

Приписка: «Подарена Б. Я. Фрезинскому, когда ему было 18 лет».

Симоновский Л. М.

Слышишь? Слышу...: повесть. — СПб.: журн. «Нева», 2004. — 304 с.

Автограф: «Б. Я. Фрезинскому от семьи Симоновских с горячей симпатией, с восхищением. <подпись>».

Синельников И. М.

«Это было, было, было...»: книга воспоминаний / сост. М. И. Синельников. — М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2014. — 176 с., ил.

Автограф: «Дорогому Борису Яковлевичу Фрезинскому — сердечно. 12 октября 2014 <подпись М. И. Синельникова>».

Синельников М. И.

За далью непогоды: избранные произведения. — М.: Наталис, 2006. — 576 с., ил.

Автограф: «Борису Яковлевичу Фрезинскому с уважением и благодарностью за Эренбурга. 6 февр. 2012 <подпись>».

За перевалом: стихотворения. — М.: Галактика, 2016. — 384 с.

Автограф: «Борису Яковлевичу Фрезинскому от всей души. 29 ноября 2016 <подпись>».

Из семи книг: избранные стихотворения. — М.: Худож. лит., 2013. — 264 с.

Автограф: «Дорогому Борису Яковлевичу Фрезинскому с уважением <подпись> 31 января 2014».

Перевал: стихотворения. — М.: Исолог, 2015. — 208 с.

Автограф: «Борису Яковлевичу Фрезинскому сердечно <подпись>. 17 августа 2015».

Пустыня: стихотворения. — М.: Исолог, 2014. — 128 с.

Автограф: «Дорогому Борису Яковлевичу Фрезинскому от всего сердца <подпись> 31 января 2014».

Священный вечер: стихи об Индии (1982–2006). — М.: Наталис, 2006. — 152 с., ил.

Автограф: «Борису Самуиловичу от всей души <подпись> 23 февраля 2013».

Сто стихотворений, 1968–2009. — М.: Прогресс-Плеяда, 2011. — 140 с.

Автограф: «Борису Яковлевичу Фрезинскому сердечно <подпись> 6 февраля 2012».

Скуратовский В. Л. (Скуратівський В. Л.)

Исторія і культура. — Київ: Українсько-американське бюро захисту прав людини, 1996. — 297 с. — На укр. яз.

Автограф: «Господину Фрезинскому — с наилучшими пожеланиями и благодарностью. <подпись>. 16.9.96. город-музей М. А. Булгакова».

Слонимский С. М.

Бурлески, элгии, дифирамбы в презренной прозе. — СПб.: Композитор, 2000. — 152 с.

Автограф: «Борису Яковлевичу Фрезинскому с уважением и пожеланием продолжить тщательное и правдивое изучение Серапионов, очистив их историю от мифов и насловившихся инсинуаций и личных дрызг. С. Слонимский. 26.III.2003».

Слуцкий Б. А.

Избранная лирика. — М.: Мол. гвардия, 1965. — 32 с. — (Б-чка избр. лирики).

Автограф: «Овадию Герцевичу Савичу — от усердного читателя всех его сочинений. Борис Слуцкий. 12.2.1967».

Соколовская Н. Е.

Любовный канон: повести, рассказ. — СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2011. — 320 с.

Автограф: «Дорогому Борису Яковлевичу — замечательному профессионалу и человеку с пожеланием творческих сил и побед! Наталия Соколовская. 7 апреля 2011».

Соснора В. А.

Кристалл: стихи. — Л.: Сов. писатель, 1977. — 96 с.

Автограф: «Борису Фрезинскому, — В. Соснора. 3.IV.78 г.».

Триптих. — Л.: Лениздат, 1965. — 156 с.

Автограф: «В. Соснора 28.11.65».

Январский ливень: стихи. — М.; Л.: Сов. писатель, 1962. — 100 с.

Автограф: «В. Соснора. 15.IX.62 г.»

«**Сохрани мои письма...**» // Сборник писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны. Вып. 3-й. / сост.: И. А. Альтман, Л. А. Терушкин, Е. В. Тестова; под ред. и с предисл. И. А. Альтмана. — М.: Центр «Холокост», 2013 — 288 с.

Автограф: «Дорогому Борису Фрезинскому на добрую память о наших беседах в Москве и Питере с самыми добрыми пожеланиями 21.11.2013. И. А.».

Стратановский С. Г.

Граффити: книга стихов разных лет. — СПб.: Пушкинский фонд, 2011. — 84 с.

Автограф: «Дорогому Борису Яковлевичу с восхищением его деятельностью и на добрую память. 29 VI—2011 <б. п.>».

Иов и араб: книга стихотворений. — СПб.: Пушкинский фонд, 2013. — 32 с.

Автограф: «Дорогому Борису Яковлевичу на долгую память и с надеждой на встречи и диалог. 18 II—2013. Страт.».

Иов и араб: книга стихотворений. — СПб.: Пушкинский фонд, 2013. — 32 с.

Автограф: «Дорогому Борису Яковлевичу на добрую память. 19 VII—2014. Страт.».

Молотком Некрасова: книга новых стихов. — СПб.: Пушкинский фонд, 2014. — 68 с.

Автограф: «Дорогому Борису Яковлевичу с неизменной симпатией и на добрую память. 29 XI—2014. Страт.».

На реке непрозрачной: книга новых стихотворений. — СПб.: Пушкинский фонд, 2005. — 64 с.

Автограф: «Дорогому Борису Яковлевичу с симпатией и восхищением его деятельностью. 28 X—09. С. Г.».

Нестройное многоголосие: стихи 2014–2015. — СПб.: Пушкинский фонд, 2016. — 56 с.

Автограф: «Дорогому Борису Яковлевичу с неизменной симпатией и уважением. 24 III–2016. С. Г.».

Оживление бубна. — М.: Новое изд-во, 2009. — 66 с.

Автограф: «Дорогому Борису Яковлевичу с большим уважением и интересом к его деятельности и вообще на добрую память. 18 XII–2009. Серг. Страт.».

Рядом с Чечней: новые стихотворения и драматическое действие. — СПб.: Пушкинский фонд, 2002. — 48 с.

Автограф: «Дорогому Борису Яковлевичу с интересом к его деятельности и на добрую память». 24 IV–2006. С. Г.».

Смоковница: стихи разных лет. — СПб.: Пушкинский фонд, 2010. — 64 с.

Автограф: «Дорогому Борису Яковлевичу на добрую память от автора. 8 VI–2010. Сергей Стратановский».

Стихи. — СПб.: Ассоц. «Новая литература», 1993. — 128 с.

Автограф: «Дорогому Борису Яковлевичу с надеждой на дальнейшее знакомство. 24.IV.2005. С. Г.».

Тьма дневная: стихи девяностых годов. — М.: Новое лит. обозрение, 2000. — 186 с.

Автограф: «Дорогому Борису Яковлевичу на добрую память. 24 IV–2006. С. Г.».

Струве Н. А.

Православие и культура. — М.: Христианское изд-во, 1992. — 337 с.

Автограф: «Борису Яковлевичу Фрезинскому, на добрую память о встрече в Париже. Никита Струве. 25.III.1996».

Сухарев Д., псевд. <Сахаров Д. А.>

Все свои: венок сонетов. — СПб.: Вита Нова, 2005. — 112 с., 15 с. ил.

Автограф: «На добрую память Борису Яковлевичу Фрезинскому, с которым автора связывает много чего неожиданного. Д. Сухарев. апр. 2010».

Много чего. — М.: Время, 2008. — 432 с.

Автограф: «Б. Я. Фрезинскому, чей Эренбург учил меня поэзии — с глубоким и сердечным уважением. Д. Сухарев. апр. 2010».

Толстой И. Н.

Отмытый роман Пастернака: «Доктор Живаго» между КГБ и ЦРУ. — М.: Время, 2009. — 496 с.

Автограф: «Дорогому Борису Яковлевичу Фрезинскому, знающему так много — чуть-чуть новых сведений. 7.XII.2008. Ив. Толстой. Фонтанный Дом».

Томпсон Джим

Чертовка: роман / пер. с англ. А. Шульгат. — СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2011. — 224 с.

Автограф: «Дорогому Боре на доброе — и, надеюсь, не очень мрачное — чтение! Всегда Ваша Аня. Июнь 2011. СПб.».

<Трифонов Н. А., о нем>

Н. А. *Трифонов*: библиография / ИМЛИ РАН, «Лит. наследство»; ред. Г. П. Манчха. — М.: б. и., 1996. — 46 с.

Автограф: «Борису Яковлевичу Фрезинскому на добрую память. Трифонов. 24.X.96».

Тыняновский сборник. — Вып. 11 / отв. ред. М. О. Чудакова. — Рига: Зинатне; М.: ОГИ, 2002. — 992 с. — (Девятые Тыняновские чтения).

Автограф: «Борису Яковлевичу Фрезинскому с уважением и лучшими чувствами — 16 мая 2003. Москва. М. Чудакова».

Улицкая Л. Е.

Детство 45-53: а завтра будет счастье . — М.: АСТ, 2014. — 544 с.

Автограф: «Дорогому Боре — с глубокой симпатией, свидетелю времени. Люся Улицкая. Июль 2014».

Священный мусор: [рассказы, эссе]. — М.: Астрель, 2013. — 480 с.

Автограф: «Дорогому Боре Фрезинскому — от новобранца Вашего дела, всем нужного и прекрасного. Люся Улицкая. Февр. 2013».

Фроман М. А.

Избранное: Проза. Стихи. Переводы / сост. Е. М. Царенкова (Фроман). — СПб.: Пилигрим, 1997. — 171 с.

Автограф: «Борису Фрезинскому, давнему другу нашего дома, ценителю литературы. С пожеланием добра и удачи. 04.11.97. Санкт-Петербург. Е. Царенкова».

На обороте титульного листа: № 23. Экземпляр Б. Фрезинского.

Фурсенко А. А., Нафтали Т.

Адская игра. — М.: Гея Итэрум, 1999. — 556 с. — (Секретная история Карибского кризиса).

Автограф: «Дорогому Борису Яковлевичу Фрезинскому от признательного автора. 21/X-99 А. Фурсенко».

Фурсенко А. А.

Россия и международные кризисы: середина XX века / Отд-ние ист.-филол. наук РАН; С.-Петербург. ин-т истории РАН. — М.: Наука, 2006. — 547 с.

Автограф: «Дорогой Борис Яковлевич! Многие сюжеты этой книги мы с Вами обсуждали. Спасибо Вам за помощь и всяческую поддержку. 21/VI — 06. Ваш А. Фурсенко».

Хафнер С.

История одного немца: частный человек против тысячелетнего рейха / пер. с нем. Никиты Елисеева под ред. Галины Снежинской; коммент. и послесл. Н. Елисеева. — СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2016. — 448 с.

Автограф: «Дорогому Борису Яковлевичу Фрезинскому с почтением и благодарностью за его действенную любовь к одному из самых замечательных людей XX века, Илье Эренбургу. От переводчика Н. Е.».

Черешня В. С.

Шепот Акакия. — СПб.: Алетейя, 2008. — 256 с.

Автограф: «Борису Фрезинскому с уважением и любовью. <подпись>».

Черняков Б. В.

Маленькие еврейские истории. — Тель-Авив: б. и., 1996. — 112 с.

Автограф: «Боре Фрезинскому — в память о нашем многолетнем дружестве. Б. Черняков. 28.06.96».

Черубина де Габриак, псевд. <Дмитриева Е. И.>

Из мира уйти неразгаданной: жизнеописание, письма 1908—1928 годов; письма Б. А. Лемана к М. А. Волошину / сост., подгот. текстов и примеч. В. П. Купченко и Р. П. Хрулевой. — Феодосия; М.: Коктебель, 2009. — 240 с., ил. — (Образы былого; вып. 130).

Автограф: «Дорогому Боре на добрую память о Володе. 7.9.09. Р. Хрулева».

Исповедь: стихотворения, переводы, пьесы, судьба / вступ. ст. М. Ланды. — М.: Аграф. 1998. — 384 с. — (Символы времени).

Автограф: «Дорогому Борису Яковлевичу с благодарностью за встречу и с пожеланием творческих успехов! Марианна».

Чижова Е. С.

Время женщин: романы. — М.: АСТ: Астрель, 2010. — 352 с.

Автограф: «Дорогому Б. Я. Фрезинскому с огромным уважением, от автора. Е. Чижова».

Китаист: роман. — М.: АСТ: Ред. Елены Шубиной, 2017. — 608 с.

Автограф: «Дорогому Борису Яковлевичу — плод моих наблюдений нынешней российской жизни от автора, сердечно. Елена Чижова».

Крошки Цахес. Лавра: два романа / вступ. ст. А. Ю. Арьева. — СПб.: журн. «Звезда», 2009. — 456 с.

Автограф: «Дорогому Борису Яковлевичу — мой скромный дар в ответ на его мудрые и многочисленные. 06.02.09 <подпись>».

Орест и сын: роман. — М.: Астрель, 2012. — 352 с.

Автограф: «Дорогому Борису Яковлевичу, с уважением и от всего сердца, Е. Чижова».

Полукровка: роман. — М.: АСТ: Астрель, 2010. — 416 с.

Автограф: «Дорогому Борису Яковлевичу от автора-полукровки с самыми теплыми чувствами. Е. Чижова».

Терракотовая старуха: роман. — М.: АСТ: Астрель, 2011. — 416 с.

Автограф: «Дорогому Борису Яковлевичу, от всего сердца — мою бедную старушку. 20.02.2011. Е. Чижова».

Чичибабин Б. А.

Цветение картошки: книга лирики. — М.: Моск. рабочий, 1994. — 190 с.

Автограф: «Борису Яковлевичу Фрезинскому в память о Борисе Алексеевиче. Лилия Семеновна Карась-Чичибабина. 24.04.96 г.».

Чудакова М. О.

Новые работы, 2003—2006. — М.: Время, 2007. — 560 с.

Автограф: «Борису Яковлевичу Фрезинскому очень дружески от автора. М. Чудакова. 27 ноября 2008 Москва “Non-fiction”».

Чуковская Л. К.

Избранное: «Былое и думы» Герцена; Декабристы — исследователи Сибири; Н. Н. Миклухо-Маклай; Мои чужие мысли: Статьи. — М.: Время, 2011. — 576 с. — (Собр. соч. Лидии Чуковской).

Автограф: «Борису Яковлевичу Фрезинскому, который выпустил столько интереснейших книг. С теплыми чувствами Елена Чуковская. 28 февраля 2012. Москва».

Прочерк: повесть. — М.: Время, 2009. — 560 с., ил.

Автограф: «Борису Яковлевичу Фрезинскому, чьи книги я читаю с интересом и удивлением перед их количеством, качеством, объемом. Дружески, Елена Чуковская. 25 ноября 2008 г. Москва».

Чуковский К. И., Чуковская Л. К.

Переписка, 1912—1969 / вступ. ст. С. А. Лурье, коммент. и подгот. текста Е. Ц. Чуковской, Ж. О. Хавкиной. М.: Новое лит. обозрение, 2003. — 592 с., ил.

Автограф: «Борису Яковлевичу Фрезинскому — на строгий суд. Елена Чуковская. 20.6.03, Москва».

Шалит Ш.

На круги свои...: литературные страницы на еврейскую тему. — Иерусалим: Филобиблон, 2005. — 391 с., ил.

Автограф: «Дорогому Борису Фрезинскому — с почтением от автора. Шуламит Шалит. Январь 2007».

Шефнер В. С.

Нежданный день: стихи. — Л.: Сов. писатель, 1958. — 148 с.

Автограф: «Борису на память. Тот, кто жил для людей, после смерти живет среди живых. Вадим Шефнер. 1.X.60».

Широков В. А.

Веретено судьбы: стихотворения. — М.: Книга, 1989. — 96 с.

Автограф: «Борису Яковлевичу Фрезинскому — дружески и сердечно <подпись>. 17/VII 1989».

Штейн Б. С.

Полеты с Даниилом: дитературные бредни с комментариями. — Иерусалим: Скопус, 2000. — 96 с.

Автограф: «Борису Фрезинскому от автора с уважением. 26.10.2000. Штейн».

Штемлер И. П.

Война детей. — СПб: Петроцентр, 2015. — 208 с.

Автограф: «11.09.19. Дорогой Борис — рад, что мы видим друг друга, хотя и в поликлинике! Здоровья Вам <подпись>».

Нюма, Самвел и собачка Точка: роман. — СПб.: Совр. интеллектуальная книга, 2012. — 300 с.

Автограф: «Борису, от меня, давно и верно дружен с Вами. Удач! <подпись> 19.01.15».

Собрание сочинений: в 5 т. / худож. Л. А. Яценко. — СПб: Комета; БЛИЦ, 1997. — Т. 5. — 576 с., портр.

Автограф: «Писателю (и Архивисту) Борису Фрезинскому в благодарность с добрыми пожеланиями от автора “Архива”. Ваш Илья. 16.01.08».

Щеглов Ю. М.

Триумф: повести. — М.: Сов. писатель, 1986. — 408 с.

Автограф: «Борису Яковлевичу Фрезинскому, с наилучшими пожеланиями. Semper vobiscum в защите Ильи Григорьевича <Эренбурга>. Юрий Щеглов».

Эренбург И. Г.

Бароны пяти магистралей. — М.: Гос. транспортное ж.-д. изд-во, 1935. — 59 с. (2 экз.), переплетены вместе. — Верстка запрещенного издания. Книга не вышла из печати, рукопись не сохранилась.

Избранные статьи = *Ilja Ehrenburg. Ausgewählte Aufsätze / für den Unterricht ausgewählt und bearbeitet von M. Sander.* — Berlin: Volk und Wissen Volkseigener Verlag Berlin, 1952. — 60 с. — (Neue Russische Bibliothek). — На рус. яз.

Автограф: «Ilja Ehrenburg hochachtungsvoll vom Herausgeber W. Steinitz 1.5.1952».

Юнггрен М.

Русский Мефистофель: жизнь и творчество Эмилия Метнера / пер. с англ. А. В. Скидана, пер. с нем. Г. В. Снежинской. — СПб.: Акад. проект, 2001. — 288 с., ил.

Автограф: «Дорогому Борису Фрезинскому на память о нашей встрече 17-го мая 2013 г. от автора».

Яснов М. Д.

Амбидекстр: стихи и переводы / ил. К. Ли. — СПб.: Вита Нова, 2010. — 240 с., 37 ил.

Автограф: «Моему дорогому Боре Фрезинскому — такому же (и еще больше!) амбидекстру, как автор этой книги. С любовью, <подпись> 26.2.10. СПб. Р. С. В музее Шнеерсона!»

Детская поэзия в саду и дома. — Спец. выпуск газеты «Детский сад со всех сторон». — 2003. — № 12 (144), март. — 480 с.

Единожды навсегда: избранные стихотворения, 1965–2015 / предисл. Д. Быкова. — М.: Время, 2017. — 480 с.

Автограф: «Борису Яковлевичу Фрезинскому — дорогому Боре — от автора, который тебя любит и тобой восхищается, с благодарностью за всё, Мих. Яснов ноябрь 2014. И привет с 440 стр.!»

Замурованный амур: избранные и новые стихотворения. — СПб.: Вита Нова, 2003. — 248 с.

Автограф: «Дорогому Борису Яковлевичу Фрезинскому — от очень признательного автора. Мих. Яснов. 15.06.03. СПб.».

Избранные переводы. — М.: Книжный Клуб Книговек, 2011. — 448 с. — (Мастера перевода).

Автограф: «Моему дорогому Боре Фрезинскому — маленький итог недавней жизни — с любовью и благодарностью, твой Мих. Яснов, октябрь 2011, СПб.».

Путешествие в чудество: книга о детях, детской поэзии и детских поэтах. — СПб.: Союз писателей СПб.; Фонд «Дом детской книги», 2014. — 360 с.

Автограф: «Борису Яковлевичу Фрезинскому — дорогому Боре — эту мою важную для автора книжку в надежде, что ее герои будут и тебе интересны. Всегда твой, Мих. Яснов 10.1.2016 СПб.».

Путешествие в чудество: книга о детях, детской поэзии и детских поэтах. — СПб.: Союз писателей СПб, Фонд «Дом детской книги», 2014. — 360 с.

Автограф: «Дорогому Боре Фрезинскому с благодарностью за бесценный опыт жизни и работы. Мих. Яснов. 16.1.2015 СПб.».

Яснополянский сборник: статьи и материалы, 1910—1960 / отв. ред. А. И. Поповкин. — Тула: Кн. изд.-во, 1960. — 224 с.

Автограф: «Глубокоуважаемому Илье Григорьевичу Эренбургу в знак моего уважения 26 января 1961 Любарский».

Книги на иностранных языках

Blok A.

Cantiques de la Belle Dama / Présentation et traduction Jean-Louis Backès. — Paris: Imprimerie nationale Editions, 1992. — 167 pp. — На фр. яз.

Автограф: «Дорогому Борису на добрую память о наших встречах в Петербурге и Париже. Сердечно, Ангелина. 10 мая 1996 г.»

Dalos László

Pausztvszkij vilaga. Budapest, 1979. — 268 old. — На венг. яз.

Автограф: «Дорогому Борису Фрезинскому — на память о наших встречах в Ленинграде, в Москве и Будапеште, с любовью Ласло Далос. Будапешт 31.8.1979. “Мир Паустовского”».

На форзаце неоконченное письмо неуст. лица к Далосу.

Desanti D.

Le clés d'Elsa: Aragon. Triolet / romanvrai. — Paris: Editions Ramsay, 1983. — 425 pp. — На фр. яз.

Автограф: «Для Бориса с теплым приветом и симпатией от Доминик Дэсанти. Париж 5-го Апреля 1996 г.».

Ehrenbourg Ilya

The Thaw / translated by Manya Harari. — London: Harvill, 1955. — 230 pp. — На англ. яз.

Автограф: «A Asad Ullah souvenir. Ilya Ehrenburg».

Vus par un écrivain d'U.R.S.S. Duhamel. Gide. Malraux. Mauriac. Morand. Romains. Unamuno. — Gallimard, 1934. — 224 pp. — (Nouvelle Revue Française). — На фр. яз.

Автограф: «A <нрзб> I. Ehrenbourg Leningrad 1934».

Graham Loren, Kantor Jean-Michel

A comparison of two cultural approaches to mathematics France and Russia, 1830–1930 // Isis. — 2006. — Vol. 97, № 1. — P. 56–74. — На англ. яз.

Автограф: «To Boris with warm regards. Graham».

Guerra Rene, Tolstoi Andre

L'exil de la peinture russe en France, 1920–1970. — М.: Авангард, 1995. — 168 p.

Автограф: «Борису Фрезинскому в его собрание сей памятник культуре Русского Зарубежья. Ренэ Гера. Париж. 2.IV.96».

Hansen Anton

Satire: 72 Tegninger med indledende omtale af Peder Tabor. — København: Forlaget Fremad, 1932. — 80 s. — (Udgivet af A.O.F.'s Bogkreds). — На дат. яз.

Автограф: «Für Ilja Ehrenburg meinen Freund as Kamerad. Dein Anton Hansen 26/g. 1933».

Iwaszkiewicz Jaroslaw

Mère Jeanne des Anges / roman traduit du polonais par Georges Lisowski. — Paris: Robert Laffont, 1959. — 206 pp. — (Collection “Pavillons”). — На фр. яз.

Автограф: «Дорогому И. Г. Эренбургу на память Я. Ивашкевич. Стависко 27.XII.1960».

Pour la défense de la culture: Les textes du Congrès international des écrivains Paris, juin 1935 / réunis et présentés par Sandra Teroni et Wolfgang Klein. — Dijon, 2005. — 665 pp. — На фр. яз.

Автограф: «Борису Фрезинскому, с сожалением, что я не раньше мог читать ваши работы. Wolfgang Klein».

Shrayer M. D.

I Saw It: Ilya Selvinsky and the Legacy of Bearing Witness to the Shoa. — Boston, 2013. — 326 pp. — На англ. яз.

Автограф: «Дорогому Борису Фрезинскому с большим уважением от автора. Бостон 1 сентября 2015».

Zarzycka-Bérard Ewa

Burzliwe życie Ilii Erenburga: Rosyjski los, żydowskie szczęście. — Warszawa: Wydawnictwo ISKRY, 2002. — 333 s. — На польск. яз.

Автограф: «Дорогому Борису Яковлевичу, с огромной благодарностью и признательностью, с надеждой, что этот “польский” И. Г. понравится Вам больше чем французский. Ева».

Вложение: визитная карточка с надписью: «Boris Frezinski. Petersburg. Дорогой Борис! Огромное спасибо еще раз за помощь. Всё это сказано в книге. Сердечно, Ева».

Дарственные надписи И. Г. Эренбургу на отдельных титульных листах и форзацах

Беляев Владимир Павлович

Опора земли: (львівські нариси). — Львів: Книжково-журнальне видавництво, 1954. — На укр. яз.

Автограф: «Дорогому Илье Григорьевичу Эренбургу, на добрую память с глубоким уважением. Владимир Беляев. 16 января 1955 г. Москва. Львов. 13. Катляревского, 37, кв. 7».

Вагнер Николай Петрович

Голубые земли: [рассказы]. — Л.: ГИХЛ, 1940. — 160 с., ил.

Автограф: «Дорогому Илье Григорьевичу Эренбургу — дружелюбно и с чувством теплоты — Н. Вагнер —. 8.05.41 г. г. Ленинград».

Гатов Александр Борисович

Высокий берег: Стихи / ил.: И. Е. Урмин. — М.: Сов. писатель, 1956. — 124 с., ил.

Автограф: «Дорогим Илье Григорьевичу и Любви Эренбургам от всего сердца. А. Гатов. Москва. 21 ноября 1959 г.».

Гудзенко Семен Петрович

Новые края: стихотворения. — М.: Сов. писатель, 1953. — 100 с., портр.

Автограф: «Дорогому Илье Григорьевичу. “Первооткрывателю” поэта-солдата Семена Гудзенко. С любовью и благодарностью. О. Гудзенко <мать поэта> 19-6-58г.».

Дубинский Илья Владимирович

Шатровы: повесть. — Красноярск: Кн. изд-во, 1956. — 152 с.

Автограф: «Уважаемый Илья Григорьевич! Пусть эта книжечка напомнит Вам о том комбайнере, чей зов из Сибири, обращенный к Вам, не остался без ответа. С грустью расставшись с любимыми мне берегами Кана, я вернулся к родным днепровским берегам. И, здесь, в Киеве, petit à petit l'oiseau fait son nid <понемногу птица строит свое гнездо>. 14.7.1956. Киев. И. Дубинский».

Кармен Роман Лазаревич

Свет в джунглях: заметки кинооператора. — М.: Сов. писатель, 1957. — 327 с., 24 л. ил.

Автограф: «Любови Михайловне и Илье Григорьевичу Эренбургам — моим друзьям с большой любовью. Рима Кармен. Март 1958».

Коган Петр Семенович

Пролетарская литература. — Иваново-Вознесенск: Основа, 1926. — 115 с.

Автограф: «Илье Григорьевичу Эренбургу с пожеланием не очень свирепеть. Искренне любящий П. Коган. 10.5.26».

Конецкий Виктор Викторович

Камни под водой: рассказы. — Л.: Сов. писатель, 1959. — 244 с.

Автограф: «Илье Григорьевичу Эренбургу — с пожеланием долгих лет жизни. И будьте счастливы хотя бы раз в неделю, как говорил А. П. Чехов. Я люблю и уважаю Вас. Очень. В. Конецкий. 06.03.60. Л-д».

Лысогорский Ондра, псевд. <Гой Эрвин>

Земля моя: [стихи: пер. с ляхск.] / вступ. ст. А. Дейч. — Ташкент: Госиздат УзССР, 1942. — 64 с.

Автограф: «Дорогой Илья Эренбург! Ваши книги для меня очень близки и дороги. Я всегда имел к Вам чувство глубокого уважения и симпатии, как к писателю с большим европейским кругозором. Спешу послать Вам в знак творческой солидарности свою первую книжку на русском языке. Одра Лысогорский. Ташкент, сентябрь 1942».

Овалов Лев Сергеевич

Поездка в Ереван: [очерки]. — М.: Сов. писатель, 1940. — 168 с.

Автограф: «Борису Матвеевичу Лапину с самыми теплыми чувствами. Л. Овалов. 18 июля 1940 г.».

Озеров Лев Адольфович

Ливень: книга стихов / под ред. П. Антокольского; рис. В. Ланцетти. — [М.]: Мол. гвардия, 1947. — 128 с., ил.

Автограф: «Сыну народа, совести его — Илье Григорьевичу Эренбургу. 25.IV.47. От автора».

Признание в любви: книга стихов / ил.: Б. С. Берендгоф. — М.: Сов. писатель, 1957. — 215 с., ил.

Автограф: «Дорогому Илье Григорьевичу Эренбургу — человеку, поэту, бойцу — от всей души. IX.57. Лев Озеров».

Пришвин Михаил Михайлович

Незабудки: [отрывки из дневниковых записей 1914–1954 гг.] / сост. и авт. вступ. статьи В. Д. Пришвина. — Вологда: Кн. изд-во, 1960. — 343 с.

Автограф: «Илье Григорьевичу Эренбургу с совершенным уважением. В. Д. Пришвина. 2.V/—61».

Фрид Яков Владимирович

Катерина Петренко: драматизованная повесть. — Уфа: Башгосиздат, 1942. — 64 с.

Автограф: «Уважаемому Илье Григорьевичу Эренбургу — от автора (не имеющего теперь возможности иначе выразить чувства, вызванные прекрасной поэмой “Париж”). 8 мая 1943 года. Я. Фрид. Уфа. ул. Буденного, 146».

Хирен Зигмунд Абрамович

Репортаж с четырех войн. — М.: Воениздат, 1962. — 208 с., ил.

Автограф: «Дорогому Илье Григорьевичу — с искренним уважением и любовью, в память о военных и послевоенных годах. Хирен. 5 октября 62 г.».

Эйнбаум Федор Карлович

В курортном городе: повесть / ил.: М. Фекель. — Л.: Мол. гвардия, 1951. — 147 с., 6 л. ил.

Автограф: «Любимому писателю всех лет (от “Жанны Ней”, “Хуренито”, “Виза времени” до “Бури”) Илье Григорьевичу Эренбургу с уважением и признательностью Фед. Эйнбаум. 28 мая 1951. Таллин».

Blok Alexandre

Poèmes choisis / adaptés et présentés par Hubert Juin. — Paris: Pierre Jean Oswald, 1959. — 83 p.

Autograph: “Pour Ilya Ehrenbourg, ces petites adaptations de ce si grand poète russe, avec toute l’ amitié vc Hubert Juin.”

<Илье Эренбургу эти небольшие адаптации столь великого русского поэта, со всей дружбой от Юбера Жюэна.>

Bobrowski Édouard

Le mauvais cas. — Paris: Julliard, 1960. — 232 pp. — На фр. яз.

Autograph: “À Ilya Ehrenbourg en témoignage d’admiration et en souvenir des entretiens <нрзб> de la rue Gorki. E. Bobrowski.”

<Илье Эренбургу как свидетельство восхищения и на память о беседах <нрзб> на улице Горького. Э. Бобровский.>

Boulier Jean

Trois lettres sur le mouvement de la paix. — Paris: Éditions de Minuit, 1953. — 96 pp. — На фр. яз.

Autograph: “au Maitre qui Paris attend, au camarade dans le combat pour la paix. Affectieusement. Jean Boulier.”

<Мэтру, которого ждет Париж, товарищу в сражении за мир. С уважением. Жан Булье.>

Juin Hubert

Pouchkine. — Paris: Pierre Serhers, 1956. — 206 pp. — На фр. яз.

Autograph: “Pour Ilya Ehrenbourg — nous nous sommes souvent manqué a Paris! sans doute nous rencontrerons nous a Moscou? — ce <линия к названию книги “Pouchkine”> — qui ne veut pour lui que la génération la gout de bonheur. Avec les hommages de Hubert Juin.”

<Илье Эренбургу — нам часто не хватало друг друга в Париже! Несомненно, мы встретимся в Москве? — Это <“Пушкин”>, который хотел чтобы у поколения был вкус счастья. С уважением, Юбер Жюэн.>

Martin Charles-Noël

L'heure H a-t-elle sonné pour le monde: Effets accumulatifs des explosions nucléaires / préface A. Einstein. — Paris: Grasset, 1955. — 255 pp. — На фр. яз.

Autograph: “A Ilya Ehrenbourg, qui sait, mieux que quiconque, combien “écueil” a de puissance et peut agir pour le bien des peuples.

Avec toute mon admiration, l’hommage d’un atomiste pour qui science et conscience sont vise?mise? use? <нрзб> parables. Paris. 7 mars 1955. Ch. Martin.”

<Илье Эренбургу, который знает как никто, сколько «подводных камней» у власти и может действовать для блага народов. Со всем моим восхищением, уважением атомщика, для которого наука и совесть есть общая цель. Париж. 7 марта 1955 г. Ш. Мартен.>

Matip Benjamin

Heurts et malheurs des rapports Europe-Afrique Noire dans l'histoire moderne (15e au 18e siècle). — Paris: La Nef de Paris, 1959. — 124 pp. — На фр. яз.

Autograph: “À Ilya Ehrenbourg, l’expression de gratitude et d’amitié de ma chère et souffante Afrique. B. Matip. Paris ce 19-5-59.”

<Илье Эренбургу с признательностью и дружескими чувствами о моей дорогой и страдающей Африке. Б. Матип. Париж, сего 19-5-59.>

Morgan Thomas

L'aurore se lève à l'Orient. — Paris: FeniXX, 1961. — 292 pp. — На фр. яз.

Autograph: "Je dédie ces pages, souvenirs d'un Passé amer, où la violence, les "fureurs" des hommes surnagent entre les lignes, comes les glaçons au milieu des eaux de la Neva, à la débâcle du Printemps, à Monsieur Ilya Ehrenbourg, l'auteur du "Dégel" et de tant d'autre oeuvres humaines dans leur spiritualité. Hommage de l'auteur. Paris, juin 1962. Thomas Morgan."

<Я посвящаю эти страницы, воспоминания о горьком Прошлом, где жестокость, "ярость" людей всплывают сквозь строчки, как льдинки среди вод Невы во время весеннего ледохода, мсье Илье Эренбургу, автору "Оттепели" и множества других произведений, человечных в их одухотворенности. С уважением от автора. Париж, июнь 1962. Тома Морган.>

M'Uzan Michel, de

Le rire et la poussière. — Paris: Gallimard, FeniXX, 1961. — 196 pp. — На фр. яз.

Autograph: "Pour Ilya Ehrenbourg au hommage. Michel de M'Uzan".
<Илье Эренбургу с уважением. Мишель де М'Узан.>

Remacle Andre

Une faim de Loup. — Paris: Éditions du Scorpion, Impr. de la collection Alternance, 1960. — 253 pp. — На фр. яз.

Autograph: "À Ilya Ehrenbourg l'ami soviétique ce roman de soleil et de mistral d'un ami français et que la paix triomphe! Andre Remacle."
<Илье Эренбургу, советскому другу, этот роман солнца и мистраля от французского друга, и пусть мир победит! Андре Ремакль.>

Rey Benoist

Les Égorgeurs: Algérie 1959—1960. — Paris: Éditions de Minuit, 1961. — 31 pp. — На фр. яз.

Autograph: "à Ilha Ehrenbourg un souvenir d'une rencontre <нрзб>. Voici la triste rélation d'un voyage chez <стрелка к печатному заглавию "les Égorgeurs"> Amitié respectueuse. Moscou. 2 juille 1962. Benoist."

<Илье Эренбургу на память о встрече <нрзб>. Вот печальные отношения путешествия к «Душегубам». С уважительной дружбой. Москва. 2 июля 1962. Бенуа.>

Rondière Pierre

Delirant Bresil?: De Copacabana à l'Amazonie. — Paris: Hachette, 1964. — 336 pp. — На фр. яз.

Autograph: “a Ilya et Liuba Ehrenbourg ... ce Bresil fastueux, rongé pas le faim mais débordant de frenesie... En respectueuse hommage. P. Rondière.”

<Илье и Любе Эренбург эта роскошная Бразилия, терзаемая голодом, но с бьющим через край исступлением... С почтительным уважением. П. Рондьер.>

Serizawa Kojiro

La fin du samouraï / roman adapté du japonais par Armand Pierhal; sur une version de Mme Kazou. — Paris: R. Laffont, 1945. — 306 pp. — На фр. яз.

Autograph: “Pour mr. I. Erenbourg avec les sentiment les meilleures. Kojiro Serizawa.”

<Г-ну И. Эренбургу с наилучшими чувствами. Кодзиро Сэридзава.>

Soria Georges

Que préparent les Russes? — Paris: Les éditeurs français reunis, 1952. — 293 pp. — На фр. яз.

Autograph: “Pour Ilya Ehrenbourg romancier et combattent de la Paix, ce piece, écrit pour aider à la connaissance de l'URSS, à l'amitié franco-soviétique. De tout coeur. George Soria.”

<Илье Эренбургу, автору романов и борцу за Мир этот документ, написанный, чтобы помочь узнать СССР и для франко-советской дружбы. От всего сердца. Жорж Сория.>

Stil André

Paris avec nous. — Paris: Les éditeurs français reunis, 1953. — 317 pp. — На фр. яз.

Autograph: “Pour Ilya Ehrenbourg. Fraternellemen. A. Stil.”

<Илье Эренбургу с братскими чувствами. А. Стиль.>

Le Foudroyage. — Paris: Les éditeurs français reunis, 1960. — 271 pp. — На фр. яз.

Autograph: “Pour Ilya Ehrenbourg, très cordialement. A. Styl.”

<Илье Эренбургу очень сердечно. А. Стиль.>

Teige Karel

Sovětská kultura. — Praha: Odeon, 1927. — 132 s. — На чеш. яз.

Autograph: “Pour Mme et M. Ilya Ehrenbourg cordialement. Karel Teige. Prague, juillet 1928”.

<Мадам и мсье Илья Эренбург сердечно. Карел Тейге. Прага, июнь 1928.>

Téry Simone

Une française en Union soviétique. — Paris: Éditions Sociales, 1952. — 222 pp. — На фр. яз.

Autograph: “Pour Ilya Ehrenbourg qui a fait plus que quinconque pour l’amitié entre nos deux peuples et pour Louba avec mon souvenir affectueux. Simon Téry. Paris, 19 mars 52.”

<Илье Эренбургу, который сделал больше, чем кто-либо для дружбы между нашими двумя народами, и Любе с почтительными воспоминаниями. Симона Тери. Париж, 19 марта 52.>

Où l’aube se lève. — New York: Brentano’s, 1945. — 434 pp. — На фр. яз.

Autograph: “Pour Ilya Ehrenbourg, qui a parlé pour la France alors qu’elle était bâillonnée. Avec l’admiration, la reconnaissance, l’affection de Simone Téry. — Paris, 12 oct. 46.” Карандашом приписка адреса: “24 rue de Bagnoler Paris (20).”

<Илье Эренбургу, который говорил за Францию, когда у нее был заткнут рот. С восхищением, признательностью, расположением от Симоны Тери. Париж, 12 октября 1946.>

Beaux enfants qui n’hésitez pas. — Paris: Les éditeurs français reunis, 1957. — 446 pp. — На фр. яз.

Autograph: “Pour Ilya Ehrenbourg notre inoubliable ami cette histoire d’amour dans le Paris du Front <нрзб> qu’il a si bien connu. — Avec l’affectation fidèle de sa camarade Simone Téry.”

<Илье Эренбург, нашему незабываемому другу, эта история любви во фронтовом Париже, <нрзб> который он так хорошо знает. С истинным расположением от его товарища Симоны Тери.>

Ils se batten au Thermopyles. — Paris: Hier et aujourd’hui, 1948. — 229 pp. — На фр. яз.

Autograph: “Pour le cher Ilya Ehrenbourg — avec la vieille affection de Simon Téry”.

<Дорогому Илье Эренбургу — с прежним уважением от Симоны Тери.>

Thorez Maurice

Une politique de grandeur française: Discours prononcés au congrès de Villeurbanne, janvier 1936, au congrès d’Arles, décembre 1937, à la session du Comité central, Ivry, mai 1939, au congrès de Paris, juin 1945. — Paris: Éd. sociales, 1945. — 289 pp. — На фр. яз.

Autograph: “A mon ami et camarade Ehrenbourg très affectueusement. Thorez.”

<Моему другу и товарищу Эренбургу с большим уважением. Торез.>

La France depuis la capitulation de Rethondes. — М.: Éd. en langues étrangères, 1944. — 89 pp. — На фр. яз.

Autograph: “À mon ami Ehrenbourg fraternellement. Thorez”.

<Моему другу Эренбургу по-братски. Торез.>

Wurmser André

Interdiction de sejour. Roman. — Paris: La bibliothèque française, 1949. — 519 pp. — На фр. яз.

Autograph: "Pour Иля Ehrenbourg son ami Andre Wurmser".

<Илье Эренбургу его друг Андре Вюрмсер.>

Н. Н. Колесова, Н. Н. Лаврова

**ОБЗОР АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ XIX–XXI вв.,
ПОСТУПИВШИХ В РУКОПИСНЫЙ ОТДЕЛ ИНСТИТУТА
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ) РАН
в 2018 г.**

За принесение в дар архивных материалов Рукописному отделу Института русской литературы выражаем глубокую благодарность Г. М. Абрамовой, Л. Г. Агамалян, А. В. Вострикову, Н. Е. Гаврилиной, О. Я. Гаген-Торн, В. В. Головину, М. Д. Граниной, Б. Ф. Егорову, А. Н. Захарову, Н. Г. Князевой, В. Б. Кудрявцеву, Н. Н. Лавровой, Н. Р. Либерман, Н. И. Любшину, А. Г. Мецу, Г. И. Мурыгину-Толстому, О. С. Наровчатовой, А. Г. Попофф, А. П. Радашкевичу, Н. Р. Ребер, М. В. Рождественской, А. С. Соколову, Н. Е. Соколовской, И. М. Старку, Б. Я. Фрезинскому, П. Н. Чейгину, Д. И. Черашней, Ж. Шерону, О. Ю. Юрьевой, М. Е. Эткинд.

Новые фонды

Наровчатов Сергей Сергеевич (1919–1981) — поэт, критик и журналист, военный корреспондент. Фонд 944.

Старк Вадим Петрович (1945–2014) — литературовед, доктор филологических наук, кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник ИРЛИ РАН (Пушкинского Дома), президент Набоковского фонда, действительный член Русского генеалогического общества; **Телетова** Наталья Константиновна (наст. имя и фамилия — Наталья Ивановна Тоисова; 1931–2013) — литературовед, историк, генеалог, переводчица, педагог. Фонд 945.

Чернышев Вадим Борисович (р. 1929) — писатель, член Союза писателей. Фонд 946.

Дополнения к фондам

Базанов Василий Григорьевич (1911–1981) — литературовед, фольклорист. Фонд 825.

Фотография в группе с О. Б. Алексеевой, Д. В. Базановой, А. А. Гореловым и другими. Подлинник (1965).

Берггольц Ольга Федоровна (1910–1975) — поэт. Фонд 870.

Блокадные карточки (1941) на имя О. Ф. Берггольц (3) и Н. С. Молчанова (2). В конверте с надписью рукой Д. А. Гранина.

Н. И. Любшин — один из героев блокадного дневника медсестры М. В. Васильевой. Фотография его и биографические сведения (2018).

Блок Александр Александрович (1880–1921) — поэт. Фонд 654.

«Незнакомка». Стихотворение. Факсимиле белого автографа (б. д.).

Гаген-Торн Нина Ивановна (1900–1986) — этнограф, историк, фольклорист, писатель-мемуарист и поэтесса.

Подготовительные материалы к статье «Вольфила: Вольно-философская ассоциация в Ленинграде в 1920–1922 гг.»: Устав и отчет о деятельности ассоциации в 1920–1921 гг., афиша о XV открытом заседании ассоциации (22 февраля 1920 г.), выписки из архивных материалов и пр. Черновые автографы, машинопись с правкой. Разрозненные листы, тетради (1980-е?).

«Сказ о Ладогe». Стихотворение. Автограф (1974).

Иванов Вячеслав Иванович (1866–1949) — поэт, философ, переводчик, драматург, литературный критик. Фонд 607.

Дарительная надпись Вяч. Иванова на книге «Дионис и прадрионисийство» Е. А. Миллиор на рус. и греч. яз. (1923).

Лермонтов Михаил Юрьевич (1814–1841) — поэт. Фонд 524.

«Выхожу один я на дорогу...». Стихотворение. Копия рукой неустановленного лица (<1900-е>).

Лесман Моисей Семенович (1902–1985) — пианист, библиофил, коллекционер. Фонд 840.¹

Творческие, биографические, изобразительные, эпистолярные материалы Т. Банвиля, Н. Бичурина (монах Иакинф), М. О. Гершензона, Н. В. Гоголя, П. Е. Ефремова, Н. О. Лернера, Л. Н. Лунца, М. Львова, В. В. Познера, А. М. Ремизова, Н. Чуковского, П. Ф. Шалыпина, Ю. А. Шапорина, Д. Д. Шостаковича, П. Е. Щеголева и других.

Туркманчайский договор-трактат, заключенный 10/22 февраля 1828 г. между Россией и Персией. Рукописная копия. На персид. яз.

---

¹ Материалы коллекции М. С. Лесмана находятся в научно-технической обработке и будут доступны исследователям после ее научного описания.

Melanchthon Ph. «Locicomunesrerumtheologicarum» — Меланхтон (наст. фам. Шварцерд (Schwarzerd)) Филипп. «Общие принципы теологии». Аугсбург, 1524. Типогр. экз.

Биографические документы М. С. Лесмана: свидетельство о смерти, завещание и дополнения к завещанию; знаки, награды и др.

Материалы Н. Г. Княzewой (1935—2018), жены М. С. Лесмана: свидетельство о рождении, дипломы, свидетельство о браке, соглашение между Н. Г. Княzewой и музеем А. А. Ахматовой; завещание, записи по поводу похорон и захоронения ее праха и др.

«Прокламация Наполеона». Пер. Н. Г. Княzewой. Автограф (б. д.).

Ремизов Алексей Михайлович (1877—1957) — писатель. Фонд 256.

«Вечер у Т. С. — Б. Ю. Конюс (Рахмановой)» <Т. С. Конюс (урожд. Рахманова); Б. Ю. Конюс>. Рукописная афиша вечера чтения. Автограф. Бархатная бумага (1937).

Отдельные поступления

Большаков Константин Аристархович (1895—1938) — поэт, прозаик.

«Тамбов», «Перчатки», «Один месяц», «Утро», «Поэт» и др. Стихотворения. Автографы, машинопись с правкой (1916—1926).

Перечень стихотворений. Автограф (б. д.).

«Маршал сто пятого дня». Роман. Черновой автограф, машинопись (<1930-е>). На оборотах листов стихотворения, письма из ГИХЛа 2, из ред. журн. «Красная новь» 2 (1933), записи разного характера и пр.

«Смерть Пушкина». Главы из романа «Бегство пленных». Машинопись с правкой (1932).

«Кустари», «Поколение тридцатилетних», «Маневры», «Поколение Днепра» и др. Очерки. Машинопись с правкой (1929—1930).

Заметки и частушки о Балахнинской бумажной фабрике. Автографы (1930).

Заявление в мобилизационную комиссию ВССП. Подлинник. Автограф (1930).

Письма К. А. Большакову из редакции газ. «Нижегородская коммуна» (1930), Центрального бюро краеведения (1930).

Бялый Григорий Абрамович (1905—1987) — литературовед, критик.

«В. М. Гаршин и литературная борьба восьмидесятых годов». Типогр. экз. (М.; Л., 1937) с дарительной надписью З. В. Дежорж (1937). Прил.: справка, составленная А. В. Востриковым о З. В. Дежорж. Принтерный вывод (2018).

Владимирцев Владимир Петрович (1930–2007) — член Союза журналистов СССР, исследователь творчества Ф. М. Достоевского.

Письма ему В. А. Бажовой (урожд. Иваницкой) 4 (1957–1967), Ф. В. Gladкова (1954), А. А. Горелова (1972), М. Я. Мельц (1971), Е. П. Пешковой (1964), В. Я. Проппа 15 (1964–1968), Б. Н. Путилова 2 (1968–1970), Г. М. Фридендера 4 (1986–1994), П. Г. Ширяевой (1968).

Генделев Михаил Самуэлевич (1950–2009) — поэт, переводчик.

«Отражения». Драматическая поэма. Машинопись с правкой, с дарительной надписью Л. Г. Агамалян (1971).

Гурович А. (?) — экспедитор, начальник отделения, эмигрант первой волны.

«Записки эмигранта». Часть вторая: «Под плащом демократии». Биографический очерк. Машинопись с правкой (нач. 1920-х). В типогр. экз. (Пг.-М., 1923), подпись — Гурович И.

Ершов Петр Павлович (1815–1869) — поэт, прозаик, драматург.

Ю. А. Десятова, племянница П. П. Ершова. Воспоминания. Биографические сведения о внучке писателя Н. А. Смолевой и о Г. И. Симонове, биографе П. П. Ершова. Автографы (1926).

Миллиор Елена (Нелли) Александровна (1900–1978) — историк античности, литератор, ученица Вяч. Иванова.

Книги по древней истории и искусству из библиотеки Е. А. Миллиор с владельческими (3) и дарительными надписями от В. А. Мануйлова, Я. М. Боровского, В. Г. Боруховича (1926–1957).

Навашин Дмитрий Сергеевич (1889–1937) — журналист, поэт, финансист.

«От первых дней, когда мы открываем...», «Я думаю, что вы меня немного...», «Моя душа в задумчивом сонете...» и др. Стихотворения. Автографы (1909–1910).

«Потерянное королевство», «Морской разбойник». Рассказы. Автографы (б. д.).

«Водопад прекрасного сна». Фантазия. Автограф (1909).

«Радость дня». Новелла. Автограф (1910).

Николаевский Борис Иванович (1887–1966) — историк, политический деятель.

«Первый иркутский провокатор-доброволец. (Из очерков по неизданным материалам)». Статья. Вырезки (2) из газ. «Сибирский рабочий» (1919). Типогр. экз. с рукописными вставками.

Полонский Вячеслав Павлович (наст. фам. Гусин; 1886–1932) — критик, редактор, историк.

Дарительные надписи ему на титульных листах книг от Б. А. Пильняка (наст. фам. Вогау), А. Тверяка (наст. фам. А. А. Соловьев), П. В. Орешина 6, С. А. Клычкова 3. Автографы на типогр. экз. (1922–1931).

Померанцев Кирилл Дмитриевич (1906–1991) — поэт, журналист, литературный критик, мемуарист.

Стихи, вошедшие в различные сборники. Машинопись, машинопись с правкой, вырезки из журналов «Вопросы литературы», «Октябрь» (типогр. экз.) и др. (1950–1989).

Автобиографические заметки (2). Машинопись с авторской правкой (б. д.).

«Можно ли быть верующим в наше время». Статья. Машинопись (б. д.).

Список подготовленных к интервью вопросов Миловану Джиласу, югославскому политическому деятелю, дипломату, работавшему в Советском Союзе. Машинопись с правкой (<1970-е>). Фрагмент интервью К. Д. Померанцева с неустановленным писателем (А. Е.-В.) о выезде в Израиль. Машинопись (1972).

Сандомирский Герман Борисович (1882–1938) — политический деятель, журналист, писатель.

Предисловие Г. Б. Сандомирского к его переводу с итал. драмы Инкио (Inkyo, наст. фам. Nella Giacomelli) «Красные метеоры» («Meteorerosse»). Машинопись с правкой автора (1923).

Сапронов Тимофей Владимирович (1887–1937) — революционер, большевик.

«Перед Октябрем». Воспоминания. Машинопись (<сер. 1920-х гг.>).

Старчаков Александр Осипович (1893–1937) — писатель, рецензент, журналист.

«От петиции к восстанию», «Ленский барон. (К 15-летию расстрела на Лене)». Очерки. Машинопись с правкой автора (<1927–1930>).

Тургенев Иван Сергеевич (1818–1883) — писатель, член-корр. Академии наук.

Письмо Э. Нила А. Ф. Онегину-Отто об И. С. Тургеневе. Машинопись, подпись-автограф (1923).

Материалы к неизданному сборнику памяти Н. А. Котляревского, подготовленному сотрудниками Пушкинского Дома и приглашенными авторами.

Неустановленный автор. Некролог Н. А. Котляревскому, написанный по поручению «Красной газеты». Машинопись, с записью неуст. лица (<не ранее 1925>).

М. П. Алексеев. «Источники повести Марлинского “Аммалат-Бек”. Заметки на полях книги Н. А. Котляревского». Авторизованная машинопись (б. д.).

В. В. Баранов. «К вопросу о принадлежности “рукописей из зеленого портфеля” Полежаеву». Авторизованная машинопись, с сопроводительным письмом на имя Б. Л. Модзалевского (1924).

А. И. Белецкий. «Женщина и женское в творчестве Е. П. Ростопчиной». Автограф (б. д.).

М. Д. Беляев. «Статья о декабристе В. П. Ивашеве». Авторизованная машинопись без начала и окончания (б. д.).

Е. А. Бобров. «К биографии С. А. Венгерова». Авторизованная машинопись (б. д.).

С. М. Брейтбург. «К вопросу о записках А. О. Смирновой. (Опыт экспертизы нескольких показаний)». Авторизованная машинопись (б. д.).

Л. Бродский. Некролог кн. Петра Андреевича Вяземского. Автограф (<1878>).

Н. Л. Бродский. «Герцен и Руссо. К истории руссоизма в России». Авторизованная машинопись (б. д.).

Н. С. Державин. «Мицкевич и Герцен». Авторизованная машинопись (б. д.).

Н. П. Жинкин. «“Преступление и наказание” Достоевского. К вопросу о психологии читателя». Автограф (б. д.).

Л. К. Ильинский. «Памяти Дмитрия Константиновича Петрова». Авторизованная машинопись (<не ранее 1925>).

Е. Ф. Карский. «Е. Р. Романов — белорусский этнограф». Автограф (<не ранее 1923>).

М. С. Коган. «Польский вопрос в оценке декабриста М. С. Лунина». Машинопись с правкой (б. д.).

А. А. Кондратьев. «Гр. Алексей Толстой. Материалы к биографии». Автограф (б. д.). В 2-х тетрадях, с вклейками газ. вырезок и листов. Передано от В. А. Пыпиной.

Б. И. Коплан. «К вопросу о сотрудничестве Н. А. Львова в “Собеседнике Любителей Российского слова”», «Басни Н. А. Львова». Авторизованная машинопись (1926).

П. А. Лавров. «Две болгарские сказки из сборника Верковича». Машинопись (б. д.).

С. В. Любимов. «Пасквильное стихотворение князя А. В. Мещерского по поводу кончины и похорон Ф. М. Достоевского», «Не-

изданное стихотворение А. И. Подолинского». Автографы (б. д.). С сопроводительным письмом на имя Н. В. Измайлова.

А. И. Маркевич. «Петр Андреевич Вяземский. Краткий очерк его жизни и литературной деятельности (к 50-летию его смерти)». Автограф (1929).

М. Милевский. «О В. Р. Зотове», «О Мельникове-Печерском, Палаузове, Благоветлове», «О П. Е. Струве». Автографы (1927–1928).

Д. А. Милованович. «Чернышевский и Сербия». Авторизованная машинопись (1928).

В. Н. Перетц. «“Древнее” и “новое” в литературе». Авторизованная машинопись (1925).

Н. М. Петровский. «Письмо П. А. Кулиша к И. С. Аксакову», «Из переписки И. С. Аксакова» (с М. П. Петровским), «К истории газеты И. С. Аксакова “Парус”», с публикацией статьи М. П. Петровского «Смесь». Автографы (1919).

А. М. Путинцев. «Кольцов и театр». Авторизованная машинопись (1925).

Б. Н. Скворцов. «Гоголь в оценке И. С. Тургенева (Материалы к 75-летию со дня смерти Н. В. Гоголя)». Машинопись (б. д.).

А. Э. Фридрихс. «Из жизни декабристов», «Чарыков Валериан Иванович», «Василий Иванович Немирович-Данченко», «Мое знакомство с писателем Петром Боборыкиным». Автографы (1928).

Г. И. Чулков. «Тютчев и Аксаков в борьбе с цензурой». Авторизованная машинопись (б. д.).

И. Я. Якубовский. «Г. Д. Деев-Хомяковский. (Отрывок из очерка к 20-летию литературно-художественной деятельности поэта)». Машинопись (1929).

В. И. Резанов. Письмо Л. К. Ильинскому по поводу сборника. Автограф (1928).

И. В. Кощиченко

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абазинский В. В. 158, 192, 193, 256, 268
Абдул-Беха (Абдул-Баха) 278, 281, 282, 287–289, 291–300
Абрамкин В. М. 128, 131
Абрамов, студент 487, 488
Абрамов Ф. А. 508, 520, 524
Абрамова Г. М. 613
Абрас А. М. 279
Абуль Фазль Гульпайгани 280
Аввакум Петров, протопоп 311, 312
Авербах Л. Л. 417
Аверин Б. В. 561
Агамалян Л. Г. 77, 613, 616
Адамович Г. В. 306, 307, 577
Адамовна см. *Калинина В. А.*
Адамс В. Т. 476, 517
Адарюков В. Я. 77–95
Адлерберг В. Ф. 266–268, 270, 271
Адлерберг М. Ф. 238, 276
Азадовские 568
Азадовский К. М. 512, 523, 558, 559
Азадовский М. К. 568
Айвазовский И. К. 441, 489
Айзенштадт Е. 40
Аккерман Н. 300
Аксаков И. С. 619
Аксаков К. С. 88
Аксаков Н. Т. 272, 274
Аксаков С. Т. 272
Аксененко Е. М. 327, 328, 369, 533, 537
Аладьин Е. В. 152
Александр I, имп. 135, 137, 160, 166, 173, 179, 183, 190, 191, 198, 199, 201–203, 208, 218, 233, 245, 262, 264, 268, 270, 271, 273, 274, 533
Александр III, имп. 533
Александр Исаакович см. *Николаев А. И.*
Александра Иосифовна, вел. кн. 510
Александра Федоровна, вел. кн. 194, 268, 272, 275

Александров А. Д. 455, 456, 460, 467, 474, 475, 481, 501
Александров, служащий на ж. д. 363
Алексеев А. А. 559
Алексеев В. С. 7, 8, 10, 11, 15–17, 25, 27, 29, 35, 40, 45, 47, 49
Алексеев М. П. 471, 515, 618
Алексеев (псевд. Аскольдов) С. А. 15, 17, 18, 543
Алексеева (урожд. Голдобина) Е. М. 15, 543
Алексеева М. И. (Магда) 559, 560, 565
Алексеева О. Б. 551, 613
Алексеевский А. П. 28
Алексей Михайлович, царь 69
Алеша см. *Лотман А. Ю.*
Аллен Л. 560
Аллилуева Н. С. 362, 368
Альтман И. А. 596
Альтшуллер М. Г. 457, 502
Ананьич Б. В. 560
Ананьич Н. И. 560
Андреев А. В. 8, 17, 22, 28, 34, 35
Андреев А. Н. 30, 31
Андреев В. Г. 35
Андреев В. Л. 8–15, 25, 27–30, 33–35, 40, 49
Андреев Д. Л. 32
Андреев Д. Н. 141, 193, 206, 217, 227, 268
Андреев Лев А. 8, 14, 15, 28–33, 35, 48, 49
Андреев (Андреев-Алексеевский, Алексеевский) Леонид А. 8, 9, 14, 15, 28–33, 35, 48, 49
Андреев Л. Н. 7, 8, 10–14, 22, 23, 28–33, 40, 49, 130, 482
Андреев Н. П. 552
Андреев П. Н. (псевд. Н. Рогожин) 22, 23, 27, 28, 31, 49
Андреева А. И. 23, 49
Андреева (урожд. Велигорская) А. М. 11, 13
Андреева А. Н. 13
Андреева М. Ф. 70
Андреева Н. 556
Андреева (в замуж. Оль) Р. Н. 28, 29
Андриевская А. Н. 363
Андриевская Т. 357, 367
Андриевские 329, 357, 359, 363, 367
Андриевский А. А. 368
Андроников И. Л. 518
Анисимова К. С. 126
Аничков Е. В. 238, 317
Аничков И. В. (Аничков 2-й) 277
Анненков П. В. 485, 521
Антамонов Ю. Г. 447, 493
Антокольский П. К. 606
Антонов С. П. 372
Антуан (Antoine) А. 282
Анциферов Н. П. 560

Аня см. *Кириллочкина А. И.*
Аплетин М. Я. 353, 367
Аполлонский Р. Б. 116
Апт С. К. 565
Арабажин К. И. 121
Арбенин (наст. фам. Гильдебрандт) Н. Ф. 536
Арбузов А. Н. 468, 512
Ардаматский В. И. 462, 507
Арзуманова М. А. 511
Ариосто Л. (Ariosto L.) 314
Арон см. *Узилевский А. Н.*
Аронсон М. И. 50, 51, 57, 59
Арсеньев К. К. 543
Аругюнова Е. В. 519
Архангельский А. А. 115, 116
Архипов А. Г. 525, 527, 529
Архипова Д. П. 62
Арьев А. Ю. 558, 560, 561, 600
Астафьев В. П. 548
Астафьева Н. Г. 561
Астахова А. М. 551
Ауслендер М. Я. 45
Ауя 292, 298
Афросимов (Офросимов) М. А. 175, 176, 217, 222, 228, 263
Афонин Л. Н. 32
Ахвердов Н. И. 230, 232, 234, 272
Ахвердова (урожд. Меллер) Е. Б. 204, 230, 231, 234, 272
Ахимблит А. 507
Ахимблит М. А. 507
Ахимблит Р. 507
Ахматова А. А. 138, 304, 326, 373, 418–420, 427, 435, 436, 441, 470, 514, 523
Ачильдиев С. И. 561
Ашимбаева Н. Т. 561

Баб 278–284, 288, 290, 291, 293, 299, 300
Бабель И. Э. 586
Багно В. Е. 561
Багрицкий Э. Г. 367, 421, 422, 504, 508
Бажов П. П. 554
Бажова (урожд. Иваницкая) В. А. 616
Базанов В. Г. 435, 440, 441, 455, 456, 459, 460, 462, 463, 466, 470 473, 475, 478,
482–484, 486, 501, 508, 511, 520, 521, 523, 613
Базанова Д. В. 613
Базилевский А. Б. 562
Баиста А. 352
Баишев 159
Байер В. П. 329, 349, 352, 359, 366
Байрон Дж. Г. 58, 59, 141, 180, 211, 224, 225, 327, 369, 530
Бакланов (наст. фам. Фридман) Г. Я. 546–549
Бакланов М. Г. 549

Бакланова Э. А. 549
Бакрон 182
Бакст Л. С. 22
Бақунин М. А. 436
Бакшис М. С. 356, 367
Бальденспержер Ф. 309–312, 322, 323
Бальмонт К. Д. 72, 559
Банвиль Т. де 614
Банк Н. Б. 430, 432, 433
Баранов В. В. 618
Баранова М. 391
Барановы 158, 159
Баратынский Е. А. 318–320
Барбюс А. 127
Бартенев П. И. 88–90
Бартенев С. П. 88, 90
Бартковская Е. А. 19
Бартковская Н. Г. 19
Бартковский А. Г. 8–10, 19, 21, 27, 35, 45
Бартковский Г. С. 19–22
Бартковский П. 19
Бартковский С. П. 19
Бархударов С. Г. 554
Барятинский, стольник 99, 101, 106, 110, 112
Баталов С. А. 98
Батурин Д. И. 141, 189, 193, 222, 263
Батурин П. И. 141, 174, 181, 185, 193, 194, 207, 216, 222, 263
Батурин Ф. Г. 231, 275
Бахрушин А. А. 121
Бахтин В. С. 510
Башкуров Р. Ш. 510
Башта Л. 556
Башуцкий А. П. 173, 262, 266
Башуцкий П. Я. 184, 186, 205, 209, 212, 217, 218, 231, 233, 262
Бебутова О. М. 316
Бедный Д. (наст. имя и фам. Е. А. Придворов) 129, 459, 465, 504, 510
Безыменский А. И. 416
Бек Т. А. 562
Беклемишева В. Е. 30
Беклешов П. Н. 186, 242, 246, 267
Бекман А. 327–329, 345, 346, 364, 369
Беленький В. П. 562
Белецкий А. И. 618
Белин А. Н. 488, 523
Белинский В. Г. 471, 492, 502
Беллинсгаузен Ф. Ф. 223, 274
Белосельский-Белозерский А. М. 355, 367
Белый Андрей (наст. имя и фам. Б. Н. Бугаев) 15, 66, 75, 483, 514, 521, 562, 578
Беляев А. П. 135, 173, 262
Беляев В. П. 135, 173, 605

Беляев М. Д. 86, 93, 113, 618
Беляев П. П. 135, 262
Беляев Ю. Д. 113–118, 121, 122
Беляков Л. П. 35
Бём Ф. 225, 275
Бенуа Л. Н. 19, 20
Берг Р. Л. 562
Берггольц (урожд. Грустилина) М. Т. 420
Берггольц М. Ф. 425, 427, 432, 433
Берггольц О. Ф. 343, 360, 366, 414–423, 425–427, 429, 430, 432–434, 614
Бергсон А. 317, 318
Бердяев Н. А. 68, 320
Березкина С. В. 50
Березов В. 131
Берендгоф Б. С. 606
Берестов В. Д. 562
Берков П. Н. 81, 82, 84, 91, 95, 460, 466, 469, 504, 511
Берковский В. С. 562, 563
Берсенев И. Н. 423, 425
Берга Григорьевна см. *Еремина Б. Г.*
Берхман А. П. 151, 253
Берхман (урожд. Шкурина) М. С. 253
Бессер, врач 397, 398, 400, 401, 404, 405, 407–410
Бестужев (псевд. Марлинский) А. А. 267, 618
Бестужев Н. А. 136, 185, 267
Бетховен Л. ван 275
Беха-Улла (Бахаулла) 278, 279, 281–288, 292–293, 299–301
Бехтеев А. Д. 190, 195, 200, 203, 218, 238, 252
Бехтеева А. Д. см. *Семенова А. Д.*
Бехтеева П. И. 170
Бехтеевы 150, 252, 259
Бехтерев В. М. 366, 412, 500
Билибин И. Я. 22, 25
Билинкис Я. С. (Яша) 435, 436, 447, 455, 461, 462, 467, 470, 472, 476, 477, 484, 494, 500, 505, 515
Билинкисы 455, 461, 472, 479, 494, 500
Биневич Е. М. 562, 563
Бирман М. А. 306, 308, 319, 324
Бирон В. С. 561
Бирюкова М. А. 51
Бистром А. И. 175, 206, 263
Бихтер А. М. 506
Бицилли П. М. 303–324
Бичурин Н. Я. (монах Иакинф) 614
Благова С. М. 556
Благосветлов Г. Е. 619
Блажиевские 225, 227, 229, 231, 243
Блажиевский А. М. 181, 214, 223, 225, 227–229, 231, 233, 234, 236, 243, 266
Бланк (в замуж. Усова) А. Г. 158, 256
Бланк (в замуж. Семенова) А. П. 163, 251, 257

Бланк Б. К. 153, 154, 163, 164, 166, 167, 256
Бланк К. И. 253
Бланк (урожд. Евреинова) Н. Я. 154, 160, 251, 254
Бланк П. Б. 158, 256
Бланк П. К. 253
Блейман М. Д. 380–382, 388, 389, 393, 400, 401, 404, 412
Блейман М. Ю. 412
Блок А. А. 14, 39, 40, 47, 66, 75, 304, 349, 366, 457, 461, 472, 505, 506, 515, 559,
576, 578, 607, 614
Блохин И. А. 242, 246, 277
Блюм А. В. 563, 564
Блюм А. Л. 282
Блюм Р. 282
Бляхер В. Б. 485, 522
Боборыкин П. Д. 471, 515, 619
Бобров Е. А. 618
Бобровская М. Н. 500
Бобровский Э. 607
Богданов А. А. 136, 148
Богданов Г. П. 528, 529
Богданович И. И. 135, 136, 139, 150, 155, 181, 182, 184, 186–188, 190, 192, 193,
195, 199, 210, 211, 252, 253
Богораз Л. 589
Богородский Ф. С. 72
Бойко А. А. 98
Боккаччо Дж. 314
Болговская 160
Болтин И. А. 196, 204, 212, 271
Большаков К. А. 615
Бонгард-Левин Г. М. 559
Бондарев Ю. В. 547
Бондаренко Л. 556
Борейша Д. П. 367
Борейша-Рейтц Н. И. 352, 367
Борен Жан де 205, 272
Борзаковский А. 126
Боричевский И. А. 352, 367
Боровиков С. Г. 564
Боровский Я. М. 616
Борухович В. Г. 616
Ботвинник С. В. 510
Боткин В. П. 436, 513, 521
Бочаров А. Г. 546
Бочкарев В. А. 494
Братанов Д. 549
Брежнев Л. И. 473, 489, 516
Брейтбург С. М. 618
Брем А. 37
Брехт Б. 440, 467, 468, 512
Бригген А. Ф. фон дер 88

Брискман М. А. 129
Британишский В. Л. 564
Бриттен Б. 440, 467, 468, 511
Бродский И. А. 570
Бродский Л. И. 618
Бродский Н. Л. 618
Броневский С. М. 492
Буало Н. 139
Буденный С. М. 607
Будкевич В. Ф. 27, 44
Буданже Д. 564
Буланин Д. М. (изд-во) 7, 28, 75, 76, 301, 324, 412, 418, 419, 432, 434, 436, 494, 523, 566
Булгаков М. А. 368, 436, 586, 592, 595
Булгарин Ф. Б. 476, 517
Булье Ж. 608
Бунин А. Ф. 161, 165, 183, 195, 205, 254, 257
Бунин В. П. 254
Бунин Д. М. 154, 155, 162, 163, 158, 253, 256, 257
Бунин И. А. 166, 167, 482
Бунин И. П. 138, 151, 153, 155, 158, 159, 162, 163, 174, 175, 178, 180, 183, 185, 191, 192, 199, 204, 205, 209, 215, 218, 220, 221, 223–227, 230, 234, 235–237, 243, 252–254, 256, 267, 274, 276
Бунин И. Ф. 155, 254
Бунин М. Д. 257
Бунин Н. А. 156–159, 167, 256, 257
Бунин П. П. 154, 158, 163, 165, 178, 192, 196, 204, 205, 228, 256
Бунин Ф. Ф. 154, 155, 161, 163, 165, 167, 205, 207, 254, 257
Бунина (в замуж. Терпигорева) А. М. 257
Бунина (урожд. Юрьева) А. П. 137, 138, 151–153, 155, 158, 160, 163, 183, 185, 199, 202, 204, 209, 221, 223–227, 233, 234, 236, 237, 241–243, 245, 247, 252–254, 263, 267, 272, 275–277
Бунина (в замуж. Павлова) В. А. 256, 257
Бунина (урожд. Бланк) Е. П. 154–157, 161, 162, 169, 170, 202, 204, 253, 254, 257, 259
Бунтман С. А. 585
Буренин В. П. 536
Буркгардт Я. 314
Бурсов Б. И. 435, 436, 441, 460, 461, 463, 466, 469, 470, 482, 483, 486, 504, 505, 508
Буслаев Ф. И. 56, 59
Бутовские 139, 196
Бутовский А. П. 139, 160, 257
Бутовский Д. П. 194, 196, 211, 270
Бутовский П. П. 139
Бутовский Я. Л. 433, 565
Бухмейер К. К. 435, 436, 447, 459, 461, 469, 479, 494, 505
Бухштаб Б. Я. 465, 467, 475, 504, 510
Бюфон (Бюффон) Ж. Л. Л. де 194, 204, 205, 207, 215
Быков 170

Быков В. В. 547
Быков Д. Л. 564, 602
Быков П. В. 539
Быкова Р. И. 539
Бялик Б. А. 126
Бялый Г. А. 335, 436, 439, 441, 470, 471, 483, 501, 514, 615

Вагин А. С. 32
Вагинов К. К. 559, 565
Вагнер Н. П. 605
Вагнер Р. 316
Ваксберг А. И. 565
Ваксель В. П. 169, 259
Валерий см. *Егоров В. Ф.*
Валиева Ю. М. 7, 17, 18, 47
Вальцель О. 317, 318
Варналис К. 565
Варшавская И. 39, 40
Варшавский Л. 39
Василевская А. 391
Василевский А. М. 444, 492
Васильев А. А. (Леша) 457, 458, 503, 523
Васильева М. В. 614
Васильчиков И. В., кн. 252
Васильчиков И. И., кн. 150, 230, 232, 252
Васькина Н. А. 556
Васюточкин Г. С. 480, 519
Вахитова Т. М. 370
Введенский А. И. 14, 46–48
Вебер М. 323
Вейдле В. В. 303–309, 311–323
Вейнберг Е. П. 279
Вейнберг П. И. 279
Вейсе Х. Ф. 519
Векслер И. И. 130
Велигорский М. М. 13
Великовский С. И. 565
Вельфлин Г. 316, 317
Вельяминова (в замуж. Абазинская) 256
Венгеров С. А. 79, 84, 618
Верди Дж. 468, 508
Вержбицкая 395, 396
Верещагин Л. Н. 267
Веркович С. И. 618
Верн Ж. 37
Верховский Ю. Н. 74
Веселовский А. Н. 67
Веселовский К. С. 177, 201, 246, 267
Вибе И. Н. 57, 59
Вивьен Л. С. 430

Виельгорский И. М., гр. 57, 59
Виктор Андроникович см. *Мануйлов В. А.*
Вильгельм Фридрих Людвиг (Вильгельм I) 229, 275
Виноградов В. В. 103, 554
Виноградов С. П. 80, 85, 86, 95
Виноградова Е. В. 325, 369, 494, 523, 525
Витберг 327
Витгенштейн П. Х. 184, 266
Витин 187
Витинская П. 178
Виттиг Э. 443, 491
Вишневецкий И. Г. 50, 56, 57, 59
Вишневский В. В. 429
Вишняк М. В. 308
Владимир Николаевич см. *Орлов В. Н.*
Владимир Яковлевич см. *Протт В. Я.*
Владимирцев В. П. 616
Владислав Евгеньевич см. *Холшевников В. Е.*
Власова М. А. 57
Вовси-Михоэлс Н. 566
Воейков А. Ф. 84
Вознесенский Ал-др А. 569
Вознесенский Андрей А. 483, 491, 521
Вознесенский Н. А. 569
Войтинский 347
Волгин И. Л. 421
Волков, архитектор 300
Волков О. В. 522
Волкова О. Ф. 440, 449, 454, 496
Волкогонова О. Д. 68
Волконская А. А., кн. 146, 147
Волконская З. А., кн. 54, 55, 57–59
Волконская М. А., кн. 146
Волконский А. Н., кн. 54, 57
Волконский Н. С., кн. 147
Володарский В. (наст. имя и фам. М. М. Гольдштейн) 511
Вологина О. В. 32
Волошин М. А. 432, 435, 436, 439, 443, 444, 446, 490, 491, 558, 566–568, 599
Волошинов В. А. 72
Волошина М. С. см. *Заболоцкая М. С.*
Вольперт Л. И. 517
Вольтер 139, 151, 166, 239, 258
Вольтская Т. А. 568
Вольфцун Л. Б. 568
Вольценбург О. Э. 33, 94
Воробьев К. Д. 547
Воронков К. В. 478, 518
Воронцов-Дашков И. И., гр. 533, 535
Воропанов Н. Ф. 142, 216, 217, 219, 222, 227, 229, 233, 236, 246, 273
Ворошилова Т. И. 482, 484, 520

Воскресенский В. Г. (псевд. полковник де Базиль) 282
Востриков А. В. 613, 615
Врангель Н. Н. 84
Врубель М. А. 443, 491
Всеволожский И. А. 535, 536
Высоцкий В. С. 449
Выходцев П. С. 435, 436, 482, 483, 520
Вюрмсер А. 612
Вяземский П. А., кн. 519, 564, 618, 619
Вяземский Т. И. 493
Вязьмин А. Ю. 571

Габович (урожд. Дымшиц) Д. Б. 459, 476, 504, 515
Габович Е. Я. (Габ) 476, 472, 515, 517
Габович Я. А. 504
Габовичи 438
Гаврилина Н. Е. 613
Гагарина Е. П., кн. 55
Гаген-Торн Г. Ю. 22, 36
Гаген-Торн Н. И. 39, 614
Гаген-Торн О. Я. 613
Гайдук В. Л. 114, 116, 117, 121, 122
Гайдн Й. 275
Галаган Г. Я. 130
Галай Ю. Г. 72, 76
Галчева Т. 309
Гальперин (Гальперин-Каминская; урожд. Гинцбург) Н. И. 282
Галямин В. Е. 273
Гампер Г. С. 568
Гамсун К. 115
Гангблов А. С. 135, 136, 139, 140, 142, 148, 149, 154–157, 161, 163, 171, 173, 176, 185, 186, 189, 195, 198, 201, 204, 217, 221, 227, 229, 231–234, 237, 243, 247, 252, 253, 256, 264–266, 268, 269, 277
Гандельсман В. А. 568, 569
Ганжевич В. М. 163, 194, 195, 258
Ганкевич С. В. 436
Гардзонио С. 321
Гаркави А. М. 461, 506, 507
Гарновский М. 262
Гаршин В. М. 542, 615
Гаршина (урожд. Золотилова) Н. М. 542
Гасовский К. А. 194, 270
Гаспаров М. Л. 62, 76
Гатов А. Б. 605
Гафиз (Хафиз) (наст. имя Шамседдин Мохаммед) 291, 300
Гваччиоли Т., гр. 58, 59
Ге Г. Г. 114
Гегелло А. И. 512
Гедин Б. 549
Гедройц С. (наст. имя и фам. С. А. Лурье) 569, 600

Гейне, учитель рисования 72
Гейро Л. С. 458, 503
Гельгардт Р. Р. 553–555
Генделев М. С. 616
Генделиус И. А. 275
Генделиусовы 224
Генкин С. Е. 453, 454, 499
Георг Л. В. 14, 15, 19, 24, 27, 30, 44, 46
Герасимов С. В. 486, 522
Герасимов Ю. К. 471, 515
Герасимова А. 48
Герашко Л. В. 309, 324
Герман А. Ю. 419
Герман Ю. П. 414–420, 422–427, 429–434, 465, 510
Гернет Г. Е. 569
Герович В. 572
Герра Р. 604
Герцен А. И. 90, 489, 494, 502, 505, 511, 512, 538, 600, 618
Гершензон М. О. 614
Гершкович З. И. 475, 516
Герштейн А. 569
Герштейн Мария 569
Герштейн Мих. Л. 569
Герштейн О. 569
Гершуни Е. П. 374, 410
Гессе П. И. 189, 193, 195, 210, 225–227, 267
Гессен В. Ю. 569
Гессен С. И. 307
Гиллельсон М. И. 459, 504
Гилянов, врач 395–397
Гинзбург Л. Я. 50, 59, 439, 469, 470, 475, 503, 513
Гиппиус З. Н. 130, 131
Гладилин А. Т. 548, 549
Гладков Ф. В. 616
Глазенап А. Г. 184, 266
Глезер Л. А. 70, 75
Глазунов И. С. 486, 487, 522
Глизер Ю. С. 512
Глинка М. И. 274
Глинка Ф. Н. 237, 242, 276
Глушаков П. С. 437, 523
Гмырёв А. М. 464, 509
Гнедич А. М. 326, 327, 331–333, 338–340, 351–353, 357, 526
Гнедич Н. И. 529
Гнедич П. И. 529
Гнедич П. П. 534
Гнедич Т. Г. 325–330, 352, 365–369, 525–530
Гнедичи 338, 339, 366, 367
Говард Г. Д. 39, 40
Говорова Е. А. 529

Тоголь Н. В. 13, 14, 59, 67, 68, 255, 362, 368, 390, 436, 520, 614, 619
Годин И. 562
Годунов Б. 16
Голдинг У. 569
Голикова М. 429
Голицын Л. С. 442, 490
Голлербах Э. Ф. 93
Головин А. Я. 113, 114, 116, 121, 122
Головин В. В. 613
Головин Н. Н., гр. 213, 263, 269, 270
Головнин В. М. 274, 275
Головнина (урожд. Лутковская) Е. С. 229, 275
Голоушев С. С. 31
Голубев А. А. 537
Голубович И. В. 309
Голубовский Е. 566
Гомберг Э. П. 506
Гомер 529
Гонейм М. З. 445, 492
Гончаров И. А. 13, 503
Гончарова Н. С. 453, 499
Гоппе Э. Д. 538
Горбаневская Н. Е. 477, 518
Горбачев Г. Е. 126–128, 130, 131
Горбачев М. С. 548, 569
Гордин Я. А. 570
Горелик П. З. 570
Горелов А. А. 125, 131, 613, 616
Горина Т. Н. 33
Горлин М. Г. 307
Городецкий Б. П. 469, 471, 513, 521
Городцов В. А. 107
Горохов А. А. 58, 59
Горфункель А. Х. 62
Горький М. (наст. имя и фам. А. М. Пешков) 129, 131, 370–372, 375, 385, 412, 415, 422, 501, 607
Горяева Т. М. 418, 433
Горяинов А. А. 187, 210, 211, 267
Горяинов П. Ф. 206, 209, 272
Гофман М. Л. 39, 88
Гоцци К. 516
Гранин (наст. фам. Герман) Д. А. 375, 411, 465, 501, 510, 548, 614
Гранина (Чернышева-Гранина) М. Д. 613
Грауберг Н. Г. 556
Графов Э. Г. 570
Грачева А. М. 63, 66, 67, 75
Греч Н. И. 185, 266, 513
Гржебин З. И. 412
Грибанов 149, 150, 228
Григ Э. 440, 479, 518

Григорович Д. В. 470, 514
Григорович Д. М. 536
Григорьев А. А. 444, 447, 455, 470, 471, 474, 475, 477, 478, 480, 492, 494, 505, 514, 515, 518, 519
Григорьев О. Е. 570
Григорьева Е. Н. 505, 523
Григорьян (Тер-Григорьян) К. Н. 469, 484, 504, 513
Григорян В. 582
Грин (при рожд. Гриневский) А. С. 435, 436, 442, 444, 491
Грин (урожд. Миронова, по первому мужу Короткова, по третьему — Нания) Н. Н. 435, 436, 442, 443, 491
Гриневская (урожд. Фрейдберг) И. А. 278–301
Гриша см. *Лотман Г. Ю.*
Гришин В. Ю. 65, 76
Гришина Я. З. 65, 76
Громов П. А., протоиерей 176, 264
Громов П. П. 461, 487, 489, 505, 510
Громова Н. А. 415, 418, 433, 571
Гроссман В. С. 522
Грот К. Я. 136, 137, 149, 262, 263, 276, 277
Грот Я. К. 262
Груздев А. И. 347, 462, 467, 507
Груздев И. А. 411
Груздева Т. К. 377, 411
Груздевы 387, 411
Грузинский И. Г., кн. 177, 264
Грэхэм Л. Р. 571, 572, 604
Грякалова Н. Ю. 75
Гуаньели С. 561
Губар П. В. 79
Гудзенко О. И. 605
Гудзенко С. П. 605
Гудзий Н. К. 466, 511
Гудимов И. П. 198, 217, 241, 271
Гуковский Г. А. 91
Гуль Р. Б. 561
Гультяев А. П. 522
Гуляев Н. А. 485, 521
Гуменюк А. 20
Гумилев Л. Н. 327
Гумилев Н. С. 40, 47, 49, 130, 504
Гура В. В. 519
Гурецкая К. Я. 479, 518
Гурович А. (псевд. И. Гурович) 616
Гурьев Д. А. 177
Густа см. *Инслерман А. Т.*
Густав III 253
Гуськов Н. А. 505, 523
Гутан (урожд. Красовская) О. А. 478, 518
Гяуров Н. 464, 509

Далош Л. 603
Д'Амелия А. 321
Даль В. И. 83, 526
Данилевский Р. Ю. 53, 59
Данин (наст. фам. Плотке) Д. С. 419, 572
Даниэль Ю. М. 520
Дановский Л. А. 572
Данте А. 50, 56, 58, 59
Дарский Д. С. 114
Девитте (Витт) П. Я. 177, 201, 206, 264
Девис М. 588
Деев-Хомяковский Г. Д. 619
Дежорж З. В. 615
Дейч А. 606
Дельвиг А. А. 519
Демерт Н. А. 543
Демидов А. Г. 271
Демидов Г. А. 198, 271
Демидова О. Р. 586
Деникин, солдат 142, 179
Деникин А. И. 365
Денисенко С. В. 113, 114, 122
Депрерадович Н. И. 181, 202, 266, 272
Державин Г. Р. 162, 259
Державин Н. С. 105, 141, 618
Деркач С. С. 457, 458, 460, 473, 482, 502
Десятова Ю. А. 616
Детинов С. А. 88
Джеймс Г. 511
Джексон У. 368
Джигалова Г. 556
Джилас М. 617
Джулиано Дж. 51, 57
Джунковский С. С. 226, 275
Дзержинская (урожд. Мушкат) С. С. 424, 433
Дзержинский Ф. Э. 414, 420–426, 428, 429, 433
Диба С. А. 572
Дибич (Дибич-Задунайский) И. И. (при рожд. Х. К. Ф. А. фон Дибич-унд-Нартен), гр. 266
Диккенс Ч. 538
Дикман М. И. 470, 471, 514
Дильбазова М. Х. 38
Дина Борисовна см. *Габович Д. Б.*
Дисней У. 368
Дмитренко А. Л. 7, 15, 16, 18, 40, 46, 49, 559, 565, 572
Дмитриев А. М. 125, 128
Дмитриев А. П. 435–437, 496, 523, 524
Дмитриев И. И. 207
Дмитриев Н. В. 19
Дмитриев П. В. 117

Дмитриева А. 121
Дмитриева Р. П. 62
Дмитрий, царевич 16, 17
Дмитрий Евгеньевич см. *Максимов Д. Е.*
Добкин А. И. 15, 560
Доброва М. Д. 344, 366
Добровольская О. Ф. 143, 180, 214, 218, 219, 222–225, 227–229, 231–233, 235–237, 243, 275
Добровольский Б. М. 551
Добролюбов Н. А. 445, 459, 471, 492, 504
Добрушин И. М. 509
Добужинский М. В. 22, 25
Довгелло С. П. см. *Ремизова-Довгелло С. П.*
Долгополов Ф. И. 222, 274
Долгорукая (урожд. гр. Шереметева) Н. Б., кн. 312
Долгоруков Н. П., кн. 539
Долматов В. П. 115
Долматовский Е. А. 464, 509
Дорфман К. 40
Дорфман Л. 40
Достоевский Ф. М. 13, 15, 31, 307, 318–321, 443, 447, 478, 514, 538, 539, 561, 613, 618
Дризен Н. В., бар. 114
Дружинин А. В. 521
Дружинин П. А. 512, 523
Друкарёв Е. Г. 569
Друскин Я. 41, 43, 46
Дрыжакова Е. Н. 457, 502
Дубинский И. В. 605
Дудинцев В. Д. 452, 498
Дункан Р. 511
Дурново А. Н. 72
Духавина Н. Ю. 536
Дымшиц А. Л. 126, 131, 503
Дэвис Р. 13, 32
Дэсанти Д. 603
Дюклу А. Н. 203, 207, 217, 218, 220–222, 272, 274

Евгеньев-Максимов В. Е. 93
Евреинов, поручик 170
Евсевьев М. Ю. 558, 572, 573
Егоров А. Ф. 521
Егоров Б. Б. 472, 516
Егоров Б. Ф. 435–524, 539, 573, 613
Егоров В. Ф. 482, 520, 521
Егоров Ф. И. 482, 521
Егорова (урожд. Волкова) А. Я. 482, 521
Егорова О. И. 482, 520
Егоровы 493, 511, 513
Елена Павловна, вел. кн. (при рожд. Шарлотта Вюртембергская) 243, 277

Елизавета Алексеевна, имп. 208, 214, 273
Елизавета Петровна, имп. 267
Елизаренкова Т. Я. 435, 436, 453, 499
Елисеев Н. Л. 574, 599
Ельчанинов Н. М. 267
Емельянов Л. И. 551
Енохин И. В. 187, 267
Еремин И. П. 522
Еремина Б. Г. 487, 522
Еремина В. И. 522
Еремины 486
Ермакова-Битнер Г. В. 510
Ермолов А. П. 160
Ершов П. П. 616
Еселев Н. 128
Есенин С. А. 520
Есипов В. В. 574
Ефимов Г. В. 457, 458, 502, 503
Ефимова М. Т. 476, 517
Ефремов П. А. 80
Ефремов П. Е. 614

Жадовский Н. И. 203, 272
Жарновский И. В.
Жаров А. А. 416
Жданов А. А. 573
Жданов В. В. 504
Жданов И. Ф. 574
Жегин (при рожд. Шехтель) Л. Ф. 453, 499
Желтухин П. Ф. 149, 150, 252
Желтухин С. Ф. 275
Жернова Н. С. 68
Жид А. 319, 320
Жинкин Н. П. 618
Жирмунский В. М. 441, 481, 520
Жобер (урожд. Давид) В. П. 576
Жуковский В. А. 88, 518
Жюэн Ю. 607, 608

Заблоцкий Е. М. 35
Заболоцкая (Волошина) М. С. 435, 436, 439, 443, 444, 465, 491, 568
Заболоцкий Н. А. 465, 510, 590
Завадский С. С. 190, 210, 224, 240, 246, 276
Заварихин, прапорщик 174
Загоскин А. Н. 236, 276
Загоскин В. Н. 236, 276
Загоскин М. Н. 276
Загряжские 160, 164, 254
Загряжский А. И. 169, 172, 226, 254
Заднепровская А. Ю. 135

Заикин А. И. 227, 275
Заикин И. И. 227
Зайончковская (урожд. Скорнякова) И. П. 465, 510
Зайончковский П. А. 465–467, 509–511
Закревский А. А., гр. 275
Зализняк А. А. 449, 496
Залыгин С. П. 548, 549, 577
Зальца Н. А., бар. 187, 267
Замятин (Замятнин) А. М. 149, 181, 185, 215, 251, 256
Замятин Е. И. 581
Западов А. В. 126
Зара см. *Миц* З. Г.
Зарецкий В. А. 451, 498
Зарубина И. П. 479, 518
Затуловская Л. Д. 28
Захаренко Н. Г. 62, 536, 537
Захаров А. Н. 613
Зверинская (урожд. Белелюбская) П. П. 161, 163, 167, 255, 256
Зверинские 154, 156, 157, 165, 167, 255
Зверинский В. И. 255
Зелкинд Б. Г. 546
Зелкинд Д. Б. 546
Зелкинд Ю. Д. 546
Зенькович В. В. 386, 412
Зигфрид см. *Старк* Э. А.
Зиновьев В. Н. 149, 150, 251
Зиновьев Н. В. 149, 173, 175, 192–194, 210, 251
Златковская К. М. 419
Зобнин Ю. В. 40
Золотавин Н. Н. 15, 39
Золотарев А. А. 15
Золотоносов М. Н. 420, 433
Зонина Л. А. 576
Зорге Р. 440, 472, 516
Зотов В. Р. 619
Зотова Е. И. 430
Зощенко (урожд. Кербиц) В. В. 370, 372, 373–412, 593
Зощенко В. М. (Валя) 373, 378–380, 382, 385, 388–396, 403–409
Зощенко М. М. 370–413, 418–420
Зубов Н. И. 429, 433
Зуева, соседка 409
Зуева М. 380
Зуккау 378
Зяблова Г. Г. 574, 575, 589

Ибсен Г. 518
Иван Грозный, царь 275
Иванов 108
Иванов А. Г. 430
Иванов В. В. 448, 495, 497

Иванов В. К. 7, 12
Иванов Вяч. И. 614, 616
Иванов Г. В. 47, 560, 561
Иванов Е. П. 461, 506
Иванов И. 44
Иванова (урожд. Горбова) А. Ф. 461, 506
Иванова Л. Н. 23, 49
Ивашев В. П. 618
Игорь см. *Цаплин И. П.*
Игорь см. *Чернов И. А.*
Иезуитова Л. А. 30, 49
Измайлов А. Е. 185, 266
Измайлов Н. В. 619
Ильин Н. Н. 162, 257
Ильина (урожд. Насель) А. И. 162, 257
Ильинский Л. К. 618, 619
Ильф И. А. 521, 523
Илья Григорьевич см. *Эренбург И. Г.*
Инбер В. М. 326, 353, 360, 361, 367
Инна Михайловна см. *Образцова И. М.*
Инкио (Инкуо, наст. фам. Nella Giacomelli) 617
Инслерман А. Т. (Густа) 454, 496, 500
Иоаннесян Ю. А. 280, 283, 302
Иофан-Штрум Х. А. 485, 522
Иоффе Г. А. 575
Ипполитов А. В. 536
Ирина Вячеславовна, врач 470–472, 514
Исаков С. Г. 457, 502
Исаков Ю. 417
Исакович И. В. 435, 436, 447, 459, 469, 479, 494
Исаковский М. В. 465, 510
Истрин В. А. 106, 112
Иткина С. 507

К. Р. (Романов К. К.) 465, 510
Кавелин А. А. 271, 273
Каверин (наст. фам. Зильбер) В. А. 40, 588
Каганович Б. С. 314
Казакова Р. Ф. 575
Казаковцев В. С. 447, 493
Казначеев А. И. 149, 168, 251
Калиганов И. 309
Калинина В. А. 447, 455, 493
Калиновский 223
Кальмыков А. Д. 300
Кальмейер Б. М. 45
Каляев И. П. 73, 74
Камегулов А. Д. 127, 128
Кампенгаузен Б. Б. 220, 274
Канкрин Е. Ф. 177

Кант И. 367
Кантемир А. Д. 516
Кантор Ж. М. 571, 604
Кантор И. Г. 546
Каплер А. Я. 419
Кара-Мурза С. Г. 82
Карамзин Н. М. 141, 226, 239, 240, 242, 275, 456, 472, 479, 502, 519, 565, 566
Карась-Чичибабина Л. С. 600
Каратыгин В. К. 62
Кардаш Анатолий см. *Мише Аб*
Кардин Вл. (наст. имя и фам. Э. В. Аркинд) 504
Каринский Н. М. 553
Кармен Р. Л. 606
Карпинский А. П. 541
Карпов А. А. 505, 523, 585
Карпов Н. А. 505, 523
Карский Е. Ф. 618
Карчевский В. С. 187, 267
Касрадзе К. 354, 360, 367
Катаев В. П. 367
Катенин П. А. 465, 510
Катерли Е. И. 418, 430
Катерли (урожд. Фарфель, по мужу — Эфрос) Н. С. 419, 430, 433, 575
Каурова Г. К. 546
Кацева Е. А. 575
Квятковская М. З. 575
Кекконен У. К. 448, 495
Кельбер А. К. 96, 97
Кельбер Н. А. см. *Константинов Н. А.*
Кельбер С. А. 97
Кельнер В. Е. 576
Кен Л. Н. 23, 28, 49
Керенский А. Ф. 319, 320
Кильк В. П. 448, 495
Киплинг Р. 37, 368
Кирилл 96, 99, 110–112
Кириллочкина А. И. (Аня) 459, 469, 504, 513
Киркач Л. Д. 589
Киров С. М. 536
Киршон В. М. 416
Киселев П. Д. 275
Киселев-Сергенин (Киселев) В. С. 50, 59, 456, 501
Китнер М. И. 512
Клайн Э. 576
Клеман М. К. 128, 131
Клемент Ф. Д. 452, 454, 461, 498
Клинг О. А. 576
Клычков С. А. 617
Клюев Е. 554
Клюев Н. А. 558, 559

Ключевский В. О.
Клячко А. И. 280
Клячко Л. М. 279, 280
Кнорозов Ю. В. 98, 106
Князев Ф. С. 131
Князева Н. Г. 62, 536, 613, 615
Кобринский А. А. 14, 47
Кобринская С. 566
Кобяков А. А. (Кобяков 2-й) 198, 251
Кобяков Е. А. (Кобяков 1-й) 150, 186, 251
Кобяков И. А. (Кобяков 3-й) 251
Кобяковы 149, 150, 172–177, 190, 192, 198, 202, 208, 216, 217, 222, 228, 251
Ковалев, литератор 375
Коварский Н. А. 419
Ковешников П. И. 556
Ковэн П. 576
Коган, профессор 354, 367
Коган М. С. 618
Коган П. Д. 459, 463, 504
Коган П. С. 606
Кожевников Н. П. 203, 227, 272
Кожин В. В. 51, 59
Козинцев А. Г. 576
Козинцев Г. М. 428, 430, 433, 565, 576
Козинцева (урожд. Древницкая) В. Г. 430, 433, 565, 576
Козленков 172
Козлов А. П. (Козлов 2-й), 262, 272
Козлов Н. П. (Козлов 1-й) 242, 262, 272
Козлов С. П. (Козлов 3-й) 262, 272
Козловы 172, 177, 185, 205, 229
Козьмин Б. П. 539
Колесникова (Русина) Г. А. 576, 577
Колесникова Л. 556
Колесов Н. Д. 474, 488, 516
Колесова Н. Н. 558, 612
Колмовский В. В. 220
Колобов Ф. Я. 45
Колобова Н. Я. 45
Колпакчи Г. И. 280
Колубовский Я. Н.
Кольцов А. В. 619
Комаров В. М. 516
Комитас (наст. имя и фам. С. К. Согомонян) 464, 509
Коммиссаржевская В. Ф. 62, 75, 115
Кон Ф. 424
Кондратьев А. А. 618
Кондратьев К. Я. 456, 481, 502
Кондрашов Г. Ф. 456, 501
Конецкий В. В. 606
Кони А. Ф. 84, 536, 543

Константин Константинович, вел. кн. см. *К. Р.*
Константин Лукич, служащий гостиницы 67
Константин Павлович, цесаревич 138, 252, 253
Константинов А. П. 515, 524
Константинов Н. А. 96–112
Константинова А. В. 97
Конюс (урожд. Рахманова) Т. С. 615
Конюс Б. Ю. 615
Копельман С. Ю. 392, 412
Коплан Б. И. 91, 93, 94, 618
Копылов, врач 507
Корин П. Д. 522
Корман Б. О. 489, 523
Корниенко Н. В. 413
Корнилович А. О. 273
Корнич О. В. 429
Королев С. П. 522
Корольков Н. В. 164, 258
Коростелев О. А. 306, 319, 324, 577
Коршунова Г. П. 454, 500
Костелянец Б. О. 447, 471, 478, 494
Косыгин А. Н. 474, 516
Котельников В. А. 125, 131
Котляревский Н. А. 541, 618
Кочемасов В. И. 522
Кочетов В. А. 483, 521
Коцебу А. Ф. фон 166, 258
Кощиенко И. В. 538, 540, 541, 545, 613, 619
Кравчинская В. А. 114, 552
Краевский А. А. 494
Крамер Дж. Б. 223, 225, 275
Крандиевская-Толстая Н. В. 330, 343, 365, 366
Красильщик С. 582, 583
Красковский И. Ф. 539
Краснобородько Т. И. 125, 131
Краснов Г. В.
Красовицкая Т. Ю. 415, 433
Красовская (урожд. Григорьева) Н. А. 518
Красовский 189, 191
Красовский А. И. 267, 479, 519
Красовский А. Ф. 518
Кребильон П. Ж. де 275
Кривошапкин М. Ф. 21
Кристи А. 452, 496
Кричевский Д. Л. 512
Кричинская (урожд. Успенская) М. Г. 542
Кропоткин Д. П. 141, 173, 174, 184, 189, 196, 203, 212, 215, 217, 220, 227, 233,
263, 271
Кроче Б. 314
Кружков Г. М. 577

Крупская Н. К. 492, 510
Крутикова (Крутикова-Абрамова) Л. В. 482, 510
Ксения Константиновна см. *Бухмейер К. К.*
Кубалов Б. 16
Кудрявцев В. Б. 309, 324, 613
Кудряшов К. 552
Кузмин М. А. 113, 114, 117–120
Кузмина В. П. 46
Кузнецова Е. 51, 59
Кузнецова И. А. 577
Кузовкин Д. Э. 496, 524
Кузовкина Т. Д. 496, 524
Кузьмина Л. И. 548
Куликова Н. 572
Кулиш П. А. 619
Куль И. Г. 435, 436, 451, 497
Кульчицкий М. В. 463, 508
Куприн А. И. 130, 131, 482
Купченко В. П. 566–568, 599
Курганская Е. 556
Курочкин В. А. 547
Курочкин В. С. 538
Куррат ал-Айн (Тахира) 291, 296, 300
Кусовы 211, 273
Кутузов М. И. 272
Кутузов Н. И. 175, 263
Кузник Т. (наст. имя и фам. Д. Янович) 464, 509
Кушнер А. С. 577, 578

Ла Клэр Г. де 356
Лавров А. В. 66, 75, 491, 562, 566, 578
Лавров П. А. 618
Лаврова Н. Н. 558, 612, 613
Лавровский В. К. 79
Лазарев Л. И. 579
Лакиер Е. И. 586
Лалаев М. С. 238, 240, 241, 243, 245, 247, 248, 267, 276
Лалаева Е. М. 240, 276
Лалаевы 187, 196, 213, 249, 267
Ламартин А. 141, 146, 183, 239, 276
Ламздорф М. И. 263
Ламздорф Ф. М. 173, 176, 181, 190, 191, 193, 195, 207, 213, 223, 227, 228, 263
Ланда М. С. 599
Ландау Е. И. 579
Ланевский-Волк М. В. 217, 274
Лансере Е. Е. 22
Ланцетти В. 606
Лاپин Б. М. 579, 606
Лапицкий И. П. 468, 473, 512

Лаппа М. Д. 135, 136, 140, 141, 157, 178, 182, 190, 193, 201, 213–215, 227, 231, 232, 235, 256
Лаппо-Данилевская Н. А. 316
Ларин Б. А. 98, 101, 104–106, 108, 109, 463, 508
Ларионов М. Ф. 315, 316, 453, 499
Ласкина А. Я. 546
Лацис О. Р. 580
Лебедев А. В. 200, 210, 238, 239, 241, 245, 248–250, 271
Лебедева Н. И. 20, 21
Лебединский М. Ю. 420, 433
Левин В. 589
Левин Л. И. 415, 417–419, 426, 427, 433
Левин Ю. Д. 470, 471, 478, 514
Левин Ю. И. 453, 499
Левоневский Д. А. 343, 366
Лейкинд О. Л. 23
Лейтт 175
Леман Б. А. 599
Лемке М. К. 543
Ленин (наст. фам. Ульянов) В. И. 41, 423
Ленорман М. 366
Лентовская Л. Д. 7, 11, 12, 15, 17–19, 22–24, 26, 28, 31, 35, 36, 41, 45, 47
Леонов Л. М. 522
Леонтьева Г. К. 377, 386, 411
Лермонтов М. Ю. 92, 93, 125, 614
Лермонтов Ю. М. 459, 469, 471, 473, 475–477, 480, 504, 506, 515, 517
Лернер Н. О. 614
Лесков Н. С. 584
Лесгафт П. Ф. 42
Лесман М. С. 61–62, 64, 70, 74–75, 533, 536, 537, 614, 615
Лесс А. Л. 580
Лесскис Г. А. 448, 451, 495, 498
Ли К. 602
Либединская Л. Б. 580
Либединский Ю. Н. 374, 410, 427
Либерман Н. Р. 127, 613
Либкнехт К. 491
Ливий см. *Тит Ливий*
Ливингстон Д. 284, 288, 289, 299
Ливицкая З. 40
Лидин В. Г. 580
Лидина Е. В. 580
Ликин, педагог 72
Лимбах И. (изд-во) 578, 599
Лина Яковлевна см. *Ляховицкая Л. Я.*
Линден А. В. 586
Липавская Б. 45
Липавская Р. С. 45–47
Липавский Л. С. 7, 8, 10, 11, 17, 18, 19, 25, 33, 36, 40, 45–49
Липавский М. Л. 45

Липавский С. М. 45, 46
Липатова М. 121
Лир Э. 453, 499
Литвинов А. Н. 165, 194, 197, 234, 235, 238, 245, 247, 258
Литке Ф. П. 266
Лифшиц В. А. 385, 412
Лихачев Д. С. 98, 102, 103
Лихова Н. 585
Лициний, имп. 100
Лобанов-Ростовский Д. В., кн. 177
Лобков И. Ф. 169, 192, 259, 268
Лобкова М. Д. 169, 170, 259, 268
Логвинова И. В. 51
Лодыгин Н. Н. 159, 257
Лозанов А. 552
Лозанов Н. Н. 552
Лозанова А. Н. 550–552
Ломагин Н. А. 369
Ломоносов М. В. 87
Лондон Д. 39
Лопатин Л. М.
Лорер Н. И. 135, 136, 239, 276
Лосев А. Ф. 315, 316
Лосев Д. А. 567
Лотман А. Ю. 452, 498
Лотман Г. Ю. 452, 498
Лотман Ю. М. 435, 436, 447–454, 456, 457, 459, 466, 467, 469, 472, 476, 477, 479,
484, 493, 495–500, 502, 504, 506, 511, 513, 517–519, 521, 524
Лотманы 438, 449, 450, 452, 456, 461, 468, 477, 496
Луве де Кувре Ж. Б. 141, 213, 249, 250, 273
Луговской В. А. 375
Луков Л. Д. 420
Лукомский В. 92
Луначарский А. В. 72, 115, 125, 131
Лундберг Е. Г. 317
Лунин М. С. 411, 618
Лункевич В. В. 37
Лунц А. М. 39
Лунц Л. Н. 47, 587, 588, 614
Лурье С. А. см. *Гедройц С.*
Лурье С. Я. 98
Лурье Ф. Р. 580
Лурье Э. В. 580, 581
Лутковская 229
Львов А. Н. 276
Львов А. С. 106
Львов И. Ф. 227, 275
Львов М. Д. (наст. имя и фам. Р. Д. Габитов) 614
Львов Н. А. 618
Львов С. П. 195

Лысенкова Е. Л. 513
Лысогорский О. (наст. имя и фам. Э. Гой) 606
Любарева Е. П. 511
Любарский А. 603
Любимов С. В. 618
Любимов Ю. П. 548
Любимова М. Ю. 581
Любович Н. А. 130
Любовь, мч. 513
Любшин Н. И. 613, 614
Людовик XIV 139
Лямина Е. Э. 57, 59
Ляпунов Н. А. 162, 163, 164, 257
Ляпунова В. Н. 162, 163, 164, 257
Ляпунова (урожд. Ракитина) М. А. 257
Ляхова Н. 585
Ляховицкая Л. Я. 470, 514
Ляцкий Е. А. 543

Магин И. 536
Магомаев М. М. 464, 509
Магомет (Мухаммад), пророк 281, 293
Май К. 11, 12
Майзель Б. Я. 581
Майзель М. Г. 126
Майков А. Н. 90
Майков Л. П. 536
Майков М. Г. 539
Майоров Н. П. 463, 508
Макаров В. Ю. 319
Макарова А. Д. 527, 530
Македонов А. В. 503
Макиавелли Н. 314
Макогоненко Г. (Ю.) П. (Мак) 419, 428, 430–433, 435, 436, 441, 486, 522
Максимов Д. Е. 435, 436, 439–441, 461, 469, 470, 473, 486, 489, 505, 506, 514, 515, 522, 523
Максимович А. С. 395, 406, 412
Малакута 298
Малахов С. А. 126
Малмстад Дж. 562
Малова М. И. 501
Малова Н. 556
Мальцужинский В. 440, 485, 521
Малютин М. П. 195, 196, 198, 213, 226, 242, 270
Малягский А. 40
Мамед-Али, шах 296, 297
Мамедханлы М. А. (Нахджавани А. А.) 278, 281, 282, 284, 288–292, 294, 296, 297, 299
Мандельштам Н. Я. 503, 523
Мандельштам О. Э. 458, 459, 503, 566, 583, 591, 593

Мандерштерн А. Е. 177, 269
Манджикова Д. Н. 556
Мандрыкина Л. А. 470, 514
Мануйлов В. А. 93, 435, 436, 439, 441–446, 459, 460, 473, 486, 490, 504, 616
Манукян В. В. 563, 581
Манцевич А. П. 98
Манчха Г. П. 598
Мараса 298
Мариенгоф А. Б. 419
Мария Титовна см. *Ефимова М. Т.*
Мария Федоровна, имп. 268
Маркевич А. И. 619
Мартен Ш. Н. 608
Мартынов Г. Г. 508, 524
Мартынов Л. Н. 581
Мартынов М. Н. 551
Мартынов П. П. 144, 145, 149, 172–174, 177, 179–186, 188–190, 194, 198–200, 206–209, 212–214, 216, 232–236, 243, 251, 259, 262, 263, 269, 271, 272, 277
Мартынова А. Н. 520, 524
Маршак С. Я. 421
Масанов И. Ф. 279, 302, 539
Маслов В. С. 457, 463, 471, 474, 481, 488, 503
Матвеев Е. М. 505, 523
Матип Б. 608
Маторин Н. М. 550
Маханов А. И. 360
Машинский С. И. 468, 512, 513
Маяковский В. В. 40, 130, 330, 365, 420, 421, 453, 477, 499, 512, 592
Медведев П. Н. 126
Медведева-Самойлова Г. И. 591
Медовой М. И. 54, 59
Мей Л. А. 90
Мейерхольд Вс. Э. 113–117, 121, 122, 415, 416
Мейлах Б. С. 469, 513
Мейлах М. Б. 14, 47, 48
Меланхтон (наст. фам. Шварцерд) Ф. 615
Мелихов А. М. 581, 582
Мельников-Печерский П. И. 619
Мельц М. Я. 616
Менакер А. С. 387
Мендельсон Ф. Л. 492
Мережковский Д. С. 307
Мессер Р. Д. 128
Мессершмидт Е. И. 155, 156, 162, 165, 167, 255
Метерлинк М. 366
Метнер Н. К. 316, 317
Метнер Э. К. (псевд. Вольфинг) 316, 317, 602
Метгер И. М. 419
Мефодий, св. 96, 99, 111
Мехрангиз 292, 294, 295

Мец А. Г. 613
Мещанинов И. И. 101, 105, 109
Мещерский А. В. 618
Мещерский Н. А. 102
Микеланджело (Микель-Анджело) 52–54, 486
Миклухо-Маклай Н. Н. 600
Микулин В. Я. 184, 271
Милевский М. 619
Миллер Дж. О. 490
Миллер К. П. 149, 150, 174, 218, 220–222, 251
Миллер (урожд. Егорова, в первом браке Морозова) Т. Б. 438, 439, 441, 450, 478, 485, 489, 497, 500, 504, 505, 519
Миллиор Е. А. 614, 616
Милованович Д. А. 619
Милонов М. В. 156, 255
Милонова (урожд. Семенова) П. П. 155
Милорадович М. А. 191, 266, 276
Милтенова А. 309
Минихова 170
Минц З. Г. (Зара) 435, 436, 453, 456, 470, 477, 496, 499, 500, 502, 506, 511, 514, 518, 519, 521, 524, 588
Минченоч Д. А. 491
Мира см. *Цаплина М. С.*
Мирза Али Акбер см. *Мамедханлы М. А.*
Мирза Язди Афнан 298
Мирза-Мунир Набилов (Набили) 291
Мирзоян Б. 582
Мироллюбов В. С. 543
Мироллюбова Г. А. 81, 86, 95
Мироненко С. В. 68, 75, 137
Миронова М. А. 387
Митник Е. А. 278, 301, 302
Митник С. Ю. 283
Митропольский Б. 44
Митрофанов А. П. 556
Михаил Павлович, вел. кн. 203, 243, 263, 272, 277
Михайлов В. 40
Михайлова, сотрудник ЛГУ 458, 503
Михоэлс С. М. 566
Мицкевич А. Д. 618
Мише Аб (наст. имя и фам. А. Кардаш) 582
Мних Р. 315
Могиянская М. Д. 24
Модзалевский Б. Л. 84–90, 618
Модзалевский Л. Б. 86
Мойер И. Ф. 518
Мойер (урожд. Протасова) М. А. 477, 518
Молчанов А. Е. 534
Молчанов Н. С. 416, 614
Молчанова Е. С. 536

Мопассан Г. де 538
Морачевский Н. Я. 126
Морган Т. 609
Мордвинов А. Н. 237, 276
Мордвинов Н. С. 233, 235, 237, 275, 276
Мордвинова Н. Н. 235, 237, 242, 276
Москвин Н. 126
Мостовенко Н. П. 582
Моцарт В. А. 315
Мочульский К. В. 304, 306
Мудрак В. 556
М'Узан М. де 609
Музиль А. А. 430
Мурадели В. И. 498
Муратов А. Б. 435, 436, 455, 456, 458, 460, 501, 512
Муратова К. Д. 501
Муромский В. П. 411
Мурьгин-Толстой Г. И. 613
Мусатова Т. Л. 56, 59
Мусин-Пушкин А. И. 169, 170, 259
Мусин-Пушкин В. А. 259
Мусоргский М. П. 474, 505
Мухина В. И. 368
Мялль Л. Э. 435, 436, 450, 497

Набиль 300, 302
Навашин Д. С. 616
Нагибин Ю. М. 411
Нагорная Я. В. 550, 552, 553, 555–557
Нансен Ф. 37
Наполеон I Бонапарт, имп. 615
Наппельбаум И. М. 583
Нарбут Г. И. 22
Наровчатов С. С. 432, 613
Наровчатова О. С. 613
Нарышкин М. М. 135, 136, 277
Наташа см. *Образцова Н. Ю.*
Наумов Е. И. 483, 521
Наумова В. Н. 327
Наумова К. 210
Нафтали Т. 598
Неболсин 168
Неболсины 150
Нейдгардт А. И. 142, 180, 265, 270
Некрасов В. П. 579
Некрасов Н. А. 92, 93, 127, 461, 489, 503, 506, 507, 512, 513, 523, 596
Немзер А. С. 591
Немирович-Данченко В. И. 619
Немчинова Т. И. 126
Нерлер (наст. фам. Полян) П. М. 583

Нестерова 159
Неустроев Д. В. 584
Нефергити 443
Нешумова Т. Ф. 584
Нибби А. 56
Нива Ж. 561
Никитин И. С. 456, 501
Никифоровский В. М. 542
Николаев А. И. 454, 450, 496, 500
Николаева Л. А. 471, 473, 515
Николаева С. А. (Соня) 438, 439, 446, 450, 453, 454, 457, 465, 466, 469–472, 478, 482, 485, 493, 496, 500, 505, 506, 511, 513, 519, 522, 523
Николаева Т. А. 438, 439, 450, 454, 505
Николаева Т. М. 435, 436, 449, 495
Николаевский Б. И. 616
Николай Иванович, директор Дома ученых 458, 503
Николай Павлович, вел. кн. 135, 141, 143–145, 172, 174, 177, 179, 181, 182, 186, 189, 190, 193, 194, 196–198, 200–202, 206–208, 224, 229, 231–236, 252, 253, 256, 258, 262–273, 275–277
Николай II, имп. 534
Николюкин А. Н. 51
Никритина А. Б. 419
Никтопалион Севастийский 100
Никулин Д. 164, 170
Никулин Л. 126
Нил Э. 617
Нилин П. Ф. 420
Новиков 181, 184, 215, 217, 231
Новиков Г. А. 493
Новиков Н. И. 79, 92, 564
Новикова А. Г. 493
Новикова Е. П. 493
Новиков-Прибой А. С. (наст. фам. Новиков) 128, 131
Новиковы 445, 448, 472, 493
Ноздренко М. О. 58, 59
Норов В. Д. 195, 217, 222, 258
Норов В. С. 141, 258, 269, 270
Норов Д. М. 258
Норов Д. С. 258
Норов М. Д. 258
Норов Н. Д. 169, 222, 259
Норов Павел Д. 168, 222, 258
Норов Петр Д. (Норов 1-й) 172, 178, 180, 184, 194, 212, 213, 221, 222, 258
Норов С. А. 258
Нурмекунд П. П. 452, 498

Обатнина Е. Р. 61–63, 65–66, 69, 75, 584, 766
Обе А. 512
Обнорский С. П. 99
Оболевич В. Б. 467, 512

Обольянинов Н. А. 82, 83, 85, 86, 95
Оборин Л. В. 546
Образцов В. Н. 41
Образцов Ю. Н. 457, 512
Образцова (урожд. Лотман) И. М. 449, 457, 459, 461, 468, 496, 502, 505, 512
Образцова Н. Ю. 452, 498
Овалов Л. С. 606
Овидий 512
Овсяннико-Куликовский Д. Н.
Огибенин Б. Л. 450, 496, 497
Одинцова Л. В. 584
Одоевский А. И., кн. 88
Одоевцева И. В. 561
Озаровский Ю. Э. 114
Озеров В. А. 258
Озеров Л. А. 500, 584, 606
Ознобишин М. П. 257
Ознобишин Ю. М. 161, 257
Ознобишина Е. И. 161, 163, 257
Ознобишины 161, 257
Оклянский Ю. М. 584
Оксман Ю. Г. 435, 436, 472, 479, 516, 519, 524
Окуджава Б. Ш. 449, 476, 517
Окулов А. Н. (Окулов 2-й) 171, 204, 234, 263, 272
Окулов А. П. 165, 258
Окулов М. Н. (Окулов 1-й) 174, 184, 187, 203, 204, 210, 211, 234, 263, 273
Окулов Н. П. 258
Олейников Н. 46
Олеша Ю. К. 367
Оль А. А. 28
Ольденбург С. Ф.
Онегин (Онегин-Отто) А. Ф. 84, 617
Онуфриева Л. Е. 439, 442
Оппель Н. А. 281
Опульская (Громова-Опульская) Л. Д. 519
Оранжиреева А. М. 341, 342, 343, 365
Орешин П. В. 617
Орленко А. В. 585
Орлов (наст. фам. Шапиро) В. Н. 47, 435, 436, 461–463, 469, 471, 472, 475–479, 489, 505, 515, 518, 519
Орлов В. П. 35
Орлов Н. Н. 82–84, 95
Осипов 408
Осипов И. см. *Осипович А. И.*
Осипов Н. 128
Осипович А. И. (псевд. И. Осипов) 115
Останин Б. В. 571
Останков П. А. 380, 412
Остен-Сакен Ф. В. 145, 259
Островская С. К. 326–328, 338, 343, 344, 352, 357, 362, 365–369

Островский А. Н. 428, 468, 512
Острой О. С. 92, 95
Откупщиков Ю. В. 98
Отрадин М. В. 585
Оттокар Н. П. 320, 321
Охлопков Н. П. 428, 430, 467, 512
Оцуп Над. А. 40
Оцуп Ник. А. 40

Павей (Паве) В. Д. 57, 58
Павленков Е. О. 168, 258
Павлов А. А. 156, 159, 191, 215, 222, 223, 268
Павлов И. А. 158, 257
Павлов И. Н. 81, 82, 91, 95
Павлов И. П. 412
Павлова Г. Н. 32
Павлова (урожд. Яниш) К. К. 505
Павлова Л. А. 170
Павлова М. М. 131
Павловский П. 45
Падейский С. Ф. 231, 275
Падучева Е. В. 435, 436, 449, 451, 496, 498
Пайпер М. М. 511
Палаузов С. Н. 619
Палибин Н. И. 254
Панкевич Т. 560
Панов Н. А. 135, 205, 272
Панова В. Ф. 427, 465, 510
Пановы 136
Пантелеева О. Г. 330
Пантелеевы 136
Панченко М. А. 126
Парин А. В. 585, 586
Паскевич (Паскевич-Эриванский) И. Ф., гр. 141, 199, 206, 226, 231, 234, 266, 268–272, 275, 276
Пастернак Б. Л. 330, 365, 410, 441, 455, 456, 458, 463, 481, 503, 508, 520, 571, 597
Пастернак Е. Б. 503
Паустовский К. Г. 547, 603
Пашковский Донат (наст. имя Николай) Х. 537
Паэр Ф. 220, 274
Переверзев Л. А. 476, 477, 517, 518
Переверзев Л. Б. 453, 499
Перетц В. Н. 619
Перц В. Г. 583
Пестель П. И. 276
Петкова Г. 315, 319
Петр, апостол 50–52, 54, 55, 254
Петр I, имп. 232, 233, 368, 443, 564
Петрановский В. П. 40
Петрарка Ф. (Petrarca F.) 314

Петров Д. К. 618
Петров К. А. 534
Петровский А. П. 114
Петровский М. П. 619
Петровский М. С. 586
Петровский Н. М. 619
Петропавловская К. И. 362, 368
Петропавловская (урожд. Щукина) С. Н. 41, 43
Петропавловский А. О. 41–44
Петропавловский Б. С. 368
Петропавловский В. А. (Валя) 8, 10, 35, 40–45
Петропавловский Д. А. 41, 44
Петропавловский О. А. 41–45
Петрунина Н. Н. 470, 514
Петрянов-Соколов И. В. 522
Пехтелев И. Г. 510
Пешков М. А. 362, 368, 412
Пешкова Е. П. 372, 385, 412, 616
Пешкова Н. А. 385, 412
Пилюгин А. А. 536
Пильняк (наст. фам. Voraу) Б. А. 617
Пиотровский Б. Б. 522
Пирютко Ю. М. 561
Писарев М. И. 543
Писемская А. И. 161, 257
Писемские 161
Пластов Н. А. 522
Платонов (наст. фам. Климентов) А. П. 413, 546
Плаутин М. Ф. 173, 174, 179, 182, 194, 196, 197, 207, 210, 212, 214, 217, 231, 234,
237, 239, 241, 242, 247, 248–250, 262
Плаутин Н. Ф. 150, 228, 238, 252
Плаутин П. Ф. 198, 207–209, 271, 273
Плещеев А. Н. 447, 471, 473, 494, 515
Плоткин Л. А. 478, 479, 483, 501, 518
Поварцов С. Н. 581, 586
Погодин М. П. 50–52, 54–56, 58
Погожев В. П. 533–537
Погожев П. Н. 533
Погожева (урожд. Тауберт) М. М. 536
Погожева (урожд. Юдина) Л. А. 533
Подгорный Н. В. 508
Подолинский А. И. 619
Подольский С. С. 588
Подъяпольская Е. П. 106
Пожидаев В. П. 98
Позднякова Т. С. 326, 369
Познер В. В. 614
Покатинская, врач 403
Покусаев Е. И. 456, 460–462, 502

Полевой Б. Н. 518
Полевой Н. А. 469, 513
Полежаев А. И. 618
Поливанов Л. И. 12
Поликарпова 353
Полонский (наст. фам. Гусин) В. П. 617
Полторацкий А. И. 390
Поляков М. Я. 494
Полян П. М. см. *Нерлер П. М.*
Померанцев К. Д. 617
Помпеев Ю. А. 590
Попов А. А. 35, 40
Попов В. Г. 370, 413
Попов Г. И. 467, 512
Попов Н. С. 274
Поповкин А. И. 603
Поповы 590
Попофф А. Г. (урожд. Бакланова) 548, 549, 613
Поселягин Н. В. 496, 524
Поссе К. А.
Потемкин И. А. 57
Похвиснев В. П. 204, 228, 238, 272
Прейгерзон Г. И. 35
Пригонников, врач 380, 387–389, 395–397, 400, 412
Прийма (урожд. Покусаева) Н. Е. 502
Прийма Ф. Я. 502
Пришвин М. М. 65, 76, 607
Пришвина (урожд. Лиорко, в первом браке Лебедева) В. Д. 607
Прозорова Н. А. 414, 418, 419, 422, 430, 432–434, 520, 524
Прокофьев А. А. 326, 355, 360, 367, 375, 403, 455, 501, 510, 513
Прокофьев С. С. 474, 476, 516
Пропп В. Я. 435, 436, 440, 441, 480, 481, 486, 488, 508, 512, 520, 522, 524, 616
Протасова Е. А. 518
Протасьев Н. А. 163, 175, 233, 258
Протопопов В. В. 536
Протопопов М. А. 9
Проценко Н. 556
Прутков Козьма (коллект. псевд. гр. А. К. Толстого, Ал-дра М., Ал-сея М.
и В. М. Жемчужниковых) 415
Пруцков Н. И. 469, 484, 513
Пугачев В. В. 444, 472, 492, 515, 516
Пугачев Е. И. 551
Пугачева А. В. 516
Пугачевы 472, 473
Пумпянский Л. В. 130
Пурин А. А. 586, 587
Путилов Б. Н. 616
Путинцев А. М. 619
Пучков, поручик 210

Пушкин А. С. 20, 65, 77, 80, 82, 87–89, 92, 93, 96, 125, 137, 307, 319, 322, 354, 443, 445, 447, 481, 491, 492, 502, 512–516, 519, 521, 529, 530, 541, 564, 591, 593, 608, 615
Пушкина М. А. 529
Пыляев М. И. 16, 17
Пыпина В. А. 618
Пятигорский А. М. 435, 436, 440, 450, 452, 496, 498

Рабинович Р. И. 587, 588
Равицкая Ю. С. 39
Радашкевич А. П. 613
Радин Л. П. 464, 509
Разин С. Т. 551
Разумовская С. Д. (Туся) 419
Разумовский А. Г., гр. 267
Разумовский П. К., гр. 187, 267
Райт-Ковалева Р. Я. 588, 589
Райцы см. *Рейтцы*
Рак В. Д. 516, 524
Ракитин А. А. 163
Ракитин Н. А. 156, 254, 255, 257, 258
Ракитина (в замуж. Норова) А. А. 258
Ракитина Д. А. 156, 164
Ракитина Е. В. (урожд. Бунина) 155, 161–163, 254, 257
Ракитины 154–157, 162–167, 228, 257
Рамбург 238
Ранчин А. М. 51
Расин Ж. 366
Раскольников (Ильин-Раскольников) Ф. Ф. 472, 515, 524
Распутин Г. Е. 9
Рассадин С. Б. 579
Рафаэль Санти 53, 54
Рахлина М. Л. 589
Рахманов Н. Ф. 176
Рачинская А. А. 67
Рачинский, штабс-капитан 152
Ребер Н. Р. 613
Ревзин И. И. 448, 449, 452, 454, 495, 496, 498
Ревзина (урожд. Карпинская) О. Г. 448, 495
Ревякин А. И. 512
Региня Г. А. 589
Региня Л. А. 589
Резанов В. И. 619
Резников А. 589
Реизов Б. Г. 455, 488, 501
Рейган Р. 548
Рейсер С. А. 435, 436, 439, 440, 445, 446, 461, 465, 467, 471, 475, 492, 493, 507, 513, 514
Рейсеры 461, 469, 471, 474, 479, 482, 507, 511
Рейснер Е. А. 12

Рейснер М. А. 12
Рейтц Г. В. 329, 349, 351, 352, 366–368
Рейтцы (Райцы) 349, 351, 357, 361–363
Рейфман П. С. 477, 517
Рейфманы 476, 477, 517
Ремакль А. 609
Ремизов А. М. 61–76, 584, 614, 615
Ремизова-Довгелло С. П. 63, 67, 71, 72, 75
Решетников Ф. М. 130
Репин И. Е. 354
Репина И. А. 589
Ржевская Н. 576
Ривера Д. 443, 491
Рильке Р. М. 453, 470, 500, 514, 559, 587
Римский-Корсаков Н. А. 461, 491, 505
Риттенберг Т. А. 415, 419, 431, 432
Рихтер В. Н. 343, 366
Рицци Д. 321
Робинсон Л. Н. 378, 411
Ровда К. И. 126
Ровинский Д. А. 78, 80, 81, 83–85, 94, 95
Рогов Л. Э. 23, 28, 49
Роден О. 491
Родендорф (урожд. Мартос) В. П. 539, 540
Родюкова М. В. 96
Рожалин Н. М. 51, 54
Рождественская И. С. 435, 436, 462, 482, 483, 508
Рождественская М. В. 613
Рождественский В. А. 327, 328, 342, 366, 369
Розанов Ю. В. 68, 76
Розен В. Р., бар. 280
Розен Е. Ф., бар. 56
Розенблюм А. 40
Розенталь Л. В. 72, 76
Розенталь Р. Л. 72
Розенцвейг В. Ю. 353–357, 359, 367
Рокачёв-Вёшенский И. Я. 556
Рольникайте М. Г. 589, 590
Романов А. С. 418, 433
Романов В. 563
Романов Е. Р. 618
Романова Р. М. 563, 590
Ромахин А. А. см. *Россомахин А.*
Рондьер П. 609, 610
Роом А. М. 430
Россини Дж. 464, 508
Россомахин А. (наст. имя и фам. А. А. Ромахин) 590
Ростовцев А. И. 270
Ростовцев В. И. 195, 270
Ростовцев И. И. 216, 270, 273

Ростовцев Я. И. 166, 202, 228, 229, 235, 266, 270
Ростовцевы 270
Ростопчина Е. П., гр. 618
Роткирх 151
Рубашкин А. И. 590, 591
Рубен Б. С. 370, 413
Рубинштейн А. Г. 522
Руди Т. Р. 62
Руднев В. В. 305–307, 314, 316, 318, 319
Рукавишников М. С. 71, 72
Рукавишников И. С. 63, 69–73
Рукавишникова Н. С. 72
Рукавишниковы
Русанова Е. 375, 376
Русанова (Русанова-Замысловская) Н. 375, 376, 411
Русина Г. А. см. Колесникова Г. А.
Руссо Ж. Ж. 139, 140, 288, 469, 513, 618
Рутман М. 583
Рыбаков Б. А. 99, 100, 106, 107, 522
Рылеев К. Ф. 135, 136, 185, 266
Рыленков Н. И. 501
Рэй Б. 609
Рюмшина Н. М. 462, 484, 507
Рябушинский П. П.
Рязанов Д. Б. 63, 71
Рязанова Л. А. 65, 76

Савватий см. Смирнов С. В.
Савич О. Г. 595
Сажин В. Н. 18, 46, 583, 591
Сазонов Н. Г. 277
Сакулин П. Н. 89, 91, 93, 312
Салимбене Пармский 320, 321
Салтыков К. 225
Салтыков-Щедрин М. Е. 93, 502, 543
Сальман М. 564
Самарин И. В. 534
Самарин Ф. Д. 221
Самовер Н. В. 57, 59
Самойлов В. М. 220, 274
Самойлов Д. С. 591
Самсонов А. М. 105
Сандомирский Г. Б. 617
Сапронов Т. В. 617
Сарайкин И. А. 552
Сарнов Б. М. 579, 591–594
Сарьян М. С. 594
Сахаров А. Д. 576
Сахаров Д. А. см. Сухарев Д.
Сачков В. Н. 510

Свентицкий А. 47
Светлов (наст. фам. Шейнкман) М. А. 427, 466, 511, 594
Свечинский И. 274
Свинарёва В. Н. 556
Свиридов Г. В. 522
Свирин Н. Г. 124, 125, 132
Северюхин Д. Я. 23
Сегал Д. М. 450, 453, 497, 499
Сегаль Б. Н. 412
Сегаль С. Л. 67
Селезнева О. И. 474, 475, 488, 516
Селиванов 159
Сельвинский И. Л. 444, 491, 604
Семенов А. М. 147
Семенов А. Н. 137, 138
Семенов В. Н. 136–138, 148, 149, 151, 156, 157, 160, 165, 171, 173–177, 179, 180, 182, 186–189, 193, 197–199, 201, 203–208, 210–213, 218, 222–226, 251, 266
Семенов М. Н. 135–149, 251, 252, 255, 258, 259, 262, 263, 266, 268, 273, 276, 277
Семенов Н. М. 147
Семенов Н. Н. 137–140, 144, 149–151, 154, 156–163, 165–168, 171, 173, 174, 176, 182, 183, 194, 198, 199, 202, 212–219, 221, 224, 225, 227, 228, 230, 238, 239, 241–247, 249–252, 254, 268
Семенов Н. П. 136, 154–156, 161, 165–167, 169, 174, 176, 180, 185, 190, 198, 199, 201–203, 205, 207, 211, 214, 216, 218, 220, 222, 226, 228, 232, 235, 238, 241, 242, 244, 245, 247, 249, 252, 255, 259
Семенов Н. П. 266
Семенов П. Н. 136–138, 145, 154, 155, 157–168, 242, 253, 254, 258, 259, 262, 266
Семенов-Тянь-Шанский А. П. 136, 149
Семенов-Тянь-Шанский В. П. 135, 136
Семенов-Тянь-Шанский Д. П. 64
Семенов-Тянь-Шанский М. А. 135, 148
Семенов-Тянь-Шанский П. П. 64, 135, 145–148, 253–257, 277
Семенова (урожд. Бехтеева) А. Д. 252, 259
Семенова (урожд. Бланк) А. П. 154, 253, 254, 257
Семенова (урожд. Бунина) М. П. 137, 154, 156, 157, 161, 163–166, 189, 174, 176, 185, 190, 198, 199, 201–203, 211, 214, 216, 218, 220, 222, 226, 228, 232, 238, 241, 244, 245, 247, 249, 254, 256, 257, 268
Семенова Н. В. 546, 549
Семенова Н. С. (Семенова-младшая) 220, 274
Семенова (в замуж. Милонова) П. П. 255, 259
Семенова-Тянь-Шанская Е. М. 64
Семкин А. Д. 413
Сенкевич Г. 538
Сеньобос Ш. 322, 323
Сервантес М. де 314
Сергеев А. А. 15
Серебровская Е. П. 419, 434
Серебряков П. А. 464, 509
Серман И. З. 470, 471, 475, 478, 514, 515
Серов В. А. 486, 522

Сетон-Томпсон Э. 37
Сиаampi И. 516
Сиверс А. А. 86, 89
Сидоров А. А. 81, 84, 95
Сидур В. 574
Симанский Л. А. 144, 145, 172–175, 178, 180, 183, 185, 186, 188, 192–194, 202–204, 207, 209, 210, 213, 214, 215, 217, 220, 222–225, 228–232, 234–242, 244–247, 249, 250, 262, 276, 277
Симборский А. М. 273
Симборский В. М. 208, 212, 273
Симонов Г. И. 616
Симонов К. М. 410, 423, 425, 547, 579
Симоновские 594
Симоновский Л. М. 594
Синельников И. М. 594
Синельников М. И. 570, 574, 594, 595
Синявский А. Д. 481, 500, 508, 520
Скатов Н. Н. 125, 131, 435, 436, 467, 489, 512
Скворцов Б. Н. 619
Скидан А. В. 602
Скосырев 232
Скотто Р. 462, 507
Скуратовский В. Л. 595
Сливинская М. А. 586
Слонимская И. И. (Дуся) 388, 412
Слонимские 392
Слонимский М. Л. 372, 385, 412
Слонимский С. М. 412, 588, 595
Слупский, врач 397, 401
Слуцкий Б. А. 456, 502, 595
Случевский И. Ф. 380, 412
Смехова Б. 589
Смирнов А. С. 547
Смирнов М. М. 447, 461, 494, 505
Смирнов Н. А. 512
Смирнов С. В. (Савватий) 452, 498
Смирнова (урожд. Россет) А. О. 618
Смирнова И. А. 90
Смирнова-Сазонова С. И. 536
Смолева Н. А. 616
Смоляковы 466
Снежинская Г. В. 599, 602
Снешко Ю. И. 476, 517
Собинов Л. В. 362, 368
Соймонов А. Д. 551
Соколов А. С. 613
Соколов Н. И. 460, 482, 504, 505, 512, 522, 523
Соколов О. Н. 526
Соколов Ф. В. 551
Соколов Ю. М. 509, 553

Соколова Ю. Ф. 36
Соколовская Н. Е. 564, 596, 613
Сократ 276
Сокуров А. Н. 547, 548
Солженицын А. И. 548, 549, 594
Соловьев, унтер-офицер 275
Соловьев Вл. С. 15
Соловьев Г. А. 445, 492
Соловьев Н. С. 250, 277
Сологян А. А. 536
Соломоник Э. И. 99, 106, 107
Сомов К. А. 22, 25
Соня, Соничка см. *Николаева С. А.*
Сория Ж. 610
Сорос Дж. 548
Соснора В. А. 596
Сотник Ю. В. 350, 365
Софокл 586
Софронов Г. А. 474, 475, 516
Софья Алексеевна, царевна 368
Спатис Д. 565
Сперанский М. М. 92, 177
Сперанский М. Н. 106
Спижарская Н. В. 482, 520
Спиридонов И. В. 406, 413
Ставиская Н. И. 515
Сталин (наст. фам. Джугашвили) И. В. 368, 420, 425, 435–437, 442, 458, 472, 473, 475, 483, 498, 509, 515, 520, 593, 594
Станиславский (наст. фам. Алексеев) К. С. 97, 362, 366, 368
Станкевич Н. В. 468, 512, 513
Станюкович А. К. 40
Старк В. П. 613
Старк И. М. 613
Старк Э. А. (псевд.: Зигфрид) 116, 117
Старкопф А. Г. 477, 517
Старчаков А. О. 617
Стасова Е. Д. 356, 367
Стасюлевич М. М. 538, 540, 543, 545
Стахийев А. А. 187, 267
Стацевич Е. С. 545
Стацевич Н. С. 545
Степанов Н. Л. 127
Степун Ф. А. 306, 307
Стиль А. 610
Стогов Э. 138
Столочив Л. Н. 435, 436, 451, 477, 498
Столочивичи 438
Столбцов С. А. 19
Столяров Н. М. 397, 403, 406, 412
Стоюнина (урожд. Тихменева) М. Н. 540

Стратановский С. Г. 596, 597
Страхов Н. Н. 471, 515
Стрепетова П. А. 536
Стрижкова Н. А. 415, 418, 433
Струве В. В. 101, 103, 105, 109, 492
Струве Н. А. 597
Струве П. Е. 619
Ступаков И. Р. 187, 267
Ступишин П. Н. 169, 171, 258
Суботич Д. И. 300
Суворин А. С. 536
Суворов А. В., кн. 354
Сульменев И. С. 181, 204, 266
Сумароков А. П. 355
Сунгурова (урожд. Евреинова, в первом браке Карцева) Е. Я. 170, 259
Сурков А. А. 435, 436, 441, 481, 504, 518, 520
Сухарев Д. (наст. имя и фам. Д. А. Сахаров) 597
Сухарев С. 569
Сыркин А. Я. 435, 436, 451, 498, 499
Сытин И. Д. 302
Сысоева А. В. 123
Сэридзава К. 610

Таиров А. Я. 518
Таганцев Н. С.
Тамардюн иль Молк 298
Тамарченко (урожд. Эмме) А. В. 471, 515, 562
Тамарченко Г. Е. 515
Тамарченко Д. Е. 126
Тамбимутту М. 367
Танах, царица 443
Тарасенков А. К. 571
Тарасенков С. М. 128
Тардов М. 126
Тарковский А. А. 579
Татищев А. И. 242, 262, 277
Татьяна Алексеевна см. *Николаева Т. А.*
Татьяна, Таня см. *Миллер Т. Б.*
Твардовский А. Т. 432, 441, 455, 501, 518
Тверьяк (наст. фам. Соловьев) А. А. 617
Тейге К. 610
Телетова Н. К. (наст. имя и фам. Н. И. Тоисова) 613
Теляковский В. А. 114, 122
Темненко Г. М. 514, 523
Теннисон А. 329, 361, 368
Терентьева В. 556
Тери С. 610, 611
Терпигорев Н. Н. 159, 257
Терпигорева А. М. см. *Бунина А. М.*
Терушкин Л. А. 596

Тестова Е. В. 596
Тимофеев, студент 481
Тимофеев А. Г. 508, 524
Тимофеев В. Т. 538
Тимофеев Н. В. 540, 545
Тимофеева (урожд. Стацевич) А. С. 538
Тимофеева В. 539
Тимофеева Варв. В. (псевд.: О. Починковская, Анна Стацевич и др.) 538–545
Тимофеева Вера В. 103
Тимофеева Е. В. 540, 541, 545
Тимофеева О. В. 540, 545
Тит Ливий 56, 512
Тихонов Н. С. 326, 358, 360, 368, 435, 436, 441, 455, 501, 588
Товстоногов Г. А. 429
Тойнби А. Дж. 322, 323
Токарская В. Г. 419
Толмачев, полковник 269
Толстая-Воейкова О. А. 576
Толстикова В. С. 456, 467, 502
Толстой А. К., гр. 618
Толстой А. Н. 365, 508
Толстой И. И. 101–103, 105, 106, 109, 112, 560
Толстой И. Н. 597
Толстой Л. Н., гр. 15, 92, 125, 278, 287, 288, 322, 367, 443, 445, 446, 462, 476, 492, 505, 507, 539
Толстой Н. М. гр. 204, 272
Тольятти П. 461, 506
Томашевская (урожд. Блинова, в первом браке Медведева) И. Н. 411
Томашевские 377, 411
Томашевский Б. В. 411
Томашевский Ю. В. 370, 413
Томпсон Дж. 598
Топоров В. Н. 435, 436, 440, 450, 451, 453, 454, 497, 499, 500
Торез М. 611
Тотвен Н. С. 366
Тотвен С. А. 366
Тотубалин Н. И. 486, 505, 522
Траншель А. И. 538
Трифонов Н. А. 598
Трифонов Ю. В. 584
Тронская М. Л. 514
Тронский И. М. 441, 470, 514
Трясов А. П. 24
Трясов Вас. П. 8, 10, 16, 22–26, 28, 44, 48
Трясов Вл. П. 23
Трясов Н. П. 23
Трясов П. И. 23, 24
Трясова Ан. П. 24
Трясова Анф. П. 23–25
Трясова В. П. 24

Трясова Е. В. 24
Трясова К. П. 24
Трясова М. П. 24
Трясова Н. П. 23
Тублин К. 570, 581
Тувим Ю. 562
Тукай Г. М. 465, 510
Тургенев И. С. 13, 32, 89, 92, 128, 131, 617, 619
Турков А. М. 510
Турчаков А. 562
Турчанинов Г. Ф. 103
Тынянов Ю. Н. 40, 514, 598
Тынянова Л. 40
Тыркова А. В. (псевд. А. Вергежский) 74, 75
Тютчев Ф. И. 308, 619

Уваров Ф. П. 149, 200, 245, 252, 266, 268, 271
Удом (Удам) Н. И. 262, 268, 275, 277
Узилевский А. Н. 479, 494
Уинкотт (Wincott) Л. 325–329, 343, 345, 347–351, 353–361, 366
Улановская Б. Ю. 471, 476, 477, 515
Улицкая Л. Е. 598
Ульянинский Д. В. 78, 86
Урицкий М. С. 500
Урмин И. Е. 605
Усагин А. И. 18
Усова (в замуж. Бланк) А. Г. 256
Усова Г. С. 327, 368, 369, 530
Усок И. Е. 504
Успенская (урожд. Бараева) А. В. 539
Успенская (урожд. Киселевская) С. М. 500
Успенские 451, 454
Успенский Б. А. 435, 436, 451–454, 456, 468, 489, 495, 497, 499, 500
Успенский В. А. 435, 436, 448, 451, 454, 495, 500
Успенский Г. И. 539, 542, 543
Успенский Л. В. 98–103, 105, 110
Устад Али Акбар Йезди 300
Уткин И. П. 416
Уткина Н. А. 71, 73, 76
Уханова Е. В. 112
Ухмылова Т. К. 129–131
Ушаков В. В. 88
Ушаков Н. Н. 584
Ушакова Е. Н. 87, 88

Файнберг Р. И. 432, 434, 510
Федин К. А. 370, 372, 375, 381, 406, 410, 588
Федоров А. В. 475, 517
Федоров-Курганов В. М. 543
Федотов Г. П. 307, 317

Фекель М. 607
Феокистов К. П. 516
Фет А. А. 88–90, 505, 510
Фидлер Ф. Ф. 279, 302
Физиков В. 586
Филатов К. 228
Филатов Н. И. 222, 224, 274
Философов В. В. 540
Философов Д. В. 67, 73, 75, 79
Философовы 73
Фильд Дж. 221, 274
Флит А. М. 417
Фонвизин Д. И. 141, 157, 593
Форнарина 53, 54
Франкфурт Т. Г. 465, 471, 515
Франсис У. 549
Фредерикс В. Б., гр. 537
Фрезинский Б. Я. 558–587, 589–604, 613
Фрейд З. 334
Фрейденберг О. М. 518
Френкель А. 572
Фрид Я. Б. 547, 607
Фридлендер Г. М. 473, 514, 616
Фридлендеры 470
Фридман Ю. Я. 546, 549
Фридман Я. М. 546
Фридрих Вильгельм III 275
Фридрихс А. Э. 619
Фроман М. А. 598
Фурманов Д. А. 127
Фурсенко А. А. 598, 599

Хавкина Ж. О. 591, 600
Хаджи Мирза Мухаммад Таки 300
Хаджи Мухаммад Риза Исфাহани 280, 302
Хаджи Сеид Али Язди 294, 295
Хаким С. Т. 510
Халик А. 472, 516
Ханыков П. И. 252
Ханыков П. П. 150, 151, 163, 252
Ханыкова А. П. 252
Ханыковы 150, 160, 252
Харевич Л. В. 125, 131
Харитонов В. Г. 498
Харламов 186, 218, 220, 223, 227, 229
Хармс (наст. фам. Ювачев) Д. И. 46
Хассел Г. 300
Хафнер С. 599
Хвилицкая М. И. 403
Хейфиц И. Е. 420, 547–549

Хеллман Б. 13
Хильда см. *Иофан-Штрум* Х. А.
Хирен З. А. 607
Хмельницкая Т. Ю. 327, 470, 514
Ходюк А. Г. 508
Холмская З. В. 537
Холодовская М. З. 81, 95
Холшевников В. Е. 439, 459, 460, 463, 473, 482, 483, 504
Хомерики В. 574
Хомизури Г. П. 35
Хомский П. О. 429
Хомяков А. С. 88, 318, 319, 321, 503
Хосров, араб 294
Хоцкий 249
Храповицкий П. А. 173, 175, 184, 222, 263
Христенко, гардемарин 333, 334, 336, 339
Христиансен Б. 317
Хрулева Р. П. 566–568, 599
Хрущев Н. С. 410, 419, 425, 435–437, 473–475, 479, 491, 506, 507, 516, 518, 521
Худяков И. А. 466, 511
Хуциев М. М. 547

Щаплин И. П. 479, 519
Щаплина (урожд. Смолякова) М. С. 466, 479, 511, 519
Щарёва Л. 556
Щаренкова (Фроман) Е. М. 583, 598
Щарькова Т. С. 125, 131, 412, 548
Щветаева В. И. 480, 520
Щветаева М. И. 480, 495, 520, 559, 571, 572, 577, 584, 594
Щветкова Н. В. 51
Щехновицер О. В. 127, 132
Щивьян (урожд. Михайлова) Т. В. 435, 436, 449, 451, 453, 496, 497, 499
Щурикова Г. М. 461, 505
Щявловский М. А. 84, 89

Чайковский П. И. 461, 474, 507, 536
Чайковский Р. Р. 513
Чалова Л. А. 386
Чарыков В. И. 619
Чеботарева Т. 313
Чегодаев А. Д. 83, 95
Чейгин П. Н. 613
Челищев А. С. 269
Черашняя Д. И. 613
Черешня В. С. 499
Чернов И. А. (Игорь) 435, 436, 449, 450, 451, 453, 454, 496, 497
Черноглазов А. Г. 196, 203, 204, 207, 272, 274
Черноиванова Л. 556
Черномордик Ф. 507
Чернышев В. Б. 613

Чернышев В. И. 552
Чернышев З. Г. 551
Чернышевский Н. Г. 26, 445, 619
Чернявская 339
Чернявский А. Г. 339
Черняков Б. В. 599
Черняховский М. И. 38
Чертков Л. И. 582
Черубина де Габриак (наст. имя и фам. Е. И. Дмитриева) 599
Чехов А. П. 428, 606
Чижова Е. С. 599, 600
Чистов К. В. 551
Чичибабин Б. А. 573, 600
Чуб В. 556
Чудакова М. О. 598, 600
Чудинов В. А. 110–112
Чуковская Е. Ц. 591, 600
Чуковская Л. К. 587, 591, 600
Чуковский К. И. 30, 65, 372, 410, 412
Чуковский Н. К. 459, 503, 504, 614
Чулков Г. И. 619

Шабельская Г. А. 470, 514
Шабунин В. С. 480, 520
Шагинян М. С. 377, 385, 404
Шадр И. Д. 368
Шаламов В. Т. 574
Шалит Ш. 601
Шаляпин П. Ф. 614
Шамборант В. И. 158, 163, 256
Шамес С. 507
Шапиро М. Г. 356, 367
Шапорин Ю. А. 614
Шарлотта Вюртембергская см. *Елена Павловна, вел. кн.*
Шаталов А. 562
Шатуновский М. А. 574
Шаховской, кн. 211
Шванвич Д. Н. 184, 212, 214, 216, 252
Шванвич С. Н. 150, 200, 271
Шварц Е. Л. 371, 372, 418, 427
Шварц М. Н. 307
Шверин 232
Шевченко Т. Г. 487, 511
Шевырев С. П. 50–60
Шевырева Е. С. 55
Шевырева С. Б. 57–59
Шейнманн Б. С. 35, 40
Шейнманн Г. Ю. 36
Шейнман(н) (урожд. Равицкая) Л. Э. 36, 38, 39
Шейнманн М. 36

Шейнман(н) М. В. (М.) 36–39
Шейнманн (урожд. Греймер) Р. 36
Шейнман(н) С. М. 8–10, 21, 35, 36, 38–40, 45
Шейнман(н) Ю. (Г.) М. 21, 22, 36–40
Шекспир У. 314, 463, 478, 512
Шелепина В. П. 586
Шелов Д. Б. 106, 109, 110
Шеншин В. Н. 156, 161, 254
Шеповальников Н. П. 41
Шерешевская М. А. 569
Шернваль Л. Р.
Шерон Ж. 613
Шестов Л. И.
Шефнер В. С. 601
Шилина О. Ю. 411
Шиллер Ф. 53, 54, 59, 60, 349, 430
Шилов Ф. Г. 79
Шипов А. П. 221, 274
Ширвиндт (по мужу Тотвен) Н. С. 344, 366
Ширман Е. М. 463, 508
Широков В. А. 601
Ширяева П. Г. 551, 616
Шифферс Е. Л. 430
Шишкин А. Б. 51, 59
Шишова З. К. 356, 367
Шкловский В. Б. 40, 445, 446, 492, 514
Шлиффен А. фон 367
Шляев Б. А. 98, 101
Шмелев И. С. 559
Шмидт С. О. 565
Шнеерсон Ш.-Д.-Б. 602
Шнейдер (в замуж. Задыхина) К. Н. 343, 366
Шолохов М. А. 462, 507, 556
Шопен Ф. 440, 485
Шостакович Д. Д. 420, 464, 476, 509, 614
Шпенглер О. 307, 323
Шполянская А. 114
Шруба М. 303, 306, 314, 319, 324
Штакельберг О. Е. 175, 176, 180, 181, 185, 186, 194, 195, 201, 212, 213, 235, 236,
263
Штейбельт Д. Г. 274
Штейн А. П. 423, 424, 428–430, 434
Штейн Б. С. 601
Штемлер И. П. 601
Штерн М. М. 507
Штраух М. М. 512
Штрум Е. Л. 485, 522
Штрум Л. Я. 522
Шубина (урожд. Полякова) Е. Д. 564, 599
Шульгат А. 598

Шумский С. В. 537
Шурангиз 298
Шуров И. В. 585

Щеглов Ю. М. 601
Щеголев П. Е. 61–73, 75, 76, 89, 614
Щедрин А. Ф. 573
Щедрин С. Ф. 573
Щербаков С. А. 368
Щербатов А. П., кн. 269
Щербачева Н. А. 586
Щербинский В. Ф. 246, 277

Эвентов И. С. 126, 459, 504
Эгерс Ф. 270
Эзоп 575
Эйдус Д. 566
Эйдус Л. 566
Эйнбаум Ф. К. 607
Эйфель А. Г. 443, 491
Эйхенбаум Б. М. 125, 126
Эльвова В. А. 563
Эльяшевич Д. А. 563
Элюар П. 565
Эмина В. Н. 273
Энгельбрехт А. Ю. 8, 10, 16, 17, 22, 26, 27, 28, 44
Энгельбрехт (урожд. Коммесон) М. Е. 26
Энгельбрехт Ю. Т. 26
Энгельгардт А. 40
Эпштейн Е. М. 99
Эрдниева Г. 556
Эренбург И. Г. 38, 558, 560, 563–565, 569, 572, 574, 577, 579–582, 584, 593–595, 597, 599, 601–612
Эренбург (урожд. Козинцова) Л. М. 605, 606, 610, 611
Эссен А. К. (Эссен 2-й) 187, 210, 211, 243, 267
Эссен А. П. (Эссен 1-й) 187, 210, 243, 267
Эссен П. К. 210, 211, 267
Эсслемент Дж. Э. 300, 302
Эткинд Е. Г. 369, 494, 524, 527
Эткинд М. Е. 613
Эфрос Е. М. 575
Эфрос Н. С. см. *Катерли Н. С.*

Юдин Ф. М. 174, 176, 188, 194, 196, 209, 230, 234–235, 238, 241, 245, 247, 263
Юдицкий А. Д. 509
Юнггрен М. 602
Юнгер Е. В. 476, 479, 517
Юниверг Л. 575
Юновская Е. Э. 126, 127, 131

Юргевич В. Н. 107
Юрьева О. Ю. 613

Яблоньская (урожд. Сороко) В. И. 13
Яблоньский А. Р. 13
Яблоньский Р. С. Д. А. 13
Языков Д. С. 266
Языков И. А. 179, 184, 191, 193, 207, 214, 215, 217, 220, 227, 229, 243, 265
Якобсон Р. О. 62, 76
Якубовский А. Ю. 17, 34, 46
Якубовский И. Я. 619
Ямпольский И. Г. 456, 457, 461, 466, 470, 475, 483, 493, 501
Яновские 150, 219, 222, 225, 232, 233, 235–237, 243, 252
Янковский М. О. 494
Яновский Н. М. 180, 181, 183, 184, 192, 210, 221, 224, 226–231, 234, 237, 243, 252, 276
Ярневский И. З. 568
Ярыгин А. Т. 38
Яснов (наст. фам. Гурвич) М. Д. 564, 570, 602, 603
Яценко Л. А. 601
Яша см. *Билинкис Я. С.*
Яшин Б. В. 547

‘Abdu’l-Bahá см. *Абдул-Беха*
Adler G. 317, 318
Allain L. см. *Аллен Л.*
Aragon L. 603

Báb см. *Баб*
Bacqué J.-L. 604
Bahá’u’lláh см. *Беха-Улла*
Bekker P. 316, 317
Besseler H. 318
Blok A. см. *Блок А. А.*
Bobrowski E. см. *Бобровский Э.*
Boulier J. см. *Булье Ж.*
Brinkmann A. E. 317, 318
Bücken E. 318
Burger F. 317, 318

Christiansen B. см. *Христиансен Б.*
Chevaillier M. D. 317
Cohn M. 317
Combarieu J. 315, 316
Cornelius F. 322, 323

D’Olivades, comte de Pilo 257
Dalos L. см. *Далос Л.*
Daw G. 218, 274
Demoustier C. A. 219, 274

Desanti D. см. *Дэсанти Д.*
Destouches P. N. 211, 273
Duclos C. P. 225, 244–246, 275
Duhamel G. 603

Ehrenburg I. см. *Эренбург И. Г.*
Einstein A. 315, 316, 608

Febvre L. 322, 323

Gasperowicz W. 57, 58
Gide A. 603
Graham L. см. *Грэхэм Л. Р.*
Grinevskaya I. A. см. *Гринеvская И. А.*
Guerra R. см. *Герра Р.*

Hansen A. 604
Hanslick E. 316, 317
Harari M. 603

Iwaszkiewicz J. 604

Jarrett-Kerr M. 321
Juin H. см. *Жюэн Ю.*

Kantor J. M. см. *Кантор Ж. М.*
Kazou, Mme 610
Klein W. 604
Kline E. см. *Клайн Э.*

Levinson-Lessing V. F. 513
Livak L. 321

Malraux A. 603
Martin Ch. N. см. *Мартен Ш. Н.*
Matip B. см. *Матип Б.*
Mauriac F. 603
Mirza Alakbar Mammadkhanli (Mírzá 'Alí-Akbar-i-Nakhjavání) см. *Мамедхан-
лы А. А.*
Morand P. 603
Morgan Th. см. *Морган Т.*
M'Uzan M. de *М'Узан М. де*

Oswald P. J. 607

Pierhal A. 610
Popoff A. G. см. *Попофф А. Г.*

Randall J. H. 322, 323
Remacle A. см. *Ремакль А.*

Rey B. см. *Рэй Б.*
Romains J. 603
Rondière P. см. *Рондьер П.*

Sander M. 602
Schmücker A. 312
Selvinsky I. см. *Сельвинский И. Л.*
Serizawa K. см. *Сэридзава К.*
Shrayer M. D. 604
Smirnov I. P. 560
Soria G. см. *Сориа Ж.*
Steinitz W. 602
Stil A. см. *Стиль А.*

Tabor P. 604
Teige K. см. *Тейге К.*
Teroni S. 604
Téry S. см. *Тери С.*
Thorez M. см. *Торез М.*
Tolstoi Andre 604
Tolstoy Lev N. см. *Толстой Л. Н.*
Triolet E. 603

Unamuno M. de 603

Varnalis C. см. *Варналис К.*
Volkonskaja Z. см. *Волконская З. А., кн.*

Weber A. 322, 323
Wurmser A. см. *Вюрмсер А.*

Zarzycka-Bérard E. 604, 605

СОДЕРЖАНИЕ

I. СТАТЬИ. СООБЩЕНИЯ

Валиева Ю. М. Журнал «Лентовець» и его авторы. Стихотворения Леонида Липавского.....	7
Березкина С. В. Комментарии к стихам С. П. Шевырева по его письмам к М. П. Погодину	50
Обатнина Е. Р. Обезьяний царь, П. Е. Щеголев и архивно-музейное дело РСФСР (из материалов собрания М. С. Лесмана).....	61
Агамалян Л. Г. Материалы В. Я. Адарюкова в Рукописном отделе и Литературном музее ИРЛИ.....	77
Родюкова М. В. К вопросу об основах древнерусской письменности (по материалам архива Н. А. Константинова)	96
Денисенко С. В. Материалы к спектаклю «Красный кабачок» (1911) Ю. Д. Беляева — Вс. Э. Мейерхольда — А. Я. Головина — М. А. Кузмина.....	113
Сысоева А. В. Научная база оборонной литературы: пушкинодомский вклад в журнал «Залп»	123

II. ПУБЛИКАЦИИ

Дневник М. Н. Семенова (<i>Вступительная статья, подготовка текста и комментарии А. Ю. Заднепровской и М. А. Семенова-Тян- Шанского</i>)	135
И. А. Гриневская. Путешествие в Края Солнца (о виденном, слышанном и испытанном) (Продолжение) (<i>Вступительная статья, подготовка текста и комментарии Е. А. Митник</i>)	278
Переписка П. М. Бицилли и В. В. Вейдле (<i>Вступительная статья, подготовка текста и комментарии Манфреда Шрубы</i>)	303
Т. Г. Гнедич. Дневниковые записи 1944 г. (<i>Вступительная статья, подготовка текста и комментарии Е. В. Виноградовой</i>)	325
Зощенко Вера Владимировна. О болезни и литературной работе <М. М. Зощенко>. Часть 6 (1957—1958) (<i>Вступительная статья, подготовка текста и комментарии Т. М. Вахитовой</i>) ...	370
Два письма Ольги Берггольц к Юрию Герману (<i>Вступительная статья, подготовка текста и комментарии Н. А. Прозоровой</i>).....	414
Б. Ф. Егоров. Дневник за август — начало декабря 1964 года (<i>Вступительная статья, подготовка текста и комментарии А. П. Дмитриева</i>)	435
Шуточные стихотворения о собаке в рабочих тетрадах Т. Г. Гнедич (<i>Публикация Е. В. Виноградовой</i>).....	525

III. ИНФОРМАЦИЯ

Аксененко Е. М. Материалы В. П. Погожева в собрании М. С. Лесмана. Фонд 840. Опись 36	533
Кощиченко И. В. Варвара Васильевна Тимофеева. Фонд 425	538

<i>Семенова Н. В.</i> Григорий Яковлевич Бакланов. Фонд 767.....	546
<i>Нагорная Я. В.</i> Александра Николаевна Лозанова. Р. V, фонд 18.....	550
<i>Нагорная Я. В.</i> Коллекция Романа Робертовича Гельгардта. Р. v, коллекция 291.....	553
<i>Нагорная Я. В.</i> Коллекция Калмыцкого государственного университета. Р. v, коллекция 292	556
<i>Лаврова Н. Н., Колесова Н. Н.</i> Книги из собрания Б. Я. Фрезинского и автографы на книгах, подаренных И. Г. Эренбургу, от которых остались лишь титульные листы и форзацы.....	558
<i>Кошценко И. В.</i> Обзор архивных материалов XIX–XXI вв., поступивших в Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН в 2018 г.	613
Указатель имен.....	620

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации,
причиняющей вред их здоровью и развитию»,
книга предназначена для детей старше 16 лет

Утверждено к печати Ученым советом
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
4 февраля 2021 г., протокол № 1

Научное издание

**ЕЖЕГОДНИК
РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА ПУШКИНСКОГО ДОМА
НА 2021 ГОД**

Ответственный редактор *Т. С. Царькова*

Выпускающий редактор: *А. П. Дмитриев*

Корректор: *Ю. А. Курбатова*

Верстка: *С. В. Степанов*

Формат 60 × 90 ¹/₁₆. Гарнитура Остava.

Печ. л. 43,0. Тираж 1000 экз. Зак. №

ООО «Издательство «Росток»

E-mail: rostokbooks@yandex.ru

URL: <http://www.rostokbooks.ru>

По вопросам оптовых закупок

обращаться по тел.: 8–921–937–98–70

ИП «Варваркин А. И.»

199155, Санкт-Петербург, ул. Уральская, д. 17, корп. 3, оф. 4